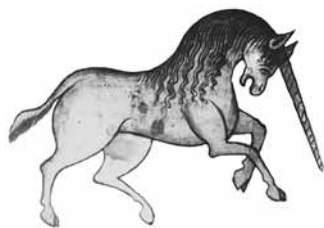

МЕЖ ДВУХ ВОССТАНИЙ КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ и РОССИЯ В 30–50-Е ГОДЫ XIX В.

Институт славяноведения РАН

МЕЖ ДВУХ ВОССТАНИЙ.
КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ
И РОССИЯ
В 30–50-Е ГОДЫ XIX В.

Москва «ИНДРИК» 2016

Издание осуществлено при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 15-01-16509

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С.М. Фалькович

Рецензенты:
доцент *С.А. Чернов*
кандидат исторических наук *К.А. Кочегаров*

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / [Отв. ред. С.М. Фалькович]; Институт славяноведения РАН. — 776 с. — М.: «Индрик», 2016.

ISBN 978-5-91674-369-2

В подготовленном коллективном труде впервые в российской историографии рассматривается в целом комплекс проблем, оказавших существенное влияние на взаимоотношения России и Королевства Польского в 30–50-е гг. XIX в. в рамках Российской империи. Значение названного периода определяется польскими восстаниями 1830 и 1863 гг., ставшими его рубежами как по существу, так и хронологически. В центре внимания авторов – перемены в политическом строе Королевства Польского после поражения восстания 1830–1831 гг., польская политика царизма и реакция на нее польского общества, возникновение и развитие освободительного движения в Королевстве Польском и попытки национальных выступлений. Комплекс проблем, исследованных в монографии, включает в себя также вопросы социально-экономического развития Королевства Польского и национальной культуры польского народа. Исследование многогранных российско-польских политических, общественных и культурных связей позволило авторам создать картину внутренней жизни Королевства Польского и показать как роль «польского вопроса» в XIX в. на международной арене с учетом позиции европейских держав и общественного мнения Запада, так и общественно-политическое значение польской «великой эмиграции» и ее различных течений в борьбе за освобождение родины, а также роль польского эмигрантского сообщества в развитии политических и идейных связей с революционным движением в Европе и России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (С.М. Фалькович, Б.В. Носов)	9
---	---

Глава 1. Подавление восстания 1830–1831 гг. и установление режима чрезвычайного управления (Б.В. Носов)	15
--	----

Европейский революционный кризис 1830 г. Ноябрьское восстание в Варшаве и формирование повстанческих властей. Реакция Петербурга на восстание в Варшаве. Детронизация Николая I. Начало военных действий. Гроховское сражение. От Грохова до Остроленки. Восстание на Волыни, в Подолии и в Литве. Польское наступление против русского гвардейского корпуса и сражение при Остроленке. Государственно-правовой статус восставшего Королевства Польского и система повстанческих властей летом 1831 г. Крестьянский вопрос и внутренняя политика Королевства Польского. Повстанческий тыл летом 1831 г. Новый план Николая I по подавлению Польского восстания. Наступление Паскевича. Варшава накануне штурма. Кризис в повстанческом лагере и установление диктатуры Круковецкого. Штурм Варшавы и капитуляция повстанческих властей

Глава 2. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича (Б.В. Носов)	89
---	----

Капитуляция повстанцев и репрессии царского правительства. Политика умиротворения. Органический статут. Особый уголовный суд над участниками Ноябрьского восстания.

Внутреннее и внешнее положение Королевства Польского во время наместничества Паскевича. Основные меры властей в области финансового и хозяйственного управления. Полицейское ведомство. Реформа местного управления. Учреждение варшавских департаментов Сената. Начало реформы законодательства Королевства Польского. Церковная политика. Политика властей Королевства в области народного просвещения; польского дворянства; в «крестьянском вопросе»

Глава 3. Экономическое развитие Королевства Польского и Российской империи в 30–50-х гг. XIX в.

(Л.П. Марней) 199

Сельское хозяйство. Промышленность: текстильная, хлопчатобумажная, льняная и пеньковая, производство шелковых тканей, горнодобывающая, черная и цветная металлургия, машиностроение, химическая, свеклосахарная, кожевенное производство; таможенная и тарифная политика; объединения промышленников и предпринимателей. Финансы и финансовая политика: доходы казны Королевства Польского и Российской империи; лотерея; кредит и банки; биржа. Развитие транспорта и средств связи: пути сообщения; железнодорожный транспорт; почта; телеграфное сообщение. Внутренняя и внешняя торговля. Страхование. Специальное и профессионально-техническое образование

Глава 4. Патриотическое общественное движение в Королевстве Польском в 1830-х – начале 1860-х гг.

(Г.В. Макарова) 271

Попытки возобновления вооруженной борьбы после восстания 1830–1831 гг. Экспедиция Юзефа Заливского. Шимон Конарский и его деятельность по расширению сети Содружества польского народа. Варшавское тайное общество «свентокишижцев». Общественная жизнь и патриотические организации в конце 1830-х – начале 1840-х гг. Ксёндз Петр Сцеженный и его Крестьянский союз. «Организация 1848 года» в Королевстве Польском и революционное движение «Весна народов» в европейских странах. Крымская война и либерализация политического курса имперского правительства. Позиция Александра II в отношении Королевства Польского.

Размежевание патриотических сил в начале 1860-х гг. Манифестационный период. Нарастание общественной напряженности перед восстанием 1863 г.

Глава 5. Польский вопрос в международной политике

1830-х – начала 1860-х гг.

(О.С. Каишанова) 383

Восстание 1830–1831 гг. и позиция великих держав. Польский вопрос в европейской политике 1830-х –1840-х гг. «Весна народов» и планы возрождения Польши. Польский вопрос в международных отношениях в 1850-х – начале 1860-х гг. Восстание 1863–1864 гг. и дипломатические акции европейских кабинетов

Глава 6. Польская «Великая эмиграция»

1831 – начала 1860-х гг.

(С.М. Фалькович) 461

Идейно-политическая и организационная борьба различных течений польской эмиграции в первые годы после восстания 1830–1831 гг. Попытки эмиграции организовать революционные выступления в Польше и участие в европейских революционных событиях первой половины 1830-х гг. Деятельность Польского национального комитета и «Молодая Польша». Рождение Великого манифеста Польского демократического общества. Возникновение социалистического течения; Громада Люда Польского. Борьба вокруг формирования Объединения польской эмиграции. Революционные связи Польского демократического общества с Польшей (конец 1830-х – начало 1840-х гг.). Участие польских эмигрантов в революционной борьбе 1846 и 1848–1849 гг. в Польше и Европе. Осмысление уроков революционных событий 1840-х гг. различными течениями польской эмиграции. Раскол ПДО после Крымской войны. Возникновение Революционной Громады Лондон. Позиции революционно-демократического, либерального и консервативного лагерей польской эмиграции в преддверии восстания в Королевстве Польском (конец 1850-х – начало 1860-х гг.). Участие польской демократической эмиграции в подготовке Январского восстания 1863 г. и раскольнические действия Метрославского

Глава 7. Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском в 30-х – начале 60-х гг. XIX в. (О.С. Каишанова)	603
---	-----

Организация высшего и среднего образования, развитие науки и просвещения. Философская мысль. Литературная жизнь и драматургия. Театральное искусство и музыкальное творчество. Новые направления в развитии изобразительных искусств и архитектуры

Глава 8. Накануне Январского восстания (1856–1862 гг.) (Б.В. Носов)	655
--	-----

Кризис крепостничества в Российской империи 1840–1850-х гг. Весна 1856 г. Александр II в Варшаве. Консерваторы и либералы в Петербурге и в Варшаве. Земледельческое общество. Варшавская буржуазия. Первые проявления политической активности. Подготовка проекта крестьянской реформы в Королевстве Польском. Обострение противоречий между великими державами и активизация политических сил в Королевстве Польском. Первые политические демонстрации и оппозиционные декларации. От дня 27 февраля – до 2 марта 1861 г. Новый правительственный блок. Программа реформ Александра Велёпольского. Велёпольский во главе правительства. Осуществление программы реформ государственного управления. Кризис власти в Варшаве. Колебания в Петербурге. Наместничество великого князя Константина Николаевича и оформление правительственного блока либералов и «просвещенной» бюрократии. Революционный лагерь накануне восстания. «Подпольное государство». Начало восстания

Заключение (С.М. Фалькович)	735
--	-----

Приложение Органический статут Царства Польского	741
---	-----

Указатель имен	752
-----------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография стала продолжением вышедшего несколько лет тому назад труда «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830»*. Нынешняя книга, как и ее предшественница, выпущена в рамках осуществляемого в Институте славяноведения РАН исследовательского проекта «Польша и Россия в XIX веке».

В настоящее время вопросы истории формирования наций и их взаимодействия в рамках многонациональных государств и цивилизаций приобретают особую актуальность. Вместе с тем, не менее значительный и тесно связанный с ними круг проблем встает перед исследователями в связи с изучением исторического развития народов и их государственности. Он включает в себя проблемы централизации, конституционализма, автономии, взаимоотношения политических и национальных центров с окраинами и периферийными регионами, разграничения функций и полномочий центральных и местных властных структур и их взаимодействия с социальными слоями и группами, что синтетически находит выражение в формировании общественных движений, их идеологических и политических направлений.

В очерченном круге вопросов одной из фундаментальных является проблема национального развития народа в условиях отсутствия национального государства, расчленения национальной территории, национального и политического гнета со стороны чужеземной власти. Она важна для осознания вариативности исторического процесса, выявления специфики развития отдельных народов, прежде всего в Европе, где границы национальных

* Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830 / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2010.

территорий неоднократно перекраивались, где происходило смешение народов и переплетение тенденций и процессов их исторического развития. Результаты этого сказываются и сегодня. От понимания общих закономерностей и исторического своеобразия развития народов и становления наций во многом зависит направление современной политики, будущее народов и их взаимоотношения.

В истории русского и польского народов XIX столетию принадлежит особое место, поскольку оно образовало целую эпоху, когда одна из важнейших частей исторических польских земель вследствие разделов Польши была включена в состав Российской империи. Во многом это обусловило наиболее тесные общественные и культурные связи между народами России и Польши, что, в частности, нашло выражение и в общем для обеих стран освободительном движении и отразилось в лозунге «За нашу и вашу свободу!». Драматическими страницами нашей общей истории стали польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. Они привлекали к себе первоочередное внимание как польских, так и российских историков. Но не менее важно исследовать генезис потрясших Польшу и Россию восстаний польского народа, проследить нарастание революционной волны, выявить причины и факторы развития революционного процесса – социальные, политические, идеологические.

К решению этих задач обратился коллектив ученых – специалистов по истории России и Польши, а также русско-польских отношений, поставив целью изучить не только историю подпольной освободительной борьбы (конспиративной деятельности) поляков, которая привлекала к себе преимущественное внимание исследователей, но, прежде всего, показать происходившие в 30–50-х годах XIX века в России и Польше процессы в экономической и социальной сферах, эволюцию властных и общественных институтов и методов осуществления государственной власти, обрисовать политическую обстановку в империи и в Королевстве Польском, проанализировать изменения в общественном сознании, представить основные направления развития идеологии и культуры.

Авторы стремились рассмотреть эти процессы в комплексе, проследить их внутреннюю взаимосвязь и нарисовать целостный образ эпохи. Это позволило бы представить объективную характеристику общественной системы самодержавия и крепостничества, вскрыть истоки и направления политики царских властей, выявить и исследовать кризисы польской политики царизма. Вместе с тем предстояло рассмотреть историю конспиративной революционной деятельности в Королевстве Польском и ее связь с конспирацией в других землях разделенной Речи Посполитой, охарактеризовать польское патриотическое движение в целом, проследить наличие в нем как революционной тенденции, так и консервативного направления, развивавшегося в рамках концепции «национальной солидарности».

Общая история России и Польши XIX в., тесно связана с определением роли польского вопроса в международной политике, с анализом места освободительной борьбы польского народа в событиях, происходивших в это время в Европе и России. В то же время возникала необходимость дать оценку значения, какое общеевропейские и российские процессы имели для развития польского освободительного движения и роста национального самосознания польского народа. Вставал также вопрос об анализе такого феномена, как польская политическая эмиграция, во всем многообразии форм ее борьбы и политической деятельности. Нужно было представить историю ее отдельных течений, осветив борьбу между ними, ее международные связи, и оценить влияние, которое она оказывала на события, происходившие как в самой Польше, так и в Европе в целом. В комплекс исследовательских задач авторов входило также изучить развитие польской культуры в 30–50-е годы XIX века в различных ее областях и проявлениях, вскрыть влиявшие на нее факторы, определить ее место в общеевропейском культурном процессе. Необходимо было также показать связи польской и русской культуры в изучаемый период, их роль и значение для русско-польского сближения. Итогом должна была стать оценка взаимоотношений народов России и Польши в период между восстаниями 1830 и 1863 гг.

Исследование опиралось на привлеченный авторским коллективом огромный материал историографии, преимущественно польской. В российской исторической науке специальных работ, посвященных комплексному освещению этого периода, нет, но исследовались отдельные проблемы. Авторы использовали также значительный материал исторических источников как опубликованных, так и архивных: официальные издания, законодательные акты, статистику, документы идеологического характера – манифесты, воззвания, открытые письма, речи и обращения, аналитические записки, корреспонденцию, сообщения прессы, агентурные донесения и прочее. Весь этот разнообразный материал лег в основу настоящего коллективного труда, который, как надеются его создатели, даст возможность глубже осмыслить значение периода 30–50-х годов XIX века в истории русского и польского народов и в свете его оценки лучше понять отношения России и Польши в настоящее время и тенденции их развития*.

Центральной проблемой общественно-политического развития России и Королевства Польского XIX в. был крестьянский вопрос. Формальное

* В книге даты в основном приводятся по новому стилю. В случае, если применена датировка по старому стилю, то дается соответствующее примечание (ст. ст.). Если в тексте присутствует датировка по юлианскому и григорианскому календарю, то в начале помещена дата по старому стилю, а далее – в скобках – по новому стилю.

освобождение крестьян в Княжестве Варшавском в 1807 г. не устранило по существу крепостнических отношений в польской деревне. В этом смысле существовавшее до эпохи реформ 1860-х гг. социально-политическое и сословное устройство Польши было практически идентичным системе, существовавшей в Российской империи, где крестьянский вопрос и задача уничтожения крепостничества заключали в себе основное противоречие эпохи. Таким образом, консервация крепостнических отношений составляла основу союза господствующих сословий и правящих кругов России и Королевства Польского в первой половине XIX в.

Правда, в политическом отношении, особенно после подавления восстания 1830–1831 гг., царское правительство, охраняя имущественные и сословные интересы польской землевладельческой шляхты, с одной стороны, не доверяло польскому дворянству, а также связанным с ним городским верхам и разночинной интеллигенции, с другой – не допускало поляков даже к минимальному участию в управлении страной. На это указывал, в частности, Стефан Кеневич, отмечавший, что режим наместника И.Ф. Паскевича в Королевстве Польском «основывался на устранении общества от какого бы то ни было участия во власти. Имущим классам он обеспечивал личную безопасность и свободу эксплуатации трудящихся масс, немногочисленному слою высших чиновников и финансистов – широкое поле для извлечения доходов, законных и незаконных. Склонную к бунту Варшаву он держал в страхе со стен Александровской цитадели, для вольнодумцев из интеллигенции в той же цитадели в его распоряжении был Десятый павильон, а для усмирения крестьянства он имел в резерве казацкие нагайки»*. Эти особенности политической жизни Королевства Польского в 1830–1850-х гг. дали основание польской историографии, вслед за оппозиционной и эмигрантской публицистикой, утверждать, что никакой социальной опоры у царских властей в Королевстве Польском не было, за исключением крайне узкой прослойки высшего чиновничества.

Под влиянием эпохи «Весны народов» и европейского освободительного движения 1850-х гг., развивавшегося под национальными лозунгами в духе «права народов», польское освободительное движение также восприняло «национальную идеологию», за которой для большинства польских дворянских революционеров скрывалась «народность» в ее традиционном еще со времен Речи Посполитой шляхетском понимании. Выдвигая национальные лозунги, они надеялись поднять на борьбу во имя восстановления шляхетской государственности крестьянство и демократические слои горожан. Вместе с тем польские дворянские революционеры в своей программе польской независимости ограничивались главным образом политическими требованиями, характерными для дворянской

* *Kieniewicz Stefan. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. S. 11–12.*

революционности, оставаясь в рамках сословных интересов. Шляхетское землевладельческое сословие, рассматривая себя как «вольный народ», стремилось освободиться от оков царской власти и восстановить шляхетское государство в форме полной независимости или «отделенности» от Российской империи в виде династической унии с Романовыми в духе Конституции 1815 г. О том, что требования независимости носили шляхетский характер, свидетельствовало нежелание революционного лагеря поступиться шляхетскими правами и привилегиями, а также лозунг восстановления Польско-Литовского государства в границах 1772 г., то есть шляхетской Речи Посполитой до ее первого раздела.

Тем не менее, за все тридцатилетие царствования Николая I и за период со времени подавления восстания 1830–1831 гг. ни серьезных политических выступлений польской шляхты на территории Российской империи, включая Королевство Польское, ни значительных проявлений оппозиционных настроений не наблюдалось. Разумеется, в известной мере это объяснялось состоянием потенциала сопротивления, подорванного вследствие подавления восстания, военных потерь 1831 г., репрессий в отношении повстанцев, массовой эмиграции наиболее политически активных представителей шляхты и интеллигенции. Однако это не отменяет того факта, что землевладельческая шляхта Королевства Польского и других земель бывшей Речи Посполитой составляла социальную опору правительства, как петербургских верхов, так и администрации царского наместника И.Ф. Паскевича.

В связи с этим возникает вопрос – почему относительная политическая стабильность в Королевстве Польском в николаевское царствование после Ноябрьского восстания 1830 г. сменилась кризисом конца 1850-х гг.? Этот вопрос указывает еще на одну весьма существенную параллель в развитии России и Королевства Польского. Казалось бы, несокрушимый в течение тридцатилетия 1825–1855 гг. политический режим Российской империи Николая I, выдержавший натиск революционных бурь, налетавших с европейского запада, хотя и пораженный страхом «новой пугачевщины», однако державший в оковах крестьянские массы, сумевший разгромить революционные организации и подавить всякое оппозиционное движение внутри страны и практически повсеместно внедрить в общественное сознание России идеологию официальной народности и панславизма, оказался в конце 1850-х годов в состоянии политического кризиса, выход из которого русское правительство и российское дворянство стали искать на пути глубоких социально-политических реформ, в первую очередь посредством отмены крепостного права.

Катализатором обострения всех противоречий в Российской империи стало поражение царизма в Крымской войне 1853–1856 гг., и даже не сами по себе неутешительные итоги Крымской кампании и падение

героически оборонявшегося Севастополя. Решающую роль в развертывании потрясшего империю кризиса сыграло то, что ранее было невозможно и представить, а именно, понимание господствующим дворянским сословием и правящими кругами, что военная машина страны, составлявшая фундамент военно-политической мощи царизма в первой половине XIX в., не в состоянии выполнить возложенные на нее задачи охраны стабильности крепостнической социально-политической системы Российской империи. Сложившаяся в стране на рубеже 1850–1860-х гг. революционная ситуация в полной мере, если не в решающей степени, распространилась и на Королевство Польское, став прологом к Январскому восстанию 1863 г. в Польше.

ГЛАВА 1

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ 1830–1831 ГГ. И УСТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ

1. ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС 1830 Г.

Начало польскому восстанию и повстанческой войне 1830–1831 гг. было положено в Варшаве 29 ноября 1830 г., когда члены тайного общества во главе с Л. Набеляком напали на Бельведерский дворец – резиденцию вел. князя Константина. Однако истоки польского восстания восходили к событиям, произошедшим значительно ранее знаменитой варшавской «Ноябрьской ночи». В первую очередь они были связаны с революционным кризисом в Европе, который до основания потряс политическую систему Реставрации и неабсолютизма 1815–1830 гг., установленную на континенте после Венского конгресса. Революционные события во Франции и Бельгии вызвали брожение в Германии. Власти некоторых германских государств вынуждены были пойти на некоторые реформы конституционного устройства, отступив от принципов Реставрации. Народные волнения прокатились по Италии, захватив и Папскую область.

Июльский переворот во Франции и революция в Бельгии расценивались Николаем I как *casus belli*, дававший, по мнению царя, все основания для нового «крестового похода» против революции в духе принципов Священного союза. Более того, в России началась подготовка армии к походу в Европу. Однако русское правительство откладывало начало интервенции. Причины этого состояли, во-первых, в явной недостаточности собственных сил, в некомплекте в войсках, в отдаленности от театра военных действий баз обеспечения и в растянутости коммуникаций. Во-вторых, Николай I столкнулся с явным нежеланием союзников (Австрии и Пруссии) действовать совместно с Россией. Наконец, царь осознал, что народы Европы не поддержат интервенцию и русской армии придется действовать в обстановке как скрытой, так и явной враждебности населения. Последнего обстоятельства Константин

Павлович коснулся в письме Николаю. По его словам, прежде, «чтобы сокрушить тиранию Бонапарта, тяготевшую над континентом, мы повсюду пользовались содействием народных масс, и не предвидели, что рано или поздно то же оружие могут повернуть против нас самих». В связи с планами направить польскую армию против революционной Франции Константин добавил, что в Польше «до сих пор у нас все спокойно <...> поляки докажут вам свою верность <...> и уничтожат всякое сомнение на этот счет»¹. По поводу положения в Королевстве Польском царь отвечал брату 17 (29) августа 1830 г.: «Мнение, которое вы высказываете относительно поляков, как раз то самое, которого я считаю себя вправе держаться в отношении их, что же касается моего доверия к этой прекрасной и храброй армии, оно всецело и полно, и я ни на одно мгновение не сомневаюсь в ней»².

О настроениях в Петербурге по отношению к Польше в 1830 г., накануне Ноябрьского восстания, свидетельствуют «Записки» А.Х. Бенкендорфа, отвечавшего как шеф жандармов и начальник Третьего отделения за безопасность империи и за борьбу с революционным движением. Он был одним из наиболее доверенных царских приближенных. «Записки» Бенкендорф писал в 1840-е годы, незадолго до смерти, вероятно, пользуясь своими дневниками или журналами, так как в «Записках» упомянуты многие конкретные детали событий и точные даты. После смерти графа в 1844 г. Николай I читал их, оставив на полях уточнения и комментарии. Изложение событий, связанных с Польшей в годы, предшествовавшие восстанию, были оставлены царем без замечаний, то есть данное Бенкендорфом описание не встретило возражения императора.

Весной 1830 г. Николай I приезжал в Варшаву на открытие Сейма. Сопровождавший его шеф Третьего отделения писал: «Вообще в Царстве ничего не изменилось, кроме разве того, что были еще недовольнее самовластием цесаревича. Всякая надежда поляков на перемену к лучшему исчезла. Даже многие из русских, окружавших цесаревича, приходили доверять мне свои жалобы и общий ропот. Я держался осторожно в отношении этих откровений; но они были так единодушны и так искренни, что невольно пробудили во мне чувство сострадания к полякам, а еще более к трудному и жестокому положению государя. Цесаревич в личном обращении своем с ним всегда представлялся почтительным и покорным подданным; но в сношениях с министрами и даже в разговорах со своими приближенными он несколько не таил постоянной оппозиции. Малейшее противоречие причиняло ему досаду <...>. Можно было тогда же предугадать близость реакции и мятежа, если бы жалобы скрывались в тайне; но они высказывались совершенно явно.

На государя все смотрели как на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояние края служило важным противовесом тем неприятностям и унижениям, от которых терпели отдельные личности, а не нация. В этом отношении даже самые раздраженные из числа

недовольных отдавали справедливость правительству. Прибытие государя, императрицы, множества иностранцев и нунциев утишили ропот, по крайней мере по внешности, и Варшава приняла блестящий и очень оживленный вид. <...> 16 (28) мая государь велел открыть сейм со строгим соблюдением всех форм, определенных конституцией. Цесаревич, заседа в камере нунциев в качестве депутата от Пражского предместья, привез с собой туда и меня посмотреть на эту “нелепую шутку”, как он громко называл сейм, к крайнему неудовольствию поляков. <...> Государь открыл собрание речью, заслужившей общее одобрение. Все любовались величественной его осанкой и звонким голосом и казались исполненными самой ревностной к нему привязанности»³.

Приводит Бенкендорф и речь Николая I на открытии Сейма, которую царь, обращаясь к послам и депутатам, закончил словами: «Представители польского народа, выполняя во всем объеме 45-ю статью Конституционной хартии, я дал вам залог моих намерений. Теперь ваше дело упрочить творение восстановителя вашего отечества, пользуясь с умеренностью и благоразумием правами, которые он даровал вам»⁴.

Эти слова были сказаны царем еще до июльских событий во Франции. Если судить по «Запискам» Бенкендорфа, то, с точки зрения русских правящих кругов, ничто не предвещало грядущего польского восстания. Это же мнение мы встречаем и в переписке Константина Павловича и Николая I в августе 1830 г., когда революция в Париже уже разразилась.

Июльский переворот во Франции и особенно сентябрьская революция в Бельгии крайне встревожили Николая. При этом если в Париже власти соблюли видимость законности и сурово подавили движение тамошних «якобинцев», что позволило царю скрепя сердце признать Луи Филиппа, то в Бельгии дело дошло до гражданской войны и вооруженного свержения законного монарха, что было для Николая неприемлемо ни по принципиальным идеологическим соображениям, ни с точки зрения реальной политики, так как ниспровергало здание абсолютистской Реставрации, которое российский император считал своим долгом охранять и в котором была воплощена европейская гегемония России. Неприемлема была для него и позиция главных его союзников в Берлине и в Вене.

Свои мысли об этом царь изложил в политическом сочинении, озаглавленном «Исповедь» («*Ma confession*»)»⁵. Царь писал его, не предназначенная для посторонних глаз, лично для себя, чтобы осмыслить в нем собственное видение ситуации, изложив свои соображения на бумаге. Он упрекал европейских политиков в недалековидности и беспринципности, однако сам же рассудил «оставить в стороне вопрос о честности» и рассмотреть «выгоды». «Выгодно ли для нас, – задавался вопросом Николай, – согласиться на этот новый акт беззакония? Работать вместе для разрушения нашего собственного дела – значит ли это поддерживать старый союз, когда две державы действуют в прямо противоположном

направлении тому, что составляло сущность союза? Существует ли он еще, когда Пруссия дает понять, что даже в случае французского нашествия на Австрию она окажет последней лишь одну нравственную поддержку? <...> Разве это союз, созданный нашим бессмертным императором? Сохраним этот священный огонь неприкосновенным и не оскверним безмолвным одобрением незаконных и гнусных действий держав, стремящихся к союзу с нами только тогда, когда они хотят превратить нас в сообщников подобных деяний, сохраним, повторяю, священный огонь для торжественного мгновения, которого никакая человеческая сила не может ни избежать, ни отдалить, – мгновения, когда должна разразиться борьба между справедливостью и силами ада. Это мгновение близко, подготовимся к нему, мы – знамя, вокруг которого в силу необходимости и для собственного спасения вторично сплотятся те, которые трепещут в настоящее время»⁶.

Таким образом, перед русским правительством вставали две взаимосвязанные задачи: осуществить подготовку военной интервенции на Западе и добиться участия в ней союзников, среди которых наибольшие колебания проявляла Пруссия. Она традиционно рассматривала Францию как противовес влиянию Австрии и России в Германии и в Европе в целом, что, по мнению Берлина, давало возможность слабейшей среди великих держав – монархии Гогенцоллернов – лавировать между старшими партнерами.

Главную роль в решении обеих задач царь возложил на фельдмаршала И.И. Дибича. Тот участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в зарубежных походах, сопровождал Александра I на конгрессы Священного союза и в других поездках, присутствовал при кончине царя в Таганроге. За победы в войне с Турцией 1828–1829 гг. он был удостоен титула графа Забалканского⁷. Дибич был высококлассным штабным генералом и хорошим стратегом, однако его опыт непосредственного руководства войсками ограничивался боевыми действиями на Кавказе и на Балканах, где Дибичу противостояли вооруженные силы, бывшие по всем параметрам существенно ниже уровня русской армии. Тем не менее, и по чину и по заслугам, он был, несомненно, первым среди русских военачальников того времени и пользовался полным доверием императора. Дибич решительно высказывался за поход на Запад и видел себя покорителем Парижа. Именно на него царь намеревался возложить эту миссию.

В августе 1830 г. Николай I направил Дибича в Берлин для переговоров с прусским королем о согласовании совместных действий. Поскольку русское командование отводило в составе сил вторжения польской армии роль авангарда, Дибич информировал о ходе переговоров с Пруссией вел. князя Константина, о том, что Берлин не намерен участвовать в интервенции, по крайней мере начинать войну первым. В связи с этим фельдмаршал, отвечая на вопрос цесаревича, писал, что мобилизация

польских войск может быть отложена по крайней мере еще на месяц ввиду их близости к предполагаемому театру военных действий. Из ответа Дибича видно, что он, зная позицию Пруссии, даже вопреки своим собственным воинственным настроениям и наперекор недвусмысленному требованию царя, высказался о малой вероятности общего выступления держав Священного союза против Франции⁸.

Царь требовал решительного и положительного ответа от Пруссии, однако он убедился, что пруссаки тянут время. Об этом Николай писал Дибичу 1 (13) ноября 1830 г.: «Хочу, по крайней мере, чтобы вы знали <...>, что 10 (22) декабря мы можем выступить с корпусами 1-м, 2-м и Литовским, с польскими войсками, с гренадерами и резервной кавалерией; а дабы устранить всякое сомнение в том, что мною твердо и бесповоротно решено, я приказал все это обнародовать в газетах»⁹. До начала польского восстания оставалось чуть более двух недель.

Образованное польское общество было хорошо информировано о событиях в Европе. В Королевство Польское в 1830 г. регулярно и без опоздания доставлялись французские, английские и немецкие газеты, в публике получали известия, почерпнутые из частной переписки поляков с зарубежными корреспондентами, в том числе распространялись и конфиденциальные сведения из иностранных правительственных кругов. Доходили до общественности и слухи из Бельведера от окружения вел. князя Константина. Поэтому в Варшаве было хорошо известно о планах царя отправить польские войска на подавление революции во Франции, о том, что интервенция Священного союза не нашла поддержки ни в Пруссии, ни в Австрии, ни среди других государств, что, благодаря поддержке Франции, победила революция в Бельгии, что на Лондонской конференции великих держав царское правительство вынуждено было отступить, отказавшись от планов вторжения в Западную Европу, а выступление польской армии в поход откладывается на неопределенное время, а возможно, и отменено окончательно.

Патриотические тайные общества полагали, что международная обстановка благоприятствует планам польского освободительного движения, что оно сможет опереться на поддержку революционного движения в Западной Европе, что великие державы, в первую очередь Франция, желая свергнуть российскую гегемонию в европейских делах, будут содействовать восстановлению независимой Польши. Первоначально среди молодых польских офицеров-заговорщиков вынашивались планы в случае отправки польской армии на войну с Францией перейти на сторону французов, увлекая за собой и других солдат и офицеров, а в дальнейшем в ходе революционной войны на стороне Франции и ее союзников завоевать свободу для Польши. Когда же стало ясно, что поход польской армии на запад отменяется, патриоты-заговорщики решили поднять восстание в стране. Так общеевропейский революционный кризис распространился и на востоке Европы, достигнув западных пределов Российской империи.

2. НОЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВАРШАВЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ

В 7 часов вечера 29 ноября 1830 г. заговорщики и присоединившиеся к ним подхорунжие (всего 14, по некоторым свидетельствам – 15 человек) напали на Бельведерский дворец – резиденцию вел. князя Константина. Они намеревались убить цесаревича, однако покушение на великого князя окончилось неудачей, Константину удалось покинуть дворец и найти защиту у сохранивших ему верность польских войск, гвардии и российского Вольнского полка. Не добившись своей цели, заговорщики покинули дворец и присоединились к принимавшим участие в подготовке восстания слушателям Школы подхорунжих. Восставшие направились к Арсеналу, по пути к ним присоединялись жители Варшавы, главным образом городская беднота из районов Старого города и Повислья. Одновременно свои силы собирали и сторонники Константина, они концентрировались вокруг Вольнского полка. Большая часть польских войск в ситуации хаоса сохраняла нейтралитет.

Поздним вечером восставшие, поддержанные массой простого народа, заняли Арсенал и захватили оружие. С этого времени и до утра сохранялась неясная ситуация: верные Константину войска располагались на севере Варшавы и на юге города; нейтральные части стояли в районе Саксонской площади, Сада Красиньских и Банковской площади; центр города и Повислье были заняты восставшими. До утра никто не предпринимал активных действий, полагаясь главным образом на агитацию своих сторонников среди населения столицы и колеблющихся воинских частей. К 8 часам утра город находился практически в руках повстанцев.

Важной особенностью «Ноябрьской ночи», как и последовавших за ней событий восстания, стало активное участие демократических слоев горожан, городской бедноты, рабочих, ремесленников, мелкой буржуазии Варшавы. Восстание, задуманное заговорщиками как «военная революция», сразу приобрело массовый характер. Только благодаря народной поддержке повстанцам удалось захватить Арсенал и вооружить народ. Именно народ проявил себя наиболее активно в борьбе с воинскими частями, в том числе и польскими, противостоявшими повстанцам. В значительной мере он способствовал успеху восстания, даже в тех случаях, когда оставался его немым свидетелем.

Участие в выступлении народных масс свидетельствовало о том, что восстание нельзя рассматривать как военный мятеж, «военную революцию» или военный переворот. О его народном характере свидетельствовала и расправа восставших над рядом представителей правящего режима. В связи с этим в польской историографии высказывается мнение, что «Ноябрьская ночь» стала не только трагичным национальным восстанием, но и кровавым братоубийственным конфликтом. Больше ударов на-

носили друг другу поляки, нежели поляки и россияне. От польской руки приняли смерть на улицах Варшавы шесть генералов (М. Гауке, И. Блумер, С. Потоцкий, С. Трембицкий, Т. Семянтковский, Ю. Новицкий) и многие офицеры»¹⁰.

Некоторые из современников – свидетелей восстания были удивлены поведением вел. князя Константина, который не предпринял ничего, чтобы подавить движение в самом начале. В распоряжении главнокомандующего были верные войска, прежде всего артиллерия и кавалерия, а также гвардия; был опыт применения артиллерии в городах для подавления народных выступлений, которую использовали Наполеон и дважды Николай I при подавлении восстания декабристов. В ноябрьские дни 1830 г. в Варшаве Константин Павлович, опираясь на верные войска, имел все средства, чтобы перейти в наступление против плохо организованных повстанцев и задушить движение в зародыше. Однако цесаревич не сделал этого, несмотря на соответствующие призывы Ф.К. Любецкого. Вероятно, великий князь был подавлен морально и скован в своих действиях многолетним опытом жизни среди поляков, которым верил, и поэтому не решился развернуть сражение с применением конницы и артиллерии в городе, от чего неизбежно пострадали бы многие невинные люди. По мнению польских историков, Константин сознавал также, что решительное подавление восстания (вместо успокоения ситуации без широкого применения военной силы), во-первых, потребовало бы одобрения Николая I и, во-вторых, привело бы в итоге к ликвидации польской армии и уничтожению государственно-политического статуса «отдельности» Королевства Польского от империи. Дабы избежать этого, Константин хотел, чтобы сами поляки «успокоили» бы восстание по возможности полицейскими и политическими средствами. В итоге, простояв ночь во главе верных войск в Варшаве, цесаревич наутро вывел их из города и остановился неподалеку в местечке Вежно¹¹.

Руководители заговорщиков Высоцкий, Заливский и Урбаньский не попытались возглавить восстание, они не сформировали ни единого военного командования восставших, ни повстанческого правительства. Власть в этих условиях оказалась в руках улицы. Инициаторы восстания ничего не довели до конца. Среди предводителей восставших царяла вера в «старших в народе». И именно со стороны последних были предприняты попытки удержать власть и сохранить контроль над положением в столице.

Наиболее активные действия для этого предпринял Ф.К. Любецкий, который собрал уже в первом часу ночи 30 ноября Административный совет с приглашением на заседание А.Е. Чарторьского, Л. Паца и Ю.У. Немцевича, а также «предводителей народа, доказавших свой патриотизм». Рано утром, когда на улицах стал собираться вооруженный народ, по городу развесили Манифест Административного совета от имени Николая I. В нем события прошедшей ночи были названы смутой

и провозглашался призыв к умеренности и единству. С криками «измена» народ срывал манифесты, на улицах утверждали, что восстание совершили не аристократы, а Высоцкий и Заливский с подхорунжими и 4-й пехотный полк Войска Польского.

Ряд представителей польских верхов высказались за то, чтобы расширить состав Административного совета, включив в него представителей «исторических родов». Они надеялись таким образом создать видимость обновления власти и удовлетворения требований восставших, чтобы постепенно успокоить волнения в столице и провести переговоры с царем о «почетной капитуляции».

Чтобы сохранить контроль над войсками, Административный совет предложил должность командующего армией популярному генералу Ю. Хлопицкому, который 5 декабря был провозглашен диктатором. Власти надеялись, что тот подавит восстание силами воинских частей из провинции. Однако оказалось, что 1–3 декабря расквартированные в воеводствах войска стали на сторону повстанцев. Вечером 1 декабря в здании варшавской ратуши сторонниками П. Высоцкого было образовано Патриотическое общество.

Деятели Административного совета и генералитет польской армии понимали, что, только возглавив восстание, они смогут сохранить за собой руководство войсками и политическое влияние в столице. Вместе с тем они сознавали, что собственные силы Королевства Польского явно недостаточны для противостояния с Российской империей, и поэтому искали путь к компромиссу с царскими властями или же способ почетной капитуляции. С этой целью через посредников были начаты переговоры с вел. князем Константином, инициаторами которых стали Хлопицкий и Любецкий.

Переговоры в Вежно обеспокоили вождей восстания и послов Сейма из либерального лагеря. Последние стали добиваться согласия Административного совета на созыв Сейма и требовали принудить цесаревича покинуть Польшу. Радикалы из повстанческого лагеря опасались сговора своих умеренных оппонентов с царскими властями, а либералы надеялись, что отъезд Константина из Польши и созыв Сейма откроют путь к умиротворению и к примирению с властями. Усилиями и тех и других из Административного совета были удалены выступавшие за переговоры с великим князем К. Коссецкий, М. Фредро, Ю. Раутенштраух. На их место в правительство были включены Л. Дембовский, И. Лелевель, Г. Малаховский и В. Островский. Они вместе с Чарторыским, Хлопицким, Любецким, М. Кохановским и М. Радзивиллом образовали Президиум Административного совета, названный официально Исполнительным отделом. Как писал М. Мохнацкий, «Административный совет хотел одновременно быть и открытым и закрытым: закрытым в старом составе, назначенном королем, и открытым в новом составе из лиц, пользовавшихся поддержкой движения»¹².

События развивались стремительно. 3 декабря 1830 г., четвертый день восстания, во многом стал для него поворотным. Вслед за известием о переходе на сторону восставших размещенных в провинции войск в столицу пришло сообщение, что Константин намерен уехать в Россию. С его отъездом Хлопицкий стал фактически командующим польской армией. С этого времени начинается первый период его диктатуры как главы повстанческих властей Королевства Польского.

В повстанческом лагере стали выкристаллизовываться политические течения, возникли и представлявшие их клубы. Правительство с опаской смотрело на Патриотическое общество, против которого агитировала и Академическая гвардия во главе с К.А. Ширмой, а также возникший новый Гражданский клуб во главе с молодым аристократом А. Велёпольским. За плечами противников Патриотического общества стоял Любецкий. 10 декабря по поручению диктатора Хлопицкого Любецкий направился в Петербург в сопровождении посла Сейма Я. Езерского. В российскую столицу был командирован и курьер Т. Вылежиньский. Они должны были выяснить возможности примирения с царем.

История первых дней Ноябрьского восстания в Варшаве имеет немало общих черт с революционными событиями 1830 г. во Франции и в Бельгии. Революционные потрясения в Западной Европе и в Королевстве Польском были проявлением единого общеевропейского революционного процесса, который берет начало в эпоху Великой французской революции и находит еще большее выражение в период революций 1848–1849 гг. Без осознания этого единства было бы невозможно объяснить формирование революционного движения в пределах Российской империи и на востоке Европы в целом. Однако наряду с общими чертами событий 1830 г. на Западе и в Польше между ними наблюдались и существенные различия. И к западу от Рейна, и на берегах Вислы решающую роль в развитии движения сыграли буржуазная демократия и мелкобуржуазные слои населения столиц, а также городские низы, придавшие ему массовость и решительность. И в том и в другом случае войска присоединились к восставшему народу. Восстаниям предшествовал заговор тайных обществ, действия которых были поддержаны в первую очередь городскими низами столиц и студенческой молодежью. Однако если на западе Европы восстание стало следствием нарастания массовой активности граждан, то в Королевстве Польском восстанию предшествовал заговор офицеров, а сигналом к нему послужил акт так наз. «военной революции», характерной для дворянского этапа освободительного движения. Дворянский характер Польского восстания 1830–1831 гг. все более определенно стал проявляться по мере развития событий. Однако, в отличие от Франции и Бельгии, руководство восстанием и сформированные повстанческие власти остались в руках шляхты, что свидетельствовало о дворянском характере революционного движения в Королевстве Польском. Дворянский

характер «Польской революции» подтвердил и собравшийся в январе 1831 г. Сейм, шляхетский как по своему конституционному статусу, так и по принципам комплектования, сенаторы, послы и депутаты которого были представлены в нем в соответствии с Конституцией 1815 г.

3. РЕАКЦИЯ ПЕТЕРБУРГА НА ВОССТАНИЕ В ВАРШАВЕ

О революционных событиях в Королевстве Польском за его границами стало известно сначала 3 декабря в Берлине, где в то время находился И.И. Дибич. Он понимал, что в этих условиях о совместном походе на запад не может быть и речи, поэтому, покинув Пруссию, направился на родину. В это время в российской столице еще не было известно о восстании. Первое подробное донесение о нем было получено императором только на десятый день после его начала.

Ответом на тревожные известия из Варшавы стали воцарившаяся в военных и чиновничьих кругах российской столицы атмосфера экзальтированной верноподданности, желание покарать мятежников и убеждение, что сделано это будет в ближайшее время и без особого напряжения сил. Николай I немедленно приказал сосредоточить Литовский корпус под командованием Г.В. Розена в Бресте и в Белостоке и вести войска против мятежников прямо на Варшаву, если не будет особого повеления от цесаревича. 28 ноября (10 декабря) это намерение было отчасти изменено, так как сначала было решено сосредоточить достаточное число войск, чтобы в дальнейшем действовать против повстанцев. Царь говорил уже о 100-тысячной армии.

Направившись из восставшей польской столицы в Россию, Константин, по достижении русской границы, писал Николаю из Влодавы 1 (13) декабря 1830 г. о варшавских событиях: «Офицеры, генералы, равно как и солдаты, не могли удержаться, чтобы не последовать за общим движением, будучи увлечены молодежью и подпрапорщиками, которые всех сбили с толку. Одним словом, положение дел самое скверное. <...> Все мои средства надзора ни к чему не привели, несмотря на то, что все начинало раскрываться <...> Вот мы, русские, у границы <...> но в каком положении, почти босиком; все вышли как бы на тревогу, в надежде вернуться в казармы, а вместо сего совершили ужасные переходы»¹³.

5 (17) декабря обнаружено было воззвание Николая I «К войскам и народу Царства Польского», а 12 (24) декабря – манифест, в котором выражалась готовность к примирению со всеми, «кои возвратятся к долгу». Лицемерие этих актов, вполне соответствовавшее николаевскому режиму в целом, только подчеркивалось тем обстоятельством, что еще 1 (13) декабря развернулась подготовка к военному вторжению в Польшу. В Петербурге не собирались ожидать примирительных шагов со стороны

повстанцев. 8 (20) декабря Николай писал Константину: «Если один из двух народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновение <...> Мое положение тяжкое, моя ответственность ужасна, но моя совесть ни в чем не упрекает меня в отношении поляков»¹⁴.

В середине декабря в Петербурге стало известно о поездке к царю делегатов польских властей Ф.К. Любецкого и Я. Езерского. Статус их, с точки зрения царского правительства, был весьма двусмысленным. Представляли они Административный совет, Временное повстанческое правительство или диктатора Хлопицкого? Царь, чтобы формально исключить прием какой-либо депутации от мятежников, принял Любецкого и Езерского по отдельности – первого как шефа Финансовой комиссии и члена Административного совета, второго как простого путешественника. Николай описал их приезд в письме Константину 19 (31) декабря. «Как только я был извещен о приезде Любецкого и Езерского, я отдал приказание не позволять им подойти ближе Нарвы и через Грабовского* велел уведомить их, что если они являются в качестве депутатов правительства или власти, которых я не могу признать, то они не могут быть допущены ко мне, ни даже оставаться здесь. На это Любецкий от имени их обоих написал ответ, который я приказал напечатать в газетах, <...> что он является в качестве члена моего правительства для того, чтобы представить отчет о происшедшем, что г. Езерский сопутствует ему <...> Я собрал у себя Михаила, Волконского, Толстого, Нессельроде и Грабовского (которым я как нельзя более доволен) и призвал Любецкого одного <...> после полуторачасового разговора я отпустил его. В тот же вечер я велел сказать через Бенкендорфа Езерскому – путешественнику – что я буду иметь удовольствие видеть его у себя <...> Как только он вошел в комнату, он бросился передо мною на колени, рыдая, как ребенок <...> он повторил мне почти все то, что я уже знал от вас, Гауке и Любецкого. Все, что он высказал, было проникнуто самым лучшим духом». Поскольку встреча с Езерским состоялась 14 декабря, царь напомнил ему об уроках восстания декабристов и продолжал, что найдет способ «не только простить, но также дать [польским] войскам случай очистить себя в своих собственных глазах». На этом, по словам Николая, они расстались, «очень довольные друг другом»¹⁵. Из «Записок» Бенкендорфа следует, что два дня спустя Езерский, «весь возбужденный», явился к нему со словами: «Я нашел верное средство устроить все». – «Что такое?» – «Пусть император скажет: поляки! Я недоволен вами! Вы обеспечили себя, но я предлагаю вам средство поправить все: сейчас же двиньтесь на Галицию и Познань – я даю вам их». – Бенкендорф «вытаращил глаза от удивления и спросил его, не сошел ли он с ума. – “Почему?” – было его ответом». Тогда шеф жандармов перечислил Езерскому все, «что за-

* Стефан Грабовский – министр – государственный секретарь Королевства Польского.

ключалось в подобной мысли безрассудного, и очарование исчезло; он согласился со всем. Одним словом, – констатировал Бенкендорф, – они все более или менее страдают рассудком. Я не умею объяснить это иначе»¹⁶.

Однако в декабре 1830 г. в Петербурге уже определенно не надеялись на успокоение Королевства Польского его внутренними силами, на то, что восстание будет подавлено руками самих поляков. 1 (13) декабря Дибич, по возвращении из Берлина, был назначен командующим действующей армией. Вторым указом ему были подчинены объявленные на военном положении Гродненская, Виленская, Минская, Подольская, Волынская губернии и Белостокская область. 28 декабря (9 января) 1831 г. Дибич находился уже в Гродно. Он покидал Петербург с тяжелым чувством, сказав перед отъездом шурина – барону Тизенгаузену, что «непонятная тягость подавляет мой дух <...> что этот поход будет последним в моей жизни <...> я предвижу, что кинжал измены или яд злодея прекратит дни мои, потому что война против крамолы, против фанатизма и отчаяния, восторженного ослепления освящает каждое средство, чтобы избавиться от врага <...> я рассчитываю эти затруднения в большем размере, чем я их оценивал в разговорах, и потому я должен действовать быстро, без малейшей потери времени, чтобы лишить бунтовщиков возможности сосредоточиться и развить все свои средства к защите и нападениям». Фельдмаршал говорил также о неподготовленности кампании, об отсутствии резервов и продовольствия, об интригах «завистников» и «легиона неприятелей в тылу»¹⁷.

1830 год выглядел в глазах царского правительства угрожающе: революции в Западной Европе, восстание в Польше происходили в то самое время, когда внутри страны поднималось крестьянское движение.росло число крестьянских волнений и холерных бунтов, а среди крепостных крестьян ходили слухи о якобы подготавливаемой властями крестьянской реформе. Об озабоченности правительства свидетельствовал адресованный губернаторам секретный циркуляр управляющего министерством внутренних дел Ф.И. Энгеля от 22 декабря (3 января 1831 г.) о распространяемых в губерниях «неблагоденными или, вероятно, глупыми людьми слухах о переходе крестьян из владения помещиков в казну». Такие толки требовали внимания властей, так как их распространение также и в местах, пораженных холерой, грозило крестьянскими волнениями и возмущением. Такая озабоченность присутствовала в Министерстве внутренних дел и ранее, что видно из циркуляра министра А.А. Закревского от 4 (16) мая 1830 г.¹⁸

По словам Н.К. Шильдера, официального биографа Николая I, «наступил 1831-й год, – год страшного расчета между Россией и Польшей, наложивший свою роковую печать на правительственные мероприятия последовавшего затем целого двадцатилетия»¹⁹. Царь писал вел. князю Константину 3 (15) января: «Кто из двух должен погибнуть, – так как, по-

видимому, погибнуть необходимо, – Россия или Польша? Я исчерпал все возможные средства, чтобы предотвратить подобное несчастье, средства, совместимые только с честью и моей совестью, эти средства исчерпаны, по крайней мере, ничто не может заставить меня поверить, чтобы их хотели там; что же мне остается делать?» Царь по-прежнему даже в переписке с братом лицемерно демонстрировал благородство монарха, подчинившегося воле Провидения. На деле же была провозглашена цель уничтожения польской государственности даже в том ограниченном виде унии Королевства Польского с империей Романовых, в каком она существовала на основе Конституции 1815 г. Сознал это и Константин, когда еще до получения приведенного письма от брата писал ему из Бжестовицы 1 (13) января, поздравляя его с Новым Годом и выражая верноподданнические чувства. При этом, по его словам, он не мог, «не осмелившись еще раз, [не] поручить вашему милосердию заблудший народ, члены которого не все виновны, а виновны именно те, которые вывели его на путь преступления и всевозможного разврата. Пощада для них, дорогой и несравненный брат, и снисхождение для всех – это мольба брата, имевшего несчастье из послушания посвятить лучшую часть своей жизни на образование войск, к сожалению, обративших свое оружие против своей родной страны. Моя общественная роль кончена, после всего того, что случилось со мной в последнее время». Помимо традиционного для великого князя заступничества за поляков, в письме прозвучало и горькое признание, что польское восстание означало одновременно конец политической карьеры Константина как государственного деятеля.

4. Детронизация Николая I

В январе 1831 г., когда армия Дибича готовилась к вторжению в Королевство Польское, в Варшаве завершилось формирование системы повстанческих властей, пришедшей на смену стихийной демократии первых дней восстания. Не желая осложнить возможные переговоры с Николаем, Хлопицкий ничего не предпринимал для укрепления армии. Опасаясь осложнений в отношениях с Австрией и Пруссией, диктатор отказался от формирования добровольческих отрядов из числа поляков, прибывших в Королевство из Кракова и Галиции.

К 18 декабря в Варшаву съехались сенаторы, послы и депутаты Сейма, открыв в тот же день по решению Посольской Избы его заседания, вопреки первоначальному плану, по которому сессию должен был открыть 21 декабря Хлопицкий. В его отсутствие, уже 20 декабря, Сейм принял постановление о диктатуре, согласно которому учреждалась специальная Депутация Сейма, призванная контролировать действия диктатора. Политика Хлопицкого во время второй диктатуры не претерпела особых из-

менений. Им были подготовлены планы предстоящей военной кампании, однако генерал по-прежнему строил все расчеты в надежде на соглашение с царем и с соседними державами. Он инспирировал интриги против своих соперников в правящих кругах, в частности против Лубенских, и предпринял атаки на членов Патриотического общества, которые 5 января 1831 г. основали газету «Новая Польша», вставшую в оппозицию к диктатуре. По приказу Хлопицкого 11 января Общество было запрещено, а его вожди – К. Брониковский, Ю.Б. Островский и И. Лелевель – арестованы. Под давлением протестов в Сейме и варшавского студенчества арестованные были освобождены. Хлопицкий попытался склонить ситуацию в свою пользу, запретил издание газеты «Дзенник Национальной гвардии» и распорядился подготовить декрет о введении цензуры. Однако авторитет диктатуры был подорван.

В первой половине января в Варшаву возвратились эмиссары Вылежиньский и Езерский. Любецкий остался в Петербурге. Стало очевидно, что переговоры с Николаем I не оправдали надежд генералитета и правящих кругов Королевства, что следует ожидать вторжения в Польшу русских войск. Хлопицкий заявил, что не видит возможности противостоять силам русской армии. В ответ после острой дискуссии Делегация Сейма принимает постановление о сложении им полномочий диктатора. На следующий день после падения диктатуры возобновило деятельность Патриотическое общество, а его председателем был избран Лелевель.

Сейм установил новую систему органов государственной власти. 24 января была учреждена должность главнокомандующего с широкими полномочиями, им был назначен Михал Радзивилл, а Хлопицкий стал его советником. 29 января было принято постановление о формировании правительства Национального Совета. Возглавил совет председатель А.Е. Чарторыйский. В правительство вошли сторонник князя С. Барзыковский, послы Сейма от Калишского воеводства (калишане) Т. Моравский и В. Немоёвский, а также И. Лелевель, представлявший в Сейме левые демократические круги.

Главным актом нового правительства стало принятое Сеймом по инициативе Патриотического общества постановление о «детронизации» Николая I. Но значительная часть сенаторов противилась этому акту. Чарторыйский рассматривал его как «неполитический шаг», поставивший в непримиримые позиции революционные власти Королевства Польского, с одной стороны, и императора-короля и европейские дворы – с другой. Дебаты сейма о детронизации открылись 25 января в Королевском замке. К их началу в Варшаве была приурочена манифестация, посвященная памяти казненных декабристов. В это время на площади перед замком собрались толпы народа. Настроение улицы склонило колебавшихся послов и сенаторов в пользу свержения Николая I. В акте детронизации говорилось: «Священные и торжественные соглашения могут быть ненарушимыми

лишь постольку, когда они являются таковыми для обеих сторон. Польский народ терпеливо сохранял верность присяге, данной им обоим государям, о чем известно всему свету. Однако неоднократное попрание свободы со стороны правящего монарха освобождает взаимно и польский народ от верности царствующему государю <...> Собранный ввиду этого на Сейм польский народ провозглашает себя независимым и объявляет, что имеет право передать польскую корону тому, кого сочтет к этому достойным и не допустит ущерба для веры и свобод»²⁰. После принятия акта сенаторы, послы и депутаты сейма поставили под ним свои подписи. Адам Чарторыйский, подписывая акт, сказал братьям Островским – открытым сторонникам детронизации: «Мы погубили Польшу!»²¹

Многие польские историки расценивали «детронизацию» как преждевременный шаг, полагая, что лучше бы было провозгласить ее позже и в том случае, когда бы ей предшествовали военные победы польских войск. Однако общественное мнение Королевства, и прежде всего восставшей Варшавы, требовало свержения царя. Проповстанчески настроенное население переоценивало потенциал Польши и возможности ее вооруженных сил, верило в способность своей армии противостоять русскому наступлению и стремилось к войне. Со своей стороны и Россия, требуя безоговорочной капитуляции, подталкивала поляков к безрассудной конфронтации. 23 января Дибич в качестве главнокомандующего издал прокламации о вступлении в Королевство русской армии с требованием «покорности» и «наказания мятежников», встреченные в польской столице со всеобщим возмущением.

5. Начало военных действий

Акт детронизации и адресованное восставшей Польше воззвание И.И. Дибича стали формальным свидетельством неизбежности войны между повстанцами Королевства Польского и царской армией. Уже среди современников событий наметились разногласия, получившие в дальнейшем отражение и в историографии, о том, стала ли разразившаяся война актом подавления Ноябрьского восстания или же войной между Польшей и Россией. В основе этих разногласий были заложены немаловажные политические вопросы. С точки зрения правительства Николая I, признание военных действий 1831 г. войной, с одной стороны, давало возможность по праву победителя изменить государственно-правовой статус Королевства Польского без учета постановлений Венского конгресса, которые, правда, сами по себе ни в малейшей степени не ограничивали самодержавной воли императора. С другой стороны, это вынуждало царя расценивать повстанцев как представителей существовавшего де факто польского государства. С точки зрения восставших и преемников

их политической традиции из лагеря Великой эмиграции, «польско-российская война» позволяла рассматривать Королевство Польское как легитимное государство и субъект международного права, хотя и не признанное де юре. Последняя точка зрения представлялась ряду европейских держав в определенной мере юридически обоснованной, однако ее категорически отвергали державы, разделившие Польшу, и их ближайшие союзники. Следует также принять во внимание, что повстанческие власти были созданы на основе конституционных институтов Королевства Польского 1815–1830 гг., а повстанческая военная организация опиралась практически исключительно на регулярную армию Королевства. Отмеченные политические тенденции повлияли и на оценку характера военных действий 1831 г. в историографии.

События Ноябрьского восстания развивались стремительно, стремительно изменялась и международная ситуация в Европе, когда Польское восстание по сути лишило петербургский двор и монархов Священного союза возможности осуществить планы контрреволюционной интервенции на Западе. Внезапность разразившегося польского кризиса поставила и военное ведомство царского правительства, и вооруженные силы повстанческого лагеря в положение, в котором они нуждались во времени, чтобы провести соответствующую мобилизацию и подготовиться к противоборству. Соотношение сил между польской армией и российскими войсками на театре военных действий Королевства в начальный период противостояния с декабря 1830 по март 1831 гг. приведены в Таблице № 1²².

Таблица № 1.

Период	Численность войск	
	российских (тыс. чел.)	польских (тыс. чел.)
Ноябрь–декабрь 1830 г.	–	27
Январь 1831 г.	39–46	38–41
Начало февраля 1831 г.	127	57
Март	250	–

Очевидно, что потенциально силы русской армии многократно превосходили Войско Польское. Однако в январе 1831 г. Дибич мог располагать только корпусом Розена в Литве. При этом фельдмаршал обоснованно предполагал, что формирование возглавляемой им армии будет проходить медленно и с отставанием от установленных сроков. Подвоз продовольствия, боеприпасов и подход пополнения из России мог быть осуществлен не ранее поздней весны, по твердому пути. Это в дальнейшем негативно сказалось на боеспособности русской армии. Дибич должен был также

принимать в расчет и требование царя незамедлительно разгромить повстанцев. Поэтому план главнокомандующего в общих чертах состоял в том, чтобы, не дожидаясь весны, перейти в наступление, в течение месяца по зимнему пути достичь Варшавы и, разбив польскую армию на подступах к столице, обойти город с юга и, переправившись через Вислу, взять Варшаву штурмом, завершив, таким образом, кампанию²³.

По данным И. Прондзиньского (одного из наиболее талантливых польских генералов, оставивших сочинение с подробным обзором военных действий²⁴) и штаба русской армии, на начало января 1831 г. поляки имели до 35 тыс. пехоты и 6 тыс. кавалерии при 120 орудиях. В стадии формирования находились дополнительно 40 тыс. пехоты и 10 тыс. кавалерии, из которых немедленно можно было использовать соответственно до 10 тыс. и 3 тыс. В это время командующий Литовским корпусом Г.В. Розен мог сосредоточить в Бресте и в Белостоке, удаленных друг от друга на 120 верст, не более 39 тыс., а с гвардейским отрядом – 46 тыс. человек²⁵.

В таком положении восставшие располагали силами и ресурсами, вполне сопоставимыми по величине с противником. Оппоненты Хлопицкого, прежде всего из рядов Патриотического общества, критиковали диктатора, в частности, за то, что он якобы не предпринял необходимых мер для усиления повстанческих вооруженных сил, но такого рода упреки были не вполне обоснованны. К началу войны в каждом из полков польской армии были сформированы дополнительно по два батальона пехоты и по два эскадрона в кавалерии, для чего были призваны старослужащие солдаты и уволенные офицеры (всего около 20 тыс. чел.). В июне 1831 г. уже в ходе военных действий, была объявлена всеобщая мобилизация, от которой ожидалось пополнение в 100 тыс. чел. для формирования 100 пехотных батальонов и столько же эскадронов кавалерии. На полный успех подобной меры рассчитывать едва ли приходилось. Когда же она не удалась, а война уже приближалась к концу, повстанческое правительство распорядилось вместо ополчения сформировать еще 4 полка полного состава и 16 полков трехбатальонного состава с соответствующим числом конницы²⁶.

Также в январе 1831 г. всем способным носить оружие от 18 до 45 лет приказано было вооружаться, кто чем мог (косами и т. п.), для образования сил безопасности (*straży bezpieczeństwa*), которые подразделялись на сотни и десятки. В городах силы безопасности были представлены отрядами Национальной гвардии, в сельской местности – крестьянскими отрядами, сформированными гминами, как правило, под руководством войтов-землевладельцев. Такие крестьянские отряды были вооружены косами и другими подручными средствами. С этого распоряжения начала свою историю легенда о «польских косиньерах», сражавшихся на стороне повстанцев. Достоверных сведений о значительном участии таких отрядов в боях было немного. Есть свидетельство Прондзиньского

о 8 тыс. косиньеров, участвовавших в Гроховском сражении 25 февраля 1831 г., подтвержденное русскими современниками, видевшими большое количество кос, брошенных на поле битвы, после отступления поляков. Однако косиньеры сыграли заметную роль в защите деревень и фольварков от мелких отрядов и разного рода мародеров. Вместе с тем история косиньеров получила продолжение в период восстания 1863–1864 гг. и даже во время Первой мировой войны. Легенда косиньеров играла весьма существенную роль в обосновании тезиса о якобы активном участии польского крестьянства в дворянском повстанческом движении.

Если для пополнения польской армии людей было достаточно, то для ее вооружения явно не хватало материальных ресурсов – ни стрелкового оружия, ни артиллерии, ни ремонтных лошадей. Для кавалерии пришлось брать упряжных лошадей, а в дальнейшем довольствоваться и крестьянскими²⁷.

Таким образом, в январе–феврале 1831 г. на польском театре военных действий между русской армией и повстанцами сохранялось относительное равенство сил, если принять во внимание стратегические преимущества Войска Польского, расположенного к востоку от столицы на полуокружности с Варшавой в центре. Эта позиция обеспечивала более короткие и надежные коммуникации, близость резервов и баз снабжения, наконец, возможность эффективно маневрировать войсками, опережая противника в их сосредоточении и выборе места и времени главного удара.

На военном совете в Варшаве после долгих споров, где главнокомандующий Михал Радзивилл играл пассивную роль, было решено расположить армию эшелонами по двум дорогам, ведущим к столице из Ковно (с северо-востока под прикрытием Нарева и Буга) и из Брест-Литовска (с востока, со стороны Седлеце и Венгрова). Перед лицом русского наступления следовало отступать до Грохова и принять там бой: ввиду зимнего времени и замерзших рек и болот других выгодных позиций для сражения к востоку от Варшавы не было. Из-за численного превосходства русской армии существовала опасность охвата и обхода польской армии, поэтому не следовало вступать в сражение вдали от Варшавы, главного оплота восстания. Позиция под Гроховом в этом смысле представлялась предпочтительной: Варшава была в ближайшем тылу, а Висла затрудняла действия русских сил на флангах польской армии. Вместе с тем гроховская позиция имела и существенные недостатки. Из-за нехватки войск левый фланг польской армии отстоял от реки и находился в опасности в случае флангового удара русской армии. Расположение Вислы в тылу польских войск затрудняло их сообщение с Варшавой, которое было возможно только по Пражскому и Модлинскому мостам²⁸.

Принятый польским командованием план с сугубо тактической точки зрения представляется, вероятно, оптимальным, так как он исходил из всех преимуществ, которыми располагала польская сторона, и отве-

чал всем требованиям разумной военной осторожности. Вместе с тем он означал недвусмысленный отказ от стратегии наступательной революционной войны, отдавая инициативу в руки противника, и тем самым в итоге обрекал восстание на поражение. В стратегическом отношении план исходил из задачи продержаться в обороне в расчете на изменение международной ситуации или на возможный внутренний кризис в России. Эти расчеты подкреплялись еще и тем, что, как полагали в Варшаве, Дибич не смог бы начать наступление ранее середины весны, когда просохнут дороги, что позволило бы выиграть время и, возможно, дожидаться помощи со стороны Франции или Англии. Власти европейских стран о вероятных сроках русского наступления были того же мнения.

5 и 6 февраля 1831 г. русская армия под командованием Дибича перешла границу Королевства Польского и, не встретив сопротивления, за неделю форсировала Буг и Ливец. К 13 февраля войска, сосредоточившись на линии Венгров – Седлеце, с востока вышли на дальние подступы к Варшаве, где произошли первые бои.

15 февраля в бою под Сточеком кавалерия Ю. Дверницкого одержала победу над дивизией Ф.К. Гейсмара. Победа эта, по мнению как польских, так и российских историков, не имела существенного оперативного значения, но подняла моральный дух польских войск и защитников Варшавы²⁹. В рапорте командира польского отряда Ю. Дверницкого отмечалось, что русские потери в бою составили не менее 400 человек, среди которых два штаб-офицера и полковник-артиллерист, что было захвачено 10 орудий и 330 пленных³⁰.

Бой под Сточеком, согласно русским источникам, произошел на левом фланге русских войск. Разведка Дверницкого донесла о движении отряда Гейсмара. Дверницкий (имея 3 батальона, 12 эскадронов и 6 орудий) намеревался атаковать русских. Гейсмар также собирался решить задачу наступлением. Гейсмар разделил свой отряд на две колонны, которые выступили одновременно, но шедшая в обход вторая колонна Гейсмара должна была преодолеть более длинный путь, двигаясь по узкой лесной дороге. Поэтому А.В. Пашков во главе первой колонны вынужден был в одиночку атаковать превосходящие силы поляков, и его войска были опрокинуты. В результате Гейсмару удалось только прикрыть разбитую колонну Пашкова и организовать отступление своей дивизии (потеряв убитыми, ранеными и пленными до 280 чел. и все шесть орудий, двигавшихся в колонне Пашкова)³¹.

В свидетельствах русских и польских современников и в исторических источниках о потерях сторон в бою под Сточеком обращают на себя внимание очевидные расхождения в соответствующих оценках с польской и с российской стороны. Аналогичная картина наблюдается и в донесениях и воспоминаниях о других сражениях. Этому есть различные объяснения. Укажем только, что как русские, так и поляки стремились

в лучшем свете представить свои военные победы или же смягчить горечь поражения, преувеличивая потери противника и стараясь по возможности не афишировать собственные. Поэтому, не останавливаясь на этой теме в дальнейшем, мы приводим в приложении сводные данные по польским и русским источникам о потерях польской и русской армий в боях с 15 февраля по 26 мая 1831 г. (Приложение № 1).

Тогда же, в конце февраля 1831 г., произошло уже относительно крупное сражение при Бялоленке, от исхода которого зависела оперативная обстановка на театре военных действий и которое существенно повлияло на ход генерального сражения под Гроховом.

Первые бои между польскими и русскими войсками на подступах к Варшаве в феврале 1831 г. продемонстрировали маневренный характер начавшихся боевых действий с применением охватов, обходов и других тактических приемов, характерных для маневренной войны, с открытыми флангами частей и соединений, что требовало от войск и их командиров быстроты действий, высокой маневренности, четкого взаимодействия, даже без непосредственного соприкосновения взаимодействующих частей друг с другом. Такой характер боевых действий требовал высокого уровня выучки личного состава и командиров всех уровней. Последовавшую войну отличало большое число отдельных операций, что делало кампанию 1831 г. особенно интересной для изучения с точки зрения военной науки. В этом отношении она представляла собой одно из наиболее характерных явлений в области стратегии и тактики европейских регулярных армий от эпохи наполеоновских войн и до Крымской войны 1853–1856 гг. Говоря о Войске Польском, следует отметить, что в военном отношении оно восприняло все лучшие достижения современной русской военной школы и выступило достойным противником русской армии, несмотря на подавляющее численное превосходство последней.

6. ГРОХОВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В период от конца февраля до конца мая 1831 г. на польском театре военных действий произошли решающие сражения, предопределившие в итоге исход военной кампании. Первое генеральное сражение состоялось у местечка Грохов на восток от Варшавы на правом берегу Вислы. Именно это место было избрано польским командованием еще до начала боевых действий. По плану Дибича главные силы русской армии должны были нанести удар по левому флангу польской армии, а наступавший со стороны Бялоленки корпус И.А. Шаховского практически выходил бы в тыл полякам, грозя польским силам окружением. Польская армия была бы отброшена от Праги вдоль берега Вислы к югу, где, имея в виду численное превосходство русских, ее ожидал бы неминуемый разгром.

Однако эту безукоризненную, с точки зрения штабного планирования, диспозицию пришлось менять на ходу, да еще в условиях, когда войска не завершили развертывание. Утром 25 февраля Дибич, будучи на богослужении во второй гренадерской дивизии, услышал канонаду со стороны Бялоленки. Опасаясь, что против Шаховского сражаются главные польские силы, он послал тому приказ держаться до последнего, а сам немедленно бросил в бой главные силы армии. При этом решение главнокомандующего было единственно правильным, так как исключало для противника возможность нанести поражение русской армии по частям. Однако от первоначального замысла сражения пришлось отступить и наносить главный удар не по левому флангу польских позиций, а в центре – в Ольховской роще, где его и ожидал противник, сосредоточив в этом решающем пункте значительные силы.

В центре и на левом фланге польской армии в первой линии располагались полки из дивизий Ф. Жимирского и Ф. Роланда. В тылу первой линии находились значительные резервы. Главные силы располагались во второй линии за рвом и были выстроены побатальонно с интервалами между ними с таким расчетом, что в случае отступления одного батальона оно прикрывалось бы соседними батальонами с флангов, которые могли бы быстро занять оставленный участок фронта. В третьей линии стояла бригада К. Чижевского, за ней – артиллерийские батареи, которые картечными залпами могли бы стрелять на всю глубину роши, если бы противник ее все-таки занял. За рощей была поставлена дивизия Я. Скшинецкого (4-й и 8-й линейные полки и добровольческий батальон варшавских юношей). Дивизия П. Шембека составляла правое крыло обороны польской армии, примыкая к болотам Саской Кемпы³². Характер построения польских войск свидетельствовал не только о мощной обороне, но и о высоком уровне их тактической выучки. Исходя из построения армии, ее задачей в сражении было нанесение потерь наступающему противнику и удержание собственных позиций.

Силы поляков составили 36 тыс. пехоты; 12 тыс. кавалерии; 8 тыс. косиньеров – всего 56 тыс. Без корпуса Круковецкого, сражавшегося у Бялоленки против Шаховского, – 44 тысячи человек. Силы русских: 55,5 тыс. пехоты, 16,7 тыс. кавалерии – или 72,2 тыс. человек при 196 орудиях³³. Исследователи приводят и иные данные, однако они существенно не различаются между собой³⁴.

В половине десятого утра русская артиллерия открыла огонь, и корпуса Г.В. Розена и П.П. Палена стали разворачиваться на правом фланге для наступления против Ольховской роши. В 10.00 они предприняли первую атаку. Несмотря на сильный ружейный и перекрестный артиллерийский огонь противника, русские вошли в рощу, опрокинув первую линию польской обороны, но были остановлены у рва и вынуждены отступить.

Тогда Розен ввел в бой дополнительные силы, в ответ Хлопицкий направил туда Прондзиньского и бросил в бой всю дивизию Жимирского. К этому времени к полю боя подошли войска правого фланга корпуса Розена. Получив подкрепление четырех полков, русские войска вновь поднялись в атаку. Дивизия Жимирского была вытеснена из роши, а сам он смертельно ранен. Около 11 часов утра русские войска заняли рошу, однако они несли большие потери от картечного огня. Для восстановления положения Хлопицкий бросил в бой дивизию Скшинецкого, которая совместно с дивизией Жимирского вновь заняла рошу.

Канонада со стороны Бялоленки продолжалась. Дибич, не зная, что происходит с корпусом Шаховского, принял решение в третий раз атаковать позиции противника в Ольховской роше. Для третьей атаки была подготовлена мощная группировка, усиленная кавалерией и конной артиллерией. Движение началось около полудня. Однако и на этот раз русское наступление было остановлено у рва. Наибольшее продвижение было достигнуто на левом фланге, где русским войскам удалось обойти рошу. Однако и здесь свежие русские части оказались под сильным огнем польской артиллерии.

В этот момент Хлопицкий принимает решение перейти в контратаку против измотанных русских войск, лично поведя в бой части дивизии Шембека. Вдохновленные примером командующего, с пением национального гимна и патриотических песен поляки поднялись в атаку и выбили русских из роши. Указывая на русскую батарею, Прондзиньский кричал: «Сынове! Еще сто шагов и эти орудия – ваши». Две пушки были захвачены и нацелены на высоту, где стоял Дибич³⁵.

В свою очередь фельдмаршал ввел в бой части 3-го резервного кавалерийского корпуса и бригаду 2-й гренадерской дивизии и, обратившись к окружавшим его офицерам, сказал: «Не стыдно ли, что мы не можем овладеть этой рошею. Теперь настала минута, когда мы лично должны собою жертвовать». С этими словами он дал шпоры коню и, подскакав к отступившим частям 3-й дивизии, прокричал: «Куда вы, ребята! Ведь неприятель там. Вперед!» и лично повел войска в атаку³⁶.

К этому времени фельдмаршал уже знал об отступлении Шаховского от Бялоленки, что исключало возможность осуществления его первоначального плана обойти левый фланг поляков, отрезать их от Праги и переправы на Висле и отбросить к привислинским болотам на правом берегу реки. Поэтому Дибич решил обойти рошу справа силами 3-й кирасирской дивизии и л. гв. Уланского полка, а затем ударом тяжелой конницы в центр позиции разорвать польский фронт и хотя бы отбросить от Праги их правый фланг и прижать его к болотам у Брестского шоссе.

Осуществление этого плана также натолкнулось на многочисленные затруднения из-за несогласованности действий кавалерии на пересеченной и заболоченной местности, где лошади, особенно кирасирские, тонули в топкой грязи при этой теплой для февральского времени года

погоде. Тем не менее русские войска двинулись вперед по всему фронту. Ольховскую рощу атаковали превосходящие противника силы русских, а польские резервы были исчерпаны. Раненный в ногу Хлопицкий пытался воодушевить солдат, но их силы были на исходе. Русские гренадеры достигли рва и по трупам преодолели его. В это время к роще была придвинута русская артиллерия, которая нанесла существенный урон расположенным за рощей батареям противника. С обеих сторон в момент решающей атаки в роще действовало более 90 орудий.

Ю. Хлопицкий попытался предпринять последнее усилие, чтобы исправить ситуацию. Он приказал Я. Круковецкому (действовавшему против Шаховского) перейти к роще и контратаковать, а Т. Лубеньскому с кавалерией поддержать атаку. Однако тот отказался подчиниться под предлогом неудобства местности. Хлопицкий направился к главнокомандующему Радзивиллу, чтобы заставить Лубеньского повиноваться, однако на обратном пути был ранен и унесен с поля боя.

К 4 часам пополудни к полю Гроховского сражения подошел корпус Шаховского, что означало полное превосходство русских сил и лишало поляков последней возможности организованного сопротивления. Удаление раненого Хлопицкого от руководства войсками дезорганизовало командование. Радзивилл только молился, П. Шембек плакал, Я. Уминьский ссорился с Круковецким. Только Скшинецкий сохранил присутствие духа и сумел навести некоторый порядок в отступавших войсках. Сражение под Гроховом окончилось около 5–6 часов вечера, когда Дибич приказал прекратить бой. Русские войска остановились в версте от варшавского предместья Праги³⁷.

Эвакуация польской армии из Праги началась в 6 часов вечера по единственному мосту через Вислу. Прикрывал эту операцию Скшинецкий. Переправа закончилась около полуночи. Защищать предместное укрепление, под прикрытием расположенных на левом берегу Вислы артиллерийских батарей, была оставлена бригада К. Малаховского из первой пехотной дивизии Круковецкого³⁸. Когда в столице стало известно об отступлении польской армии от Грохова, город 25–28 февраля охватила паника. Однако повстанческое правительство не поддавалось ей, за исключением нескольких генералов, которые предлагали капитулировать. Были проведены работы по усилению укреплений Варшавы. На левом берегу Вислы размещена артиллерия, в частности, несколько орудий были установлены под стенами Королевского замка. На улицах были построены баррикады. Главнокомандующим был назначен генерал Скшинецкий, который проявил мужество и организационные способности в битве под Варшавой. Однако он пессимистически оценивал польские шансы в войне и пытался вести переговоры с Дибичем³⁹.

Современники с польской и российской стороны по-разному оценивали Гроховское сражение и его итоги. И поляки, и русские уверенно заявляли,

что победа склонилась на их сторону, однако ни те, ни другие не были удовлетворены приписываемым себе успехом. Польская историография подчеркивает, что «битва под Гроховым (Olszynka grochowska) стала национальной легендой, прежде всего как героический бой за гроховскую рошу». Русские войска, считают польские историки, упорно наступали, стремясь к победе, поляки мужественно оборонялись и отчаянно контратаковали. Покрыв себя славой 4-й пехотный полк. «На участке Ольшинки Дибич бросил в бой 5, затем 9, потом 19 и, наконец, 25 батальонов, в лесочке на поле боя полегли 5 тыс. русских солдат. Большой кровью была добыта тактическая победа, которая, однако, не завершила кампании и оказалась пирровой»⁴⁰. Россияне, по подсчетам польских исследователей, потеряли в генеральном сражении убитыми, ранеными и взятыми в плен более 9 тыс. человек, а в период с 14 по 25 февраля – 16 тыс. чел. Поляки под Гроховым потеряли 8 тыс. человек (в том числе 7 тыс. убитых и раненых)⁴¹.

В воспоминаниях Прондзиньский описывал Гроховское сражение в следующих выражениях: «В Ольшине возобновился жестокий бой. Противостоящие части после нескольких залпов с обеих сторон сходились в штыковом бою <...> В атаку польские колонны поднимались под звуки литавр и с пением “Еще Польша не згинела”, заглушаемые с российской стороны залпами артиллерии, подтянутых к полю боя свежих батарей»⁴².

Согласно оценке российского историка А.П. Щербатова, польские войска в Гроховском сражении «были разбиты и потеряли около 13 тыс. чел., потери русской армии составили около 9 тыс. чел. Польская армия, оставив Прагу, в беспорядке отступала к Варшаве, толпясь у единственной переправы. В столице национальная гвардия, ожидая наступления русских войск, побросала оружие и обмундирование и смешалась с охваченным паникой населением. Дибич остановил победителей, не доходя одной версты до Праги, позволив польским войскам переправиться на левый берег Вислы, даже увезя с собой артиллерию»⁴³.

Разочарован результатами генерального сражения был и царь, выразивший свое недовольство фразой: «Какой грустный исход победы»⁴⁴. Настроение Николая I разделялось в военных кругах и в верхах русского общества. По мнению героя 1812 г. Д.В. Давыдова, «Дибич был человек умный», но «мантя полководца была не по росту Дибичу»⁴⁵.

Среди русских современников и в русской историографии высказывались разные мнения относительно мотивов решения Дибича об остановке боевых действий вечером 25 февраля. Называлось угнетенное состояние духа главнокомандующего и возможное вмешательство вел. князя Константина, якобы не желавшего полного унижения поляков. Говорилось и о том, что решение Дибича было превратно истолковано его недоброжелателями, среди которых были и генералы его армии. Однако большинство исследователей считают остановку сражения целесообразной по объективным причинам.

Русские войска были измотаны тяжелейшим боем, в ходе которого несколько раз пришлось подниматься в атаку. Свежих резервов для развития успеха у главнокомандующего не было. Корпус Шаховского подошел к полю сражения сразу после боя при Бялоленке и изнурительного пятичасового перехода ускоренным маршем. Дибич должен был принять в расчет, что преследование противника темной февральской ночью без разработанного плана и в условиях городского предместья и окружающих Прагу болот было чревато риском неоправданных больших потерь. Поэтому фельдмаршал не решился на захват в ходе ночного боя Праги и расположенных там предместных укреплений, хотя успех в этом случае позволил бы блокировать польскую армию на левом берегу Вислы в столице и тем в дальнейшем решающим образом воспрепятствовать ее операциям против русских войск на правобережье. Попытка ворваться на плечах противника в Варшаву была достаточно рискованным предприятием, сопряженным с непреодолимыми трудностями, так как единственный мост был занят и практически закупорен отступавшими польскими войсками, отбить его у которых едва ли было возможно. Форсирование же Вислы по слабому льду с ходу и в обход главных польских сил в пределах расположенного на высоком берегу города и под огнем польских батарей, без специальной предварительной подготовки, да к тому же в ночное время, представлялось просто безрассудством.

7. От Грохова до Остроленки

После Гроховского сражения положение русской армии в Королевстве Польском было достаточно тяжелым. Главной причиной этого были отнюдь не угрозы ударов со стороны польских войск, а внутреннее состояние армии Дибича. Прибывавшее из России пополнение, по данным Военного министерства, позволило довести численность русских войск до свыше 200 тыс. чел., Дибич же докладывал царю в марте, что под его командованием состоит 189 тыс. чел. Даже относительно небольшой некомплект в воинских частях значительно снижал их боеготовность. О подлинном положении армии свидетельствовал и вел. князь Константин, писавший Николаю в марте из Белостока: «<...> У нас войска на бумаге – бездна и, как говорится, чертова пропасть, а на деле взять – везде такой некомплект, что ей-ей страшно»⁴⁶.

Не менее серьезной проблемой, стоявшей перед Дибичем, было обеспечение армии продовольствием и фуражом. В мае армия Дибича, двигаясь к Висле, имела запас провианта всего на 12 дней, чего для наступления на Варшаву было явно недостаточно⁴⁷. Имевшиеся на Мазовии и в Подлясье запасы были либо вывезены поляками заранее на левый берег Вислы, либо израсходованы за зиму, поэтому собрать здесь ранней весной

что-либо для продовольствования двухсоттысячной армии было просто невозможно. Главнокомандующий рассчитывал на поставки с Волыни и во многом именно поэтому избрал главным операционным направлением верхнее течение Вислы, где планировал переправиться на левый берег. Однако на Волыни царил в это время голод. Поэтому единственным, хотя и недостаточным, резервом продовольствия для огромной армии оставалась Белоруссия.

Наконец, в дополнение к тяготам, переносимым русскими войсками весной 1831 г., добавилось еще одно страшное несчастье – эпидемия холеры. После первых случаев появления холеры в армии Дибич учредил особый комитет для борьбы с эпидемией, однако принятые по предложению комитета меры не соответствовали сложности ситуации. Командование могло воспользоваться только традиционными для того времени карантинными гигиеническими мерами вроде добавки перца в водку и т. п. Вспышка эпидемии пришлось на апрель, когда заболели около 9 тыс. чел., из которых около 3 тыс. умерли⁴⁸. В мае болезнь начала отступать, тем не менее высокий уровень заболевания и смертности сохранялся до сентября 1831 г. Всего же потери русской армии от холеры составили около 20 тыс. человек, из которых более 5 тыс. умерли (см. Приложение № 2), что было вполне сопоставимо с потерями в генеральном сражении. Затронула болезнь и польскую армию, однако – в значительно меньшей степени. В таких условиях Дибич уделил главное внимание сохранению боеспособности армии, проявив в этом и способности, и энергию. В дальнейшем он намеревался переправиться с основными силами в верхнем течении через Вислу и наступать на Варшаву с юга, оставив на подступах к Праге для прикрытия Брестского шоссе корпус генерала Г.В. Розена. 7 марта главные силы Дибича начали выдвижение в район Станиславова и Сточека, а в конце месяца сосредоточились у устья Вепжа, где была запланирована переправа через Вислу. Между Ваврем и Седлеце располагался только один наблюдательный корпус Розена, который должен был охранять русские магазины в Седлеце. Таким образом, хотя и со значительным опозданием, главнокомандующий приступил к выполнению своего стратегического плана.

После Гроховского сражения главные силы польской армии находились около Варшавы и проходили реорганизацию. Вопрос корректировки стратегии и тактики борьбы в новой стратегической и оперативной ситуации встал и перед повстанческими властями, и перед командованием польской армии. На состоявшемся после Гроховского сражения военном совете И. Лелевель, представлявший радикальные силы повстанческого лагеря, вновь предложил придать войне революционный характер, подняв восстание на Волыни. Расчеты вызвать подъем повстанческого движения на западе Украины и в Литве Лелевель и его сторонники связывали с восстанием шляхты под лозунгом восстановления шляхетской Речи

Посполитой в границах 1772 г. В этом в очередной раз нашли отражение шляхетский сословный характер польского освободительного движения и свойственная ему тактика «военной революции». С сугубо военной точки зрения экспедиция на Волынь основывалась на плане мобилизации сил тамошней шляхты и на слабости прикрывавшего Украину корпуса русских войск под командованием Ц.А. Крейца. Оппоненты Лелевеля из умеренного лагеря и большинство генералов возражали против раздробления сил и полагали, что такого рода экспедиции могут быть целесообразны только в случае значительных побед польской армии, которые произвели бы серьезное впечатление как на польское население Литвы и Украины, так и на тамошние российские власти. В противном случае, по их мнению, движение могло быть подавлено в самом начале.

Командующий польской армией Скшинецкий рассчитывал, что экспедиция, во главе которой был поставлен Дверницкий, ослабит прозвучавшие в его адрес на военном совете упреки в пассивности, а в случае поражения избавит его от ответственности. Против экспедиции был Прондзиньский, настаивавший на активизации операций против армии Дибича. В результате торга с командованием Дверницкий добился выделения в свой состав в основном из кавалерии корпус около 6,5 тыс. чел.⁴⁹ и в первых числах марта форсировал Вислу, занял Пулавы и двинулся к Люблину.

В течение марта поляки успели укомплектовать и реорганизовать свою армию⁵⁰. В конце марта Прондзиньский предложил главнокомандующему план наступления, в основу которого была положена идея разгрома расположенного в районе Седлеце корпуса Розена, изолированного от главных сил Дибича. Это, по мнению Прондзиньского, открывало бы перед польской армией возможность не только прервать коммуникации главных сил Дибича, но и атаковать его с флангов и с тыла или же вынудить фельдмаршала отступить от Варшавы за Буг. Будучи в эмиграции, Прондзиньский уже на склоне лет усмотрел в нем и совсем фантастическую перспективу, что, в случае победы польской армии над главными силами Дибича, русскому правительству пришлось бы направить в Королевство Польское новую армию, которой пришлось бы действовать в крайне неблагоприятной обстановке ввиду восстания в Литве и на Украине⁵¹.

Другие польские генералы, хотя и поддержали замыслы Прондзиньского, стремились избежать риска генерального сражения, опасаясь потерь, которые были бы уже невозможны, и надеялись на склонность Николая I и русского командования к переговорам и компромиссу, а также на посредничество Франции и Англии в пользу Польши⁵². Эту позицию разделяло и польское повстанческое правительство во главе с А.Е. Чарторыским. По мнению польской историографии, «это была, очевидно, ошибочная тактика, так как вытекала она не из убеждения, что могущество России необоримо, а из мнения, что после нанесенных поражений Россия настолько ослаблена, что вынуждена будет пойти на

уступки»⁵³. Тактика Скшинецкого основывалась на избегании столкновения с главными силами русских, на действиях небольшими отрядами и отдельными корпусами на флангах русских войск. Так было с направлением отряда Дверницкого на Волынь, с экспедицией Яна Серавского на Любельщину, с походом Войцеха Хшановского на Замостье.

Центром развернувшихся с переменным успехом военных действий в марте и до конца апреля 1831 г. стал расположенный в Седлеце корпус Розена, при этом польская армия неизменно удерживала инициативу, а главные силы Дибича одновременно с подготовкой к форсированию Вислы вынуждены были отвлекаться на обеспечение собственных коммуникаций и на поддержку седлецкой группировки русских войск. Фельдмаршал колебался, атаковать ли ему главные польские силы Скшинецкого у Праги или продолжать движение к переправам через Вислу для наступления на Варшаву с юга. Эта неуверенность вызвала раздражение царя, который указал Дибичу, что не видит определенности в его намерениях. Тогда же военный министр Чернышев по приказу Николая I вызвал И.Ф. Паскевича с Кавказа в столицу⁵⁴.

Получив донесения о неудачных действиях корпуса Розена, Николай I 8 марта писал Дибичу: «Да будет воля божья, я ей покоряюсь, но вместе с тем я позволю выразить вам мое изумление и великую скорбь, что в течение всей этой несчастной войны я получаю гораздо более плохих известий, чем хороших, и, считая по вашим рапортам, 189 тыс. чел. под ружьем в вашей армии, вы, имея перед собой неприятеля в 80 тыс. чел., все-таки ничего не делаете, и везде неприятель встречается с нами в превосходных силах»⁵⁵. В апреле почти в тех же выражениях царь вновь писал Дибичу, что «неприятель встречает нас повсюду по меньшей мере в равном числе, мы же всегда действуем малыми и недостаточными силами. <...> Беспокойство мое не поддается описанию <...>». По словам царя, «от нынешней войны зависит политическое бытие России»⁵⁶. На следующий день, 17 апреля, Николай вновь писал Дибичу, что ему известно о тяжелом положении армии из-за эпидемии и трудностей снабжения, «занимайтесь побольше устройством продовольствия войск, — напоминал царь, одобряя этим действия фельдмаршала, однако, предостерегал он, — не преувеличивайте в воображении своем неприятельских сил и помните, что Суворов разбивал поляков с малыми силами»⁵⁷. Недовольство царя ходом военных действий в Королевстве Польском и вызов Паскевича в Петербург свидетельствовали о намерении властей кардинально изменить стратегию войны. Вероятно, приближалось и отстранение самого Дибича от должности главнокомандующего.

В свою очередь в начале мая повстанческое правительство было весьма обеспокоено безуспешностью стратегии и тактики Скшинецкого. Полякам были необходимы победы, которые произвели бы нужное впечатление на власти и общественное мнение европейских держав. Без таких

побед надежды на помощь из-за границы были бы тщетными. Деморализовала польскую армию и потеря времени, когда, вследствие начавшегося восстания в Литве, армия Дибича испытывала затруднения в снабжении и в получении пополнений из России. Принимая это во внимание и делая ставку на помощь из-за границы, Чарторыйский стал требовать от Сквишнецкого активных наступательных действий. Май – июнь были наилучшим временем для сложных военных операций и взаимодействия армейских частей и соединений. Так русская и польская армия подошли к решающему генеральному сражению под Остроленкой, имевшему особое значение также и ввиду развернувшегося повстанческого движения на Украине и в Литве.

8. Восстание на Волыни, в Подолии и в Литве

Важным элементом военно-политической стратегии повстанческих властей Королевства Польского был расчет на поддержку польского восстания в Литве и на Украине. Еще в марте с целью поднять восстание на Украине туда был направлен корпус Ю. Дверницкого. Тому в это время было 52 года, за плечами его был опыт наполеоновских войн, когда он дослужился до чина полковника наполеоновской армии, и лавры недавнего победителя под Сточекком. Дверницкого отличали хорошие организаторские способности, забота о солдатах и подчиненных, с которыми он делил походные тяготы, располагающий к себе характер. Все это обеспечило ему любовь и уважение в войсках, а также популярность среди польской молодежи. Высокий авторитет командующего имел особое значение, коль скоро ему предстояло поднять восстание в провинции, относительно отдаленной от Королевства Польского как центра восстания, и пополнять собственные силы исключительно за счет добровольцев. Вместе с тем для Дверницкого было характерно слишком завышенное представление о собственной роли. Только отправляясь в поход, он уже мнил себя триумфатором и покорителем Волыни.

До начала апреля корпус Дверницкого оставался в Замостье, где он хотя и понес потери из-за холеры, но существенно восполнил их пришедшими из Галиции добровольцами. Собравшись с силами (до 6 тыс. чел.), Дверницкий выступил из Замостья и двинулся на Волынь.

Ступив на земли Волыни, он опубликовал воззвание с призывом к восстанию и сформировал повстанческие власти, рассчитывая на присоединение к восстанию населения. Но надежды на образование на Волыни антироссийской конфедерации не оправдались. Сам же замысел Волынской конфедерации определенно указывал на шляхетский консервативный характер повстанческого движения на Волыни и на его цель – возрождение шляхетской Речи Посполитой. Только в середине апреля к

Дверницкому в районе Боремли и Михайловки присоединились около сотни повстанцев из числа местной польской знати, привезших с собой захваченных в плен двух русских офицеров. Последние не ожидали и не опасались подобных действий от местных помещиков, что свидетельствовало об относительном спокойствии на Волыни.

18 апреля на реке Стырь, неподалеку от замка Чацких, ставших на сторону восстания, прошло неудачное для поляков столкновение авангардов Ю. Дверницкого и Ф.В. Ридигера. Польский генерал решил, держась неподалеку от австрийских границ, прорываться в Подолию, где располагались его родовые владения и где он надеялся найти поддержку и пополнить силы своего корпуса. По пятам за ним двигался и Ридигер⁵⁸. Несколько столкновений не принесли успеха ни одной из сторон. Вместе с тем стало ясно, что поднять восстание на Волыни и в Подолии не удалось, несмотря на ряд громких акций. Например, при взятии корпусом Дверницкого Радзивиллова местными евреями была сожжена русская таможня и уничтожены документы о доставке на территорию России контрабанды. Там же по приказу Дверницкого были разбиты таможенные гербы на пограничных столбах, что было с одобрением встречено собравшимися на австрийской стороне границы жителями Галиции.

Дверницкий стоял перед выбором: или отступить через пинские болота в Литву на соединение с тамошними повстанцами (подобный марш грозил разгромом на неудобной местности), или, перейдя границу, сдать австрийским властям. Последнее решительное сражение произошло 27 апреля при Люинской корчме. Дверницкий занял надежную позицию, но его атаковали имевшие более чем двукратное превосходство войска Ридигера. Полякам не оставалось ничего иного, как искать спасения, перейдя австрийскую границу⁵⁹. Часть повстанцев поодиночке ушли в Королевство Польское. Только один кавалерийский полк под командованием Кароля Ружицкого с боями вышел к Замостью, где соединился с польской армией.

В то время как главное внимание русских властей было обращено на Волынь, восстание вспыхнуло в Подольской губернии. Пример Королевства Польского вдохновил на вооруженное выступление часть дворянства и духовенства в Подолии, хотя крестьянство осталось верным правительству. Заговорщики составили тайный комитет, названный ими Юнтой (Хунтой)*, и сочинили фантастический план собрать войска численностью до 20 тыс. чел. и действовать между Днестром и Бугом. Сигналом к восстанию должно было стать вступление Дверницкого в Подолию. Уход его в Галицию и сдача австрийским властям не остановили заговорщиков, возможно, еще и потому, что те уже были под подозрением у русского командования.

* В чем можно усмотреть аналогию с революционной Испанией времен Р. Риего.

27 апреля трое братьев Собаньских собрали отряд в 250 человек и двинулись по губернии, призывая присоединиться к ним других помещиков. Свои отряды собрали и другие заговорщики. Все они решили сосредоточить свои силы в Красноселке на Буге, где собралось до 1000 всадников и 200 пехотинцев. Вскоре к ним присоединились и отряды ряда других помещиков, и число повстанцев достигло 3 тыс. чел.

Значительных русских сил в Подольской губернии не было, за исключением гарнизонов в Киеве и в Каменце-Подольском. В этих обстоятельствах для подавления восстания была вызвана расквартированная в Бесарабии поселенная Бугская уланская дивизия под командованием Л.О. Рота⁶⁰.

В течение второй половины мая уланы преследовали повстанцев в Подолии, последние при этом основные потери понесли не столько от кавалерии, сколько от огня русской артиллерии. Страдали от этого и следовавшие за повстанческими отрядами группы беженцев, и население местечек, на подступах к которым происходили столкновения. Время от времени повстанческие отряды пополнялись присоединявшимися к ним группами шляхты. Наиболее значительное поражение повстанцы (отряд Кольшко) потерпели 23 мая у местечка Майданек, оказавшись под ударом наступавших с трех сторон русских отрядов. Почти все польские потери приходились на долю шляхты, среди которой было немало представителей родовитого дворянства. 22 мая подольские повстанцы овладели Баром, откуда вскоре отступили в Галицию и были разоружены австрийскими властями. Произошло это 26 мая, в день второго генерального сражения польской армии при Остроленке⁶¹.

В конце марта – в апреле 1831 г. успешные действия польской армии способствовали распространению повстанческих настроений в Литве, в то время как русских войск там было явно недостаточно. Литовский корпус был включен в состав армии Дибича, в самой же провинции только в Вильно находилась бригада 5-й пехотной дивизии, численностью по штату 3200 чел., а в действительности – и того меньше. В других литовских городах гарнизоны были ничтожны.

Весной в Литве и на белорусских землях положение явно обострилось, когда в марте правительством был объявлен рекрутский набор и чрезвычайный побор хлебом и фуражом ввиду крайней нужды армии Дибича в пополнении людьми и продовольствием. К этим мерам была добавлена извозная повинность (обязанность крестьян на своих лошадях и подводах перевозить предназначенные для армии казенные грузы). Все они означали существенное ухудшение положения крестьян, особенно в условиях, когда весной запасы продовольствия и фуража в крестьянских дворах были практически израсходованы, а отвлечение от полевых работ трудовых ресурсов крестьянских хозяйств грозило последним невосполнимыми потерями. В этих условиях крестьянский протест против гнета

властей соединился с повстанческими устремлениями литовской шляхты. Этим объясняется то, что повстанческое движение в Литве, оставаясь шляхетским по своему характеру, все же существенно по сословному составу и своему размаху отличалось от движения на Украине.

Напряженной ситуацией в Литве воспользовались польские конспиративные организации, действовавшие под прикрытием местной гражданской администрации, чтобы разжечь пламя восстания. Центром его первоначально стала Самогития, где 26 марта отряды дворян и крестьян с трех сторон напали на Россиены, заняли город, разоружили гарнизон (60 инвалидов) и провозгласили независимость Литвы. Вскоре восстание охватило всю Жемайтию, а в дальнейшем распространилось и на другие области бывшего Великого княжества Литовского, в том числе и на территорию Белоруссии⁶². Местные шляхетские власти литовской гражданской администрации формировали органы власти в поветах, осуществляли рекрутирование войск, обучали офицеров и унтер-офицеров, готовили запасы продовольствия и вооружения, наладили собственное производство пороха. В надежде на расширение крестьянского участия в восстании в среде литовской шляхты раздавались даже голоса в пользу отмены крепостного права⁶³.

Сформированные на местах повстанческие отряды, избегая прямых столкновений с крупными частями русских войск, захватывали города, разоружали тамошние гарнизоны, освобождали рекрутов и арестантов, убивали и брали в плен русских чиновников, захватывали казну, продовольственные и вещевые склады и другое казенное имущество. В Ворне повстанцами был устроен оружейный завод. Оружие и боеприпасы поставлялись также из близлежащей Пруссии. Повстанцы контролировали довольно значительные территории, что создавало серьезную угрозу для тыла и коммуникаций действовавшей в Королевстве Польском русской армии. Один из главных ударов повстанцы направляли на Поланген, рассчитывая получить через этот порт на Балтике помощь из-за границы. Однако находившийся там отряд русской пограничной стражи отбил нападение. Только в Вильно, несмотря на действия в столице Литвы повстанческого Главного комитета, русские власти удерживали контроль над ситуацией благодаря решительности губернатора М.Е. Храповицкого, по приказу которого были арестованы и в дальнейшем казнены обвиненные властями в причастности к руководству заговором Лобановский и Кудревич⁶⁴. Свою роль сыграло и участие в войне на стороне русских войск ополченцев-добровольцев из Курляндии и Риги.

Согласно оценкам польской историографии, царским войскам в Литве «приходилось подавлять сопротивление большей частью литовского и польского населения, в меньшей степени – белорусского. Делалось это весьма жестоко: сжигали целые деревни, опустошали городки, убивали мирных жителей, расстреливали тех, кто в той или иной мере оказывал

сопротивление (резня в Ошмянах). Это была не война с партизанами, а варварское умиротворение восставшей страны»⁶⁵. Приведенное мнение справедливо лишь отчасти. Как уже говорилось, восстание в Литве действительно сопровождалось крестьянскими выступлениями, как правило, возглавляемыми местной шляхтой. С этой точки зрения оно было в большей степени народным, чем на Украине и даже в Королевстве Польском. Об этом свидетельствовали его участники и современники.

В апреле 1831 г. из трех находившихся в руках русских литовских городов (в которых действовало повстанческое подполье и находились руководители восстания) – Вильно, Ковно, Видзы – последний не имел существенного стратегического значения, атака повстанцев на Ковно была отбита. Главным пунктом с исторической, стратегической и политической точек зрения было Вильно. 17 апреля отряды Ю. Заливского (иногда именуемого в русских источниках как Залуский) стали собираться вокруг Вильно. Руководители восстания надеялись собрать 16–20 тыс. чел. По воспоминаниям Ф. Вротновского, собрались до 3 тыс. чел.: 150 всадников, 1000 пеших, вооруженных ружьями, и 2000 косиьеров. Повстанцы сосредоточились на левом берегу реки Вильни. Против них 18 апреля был выслан отряд казаков. Последние, встретившись с инсургентами, начали отступление и увлекли преследователей под огонь пехоты и артиллерии. Литвины обратились в бегство, а повстанческая пехота попыталась укрыться в домах и овинах расположенного поблизости селения. Командовавший русским отрядом П.С. Верзилин, избегая напрасных потерь, приказал поджечь строения. Из объятых огнем домов повстанцы в поисках спасения бросились к лесу. Их потери достигали 120 человек, русский отряд потерял 6 человек⁶⁶. Этот трагический эпизод был запечатлен во многих воспоминаниях и рассказах современников, послужив в дальнейшем обоснованием для размноженных в публицистике и подхваченных в историографии «доказательств» чрезмерной жестокости русских войск.

К концу апреля русские силы в Литве получили значительные подкрепления и смогли перейти к наступательным действиям. 24 и 25 апреля С.А. Хилков вступил в столицу Литвы во главе 1-й уланской дивизии, части которой разместились в Вильно и в Ковно. План русского командования состоял в том, чтобы из Вильно как из центрального пункта вести наступление по разным направлениям, контролируя дороги и расположенные на них населенные пункты, а также рассеивая отряды повстанцев⁶⁷. Тем не менее восстание продолжалось с не меньшим размахом, наивысший его подъем пришелся на время неудачного штурма Палангена 10–13 мая, где восставшие рассчитывали получить доставленное из Англии оружие.

Восстание в Литве было с энтузиазмом и сочувствием встречено общественностью Королевства Польского, которая требовала оказать

восставшим военную помощь. Но лишь в конце мая, когда на левом берегу Вислы под Варшавой развернулось решающее сражение, верховное командование выделило два корпуса регулярных войск, Д. Хлаповского и А. Гелгуда, для поддержки литвинов. Их выступление в поход сопровождалось принятием повстанческим Сеймом 19 мая постановления о включении в состав шляхетских послов Сейма нескольких десятков представителей «забранных земель». Формальные выборы таких послов носили фиктивный характер, так как не могли быть проведены ни в Литве, ни на Подолии и Волыни, а состоялись в Варшаве в июне 1831 г.⁶⁸ Не касались они также и польских земель во владениях Габсбургов и Гогенцоллернов. Вместе с тем подчеркнутое включение в состав Сейма представителей литовской и украинской шляхты в очередной раз свидетельствовало о шляхетском облике повстанческого движения, которое носило не столько национальный, сколько сословный характер, по крайней мере в лице повстанческих верхов и его политического руководства.

Отряд Хлаповского действовал в Литве весьма решительно, одержав победы в ряде боев, пополнив свои ряды литовскими повстанцами. Гелгуд, силы которого более чем в 17 раз по численности превосходили отряд Хлаповского, показал себя пассивным и неспособным командующим. После первого успеха под Райгродом (29 мая) он не решился наступать на Вильно и остался в Жемайтии. Только 10 июня объединенные силы Хлаповского, Гелгуда и литовских повстанцев двинулись на столицу Литвы, но на этот раз Вильно защищала уже 20-тысячная русская армия. 20 июня в Понарских горах под Вильно состоялось решающее сражение. Польские войска потерпели поражение, часть их перешла прусскую границу, при этом Гелгуд был застрелен одним из повстанцев, обвинившим генерала в измене, за намерение сдаться пруссакам. Только Г. Дембинский после 25 дней форсированного марша с боями прорвался в Королевство Польское, и 3 августа его отряд был торжественно встречен в Варшаве⁶⁹.

Поражение восстания в Литве значительно ухудшило положение восставших в Королевстве, куда российское командование уже в июле 1831 г. смогло перебросить дополнительные силы, невзирая на сопротивление отдельных обескровленных партизанских групп, которые продолжали борьбу, и безуспешно, даже осенью и в начале зимы. Так, 24 ноября (6 декабря) повстанцам удалось на короткое время захватить Паланген, город, который они не раз пытались занять начиная с апреля 1831 г.⁷⁰ Однако и на этот раз инсургенты незамедлительно были оттуда выбиты. Российская жандармерия продолжала операции в Литве по очистке края до конца 1831 г., что свидетельствовало об ожесточенности сопротивления в Литве уже после падения Варшавы и поражения восстания в самом Королевстве Польском. В исторической памяти поляков и в польской историографии хранятся имена героев Литовского восстания

1831 г.: Эмилии Платер, в память которой названа одна из центральных улиц Варшавы, а также руководителей повстанческих отрядов: генерала Бенедикта Кольшко, участвовавшего также и в движении в Подолии, и генерала Юзефа Гедройца. Особую известность получили литовские повстанческие отряды Ю. Заливского, К. Шона, А. Пушета и Т. Мирского. В тылу русской армии на границах Литвы и Королевства Польского, по подсчетам польских историков, сражались около 8 тыс. чел.⁷¹

В польской историографии повстанческое движение в Литве и на Украине называется, как правило, партизанским. Однако современное понимание этого термина существенно отличается от смысла, придававшегося ему в первой половине XIX в. В современном значении партизанское движение выступает как широкое народное вооруженное сопротивление захватчикам, основу которого составляют демократические слои общества. В XIX в. термином «партизаны» обозначались небольшие вооруженные нерегулярные отряды («партии»), действовавшие самостоятельно и отдельно от регулярных воинских частей и соединений. Именно в этом значении литовские и украинские шляхетские отряды назывались партизанами. Применение к ним термина современного значения вольно или невольно ведет к искажению социального содержания повстанческого движения, дворянского по своему характеру, независимо от участия в нем крестьянских элементов, рекрутируемых шляхтой в своих имениях или вследствие использования дворянскими предводителями в своих интересах крестьянского недовольства политикой властей, как это было, например, в Литве.

9. ПОЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ РУССКОГО ГВАРДЕЙСКОГО КОРПУСА И СРАЖЕНИЕ ПРИ ОСТРОЛЕНКЕ

Весной 1831 г. польская армия захватила инициативу на театре военных действий в Королевстве Польском. Существенные стратегические преимущества получили повстанцы в этот период с началом восстания в Литве и на Украине. Тем не менее, несмотря на благоприятную ситуацию, польская армия не смогла ею воспользоваться и не одержала побед, которые могли бы укрепить позиции повстанцев как внутри Королевства Польского, так и за рубежами страны. Главнокомандующий Скшинецкий и большинство генералов хотели уклониться от генерального сражения и не верили в его успех. Пораженческие настроения командования беспокоили радикальные круги повстанцев, вызывая подозрения в измене. В то же время А.Е. Чарторыский настаивал на активизации военных действий, чтобы эффектноими победами склонить страны Западной Европы, как он сам говорил, «к интервенции». Калишане и консерваторы расценивали сложившуюся ситуацию как кризис восстания, указывали на финансовые трудности, на отсутствие резервов, людских и

экономических, и настаивали на быстрых и результативных действиях, способных разрешить ситуацию, особенно ввиду нарастания антишляхетского крестьянского движения⁷².

Среди польских генералов наиболее последовательным сторонником активизации военных действий был И. Прондзиньский. Хотя Скшинецкий и не позволил своему генерал-квартирмейстеру начать наступление против главных сил Дибича, однако, после долгих препирательств в среде высшего командования, согласился на операцию польских главных сил (около 45 тыс. чел.) против 28-тысячного российского войскового соединения, располагавшегося по линии Ломжа – Шнядово – Остроленка, во главе с гвардейским корпусом под командованием вел. князя Михаила Павловича.

План Прондзиньского состоял в том, чтобы разбить русскую гвардию прежде, чем Дибич смог бы прийти ей на помощь. В дальнейшем главные силы польской армии могли бы соединиться с литовскими повстанцами или же действовать на фланге армии Дибича⁷³. Прондзиньский считал, что целью операции должен стать разгром лучших российских воинских частей, что, несомненно, имело бы не только военное, но и политическое и психологическое значение⁷⁴.

Вечером 12 мая Скшинецкий выступил из района Миньска Мазовецкого и Калушина с четырьмя пехотными и двумя кавалерийскими корпусами. Навстречу ему двигался располагавшийся заслоном против русских на Брестском шоссе корпус Уминьского. Всего в польском наступлении должно было участвовать 45–46 тыс. чел.

Русская гвардия вместе с отрядом Д.Е. Сакена насчитывала 27 тыс. чел. Таким образом, в случае осуществления замысла польского командования наступавшая польская армия получила бы более чем полуторакратное превосходство над противостоявшими русскими войсками. На успех поляки могли рассчитывать только в случае внезапности действий, достигнув решающего перевеса сил на направлении главного удара, и при невозможности для русских воспользоваться своим преимуществом в огневой мощи артиллерии.

Однако внезапности польской стороне добиться не удалось. Командир гвардейского корпуса получил сведения о движении поляков между Бугом и Наревом 11 мая, т. е. еще до выступления Скшинецкого, и отдал приказ сосредоточить собственные силы или для наступления на слабейшего противника, или, в случае превосходства последнего, для отступления к Нуру на соединение с Дибичем. Но поляки воспрепятствовали соединению гвардии с главными силами, и Михаилу Павловичу пришлось продолжить отступление, ведя упорные арьергардные бои, в расчете занять выгодную позицию на высоком берегу Нарева.

Вместе с тем положение польских войск постепенно осложнялось. Не достигнув решительного успеха, они все более удалялись от Варшавы

и вышли значительно за пределы района, первоначально предназначавшегося для операции. Теперь главные польские силы вынуждены были считаться с угрозой концентрического удара со стороны гвардейского корпуса и армии Дибича. В этих условиях Прондзиньский предлагал сосредоточить главные силы польской армии в Ломже, воспользовавшись тамошними укреплениями на правом берегу Нарева, и через Августовское воеводство взаимодействовать с литовскими повстанцами, угрожая ударом с тыла в случае, если русские войска предпримут попытку переправы через Вислу и движения к Варшаве. Этот план, в случае его принятия, означал кардинальное изменение всей польской стратегии, поскольку Варшава переставала быть центром и базовым ресурсом всей польской обороны. Скшинецкий не допускал такой возможности и приказал возвратиться к Варшаве. 22 мая польская армия оставила Тыкочин и отступила к Остроленке.

По поводу адресованных Скшинецкому польскими исследователями упреков в медлительности в ходе операции против русского гвардейского корпуса можно только заметить, что польские войска продвигались с боями, преодолевая сопротивление арьергарда противника. Они были вынуждены действовать в неясной обстановке (без достоверных сведений о силах и планах противника), постоянно подвергаясь угрозе контрудара, перестраиваясь из боевого в походный порядок и обратно, что, естественно, существенно замедляло польское наступление.

Узнав о движении польских войск против гвардейского корпуса, Дибич не предполагал, что это были главные силы поляков. Медлительность Скшинецкого только поддерживала убеждение фельдмаршала, что польские силы не обладают превосходством. Тем не менее он приказал Михаилу Павловичу держаться до последнего и двигаться на соединение с главными силами, а сам начал готовиться к переправе через Буг для похода на помощь русской гвардии. Таким образом, польская армия оказалась под угрозой удара как со стороны гвардейского корпуса, так и главных сил русской армии.

После переправы через Буг Дибич приказал атаковать корпус Т. Лубеньского, чтобы или нанести ему поражение, или заставить отступить, лишив поляков возможности препятствовать действиям своих главных сил. Лубеньский промедлил сутки, и 22 мая его войска частично были окружены в селении Нур на берегу Буга и разбиты. После этого у поляков не осталось иного выхода, как отступить тем же путем, каким днем ранее они наступали. С флангов за отступавшими польскими войсками двигались гвардейский корпус и главные силы Дибича. Польская армия отступала стремительно, оставляя раненых и оставших.

Русские войска двигались форсированным маршем, чтобы отрезать для польской армии путь к отступлению у Остроленки, где пролегалли дороги к главным переправам на Нижнем Буге на пути в Варшаву.

В Остроленке имелись хорошие возможности для обороны под прикрытием довольно широкой и глубокой реки, затруднявшей переправу противника. Однако обстоятельства сложились так, что, не ожидая быстрого наступления русских, Скшинецкий с войсками вплоть до вечера 25 мая оставался на левом берегу реки. Только увидев авангарды подходивших с двух сторон Дибича и великого князя, польский главнокомандующий приказал начать переправу⁷⁵.

С востока Остроленку оборонял корпус Т. Лубеньского. Ранним утром 26 мая авангард Дибича атаковал Лубеньского и после короткого боя вынудил его покинуть город и перейти по мосту на правый берег Нарева. Мосты остались в руках русских, которые, разместив на высоком левом берегу артиллерию, под ее прикрытием перешли по ним на правый берег. Это вызвало панику у Скшинецкого, опасавшегося, что будет отрезан путь к отступлению главных сил на Варшаву и что находившийся в Ломже А. Гелгуд не сможет прийти им на помощь⁷⁶. Ни подготовленной обороны, ни плана сражения у Скшинецкого не было. Покинув город, он возложил руководство сражением на Прондзиньского.

26 мая к 10 часам русские войска подошли к левому берегу Нарева, где располагались не успевшие переправиться польские войска и на прибрежных дюнах стояли части корпуса Лубеньского. К 12 часам польская оборона на левом берегу была полностью подавлена, в плен было взято 1200 чел., а главные силы Дибича завершили переправу. На правом берегу Нарева отчаянные польские контратаки оттеснили русские части почти к самой береговой полосе, однако здесь решающую роль сыграл ураганный огонь русской артиллерии с левого берега. Затем русские войска перешли в наступление вдоль дорог против растянутого левого фланга польской армии, где оборонялся корпус Скшинецкого. Главный же удар Дибич нанес по правому флангу, занимавшему оборону на левом берегу реки Омудев. Спасло польскую армию от полного поражения только мужество и искусство расположенных там артиллеристов Ю. Бема. Сражение на правом берегу Нарева продолжалось до позднего вечера и было остановлено только с наступлением темноты. К исходу дня у обеих сторон оставались еще нетронутые резервы: у Скшинецкого – дивизия Гелгуда, у Дибича – корпус Шаховского. Однако обе стороны не решились возобновить сражение. Оно дорого стоило и русским, и полякам: русская армия потеряла убитыми и ранеными 172 офицера и до 4700 нижних чинов, поляки – 255 офицеров и до 9000 нижних чинов, в том числе 2100 польских военных были взяты в плен⁷⁷.

Под Остроленкой Войско Польское понесло практически невосполнимые потери, особенно это касалось офицерского корпуса и обладавших боевым опытом и воинскими навыками солдат, на замену которым не было обученных резервистов. Психологически итоги поражения под Остроленкой были глубокими и зловещими. Генералы утратили всякую

надежду на победу, офицеры – волю к борьбе. В войсках ширилось недоверие к командованию. Надвигался кризис. Высшее польское командование оказалось далее неспособно руководить войсками. Армия стояла под Прагой, а Скшинецкий занимался более политикой, чем руководством войсками и планированием военных операций.

10. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОССТАВШЕГО КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО И СИСТЕМА ПОВСТАНЧЕСКИХ ВЛАСТЕЙ ЛЕТОМ 1831 Г.

Ноябрьское восстание свергло с польского королевского престола Николая I. Акт детронизации и разрыв унии с династией Романовых и Россией для Королевства Польского означали кардинальные изменения его статуса в государственно-правовом отношении. В стране был возрожден республиканский государственный строй. Верховным органом государственной власти вновь стал Сейм, то есть было восстановлено его полномочие, как это было в шляхетской Речи Посполитой до третьего раздела Польши 1795 г. Правда, от Конституции 1815 г. Сейм сохранил в своем составе, наряду с избранными на шляхетских сеймиках послами, избранных в гминах депутатов, представлявших недворянские сословия, прежде всего – горожан. Присутствие отдельных представителей мещанства в Сейме не изменило его шляхетской природы, он оставался органом практически безраздельного господства дворянства. По крайней мере, каких-либо самостоятельных выступлений депутатов от гмин в защиту сословных интересов своих избирателей не было зафиксировано. Ко времени восстания обе Избы (палаты) Сейма объединяли 128 послов и депутатов, а также 52 сенатора. В мае – июне 1831 г. в Сейм были включены представители Литвы и украинских земель (31 посол и 1 сенатор) и удалены «изменники» (8 сенаторов во главе с председателем senatorской Избы Станиславом Замойским и 4 посла). Некоторые из послов и сенаторов попросились в отпуск и получили на то разрешение маршала Сейма В. Островского. Таким образом они надеялись сохранить, с одной стороны, лояльность царскому правительству, а с другой – отношения с повстанцами и избежать обвинения в «измене».

Политическую жизнь Королевства Польского в период восстания определяли три основных направления общественного движения, которые сложились в Королевстве еще в конституционный период. Направление шляхетского консерватизма отстаивало незыблемость крепостнических отношений, несмотря на декларативную отмену в 1807 г. личной зависимости крестьянства. Консерваторы выступали за неприкосновенность сословных привилегий и господства шляхты. Это направление доминировало политически и было представлено преимущественно

аристократическим лагерем во главе с А.Е. Чарторыским. Разрыв с царем вынудил аристократические верхи возглавить восстание, направив его в русло сугубо конституционного конфликта с царем, хотя и вылившегося в военные действия противостоящих регулярных армий, но не предполагавшего существенных социально-политических перемен в общественном строе Королевства Польского. При этом все свои надежды Чарторыский и его сторонники возлагали на «интервенцию» (военную и дипломатическую) западных держав. Война с царской армией представлялась в этом случае демонстрацией, обращенной к «загранице». «Мы принудим Европу вмешаться в наши дела, – заявлял Чарторыский и утверждал: – Полагаю это единственным способом обретения независимости»⁷⁸.

К консервативному лагерю примыкало политическое течение либерального толка, представленное главным образом калишанами. Либералы пользовались значительным влиянием в Сейме и правительстве. От консерваторов их отличало только последовательное отстаивание принципов конституционной монархии, неприятие диктатуры и «тирании», в том числе и со стороны революционеров-радикалов, а также решительная защита конституционных свобод.

Радикальное крыло повстанческого движения было представлено Патриотическим обществом. Члены общества не сформулировали определенной политической программы. Они выступали за всестороннее развитие демократических свобод и отмену сословных привилегий, ограничившись характерными для дворянской революционности представлениями о политической революции в духе идей Великой французской революции. Вождем Патриотического общества, представлявшим его и в правительстве, и в Сейме, был И. Лелевель, хотя его демократические воззрения разделяли далеко не все сторонники Общества. Главной особенностью политической линии Общества была его ориентация на расширение социальной базы восстания, на вовлечение в повстанческую борьбу горожан и даже крестьянства, ради чего радикалы допускали проведение некоторых преобразований в духе сословных требований городской и сельской демократии. Общество выступало также за наступательную стратегию боевых действий, за применение методов революционной диктатуры, в частности за репрессии в отношении противников восстания, за судебное преследование «изменников и шпионов». Однако и в вопросах повстанческой стратегии и тактики они не отступали от принципов дворянской революционности, безоговорочно разделяя лозунг о восставлении шляхетской Речи Посполитой в границах 1772 г.

В целом политическая жизнь Королевства Польского периода восстания концентрировалась вокруг двух центров – Сейма и «варшавской улицы», когда свое слово произносило городское население столицы. Политическая активность провинции была в это время малозаметна. В развернувшейся политической борьбе Сейм занимал умеренную позицию,

хотя и ощущал сильное давление общественного мнения и столичного Патриотического общества. Очевидным свидетельством консерватизма Сейма были дебаты по «крестьянскому вопросу».

В польской историографии повстанческий Сейм подвергался критике за капитулянтские настроения, за политиканство и отказ от ведения «революционной войны», а также за сословную дворянскую ограниченность в деле социальных преобразований, прежде всего в крестьянском вопросе⁷⁹. Однако начиная с 1980-х гг. польские историки придерживаются мнения, что эта оценка не вполне справедлива. По словам Т. Лепковско-го, «парламент сформировал и поддерживал Национальный совет, орган наиболее либеральный в тогдашней Европе. Свобода слова соблюдалась неукоснительно. Власти проводили курс на толерантность в отношении общественных организаций, в том числе и к Патриотическому обществу. Была гарантирована и соблюдалась религиозная терпимость, законодательно и на практике осуществлялась независимость суда. Без Сейма эти гражданские свободы были бы под вопросом»⁸⁰. Сейм путем избрания назначал главнокомандующего, который, однако, единолично решал все военно-стратегические вопросы и ведал управлением войсками. Сейм также избирал ответственное перед ним правительство, а также руководил государственной администрацией.

Правительственную власть Сейм поручал избранному им Национальному совету, который ввиду детронизации Николая I и провозглашенного «бескорольвья» осуществлял функции конституционно ограниченного монарха. Национальный совет подразделялся на отделы и руководил стоявшими во главе правительственных комиссий министрами, хотя последние формально не относились к членам Совета. Члены совета курировали определенные властные направления. А.Е. Чарторыйский отвечал за иностранные дела, занимая пост и соответствующего министра. С. Бажиковский (консерватор) ведал военными делами и контролем за армией. Т. Моравский контролировал финансы. В. Немоевский ведал внутренними делами, администрацией и полицией. И. Лелевель отвечал за отдел религиозных исповеданий, просвещения и юстиции. Министры и правительственные комиссии осуществляли исполнительные и административные функции.

Национальный совет распоряжался государственными доходами, назначал и увольнял чиновников государственной администрации, назначал судей и прокуроров, а также генералов и старших офицеров. В области внешней политики – назначал зарубежных дипломатических агентов и заключал международные соглашения. На практике этим ведал Чарторыйский, а его заместителем был Г. Малаховский. По характеру правительство было коалиционным и не свободным от внутренних конфликтов и споров. Большинство в правительстве представляли консерваторы, которых Патриотическое общество называло аристократическо-дипломатической фракцией. Ведущая роль ее в правительстве объяснялась не только

лидерством Чарторыского, но и тем, что главнокомандующий Скшинецкий считался клиентом князя. Поэтому в руках консерваторов находились два ключевых ведомства – военное и внешнеполитическое.

Наряду с консервативным большинством в правительство входили калишане и И. Лелевель от Патриотического общества. Несмотря на внутренние межфракционные и личные противоречия, правительство работало напряженно и в целом эффективно, обеспечив мобилизацию ресурсов для ведения войны, поддерживая стабильную систему государственного управления и финансов, осуществляя патриотическую пропаганду и всеми средствами подавляя внутреннее сопротивление противников восстания и царских агентов.

Региональное и местное управление в период восстания не претерпело изменений по сравнению с административной системой конституционного Королевства Польского (воеводские комиссии во главе с председателями, комиссары в обводах, войты и бурмистры в гминах и городах). Среди местных властей правительство провело чистку, удалив лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с царскими властями или вызывавших подозрение по иным основаниям. Во время восстания деятельность воеводских и муниципальных советов переживала период подъема. Различные комитеты и делегации активно участвовали в делах самоуправления, в раскладке податей и повинностей, в распоряжении общественным имуществом, в опеке над госпиталями. Местная власть (войты) формировалась, как и раньше, из числа помещиков. В их руках находилась и стража безопасности, охранявшая в первую очередь интересы землевладельцев. Она также охраняла порядок, следила за соблюдением правил хозяйственной деятельности (торговли) и за взыванием налогов и других платежей, за исполнением повинностей.

11. Крестьянский вопрос и внутренняя политика Королевства Польского

Центральной проблемой польской и российской истории XIX в., вплоть до осуществления крестьянской реформы в 1860–1870-е годы, был крестьянский вопрос. В повстанческом Королевстве Польском он приобретал особое значение, так как от позиции крестьянства во многом зависели как характер восстания, так и его перспективы, в частности, возможность и способы пополнения Войска Польского и других повстанческих сил. К крестьянскому вопросу впервые правительство обратилось в марте, когда после Гроховского сражения возникла острая потребность возмещения понесенных людских и материальных потерь, а также с учетом того, что рекрутированные крестьянские отряды в ходе боев не проявили должного патриотизма.

Соответствующий проект был представлен Сейму Правительственной комиссией доходов и финансов, а подготовил его близкий к калишанам А. Бернацкий. 28 марта проект был рассмотрен на пленарном заседании Посольской избы, правда, в отсутствие многих послов и депутатов, покинувших столицу ввиду угрозы Варшаве со стороны армии Дибича. Проект касался только крестьян государственных имений, в чем нашла отражение принципиальная позиция польской шляхты, исключавшей любое вмешательство государства в отношения помещиков с крестьянами. Он предусматривал передачу в течение 10 лет крестьянских наделов в собственность держателей при условии уплаты ими фиксированного оброка (чинша). Освободиться от повинности крестьянин мог путем выкупа. В Сейме этот проект встретил решительное сопротивление консерваторов. Критическую оценку он получил и в общественном мнении как справа, так и слева. Демократическая «Нова Польшка» писала, что предлагаемая реформа отнюдь не улучшит положение крестьян⁸¹.

Во время дебатов по проекту Бернацкого посол сейма Я. Шанецкий внес свое предложение об отмене барщины и оброков без возмещения помещикам за утраченные феодальные права. В нем, однако, ничего не говорилось о малоземельных крестьянах и о помещичьих захватах крестьянских наделов. Оно не удостоилось даже внимания комиссии Сейма. Наконец, в ходе дебатов представитель оппозиции и член Патриотического общества Р. Солтык заявлял о неизбежности наделения крестьян землей, однако оговаривался, что это относится только к государственным имениям⁸².

Политика повстанческих властей в «крестьянском вопросе» отражала консервативный характер внутренней политики правительства периода восстания в целом. Аграрный кризис в Европе в 1820–1830-е гг. тяжело сказался на экономическом положении Королевства Польского, которое в условиях войны только ухудшилось, сокращалась хлебная торговля, упадок переживало ремесленное и мануфактурное производство, что было обусловлено рядом факторов – переориентацией производства на военные нужды, нарушением экономических связей с Россией, отъездом на родину квалифицированных специалистов-иностранцев.

Страна столкнулась с нараставшими финансовыми трудностями, которые усугубились арестом польских активов в банках России и Пруссии – важнейших финансовых партнеров Королевства Польского. В июне 1831 г. бюджетный дефицит Королевства составил 5 млн. злотых, а на вторую половину года он ожидался уже в сумме 65 млн. Для его покрытия правительство обратилось за внешними займами в Вену, Париж и Лондон, но эта попытка оказалась безуспешной. Прибегали власти и к внутренним заимствованиям путем выпуска облигаций Земского кредитного общества и билетов Польского банка. При этом активы самого банка и помещенные в нем вклады затронуты не были. Ввиду ожидавшегося бюджетного дефицита Сейм одобрил повышение налогов и

чрезвычайный «побор» – так называемое «пожертвование» (*ofiara*) на нужды восстания⁸³. Однако эти меры не принесли результата, в частности и потому, что основная масса шляхты, от которой в решающей степени зависел сбор налогов, не желала принимать на себя дополнительные материальные тяготы по поддержке восстания. Финансовая ситуация повстанческих властей во второй половине 1831 г. свидетельствовала, что восстание вступило в полосу упадка. В целом же опыт показал, что финансовая система, созданная начиная с 1818 г. в Королевстве Польском, продемонстрировала свою относительную устойчивость, и вместе с тем – что страна не располагала необходимыми ресурсами для длительной борьбы с превосходящими силами противника.

С немалыми трудностями правительство и местные повстанческие власти столкнулись в районах со значительной долей непольского населения (белорусского, литовского, украинского). Крестьянство на этих территориях еще меньше, чем польские крестьяне, отождествляло себя с интересами восставших польских помещиков и оказывало сопротивление при вербовке, при сборе налогов, при отработке государственных и владельческих повинностей. Особенно это касалось немецкого населения. Значительная часть представителей высшего его слоя покинула страну в начале восстания. Некоторые владельцы мануфактур, не желая оставлять свою собственность, создали для защиты своих владений вооруженные отряды, оказывавшие сопротивление повстанческим властям. Наиболее решительное противодействие им наблюдалось среди немецких колонистов Великой Польши. В Жихлине те отказались приносить присягу восставшей республике и сформировали в окрестных лесах антипольские вооруженные отряды.

Нарастали и противоречия между господствующим сословием и польским крестьянством. Вначале польская деревня ожидала от повстанческих властей улучшения своего положения и с надеждой следила за дебатами в Сейме, но вскоре наступило разочарование, так как помещики не только не отказывались от крестьянских повинностей, но даже их увеличивали. Это привело к росту пассивного сопротивления: к уклонению от уплаты налогов и от выполнения барщины, от вербовки в Стражу безопасности и т.п. Но имели место и более серьезные проявления крестьянского недовольства. В начале июня 1831 г. в Милковицах (Калишское воеводство) 4 тыс. крестьян из Стражи безопасности напали на шляхетский фольварк. В Краковском воеводстве крестьяне из местной стражи грозили проезжавшим, выкрикивая: «Пойдем на москалей, но сначала перебьем шляхту, ибо она причина наших сегодняшних бедствий». Серьезные волнения произошли в повете Олькуском, где крестьяне выступили против чиновников, собиравших налоги и налагавших штрафы на семьи дезертиров. Двигаясь от деревни к деревне, крестьяне забирали с собой укрывавшихся дезертиров. Их число возросло до тысячи человек. Из толпы раздавались выкрики с угрозами в адрес чиновников, ксендзов

и проклятия «господской войне». В ряде случаев дело дошло до столкновений с местной Стражей безопасности⁸⁴.

В мае – июне 1831 г. серьезно возросло дезертирство из армии, что вызвало обеспокоенность властей. Меры по преследованию дезертиров предпринимались в Калишском, Сандомирском, Краковском воеводствах. Оценить масштабы бегства достаточно сложно, однако только в Краковском воеводстве значилось 800 имен дезертиров⁸⁵.

Своего рода синтетическим выражением внутреннего состояния Королевства Польского после поражения польской армии под Остроленкой стал вопрос о формировании народного ополчения – «посполитого рушения». Сама идея такого ополчения, очевидно, основывалась на том, что обычными способами возместить понесенные потери и пополнить ряды Войска Польского повстанческие власти были уже не в силах, отсюда вытекало их стремление привлечь на сторону восстания и направить на войну новые и пока в массе своей не затронутые людские ресурсы. Созыв посполитого рушения исторически и политически представлял собой решительный шаг двоякого свойства. В истории Польши и шляхетской Речи Посполитой посполитое рушение было ополчением дворянства шляхетской республики для борьбы с внешним врагом. Таким образом, само название ополчения указывало на его шляхетский, сословный характер, а его сбор предполагал мобилизацию шляхты Королевства на помощь Войску Польскому. В то же время радикальные круги дворянских революционеров в повстанческом лагере связывали организацию посполитого рушения с планами привлечь на сторону восставших крестьянские массы, которые пошли бы в бой не по принуждению, а повинувшись патриотическому долгу.

Очевидно, что подобные планы плохо согласовывались с неполноправием крестьянства и крепостническими отношениями в польской деревне. О надеждах привлечь крестьянство на сторону восставших писала радикальная пресса еще в феврале и в марте 1831 г. В июне же «Новая Польшка» прямо призвала к вооружению крестьянства, определенно связав планы подобной мобилизации с конкретными предложениями по расширению сословных прав крестьян⁸⁶. Тогда же депутат Сейма Я. Шанецкий при поддержке Патриотического общества внес в Сейм проект закона о посполитом рушении. В проекте провозглашалось, что «крестьяне получают право собственности на землю, но без нарушения права частной собственности». Так в проекте, во-первых, по существу устанавливался приоритет помещичьего права на землю перед правом крестьянским, а во-вторых, права на землю фактически лишались безземельные крестьяне. Кроме того, проект легализовывал помещичьи захваты крестьянских наделов и перевод их в барскую запашку, а малоземельные крестьяне и все крестьяне, пострадавшие от помещичьих захватов, лишались права на возвращение утраченных наделных земель. Главным в проекте была отмена повинностей (барщины) для вступивших в ополчение крестьян,

однако оставалось неясным, произойдет это безусловно или путем очиншевания и какие этапы предусмотрены в «постепенном» осуществлении предлагаемой реформы.

Проект Шанецкого о посполитом рушении был опубликован 17 июня и, хотя отнюдь не отличался революционностью, встретил в Сейме решительное противодействие шляхетских послов. С военной точки зрения против объявления ополчения выступило и армейское командование. Сквинецкий указывал на ограниченность применения крестьянских отрядов в боевых действиях, на их низкую боеспособность. Проект Шанецкого был похоронен, но в итоге, уступая общественному мнению, правительство объявило посполитое рушение 21 июня. Однако в нем была реализована шляхетская концепция. Поэтому вместо 60–80 тыс. вооруженных крестьян, освобожденных из-под ярма барщины и сознающих, за что они сражаются, возникла немногочисленная и малозначимая в военном отношении «шляхетская партизанщина». Большинство шляхетского сословия предпочло не вступать в ополчение. Что же касается оказавшихся в его рядах немногочисленных крестьян, то командование, опасаясь их антипомещичьих настроений, приняло все возможные меры для установления над крестьянами – ополченцами самого строгого контроля со стороны дворян – командиров. Ксендзы должны были внушать крестьянам, что начальники имеют «моральное право» применять к ним самые суровые меры. «Для этого, – гласила официальная инструкция, – надлежит предупредить и двукратно повторить вступающему в посполитое рушение, что он находится под действием строгих военных законов и что за их нарушение, за неповиновение, за бунт, за измену и дезертирство он подлежит смертной казни»⁸⁷. Призыв в ополчение ничем не отличался от рекрутского набора времен Константина Павловича: с 50 дворов брался один конный ополченец, с 10 дворов – один пеший.

Таким образом, посполитое рушение обернулось еще одной тяжелейшей повинностью для крестьян. На левобережье Вислы, остававшемся под контролем повстанческих властей, призыв в ополчение обернулся крестьянским саботажем и даже бунтами. Зачастую мобилизованные в войско крестьяне разбегались при первом же столкновении с русскими отрядами. В итоге кампания по организации посполитого рушения, вопреки замыслу инициаторов, не только не укрепила, а, напротив, ослабила повстанческие власти и восстание в целом.

12. Повстанческий тыл летом 1831 г.

Ноябрьское восстание не было только войной Королевства Польского и шляхетских партизан в Литве и на Украине. Помимо территорий бывшей Речи Посполитой, захваченных Россией в результате разделов

Польши в XVIII в. между державами Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов, движение в поддержку восставшего Королевства Польского развернулось и на польских землях в составе Австрии и Пруссии. Таким образом, тылом повстанческого движения стали все польские земли, а это служило еще одним доказательством того, что, будучи разделенными великими державами, польские земли и польский народ не утратили исторической общности.

Наиболее значительную помощь оказывало повстанцам население Великого княжества Познаньского. Более 3,5 тысяч поляков всех сословий из Княжества сражались в повстанческих войсках. Доброволец из Великой Польши Игнацы Мелжиньский участвовал в боевых действиях в Литве, где погиб в битве под Шавлями. Из Княжества Познаньского доставлялась также значительная материальная и финансовая помощь. Среди организаторов помощи раненым повстанцам в Великой Польше была Э. Шанецка. Группы добровольцев приходили для участия в восстании и из других польских областей Пруссии (Поморья, Мазур, Силезии).

Краков, в соответствии с дипломатическими планами Чарторыского, формально не присоединился к восстанию. В то же время граница Краковской республики с Королевством была открыта. Через Краков поступала всесторонняя помощь, в том числе и оружием, поставлявшимся из Австрии⁸⁸. Такая же помощь поступала и из Галиции. Отсюда в польскую армию пришли от 1 до 1,5 тыс. добровольцев.

Всего в течение неполных 11 месяцев, пока продолжалось восстание, на территории Королевства Польского и в других польских землях в Войско Польское и в партизанские повстанческие отряды в различной форме вступили по меньшей мере 140 тыс. чел. Если прибавить к этому Национальную гвардию и Стражу безопасности, то общая численность вооруженных сил повстанцев будет существенно большей⁸⁹.

Важным является вопрос о состоянии военной экономики восстания, производства вооружения, боеприпасов и в целом материального обеспечения военных действий. В годы конституционного Королевства Польского царское правительство намеренно не создавало на его территории военного производства и не размещало военных заказов, за исключением вещевого довольствия и продовольствования личного состава. Все вооружение и необходимая техника поступали в польскую армию с российских заводов⁹⁰.

С началом восстания, и особенно в период развернувшихся боевых действий, производство вооружений приходилось начинать в Королевстве Польском с нуля. Для изготовления артиллерийских орудий, карабинов и боеприпасов не было необходимых машин и квалифицированных мастеров. Однако наладить изготовление оружия позволил относительно высокий уровень промышленного развития Королевства,

достигнутый к началу 1830-х гг., особенно в области металлургии и металлообработки. На фабрике Грегуар в Варшаве уже в начале 1831 г. был налажен выпуск артиллерийских орудий хорошего качества, но до сентября их удалось отлить только немногим более 20 штук. Всего было изготовлено несколько десятков медных орудий и около 70 железных. В целом такой объем производства был относительно невелик, однако позволил существенно пополнить артиллерийский парк, а в сравнении с военно-промышленным потенциалом Королевства это было весьма значительное достижение.

Карабины изготавливали и ремонтировали на Механической фабрике на Сольце в Варшаве, там в артиллерийских мастерских работали около тысячи человек. Стрелковое вооружение изготавливалось также в варшавском Арсенале и в других городах, в частности в Кельце. Летом 1831 г. производство стрелкового вооружения существенно возросло и достигло 100 карабинов в день, производились также и пистолеты. И все же вооружения не хватало. Примерно третья часть солдат вновь сформированных полков была вооружена косами. Трудности были и с обмундированием, особенно с обувью⁹¹, что негативно сказывалось на боеспособности войск.

Вопросы состояния вооруженных сил, тыла и экономики восставшего Королевства Польского были тесно связаны с проблемой вклада словесий в общую борьбу. Ноябрьское восстание и последовавшая за ним война носили характер дворянской революции, в которой шляхта играла главенствующую роль как в качестве военного командования и офицерского корпуса, так и в качестве верховных и местных властей Королевства, которое в период восстания представляло собой независимое, хотя и не признанное за его рубежами государство. В то же время, обладая государственной властью, польское дворянство смогло мобилизовать людские и материальные ресурсы других сословий – крестьянства и населения городов. При этом вклад именно городского и крестьянского сословий в количественном отношении был наиболее значительным, в то время как ресурсы шляхетских экономий и фольварков были затронуты мало. Благородное сословие, переложив на плечи крестьянства рекрутчину, тяготы налогов и повинностей, используя промышленный и людской потенциал городов, в большинстве своем постаралось избавиться от материального бремени повстанческой войны, не пожелав даже откликнуться на призыв Сейма по сбору специального налога («пожертвования»). Но эгоистичное поведение немалой доли шляхты не могло умалить значения подвигов героев восстания: офицеров и солдат Войска Польского, активных участников повстанческого движения в Королевстве, в Литве и на Украине, мужчин и женщин – добровольцев со всех концов Польши, оказывавших бескорыстную помощь восставшим во имя освобождения Родины.

13. Новый план Николая I по подавлению Польского восстания

Еще в апреле 1831 г. в виду явно неудовлетворительного хода польской кампании в Петербурге начинают задумываться над новым планом военных действий. О грядущих переменах свидетельствовали образование резервной армии под командованием П.А. Толстого и вызов в столицу 17 апреля из Тифлиса Паскевича⁹², который пользовался полным доверием Николая I.

Вероятно, к апрелю 1831 г. относится собственноручная записка императора, в которой он изложил свои мысли о стратегии польской политики России⁹³. Они сводились к трем пунктам. Во-первых, польское государство в любых его формах должно быть уничтожено, а его возрождение недопустимо ни в каком виде. Во-вторых, с военно-стратегической точки зрения Россия заинтересована в присоединении польских земель к востоку от Вислы и Нарева. В-третьих, для преодоления польского кризиса и разрешения польского вопроса в целом целесообразно привлечь союзников – Австрию и Пруссию. Таким образом, в общих чертах царь намеревался вернуться в польских делах к политическим принципам Екатерины II. Эта аналогия становилась еще более заметной, если принять во внимание, что при планировании польской политики и великая императрица, и ее царствующий внук руководствовались императивом борьбы с нависшей над Европой революционной угрозой.

Тогда же, в апреле 1831 г., помимо раздумий над стратегией и способами политического разрешения польского кризиса, Николай I посылает Дибичу составленный им самим план предстоящей кампании. Он констатировал, что на Волыни голод, а в Литве беспорядки, поэтому рассчитывать на быстрое исправление продовольственной ситуации в армии не приходится. Расположение частей и соединений русской армии растянуто, поэтому следует считаться с опасностью атаки на них превосходящих польских сил. В случае даже успешной переправы русской армии на левый берег в верхнем течении Вислы доставка продовольствия будет еще более затруднена (поляки, ожидая наступления с юга, уже давно очистили эти области от продовольствия), а порядки русской армии будут еще более растянуты. К тому же, указывал царь, действуя на этом направлении, русская армия всегда будет подвергаться опасности нападения партизанских отрядов со стороны Кракова.

Отметив недостатки плана Дибича, Николай предлагал обойти Варшаву с севера, переправившись на левый берег в низовьях Вислы. Конкретизируя свой замысел, царь предлагал наступать через Пултуск и Сероцк к Плоцку, где переправиться на левый берег Вислы и далее двинуться по шоссе к западной стороне Варшавы. Для обеспечения наступления планом предусматривалось закупить и доставить из Пруссии

продовольствие, для чего, указывал Николай I, «легко войти в соглашение с прусским правительством». По мнению царя, этот план выгоден еще и потому, что поляки не ожидают переправы русской армии через Вислу на севере у прусской границы, что на западе от Варшавы, вероятно, около Сохачева, произойдет решительное сражение, которое позволит завершить кампанию. При этом царь полагал, что корпус Розена с приданным ему усилением следует оставить около Бреста или Тереспоя. На юго-восточных границах Польши, в Люблинском воеводстве, следовало усилить войска Ридигера и Крейца.

Движение русских войск к Варшаве с севера, вдоль границ Восточной Пруссии, по мысли Николая, не только сократило бы коммуникации русской армии и сделало их более надежными, но и обезопасило бы армию от контрударов польских войск вследствие существенного сокращения оперативного пространства, ограниченного с одной стороны Вислой, а с другой – территорией Восточной Пруссии. Царь имел в виду, что это также «нравственно отрежет» революционное правительство Королевства Польского от Западной Европы, сношения с которой Варшава поддерживала через Пруссию⁹⁴.

Предлагая свой план на рассмотрение Дибича и его штаба, Николай I не хотел, однако, навязывать свою волю главнокомандующему: «Вдумайтесь в мой план действий, подумайте вдвоем вместе с Толем и решайте только по вашему личному убеждению, но требую письменного опровержения»⁹⁵. Дибич вместе с начальником штаба генералом К.Ф. Толем не решился ни принять план царя, ни отказаться от него. В этом Николай усмотрел попытку командующего снять с себя всякую ответственность за дальнейший ход кампании⁹⁶.

Мнение А.П. Щербатова, что Дибич и его штаб якобы игнорировали план царя, противоречило приведенным самим историком фактам, что в начале мая 1831 г. фельдмаршал через русского посла в Берлине Д.М. Алопеуса обратился к прусскому правительству с требованием разрешить русской армии вступить на прусскую территорию, чтобы по мосту в Торунь переправиться через Вислу и ударить в тыл полякам. П.Х. Витгенштейн был напуган таким неожиданным предложением, а король Фридрих Вильгельм III ответил, что в этом случае введет 400-тысячную армию в Княжество Познанское⁹⁷.

Царь был явно недоволен не только Дибичем, но и генералами его штаба, в котором царил дух взаимной вражды и соперничества. К.Ф. Толь и П.И. Нейгарт в свою очередь под надуманными предлогами просили об отпуске и о новом назначении. Дибич в секретной записке Николаю упрекал некоторых своих подчиненных в некомпетентности, а других, напротив, пытался обелить в глазах царя⁹⁸. Николай усмотрел в этом проявление пристрастности и писал Дибичу, что «Толь нестерпимо груб с генералами армии и дозволил себе ударить пленного

польского офицера. Предоставляю вам судить о том впечатлении, которое произвело на меня *cette cochonnerie* (это свинство. – *Б.Н.*). Прошу вас передать ему мое изумление, что мой генерал-адъютант осмелился запятнать себя таким поступком»⁹⁹. Отмеченный эпизод не только негативно характеризует обстановку в окружении Дибича и действия самого главнокомандующего, но отражает также и то, что царь получал сведения о положении в армии и в ее руководстве, также и минуя официальные рапорты командования.

В мае, когда польские главные силы начали наступление против русского гвардейского корпуса, недовольство Николая I ходом кампании и действиями главнокомандующего достигло наивысшего уровня. Он видел, что русская армия, несмотря на численное превосходство, упускала стратегическую инициативу, более того, постоянно подвергалась риску понести тактическое поражение от превосходящих на отдельных участках театра военных действий польских войск. В ответ на рапорт Дибича от 20 мая царь писал: «Не скрою от вас, что на вашу ответственность падают все эти бесцельные потери в рядах гвардии, причем ваши распоряжения, вследствие которых гвардия так пострадала, не согласны с моими приказаниями, вам несколько раз повторенными. Есть мера всякому терпению»¹⁰⁰. Отзыв Дибича с должности главнокомандующего был, таким образом, предreshен.

29 мая 1831 г., на пятый день после приезда в Петербург, Паскевич подает царю Записку с изложением нового плана военной кампании в Польше. Ее содержание сводилось к конкретизации изложенного выше плана Николая I¹⁰¹. О том, что план царя и Паскевича вступил в стадию практической реализации, свидетельствовало начало соответствующих переговоров с прусским правительством, предпринятых российским министром иностранных дел К.В. Нессельроде. В то же время его осуществление натолкнулось на препятствия международного характера.

Весной и летом 1831 г. Берлинский и Венский дворы содействовали царскому правительству в подавлении восстания в Польше, в частности, ввиду их общего участия в разделе страны, а также в силу расчетов Австрии на солидарность Николая I в ее борьбе с освободительным движением в Северной Италии. Однако это содействие далеко не всегда было последовательным и сопровождалось колебаниями, как, например, в случае, когда прусский король негативно ответил на демарш Дибича с требованием разрешить его армии переправиться через Вислу на прусской территории. И подобные затруднения в отношениях с Веной и Берлином возникали неоднократно, например, в связи с укрывавшимися в Австрии и Пруссии польскими повстанцами или из-за пропуска с австрийской территории добровольцев в Королевство Польское.

Во Франции и Англии общественное мнение и политические деятели всячески демонстрировали показное «сочувствие» борьбе поляков за

независимость, однако ничего не предприняли, помимо громких заявлений. Новый римский папа Григорий XVI, целиком зависимый от Австрии и опосредованно от Петербурга, в адресованном польским епископам Послании от 15 февраля 1831 г. в целом осудил бунты против «властей предржащих» и призвал епископов не вмешиваться в светские дела¹⁰². Однако весной 1831 г., в период наибольших повстанческих успехов, понтифик принимал представителя Национального совета, хотя и не обещал реальной помощи. Представители А.Е. Чарторыского были приняты в правительственных кругах и политических салонах Парижа и Лондона.

В Петербурге не исключали реального вмешательства западноевропейских стран в польские дела, и это не могло не тревожить правительство Николая I и побуждало царя, с одной стороны, торопиться с подавлением польского восстания, а с другой – принять меры к усилению армии в виду возможного осложнения положения в Европе как вследствие недружественной позиции Парижа и Лондона, так и возможной новой революции где-то на континенте. Превентивные меры могли в этих условиях состоять только в усилении армии. С этой целью было принято решение на четверть увеличить ее численность. Паскевич в записке, поданной царю в начале июня, советовал «отложить эту меру до получения известия о войне в Европе», но предлагал заранее заготовить на этот случай запасы вооружения, боеприпасов и других необходимых материальных ресурсов, а также, проведя очередной рекрутский набор в сентябре 1831 г., пополнить резервную армию Толстого¹⁰³.

Таким образом, положение в Польше и международная ситуация в Европе требовали скорейшего и решительного окончания войны в Королевстве Польском, причем на условиях полного разгрома повстанческих сил и капитуляции повстанческих властей Королевства Польского. На достижение этой цели и был направлен новый план Николая I, который и предстояло осуществить Паскевичу. От предшествовавшего плана Дибича его существенно отличало только одно – тесное сотрудничество с Пруссией. Однако уже это обстоятельство имело принципиальное значение, ибо демонстрировало, что и треть столетия спустя после разделов Польши «концерт трех черных орлов» не утратил своего значения: приобретение тремя странами-захватчиками польских земель могло быть гарантировано только их совместными и согласованными усилиями, независимо от политического веса и полученной доли добычи каждого из участников «концерта».

Подготовка в Петербурге нового стратегического плана «польской войны» и решения об отставке Дибича с поста главнокомандующего проходили в то самое время, когда фельдмаршал одержал, по сути, решающую победу под Остроленкой. Ее истинное значение было признано Николаем I позднее, а тогда, в конце мая – в начале июня, царь вновь выражал недовольство тем, что, как и в сражении под Гроховым, русская

армия не преследовала неприятеля, который отступил к Варшаве. По его мнению, Дибич опять не воспользовался плодами победы, в то время как мог отрезать главные силы польской армии от столицы и уничтожить ее (Николай – Дибичу 23 мая (4 июня) 1831 г.). В том же духе царь еще раз писал Дибичу, однако этого письма фельдмаршал уже не дождался. 29 мая (ст. ст.) он умер от холеры в Клещове, недалеко от Пултуска¹⁰⁴.

Адресованные Дибичу царские упреки, подхваченные недоброжелателями фельдмаршала и общественным мнением, были не лишены основания, хотя и не вполне заслуженны. В оправдание Дибича говорит хотя бы то, что и сменивший его Паскевич не смог ни отрезать польскую армию от столицы, ни заблокировать ее в Варшаве, то есть не добился тех «блестящих побед», каковых ожидали и от него, и от его предшественника.

Кончина Дибича была не единственным трагическим эпизодом из череды вызванных эпидемией смертей, ставших своего рода мрачной чертой, обозначившей окончательный уход в прошлое постнаполеоновского периода европейской политики и его порождения – Конституционного Королевства Польского. Вскоре после смерти Дибича скончался от холеры прусский фельдмаршал А. Гнейзенау – друг Дибича и его товарищ по войне против Наполеона, один из наиболее последовательных сторонников союза с Россией¹⁰⁵. В конце июня 1831 г. в Витебске от холеры умер второй старший брат императора вел. князь Константин Павлович. Смерть брата стала тяжелым ударом для Николая и только укрепила его в намерении незамедлительно подавить Польское восстание и самым суровым образом покарать мятежников¹⁰⁶. Эта задача была возложена на И.Ф. Паскевича, 16 июня 1831 г. назначенного высочайшим указом главнокомандующим русской армией в Польше. Фельдмаршал прибыл в армию в ночь с 25 на 26 июня.

14. НАСТУПЛЕНИЕ ПАСКЕВИЧА

После сражения под Остроленкой польская армия отступила к Праге. Главные силы русской армии располагались вокруг Пултуска, то есть вниз по течению Вислы и к северу от Варшавы и Остроленки, что указывало на намерение Дибича действовать далее по плану, предписанному Николаем I.

В июне польская армия частично восполнила понесенные потери, хотя и за счет плохо обученных рекрутов и малопригодных для строевой службы в кавалерии крестьянских лошадей, острой была нехватка вооружения и обмундирования. Однако под давлением нараставших радикальных настроений жителей Варшавы, по требованию Национального совета и части генералитета, Сквинецкий согласился на проведение двухдневной наступательной операции в Подлясье и на Люблинщине. Удар

планировалось нанести по корпусу Ридигера, прикрывавшему коммуникации в районе Седлеце, связывавшие русскую армию с Белоруссией, и корпусу Крейтца, пришедшего с Волыни и обеспечивавшего связь с Украиной. Оба корпуса располагались на максимальном удалении от главных русских сил, и поэтому решительная атака против них превосходящих сил польской армии могла сулить успех. Но осуществить этот замысел так и не удалось. Хотя М. Рыбинский ненадолго захватил город Седлеце, но русский отряд, не вступая в бой, отступил. Корпусы И. Раморино и А. Янковского безуспешно действовали на Люблинщине, где К. Турно потерпел поражение 19 июня. Янковский простоял в бездействии под Лысобыцком, а как только получил приказ Скшинецкого отступить к Варшаве, поспешно его исполнил, что означало по существу развал этой войсковой группы. Среди его солдат, двигавшихся к столице, «ползли слухи об измене генералов»¹⁰⁷. «Несчастливая Лысобыцкая операция» стала последней попыткой польской армии перехватить инициативу и проявить активность в боевых действиях. С этого времени инициатива неизменно находилась в руках царских генералов. Польская армия перешла к обороне. Правда, продолжалась «малая война» различных нерегулярных и партизанских отрядов, охватившая Литву и часть Украины¹⁰⁸.

4 июля 1831 г. главные силы русской армии выступили из района Пултуска к Плоцку и далее к Торуню. Движение проходило четырьмя колоннами. Артиллерийский парк армии насчитывал 300 орудий. Из-за шестидневных дождей дороги сильно испортились, и войска проходили в день не более 15 верст. Так началось генеральное наступление Паскевича, главной целью первого этапа которого была переправа через Вислу. Одновременно с движением Паскевича к Торуню Ридигер по приказу фельдмаршала готовился к переправе в верхнем течении Вислы в районе Казимежа, «дабы угрожать неприятелю во время действительной переправы» главных сил¹⁰⁹. Скшинецкий не предпринял ничего, чтобы затруднить наступление противника, ни в тылу русских войск, ни на флангах.

Место для переправы главных сил армии Паскевича было выбрано «в двух верстах» от прусской границы. Таким образом, фланг и тыл армии были прикрыты прусскими кордонами, а ее позиции располагались в треугольнике между Вислой и территорией Пруссии. Поэтому пространства для противодействия переправе со стороны польских войск просто не оставалось. К тому же польское командование должно было учитывать и возможную переправу через Вислу у Казимежа корпуса Ридигера, против которого столица осталась бы беззащитной, если бы главные силы Скшинецкого решились атаковать позиции Паскевича. Главные силы русской армии переправились через Вислу 17–21 июля под Осеком и вторглись в Куявию. Они двигались ускоренным маршем, и польскими тылами овладела паника. 31 июля без единого выстрела был занят Лович и захвачены польские военные склады¹¹⁰.

В Нешаве в Куявии Паскевич принял первые меры для учреждения гражданской администрации в Королевстве Польском. 26 июля он писал царю, что вызванные для этого в Польшу Ф.И. Энгель и А.Г. Строганов еще не прибыли, поэтому он должен «приступить к выбору других лиц». Фельдмаршал указывал, что «из всех досель сделанных опытов управление воеводства Люблинского, предоставленное самим краевым жителям, было и есть для нас выгоднейшее», и сообщал Николаю I, что назначил главой гражданской администрации в Куявии генерал-лейтенанта русской армии Домбровского, «имеющего здесь значительные поместья», который вынужден был «укрыться от мятежников» в Пруссии. Домбровскому, писал Паскевич, «дана инструкция, сообразная с общим проектом управления, составленным д. т. с. Энгелем и вашим величеством одобренная. В правлении заседают вместе с председателем шесть членов, из коих два русских: один от интендантства, а другой особо доверенный от меня чиновник, коему поручен общий надлежащий надзор. Правление на первый случай будет иметь пребывание в Рационжеке, где учреждено хлебопечение и оставится достаточный для прикрытия гарнизон; потом, по мере удобства, оно перейдет далее и распространит круг своей деятельности»¹¹¹.

Письмо это свидетельствовало о том, что еще весной, во время короткого пребывания в Петербурге, после приезда из Тифлиса и до отъезда к армии в Польшу, Паскевич обсуждал с Николаем I не только военные планы дальнейшей кампании, но и установление в Королевстве Польском новой царской администрации. Вероятно, по согласованию с Паскевичем царем были выбраны кандидаты на должность высших чиновников Королевства. Первым из них назван Ф.И. Энгель – действительный тайный советник, управляющий Министерством внутренних дел. Назначение его на службу в Королевство Польское было для него как главы министерства в Петербурге очевидным понижением. Однако оно же свидетельствовало об особом значении, придаваемом царем формированию правительственных учреждений в Польше. В письме Паскевича упомянут также составленный Энгелем и «одобренный» Николаем некий общий проект создания временной администрации. В ее организации предполагалось опираться на местное (польское) дворянство, использовать традиционные для Польши коллегиальные методы управления, однако ключевые посты должны были занимать российские чиновники при подчиненном участии польских должностных лиц. Вторым деятелем новой администрации Королевства должен был стать А.Г. Строганов – по специальности и в известной мере по служебной деятельности инженер путей сообщения. Ему поручалось курирование развернувшихся в Королевстве Польском после подавления восстания военно-инженерных работ, программу которых Николай I (сам военный инженер по образованию) начал обдумывать, вероятно, еще во время борьбы с повстанцами.

Задача подавления польского восстания и осуществления стратегического плана царя требовала как от Паскевича, так и в целом от российских властей эффективного взаимодействия с Пруссией. С самого начала кампании прусское правительство и король Фридрих Вильгельм III энергично содействовали в этом российским властям. В Берлине были арестованы денежные средства Польского банка, с запрещением отправить их в Варшаву, через границу запрещено было перевозить военные грузы, полиции было приказано пресекать общение революционеров с их единомышленниками в Познани. Подготовились в Пруссии и к непосредственному применению военной силы, когда в Восточной Пруссии была сформирована особая армейская группа в составе четырех корпусов под командованием коменданта Берлина А. Гнейзенау.

Однако в Петербурге учитывали, что в случае неблагоприятной для царских властей международной ситуации Пруссия может уклониться от следования союзническому долгу, как это уже было в 1830 г. перед лицом революционной волны в Европе. К тому же военное взаимодействие с Берлином таило немало технических трудностей, которые также могли сказаться на ходе военных действий в Королевстве Польском: это касалось, в частности, доставки из России через прусскую территорию осадной артиллерии для русской армии, закупки продовольствия и, главное, вопроса об интернированных в Пруссии польских повстанцах. Колебания берлинского двора были не в последнюю очередь обусловлены революционным брожением в собственных владениях Гогенцоллернов. Сознывая это, в Петербурге избрали примирительный тон и постарались не предъявлять чрезмерно твердых требований. 13 июля в конфиденциальной депеше Ф.П. Мальтицу, заменившему Д.М. Алопеуса во главе русского посольства в Берлине, Нессельроде писал, что в России не намерены усугублять затруднения Берлинского кабинета, вызванные польским восстанием, и что «Государь вполне будет доволен решениями, которые примет король по своей мудрости и справедливости» в отношении Хлаповского, Роланда и других, а именно, что «прусское правительство примет действительные меры для задержания и водворения этих лиц в пределах Пруссии»¹¹². Иными словами, царское правительство настаивало не только на разоружении ушедших в прусские владения повстанческих отрядов, но и на интернировании в Пруссии польских солдат и офицеров.

После переправы через Вислу начальник штаба русской армии генерал Толь считал, что теперь следует нанести польской армии решительное поражение, используя ее попытки противодействовать наступлению русских войск. Паскевич же видел главную цель в «покорении Варшавы» и поэтому, напротив, старался избежать решительного столкновения с польскими силами на пути к столице¹¹³. Цель состояла в том, чтобы блокировать и разгромить польскую армию в столице Королевства. Такая

победа стала бы не только решающим актом военного подавления Польского восстания, но имела бы и большое международное значение.

На пути к Варшаве к армии Паскевича подошли ожидаемые подкрепления; она достигла 70 тыс. чел., в том числе 14 тыс. кавалерии и 360 орудий. Из Киева были доставлены 8 осадных мортир для стрельбы полупудовыми бомбами. Всего же под командованием фельдмаршала находилось 86 тыс. человек и 438 орудий¹¹⁴.

Штурм Варшавы ввиду превосходства русских сил не должен был представлять значительной трудности. Кроме того, протяженность линий польских укреплений и недостаток у поляков живой силы и материальных ресурсов для обороны города позволяли штурмующим осуществить прорыв в решающем пункте. 28 августа, на следующий день после присоединения к главным силам армии корпуса Крейца, Паскевич писал царю: «Направления ожидаемого штурма я еще окончательно не избрал», закончив письмо словами: «С Вашим благословением я скоро начну»¹¹⁵.

15. ВАРШАВА НАКАНУНЕ ШТУРМА. КРИЗИС В ПОВСТАНЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ И УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ КРУКОВЕЦКОГО

После поражения под Остроленкой положение восставшего Королевства Польского в ходе войны со времени рубежа мая-июня 1831 г. стало неуклонно ухудшаться. Подавление восстания в мае на Украине и победы в июне над повстанцами в Литве позволили России сосредоточить главные силы в Королевстве. Русские войска вступили в северные воеводства и на юге – в Келецкое. Упал боевой дух польских войск, утрачена была вера в победу. Генералитет и высшие офицеры больше занимались интригами, устройством личных и имущественных дел, нежели посвящали себя защите отечества. Расположенная под Варшавой армия бездействовала и слабела, падала дисциплина в войсках. Дезорганизация повстанческих тылов усугубилась в условиях российского генерального наступления¹¹⁶.

Скшинецкий в ответ на критику в общественных верхах и со стороны генералитета предпринял во второй половине июля отвлекающий удар против расположенного в Подлясье небольшого русского корпуса Е.А. Головина, но он не принес успеха. Поэтому встревоженные варшавяне встретили неудачливого главнокомандующего враждебными выкриками¹¹⁷. Недовольство выплеснулось на улицы столицы, захватив демократические слои населения. Подъему политической активности Патриотического общества способствовали отмеченные общественностью памятные даты – полгода со дня начала Ноябрьского восстания (29 июня) и годовщина Великой французской революции (27 июля). В то же время в

консервативном лагере сформировалась группа деятелей, выступавших с открыто контрреволюционных позиций. В армии это был главнокомандующий Скшинецкий, в Сейме – посол Свидзиньский, в журналистике – молодой А. Велёпольский, основатель альманаха «Зъєдночєнє». Уже с начала июня повстанческое «пятиглавое правительство» перестало по существу быть коалиционным, усилились разногласия между консерваторами, с одной стороны, и калишанами и Лелевелем – с другой.

Раскол в повстанческом лагере объяснялся, во-первых, желанием командования и властей избежать в глазах общественности ответственности за понесенные поражения, во-вторых, разногласиями по вопросу о способах продолжения борьбы и, в-третьих, разногласиями по поводу допустимости и условий возможной капитуляции перед царскими властями. Поскольку компромисса между консерваторами, либералами и радикалами в повстанческом лагере по этим трем вопросам достичь было невозможно, то для каждой группировки единственным способом осуществить свои планы на основе собственной тактики было установление собственного безраздельного контроля над правительством. Этим объяснялось стремление консерваторов провести в авторитарно-диктаторском духе реформу правительства, чего после поражения под Остроленкой наиболее активно добивался Скшинецкий. Суть состояла в том, чтобы расширить полномочия главнокомандующего, ограничив свободу печати и разгромив радикальный лагерь, найти способ заключить соглашение с противником. Для этого посол Я. Ледуховский внес в Сейм законопроект о реформе правительства, согласно которому один человек, наделенный статусом регента, мог бы сосредоточить в своих руках всю исполнительную власть. По мнению большинства наблюдателей, речь в таком случае могла идти только о Чарторыском. Комиссии Сейма одобрили проект, который был вынесен на рассмотрение пленарного заседания. В обществе развернулись бурные дискуссии между «реформистами» и «антиреформистами», последних поддержало большинство печатных изданий. Левые предостерегали, что реформа означала бы удаление Лелевеля из правительства, введение цензуры, закрытие оппозиционных организаций и в итоге капитуляцию перед врагом. Калишане считали, что установление диктатуры лишит Сейм всякой власти. «Клубисты» Патриотического общества и либералы подготовили ко времени дебатов в Сейме «сеймовую галерею», то есть присутствовавшую на сессии публику – так называемых «арбитров». Были распространены антиреформистские листовки. На заседание Сейма 11 июня прибыло относительно немного послов, зато собралось исключительно много публики. В ходе дебатов острую речь, направленную против проекта реформы, произнес Б. Немоёвский. При голосовании 36 послов и депутатов высказались за реформу, 43 – против. Общественность польской столицы с удовлетворением встретила ее отклонение¹¹⁸.

Однако дело не было решено окончательно. Генералы из консервативного лагеря пользовались достаточным влиянием и ждали только удобного повода для государственного переворота, чтобы разгромить Патриотическое общество и подавить движение варшавских низов. Почти сразу после завершения безуспешной лысобыцкой операции, еще в конце июня 1831 г., газета «Нова Польска» обвинила генерала А. Янковского в измене. Варшавяне требовали незамедлительного осуждения захваченных российских агентов и шпионов. До правительства тогда дошли непроверенные известия из Галиции о якобы сложившемся в Варшаве некоем антиповстанческом заговоре, к которому принадлежали генералы А. Янковский, Я. Гуртиг, Я. Салацкий и Л. Буковский. Для Скшинецкого «разоблачение тайных врагов» позволяло снять с себя ответственность за все поражения и укрепить пошатнувшийся авторитет.

Приказ об аресте Янковского, Гуртига и других был издан 29 июня. В этот день около Королевского замка собралась возбужденная толпа, в которой было немало «клубистов». Народ остановил карету направлявшегося в замок Чарторыского и требовал немедленного суда над изменниками. Князю пришлось пообещать, что на следующий день обвиняемые предстанут перед судом. Делегация представителей разных сословий и шеф Национальной гвардии А. Островский направились в Замок и по возвращении объявили толпе, что все подозреваемые находятся под стражей и вскоре предстанут перед судом.

Власти не стали предавать арестованных военному суду, так как не были уверены в вынесении нужного им обвинительного приговора, и передали дело в специальный суд во главе с вице-президентом Варшавы генералом Э. Венгерским. Однако и перед этим судом обвиняемые не предстали из-за опасения взрыва народного недовольства, но тем не менее были оставлены под арестом. Недовольство варшавян нарастало, хотя объяснялось не только бездействием и политиканством правящих верхов, но и увеличивающимися тяготами повседневности: дороговизной, трудностями с продовольствием и опасениями в связи с приближением к столице русских войск и угрозой штурма города.

В большей степени настроению демократических слоев населения Варшавы отвечала деятельность Патриотического общества. Издаваемая им «Газета Польска» публиковала немало материалов с выражением обеспокоенности за положение простого народа и идеями в духе утопического социализма, а также с критикой пролетаризации и других негативных проявлений капитализма. В летние месяцы Патриотическое общество стало подлинным центром демократического движения низов. Каждый мог прийти на собрание общества в Клуб и участвовать в дискуссии. На собраниях присутствовали многочисленные представители других «забранных» польских земель, офицеры без должности – так называемые «бесслужбовцы», бывали здесь и ремесленники. На последних особенно

ориентировались представители радикального крыла «клубистов» Козловский и Жуковский. Однако в целом контакты между простым народом и интеллигентско-шляхетским Патриотическим обществом были довольно слабыми.

В июле в Патриотическом обществе прошли многочисленные собрания, на которых подвергалось острой критике правительство и особенно Скшинецкий. В конце месяца состоялись массовые манифестации под лозунгом «Свобода, равенство, братство»; на них звучала критика правительства и протесты против социального неравенства.

По мере приближения Паскевича к столице росла и обеспокоенность среди послов Сейма, в котором по инициативе Б. Немоёвского была создана комиссия для проверки соответствия Скшинецкого должности главнокомандующего. Тот обещал дать сражение в районе Сохачева и 2 августа отправился в армию, но, не сдержав слова, без боя отступил к реке Равка. Прибывшая в Болимов делегация Сейма отстранила Скшинецкого от командования, назначив на его место (в должности заместителя) генерала Г. Дембиньского, который заявил, что будет придерживаться стратегии своего предшественника. Препирательства послов Сейма с генералами продемонстрировали, что и в армейском командовании существовали те же расхождения в позициях, которые раздирали повстанческое правительство.

Патриотическое общество в это время требовало замены всего оказавшегося несостоятельным руководства восстания. 10 августа Клуб опубликовал брошюру с 58 вопросами, адресованными правительству и сейму. В ней содержались принципиальные требования изменения военной стратегии, разоблачались диктаторские намерения Скшинецкого, инспирированные им репрессии в отношении членов Патриотического общества (арест некоторых его членов), осуждался внешнеполитический курс Чарторьского, выдвигались требования расследования дела Янковского, контроля за варшавской Национальной гвардией и отмены решения о назначении Дембиньского (отъявленного врага Клуба) губернатором Варшавы¹¹⁹.

11–15 августа Патриотическое общество бурно, хотя и бесплодно, обсуждало планы государственного переворота, который задумывался без участия народа. О способах осуществления «революции» мнения разделились. Умеренные члены, среди которых были Лелевель и Мохнацкий, противостояли радикалам – Пуласкому, Шинглярскому, Гродецкому. Группу радикалов существенно ослабила потеря Козловского и Жуковского, умерших 12 августа от холеры.

13 августа в городе начались волнения. 14 августа «Новая Польска» выступила с призывом отстранить от власти ««никчемников» и предателей». В понедельник 15 августа волнения вспыхнули с новой силой. Около 11 вечера у стен Старого Города толпа с криками «Повесить изменников!» окружила ворота Королевского замка, ворвалась туда, не без помощи охранявших его национальных гвардейцев, захватила арестованных

генералов и учинила над ними расправу. После этого толпа двинулась по Новому Святу с криками «Повесим аристократов!».

В ночь на 16 августа В. Немоёвский назначил губернатором Варшавы генерала Я. Круковецкого. Тот силами имевшихся войск и национальной гвардии очистил центр столицы от демонстрантов, пресекая попытки грабежей. Один из пойманных грабителей – сапер Галецкий – был по приказу генерала в назидание другим расстрелян на месте. Ночью толпа учинила также расправу над «арестованными шпионами», содержащимися в районе Старого города в монастырях доминиканцев и францисканцев. Всего во время беспорядков погибло 34 человека, а 14 были ранены¹²⁰.

Газеты 16 и 17 августа с одобрением отзывались о «наказании шпионов и изменников» и подчеркивали, что Августовская ночь подтолкнула правительство к решительным действиям. Позитивно расценили события и члены Патриотического общества. Однако захватить власть им не удалось.

Столица находилась во власти генералов. Круковецкий возглавил правительство и назначил губернатором Варшавы «жандарма контрреволюции» – генерала Чарновского. 18 августа власти объявили Патриотическое общество вне закона, а его руководители были арестованы. 22 члена Общества предстали перед судом, хотя все были оправданы: ни один свидетель не смог дать против них изобличающих показаний.

Из числа рядовых участников самосудов были арестованы несколько десятков человек. Из них шинкарь Чарнецкий, ордынанс Драгоньский и офицер без должности Сикорский были расстреляны на Замковой площади, уволенный солдат Вольский – на улице Новый Свят. Смертные приговоры были приведены в исполнение публично. Содержательнице кофейни Костёловской как женщине смертная казнь была заменена на строгое трехлетнее заключение в кандалах¹²¹.

Ввергнутые в ужас событиями 15 августа, послы и депутаты Сейма восприняли наделение Круковецкого полномочиями диктатора без сопротивления, а может быть, с облегчением, если не с надеждой, что «сильная рука» задушит движение низов. То, в чем в июне было отказано Скшиньскому, в августе было предоставлено его противнику, обещавшему проведение решительных боевых действий. 17 августа Круковецкий был избран председателем Рады министров. Он получил широкие полномочия единоличного решения по всем вопросам. Прочие министры имели только совещательный голос. Круковецкого в Сейме поддерживали консерваторы и не сумевшие выставить собственного кандидата калишане. На стороне диктатора были и умеренные члены Патриотического общества. Горстка клубистов-радикалов продолжала действовать тайно в надежде на благоприятные для себя перемены в сложившейся критической обстановке.

В правительстве наиболее важные должности Круковецкий доверил калишанам: Б. Немоёвский стал его заместителем, портфели министров получили Теодор и Францишек Моравские, А. Глициньский,

Ф. Левинский. Из числа сторонников Чарторьского министерство досталось только Л. Дембовскому. Это, разумеется, не означало ослабления позиций консерваторов в армии и в государственном аппарате. Не забыл Круковецкий и поддерживавших его представителей умеренного крыла Патриотического общества. Лелевель стал советником председателя правительства, правда, к его мнению мало прислушивались, Брониковский – вице-президентом Варшавы, Заливский – начальником Стражи безопасности, правда, сами отряды стражников были распущены или удалены из столицы, Набеяк и Кремповецкий были отмечены почетными, но ничего не значащими назначениями адъютантами председателя правительства. Радикалы, таким образом, были подчинены новой политической системе, однако практически не имели влияния на политику властей.

После ликвидации Патриотического общества и первых репрессий против «бунтовщиков», последовавших непосредственно в ходе подавления «мятежа» 15 августа, в отношении варшавской бедноты в дальнейшем не было предпринято никаких преследований. Наиболее активным в деле подавления столичных низов был варшавский губернатор генерал Хшановский, пользовавшийся в этом полной поддержкой Круковецкого. Его усилия были направлены на то, чтобы запугать и обезглавить варшавское простонародье и не допустить его участия в обороне столицы. Для челяди и вырубников в городе был установлен комендантский час с 21.00. Всякое уличное собрание могло быть трактовано как покушение на захват власти, что подлежало суровому наказанию. Правительство распускало слухи, что русские якобы склонили на свою сторону (подкупили?) некоторые классы населения, что давало пропагандистский предлог для применения репрессий. Хшановский предпринял попытки выселить из Варшавы некоторую часть городского плебса, особенно «бродяг», что, очевидно могло быть довольно широко интерпретировано властями.

16. Штурм Варшавы и капитуляция повстанческих властей

Главной задачей Круковецкого как облеченного чрезвычайными полномочиями диктатора было разрешение критической ситуации на театре военных действий. Армия Паскевича занимала 18 августа позиции «в двадцати верстах к западу от Варшавы», на удалении 20–24 км от города. Несколько отдельных корпусов русских войск располагались в других частях Королевства. Польские войска, помимо Варшавы, стояли в Краковском и Келецком воеводствах, а также в Мазовии. В руках повстанцев находились также крепости Модлин и Замостье. В целом Войско Польское насчитывало до 80 тыс. солдат¹²².

На военном совете 19 августа рассматривались планы: генерального сражения на подступах к Варшаве; отступления всеми силами в Литву;

разделения армии на две части, первая из которых обороняла бы столицу, а вторая действовала бы на правом берегу Вислы против коммуникаций русских войск. Большинство генералов высказались в пользу третьего плана. Выполняя его, кавалерийская дивизия Т. Лубеньского выступила 21 августа к Плоцку, однако не добилась там никакого успеха. Вместе с тем это движение не позволило ей принять участие в битве за Варшаву. 23 августа на Подлясье направился 20-тысячный корпус И. Раморино. Вместе с ним Варшаву покинули А.Е. Чарторьский и ряд политиков консервативного лагеря. Поход этот выглядел как плохо закамуфлированное, но хорошо охраняемое бегство. Отряду Раморино сопутствовал успех под Мендзыжецем и Рогожницей (29 августа). Это были последние тактические победы польских войск в войне. Однако далее, не подчиняясь приказам командования, Раморино предпринял демонстративный марш в сторону Бреста и сразу, повернув на юг, устремился к австрийской границе. Вызванный Круковецким в Варшаву, Раморино, вопреки настояниям Прондзиньского, отказался выполнить приказ главнокомандующего. Не решившись отстранить Раморино от командования, Прондзиньский в одиночку вернулся в Варшаву. Корпус же Раморино 17 сентября перешел австрийскую границу.

В первые дни сентября войска Паскевича заняли исходные позиции для штурма Варшавы. В сражении за столицу польское командование располагало тремя линиями обороны. Строительство первой (внешней) линии было еще не завершено. Она состояла из фортов и земляных укреплений. Вторая, менее протяженная, была полностью готова к обороне. Третью линию образовывал городской вал, называемый валом Новаховича, укреплен он был только установленными рогатками. Эти укрепления, с военно-инженерной точки зрения, могли быть успешно обороняемы при двух условиях: во-первых, при наличии сильной артиллерии и, во-вторых, при достаточном числе войск, не менее 60–70 тыс. чел., тогда как в обороне столицы участвовало только 35 тыс. чел. из состава регулярной армии. При этом среди них «старые» обученные полки составляли относительно небольшую часть, участие же нерегулярных сил повстанческим командованием не предусматривалось. На варшавских укреплениях было установлено 192 орудия, среди которых было только 98 крепостных¹²³.

Повстанческим властям было хорошо известно, что русское командование весьма опасалось баррикадных боев в Варшаве и, следовательно, больших потерь в случае штурма польской столицы. И действительно, в центре города были построены баррикады. Однако руководители обороны города не потрудились закрепить за ними ни части национальной гвардии, ни отряды горожан-ополченцев из Стражи безопасности. Уже после подавления восстания Хшановский признал, что между ним, Скшинецким, Чарторьским и В. Островским было условлено не допустить боев на улицах города. По его словам, все, что было предпринято для этого, «сделано только для отвода глаз»¹²⁴.

По данным штаба русской армии, «оплот Варшавы, – как следовало из письма Паскевича царю от 28 августа, отправленного накануне штурма, – состоял приблизительно из 80 отдельных укреплений, раскинутых в три ряда впереди предместья. Все они располагались с расчетом на взаимную оборону. Сильнейшим пунктом обороны было укрепление Воля. Это был сомкнутый редут с полубастионами на углах и фланговой обороной во рву»¹²⁵.

Там же Паскевич «прилагал свои рассуждения» о «четыре предметах взятия города», по двум из которых фельдмаршал еще не принял окончательного решения. Первый вызывавший его сомнение касался направления главного удара: «вести атаку на Блонь или на Мокотов?». Был в сомнениях фельдмаршала и 5-й пункт, о котором Паскевич мог написать только царю. Главнокомандующий риторически вопрошал государя: «Что если мы так несчастливы будем, что будем отбиты?» Сам он в этом случае предлагал отступить в Раву на расстояние двухдневного перехода от Варшавы, получить подкрепления и в удобный момент предпринять новое наступление и штурм¹²⁶.

«Первый пункт сомнений» Паскевич разрешил парадоксально для российского командования и неожиданно для польских генералов. Главный удар был нанесен с юга, в направлении варшавского предместья Воля, где, по словам самого фельдмаршала, находился самый мощный из защищавших город фортов. Прорыв на этом участке обороны был наименее ожидаем поляками, а овладение укреплениями Воли дезорганизовало бы всю оборону города и неизбежно деморализовало бы его защитников.

По мнению польских историков, командование обороной Варшавы было плохо организовано, что объяснялось как объективным состоянием польских вооруженных сил, так и низким боевым духом повстанцев, особенно в среде повстанческих властей и командования польской армии. Одним из проявлений упадка восстания стал отказ командования вооружить для обороны города жителей Варшавы¹²⁷.

Защита столицы ложилась исключительно на плечи регулярных воинских частей, объединенных в четыре корпуса. Ввиду недостатка на варшавских укреплениях артиллерии был создан специальный резервный артиллерийский корпус, который планировалось использовать на направлении главного удара русской армии. Во главе обороны столицы стояли Я. Круковецкий и заместитель главнокомандующего К. Малаховский. На северном участке обороны располагался более слабый корпус Дембиньского, а на южном участке – более сильный корпус Уминьского. Резервной артиллерией первой линии командовал Ю. Бем.

Паскевич сознавал превосходство собственных сил, однако, опасаясь варшавских укреплений, а также имея в виду недостаток артиллерийских боеприпасов, попытался склонить повстанцев к капитуляции без штурма. С этой целью 4 сентября русский парламентар П.А. Даннеберг встретился

с Прондзиньским. По воспоминаниям польского генерала, представитель Паскевича якобы намекал ему на возможность сохранения конституции и объявления амнистии. Круковецкий склонен был принять условия Паскевича, однако по предложению Б. Немоёвского их отклонило правительство. Генералы были деморализованы, в то время как Сейм и правительство настаивали на сопротивлении¹²⁸. В русских источниках о политическом содержании сделанных Даннебергом предложений не упомянуто, говорится только об условиях «почетной» военной капитуляции.

По окончании переговоров с рассветом 6 сентября началась артиллерийская подготовка, за которой последовал штурм. Главный удар русское командование наносило со стороны Воли по левому флангу между корпусами Дембиньского и Уминьского. Это направление оказалось неожиданным для польского командования. Управление обороной было утрачено. Каждая часть действовала по своему усмотрению, резервная артиллерия Бема была «самовольно разобрана» по отдельным частям, что не позволило сконцентрировать ее на направлении главного удара противника.

Заняв на Воле редут № 55, русские войска атаковали следующий, 54-й редут, оборонявшийся тремястами солдат под командованием подпоручика Ю.К. Ордона. Когда силы защитников стали иссякать, там раздался мощный взрыв. Его жертвами пали до 200 человек русских и поляков, а Ордон был ранен. До сих пор достоверно не известно, произошел ли взрыв случайно или же форт был подорван кем-то из солдат, возможно, Накрутом, или одним из офицеров, возможно, Новосельским¹²⁹.

Среди защитников вольских укреплений были два пехотных батальона под командованием генерала Юзефа Совиньского. В прошлом в одном из сражений тот потерял ногу, но, будучи инвалидом, продолжал службу в армии и прославился как один из героев обороны Варшавы. На редутах Воли, согласно польской диспозиции, было всего 12 пушек. После первой атаки русских на вольские укрепления на оборонявшихся был направлен огонь 100 орудий, что составляло более четверти всей артиллерии штурмующей Варшаву русской армии. В этой ситуации под прикрытием пушек Бема на Волю подошли подкрепления: батальон 10-го пехотного полка под командованием П. Высоцкого. Однако это не исправило положения. Воля была окружена силами десяти русских батальонов и занята спустя 5 часов после начала штурма. Часть защитников была взята в плен. Было много раненых, среди них П. Высоцкий. В бою погиб и генерал Совиньский. К полудню были заняты Раковец и Вежбно. После нескольких контратак поляки вернули Вежбно. Однако в целом позиции на первой линии обороны были утрачены. Около 15 часов Паскевич остановил штурм в виду сильного сопротивления и для перегруппировки русских боевых порядков.

Польское командование, видя безнадежность дальнейшего сопротивления, добилось от правительства и Сейма согласия на переговоры с

русскими. На следующий день, 7 сентября, рано утром Прондзиньский заключил перемирие и согласовал условия капитуляции, которые были утверждены Круковецким, однако последнее, решающее слово было за Сеймом. Тот же, не утвердив капитуляции до 13.00, когда истекал срок перемирия, только уполномочил Круковецкого на дальнейшие переговоры, последний же переадресовал это поручение Прондзиньскому. Никто не решался принять на себя ответственность и признать поражение.

С 13 часов русские войска начали штурм второй линии обороны. Бои продолжались до позднего вечера, польские войска оказывали упорное сопротивление и на второй линии, и на валу Новаховича. 7 сентября Муниципальная рада Варшавы и богатые горожане высказались за капитуляцию, а простой народ собрался на валах и требовал оружия для продолжения борьбы. Сюда прибыла и часть отрядов Стражи безопасности, правда, под эскортом регулярных конных стрелков¹³⁰.

Польские генералы считали капитуляцию неизбежной и настаивали на ее скорейшем принятии. Только К. Малаховский полагал, что продолжение боев в городе позволит провести эвакуацию Варшавы и разрушить мосты, ведущие на Прагу. Окончательное решение оставалось за Сеймом, который, вопреки собственному постановлению, не прервал сессии и письменно не уполномочил Круковецкого на ведение переговоров. Генерал воспользовался этим как поводом и подал в отставку с поста председателя правительства.

7 сентября около 17 часов на заседание Сейма прибыли Прондзиньский и российский генерал Ф.Ф. Берг. Сейм вновь изменил решение и дал согласие на подписание соглашения с генералом. Участники переговоров установили почетные для повстанцев условия капитуляции. Польская сторона настаивала, чтобы царь восстановил свою власть в прежней форме как польский король, гарантировал соблюдение Конституции 1815 г. и объявил амнистию для всех участников восстания. К тексту соглашения о капитуляции Круковецкий сделал особое приложение о безоговорочной капитуляции и полном повиновении воле царя, которое вступало в силу только в случае принятия российской стороной условий соглашения. Вел. князь Михаил Павлович принял эти условия с незначительными поправками¹³¹. Суть русской позиции сводилась к тому, что принимаются только условия «безоговорочной капитуляции Круковецкого», без каких-либо политических условий.

Послы Сейма между тем настаивали, чтобы Круковецкий сообщил им условия капитуляции. В ответ генерал заявил, что капитуляция безоговорочная, и объявил о своей отставке. Тогда Сейм назначил нового председателя правительства – Б. Немоёвского и отверг общую капитуляцию восстания. Утром 8 сентября капитуляцию Варшавы подписал генерал К. Малаховский и сообщил Бергу, что польская армия оставляет Варшаву и Прагу и не будет разрушать мосты на Висле. По мнению

Т. Лепковского, восходящему к оценке Т. Корзона, «это была катастрофическая ошибка»¹³². С этим можно согласиться только при одном условии – что польская армия была бы намерена продолжать борьбу, соединившись с сопротивлением в Литве и опираясь на крепости в Модлине и Замостье. План этот был абсолютно нереалистическим, так как обе крепости были бы поочередно взяты русскими войсками, а польская армия в Литве, практически лишенная базы снабжения и комплектования, была бы уничтожена либо в регулярных сражениях, либо после распада на отдельные партизанские группы. Правда, в действительности ни планов дальнейшей борьбы, ни воли к сопротивлению как у повстанческого командования, так и у большинства повстанцев уже не оставалось. Поэтому ни разрушать мосты на Висле, ни создавать какие-либо иные препятствия для движения русских войск не было смысла.

Ночью с 7 на 8 сентября польские части покинули позиции и переправились на Прагу. Вместе с ними столицу оставили чиновники, студенты, члены Патриотического общества. Только немногие командиры польской армии добровольно сдались русским войскам, вступившим в Варшаву 8 сентября; среди них были генералы Круковецкий, Прондзиньский и Радзивилл. Отступившие за Вислу польские войска оставили в городе более 10 тысяч больных и раненых в кампании 1831 г. солдат.

В битве за Варшаву польская сторона потеряла 11 тыс. убитыми, ранеными и взятыми в плен. Русские потеряли 10 600 чел. Во время штурма русская артиллерия расстреляла все боеприпасы и на третий день боев вынуждена была замолчать.

Польская армия, отступив из Варшавы, сконцентрировалась в Модлине, где генерал Малаховский сложил с себя полномочия главнокомандующего. Генерал Круковецкий был объявлен Сеймом изменником, хотя с Сеймом теперь уже никто не считался. Военный совет и Сейм избрали нового главнокомандующего – М. Рыбиньского, консерватора и убежденного сторонника капитуляции¹³³. В Модлине повстанческая военная организация пережила полное разложение. Некоторые солдаты и офицеры отправлялись по домам. Осуждение Сеймом Круковецкого как изменника преследовало только одну цель – снять с повстанческого руководства, и со шляхетских верхов в целом, ответственность за капитуляцию перед царизмом в расчете, с одной стороны, на идеологическое оправдание, а с другой – на продолжение борьбы, но уже в новых условиях и в новых формах.

После падения Варшавы, на 10 сентября 1831 г., главная польская армия вместе с корпусом Т. Лубеньского насчитывала 33 тыс. солдат и 95 орудий. Корпуса С. Ружицкого и З. Стрыеньского в Краковском воеводстве – около 10 тысяч. Корпус Раморино, который ушел в Австрию 17 сентября, – 20 тыс. Гарнизоны крепостей Модлина и Замостья – 10 тыс. Паскевич мог выставить в поле примерно 50 тыс., вынужденный оставлять войска в различных частях Королевства. Исходя из этого в польской

историографии делался вывод о возможности продолжения вооруженной борьбы, и польские историки упрекали Рыбиньского, что тот «помышлял только о капитуляции»¹³⁴.

С точки зрения официальной российской историографии XIX – начала XX в., выраженной Н.К. Шильдером, «падение Варшавы не положило сразу конец кровопролитию в Польше». Модлин с шеститысячным гарнизоном – последнее прибежище повстанческих властей – сдался 8 октября, а в заключение, 21 октября, капитулировало Замостье, в котором находилось 4 тыс. польских войск. «Польский мятеж, – писал Шильдер, – кончился; но для России вожделенный мир сопровождался новым злом; в Европе появилась польская эмиграция. Десятки тысяч человек рассеялись по всему миру, утратив отечество; интересы их и испытанные невзгоды требовали выставлять себя и Польшу жертвами тиранства и гонений; они понесли свою ненависть и вопль против России в Париж, Лондон, Бельгию и Америку, образовавшейся тогда эмиграции обязаны мы были с 1831 года враждебным настроением общественного мнения в Западной Европе к русскому правительству, выражавшимся при каждом удобном случае и словом и делом»¹³⁵.

В Петербурге окончание войны было отмечено 18 октября парадом и молебном на Марсовом поле. В изданном в ознаменование победы манифесте провозглашалось: «В возвращенных России подданных наших Царства Польского вы (русские. – *Б.Н.*) также будете видеть лишь членов единого с вами великого семейства. Не грозой мщениия, а примером верности, великодушия, забвения обид вы будете способствовать успеху предначертанных нами мер, теснейшему твердому соединению сего края с прочими областями империи»¹³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. М., 1996–1997. Кн. 2. С. 280–281.
- ² Там же. С. 281.
- ³ Там же. С. 262–264.
- ⁴ Там же. С. 262–263.
- ⁵ [*Николай I*]. Ma confession. – В кн. *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 291–294.
- ⁶ Там же. С. 293–294.
- ⁷ Дибич-Забалканский И.И. // Энциклопедический словарь (Изд. Брокгауз и Ефрон). СПб., 1893. Т. 10–А. С. 569–570.
- ⁸ Между двумя войнами. Эпизод из царствования императора Николая. 1830 год // Русская старина. СПб., 1881. Т. 31.
- ⁹ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 297.
- ¹⁰ *Łepkowski T.* Powstanie Listopadowe. Warszawa, 1987. S. 10–11.

- ¹¹ Ibidem. S. 11.
- ¹² Ibidem. S. 13.
- ¹³ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 303–304.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Встреча Николая I с Любецким и Езерским на основе Записок Бенкендорфа описана у Шильдера. См.: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 304–306.
- ¹⁷ Фельдмаршал граф Дибич-Забалканский в его воспоминаниях, записанных бароном Тизенгаузеном // Русская Старина. СПб., 1891. Т. 69.
- ¹⁸ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 308–309.
- ¹⁹ Там же. С. 310.
- ²⁰ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 17.
- ²¹ Ibidem.
- ²² Данные приведены по: *Łepkowski T.* Op. cit. S. 22.
- ²³ *Пузыревский А.К.* Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Т. 1. С. 67.
- ²⁴ См.: *Prądzyński I.* Mémoire historique et militaire sur la guerre de Pologne en 1831, par Prądzyński. После капитуляции Варшавы Прондзиньский сдался русским властям, был вызван в Петербург и по приказу Николая I составил свои «Mémoires», в которых дал полный очерк войны. Работу эту он проводил в Гатчине, где для помощи к нему был прикомандирован Б.Г. Глинка-Маврин. Окончание работы датировано августом 1832 г. Рукопись хранится в Военно-ученом архиве Главного штаба. Опубликована в кн. *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 87–194. Первая отдельная публикация: *Prądzyński I.* Pamiętnik historyczny i wojskowy o wojnie polsko-rosyjskiej w roku 1831. SPb., 1897.
- ²⁵ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 49.
- ²⁶ *Brzozowski M.* La Guerre de Pologne 1831. Paris, 1844. P. 28.
- ²⁷ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 25.
- ²⁸ Там же. С. 51–52.
- ²⁹ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 22.
- ³⁰ Ibidem. S. 22–23.
- ³¹ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 77–79.
- ³² Там же. С. 101.
- ³³ Там же. С. 103.
- ³⁴ Тадеуш Лепковский, например, вслед за В. Токажем указывает, что в сражении под Гроховым главные силы русских составляли 60 тыс. чел. и 212 орудий. Поляки насчитывали 40 тыс. солдат и 90 орудий. См.: *Łepkowski T.* Op. cit. S. 23.
- ³⁵ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 104.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 106–108.
- ³⁸ Там же. С. 109.
- ³⁹ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 24–25.
- ⁴⁰ Ibidem. S. 23–24.
- ⁴¹ Ibidem. S. 24.

- ⁴² *Prądyński I.* Pamiętniki generała Prądyńskiego. Kraków, 1909. Т. 1.
- ⁴³ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Том 4. 1831 год. СПб., 1894. С. 7.
- ⁴⁴ Николай I – И.И. Дибичу. 24 февраля (8 марта) 1831 г. (выписка из письма). – Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Отд. 2. Д. 7248.
- ⁴⁵ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 316.
- ⁴⁶ Константин Павлович – Ф.П. Опочинину. Белосток, 13 (25) марта 1831 г. – *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 316.
- ⁴⁷ *Щербатов А.П.* Т. 4. С. 10.
- ⁴⁸ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 217–218.
- ⁴⁹ Там же. С. 127.
- ⁵⁰ Там же. С. 133, 207–208.
- ⁵¹ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 25–28.
- ⁵² Ibidem. S. 28.
- ⁵³ Ibidem. S. 22–30.
- ⁵⁴ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 8–9.
- ⁵⁵ Николай I – И.И. Дибичу. 24 февраля (8 марта) 1831 г. (выписка из письма). – РГВИА. Ф. ВУА. Отд. 2. Д. 7248; *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 9.
- ⁵⁶ Николай I – И.И. Дибичу. 2 (14) апреля 1831 г. – Цит. по: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 317.
- ⁵⁷ Николай I – И.И. Дибичу. 5 (17) апреля 1831 г. (выписка из письма). – РГВИА. Ф. ВУА. Отд. 2. Д. 7248; *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 9.
- ⁵⁸ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 182–183.
- ⁵⁹ Там же. С. 186–188.
- ⁶⁰ Там же. С. 294.
- ⁶¹ Там же. С. 295–297.
- ⁶² Там же. С. 162–163.
- ⁶³ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 35.
- ⁶⁴ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 162–163.
- ⁶⁵ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 35.
- ⁶⁶ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 282–283.
- ⁶⁷ Там же. С. 284.
- ⁶⁸ *Łepkowski T.* Powstanie listopadowe // Historia Polski. Т. 2. 1764–1864. Cz. 2. 1814–1864 / Pod red. S. Kieniewiczа i W. Kuli. Warszawa, 1956. S. 183.
- ⁶⁹ *Łepkowski T.* Powstanie Listopadowe. Warszawa, 1987. S. 35.
- ⁷⁰ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 162–163.
- ⁷¹ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 35, 36–37.
- ⁷² *Łepkowski T.* Powstanie listopadowe // Historia Polski. Т. 2. 1764–1864. S. 213–214.
- ⁷³ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 224–225.
- ⁷⁴ *Łepkowski T.* Powstanie Listopadowe. Warszawa, 1987. S. 31.
- ⁷⁵ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 244–273.

- ⁷⁶ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 33.
- ⁷⁷ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 267.
- ⁷⁸ Цитируется по: *Łepkowski T.* Powstanie listopadowe // *Historia Polski.* Т. 2. 1764–1864. S. 192.
- ⁷⁹ См.: *Barzykowski S.* Historia powstania listopadowego. Poznań, 1883–1884. Т. 1–5; *Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831 r. Warszawa, 1930; *Zajewski W.* Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1830–1831. Gdańsk, 1967; *Gołba Z.* Rozwój władz Królestwa Polskiego w okresie Powstania Listopadowego. Wrocław, 1971.
- ⁸⁰ *Łepkowski T.* Powstanie Listopadowe. Warszawa, 1987. S. 41. См. также: Powstanie Listopadowe 1830–1831. Dzieje wewnętrzne, militaria, Europa wobec powstania. Warszawa, 1980; Powstanie Listopadowe 1830–1831. Geneza – uwarunkowania – bilans – porównania / Pod red. J. Skowronka i M. Żmigrodzkiej. Wrocław, 1983; Historia Sejmu Polskiego. Т. 2. Cz. 1. W dobie Rozbiorów / Napisał A. Ajnenkiel. Warszawa, 1989; *Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W.* Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / Pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1992; Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich w XIX wieku / Red. naukowa A. Barańska, W. Matwiejczyk, J. Ziółek. Lublin, 2001.
- ⁸¹ *Łepkowski T.* Powstanie listopadowe // *Historia Polski.* Т. 2. 1764–1864. S. 195.
- ⁸² Ibidem. S. 196.
- ⁸³ Ibidem. S. 197.
- ⁸⁴ Ibidem. S. 211–212.
- ⁸⁵ Ibidem. S. 212.
- ⁸⁶ Ibidem. S. 217.
- ⁸⁷ Ibidem.
- ⁸⁸ *Łepkowski T.* Powstanie Listopadowe. Warszawa, 1987. S. 37.
- ⁸⁹ Ibidem. S. 37–39.
- ⁹⁰ См.: *Tokarz W.* Armja Królestwa Polskiego (1815–1830). Piotrków, 1917.
- ⁹¹ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 39–40.
- ⁹² *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 318–319.
- ⁹³ Записка полностью приведена у Шильдера. См.: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 321–323.
- ⁹⁴ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 12–13.
- ⁹⁵ Николай I – И.И. Дибичу. 7(19) апреля 1831 г. Собственноручная записка – РГВИА. Ф. ВУА. Отд. 2. Д. 7248.
- ⁹⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 13.
- ⁹⁷ Там же. С. 39–40; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными государствами. СПб., 1888. Т. 8. С. 173.
- ⁹⁸ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 15–16.
- ⁹⁹ Николай I – И.И. Дибичу. 2 (14) мая 1831 г. – РГВИА. Ф. ВУА. Отд. 2. Д. 7248.
- ¹⁰⁰ Николай I – И.И. Дибичу. 14 (26) мая 1831 г. – РГВИА. Ф. ВУА. Отд. 2. Д. 7248.

- ¹⁰¹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 20–21.
- ¹⁰² *Łepkowski T.* Powstanie listopadowe // *Historia Polski*. Т. 2. 1764–1864. S. 210.
- ¹⁰³ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 21–22.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. 4. С. 23–24.
- ¹⁰⁵ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 330.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 334–335.
- ¹⁰⁷ *Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831 r. Warszawa, 1930; *Łepkowski T.* Powstanie Listopadowe. Warszawa, 1987. S. 33–34.
- ¹⁰⁸ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 34.
- ¹⁰⁹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 36.
- ¹¹⁰ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 52.
- ¹¹¹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 59–60.
- ¹¹² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций... Т. 8. С. 174.
- ¹¹³ *Пузыревский А.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 369–371.
- ¹¹⁴ Там же. С. 400.
- ¹¹⁵ *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 96.
- ¹¹⁶ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 52.
- ¹¹⁷ Ibidem.
- ¹¹⁸ Ibidem.
- ¹¹⁹ Ibidem. S. 55.
- ¹²⁰ Ibidem. S. 57.
- ¹²¹ Ibidem.
- ¹²² *Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831 r. Warszawa, 1930.
- ¹²³ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 60.
- ¹²⁴ Ibidem. S. 59.
- ¹²⁵ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 116.
- ¹²⁶ Там же. С. 96–97.
- ¹²⁷ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 61.
- ¹²⁸ Ibidem.
- ¹²⁹ Ibidem.
- ¹³⁰ Ibidem. S. 62–63.
- ¹³¹ Ibidem. S. 64–65.
- ¹³² Ibidem. S. 65.
- ¹³³ Ibidem.
- ¹³⁴ Ibidem. S. 66–66.
- ¹³⁵ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 347–348.
- ¹³⁶ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 349.

Приложение № 1

Сводные данные по польским и русским источникам о потерях польской и русской армий в боях с 15 февраля по 26 мая 1831 г.

Дата	Место	Потери польской стороны		Потери русской стороны	
		По польским данным	По русским данным	По польским данным	По русским данным
3 (15) февраля	Сточек	87 убитых и раненых		330 чел. пленных, 10 орудий, не менее 400 чел. убитых (рапорт Дверницкого)	280 чел. убитых, раненых и пленных. 241 лошадь и 8 орудий
12–13 (24–25) февраля	Бялоленка		600–700 чел.		650 чел.
13 (25) февраля	Грохов	8000 чел, в т. ч. 7000 убитых и раненых	До 12000 чел. и 3 орудия	30000 чел. (М. Бржозовский); более 9000 тыс. чел	9400 чел.
19 (31) марта	Бавр и Дембы Вельки	Более 500 чел.		13000 чел. в т.ч. 10 тыс. пленных	
29 марта (10 апреля)	Иганы		Менее 3000 чел.		Более 3000 чел.
15 (27) апреля	Люлинская корчма (Вольнь)		2000 чел.		
14 (26) мая	Остроленка	6000 чел.	255 офицеров и до 9000 нижних чинов. В том числе 2500 пленных	5000 чел.	172 офицера и 4700 нижних чинов

Приложение № 2

Ведомость о состоянии больных холерою в госпиталях российских и Царства Польского действующей армии в течение 1831 года
(Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Т. 2. С. 44).

Месяцы	Состояло	Прибыло	Выздоровело	Переведено в Другой госпиталь	Умерло	Состоит
март	-	682	78	-	319	285
апрель	285	8431	2746	-	3171	2799
май	2021	658	1048	52	426	1153
июнь	1296	1253	1056	98	249	1146
июль	1111	1127	1086	-	397	755
август	757	1203	860	-	319	781
сентябрь	781	451	815	-	286	131
октябрь	54	49	24	-	51	28
ноябрь	28	13	32	-	6	3
декабрь	3	4	1	-	6	-
Итого	-	13871	7746	150	5230	

ГЛАВА 2

ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ ВРЕМЕНИ НАМЕСТНИЧЕСТВА И.Ф. ПАСКЕВИЧА

1. КАПИТУЛЯЦИЯ ПОВСТАНЦЕВ И РЕПРЕССИИ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Штурм Варшавы и занятие русскими войсками польской столицы означал завершение военных действий на территории Королевства Польского. В письме И.Ф. Паскевичу от 16 сентября 1831 г., написанном сразу по получении донесения о взятии Варшавы, в котором Николай I объявлял о возведении фельдмаршала в княжеское достоинство, среди прочего были определены первоочередные меры русской военной администрации Королевства¹. Говоря о повстанческой польской армии, которая в то время еще находилась в Польше, царь указывал, что не ожидает от нее продолжения военных действий, и предписывал Паскевичу, разоружив ее, «нижних чинов, кроме пленных, лучше всего распустить по домам». Польским офицерам разрешалось уехать за границу, «тогда мы их избавимся и возвратно не пустим». Польским генералам, произведенным в чин царским правительством еще до восстания и воевавшим против России, приказано было «ехать всем в Москву, придав офицеров для провожания, но не арестуя». Он также распорядился «Чарторижского, Лелевеля и подобных арестовать и под строгим караулом отправить в Киев или Бобруйск, впредь до повеления. Так же поступить со всеми редакторами газет и журналов, кои в Варшаве или инде попадутся». Этими словами Николай I особо подчеркивал значение общественного мнения и пропаганды, как в Польше и в России, так и в других европейских странах, имея в виду прежде всего противодействие освободительным идеям.

В царском письме явно прозвучала мысль, что, провозглашая умеренность и милосердие к побежденным, власти отнюдь не отказывались от репрессий в отношении непримиримых идейных противников, активных участников и руководителей восстания,

в том числе публицистов, редакторов и издателей. Разумеется, намерение «покарать мятежников» следовало по разным политическим соображениям замаскировать, побуждая противников не оказывать сопротивления, или чтобы представить польскому населению, а также зарубежному общественному мнению в выгодном свете собственную политику.

Уже в приведенном царском письме устанавливался запрет возвращения на родину офицерам – участникам восстания. Он соблюдался в дальнейшем неукоснительно, а редкие исключения, допускавшиеся лишь по высочайшему разрешению, только подтверждали правило. Таким способом достигалась политическая цель – ослабить польское освободительное движение, выслав из страны наиболее активных его участников. Этой же цели служило и разрешение польским офицерам, оставшимся в Королевстве Польском, поступать на службу в русскую армию («в тех же чинах и с теми же правами»). Те военные, кто, не имея иных средств к существованию, соглашался на это, переводились в расположенные на территории России части русской армии, которые нередко направлялись для боевых действий на Кавказе².

По тем же соображениям весной 1832 г. в Королевстве Польском по решению Паскевича была объявлена так называемая «конскрипция» – набор рекрутов в русскую армию, который в дальнейшем считался первым рекрутским набором в Королевстве. Николай I опасался, что эта мера может вызвать беспорядки и бегство молодежи за границу. Надлежало собрать 20 тыс. чел., чтобы отправить на службу в Россию тех людей, которые в период восстания были мобилизованы в польскую армию. По решению фельдмаршала, набору не подлежали единственные дети у родителей и лица, состоявшие в браке, если община (гмина) выставит надлежащее к набору число призывников. Мера эта возымела действие. Общины сами выставляли рекрутов, опасаясь, что в противном случае будут забраны женатые³. Так в набор попали люди, не обремененные семьями, и наиболее подозрительные в отношении благонадежности. В целом меры по набору поляков в русскую армию в первые годы после восстания можно вполне рассматривать как важную часть репрессивной политики царских властей. Царские манифесты с обещанием помилования «мятежников» не распространялись на целые категории участников восстания, которые остались в стране или так или иначе возвратились на родину. Вызванные в Москву и якобы не арестованные польские генералы были отправлены в ссылку*.

* Генералы Красиньский, Жолтовский, Круковецкий, Моравский, Мильберг, Томицкий, Чижевский, Редель, Роланд, Несиоловский, Завадский, Бонтам и Дзеконьский были высланы в Вологду, М. Радзивилл – в Ярославль, Турно, Богуславский и Мюллер – в Пермь, Вейсенгоф – в Кострому. Прондзиньский был оставлен в Петербурге, где написал известную историю военных действий 1831 г.

Главный указ об амнистии для Королевства был издан и объявлен царским манифестом 1 ноября 1831 г.⁴ В нем Николай I, ссылаясь на все свои манифесты и воззвания командования, выражал сожаление по поводу судьбы страны вследствие применения силы для подавления вспыхнувшего в Королевстве «рокоша» (мятежа) и утверждал, что восстановление спокойствия и законного порядка стало возможным только вследствие победы русских войск и благодаря могуществу России, с которой отныне Королевство «связано нерасторжимо».

Указ провозглашал амнистию участникам восстания, а также тем обывателям, которые так или иначе нарушили присягу, имея прикосновенность к восстанию. Однако далее следовал широкий перечень не подпадавших под амнистию «преступлений», разделенных по характеру содеянного на четыре категории. К первой принадлежали преступники – «поджигатели кровавого мятежа», к ним были отнесены лица, которые 29 ноября 1830 г. напали на Бельведерский дворец с намерением покунуться на жизнь вел. князя Константина, а также убийцы генералов и офицеров – российских и польских. К этой же категории причислялись также исполнители убийств в Варшаве 15 августа 1831 г. Ко второй категории относились лица, кто во время «рокоша», во все его периоды до 25 января 1831 г., «были начальниками или членами» установленной в Королевстве незаконной Верховной Рады. К третьей категории принадлежали те, кто до 13 сентября 1831 г. не объявил о своем присоединении к воззванию 29 июля, не сложил оружия и не прекратил иной повстанческой деятельности. Сюда же были отнесены все, кто после занятия Варшавы русскими войсками принимал участие в «воссоздании» незаконного правительства в Закрочиме. В четвертой категории преступников состояли члены обеих палат Сейма, которые внесли и поддержали акт 25 января 1831 г. об отмене царствования российского императора и его дома в Польше⁵. Правда, в отношении четвертой категории в указе говорилось, что амнистия могла быть распространена и на тех послов и депутатов Сейма, которые хотя и не вносили проекта детронизации и не голосовали за него, но подписали акт по «слабости духа и боязни». Для таких людей предусмотрено было расследование в каждом отдельном случае, при этом все они лишались в будущем права состоять на государственной или гражданской службе до тех пор, пока своим поведением не заслужат вновь доверия правительства. Все лица, принадлежавшие к поименованным 4 категориям, подлежали аресту и привлечению к специальному уголовному суду, создание которого было также предусмотрено указом об амнистии⁶. Практически, если следовать букве и духу указа, особенно имея в виду третью категорию причастных лиц, то к суду могло быть привлечено большинство подданных Королевства.

Однако перечень не подлежащих амнистии мятежников этим не ограничивался. Отдельную группу участников восстания, подпадавших

под действие специальных положений, составляли офицеры корпусов И. Раморино⁷, Г. Каменьского⁸, С. Ружицкого⁹ и М. Рыбиньского¹⁰. Во время штурма Варшавы письмо Я. Круковецкого Паскевичу от 7 сентября 1831 г. о намерении прекратить сопротивление сыграло, по мнению польских историков, фатальную роль в судьбе офицеров польской армии, подвергнутых в дальнейшем репрессиям. С их точки зрения, сдача Варшавы была расценена царскими властями как капитуляция повстанческого правительства и восстания в целом. Однако это отвергалось повстанческой традицией в историографии. Ее последователи исходили из того, что повстанческая армия не признала своего поражения и поэтому осталась как бы непообежденной. Для применения же царским правительством репрессивных мер имел значение тот факт, что всякое сопротивление после официальной капитуляции рассматривалось уже не как участие в войне, а как преступные действия особой квалификации, на которые не распространялся указ об амнистии. В этом положении оказался корпус Ромарино, который с боями отступал в Австрию и отказался сложить оружие в ответ на трехкратные воззвания генерала Г.В. Розена от 30 августа, 2 и 4 сентября 1831 г. В аналогичном положении были и части под командованием Каменьского и Ружицкого, которые отклонили требование капитуляции от 8 октября. В нем содержались ссылка на предыдущее воззвание, обращенное к офицерам Раморино, и соответственно идентичные условия. Третье воззвание российского командования было обращено к отступившим из Варшавы войскам Рыбиньского. Оно основывалось на соглашении с Круковецким, согласно которому польской армии разрешалось перейти в Плоцкое воеводство, где и ожидать дальнейших повелений императора. В нем говорилось, что корпус Рыбиньского «обнаружил намерение продолжения сопротивления» и «остается в состоянии бунта против законной власти». Поэтому его офицерам, которые ушли в Пруссию, было запрещено возвращение в страну¹¹.

Манифест об амнистии от 1 ноября 1831 г. только завершал оформление условий капитуляции польской армии. По их совокупности каждый участник восстания мог быть, вопреки провозглашенной амнистии, привлечен к ответственности.

В репрессиях по отношению к повстанцам приняли участие Австрия и Пруссия, которые оказывали в этом содействие своим российским союзникам. Австрийский генерал Берналотти выдавал оказавшихся в Галиции беглецов российским властям, причем делал это весьма активно, относясь к офицерам как к военнопленным, поступая так с интернированными вплоть до своего отъезда из провинции в 1833 г.¹² Гораздо хуже было положение повстанцев, искавших убежище в Пруссии. Еще в начале восстания прусские власти 11 февраля 1831 г. распорядились, чтобы все вооруженные лица, перешедшие прусскую границу, были бы возвращены в Королевство. При этом оказавшиеся на прусской территории

русские солдаты возвращались с оружием и под началом собственных командиров, лишь в сопровождении приставов. Поляки же подлежали разоружению. Когда же границу перешли отступившие из Литвы войска Д. Хлаповского и тот обратился за разрешением вернуться в Королевство, то местные прусские власти задержали их и обратились за указаниями в Берлин. По распоряжению прусского министерства генерал Штюльпнагель, которому в ведение были переданы перешедшие границу в Восточной Пруссии и интернированные здесь польские войска, заявил, что постановление прусского кабинета от 11 февраля 1831 г. распространяется только на небольшие отряды. При этом, по его словам, поляки должны оценить гуманность прусского правительства, которое не прибегло к их экстрадиции в Россию¹³. После падения Варшавы и отступления большей части польских войск в Пруссию их положение там стало еще хуже. Вначале прусский военный министр обещал Рыбиньскому, что все офицеры и солдаты вправе сами решить, намерены ли они вернуться в Польшу или остаться за границей, и что ничья воля не будет нарушена. Однако положение изменилось после объявления российским императором амнистии. Ссылаясь на этот акт, прусский король издал указ, чтобы польские офицеры и солдаты, ввиду проявленной по отношению к ним доброй воли, без колебаний возвращались бы на родину. Указом были установлены маршруты, которыми офицеры и солдаты под надзором прусских конвоев должны были вернуться в Польшу¹⁴.

В указе об амнистии ничего не говорилось о конфискации имений лиц, участвовавших в восстании и в освободительном движении, не было в нем положений о рекрутчине и об иных формах административного и уголовного преследования участников освободительного движения. Во всяком случае, в указе отнюдь не были установлены рамки для репрессивной практики царских властей, которая в дальнейшем получила самое широкое развитие.

2. Политика умиротворения

Падение Варшавы, ликвидация последних оплотов восставших в Модлине и в Замостье, уход повстанческой армии и активных участников восстания за границу означали переход царского правительства к политике «умиротворения» Королевства Польского. Символически этот рубеж был ознаменован торжественным молебным и военным парадом в Варшаве 16 октября 1831 г. на поле между Иерусалимской и Вольской заставами. Командовал войсками вел. князь Михаил Павлович, принимал парад – Паскевич. Этим подчеркивалось особое положение фельдмаршала, пожалованного незадолго до того титулом князя Варшавского, даже по отношению к младшему брату царя. В ходе церемонии, приветствуя

главнокомандующего, Михаил опустил перед ним шпагу, что построены для торжественного марша войска встретили возгласом «ура». В ответ Паскевич приказал взять «на караул» перед великим князем¹⁵.

Определяя новые политические задачи российской военной администрации, Николай I в письме Паскевичу от 16 сентября их «главным предметом» назвал успокоение края и восстановление в нем порядка; «второй (как и восстановление порядка. – *Б.Н.*), столь же важный – устройство армии, дабы к весне быть ей сильну <...> дабы дух заразы умственной до ней не добрел <...>. Необходимо, не теряя времени, приступить к устройству крепкой цитадели в Варшаве. Пункт я избираю близ, или, лучше сказать, вокруг Александровских казарм, как место в краю города, на возвышенном открытом месте, и где есть казармы и строения на 6 тысяч гарнизону; сверх того тут был мост новый, который был важен нам, что переправа через него – не через город»¹⁶.

Вопрос о расположении русской армии в Польше Николай подробно рассмотрел на следующий день в очередном письме Паскевичу¹⁷. Он извещал фельдмаршала о посылке пополнений (54 тыс. чел.) и об отводе гвардейского корпуса в Литву. Всего под командованием фельдмаршала должны были в дальнейшем состоять один гренадерский корпус (располагался в Калише), три пехотных корпуса, два резервных кавалерийских корпуса и 20 казачьих полков с приданной артиллерией. Войска следовало разместить по всей территории Королевства, чтобы она оказалась таким образом полностью под военным контролем. «В Варшаву, – писал царь Паскевичу, – присылать поочередно по дивизии помесечно от 1 и 2 корпусов, дабы долгой стоянкой не обременять и не баловать [офицеров и солдат. – *Б.Н.*] в соблазнах города». Укрепления польской столицы повелено было скрыть, причем силами жителей «по непременному наряду, как строены ими же были».

Размещение в Польше мощной военной группировки, очевидно, преследовало цель держать в страхе и покорности «завоеванную» страну, однако имелось в виду не только это. Максимально продвинутая на запад армия (сильнейший корпус располагался в Калише) должна была непосредственно угрожать странам Центральной и Западной Европы, а главное – служить подавлению революционного движения. Не случайно поэтому за Николаем I с тех времен закрепилось пущенное в оборот прусскими публицистами прозвище «жандарма Европы».

В упомянутом письме Паскевичу царь сделал также весьма детальные распоряжения о конфискации и присылке в Петербург ценных для поляков предметов – памятников и символов польской государственности и воинской славы, завершив их детальное перечисление словами: «Словом, убрать понемногу все, что имеет историческую национальную ценность, и доставить сюда; равно и флаг с королевского замка». В перечень Николай включил также «университетскую библиотеку и кабинет

медалей, равномерно и библиотеку de la Societ  des belles lettres*», которые надлежало отправить в Брест¹⁸.

В «Манифесте об окончании польской войны 1831 года», изданном в сентябре, после взятия Варшавы, в обращении к истинным подданным царя, среди прочих подобающих высокопарных сентенций, провозглашался призыв: «способствовать успеху предначертанных нами мер, теснейшему, твердому соединению сего края с прочими областями Империи»¹⁹. В этих словах нашла выражение квинтэссенция политики царского правительства, проводившейся в течение всего тридцатилетнего правления Николая I и по меньшей мере до революционной ситуации в России на рубеже 1850–1860-х гг.

16 сентября, вскоре после занятия Варшавы русскими войсками, был издан манифест «Об учреждении в Царстве Польском Временного правления». В литературе этот орган нередко именуется временным правительством. Однако точное его название в большей мере соответствует его сущности – отсутствию как политического, так и административного статуса. Царь как бы подчеркивал, что определение статуса этого высшего института гражданской власти для Королевства Польского, как и статуса самого Королевства, – дело будущего.

Проект организации Временного правления²⁰ был еще в мае 1831 г. составлен Ф.И. Энгелем, незадолго до этого исполнявшим должность российского министра внутренних дел и отвечавшего, в частности, за подавление крестьянских волнений в России. Энгель был также известен как один из деятелей николаевского правительства в крестьянском вопросе. В 1831–1832 гг. он – ближайший советник Паскевича в области гражданского управления в Королевстве Польском. Упомянутый проект был подготовлен, когда исход боевых действий еще отнюдь не был предрешен, и отослан в действующую армию в день смерти Дибича (29 мая (10 июня) 1831 г.). После согласования проекта с военным министром А.И. Чернышевым и министром статс-секретарем С. Грабовским Манифест о создании Временного правления был издан на неделю раньше, чем был утвержден соответствующий законопроект. Это означало, что Николай и Паскевич ознакомились с проектом Энгеля ранее, еще до отъезда фельдмаршала в армию²¹. Подготовка проекта Энгеля имела весьма существенное значение еще и потому, что была осуществлена в Собственной императорской канцелярии по делам Царства Польского, являвшейся отдельным департаментом большой императорской канцелярии, в отделениях которой были сосредоточены важнейшие вопросы государственного управления империи. Таким образом, и управление Королевством Польским не только по существу, но и формально оказывалось непосредственно в руках царя. В этом также нашла отражение

* Из собрания художественной литературы (*франц.*).

тенденция ликвидации «отделенности» Королевства от империи. Положение о Временном правлении послужило образцом для всей администрации Королевства Польского вплоть до конца 1860-х годов, то есть до окончательного присоединения всех его управленческих учреждений к соответствующим ведомствам империи.

Временное правление заменяло прежний Административный совет, но, как гласило Положение, «с той же властью и с той же ответственностью». Правление имело 4 отделения: 1. по делам исповеданий и народного просвещения (директор – генерал Раутенштраух); 2. по части юстиции (директор – генерал Коссецкий); 3. по части внутренних дел (директор – флигель-адъютант, полковник Строганов); 4. по части финансов, казначейства и контроля (директор – действительный статский советник Фурман). В состав Правления входили четыре поименованных директора и председатель Ф.И. Энгель: всего трое военных и двое статских чиновников, что свидетельствовало о военном характере деятельности этого учреждения. Польские генералы Ю. Раутенштраух и К. Коссецкий занимали свои должности еще в составе Административного совета накануне Ноябрьского восстания²². При этом в переписке царя и Паскевича время от времени поднимался вопрос о замене чиновников, считавшихся немцами, как Ф.И. Энгель и Р.Ф. Фурман, – на русских *, что косвенно давало основание говорить и о тенденции к русификации высшей бюрократии Королевства.

Заседания Временного правления открылись в Варшаве 24 октября, хотя формально, согласно законодательству Королевства Польского, начало его деятельности по указу императора было отнесено к 24 ноября 1831 г.²³ Открывая первое заседание, Паскевич объявил, что царское «всемиловитейшее прощение не дает права на вступление в прежние должности тем лицам, кои во время мятежа сделались известны по дурному образу мысли и поведения»²⁴. К этому времени были уже изданы Общие распоряжения «К повсеместному обезоружению жителей края», о санкциях «за уклонение жителей законом на них возложенной повинности», «Об ответственности крестьян, уклоняющихся от исполнения следующих от них повинностей или оставляющих самовольно место своего жительства, равно об ответственности помещиков в случае справедливых жалоб крестьян на требования, превышающие постановления или добровольные условия»²⁵. Это заключительное постановление Временного правления имело весьма существенное значение, так как, с одной стороны, восстанавливало в полном объеме крепостнические отношения,

* Из письма Николая I – И.Ф. Паскевичу 29 декабря 1831 г. (10 января 1832 г.): «...думаю, как бы лучше заместить Энгеля, не вижу лучшего выбора, как назначить графа Федора Палена, что ныне Новороссийским г. губернатором. Он человек благороднейших правил, деятельный и умный. Притом он русский, что также необходимо. Подумай о сем предложении и напиши, согласен ли?»

вплоть до запрещения крестьянских переходов без разрешения войта-помещика, а с другой – провозглашало намерение властей вмешиваться в отношения между крестьянством и землевладельческой шляхтой. В русле этой политики были приняты меры для поддержки крестьян в предстоящую посевную в тех местностях, где крестьянские хозяйства были разорены. Для этого Паскевич ходатайствовал о выделении в бюджете на 1832 г. 3,5 млн. золотых²⁶.

Таким образом, уже с первых шагов власти собирались предпринять меры и в крестьянском вопросе, которые были, естественно, непосредственно связаны с определением и сословного статуса польского дворянства. Об этом царь писал Паскевичу 20 ноября (2 декабря) 1831 г., предлагая, во-первых, уравнивать в сословных правах польскую шляхту с российским дворянством, лишив дворянских привилегий мелкую и безземельную шляхту, и, во-вторых, «приспособить увольнение крестьян в Королевстве по примеру, указанному в Пруссии»²⁷, то есть привести дело к освобождению крестьян по прусскому образцу.

Важнейшей сословной привилегией польского дворянства было владение недвижимыми именными. Эту привилегию в Королевстве Польском практически не поколебала предусмотренная Кодексом Наполеона возможность приобретения земли выходцами из других сословий, число которых среди землевладельцев, правда, было совсем невелико и которые, приобретя поместья, всеми силами стремились приобщиться к шляхте в социальном отношении. Однако как польское, так и российское дворянство пользовалось привилегией неотчуждаемости земельной собственности. Даже в случае осуждения преступника и лишения его дворянства поместья такого человека передавались в род законным наследникам.

Тем не менее, царское правительство и власти Королевства Польского оказались перед лицом политической необходимости конфискации имений дворян – участников восстания, находившихся в эмиграции и занявших непримиримую позицию по отношению к российским захватчикам, хотя такой акт, очевидно, противоречил оформленным законодательно сословным привилегиям дворянства. Ожидая на этот счет повеления Николая, Паскевич в письме царю высказал следующие соображения в виду принятых властями мер: «Имена помещиков, не подпавших под амнистию (объявленную царским манифестом 1 ноября 1831 г. – *Б.Н.*), по моему распоряжению взяты в секвестр, но еще весьма мало взято, ибо лица сии еще не приведены в известность. По приведению сих лиц в известность я велю наложить секвестр. (Насчет же конфискации не будет приступлено до того времени, покуда разрешения не будет от Вашего Императорского Величества, ибо законы польские всякую конфискации запрещают)»²⁸.

О наложении секвестра на имения «не подлежащих амнистии мятежников» (в силу манифеста и указа об амнистии от 1 ноября 1831 г.) говорилось на заседании Временного правления в начале декабря 1831 г.²⁹, когда

рассматривался проект соответствующего Положения и заключение по проекту министра финансов Е.Ф. Канкрин. Раутенштраух констатировал, во-первых, что независимо от того, будет ли в дальнейшем сохранена Конституция Королевства Польского 1815 г., ее 158-я статья о недопустимости конфискации собственности не распространяется на мятежников, которые самим фактом мятежа уничтожили Конституцию. Во-вторых, такая конфискация была бы справедливой, поскольку послужила бы возмещением потерь, понесенных Россией. Вместе с тем репарации не следовало бы распространять на всю страну, «невольню вовлеченную в революцию». В-третьих, наложение секвестра послужит на пользу невиновным детям и другим законным наследникам, за которыми бы сохранялось право пользования частью доходов с конфискованных имений³⁰.

Энгель, согласившийся в целом с Раутенштраухом, все же полагал, во-первых, что конституционная гарантия неприкосновенности имений (статья 158-я) сохраняется для всех без изъятия. Судьба названного права в будущем зависит исключительно от воли монарха; вмешательство в эту сферу со стороны Временного правления уподобило бы действия последнего тем революционным посягательствам, коими руководствовалось повстанческое правительство. Во-вторых, могут ли, задался вопросом Энгель, частные лица нести ответственность за «убытки, понесенные Россией, и вознаградимы ли они?» В-третьих, если конституция и ее 158-я статья будут, как следует ожидать, отменены, то предлагаемая форма конфискации вполне соответствует заявленным целям успокоения края³¹. Таким образом, в вопросе о конфискации шляхетских имений польские члены Временного правления высказались в пользу мнения Канкрин, рассматривая ее как форму взыскания государственных репараций. Вероятно, такая позиция объяснялась стремлением подчеркнуть собственную лояльность властям, хотя бы и в ущерб соплеменникам. Русская же часть Временного правления и Паскевич, признавая политическую целесообразность конфискации, руководствовалась по преимуществу мотивами сословной дворянской солидарности и идеей охраны дворянских привилегий³².

В итоге, вопреки законодательству Королевства Польского и законам Российской империи, конфискация шляхетских имений не подпадавших под амнистию участников восстания все же произошла. В 1831 г. в Королевстве Польском «под запрещением» состояло 110 883 души, под секвестром – 36 028 душ, конфискованных – 110 687 душ. Всего 257 598 душ. В 1832 г. число конфискованных имений возросло до 142 204 душ, а число двух первых категорий сократилось почти наполовину³³. В особом порядке «по Высочайшему повелению» были секвестрованы имения и дома в Варшаве А.Е. Чарторьского, М. Радзивилла и Л. Паца³⁴.

Опираясь на приведенные данные Административного совета о конфискованных имениях, достаточно трудно установить, каковы были размеры конфискации в сравнении с общими размерами шляхетского

землевладения в Королевстве Польском. Накануне восстания, в 1829 г., численность сельского населения Королевства составляла около 3,2 млн чел.³⁵ Если исходить из того, что «число душ» соответствовало численности сельского населения, то доля конфискованных имений составила примерно 7% от общего размера сельскохозяйственных хозяйств, что само по себе отнюдь не мало. Однако согласно российской статистике, в которой «душа м. п.» была учетной единицей при уплате государственных налогов и при выполнении повинностей, число душ соответствовало либо числу дворов, либо числу крестьян, несших повинности в пользу помещика. Последних, по данным 1827 г., в Королевстве Польском было 805,1 тыс. глав семей (дворов)³⁶. Если исходить из этих данных, соответственно доля конфискованных имений достигала 27%. Если число учетных душ во дворе было больше 1, но не могло в среднем превышать 4-х, то доля конфискованных имений находилась в интервале 7–27% и составляла примерно 10–15% шляхетского землевладения, что было весьма существенно.

Первоначально практика конфискаций имений польского дворянства была введена в западных губерниях (в Литве и в Белоруссии). Указом 21 декабря 1830 г. (2 января 1831 г.) было наложено запрещение на имения помещиков «возвращенных от Польши губерний», которые приняли участие в восстании. Доходы с этих имений запрещалось переводить за границу или передавать кому-либо внутри России³⁷. Затем в тех же губерниях указом 22 марта (3 апреля) 1831 г. имения помещиков, «обнаруживших себя открытыми врагами государства», велено взять в казну, а дабы, с одной стороны, «не отлагать наказания преступников, а с другой – предохранить сами сии имения от расстройств», указом 6 (18) мая 1831 г. предписывалось: 1) в тех местностях, где спокойствие восстановлено, наложить секвестр на имения всех участников мятежа, имея в виду возвращение их владельцам, «кои с раскаянием явятся», за исключением «зачинщиков и предводителей»; 2) о всех секвестрованных имениях уведомить министра финансов, в виду установления впоследствии порядка «их обращения в казну». По тому же указу надлежало привести повинности крестьян в секвестрованных имениях «в умеренность, дабы способствовать улучшению их состояния»³⁸.

Управление секвестрованными и конфискованными имениями участников восстания в Литве, Белоруссии и на Украине осуществлялось на основе особых правил, утвержденных 17 (29) июля 1831 г.³⁹, согласно которым устройство и ведение хозяйства в них остались неизменными, только в отношении крестьян были уменьшены повинности как натуральные, так и денежные. Поступавшие с этих имений доходы направлялись на погашение задолженности перед казной и перед частными лицами, для чего были образованы специальные ликвидационные комиссии⁴⁰. Впоследствии к конфискованным имениям были применены специальные правила

и проведена их люстрация. Указанные правила действовали и в Королевстве Польском, однако в этом случае конфискованные имения находились не в ведении Министерства финансов, как в России, а под управлением Правительственной комиссии финансов. В этом в очередной раз проявилось особое административное положение Королевства Польского после подавления Ноябрьского восстания уже в то время, когда статус Королевства в системе имперского управления еще не был определен, несмотря на явно выраженную волю Николая I ликвидировать его «отделенность» от империи в политическом и административном отношении.

Особое положение Королевства Польского в составе Российской империи уже в первые недели и месяцы после восстановления здесь российской власти и формирования временной администрации явно проявилось в финансовых вопросах, когда Николай I и Паскевич обсуждали задачи размещения в Польше почти 200-тысячной русской армии, ее состава, обеспечения и строительства военной инфраструктуры (трех крепостей и сети шоссейных дорог). При этом с самого начала царь объявил фельдмаршалу, что требующиеся для этого средства должны быть изысканы в самом Королевстве, что российская казна не сможет нести этих расходов. 15 октября 1831 г. Николай писал Паскевичу: «Вообще не могу довольно тебе изъяснить, сколь трудно будет исполнить не только требуемую тобой высылку денег <...>, но даже тех сумм, коих требуешь в дополнение сметы 1831 года. Мы с трудом изворачиваемся. Польша должна себя содержать, а хотя казна ее пуста, но есть банк, из коего она должна заимствовать для сего предмета, не то наши же капиталы истощатся, и все в пользу врагов, в их край»⁴¹.

Положение было действительно тяжелым. Из выделенных к «непременному отпуску» на армию средств Паскевич к концу 1831 г. получил едва половину. Недофинансирование на начало 1832 г. составило 8 835 000 рублей ассигнациями⁴². Для решения первоочередных финансовых проблем директор четвертого отделения Временного правления Д.Р. Фурман осуществил ряд мер, одобренных Паскевичем. Были восстановлены таможенные границы и таможенный надзор, прежде всего на границе с Пруссией, но также и с Россией. По распоряжению Паскевича на западную границу были откомандированы офицеры для проверки и восстановления таможенных постов. С начала ноября 1831 г. в казну стали поступать таможенные доходы. Для управления и контроля работы Польского банка была учреждена Временная комиссия, заменившая отделение банка по управлению государственным долгом. Был установлен контроль над внутренними и заграничными активами банка, продолжились переговоры с австрийским правительством о возвращении Банку, согласно конвенции 1821 г., 120 тыс. гульденов. В отмену решения о непризнании всех казначейских обязательств повстанческого правительства было произведено погашение мелких банковских билетов (1 злотый), на

735 тыс. злотых. Эта мера была рассчитана на крестьянство и на стимулирование мелкой буржуазии. Предполагалось, что активизация частной торговли поспособствует восстановлению народного хозяйства и поступлению в бюджет налогов и других доходов. Бюджет на 1831 г., составленный администрацией Паскевича, предполагал дефицит в 5,6 млн злотых. Примерно такую же сумму повстанческая армия увезла из Польского банка, покидая Варшаву⁴³. Дефицит на 1832 г. ожидался в 32 млн злотых. Среди предложенных мер по его покрытию был заем в Земском кредитном обществе под залог государственных имуществ, получение средств, причитавшихся с Пруссии по Санкт-Петербургской конвенции 1798 г. Для преодоления дефицита было решено взыскать со шляхетских имений и с других земельных собственников накопленную землевладельцами налоговую задолженность, заставив их под страхом секвестра и конфискации взять заем в Земском кредитном обществе. В то же время власти не планировали увеличения налогов с крестьян и с городов, понимая, что, ввиду их разоренного состояния, такая мера приведет только к увеличению недоимки. При этом тенденция первоочередных налоговых мер явно ущемляла интересы польского дворянства. Временное правление намечало и ряд других, преимущественно технических, средств для увеличения доходов бюджета⁴⁴. В целом же его первые шаги по восстановлению финансовой системы были ориентированы на использование поступлений от внутренних займов, что встретило одобрение царя⁴⁵.

Важным символическим актом политики умиротворения стало приведение к присяге жителей Королевства Польского. Вопрос этот рассматривался на заседании Временного правления 1 ноября, в день издания царского манифеста об амнистии (он был оглашен в Москве 3 ноября 1831 г.)⁴⁶. На заседании единогласно утвердили проект воззвания к польскому народу, тогда же генеральным секретарем Правления был назначен Ю. Тымовский.

В связи с предстоящей присягой Правительственная комиссия внутренних дел запросила Временное правление: следует ли приводить к присяге только чиновников или всех жителей Королевства, «никаких должностей не имеющих»? В ответ власти постановили, что привести к присяге надлежит всех жителей, поскольку это отменило бы все разного рода присяги, установленные повстанческим правительством. И даже в случае, если присяга на верность императору-королю состоялась уже «по занятии российскими войсками различных областей Царства», Временное правление, «желая доставить им (жителям Королевства. – Б.Н.) новый случай явить приверженность и преданность законному государю, определило отобрать вторично по обыкновенной форме присягу на верность в тех местах, где жители таковой доселе не возобновили»⁴⁷. О том, что присяга на верность Николаю I носила не только формальный характер, свидетельствовало адресованное Правительственной комиссии

юстиции распоряжение, дабы комиссия направила председателям судов предписание: «донести о деятельности во время мятежа каждого чиновника в отдельности»⁴⁸.

Образование Временного правления не означало ликвидации комиссий Административного совета. Они были подчинены соответствующим отделам Правления, которым принадлежало право министерского решения. Председатель Временного правления действовал от имени главнокомандующего Паскевича. Для контроля за деятельностью комиссий были предусмотрены должности прокуроров. Еще 27 сентября в комиссии был разослан циркуляр Ф.И. Энгеля с поручением представить рапорт о состоянии магистратур и учреждений, находящихся в ведении комиссий, об их фондах и капиталах, а также о штатах и наличествующих чиновниках. Согласно распоряжению властей, к исполнению обязанностей чиновников могли приступить только лица, не причастные к «революции», при условии принесения присяги императору. В этом случае для них сохранялись прежние чины. Однако было установлено, что штат чиновников имеет значительный некомплект. Властям требовались чиновники, знающие польское законодательство и административную практику Королевства, поэтому возвращение поляков на государственную службу было весьма желательно, что и побудило Временное правление, дабы привлечь колеблющихся, публично объявить 24 октября, что последней датой возвращения чиновников на службу является 15 ноября⁴⁹. Власти также намеревались использовать на чиновничьих должностях офицеров бывшей польской армии, которых следовало привлечь на свою сторону, так как, оставленные без средств к существованию, они могли бы представлять существенную опасность⁵⁰. По приказу Паскевича соответствующие циркуляры с запросом о состоянии органов воеводского и местного управления были разосланы в октябре – ноябре военным начальникам воеводств. Целью их было восстановление воеводских комиссий, которые, согласно распоряжению фельдмаршала, надеялись прежними функциями и статусом. Однако назначенные во время боевых действий русскими военными властями начальники воеводств сохранили свои должности. Они по-прежнему командовали расквартированными в воеводствах русскими войсками. На их командиров, назначенных Паскевичем из числа доверенных офицеров, и были возложены обязанности надзирать за председателями (презесами) воеводских комиссий и воеводской гражданской администрацией. Такого рода контролеры призваны были пресекать злоупотребления местных властей, распространенные повсюду при передаче в аренду государственных имуществ, при выполнении казенных подрядов и т. п., или же в отношении крестьян как в частных, так и в государственных имениях.

Царь не раз требовал от фельдмаршала «заменить по нужде помещенных чиновников благонадежнейшими. Президент Седлецкой [воеводской комиссии. – *Б.Н.*] Старокольский, – писал Николай Паскевичу

в январе 1832 г., – известный мошенник, говорят, что ныне он все себе позволяет, хорошо бы его изобличить и сделать над ним пример»⁵¹. Наиболее заметным делом, связанным с чиновничьими злоупотреблениями, стало судебное следствие в отношении генерала Домбровского, которое проводил варшавский губернатор И.О. Витт. Еще до Ноябрьского восстания Домбровский поселился в Познани, где пользовался покровительством русских дипломатов в Пруссии (Д.М. Алопеуса). По их рекомендации Паскевич пригласил его в главную армию для организации гражданской администрации и назначил председателем Временного правления в Калише. Здесь Домбровский, как установило следствие, подвергал незаконному секвестру имущества частных лиц и присваивал доходы с этих поместий. Он был также уличен в хищении таможенных сборов, которые не поступали в казну. Согласно докладу Витта, Домбровский во время войны неоднократно приезжал в Варшаву и «был один из самых деятельных и самых горячих членов революционного клуба». Он якобы уплатил даже значительную часть долгов молодого Мохнацкого в расчете на то, что последний в позитивном свете представит деятельность Домбровского на страницах зарубежных газет⁵².

Недовольство царских властей состоянием и качеством административного аппарата Королевства Польского 1830–1850-х гг. оставалось практически неизменным в течение всего правления Паскевича. Время от времени как русские, так и польские чиновники за допущенные злоупотребления оказывались под следствием и подвергались тем или иным санкциям. Но, несмотря на усилия властей усовершенствовать управленческую систему, бюрократический произвол со стороны как отдельных чиновников, так и учреждений оставался практически неизменным фактором общественной жизни как Королевства Польского, так и николаевской Российской империи в целом. Однако в Польше он имел немаловажную специфическую черту: в его оправдание было заложено отнюдь не лишнее основания устойчивое представление бюрократии Королевства Польского о враждебности польского дворянского общества русской власти.

Формально отмена Конституции 1815 г. состоялась только в феврале 1832 г., когда царским манифестом были объявлены заменявшие ее «Основные постановления» (Органический статут), а государственно-правовой статус Королевства был окончательно определен только с назначением Паскевича наместником Царства Польского, состоявшимся 3 апреля 1832 г. До этого времени статус, права и функции властей Королевства оставались не определены, поскольку сама судьба Королевства Польского не была еще решена в Петербурге окончательно, не в последнюю очередь по причинам международного характера.

В этих условиях деятельность царских властей в Польше в конце 1831 – начале 1832 г. в значительной мере носила технический характер и была направлена на решение безотлагательных задач. Так, по Комиссии

духовных дел и народного просвещения наиболее значимыми решениями были: открытие занятий в учебных заведениях, за исключением закрытого Варшавского университета, и основание трех новых училищ в обводах⁵³; постановление в отмену прежнего регламента не приглашать на заседание Комиссии епископов и сенаторов, а также уволить не пользовавшихся доверием чиновников⁵⁴; отстранение епископов от обязанностей по ведомству народного просвещения и ликвидация кураторий учебных заведений, так как в большинстве своем кураторы приняли активное участие в восстании⁵⁵. По ведомству Комиссии внутренних дел: возобновился ввоз в Россию польских товаров, впредь до установления общего порядка коммерческих сношений; отменялся ввиду неурожая заградительный тариф на ввоз зерна в Королевство; разрешалось принимать в счет податей квитанции, выданные русскими военными властями; восстанавливались в правах все чиновники, уволенные революционным правительством; осуществлялось издание на польском языке сочинений Мольера и издание исторического журнала «Памятник Сандомирский»; учреждалась правительственная газета⁵⁶. На Комиссию юстиции возлагалось восстановление прежней системы судопроизводства и расследование судами деятельности чиновников в период восстания⁵⁷. 7 января 1832 г. царь отозвал Энгеля из Варшавы, однако тот исполнял свои обязанности председателя Временного правления до конца февраля 1832 г., так как не могли подобрать ему преемника. В итоге должность председателя, с одобрения Николая, принял на себя сам Паскевич⁵⁸.

Репрессивные меры властей по подавлению сопротивления оппозиционных слоев польского общества и их усилия по налаживанию мирной жизни приносили свои результаты, однако они не могли в полной мере удовлетворить Паскевича и его администрацию. 3 ноября 1831 г. в Москве был оглашен царский манифест об амнистии большинству участников Ноябрьского восстания. Однако, писал фельдмаршал царю, амнистия «мало произвела удовольствия». Генерал В. Красиньский, по приказу главнокомандующего объехавший воеводства, чтобы выяснить «настроения умов», пришел к заключению, что «третья часть еще не благомыслящая»⁵⁹. В канун годовщины Ноябрьского восстания по Варшаве «распространились слухи о новом мятеже», что якобы заговорщики намерены поджечь столицу «с двенадцати концов, и когда русские бросятся тушить город, всех их перерезать». Паскевич не верил такого рода известиям. Полиция докладывала, что никаких возмущений не готовится⁶⁰, но само широкое распространение подобных толков недвусмысленно свидетельствовало об антирусских настроениях в Варшаве. В дальнейшем полицейское ведомство и другие власти систематически наблюдали за общественными настроениями и постоянно констатировали в среде дворянства и в различных слоях городского населения неизменную оппозиционность по отношению к царской администрации.

Власти стремились принять ответные меры – от демонстрации военной мощи и предостерегающих речей царя на встречах с представителями польского дворянства в 1832, 1833 и в 1835 гг. и до использования средств монументальной пропаганды. В этом деле применялись и довольно курьезные методы. Успокаивая царя в связи с его опасениями по поводу «вредного влияния полек на русских офицеров», Паскевич писал о своем намерении познакомить поляков и русских «в одних обществах», замечая, однако, что «на это мало надежды». Фельдмаршал рассчитывал таким способом «компрометировать их, а особливо женщин – больших патриотов, – перед заграничными якобинцами и показать всю легкость их характера в том, что они к нам ездят». Он сообщал царю, что «завтра на новый год дает большой вечер, где до 50-ти дам польских будет» (Паскевич – Николаю I 31 декабря ст. ст.). Несколько ранее (26 декабря ст. ст.) фельдмаршал доносил о положении в Варшаве: «Здесь вообще спокойно. Театры открылись с 1-го января нового года, по новому счислению, и так тихо и благопристойно было, как в Петербурге»⁶¹. Данное фельдмаршалом царю обещание способствовать развитию светского общения представителей российской власти с верхами польского общества было им исполнено. Почти на протяжении всего своего правления в Польше Паскевич регулярно устраивал в своей резиденции в Королевском замке приемы и рауты, которые, по свидетельству как русских, так и польских современников, проходили в достаточно непринужденной обстановке: фельдмаршал всегда проявлял себя как радушный хозяин и приятный собеседник, сохраняя, однако, приличествующую его должности дистанцию от публики; примеру главнокомандующего следовали и начальники воеводств.

3. ОРГАНИЧЕСКИЙ СТАТУТ

Еще со времени начала Ноябрьского восстания Николай I не раз как публично, так и в записках, составленных лично для себя, чтобы осмыслить свою политическую программу, утверждал, что в борьбе России и Польши последняя должна погибнуть, то есть лишиться полностью всех элементов собственного государственного и политического состояния и, утратив их, влиться в состав Российской империи. Однако уже первые месяцы деятельности Временного правления показали, что положение «отделенности» Королевства Польского от России уничтожить достаточно сложно, несмотря на устранение его важнейших атрибутов – Конституции и Сейма как института народного представительства. «Отделенность» Королевства определялась хозяйственным укладом, сословным строем, административной, правовой и финансовой системами, на восстановление которых и были направлены усилия Временного правления.

Паскевич считал, что полное слияние Польши в административном отношении с империей «неудобно по многим причинам», которые были изложены им в особой записке, направленной царю. Наместник стремился не только усилить русский элемент в Королевстве Польском, но и сосредоточить в руках русских чиновников важнейшие отрасли управления страной. Николай соглашался с фельдмаршалом, что «полное соединение Польши с Россией – дело будущего и что задача настоящего времени заключалась в уничтожении тех революционных начал, которые всегда причиняли несчастье как самой Польше, так и в соседних с нею государствах». Ввиду позиции великих держав, которые настаивали на формальном соблюдении постановлений Венского конгресса 1815 г., «решено было даровать Польше отдельное управление» в соответствии с особым Органическим статутом, «вместе с тем сосредоточить в руках Паскевича сильную диктаторскую и охранительную власть, заняв Польшу 100-тысячным русским войском. Притом, не уничтожая отдельности управления, усилить и организовать русский элемент в Царстве Польском»⁶².

Разработка Органического статута, или, как он был официально назван по-русски, «Уставной грамоты», была проведена в самые сжатые сроки юристами собственной императорской канцелярии без участия поляков. Известно только, что уже подготовленный проект рассматривался в Государственном совете под руководством Паскевича как председателя департамента по делам Царства Польского. Влияние самого фельдмаршала на содержание проекта оценить достаточно трудно, так как он был вполне удовлетворен полученными диктаторскими полномочиями. В Государственном совете на проект поступил ряд замечаний, среди них замечания Стефана Грабовского.

Все это позволяет заключить, что с самого начала значение Статута было невелико, что он должен был послужить декоративной заменой Конституции 1815 г., хотя именно она и стала главным источником «Уставной грамоты», из которой, правда, были исключены все элементы и даже следы прежней конституционности и так называемого разделения властей; в ней была узаконена система самодержавия и уже сформированные органы управления, а также нашли отражение некоторые тенденции политики новой российской администрации Королевства, или Царства Польского, как оно с этого времени стало именоваться официально.

Царский манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского» был издан 26 (14) февраля 1832 года*. Уже в его заглавии содержалось противоречие, поскольку «образование Царства Польского» предполагало создание некоего государственно-правового субъекта, что по существу отрицалось первой частью заглавия, провозглашавшей

* Все выдержки из манифеста и ссылки на статьи Органического статута даются по тексту, помещенному в Приложении к настоящему изданию.

только «новый порядок управления», без каких-либо существенных изменений государственного статуса. В манифесте объявлялось о завершении войны, начатой «вступлением наших войск (25 января 1831 г.) в Царство Польское, мгновенно отторгнутое мятежниками от власти законной». В заключение же следовало утверждение, что «сии злосчастия миновались: Царство Польское, снова Нам подвластное, успокоится и процветет среди восстановленной в оном тишины», и звучала решимость царя «предупредить возвращение подобных в будущем бедствий, отняв у зломыслящих те средства, коими они, как ныне обнаружено, успели возмутить общественное спокойствие».

Сам Органический статут (Уставная грамота) состоял, согласно тогдашней правовой традиции, из 6 разделов, первый из них содержал «Общие положения», в которых были сформулированы фундаментальные основы государственного права Королевства Польского. Первая статья гласила: «Царство Польское, нераздельная часть России, будет иметь особое, сообразное с местными потребностями его управление, свои также особенные Уложения: Гражданское и Уголовное, и все доселе существовавшие в городах и в сельских обществах дарованные им местные права и установления остаются на прежнем основании и в прежней силе». Таким образом, Органический статут, отменяя формально «отделенность» Королевства Польского, сохранял для него относительно самостоятельные администрацию, правовую и судебную системы, отдельное от России сословное и социальное устройство. Статут устанавливал на все времена правление в Королевстве российской императорской династии, статус которой в Польше регулировался исключительно российскими законами (ст. 2–4), исключалась и отдельная коронация в Варшаве, против которой так возражал Николай I еще в 1825–1826 гг.

Существовавший согласно Конституции 1815 г. особый статус польского гражданства (*obywatelstwa*) заменялся в Органическом статуте на «подданство», которое оставалось для Польши и России разделенным. Правда, такое «подданство» теперь могло приобретаться русскими и поляками независимо от места проживания либо в силу владения недвижимыми имениями, либо в силу императорского пожалования (ст. 21).

Польская армия как важнейший атрибут суверенитета или же «отделенности» Королевства от России ликвидировалась. 20-я статья гласила: «Армия Наша в Империи и Царстве составляет одно целое, без различия войск Русских и Польских».

Далее Общие положения устанавливали права подданных. Статья 5 провозглашала свободу вероисповедания с условием, что католическая религия, как исповедуемая большинством населения, «будет всегда предметом особенных попечений Правительства». Церковные и монастырские имения и иные фондовые средства духовенства признавались общей и неотчуждаемой собственностью соответствующих конфессий (ст. 6).

Иными словами, не допускалось передачи собственности от одной конфессии к другой. Этим положением, с одной стороны, устранялись все старинные, восходившие еще к XVI в., споры о захвате церковных зданий и других имений, а с другой – получали окончательное утверждение захваты католиками и униатами владений протестантов и православных. Однако этим положением власти стремились пресечь межконфессиональные конфликты и привлечь на свою сторону церковных иерархов, гарантируя им охрану соответствующих прав.

Статьи 7–10 провозглашали личные права подданных: равенство всех перед законом, что не вполне согласовывалось с особыми сословными правами и привилегиями; личную свободу «на основании существующих узаконений», правда, с весьма значительной оговоркой, что «всякий не иначе может быть взят под стражу или подвергнут суду, как лишь в предписанных законом случаях и с соблюдением всего определенного на сие порядка» (ст. 8). Другими словами, человек мог бы быть лишен личной свободы и взят под стражу не только по решению суда, но и «в иных случаях» и «с соблюдением всего определенного на сие порядка».

К личным правам относились и процессуальные права подданных. Так, каждому задержанному надлежало вручить письменное заключение с изложением причины ареста (ст. 8). Содержание под арестом не могло продолжаться более трех дней, по истечении которых обвиняемый должен был предстать перед судом для вынесения приговора. Если следствие длилось более трех дней, обвиняемый должен был быть освобожден в случае предоставления надежного поручительства (ст. 9). Правда, статья 10 для государственных преступлений и иных правонарушений исключительной важности предусматривала издание «особого закона по правилам, согласным с существующими на сие узаконениями в прочих частях Империи Нашей». То есть такие преступления были бы подсудны на основании российского законодательства, правда, оформленного в рамках законодательства польского. Это положение было явно направлено на пересмотр польского Уголовного кодекса 1818 г. и прямо противоречило 1-й статье Статута.

Статья 11 провозглашала в полном объеме право частной собственности, но вслед за этим устанавливалось, что «наказание конфискацией имущества определяется токмо за государственные первой степени преступления, как сие будет с точностью означено особым постановлением» (ст. 12). В этом Органический статут вступал в кардинальное противоречие с фундаментальной привилегией как польского, так и российского дворянства, запрещавшей, в частности, конфискацию дворянского землевладения, и узаконивал репрессивную практику царских властей в отношении польской шляхты, хотя данная норма распространялась и на другие сословные группы населения Королевства Польского. Подобного рода репрессии получили достаточно широкое применение в отношении участников освободительного движения⁶³.

Провозглашал Статут и свободу слова («обнародование мыслей»), которая ограничивалась «уважением к вере», «неприкосновенностью верховной власти», «чистотой нравов и личной честью» (ст. 13). Для цензуры предусматривалось издание особых правил. На практике цензура находилась в ведении Комиссии внутренних дел, в рамках которой цензура книг и журналов относилась к компетенции Отдела духовных дел и просвещения, цензура газет – к компетенции Отдела внутренних дел, а также полиции⁶⁴.

Статьи 14–18 определяли финансовую систему Королевства Польского, которая функционировала и управлялась «отдельно от Управления других частей Империи» (ст. 16). Также и торговые отношения между Польшей и Россией, призванные служить «общей пользе», регулировались и управлялись каждой из сторон по отдельности (ст. 19).

Статут исходил из того, что «банк Царства Польского и существовавшие донныне кредитные для недвижимых имений учреждения будут, как и прежде, под покровительством правительства». В первую очередь имелось в виду важное для дворянства Земское кредитное общество. Эти установления Статута имели большое значение для подтверждения сложившейся в Польше системы социальных отношений и сословных прав и привилегий, что положительно сказалось на отношении господствующего сословия Королевства Польского к властям. Важную роль играло и признание русским правительством и властями Королевства польского государственного долга, который подлежал погашению из средств Королевства. Долг этот на конец 1831 г. составил 25 928 535 рублей серебром, в то время как в казначействе после взятия Варшавы было найдено всего 1 500 рублей серебром⁶⁵.

Второй раздел Органического статута был посвящен органам центрального и местного управления. Статус наместника отдельно в Статуте определен не был. Из этого следовало, что его властные prerogative делегированы ему в установленных пределах императором, то есть практически подтвердились диктаторские полномочия Паскевича. Центральное место в системе власти в Королевстве Польском принадлежало Административному совету под председательством наместника (ст. 22). В этом нашел отражение свойственный польской государственно-правовой традиции прежних времен принцип коллегиального управления, хотя в действительности наместник обладал практически единоличной властью. В Административный совет входили главные директора Правительственных комиссий, Генеральный контролер, возглавлявший Высшую счетную палату, и другие лица, особо назначенные императором (ст. 23). В составе Административного совета были три Правительственных комиссии: Комиссия внутренних и духовных дел и народного просвещения; Комиссия юстиции; Комиссия финансов и казначейства (ст. 35). Возглавляли комиссии 8 генеральных директоров, каждый из них руководил работой отраслевого отдела на министерской основе.

Дела в Административном совете решались коллегиально большинством голосов (ст. 24). В случае разделения или равенства голосов дело могло быть передано на рассмотрение наместнику (ст. 24), если же большая часть Совета была не согласна с наместником, дело передавалось царю для окончательного решения (ст. 25). Важнейшими функциями Административного совета были представление царю кандидатов на занятие высших церковных, государственных и судейских должностей (ст. 26), а также решение вопросов, внесенных по отраслям управления тремя правительственными комиссиями. Практически ведению Административного совета подлежали все вопросы центрального управления в Королевстве Польском, за исключением входивших в компетенцию Государственного совета, работавшего также под председательством наместника (ст. 28).

Государственный совет Королевства состоял из 8 главных директоров правительственных комиссий и членов, назначавшихся государем по представлению наместника. Государственный совет рассматривал: проекты законов; адресованные властям различные ходатайства от органов местной власти и от сословных учреждений; смету доходов и расходов; доклад генерального контролера о проверке исполнения бюджета; отчеты высших чиновников. Совет разрешал споры правительственных учреждений и судов о пределах их ведомственной компетенции, а также являлся следственным органом в случае выдвижения обвинения в отношении чиновников, назначенных императором (для «постановления заключений о предании суду тех из приличаемых в преступлении по должности Чиновников, кои определены Нами непосредственно, или же Именем Нашим» – ст. 29). Однако, помимо Государственного совета Королевства Польского, дела по законодательству, а также иные важнейшие дела подлежали рассмотрению в Государственном совете империи в Санкт-Петербурге, для чего «учреждается в оном особый Департамент, с наименованием Департамента Дел Царства Польского; в сем Департаменте будут присутствовать по назначению Нашему Члены из подданных наших Империи и Царства» (ст. 31). Статья 32 предусматривала должность министра – государственного секретаря. Он, гласила статья, «докладывает Нам по представляемым через наместника на усмотрение Наше делам совета управления и государственного совета и объявляет повеления Наши наместнику Царства». Все делопроизводство в администрации и в судах, согласно Статуту, велось на польском языке (ст. 34), за исключением Канцелярии наместника, в которой делопроизводство шло по-русски, главным образом по ведомству политической и охранительной полиции⁶⁶.

Система органов местного управления (ст. 39–41) не претерпела изменений в сравнении с Конституцией 1815 г. Как и в конституционный период, воеводские комиссии и прочие местные власти находились под контролем Правительственных комиссий и полицейских органов. К этому контролю, по распоряжению Паскевича, был добавлен также и контроль

за местными властями со стороны расположенных в провинции русских воинских частей, командиры которых систематически докладывали о положении дел на местах в Канцелярию наместника, а в случае необходимости – самому главнокомандующему. Время от времени ситуацию в провинции контролировали и объезжавшие воеводства генералы, например В. Красиньский. Таким образом, Канцелярия наместника, сосредоточив важные функции центрального и местного управления Королевства, становилась своего рода польским аналогом императорской канцелярии в Петербурге, при этом ее роль, как и роль различного рода полицейских ведомств, не нашла отражения в Органическом статуте.

Третий раздел Статута был озаглавлен «О Собраниях Дворянства, Собраниях Окружных и Советах Воеводств». Первая же статья этого раздела подтверждала сохранение на «прежних основаниях» сословного строя Королевства Польского (ст. 42). При этом если система городских и сельских гмин не претерпела изменений, сохранив в полной мере угнетенное положение крестьянства и неполноправный статус горожан, то положение дворянства ожидали существенные изменения. В нормах Статута в отношении дворянства нашло отражение давнее намерение Николая I лишить мелкую и безземельную шляхту сословных привилегий. Оно, впрочем, вполне совпадало и с устремлениями землевладельческой шляхты Королевства. «В каждом повете из Дворян, владеющих недвижимыми имениями, составляются Собрания под председательством определяемого Наместником Царства Именем Нашим Маршала для избрания двух Членов в Совет Воеводства и представления списка Кандидатов, который Правительством принимается в соображение при назначении к разным по управлению должностям» (ст. 43). Таким образом, согласно букве Статута, восстанавливалась существовавшая непрерывно со времен шляхетской Речи Посполитой система шляхетских сеймиков, которые теперь, правда, не пользовались прежним полномочием, а созывались и действовали только с согласия и под контролем наместника (ст. 43–44). Только дворяне обладали в Королевстве Польском в полной мере «гражданскими правами», а к дворянскому сословию причислялись только лица, обладавшие недвижимой собственностью и внесенные в Дворянскую книгу повета (ст. 45–46). Статут предусматривал подконтрольные наместнику Окружные собрания и для гмин, представлявших городское сословие и крайне узкую прослойку крестьян – собственников наделов, а также разночинцев (ст. 47–49)⁶⁷. И сеймики, и Окружные собрания утратили право избрания послов и депутатов Сейма (с уничтожением этого института как такового), но сохранили возможность направлять представителей в Советы (Рады) воеводств и рекомендовать начальству кандидатов для замещения должностей в органах местного управления. Разумеется, решающее слово в этом, как и прежде, всегда принадлежало дворянству, в частности войтам-помещикам, хотя в Статуте они не были даже упомянуты.

Главная функция Советов воеводств состояла в выборах судей в суды двух первых инстанций (ст. 52). В этом вопросе российские власти Королевства и Органический статут в максимальной степени пошли навстречу традициям шляхетской государственности, так как для польского дворянства привилегия избрания членов трибуналов в Речи Посполитой имела исключительно важное значение и ценилась шляхтой даже выше, чем право избирать послов на Сейм шляхетской республики.

Четвертый раздел Органического статута, состоявший всего из двух статей, был посвящен Собораниям областных чинов, которые должны были выносить суждения «о делах, относящихся к общим пользам всего Царства Польского» и обладали бы правом «совещательного голоса» (ст. 53). Состав таких собраний в будущем определялся бы «особым положением» (ст. 54), то есть при условии особенно благоприятного для российских властей развития политической ситуации. Этот наиболее туманный раздел Статута никогда не был воплощен на практике, хотя разговоры о его превращении в жизнь возникали в 1850-е годы, на исходе наместничества Паскевича. Упомянутые в Статуте «соборания» не имели каких-либо аналогий ни в Польше, ни в Российской империи, за исключением, может быть, Финляндии. Вероятно, «Собрание областных чинов» могло бы представлять собой съезд Советов воеводств или же иной орган, составленный из неких палат, представлявших основные сословия. Во всяком случае, этот раздел заключал в себе гипотетическую возможность формирования в Королевстве некоего сословного «народного представительства».

Пятый раздел Статута определял положение судебных властей. Их статус практически не изменился по сравнению с конституционным периодом⁶⁸. Однако ни о каком разделении властей, ни о независимости судов не было и речи. Как гласил Статут, всякая судебная власть «даруется» императором и «принадлежит» лишь ему (ст. 55). Назначал и отменял судей от должности также царь, за исключением избранных судей, для которых назначение и увольнение было предусмотрено особым порядком (ст. 56–57).

Заключительные 68 и 69 статьи устанавливали, что Органический статут «по мере надобности» будет дополняться «особыми Уставами» и что «все противные постановлениям сей грамоты прежние законы и учреждения отменяются».

В Петербурге при обсуждении Уставной грамоты она вызвала замечания С. Грабовского, указывавшего, что «§ 9 Уставной Грамоты (о трехдневном аресте. – *Б.Н.*) заимствован из прежней Конституционной хартии, в нарушении которой правительство всегда было обвиняемо. Следует предвидеть, что и § 9 Уставной Грамоты возбудит подобные же нарекания. Точное его исполнение не согласовалось бы с общественной безопасностью <...> Это трехдневное право заимствовано также из старых польских узаконений, но это не было общим правом, а было только привилегией дво-

рян – поземельных собственников, – которые тогда сами писали законы. В настоящее время такого права не существует ни в одной из европейских конституций»⁶⁹. Возражал Грабовский и против 5-й статьи. По его мнению, свобода вероисповедания могла бы способствовать развитию сектантства и переходам из одной религии в другую, что также представляло угрозу общественному спокойствию. Эти замечания, представленные Грабовским Паскевичу, остались без последствий. Гораздо важнее были замечания относительно компетенции и функций создаваемых учреждений. В итоге было постановлено, чтобы решение о введении в действие «дворянских собраний» (раздел IV) было оставлено на усмотрение наместника в зависимости от политической ситуации в стране⁷⁰.

Органический статут по-разному оценивается в историографии. На рубеже XIX–XX вв., когда Королевство Польское еще оставалось в составе Российской империи, А.П. Щербатов отмечал, что в случае реализации положений Статута Польша получала бы такие учреждения, о которых в то время Германия и монархия Габсбургов могли бы только мечтать, «но развитие этих учреждений и этого представительства зависело от политического положения страны»⁷¹. По мнению Ш. Аскенази, Статут «по своей букве сохранял в полной мере автономию Королевства Польского во внутренних делах <...> только частично и формально был исполнен. В деталях “отдельный” статус королевства был подвергнут существенным изменениям»⁷². А.А. Корнилов подчеркивал, что согласно Статуту «Царство Польское объявлялось провинцией Российской империи со своим своеобразным административным устройством», однако, ввиду постоянно действовавшего во время наместничества Паскевича военного положения, «Статут этот, хотя и обнаруженный, в действие введен так и не был»⁷³.

В современной историографии эти суждения не подверглись существенным изменениям, хотя и приобрели более негативный характер. В «Истории государства и права Польши» под редакцией Ю. Бардаха и М. Сенковской-Глюк говорится, что согласно Статуту в Королевстве сохранялось особое правительство и некоторые другие особенности государственного устройства, оставшиеся от прежней «отдельности» Королевства Польского от Российской империи. Вместе с тем провозглашалось, что отныне жители королевства вместе с русскими составляют единый народ (?)⁷⁴, а само Королевство – неотъемлемую часть империи. «Автономичная форма статута оставалась мертворожденной буквой этого документа»⁷⁵.

С. Кеневич в выдержавшей более десяти изданий «Истории Польши 1795–1918» писал: «Подавив бунт поляков, царь Николай использовал его в качестве предлога, чтобы освободиться от всех обязательств, которые принял на себя и своих наследников его предшественник. Он объявил недействительной конституцию, упразднил сейм, польскую армию. Лишь формально считаясь с постановлениями Венского конгресса, он издал

Органический статут, по которому Королевство Польское сохраняло отдельную от России администрацию, гражданские свободы, а также учреждались представительные органы под названием Провинциальных станов. Вскоре, однако, убедившись, что Европа не поддерживает его власти в Польше, он отказался и от этих обещаний. Органический статут остался мертворожденным»⁷⁶.

Объявление царского манифеста и Уставной грамоты состоялось в Варшаве на торжественной церемонии 25 марта 1832 г. К этому дню в столицу были вызваны все председатели воеводских комиссий и судебных учреждений и депутаты – дворяне-помещики (по два от каждого воеводства). В этот день в Королевском замке собрались все члены Временного правления, высшие чиновники, высшее духовенство, представители воеводств. Перед молебном Паскевич обратился к присутствующим по-французски с речью, в частности заявив, что император «даровал Царству Польскому новую грамоту и образ правления, более нуждам и пользам народа свойственные», объявив в заключение о своем назначении наместником и призвав собравшихся и всех подданных содействовать «со всею верностью» процветанию Королевства Польского, как это было в предшествовавшие 15 лет, когда «быстрое развитие страны вас самих удивило»⁷⁷. Назвав себя на церемонии наместником, Паскевич не получил на это еще соответствующего царского указа, тот последовал 22 марта (3 апреля). Однако сам Николай в ответ на доклад об этом Паскевича написал фельдмаршалу: «Объявив себя наместником, очень хорошо сделал»⁷⁸.

Объявление Органического статута во всенародное известие и назначение наместника означали формальное введение в действие как этих актов, так и всей сформированной государственно-правовой системы Королевства Польского. Но Уставная грамота не определяла статус наместника, который обладал диктаторскими полномочиями независимо от установленных в статуте норм. Эта двойственность административной системы в соединении с продолжением на практике действия военного положения позволяла властям осуществлять управление Королевством Польским, обходя без затруднений нормы Органического статута. Так, остались только на бумаге «дворянские собрания» и другие сословные органы, уже вскоре после введения Статута, вопреки ему, перешел на русский язык Административный совет, наряду с Канцелярией наместника, а для не владевших русским языком разрешалось вести дела на французском⁷⁹. Так, шеф Финансовой комиссии Фурман говорил и писал только по-французски. На введении русского языка в правительственных учреждениях настаивал Паскевич, который писал, что намерен «устроить полицейскую и уголовную судную часть совершенно на русских основаниях и положениях»⁸⁰. В дальнейшем последовали и многие другие преобразования, не соответствовавшие нормам Статута, хотя в Уставной грамоте и содержались ссылки на некое дополнительное законодательство.

В первую очередь это касалось центральных органов государственной власти Королевства Польского, и прежде всего – наместника. Примечательно, что во времена правления Паскевича законодательно статус наместника определен так и не был. Фельдмаршал пользовался полным доверием царя и практически неограниченной властью в Королевстве. Полномочия наместника были законодательно оформлены только царским указом 27 мая (8 июня) 1862 г.⁸¹ Согласно этому указу наместник Королевства как заместитель императора обладал полнотой власти, за исключением права законодательства и тех предметов, которые по закону относились исключительно к компетенции государя, а также тех, которые наместник сам находил подлежащими только решению монарха (ст. 1). Наместник был высшей инстанцией по отношению ко всем властям королевства, командующим войсками, расположенными на его территории (ст. 2), председателем Государственного совета и Административного совета (ст. 3). Наместник оставался также высшей инстанцией в решении всех вопросов по делам военным и гражданским, объявлял императорские и собственные указы, обладал правом помилования и утверждал приговоры судов по уголовным делам, обладал правом решения в спорах о юрисдикциях, обладал верховными полномочиями во всех делах политических, гражданских или военных (ст. 9). Также наместник представлял императору доклады, отчеты, справки и был докладчиком по всем вопросам, требовавшим царского решения⁸².

Однако, несмотря на практически неограниченные властные полномочия Паскевича, некоторые немаловажные законодательные и управленческие функции центральных властей Королевства Польского были переданы органам государственной власти в Петербурге. Еще со времени составления Ф. Энгелем проекта Временного правления весной 1831 г., в собственной императорской канцелярии возник департамент, носивший название «Собственная его имп. величества канцелярия по делам Царства Польского». Поскольку после подавления восстания связанные с этим чрезвычайные функции департамента утратили актуальность, в его ведении в дальнейшем были сосредоточены вопросы законодательства для Королевства Польского. В мае 1833 г. он был преобразован в Приготовительный комитет для ревизии и составления законов Царства Польского, а с 1842 г. получил название Кодификационной комиссии⁸³. Председателем Приготовительного комитета был назначен товарищ министра – государственного секретаря Королевства Польского И.А. Туркул. Однако, поскольку комитет входил в состав Второго отделения императорской канцелярии, подлинными его руководителями были в 1833–1838 гг. – М.М. Сперанский, в 1839–1861 гг. – Д.Н. Блудов. Ключевая роль в работе комитета принадлежала Паскевичу, хотя наместник и не всегда имел возможность заниматься рутинной законодательной работой. Специальный департамент по делам Царства

был образован в Петербурге и в составе Государственного совета. Его возникновение формально было связано с положением Органического статута (ст. 31), по которому бюджет Королевства Польского и другие «дела особой важности» подлежали рассмотрению и утверждению Государственным советом империи.

Несмотря на то, что наряду с нормами Органического статута в Королевстве Польском действовала параллельная система военного управления и практически неограниченная диктатура Паскевича, функционировали не прописанные в Статуте государственные учреждения как в Варшаве, так и в Петербурге, Органический статут играл существенную роль в административной и политической системе Королевства Польского, ибо в нем нашли отражение основные направления польской политики царского правительства. Во-первых, это стремление властей осуществить государственно-правовую интеграцию Королевства Польского и империи в целом при сохранении его автономного статуса. Причем последнее было обусловлено отнюдь не политической программой властей как таковой или желанием Паскевича усилить личную власть над своим наместничеством, а объективным положением Королевства в составе России. Во-вторых, это стремление обеспечить слияние российской и польской бюрократии как институционально, путем создания общеимперской системы учреждений, так и на персональном уровне путем назначения русских чиновников во властные структуры Королевства, и, наоборот, путем привлечения поляков на русскую службу. В-третьих, Органический статут имел выраженный дворянский характер и был направлен на охрану сословных прав и привилегий шляхетского сословия, на сближение его сословного статуса с российским дворянством. Единственным противоречием этому стала 12-я статья Статута, позволявшая конфискацию имений государственных преступников. Однако она была очевидно обусловлена политически. На эту обусловленность указывало хотя бы то, что накануне дня подписания Органического статута Николай I издал 13 (25) февраля 1832 г. манифест об учреждении Особого уголовного суда для процесса над участниками Ноябрьского восстания.

4. Особый уголовный суд над участниками Ноябрьского восстания

Учреждение Особого уголовного суда окончательно состоялось в декабре 1831 г., хотя свою деятельность формально он начал только в 1832 г. По решению царя персональный состав суда, в котором сначала должно было быть трое русских и трое поляков (позже число судей было увеличено до восьми), определял сам Паскевич, однако и этот вопрос Николай подробно обсуждал с главнокомандующим.

Особый уголовный суд носил чрезвычайный характер и был учрежден специально для суда над революционерами, не подпавшими под амнистию участниками восстания, обвиненными также в намерении убить вел. князя Константина. Как чрезвычайный суд он действовал независимо от норм как польского, так и русского законодательства, и в этом смысле он стал аналогом суда над декабристами, хотя, в отличие от последнего, являлся военным судом, поэтому судьи были генералами.

Найти поляков для участия в этом трибунале было достаточно сложно, что вполне сознавал Николай I, когда в письме Паскевичу выразил понимание мотивов отказа В. Красиньского, говорившего наместнику, что, ставши судьей, он из-за негативного к себе отношения общества не сможет работать в правительстве и быть полезным властям⁸⁴. В другом письме царь выражал удовлетворение, что А. Потоцкий принял предложение стать членом суда. «Что касается до просьбы его о помиловании его сыновей, – писал Николай I, – на его б месте я просил бы о том, кончив суд. Тогда бы оно было бы прилично, ныне же неуместно. Им путь к прощению открыт, пусть просят милосердия; исключения же без сего не могу я делать ни для кого, ибо был бы несправедлив»⁸⁵. Из этих царских писем видно, какими мотивами руководствовались польские аристократы, облачаясь в судейские мантии поверх генеральских мундиров. Помимо А. Потоцкого в состав суда согласились войти Ф. Потоцкий и сенатор-воевода Ф.Ю. Чарнецкий, из русских – генералы Н.С. Сулима, Ф.С. Панютин (его Паскевич знал по кавказскому походу) и А.М. Голицын, который, по словам фельдмаршала, царю известен⁸⁶. Утвердил для участия в суде Николай I и русских генералов, «хотя, признаюсь, – писал он Паскевичу, – не полагал Сулиму на то способным; что касается до польских членов, то хотя Франциск Потоцкий человек хороший, но я с тобою согласен, что трудно и неудобно назначить двух однофамильцев. Яблоновского нельзя назначить, ибо он сенатор и подданный русский, хотя прежде был польским. Чарнецкого можно назначить и хорошо бы – Красиньского, а буде не согласится, то нужно найти третьего»⁸⁷.

В результате, по настоянию царя, еще во время подготовки процесса было постановлено, что для большей беспристрастности состав членов суда увеличивается до 8 членов. В него были включены четверо польских чиновников: А. Потоцкий (впоследствии его заменил Ф. Потоцкий), Ю.К. Шанявский, Ф.Ю. Чарнецкий и член Правительственной комиссии юстиции Вычеховский. На них были возложены преимущественно обязанности судебного следствия, так как процесс проходил на польском языке. Судьями с российской стороны были генералы Сулима, Панютин, Голицын и Даннеберг⁸⁸. Председателем суда стал варшавский генерал-губернатор Ян Витт.

В области применения законодательства суд постановил руководствоваться уголовным кодексом 1818 г. Судебная процедура была

заимствована из прусского права. Судопроизводство проходило на польском языке, а материалы дела переводились на русский. Для этого нужен был переводчик, который к тому же должен был знать прусское законодательство. Для такой работы нашелся единственный специалист. Все это крайне затягивало судопроизводство, чем царь был в высшей степени недоволен, особенно когда в мае 1832 г. узнал от Паскевича, что процесс может продлиться еще 5 месяцев⁸⁹.

Особенностью судебной процедуры было участие защитников даже на стадии предварительного следствия. Опрос свидетелей и приобщение к делу документов проводился не только по решению следователя, но и по требованию прокурора и адвоката. Предварительное следствие велось одним из членов суда, который был не вправе как один из членов коллегии судей выступать в ходе процесса с изложением своего мнения и с обоснованием обвинительного заключения. По требованию суда в ходе судебного следствия предварительное следствие могло быть дополнено. Прокуроры избирались, а адвокаты назначались только из числа лучших юристов Верховного суда Королевства или Кассационной палаты. Судебный процесс велся в состязательном порядке, а защита получала слово после выступления обвинителя. Защитник мог опровергать обвинения не только по существу, но и на основании допущенных в ходе следствия и суда процессуальных нарушений. Адвокат получал право требовать возобновления судебного следствия даже в ходе прения сторон. Приговор выносился составом суда в закрытой от прочих участников процесса коллегии. При этом судьбы прежде всего должны были ответить на вопрос, не подпадает ли обвиняемый под условия амнистии согласно манифесту 20 октября (1 ноября) 1831 г. Решение постановлялось большинством голосов, несогласные с приговором прилагали к решению особые мнения. Апелляция на приговор не предусматривалась, однако осужденные получали право просить царя о помиловании, а самый приговор вступал в силу и приводился в исполнение «с Высочайшего соизволения»⁹⁰.

В России подобные условия судопроизводства были введены только во время судебной реформы 1860-х гг. Из находившегося в архиве Паскевича доклада фельдмаршала «за 25 лет управления Королевством Польским» (1856 г.) с описанием работы Особого уголовного суда, проведение которого наместник считал одним из своих наиболее значительных достижений, вытекало, что к следствию и суду были привлечены 826 мятежников, из них осуждены и подвергнуты наказанию 24 и изгнаны 265 человек⁹¹. Таким образом, почти все подсудимые были либо оправданы, либо высланы за границу, где они присоединились к польской эмиграции. Разумеется, перед судом предстали отнюдь не главные участники повстанческого движения, те давно уже бежали за границу. И все же либеральный характер процесса и мягкость приговоров свидетельствовали о том, что власти в вопросе о суде достигли компромисса

между русскими и польскими дворянскими верхами и не стремились в 1832 г. к крайним мерам в преследовании участников освободительного движения. Положение в стране обострилось несколько позже. Отказаться от следования нормам Органического статута, основанного на принципе сословного компромисса с польской шляхтой, правительству дали повод сами польские революционеры. После «заговора» Заливского Паскевич, несмотря на формально действующие нормы Органического статута, правил страной методами военного положения, которое в том или ином виде действовало до 1856 г.

5. ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО ВО ВРЕМЯ НАМЕСТНИЧЕСТВА ПАСКЕВИЧА

Подавление Ноябрьского восстания и умиротворение Польши не означало разрешения «польского вопроса», как это трактовалось в Петербурге, в духе «вечного соединения» Польши с Россией. Польское освободительное движение оставалось неизменно одним из решающих факторов польской политики царских властей как в Королевстве Польском, так и за его пределами – и в России, и в Европе. Это стало очевидным уже в 1832–1833 г., когда польская эмиграция предприняла попытку общепольского восстания против захватчиков. Организатором выступления стал И. Лелевель, а возглавил повстанческую экспедицию полковник Ю. Заливский. Их замыслам, казалось бы, благоприятствовало обострение противоречий между Россией и другими великими державами в Восточном вопросе. Оплотом партизанского повстанческого движения стала Галиция, а в марте 1833 г. повстанцы проникли и на территорию Королевства⁹². Движение было разгромлено, а его участников ожидала расправа, на этот раз без всяких процессуальных изысков. После раскрытия заговора Заливского было решено сохранить в стране чрезвычайные методы военного управления.

Вторая половина 1830-х годов прошла в Королевстве относительно спокойно. Продвигалось вперед строительство крепостей, в том числе Александровской цитадели, и обустройство восьми направлений шоссейных дорог. Программа эта под руководством генерала Ф.К. Христиани была успешно завершена в 1839 г.⁹³ Власти были вдохновлены ее результатами, поэтому тогда же возник замысел строительства аналогичным способом шоссейных дорог в России протяженностью свыше 7 тыс. верст. Одним из его инициаторов был глава Польского банка Т. Лубеньский, а сам банк должен был выступить одним из учредителей соответствующего акционерного общества. Созданный в Петербурге комитет по этому вопросу проект Лубеньского отклонил из-за возражений Министерства финансов⁹⁴. В Королевстве получили продолжение символические акции

властей, призванные продемонстрировать полякам незыблемость российской власти в Польше. Вслед за памятником на Саксонской площади, посвященным убитым во время восстания генералам, было обустроено в 1838 г. в варшавском пригороде Воля русское кладбище и сооружена православная церковь как памятники павшим во время штурма столицы в 1831 г. В 1836 г. в стране состоялся второй рекрутский набор, который спокойно и почти без побегов прошел в течение установленных 4-х недель. Это дало основание властям прийти к заключению, что «русское управление в Царстве Польском вполне укрепилось и что внутренние беспорядки возможны только в случае наплыва эмигрантов», о чем Паскевич писал царю 19 сентября 1836 г.⁹⁵ Николай I был удовлетворен положением дел и пожаловал Паскевичу недостроенный Гомельский замок и несколько домов в Гомеле в дополнение к гомельской латифундии фельдмаршала, которую тот выкупил в 1834 г. из казны после графа С.П. Румянцева. Имение это досталось Румянцевым в пожалование от Екатерины II и насчитывало 200 тыс. десятин и 20 тыс. душ. Паскевич заплатил за него астрономическую по тем временам сумму в 1 млн. рублей, полученную также в пожалование за персидскую кампанию из уплаченной шахом русскому правительству контрибуции⁹⁶.

С 1839 г. внутреннее положение в Королевстве Польском, как и в других польских землях, а также в граничащих с Польшей странах, начало шаг за шагом осложняться. Это было взаимосвязано с обострением противоречий между великими державами и с брожением в обществе, предвещавшим революцию 1848–1849 гг. Отмеченная тенденция наблюдалась в Европе практически повсеместно, захватила она и польское освободительное движение. В 1839 г. Паскевич был вызван в Петербург в связи с угрозой войны Франции и Бельгии против Пруссии. Опасность, с точки зрения властей, усугублялась еще и тем, что проживавший в Праге Я. Скшинецкий (в прошлом главнокомандующий повстанческой польской армией), обещавший австрийским властям не покидать Богемии, бежал в Бельгию, где, вопреки протестам Пруссии и Австрии, был принят бельгийским королем Леопольдом в военную службу. В правящих кругах Петербурга опасались усиления враждебной деятельности эмиграции и готовили русскую армию в Польше для похода на помощь пруссакам⁹⁷.

Начало 1840-х гг. в Королевстве Польском ознаменовалось усилением репрессий. Об этом, в частности, свидетельствовало объявленное Паскевичем 1 апреля 1842 г. на заседании Административного совета высочайшее повеление, «чтобы преступники гражданского ведомства, приговоренные к пожизненному заключению, отправляемы были в Сибирь, на каторжные работы в рудниках»⁹⁸.

Дальнейшее обострение ситуации было связано с событиями 1843–1844 гг., с развернувшимися волнениями в Пруссии и во владениях Габсбургов. Опасались царские власти революции в Италии, а так-

же активизации польской эмиграции и разного рода нелегальных и подпольных польских организаций на землях разделенной Речи Посполитой, особенно в Пруссии. Все это беспокоило царя и Паскевича, последнего в виду положения в Королевстве Польском, так как, по мнению фельдмаршала, применение репрессий осложнило бы ситуацию и затруднило бы действия правительства.

В феврале 1844 г. Петербург и власти Королевства были встревожены известием о раскрытии в Варшаве заговора с целью захватить Цитадель, напасть на Королевский Замок и убить Паскевича. Но оказалось, что доклад об этом обер-полицмейстера генерала Соболева «был несколько преувеличен». Арестованных по делу даже не предали суду, а ограничились административной ссылкой. Однако по данным полиции эта «конспирация» якобы оказалась лишь слабым ответвлением некоего «общепольского заговора во главе с заграничным обществом “Централизация”»⁹⁹. Согласно рапорту Следственной комиссии от 26 июня 1844 г.¹⁰⁰, выяснилось, что участники заговора «читали и передавали» друг другу запрещенные книги «для возбуждения против правительства». Они же вели разговоры «о демократии» и т. п., «заводили знакомства с ремесленниками, чтобы склонить их к участию в мятеже». Наиболее активных заговорщиков Соболев предлагал предать военному суду, остальных по степени виновности наказывать в административном порядке – от сдачи в рекруты и направления в Кавказский корпус до оставления под надзором полиции. В итоге подсудимых не отдали под суд, а ограничились указанными административными мерами. Роль и место упомянутой «Централизации» среди заговорщических кружков польского освободительного движения остается мало проясненной¹⁰¹. Во всяком случае, она не была сколь-нибудь значительной организацией, тем более общепольского масштаба. Вся эта история и тем более итоги ее расследования напоминали типичную полицейскую провокацию. Тем не менее она напугала власти, и те пришли в движение. Вслед за этим «заговором» последовали и другие разоблачения. По словам Паскевича, Цитадель, где в так называемом Десятом павильоне работала постоянная Следственная комиссия, «до самой осени то опорожнялась, то наполнялась», однако выявить связи между группами арестованных, обнаружить некий общий «революционный заговор» с нитями, ведущими за границу, полиции так и не удалось¹⁰².

Новый подъем репрессивной активности администрации Паскевича пришелся на 1846 г., после того как в январе Краковский съезд польских заграничных революционных организаций принял решение о подготовке всепольского восстания. В феврале Следственная комиссия закончила дело о захваченных лицах, «причастных к мятежу в Седлеце». Его руководители – П. Потоцкий (владелец небольшого фольварка в Подлясье) и с ним двое офицеров – были повешены, остальные участники сосланы в Сибирь. Не ожидая распоряжения из Петербурга, Паскевич объявил в Королевстве

военное положение, попросив у царя подтвердить это указом. Николай I издал высочайшее повеление, по которому, помимо Королевства Польского, военное положение было введено на Волыни и в Подолии¹⁰³.

В мае 1846 г. Паскевич направил царю специальную записку о положении в Польше¹⁰⁴. В ней наместник и царский «отец-командир» обосновывал тезис, что главная опасность для Королевства Польского исходит извне – от польской эмиграции. Эмигранты, по словам Паскевича, разделены на «демократическую и аристократическую партии». Демократическая партия рассчитывает на поддержку низов, однако ее деятельность в крестьянской среде безуспешна. Аристократическая партия богатая, но нерешительная; она не разделяет тактики заговоров, но рассчитывает на общее восстание при условии поддержки Англии и Франции. Пруссия и Австрия, писал Паскевич, ввиду внутренней слабости и подъема антиправительственного и конституционного движения, попустительствуют действиям польской эмиграции. Наместник констатировал, что, опираясь на помощь Англии и Франции, аристократическая партия объединила польское (освободительное) движение и готовила всеобщее восстание, надеясь поднять на выступление народ через посредство духовенства. Главная цель восстания – Варшава как исторический и политический центр польских земель. В заключение Паскевич обязался: «Смею ручаться, что спокойствие в Царстве Польском нарушено не будет»¹⁰⁵.

С началом революции 1848 г., а в дальнейшем в годы Крымской войны Паскевич сосредоточил свои силы и внимание на военных вопросах, будучи командующим Первой армией, выдвинутой на передовые рубежи как по отношению к странам Центральной и Западной Европы, так и по отношению к Дунайскому театру военных действий. Внутреннее управление Королевством Польским осталось в эти годы для наместника на втором плане. В Европе с начала 1850-х годов от Ла-Манша и Бретани до Петербурга, Берлина и Вены царил послереволюционная реакция. Да и в самом Королевстве, как и в Российской империи в целом, конец 1840 – первая половина 1850-х годов стали временем внутреннего политического и общественного оцепенения. Император безоговорочно доверял своему наместнику, а тот был безупречно предан своему государю. Царя настигла смерть в 1855 г., Паскевич пережил императора немногим менее чем на год. Кончина обоих ознаменовала новый этап в истории России и Польши.

В 1847 г., когда Паскевичу было 65 лет, а Николаю I – 51 год, наместник откликнулся на неоднократные рассуждения царя, выразившего удовлетворение системой управления в Королевстве Польском, средоточием и персонификацией которой был Паскевич, но говорившего при этом фельдмаршалу, что «мы с тобой не вечны», поэтому надлежало бы подумать, как будет построена такая система в будущем. В ответ на это Паскевич представил царю особую записку, в которой доказывал, что «в Царстве Польском всегда будет необходима власть исключительная, то

есть вне закона и отступающая от норм закона». Отвечая на вопрос о целесообразности слияния управления Королевства Польского с империей, Паскевич утверждал – «всеконечно нет». Он указывал, что такое соединение, во-первых, противоречило бы Венскому трактату 1815 г., на основании которого был издан Органический статут, а во-вторых, такое соединение будет невозможно из-за непреодолимой враждебности поляков. В качестве примера фельдмаршал указывал на Юго-Западный и Северо-Западный край, где такое соединение произведено, однако «враждебность поляков» (польских дворян-помещиков. – *Б.Н.*), составляющих там меньшинство населения, вынуждает часто обращаться к чрезвычайным мерам. Установив «русский порядок» управления в Польше, власти, тем не менее, вынуждены будут прибегать к особым формам и методам администрации. В-третьих, указывал Паскевич, «министерский принцип» отраслевого управления плохо применим на окраинах империи, поскольку медленно функционирует бюрократия и не принимаются во внимание особенности управляемых территорий, которые нуждаются в относительной самостоятельности местных властей. «Управление не пойдет, – заявлял наместник, – если надо испрашивать разрешения, когда надо действовать». Вместе с тем Паскевич находил вполне достаточным взаимодействие администрации Королевства Польского и властей в Петербурге в сфере полиции, внутренних дел, судопроизводства, финансов и народного просвещения¹⁰⁶. Таким образом, фельдмаршал не только обосновал целесообразность сохранения относительной отделенности Королевства Польского от империи, но и сам определил основные вопросы внутренней политики своей администрации.

Эти меры были естественным логическим продолжением внутри- и внешнеполитического курса всего тридцатилетия николаевского царствования, прошедшего под знаком недопущения в России революции, которая, по словам царя, стояла «на пороге» страны и которая «не должна была в нее проникнуть», пока Николай был «милостью бога ее императором». Императивом контрреволюционной политики была охрана существующего общественного строя, основанного на незыблемости господства дворянства и крепостничества, из чего вытекала необходимость укрепления самодержавия и его государственного аппарата, консервация статуса дворянства как господствующего сословия.

Царь и правящие верхи сознавали, что крепостнический режим нуждается в государственном регулировании отношений крестьян и помещиков, целью которого, с одной стороны, было бы недопущение крестьянского восстания и поддержание способности крестьянства как сословия выплачивать подушную подать и нести рекрутскую и другие государственные повинности, а с другой – сохранение экономического и политического господства дворянства и охрана его сословных привилегий. Важнейшим устоем николаевского консерватизма стала доктрина

официальной народности, названная С.С. Уваровым «последним якорем нашего спасения». Для внедрения идеологии контрреволюции ключевое значение имела система народного просвещения и правительственная политика в этой области.

Исходя из этого, во внутренней политике царизма николаевского времени в Российской империи в целом важнейшими направлениями стали: 1) укрепление самодержавия и его государственного аппарата; 2) консервация системы сословного господства дворянства и крепостничества; 3) политика в «крестьянском вопросе»; 4) политика в области народного просвещения. В русле этого политического курса действовала и администрация Паскевича в Королевстве Польском.

6. ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ВЛАСТЕЙ В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В начале 1832 г., когда Паскевич с одобрения царя провозгласил себя наместником и возглавил Административный совет, сосредоточив в своих руках и по существу, и формально всю полноту власти в Королевстве Польском, положение страны, пережившей большую войну и эпидемию, было крайне тяжелым. Помимо бедствий войны, голода, падежа скота и дороговизны, смертность от эпидемий на 3% превысила естественный прирост населения. От холеры погибло 2,5% населения (80 тыс. чел.). Крестьянство (3,3 млн из общего числа населения в 4 млн. чел.) бедствовало. Весной 1832 г. значительная часть посевных площадей оставалась необработанной. В упадке находилась и промышленность. В городах буквально голодали более 50 тыс. текстильщиков¹⁰⁷. Пути сообщения были разрушены. Особенно пострадали Ковенское, Брестское и Калишское шоссе, связывавшие Королевство соответственно с Литвой, Белоруссией и Пруссией и бывшие важнейшими торговыми путями к основным внешним рынкам.

Существенно пострадала социальная и культурная инфраструктура страны. Показательно в этом отношении состояние народного просвещения. Почти все образовательные учреждения оказались «в действительности не существующими». Были закрыты Варшавский университет и Политехнический институт, а студенты и преподаватели, в большинстве принявшие участие в восстании, были вынуждены покинуть страну. Высшие школы – Горная и Лесная – бездействовали по тем же причинам, поэтому их финансирование в бюджете 1832 г. даже не было предусмотрено. Положение среднего и начального образования было не лучше. Средние обводовые и воеводские школы, находившиеся ранее в ведении ордена пиаров, после изгнания новыми русскими властями оттуда монахов также не работали. Эта судьба касалась и низших (народных) школ, большинство преподавателей в которых также происходили из среды католического ду-

ховенства. Из общей картины упадка школьного дела выделялся, по словам Паскевича, только Калишский кадетский корпус¹⁰⁸.

В этих условиях первоочередной задачей всех властей и Финансовой комиссии Административного совета стало восстановление финансовой системы и налоговых поступлений в бюджет. Следовало принять во внимание, что на народное хозяйство Королевства Польского, помимо всех прочих задач, налагалась обязанность содержания расположенной в стране русской армии, строительства крепостей, восстановления и строительства стратегических шоссеиных дорог.

Деятельность во главе польских финансов Р.Ф. Фурман начал с заявления 26 октября 1831 г., что он «не имеет ни малейшего понятия о функционировании порученной ему магистратуры». Он поставил целый ряд вопросов, в духе вышесказанного, а также объявил о предстоящих преобразованиях в организации подведомственной Правительственной комиссии. В ответ Комиссия подготовила специальный мемориал, который был доложен на заседании Временного правления 25 ноября, о структуре Комиссии, о преобразованиях в порядке ее деятельности и о структуре подчиненных ей органов, Горного департамента (Горной дирекции), Польского банка и Земского кредитного общества¹⁰⁹.

Наряду с объявленными Фурманом преобразованиями, одним из первых и едва ли не важнейших стало постановление Административного совета от 24 октября 1831 г. о сохранении без изменения размера налогов и порядка их сбора, как это было установлено до 29 ноября 1830 г.¹¹⁰ В этом же духе вопрос был решен и в Органическом статуте (ст. 10). По проекту бюджета на 1832 г. доходы определялись приблизительно в 13 млн. рублей, а расходы в 15 млн. При этом 8,4 млн (56%) проходили по статьям чрезвычайных расходов: по военному ведомству, по постройке крепостей и по содержанию 100-тысячной армии. На гражданское управление (на полицию, на гражданскую администрацию, на выплаты в пользу католической церкви и т. д.) выделялось менее 7 млн руб. Сюда же включались и расходы на народное просвещение, которые составляли ничтожную часть от общих ассигнований. Так, на рубеже 1830–1840-х годов расходы казны на начальное образование составляли всего 3224 руб. в год, или примерно по 5 копеек на каждого из 56 тыс. учеников. Если на военные нужды расходы были профинансированы полностью, то на гражданское управление падал общий дефицит бюджета 1832 г. – более 2 млн. руб.¹¹¹ Фурман предлагал покрыть его из доходов Польского банка, однако Паскевич с этим не согласился. Временное правление высказалось в пользу сокращения окладов всем чиновникам гражданского ведомства на 4% и содержания католических епископов, особенно настаивая на последнем. За счет чиновников удалось сэкономить примерно 30 тыс. рублей. Царь запретил делать вычеты из содержания епископов, а уже сделанные приказал восполнить из предназначенных лично для него сумм¹¹².

Вопрос о бюджете был решен царем по представлению Паскевича 16 февраля 1832 г. Для покрытия дефицита было постановлено заложить в Земском кредитном обществе все имения духовенства, все имения Горного департамента, а также все ранее конфискованные имения иезуитов, находившиеся в условном держании у частных лиц. В случае если такие имения уже были заложены держателями, то последние обязаны были выкупить их из залога, переформив его на свои собственные земли¹¹³. Бюджет предусматривал выделение государственной безвозмездной помощи, которая предоставлялась пострадавшему населению (зерном, семенами, строительным лесом, скотом и т. п.). Кроме этого, особенно нуждавшимся выдавались льготные трехлетние кредиты общей суммой 2,5 млн. руб. из средств Польского банка и Земского кредитного общества¹¹⁴.

Налоговая система в Королевстве Польском носила выраженный словесный характер. К первой, привилегированной группе налогоплательщиков относились землевладельцы, которые платили поземельный налог. Согласно 38-й статье постановления Административного совета от 23 февраля 1836 г. имущество, находящееся в наследственной частной собственности, подлежало налогообложению¹¹⁵. Вторую, наиболее массовую группу налогоплательщиков составляли крестьяне и городские низы, с которых взималось так наз. «подымное» (подворное), т. е. налог с домохозяйства. В эту категорию попадало также население более половины (240 из 453) городов Королевства Польского, которые принадлежали частным землевладельцам¹¹⁶. Большинство населения т.н. королевских городов также платило «подымное». Исключение составляли купеческие и ремесленные гильдии, в которые входили собственники промышленных, торговых и ремесленных предприятий, для которых был установлен особый порядок налогообложения, исходя из стоимости городской недвижимости. Особую категорию налогоплательщиков составляли евреи, платившие подушный налог (pogłównie). Существовала система и косвенных налогов, среди которых видное место занимали акцизы на водку, табак и сахар. Как и в России, в сборе акцизных налогов в 1830–1850-е годы видное место принадлежало откупам, что существенно обогащало варшавских банкиров.

Как во всякой системе подворного налогообложения, существенной проблемой для властей было установление подлинного количества дворов, поскольку как землевладельцы, так и крестьяне разными способами старались уменьшить их истинное число. Государственный совет в Петербурге, рассматривая в 1833 г. бюджет Королевства Польского на 1834 г., обратил внимание на взимание «подымного» – во-первых, на неравномерность налоговых поступлений, а во-вторых, на отсутствие роста доходов, что, по мнению Совета, не соответствовало росту строительства в Польше. Совет уведомил о своих сомнениях Фурмана и поручил ему провести новую люстрацию домов. До 1843 г. вопрос этот обсуждался в Финансовой комиссии Административного совета, потом в переписке

с Петербургом. В итоге 10 января 1849 г. был издан указ о проведении подворной переписи, на что было выделено 22 919 руб. и исписано свыше 100 тыс. листов бумаги. Однако законодательное оформление дело это получило только в царском указе от 15 июня 1858 г.¹¹⁷

Действительно, поступление налогов в казну Королевства Польского в 1830-е годы явно не соответствовало относительно высоким темпам экономического развития страны и росту ее населения, что вызывало озабоченность властей. Крестьянские дворы в государственных имениях облагались налогом в соответствии с правительственным постановлением 1828 г. и делились на три класса в зависимости от размера надела. Налог с полного надела (одна волока или 30 моргов) составлял 3 руб., налог с минимального надела (3–15 моргов) – 2 рубля, с надела менее 3 моргов – 1 рубль¹¹⁸. Согласно утвержденному в 1857 г. Административным советом списку домов и строений, привилегированных домов господствующего сословия дворян и духовенства насчитывалось 2 910, прочих, также пользовавшихся различными налоговыми привилегиями – 114 070. На владельческих землях находилось 243 420 крестьянских дворов, на землях государственных имуществ – 128 436 дворов. При этом на владельческих землях 66,3% крестьянских дворов (161 444) располагали минимальным и ниже минимального наделом¹¹⁹. С 1831 по 1841 г. ежегодный сбор подымного составил 12,3–12,7 млн золотых¹²⁰ (примерно 3 млн рублей), или – всего 1/5 бюджета Королевства.

Содержание армии, строительство крепостей, шоссейных дорог и другой военной инфраструктуры ложилось тяжелым бременем на казну королевства. Это усугублялось тем, что Министерство финансов в Петербурге не отказалось от планов взыскания репараций, предъявляя претензии по задолженности Королевства – в 27 млн, а также по военным издержкам в ходе подавления восстания – в 69 млн руб. Для того чтобы сверстать бюджет 1836 г., Паскевичу пришлось обратиться за внешними займами, воспользовавшись посредничеством варшавских банкиров Френкеля и Эпштейна. Царь дал согласие на получение иностранных займов. Первый заем был заключен на 20 млн руб. в Амстердаме «по 87,02 за 100», второй – на тех же условиях¹²¹, т. е. под 17% годовых.

По заключению Учредительной комиссии, проверявшей в 1864 г. состояние польских финансов, бюджетный дефицит в 1835 г. превышал 3 150 тыс. руб., а в 1848 г. бюджет Королевства Польского «не только не мог быть сбалансирован, ввиду продолжительного упадка финансов, но и на протяжении последующих лет мог быть составлен только со значительным дефицитом»¹²².

С середины 1830-х гг. обострились торговые противоречия между Россией и Пруссией, причем в наибольшей степени они сказались на Королевстве Польском, для которого Пруссия была важнейшим западным торговым партнером. При этом недовольство Варшавы условиями товарообмена

с Пруссией усугублялось, с одной стороны, в рамках поставок немецкой промышленной продукции, а с другой – из-за конкуренции в области хлебной торговли со стороны как входивших в состав государства Гогенцоллернов помещичьих хозяйств западных польских земель, так и прусского юнкерства. Пользуясь свободным торговым транзитом через Королевство Польское до Одессы, Пруссия получала свободный доступ на рынки Южной Европы и Ближнего Востока и в то же время взимала значительные торговые пошлины с ввозимых польских товаров. Ситуация осложнилась с созданием Германского таможенного союза, к которому Пруссия стремилась присоединить и Королевство Польское. Таким способом Берлин рассчитывал отодвинуть для своего экспорта таможенные границы к рубежам 1772 г., поскольку еще со времени введения российского таможенного тарифа 1822 г. к таможенному пространству Королевства Польского были присоединены территории Литвы, Белоруссии и Украины, входившие до разделов Польши в шляхетское государство.

В виду невыгодной для Королевства прусской торговой политики Административный совет и наместник в качестве защитительных мер планировали развивать торговлю с Австрией, построив железную дорогу, которая соединила бы Королевство Польское с австрийской железной дорогой от Вены к Триесту и до Боснии. Постройка ее началась в 1839 г., первоначально дорога должна была быть чугунно-конной, в дальнейшем она была переведена с конной тяги на паровую¹²³.

Вместе с тем важнейшим решением, направленным на развитие польской внешней торговли, стала ликвидация таможенных границ между Королевством Польским и Россией. Российский министр финансов Е.Ф. Канкрин возражал и против этой меры, усматривая в ней препятствие для развития русской промышленности. Однако Паскевич убедил царя в ее целесообразности для стабилизации финансовой системы Королевства, прежде всего по военно-стратегическим соображениям, ввиду необходимости поддержания боеготовности русской армии и военной инфраструктуры Королевства. В итоге, по царскому указу, вопреки мнению Министерства финансов, посты по таможенным границам Королевства, Северо-Западного и Юго-Западного края, которые составляли вместе с Королевством общее таможенное пространство, в конце 1841 г. были сняты, о чем Николай сообщил Паскевичу 8 декабря 1841 г.¹²⁴

Тогда же, в 1841 г., в Королевстве Польском была введена российская денежная система. Эта реформа была непосредственно связана с проводимой в 1839–1843 гг. в России финансовой реформой Канкринина, в основе которой лежал переход на серебряный стандарт и введение в обращение вместо ассигнаций кредитных билетов, привязанных к курсу серебряного рубля. Эта мера в Королевстве Польском способствовала развитию торговли с Россией и стабилизации денежной системы Королевства. Вместе с тем Польский банк утратил весьма важную и в экономическом, и

в политическом отношении роль эмиссионного центра. Главное же состояло в том, что введение в Польше общероссийской денежной системы означало очень важный шаг, направленный на ликвидацию отделенности Королевства от империи.

Однако даже проведение денежной реформы не означало еще окончательного решения вопроса о таможенной границе. Дело это тянулось еще целое десятилетие, в течение которого таможенный режим для Королевства постепенно смягчался, и окончательно таможенная обособленность Королевства Польского от России была ликвидирована только в 1851 г. Важной мерой в этом направлении стало введение в Королевстве в 1849 г. российской системы мер и весов.

С середины 1840-х годов государственное хозяйство Королевства Польского вступает в полосу кризиса. Главной его причиной стал упадок и разложение барщинного хозяйства в деревне, дополненные обострением политической ситуации в стране ввиду подъема освободительного движения на польских землях накануне революции 1848–1849 гг. в Европе, и прежде всего в Чехии, Германии и Венгрии.

Следствием упадка крестьянского хозяйства стало сокращение поступления прямых налогов в казну Королевства, поскольку основными налогоплательщиками как прямых, так и косвенных налогов были крестьяне, составлявшие более $\frac{3}{4}$ населения страны. Если в конце 1830 – начале 1840-х годов ежегодный сбор прямых налогов составлял 2,7 млн руб., то, начиная с 1844 г. он сокращается до 2,6 млн. руб., т. е. на 4%. И это сокращение носило устойчивый характер вплоть до 1849 г.¹²⁵

В конце 1848 г. Паскевич на заседании Административного совета заявил, что в связи с событиями на Западе предстоят чрезвычайные бюджетные расходы в 2 млн. руб. и что в этом случае дефицит бюджета составит не менее 1,5 млн¹²⁶. В 1849 г. была образована специальная комиссия, которая высказалась за увеличение налогов, решив, что реформа подымного могла бы быть проведена в течение года. Что же касается увеличения поземельного налога, то на это, по мнению комиссии, потребовалось бы не менее трех лет. Подымное обложение состояло из двух частей: постоянный налог (*Ofiara*) и налог, зависевший от размера наделов. Поэтому захват помещиками крестьянских земель и сокращение крестьянских наделов имели следствием и сокращение налоговых поступлений. Было предложено увеличить налог *Ofiary* на 50%, т. е. увеличить долю «подымного», не зависевшую от размера надела. Но и это предложение, как и реформа поземельного налога, не было одобрено комиссией¹²⁷.

Реформа подымного и перевод его в поземельный налог ударили бы по крестьянству, положение которого было и так тяжелым. Косвенно это затронуло бы и интересы дворянства. Прямое недовольство дворянства вызвало бы и увеличение поземельного налога, на что правительство также не могло решиться, особенно в виду революции в Европе. Однако, несмотря

на отрицательные заключения комиссии и на опасения властей в виду повышения налогов, подымное было увеличено практически в 1,5 раза. В 1850 г. увеличение *Ofiagu* составило 38%, достигнув вскоре 50% , а сбор с размера надела – 42%. В дальнейшем незначительное сокращение налогов с крестьянства наблюдалось только начиная с 1859 г.¹²⁸

Традиционным и немаловажным источником налоговых поступлений в польскую казну были налоги с еврейских общин, основным из них был подушный сбор. В декабре 1842 г. Административный совет распорядился взыскать с еврейских кагалов не только текущие налоги, но и накопившуюся налоговую задолженность¹²⁹. Тогда же в отношении еврейского населения последовали и другие утеснения, имевшие для него также негативные финансовые последствия. Во-первых, на евреев была распространена рекрутская повинность, от которой, правда, можно было откупиться, либо официально, уплатив соответствующий налог, либо неофициально, дав взятку или покинув страну. На этот последний случай, по настоянию Паскевича, в России был издан закон от 24 января (ст. ст.) 1842 г.¹³⁰, по которому евреи, живущие в пределах черты оседлости, покинувшие Россию без паспортов, теряли русское подданство и право возвращения в страну. Этот закон распространялся и на Королевство Польское, затрагивая преимущественно тамошних евреев, ужесточая административный контроль и затрудняя для них возможность переселения на польские земли в Галиции или в Пруссии с целью уклониться от уплаты налогов и несения повинностей.

В 1840-е гг. Паскевич перед лицом финансовых затруднений, с которыми столкнулись власти Королевства Польского, был вынужден пойти даже на уменьшение расходов на армию, хотя оно и было, очевидно, паллиативным. Было предложено в мирное время сократить штатную численность частей, что позволяло скрыть их некомплект, и – должности командиров бригад, оставив их по одному в дивизии в качестве помощника командира¹³¹. В известной мере бюджетной экономии должна была послужить и губернская реформа, когда в 1844 г. число губерний было уменьшено с 8 до 5, что сокращало расходы по ведомству внутренних дел, хотя проведение реформы было продиктовано прежде всего политическими соображениями.

В целом же основным способом решения бюджетных проблем властей Королевства Польского оставались внешние и внутренние займы, практика которых, с одной стороны, обогащала варшавскую финансовую буржуазию, а с другой – стала, даже и под властью Паскевича, существенным фактором консервации относительной «отделенности» Королевства Польского от России. В 1841 г. правительство Королевства разместило очередной заем в Польском банке на 50 лет и провело конверсию прежних займов из 5% в 4-процентные. Эта операция вызвала очередную волну взаимных нападок между наместником и Канкриным. Министер-

ство финансов полагало, что в этом случае казна Королевства потеряет 156 млн. золотых. Паскевич и Фурман, напротив, утверждали, что потери составят не более 3,6 млн. золотых. Канкрин считал, что выпуск польских облигаций ухудшит условия и затруднит заимствования для империи в целом, видя в этом смысле в Королевстве Польском конкурента для своего министерства¹³². Разногласия эти стали одним из эпизодов постоянных споров между министерством и наместником. Суть их состояла не в суммах и способах покрытия дефицита польского бюджета, а в атаках министерства на финансовую автономию Королевства Польского. История займов выявила еще одну характерную черту политики наместничества Паскевича. Система финансовых заимствований и дефицитного финансирования служила питательной средой для формирования в Королевстве Польском связанной с властями группы финансистов, наживавшихся на обслуживании государственного долга и откупках. Аналогичные процессы протекали и в России. Однако варшавская финансовая буржуазия оставалась относительно независимой от российских властей, хотя и имела прочные личные и деловые связи с Петербургом, но в той же мере развивала отношения с Берлином и Веной. Это позволяло варшавским банкирам не только обогащаться, играя роль посредников между финансовыми центрами на востоке Европы, сохраняя свою относительную независимость и возможность маневрирования, но и держать в своих руках финансовые потоки между разделенными польскими землями, что имело немаловажные последствия и в политическом отношении.

7. ПОЛИЦЕЙСКОЕ ВЕДОМСТВО

В условиях диктатуры наместника и необходимости для властей подавления освободительного движения, а также противодействия зарубежным эмигрантским центрам и организациям, важнейшим институтом внутренней политики было полицейское ведомство. Однако в стройную систему административных органов оно сложилось далеко не сразу. Непосредственно после подавления восстания, в 1830-е годы, полицейские функции были возложены на размещенные по всей стране российские воинские части. Их командиры должны были поддерживать общественный порядок, пресекать любые антиправительственные выступления, следить за общественными настроениями, в том числе и при помощи тайной агентуры, выявлять заговорщиков и направленных из-за рубежа эмиссаров. Регулярные полицейские рапорты командиры воинских частей представляли непосредственно в Канцелярию наместника.

Паскевич имел собственных информаторов во всех слоях населения Королевства Польского и в среде эмиграции. Ряд свидетельств этого приведено самим фельдмаршалом, который в 1835 г. описал, в частности,

примечательный разговор с Я. Езерским: «Я говорил ему о необходимости строгих мер в отношении помещиков и шляхты. Граф Езерский отозвался, что, вероятно, это не относится к нему лично. Нет, отвечал я. Я вас знаю за честного человека, вы сами ко мне явились. Но если бы вы оставались в деревне и в доме у вас замечено было что-нибудь подозрительное, то ближайшая военная власть, от генерала до ротного командира, могла бы вас взять и привезти ко мне. Я бы вас, может быть, тотчас же отпустил, сказал бы, что, вероятно, это ошибка; но прибавил бы: *vous roug averti* (для вас это предупреждение – *Б. Н.*). Пора более уважать, не говорю законную власть, но русский мундир и зеленый цвет его. В них вы должны видеть представителей законного порядка, власти, вас покровительствующей – спокойных и покорных, но карающей – злоумышленников и мятежников»¹³³. В этом эпизоде наместник сам говорил о том, что видел в живущих в своих имениях аристократах представителей оппозиции, которые находятся под надзором местных военных властей (от капитана до генерала), и прямо «предупреждал» Езерского и других, что неприязненное поведение по отношению к властям не останется для них без последствий.

Вначале агенты и иные осведомители преимущественно были связаны со своими шефами личными неформальными отношениями и руководствовались самыми разными мотивами в своих действиях, рассчитывая большей частью на покровительство своих патронов. Поскольку в рамках на практике сохранявшегося военного положения право ареста получали военные начальники начиная от командиров рот, то все они для исполнения этих функций нуждались вокруг себя в достаточно многочисленных осведомителях. Последние рекрутировались из числа помещичьей дворни или служителей и официалистов. Были среди таких агентов мелкие чиновники и торговцы. Естественно, чем выше по чину и должности был воинский начальник, тем выше был социальный и сословный статус его осведомителей. В этом случае к доношению привлекались и специальные посредники. Наконец, услугами тайной полиции по сбору информации не брезговал и сам Паскевич, о чем свидетельствовали отношения наместника с А. Гуровским. Тот участвовал в Ноябрьском восстании, будучи в эмиграции, перешел в 1835 г. на позиции панславизма, в связи с чем Николай I дал согласие на его приезд в Россию и жительство в Новгороде. В свою очередь Паскевич разрешил Гуровскому на некоторое время проживать с женой и детьми в их имении в Калишском воеводстве. Оттуда тот написал наместнику, что хотел бы приехать в Варшаву, чтобы лично представить список заговорщиков, якобы намеренных покуситься на жизнь монархов во время их запланированной встречи в Калише. Гуровский сообщал фельдмаршалу, что он «не нашел совершенно никакой перемены в духе и образе мыслей помещиков и шляхты противу того, как было перед возмущением»*.

* Текст письма А. Гуровского в переводе на русский язык в архиве Паскевича.

По поводу письма Паскевич доносил царю, что разрешил Гуровскому остаться еще в Калише, дабы раскрыть заговор. За соответствующими сведениями к Гуровскому был направлен генерал-полицмейстер армии и обер-полицмейстер Варшавы А.Я. Стороженко¹³⁴. Поддерживал Паскевич личные связи и со своими осведомителями, пребывавшими в эмиграции. Так, в то же время бывший офицер польской армии Ю. Корчевский стал присылать фельдмаршалу сведения об отправляемых из-за границы «в Петербург и Варшаву убийцах». Паскевич писал о нем царю, что, может быть, из того выйдет второй Вернер¹³⁵.

В Административном совете секретной агентурой как в стране, так и за границей в среде эмиграции заведовал директор Правительственной комиссии внутренних дел генерал Ю. Раутенштраух, об этом в письме царю упоминал наместник в связи с кончиной Раутенштрауха в 1842 г. Из этого факта можно заключить, что полицейские функции, как и функции тайной полиции, находились в компетенции не только русских, но и польских чиновников.

В системе полицейских органов Королевства Польского времени наместничества Паскевича видная роль принадлежала жандармерии. Корпус жандармов был учрежден в Королевстве еще в 1816 г., немногим ранее, чем в феврале 1817 г. был подписан рескрипт Александра I о создании корпуса жандармов в Петербурге, Москве, во всех губернских центрах и в трех портовых городах империи. Ш. Аскенази, сравнивая российскую жандармерию с польской, называл последнюю «скромной»¹³⁶. Однако, имея в виду, что весь штат III Отделения в императорской канцелярии в царствование Николая I составлял около 600 человек, а учрежденный в 1832 г., уже после подавления Ноябрьского восстания, 3-й Варшавский жандармский округ, в котором состояло 280 человек, а части корпуса жандармов размещались в воеводских центрах и еще более чем в 30 городах, был в империи третьим не только по порядку, но и по значению (после Петербургского и Московского), то жандармское ведомство Ф.К. Нессельроде едва ли заслуживает такого определения. Вместе с тем образование Варшавского жандармского округа, подчиненного III Отделению императорской канцелярии, отражало характерную тенденцию установления ведомственного соподчинения органов отраслевого (министерского) управления центральных властей в Петербурге и Королевства Польского.

Важным полицейским органом была располагавшаяся в Цитадели постоянно действующая Следственная комиссия во главе с генерал-полицмейстером армии и обер-полицмейстером Варшавы. Характер ее деятельности достаточно проявился в описанном уже раскрытии так наз. заговора «Централизации». Его участники (около десяти человек из самых разных социальных групп варшавской молодежи) были привлечены к следствию только на основании неких заговорщических намерений в результате оперативной работы полицейской агентуры, «негласного наблюдения» и т.п., которыми руководило как полицейское начальство, так и сама Следственная комиссия.

Таким образом, уже к середине 1840-х годов сложилась система военно-полицейских органов, призванная подавить любые проявления общественного движения, главным образом направленная против революционных организаций как в Королевстве Польском, так и за его рубежами на польских землях и в среде эмиграции. Центральное место в ней принадлежало наместнику и его Канцелярии. Далее система подразделялась: а) на полицейские органы 1-й армии; б) на Корпус жандармов Варшавского жандармского округа; в) на полицейские органы Комиссии внутренних дел, в рамках которых особое место занимала полиция Варшавы. Армейские полицейские органы возглавлял начальник штаба армии, который являлся также и генерал-губернатором Варшавы. Должность эту в 1830-е годы занимал Я. Витт – сын коменданта Каменца-Подольского, тайный агент Наполеона в Герцогстве Варшавском, участник Гроховского сражения в армии Дибича. Он расследовал деятельность шефа калишской временной администрации Домбровского, председательствовал в Особом уголовном суде по делам участников восстания. Из-за женитьбы Витта на К. Собаньской Николай планировал перевести его из Польши и назначить инспектором военных поселений.

Начальнику штаба 1-й армии подчинялись военные суды при армейских корпусах и военно-полевые суды, рассматривавшие дела по представлениям командиров частей и подразделений («военных начальников» на местах – в воеводствах и в обводах) начиная с роты. По их докладам к суду могли быть привлечены как военные, так и гражданские лица, обвиненные в государственных преступлениях. Однако главная роль в преследовании гражданских лиц в полицейской системе 1-й армии принадлежала Постоянной следственной комиссии, которой была подчинена тайная полиция.

Второе место в системе полицейских органов занимал Корпус жандармов Варшавского жандармского округа, возглавляемый в 1830-е годы Ф.К. Нессельроде, служившим еще в администрации вел. князя Константина. Помимо канцелярии центрального управления округа, Нессельроде были подчинены команды жандармов в воеводских городах и крепостях. Низший уровень ведомства составляли жандармские команды в обводах. Функции жандармерии состояли прежде всего в сборе разного рода секретной и конфиденциальной информации, которая направлялась для принятия репрессивных мер соответствующим «военным начальникам» или докладывалась наместнику, или в его канцелярию, а также в III Отделение в Петербург. Последнее обстоятельство определяло специфику деятельности жандармского ведомства, которое, хотя и было подчинено канцелярии наместника, играло все же роль своего рода контрольного инструмента центральных властей в отношении администрации Королевства Польского. Однако, учитывая доверительные отношения царя и Паскевича, жандармские доклады из Королевства Польского, направленные в ведомство Бенкендорфа, не отличались существенной содержательностью и не имели заметных последствий.

Третье место в системе полицейских органов принадлежало гражданской («цивильной») полиции, подчиненной Комиссии внутренних дел Административного совета, во главе которой стоял генерал Ю. Раутенштраух. Он же руководил тайной агентурой, как в Королевстве, так и за границей, на поддержку которой опиралась гражданская полиция. Она имела свои органы в воеводствах, в обводах и в городах. Особенностью гражданской полиции было ее непосредственное взаимодействие с возглавляемой войтами администрацией гмин и шляхетских фольварков. Именно гражданской полиции принадлежала главная роль при подавлении «в зародыше» крестьянских волнений. Наряду с подчинением Комиссии внутренних дел гражданская полиция находилась в ведении генерал-губернатора Варшавы, возглавлявшего столичную полицию, которой также принадлежала весьма важная роль в полицейских органах Королевства, коль скоро от «спокойствия Варшавы», по словам Паскевича, в решающей степени зависело положение страны. Генерал-губернатору подчинялись Цитадель и ее гарнизон, предназначенные для немедленного подавления любого выступления в столице, а также варшавский полицмейстер и находящиеся в его ведении полицейская стража и исполнительная полиция в городе.

Об особом значении полицейского надзора в Варшаве свидетельствовала также высказанная в декабре 1843 г. в письме к царю мысль Паскевича о политической целесообразности сокращения числа губерний в Королевстве. Увеличение, например, Варшавской губернии требовало бы, по словам наместника, от большого числа помещиков приезжать в столицу по делам разного рода, что позволяло бы полиции эффективнее осуществлять за ними надзор¹³⁷.

Говоря о месте полицейского аппарата в структуре государственной власти и управления Королевства Польского, следует отметить, что, будучи орудием российских властей для подавления польского освободительного движения, он ни по своим функциям, ни по персональному составу не был системой чисто русской. В нем естественным образом были объединены российская и польская бюрократия, а сам полицейский аппарат в равной мере стоял на защите общественного строя, польских и российских властных верхов Королевства Польского, отражавших интересы дворянства как господствующего сословия и в Польше, и в России. В этой системе нашла воплощение тенденция взаимной интеграции систем бюрократии обеих стран в развитии органов государственного управления Королевства Польского в 1830–1850-е гг.

8. РЕФОРМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Взаимная интеграция бюрократических систем нашла отражение в развитии властных институтов Королевства Польского в целом. Система центральных органов управления Королевства – с наместником, его Кан-

целярией и Административным советом на вершине – была сформирована царскими властями сразу после подавления восстания 1830–1831 гг. Однако на этом развитие государственного аппарата Королевства не было завершено, а сама система управления продолжала совершенствоваться.

Одним из важнейших направлений в этой области была реформа местного управления. В начале 1837 г. Паскевич составил проект декрета о преобразовании воеводств в губернии. При этом на смену президентам воеводств пришли гражданские губернаторы, а воеводским комиссиям – губернские правления¹³⁸. Разумеется, дело сводилось не только к переименованию. Содержанием реформы стало введение в губернском управлении единоначалия, взамен прежних действовавших коллегиально воеводских комиссий во главе с председателями. Выборность (хотя и подконтрольная центральным властям) членов комиссий из числа местного дворянства заменялась назначением чиновников губернского правления. Так власти Королевства параллельно решали две задачи: во-первых, сближения административной системы Королевства и империи; во-вторых, ограничения непосредственного влияния польской шляхты на губернский административный аппарат. Эта реформа распространялась и на первичное звено местных властей. В 1842 г. были установлены должности начальников поветов. В городах управление передавалось в ведение магистратов и президентов городов. Правда, ни прежние, ни нынешние муниципальные органы реальной властью не обладали, а решали только хозяйственные вопросы. Полиция им не подчинялась, в их ведении находилось только городское хозяйство. Единственной для них возможностью повлиять на действия властей были обращения о своих нуждах в губернскую администрацию или в Административный совет¹³⁹. Реформа городского управления 1842 г. состояла главным образом в усилении бюрократического, чиновничьего начала в управлении польскими городами.

В начале правления Паскевича была предпринята так и не осуществленная попытка реформы управления сельскими гминами. В 1832–1833 гг. на рассмотрение Комиссии внутренних дел поступил составленный годом ранее мемориал Ф.И. Энгеля с предложением сократить число сельских гмин, увеличить их размеры, отобрать статус войтов у помещиков и их официалистов и назначить новых войтов из деревенских жителей. Паскевич поддержал этот замысел, имея в виду ограничение влияния шляхты на крестьян в случае новых заговоров или восстания. Однако проект встретил возражения со стороны польских верхов. Отосланный наместником на рассмотрение Раутенштрауха и в Комиссию внутренних дел, он встретил там критическое отношение и утонул в канцелярской волоките. Комиссия ограничилась предложением возобновить действие прежнего законодательства начиная с Кодекса 1807 г., а все нововведения в крестьянском вопросе, не вмешивая сюда государственные власти, оставить в качестве предмета двусторонних соглашений крестьян с помещиками¹⁴⁰.

В конце 1843 г. Паскевич представил царю очередной план преобразования в Польше губернского управления с разделением Королевства Польского вместо 8 – на 4 или 5 губерний. Главной его целью провозглашалось сокращение бюджетных расходов. По замыслу фельдмаршала, в будущем предстояло выделить Августовскую губернию и «воссоединить» ее частью с Ковенской, а частью – с Виленской губернией, в результате, по словам наместника, «округленное Царство Польское будет тогда состоять из 4-х губерний»¹⁴¹. Очевидно, что, помимо финансовых причин, задуманное преобразование преследовало и политические цели. Упомянутое Паскевичем «округление» могло бы иметь двоякие последствия. С одной стороны, отторгалась часть территории Королевства Польского и присоединялась непосредственно к империи, а с другой – восстанавливались исторические границы польских Коронных земель и Великого княжества Литовского, что могло быть расценено как напоминание о былой шляхетской Речи Посполитой. Главным же последствием реформы стало бы неизбежное усиление польского элемента в Литве. Другого рода политические последствия состояли в усилении на местах власти гражданских губернаторов, которые получали бóльшие административные возможности контролировать управляемые территории, подавляя в зародыше как шляхетскую фронду, так и крестьянское недовольство. Сокращение числа губерний, как надеялся Паскевич, позволило бы также повысить надежность полицейского надзора. В итоге, после консультаций с наместником, Николай I утвердил разделение Королевства на 5 губерний. В 1844 г. были образованы Варшавская, Люблинская, Радомская, Плоцкая и Августовская губернии¹⁴².

Проведение губернской реформы породило очередную дискуссию между царем и наместником о введении в Королевстве русского языка как официального языка деятельности администрации и всех властей снизу доверху. Это намерение Николая встретило возражения со стороны Паскевича. Последний понимал, что для большинства польского чиновничества губернского и низшего уровня делопроизводство и общение с населением на русском языке будет представлять значительную трудность, что понизит эффективность административного аппарата, и без того, согласно оценке самого фельдмаршала, не отличавшегося высоким профессиональным уровнем. Во многом исходя из практических соображений и благодаря заступничеству Паскевича, польский язык был сохранен в судах, в государственном аппарате и в ведомствах местного управления, а также в учреждениях народного просвещения. Однако еще с 1836 г. при приеме на службу кандидаты, претендовавшие на занятие чиновничьих должностей, должны были владеть русским языком. В Административном совете вводился русский язык параллельно с французским. В Государственном секретариате с 1837 г. в корреспонденции с Петербургом русский язык вытеснил французский. В русских войсках и в связанных с ними учреждениях военного

ведомства, естественно, употреблялся русский язык. С 1851 г. русский язык стал обязательным в почтовом ведомстве¹⁴³. На рубеже 1830–1840-х гг. польские чиновники проявили немалое рвение, по собственной инициативе стремясь овладеть русским языком. Это, в частности, отмечалось в отчете шефа Варшавского учебного округа генерала Н.А. Окунева, согласно которому, «в числе вольных слушателей дополнительных или педагогических курсов было много аппликантов (кандидатов) на административные должности», в связи с чем было выделено 4770 рублей на обучение чиновников русскому языку, то есть в 1,5 раза больше, чем на все начальные школы Королевства Польского¹⁴⁴.

9. УЧРЕЖДЕНИЕ ВАРШАВСКИХ ДЕПАРТАМЕНТОВ СЕНАТА

Вплоть до начала 1840-х гг. последним из государственно-правовых институтов, которые со времени Конституции 1815 г. мало подверглись преобразованиям, оставалась судебная система Королевства Польского, оформленная законодательно Органическим статутом 1832 г. Преследования участников освободительного движения осуществлялись вне ее рамок, будь то либеральный Особый уголовный суд или же военные суды и Постоянная следственная комиссия в Александровской цитадели.

В конце августа 1841 г. Николай I в очередной раз приехал в Варшаву. Он почти ежедневно проводил смотры войскам и одновременно обсуждал с Паскевичем замысел открытия в Варшаве сенатских департаментов (по гражданским и по уголовным делам). Наместник усматривал в этом отступление от норм Органического статута, устанавливавшего судебную автономию Королевства Польского. Вскоре царь покинул польскую столицу, а вопрос о сенатских департаментах Паскевич продолжал разрабатывать с И. Туркулом, сменившим С. Грабовского в должности министра – государственного секретаря, и действительным статским советником С.И. Старынкевичем¹⁴⁵.

Эта мера имела весьма существенное значение, ибо создаваемые департаменты по своему статусу и месту среди учреждений государственной власти Российской империи не являлись органами власти Королевства Польского, хотя и находились в Варшаве. Со времени разделения российского Сената на департаменты при Екатерине II, когда четыре департамента располагались в Петербурге, а два – в Москве, принятые каждым из департаментов решения считались постановлениями Сената в целом, и только в особых случаях дела переносились в Общее собрание. Поэтому образование варшавских департаментов означало передачу Королевства Польского, вопреки Органическому статуту 1832 г., под юрисдикцию российского Сената и одновременно – ликвидацию Государственного совета Королевства, что также наносило существенный удар по системе «отдельного управления».

В конце августа 1841 г. в Варшаве был подготовлен указ наместнику, подписанный царем 6 (18) сентября, гласивший: «Признав за благо учредить в 1832 г. в Нашем государственном совете особый департамент дел Царства Польского, в который поступают все важнейшие дела, до Царства относящиеся, Мы находим дальнейшее существование отдельного государственного совета в Царстве не соответствующим настоящему положению края, а как вместе с тем настоит необходимость дать высшей палате суда прочнейшее основание, то и положили мы упразднить как нынешний государственный совет Царства, так и высшую палату суда, заменить их в Варшаве для всего Царства Польского двумя департаментами правительствующего сената, кои примут последовательно номера “девятого” и “десятого”, и общим правительствующего сената варшавских департаментов собранием»¹⁴⁶.

Таким образом, высшая судебная инстанция для Королевства Польского была ликвидирована, а ее функции переданы российскому Сенату, то есть самостоятельная судебная система Королевства оказалась практически в российской юрисдикции. Правда, правительство и в этом случае сделало ряд демонстративных шагов навстречу польским дворянским верхам. В ноябре 1841 г. члены прежнего Государственного совета Королевства генерал А. Ожаровский, действительный тайный советник А. Колонна-Валевский, генерал-адъютант М. Влодек и генерал-лейтенант З. Курнатовский стали российскими сенаторами и были назначены присутствовать в варшавских департаментах. Вместе с ними такое же назначение получили и российские чиновники: обер-гофмейстер А.П. Оболенский и варшавский военный губернатор генерал-лейтенант А.А. Писарев¹⁴⁷, то есть большинство сенаторов, от которых формально зависело решение, составляли поляки. Однако такой выбор диктовался и практическими соображениями, поскольку русские чиновники не обладали необходимыми знаниями в области польского права.

Открытие департаментов последовало 2 октября 1842 г. Указ об этом содержал важнейшее положение об упразднении в Королевстве Польском Высшей судебной палаты и ее кассационных отделений. Апелляционному суду Королевства, таким образом, присваивался статус высшей инстанции при рассмотрении дел по существу¹⁴⁸. Указ этот имел еще одно символическое значение. Это был первый случай, когда указ был подписан царем и вступил в силу без контрассигнации министра – государственного секретаря, хотя ссылка на нее содержалась в публикации указа на польском языке. Так была ликвидирована еще одна конституционная процедура, доставшаяся Королевству Польскому в наследство от доповстанческих времен¹⁴⁹.

Однако, стремясь теми или иными мерами ликвидировать «отделенность» Королевства Польского от империи, власти при их практической реализации не раз вынуждены были отступить от заявленных принципов,

возрождая в той или иной форме «автономизм», который намеревались преодолеть. Так было и в истории с варшавскими департаментами Сената. Камнем преткновения и на этот раз стала роль наместника, получившего в области судопроизводства такие полномочия, которыми не обладало ни одно должностное лицо в империи, даже министр юстиции. Прежде всего это касалось системы отношений Паскевича с общим собранием варшавских департаментов. Она сохранились и после смерти фельдмаршала, аналогичными правами обладали и его преемники вплоть до восстановления в 1861 г. Государственного совета Королевства Польского. Наместник председательствовал в общем собрании вместо императора. Назначал дни проведения общих собраний. Если департамент разделялся на отделения, то первоприсутствующего император назначал по представлению наместника. Если приговор Сената подлежал высочайшему утверждению (в отношении дворян, в частности в случае лишения дворянства), то от имени Сената с докладом царю выступал наместник. Он также докладывал царю мнения сенаторов. Соответствующий всеподданнейший доклад, подписанный сенаторами, направлялся обер-прокурором в правительственную Комиссию юстиции, а та (с заключением) передавала его наместнику, а он уже (при своем мнении) представлял его государю¹⁵⁰. Надзор за соблюдением регламентов и правил делопроизводства в сенатских департаментах находился в ведении Комиссии юстиции, то есть под контролем наместника. Назначение прокуроров и других должностных лиц по судейскому ведомству, в том числе по департаментам сената, также находилось в компетенции генерального директора Комиссии юстиции, а в наиболее важных вопросах – наместника.

Ликвидация Государственного совета и открытие варшавских сенатских департаментов были связаны еще с одним весьма значительным шагом правительства в интересах польского дворянства, укреплявшего режим «отделенности» Королевства от империи. В ноябре 1841 г. была учреждена Комиссия прошений Царства Польского для рассмотрения просьб, «приносимых подданными Царства Польского на высочайшее имя»¹⁵¹. Ее председателем стал М. Влодек, членами – А.П. Толстой, С.И. Коссаковский, статс-секретарь Административного совета Ю. Тымовский, директор Канцелярии наместника П. Элиашевич, чиновник для особых поручений наместника П.Н. Очкин. Комиссия эта стала аналогом соответствующего российского учреждения, история которого восходит к Жалованной грамоте дворянству 1785 г., согласно которой каждый российский дворянин имел право обратиться с личной просьбой непосредственно к императору и получить ответ по существу своего обращения. Для предварительного рассмотрения таких заявлений были введены должности и учреждена канцелярия статс-секретарей, ее продолжением в николаевское время стала упомянутая комиссия. Учреждение ее в Королевстве Польском означало, с одной стороны, распространение на

польское дворянство привилегий российского «благородного сословия», а с другой – что Королевство и польское дворянство обрели для общения с императором (королем) еще одно автономное учреждение.

В начале января 1843 г. в Варшаву прибыл Д.Н. Блудов для «наблюдения за течением дел в новооткрытом варшавском сенате». Он остался удовлетворен результатами проверки и доносил царю, что имевшиеся старые дела окончены правильно и в установленный срок¹⁵². Однако сам факт проведенной подобной ревизии указывал, что новые судебные власти не только были формально-юридически и административно объединены с соответствующими российскими, но и контролировались со стороны властей империи. Прибыв в Варшаву, Блудов представлял два учреждения: Собственную императорскую канцелярию, в которой управлял Вторым отделением, и Государственный совет по делам Царства Польского, в котором – «присутствовал».

Во второй половине 1842 г. в составе Административного совета Королевства произошли важные перемены. Вышел в отставку директор Комиссии юстиции генерал Ф.К. Коссецкий. На военной службе он состоял еще во времена Княжества Варшавского, в корпусе Ю. Понятовского участвовал в походе Наполеона в Россию, побывал в русском плену, с 1815 г. командовал 1-й пехотной дивизией польской армии. В период восстания 1830 г. Коссецкий сохранил верность царю, выступал за переговоры с вел. князем Константином и был удален повстанцами из Административного совета. Из восставшей Варшавы он бежал во Вроцлав, откуда переехал в Петербург, где в числе других подписал верноподданнический адрес царю. После подавления восстания Паскевич включил Коссецкого в состав Временного правления. С 1831 г. генерал возглавлял Комиссию юстиции. Николай I был им недоволен, в частности, из-за сокрытия от конфискации имения Л. Паца. Однако Паскевич считал, что, поскольку генерал неизменно был верен царю, что доказал и в период восстания, то лучшим выходом были бы или почетная отставка, или назначение его в Сенат. В 1838 г. генерал был назначен директором Герольдии Королевства Польского. На новое учреждение возлагалась проверка и подтверждение дворянских прав польской шляхты. Однако в его работе вскрылись злоупотребления, что и решило окончательно судьбу генерала. Он был уволен со всех постов и в дальнейшем жил в Варшаве, где и умер в 1857 г. Директором Комиссии юстиции Паскевич назначил сенатора Вычеховского – в прошлом одного из судей Особого уголовного суда.

В том же 1842 г. тяжелой утратой для правительства стала кончина Ю. Раутенштрауха. Паскевич считал, что заменить столь незаурядного человека будет очень трудно, в частности, и по причине недостатка способных людей. Фельдмаршал писал Николаю, что Раутенштраух работал за шестерых: «занимал шесть должностей», и предлагал распределить его обязанности: «отдать цензуру газет генерал-майору Окуневу, рекрутский

набор графу Толстому, сухопутные и водные сообщения князю Тенишеву». Помимо упомянутых функций, Раутенштраух заведовал внутренней и внешней агентурой и управлением театрами¹⁵³.

Приведенные примеры перестановок в верхах администрации отразили две характерные тенденции развития правящей бюрократии Королевства времен Паскевича. С одной стороны – явный недостаток способных и образованных людей, а с другой – замену на ответственных должностях польских чиновников – на российских. Вместе с тем существенную трудность для властей представлял подбор квалифицированных чиновников судебного ведомства и других учреждений, наиболее близко связанных с применением польского законодательства, для работы с которым в России не было соответствующих кадров. Поэтому волей-неволей Паскевичу приходилось при такого рода назначениях отдавать предпочтение полякам.

Весной 1849 г. замысел реформы судебных властей Королевства получил дальнейшее развитие. Второе отделение Императорской канцелярии составило проект упразднения апелляционных судов, соединения существующих уголовных судов с трибуналами по гражданским делам первой инстанции и создания единых Палат гражданского и уголовного суда. Эти изменения, как полагал Блудов, должны «без значительных изменений существующего порядка сделать все судоустройство Царства Польского <...> почти то же, как в империи». Административный совет и Паскевич одобрили намеченные планы, хотя на их согласование между Петербургом и Варшавой ушло почти четыре года, и оно завершилось только осенью 1854 г. Однако начавшаяся Крымская война остановила всякие нововведения, и на рассмотрение российского Государственного совета проект поступил только в 1857 г., в условиях кардинально изменившейся политической ситуации в стране¹⁵⁴.

10. НАЧАЛО РЕФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

С реформой судебной системы была тесно связана реформа гражданского, уголовного и процессуального законодательства. В январе 1840 г. Д.Н. Блудов направил царю доклад с предложением унифицировать проекты уголовных кодексов «для империи и для Царства Польского», чтобы обеспечить единство уголовного законодательства. Блудов полагал, что «иная система была бы равно противна и политическим приличиям, и пользе государства». Он также обращал внимание на недопустимость, «чтобы постановления о преступлениях и наказаниях <...> были слишком несходны в разных частях одной державы». Для рассмотрения предложений был образован Особый комитет под председательством самого Блудова, в который вошли чиновники высокого ранга императорской кан-

целярии, министерства юстиции и Кодификационной комиссии Царства Польского. В 1843 г. проекты двух уложений о наказаниях – общеимперского и для Королевства Польского – были подготовлены, представлены Николаю I и к весне 1847 г. утверждены в установленном порядке¹⁵⁵. Поскольку фельдмаршал враждовал с Блудовым, то, отстаивая особый статус своей администрации в Королевстве Польском, Паскевич настойчиво возражал против интеграционных устремлений шефа II отделения императорской канцелярии. Примечательно, что власти Королевства оставались непричастны к разработке нового польского Уголовного кодекса и его введению, если не считать сугубо формальной роли Государственного совета по делам Царства Польского, в котором Паскевич занимал должность председателя.

Польские историки придерживаются мнения, что Уголовный кодекс Королевства Польского 1847 г., заменивший кодекс 1818 г., был, по сравнению со своим предшественником, менее разработан юридически, но предусматривал более суровые наказания и представлял собой приспособленный к польским условиям вариант российского уголовного кодекса 1845 г.¹⁵⁶ Однако, вопреки этому суждению, реформа уголовного законодательства изначально разрабатывалась для обеих стран параллельно. Ее авторы исходили из принципа рационализации законодательства – упрощения правовой системы для повышения результативности работы судов. Польское Уложение о наказаниях 1847 года не было простым переложением русского законодательства, тем более его дословным переводом. Уголовный кодекс разрабатывался для обеих стран в рамках общей правовой системы. При этом в манифесте 1847 г. об утверждении «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных для Царства Польского» Николай I, говоря о назначении нового Уложения, подчеркивал, что сближение региональных и общеимперских норм уголовного и материального права должно «по возможности» происходить «при сохранении свойственных краю местных учреждений и правил»¹⁵⁷. В этих словах царского манифеста, очевидно, нашло выражение влияние Паскевича. Польский уголовный кодекс 1847 г. положил начало введению в Королевстве общероссийской правовой системы, сохранив при этом ряд норм кодекса 1818 г. В частности, в нем была изменена, в сравнении с российской, и система наказаний, которая, среди прочего, не допускала публичных экзекуций.

Рассмотренная реформа уголовного законодательства практически не касалась подавляющего большинства населения Королевства Польского. Крестьянство, как и прежде, находилось в юрисдикции вотчинных судов войтов-помещиков, а городское население, за исключением относительно узкого слоя горожан – собственников недвижимости, интеллигенции и чиновников-разночинцев, подлежало ведению бурмистрских судов. Случаи, когда представители низших сословий представляли перед Коронным судом, были редким исключением из общего правила. Правоотношения

и правосознание в крестьянской среде и в демократических слоях населения городов носили весьма специфический характер, а правоприменительная практика зависела не столько от законодательства, сколько от произвола помещиков и начальства. Поскольку судебная система Королевства Польского носила сословный характер, то и реформа уголовного законодательства касалась практически только помещичьих и буржуазных верхов польского общества, а также более или менее приближенных к ним относительно немногочисленных средних разночинских слоев населения Королевства Польского.

Наиболее сложным и длительным оказался процесс унификации гражданского права Королевства Польского и империи. О его завершении, и то с существенными оговорками, можно было бы говорить к концу 1870-х годов. В 1849–1850 гг. предназначенный для Королевства Польского проект гражданского законодательства был составлен в Петербурге в специальном Комитете, рассмотрен в Кодификационной комиссии и прислан в Варшаву. В польской столице наместник распорядился рассмотреть проект Гражданского уложения в специально созданном Комитете, который в ноябре 1850 г. представил царю свои замечания, а по существу – новый проект всей системы гражданского права, за исключением узаконений об ипотеках¹⁵⁸. Согласование польского гражданского права с общероссийским представляло особую трудность, поскольку источники польского гражданского права объединялись в три группы: законодательство шляхетской Речи Посполитой, гражданское право Княжества Варшавского, в основе которого был Кодекс Наполеона, и законодательство конституционного Королевства Польского. Уже в этом делении заключалось противоречие между частным правом феодального сословного общества и буржуазным правом Нового времени. Положение усугублялось запутанностью как польского, так и русского законодательства, в основе которого также была заложена система сословного неравенства и неполноправия, а кроме того, нехваткой в обеих странах квалифицированных правоведов, к тому же должных достаточно глубоко знать как польскую, так и русскую правовую систему.

11. ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА

Совершенствование государственного аппарата и правовой системы, направленное на укрепление российского господства в Королевстве Польском и на консервацию его социально-политического базиса, в основе которого лежала система шляхетского землевладения и феодальной зависимости крестьянства, являвшегося и юридически, и фактически только неполноправным держателем своих наделов, было довольно тесно связано с церковной политикой в Королевстве царских властей. Эта связь была обусловлена еще и тем, что официальное православие и церковь как

его институт были объявлены в николаевское царствование первой из трех основ доктрины официальной народности, служившей идеологическим обоснованием сохранения в империи социально-политической системы крепостничества и самодержавия.

Вместе с тем церковная политика в империи в целом и ее польский вариант существенно отличались друг от друга. В отличие от России, где церковь со времен Петра I превратилась в составную часть государственного аппарата, католическая церковь в Польше была отделена от государственной власти, хотя, согласно Органическому статуту, и находилась под ее преимущественным покровительством. Она оставалась наиболее могущественной сословной и политической корпорацией, которая пользовалась поддержкой Святого престола. Вместе с тем администрации Паскевича приходилось считаться с тем, что католицизм владел душами подавляющего большинства населения и что католическое духовенство было настроено к властям оппозиционно. Последнее неоднократно подчеркивал наместник, в частности когда писал царю, что зарубежные эмигрантские центры рассчитывают привлечь на свою сторону крестьянство при помощи католических ксендзов.

С первых же шагов администрации Паскевича после восстановления в 1831 г. властями был взят курс на сотрудничество с польским епископатом. На протяжении всего предшествующего столетия царские власти в своей польской политике неизменно исходили из негативного к себе отношения со стороны польской католической церкви, которое имело глубокие исторические и политические корни. Однако в Петербурге неизменно принимали в расчет, что польский епископат, исходя из стратегических церковных интересов и личных материальных и карьерных устремлений прелатов, будет служить опорой царской политике в Польше, становясь на сторону сильнейшего. Исходя из этого, царские власти не применили репрессий в отношении польских епископов и других представителей церковных верхов в виду их роли в восстании 1830 г. Более того, когда из-за финансовых трудностей 1832 г. Административный совет намеревался уменьшить казенное содержание епископов, то Николай I лично отменил это решение, компенсировав уже сделанные вычеты за счет средств, предназначенных на царские нужды. Хотя епископы и другие духовные лица были удалены почти со всех высших правительственных должностей, эта мера имела двоякое значение и служила, скорее, поддержанию авторитета верхов католической церкви в польском обществе, создавая видимость их отделения от власти. Наиболее «строгой мерой» в отношении католического духовенства могли представляться ликвидация ордена пиаров и их отлучение от сферы народного просвещения. Однако и в этом решении определяющую роль сыграла политическая связь ордена с традицией польской государственности и деятельность монахов по воспитанию в этом духе молодежи.

На территории Российской империи католическая церковь в церковно-административном отношении управляла 15 епархиями, объединенными в две провинции: 7 епархий – в России и 8 епархий – в Королевстве Польском. Установление дицезий в Королевстве и придание Варшавскому архиепископству статуса митрополии произошло на основе соглашения папы Пия VII с императором Александром I, подписанного в Риме префектом Конгрегации пропаганды кардиналом Э. Консальви и русским послом в Риме А.Я. Италинским 28 января 1818 г. В связи с этим актом Святой престол издал две буллы – *Militantis Ecclesiae* (12 марта 1818 г.) и *Ex imposita nobis* (30 июня 1818 г.), в которых была установлена система епископств и церковной иерархии¹⁵⁹.

Ко времени восстания 1830 г. кафедра архиепископа варшавского была вакантна после кончины примаса Я.П. Воронича, недолго занимавшего ее в 1828–1829 гг. После подавления восстания власти долго не назначали варшавского архиепископа, до тех пор, пока на короткое время в 1836–1838 гг. первым среди епископов Королевства не стал С. Хороманьский¹⁶⁰. Правда, будучи варшавским митрополитом, он уже не именовался примасом. Ни о его происхождении, ни о полученном им образовании нет сведений. Известно только, что началом его церковной карьеры во время Княжества Варшавского стало место ксендза в богатом Замбровском приходе в окрестностях Ломжи. Хороманьский пользовался славой доброго человека, что снискало ему популярность среди шляхты Августовского воеводства, и отличался подчеркнутой лояльностью к властям, которые в ответ ему покровительствовали. Будучи епископом, он также получил известность как деятель народного просвещения. Во время восстания 1830 г. Хороманьский сохранил верность царским властям, спас и вывез через Замбрув в Россию имущество великого князя Константина. В 1832 г. он участвовал в депутации, вручившей Николаю I верноподданнический адрес, и был награжден в Петербурге орденом св. Анны с императорской короной. Паскевич относился к нему с искренним расположением и полным доверием. В переписке наместника с царем оба корреспондента называли Хороманьского «препочтеннейшим стариком». В обществе митрополит Варшавский слыл незаурядным «толерантом», однако, по некоторым свидетельствам, подполье грозило ему расправой за верность правительству. В сане митрополита Хороманьский пробыл недолго. После его кончины в 1838 г. нового назначения митрополита произведено не было, так как Николай I рассчитывал добиться от Рима, дабы для всех российских католиков, включая и Королевство Польское, был установлен один кардинал, который имел бы резиденцию в Петербурге.

В 1836 г., одновременно с занятием Варшавской кафедры Хороманьским, в польской столице по царскому указу была основана Римско-католическая духовная академия – единственное во время наместничества Паскевича высшее учебное заведение Королевства Польского. Эта мера

властей преследовала двоякие цели. С одной стороны, она была призвана подчеркнуть значение Варшавы как центра польской католической церкви, центра подготовки священников для всех польских земель. Академия не только способствовала повышению статуса епископата Королевства, но и, что немаловажно, расширяла круг доходных церковных должностей для духовенства. Все это способствовало укреплению позитивных отношений католической церкви с властями. С другой стороны – основание академии, по замыслу царя, должно было способствовать ослаблению влияния Святого престола в делах польской католической церкви, что соответствовало плану Николая I по изменению статуса католической церкви в Российской империи в целом.

Российская провинция католической церкви была образована после первого раздела Польши, когда в состав Российской империи были включены белорусские земли с католическим населением, большинство которого составляла шляхта. Первым среди российских католических епископов, объединенных, по аналогии со Святейшим синодом, в Римско-католическую духовную коллегию в Санкт-Петербурге, был архиепископ митрополит Могилевский, который председательствовал в коллегии. В 1839 г. на эту должность был назначен И. Павловский. Церковное образование он получил в Полоцке и в Каменце-Подольском, где и сделал церковную карьеру, став викарием Каменецкой епархии, что давало ему право занять место в Духовной коллегии и в столичных верхах. Здесь он пользовался полным доверием Николая I, по воле которого в 1829 г. Павловский получил сан епископа. В 1839 г. ему была передана Могилевская кафедра, что означало фактическое превращение ее обладателя в митрополита-кардинала и в первого среди российских католических иерархов, включая, как рассчитывал царь, и Королевство Польское, церковная автономия которого была бы таким образом ликвидирована. Однако эти намерения Николая встретили сопротивление со стороны как Святого престола, так и польских епископов. Процедура утверждения Павловского в сане архиепископа тянулась около двух лет. Царь привлек к давлению на папу даже австрийский двор, и только после этого полностью зависимый от Вены Григорий XVI вынужден был уступить, возведя в 1841 г. Павловского в сан архиепископа и митрополита Могилевского. Но это не имело канонического значения для польской католической церкви, которая, как и прежде, осталась автономной провинцией.

Трения в отношениях с Римом и польским епископатом для правительства на этом не окончились. В 1839 г. стала вакантной кафедра люблинского епископа, на которую царь намеревался возвести Тадеуша Лубеньского – представителя знатного рода крупных землевладельцев и видных предпринимателей новой формации, весьма близкого к правительственным кругам и церковным верхам. В молодости Т. Лубеньский служил в армии Княжества Варшавского, затем изучал в Риме теологию и каноническое

право. Во время восстания 1830–1831 гг. он занимался устройством госпиталей для раненых. В 1832 г. Лубеньский принимал участие в направленной к Николаю I депутации. Царь хотел провести его поставление в епископы в Петербурге, чтобы продемонстрировать перенесение церковной администрации Королевства в столицу империи. Паскевич возражал против этого, убеждая не ссориться с папой по такому поводу, но царь настаивал, и посвящение прошло в российской столице¹⁶¹. Правда, в Риме оно так и не получило утверждения. В итоге люблинская епископская кафедра так и осталась незанятой более десятилетия, до 1853 г. Власти не остановились на этом и в 1842 г. представили Т. Лубеньского для утверждения в сане епископа влоцлавского. Но и на этот раз из Рима последовал отказ, причем он сопровождался примечательным, хотя и неофициальным обоснованием. Было сказано, что претендент якобы «больше занят финансовыми делами вместе со своим братом банкиром Генрыком (организатором Земского кредитного общества. – *Б.Н.*), чем делами церковными»¹⁶². Вероятно, при этом сыграло свою роль и мнение польского капитула, поскольку в ином случае отказ Святого престола выглядел бы иначе.

Вакантной оставалась кафедра и варшавского архиепископа. Рим отказался поставить епископом еще одного претендента на этот сан – аббата П. Котовского, за которого хлопотал Паскевич. Аббат заслужил благоволение наместника проповедью, произнесенной на Саксонской площади на открытии памятника убитым генералам, в которой подверг крайнему осуждению все, что было связано с восстанием и с освободительным движением. Чтобы осуществить план поставления Котовского епископом, наместник попытался прибегнуть к обходному маневру и выдвинул своего протеже на должность администратора Варшавской епархии, но капитул отказался избрать на нее аббата-пияра как не наделенного епископским саном. Администратором был избран епископ А. Фиялковский – фигура в то время малоизвестная¹⁶³. Его имя получило общественное звучание многими годами позже, когда после смерти Николая I было возобновлено поставление варшавских архиепископов в обычном порядке и в статусе примасов Королевства Польского¹⁶⁴, а сам А. Фиялковский стал в 1857 г. варшавским митрополитом.

В годы наместничества Паскевича администрация старалась непосредственно не вмешиваться в церковные дела, осуществляя контроль над деятельностью католической церкви при посредстве польского епископата. Основное противоречие в этой области было вызвано попытками царского правительства ликвидировать в Королевстве отдельную провинцию Католической церкви, перенести центр управления церковной жизнью в Римско-католическую духовную коллегия в Петербург, и добиться признания за митрополитом Могилевским первенства среди католических епископов на всей территории империи. Это встретило решительное противодействие со стороны как Рима, так и польских епископов,

и усилия властей оказались безуспешны. Вместе с тем они отразили весьма важную тенденцию, направленную на ликвидацию «отделенности» Королевства Польского от империи не только в административном, но и в церковном отношении. В этом духе, по аналогии с учреждением в Варшаве департаментов Сената, было проведено переименование департамента духовных дел Комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения. В июле 1845 г. Николай I в письме Паскевичу распорядился «переименовать комиссию духовную в Варшаве во 2-й департамент римской духовной коллегии, а здешний назвать 1-м департаментом, оставив, впрочем, весь нынешний в обеих порядок дел и подчинения»¹⁶⁵. При всем демонстративном характере этой меры, едва ли имевшей последствия по существу, весьма показательным стало создание общей для России и Королевства Польского Римско-католической духовной коллегии, первый департамент которой находился в Петербурге, а второй – в Варшаве.

В осуществлении церковной политики царская администрация в Королевстве стремилась принимать меры, направленные на поддержку православия. Они были обусловлены, во-первых, необходимостью обеспечения функционирования русского чиновничества, русской армии (и ее солдатской массы) в Королевстве. Во-вторых, поддержка православия была направлена на взаимодействие с православным конфессиональным меньшинством в Польше. И, в-третьих, политика в пользу православной церкви осуществлялась в рамках официальной политики Петербурга, направленной на ликвидацию униатской церкви в Российской империи. Провозглашение в Органическом статуте равенства христианских конфессий перед законом положило начало утверждению православия как официальной религии царских властей в Королевстве Польском, последнее только подчеркивалось формальным отделением от государственной власти католической церкви.

В апреле 1834 г. царем был утвержден доклад Синода об учреждении в Варшаве архиерейской православной кафедры. Были установлены и ее штаты с содержанием в 22 тыс. рублей в год. Главная же проблема состояла в отсутствии православного кафедрального собора. Для этого было решено перевести орден Пиаров в пустующее здание иезуитской коллегии, а под православную церковь отдать здание костела Пиаров на углу улиц Медовой и Длугой. Наблюдать за строительством храма должен был генерал Головин. Первым православным епископом Варшавским был назначен митрополит Почаевской лавры Антоний. Уроженец Волынской губернии, получивший первоначальное образование в Верховском базилианском монастыре, он владел польским языком и латынью. «Казенный» статус православия подчеркивался официальными богослужениями. Так, первый православный крестный ход состоялся в Варшаве на Крещение 6 (18) января 1835 г. По этому поводу, подчеркивая значение официальных церковных церемоний, Николай писал Паскевичу, что процессия «в виду поляков мне

очень приятна, ибо докажет им, как мы чтим нашу церковь и что все исповедания под российским скипетром равно терпимы»¹⁶⁶.

Правительственному курсу благоприятствования официальному православию в Королевстве Польском соответствовала и линия на ликвидацию униатства. Центром антиуниатских усилий николаевского правительства были в то время Белоруссия и Литва, а координировал их Д.Н. Блудов, занимавший также должности товарища министра народного просвещения и заведующего духовными делами иностранных вероисповеданий. Его помощник — директор департамента духовных дел иностранных исповеданий и одновременно попечитель Белорусского учебного округа Г.И. Карташевский — в недавнем прошлом преподаватель математики в Казанской гимназии и в Казанском университете. Вторым сотрудником Блудова в этом деле был ассессор Римско-католической духовной коллегии Иосиф Семашко, который в 1831 г. занял одну из униатских епископских кафедр. В 1833 г. изданы подготовленные под руководством Блудова Правила о постепенном воссоединении униатов с православием, согласно которым Почаевский униатский монастырь был преобразован в православную лавру и закрыты 15 базилианских монастырей. С 1 января 1837 г. (ст. ст.) управление униатскими делами передавалось из Католического коллегияума в Синод. Итогом стало торжественное подписание униатскими иерархами и представителями униатской церкви в Полоцке в феврале 1839 г. Соборного акта о воссоединении ее с православием¹⁶⁷.

Аналогичный курс проводился и в Королевстве Польском. Рассуждая об этом еще на рубеже 1831–1832 гг. в записке, озаглавленной «Замечания о предположениях, относящихся к нынешним обстоятельствам Польши», Паскевич указывал, что «если прежде насаждение униатства польской шляхтой и властями происходило посредством насилия, то теперь мера сия будет менее затруднительна для русских, при обращении униатов в прежнее вероисповедание, чем была для поляков к отторжению их от оного»¹⁶⁸. Начало было положено инспекцией Головина в Холмской епархии, где директор Правительственной комиссии склонил тамошнего епископа к восстановлению в храмах норм православной обрядности, что полностью соответствовало духу и букве постановлений Флорентийского собора. Подобным образом власти стали действовать и в других местах, что было встречено царем с одобрением. В мае 1835 г. Николай I заявил: «Униатская часть идет быстро и твердо вперед (в Белоруссии и Литве. — *Б.Н.*); надеюсь, что пример сей подействует и на польских униатов»¹⁶⁹. В дальнейшем в отношении православия и униатов наместник и власти Королевства Польского действовали в том же духе, не встречая заметных затруднений, так как православное сообщество Королевства было немногочисленно, разнородно и составляло в социальном и сословном плане практически единое целое с властями. Униаты были также немногочисленны, а возвращение к православию никак не меняло их социального

статуса и повседневной жизни, касаясь только духовенства, для которого присоединение к официальной церкви сулило повышение общественного положения и рост доходов ввиду поддержки властей.

12. ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ КОРОЛЕВСТВА В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Политика в области народного просвещения в Российской империи стала одним из краеугольных элементов всей социальной, сословной и политической системы николаевского царствования. Реакционный политический курс в этой области начал формироваться еще с начала 1820-х годов, до восстания декабристов и вступления на престол Николая I. Наиболее заметными проявлениями этого стали погромные ревизии, проведенные попечителем Казанского учебного округа М.А. Магницким в 1819 г. в Казанском университете и Н.Н. Новосильцевым в 1823 г. в Виленском учебном округе. По инициативе последнего в Петербурге был образован особый следственный комитет в составе Н.Н. Новосильцева, А.С. Шишкова и А.А. Аракчеева для выявления тайных обществ и их членов среди учащейся молодежи. В результате Новосильцев сменил А. Чарторыского в должности попечителя Виленского учебного округа.

Практически сразу по воцарении Николая I и одновременно с казнью декабристов, в мае 1826 г., в Петербурге был создан Комитет по устройству учебных заведений, который был призван пересмотреть всю систему народного просвещения в России, начиная от ее основополагающих принципов и вплоть до деталей учебных программ и содержания учебной литературы. В рескрипте Николая I от 19 (31) августа 1827 г. целью реформы провозглашалось, чтобы каждый учащийся «вместе со здоровыми для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания, наиболее для него нужные <...> не стремился чрез меру возвыситься над тем состоянием, в коем по обыкновенному течению ему было суждено оставаться». Иными словами, объявлялось, что целью народного просвещения станет консервация сословного строя, охрана крепостничества и в целом – социально-политических устоев империи.

В Комитете 1826 г. были пересмотрены уставы средних и низших училищ и введены новые программы, утвержденные 28 декабря 1828 г. (ст. ст.), ликвидирована преемственность между ступенями образования и укреплен режим сословности народного просвещения. В соответствии с тогда же утвержденными новыми уставами сохранялась прежняя трехступенчатая система образования: приходские училища «для самых низших состояний»; уездные – для городского недворянского населения; гимназии – для дворян и чиновников. Первые две ступени составляли училища с завершенными курсами, между которыми не было

преемственности. Таким образом, укреплялась сословная замкнутость системы образования. Выпускники низших сословий не могли поступить в гимназии не только в силу происхождения, но и ввиду несоответствия программ и отсутствия преемственности между ними для первых двух ступеней и программами гимназий.

Были сокращены и гимназические программы: в 1844 г. из них была исключена статистика, в 1846 г. – сокращена программа по математике; в 1847 г. – исключена логика. В целом уровень российских учебных программ шаг за шагом понижался. В их корректировке вполне очевидно проявилось намерение правительства ограничить преподавание тех дисциплин, в которых затрагивались вопросы общественного развития (статистика) или философская проблематика (логика), или проблемы фундаментального знания (математика). Система народного просвещения подчеркнуто была ориентирована на переход от фундаментального знания к прикладным предметам и к формированию у учащихся соответствующего мировоззрения, умений и навыков.

Число гимназий в России в 1830–1850-е гг. значительно возросло вследствие роста потребностей государственного аппарата в чиновниках, вовлечения дворянства в хозяйственную и предпринимательскую деятельность, в сферы науки и культуры, для чего требовался соответствующий уровень образования. Рост числа гимназий стал также следствием их сословной замкнутости, поскольку дворяне охотнее отдавали туда своих детей как в дворянские учебные заведения, также и ввиду сокращения кадров домашних учителей и вследствие финансовых трудностей в получении домашнего образования. В 1826 г. гимназий было 48, в 1830-х годах – 64. К началу царствования Николая в гимназиях обучалось 7 тыс. учеников, к концу – их было уже 18 тысяч. В 1835 г. университеты были устранены от управления учебными округами и окружными учебными заведениями, которое было сосредоточено в руках попечителей учебных округов, во главе которых во многих местах были поставлены губернаторы или другие государственные чиновники высокого уровня, по характеру своей деятельности не имевшие отношения к сфере образования, но благонадежные с точки зрения неукоснительного следования правительственному курсу.

Университетский устав 1835 г. существенно ограничил университетскую автономию, хотя она внешне и сохранила свои черты (выборность), однако министерство получило право как выдвигать своих кандидатов, так и утверждать итоги университетских выборов. Советы университетов были вынуждены в этих условиях избирать профессоров и других должностных лиц только из тех кандидатов, которые могли быть одобрены попечителями округов и министерством. Новых университетов в царствование Николая I открыто не было, за исключением основанного в 1834 г. в Киеве Университета св. Владимира, заменившего закрытые после подавления польского Ноябрьского восстания Виленский универ-

ситет и Кременецкий лицей. Правительство и министерство народного просвещения, в ущерб университетам, ставили во главу угла создание и развитие высших технических учебных заведений*, имея в виду их прикладное значение по сравнению с университетами, а также полагая, что обучение техническим наукам обезопасит студенчество от проникновения вольнодумства.

С 1832 г. политику российского министерства народного просвещения определял наиболее видный представитель идеологии «официальной народности» С.С. Уваров, возглавлявший министерство до 1849 г. При назначении министром Уваров в отчете царю о состоянии дел провозгласил, что его главной задачей станет «сдерживать наплыв новых идей в Россию», что он хочет «продлить ее юность, и что если ему удастся задержать ее развитие лет на пятьдесят, то он умрет спокойно»¹⁷⁰.

Таково было общее направление правительственной политики в области народного просвещения в Российской империи начиная с рубежа 1820–1830-х годов. В его русле строилась и деятельность администрации Паскевича в Королевстве Польском после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. Однако в завоеванной стране эта политика имела и свою специфику.

Поражение Ноябрьского восстания привело практически к уничтожению польской системы народного просвещения, созданной в Королевстве в конституционный период. Причем ее разрушение стало не только неизбежным следствием разразившегося в стране кризиса, народных волнений и военных действий, но и результатом целенаправленной политики царского правительства. Еще весной 1831 г., в ожидании падения Варшавы, Николай I приказал Дибичу опечатать библиотеки Варшавского университета и Общества друзей науки¹⁷¹. То есть еще в начале войны с повстанцами царь уже задумывался над репрессивными мерами в области общественного сознания и народного просвещения. Осенью 1831 г., после подавления восстания, библиотеки и другие собрания и коллекции Варшавского университета и Общества друзей науки были реквизированы и в качестве военных трофеев отправлены в Петербург.

Тогда Николай I указывал Паскевичу, что ликвидация учреждений польской культуры призвана пресечь общественную связь с бывшей польской государственностью. Из Петербурга в Варшаву прибыли чиновники для конфискации и вывоза в Россию культурных ценностей, в том числе архива Общества друзей науки. Часть этого архива, чтобы не отдавать его врагу, была замурована сотрудниками в стене Астрономической

* Начиная с 1830-х годов преимущественное развитие получили в Петербурге: Институт корпуса инженеров путей сообщения (основан в 1809 г.); Технологический институт (основан в 1828 г.); Горный институт (основан в 1830 г.); в Москве – Московское ремесленное учебное заведение (институт основан в 1830 г. и положил начало Московскому высшему техническому училищу).

обсерватории и только после Второй мировой войны случайно обнаружена в ходе реставрации. Из захваченной Варшавы в 1831 г. было вывезено в Петербург около 11 тыс. экземпляров книг. Сами же чиновники после завершения своей работы забрали с собой около 134 тыс. изданий, 2 тыс. рукописей из университетской библиотеки, собрание карт и нумизматические коллекции, а также более 102 тыс. рисунков, прежде всего из коллекции короля Станислава Августа, а также из меньшей по объему, но не менее ценной коллекции Станислава Костки Потоцкого¹⁷².

Закрытие польских университетов также планировалось царскими властями заранее. Еще в начале сентября 1831 г. гражданский губернатор Могилевской губернии, а позже, в 1863–1864 гг., «умиротворитель Литвы», М.Н. Муравьев выступил с проектом ликвидации Виленского университета, который с лета 1831 г. был закрыт из-за эпидемии холеры. С конца августа профессорам и сотрудникам университета была прекращена выплата жалованья. В конце сентября 1831 г. в Комитет западных губерний под председательством В.П. Кочубея обратились представители виленского научного сообщества во главе с ректором университета Вацлавом Пеликаном с просьбой не закрывать университет. Однако в конце года его ликвидация была утверждена царем. Вместо Виленского университета были основаны Духовная академия и Медицинская академия (указ 1 мая 1832 г.). В тот же день был ликвидирован и Виленский учебный округ, а относящиеся к нему средние учебные заведения были переданы Белорусскому и Киевскому округам. Астрономическая обсерватория университета была передана Петербургской академии наук. Основанный тогда же Киевский университет получил научные лаборатории и собрания Кременецкого лицея и Виленского университета. Некоторые собрания были вывезены в Харьковский университет¹⁷³.

В Королевстве Польском были закрыты Варшавский университет, Политехнический институт и другие специальные учебные заведения. Та же участь постигла и старшие классы средних учебных заведений. 13 ноября 1831 г. на свое последнее заседание собралось Общество друзей науки во главе с назначенным еще вел. князем Константином его председателем епископом А. Пражмовским, а 21 ноября были опечатаны библиотека и архив Общества¹⁷⁴.

Одна из главных волн репрессий царских властей в Королевстве Польском была направлена против польских университетов и других учреждений высшего образования и науки, которые рассматривались как основной источник свободомыслия и повстанческого движения. Однако, указывая на это, не следует упускать из вида, что аналогичный курс, хотя, разумеется, и не в столь крайних формах, проводился и в отношении российских университетов. Последние хотя и не подверглись уничтожению, но оказались в оковах сурового бюрократического и полицейского

контроля, пережив стагнацию в развитии, а временами и упадок*. Свидетельством, подтверждавшим это правило, стало временное закрытие в 1838 г. Киевского университета из-за обнаруженного в нем польского патриотического движения. Тогда же из университета были удалены все профессора и студенты польского происхождения¹⁷⁵.

Одной из главных особенностей организации народного просвещения в Польше было создание в стране еще в последней трети XVIII в. государственной системы народного просвещения, ставшей первой в Европе. Ее полная ликвидация была едва ли возможна, да это и не входило в планы царских властей, стремившихся, напротив, усилить собственный контроль за воспитанием молодых поколений. Поэтому перед администрацией Паскевича встала задача возрождения государственной системы народного просвещения в Королевстве, что, с одной стороны, вытекало из потребностей развития страны, а с другой – диктовалось целями правительственной политики, направленной на подавление освободительного движения.

К ее решению приступили в 1832 г., когда Временное правление было ликвидировано, а новый Административный совет после отозвания Энгеля возглавил Паскевич. Основное изменение в структуре Совета состояло в объединении Правительственной комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения с Комиссией внутренних дел в одну Комиссию внутренних и духовных дел и общественного просвещения. Главным ее директором стал Ю. Раутенштраух, которого в 1842 г. сменил А.Г. Строганов, заведовавший ранее во Временном правлении внутренними делами.

Однако создание объединенной комиссии было сугубо формальным, поскольку Отдел духовных дел и общественного просвещения практически сохранил те же функции, что и прежняя комиссия, о чем свидетельствует содержание журналов и актов Комиссии внутренних и духовных дел за 1832–1833 гг.¹⁷⁶ Центральное место в деятельности Отдела отводилось взаимодействию с вновь созданным органом – Советом общественного образования (*Rada Wychowania*), которому в деле народного просвещения принадлежала важнейшая роль. Помимо этого, к ведению Отдела духовных дел и просвещения принадлежали надзор и опека над церковными и просветительными фондами, а также цензура книг и журналов¹⁷⁷. Цензура газет и текущей периодики была в компетенции ведомства внутренних дел. Такое разделение цензурного ведомства имело немаловажное значение, поскольку передача книг, в том числе научных, в ведение народного просвещения предполагала более высокий экспертный

* Эта оценка, подтвержденная практически единодушным мнением современников, иногда подвергается критике в новейшей российской публицистике, в частности в связи с апологетической трактовкой деятельности С.С. Уварова во главе министерства народного просвещения.

уровень их оценки и указывала на намерение правительства содействовать прогрессу в публикации серьезных изданий, разумеется, когда это не противоречило политике властей. Отдел духовных дел и просвещения повторял организационную структуру былой Комиссии и подразделялся на 4 департамента: 1) по общим вопросам, что соответствовало прежнему генеральному секретариату Комиссии; 2) религиозных исповеданий; 3) воспитания; 4) юридический¹⁷⁸.

Реформа народного просвещения, проводимая администрацией Паскевича в Королевстве Польском, не могла ограничиться только преобразованиями центральных учреждений. Она предполагала реализацию проекта перестройки системы образования и воспитания в целом. Для ее разработки в Петербурге царем был сформирован специальный комитет в составе Н.Н. Новосильцева, В. Красиньского, министра – государственного секретаря С. Грабовского и Д.Н. Блудова. Все члены комитета были хорошо известны в Польше как люди, оставившие по себе недобрую память¹⁷⁹. Исключение составлял, пожалуй, только Грабовский, но и он был верным царедворцем, находился рядом с царем в день 14 декабря, и, по его словам, якобы именно он посоветовал Николаю применить артиллерию против восставших декабристов. Относительно новым для Польши человеком в комитете был Д.Н. Блудов, которому, правда, в дальнейшем принадлежал заметный след в истории администрации Королевства Польского. Взлет его карьеры относился к 1826 г., когда царь назначил Блудова делопроизводителем Следственной комиссии и Верховного уголовного суда над декабристами. В том же году он стал статс-секретарем и секретарем Секретного комитета, товарищем министра народного просвещения и главноуправляющим делами иностранных исповеданий. В последней должности Блудов проявил себя как гонитель литовских униатов. С 1832 по 1837 г. он – министр внутренних дел.

Подготовленный петербургским комитетом проект означал по существу принципиальное переустройство системы народного просвещения в Королевстве Польском. Он был направлен для апробации в Административный совет и Паскевичу. Однако наместник распорядился его переработать, поручив это также специальному Комитету народного просвещения, в который вошли член Государственного совета Шанявский, член Правительственной комиссии Линде, прелат Лубеньский, генерал-майор Данненберг, ректор закрытого Варшавского университета ксендз Швейковский, статский советник Бадени и А. Хлебович. Возглавил комитет Шанявский, а Хлебович стал его секретарем¹⁸⁰.

Из российских генералов в комиссии состоял только П.А. Данненберг, остальные ее члены были поляки. Председатель комитета Ю.К. Шанявский – философ, историк и публицист, во время восстания Костюшко принадлежал к так наз. «польским якобинцам», был одним из сотрудников А.Е. Чарторьского на Венском конгрессе. В конституционном Коро-

левстве Польском он был членом Правительственной комиссии духовных дел и общественного просвещения, возглавлял Бюро цензуры (1822 г.). И. Бадени – в молодости один из сотрудников короля Станислава Августа в период Четырехлетнего сейма (1788–1892 гг.), видный деятель народного просвещения, возглавлял соответствующую Правительственную комиссию в повстанческом правительстве 1830–1831 гг. А. Хлебович учился в Вильно, был секретарем альманаха «Dzieje Dobroczynności», в котором публиковал свои сочинения. С 1823 г. он на службе в Петербурге в качестве секретаря у видных русских чиновников, с 1829 г. – один из сотрудников вел. князя Константина. В это время он опубликовал «Очерк статистики Российского государства». Хлебовичу принадлежал также перевод на польский язык «Российской грамматики» Н.И. Греча. С.Б. Линде – известный ученый-славист, директор университетской библиотеки и составитель «Словаря польского языка». Были в комитете и представители католического духовенства: «люблинский прелат» Т. Лубеньский, которого царь намеревался возвести в епископы. В начале своей церковной карьеры он изучал теологию и каноническое право в Риме, был не только высокообразованным священником, но и квалифицированным специалистом в области философии и права. Ксендз В.А. Швейковский в основанном в 1816 г. Варшавском университете занимал пост декана теологического факультета, а с 1818 г. и вплоть до закрытия университета – его ректора. Таким образом, если петербургский комитет выглядел как ведомство полицейско-бюрократическое, то сформированный Паскевичем объединивший видных польских интеллектуалов варшавский комитет представлял собой совсем иное явление, более соответствуя облику просвещенной бюрократии. Разумеется, все его члены были полностью лояльны властям. Присутствие в нем генерала Данненберга говорило, что тому был поручен только надзор за работой, выполнить которую должны были поляки – люди, тесно связанные с делом народного просвещения в стране, отнюдь не чуждые по характеру своей предшествующей деятельности научной работе. Варшавский комитет отличал высокий уровень компетентности и стремление вести дело на пользу отечественного просвещения, разумеется, в установленных властями рамках.

Подготовленный в Петербурге проект реформы уже во втором пункте содержал положение о новом и не имевшем прежде аналогов в Королевстве Польском центральном учреждении – Совете общественного образования под личным председательством генерального директора Правительственной комиссии внутренних дел. Согласно этому проекту, Совет должен был осуществлять общий надзор за системой народного просвещения в Королевстве Польском. Однако в петербургском проекте не говорилось ни о его составе, ни о конкретных функциях. Поэтому в декабре 1831 – феврале 1832 г. польский комитет под председательством Ю. Шанявского доработал проект и составил Положение о Совете

общественного образования (22 февраля 1832 г.). В окончательном виде он был подготовлен Строгановым весной 1833 г. и как временное положение утвержден императором 15 июля 1833 г. сроком на один год¹⁸¹.

В Совет Общественного образования входили председатель (генеральный директор Комиссии внутренних и духовных дел) и директор Отдела исповеданий и просвещения, а также назначенные императором два представителя католического духовенства, два советника с окладами и некоторое число почетных членов. В таком виде Совет напоминал «Комиссию эдукации народной» и соединял в себе черты не только бюрократической, но и общественной организации. В Совете общественного образования была предусмотрена должность секретаря, который вел протоколы заседаний, однако он не имел собственной регистратуры, поэтому вся документация проходила через Отдел исповеданий и общественного просвещения. Совет начал свою деятельность только в сентябре 1833 г. В 1834 г. в него по настоянию протестантской консистории были включены два представителя евангелического исповедания¹⁸².

Компетенция Совета общественного образования определялась в Положении в 16 пунктах, которые по существу охватывали все, что относилось к сфере образования и просвещения. К ведению совета относились все без исключения образовательные (светские и духовные) и научные учреждения Королевства, в том числе их открытие и закрытие (пп. 1, 2); назначение и увольнение учителей, их аттестация и квалификация (пп. 5, 6); применение и трактовка законодательства, а также административных актов по вопросам народного просвещения (пп. 3, 4); назначение кураторов и школьных инспекторов (п. 7); цензура книг, учебников и учебных пособий (пп. 8, 9); разрешение на основание частных учебных заведений (п. 12); наказание за нарушения и поощрение лиц, занятых в сфере народного просвещения и науки (п. 11). Говорилось в пунктах далее и о финансовом и имущественном контроле, а также о порядке предоставления отчетности¹⁸³.

Положение содержало также оговорку, что в ведении Совета могут быть и другие, помимо перечисленных 16 пунктов, вопросы, касающиеся до народного просвещения. Однако уже упомянутого было вполне достаточно для вывода о максимальном административном контроле за сферой народного просвещения и о том, что этот контроль разделялся, хотя и неравномерно, между властями в Петербурге, через лиц, назначенных царем, с одной стороны, и Административным советом Королевства – с другой. Правда, фигурой, объединявшей два этих начала, оставался наместник, поскольку Паскевич пользовался полным доверием Николая, в том числе и в вопросах назначения на должности. Это обстоятельство до известной степени позволяло сохранить относительную автономию системы народного просвещения в Королевстве Польском. Ее подчинение Петербургу выразалось главным образом в переносе на польскую почву общих принципов политики царизма в области народного просвещения

николаевского времени. Свою роль в этой системе играли и назначенные члены совета из представителей польских верхов, которые таким образом получили возможность, хотя и ограниченного, общественного влияния на политику в области народного просвещения.

О характере работы созданных в первой половине 1830-х годов органов управления народным образованием свидетельствуют первые меры властей в этой области. Была восстановлена трехступенчатая система начального и среднего образования: а) школы для крестьян в гминах, которые на практике по-прежнему остались в руках приходского духовенства и местных помещиков; б) училища для городского населения в уездах (в обводах) и гимназии для дворянства в воеводствах (губерниях). Правда, сословный принцип в гимназиях Королевства соблюдался не столь последовательно, как в России. И в России, и в Королевстве Польском дети разночинцев все же попадали в число гимназистов, причем в Королевстве доля таких учеников в гимназиях была существенно большей. Как и в России, гимназический курс в Королевстве был сокращен. Правда, в Королевстве это сокращение было намного значительнее: два старших класса в гимназиях были ликвидированы, что понижало качество образования и затрудняло для выпускников гимназий поступление в университеты (за рубежом).

После двухлетнего перерыва, начиная с 1832/33 учебного года, в Королевстве были восстановлены гимназии, число их было уменьшено с 15 до 9. В старших классах гимназий было введено преподавание права. Задача эта была возложена на правительственных чиновников, делегированных Комиссией юстиции. Для варшавских гимназий комиссия хотела привлечь в качестве лекторов профессоров закрытого Варшавского университета Яна Бандтке, Вацлава Мацевского и Александра Энгельке. Все они отклонили это предложение, так как были не согласны с такого рода способом решения вопроса о юридическом образовании, а Бандтке добавил, что готов был бы преподавать даже бесплатно, но только в возрожденной высшей юридической школе¹⁸⁴.

Система народного просвещения в Королевстве нуждалась в педагогических кадрах. Поэтому в 1832–1835 гг. власти разработали проект создания педагогического института. Это должно было быть закрытое учебное заведение, предназначенное исключительно для студентов, обучавшихся за счет казны и живших в интернате. Согласно проекту, число студентов составило бы 90 человек, а продолжительность обучения – 5 лет (первый год – подготовительное обучение, второй–четвертый – специализация, пятый – педагогическая практика). Часть лекций в институте должны были читать профессора задуманной тогда же Медико-хирургической академии. Педагогический институт по рангу должен был соответствовать другим университетам империи¹⁸⁵.

В конце 1832 г. по указу Николая I наместнику были присланы уставы Медико-хирургической академии в Вильно для рассмотрения воз-

возможности создания аналогичной институции в Королевстве Польском. Власти королевства поручили подготовить ответ Временной медицинской комиссии, председателем которой был М. Ролиньский, в прошлом профессор Варшавского университета. Уже 11 марта 1833 г. комиссия составила проект, согласно которому Варшавская медико-хирургическая академия была значительно расширена по сравнению с медицинским факультетом бывшего университета. Академия должна была иметь 15 профессоров, располагала бы бюджетом в 708 тыс. злотых (Виленская академия – 658 тыс.), что почти в 7 раз превышало ассигнования на университетский медицинский факультет в 1830 г. Из-за высокой стоимости проект был отклонен. В следующем году был составлен новый проект, ассигнования по которому были сокращены наполовину.

В первой половине 1830-х гг. Правительственная комиссия юстиции вынашивала замыслы восстановления в Королевстве Польском высшего юридического образования и основания соответствующего учебного заведения, мотивируя это недостатком кандидатов на занятие чиновничьих должностей по своему ведомству. Подготовленный ею мемориал получил поддержку в Комиссии внутренних дел, исповеданий и просвещения, был утвержден Паскевичем и направлен в Петербург в Законодательный комитет для Царства Польского М.М. Сперанскому. Законодательный комитет также поддержал предложение об открытии в Польше юридической академии, однако оно было отклонено царем, возражавшим против развития высшего образования в Польше. Позицию царя разделяло и большинство российской бюрократии как в Петербурге, так и в Варшаве. Доказательством этому могло бы послужить хотя бы то, что, несмотря на поддержку такого рода замыслов Советом общественного образования, соответствующими правительственными комиссиями Административного совета и одобрение самого наместника, ни в 1830-е гг., ни за весь период правления Паскевича в Королевстве Польском не было создано ни одного высшего учебного заведения. Решающим основанием для этого служила убежденность властей, что университеты и студенчество порождают вольнодумство и питают антиправительственное освободительное движение. Единственным исключением в этой области, только подтверждающим правило, стала основанная в 1836 г. в Варшаве Римско-католическая духовная академия.

В Протоколе заседания Административного совета от 7 августа 1835 г., по постановлению которого создание Педагогического института в Варшаве было отложено на неопределенное время, о мотивах такого решения властей говорилось, что страна, «пережившая революцию и неизменно ощущающая ее последствия, должна иметь в виду те пагубные обстоятельства и ошибочные мнения, с которыми сталкиваются молодые учителя в ходе своего обучения». Руководствуясь этими соображениями, Административный совет отклонил предложенный проект в пользу об-

учения польских учителей в Санкт-Петербурге и в Москве. Совет констатировал, что «пребывание студентов в стране, не подвергшейся революционным возмущениям, позволит студентам убедиться в благодеяниях, которыми она пользуется вследствие добродетельного управления правительства, позволит убедиться в могуществе России и не допустит мысли о сопротивлении <...> и молодые люди впитают в себя чувства доброты и любви к монарху, коих источником он является»¹⁸⁶.

В соответствии с этим постановлением, одобренным Паскевичем и утвержденным Николаем I, было решено направить 10 правительственных стипендиатов в Московский и Петербургский университеты для подготовки учителей гимназий. В 1837 г. их число было увеличено до 15. С 1841 г. решено было направлять стипендиатов в Медико-хирургическую академию в Петербурге и в Харьковский университет. В 1841–1856 гг. таких стипендиатов-медиков было 65 человек. Обучались они за счет российской казны, однако, вопреки первоначальным планам правительства, большинство из них не возвратились в Королевство, а предпочли проходить обязательную службу в русской армии.

Существующую потребность в профессионально подготовленных педагогах и юристах власти попытались удовлетворить с помощью паллиативных решений. Первым из них было создание при гимназиях дополнительных классов или ступеней, дававших специальное образование и готовивших учителей или служащих по юридическому ведомству. Начиная с 1836/37 учебного года в варшавских средних школах появился Дополнительный курс (*Kursa Dodatkowe*), делившийся на две специальности – филологическую и техническую. Задачей дополнительной специализации было подготовить кандидатов (правительственных стипендиатов) для занятия учительских должностей в первых 4 классах гимназий и соответственно в обводных школах. Таким образом, учительские кадры готовились в самих средних учебных заведениях, что не могло не сказаться на их профессиональной квалификации. На таких курсах могли присутствовать в качестве вольных слушателей претенденты на места домашних учителей и преподавателей частных школ. Курсы эти были двухлетними, а преподавали на них бывшие профессора университета, подготовительного факультета Политехнического института и выдающиеся учителя гимназий. Некоторые преподаватели таких старших гимназических классов старались придерживаться уровня университетских курсов, однако в большинстве случаев преподавание соответствовало гимназическим стандартам¹⁸⁷.

Назначенный в январе 1834 г. генеральным директором Правительственной комиссии внутренних дел генерал Е.А. Головин провел в 1835 г. ревизию учебных заведений. Из его доклада Паскевичу следовало, что работа училищ и гимназий оценивалась весьма положительно. Особо хорошо их работу Головин отметил в области преподавания закона

божьего (по католическим канонам). Вместе с тем он констатировал слабое знание учащимися русского языка. При этом, по его словам, навыки учеников в области переводов не означали сами по себе хороших знаний. Для исправления ситуации требовалось, по мнению Головина, проводить на русском языке занятия по русской истории и практиковать написание учащимися сочинений на русском языке. В этом Головин также видел возможность исправить в польском обществе искаженные представления об истории России.

Причина неудовлетворительного преподавания русского языка состояла в том, что учителя-поляки сами недостаточно им владели. Они могли передать учащимся знания по грамматике и обучить их технике перевода, последнее в решающей степени зависело от владения учащимися родным, т. е. польским языком. Однако подняться выше этого уровня сами учителя были не в силах. Эти выводы Головина побудили Паскевича обратиться в петербургское министерство с просьбой о направлении в Королевство русских учителей. В ответ Уваров сообщил наместнику, что в России нет достаточного количества педагогов, ни учебной и научной литературы для этого, а также что выпускники университетов «не изъявили желания» работать в Королевстве Польском¹⁸⁸.

Доклад Головина явился важным свидетельством подхода ведомства народного просвещения Королевства Польского к введению русского языка в школьное преподавание. В 1830-е годы оно не ставило фундаментальной задачи замены польского языка русским. Речь шла о продиктованном прагматическими соображениями формировании в образованном слое польского общества польско-русского двуязычия, что послужило бы не только эффективности создаваемой российской администрации Королевства Польского, но и важным каналом социального и культурного взаимодействия русского и польского общества, как оно понималось в XIX в. Возможно, такой политический курс и содержал в себе некий элемент русификации, но последняя никоим образом не могла иметь существенного влияния в условиях практически всеобъемлющего характера польской социокультурной среды.

На рубеже 1830–1840-х годов система народного просвещения Королевства была вновь подвергнута реформированию. Эта вторая волна преобразований, замысел которых был одобрен царским правительством в 1837 г., совпала с усилением консервативных тенденций во внутренней политике и в общественной мысли России второй половины 1830-х гг. Ярким свидетельством наступления реакции стала судьба П.Я. Чаадаева.

В 1839 г., будучи в Петербурге, Паскевич часто встречался с Уваровым, с которым были согласованы меры в области реорганизации народного просвещения в Королевстве Польском. Отказ властей от восстановления в Королевстве институций высшего образования побудил Совет общественного образования выступить с предложением: преобразовать польские

гимназии так, чтобы они готовили учеников к поступлению в русские университеты, то есть в определенной мере объединить польские гимназии с российскими учреждениями высшего образования. В ответ министерство народного просвещения в Петербурге потребовало образовать в Королевстве отдельный учебный округ, подчиненный центральным властям.

Замысел этот был рассмотрен правительством еще в 1837 г., а реализован – только в 1840 г., после того как 2 декабря 1839 г. царь подписал указ об образовании Варшавского учебного округа, подчиненного непосредственно министру народного просвещения империи. Администрации округа передавалась вся полнота власти в области управления системой народного просвещения Королевства Польского. Из ведения округа исключались только Духовная академия и духовные семинарии, а также Акушерский институт, фельдшерская и ветеринарная школы, Институт глухонемых. Они оставались под руководством своих учредителей¹⁸⁹.

Правда, статус Варшавского учебного округа отличался от положения других российских округов, сохранив определенную автономность системы народного просвещения Королевства Польского. Округ был подчинен куратору (попечителю, начальнику – название этой должности по-разному приводится в российских и польских источниках), который действовал совместно с Административным советом и другими властями Королевства. Куратор получил право участвовать в заседаниях Административного совета и других правительственных органов, а также во всех мероприятиях, относящихся к ведомству народного просвещения, хотя и не имел ранга директора Правительственной комиссии.

Куратор подчинялся министру в Петербурге, однако распоряжения министра по Варшавскому учебному округу, в отличие от других округов в России, подлежали предварительному согласованию с наместником, который в случае неотложной необходимости имел право издавать и собственные распоряжения. Секция образования Правительственной комиссии Административного совета была выделена из ее состава и поставлена во главе округа. В ведение куратора учебного округа был передан и Совет общественного образования.

Сразу вслед за подписанием царского указа об образовании Варшавского учебного округа было произведено 30 декабря 1839 г. и назначение его куратора, что указывает на предварительное согласование кандидатуры между Уваровым, Паскевичем и царем. При этом мнение Николая в отношениях наместника с министерством сыграло решающую роль. Куратором стал генерал-майор Н.А. Окунев, бывший до этого членом Совета общественного образования¹⁹⁰. Окунев происходил из старого дворянского рода, восходившего, как считалось, к первой половине XVI в. Отец его, Александр Гаврилович, был известным кораблестроителем. Н.А. Окунев начал службу в Коллегии иностранных дел, а в 1810 г. перешел на военную службу. Он участвовал в Бородинском сражении, во время загранич-

ных походов выполнял поручения военно-дипломатического характера, будучи адъютантом при прусских генералах. Окунев – участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и польской кампании 1831 г.; автор ряда сочинений в области военных наук, которые написал и опубликовал по-французски (первое из них, «Размышления о современной войне», было напечатано в Париже в 1823 г.). Его труды высоко ценили современники как в России, так и за границей. Книга о стратегии выдержала два издания во Франции и в Бельгии, а также была опубликована и на русском языке, получив царское одобрение, за что автор был награжден бриллиантовым перстнем. В виду слабого здоровья Окунев дважды выходил в отставку и вновь возвращался на военную службу, однако, благодаря расположенности к нему Николая, это не воспрепятствовало его карьере. Вслед за царской наградой он получил чин флигель-адъютанта, состоял в 1833 г. в свите Николая I. С 1840 г. в течение 10 лет Окунев – первый куратор Варшавского учебного округа. О доверии к нему Паскевича свидетельствует и то, что после смерти Раутенштрауха наместник поручает Окуневу цензуру газет.

Послужной список Окунева не содержит сведений о полученном образовании. Вероятно, из-за его слабого здоровья оно было домашним, но, очевидно, достаточно высокого уровня, поскольку 15-ти лет отроду Окунев был принят на службу актуариусом в Коллегию иностранных дел. О его образованности свидетельствует и его дальнейшая карьера как писателя – военного теоретика и дипломата. О его общественных взглядах нет прямых свидетельств, хотя из его трудов можно заключить, что это был человек европейской культуры и воспитания, выделявшийся в этом отношении из среды генералитета николаевского времени. Таким образом, во главе Варшавского учебного округа был поставлен человек, не чуждый делу народного просвещения и существенно отличавшийся в лучшую сторону от своих коллег – начальников учебных округов в России.

Все предметы ведения округа подразделялись на три группы: а) ведомства куратора (непосредственно); б) ведомства Совета общественного образования; в) ведомства начальника окружной администрации. В компетенции куратора, в частности, находились: сношения с высшими инстанциями; секретные дела и корреспонденция; рассмотрение жалоб частных лиц и учреждений на действия чиновников округа, а также принятие безотлагательных решений по всем вопросам ведомства и подчиненных ему органов в том случае, если те по недостатку времени или иным причинам не смогли собраться на заседание или выработать согласованного мнения¹⁹¹.

По-прежнему наиболее широкий круг вопросов по управлению системой народного просвещения подлежал ведению Совета общественного образования. К ним, в частности, относились: обсуждение проектов законов и толкование законодательства, утверждение бюджетов, основа-

ние и закрытие учебных заведений, аттестация педагогов, расследование деятельности педагогов и учащихся, их поощрение и наказание, цензура книг и других изданий и т. д.

К ведомству начальника администрации округа относилась организация текущей деятельности учреждений округа, исполнение распоряжений вышестоящих властей и начальства округа, ответы на запросы правительственных инстанций и подчиненных органов. Сама же администрация была разделена на два отдела: научный и административно-финансовый, каждый из них подразделялся на два реферата (стола). 5 марта 1842 г. для Варшавского учебного округа была утверждена Инструкция, определявшая обязанности и порядок деятельности чиновников, а также правила делопроизводства, что и завершило формирование его административной структуры¹⁹².

В 1841–1842 гг. была окончательно введена в Королевстве Польском система народного образования, установленная декабрьским царским указом 1839 г., согласно которому в польских гимназиях значительная часть педагогических должностей занималась русскими учителями. Правда, осуществить это требование в полной мере не удалось ни в 1840-е, ни в 1850-е годы. Целиком был введен в действие Устав училищ, соответствовавший российскому уставу. Общее число учащихся относилось к числу населения как 1/70 (население страны в то время по официальным данным составляло 4 488 тыс. чел.)¹⁹³.

Бюджет Королевства покрывал расходы только на средние учебные заведения (8 тыс. учащихся), в то время как на начальную школу (56 тыс. учащихся) казенных средств практически не отпускалось. В год на начальные школы выделялось 3 224 рубля, что составляло чуть более 5 копеек на ученика. Поэтому финансирование начального образования целиком зависело от населения и духовенства, а следовательно, власти в отношении начальной школы могли рассчитывать только на полицейский контроль. В то же время в экономически развитых и относительно урбанизированных районах страны, где население было более образованно, начальных школ было больше, а в отсталых – меньше. Например, в Холмской Руси не было ни одной начальной школы¹⁹⁴. По тем же причинам крестьянство было в меньшей степени охвачено системой просвещения, чем горожане. Особенно это касалось районов со значительным числом православного и униатского населения. При этом власти полагали, что именно в крестьянской и единоверческой среде они могли бы рассчитывать на наибольшую поддержку. Для укрепления здесь своего влияния требовалось развивать систему народных школ. Сделано в этой области было немного. Свидетельством же такого намерения властей в 1840-е гг. стало поручение Паскевича Окуневу, несмотря на бюджетные трудности ввиду неурожая, разработать проект создания греко-униатских народных школ¹⁹⁵.

В ходе проведения реформы системы народного просвещения царские власти стремились к тому, чтобы внедрить глубокие преобразования не только в обучение, но и в воспитании молодого поколения. В частности, возник замысел перенести на польскую почву практиковавшуюся в России в закрытых дворянских учебных заведениях и в губернских гимназиях (ввиду отдаленности губернских городов от места жительства дворянских семей) систему интернатов. Настаивая на этом, Николай I полагал, что, забрав детей из дома, можно будет избавить их от воздействия семейного воспитания и «пагубного влияния» матерей. Как известно, царь всегда преувеличивал «опасность» польских женщин для русского господства в Польше. Возражая в этом Николаю, Паскевич приводил весьма убедительные аргументы. Во-первых, по мнению фельдмаршала, введение интернатов освобождало бы гимназистов от полицейского надзора, что в условиях руководства интернатами учителями-поляками (а таких было большинство) таило бы опасность не только проникновения пагубных идей, но и создания подпольных ячеек. Во-вторых, в этом случае отменялась бы ответственность родителей за поведение учеников, что также составляло важный элемент полицейского надзора. К тому же, по мнению Паскевича, введение интернатов, пребывание в которых надлежало оплачивать, затруднило бы поступление в гимназии малоимущих учащихся¹⁹⁶.

Важным элементом реформы народного просвещения стало создание системы контроля за домашним обучением. В 1840 г. было постановлено, что каждые два года домашние учителя вместе со своими воспитанниками должны были сдавать экзамены в гимназиях и обводовых училищах, или в ином имеющемся в воеводстве государственном учебном заведении, на соответствие уровня домашнего преподавания государственным требованиям¹⁹⁷. При этом упомянутый экзамен позволял не только установить и оценить уровень преподавания и знаний учащегося, но также выявить «образ мыслей» как ученика, так и учителя. В зависимости от намерений ревизоров такой экзамен мог превратиться в очную ставку, в ходе которой высказывания ученика и учителя могли быть использованы против каждого из них. Введенная практика сочетала в себе элементы как ведомственного, так и полицейского контроля.

В 1842 г. были приняты меры против уклонения частных учебных заведений от правительственного надзора и меры против учителей, занятых педагогической деятельностью без соответствующей государственной регистрации. Уваров написал Паскевичу, что от куратора учебного округа в министерстве получено донесение о согласии фельдмаршала распространить на Королевство Польское практику штрафовать лиц, основавших учебные заведения без дозволения начальства. В связи с этим царь распорядился: 1) взыскивать по 75 руб. с лиц, открывающих пансионы и другие заведения с учебными целями в обход официально установленных правил; 2) высылать за границу иностранцев, которые вторично

будут уличены в такого рода деятельности; 3) полученные средства направлять на вспомоществование нуждающимся ученикам средних учебных заведений округа¹⁹⁸.

В 1841 г. был завершен титанический труд по пересмотру всех учебных программ и всего комплекса учебной литературы. Тогда же было введено обучение славянскому языку во всех гимназиях. Примером для этого послужило учреждение кафедр славянских языков в Восточной Пруссии и Познани¹⁹⁹. В польской историографии эта мера единодушно рассматривается исключительно как мера введения обучения русскому языку и преподавания на русском языке, а стало быть – русификации. Разумеется, главной целью этого нововведения было формирование польско-русского двуязычия, а вовсе не вытеснение польского языка из сферы государственного управления и, тем более, из общественной и культурной жизни. Однако эта мера не случайно была названа «преподаванием славянских языков», а за образец ее внедрения была взята прусская практика. Дело в том, что в 1840–1850-е гг. Королевство Польское рассматривалось царскими властями как форпост российского панславизма в Европе. В нем виделся воплощенный идеал «славянской взаимности» под скипетром династии Романовых в условиях славянского возрождения западнославянских народов²⁰⁰. Одним из путей практического осуществления этой политики и должно было стать преподавание в польских гимназиях славянских языков, поскольку других учреждений высшего гуманитарного образования в Королевстве Польском не было.

Немаловажную роль в языковой политике царской администрации Королевства Польского сыграла дискуссия в связи с неоднократно высказанным Николаем I пожеланием заменить в Польше латинский алфавит на кириллицу. Паскевич, не разделяя этих замыслов, создал в 1845 г. комиссию из русских и польских ученых-славистов для разработки такого рода нововведения. Комиссия пришла к заключению, что для обозначения звуков польского языка потребовалось бы добавить в кириллический алфавит несколько новых букв, что было бы крайне неудобно для носителей как польского языка, так и русского. Уваров по этому поводу писал: «Всякое изобретение новых алфавитов бывает успешно только при первоначальном возникновении письменности у народа; история языков, по крайней мере, не представляет примеров, чтобы изобретение [чего-либо. – *Б.Н.*] или даже значительные в ней нововведения в эпоху позднейшего развития имели успех»²⁰¹. Поддержанное как наместником, так и министерством в Петербурге и высказанное вопреки мнению царя заключение комиссии свидетельствовало о продолжении курса властей на поддержание двуязычия, а не на русификацию.

В 1840–1850-е годы по-прежнему сохраняла свое значение политика властей, направленная на недопущение в Королевстве Польском развития системы высшего образования. Вместе с тем и администрация

Паскевича, и начальство Варшавского учебного округа сознавали, что для управления страной и для решения экономических и социальных задач, в том числе и в области народного просвещения, необходимы высокообразованные, профессионально подготовленные кадры. Это заставляло их искать способы компенсировать теми или иными паллиативными мерами отсутствие в Королевстве высших учебных заведений. Из них главным стало создание разного рода дополнительных курсов при гимназиях и других специализированных учебных заведениях, а также при правительственных ведомствах.

Так, в 1840 г. в Варшавской губернской гимназии был введен дополнительный двухлетний курс права, его выпускники получали статус кандидата для занятия среднего уровня должностей в судебной системе. Среди преподавателей такого курса были чиновники, практикующие юристы и единственный бывший профессор Варшавского университета В. Мацеевский. Однако свой курс по истории польского законодательства он определил как элементарный, соответствующий, по его словам, намерениям властей, не желавших воссоздания высшего юридического образования в Королевстве Польском. В 1841/42 учебном году на курсах обучалось 148 чел., на следующий год записалось 160 чел., а в июне 1846 г. распоряжением наместника курсы были закрыты²⁰². С осени 1837 г. при Строительном совете Королевства были открыты курсы по подготовке кандидатов на должности инженеров-строителей. Там преподавали известные профессора Варшавского университета и Политехнического института. Однако в 1838 г. приказом директора Комиссии внутренних дел С.П. Шипова курсы были закрыты²⁰³. Частично их дело было продолжено дополнительными курсами в гимназиях. В 1840-е гг. неофициальную преподавательскую деятельность по подготовке инженеров проводили в отделениях Управления путей сообщения Ф. Панцер и Т. Урбаньский (в прошлом директор Школы гражданской инженерии Варшавского университета). В эти же годы разрабатывались, но не получили реализации проекты курсов горных инженеров (1845), курсов инженеров-строителей и курсов метрологии, а также предложенного Польским банком Коммерческого училища (*Szkoły Handlowej*). Задачу обучения технических специалистов приняла на себя основанная в 1841 г. в Варшаве Реальная гимназия. Преподавательские кадры гимназии были сформированы из профессоров подготовительного факультета Политехнического института, они же приняли участие в составлении ее программ. Опека властей, следивших за всеми деталями работы гимназии, имела и положительные последствия в деле оборудования специальных лабораторий и обеспечения гимназии зарубежной технической литературой²⁰⁴.

В 1840 г. выпускникам дополнительных курсов гимназий педагогического и юридического профиля было позволено сдавать вступительные экзамены сразу на второй курс российских университетов. Вместе

с тем характер этих курсов постепенно менялся. В 1841/42 учебном году из 190 слушателей было 177 вольных. В 1842 г. курсы подверглись реорганизации. Министр Уваров счел их программу слишком сложной. Срок обучения на курсах был сокращен с 2 до 1 года, отменен прием вольных слушателей, из специализированных отделов оставлена только филологическая секция. Реорганизованные курсы проработали до 1847/48 учебного года, а число учащихся составляло несколько десятков человек, а временами не превышало и десятка²⁰⁵.

Царский рескрипт 5 мая 1840 г., создававший в Варшаве Юридические курсы, предусматривал также направление ежегодно 15 стипендиатов в университеты Петербурга и Москвы для обучения юриспруденции. По окончании университета они обязаны были 10 лет отработать в судебном ведомстве Королевства Польского. Для этого в университетах образовывались по две кафедры польского права – одна гражданского права, а вторая – уголовного и административного. Занятия на кафедрах проводились на русском языке²⁰⁶. В 1845 г. был образован специальный фонд для финансирования польских стипендиатов в столичных российских университетах, устанавливавший квоту в 20 человек ежегодно для педагогов и юристов. В дальнейшем в течение всего наместничества Паскевича эта квота неизменно сокращалась²⁰⁷, что отражало тенденцию приоритетного направления в Королевство Польское чиновников из России.

Политический курс властей Королевства Польского в отношении высшего образования отличался выраженной непоследовательностью и очевидными колебаниями. В целом, вслед за петербургским министерством, администрация Паскевича проводила линию на ликвидацию системы высшего образования, усматривая в ней очевидную для властей политическую опасность. В то же время под влиянием объективных потребностей страны и во многом по инициативе общественности, поддержанной Советом общественного образования, власти приняли ряд мер по подготовке высококвалифицированных специалистов. Однако и в этом случае, даже в отношении допускаемых учреждений и форм такого обучения, администрация Паскевича принимала меры ограничительного характера (сокращение программ, удаление вольнослушателей, сокращение числа стипендиатов и т. п. вплоть до закрытия существовавших, как правило, недолго дополнительных курсов). Как и петербургское министерство, власти Королевства отдавали предпочтение техническим и прикладным сферам высшего образования. Это в полной мере проявилось в тех редких случаях, когда министерство в Петербурге и Административный совет все же давали согласие на открытие в Королевстве Польском специализированных учебных заведений. В 1844 г. была основана Школа изящных искусств. Ее строительное отделение включало также подготовку технических специалистов высшей квалификации. Однако Строительный совет не выдавал ее выпускникам патентов на строительную деятельность, что повлекло за

собой падение интереса учащихся к этому отделению в сравнении с другими отделениями школы (живописи и скульптуры). Весной 1836 г. был вновь открыт Институт сельского хозяйства в Маримонте. Директором его стал бывший профессор Виленского университета М. Очаповский. Для поступления в него не требовалось свидетельства о среднем образовании. Практически маримонтский институт был средней школой для землевладельцев и администраторов шляхетских экономий и должен был служить модернизации и рационализации помещичьего хозяйства. В 1848–1858 гг. институт окончили 1200 студентов, около 700 получили дипломы. Значительная группа выпускников участвовала в дальнейшем в работе Земледельческого общества и публиковала статьи в «Ежегоднике отечественной экономики» («Rocznikach Gospodarstwa Krajowego»)²⁰⁸. Официально ни Школа изящных искусств, ни маримонтский институт, не обладали статусом высших учебных заведений. Однако их авторитет и роль в общественной жизни их студенческих корпораций придавали им особое значение в системе польского народного просвещения.

Стремление польской молодежи к высшему образованию находило реализацию в обучении за рубежом, невзирая на чинимые властями препятствия. Выпускники иностранных университетов не имели права работать в государственных учреждениях и в администрации Королевства Польского. К тому же обучение за границей на собственные средства могли позволить себе только наиболее состоятельные подданные. О числе выходцев из Королевства, обучавшихся за границей, нет сведений. Однако можно полагать, что большинство из них обучались медицине, так как власти не запрещали таким специалистам заниматься частной практикой. Известно, что на медицинском факультете Берлинского университета в период между восстаниями дипломы получили около 40 выходцев из Королевства Польского, половина из которых были евреи²⁰⁹.

О специфике воздействия политики властей Королевства на состояние высшего образования свидетельствует и тот факт, что на его территории в значительно меньшей степени, чем на иных территориях, например, относящихся к сферам влияния Виленского университета, получили распространение престиж и традиция высшего образования среди состоятельных слоев населения, прежде всего землевладельцев. Если сопоставить число поляков – выходцев из Королевства Польского, обучавшихся в российских университетах (включая Дерптский университет, где преподавание велось по-немецки), с числом польских студентов, происходивших из других областей империи, то оно окажется значительно меньшим (даже принимая во внимание соотношение численности общественных верхов, имевших доступ к высшему образованию). В 1851 г. в Московском университете при общем числе студентов 821 чел. поляков было 189, в том числе из Королевства Польского – 32 человека, из Литвы – 117 человек. В 1861 г. соответственно – 1744, поляков – 520, из

Королевства Польского – 29. По свидетельству Тадеуша Бобровского, в Петербурге в середине и во второй половине 1840-х гг. было 700 студентов, из них более 300 поляков, из Королевства Польского были только немногие стипендиаты – «молодежь избранная». Из Литвы было много молодежи на всех кафедрах. По данным Т.Г. Снытко, в 1856–1861 гг. в Петербургском, Московском и Киевском университетах учились около 1500 поляков, в том числе из Королевства – около 200. В Дерпте в 1851–1858 гг., по свидетельству И. Барановского, в числе студентов было около 200 поляков, среди них выходцы из Королевства составили всего несколько десятков, преимущественно из семей интеллигенции, из числа мещан 12 человек²¹⁰. Разумеется, приведенные факты стали отражением более сложных социальных и культурных процессов, нежели только политика администрации Паскевича, но обозначенная тенденция имела, несомненно, существенное политическое значение.

13. Политика в отношении польского дворянства

Политика Паскевича и его администрации в отношении польской шляхты в своей стратегической основе, суть которой состояла в охране шляхетских прав и привилегий, и после подавления восстания 1830–1831 гг. оставалась по сравнению с конституционным периодом практически неизменной, несмотря на очевидную неприязнь, временами проявляемую к властям со стороны представителей польского благородного сословия. И те, и другие исходили из общей фундаментальной заинтересованности в консервации существующего общественно-политического строя Королевства Польского, гарантом которого выступал наместник и подчиненный ему бюрократический аппарат.

Законодательное и правовое оформление сословного статуса шляхты Королевства в том его виде, как он существовал в 30–50-е годы XIX в., берет начало еще в конституционный период. В 1816–1817 гг. польским правительством был подготовлен царский указ «О признании дворянства», предусматривавший три источника для его приобретения: 1) натурализация иностранного дворянства; 2) признание шляхетства; 3) титулы дворянского достоинства²¹¹. Исключив из указа положение о признании иностранного дворянства, его авторы намеренно закрывали доступ в сословие иностранцам, опасаясь прежде всего экспансии в Королевство дворянства из России, а также исключали торговлю дворянскими дипломами, которая была весьма распространена в Европе в первой половине XIX в. Указ открывал возможность обретения дворянства учителям и чиновникам, а также отдельным лицам, имевшим особые заслуги. Однако во всех случаях пожалование дворянства происходило по императорскому указу индивидуально. Александр I издал 29 таких декретов, Николай I – 20.

До середины XIX в. к польскому дворянству было причислено чуть более полусотни новых обладателей шляхетского достоинства²¹². Разумеется, повлиять существенно ни на сословную структуру польского общества, ни на сословный статус дворянства такие пожалования никоим образом не могли. Более того, они только подчеркивали курс властей на охрану шляхетских привилегий и на поддержание замкнутости шляхетского сословия. Возведение в дворянство в исключительных случаях наиболее образованных, профессионально подготовленных и заслуженных представителей иных сословий только укрепляло господствующие позиции шляхты, ибо люди, причисленные к благородному сословию и ставшие обладателями шляхетских привилегий, явились ревностными защитниками интересов сословия, к которому присоединились.

Завершение оформления социального и сословного статуса дворянства Королевства Польского произошло после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. 7 июля 1836 г. в Петербурге Николай I подписал Закон о дворянстве²¹³, согласно которому дворянский статус польских шляхтичей подлежал документальному подтверждению и узаконению. С этой целью в 1837 г. в стране, по аналогии с Россией, создавалось особое учреждение по регистрации и охране дворянских прав – Герольдия Королевства Польского. Первоначально она работала на правах отделения (департамента) Правительственной комиссии юстиции, в дальнейшем – варшавских департаментов Сената.

В конце 1838 г. Герольдией было утверждено в правах дворянства 3 863 лица, о чем Паскевич уведомил министра – государственного секретаря С. Грабовского. Однако тогда же проведенной ревизией было выявлено несколько фальшивых свидетельств, выданных Герольдией. Для устранения нарушений Паскевич поставил во главе Герольдии члена Государственного совета З. Курнатовского, поручив ему ревизию сделанных подтверждений. Новый шеф участвовал в наполеоновских войнах, получив в 1814 г. чин генерала. В армии Королевства Польского он командовал кавалерийской бригадой, был адъютантом Николая I. В ноябре 1830 г. Курнатовский выступил против повстанцев, лишь по счастливой случайности избежав судьбы убитых генералов. В 1832 г. он был уволен с военной службы, став членом Государственного совета, в 1841 г. назначен присутствовать в варшавских департаментах Сената. О политических взглядах генерала ничего не известно, при этом современники отмечали его безукоризненную верность всем властям, которым ему довелось служить. В результате проведенного Курнатовским расследования виновные в злоупотреблениях чиновники были отданы под суд, а прежнему шефу Герольдии Коссецкому было предложено подать в отставку²¹⁴.

Помимо подтвержденного дворянства 3 863 лиц (фамилий), по 104 прошениям было отказано и 1 456 прошений отложено до предоставления доказательств²¹⁵. При этом следует принять во внимание, что удовлетво-

рение личного ходатайства означало признание дворянства за потомками и ближайшими родственниками. В то же время дальние родственники и однофамильцы должны были сами обращаться за подтверждением. Таким образом, соблюдался родовой принцип признания дворянства, характерный для сословного строя.

Основаниями для признания дворянства служили: 1) постановления о нобилитации (дипломы, выписки из конституций сеймов) – 339 чел.; 2) обладание титулом – 75 чел.; 3) занятие должности в Речи Посполитой – 427 чел.; 4) награждение орденом – 127 чел.; 5) владение недвижимыми именными до 1775 г. – 2829 чел.; 6) чин капитана и выше (после 1815 г.) – 66 чел.²¹⁶ Таким образом, признание дворянства получили практически только те шляхетские роды, которые принадлежали к рыцарству Речи Посполитой в эпоху всеобъемлющего господства шляхты как сословия. Исключение, согласно постановлению Герольдии, составляли только лица, награжденные орденами или обладавшие военным чином начиная с капитана и выше во время конституционного Королевства Польского после 1815 г.

Рассматривая основания для признания дворянства, Герольдия поставила вопрос о княжеских и графских титулах. Обладание титулом, без иных подтверждений дворянства, вызывало немалые сомнения. Титулованная знать была нехарактерна для польского дворянства. Княжеский титул свидетельствовал, скорее, о происхождении рода из русско-литовских или русско-украинских земель. Графские и другие западноевропейские по происхождению титулы польской аристократии были получены предками обладателей относительно недавно в силу пожалований зарубежных монархов, а бывали случаи, и просто куплены где-нибудь в германских княжествах или просто незаконно присвоены. Однако в итоге Герольдия постановила не исследовать этих прав претендентов, так как перечень фамилий с соответствующими титулами был определен и опубликован при Александре I, что можно было рассматривать как их формальное признание²¹⁷.

Таким образом, число постановлений по признанию выслуженного дворянства (193) и вследствие обладания титулом (75) в сумме составило только 6,9% от общего числа подтверждений. В то же время доля постановлений на основании обладания недвижимыми именными (до 1775 г., когда открылись юридические лазейки для приобретения земли недворянами) оказалась подавляющей и составила 73,2%. Из этого следовало, что главным условием принадлежности к дворянству выступало обладание землей с принадлежащими к ней крестьянскими держаниями.

Меры по «легитимации» дворянства, осуществленные царскими властями и администрацией И.Ф. Паскевича в Королевстве Польском, Е. Едлицкий справедливо расценил как «восстановление сословного строя», «формирование вновь шляхетского сословия», «возобладание в законодательстве консервативных тенденций» и как «в известной мере поворот к старопольским феодальным основам организации общества»²¹⁸.

В связи с этим весьма существенным стал вопрос о мелкой шляхте^{*219}, которую на основании имеющихся статистических данных весьма трудно выделить из числа сельского (крестьянского) населения. Среди этой категории шляхтичей встречаются виробники и коморники, а также шляхтичи – сельские ремесленники. В культурном отношении мелкие дворяне стремились сохранить свою обособленность от крестьянской среды. В их дворах нашли воплощение традиции планировки дворянской усадьбы, в одежде они следовали старшляхетским образцам. Установить по историческим источникам принадлежность таких людей к шляхте позволяют только частно-правовые акты (ипотечные и т. п. документы). Также не поддаются учету и безземельные шляхтичи, переселившиеся в города и составившие категорию «шляхты бруковой». Правда, подобные группы шляхты фактически утратили принадлежность к господствующему сословию.

Как и в Российской империи в целом, в Королевстве Польском происходил процесс отторжения мелких дворян от шляхетского сословия и их перехода в непривилегированные сословия крестьян и горожан. Политика властей Королевства была направлена на установление опеки над мелкими дворянами. Их усадьбы присоединялись к гминам, где войтами были крупные помещики. Мелкодворянских гмин в Королевстве Польском было очень мало. По своему экономическому состоянию мелкие дворяне не могли воспользоваться кредитом, предоставляемым землевладельцам. В качестве продвижения по социальной лестнице выходцы из этой среды в основном могли рассчитывать на место в рядах низшего чиновничества и служащих у частных лиц.

Заметные по численности группы мелкой шляхты владели землей в Плоцком, Августовском и Подляском воеводствах, а в остальной части страны ее доля как в численности всей шляхты, так и в шляхетском землевладении была относительно невелика и не превышала 15%. При этом зачастую мелкая шляхта владела землей на условном праве. Это позволяет сделать вывод, что в целом значение мелкой шляхты в социальном устройстве и сословной системе Королевства Польского все более уменьшилось, а сама мелкая шляхта по своему положению все более приближалась к непривилегированным сословиям. Еще с конца XVIII в. дворянство и власти Речи Посполитой, а в дальнейшем держав, разде-

* Вплоть до второй половины 1860-х годов мелкая шляхта как особая сословная группа не привлекала внимания исследователей и публицистов. Интерес к ней возник, во-первых, среди экономистов в связи с проблемой парцелляции фольварков и, во-вторых, в связи с массовым участием мелкой шляхты в восстании 1863 г. Наибольшая часть исследований указанной проблемы приходится на 1875–1905 гг. В исторической литературе мелкая шляхта рассматривалась преимущественно как слой, пополнявший городское население и послуживший одним из источников формирования интеллигенции.

ливших Польшу, стремились исключить мелкую шляхту из господствующего сословия. На этом пути «легитимация» дворянства в Королевстве Польском в конце 1830-х годов по существу завершила этот процесс.

Фундаментальным основанием для признания шляхетства по закону о дворянстве 1836 г. стало владение недвижимыми имениями до 1775 г. По этому признаку подтверждение дворянства получили 60% шляхетских фамилий. Несомненно, что шляхтичи-землевладельцы и среди прочих категорий также составляли подавляющее большинство. Если суммировать число владельцев недвижимых имений и число держателей государственных имуществ в 1827 г., то оно охватывает 5 090 фамилий. Практически аналогичной величины будет сумма фамилий, получивших подтверждение шляхетства, и фамилий, ожидавших такого подтверждения, после 1837 г. (5 319). Именно они составляли господствующее шляхетское сословие Королевства Польского²²⁰.

Политика Николая I, направленная на подавление революционного движения в России, в Польше и в Европе в целом, была связана с реакцией во всех сферах общественной жизни. Однако его курс на консервацию сословного строя, прав и привилегий дворянства по существу не отличался новыми качественными чертами по сравнению с предшествующим периодом. В 1830-е годы аналогичные меры по упорядочению правового статуса дворянства как господствующего сословия были предприняты в России и в других областях империи, в том числе и в Королевстве Польском. Общим для этих мер было ограничение сословных прав мелкого безземельного дворянства, ограничение доступа в дворянство выходцев из других сословий, охрана дворянского характера государственного аппарата, охрана монопольного права «благородного сословия» на владение землей и крестьянами. В Королевстве Польском, как и в других областях империи, где крестьяне были лично освобождены (например в Прибалтике), охрана дворянских прав касалась монополии на землю и консервации феодальной зависимости крестьянства, что открывало для помещиков возможность его полуфеодальной эксплуатации.

Тем не менее, несмотря на преемственность в 1830–1840-е годы законодательного оформления сословных привилегий и сословной замкнутости шляхты в Королевстве Польском, политика царских властей и администрации Паскевича в этой области приобрела по сравнению с конституционным периодом некоторые новые черты, хотя сами привилегии, и в первую очередь монополия на землю, остались без изменений.

Еще в 1831–1832 гг. в разрабатывавшийся Органический статут была включена весьма важная 21-я статья, гласившая: «Те из подданных Наших Российской Империи, кои, поселясь в Царстве Польском, приобрели или приобретут в оном недвижимую собственность, будут по сему пользоваться всеми правами коренных жителей, так же как и подданные Наши Царства Польского, поселившиеся и имеющие недвижимую собственность в

прочих Областях Империи. Мы предоставляем Себе жаловать, по усмотрению Нашему, право коренных жителей Царства Польского и другим, хотя еще не поселившимся в пределах оного лицам, как Русским, так и иностранным. Подданные Наши Российской Империи, пребывающие временно в Царстве Польском, так же как и подданные Наши сего Царства, имеющие пребывание в других частях Империи, равным образом подчиняются законам того края, в коем жительствуют». По сути эта статья формально провозгласила равенство в правах сословий России и Королевства Польского, а главное, открыла для русского дворянства возможность приобретать дворянские имения в Королевстве Польском, даже для тех русских помещиков, которые не проживали на польской территории и формально не относились к подданным Королевства.

В политической программе Паскевича, сформированной сразу после взятия Варшавы, содержалось положение, чтобы «от всех изменников и сообщников их (участников восстания 1830 г. – *Б.Н.*) отобрать землю и раздать русским с тем, чтобы они не могли продать оной иначе, как русским же, исповедующим греко-российскую веру»²²¹. Претворение в жизнь этого замысла было начато в первой половине 1835 г., когда в июле Паскевич писал царю: «С Фурманом одним и весьма секретно занимаюсь приготовлением проекта о даровании русскому дворянству земель в Царстве Польском»²²². 16 октября 1835 г. было издано положение о создании майоратов в Королевстве Польском. Тогда же в первый раз была проведена их раздача*. Новым польским землевладельцем стал и Николай I – в состав царских удельных земель было передано Княжество Ловицкое. Указ о пожалованиях (донациях) 1835 г. и дополнившая его инструкция 1841 г. составили законодательную базу для майоратов. Положение крестьян в майоратских имениях определялось законодательно и устанавливалось на общих основаниях для государственных и для конфискованных имений. В каждом из майоратов на крестьянский двор полагалось не менее одной влоки, что составляло 30 моргов, или примерно 22,5 десятины. Устроенные таким образом деревни получали еще пастбища и лесные дачи. Крестьяне, владевшие в них наделом, переводились на чинш, который они могли выкупить сразу или по частям²²³. За крестьянами в майоратах была признана собственность в отношении их наделов, отделение крестьянской земли от помещичьей было произведено наподобие прав колонистов, без права построек на выделенном наделе земли. Владевший наделом крестьянин обязан был платить фиксирован-

* Среди первых обладателей майоратов были: Ф.В. Ридигер, Ф.К. Гейсмар, М.Д. Горчаков, Ф.Ф. Берг, В.И. Ден, Я.Я. Гилленшмидт, Н.П. Панкратьев, Г.И. Ностиц, В.И. Тимофеев, Е.А. Головин, Р.Ф. Фурман, И.А. Куприянов, Ф.С. Панютин, И.М. Викинский, А.Я. Стороженко, В.В. Погодин, П.П. Липранди, П.С. Пущин, К.Ф. Толь, Ф.И. Гильфердинг, Н.О. Сухозанет, М.Н. Бердяев.

ный чинш. Особые условия наделения землей были в собственном имении императора в Ловиче²²⁴.

Всего во время наместничества Паскевича было пожаловано 130 майоратов²²⁵. Однако подавляющая их часть была роздана до 1842 г.; в дальнейшем такие случаи были единичны, и новая волна пожалований майоратов русским чиновникам пришлось на период после подавления Январского восстания 1863 г. В 1868 г. правительство официально объявило о прекращении этой практики, хотя последние раздачи таких имений относились к 1869 г.

В целом ожидаемых властями результатов майоратские раздачи не принесли. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что уже в начале 1840-х гг. они практически были Паскевичем прекращены. В общем объеме государственных имуществ и конфискованных имений те, что были розданы, составляли только небольшую часть, причем государственные имущества такой раздачей практически затронуты не были, пожалования из этой категории находились большей частью во владении польской знати. Таким образом, раздача майоратских имений из числа конфискованных превратилась в своего рода контрибуцию, наложенную на польских землевладельцев победителями, причем последние, как правило генералы, получали их в награду за участие в польской кампании 1831 г.

В этих условиях создание в Королевстве Польском сколько-нибудь значимой в социальном плане корпорации русских дворян-землевладельцев было практически неразрешимой задачей, хотя именно на это и были направлены усилия правительства. Насаждая в Королевстве русское дворянское землевладение, царь и его наместник в 1830–1850-е гг. вовсе не рассчитывали на обрусение польского дворянства, тем более – на русификацию польского населения, в чем царские власти были нередко обвиняемы польскими публицистами. Даже административная интеграция Королевства в состав империи представлялась им в то время весьма отдаленной задачей. Они надеялись на возникновение рядом с сословием польских шляхтичей-землевладельцев русской дворянской корпорации, которая явилась бы, с одной стороны, социальной опорой власти, а с другой – обеспечила бы сословную конвергенцию на основе общих сословных и экономических интересов польского и русского дворянства при сохранении между ними национальных и культурных различий. Этой цели призвано было служить последовательное уравнивание в правах польского и русского дворянства, вплоть до предоставления польским дворянам права непосредственно обращаться с просьбами к императору.

Однако и на пути «испомещения» в Польшу русских дворян царские власти ожидало разочарование. Число майоратских пожалований было ничтожно, поэтому их обладатели не составляли реальной социальной силы и не имели возможности социального взаимодействия с польским дворянством. Все владельцы майоратов были высокопоставленными чиновниками и непосредственно не управляли своими, к тому же расположенными в

разных местах, экономиями, практически находившимися во власти различного рода администраторов и официалистов, которые нередко корыстно злоупотребляли своим положением. Некоторые владельцы майоратов даже и не бывали в Польше. Поэтому никакого позитивного взаимодействия между польским и русским дворянством, на что рассчитывали власти, не было, да и не могло быть. Русские обладатели майоратов не считали их особо ценными своими владениями и были не прочь при удобном случае сбить их с рук, что было не так-то просто сделать из-за их правового статуса.

Одним из редких исключений в ряду российских владельцев майоратов был генерал В.В. Погодин. Родился он в 1790 г. и происходил из так называемых обер-офицерских детей, став потомственным дворянином после отца, получившего дворянство по выслуге. В юности Погодин был определен на службу учеником землемера в Смоленскую удельную экспедицию, относившуюся к администрации царских имений. С 1809 г. он состоял в службе тыла армии, будучи секретарем в канцелярии генерал-кригс-комиссара. С этого времени он занимал различные хозяйственно-административные и ревизорские должности в армии, в ведомствах внутренних дел и полиции. С 1812 г. Погодин входил в круг бюрократии высокого уровня, получая назначения «по высочайшему повелению», а в 1825 г. был награжден чином V класса (в ранге генерала). К этому времени за ним закрепилась слава опытного администратора, а также ревностного и неподкупного службиста. В 1831 г. Погодин – главный начальник Польского комиссариата, управлял службой тыла в армии Паскевича, на него же возлагались смежные обязанности по управлению занятыми русскими войсками польскими территориями. В 1832 г. он возглавлял Ликвидационную комиссию, занимавшуюся урегулированием хозяйственных вопросов после подавления восстания, в частности вывозом в Россию разного рода ценностей. На склоне лет Погодин – сенатор варшавских департаментов (вышел в отставку в 1857 г.). В 1835 г. Погодину за службу было пожаловано в «вечное потомственное владение» имение Осек в Сандомирском повете в Радомской губернии. Обладая большим хозяйственным опытом и связями в польских верхах, он самостоятельно управлял своим владением, сделав свой майорат одним из процветающих имений. Неизвестно, имел ли Погодин недвижимость за пределами Польши, но, во всяком случае, выйдя в отставку, он, в отличие от подавляющего большинства своих соотечественников, не покинул страну, а продолжал жить в своем имении, где и умер в 1863 г., уже во время восстания.

Начиная с 1815 г., с Конституционной хартии Королевства Польского, политика царизма на польских землях строилась на основе союза землевладельческой шляхты и российского дворянства, скрепленного общими сословными интересами, основанными на охране помещичьей собственности и крепостнических отношений в деревне. После подавления восстания 1830–1831 гг. этот курс не претерпел существенных изменений. Более того,

меры администрации Паскевича в отношении дворянства Королевства Польского осуществлялись параллельно с аналогичными мерами в отношении российского дворянства в целом, хотя, по признанию властей Королевства, в большинстве своем польская шляхта находилась к ним в оппозиции.

Однако были и весомые доказательства осознания польскими дворянскими верхами важности сословной солидарности, проявленной по отношению к польской шляхте царскими властями. Одним из наиболее часто приводимых в литературе примеров этого стал памфлет А. Велёпольского «Письмо польского шляхтича князю Меттерниху о галицийской резне» (*List szlachcica polskiego o rzezi galicyjskiej do księcia Metternicha*)²²⁶. В нем польский магнат и аристократ выступил с обвинением в адрес австрийских властей, спровоцировавших нападения крестьян на имения польского дворянства в Галиции во время восстания 1846 г. Этой политике Австрии польский магнат противопоставил действия властей Королевства Польского, которые, напротив, открыли границы и свободно пропускали на свою территорию польских дворян, бежавших от угрозы крестьянской расправы, а вступившие в Галицию для подавления Краковской революции русские войска не только преследовали повстанческие шляхетские отряды, но и решительно подавили направленное против дворянства крестьянское движение.

В «Письме» проводилась мысль о союзе польских помещиков с династией Романовых против революции. При этом Велёпольский, написав свое сочинение от имени «простого шляхтича» и соответственно его озаглавив, был убежден, что выражает настроения и социальную позицию значительной массы шляхты. Это отнюдь не безосновательное мнение маркиза единодушно отвергается польской историографией, утверждавшей, что «декларация не нашла широкого отклика, за исключением генерала Т. Лубеньского и Р. Залуского и некоторых эмигрантов, близких к Отелю Ламбер»²²⁷. В то же время ряд переизданий этого произведения свидетельствовал скорее об обратном.

14. Политика администрации Паскевича в «КРЕСТЬЯНСКОМ ВОПРОСЕ»

Фундаментальной основой всей социально-экономической и социально-политической системы николаевской России было крепостничество, вступившее в первой половине XIX в. в период разложения, а начиная с 1830-х годов – и в стадию кризиса. Крестьянские волнения, вспыхивавшие то в одной, то в другой части империи, носили хотя и локальный, но практически повсеместный характер и постоянно держали власти и помещиков в страхе «новой пугачевщины». В то же время правительство опасалось, что на возможные слухи о готовящемся освобождении

крестьян дворянские верхи ответят новым дворцовым переворотом, как это не раз бывало в предшествовавшем столетии. Поэтому, сознавая всю остроту крестьянского вопроса, Николай I был вынужден обсуждать способы его разрешения в узком кругу ближайших советников в закрытых как от народа, так и от дворянства секретных комитетах. Принятые в николаевское царствование решения по крестьянскому вопросу свелись к законодательному запрету наиболее одиозных проявлений крепостничества, не коснувшись системы крепостного права по существу.

«Секретный комитет для изыскания средств к улучшению состояния крестьян разных званий» в 1835 г. поставил перед собой задачу «нечувствительного возведения их от состояния крепостного – до состояния свободы». Упомянутое «возведение» основывалось на принципах прикрепления крестьянина к наделу, законодательной регламентации крестьянских повинностей и права крестьян переходить от одного помещика к другому при условии полной помещичьей собственности на землю. Секретный комитет 1839 г., в котором видную роль играл П.Д. Киселев, названный царем «начальником своего штаба по крестьянскому делу», рассматривал предложение генерала, по которому помещики, оставаясь собственниками земли, обязаны были предоставить крестьянам надел, а последние обязаны были нести в пользу помещика фиксированные повинности, вплоть до полного их выкупа. Программа Киселева вызвала решительное неприятие у прочих членов комитета. В итоге она была положена в основу указа 1842 г. «Об обязанных крестьянах» с той принципиальной оговоркой, что осуществление предложенных мер было бы возможно только на основании добровольного соглашения крестьян с помещиками²²⁸. То есть указ в принципе повторял программу очиншевания крестьян в Королевстве Польском²²⁹.

Идея добровольного соглашения помещика с крестьянами была положена (как это ни парадоксально звучит) и в основу проводимой в 1840-е годы в России также под руководством Киселева реформы государственной деревни. Помимо регламентации повинностей, она, в частности, предусматривала: увеличение размеров крестьянских наделов за счет переселения крестьян из малоземельных районов; введение ограниченного общинного самоуправления; создание государственных резервов на случай неурожая и ряд других мер в области медицинской помощи, ветеринарной службы и народного просвещения, направленных на улучшение положения государственных крестьян при сохранении их крепостной зависимости. Правительство надеялось, что преобразования такого рода послужат примером для помещиков-крепостников и убедят их пойти на добровольную отмену крепостного права.

Другой попыткой подобного рода воздействия на дворянство стал замысел введения так наз. «инвентарей» в Литве, в Белоруссии и на Украине, где правительство полагало действовать более решительно, так как имело бы дело с польским дворянством, сопротивлением которого власти

не опасались. Инвентарные правила предусматривали детальное описание помещичьих имений с четкой фиксацией крестьянских наделов и выполняемых крестьянами повинностей, изменить которые владельцы не имели бы права. Составление инвентарей началось в 1844 г., а введены в действие они были только в 1847 г. и лишь в пределах Киевского генерал-губернаторства, так как в Северо-Западном крае из-за противодействия дворянства реформа была сорвана. При этом, поскольку инвентари составлялись самими помещиками и утверждались чиновниками на местах, они нередко приводили к ухудшению положения крестьянства.

В период 1830–1850-х годов в основных тенденциях нарастания кризиса крепостнической системы в России и в Королевстве Польском наблюдались общие черты²³⁰. При этом политика царского правительства в крестьянском вопросе в России не могла обойти стороной и Королевство Польское, где администрация Паскевича также принимала ряд мер, направленных на государственную регламентацию крестьянских повинностей и на сохранение за крестьянами земельных наделов, что, однако, не остановило ни сокращения доли помещичьих крестьян в населении страны, ни усилий помещиков по переводу крестьянских держаний непосредственно в состав господских земель²³¹. В результате в Королевстве Польском с 1846 по 1859 г. общее число крестьянских хозяйств уменьшилось более чем на 30 тыс., сократился также и средний размер их наделов за счет отчуждения помещиками в свою пользу крестьянской надельной земли. В 1859 г. на долю крестьянских хозяйств приходилось только 32% сельскохозяйственных площадей, тогда как в 1810-х годах – 58%²³².

Процесс деградации крестьянства как земледельческого сословия усугублялся и вследствие действий самих помещиков, сознававших неизбежность крестьянской реформы и стремившихся по-своему к ней подготовиться, сгоняя крестьян с земли, всеми способами повышая уровень эксплуатации, в том числе и за счет питейных доходов. На этой почве особенно проявили себя «новые люди» в шляхетской среде. Вовлечение помещичьего хозяйства в сферу капиталистического обращения влекло за собой растущую задолженность шляхетских имений, которые продавались за долги и переходили к новым собственникам или же оказывались во власти разного рода арендаторов. Такая же судьба была и у владений эмигрантов, покинувших Королевство Польское после подавления восстания 1830–1831 гг. Новые хозяева не гнушались ничем, стремясь повысить свои доходы и извлечь максимальную прибыль из совершенной сделки. Не отставали от них и администраторы шляхетских владений. О произволе помещиков писали многие публицисты, в том числе из среды крупных землевладельцев. Так, П. Лубеньский в брошюре, изданной в Лейпциге в 1843 г., «Об упорядочении положения крестьян» (*O uregulowaniu stosunków włościańskich*), писал: «Пан каждую минуту может выгнать крестьянина из его дома, самовольно увеличивать барщину <...> В то же самое время

300 колонистов-немцев получили свои права (на владение землей. – *Б.Н.*) по ипотеке, здесь в Мазовии. Несомненно, не менее половины из них заняли пустоши или же разоренные крестьянские хозяйства»²³³.

Своего рода индикатором упадка крестьянского хозяйства и пауперизации населения стало распространение пьянства. За десятилетие с 1830 по 1840 г. производство алкоголя в Королевстве Польском удвоилось. В одной только поветовой больнице в Раве в 1841 г. было зарегистрировано 33 смертельных случая, вызванных пьянством, из которых 9 приходилось на апоплексические удары. После 1831 г. в некоторых имениях применялась оплата крестьянской работы карточками для корчмы. О том, что это была достаточно распространенная практика, свидетельствует отчет Правительственной комиссии внутренних и духовных дел за 1842 г. с констатацией такого явления и как следствие наложенный наместником запрет выпускать в обращение «подобного рода ассигнации»²³⁴.

В основе политики Паскевича в крестьянском вопросе лежала программа очиншевания, последнее предусматривало, во-первых, замену барщины денежным оброком (цензом или по-польски – чиншем) и, во-вторых, обеспечение крестьянского хозяйства наделом земли, достаточным как для собственного воспроизводства, так и для уплаты чинша, а также государственных налогов. Появление такого рода идей и первые попытки их реализации относились еще к 1770–1790-м гг.²³⁵ В дальнейшем программа очиншевания была выработана магнатскими верхами Королевства Польского еще в конституционный период и была достаточно популярна среди шляхетских публицистов начала XIX в. Она предполагала перевод крестьян на фиксированный оброк. Величина такого оброка устанавливалась бы в зависимости от размера крестьянского надела, при этом и то, и другое регулировалось бы государством. Принудительная барщина в этом случае запрещалась. Таким образом, по планам властей, сложились бы гармоничные отношения между помещиками и крестьянами в рамках сохранения крепостничества по существу. Однако польское дворянство выступало за невмешательство государства в отношения помещиков с крестьянами и допускало очиншевание только по добровольному соглашению владельцев имения со своими крестьянами. Очиншевание отнюдь не устраняло крепостнических отношений в деревне, поскольку и в этом случае крестьянин не имел права без разрешения войта, оставив свой надел, уйти от владельца, он продолжал нести повинности в пользу помещика, который оставался собственником наделной земли крестьянина. В первой трети XIX века доля очиншеванных крестьян в частных имениях была невелика, а само очиншевание внедрялось преимущественно на государственных землях и в магнатских владениях.

Хотя в царствование Николая I власти в России и администрация Паскевича в Королевстве Польском следовали в крестьянском вопросе единым курсом, однако в Королевстве к разработке конкретных мер в этой

области приступили несколько ранее, чем в империи в целом, сразу после подавления восстания 1830 г. Причиной стала декларативная постановка крестьянского вопроса повстанческими властями и осознание царским правительством, что достигнутая победа и умиротворение страны в существенной мере зависели от позиции польского крестьянства.

Принципиально новым явлением в крестьянском вопросе в период наместничества Паскевича стало то, что инициативу в этой области взяла на себя правительственная бюрократия, а стимулом послужили прямые указания императора. В результате в 1832 г. возник уже рассмотренный нами ранее неосуществленный проект Ф.И. Энгеля о реорганизации гмин, направленный на ограничение власти войтов-помещиков над крестьянами.

В 1835 г. в связи с учреждением майоратов была начата крестьянская реформа на землях государственных имуществ. Она касалась также майоратских и государственных имений, в последнем случае за исключением тех, которые находились в пользовании у частных лиц. Указ о майоратах 1835 г. и дополнившая его инструкция 1841 г. составили ее законодательную базу. За крестьянами в майоратах была признана собственность в отношении их наделов, при этом крестьянские земли были отделены от помещичьих, что исключало бы захват крестьянских наделов со стороны владельца майората, а самим крестьянам запрещалось устанавливать двор и возводить постройки на выделенной земле. Последнее обстоятельство подчеркивало право собственности землевладельца на имение в целом. Аналогичным статусом с крестьянами майоратских имений обладали крестьяне-колонисты. Владевший наделом крестьянин обязан был платить фиксированный чинш. Было отклонено предложение об увеличении надела за счет перераспределения в пользу крестьян земли фольварка.

До 1859 г. реформа была завершена в 1822 государственных деревнях. При этом она не изменила существенно положение государственных крестьян в сравнении с сельским населением Королевства в целом. 51 658 «упорядоченных» крестьянских хозяйств большей частью были расположены в Радомской и Варшавской губерниях. Средняя величина таких очиншеванных хозяйств составила 25 моргов. Более низкий размер был в Радомской губернии с ее горнодобывающими предприятиями. За счет крестьян-земледельцев часть земли там была предназначена для постоянных работников горной промышленности. В 1840-е гг. дело дошло до острых конфликтов между селами Заглембья Старопольского и администрацией предприятий. Имена, приписанные к горным заводам, были «упорядочены» в начале 1850-х гг. День барщины в них был оценен в половину от цены найма²³⁶.

Большая часть государственных (в том числе и майоратских) имений прошли очиншевание в 1858–1859 гг. Хельмский майорат – в 1863 г. Власти Королевства предоставили владельцам майоратов и разного рода держателям государственных имуществ возможности для развития фольварка за счет крестьянских земель, ограничив в то же время

права крестьян в отношении находящихся у них во владении наделов²³⁷. Среди примерно 80 тыс. крестьянских хозяйств майоратских имений хозяйства, обладавшие полным наделом (в 30 моргов и более), составляли примерно 23%, им принадлежала половина крестьянских земель. Основой для определения размера чинша и стоимости его возможного выкупа становилась классификация земель, наподобие применявшейся в Краковской республике. В результате стоимость крестьянских земель была завышена, а крестьянам передавались неудобья, которые включались в земли общей категории. В 1859 г. размер чинша составил в среднем 46,6 копейки с морга. Наивысший чинш был в юго-западной части Королевства, минимальный – в повете Бяла Подляска, где чинш составил 31,5 копейки²³⁸. За уплату чинша крестьяне отвечали индивидуально, хотя и имели место попытки ввести солидарную ответственность, наподобие общинной в России. Чинш в имениях, оставшихся в составе государственных имуществ, был выше, чем в майоратах, однако ниже, чем минимальный чинш в частных имениях²³⁹.

Начиная с 1830-х гг. свою программу очиншевания пытались реализовать и польские магнаты. К этому их побуждало общественное мнение, публично осуждавшее одиозные проявления крепостничества, символом которых была барщина или «даремщина», как ее называли в Польше. За переход на оброк некоторые крупные землевладельцы высказывались и потому, что стремились внедрять в имениях передовые формы хозяйствования, несовместимые с принудительным трудом, а также потому, что хотели бы избавить свои хозяйства от произвола различного рода «администраторов», расхищавших господские доходы. И все же главным мотивом оставалось стремление магнатов не допустить вмешательства властей в разрешение крестьянского вопроса, в частности в виду перехода на чинш в государственных имуществях и в конфискованных имениях.

В 1833 г. к осуществлению очиншевания приступили в ординации Замойских. Изданная администрацией ординации инструкция предусматривала выкуп барщинных повинностей. Размер выкупа определялся в зависимости от объема повинностей, и такой выкуп был более выгодным для более крупных крестьянских хозяйств. Реформа предусматривала возможность возврата к барщине и выкуп первоначально повинностей для отдельных периодов (кварталов). Постепенно, под давлением администрации Королевства, число окупников достигло $\frac{3}{4}$, часть из них была превращена в халупников²⁴⁰. Последнее обстоятельство свидетельствовало о том, что в результате такого «выкупа» крестьяне лишились части надельной земли, а халупники и вовсе остались без надела. Опыт реализации магнатской программы очиншевания в Королевстве Польском показывал, что соответствующие попытки предпринимались только в крупнейших латифундиях, что для большинства землевладельческой шляхты оно было неприемлемо. Этот опыт также убедительно подтверждает «основополагающий вывод»

Хиполита Грынвасера, сделанный еще в 1930-е гг., что «решение крестьянского вопроса в пользу крестьян в Польше было невозможно при сохранении крепостного права в империи»²⁴¹.

Намерения Николая I в 1840-е годы предпринять усилия, чтобы побудить дворянство совместно с правительством продвинуться по пути разрешения крестьянского вопроса в России, не могли не затронуть и Королевство Польское. Вместе с тем для действий в этой области у администрации Паскевича были и свои внутренние основания. Подъем освободительного движения на польских землях в середине 1840-х гг., особенно во владениях Австрии и Пруссии, побуждал власти Королевства искать опору, используя фундаментальное противоречие между крестьянством и шляхтой. Однако царь и его наместник страшились отнюдь не заговорщиков-дворян. Главной их целью, с одной стороны, было не допустить, чтобы Польша стала ареной массового крестьянского восстания, а с другой – они рассчитывали и на то, что страх перед крестьянским движением вынудит польское дворянство действовать заодно с властями. В этом отношении правительство в Петербурге и администрация Королевства были едины.

В 1843–1844 гг. крестьянское движение развернулось в районе Кельц, где проходило очиншевание государственной Келецкой экономии. Спротивление здешних крестьян обработке барщины было подавлено с помощью экзекуции. В это время там действовал ксендз Петр Сцеженный, возглавивший крестьянское восстание в Келецких лесах. Паскевич придавал этому событию большое значение и подчеркивал, что движение направлено также и против дворян. Он ссылался на утверждения Сцеженного, что якобы уже и власти проводят очиншевание в государственных имениях, а шляхта и не помышляет об этом²⁴². В связи с движением Сцеженного Николай I, в частности, писал Паскевичу, что подъем крестьянского движения не опасен, так как побудит дворян «быть с нами», а также «что помещик доносит на ксендза – это славно»²⁴³. В этом ответе царя наместнику явно прозвучала мысль, что в крестьянском вопросе сословная солидарность властей и дворянства стояла для него на первом месте. Эта же позиция Николая нашла выражение и в связи с крестьянскими волнениями 1846 г. в Галиции («Галицийская резня») и на юге Королевства Польского, где крестьяне отказывались платить налоги и нести повинности в пользу помещиков. В некоторых случаях они захватывали и приводили к властям ни в чем не повинных лояльных шляхтичей. Паскевич был вынужден жестоко пресекать проявления крестьянского неповиновения помещикам и властям. По этому поводу царь писал фельдмаршалу: «Ты очень хорошо сделал, что воли мужикам не даешь; их дело слушаться и под предлогом усердия (по отношению к русским властям. – *Б.Н.*) не нарушать порядка и повиновения»²⁴⁴.

Крестьянские волнения в Польше, как в Королевстве, так и в областях, захваченных Пруссией и Австрией, побудили царское правительство предпринять достаточно решительные действия в крестьянском вопросе

на территории Королевства Польского. Причем меры администрации в этой области в Польше представляли собой единый комплекс с реформой государственной деревни в России и с введением инвентарей в западных губерниях, что отражало единство политики в крестьянском вопросе в империи в целом. 26 мая (7 июня) 1846 г. на основании доклада Паскевича был издан императорский указ «Об улучшении состояния земледельческого класса» в Королевстве Польском. Он уничтожал «даремщину и принудительные наймы», запрещал выселение крестьян, то есть отменял право помещиков лишать крестьян их надела или уменьшать его размеры (ругование наделов). Однако он не отменял барщину и другие виды феодальных повинностей. Согласно указу, споры крестьян с помещиками по вопросу о наделах и повинностях подлежали рассмотрению в Административном совете, а не в судах, которые были дворянскими по своему персональному составу и руководствовались, по сути, крепостническим законодательством. Перенесение такого рода дел в Административный совет, который после ликвидации Государственного совета обладал полномочиями толкования законодательства, предполагало, что решение по ним будет приниматься не в рамках старого польского законодательства, а согласно букве царского указа и духу реформы.

Только указ 1846 г. отменял, хотя и с существенными оговорками, фактическое прикрепление крестьян к земле, разрешая их переселение на земли другого владельца без обязательного ранее согласия войта, но в случае, если крестьяне известят помещика не позже чем за 3 месяца до завершения полевых работ и хозяйственного года. С каждого имения надлежало подать «престационные табели» с обозначением, чем крестьянин владеет и какие повинности несет. Табели заверялись гминными войтами, которые, наряду с владельцами имений, несли персональную и имущественную ответственность за достоверность предоставленных сведений²⁴⁵. Указ 1846 г. запрещал «ругование» крестьян, то есть проверять их права на владение наделом и сгонять крестьян с земли. Под запретом было и увеличение повинностей, но только для беднейших крестьян, если размер надела не превышал минимального порога в 3 морга. Правда, таковых было большинство: по данным 1857 г. 66,3% крестьян в частных имениях обладали минимальным и ниже минимального наделом. Указ отменял только те повинности («даремщину»), размер которых не мог быть определен поденно или на год.

Основанный на престационных табелях контроль властей за соблюдением указа 1846 г., предусмотренный для защиты крестьянских хозяйств, был только формальным. Способы обойти его были самыми разнообразными. Чаще всего помещиками практиковалось сокрытие подлинного соотношения между отмененными повинностями и предоставленными дополнительно в пользование землями. С этой точки зрения введенные в западных российских губерниях «инвентари», по мнению польских исследователей,

содержали, в сравнении с престационными табелями Королевства Польского, более достоверные сведения о размерах крестьянских наделов и повинностях, а главное – безусловное запрещение увеличивать последние, чего не предусматривало законодательство Королевства Польского²⁴⁶.

В 1810–1846 гг. руги в селах, то есть пересмотр владельческих прав крестьян, были наиболее интенсивными в Плоцком воеводстве. Введенное указом 1846 г. в Королевстве Польском ограничение повинностей и практики сгона крестьян с земли радикально ситуацию не изменило. В 1850-е годы около 20 тыс. крестьянских хозяйств, не внесенные в реестры и не охраняемые указом, прекратили существование, но та же судьба ожидала и 10 тыс. хозяйств, которые находились под защитой указа. Позднее в повете Бжезинском, по данным 1850-х гг., вопреки указу 1846 г. помещиками было захвачено не менее 11% крестьянских земель. В результате в конце 1850-х гг. в крестьянском владении там осталось только 36% земли, а хозяйств, обладавших полным наделом в 30 моргов и выше, было только около 6%²⁴⁷.

В 1840-е годы свою программу очиншевания осуществляли в частном порядке и магнаты Королевства Польского. Указ 7 июня 1846 г. застал ординацию Замойских в процессе осуществления реформы, начатой владельцами ранее. Однако ввиду установленных правительством правил планы создания фольварков на отобранных у крестьян землях администрации ординации пришлось сократить. Число выкупивших свои повинности крестьян в ординации сократилось после указа с 86% в 1843/1844 годах до 61% тремя годами позже. Введенное властями Королевства в 1848 г. обязательное очиншевание увеличило в ординации размер крестьянских владений, которые достигли 1/3 ее земель. Даже с учетом передачи повстанцами в 1863 г. части земель ординации в пользование крестьянам в итоге, несмотря на все эти меры, крестьянское землевладение в ординации по данным 1864 г. в целом сократилось. Таким образом, с 1846 по 1864 гг. число внесенных в престационные табели крестьянских хозяйств, то есть находившихся под защитой государства, уменьшилось на 781 хозяйство (5,6%)²⁴⁸.

Анджей Замойский, владевший имением Ядув Колодзёнж в государственных имуществях, расположенных к востоку от Варшавы на границе с Подлясьем, попытался осуществить реформу очиншевания посредством выкупа повинности, размер которого определялся на основе стоимости земли, что сопровождалось «сепарацией», то есть отделением в пользу фольварка части крестьянских владений. С этой целью были заключены контракты с целыми крестьянскими сообществами (общинами), по которым крестьян переводили в разряд безземельных халупников, а земли присоединяли к фольваркам. В 1846 г. крестьяне перестали отрабатывать повинности, а четыре года спустя возбудили дело в суде о незаконности и чрезмерных тяготах такого договора²⁴⁹.

Наиболее противоречивой была реформа в ординации Мышковских под Кельцами, проведенная А. Велёпольским за год до указа 1846 года²⁵⁰. По плану маркиза часть земель фольварка предполагалось передать крестьянам в держание на 24 года, хотя сам фольварк сохранялся, что означало в известной мере сохранение барщины. Передача земли крестьянам была связана с выкупом повинностей. Реформа была реализована в 1846–1848 гг., уже после июньского царского указа, и охватила 1/3 фольварков. Выкуп повинностей проводился по весьма высоким ставкам: 60 грошей за день полной (конной) барщины и 15 грошей за день пешей. Первоначально крестьяне жаловались на непосильность выкупных платежей, на качество передаваемой им земли, а также на установление платы за пользование лесом. В дальнейшем они стали покидать свои хозяйства. В итоге повторного «упорядочения» (*regulacji*), проведенного согласно установленным правительством правилам, в части сел были восстановлены барщина и наделы, бывшие в пользовании у крестьян до 1846 г., без добавления земли, возвращенной фольваркам. В имении Ксенж Вельки крестьянам удалось в результате упорядочения получить часть фольварочной земли. Экономические последствия этого проявились спустя некоторое время. Через десятилетия, уже во время «наделения землей» в 1860-е годы, крестьяне всех сел во владениях Велёпольского требовали пересмотреть условия проведенного маркизом очиншевания и добивались возможности вернуть собственнику полученные земли и сервитуты. Крестьяне ряда сел заявляли тогда, что в результате «упорядочения» утратили лучшие луга и пастбища²⁵¹.

Главным вопросом реформы 1846 г., так и не решенным ее инициаторами и проводниками, была проблема борьбы между шляхетскими фольварками и крестьянством за землю, которая в 1840–1850-е гг. в ходе очиншевания безоговорочно разрешилась в пользу дворянства. Однако не менее важным стал вопрос о трансформации системы крестьянских повинностей также в пользу дворян-землевладельцев. Провозглашенной как властями Королевства Польского, так и его шляхетскими верхами целью реформы была ликвидация барщины посредством очиншевания. Однако в действительности барщинная форма эксплуатации сохранилась практически в неизменном виде. Об этом свидетельствовали отдельные примеры и как официальная, так и вотчинная статистика. Так, в Шашове, в имении Потоцких, в 1846 г. после проведенного очиншевания 43% повинностей крестьяне выполняли отработками²⁵². В 1859 г. в частных владениях было очиншевано 41% хозяйств, однако и среди них 2/5 этого числа составляли хозяйства со смешанными повинностями, где сохранялась барщина. Наиболее быстро очиншевание продвигалось в поветах Влоцлавском, Кониньском, Замойском, около половины хозяйств было очиншевано еще в некоторых поветах северо-запада Королевства²⁵³. Непомерно высокими оставались объемы и нормы барщинных работ. Крестьянские хозяйства с

полным наделом обрабатывали барщину 3 дня в неделю, или 156 дней в году. В Петрокове барщина достигала максимального уровня в 212 дней. Накануне официальной отмены барщины, в конце 1850-х гг., крестьяне должны были ежегодно обрабатывать 6,7 млн. дней барщины, примерно половина из этого количества выпадала на Люблинскую губернию. В повете Бяльском Люблинской губернии барщины было 400 тыс. дней. Пешей барщины в Королевстве Польском на долю крестьян приходилось 12 млн. дней, причем наибольшая доля по стране выпадала на Радомскую губернию, где Меховский повет обрабатывал 1,3 млн. дней, а Петроковский имел максимальный показатель – 364 дня в году²⁵⁴. В Виляновских имениях Потоцких средний размер барщины составлял на одно крестьянское хозяйство 115 дней полной барщины и 100 дней пеших, к чему добавлялся принудительный поденный наем²⁵⁵. В имении Междуреченском в Подлясье доля барщины в используемой рабочей силе сократилась всего с 90 до 70%. В имениях Чмелевских в Келецкой области, принадлежавших Друцким-Любецким, крестьянин-половник обрабатывал 3 дня в неделю. День работы продолжался здесь от восхода и до заката с тремя перерывами (на еду и 2 часа пополудни). При выполнении барщины для таких работ, как пахота и боронование устанавливались нормы выработки.

Даже по официальным данным администрации Паскевича, приведенным в отчетах наместника царю за 1846–1847 гг.²⁵⁶, к 1847 г. «даремщины» были уничтожены только в 9400 селениях, а принудительные наймы – в 7728. Всего имений, где указ 1846 г. был реализован, насчитывалось, по сведениям Административного совета – 6640. Впрочем, Правительственная комиссия внутренних дел не вполне доверяла престационным табелям и почерпнутым из них данным. Гражданским губернаторам поручалось лично проверить представленные сведения. Согласно их отчетам, проверено было 16 529 имений. Однако в справке Административного совета не говорится, были ли выявлены при этом какие-либо нарушения²⁵⁷.

Власти Королевства вполне осознавали, что проводимая ими политика в крестьянском вопросе носит продворянский характер. Принятые администрацией Паскевича решения и разработанные для их исполнения как русскими, так и польскими чиновниками меры сопровождались ростом крестьянских волнений, так как крестьяне сознавали, что те не затрагивают в сущности отношений в деревне, и ожидали от властей более глубоких преобразований. Кое-где крестьяне, как докладывал Паскевич Николаю I, отказывались от несения повинностей и от «повиновения» помещикам. Особенно это касалось имений, где, согласно указу 1846 г. «даремщина» и принудительный наем были заменены 2 или 3 днями барщины. Однако, по словам наместника, немногочисленные случаи крестьянских выступлений (в 27 имениях) были подавлены властями. 23 крестьянина, согласно докладу Паскевича, отданы под суд²⁵⁸. Об отношении самого фельдмаршала к проводимой реформе свидетельствует эпизод, приведенный Х. Грынвасе-

ром, когда в 1846 г. Паскевич заявил калишскому губернатору А.С. Голицыну в ответ на представленный тем в 1846 г. проект отмены барщины, что «изложенные соображения имеют резоны, однако, что бы говорил князь Голицын, когда бы, имея здесь владения, утратил бы с них половину доходов»²⁵⁹. Тем не менее наместнику все же пришлось издать в 1848 г. указ об обязательном очиншевании крестьян, хотя и на этот раз перевод на чинш обуславливался «добровольным соглашением» помещика со своими крестьянами, что позволило землевладельцам без особых затруднений уклониться от его исполнения. Указ этот был продиктован страхом перед разразившейся в Европе революцией.

Революция 1848–1849 гг., по словам П.Д. Киселева, положила конец всяким действиям правительства России в крестьянском вопросе. В полной мере эта оценка распространялась и на Королевство Польское. Революционные события в европейских странах, участие русской армии под командованием Паскевича в подавлении революции в Венгрии и разразившаяся вскоре Крымская война, в ходе которой Королевству Польскому отводилась роль ближайшего тыла и оперативной базы русских войск на Дунайском театре военных действий, изменили внутреннее и международное положение Королевства, особенно ввиду враждебной позиции Австрии, хотя и сохранявшей формальный нейтралитет. Все это далеко отодвинуло на задний план для администрации Паскевича преобразовательные замыслы, да и в целом проблемы внутренней политики Королевства Польского. Новый период открылся только после окончания Крымской войны, во второй половине 1850-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Николай I – И.Ф. Паскевичу, Царское село, 4 (16) сентября 1831 г. – *Шильдер Н.К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. М., 1996–1997. Кн. 2. С. 472–475.
- ² *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность по неизданным источникам. Т. 5. 1832–1847 гг. СПб., 1896. С. 32. Там же. С. 64.
- ³ Там же. С. 64.
- ⁴ *Dzennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 13. S. 271.
- ⁵ *Kaczkowski J.* Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniach roku 1831 i 1863. Warszawa, 1918. S. 32.
- ⁶ *Ibidem.* S. 33.
- ⁷ Akt 20 września (1 października) 1831 r. – *Dzennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 13. S. 291.
- ⁸ Akt 26 września (8 października) 1831 r. – *Dzennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 13. S. 295.
- ⁹ *Ibidem.*
- ¹⁰ Akt 1 (13) października 1831 r. – *Dzennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 13. S. 298.

- ¹¹ *Kaczkowski J.* Op. cit. S. 34.
- ¹² *Gadon L.* Emigracja polska. Kraków, 1901. Т. 1. S. 9.
- ¹³ *Ibidem.* S. 15.
- ¹⁴ *Kaczkowski J.* Op. cit. S. 35–36.
- ¹⁵ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 349–350.
- ¹⁶ Николай I – И.Ф. Паскевичу, Царское село, 4 (16) сентября 1831 г. – *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 472–475.
- ¹⁷ Николай I – И.Ф. Паскевичу, Царское село, 5 (17) сентября 1831 г. – *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 475.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Кн. 2. С. 476–477.
- ²⁰ Собственная е. и. в. канцелярия по делам Царства Польского. Д. 7 (Об учреждении Временного правления). – *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Том 4. 1831 год. СПб., 1894. С. 209–210.
- ²¹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 210.
- ²² Там же. С. 212–213.
- ²³ AGAD. Akta Rady Administracyjnej. Nr. 4044 a. 1. 6. См.: *Manteuffel T.* Centralne władze oświatowe na terenie b. Królestwa Kongresowego (1807–1915). Rozprawy historyczne Towarzystwa naukowego Warszawskiego. Warszawa, 1929. Т. VI. Zeszyt 2. S. 27.
- ²⁴ Выписка из распоряжений главнокомандующего по гражданской части – Дело об учреждении Временного правления Царства Польского. Собственная канцелярия по делам Царства Польского. Д. № 7. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 213.
- ²⁵ Протокол Временного правления Царства Польского. Заседание 12 (24) октября 1831 года. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 218–219. Приложение № 1 к главе 5. С. 171–182, 218–219.
- ²⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 192.
- ²⁷ Николай I – И.Ф. Паскевичу, Москва, 20 ноября (2 декабря) 1831 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 220. Приложение № 13 к главе 4. С. 163–164.
- ²⁸ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 219.
- ²⁹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 3 к главе 5. С. 197–206.
- ³⁰ Там же. С. 198–200.
- ³¹ Там же. С. 201–205.
- ³² Там же.
- ³³ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 220.
- ³⁴ Там же. С. 222–223.
- ³⁵ Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. М., 2010. С. 116.
- ³⁶ Там же. С. 125.
- ³⁷ Разъяснительный указ от 7 (19) апреля 1831 г. – Собственная е. и. в. канцелярия по делам Царства Польского. Д. № 2. Приложение № 3 к делу № 2 (1830 г.). – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 222–223.

- 38 Указ 6 (18) мая 1831 г. – Там же.
- 39 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. VI. Отд. 1. № 4711.
- 40 *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. СПб., 1882. Т. 1. С. 194.
- 41 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 191.
- 42 Там же. С. 192–193.
- 43 Нота Правления Польского банка И.Ф. Паскевичу от 30 августа (11 сентября) 1831 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 5 к главе 5. С. 209.
- 44 *Щербатов А.П.* Указ. соч. С. 229–232.
- 45 Николай I – И.Ф. Паскевичу, Москва, 20 ноября (2 декабря) 1831 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 191.
- 46 Протокол заседания Временного правления от 20 октября (1 ноября) 1831 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 2 к главе 5. С. 183–196.
- 47 Там же. С. 191.
- 48 Там же.
- 49 *Manteuffel T.* Op. cit. S. 27–28.
- 50 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 215–216.
- 51 Николай I – И.Ф. Паскевичу, 29 декабря 1831 г. (10 января 1832 г.). – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 15 к главе 4. С. 168–170. Здесь с. 169.
- 52 Секретный рапорт № 5 И.О. Витта от 13 сентября 1831 г. в семейном архиве И.Ф. Паскевича. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 218.
- 53 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 228–229.
- 54 Там же. С. 184–186.
- 55 Там же. С. 228–229.
- 56 Там же. С. 232–233.
- 57 Там же. С. 234.
- 58 Николай I – Паскевичу, Санкт-Петербург, 26 декабря 1831 г. (7 января 1832 г.) – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 15 к главе 4. С. 168–169.
- 59 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 196–197.
- 60 Там же. С. 200.
- 61 Там же. С. 205.
- 62 Цит. по: *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 13–14.
- 63 См.: *Kaczkowski J.* Op. cit.
- 64 *Manteuffel T.* Op. cit. S. 29–30; *Okolski A.* Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracji obowiązującego w Królestwie Polskim. Warszawa, 1880–1884. Т. 1. S. 117.
- 65 Из рапорта И.Ф. Паскевича за 25 лет управления краем. – Архив фельдмаршала. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. 1832–1847 гг. С. 50–51.
- 66 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. 1832–1847 гг. С. 53.
- 67 См.: Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 296–297.
- 68 Там же. С. 302–311.
- 69 Архив Государственного совета. Д. 1832. № 14. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. 1832–1847 гг. С. 57–58.
- 70 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. 1832–1847 гг. С. 58.
- 71 Там же. С. 57.

- ⁷² *Askenazy Sz.* Sto lat zarządu w Królestwie Polskiem. 1800–1900. Lwów, 1901. S. 31.
- ⁷³ *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 32.
- ⁷⁴ Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do Cesarstwa Rosyjskiego / Wyd. M. Radziwiłł i B. Winiarski. Warszawa, 1915. S. 118–120.
- ⁷⁵ Historia Państwa i prawa Polski. Tom III. Od Rozbiorów do uwłaszczenia / Pod red. J. Bardacha i M. Senkowskiej-Gluck. Warszawa, 1981. S. 192.
- ⁷⁶ *Kieniewicz S.* Historia Polski 1795–1918. Wyd. 10. Warszawa, 1998. S. 117–118.
- ⁷⁷ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 59–60.
- ⁷⁸ Там же. С. 61.
- ⁷⁹ *Корнилов А.А.* Указ. соч. С. 32.
- ⁸⁰ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 29–30.
- ⁸¹ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 9. S. 17.
- ⁸² *Okolski A.* Op. cit. Т. 1. S. 66–67.
- ⁸³ *Ружицкая И.В.* Правовая реформа в Царстве Польском и восстание 1863 г.: крушение замысла // Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 289–290.
- ⁸⁴ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 238–239.
- ⁸⁵ Николай I – И.Ф. Паскевичу, Санкт-Петербург, 26 декабря (7 января 1832 г.) – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 15 к главе 4. С. 168–169.
- ⁸⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. С. 238–239.
- ⁸⁷ Николай I – И.Ф. Паскевичу, Санкт-Петербург, 12 (24) декабря 1831 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 4. Приложение № 12 к главе 5. С. 220–221.
- ⁸⁸ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 46–47.
- ⁸⁹ Там же. С. 43–44.
- ⁹⁰ Там же. С. 41–42.
- ⁹¹ Там же. С. 42.
- ⁹² *Łukaszewicz W.* Ruch rewolucyjny w kraju (1832–1845) // Historia Polski. Tom II (1764–1864). Cz. II / Pod red. S. Kieniewicza i W. Kuli. Warszawa, 1956. S. 349–351.
- ⁹³ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 203.
- ⁹⁴ Там же. С. 203–209.
- ⁹⁵ Там же. С. 174–175.
- ⁹⁶ Там же. С. 177.
- ⁹⁷ Там же. С. 203.
- ⁹⁸ Журнал Административного совета 20 марта (1 апреля) 1842 г. № 24060. Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. V. Прибавление 172. С. 54; *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 283.
- ⁹⁹ И.Ф. Паскевич – Николаю I, 21 февраля (4 марта) 1844 г. – Семейный архив Паскевича. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 332.
- ¹⁰⁰ Представление по делу открытого в 1844 году между некоторыми молодыми людьми в Варшаве заговора. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Приложения к тому пятому. СПб., 1896. Приложение № 54. С. 530–535.

- ¹⁰¹ *Łukaszewicz W.* Ruch rewolucyjny w kraju (1832–1845) // *Historia Polski*. Т. II. S. 366–367.
- ¹⁰² *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 333.
- ¹⁰³ Николай I – И.Ф. Паскевичу, 14 (26) и 16 (28) февраля 1846 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 363.
- ¹⁰⁴ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Приложения к тому пятому. Приложение № 61. С. 378–381.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 381.
- ¹⁰⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 290–292.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 16.
- ¹⁰⁸ И.Ф. Паскевич – Николаю I, 11 (23) ноября 1831 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Приложения к тому пятому. Приложение № 2. С. 55–56.
- ¹⁰⁹ *Radziszewski H.* Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskim. Warszawa, 1908. Т. 2 (1831–1867). S. 50–52.
- ¹¹⁰ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 13. S. 236.
- ¹¹¹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 25.
- ¹¹² Там же. С. 25–26.
- ¹¹³ Протоколы заседаний Временного Правления 7 (19), 12 (24), 17 (29) января 1832 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Приложения к тому пятому. Приложение № 4. С. 63–93.
- ¹¹⁴ Протоколы заседания Временного Правления 2 (14) марта 1832 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Приложения к тому пятому. Приложение № 5. С. 94–98.
- ¹¹⁵ Сборник административных постановлений Царства Польского / *Zbiór Przepisów Administracyjnych Królestwa Polskiego*. Wydział Skarbu. Т. 1. S. 226–227.
- ¹¹⁶ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 17.
- ¹¹⁷ *Radziszewski H.* Op. cit. S. 162–163.
- ¹¹⁸ Ibidem.
- ¹¹⁹ Сборник административных постановлений Царства Польского / *Zbiór Przepisów Administracyjnych Królestwa Polskiego*. Wydział Skarbu. Т. 1. S. 45.
- ¹²⁰ *Radziszewski H.* Op. cit. S. 162.
- ¹²¹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 130–131.
- ¹²² *Radziszewski H.* Op. cit. S. 119–120.
- ¹²³ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 191–194.
- ¹²⁴ Там же. С. 270–271.
- ¹²⁵ *Radziszewski H.* Op. cit. S. 169–170.
- ¹²⁶ Ibidem. S. 119–120.
- ¹²⁷ Ibidem. S. 120.
- ¹²⁸ Ibidem. S. 162–163.
- ¹²⁹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 293.
- ¹³⁰ Свод законов Российской империи (изд. 1842 г.). Т. 14. № 261.
- ¹³¹ *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 273–274.
- ¹³² Там же. С. 269–270.
- ¹³³ Там же. С. 120–121.

- 134 Там же. С. 119.
- 135 Там же.
- 136 *Askenazy Sz.* Łukasiński. Lwów; Warszawa, 1908. Т. 1. S. 292–293.
- 137 И.Ф. Паскевич – Николаю I, 5 (17) декабря 1843 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 283.
- 138 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 169–170.
- 139 Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 155.
- 140 *Grynwaser H.* Kwestia agrarna i ruch włościan w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku. Studium archiwalne. Warszawa, 1935. S. 82–83.
- 141 И.Ф. Паскевич – Николаю I, 5 (17) декабря 1843 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 325–326.
- 142 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 326.
- 143 Historia Państwa i prawa Polski. Том III. S. 193.
- 144 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 250–251.
- 145 Там же. С. 266–267.
- 146 Сборник административных постановлений Царства Польского. Ч. II. Т. VI. С. 210–224.
- 147 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 279.
- 148 Там же. С. 280.
- 149 Там же.
- 150 Там же. С. 282.
- 151 Архив Государственного совета. 1841 г. № 14. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 279.
- 152 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 319.
- 153 И.Ф. Паскевич – Николаю I, 21 августа (2 сентября) 1842 г. – Семейный архив И.Ф. Паскевича. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 311–312.
- 154 *Ружицкая И.В.* Указ. соч. С. 292–293.
- 155 Там же. С. 292.
- 156 Historia Państwa i prawa Polski. Том III. S. 193. См. также *Kaczińska E.* Człowiek przed sądem. Społeczne aspekty przestępczości w Królestwie Polskim 1815–1914. Warszawa: PWN, 1982.
- 157 *Ружицкая И.В.* Указ. соч. С. 290–291.
- 158 Там же. С. 293 и далее.
- 159 Historia Kościoła w Polsce. Т. 2. 1764–1945. Cz. 1. 1764–1918 / Pod red. B. Kumora i Z. Obertyńskiego. Poznań; Warszawa: Pallotinum, 1979. S. 482. См. также: Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 289–290.
- 160 Choromański Stanisław Henryk (1767–1838) // PSB. Kraków, 1937. Т. 3. S. 427–428.
- 161 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 333–335.
- 162 *Zielińska T.* Poczec polskich rodów arystokratycznych. Warszawa, 1997. S. 171–172.
- 163 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 333–335.
- 164 Historia Kościoła w Polsce. Т. 2. S. 482–483.
- 165 Николай I – И.Ф. Паскевичу, 24 июня (5 июля) 1845 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 341.

- 166 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 122–123.
- 167 *Корнилов А.А.* Указ. соч. С. 34–35.
- 168 Семейный архив князя Паскевича. XIII. Отдел IV. № 103. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 30.
- 169 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 124.
- 170 *Корнилов А.А.* Курс русской истории XIX века. М., 1993.
- 171 Historia nauki polskiej / Pod red. B. Suchodolskiego. Т. 3. 1795–1862 / Red. J. Michalski. Wrocław etc.: Ossolineum, 1977. S. 160.
- 172 Ibidem. S. 162.
- 173 Ibidem. S. 163.
- 174 Ibidem.
- 175 *Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг.: Изд-во «Огни», 1915. С. 35.
- 176 *Manteuffel T.* Op. cit. S. 28.
- 177 *Okolski A.* Op. cit. Т. 1. S. 117.
- 178 Rocznik Urzędowy Królestwa Polskiego za rok 1834. Warszawa, 1835. S. 78.
- 179 См. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830. М., 2010.
- 180 *Manteuffel T.* Op. cit. S. 29–30.
- 181 Ibidem. S. 30.
- 182 Ibidem. S. 31.
- 183 Ibidem. S. 31.
- 184 Historia nauki polskiej. Т. 3. S. 168.
- 185 Ibidem. S. 166–167.
- 186 Ibidem. S. 71.
- 187 Ibidem. S. 167–168.
- 188 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 125–126.
- 189 *Manteuffel T.* Op. cit. S. 32.
- 190 Ibidem. S. 33.
- 191 Ibidem. S. 34.
- 192 Ibidem. S. 34–35.
- 193 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 248.
- 194 Там же. С. 249.
- 195 Там же. С. 250–251.
- 196 ИФ. Паскевич – Николаю I, 8 (20) декабря 1839 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 202.
- 197 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 241.
- 198 С.С. Уваров – ИФ. Паскевичу, 29 октября (10 ноября) 1842 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 302.
- 199 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 253.
- 200 См., напр.: *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902; *Лантева Л.П.* Русский славист XIX века П.П. Дубровский // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 93–101; *Рокина Г.В.* К истории одного панславистского издания в Польше в 1840-е годы // Россия, Польша,

Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М., 2012. С. 185–193.

- 201 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 346.
- 202 *Historia nauki polskiej.* Т. 3. S. 168.
- 203 *Ibidem.* S. 168–169.
- 204 *Ibidem.* S. 169.
- 205 *Ibidem.* S. 168.
- 206 *Ibidem.* S. 172.
- 207 *Ibidem.*
- 208 *Ibidem.* S. 169–170.
- 209 *Ibidem.* S. 170–171.
- 210 *Ibidem.* S. 173–174.
- 211 *Jedlicki J.* Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu. Warszawa, 1968. S. 264–270.
- 212 *Ibidem.* S. 289–290. См. также: *Marcinkowski K.* Rodziny zaszczycone szlachectwem w Królestwie Polskim 1815–1836. Warszawa, 1907.
- 213 *Dziennik praw Królestwa Polskiego.* Т. 19. S. 187–289.
- 214 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 210.
- 215 *Jedlicki J.* Op. cit. S 362.
- 216 *Ibidem.* S. 364.
- 217 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 211.
- 218 *Jedlicki J.* Op. cit. S. 246.
- 219 Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 136–138; *Chamerska H.* Drobną szlachta w Królestwie Polskim (1832–1864). Warszawa, 1974. S. 8.
- 220 Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 142.
- 221 *Паскевич И.Ф.* Замечания о предположениях, относящихся к нынешним обстоятельствам Польши. – Семейный архив князя Паскевича. XIII. Отдел IV. № 103. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 139.
- 222 И.Ф. Паскевич – Николаю I, 30 июня (12 июля) 1835 г. – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 139.
- 223 Там же. С. 141–142.
- 224 *Groniowski K.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce: geneza – realizacja – skutki. Warszawa, 1976. S. 119.
- 225 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 139.
- 226 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. Т. 4. Kraków, 1878. S. 441.
- 227 *Historia Państwa i prawa Polski.* Том III. S. 209.
- 228 *Федоров В.А.* Крестьянский вопрос // История СССР. XIX – начало XX в. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1981. С. 81–82.
- 229 Польша и Россия в первой трети XIX века... С. 124–128.
- 230 См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1–2; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., 1946–1958. Т. 1–2; *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967.

- 231 См. прим. 5; *Ружицкая И.В.* Инвентаризация крестьянских повинностей при Николае I (1825–1855): планы и реальность // *Экономическая история. Обзорение* / Под ред. Л.И. Бородина. М., 2005. Вып. 10. С. 170–172.
- 232 История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 96.
- 233 *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego 1858–1861. Т. 1. Historia rozwoju rolniczego i sprawy włościańskiej w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1904. S. 95–96.
- 234 Ibidem. S. 94–95.
- 235 *Groniowski K.* Op. cit. S. 15–21.
- 236 Ibidem. S. 119.
- 237 *Kukulski J.* Z badań nad własnością donacyjną w Królestwie Polskim // 50 lat Archiwum Państwowego w Radomiu. Radom, 1971. S. 172 etc.
- 238 Ibidem. S. 120.
- 239 Ibidem. S. 120–121.
- 240 Ibidem. S. 122.
- 241 *Grynwaser H.* Op. cit. S. 79.
- 242 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 338.
- 243 Там же. С. 339.
- 244 Николай I – И.Ф. Паскевичу. Москва, 14 (26) марта – *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 371–372.
- 245 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. С. 383.
- 246 *Groniowski K.* Op. cit. S. 125.
- 247 Ibidem.
- 248 *Bender R.* Reforma czynszowa w Ordynacji Zamoyskiej 1833–1864. Lublin, 1969.
- 249 *Groniowski K.* Op. cit. S. 123.
- 250 *Stankiewicz Z.* Dzieje wielkości i upadku Aleksandra Wielopolskiego. Warszawa, 1967; *Groniowski K.* Sprawa likwidacji folwarków w dobrach prywatnych w Królestwie Polskim // 50 lat Archiwum Państwowego w Radomiu. Radom, 1971. S. 112.
- 251 *Groniowski K.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce. S. 124.
- 252 Ibidem. S. 123–124.
- 253 Ibidem. S. 126.
- 254 *Bortkiewiczowa F.* Nadziały i powinności chłopów w dobrach prywatnych Królestwa Polskiego. Warszawa, 1958. S. 182.
- 255 *Groniowski K.* Op. cit. S. 126–127.
- 256 [*Паскевич И.Ф.*]. Выписка из всеподданнейшего отчета наместника за 1846 год о крестьянах. – Приложение № 62 а. С. 592–595; Выписка из всеподданнейшего отчета наместника за 1847 год о крестьянах. – Приложение № 62 б. С. 596–599. В кн.: *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность по неизданным источникам. Приложения к тому 5. 1832–1847 гг. СПб., 1896.
- 257 *Щербатов А.П.* Указ. соч. Т. 5. 1832–1847 гг. С. 384.
- 258 Там же. С. 384–385.
- 259 *Grynwaser H.* Op. cit. S. 79.

ГЛАВА 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в 30–50-х гг. XIX в.

Экономический рост разделенной Польши в первой половине XIX столетия во многом определялся уровнем хозяйственного развития крупнейших европейских государств. Опыт промышленно развитых стран, в первую очередь Великобритании, успешно перенимался и способствовал внедрению на предприятиях машин, в том числе и паровых, созданию и развитию крупных производств, а также новых отраслей, таких как машиностроение и химическая промышленность¹. Реконструкция промышленности на новой технической базе увеличила спрос не только на металл, но и на рабочую силу. И хотя господство крепостничества², которое тормозило процесс обезземеливания мелкого крестьянства и препятствовало его переселению в города, негативно сказывалось на развитии промышленности и успешном переходе от мануфактуры к фабрике, однако демографический рост в Королевстве Польском оказывал положительное влияние, в том числе и на обеспечение работниками предприятий легкой и тяжелой промышленности. Росту численности населения с 1816 по 1860 гг. с 2 717 287 до 4 840 466 человек³ способствовало в частности освобождение женатых мужчин от воинской повинности, а также привлечение в Королевство иностранных ремесленников. С 1857 по 1861 гг. хорошие урожаи, отсутствие эпидемий, прекращение рекрутских наборов и развитие промышленности привели к росту населения до полутора процентов в год. Факторами, влиявшими на сокращение численности населения, были восстание 1830–1831 гг., эпидемии холеры, отток иностранных специалистов, неурожай 1845–1856 гг., Крымская война⁴.

1. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Основой экономического развития Королевства Польского, обеспечивающего 70% доходов бюджета, несмотря на технический прогресс, увеличивший долю промышленного производства в хозяйственной структуре, по-прежнему оставалось сельское хозяйство, в котором было занято 80% населения.

По выращиванию зерновых культур лидировала Августовская губерния, за ней шли Плоцкая, Люблинская, Радомская, Варшавская⁵. Для того чтобы улучшить ситуацию с продажей хлеба, Польский банк построил в Новогоргиевске и Влоцлавке товарные склады, на которые, однако, поступало незначительное количество продуктов. Поэтому их передали Военному ведомству. Новый склад банк возвел в Лодзи и приобрел земельный участок для строительства товарного склада в Варшаве⁶. Среди незерновых культур особой популярностью пользовался картофель, выращивание которого началось после голода 1816–1817 гг. Развитие животноводства привело к возделыванию новых кормовых культур, прежде всего клевера. Продолжалось выращивание льна и конопли, значительно расширились посадки рапса, табака, сахарной свеклы, цикория, хмеля⁷. Огородничество и садоводство хотя и были развиты повсеместно, но промышленных масштабов не достигали. Наибольшие урожаи получали с фруктовых деревьев, произрастающих в южных частях Радомской и Люблинской губерний⁸. Треть территории Королевства Польского занимали леса. Сосны и ели росли в Плоцкой и Августовской губерниях, строевой лес (лиственница, бук и дуб) – в южных частях Королевства. Лес сплавляли по Варте, Висле, Бугу и Неману в основном в Пруссию. В Люблинской и Августовской губерниях добывали смолу, деготь. В Люблинской губернии развивалось пчеловодство. В 1820–1840-х гг. успешно развивалось животноводство. Крупный рогатый скот, лошадей, свиней, овец выращивали в Плоцкой, Варшавской, Люблинской губерниях и части Радомской⁹.

Поражение восстания 1830–1831 гг. и лишение на некоторое время возможности сбывать сельскохозяйственную продукцию на русском рынке отрицательно сказались на темпах развития сельского хозяйства в Королевстве. Имена участников восстания, оказавшихся в эмиграции, скупались, и в крупных поместьях создавались перерабатывающие предприятия, развитию которых способствовал перевод на оброк к началу 60-х годов, по разным подсчетам, от тридцати до тридцати пяти процентов помещичьих крестьян¹⁰.

Разлив рек, неурожай зерновых культур и картофеля, падеж скота в Западной Европе в 1844–1847 гг. привели к повышению в два раза цен на хлеб, голоду и значительному увеличению смертности. Правительства европейских государств разрабатывали собственные меры борьбы

со сложной ситуацией. В Великобритании с 1815 г. был запрещен или ограничен импорт хлеба. Так называемые «хлебные законы» были отменены только в 1846 г. В Королевстве Польском был запрещен экспорт за границу ржи, ячменя, муки, гречихи, гороха, овса, картофеля, сена и соломы. Повсеместно ограничивалось количество выкуриваемой водки. Чтобы предоставить населению возможность заработать и тем самым снизить политическую напряженность, организовывалось строительство дорог. Помещики должны были заботиться о своих крестьянах, отправлять на заработки и не отбирать зерно, необходимое для того, чтобы они могли прокормить себя и свою семью, а также засеять пашню на следующий год. Нуждающимся правительством выплачивалось денежное пособие. И хотя неплохой урожай хлеба в 1848 г. снизил на него цены, ситуацию усложняла эпидемия тифа, которая распространялась не только среди сельского, но и среди бедного городского населения; отмечались случаи заболевания холерой. В 1855 г. был зафиксирован новый скачок цен¹¹.

В сельском хозяйстве Королевства Польского на смену традиционным приходили новые формы организации производственного процесса, усовершенствованные орудия и изготовленные по современной технологии машины позволяли снизить затраты на производство сельскохозяйственной продукции, увеличить ее количество и улучшить качество.

Растущий спрос на продукцию сельского хозяйства, вызванный ростом населения, привел к расширению посевных площадей и постепенному переходу от трехполья к севообороту, получившему сначала распространение в имениях магнатов. Наряду с посевом, главным образом хлебных злаков, расширялись посевы других, в том числе и кормовых культур, что способствовало повышению урожайности, развитию животноводства и привело к созданию и применению более производительных, лучше приспособленных к этой системе сельскохозяйственных орудий. Технический прогресс в сельском хозяйстве в 30–60-х гг. XIX в. охватывал прежде всего механизацию производства. Начали создаваться необходимые сельскохозяйственные машины. Сначала в Великобритании, а затем и в других странах образовалась специальная отрасль машиностроения, которая стала изготавливать плуги и бороны для обработки почвы, сеялки для посева, жатки для уборки зерновых культур, молотилки, веялки, сортировки для обработки злаков. Применение паровых машин, которое началось в Королевстве Польском в 1858 г., хотя и сдерживалось господством крепостнических отношений, ограничивавших привлечение квалифицированной наемной рабочей силы, тем не менее способствовало созданию, наряду с небольшими деревенскими производствами, крупных предприятий, позволявших существенно повысить производительность труда. Интенсификация сельскохозяйственной технологии, связанная с первоначальной технической переработкой сельскохозяйственной продукции, привела к

созданию и внедрению специальных машин в винокурении, табаководстве, на предприятиях, изготавливающих сахар, крахмал, масло¹².

В первой половине XIX в. в Российской империи возросло производство картофеля, сахарной свеклы, кукурузы, подсолнечника как необходимого сырья для предприятий, производящих сахар, масло, крахмал и другие сельскохозяйственные продукты. Развивалось травосеяние для получения кормов и семян трав, имевших сбыт за границей. Среди технических культур в промышленных масштабах возделывали лен и коноплю. Лен на волокно и семя выращивали в Вологодской, Вятской, Пермской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской, Казанской, Архангельской, Олонецкой, Псковской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской, Смоленской, Тверской и Новгородской губерниях, коноплю – в Орловской, Курской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Калужской, Черниговской, Могилевской, Минской губерниях. Выращивание конопли как прядильного и масличного растения для домашнего употребления распространилось практически по всей территории Российской империи. Промышленное производство конопли было сосредоточено в основном в средней полосе России. С середины столетия из-за частых неурожаев, значительных затрат на переработку и сокращения спроса произошло постепенное сокращение посевов конопли¹³.

С 40-х гг. XIX в. благодаря мерам, предпринятым Министерством государственных имуществ, в Российской империи начали разводить табак. Однако попытка вырастить высококачественный продукт из семян, привезенных из Египта, Турции, Северной Америки и Кубы, не увенчалась успехом. В связи с этим будущее российского табаководства виделось руководству министерства в том, чтобы производить табак средних, а не высших сортов¹⁴.

В ряде губерний Российской империи (Киевской, Курляндской, Лифляндской, Ковенской, Витебской и других), наряду с применением натуральных, стали использовать и искусственные удобрения¹⁵.

В Королевстве Польском пропагандировать достижения сельского хозяйства должны были основанные в 1857 г. Земледельческое общество и ежегодная сельскохозяйственная выставка в Ловиче¹⁶. Однако, когда к концу 1860 г. на заседаниях Земледельческого общества проблемы сельского хозяйства стали уступать место обсуждению политических вопросов, оно было закрыто на основании постановления Административного совета от 25 марта (6 апреля) 1861 г.¹⁷

В Российской империи успехи зарубежного и отечественного сельского хозяйства пропагандировали, помимо существовавших с XVIII в. Вольного экономического и Лифляндского общепольного и экономического обществ, сельскохозяйственные общества, созданные в Москве, Одессе, Закавказье, Казани, Лебедяни, Ярославле, Пензе, Калуге, Смолен-

ске и Симбирске. Большой вклад внесли сельскохозяйственные выставки. В декабре 1842 г. Министерство государственных имуществ выступило с инициативой проведения «выставок произведений земли, скота и произведений сельских ремесел». Вначале было предложено организовать животноводческие выставки в новороссийских губерниях¹⁸.

2. Промышленность

Промышленность Королевства Польского, ее устойчивый рост и развитие были в центре внимания правительства, которое в 30–50-е гг., так же как и в первой трети XIX столетия¹⁹, принимало необходимые меры для обеспечения ее сырьем, рынками сбыта, рабочей силой, в том числе иностранными специалистами, которые благодаря предоставляемым им льготам переселялись в Королевство²⁰. Правительство Королевства поддерживало изобретателей²¹, пропагандировало достижения промышленных предприятий на проходивших в Варшаве два раза в год, начиная с 1821 г., по примеру Франции, Германии и Великобритании промышленных выставках. Наиболее успешными были выставки 1825 и 1828 гг. Первая мануфактурная выставка в Санкт-Петербурге была устроена позже, в 1829 г. Через два года такая же выставка состоялась в Москве, в 1833 г. снова в Петербурге, и в 1835 г. опять в Москве. В январе 1836 г. было высочайше утверждено положение Комитета министров об организации выставок мануфактурных изделий каждые четыре года «попеременно в С.-Петербурге и в Москве»²². В Варшаве мануфактурные выставки проходили в 1841 и 1845 гг. В январе 1848 г. было принято новое положение, определившее правила организации и проведения выставок «изделий мануфактур, фабрик и заводов», обязанности выставочного комитета, принципы оценки и награждения представляемых изделий, города, в которых должны были каждые четыре года проходить выставки (С.-Петербург, Москва и Варшава)²³. По новым правилам в 1849 г. прошла выставка в С.-Петербурге²⁴, в 1853 г. мануфактурные изделия выставляли в Москве²⁵, в 1857 г. в Варшаве²⁶. Владельцы мануфактур, заводов, фабрик, демонстрируя свою продукцию на промышленных выставках, стимулировали развитие не только текстильной, но и машиностроительной, металлообрабатывающей, химической и других отраслей промышленности, способствовали развитию внутренней и внешней торговли²⁷. Однако на выставки попадали, в основном, изделия крупных предприятий из Центральной России, качество которых не всегда улучшалось год от года. В подробном обзоре, посвященном Петербургской выставке 1861 г., известный технолог М.Я. Киттары писал, что «новостей серьезного значения выставка представила весьма и весьма немного <...> главные статьи нашей промышленности явились на выставке весьма скудно, а многих

недоставало вовсе. Не было сала, поташа и других; не было холстов, деревянной посуды и пр.; лен, пенька, шерсть представлены в самом скромном числе экземпляров; много ли было кож, железа, кирпича, свечей сальных, простого мыла и т. д.?» Подобные наблюдения привели автора обзора к неутешительному выводу: «Значит, производителям этих предметов нечем было похвастаться на выставке; значит, нового, лучшего ничего нет у них, и все идет по-старому: и товар тот же, и производство <...> то же, что и прежде». Не произошло, отмечал он, и каких-либо серьезных изменений в качестве товаров, которые «потребляет большинство населения», дешевый ситец «не изменился: те же краски, та же пестрота, аляповатость в тканях, как <...> лет двадцать назад»; «по-прежнему свечи пахнут отвратительно <...>, обувь так же уродлива, так же смотрит угловатым футляром и требует обильной навивки тряпья, чтобы пригнать ногу простолюдина к этому футляру и защитить ее от мозолей». Однако наряду с этим, – говорилось далее в обзоре, – «все то, что потребляет меньшинство, более развитое, более образованное, более богатое, – все это явилось на выставке в самых разнообразнейших формах – изящным, роскошным, эффектным до такой степени, что вполне может соперничествовать с соответственными произведениями запада (кроме цены однако ж); значит, параллельно развитию общества быстро двинулись вперед и те отрасли мануфактурной промышленности, которые удовлетворяют его требованию. Мы искренно рады этому успеху и желаем только, чтобы, выйдя из тесного кружка, он поскорее сообщился остальным русским фабрикантам и заводам, отвечающим на запрос большинства населения»²⁸.

Достижения российских и польских предприятий пропагандировались также и на международных выставках. Российское правительство информировало правительство Королевства о времени проведения промышленных выставок в европейских странах, оплачивало не только расходы по пересылке и страхованию польских изделий, отправляемых на международные выставки, но и обратную доставку в случае, если товар не был продан, выдавало купцам и фабрикантам бесплатные заграничные паспорта²⁹. Прошедшие строжайший отбор изделия промышленных и сельскохозяйственных предприятий Королевства и империи были представлены на Лондонской всемирной выставке, проходившей в 1851 г. Из 365 участников, демонстрировавших достижения мелких производителей и больших предприятий, 130 были удостоены различных наград. Таким образом, Российская империя и Королевство Польское стали равноправными участниками как национального, так и всемирного выставочного движения³⁰.

Успешное развитие промышленности Королевства Польского зависело от возможности получения кредита. Вначале польское правительство ежегодно выделяло средства в бюджете для формирования специального промышленного фонда. С 1834 г. выдача ссуд перешла в ведение Поль-

ского банка, допускавшего возможность невозврата полученных средств. На основании постановления Административного совета от 3 (15) октября 1852 г. и предложения Правительственной комиссии финансов и казначейства от 14 (26) октября того же года банк самостоятельно принимал решение о кредитовании промышленных предприятий в размере от 3 000 до 10 000 руб. серебром. На получение субсидии до 25 000 руб. серебром испрашивалось разрешение главы Правительственной комиссии финансов и казначейства. Ссуда свыше 25 000 руб. выдавалась на основании постановления Административного совета. Долгосрочные ссуды (не более 12 лет) выдавались под 5%, краткосрочные (не более девяти месяцев) – под 6% годовых. Польский банк выдавал субсидии на покупку сельскохозяйственных машин и оборудования, если они были изготовлены на польских казенных и частных заводах из железа, добытого на казенных рудниках Королевства. Таким образом, именно Польский банк становился основным кредитором промышленных предприятий³¹.

Текстильная промышленность в Королевстве Польском и в Российской империи достигла значительных успехов. Технический прогресс на суконных предприятиях был связан с использованием с 40–50-х годов XIX столетия механических двигателей. Этот процесс затронул не только вновь создаваемые купцами капиталистические предприятия, использовавшие вольнонаемный труд и производившие смешанные шерстяные ткани, но и помещичьи мануфактуры, владельцы которых, занимавшиеся выделкой простых и тонких суконных тканей, начинали применять сложную технику³².

Суконные предприятия в Королевстве Польском были сосредоточены в Варшаве, Варшавской, Радомской, Люблинской, Августовской и Плоцкой губерниях. После запрета беспошлинного транзита польского сукна в Азию в 1834 г. мелкие предприятия закрылись, крупные, поддержанные правительством и Польским банком, перепрофилировали производство на изготовление сукна среднего и высшего сорта и на выпуск хлопчатобумажных тканей. Некоторые фабрики перешли к выделке гладких, безворсовых тканей из гребенной шерсти, стало активно развиваться изготовление неваляных шерстяных изделий, которые ранее ввозились из-за границы. Отличного качества сукно, как и прежде, изготавливали на фабриках братьев Реппан в Калише, А. Фидлера в Опатове (изделия этого предприятия были высоко оценены специалистами на всемирной выставке в Лондоне в 1851 г.)³³, Э. Фридрихса в Тартарах близ Томашова, Мейснера и В. Захерта в Згеже и братьев Кнотов в Томашове. Шерстяные ткани (казимиры и корд) производили Г. Невилль из Велюня и А. Эльбинг в Томашове. Ковры и одеяла изготавливали на фабрике Я. Гейзмера в Варшаве, а шали и большие дамские платки из иностранной гребенной шерсти – на предприятии И. Кунерта в Жирардуве³⁴.

В «Обзрении главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России за 1845 г.» отмечалось, что польская шерсть дороже русской, но «лучше по свойству и чистоте, и этим совершенно окупает высшую цену». Кроме того, «хотя и в Польше, как в России, также чувствителен недостаток в механических заведениях, однако же туда легче выписывать машины из соседней Пруссии, чем доставить их в Москву из дальних стран». Большое значение для успешного развития суконных предприятий имела организация поселений рабочих рядом с производством, на котором «они постоянно работают; в России этого нет»³⁵.

Рост числа суконных фабрик в Российской империи от 235 в 1814 г. до 492 предприятий к 1850 г.³⁶ был обусловлен протекционизмом в таможенной политике. Кроме того, после восстания 1830–1831 гг. из Королевства Польского в Россию переселялись квалифицированные мастера и подмастерья, которые работали на российских предприятиях, усиливая их квалифицированными специалистами и создавая новые производства. Грубое сукно, которое использовалось для производства обмундирования, изготавливали в основном на предприятиях, принадлежавших помещикам, в меньшей степени на посессионных фабриках, расположенных в Симбирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Орловской, Нижегородской, Самарской, Курской, Рязанской, Полтавской, Оренбургской, Смоленской и Казанской губерниях. Улучшение качества сукна способствовало тому, что на основании принятых в 1847 и 1856 гг. правил все производители получили право поставлять сукно для армии и флота. Тонкое сукно, а также сукно среднего качества для вывоза в Среднюю Азию и Китай изготавливали на купеческих предприятиях в Московской, Гродненской, Лифляндской, Черниговской, С.-Петербургской, Калужской, Киевской, Подольской, Вольнской, Эстляндской, Минской, Тульской и Владимирской губерниях. Безворсовые ткани сначала производили из иностранной гребенной шерсти, затем стали использовать продукцию российских прядилен. Достижения российских суконных предприятий позволили им вытеснить с азиатских, в первую очередь китайских рынков, вследствие их удаленности, изделия из Королевства Польского³⁷.

Изготовление тканей высшего качества напрямую зависело от поступавшего на фабрику сырья. Заботясь о качестве производимой шерсти, Правительственная комиссия финансов и казначейства Королевства Польского в сентябре 1836 г. разрешила организовать Администрацию над казенными овчарными заводами³⁸. Кроме того, наряду с варшавской, были созданы несколько специализированных ярмарок, на которых торговали шерстью: в 1842 г. в Калише, в 1851 г. в Плоцке, в 1856 г. в Сувалках и в 1861 г. в Люблине³⁹.

Предприятия по первичной переработке шерсти в Российской империи располагались в Одессе и Бессарабской области, в Херсонской, Харьковской, Воронежской губерниях. Несмотря на проведение специализи-

рованных шерстяных ярмарок в Харькове, Екатеринославе, Ромнах, Воронеже, Нижнем Новгороде, Орле, Касимове, Кременчуге и введение в 1827 и 1831 гг. покровительственных тарифов, создание в 1828 г. в Москве учебного заведения, которое должно было обучать специалистов по сортировке шерсти, на предприятия нередко поступало сваленное в тюки сорное сырье. В 1837 г. была создана Харьковская акционерная компания для торговли шерстью, которая стремилась создать комфортные условия желающим продавать свой товар на Троицкой ярмарке в Харькове. Для хранения привезенного товара компания построила пакгаузы. Тем самым помещики-овцеводы могли сложить свой товар и дожидаться выгодных предложений, а не продавать его за бесценок. В случае необходимости продавцы могли получить шестипроцентную ссуду. Если товарный вид шерсти оставлял желать лучшего, то ее можно было помыть и отсортировать в специально отведенных для этого местах. Деятельность компании способствовала росту цен как на сортированную, так и на грязную шерсть. В Одессе было создано общество для торговли шерстью за границей. Московское общество сельского хозяйства выступило с инициативой создания в Москве центра по производству высококачественной шерсти. В результате в 1844 г. шерсть, не проданную на проходивших на юге России ярмарках, крупнейшими из которых по-прежнему оставались Харьковская, Екатеринославская, Полтавская, начали привозить в Москву⁴⁰.

Хлопчатобумажная промышленность в Королевстве Польском с начала 20-х годов XIX в. стала развиваться быстрыми темпами после введения высоких пошлин на ввозимую пряжу. Хлопчатобумажные изделия изготавливали на фабриках Варшавы, Лодзи, Здуньской Воли, Турку, Озоркува, Константинова, а также в расположенных около них небольших ремесленных мастерских. Расширение внутреннего рынка и упразднение в 1851 г. таможенной границы, строительство железных дорог создали благоприятные условия для сбыта местных товаров и послужили толчком к возникновению крупных предприятий, в первую очередь в Лодзи⁴¹.

В Российской империи развитие хлопчатобумажной промышленности зависело от возможности поставок машин и пряжи из Великобритании, а хлопка – с плантаций Америки, Египта, Индии. Сокращение поставок американского сырья компенсировалось ввозом азиатского хлопка-сырца. После того как в 1841 г. российское правительство ввело дополнительную пошлину на импортную пряжу, а Великобритания в 1842 г. сняла запрет на вывоз машин, возросло число бумагопрядильных предприятий в Петербургской, Московской, Владимирской губерниях⁴².

Рядом с прядильными создаются и ткацкие предприятия, сосредоточенные в С.-Петербургской, Московской, Владимирской, Тверской, Костромской, Рязанской, Ярославской, Калужской губерниях. В отличие от

прядильных предприятий, где активно внедрялись современные станки и оборудование, владельцы «ткацких заведений в 40-х и 50-х годах продолжали раздавать пряжу на сторону», что затормозило создание крупных предприятий. Первая механическая ткацкая фабрика появилась в Шувейской Владимирской губернии в 1845 г. Несмотря на то, что в 1860 г. три тысячи механических станков использовали более чем на шестистах пятидесяти предприятиях, свыше 80% продукции производилось с использованием ручного труда. Применение жаккардового станка позволило разнообразить ассортимент тканей с рисунком. Увеличение производства готовой пряжи привело к росту предприятий, изготавливавших не только пользовавшуюся большим спросом дешевую ткань, но и дорогую, требующую тонкой выделки материю – коленкор, холстинку, кисею и т. п. Продукция хлопчатобумажных предприятий продавалась в столицах, губернских и уездных городах, на ярмарках⁴³.

Первое предприятие, которое занималось отбеливанием и окрашиванием хлопчатобумажных тканей с использованием иностранных специалистов, новейших машин и достижений в области химической промышленности, было основано в 30-х гг. XIX столетия в Москве. На предприятиях Петербурга, Владимира, Иванова окрашивали как готовые ткани, так и пряжу. Очень часто рядом с белильным производством возникали ткацкие, иногда прядильные, но в основном это были предприятия, изготавливавшие набивные ткани. В конце 20-х годов набойные доски заменили цилиндрические машины. В 1832 г. на предприятии братьев Петра и Никона Гарелиных в Иванове появилась первая паровая машина мощностью в двенадцать лошадиных сил. В 1842 г. на фабрике Т.В. Прохорова в Москве была установлена изобретенная в 30-х годах во Франции пирротина – машина, «печатавшая ситцы плоскими вормами». В Иванове пирротины стали распространяться со второй половины 40-х годов⁴⁴.

Льняная и пеньковая промышленность Королевства Польского и Российской империи переживала спад производства. Это было связано с ростом хлопчатобумажной промышленности, сложностью и трудоемкостью подготовки льна и пеньки к прядению, дороговизной сырья, а также необходимостью значительного усовершенствования машин для прядения льна и пеньки, что требовало существенных вложений капитала и специальной подготовки рабочих.

В Королевстве Польском грубое льняное полотно изготавливало крестьянское население. Тонкую ткань привозили из Голландии, Силезии, Саксонии. Из пяти полотняных фабрик, зарегистрированных в 1866 г., на одной работало три, а на другой – четыре человека. Наибольших успехов достигла основанная в конце 20-х годов Жирардовская фабрика. В 1834 г. на предприятии насчитывалось 200 станков и 311 рабочих, в 1866 г. – 500 станков, 1200 рабочих и 4 паровые машины⁴⁵.

В России поступательное развитие полотняного производства, происходившее с XVIII до начала XIX в., сменилось упадком в 1818–1824 гг., затем снова наступил подъем, продолжавшийся до 1835 г., и вновь депрессия. Центрами полотняной промышленности были Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Ярославская, Смоленская, Тверская, Тульская, Виленская, Могилевская губернии. Производство было сосредоточено в городах, реже в сельских полотняных мануфактурах, которыми владели в основном купцы. Многие предприятия изготавливали полотно для вывоза за границу, однако основным потребителем холста оставалась армия⁴⁶.

Сокращение экспорта российского полотна в 40–50-е годы XIX в. было вызвано успехами льняной промышленности за границей. Распространение механического прядения льна в Великобритании позволило английским мануфактурам снабжать по низким ценам льняными изделиями европейский и русский рынки, что наряду со снижением пошлины на иностранные льняные изделия тарифом 1850 г. и развитием хлопчатобумажных предприятий в Российской империи, продукцию которых предпочитало использовать население, привело к уменьшению числа полотняных фабрик. Оживление льняной промышленности было вызвано повышением спроса на полотняные изделия для армии в период Крымской войны 1854–1856 гг.⁴⁷

Производство пеньковой пряжи и веревок было развито в Одессе, Петербургской, Ярославской, Нижегородской губерниях. Однако даже на крупных предприятиях продукцию производили с использованием ручного труда и минимальным привлечением каких-либо технических усовершенствований⁴⁸.

Производство шелковых тканей в Королевстве Польском не получило значительного развития из-за отсутствия собственной сырьевой базы, неблагоприятных климатических условий, низких ввозных пошлин на изделия из шелка. Первая попытка создания фабрики по производству шелковых тканей была предпринята в 1824–1825 гг., когда правительство выдало ссуду Д. Квану в размере 1800 рублей серебром, а затем еще 2398 рублей на покупку шелка-сырца за границей. Однако предприятие создано не было. Шелковые изделия изготавливала фабрика П. Тильмса, а бархат – предприятия В. Круга и К. Дамма из Жирардува⁴⁹.

До середины XIX столетия оставались без результата попытки распространения шелководства на юге России. В 50–60-х гг. разведением шелкопряда должны были заниматься жители военных поселений Херсонской, Таврической, Екатеринославской и Харьковской губерний. Немецких колонистов Екатеринославской и Таврической губерний правительство также обязывало выращивать шелковичных червей, приобретая у них коконы и шелк по выгодным ценам. Комитет шелководства, сельскохозяйственные

общества и частные лица занимались пропагандой шелководства: раздавали тутовые семена и саженцы, помогали сбывать коконы и шелк. Однако как только государство и общественные организации перестали с помощью поощрительных и обязательных мер поддерживать шелководство, а в военных поселениях перестали им заниматься, немецкие колонисты сильно сократили производство⁵⁰. С 1830 по 1850 г. число шелковых фабрик уменьшилось с 213 до 165. Закрылись предприятия в Астраханской, Нижегородской, Симбирской и Тульской губерниях. На оставшихся более крупных предприятиях производство увеличилось⁵¹. В начале 1820-х годов, благодаря тому, что российское Министерство финансов, используя опыт лионских, берлинских и венских фабрик, приобрело жаккардов станок, владельцы предприятий по производству шелковых тканей стали использовать более совершенное в техническом отношении оборудование. Согласно отчету Департамента мануфактур, в 1850 г. в Московской губернии использовалось 900 таких станков. Несмотря на успехи, российские предприятия, изготавливавшие шелк в основном из иностранного сырья, производили только половину необходимых стране шелковых изделий, вторая половина обеспечивалась за счет импорта⁵².

Таким образом, изменения в технике и технологии, начавшиеся в текстильной промышленности Королевства Польского и Российской империи в первой половине XIX в., привели к росту числа предприятий, на которых использовались специализированные машины, позволившие улучшить качество и увеличить объем выпускаемой продукции⁵³.

Горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия в европейских странах под влиянием промышленного подъема активно развивались со второй половины XVIII в. Возрос спрос на полезные ископаемые, значительно увеличилась разработка железных руд, особенно в странах, богатых лесом, необходимым для получения древесного угля, на котором осуществлялся доменный процесс. Паровая машина, которую начинали использовать на горнодобывающих предприятиях, оказала влияние на конструкцию бурильных машин, перфораторов, компрессоров, вентиляторов и другой техники. Разрабатывались и внедрялись в производство машины для вентиляции рудников и шахт, механизмы подъема полезных ископаемых на поверхность. Оставались нерешенными вопросы механизации подземной добычи⁵⁴.

Строительство железных дорог, широкое применение металла в кораблестроении увеличили спрос на железо и сталь, стимулировали расширение их производства, повысили требования к качеству металла. Создание машиностроения и другой отрасли крупной индустрии потребовало технического перевооружения металлургии. Значение металлов и сплавов быстро возрастало, что способствовало увеличению выплавки чугуна, железа, стали, специальных сплавов на основе железа и цветных металлов⁵⁵.

В Королевстве Польском добыча железной руды, цинка, олова, каменного угля, серы и мрамора велась в южной части Варшавской и Радомской губерний. Преобладающее число предприятий, добывавших железную руду, было сосредоточено в казенном ведомстве. Рядом с добывающими предприятиями строились как казенные, так и частные заводы, перерабатывавшие железную руду в сырое железо, чугун и изделия из них. Медные заводы располагались недалеко от Кельц. Цинк, добыча которого велась в основном в окрестностях Олькушска, экспортировали за пределы Королевства, в том числе и в Россию. Известь добывали в Радомской и частично в Варшавской губерниях. Соляные копи в Величке и Бохне отошли к Галиции, однако половина добываемой там соли экспортировалась в Королевство Польское. К разработке собственного источника в Цехоцинке (Варшавская губерния) приступили с середины 1820-х годов, когда было принято решение о строительстве завода, который начал свою работу в 1831 г. В 1835 г. Цехоцинский солеваренный завод поступил в ведение Польского банка. Однако низкая производительность предприятия, которое обеспечивало седьмую часть потреблявшейся в Королевстве соли, обернулась для него значительными убытками. В 1870 г. завод был возвращен казне⁵⁶.

В 1833 г. горнодобывающие предприятия были переданы в ведение Польского банка, в составе которого было создано Горное отделение, руководившее казенными горными заводами Королевства восточного (Вонхоцкий, Сухеднёвский, Самсоновский, Радощицкий и Бялогонский отделы) и западного (Панковский, Домбровский и Славковский отделы) округов. Во главе каждого округа находился особый инспектор, представлявший предложения по улучшению организации работы и отчеты о сметных расходах⁵⁷. На средства Польского банка были созданы: «шесть больших доменных печей в Банковой Гуте, три большие печи в Стараховицах, по две в Бляховне и Нивке и по одной в Прадлах и Ризве; железные плющильни в Банковой Гуте, Бялогоне и Селпи, фабрика стальных кос в Березове, литейный завод в Паршове; механические станки для земледельческих орудий в Суходнёве, Немцах и Нивке; плющильня цинка вблизи Славкова и каменноугольные копи в Домброве, Стараховицах и Немцах». С целью усовершенствования производства и поощрения экспорта банк добился отмены таможенных пошлин на вывозимые за границу изделия, изготовленные на казенных предприятиях. В 1837 г. банк передал в аренду на двадцать пять лет банкиру М. Коньяру железодобывательные предприятия⁵⁸. В 1842 г. руководство казенными горнодобывающими предприятиями было поручено Горному отделению Правительственной комиссии финансов и казначейства, которому Польский банк в 1851 г. открыл кредит в 100 000 руб. и выдавал авансы до 1856 г. Часть долга казны перед банком погашалась за счет передачи ему казенных облигаций третьего выпуска, а оставшаяся сумма выплачивалась в течение тридцати шести с половиной лет из расчета 5% годовых⁵⁹.

Значительные средства были затрачены Польским банком на ремонт и содержание перешедших в его собственность в конце 1847 г. завода по производству железа в Островецке (Радомская губерния) и плющильни в Ирене (Люблинская губерния). Эти предприятия были оснащены паровыми машинами и нагревательными котлами. В январе 1867 г. заводы были проданы⁶⁰.

В 1833 г. Польский банк получил право продажи продукции казенных цинковых заводов и предоставления покупателям различных льгот при покупке. Желаящие купить цинковую жечь для покрытия крыш могли претендовать на получение кредита. В 1837 г. банк поручил продажу цинка банкиру П. Штейнкеллеру, который купил цинко-плющильный завод в Лондоне. В 1853 г. в счет долга П. Штейнкеллера это предприятие было передано Польскому банку, который его продал в 1867 г.⁶¹

В 1855–1879 гг. произошел рост производства в каменноугольной промышленности Королевства Польского. Это объяснялось открытием во второй половине 1859 г. ветви Варшавско-Венской железной дороги, соединившей станцию Зомбковицы с прусской границей. Железнодорожное сообщение объединило крупнейший каменноугольный бассейн с промышленными предприятиями, которые нуждались в быстрой и значительной поставке минерального топлива, обеспечивающего развитие фабрик и заводов⁶².

В Российской империи по сравнению со странами Западной Европы, добыча каменного угля в первой половине XIX в. была незначительной. Донецкий, уральский бассейны, предприятия на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири находились в отдалении от центров торговли и промышленности. Уголь, добывавшийся на открытых в Центральной России месторождениях, отличался невысоким качеством. Ситуация стала меняться в середине столетия. Строительство железных дорог привело к росту добычи каменного угля в Донском бассейне⁶³.

В российской черной металлургии в первой половине XIX в. наблюдался застой, обусловленный целым рядом причин. В связи с развитием коксовой металлургии в Великобритании к середине столетия сократился и полностью прекратился экспорт железа из России, при этом в 1830–1850 гг. происходило увеличение ввоза иностранного металла, несмотря на высокие таможенные пошлины. Играли роль также отсталая организация производства, отдаленность уральских заводов от Петербурга – основного потребителя продукции и транспортного центра, через который происходил вывоз железа за границу, плохое состояние путей сообщения, отсутствие конкуренции на внутреннем рынке. Несмотря на это, владельцы уральских заводов продолжали извлекать огромную прибыль благодаря принадлежавшей им огромной земельной собственности, в том числе лесов, низким издержкам производства, использованию дешевой рабочей силы приписных рабочих. Некоторый рост выплавки чугуна произошел лишь в середине столетия и был вызван возросшим потреблением металла во время Крымской войны⁶⁴.

Машиностроение в конце XVIII – начале XIX вв. развивалось во всех европейских странах, в первую очередь в Великобритании. Преобразования этой разветвленной и многопрофильной отрасли промышленности привели к тому, что паровые машины, которые сначала применялись в хлопчатобумажной промышленности, стали неотъемлемой частью горнодобывающих и металлургических производств. Большая часть машин, предназначенная для нужд различных отраслей промышленности Российской империи и Королевства Польского, привозилась из-за границы, особенно из Великобритании. Машиностроительные предприятия в Королевстве были сосредоточены в основном в Варшаве, Лодзи, Калише, Кельцах, Люблине, Томашове, Ирене, Турку; в Российской империи – в Петербурге, Москве, Риге, Ревеле, Ростове-на-Дону, Одессе, Твери, Киеве, Нижнем Новгороде. Ряд предприятий обеспечивали машинами и оборудованием легкую и тяжелую промышленность. Наряду с этим правительства Королевства Польского и Российской империи принимали различные меры для развития сельскохозяйственного машиностроения⁶⁵.

Сельскохозяйственные машины в Королевстве Польском производили предприятия братьев Эванс, Я. Закшевского, Варшавская фабрика машин, механические мастерские Польского банка, П. Штейнкеллера в Жарках и др.⁶⁶ Владельцев предприятий освобождали от уплаты пошлин за привезенный из-за границы чугун и железо, если их использовали для создания сельскохозяйственной техники. Желающим приобрести сельскохозяйственные машины Польский банк выдавал шестипроцентную ссуду сроком на три года⁶⁷.

В Российской империи машины и орудия для сельскохозяйственного производства изготавливали на предприятиях Петербурга, Москвы, Риги, Ревеля, Ливавы, Твери, Ярославля, Киева, Воронежа, Пензы, Симбирска, Вологды, Смоленска, Ельца, Одессы и других городов Виленской, Подольской, Екатеринославской, Черниговской, Рязанской, Калужской, Саратовской, Курской губерний. Сельскохозяйственные машины, в основном молотилки и веялки, потребность в которых особенно ощущалась вследствие нехватки рабочей силы в южнорусских губерниях, поступали как с российских предприятий, так и из-за границы, после того как были отменены пошлины на ввозимую сельскохозяйственную технику. Пропагандировать достижения машиностроения, в том числе и сельскохозяйственного, должны были специальные выставки и конкурсы, а также основанный в 1859 г. в Петербурге Императорский сельскохозяйственный музей⁶⁸.

Химическая промышленность Королевства Польского, ее успешное развитие во многом зависели от поисков новых источников сырья «для производства соды, серной кислоты, эффективных отбеливающих, протравных и красящих веществ, необходимых для текстильной, металлообрабатывающей, стекольной, кожевенной и других отраслей

промышленности». Высокая эффективность основанных в Варшаве в первой половине XIX в. химических предприятий Л. Гиршмана и Я. Киевского, Ф. Гиршфельда была связана с беспошлинным ввозом сырья, в первую очередь серы, и близостью границы, что снижало стоимость доставки по сравнению с Центральной Россией⁶⁹.

Повышение в 1822 г. в Российской империи пошлин на ввоз сырья и изделий химической промышленности способствовало открытию химических производств в Петербургской (фабрика Ф. Забаха), Московской (заводы Н.В. Лепешкина, П.Ф. Гладиллина), Владимирской (завод Е.О. Бесса), Тамбовской (завод В.П. Волконского) губерниях. Трудности, связанные с отсутствием путей сообщения, необходимой техники и оборудования, с нехваткой кадров, компенсировались вниманием министра финансов Е.Ф. Канкрин к проблемам химической промышленности. Для организации химических предприятий выдавались ссуды, вводились покровительственные пошлины на сырье для химического производства. Наряду с тем, что с 1830 по 1855 г. химические предприятия создавались в Костромской, Калужской, Вятской губерниях, происходило закрытие ряда производств в результате повышения цен на топливо, нехватки рабочих рук, низкой квалификации техников и инженеров, введения тарифа 1857 г., понизившего пошлины на сырье и изделия химической промышленности⁷⁰.

Свеклосахарная промышленность в Королевстве Польском в большей степени была развита в Варшавской и Калишской губерниях, в меньшей – в Келецкой и Радомской. Пропагандой выращивания сахарной свеклы и создания перерабатывающих предприятий в Королевстве занимались: «Roczniki Gospodarstwa Krajowego» (Ежегодник народного хозяйства), «Gazeta Handlowa i Rolnicza» (Торговая и сельскохозяйственная газета), «Tygodnik Rolniczy» (Сельскохозяйственный еженедельник), а позднее «Ziemianin» (Земледелец). К середине XIX в. в Королевстве насчитывалось 11 предприятий (В. Грабский пишет о 17 предприятиях только в Варшавской губернии). Однако в 1850-х гг. из-за конкуренции со стороны Пруссии они пришли в упадок⁷¹.

В Российской империи в XVIII и в начале XIX в. производство сахара достигло значительных результатов и было сосредоточено в Петербурге и Риге, куда из Великобритании и Голландии завозили колониальный тростниковый сахар⁷². Со времени основания первого завода в 1802 г. их число возросло к 1859 г. до 435 предприятий, благодаря увеличению пошлин на ввозимое сырье, пропаганде свеклосахарной промышленности на страницах «Земледельческого журнала» и организации показательного завода на опытном хуторе Московского общества сельского хозяйства, а также созданию в 1834 г. при Обществе комитета сахароваров. 125 предприятий были расположены в Киевской, Волынской и Подольской губерниях, 160 в Черниговской, Полтавской, Харь-

ковской и Курской, 88 в Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской и Московской, 52 в Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской, 21 в Могилевской, Смоленской, Минской, Гродненской губерниях⁷³.

Кожевенное производство Королевства Польского развивалось в Варшавской и Люблинской губерниях. В Варшаве работали крупные кожевенные предприятия Темлера, Шведе, Шленкера, Пфейфера. Крашеную кожу изготавливали на фабриках Матия и Гросса⁷⁴.

Основным потребителем изделий кожевенных фабрик Российской империи была армия. Однако возникали новые направления в кожевенном производстве, такие как изготовление лакированной кожи. Вместе с тем, плохая выделка кож, низкое качество сырья приводили к сокращению вывоза кожевенных изделий российских предприятий, за исключением юфти, и к их заметному отставанию от иностранных производителей⁷⁵. На выставке 1861 г. в Петербурге была отмечена продукция российских кожевенных заводов Петра и Ивана Яковлевичей Шуваловых, Н.И. Бахрушиной, В.Ф. Бахрушина, Н.М. Брусницына, П.П. Михеева, А.А. Брюхова, К.А. Миллера и И.Ф. Миллера, Д.Е. Бенардаки, А.А. Зейдлица и ряда других предприятий⁷⁶.

В Королевстве Польском, как и в Российской империи, получили свое дальнейшее развитие и другие промышленные предприятия. Широко распространено в Королевстве Польском было винокурение⁷⁷. В Люблинской губернии изготавливали ткани и сита из конского волоса, хорошо известные во всей Европе. В Варшаве и Варшавской губернии производили стеариновые и восковые свечи. Изделия из бронзы изготавливали на четырех фабриках в Варшаве⁷⁸. Во всех губерниях Королевства были организованы предприятия по производству кирпича. Заводы, изготавливающие известь, были сосредоточены в Радомской и в Варшавской губерниях. Успешно развивалось производство музыкальных инструментов, деревянных и металлических экипажей⁷⁹.

В Российской империи, так же как и в Королевстве Польском, было широко распространено винокурение. В непривилегированных губерниях винокурение находилось в ведении казны. В привилегированных сбыт продукции был ограничен районом производства. Трудности развития предприятий как в непривилегированных, так и в привилегированных губерниях предполагалось преодолеть введением с 1863 г. акцизной системы⁸⁰. В первой четверти XIX в. в Российской империи быстрыми темпами развивалась стекольная промышленность, ведущими центрами которой были Владимирская и другие губернии Центрально-промышленного района, Волынская, Киевская, Черниговская, Петербургская, Виленская, Смоленская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Пермская, Вятская и

Оренбургская губернии. Стекольные предприятия были созданы в Бессарабии и Грузии⁸¹. Мастерские, изготавливающие ювелирные изделия из золота и серебра, располагались в Москве, Петербурге, Костромской губернии. С 40-х годов XIX столетия получило широкое распространение стеариновое производство, происходил рост предприятий, на которых топили сало, изготавливали «литые сальные свечи прессованным способом», использовали соду вместо поташа, а также «олеин и кокосовое масло» при производстве мыла⁸².

Таможенная и тарифная политика существенно влияли на успешное развитие промышленности в Российской империи и Королевстве Польском. Изменения таможенных тарифов должны были помочь российскому правительству выработать комплекс мер, направленных на успешное экономическое развитие России в условиях, когда в европейских странах завершилась промышленная революция⁸³.

Запретительный тариф 1822 г., оградив российские промышленные предприятия от необходимости конкурировать по уровню технической оснащенности и качеству производимой продукции с западноевропейскими предприятиями, способствовал развитию кустарного производства. Фабричные рабочие, используя опыт, полученный на крупных предприятиях, несмотря на зависимость от скупщика, который предоставлял им ссуду, сырье, реализовывал готовую продукцию, создавали небольшие мастерские по производству хлопчатобумажных тканей в селах и деревнях Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Костромской губерний. Полотно изготавливали в Ярославской, шелковые ткани – в Московской и Владимирской губерниях. Пеньковое производство было распространено в Калужской и Тверской губерниях, кузнечное и слесарное – в Нижегородской и Ярославской губерниях, обработка металлов – на Урале и т. д. 40-е годы XIX в. были временем активного развития кустарной промышленности империи. Небольшие предприятия, на которых трудилось не более четырех-пяти человек, численно преобладали и в промышленности Королевства Польского в первой половине XIX в. Большинство ремесленных предприятий сосредоточивалось в Варшаве и Варшавской губернии. Это были сапожники, портные, кузнецы, мельники, булочники, мясники, бочары, каменщики, плотники⁸⁴.

Единая таможенная граница, созданная в 1850 г., открыла для польской промышленности российский рынок, доступ на который был затруднен после восстания 1830–1831 гг., что наряду с получением правительственных заказов во время Крымской войны дало сильнейший толчок развитию промышленности Королевства Польского. Оставалось улучшить пути сообщения, плохое состояние которых многократно увеличивало транспортные издержки и неблагоприятно сказывалось на торговых оборотах. Ограждение русской промышленности высоки-

ми таможенными пошлинами от иностранной конкуренции привело к тому, что с начала 1840-х гг. раздавались жалобы на дороговизну и плохое качество российских товаров, рост контрабандной торговли. Борьба с контрабандой до 1850 г. велась при помощи ужесточения правил выдачи свидетельств о происхождении товаров и необходимости их клеймения⁸⁵. Однако и в 80-х гг. XIX в. проблема не была решена. Вот как ее описал в своих воспоминаниях И.И. Янжул: «Гораздо большего внимания с нашей стороны в Калише потребовал осмотр нескольких фабрик и ремесленных заведений, подозреваемых в сбыте контрабанды, которая прикрывается следующим ловким маневром: какое-нибудь лицо открывает в пределах России, но на границе, например, в том же Калише, для вида фабрику или мастерскую какого-либо ходкого товара <...>. Единновременно с контрабандным привозом этих товаров из-за границы разными неизвестными путями фабрика вырабатывает и свой подобный товар, только в ничтожном количестве, по тем же иностранным образцам и рисункам, но ставит на все свое клеймо. В результате получается абсурд: в данную часть Польши заметно усиливается ввоз какого-нибудь товара известного рода из-за границы, и местное польское (в большинстве, конечно, еврейское) производство этого предмета нисколько от этой конкуренции не страдает, но заметно растет и процветает. Такие способы контрабанды мне пришлось видеть, по крайней мере по подозрению, кроме Калиша, в Ченстохове и самой Варшаве. Для отвода глаз весьма нередко на подобных фабриках имеются, якобы для образца, те же самые товары иностранного происхождения, но снабженные узаконенной пломбой и прошедшие через таможню»⁸⁶.

Объединения промышленников и предпринимателей Королевства Польского и Российской империи, которые учреждались в первой трети XIX в., призваны были поддерживать не только создание и развитие мануфактурной и фабричной промышленности, но и экономику в целом.

На смену торговым и мануфактурным палатам, работавшим в Варшаве, Калише, Плоцке и Люблине с 1817 г. до 1831 г.⁸⁷, в 1847 г. был создан Промышленный совет с земледельческим, мануфактурным и торговым отделениями⁸⁸. Обязанности Совета состояли в том, чтобы «указывать правительству препятствия, останавливающие развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли; подавать средства к отстранению этих препятствий; изыскивать способы к успешнейшему развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли; представлять, по предложению Правительственной комиссии внутренних и духовных дел объяснения, замечания и заключения по предметам, относящимся к земледелию, фабрикам и торговле»⁸⁹. В отличие от торговых и мануфактурных палат, деятельность которых показала, что они фактически

были совещательными органами при воеводских комиссиях, создание Промышленного совета при Правительственной комиссии внутренних и духовных дел было попыткой повысить статус Совета и предоставить ему возможность оказывать реальное влияние на проводимую торговую и промышленную политику⁹⁰.

В Российской империи содействовать экономическому развитию государства должны были созданные еще в 1765 г. Вольное экономическое общество и учрежденные в 1828–1829 гг. Мануфактурный и Коммерческий советы. Деятельность Коммерческого и Мануфактурного советов показала, что они не в полной мере справлялись с возложенными на них задачами, оставаясь совещательными органами, мало влиявшими на деятельность как высшей, так и местной администрации⁹¹. Ограниченность прав и узость состава не позволяли им выполнять посредническую функцию между правительством и торгово-промышленными кругами. Повысить статус объединенного Мануфактурного и Коммерческого совета, поставив его во главе созданного Министерства коммерции и промышленности, предлагал в своем проекте крупный предприниматель и общественный деятель Ф.В. Чижев. Численность членов Совета, избравшихся предпринимателями, должна была в два раза превышать число чиновников ведомства, формальной главой министерства оставался министр. Отделения совета должны были стать органами министерства на местах. Проект, поданный в Комитет финансов в 1856 г., и многие другие подобные предложения отклонялись вплоть до 1905 г.⁹² Не оправдала себя попытка преобразования Мануфактурного и Коммерческого советов в 1872 г. в «единый Совет торговли и мануфактур с местными комитетами»⁹³. Создаваемые объединения предпринимателей и купечества имели большое значение с точки зрения консолидации торгово-промышленных кругов, однако потенциал таких сообществ не использовался государством для улучшения экономического положения в стране⁹⁴.

Политика Ф.К. Любецкого, направленная на развитие польской промышленности, была продолжена. Благодаря поощрительным мерам правительства, деятельности Польского банка промышленные предприятия Королевства Польского, несмотря на свою молодость по сравнению с промышленностью империи, активно развивались и успешно конкурировали с российскими предприятиями.

В Российской империи, несмотря на отсутствие эффективной программы экономического развития, наблюдался рост машиностроительных, хлопчатобумажных, химических предприятий. Вместе с тем сохранение крепостного труда в ряде отраслей промышленности, например в чугунолитейном производстве, в условиях начавшейся промышленной революции отрицательно сказывалось на темпах роста промышленных предприятий, экономики Российской империи⁹⁵.

3. ФИНАНСЫ И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Финансы и финансовая политика Королевства Польского в период между двух восстаний – это история борьбы за сохранение независимого бюджета и казны, собственной системы налогообложения, возможности самостоятельно определять структуру доходных и расходных статей, нести ответственность по внешним долгам, в том числе и перед империей, а также за ликвидацию совместно финансируемых статей. Если до Ноябрьского восстания финансовая автономия ограничивалась только правом монарха распоряжаться доходами империи и Королевства, то после восстания 1830–1831 гг. финансовая самостоятельность сначала значительно сокращается, а затем полностью утрачивается. Во главе этого процесса стоял министр финансов Е.Ф. Канкрин. Он полагал, и эта точка зрения получила поддержку Государственного совета империи, что принятые польским правительством решения по финансовым вопросам необходимо согласовывать конфиденциально и секретно с российским Министерством финансов. А чтобы исключить обвинения в посягательстве на самостоятельность в решении финансовых дел, Правительственная комиссия финансов и казначейства представляла необходимую информацию на высочайшее имя. За финансовым ведомством Королевства было сохранено право составления бюджета. Вопрос о возможности самостоятельно расходовать доходы, учитывая печальный опыт событий 1830–1831 гг., когда деньги казначейства и Польского банка были использованы восставшими против правительственных войск, обсуждался на заседании Комитета по делам Царства Польского в апреле 1833 г. Поддержку комитета получило предложение российского министра финансов, который разделил расходы Королевства на три категории. К первой относились внутренние расходы, которые должны были покрываться из бюджета Королевства. Вторую категорию, финансируемую Королевством, составляли расходы, выделяемые на содержание пятидесятитысячного российского войска и на военное строительство, а также издержки, связанные с объединением Королевства и Российской империи. Оставшаяся после исполнения расходов первой и второй категорий сумма составляла отправляемую в имперское казначейство третью категорию расходов⁹⁶.

Обсуждение бюджетов Королевства в Комитете по делам Царства Польского вылилось в непримиримую борьбу министра финансов империи Е.Ф. Канкрин с наместником И.Ф. Паскевичем. Камнем преткновения был вопрос о финансировании армии, на которую уходило до половины бюджета Королевства. В отличие от Канкрин, который полагал, что военные расходы, которые оплачивает Королевство, – это контрибуция за мятеж, Паскевич считал это данью империи и стремился всячески ее снизить. Несмотря на предпринимаемые польским правительством меры по сокращению издержек на управление и увеличение доходов⁹⁷,

справиться с дефицитом бюджета без помощи империи было невозможно. Паскевич предложил иные подходы, которые были частично поддержаны Комитетом по делам Царства Польского в мае 1835 г. Управление доходными и расходными частями, а также сбережениями польской казны передавалось в ведение правительства Королевства. На военные расходы, в соответствии с составленной сметой, выделялись средства или из годовых остатков Королевства, или из Государственного казначейства империи. Изложенные принципы были использованы при составлении бюджета Королевства на 1835 г., в котором была определена сумма в 21 000 000 злотых (3150 тыс. руб.), выделяемая на военные расходы империи. Кроме этой суммы, остававшейся неизменной в течение почти тридцати лет, бюджет Королевства вносил в общеимперскую казну незначительные средства «на нужды императора и содержание его двора». В связи с введением в 1850 г. нового тарифа и ликвидацией с 1851 г. таможенной границы между Королевством и империей таможенные доходы Королевства начали поступать в бюджет Российской империи. Королевству выплачивалась компенсация за потерю соляного и таможенного доходов. С 1838 г. в российский бюджет поступали средства от взимаемого за провоз через таможи Королевства дорожного и сплавного сбора. Часть этой суммы также возвращалась в бюджет Королевства. И хотя в 60-е годы XIX в. этот сбор был отменен, перечисление вознаграждения в казну Королевства не прекращалось⁹⁸.

Таким образом, с начала 30-х годов происходило наступление на финансовую автономию Королевства Польского. Министерство финансов империи, оценивая доходы, поступавшие от внутренней и внешней торговли, а также возможности развития промышленности в Королевстве, стремилось не только установить всеобъемлющий контроль за бюджетом, но и требовало, чтобы польская казна выполняла все свои обязательства по оплате долгов и участвовала в общеимперских расходах⁹⁹.

Доходы казны Королевства Польского и Российской империи. Лотерея. Бюджет Королевства Польского составляли доходы окладные¹⁰⁰, неокладные¹⁰¹, с государственных имуществ. Одной из доходных статей была организованная в апреле 1808 г.¹⁰² классная лотерея. В доход казны поступало сначала 10, а с 1839 г. 12% с выигрышей в соответствии с планом лотереи, утвержденным Правительственной комиссией финансов и казначейства. С 1808 по 1862 год лотерея была отдана на откуп частным лицам и поступила в казенное управление в начале 1863 г.¹⁰³ Правительство Королевства неоднозначно относилось к лотереям. Их неоднократно пытались закрыть. С 19 декабря 1839 г. (1 января 1840 г.)¹⁰⁴ перестала существовать находившаяся в казенном управлении числовая (личбовая, номерная, генуэзская) лотерея, учрежденная еще в 1768 г. Однако продолжала приносить доход казне классная лотерея¹⁰⁵, а правительство

на законодательном уровне регулировало деятельность Главной дирекции лотерей¹⁰⁶ и разрабатывало инструкции для лотерейных коллекторов, которые продавали билеты в Варшаве и губерниях Королевства¹⁰⁷.

Доходная часть бюджета Российской империи состояла из доходов обыкновенных (постоянных), оборотных, единовременных и займов. В отличие от Королевства Польского, где организация лотерей была попыткой найти новые источники дохода в условиях ограниченных внутренних ресурсов, в Российской империи лотереи проводились под строгим контролем властей и только с благотворительной целью. Организаторы лотерей, за исключением Санкт-Петербурга и Москвы, где устанавливался особый порядок, должны были пройти сложную процедуру получения разрешения на их проведение¹⁰⁸. С разрешенных правительством лотерей взимался пятипроцентный сбор, который в феврале 1829 г. Комитет министров направил на увеличение капитала для оказания помощи «разоренным от разных несчастных случаев»¹⁰⁹. Вещи стоимостью до 5000 рублей разыгрывались в лотерею с согласия министра внутренних дел, на проведение лотереи свыше указанной суммы необходимо было получать позволение императора¹¹⁰. В соответствии с новыми правилами, принятыми в 1837 г., гражданские губернаторы в исключительных случаях могли разрешить проведение лотереи с благотворительной целью, если стоимость разыгрываемой вещи и цена всех лотерейных билетов не превышали 1000 рублей¹¹¹. Благотворительные лотереи, проводившиеся впоследствии, освобождались, как правило, от пятипроцентного сбора, который был снова введен в мае 1855 г. С этого момента не оплачивался этот сбор можно было только на основании особого постановления¹¹².

Кредит и банки Королевства Польского и Российской империи. Успешное развитие экономики Королевства Польского было невозможно без активного участия в финансовой, торговой, промышленной, сельскохозяйственной деятельности «одновременно эмиссионного, коммерческого, ипотечного и промышленного» Польского банка¹¹³. Основной капитал учреждения, созданного в Варшаве 17 (29) января 1828 г., составлял 4 500 000 руб., и на основании особых высочайших повелений от 26 марта (7 апреля) 1834 г. и 16 (28) апреля 1841 г. он был увеличен сначала на 1 800 000 руб., а затем на 1 700 000 руб.¹¹⁴ В соответствии с уставом, общая сумма билетов банка не должна была превышать капитала, составляющего его собственность, поэтому в обращение их было выпущено на 8 000 000 руб. Выпуск на основании высочайшего повеления от 2 (14) июля 1845 г. билетов еще на 2 000 000 руб. был обеспечен взносом в Комиссию погашения долгов «2 250 000 руб. в 4% билетах Государственного казначейства». На основании устава ответственность за депозиты, капиталы, ценности самого банка и вверяемые ему третьими лицами была возложена на казну. Убытки по операциям должны были

покрываться из резервного капитала, на создание которого банком ежегодно отчислялась часть прибыли. Капиталы банка не облагались налогами, их нельзя было изымать ни по частным, ни по казенным требованиям. Предусматривалась возможность преимущественного удовлетворения претензий к владельцам капиталов, хранящихся в банке. После поступления в банк залогов и депозитов, принадлежавших казне, правительственным учреждениям, Земскому кредитному обществу, они были использованы для развития операций банка¹¹⁵.

Польский банк, созданный для погашения государственного долга, принимал активное участие в размещении казенных займов, выдавал ссуды правительственным учреждениям и организациям, пользующимся казенным покровительством, осуществлял руководство казенными промышленными и торговыми предприятиями, принимал деньги на текущий счет Департамента государственного казначейства. Для погашения казенных долговых обязательств периода Княжества Варшавского банк покупал и оплачивал: «5% свидетельства на постройку путей сообщения (дорожные свидетельства), подлежащие погашению в течение 20 лет; 6% ипотечные облигации, выпущенные с целью получения средств на покупку съестных припасов для войск; 4% пражские облигации, выпущенные в 1807 г. для получения средств на расходы по постройке укреплений на предместье Праги; 5% французские боны, выданные французским жителям» Княжества «в уплату за съестные припасы, скот, лошадей и прочие предметы, и свидетельства (доводы) Ликвидационной комиссии», которые были выданы жителям Княжества Варшавского «в уплату причитающихся им от казны сумм по разным претензиям»¹¹⁶.

Доходы казны от продажи соли были обеспечением займа в 6 300 000 руб. (42 000 000 злотых), выпущенного на основании высочайшего повеления от 28 января (9 февраля) 1829 г. при посредничестве банкира С. Френкеля. Окончательно заем был погашен в 1854 г.¹¹⁷

Военные расходы, постройка Варшавской цитадели, строительство путей сообщения покрывались за счет выпущенных в обращение на основании высочайших повелений от 26 марта (7 апреля) и 28 июля (9 августа) 1834 г., 2 (14) мая 1838 г., 11 (23) марта 1841 г. 5% билетов казначейства на общую сумму 18 000 000 руб. В соответствии с указом от 29 февраля (12 марта) 1844 г. эти билеты конвертировали на 4% облигации по сто, сто пятьдесят и пятьсот рублей серебром, которые с помощью тиражей предполагалось погасить до 1905 г.¹¹⁸ Покрыть часть государственного долга должен был заем от 31 мая (12 июня) 1835 г. в 150 000 000 злотых (22 500 000 руб.), заключенный «с банкирскими домами Самуила, Антона Френкеля и Осипа Эпштейна в Варшаве». Выпущенные облигации в соответствии с постановлением от 28 декабря 1837 г. (9 января 1838 г.) были заменены на новые процентные бумаги – «сертификаты А и В», операции по которым Польский банк завершил в 1876 г.¹¹⁹

С 1830 по 1839 гг. Польский банк выдавал 5% ссуды Земскому кредитному обществу для уплаты обязательств последнего.

Магистрат Варшавы получал значительные средства от Польского банка. 26 августа (7 сентября) 1829 г. была выдана ссуда в размере 750 000 руб. (5 000 000 злотых), которую предполагалось использовать на строительство нового театра и каменной набережной вдоль Вислы. Магистрат должен был расплатиться с банком в 1846 г., но отчисления 9% из городских доходов позволили сделать это уже в 1834 г. На постройку съезда к Висле в 1844 г. была получена ссуда в 1 200 000 руб. Согласно договору, заключенному Польским банком с магистратом Варшавы 29 ноября (11 декабря) 1844 г. и утвержденному Административным советом Королевства 2 (14) января 1845 г., долг предполагалось погасить в течение 49 лет, выплачивая банку каждое полугодие по 33 000 руб. Обеспечить расходы, связанные с расширением в Варшаве Александровской цитадели, должна была полученная в 1854 г. 5% ссуда в размере 700 000 руб. Выплатить долг предполагалось в течение 20 лет¹²⁰.

Несмотря на принятые Административным советом с 1828 по 1864 гг. постановления и инструкции, не получили должного развития вексельные операции Польского банка. Банк много денег тратил на финансирование казны, промышленности, строительства, сокращая учет векселей и ужесточая условия этой операции, не способствуя развитию торговли. В обращении находилось незначительное число векселей, и небольшие торговые фирмы предпочитали заключать сделки за наличный расчет или при помощи простого заемного письма. Банк перестал покупать векселя польских торговых фирм с предоставлением им права выкупа проданных векселей до наступления их срока, так как эта операция не получила широкого распространения. Зарегламентированной инструкциями 1828 и 1840 годов оказалась покупка и продажа иностранных векселей¹²¹.

Ежегодную гарантированную и достаточно высокую прибыль с минимальными рисками Польскому банку приносила оплата заграничных долгов Королевства. С большими рисками были сопряжены другие коммерческие операции банка: «продажа кредитивов, долгосрочных тратт, выдача переводов и чеков, уплата сумм по переводам, чекам и кредитивам корреспондентов, прием на комиссию заграничных векселей, покупка на бирже заграничных валют и оплата ликвидационных листов и купонов»¹²².

Выгодные условия платежей, которые, на основании постановлений и инструкций 1828 и 1840 годов, предоставлял Польский банк при открытии специального счета с обеспечением (открытые кредиты), позволяли направить значительные инвестиции в промышленность и торговлю¹²³.

Переводная операция, производившаяся на основании высочайшего повеления от 17 (29) января 1828 г., когда Польский банк принимал наличные деньги в сумме не менее 30 руб. от казенных учреждений и

частных лиц и передавал их третьим лицам, в которой первоначально были задействованы казначейства, привела к открытию отделений банка в других городах¹²⁴.

В соответствии с уставом Польского банка 1828 г. и на основании инструкции, утвержденной Административным советом 9 (21) июля 1840 г., банк с помощью маклеров покупал и продавал на Варшавской бирже процентные бумаги, в том числе и Земского кредитного общества¹²⁵, и через своих корреспондентов – прусские, австрийские и французские государственные процентные бумаги. Кроме того, он оплачивал вышедшие в тираж государственные и некоторые частные процентные бумаги¹²⁶.

Ссудная операция была тем основным финансовым рычагом, который позволял успешно развиваться промышленности и сельскому хозяйству Королевства. Выдавались ссуды под залог процентных бумаг, товаров (хлеба, шерсти, льна и пеньки, железа, цинка, меди, олова, стекла, сахара, кож, вина, спирта, колониальных и других товаров, бумажных, шерстяных и пеньковых изделий), золота, серебра, изделий из драгоценных металлов, а также ссуды на покупку скота, лошадей, овец, сельскохозяйственных машин и орудий, долгосрочные и краткосрочные ссуды промышленным предприятиям¹²⁷.

Ссуды под залог казенных и частных имений продолжало выдавать основанное 1 (13) июня 1825 г. Земское кредитное общество. Закладные листы первого выпуска должны были быть изъяты из обращения в течение 28 лет. Однако 9 (21) апреля 1838 г. было издано положение о выпуске закладных листов второго выпуска, 8 (20) апреля 1853 г. – закладных листов третьего выпуска и 10 (22) мая 1860 г. – закладных листов второй серии третьего выпуска¹²⁸.

В декабре 1869 г. было создано Варшавское городское кредитное общество¹²⁹.

Заботой о малообеспеченных гражданах было продиктовано основание в 1843 г. при Страховом управлении «для приема на сохранение с приращением процентов небольших сумм, принадлежащих людям менее достаточным» сберегательных касс. По мере необходимости подобные учреждения предполагалось открывать и в других городах¹³⁰.

Чеканка монет происходила на Варшавском монетном дворе, основанном в феврале 1766 г. В январе 1796 г., когда прусские войска вошли в Варшаву, Монетный двор прекратил свою работу, возобновил ее в 1810 г., в период Княжества Варшавского, и продолжал после того, как Королевство Польское стало составной частью Российской империи¹³¹. После подавления восстания 1830–1831 гг. были отменены постановления о чеканке монеты с революционным гербом¹³², которые находились в обращении до 1838 г.¹³³ Монетный двор, который во время восстания был подчинен Польскому банку, в начале 1832 г. должен был быть передан в

ведение Правительственной комиссии финансов и казначейства. Однако столь быстрый переход мог причинить серьезные убытки банку и привести к падению курса банковских билетов. Поэтому окончательная передача Монетного двора состоялась в апреле 1832 г. Попытки вернуть Монетный двор в ведение Польского банка встретили отказ, который был поддержан Е.Ф. Канкриным¹³⁴.

Кредитная система Российской империи второй трети XIX в. не претерпела существенных изменений по сравнению с предшествующим периодом. Она была представлена Ассигнационным, Заемным и Коммерческим банками, а также Сохранными казнами Москвы и Петербурга, приказами общественного призрения, имевшими право заниматься кредитными операциями, несколькими городскими общественными банками с незначительными основными капиталами. В связи с проведением денежной реформы в 1843 г. был закрыт Ассигнационный банк. В конце октября 1841 г. Николай I подписал указ о создании сберегательных касс при с.-петербургской и московской Сохранных казнах воспитательных домов, перешедших с января 1863 г. в ведение Государственного банка¹³⁵. Создававшиеся всесословные учреждения первоначально находились «под непосредственным наблюдением» Опекунского совета, а с июня 1860 г. – под надзором Министерства финансов¹³⁶.

К середине XIX в. общественные кредитные учреждения в Российской империи были представлены двадцатью одним банком, наиболее известными из которых, возникших в конце XVIII – первой половине XIX в., были вологодский Анфилатовский, Осташковский и Иркутский. После издания в феврале 1862 г. положения о городских общественных банках произошел их значительный рост. К 1868 г. насчитывалось сто шестьдесят банков¹³⁷.

Изменения в кредитной системе Российской империи были связаны с эпохой великих реформ 60-х годов XIX столетия. К началу 1860 г. почти все существовавшие кредитные учреждения были закрыты, а новые еще не начали свою работу. В мае 1860 г. был принят устав Государственного банка¹³⁸, в июле 1861 г. утвержден устав С.-Петербургского городского кредитного общества¹³⁹, в июне 1857 г. и феврале 1862 г. – положения о городских общественных банках¹⁴⁰. До 1871 г. вновь создаваемые банки действовали на основании своего особого устава, который каждый раз утверждался в законодательном порядке. В апреле 1863 г. был принят устав С.-Петербургского общества взаимного кредита, в мае 1864 г. – устав Земского банка Херсонской губернии, а в июле 1864 г. – устав С.-Петербургского частного коммерческого банка¹⁴¹.

Биржа в Королевстве Польском была основана в 1817 г. в Варшаве. В 1828 г. Варшавская биржа перешла под непосредственный контроль

президента Польского банка. Это позволило ей успешно развиваться как одному из важнейших финансово-экономических институтов Королевства, несмотря на трудности, связанные со спадом активности, наступившим после Ноябрьского восстания и продолжавшимся в течение десяти лет, несмотря на введение в 1842 г. расчетов на российские серебряные рубли, отмену таможенных границ между империей и Королевством. К середине XIX столетия, наряду с ростом числа маклеров и увеличением объемов торговли облигациями и долговыми расписками, на бирже появились акции, в том числе и польских железнодорожных компаний¹⁴².

В Российской империи наряду с Петербургской, на рубеже XVIII – XIX столетий, были созданы товарные биржи в Одессе (1796 г.) и Рыбинске (1811 г.). Помимо купли-продажи товаров, страхования судов, на них совершались сделки «с векселями и иностранной валютой». После того как в 1816 г. был организован биржевой комитет Петербургской биржи, получивший в мае 1831 г. право иметь свою печать, в 1831 г. было принято положение о маклерах¹⁴³, а в 1832 г. – устав биржи¹⁴⁴, образцом для которого послужили уставы «автономной английской биржи и бирж вольных немецких городов», начали свою работу биржи в Кременчуге (1832 г.), Москве (1837 г., однако официально биржа была открыта в ноябре 1839 г.¹⁴⁵), вновь в Рыбинске (1842 г.)¹⁴⁶, Нижнем Новгороде (1848 г.)¹⁴⁷ и Одессе (1848 г.)¹⁴⁸. Не удалось наладить работу Архангельской биржи, прекратившей свою деятельность в 1829 г. Архангельские купцы, совершая торговые сделки, предпочитали обращаться к услугам торговых домов и купеческих контор¹⁴⁹.

К середине столетия происходит, помимо товарных, вексельных, валютных, рост числа сделок с государственными фондами. Российские ценные бумаги стали появляться на бирже после выпуска в 1809–1811 гг. первых внутренних займов. Торговля ценными бумагами начинает возрастать с середины 30-х гг., когда помимо государственных на биржу поступали акции и облигации торговых и промышленных предприятий. Тем не менее, значительный рост фондовой торговли приходится на 60–70-е гг. XIX в.¹⁵⁰

Варшавская биржа, несмотря на то, что на ее создание и деятельность большое влияние оказывала берлинская биржа, формировалась как независимое учреждение, игравшее важную роль в экономике Королевства Польского. Что касается российских бирж, то, в отличие от западноевропейских и американских, они постепенно становились общественными учреждениями, представлявшими интересы купечества и владельцев промышленных предприятий, так как с этими функциями не справлялись, из-за ограниченности прав и узости состава, учрежденные в 1828 и 1829 гг. Мануфактурный и Коммерческий советы¹⁵¹.

4. РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТА И СРЕДСТВ СВЯЗИ

Пути сообщения Королевства Польского с 1815 г. находилось в ведении Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, а с 1832 г. – Дирекции путей сообщения¹⁵².

Успехи промышленности, сельского хозяйства, торговли непосредственно зависели от развития водного транспорта. С 1816 г. правительство Королевства разрабатывало проекты по улучшению судоходства на реках Висла, Варта, Буг, Вепж, Пилица, Нида, Вкра, Каменная, Пжемша, Писна, Бебжа, Оржица¹⁵³. Трудности, с которыми сталкивалось правительство Королевства Польского при сбыте хлеба, вывоз которого зависел от прусских тарифов, способствовали возникновению планов, предусматривающих соединение Вислы, Буга и Немана с Виндавским портом на Балтийском море. Несмотря на то, что строительство по проекту, подготовленному в 1823 г. и утвержденному в 1825 г., не было окончено, в 1830 г. канал открыли для судоходства. Из-за вспыхнувшего восстания работы были остановлены до 1832 г., когда распоряжением Административного совета Королевства Польского от 11 (23) августа 1833 г. завершение строительства было возложено на Польский банк. Расходы банка после окончания строительства должны были компенсировать использование сплавного сбора, получение дохода с канала и разрешение в течение десяти лет рубить и продавать лес из казенных лесов Плоцкой и Августовской губерний¹⁵⁴. Строевой лес продавали местным торговцам и отправляли в основном в Данциг, Тильзит и Кенигсберг, дрова на отопление высылали в Варшаву, гнали смолу, из которой изготавливали искусственный асфальт. До 1838 г. был построен водный путь, соединивший Вислу с Неманом, но не завершено строительство Виндавского канала, «который, как продолжение Августовского канала, должен был соединить Неман с Балтийским морем»¹⁵⁵. В ведении Польского банка Августовский канал находился до ноября 1844 г., когда руководство им было передано созданному в 1842 г. Управлению путей сообщения¹⁵⁶.

Наряду с Августовским, большое значение для развития водного сообщения имели каналы Королевский, соединявший бассейны рек Вислы и Днепра, а также Быдгощский, соединявший бассейны рек Вислы и Одера¹⁵⁷.

Первый пароход на Висле, купленный на средства Польского банка в Великобритании, появился в 1829 г. Тем не менее для перевозки грузов по-прежнему использовали плоскодонные безмачтовые суда, плоты, сколоченные из мачтового или строевого леса, лодки с парусами, берлинки – одномачтовые крытые суда. В 1846 г. инженер Э. Гильберт получил на 10 лет право на организацию пароходного сообщения по Висле. С этого времени паровые суда регулярно курсировали сначала по Висле, а затем по Бугу и Сане и начинали создаваться пароходные компании¹⁵⁸.

Среди каналов, построенных в Российской империи в первой половине XIX в., наиболее важными были: Огинский, соединивший Днепр с Западной Двиной, Тихвинский, между Мологой и Ладожским озером, Днепро-Бугский, между Днепром и Западным Бугом, и канал герцога Вюртембергского, соединивший Волгу с Северной Двиной.

Грузы по Волге в первой половине XIX в. перевозили большей частью на судах с использованием тягловой силы лошадей, а с середины столетия паровой машины. Первый пароход был сооружен в 1815 г. на заводе К.Н. Берда, который в 1817 г. получил монопольное право на строительство паровых судов, создав тем самым значительное препятствие развитию судостроительных предприятий в других городах. Однако после того, как в 1843 г. было основано «Пароходное общество по Волге», в 1849 г. пароходное общество «Меркурий», в 1853 г. «Самолет», в 1854 г. «Дружина» и «Нептун», в 1856 г. Русское общество пароходства и торговли, в 1864 г. «Лебедь», количество пароходов возросло с 12 в 1847 г. до 339 в 1867 г.¹⁵⁹ В правление Николая I больше внимания, чем в предшествующий период, уделялось развитию торгового флота, улучшению торговых портов империи, созданию, в большинстве случаев с иностранным участием, компаний, осуществляющих пароходное сообщение между европейскими и балтийскими, а также российскими и иностранными черноморскими портами¹⁶⁰.

Несмотря на выгоды водного сообщения, позволявшего перемещать тяжелые и габаритные грузы, перевозить пассажиров и войска, существенный недостаток этого вида транспорта – его сезонность – заставлял обращать внимание и вкладывать средства в развитие дорог с твердым покрытием.

Сухопутное сообщение Королевства Польского в 1816 г. было разделено на большие, средние тракты и боковые дороги¹⁶¹.

Большие тракты, проходившие по территории Королевства между границами, а также соединявшие Варшаву с границами, строились за казенный счет. Протяженность шоссейных дорог первого разряда к 1850 г. составила 2160 верст¹⁶².

Средние тракты соединяли Варшаву с воеводскими и обводowymi городами, а также воеводские и обводовые города между собой. Протяженность дорог второго разряда, на строительство и содержание которых губернские правления аккумулировали средства казны, городов, пожертвования, шарварковую повинность и другие источники финансирования, составила к 1866 г. 1 980 верст¹⁶³.

На ремонт и содержание боковых дорог, которые находились в ведении местной администрации и землевладельцев, направлялась двухдневная шарварковая повинность¹⁶⁴.

Огромную роль в развитии путей сообщения в Королевстве играл Польшский банк, с которым 11 (23 июля) 1829 г. Комиссия внутренних дел

и полиции заключила договор, на основании которого банк должен был выдать ссуду в размере до 14 000 000 злотых на строительство в течение пяти лет краковской, устилугской, волинско-шлёнской, фабричной, торуньской и бялостокской шоссейных дорог. Оплата выданной ссуды должна была производиться из шарваркового сбора, в который начиная с 1830 г. ежегодно вносилось по 1 200 000 злотых. К 1838 г., когда было построено 965 верст дорог, казна задолжала банку около 4 500 000 рублей. В счет этого долга в 1838 г. были выпущены 35 000 5% казенных облигаций 2-го выпуска по 1 000 злотых (150 руб.) каждая¹⁶⁵.

В Российской империи новые подходы в строительстве сухопутных путей сообщения начинают проводиться в жизнь после создания в 1809 г. Главного управления путей сообщения. С этого момента, в отличие от предшествующего периода, когда строительство и содержание дорог находилось в частных руках, а государство брало на себя эту обязанность в случае войны или в чрезвычайных обстоятельствах, доля правительственных средств, выделяемых на строительство дорог, существенно возрастает. Согласно принятым в 1833 г. правилам, дороги империи были разделены на 5 классов: 1) дороги главных сообщений; 2) дороги больших сообщений; 3) дороги обыкновенных почтовых сообщений (губернские); 4) дороги уездных почтовых и торговых сообщений; 5) дороги сельские и полевые. Неизменными остались правила возведения дорог третьего, четвертого и пятого классов. На обеспечение строительства и содержания дорог главных сообщений (Московско-Петербургской, Московско-Нижегородской, Московско-Смоленской через Гжатск, Петербургско-Рижской, Петербургско-Ковненской через Динабург, Московско-Брест-Литовской через Смоленск и Могилев), которое осуществляло Главное управление путей сообщения, был направлен сбор, взимавшийся с 1817 г., в размере 25 копеек с ревизской души. Дороги второго класса предполагалось строить за счет земских повинностей¹⁶⁶.

С 1836 по 1855 гг. были построены важнейшие пути сообщения Российской империи. В 1842 г. было построено Рязанское, в 1845 г. – Московско-Нижегородское, Ярославское шоссе. В 1850 г. завершилось строительство Новгородско-Псковского шоссе, а в 1851 г. – шоссе от Москвы до Брест-Литовска. В 1853 г. было завершено строительство Киевского и Двинского шоссе. Последнее являлось продолжением Ковенского. К 1855 г. построены Рижско-Таурогенское и Крымское, к 1857 г. – Подольско-Харьковское, к 1859 г. – Киево-Брестское. К концу 50-х гг. XIX в. завершилось строительство, начатое еще в 1811 г., Военно-Грузинской дороги. Несмотря на то, что протяженность шоссейных дорог Российской империи к 1867 г. составляла около 7000 верст, достигнутые успехи не отвечали потребностям экономического развития и уступали «как в абсолютных величинах, так и в пересчете на территорию» протяженности дорог Великобритании, Франции, Пруссии и Австрии¹⁶⁷.

Улучшение дорог сказалось на развитии пассажирского транспорта и почтового обслуживания, организации регулярных пассажирских перевозок. А это не только упростило и облегчило путешествия, сделав их комфортабельными, но и привело к изменениям в финансовой и торговой деятельности, связав разобщенные экономические, производственные и торговые центры, удешевив перевозку. Однако стоимость доставки грузов продолжала оставаться высокой. Таким образом, в условиях возрастающих пассажиро- и грузопотоков, связанных с развитием промышленного производства, существовавшая, хотя и динамично развивающаяся, система сухопутного и водного сообщения не всегда справлялась с проблемами увеличивающегося объема перевозок.

Первоначально эти затруднения решались путем строительства новых дорог и улучшения водного сообщения с помощью расчистки рек, сооружения каналов и судоходных шлюзов¹⁶⁸. Изменить ситуацию должно было начавшееся железнодорожное строительство.

Железнодорожный транспорт. В 1834 г. руководство горнодобывающей промышленностью в Королевстве Польском было передано в ведение Польского банка. В начале 1835 г. был представлен проект строительства железной дороги между Варшавой и южной границей Королевства. Эта дорога должна была облегчить поставки каменного угля, цинка и железа с развивающихся рудников, способствовать снижению транспортных расходов на перевозку соли, которая доставлялась для внутреннего потребления. Контракт Польского банка и Петром Штейнкеллером, вместе с уставом создаваемого общества, был утвержден Николаем I 7 (19) января 1839 г. Капитал «Общества Варшавско-Венской железной дороги» (21 млн. злотых) состоял из пяти тысяч 4% акций по 4 200 злотых каждая. В 1841 г. один из главных акционеров приостановил выплаты. Строительство было остановлено, а вместо распущенного в мае 1842 г. общества начал свою деятельность «Комитет Варшавско-Венской железной дороги», представивший в октябре наместнику Королевства рапорт, в котором было предложено продолжить дальнейшее строительство за государственный счет. В соответствии с разработанным планом в 1845 г. от Варшавы были построены дороги до Гродзиска, Скерневиц, Ловича и Рогова; в 1846 г. – до Пётркува, Ченстохова, а в 1848 г. – до границы. На основании высочайшего указа от 28 сентября (10 октября) 1857 г. компании, состоящей из «варшавского банкира Германа Эпштейна, Карла Августа Мильде, графа Андрея Ренарда и барона Германа Мушвица», была передана Варшавско-Венская дорога с условием строительства ветки от Зомбковиц до Сосновиц и продолжения дороги от Ловича до прусской границы. Компании разрешалось создать акционерные общества Варшавско-Венской и Варшавско-Быдгощской железных дорог¹⁶⁹.

Ввод в эксплуатацию Варшавско-Венской, Варшавско-Петербургской, Варшавско-Тереспольской и Московско-Брестской дорог существенно облегчил возможность попадания на российские рынки изделиям польской промышленности, что положительным образом сказалось на темпах роста в Королевстве Польском металлургической и каменноугольной промышленности¹⁷⁰.

Строительство железных дорог в Российской империи осуществлялось как за казенный счет (Николаевская железная дорога), так и с привлечением частных средств¹⁷¹. Однако как в первом, так и во втором случае расходы на строительство были значительные, а невысокая доходность затрудняла поиски инвесторов для новых проектов. Положение меняется с 1865 г., когда правительство начинает выдавать концессии частным лицам для постройки и эксплуатации железных дорог¹⁷².

Несмотря на достигнутые успехи в совершенствовании водного и сухопутного сообщений, строительстве железных дорог, связывавших важнейшие промышленные центры, стимулировавшие рост темпов промышленного производства, способствовавшие возникновению транспортного машиностроения, сделано было не так много для ликвидации бездорожья. Нехватка денег приводила к тому, что реализация многих строительных планов затягивалась, а иногда и вовсе не начиналась. Министр финансов Е.Ф. Канкрин и управляющий путями сообщения К.Ф. Толь выступали против сооружения железных дорог по тем же направлениям, что и шоссейные, так как это приводило к тому, что многие из построенных в середине XIX в. дорог с твердым покрытием лишались своего торгового значения. Незрелость транспортной системы, в первую очередь шоссейных и железных дорог, стало одной из причин поражения в Крымской войне¹⁷³. В Королевстве Польском и к концу XIX столетия медленно создававшаяся транспортная система не соответствовала потребностям экономического развития, фактически тормозя его. Интересны в этой связи воспоминания И.И. Янжула, исследовавшего развитие промышленности Королевства Польского в 80-х гг. и оставившего, наряду с прочими наблюдениями, описание состояния дорог. Янжул отмечал, что для того чтобы добраться до «Мирковской писчебумажной фабрики Вилюнского уезда Калишской губернии», расположенной «всего несколько верст от прусской железнодорожной станции *Wilhelmsbrücke*», пришлось совершить «это путешествие большим объездом из Сосновиц по Пруссии». Несмотря на это, «доехали довольно скоро, тогда как с Россией она была связана плохой проселочной дорогой. <...> Далее, таким же точно образом, путем длинного объезда через Пруссию, мы посетили губернский город Калиш, лежащий от границы всего в семи верстах и тем не менее тогда не связанный еще железной дорогой ни с Пруссией, ни с Россией»¹⁷⁴.

Почта Королевства Польского и Российской империи в первой половине XIX в., продолжая традиции предшествующего столетия, осуществляла административное, транспортное и почтовое сообщение. Почтовое ведомство Королевства Польского, организованное 8 июля (20 августа) 1817 г.¹⁷⁵, подчинялось Правительственной комиссии внутренних дел и полиции. Во главе его была поставлена Главная дирекция почт¹⁷⁶, которая должна была обеспечивать рассылку срочных правительственных распоряжений, создавать условия для удобства почтового сообщения, в частности торгового, заботиться о регулярной и безопасной доставке корреспонденции, в том числе и заграничной. Почтовые учреждения Королевства Польского подразделялись на почтовые отделения и почтовые станции. Почтовые отправления перевозили гужевым транспортом, на почтовых каретах доставляли к месту назначения пассажиров и купеческий товар. Газеты и корреспонденцию на проселочных трактах доставляли почтальоны. Чрезвычайные отправления пересылались эстафетой и экстрапочтой. В 1851 г. почтовые учреждения Королевства вошли в состав Главного почтового управления империи и стали именоваться XIII почтовым округом. В 1862 г. вновь было создано независимое от Российской империи Почтовое управление, однако после Январского восстания почта Королевства в 1867 г. вошла в состав Министерства почт и телеграфов империи под названием Западного почтового округа¹⁷⁷.

Несмотря на создание в конце XVIII столетия в Российской империи «Главного почтовых дел правления»¹⁷⁸, говорить об организации регулярного почтового сообщения в начале XIX в. можно было только для нескольких десятков крупных городов¹⁷⁹. Положение должно было измениться после подписания Николаем I в октябре 1830 г. указа о почтовой реформе¹⁸⁰. С этого времени в России действовало Главное управление почт, в ведении которого сначала находились 11 почтовых округов, а затем учрежденные после 1830 г. почтовые округа в Королевстве Польском и в Закавказском крае. В 1830–1850-х гг. были организованы городские почты в Петербурге, Москве, Варшаве и Казани, появились почтовые ящики, в которые наряду с частной корреспонденцией доставляли газеты, в обращение поступили штемпельные конверты и почтовые марки. Вводилась новая система содержания почтовых станций (их мог взять на откуп любой желающий), новые способы перевозки почты в почтовых экипажах, на пароходах, по железной дороге. Чтобы повысить доходность почты, ей предоставили возможность осуществлять перевозку пассажиров¹⁸¹.

Почтовые отправления разделялись на легкие, тяжелые и экстренные. К легким отправлениям относились «казенные пакеты, партикулярные письма, деньги в ассигнациях, золотой и серебряной монетах, документы и драгоценные вещи, посылки до 10 фунтов». Их пересылали между Петербургом и Москвой шесть раз в неделю, на других трактах – по два и по

одному разу в неделю. Плохое сообщение было причиной того, что почта в Архангельскую губернию и в Сибирь поступала от одного до двух раз в месяц, а корреспонденцию между Охотском и Камчаткой отправляли с оказией. Тяжеловесные посылки, как частные, так и казенные, золотая и серебряная монета в значительном количестве отправлялись по главным трактам. С помощью экстренной почты пересылали «казенные пакеты, партикулярные письма, документы, деньги в ассигнациях, небольшое количество золотой и серебряной монеты, драгоценные вещи»¹⁸². В 1853 г. была создана курьерская почта «для сообщений С.-Петербурга с Кишиневом, Одессой и Киевом»¹⁸³.

Совершенствование почтового сообщения, в том числе и создание необходимого числа почтовых учреждений, способствовало развитию периодической печати, торговли, промышленности, позволяло дешево и без особых формальностей, гарантируя тайну почтовых отправок, пересылать образцы изделий, следить за изменениями, происходящими на внутреннем и внешнем рынках¹⁸⁴.

Телеграфное сообщение в первой половине XIX в. наряду с почтой стали использовать для быстрой передачи информации на значительные расстояния. Первая опытная оптическая телеграфная линия, созданная в 1824 г. между Петербургом и Шлиссельбургом, проработала до 1836 г. и способствовала появлению подобных или усовершенствованных телеграфных линий: Николаев – Очаков – Глубокая Пристань (1826–1830 гг.), Николаев – Херсон – Севастополь (1829 г.), Зимний дворец – Стрельня – Ораниенбаум – Кронштадт (1833 г.), Зимний дворец – Царское Село – Гатчина (1835 г.). В это же время началось строительство самой протяженной телеграфной линии в 1200 км, соединившей Петербург с Варшавой. 149 телеграфных станций, построенных между столицами, передавали сообщения с 1839 до 1854 г.¹⁸⁵

Однако уже в первой половине XIX в. очевидными становятся преимущества телеграфа электрического. В Российской империи первая экспериментальная телеграфная линия соединила в 1836 г. крайние здания Адмиралтейства. В 1841 г. было организовано телеграфное сообщение между Зимним дворцом и Главным штабом, через год – Зимним дворцом и Главным управлением путей сообщения, а в 1843 г. – Главным управлением путей сообщения и Царским Селом. В 1844 г. подготовили проект строительства телеграфной линии от Петербурга до Москвы вдоль железной дороги. В этом же году российское правительство приняло решение о сооружении линии Петербург – Варшава. С 1852 по 1855 гг. телеграфное сообщение соединило С.-Петербург с Ревелем, Выборгом, Гельсингфорсом, Динабургом, Ригой; Москву с Киевом, Кременчугом, Николаевым, Одессой; Варшаву с Мариамполем (Германия) и Эйдкуненом (Австрия). К середине XIX в. активное развитие телеграфного

сообщения способствовало выработке «принципов систем телеграфной связи» и созданию основных требований к «производству телеграфной аппаратуры». С момента своего возникновения телеграфное сообщение в Российской империи создавалось по радиальному принципу, вокруг Петербурга и Москвы, и использовалось «только для государственных целей». Монополия была нарушена в 1854 г., когда с помощью телеграфа стали пересылать коммерческую информацию, а с 1857 г. «был разрешен прием любой частной корреспонденции». В 1852 г. на российских телеграфных станциях появились первые аппараты С. Морзе. Однако с 1854 по 1868 г. фактическим монополистом, строившим телеграфные линии и обеспечивающим их оборудованием, приборами и специалистами, была немецкая фирма «Сименс». Другой немецкой фирмой, «Сименс и Гальске», в 1853 г. был построен в Петербурге электротехнический завод, на котором наряду с прочей продукцией изготавливали и «телеграфную аппаратуру собственной разработки»¹⁸⁶.

Российское правительство придавало огромное значение организации разветвленной телеграфной сети не только внутри страны, но и за ее пределами. Об этом свидетельствует рост общей протяженности телеграфных линий с 7 882 км в 1857 г. до 17 725 км в 1860 г.¹⁸⁷ В 1865 г. Россия приняла участие в учредительном съезде Международного телеграфного союза и подписала международную телеграфную конвенцию, в которой были изложены основные принципы организации телеграфного сообщения стран-участниц¹⁸⁸. Таким образом, создавались необходимые условия для развития одного из передовых средств связи, позволяющего быстро и надежно передавать любую информацию, что имело огромное значение для успешного экономического, политического и военного развития государства.

5. Внутренняя и внешняя торговля

Внутренняя торговля Королевства Польского мануфактурными и ремесленными изделиями, сельскохозяйственными продуктами проходила на ярмарках и различных торгах в городах и местечках. Успехи ярмарочной торговли в начале столетия способствовали организации в 40-е годы XIX в. новых ярмарок и увеличению их числа в тех местах, где они уже существовали. Вместе с тем все большее значение приобретала стационарная магазинная торговля¹⁸⁹.

Важное место во внешней торговле Королевства занимала торговля с Пруссией, куда отправляли скот, лес, цинк, масляные семена, огородные растения, шерсть, шетину и хлеб, а вывозили хлопчатобумажную пряжу и изделия, краски и продукцию химической промышленности, шелк-сырец и шелковые изделия, колониальные товары, машины, металл и

металлические изделия, шерстяные изделия, напитки, рыбу. В Австрию экспортировали лес, шетину, шерсть, шкуры, хлеб, рыбу, а импортировали поваренную соль, лес, колониальные товары, льняные изделия, овощи, напитки. В Королевство поступало российское сырье в обмен на чай, полуфабрикаты и готовые изделия польских мануфактур.

В 1835 г. истек срок действия конвенции, заключенной с Пруссией. На переговорах о новом торговом соглашении Пруссия выступала за включение Королевства в Германский таможенный союз, начавший свою деятельность с 1834 г., и за восстановление положений Венского трактата 1815 г. и конвенции 1818 г. В новом соглашении, по ее мнению, необходимо было предусмотреть более справедливое распределение выгод и уступок по сравнению с конвенцией 1825 г. Российское правительство не могло согласиться с подобными требованиями, поэтому переговоры зашли в тупик и были приостановлены. Однако в акте 1842 г. «Окончательные уступки, делаемые Россией в пользу Пруссии», не имевшем характера двустороннего международного договора, предусматривалось снижение пошлин на прусские товары, открытие по желанию Пруссии новых таможен и пограничных пунктов, сохранение свободного беспошлинного транзита через Королевство (как это было установлено конвенцией 1825 г.)¹⁹⁰.

Торговые отношения Королевства Польского с Российской империей регулировались несколькими тарифами. В одном определялись правила ввоза и вывоза товаров в империю, в другом – порядок прохождения товаров на внешних границах Королевства Польского. В отдельном тарифе рассматривались таможенные правила для товаров, отправляемых из империи в Королевство и обратно¹⁹¹. После восстания 1830–1831 гг. произошло ухудшение торговых отношений. В соответствии с новым российским таможенным тарифом, принятым в конце 1831 г., возросла пошлина до 15% с цены товара на польское сукно и шерстяные изделия, был запрещен ввоз в империю льняных и шелковых изделий, прекращено субсидирование польской промышленности¹⁹². Российское правительство не спешило восстанавливать прежние экономические отношения с Королевством, однако некоторые уступки были сделаны. В качестве «особого снисхождения» польскому сукну был открыт свободный транзит в Китай. Предпринимателям, мастерам и рабочим, которым польское правительство угрожало переселением в Пруссию, правительство империи предоставляло льготы при переезде в Россию. Таким образом часть текстильных предприятий переместилась в Белостокскую область. На оставшихся в Королевстве производствах удешевления готовой продукции добивались путем внедрения современных машин и оборудования, применения новых технологий, использования труда наемных рабочих¹⁹³.

После того как в 1845 г. были частично отменены некоторые вывозные и понижены ввозные пошлины, необходимо было пересмотреть тариф. вновь был поднят обсуждавшийся еще с 1826 г. вопрос о таможенном

объединении империи и Королевства Польского. При рассмотрении этого вопроса стало ясно, что распространить российский таможенный тариф на Королевство невозможно, так как тариф Королевства был либеральнее имперского и имел отличную от имперского структуру. Проект нового тарифа, разработанный А.В. Тенгоборским, обсуждался в специально созданных комитетах с привлечением представителей купечества и промышленности¹⁹⁴.

В российской внутренней торговле из-за недостаточно развитых путей сообщения, разбросанности населения, отсутствия капиталов важную роль продолжала играть ярмарочная торговля. Главнейшими среди российских ярмарок были Нижегородская, Ирбитская, Харьковские (Крещенская, Троицкая, Успенская), Сретенская в Киеве, Троицкая в Криворожье, Макеевская, Крещенская и Покровская в Урюпинской слободе, Маргаритинская в Архангельске, Никольская в г. Ишим и другие¹⁹⁵.

Во внешней торговле Российской империи, так же как и в большинстве европейских стран, переход к умеренному протекционизму способствовал увеличению хлебного экспорта, росту внешнеторговых оборотов, сохранению положительного торгового баланса, созданию новых и развитию старых промышленных предприятий. Тариф 1822 г., который с различного рода изменениями, в первую очередь значительным сокращением количества статей, просуществовал до 1850 г., был направлен на борьбу с контрабандной торговлей, защиту отечественной промышленности, удовлетворение фискальных интересов государства. Интересы фиска ревностно защищал министр финансов Е.Ф. Канкрин, который считал таможенные пошлины идеальным методом обложения. Однако высокие пошлины тормозили внешнюю торговлю, уменьшали таможенный доход, затрудняли возможность обеспечить сырьем, машинами, оборудованием российскую промышленность, железнодорожное строительство. Большинство европейских стран выступали за свободу торговли. Так, процесс перехода от протекционизма к фритредерству в Великобритании начался с сокращения пошлин еще в 20-х гг. XIX в. К 40-м гг. британское правительство отменило пошлины на хлеб, вдвое уменьшило число статей таможенного тарифа. В 1846 г. Великобритания предложила ликвидировать экспортные пошлины на российские товары и выступила за значительное снижение пошлин на английские промышленные изделия, ввозимые в Россию¹⁹⁶.

Главой российских фритредеров, выступавших за снижение таможенных пошлин, был А.В. Тенгоборский. В тарифе 1850 г. были снижены пошлины по 725 статьям и сняты многие запреты на ввоз товаров из-за рубежа. В 1851 г. таможенная черта, отделявшая Королевство Польское от Российской империи, была снята и был издан общий тариф для империи и Королевства. Один из способов борьбы с контрабандной торговлей состоял в обязательном клеймении произведенной продукции. Однако

не все владельцы промышленных предприятий Королевства и империи клеймили свои изделия. Поэтому попытки выявить в ходе проводимых проверок мануфактурные изделия других стран, провозимые с пониженной пошлиной под видом произведенных в Королевстве, завершались, как правило, безрезультатно¹⁹⁷.

И хотя 7 (19) июня 1868 г. был отменен таможенный тариф 1850 г., изданный «исключительно для Царства Польского» и в Королевстве необходимо было руководствоваться имперским таможенным тарифом 1857 г.¹⁹⁸, по воспоминаниям И.И. Янжула, в 80-х гг. XIX в. между Центральной Россией и Королевством Польским началась борьба за рынки сбыта. Это борьба привела к тому, что «по настоянию главным образом московских фабрикантов был уничтожен закавказский транзит, но это не подняло русской промышленности, и привоз иностранных товаров хотя и уменьшился, но место их в значительной степени заняли произведения не московской, а польской фабрикации. Харьков и Киев сделались хорошим рынком для сбыта польских произведений, и даже в самой Москве появились многочисленные склады польских фирм, и многие их изделия начали успешно конкурировать на месте с московскими». По его мнению, «таможенное объединение и уничтожение таможенной границы» в 1850 г. «способствовало <...> дальнейшему развитию и росту лишь польских интересов на счет русских. Первоначально сдерживающей препоной были дурные пути сообщения во внутренней России; но с улучшением их и быстрой постройкой железных дорог сбыт польских изделий не только распространялся с соответствующей быстротой на внутреннем рынке, но вырывал у русской промышленности даже насиженные старые рынки в Азии»¹⁹⁹.

6. СТРАХОВАНИЕ

Страхование в Королевстве Польском и Российской империи в начале XIX в. развивалось под непосредственным контролем правительства²⁰⁰. Государственная монополия способствовала тому, что с момента основания страхового общества в Княжестве Варшавском (королевские декреты 1803 и 1804 гг. об обязательном страховании в городах и деревнях) и до конца 1816 г. от пожара были застрахованы все строения. В 1817 г. вместо Главного управления страхового общества Княжества Варшавского была создана Главная страховая дирекция при Правительственной комиссии внутренних дел и полиции²⁰¹. Функции дирекции постоянно расширялись²⁰². Высочайшим указом от 29 декабря 1842 г. (10 января 1843 г.), помимо страхования от огня, ей было поручено «застрахование пожизненных доходов и капиталов, посевов от градобоя, скота от падежа, продуктов от потерь при сплаве на судах»²⁰³. С этого времени дирекция стала именоваться «Страховым управлением». Созданное учреждение должно

было руководить также и сберегательными кассами, развитие которых, по мнению современников, «чересчур крепко запеленал „избыток формальностей“, совершенно не сродных с этого рода операцией»²⁰⁴. К началу 60-х годов Страховое управление осуществляло страхование «домов и строений в городах; домов и строений в селениях; движимостей как в городах, так и в селениях, <...> хлебов и вообще разных сельских продуктов, убранных с полей после жатвы; транспортов, водным и сухим путями отправляемых; скота, вообще от моровой, а в особенности от сибирской язвы», а также «жизни человеческой»²⁰⁵. Низкие страховые нормы, злоупотребления, связанные в том числе и с тем, что все виды страхования находились в одном центральном учреждении, беспорядки в делопроизводстве были использованы российским правительством, особенно после Январского восстания 1863 г., для того, чтобы упразднить Страховое управление. Согласно новому положению, принятому 19 (31) декабря 1866 г., «заведывание страховыми делами и сберегательными кассами» было распределено «между Правительственной комиссией внутренних дел, губернскими правлениями и уездными управлениями»²⁰⁶.

История страхования в Российской империи начинается со второй половины XVIII в., когда успешное его развитие в Великобритании, Франции, Гамбурге, во многих городах Германии побудило российское правительство обратиться к этому виду деятельности. Первые общества взаимного страхования возникли в 1765 г. в Риге и в 1797 г. в Либаве²⁰⁷. Однако дальнейшего развития это начинание не получило. Поэтому во второй половине XVIII в. жители С.-Петербурга предпочитали страховаться у агентов, представляющих английские страховые компании. Екатерина II стремилась «освободить Россию от иностранных страховщиков»²⁰⁸ и удержать денежные средства в стране. Этому должны были способствовать, хотя и не абсолютная, государственная страховая монополия и созданная в 1786 г. Страховая экспедиция при Заемном банке²⁰⁹. Таким образом, страхование носило вспомогательный характер при ссудной операции. Непродолжительный период (1797–1805 гг.)²¹⁰ страхование товаров осуществляла Страховая контора при Ассигнационном банке²¹¹, присоединенная в 1800 г. к Эсконтной конторе²¹². В январе 1812 г. был утвержден доклад министра внутренних дел о создании Страхового общества в Феодосии²¹³.

В начале XIX в. активную деятельность в С.-Петербурге развернуло агентство английского общества «Феникс». В компании страховали свое имущество большое число «весьма влиятельных лиц столицы». На страх принимались не только строения, товары, но и корабли, которые могли находиться в гавани или на стапелях²¹⁴.

Отток за границу миллионов рублей в виде страховых премий и «неудачи первых попыток введения страхования», вызванные фискальным характером упраздненных контор²¹⁵, заставили российское правительство

обратить внимание на развитие отечественных страховых учреждений. Однако проекты министров финансов Д.А. Гурьева и Е.Ф. Канкрин не получили поддержки Государственного совета. В январе 1826 г. Николай I поручил Е.Ф. Канкрину «обсудить с частными лицами – “нельзя ли учредить частную компанию на тех началах, кои более соответствовали предложениям Государственного совета”»²¹⁶. Е.Ф. Канкрин, в свою очередь, обратился к барону Л.И. Штигилицу с предложением разработать проект акционерной страховой компании, который, очевидно при содействии Н.С. Мордвинова, был подготовлен и утвержден императором.

В июле 1827 г.²¹⁷ был обнародован указ о создании Российского страхового от огня общества, получившего монополию на 20 лет на страхование в С.-Петербурге, Москве, Одессе, а также С.-Петербургской, Московской, Лифляндской, Эстляндской, Курляндской губерниях. Оно освобождалось на этот период от платежа налогов, за исключением пошлин в казну по 25 коп. с 1000 руб. страховой суммы. Разрешалось застрахованное в обществе имущество принимать в залог во всех казенных и кредитных учреждениях. Тариф премий был заимствован у иностранных компаний, однако он был повышен в связи с тем, что в России существовала бóльшая опасность возникновения пожаров²¹⁸.

Дискуссия о том, частными или государственными должны быть страховые компании при поддержке идеолога организации первой российской акционерной страховой компании Н.С. Мордвинова, и самого Николая I, склонила чашу весов в пользу создания частных компаний²¹⁹.

Успешная деятельность Первого страхового от огня общества привела к тому, что в 1835 г. было создано Второе страховое от огня общество²²⁰ и Российское общество для застрахования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов²²¹, а в 1846 и 1847 гг. – акционерные компании «Саламандра»²²² и «Надежда»²²³. В 1858 г. был утвержден устав Московского страхового от огня общества и создано С.-Петербургское общество страхований²²⁴. В 1844 г. был утвержден устав Российского морского и речного страхового общества²²⁵.

Таким образом, в отличие от Западной Европы, где развитие системы страховых услуг было связано с инициативой торгово-промышленных кругов, в Королевстве Польском и Российской империи институт страхования создавался по инициативе и под непосредственным контролем государства. Вместе с тем государственная страховая монополия в первой половине XIX в. уступала место акционерным обществам, учредителями которых часто выступали высшие государственные чиновники Петербурга, представители аристократии, банкиры. В 1851 г. российские акционерные страховые компании стали частью международного страхового рынка и получили возможность «заключать договоры перестрахования за рубежом»²²⁶. Имущественное (противопожарное), личное, транспортное страхование, игравшее важную роль в экономике европейских

государств, недостаточно быстро развивались в Королевстве и Российской империи. Таким образом, правительства были лишены возможности использовать накопленные средства для долгосрочного кредитования, способствующего экономическому развитию²²⁷.

7. СПЕЦИАЛЬНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Система специального и профессионально-технического образования в Королевстве Польском и Российской империи сложилась во второй половине XIX в. В начале столетия в условиях перехода к индустриальному обществу закладывались основы профессионального образования, которое должно было подготовить квалифицированных инженеров, рабочих, специалистов среднего звена, способных управлять торговыми, промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, использовать и производить новую технику²²⁸.

Подготовка квалифицированных кадров рабочих, мастеров, техников происходила в специальных учебных заведениях. В Королевстве Польском реальное (техническое, коммерческое, агрономическое) образование можно было получить в четырехклассных уездных училищах, на последних трех курсах общих гимназий, создававшихся с 1817 г. сначала в Варшаве, а затем и в других городах, воскресно-ремесленных училищах. Наряду с общим, профессиональное образование давала основанная в 1840 г. Реальная гимназия в Варшаве, которую по уровню подготовки можно считать средним специальным учебным заведением. В течение последующих десяти лет по образцу Варшавской реальной гимназии было создано семь подобных учебных заведений. В 1845 г. в Королевстве было уменьшено число уездных училищ, а оставшиеся, в зависимости от потребностей в тех или иных специалистах, преобразованы в технические или агрономические²²⁹.

В Российской империи начальную профессиональную подготовку учащиеся получали на занятиях в промышленных, сельскохозяйственных, коммерческих, навигационных классах или посещая ремесленные курсы, открытые в 1830–1840-е гг. при Керченском, Рижском, Тульском, Калужском, Тверском, Смоленском, Владимирском, Рязанском, Владимирском в Петербурге, Екатерининском, Нижегородском, Шадринском, Одесском, Нарвском, Либавском и других уездных училищах. По сравнению с ремесленными классами и курсами при уездных училищах, серьезную подготовку получали учащиеся реальных классов или курсов при гимназиях. В классах коммерческих, земледелия, межевых работ, мореходных, ветеринарных, по подготовке землемеров и таксаторов, лесничих и их помощников, а также реальных классов или курсах с преподаванием практической химии, механики, рисования, черчения, техно-

логии готовили специалистов низшего и среднего звена для работы на различных предприятиях. Недостаток специальных учебных заведений приводил к тому, что реальные классы и курсы, несмотря на проблемы в организации учебного процесса, восполняли нехватку подготовленных профессионально-технических кадров²³⁰.

Реальное и профессиональное образование начинает развиваться после создания промышленных, горных, землемерных, сельскохозяйственных, мореходных, медицинских, художественно-промышленных и других специализированных средних и низших учебных заведений.

Одними из первых профессионально-технические школы были созданы на горных рудниках и заводах. Правительства Королевства Польского и Российской империи не только стимулировали развитие производства, содействовали внедрению передовой для того времени техники и технологии, приглашали иностранных мастеров и подмастерьев, но и способствовали организации низших и средних специальных школ и училищ, которые должны были обеспечить подготовленными кадрами развивающуюся быстрыми темпами горнодобывающую промышленность.

В Королевстве Польском с 1816 г. в Кельце, а с 1827 г. в Варшаве получали образование в основном на немецком языке в течение трех лет учащиеся Горной школы²³¹. В Российской империи к середине XIX в. в связи с общим упорядочением системы народного образования часть созданных ранее заводских школ, горных и окружных училищ была преобразована в реальные. Готовить мастеров и наставников для заводских школ, чиновников по горному ведомству должно было Уральское горное училище (1847 г.) в Екатеринбурге, а специалистов для заводских лабораторий – основанное в 1842 г. в Петербурге Пробирное училище²³².

В Королевстве Польском обучали литейному делу на фабрике братьев Эванс в Варшаве. Подмастерьев готовили на бумагопрядильне Я. Пасхалиса, а на принадлежавшей Польскому банку бумажной фабрике в Езерне за каждого подготовленного рабочего мастерам выплачивалось единовременное денежное вознаграждение. Ремесленные мастерские и школу для молодых преступников организовал Ф. Скарбек. По его же инициативе в Варшаве в 1830 г. был создан «Дом призрения и труда» для бродяг и нищих. Растущая потребность в квалифицированных рабочих для крупных и мелких промышленных предприятий способствовала созданию в конце 1820 – начале 1830-х гг. ремесленных училищ и заводских школ. К ним относились основанные в Москве Набилковское училище (1832 г.), фабрично-ремесленная школа Т.В. Прохорова (1816 г.), Покровское приходское училище во Владимирской губернии (1847 г.). Технические школы создавались и при казенных заводах Петербурга: с 1821 г. была открыта школа при петербургском Арсенале, а с 1830 г. – школа мастеров и подмастерьев на Охтенском пороховом заводе²³³.

Открытие ремесленных училищ и заводских школ зависело в основном от желания предпринимателей. Единых документов, регламентирующих их деятельность, не существовало, поэтому программа обучения отвечала задачам конкретного производства. В конечном итоге и начальные, и средние, и высшие учебные заведения стремились в своих учебных программах сочетать теоретические знания с возможностью учащихся применить их в производственных мастерских и тем самым получить первоначальный опыт производственной деятельности²³⁴.

На средства Купеческого общества Варшавы в конце 1854 г. было создано Варшавское воскресно-коммерческое училище. Квалифицированных коммерсантов готовили созданные еще в конце XVIII – начале XIX вв. Петербургское коммерческое училище, Московский частный коммерческий пансион К.И. Арнольда, Московское купеческое коммерческое училище, Одесская и Таганрогская коммерческие гимназии²³⁵.

Расширение товарооборота, рост торговли в первой половине XIX в. требовали ускорения темпов развития водного (морского и речного) и сухопутного (в том числе и железнодорожного) транспорта. Первое училище торгового мореплавания, для подготовки штурманов и шкиперов, а также строителей торговых судов, было создано в Петербурге по инициативе министра финансов Е.Ф. Канкрин в 1829 г., второе – в 1834 г. в Херсоне. В 1842 г. были открыты шкиперские курсы в Архангельске и Кемь, а в 1840 г. основана сигнальная школа для подготовки телеграфистов железных дорог. Рост городского и необходимость в увеличении объемов дорожного строительства требовали подготовки специалистов в этих областях. Эту задачу должны были выполнить открытые в 1820 г. Военно-строительная школа и Школа кондукторов путей сообщения (закрыта в 1839 г.). В 1832 г. вместо ликвидированной в 1829 г. Военно-строительной школы при Главном управлении путей сообщения было создано Училище гражданских инженеров, в состав которого в 1842 г. вошло учрежденное годом ранее Архитектурное училище. Созданное в результате этого объединения учебное заведение стало называться «Строительное училище»²³⁶.

Начали появляться художественно-промышленные учебные заведения. В 1825 г. С.Г. Строганов создал в Москве школу рисования, при которой в 1830 г. был открыт класс технического (набивного) рисования, а в 1837 – классы чистописания и лепки из глины различных украшений и фигур. С 1843 г. Мещанское отделение при Московском дворцовом архитектурном училище и Строгановская школа перешли в ведомство Министерства финансов и стали называться 1-й и 2-й рисовальными школами. В 1833 г. при Технологическом институте в Петербурге были открыты публичные классы рисования и черчения, в 1839 г. – Рисовальная школа в Петербурге, а в 1844 г. – Художественная школа в Варшаве²³⁷.

К средним специальным сельскохозяйственным учебным заведениям относились основанная в 1840 г. сельская школа при Институте сельского хозяйства в Маримонте и земледельческие школы, создававшиеся в Королевстве Польском с 1859 г. В Российской империи учебные заведения сельскохозяйственного профиля были представлены Московской земледельческой школой при Московском обществе сельского хозяйства (1822 г.), Школой садоводства при Российском обществе любителей садоводства (1837 г.), Удельным земледельческим училищем (1832 г.), Горыгорецкой земледельческой школой, преобразованной в сельскохозяйственное училище (1848 г.), Магарачским училищем виноделия, основанным в Никитском саду в Крыму в 1828 г., Бессарабским училищем садоводства (1842 г.). В 40-х гг. по инициативе Министерства государственных имуществ было открыто 8 учебных ферм для обучения крестьян. Создавались и частные сельскохозяйственные учебные заведения. Около 1818 г. С. Замойский основал школу батраков, в которую принимали бедных крестьян и сирот в возрасте от 12 до 20 лет. Огородничеству, кузнечному и столярному делу обучали в школе, основанной в 1824 г. И. Чарторьской. Квалифицированных овцеводов и работников, обслуживающих фольварки, выпускала до 1829 г. школа А.Е. Чарторьского. Управляющим, приказчиком, лесничим, межевщиком с 1824 по 1847 г. можно было стать после обучения в «Школе земледельческих, сельскохозяйственных и горнозаводских наук, с присовокуплением особого отделения ремесла», открытой С.В. Строгановой²³⁸.

Развитие животноводства требовало подготовки специалистов, способных бороться с болезнями животных. При Институте сельского хозяйства в Маримонте в 1824 г. было открыто ветеринарное училище. В 1840 г. была создана ветеринарная школа в Варшаве. Ветеринарное, или «скотоврачебное», училище появилось в составе созданной в 1808 г. Императорской медико-хирургической академии. Позднее ветеринарные училища были основаны в 1848 г. в Дерпте и в 1850 г. в Харькове²³⁹.

Близко к сельскохозяйственным учебным заведениям стояли землемерные училища и землемерно-таксаторские классы. В 1817 г. при Варшавском университете была основана Школа строителей и землемеров. Константиновская землемерная школа, открытая в Москве еще в 1779 г., в 1819 г. была преобразована в землемерное училище. В 1858 г. были созданы классы землемеров и таксаторов при Горыгорецком земледельческом и Константиновском межевом институтах, а с 1859 г. – в губернских городах при уездных училищах или гимназиях²⁴⁰.

Лесничих, помощников лесничих, специалистов по таксации и лесоразведению в Королевстве Польском готовили до 1832 г. в Лесном училище, в Российской империи – в Лисинском учебном лесничестве, созданном в 1834 г. под Петербургом, близ станции Тосно. При лесничестве было организовано Егерское училище, переименованное в 1869 г. в Лесное²⁴¹.

Таким образом, в первой половине XIX в. создавались государственные, общественные и частные учебные заведения, в которых, сочетая общеобразовательные и профессиональные знания, готовили рабочих и специалистов среднего звена для обеспечения различных отраслей хозяйственной деятельности.

На развитие системы образования в Королевстве Польском и Российской империи большое влияние оказывали внутривосточные события. Активное участие в восстании 1830–1831 гг. учащихся учебных заведений Королевства Польского привело к тому, что российское правительство решило «воспользоваться общественным образованием как средством для упрочения <...> законной власти и для возможного слияния двух народностей, русской и польской». Так как дальнейшее развитие и широкое распространение образования в Королевстве «признавалось делом небезопасным», то в 1831 г. был закрыт Варшавский университет, а «учебным заведениям придавался преимущественно специальный, утилитарный характер». На основании декрета от 20 ноября (2 декабря) 1839 г. был образован Варшавский учебный округ, находившийся в ведении Министерства народного просвещения империи²⁴². С начала 40-х годов сословный принцип последовательно проводится в образовательных учреждениях Королевства Польского. То, что каждое сословие должно обучаться в определенном типе школ, было подтверждено в рескрипте на имя российского министра народного просвещения от 9 (21) мая 1837 г.²⁴³ С 1845 г. значительная часть общеобразовательных учебных заведений Королевства Польского была представлена классическими (филологическими) или реальными (коммерческими, техническими, агрономическими) уездными училищами. В филологические училища за более высокую плату, чем в реальные, могли поступать представители высших сословий. Гимназии либо специализировались на подготовке чиновников, юристов, техников, специалистов по горной части и т. д., либо в старших классах происходило разделение на историко-филологическое и физико-математическое отделения. Несмотря на то, что постановлением Административного совета от 31 мая (12 июня) 1851 г. был подтвержден сословный принцип обучения, после 1856 г. «доступ в общеобразовательные или филологические училища был открыт всем сословиям», а в Варшаве, после длительного перерыва, создается высшее учебное заведение – Медико-хирургическая академия²⁴⁴.

Высшим учебным заведениям в системе профессионального образования Королевства Польского и Российской империи соответствовали академии, институты и университеты технического профиля. Создание высших технических учебных заведений в первой половине XIX в. инициировалось в основном отраслевыми ведомствами.

В 1820 г. был открыт Институт сельского хозяйства в Маримонте, для подготовки технических работников, способных обслуживать фольвар-

ки польской шляхты. В 1840 г. в составе института был организован факультет лесоводства. В 1827 г. при Виленском университете был учрежден Институт практического сельского домоводства. В 1835 г. в Москве был создан Межевой институт, а в 1837 г. – Лесной и межевой институт в Петербурге. В 1848 г. на базе высшего разряда созданной в 1836 г. Горыгорецкой земледельческой школы был основан Горыгорецкий земледельческий институт, переведенный в 1864 г. в Петербург. В 1865 г. был утвержден устав Петровской земледельческой и лесной академии в Москве²⁴⁵.

Инженерами и управленцами на предприятиях Королевства Польского работали выпускники созданного по французскому образцу Горного корпуса. В 1823 г. при Варшавском университете была создана Школа гражданских инженеров дорог и мостов, которая в 1829 г. вошла в состав основанного в 1826 г. Политехнического института и стала одним из его факультетов. В марте 1845 г. было принято решение об организации высших реальных учебных заведений в Калише, Кельце или Седльце. В 1828 г. по инициативе российского министра финансов Е.Ф. Канкринна был создан Петербургский практический технологический институт (открыт в 1831 г.). При институте с 1834 по 1862 г. готовила мастеров для горных заводов Горная техническая школа, в состав которой в 1839 г. вошла медальерная школа, находившаяся до этого при монетном дворе. Действовавшее с 1841 по 1847 г. отделение института занималось подготовкой специалистов для строящейся железной дороги между Москвой и Петербургом. Петербургское Горное училище в 1804 г. было преобразовано в Горный кадетский корпус, а в 1833 г. – в Горный институт. С 1834 г. он стал называться Институтом корпуса горных инженеров и постепенно превращался в закрытое военно-учебное заведение. Инженеров и чиновников готовил и Институт инженеров корпуса путей сообщения, основанный в 1809 г. В Москве искусных мастеров с достаточными теоретическими знаниями для развивающейся промышленности обучали с 1832 г. в Ремесленном училище. В 1832 г. в Петербурге по указу Николая I было основано Училище гражданских инженеров, созданное на базе открытого в 1820 г. военно-строительного училища²⁴⁶.

Высшее коммерческое образование было представлено Ришельевским лицеем, созданным в 1817 г. на базе преобразованной Одесской коммерческой гимназии, и учрежденным в 1839 г. в Петербурге Высшим коммерческим пансионом, а также частным коммерческим пансионом К.И. Арнольда, который с 1806 г. стал называться Практической коммерческой академией, а с 1835 г. – Практической академией коммерческих наук²⁴⁷.

Медицинская школа в Княжестве Варшавском была основана в 1809 г. Ее выпускникам на основании постановления от 15 (27) марта 1816 г. разрешалось иметь врачебную практику в России. В февралемарте 1840 г. Административный совет Королевства Польского принял решение об организации в Варшаве фельдшерской и фармацевтической

школ, а в 1857 г. была создана Варшавская медико-хирургическая академия. Подготовкой медицинских кадров занимались медицинские факультеты при Виленском, Московском, Дерптском, Казанском, Харьковском, Киевском университетах и Медико-хирургическая академия, в составе которой еще в 1808 г. было создано фармацевтическое, или аптекарское, училище²⁴⁸.

Формирование системы высшего профессионального образования в Королевстве Польском и Российской империи было ориентировано на подготовку специалистов, в которых государство ощущало потребность. Вначале главной задачей учебного процесса высшей технической школы была подготовка универсальных инженеров-энциклопедистов, для этого во вновь открываемые учебные заведения приглашали в качестве преподавателей ведущих ученых и педагогов, передовых иностранных специалистов. В дальнейшем, когда возникла необходимость подготовки инженеров и чиновников государственного аппарата к изменяющимся условиям профессиональной деятельности, была определена задача соединения фундаментального инженерного образования с практической профессиональной подготовкой во время учебного процесса и в период производственной практики²⁴⁹.

Создание в первой половине XIX в. в Королевстве Польском и Российской империи профессионально-технических и высших специальных учебных заведений свидетельствовало о том, что государство осознавало важность и необходимость подготовки квалифицированных рабочих и инженерных кадров. Однако количество учебных заведений технического профиля и качество подготовки специалистов в них не в полной мере соответствовали темпам экономического развития Королевства Польского и Российской империи.

Отсутствие преемственности и традиций в подготовке технических специалистов среднего и высшего уровня приводило к тому, что недостатки профессионального образования восполнялись приобретением практических навыков и совмещением гимназического образования со специальным. Учебные заведения должны были создавать подготовительные отделения, снижать возраст поступающих, увеличивать продолжительность обучения. Невысокая потребность промышленности в инженерах приводила к тому, что Петербургский технологический и Горный институты, Московское техническое училище, созданные как высшие учебные заведения, до 60–70-х гг. XIX в. фактически являлись средними специальными учебными заведениями, а некоторые начинания, как, например, попытка организации Технологического института в Москве, закончились неудачей. Нехватку государственных учреждений, обеспечивающих подготовку специалистов для различных отраслей развивающейся экономики, частично компенсировали частные профессионально-технические учебные заведения²⁵⁰.

Незаинтересованность в большинстве случаев в хорошо подготовленных специалистах низшей и средней квалификации, грамотных инженерах тормозила процесс дальнейшего совершенствования производства и была одной из причин приглашения иностранных специалистов на предприятия и в качестве преподавателей в учебные заведения. Однако, несмотря на все проблемы экономического и политического характера, в начале XIX в. профессиональное образование становится одним из важных факторов и движущей силой прогресса, оно должно было обеспечить возрастающие потребности государства в специально обученных кадрах уже во второй половине столетия.

Таким образом, в Королевстве Польском в 30–50-е гг. продолжали совершенствоваться тенденции экономического развития, наметившиеся в первой трети XIX столетия, связанные прежде всего с созданием необходимых условий для активного роста промышленного производства. Была продолжена политика Ф.К. Любецкого, направленная на преодоление «зависимости польского рынка от прусской промышленности»²⁵¹. К середине века наблюдался значительный рост предприятий с использованием паровых машин. Происходило формирование основных промышленных округов Королевства, таких как горношлёнский, лодзьский, варшавский, сосновецко-ченстоховский. Королевство Польское по-прежнему оставалось одной из наиболее промышленно развитых частей империи. На смену ярмаркам постепенно приходит магазинная стационарная торговля. В кредитной системе помимо государственного банка возникают и успешно развиваются частные акционерные банки. Железнодорожный транспорт оказывает значительное влияние на водное и сухопутное сообщение, развитие почты, создание новых промышленных предприятий, изготавливающих рельсы, паровозы и необходимое железнодорожное оборудование. Одним из важных элементов модернизации является появление телеграфного сообщения, соединившего Варшаву с Веной и Петербургом²⁵².

Однако сохранять экономическую независимость после восстания 1830–1831 гг. Королевству Польскому удавалось с большим трудом. Знание русского языка становилось обязательным для чиновников всех уровней. В марте 1840 г. было принято решение, согласно которому на руководящие посты в кредитные учреждения, в первую очередь в Польский банк, стали принимать российских чиновников. С 1842 г. расчеты в Королевстве осуществляются на российские серебряные рубли, копейки и полукопейки. С 1849 г. была введена российская система мер и весов²⁵³. Российские реформы 60-х годов, большая часть которых проходила на фоне очередного восстания в Королевстве, не позволили использовать хорошо организованную и не дорогую систему государственного управления, сложившуюся в Королевстве. Процесс инкорпорации

административных, в том числе и финансовых, учреждений Королевства в имперскую систему шел полным ходом и завершился, вместе с отменой в 1851 г. таможенных границ в Королевстве, в конце 60-х годов объединением бюджетов Королевства и империи, лишением Польского банка права выпуска бумажных денег, окончательным уничтожением экономической автономии²⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Szczepański J.* Modernizacja górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim w I połowie XIX w.: rola specjalistów niemieckich i brytyjskich. Kielce, 1997. S. 18–21.
- ² *Есинов В.В.* Польские крестьяне за 100 лет // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Т. 54. № 12. С. 260–262; *Студницкий В.* Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 125.
- ³ По данным Ш. Аскенази, население Королевства в 1815 г. составляло 3 200 000 человек, а в 1830 – 4 200 000 (*Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 40; *Askenazy Sz.* Rosja–Polska 1815–1830. Lwów, 1907. S. 78). См. также: *Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютина. СПб., 1864. Т. 3. Ч. 1. Тетрадь 1. С. 10–11.
- ⁴ Географические и статистические очерки Царства Польского. СПб., 1863. С. 45–47; *Симоненко Г.Ф.* Сравнительная статистика Царства Польского и других европейских стран. Варшава, 1879. Т. 1. С. 103–108; *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1896. Т. 5. С. 16; *Иванов Н.А.* Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. СПб., 1837. Ч. 1. С. 175–176; *Студницкий В.* Польша в политическом отношении... С. 49.
- ⁵ С 23 февраля (7 марта) 1837 г. воеводства Королевства стали именоваться губерниями. 29 сентября (11 октября) 1842 г. обводы переименованы в уезды, поветы в округа, муниципальные управления в магистраты. 9 (21) августа 1844 г. вместо ранее существовавших восьми воеводств в Королевстве Польском были созданы пять губерний (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 1. S. 115–120; Т. 20. S. 412–417; Т. 30. S. 280–285; Т. 34. S. 452–459). 19 (31) декабря 1866 г. Королевство было разделено на десять губерний (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 66. S. 118–193).
- ⁶ *Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego*. Т. 1. 1828–1831. Warszawa, 1858. S. 347–350; Т. 2. 1832–1841. Warszawa, 1858. S. 67–70; Т. 3. 1842–1858. Warszawa, 1859. S. 444–446, 673–677; Т. 4. 1859–1862. Warszawa, 1863. S. 202–204; *Bank Polski 1828–1885: dla upamiętnienia 160 rocznicy otwarcia Banku Polskiego*. Warszawa, 1988. S. 114; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год, а также деятель-

ности Варшавской конторы Государственного банка по ликвидации дел б. Польского Банка за время с 1-го января 1886 года до 1-го января 1894 года. Варшава, 1894. С. 67–68.

- ⁷ *Grabski W.* *Historya Towarzystwa Rolniczego. 1858–1861.* Warszawa, 1904. Т. 1. С. 239–242. См. также: Сборник административных постановлений Царства Польского (Сборник административных постановлений...). Ведомство внутренних и духовных дел. Варшава, 1866. Ч. 2. Т. 1. С. 358–392.
- ⁸ Географические и статистические очерки... С. 87–90; *Grabski W.* *Historya Towarzystwa Rolniczego.* Т. 1. С. 290–291.
- ⁹ Географические и статистические очерки... С. 90–92; *Grabski W.* *Historya Towarzystwa Rolniczego.* Т. 1. С. 248–290.
- ¹⁰ *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 144; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. С. 28.
- ¹¹ Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Варшава, 1866. Т. 5. С. 242, 308–310; *Кулишер И.М.* Хлебные пошлины и их влияние на народное хозяйство. СПб., 1904. С. 16, 24, 49–50; *Karwowski S.* *Historia Wielkiego Księstwa Poznańskiego.* Poznań, 1918. Т. 1. 1815–1852. С. 167–168; *Бернгард Л.* Борьба поляков за существование в Пруссии. (Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat). М., 1911. С. 23; *Симоненко Г.Ф.* Сравнительная статистика Царства Польского... Т. 1. С. 238–244; *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. С. 134, 145, 169; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Плоцкая губерния. СПб., 1849. Т. 15. Ч. 2. С. 3, 134–135.
- ¹² Техника в ее историческом развитии. От появления ручных орудий труда до становления техники машинно-фабричного производства. М., 1979. С. 304–311.
- ¹³ Историко-статистический обзор промышленности России / Под ред. Д.А. Тимирязева. СПб., 1883. Т. 1 (группа III). С. 70–104; *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. М., 1958. С. 212–213.
- ¹⁴ Историко-статистический обзор промышленности России / Под ред. Д.А. Тимирязева. СПб., 1886. Т. 2 (группа VII, раздел V). С. 8–16.
- ¹⁵ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 1 (группа III). С. 15, 18; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
- ¹⁶ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 51. С. 150–165.
- ¹⁷ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 51. С. 110–149, Т. 57. С. 342–345; *Karwowski S.* *Historia Wielkiego Księstwa Poznańskiego.* Т. 1. С. 240–242; *Бернгард Л.* Борьба поляков за существование в Пруссии. С. 60–61; Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде. М., 1961. С. 267–268, 274–276. Исчерпывающее исследование о создании и деятельности Земледельческого общества написал Владыслав Грабский: *Grabski W.* *Historya Towarzystwa Rolniczego. 1858–1861.* Warszawa, 1904. Т. 1–2.

- См. также: *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego przed powstaniem styczniowym. Raport Józefa Bossakowskiego z 1862 r. dla ministra finansów M.Ch. Reuterna. Warszawa, 1969. S. 528–590; *Драницын С.Н.* К вопросу об экономических корнях восстания 1863 г. в Польше // Исторический сборник. М.; Л., 1936. Вып. 5. С. 149.
- ¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗ-2). Т. 17. 1842. Отд. 2. № 16307. С. 196; История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1911. Т. 1. Вып. 3. С. 70.
- ¹⁹ Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Варшава, 1866. Ч. 2. Т. 2. С. 2–19.
- ²⁰ Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 20–55, 154–181; *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. М., 1887. С. 18–20. См. также: Исторический очерк промышленности в Царстве Польском // Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 1. С. LX–LXX; *Gorski S.* Niemcy w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1908. S. 6–9; *Szczepański J.* Modernizacja górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim... S. 53–57.
- ²¹ С 1833 по 1862 гг. в Королевстве Польском было выдано более 150 привилегий (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 15–17, 19–21, 23–26, 28–32, 34–45, 47–50, 53–57, 59, 61). На основании указа от 8 (20) мая 1867 г. на Королевство распространялись принятые в империи правила о привилегиях «на новые изобретения и открытия» (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 66. S. 444–447; Свод законов Российской империи. 1857. Т. 11. Ч. 2. Кн. 1. Разд. 3. Ст. 125–168. С. 26–34).
- ²² ПСЗ-2. Т. 11. 1836. Отд. 1. № 8755. С. 9–10.
- ²³ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 41. S. 42–97; Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 280–325, 350–377.
- ²⁴ ПСЗ-2. Т. 23. 1848. Отд. 1. № 22234. С. 285–286.
- ²⁵ ПСЗ-2. Т. 27. 1852. Отд. 1. № 26325. С. 381–382.
- ²⁶ ПСЗ-2. Т. 31. 1856. Отд. 1. № 31054. С. 913–914. См. также: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1341. Оп. 74. Д. 390. Л. 1–11.
- ²⁷ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 6. S. 42–46; РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 621. Л. 11; *Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности. Киев, 1909. Т. 1 (1764–1830). С. 207; *Wóycicki A.* Dzieje robotników przemysłowych w Polsce. Warszawa, 1929. S. 82; *Rynkowska A.* Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821–1831. Łódź, 1951. S. 119–121; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 3. С. 69; Выставка произведений Царства Польского // Журнал мануфактур и торговли. 1839. № 2. С. 362–372; *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 20–21.

- ²⁸ *Киттары М.Я.* Обзорение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности 1861 года. СПб., 1861. С. 329–330.
- ²⁹ Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 378–407.
- ³⁰ Обзорение лондонской всемирной выставки по главнейшим отраслям мануфактурной промышленности. СПб., 1852. С. III–VI, 181–212; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 11. Оп. 1. Д. 237. Л. 2–4об., 28–30; *Шпаков В.Н.* Россия на всемирных выставках 1851–2000. М., 2000. С. 6–33; *Павлов К.А.* Международные ярмарки и выставки. М., 1962. С. 11–12.
- ³¹ *Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego.* Т. 2. S. 6–9, 60–61, 97–99, 345–463; Т. 3. S. 454–460, 468–470, 577–582; Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 182–207; 212–229. Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Варшава, 1867. Т. 10. С. 564–573; *Bank Polski 1828–1885...* S. 110–113; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 27–27об., 39–40, 59–60об., 365–365об.; *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 26.
- ³² *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955. С. 102–113.
- ³³ Обзорение лондонской всемирной выставки... С. 110.
- ³⁴ Выставка произведений Царства Польского. С. 362–363. См. также: *Jeziński A., Zawadzki S.M.* Dwa wieki przemysłu w Polsce. Warszawa, 1966. S. 88–98.
- ³⁵ Обзорение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. СПб., 1845. С. 132–133.
- ³⁶ *Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 134.
- ³⁷ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа V). С. 136–138; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1862. Т. 1. С. 157–188.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 266–266об.; *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 39–40.
- ³⁹ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 31. S. 204–209; Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 230–237, 246–279; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 223–223об.
- ⁴⁰ Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. 1. С. 188–212.
- ⁴¹ Выставка произведений Царства Польского. С. 363–365; *Janowicz L.* Zarys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1907. S. 38; *Kowicka E.* Fabrykarstwo tekstylne na ziemiach polskich (1750–1870). Wrocław, Warszawa, Kraków, 1963. S. 152–160; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815–1850). Warszawa, 1957. S. 19–24; *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 152–153.

- ⁴² *Вершинский А.Н.* Хлопчатобумажная промышленность России и английские кризисы 60-х гг. XIX в. По переписке Морозовых. Тверь, 1930. С. 3, 13, 18; *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 15–17, 21–23; *Шерер А.А.* О хлопчатобумажном и писчебумажном производствах // Обзор Парижской всемирной выставки 1867 года. СПб., 1868. Вып. 5. С. 2–3, 8–11; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа V). С. 83–85.
- ⁴³ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 29, 34–39, 42–44; *Шерер А.А.* О хлопчатобумажном и писчебумажном производствах. С. 11–14; *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 94–98.
- ⁴⁴ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 53–54; *Шерер А.А.* О хлопчатобумажном и писчебумажном производствах. С. 12–13.
- ⁴⁵ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 297–300; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа V). С. 13; Выставка произведений Царства Польского. С. 363–365; Описание Жирардовской фабрики льняных и чулочных изделий и соединенных с нею учреждений, принадлежащих фирме Гилле и Дитрих в Жирардове, близ Варшавы, станция Руда-Гузовская, Варшавско-Венской ж.д. М., 1882. С. 3–8.
- ⁴⁶ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 175–176; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. СПб., 1863. Т. 2. С. 445–523; *Лившиц Р.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. С. 99–100.
- ⁴⁷ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа V). С. 11–21; *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 179–181, 188–194.
- ⁴⁸ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 197–211.
- ⁴⁹ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 399; Выставка произведений Царства Польского. С. 364–365; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 325.
- ⁵⁰ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 1 (группа XI). С. 67–70. См. также: *Иванов Н.А.* Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях. СПб., 1837. Ч. 2. С. 146–178.

- ⁵¹ *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 320.
- ⁵² Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа V). С. 191; *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. С. 324–328, 335.
- ⁵³ Техника в ее историческом развитии... С. 175.
- ⁵⁴ Техника в ее историческом развитии... С. 220–226.
- ⁵⁵ Техника в ее историческом развитии... С. 228, 237–239. См. также: РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 297–297об.
- ⁵⁶ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. Т. 2. S. 108–121, 124–126; Т. 3. S. 629–631, 665–666; Т. 4. S. 26–27; *Rembertowski J.N.* Bank Polski w okresie 50-letnim (1828–1878). Warszawa, 1878. S. 61; *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 93–141; Географические и статистические очерки... С. 92–93; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 82–84.
- ⁵⁷ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. Т. 2. S. 24–28, 31–35, 50–53.
- ⁵⁸ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. Т. 2. S. 200–206; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 289; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 172–175; *Pazdur J.* Górnictwo i hutnictwo Zagłębia Staropolskiego w połowie XIX w. (1846–1864) // *Kwartalnik Historyczny*. 1956. № 4–5. S. 201; *Jedlicki J.* Neudana próba kapitalistycznej industrializacji. Warszawa, 1964. S. 75–78.
- ⁵⁹ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 31. S. 220–235; Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. Т. 2. S. 465–468; Т. 3. S. 29–33, 220–226; *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 57–58; *Radziszewski H.* Bank Polski. Warszawa, 1910. S. 308–332; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 76–78; *Kowalska S., Jedlicki J., Jezierski A.* Ekonomia górnictwa i hutnictwa w Królestwie Polskim 1831–1864. Warszawa, 1958. S. 117–132; *Jedlicki J.* Neudana próba kapitalistycznej industrializacji. S. 89–97. См. также: *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 155–196.
- ⁶⁰ Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 79; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 372–377.
- ⁶¹ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. Т. 2. S. 55, 200–206; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 289; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 172–175; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 80–81; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 377–378; *Jedlicki J.* Neudana próba kapitalistycznej industrializacji. S. 78–81.
- ⁶² Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 1 (группа IX). С. 159; *Gąsiorowska N.* Górnicy i hutnicy w Królestwie Polskim 1864–1866.

- Warszawa, 1957. S. 24–39. См. также: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Радомская губерния. СПб., 1849. Т. 15. Ч. 5. С. 195–249; *Jeziński A., Zawadzki S.M.* Dwa wieki przemysłu w Polsce. Warszawa, 1966. S. 69–88.
- ⁶³ Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. 2. С. 96–97; Рост русской промышленности за 100 лет (1812–1912 г.) // Столетие Отечественной войны, 1812–1912. СПб., 1912. Отд. 4. С. 7–8.
- ⁶⁴ *Лившиц П.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. С. 123–127; *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. Том 1. Феодальный период (1500–1860 гг.). М., 1954. С. 420–426.
- ⁶⁵ Техника в ее историческом развитии... С. 196–197; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. 2. С. 1–92; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа IX). С. 9–37; *Лившиц П.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. С. 102–108; Обзор главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. С. 244–254.
- ⁶⁶ *Grzymałowski S., Chorzewski K.* Produkcja maszyn i narzędzi rolniczych w Polsce w latach 1805–1918. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 198–211; Выставка произведений Царства Польского. С. 367–368; *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego. Т. 1. S. 245; *Bartyś J.* Początki mechanizacji rolnictwa polskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966. S. 79–86, 95–96, 103–109; *Рубцов Н.Н.* История литейного производства в СССР. М., 1962. Ч. 1. С. 190; *Черняев В.В.* Земледельческие орудия и машины. СПб., 1875. С. 267.
- ⁶⁷ Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 56–153; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 414.
- ⁶⁸ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 1 (группа III). С. 142–143, 154–156; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа IX). С. 60–61.
- ⁶⁹ Техника в ее историческом развитии... С. 258; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа VII, раздел VIII). С. 23–24; Выставка произведений Царства Польского. С. 368.
- ⁷⁰ Обозрение главнейших отраслей мануфактурной промышленности в России. С. 299–326. См. также: Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VII, раздел VIII). С. 1–154.
- ⁷¹ Выставка произведений Царства Польского. С. 368; *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego. Т. 1. S. 230–236, 238; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim... S. 34. См. также: Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 1. 304–357.
- ⁷² *Лившиц П.С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. С. 113.
- ⁷³ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VII, раздел I). С. 6–29; Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. Т. 1. С. 12–14, 41–52.

- ⁷⁴ Выставка произведений Царства Польского. С. 370; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VII, раздел VII). С. 44; *Куттары М.Я.* Карта кожевенного производства в России. СПб., 1875. С. 56–61.
- ⁷⁵ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VII, раздел VII). С. 10–52; *Куттары М.Я.* Карта кожевенного производства в России. С. 5–55.
- ⁷⁶ *Куттары М.Я.* Обозрение Санкт-Петербургской выставки русской мануфактурной промышленности... С. 211–222.
- ⁷⁷ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 65. S. 6–119.
- ⁷⁸ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VI). С. 21.
- ⁷⁹ РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 370; Выставка произведений Царства Польского. С. 368–371; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim... S. 35–39.
- ⁸⁰ Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2 (группа VII, раздел II). С. 4–9; ПСЗ-2. Т. 36. 1861. Отд. 2. № 37197. С. 39–70, Отд. 3. № 307203а. С. 8–9.
- ⁸¹ *Юрчук К.И.* Вотчинные мануфактуры в стекольной промышленности России в конце XVIII – первой половине XIX века (к проблеме генезиса капитализма). Воронеж, 1988. С. 14–17, 73–74; Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VII, раздел X). С. 1–43.
- ⁸² Историко-статистический обзор промышленности России. Т. 2. (группа VI). С. 9–12, 15–25, 88–89; (группа VII, раздел IV). С. 1–16.
- ⁸³ *Лебедев Н.А.* Российская таможенная и тарифная политика XIX века в вопросах и ответах. М., 2006. С. 4–7, 66–67.
- ⁸⁴ Географические и статистические очерки... С. 95–98; *Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. С. 136, 243–284; *Бутенко В.А.* Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. М., 1911. С. 97–98; *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. С. 145.
- ⁸⁵ Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 1. С. 552–689; *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 36; *Драницын С.Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937. С. 66–67. См. также: *Jeziński A., Zawadzki S.M.* Dwa wieki przemysłu w Polsce. S. 122–123.
- ⁸⁶ Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 358–359. См. также: *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 45–46.
- ⁸⁷ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 3. S. 135–142.
- ⁸⁸ *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym.* Warszawa, 1984. Tom 1. Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828. S. 62; Сборник административных постановлений... Ведомство вну-

- тренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 616–647; *Воблый К.Г.* Очерки по истории польской фабричной промышленности. Т. 1. С. 199–201, 203–206, 265–267; Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. С. 362–364; *Янжул И.И.* Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. С. 20–21; *Wóycicki A.* Dzieje robotników przemysłowych w Polsce. S. 81–82; *Rynkowska A.* Działalność gospodarstwa władz Królestwa Polskiego... S. 12.
- ⁸⁹ Сборник административных постановлений... Ведомство внутренних и духовных дел. Ч. 2. Т. 2. С. 636.
- ⁹⁰ *Марней Л.П.* Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 229.
- ⁹¹ ПСЗ-2. Т. 3. 1828. № 2146. С. 683–686; Т. 4. 1829. № 3250. С. 737; Министерство финансов 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 1. С. 340; *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968. С. 231–239, 245–246; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 3. С. 57–58; *Туманова А.С.* Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX века // Отечественная история. 2007. № 6. С. 53; *Гросул В.Я.* Русское общество XVII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 174–175; *Марней Л.П.* Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в... С. 231.
- ⁹² *Шепелёв Л.Е.* Совещательные учреждения по делам промышленности и торговли в России. XIX–начало XX вв. // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 88.
- ⁹³ История предпринимательства в России. Книга 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999. С. 267.
- ⁹⁴ *Туманова А.С.* Общественность и формы ее самоорганизации... С. 52.
- ⁹⁵ Всеподданнейший доклад министра финансов по вопросу пересмотра таможенного тарифа // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов / Под ред. А. Бушена. СПб., 1867. Т. 3. № 7. С. 51–52; *Бутенко В.А.* Краткий очерк истории русской торговли... С. 103–104; *Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. С. 122, 141.
- ⁹⁶ *Правилова Е.А.* Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 236–249.
- ⁹⁷ РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 112–113.
- ⁹⁸ *Правилова Е.А.* Россия и Царство Польское... С. 249–255.
- ⁹⁹ *Правилова Е.А.* Россия и Царство Польское... С. 255–263.
- ¹⁰⁰ Окладные сборы Королевства Польского включали: поземельную подать (офяра с подуховных и мальтийских имений, офяра с помещичьих имений,

офяра с пожалованных имений, субсидиум харитативум, канон с казенных имений, поступивших в частную собственность, лановая подать, контингенс ливерунковский); подать с жилищ (подымная подать, в соединении с шарварковым сбором); подати чоповая, мельничная и канон с мельниц; возвышенные подати (наложенные на жителей, за исключением духовенства, половина офяры; добавочные $\frac{2}{3}$ контингенса ливерунковского с господских дворов; личная подать с частных сельских служителей и дворовых людей, установленная вместе с возвышением прочих податей) (*Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском... Т. 3. Ч. 3. Тетрадь 2. С. 1–92).

- ¹⁰¹ Неокладные сборы Королевства Польского состояли из таможенного дохода, консумционного и кошерного сборов, шинкового сбора с евреев, акциза с выкуриваемого вина, дохода с пропинационных патентов, гербового сбора, дохода от продажи соли, дохода от продажи табака, лотерейного дохода, акциза с туземного сахара, дохода с почт (*Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском... Т. 3. Ч. 3. Тетрадь 2. С. 101–218).
- ¹⁰² Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Варшава, 1867. Т. 9. С. 16–23.
- ¹⁰³ РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 393, 435; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 9. С. 418–423.
- ¹⁰⁴ Указ от 9 (21) января 1839 г. (*Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 23. S. 10–13); РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 367–367об.
- ¹⁰⁵ Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 9. С. 2–15, 92–101; *Radziszewski H.* Skarb i organizacya władz skarbowych w Królestwie Polskiem. Т. 2. 1831–1867. Warszawa, 1908. S. 208–209; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 375–375об.
- ¹⁰⁶ Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 9. С. 24–29, 168–411, 422–435; *Markowski B.* Administracja skarbowa w Polsce. Warszawa, 1931. S. 44.
- ¹⁰⁷ Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 9. С. 44–73; *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 141–155. См. также: *Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском... Т. 3. Ч. 3. Тетрадь 2. С. 199–203.
- ¹⁰⁸ *Сохан А.В.* Правовое регулирование лотерей в Российской империи // История государства и права. 2011. № 12. С. 2; ПСЗ-1. Т. 21. № 15379. С. 461–488.
- ¹⁰⁹ ПСЗ-2. Т. 4. 1829. № 2653. С. 93, 96.
- ¹¹⁰ ПСЗ-2. Т. 4. 1829. № 2857. С. 300; *Сохан А.В.* Правовое регулирование лотерей в Российской империи. С. 2.
- ¹¹¹ ПСЗ-2. Т. 12. 1837. Отд. 1. № 10303. С. 376; *Сохан А.В.* Правовое регулирование лотерей в Российской империи. С. 3.
- ¹¹² ПСЗ-2. Т. 30. 1855. Отд. 1. № 29379. С. 398–399; *Сохан А.В.* Правовое регулирование лотерей в Российской империи. С. 3.
- ¹¹³ *Драницын С.Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. С. 69. См. также: По поводу упразднения Польского банка. СПб., 1885.

- ¹¹⁴ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 16. S. 8–15; *Radziszewski H.* Reorganizacja Banku Polskiego po rewolucyi listopadowej. 1910. S. 23–29.
- ¹¹⁵ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 1. S. 1–24; T. 2. S. 74–75; T. 3. S. 266–269; *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 8, 16–18; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 1–39, 175–176; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 3–5.
- ¹¹⁶ *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 20–25.
- ¹¹⁷ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 1. S. 269–274; Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 12. S. 312–322, 382–387, T. 49. S. 278–283; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 62–64.
- ¹¹⁸ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 28. S. 54–61; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 326–369.
- ¹¹⁹ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 17. S. 43–54, T. 21. S. 340–351; Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 2. S. 78–80, 100–102, 135–138, 208–210, 211–222, 227–230, 482–484; T. 3. S. 182–188; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 270–311; *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 25–26; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 248–258.
- ¹²⁰ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 3. S. 239–250, 257–263; *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 46–47; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 58–59; 258–261; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 13–14.
- ¹²¹ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 1. S. 132–148; T. 2. S. 345–463; T. 3. S. 485–489; Bank Polski 1828–1928 dla upamiętnienia stułetniego jubileuszu otwarcia. Warszawa, 1928. S. 112–117; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 409–413; Bank Polski 1828–1885... S. 71–72, 105–106; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 29–30.
- ¹²² Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 31–36.
- ¹²³ Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 37–38; Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 1. S. 1–24, 27–41, 132–148; T. 2. S. 345–463; Bank Polski 1828–1928... S. 117–118.
- ¹²⁴ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 1. S. 1–24; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 40.
- ¹²⁵ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 69. S. 370–397.
- ¹²⁶ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 2. S. 345–463; T. 3. S. 283–288, 641–642; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 42–44.
- ¹²⁷ Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego. T. 1. S. 1–24; T. 2. S. 345–463; T. 3. S. 470–474; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 45–67; *Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском... Т. 3. Ч. 3. Тетрадь 3. С. 67–165.

- 128 *Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском... СПб., 1864. Т. 3. Ч. 3. Тетрадь 3. С. 1–66; *Borowski W.* Kredyt rolniczy w Polsce. Warszawa, 1927. S. 18–22. См. также: Приложение к Материалам по делам Царства Польского. Узаконения о Земском кредитном обществе Царства Польского. СПб., 1864.
- 129 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 70. S. 4–61.
- 130 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 32. S. 300–317; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 464–467.
- 131 *Dziennik Praw Księstwa Warszawskiego.* Т. 2. S. 229–232; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 1. S. 132, Т. 11. S. 334–338; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 321. Л. 22–25, Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 165.
- 132 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 13. S. 249–252; *Политковский В.Г.* Походные и путевые записки, веденные во время польской кампании в 1831 году. СПб., 1832. С. 150–152.
- 133 РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 321. Л. 49–51.
- 134 *Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego.* Т. 1. S. 408–409; Т. 4. S. 347–350; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 74; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 321. Л. 36–37, 43. *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 53; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 165; *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 382–386; *Правилова Е.А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 324–326; *Политковский В.Г.* Походные и путевые записки... С. 150–152.
- 135 ПСЗ-2. Т. 37. 1862. Отд. 2. № 38798. С. 215–219.
- 136 ПСЗ-2. Т. 16. 1841. Отд. 1. № 14981. С. 883–885; Т. 35. 1860. Отд. 1. № 35895. С. 729; Петербург. История банков. СПб., 2001. С. 108–113; *Морозан В.В.* История сберегательных касс в императорской России. СПб., 2007. С. 51–52, 72; История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спаского. СПб., 1911. Т. 1. Вып. 2. С. 14.
- 137 История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 2. С. 18–19.
- 138 ПСЗ-2. Т. 35. 1860. Отд. 1. № 35847. С. 644–659.
- 139 ПСЗ-2. Т. 36. 1861. Отд. 2. № 37199. С. 78–89.
- 140 ПСЗ-2. Т. 32. 1857. Отд. 1. № 31967. С. 524–527.
- 141 ПСЗ-2. Т. 38. 1863. Отд. 1. № 39465. С. 323–327, Т. 39. 1864. Отд. 1. № 40898. С. 432–444; № 41122. С. 664–671; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 2. С. 8–9.
- 142 *Stulecie Giełdy Warszawskiej (1817–1917).* Warszawa, 1997. S. 18–69; Банковая энциклопедия. Киев, 1916. Т. 2. С. 218; *Кондратьев Д.А.* Как в России биржа строилась. М., 2001. С. 172–173.
- 143 ПСЗ-2. Т. 6. 1831. Отд. 1. № 4255. С. 18–36.
- 144 ПСЗ-2. Т. 7. 1832. № 5648. С. 676–682.
- 145 История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 3. С. 49.
- 146 ПСЗ-2. Т. 17. 1842. Отд. 2. № 16377. С. 277–279.
- 147 ПСЗ-2. Т. 23. 1848. Отд. 1. № 21931. С. 70–72.

- ¹⁴⁸ ПСЗ-2. Т. 23. 1848. Отд. 1. № 22459. С. 486–494.
- ¹⁴⁹ Банковая энциклопедия. Т. 2. С. 187; История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999. С. 265–266, 269; *Лизунов П.В.* Биржи в России и экономическая политика правительства (XVIII – начало XX вв.). Архангельск, 2003. С. 5–6, 88–99.
- ¹⁵⁰ Банковая энциклопедия. Т. 2. С. 190–191, 221–223, 218; История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 275–276; Петербург. История банков. С. 114–119; *Лизунов П.В.* Биржи в России... С. 5–6, 99–135, 307; *Шепелёв Л.Е.* Акционерные компании в России: XIX – начало XX века. СПб., 2006. С. 80–81; *Галкин В.В.* История биржи в России. Воронеж, 1998. С. 66.
- ¹⁵¹ История предпринимательства в России. Кн. 2. С. 265–267.
- ¹⁵² *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 1. S. 391–394; Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Варшава, 1866. Т. 1. С. 42–51.
- ¹⁵³ Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Варшава, 1866. Т. 4. С. 60–123, 140–167, 194–199; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 7. S. 78–82.
- ¹⁵⁴ Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Т. 4. С. 388–392; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 170–171.
- ¹⁵⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Августовская губерния. СПб., 1850. Т. 15. Ч. 1. С. 76–82.
- ¹⁵⁶ *Zbiór urzędów i przepisów Banku Polskiego*. Т. 2. S. 62–65, 318–324; Т. 3. S. 9–13a; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 25. S. 14–25; Т. 30. S. 286–305; Т. 31. S. 248–289; Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Т. 1. С. 52–75; Т. 4. С. 392–395; Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900. С. 184–187, 198–203; Географические и статистические очерки... С. 33; Краткий очерк деятельности Польского банка за время существования его с 1828 г. по 1886 год... С. 72–75; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 449–452. См. также: *Górewicz J.* Myśl techniczna a przeciwwilgociowa ochrona budowli przemysłowych w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. S. 56–70.
- ¹⁵⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Плоцкая губерния. СПб., 1849. Т. 15. Ч. 2. С. 56–57.
- ¹⁵⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Люблинская губерния. СПб., 1851. Т. 15. Ч. 4. С. 70–71; Радомская губерния. СПб., 1849. Т. 15. Ч. 5. С. 77–79; *Kołodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim... S. 41–42; *Jeziński A.* Problemy rozwoju gospodarczego ziem polskich w XIX i XX wieku. Warszawa, 1984. S. 49.
- ¹⁵⁹ История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 8. С. 5–9, 17–38.
- ¹⁶⁰ История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 9. С. 8–11; *Макшеев А.И.* Военно-статистическое обозре-

- ние Российской империи. СПб., 1867. С. 119–126; *Виргинский В.С.* Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949. С. 44–47; *Скальковский К.А.* Срочное и почтовое пароходство в России и заграницею. СПб., 1871. Ч. 1. С. 208–219; *Техника в ее историческом развитии...* С. 331.
- 161 Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Варшава, 1866. Т. 2. С. 270–271. См. также: *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 1. S. 391–394; Т. 7. S. 262–269, 313–332.
- 162 Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Т. 2. С. 6–9, 272–273, 296–299; *Географические и статистические очерки...* С. 40–44.
- 163 Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Т. 2. С. 10–11, 32–190, 200–255, 262–268, 272, 410–463; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Варшава, 1866. Т. 1. С. 36–39. См. также: *Сборник административных постановлений...* Ведомство путей сообщения. Т. 1. С. 398–436.
- 164 Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Т. 2. С. 524–553.
- 165 Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 168–171; *Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego*. Т. 1. S. 292–300, 362–385; Т. 2. S. 227–230; *Rembertowski J.N.* Bank Polski... S. 49–51; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 65–69, 446–449.
- 166 ПСЗ-2. Т. 8. 1833. Отд. 1. № 6076. С. 180–183; *Георгиевский П.И.* Исторический очерк развития путей сообщения в XIX веке. СПб., 1893. С. 17–19; *Беляков А.А.* Ведомство путей сообщения: от Сиверса до Клейнмихеля (1798–1855 гг.) // *Английская набережная*, 4. СПб., 1997. С. 113–114.
- 167 Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб., 1900. С. 329, 331, 357; *Техника в ее историческом развитии...* С. 315.
- 168 *Техника в ее историческом развитии...* С. 316.
- 169 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 23. S. 5–9; Т. 51. S. 396–399; *Zbiór urzędzeń i przepisów Banku Polskiego*. Т. 2. S. 244–298; Сборник административных постановлений... Ведомство путей сообщения. Варшава, 1866. Т. 3. Кн. 2. С. 74–597; *Plewako G.* Henryk hr. Łubieński i Benedykt Niepokojczycki dwa kierownicy Banku Polskiego. Przyczynek do dziejów tegoż banku. (1831–1865). Warszawa, 1887. S. 1–36; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 452–474; *Radziszewski H., Kindelski J.* Piotr Steinkeller. Dwie monografie. Warszawa, 1905. S. 239–247; *Bloch J.* Wpływ dróg żelaznych na stan ekonomiczny Rossyi. Т. 1. *Historia dróg żelaznych w Królestwie Polskiem. Budowa i eksploatacja*. Warszawa, 1880. S. I–XIV; *Пузанов В.* Исторический обзор развития железных дорог // *Сто лет железных дорог. 1825–1925 г. Полторацк*, 1925. С. 14–15. См. также: *Kołodziejczyk R.* *Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego...* S. 197–240; *Kołodziejczyk R.* *Kolej Dęblińsko-Dąbrowska na tle rozwoju kolejnictwa w Polsce // Studia nad dziejami burżuazji w Polsce*. Warszawa; Pułtusk, 1998. S. 207–230.

- 170 Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 63. S. 58–59, 292–295; *Koszutski S.* Rozwój przemysłu wielkiego w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1901. S. 62–66; *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. С. 145; *Historia Polski w liczbach. Gospodarka.* Warszawa, 2006. T. 2. S. 253–254.
- 171 *Виргинский В.С.* Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949. С. 162–174, 222–237.
- 172 *Георгиевский П.И.* Исторический очерк развития путей сообщения в XIX веке. С. 69–78.
- 173 *Бутенко В.А.* Краткий очерк истории русской торговли... С. 91–93; *Техника в ее историческом развитии...* С. 324–327.
- 174 Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. С. 357–358.
- 175 Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 3. S. 297–349.
- 176 Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 3. S. 350–366.
- 177 Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 44. S. 326–335; T. 52. S. 98–151; T. 61. S. 6–7, 70–71; T. 66. S. 274–277.
- 178 *Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1979. Ч. 2. С. 147.
- 179 *Островский А.В.* История отечественной связи. СПб., 2010. С. 15.
- 180 *Островский А.В.* История отечественной связи. С. 16.
- 181 Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. Приложение второе. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб., 1901. С. 4–6, 42, 53–55, 61–63; *Гудзь-Марков А.В.* История российской почты. 300 лет Московскому почтамту. 1711–2011. М., 2011. С. 254; *Островский А.В.* История отечественной связи. С. 17–18. См. также: *Материалы по истории связи в России XVIII – начало XX вв.* Л., 1966; *Соколов Н.И.* Краткий очерк истории почтового управления в России // *Почтово-телеграфный журнал.* 1893. VI. № 4. С. 417–430; № 5. С. 483–498; *Бржозовский И.Ф.* Историческое развитие постановлений русского законодательства по почтовой части // *Юридический сборник.* Казань, 1855. С. 378–384.
- 182 Министерство внутренних дел. 1802–1902. С. 44–48; *Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединенных областей.* СПб., 1829. С. 452–454; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 63.
- 183 РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 243. Л. 282–283об.
- 184 *Озеров И.Х.* Почта в России и за границей. СПб., 1903. С. 1–3.
- 185 *Островский А.В.* История отечественной связи. С. 33–34; *Техника в ее историческом развитии...* С. 343; *Титова В.М.* Развитие ранних технических средств связи в России // *История энергетики, электротехники и связи.* М., 1962. С. 204–209; *Historia Polski w liczbach. Gospodarka.* T. 2. S. 272.
- 186 *Быховский М.А.* Развитие телекоммуникаций: на пути к информационному обществу. История телеграфа, телефона и радио до начала XX века. М., 2013. С. 316–318; *Островский А.В.* История отечественной связи. С. 34–40; *Гаммель И.Х.* Исторический очерк электрических телеграфов.

- СПб., 1886. С. 50–51; *Шедлинг М.Ю.* История изобретения и развития электрического телеграфа. М., 1885.
- 187 Техника в ее историческом развитии... С. 353; *Бутенко В.А.* Краткий очерк истории русской торговли... С. 91–93.
- 188 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 69. S. 256–363; *Быховский М.А.* Развитие телекоммуникаций... С. 327–328.
- 189 Географические и статистические очерки... С. 98–99; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 3. С. 68; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 474–475, 483, 499, 515–516, 525–525об.
- 190 *Кулишер И.М.* История русской торговли. Петербург, 1923. С. 310–311; *Askenazy S.* Dwa stulecia XVIII i XIX. Warszawa, 1901. Т. 1. S. 399–426.
- 191 *Кулишер И.М.* Основные вопросы международной торговой политики. Л., 1929. С. 39; *Струве П.Б.* Торговая политика России. СПб., 1913. С. 190.
- 192 *Струве П.Б.* Торговая политика России. С. 187; *Jeziernski A.* Handel zagraniczny Królestwa Polskiego 1815–1914. Warszawa, 1967. S. 23–24. См. также: РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 97, 111, 164–164об.
- 193 *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. С. 144–145.
- 194 *Кулишер И.М.* Основные вопросы... С. 39; *Струве П.Б.* Торговая политика России. С. 190–192.
- 195 История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 3. С. 65–69.
- 196 *Струве П.Б.* Торговая политика России. С. 180–181, 218; *Кулишер И.М.* Основные вопросы... С. 350; *Кузьмина С.В.* Таможенная политика России в отношении черной металлургии в XVIII – первой половине XIX в. // Гражданское общество и гражданские институты в России: взгляд из провинции. Саранск, 2004. С. 310–323.
- 197 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 43. S. 348–355, 380–389; *Лодыженский К.С.* История русского таможенного тарифа. СПб., 1886. С. 199–215; *Кулишер И.М.* История русской торговли. С. 307–311; *Кулишер И.М.* Основные вопросы... С. 39, 46; *Струве П.Б.* Торговая политика России. С. 190, 195–196, 200; *Обухов Н.П.* Эволюция внешнеторговой и таможенно-тарифной политики государства в развитии процесса индустриализации России в XIX – первой половине XX вв. М., 2009. С. 12–14; *Radziszewski H.* Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskiem. Т. 2. S. 86–117. См. также: РГИА. Ф. 560. Оп. 12. Д. 266. Л. 1–43.
- 198 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 68. S. 314–315.
- 199 Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. С. 352, 364.
- 200 РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 62. Л. 2.
- 201 РГИА. Ф. 560. Оп. 41. Д. 62. Л. 7; История торговли и промышленности в России / Под ред. П.Х. Спасского. СПб., 1911. Т. 1. Вып. 4. С. 1–3; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 3. S. 52–111.
- 202 РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 72; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 15. S. 349–358; Т. 21. S. 42–50.

- ²⁰³ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 31. S. 292–299. См. также Т. 33. S. 146–357; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 464–467.
- ²⁰⁴ *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 446; РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 270. Л. 143–144; Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 68. S. 414–417.
- ²⁰⁵ *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 441; РГИА. Ф. 1170. Оп. 1. Т. 16. Д. 49. Л. 544. См. также: Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 36. S. 118–179; Т. 68. S. 432–435; Т. 69. S. 146–147, 364–369; Т. 70. S. 374–429.
- ²⁰⁶ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. Т. 66. S. 202–223; Т. 69. S. 146, 364–369; 432–435; ПСЗ-2. Т. 41. 1866. Отд. 2. № 44014. С. 450–456; РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 270. Л. 69–69об., 159; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 27–29.
- ²⁰⁷ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. Киев, 1915. С. 248; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 33.
- ²⁰⁸ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. С. 249; ПСЗ-1. Т. 22. № 16407. С. 614–627; № 16408. С. 627–628; № 16409. С. 628–629; № 16481. С. 754–768.
- ²⁰⁹ ПСЗ-1. Т. 22. № 16478. С. 737–738; *Ефимов С.А., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страхование в России: вехи истории. М., 1997. С. 30. См. также: ПСЗ-1. Т. 22. № 16481. С. 764. О страховых операциях Заемного банка с 1787 по 1800 гг. см.: *Морозан В.В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 87–91.
- ²¹⁰ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. С. 249; *Ляхов А.Н.* Две основные формы огневого страхования в России в их историческом развитии. М., 1914. С. 3–4.
- ²¹¹ ПСЗ-1. Т. 24. № 18275. С. 839; Т. 25. № 18436. С. 162–163; Т. 29. № 22042. С. 120.
- ²¹² ПСЗ-1. Т. 26. № 19246. С. 11–13.
- ²¹³ ПСЗ-1. Т. 32. № 24956. С. 14–15.
- ²¹⁴ *Ляхов А.Н.* Две основные формы огневого страхования в России... С. 4.
- ²¹⁵ *Ефимов С.А., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страхование в России... С. 70.
- ²¹⁶ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. С. 250; *Ляхов А.Н.* Две основные формы огневого страхования в России в их историческом развитии. С. 4–5; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 1–2.
- ²¹⁷ ПСЗ-2. Т. 2. 1827. № 1202. С. 551–570.
- ²¹⁸ *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования. С. 248–252; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 7–11. См. также: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1903. Т. 8. С. 146–149, 379–380, 571–573; Т. 10. С. 87–112.
- ²¹⁹ Архив графов Мордвиновых. Т. 8. С. 60–62. См. также: *Ефимов С.А., Акимов В.В., Борзых В.Н.* Страхование в России... С. 32.
- ²²⁰ ПСЗ-2. Т. 10. 1835. Отд. 1. № 7930. С. 200–210; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 11–14.

- 221 ПСЗ-2. Т. 10. 1835. Отд. 2. № 8391. С. 944–945; № 8392. С. 945–958. Впоследствии это название было изменено на «Российское общество застрахования капиталов и доходов, учрежденное в 1835 г.», а с 1910 г. – «Российское общество застрахования капиталов и доходов “Жизнь”» (История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 14).
- 222 ПСЗ-2. Т. 21. 1846. Отд. 1. № 19661. С. 188–198.
- 223 ПСЗ-2. Т. 22. 1847. Отд. 1. № 21009. С. 215–219; *Ефимов С.А., Акимов В.В., Борzych В.Н.* Страховое дело в России... С. 74–75. О страховом деле в России см. также: *Ильин С.В.* Страховое дело в России (XIX – начало XX вв.). М., 2001.
- 224 История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 21–22.
- 225 ПСЗ-2. Т. 19. 1844. Отд. 1. № 18174. С. 519–530. См. также: *Крюков В.П.* Исторический очерк развития страхования. Покровск, 1915. С. 26; История торговли и промышленности в России. Т. 1. Вып. 4. С. 17, 19.
- 226 *Ефимов С.А., Акимов В.В., Борzych В.Н.* Страховое дело в России... С. 32–39, 94.
- 227 *Воблый К.Г.* Основы экономии страхования // Известия Киевского коммерческого института. Киев, 1914. Кн. 25. С. 224.
- 228 Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 12–15; *Веселов А.Н.* Среднее профессионально-техническое образование в дореволюционной России. М., 1959. С. 3–5; *Цимринг С.Я., Кузнецов Ю.С.* Страницы истории профессионального и технического образования России. СПб., 1996. Ч. 1. С. 71; *Зяблова С.А.* Развитие низшего профессионально-технического образования в России середины XIX – начала XX веков. Автореф. дисс... к. и. н. Иваново, 2004. С. 3; Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1976.
- 229 Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Варшава, 1866. Т. 1. С. 512–575; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. 2. Отд. 2. С. 166–172, С. 1423; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 4. S. 114–158; Т. 28. S. 91–117; *Завелейский М.Д.* Статистика Царства Польского. СПб., 1842. С. 78–83; *Stawiński P.* Szkoła rzemieślniczo-niedzielna w Sandomierzu w latach 1839–1906. Sandomierz, 2008. S. 15–23; *Massalski A.* Zwierzchnicy rządowych, męskich szkół średnich w Królestwie Polskim w latach 1833–1862. Kielce, 2004. S. 17–38.
- 230 Журнал мануфактур и торговли. 1839. № 5. С. 194–214; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. С. 837–839, Т. 2. Отд. 1. С. 295–300, 360–362, 1491–1493; История профессионального образования в России. М., 2003. С. 46–51; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971. С. 12–13, 225, 230–237; Историко-статистический очерк общего и специального образования в России. СПб., 1883. С. 39–42; *Калинина Н.Е., Тебиев Б.К.* Люди дела: Очерки истории подготовки предпринимательских кадров в России XVIII – начала XIX века. М., 1999. С. 55–61; *Rodkiewicz J.A.* Pierwsza Politechnika Polska 1825–1831. Kraków; Warszawa, 1904. S. 4.

- 231 *Образ Крóлества Польского в okresie конституcyjnym*. Т. 1. S. 36; *Rybarski F.* Szkoła Akademiczno-Górnicza w Kielcach, 1816–1827 // *Gazeta Kielecka*. № 29. 3 (15) kwietnia 1885 r., № 30. 7 (19) kwietnia 1885 r.; *Rodkiewicz J.A.* Pierwsza Politechnika Polska... S. 2; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Kрólestwie Polskim w latach 1815–1915. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966. S. 29–31; *Żeleńska-Chełkowska A.* Szkoła Akademiczno-Górnicza w Kielcach na tle dążeń do stworzenia polskiego szkolnictwa technicznego // *Księga pamiątkowa jubileuszu 150-lecia założenia Szkoły Akademiczno-Górnicznej w Kielcach*. Kielce, 1972. S. 13–39.
- 232 *Историко-статистический очерк...* С. 160–162, 201–202; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 41–52; *История профессионального образования в России*. С. 36–39; *Дементьев А.А., Сулханов М.Н.* Техникумы и колледжи металлургической отрасли в истории России. М., 2006. С. 51–52; *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР*. М., 1981. С. 16–21; *Сто лет горнотехнической школы на Урале*. Свердловск, 1948. С. 7–51.
- 233 *Историко-статистический очерк...* С. 241–244; *Краткий исторический очерк деятельности Прохоровской Трехгорной мануфактуры по техническому и общему образованию рабочих. 1816–1899 г.* М., 1899. С. 3–18; *Цимринг С.Я., Кузнецов Ю.С.* Страницы истории профессионального и технического образования... С. 66–68; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 54–57; *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР*. М., 1981. С. 21–23; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Kрólestwie Polskim... S. 20–21.
- 234 *Веселов А.Н.* Профессионально-техническое образование в СССР. Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М., 1961. С. 19; *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР*. М., 1981. С. 23.
- 235 *Историко-статистический очерк...* С. 219–220; *Столетие Московской Практической Академии коммерческих наук. 1810–1910*. М., 1910. С. 2–10, 32, 78; *История Московской Практической Академии коммерческих наук. Составили к пятидесятилетнему ея юбилею (1810–1860) преподаватели Академии: И.Ф. Глебов и Д.П. Иванов*. М., 1860. С. III, 19; *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т. 1. С. 211–226; 255–261; *Палий Е.Н.* Традиции салонной культуры в технических вузах России. Век XIX и век XXI. М., 2005. С. 93–94; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 239–244; *Калинина Н.Е., Тебиев Б.К.* Люди дела... С. 35–55; *Сборник административных постановлений...* Ведомство просвещения. Варшава, 1868. Т. 5. С. 114–124.
- 236 *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т. 2. Отд. 1. С. 695–703; *Иванов В.А.* Мореходное образование в России и мореходные классы С.-Петербургского речного яхт-клуба // *Труды С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торго-*

вому мореходству. СПб., 1897. С. 2–4; *Виноградов В.В.* Торгово-мореходное образование в России. СПб., 1912. С. 8–12; Краткий исторический очерк учебных заведений ведомства путей сообщения. СПб., 1900. С. 12–14, 29–30; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 123–133; *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 371–373; История среднего профессионального образования в России. М., 2000. С. 37–38; *Павлов В.Е.* Августин Бетанкур. Очерк жизни и деятельности. СПб., 1993. С. 11–12; Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798–1898 гг.). СПб., 1898. С. 49–50; *Боголюбов А.Н.* Августин Августинovich Бетанкур. 1758–1824. М., 1969. С. 82–83; *Павлов В.Е.* Августин Бетанкур. Между прошлым и будущим // Известия Петербургского университета путей сообщения. СПб., 2008. Спец. вып. С. 10–11.

²³⁷ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 33. S. 415–439; Т. 46. S. 250–313; Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Т. 5. С. 52–113; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1793–1798, 1858–1860; Т. 2. Отд. 2. С. 453–458, 1424–1437; Журнал мануфактур и торговли. 1825. № 11. С. 80–96; 1839. № 10. С. 25–36; *Гартвиг А.* Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам, учрежденная в 1825 г. графом С.Г. Строгановым. Ее возникновение и развитие до 1860 г. М., 1901. С. 102–236; *Анопов И.А.* Опыт систематического обозрения материалов к изучению современного состояния среднего и низшего технического и ремесленного образования в России. СПб., 1889. С. 448–449; Историко-статистический очерк... С. 256–257; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 94–97; Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет). 1828–1998. СПб., 1998. С. 9.

²³⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 1840–1842; Т. 2. Отд. 1. С. 1412–1415, 1571–1576; Отд. 2. С. 127–142; Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Т. 5. С. 242–273; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 52. S. 154–239; Историко-статистический очерк... С. 193–195, 220–221; *Пушкарев И.И.* Свод постановлений о воспитании детей обою пола в учебных заведениях Российской империи. СПб., 1845. С. 391; *Цитович С.Г.* Горыгорецкий земледельческий институт – первая в России высшая сельскохозяйственная школа (1836–1864). Горки, 1960. С. 3; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 169, 181–187; Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 31–36; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim... S. 40–41; *Ajewski K.* Stanisława Kostki Zamoyskiego życie i działalność 1775–1856. Warszawa, 2010. S. 351–356.

²³⁹ ПСЗ-1. Т. 30. № 23185. С. 460–473; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. С. 880–894, 1166–1181; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 24. S. 350–357.

- ²⁴⁰ *Анухтин А.* Очерк истории Константиновского межевого института. С 1779 по 1879 год. СПб., 1879. С. 5; Историко-статистический очерк... С. 189, 231–232; *Цитович С.Г.* Горыгорецкий земледельческий институт... С. 170–172; *Ostrowski W.* Świetna karta z dziejów planowania w Polsce 1815–1830. Warszawa, 1949. S. 21; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim... S. 31–32.
- ²⁴¹ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 2. S. 140–143; Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Т. 5. С. 8–11; *Erlicki F.* Rys historyczny instytucji rolniczo-leśnych w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1877. S. 6–26; *Żabko-Potopowicz A.* Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie, jej dzieje i znaczenie. Warszawa, 1937. S. 1–6; *Rodkiewicz J.A.* Pierwsza Politechnika Polska... S. 3–5, 103–105; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim... S. 33–39; *Twórcy i organizatorzy leśnictwa polskiego na tle jego rozwoju.* Warszawa, 1974. S. 122–129; *Цитович С.Г.* Горыгорецкий земледельческий институт... С. 21; *Завелейский М.Д.* Статистика Царства Польского. С. 84–86; Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 35; Историко-статистический очерк... С. 185.
- ²⁴² *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 24. S. 232–253.
- ²⁴³ ПСЗ-2. Т. 3. 1828. № 2502. С. 1097–1127; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. С. 1258–1260; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование... С. 9–13; *Бершивили О.Н.* Инженерное образование в России: историко-педагогический аспект. Самара, 2010. С. 25–26.
- ²⁴⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. С. 1561–1565; Т. 2. Отд. 2. С. 58–65, 99–12, 161–164, 182–184, 215–216, 636–637, 1273–1275, 1498–1499, 1622; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 24. S. 232–253; *Милютин Н.А.* Исследования в Царстве Польском... СПб., 1864. Т. 4. С. 2–6, 55–57; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim... S. 56–64, 92–101; *Massalski A.* Zwierzchnicy rządowych, męskich szkół średnich w Królestwie Polskim... S. 19–29.
- ²⁴⁵ *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 26. S. 318–389; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. С. 95; Т. 2. Отд. 2. С. 128–142; Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Т. 5. С. 12–51; *Анухтин А.* Очерк истории Константиновского межевого института. С. 5; Историко-статистический очерк... С. 176–180, 231–237; *Цитович С.Г.* Горыгорецкий земледельческий институт... С. 3; *Żabko-Potopowicz A.* Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie... S. 1–6; *Erlicki F.* Rys historyczny instytucji rolniczo-leśnych... S. 6–13; *Rodkiewicz J.A.* Pierwsza Politechnika Polska... S. 5.
- ²⁴⁶ Историко-статистический очерк... С. 135–145, 196–201; *Лоранский А.М.* Исторический очерк Горного института. СПб., 1873. С. 99–127; Научно-исторический сборник, изданный Горным институтом ко дню его столетнего юбилея, 21 октября 1873 г. СПб., 1873. С. 1–135; *Нисселович Л.Н.*

- История заводско-фабричного законодательства Российской империи. СПб., 1884. Ч. 2. С. 40–43; *Ларионов А.М.* История Института инженеров путей сообщения императора Александра I-го за первое столетие его существования. 1810–1910. СПб., 1910. С. 15–127; Краткий исторический очерк учебных заведений ведомства путей сообщения. СПб., 1900. С. 62–70; *Сokolовский Е.М.* Пятидесятилетие Института и Корпуса инженеров путей сообщения. Исторический очерк. СПб., 1859; *Житков С.М.* Институт инженеров путей сообщения императора Александра I. Исторический очерк. СПб., 1899; *Волчкевич И.Л.* Очерки истории Московского высшего технического училища. М., 2000. С. 22–27, 45–51; *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 330–365; Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет). С. 9; Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Варшава, 1868. Т. 3. С. 342–457; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. С. 1276–1279; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 3. S. 188–215; *Miqso J.* Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim... S. 32–33, 42–52; Сто лет Московского механико-машиностроительного института им. Баумана. 1832–1932. М., 1933. С. 61–77.
- ²⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 984–1018, 1027–1028; Т. 2. Отд. 1. С. 1264–1282; Журнал мануфактур и торговли. 1839. № 3. С. 411–426; ПСЗ-1. Т. 34. № 26827. С. 239–256; *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 373–374; Историко-статистический очерк... С. 164–166, 216–219.
- ²⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 30. № 23185. С. 460–473; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. С. 875, 1280–1282; Сборник административных постановлений... Ведомство просвещения. Варшава, 1868. Т. 6. С. 410–492; *Dziennik Praw Królestwa Polskiego*. Т. 24. S. 374–387; Т. 51. S. 6–109; Т. 56. S. 261–271; *Зимин И.В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс. ... д. и. н. СПб., 2004. С. 45–46; *Есипов В.В.* Высшее образование в Царстве Польском... С. 16–17; Труды Варшавского статистического комитета... С. 80–81; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego*... S. 37–59.
- ²⁴⁹ Высшее техническое образование в России: история, состояние, проблемы развития. М., 1997. С. 27–32; *Красинская А.Ф.* Высшее техническое образование в России: состояние, проблемы, перспективы развития. Самара, 2008. С. 6–10.
- ²⁵⁰ *Тарасова В.Н.* Формирование гуманитарных традиций в высшей технической школе России (последняя четверть XVIII в. – 1917 гг.). М., 1999. С. 288–289; *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности... С. 337–341; *Нисселович Л.Н.* История заводско-фабричного законодательства... Ч. 2. С. 43–46.
- ²⁵¹ *Пресняков А.* Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 47–48.

- ²⁵² Historia Polski w liczbach. Gospodarka. T. 2. S. 272.
- ²⁵³ Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 17. S. 408–411; T. 28. S. 4–53; T. 39. S. 388–393; T. 40. S. 130–151; T. 43. S. 74–207; РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 321. Л. 54–55; Сборник административных постановлений... Ведомство финансов. Т. 10. С. 668–673; *Radziszewski H.* Bank Polski. S. 167; *Radziszewski H.* Reorganizacja Banku Polskiego po rewolucyi listopadowej. 1910. S. 20–22; Bank Polski 1828–1885... S. 62–69, 94–99.
- ²⁵⁴ *Kołodziejczyk R.* Gospodarka i finanse Królestwa Polskiego... S. 371; *Markowski B.* Administracja skarbowa w Polsce. S. 48; *Jeziński A., Leczczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1998. S. 114–115; *Chmielewski Z.* Pozakancelaryjne uwarunkowania procesu aktotwórczego w urzędach administracji 1807–1980. Szczecin, 1992. S. 62–63.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 1830-х – НАЧАЛЕ 1860-х гг.

1. Попытки возобновления вооруженной борьбы после восстания 1830–1831 гг. Экспедиция Юзефа Заливского

Внутриполитическая ситуация в Королевстве Польском после подавления восстания 1830–1831 гг. продолжительное время оставалась весьма напряженной. Власти осуществляли карательную политику в отношении бывших участников восстания. Хотя манифестом от 20 октября 1831 г. император Николай I объявил «всеобщее прощение подданным нашим Царства Польского», но для «истинных виновников» было сделано исключение. В феврале 1832 г. в Варшаве был создан особый Уголовный суд для определения мер наказания участникам восстания, которые признавались политическими преступниками. Долго продолжавшееся следствие закончилось вынесением судебных приговоров. Решения суда поступили императору, и 4 (16) сентября 1834 г. он подписал манифест «О наказаниях, приговоренных (вынесенных. – Г.М.) главным виновникам бывшего в Царстве Польском мятежа». Во вступительной части манифеста было торжественно заявлено: «Сохраняя в памяти нашей предстательство об оказании им (преступникам. – Г.М.) возможного помилования, в свое время пред нами учиненное в Бозе почившим государем цесаревичем великим князем Константином Павловичем, мы, согласуя долг правосудия и силу законов с чувствами милосердия и приемля во внимание изъявленное преступниками сими раскаяние, признали за благо смягчить меры определенных им судом казней и наказаний». Однако это заявление касалось немногих. Приговоренные судом к смертной казни, «по особенной важности их злодеяний», подпоручики Петр Высоцкий и Франц Мальчевский, «обыватель Калишского воеводства Винцентий Немоёвский», а также «рядовой Томаш Пришибыльский» подлежали ссылке на каторгу в Си-

бирь на длительные сроки. Другим осужденным также снижались меры наказания (вместо тюремного заключения назначалось определение в арестантские роты, уменьшались сроки содержания под стражей и т. д.). Наиболее значимая часть манифеста (статья 8) касалась тех, «кои по укрощении бывшего мятежа скрылись» и «в объявляемые двукратно сроки» не явились на суд и «по доказательствам о тяжких их злодеяниях и преступлениях», открытых проведенным следствием, в соответствии с Уголовным положением Царства Польского заочно были приговорены к чрезвычайно суровым наказаниям. Особый Уголовный суд распределил избежавших арестов по двум категориям, включив их в соответствующие списки. В первый вошли 249 человек, приговоренные «к смертной казни, повешением». Подавляющее большинство их составляли офицеры бывших польских войск, заметной группой были студенты, преимущественно из Варшавского университета. В числе лиц, сыгравших впоследствии значительную роль в польском национальном движении, были Людвик Зверковский, Юзеф Заливский, Антоний Чарнецкий, Анджей Гавроньский, Людвик Балиньский, Антоний Жарский, Маврикий (Маурыщый) Мохнацкий («магистр прав»), Людвик Набеляк (обозначенный как «редактор газеты»), Северын Гощиньский (также «редактор газеты»), Франц Гржимала (Гжимала) («редактор газет»), Наполеон Бабский («писец при редакторе газеты “Всеобщий журнал”»), Валентин (Валентый) Зверковский (член Кредитного общества). Среди перечисленных были и представители аристократических фамилий: графы Эдвард Плятер, Леопольд Звежховский, Густав Малаховский, Адам Гуровский, князь Януш Четвертынський, граф Роман Солтык, графы Владыслав и Антоний Островские. Последним, 249-м, был назван Иоахим Лелевель, «бывший посол Желеховского повета»¹. Второй список содержал 9 фамилий – тех, кто был приговорен «к смертной казни, отсечением головы». Первым стоял «князь Адам Чарторыский, бывшего Сената Царства Польского сенатор, воевода и член бывшего Административного совета», затем Теофиль Моравский, Станислав Бажиковский, Ян Скшинецкий, Бонавентура Немоёвский, Теодор Моравский, Алоизый Бернацкий, Юзеф Свирский, Ян Ольрих Шанецкий. Кроме них, еще 7 человек подлежали «строгому и тяжкому заключению». Общее решение определяло будущую судьбу покинувших границы Российской империи участников восстания 1830–1831 гг.: «Мы, с лишением преступников сих всех прав, каждому из них принадлежавших, приговоренные им казни и наказания обращаем в изгнание всех их <...> навсегда из Царства Польского и прочих подвластных нам областей Империи нашей». Таким образом, бежавшие за пределы империи становились «изгнанными», и возвращение грозило им суровыми карами: «Если же кто-либо из сих преступников, явно или тайно, возвратится когда-либо в пределы империи или Царства, то такового подвергнуть действию постановленного о нем Судом приговора по всей строгости Полевого Уголовного уложения действующий армии»².

Основные вопросы, вставшие после восстания 1830–1831 гг. перед всеми участниками польского патриотического движения – и перед польской послеповстанческой эмиграцией, всеми ее лагерями и группами, и перед деятелями национального движения в Королевстве Польском и других прежних польских землях, – заключались в анализе причин поражения восстания и разработке дальнейших планов, направленных на восстановление независимой и единой Польши³. «Отель Ламбер» («аристократическая партия») связывал свои расчеты главным образом с внешнеполитической ситуацией, с надеждой на помощь европейских держав, в то время как другое влиятельное эмигрантское течение – Польское демократическое общество (ПДО) – придерживалось мнения о необходимости опираться на внутренние патриотические силы, заниматься подготовкой общего восстания на землях бывшей Речи Посполитой. Идейное осмысление причин поражения восстания приводило к выводу, что вопрос о национальном освобождении тесно связан с крестьянским вопросом, с проведением аграрных реформ. Различия в подходе к проблеме эмансипации крестьянства заключались не только в ее конкретизации (сроки проведения аграрной реформы, вопрос о наделении крестьян землей, получение ими наделов за выкуп или нет, если за выкуп, то за чей счет и т. д.), но и в приоритетности принципиальных задач. Более левыми эмигрантскими кругами первоочередным предполагалось решение аграрного вопроса, поскольку это способствовало бы росту национального самосознания основной массы населения – крестьянства – и обеспечивало бы поддержку им освободительного движения, необходимую для успеха в достижении патриотических национальных целей. Мысль о необходимости подключения к национальному движению крестьянства возникла еще в период восстания Тадеуша Костюшко, выступившего со своим «Поланецким универсалом». Иной вариант предусматривал прежде всего восстановление независимого польского государства, а затем уже решение вопросов внутреннего устройства во всем объеме, включая аграрный.

Первой значительной попыткой эмигрантских кругов возобновить вооруженные действия за независимость польского государства на территории Королевства Польского, а также и на других бывших польских землях, вошедших в состав Российской империи⁴, была организация экспедиции Юзефа Заливского⁵. Юзеф Заливский (1797–1855), участник восстания 1830–1831 гг., полковник бывшей польской армии, не оставляя мысли о продолжении дальнейшей борьбы. Еще в те дни, когда остатки сил повстанцев вытеснялись с польских территорий за границу русскими войсками и когда неминуемое поражение становилось очевидным, в предместье Кракова, в доме графа Ворцелля, Заливский собрал своих друзей-соратников с целью убедить их возобновить сопротивление. Он уверял их, что еще не все потеряно, в движение не вовлечен еще «низший класс» – «хлопы» (крестьяне), что есть еще значительные средства и

не все крепости заняты русскими войсками⁶. Однако его призыв остался безответным. Через Галицию, Германию и Италию Заливскому удалось добраться до Парижа. Он вошел в состав Польского национального комитета и в числе других членов подписал воззвание к русскому народу, составленное руководителем комитета Иоахимом Лелевелем. Французское правительство, получив протестную ноту из Петербурга, распорядилось, чтобы подписавшие воззвание покинули Париж. В это время Заливский вновь выступил со своим планом «идти в русскую Польшу и возобновить там революцию», который нашел горячую поддержку в его окружении. Сам Заливский, по замечанию Н.В. Берга, «озарился вдруг в глазах всех особым светом, точно вырос, точно открыл какой великий секрет: столько прихлынуло ко всем сердцам негодования». Были отправлены курьеры по всем местам сосредоточения польских эмигрантов с поручением призвать их принять участие в отрядах, организуемых для похода в Польшу⁷. На состоявшемся в январе 1833 г. в Лионе съезде представителей различных эмигрантских группировок демократического направления план Заливского, называвшийся «Освобождение отчизны», был одобрен. В соответствии с этим планом небольшие отряды эмигрантов должны были проникнуть на территорию «русской Польши», отвлечь на себя силы российских войск и заняться ведением там антироссийской пропаганды. Вслед за ними должна была вторгнуться подготовленная к этому времени польская армия. Для участников партизанских отрядов Заливский составил специальную инструкцию. В ней разъяснялось, что «обязанности партизана суть: посвящение себя на всевозможные труды и опасности с целью освободить свое отечество и снискать людям равенство прав, не обращая внимания на вероисповедание; уничтожить всякие предрассудки и взаимную ненависть между сословиями. Стало быть, биться с оружием в руках против тиранов и их клеветов, угнетающих род людской, употреблять все способы к их уничтожению». Королевство Польское и западные российские губернии планировалось разделить на несколько округов, во главе которых будут поставлены военные «начальники» для осуществления координации действий местных отрядов. Они должны будут «беспрекословно повиноваться главному вождю». Высшую власть представляло руководство тайного общества «Мечь народа» («Zemsta Ludu»), имена руководителей были известны только начальникам округов и их помощникам. Инструкцией предусматривалось, как следует вести себя рядовому участнику движения: «Партизан должен укрываться по лесам и горным ущельям, в местах недоступных; переходить в своем округе постоянно с одного пункта на другой и делать оттуда набеги, в особенности по ночам, на неприятельские форпосты; истреблять магазины (склады – Г.М.), амуницию <...>; бить чиновников, назначенных тираном; словом, уничтожать и забирать все, что составляет собственность наезднического правительства и служит ему поддержкою». Осо-

бо оговаривалось отношение к мирным жителям: необходимо охранять их спокойствие и их собственность от возможных посягательств на нее «слуг или солдат тирана». При освобождении округа его начальник должен был немедленно учреждать там «гражданскую власть из местных обывателей, пользующихся всеобщей доверенностью»⁸. Каждый «партизан», прочитав инструкцию, должен был принести присягу. Ее текст, который многие волонтеры выучили наизусть, начинался словами: «Клянись всемогущим Богом, что, желая восстановления моего отечества и равноправности каждому человеку, посвящаю себя добровольно на всевозможные труды, опасности и самую смерть и до последней капли крови буду биться против тиранов и против тех, кто им служит»⁹.

Заливский утверждал, что возможна будет помощь «международной революции», что продержаться в лесах надо месяц-полтора, «а там все вспыхнет и они сольются с огромною польскою армиею всех трех захватов». В течение января 1833 г. прошло назначение начальников округов. Это были преимущественно бывшие военные, принимавшие участие в Ноябрьском восстании: Артур Чарный-Завиша, Леон Залеский, Леопольд Бялковский, Каспер Дзевицкий, Фаустын Сулимерский, Леопольд Потоцкий, Кароль Борковский¹⁰. Начальники выбирали себе округ с учетом того, где проживали их родственники, друзья или где они имели поместье. Впоследствии в показаниях некоторых участников экспедиции Заливского упоминалось, что они давали карбонарскую присягу, а также пользовались «карбонарскими знаками», чтобы узнавать «своих» (например, при встрече снимать шляпу немного направо и надевать прямо, употреблять особый способ рукопожатия, использовать систему паролей и т. д.). Отправлявшиеся из Франции эмиссары снабжались рекомендательными письмами, деньгами, кинжалами «карбонарского образца» и даже ядом. Они приобретали паспорта на чужие фамилии и через Швейцарию и Германию пробирались в Польшу. Известия о готовившихся вооруженных выступлениях поляков стали проникать в европейские страны, через которые шли пути посланцев эмиграции, где их нередко останавливали, и в случаях, если у властей возникали подозрения относительно их намерений, возвращали обратно во Францию.

Эмигранты создавали свои планы, не вполне представляя себе, какова реальная обстановка в Королевстве Польском. В подавлении польского восстания важную роль сыграл возглавлявший российскую действующую армию генерал-фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский. После взятия в 1831 г. Варшавы император пожаловал ему титул «князя Варшавского» и назначил наместником Королевства Польского. Николай I питал к нему искреннее уважение и особое доверие. Паскевич участвовал в заграничном походе русской армии во время войны с Наполеоном и еще тогда оказался связанным с Польшей: в январе 1813 г. варшавская депутация вручила ему ключи от города, что словно

предвосхитило события далекого будущего, символически подкрепленные «зеркальными цифрами» годов XIX века – «13» и «31». В Париже Александр I, высоко ценивший военные заслуги Паскевича, представил его своему младшему брату – великому князю Николаю, и они вместе разбирали по картам ход сражений русских войск с наполеоновской армией. Позднее Паскевич командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией, бригадными командирами которой были великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович. В переписке с наместником Николай I нередко обращался к нему со словами «отец-командир», как бы подчеркивая, что он продолжает считать его своим наставником. В письме, направленном Паскевичу 4 (16) сентября 1831 г. при назначении его наместником Королевства Польского, император следующим образом сформулировал ставившиеся перед ним задачи: «Главный предмет – успокоение края и восстановление в нем порядка; второй, столь же важный, устройство армии, дабы к весне быть ей сильну, готову и бодрю физически и морально, дабы дух заразы умственной даже не добрёл, сие отменно важно». Также считал Николай I, необходимо срочно возвести в Варшаве крепость («близ Александровских казарм»), общий план которой в виде его собственноручного чертежа прилагался к посланию¹¹. Краеугольный камень при строительстве Александровской цитадели заложил Паскевич. Возведена она была в кратчайшие сроки. Помимо военных целей и решения задачи по поддержанию порядка в крае в случае необходимости, крепость выполняла еще и функции политической тюрьмы – в ее Х павильоне содержались государственные преступники¹². Указом 27 февраля 1832 г. в Королевстве Польском был учрежден III жандармский округ¹³.

Николай I ясно понимал, какую мощную потенциальную общественную силу в аграрной стране представляет крестьянство и что если оно поднимется на национальную борьбу, то ситуация окажется непредсказуемо сложной. Сразу же при назначении Паскевича наместником император направил ему просьбу-распоряжение, рекомендуя подумать насчет мер, которые можно было бы принять в отношении крестьянства. «Обрати, пожалуйста, внимание на участь крестьян, – писал он 5 октября 1831 г., – нельзя ли было упрочить их благосостояние, устроив наподобие того, как учинено в Пруссии и Позене, чем жители весьма довольны, а власть высших сословий и влияние на народ не только ослаблены, но почти уничтожены. Легко тебе будет сие узнать и представить проект, как к сему приступить»¹⁴. Вопрос о необходимости нейтрализации крестьянства, исключение возможности для шляхты вовлечь его в национальное движение был в высшей степени важным в политике, проводимой российским правительством в Королевстве Польском. По существу, в руках наместника была сосредоточена вся административно-политическая власть, и от него зависела устойчивость, прочность российского правления в Королевстве. Патриоты-эмигранты, не ощущавшие тяжести полицейского режима, установившегося в «крае»,

представляли Польшу «в виде кипящего котла, где с утра до ночи готовят повстанческие похлебки: приходи только и ешь»¹⁵. Им казалось, что в Королевстве, так же, как они сами в Париже, все заняты размышлениями о причинах поражения восстания и путях возобновления вооруженной борьбы. Безусловно, это был значимый, но не единственный вопрос, стоявший перед жителями Королевства. Важнейшей проблемой, вставшей перед ними, стали поиски возможностей для выживания в новых условиях существования. Части шляхты пришлось пойти на сотрудничество с российскими властями¹⁶. Наиболее податливый материал для восприятия повстанческих идей – политически настроенная молодежь – почти отсутствовал. Многие представители молодого поколения, принимавшие участие в восстании, погибли, уцелевшие подверглись различным наказаниям (посажены в тюрьму, отправлены в ссылку, забраны в армию и т. д.) или бежали за границу.

Экспедиция Заливского началась с того, что он в сопровождении Генрыка Дмуховского прибыл с рекомендательным письмом к графу Винцентию Тышкевичу в Краковское воеводство и был им радушно принят. Граф сообщил им, что он сам располагает некоторым запасом оружия, оставшимся со времени восстания, возможно, оружие найдется и у других помещиков. Но на русскую часть Польши, по мнению Тышкевича, рассчитывать не стоило, помочь там могла бы только «кое-какая отчаянная молодежь». Нечего было надеяться, по его мнению, и на простой народ, на хлопов, так как все они ждут благоденствий от правительства. Поскольку известий из Королевства Польского не поступало, Заливский решил действовать самостоятельно и назначил выступление на 19 марта 1833 г. (по н. ст.). В этот день его отряд пересек границу Королевства Польского и двинулся в направлении Янова в Люблинском воеводстве. Тогда же на территорию Королевства из австрийской и прусской частей Польши вошли отряды, возглавлявшиеся Леопольдом Бялковским, Стефаном Гецолдом, Эдвардом Шпеком, Каспером Дзевицким, Артуром Завишей, Михалом Волловичем, Леопольдом Потоцким, Каликстом Божевским и Фаустыном Сулимерским¹⁷.

Заливский намеревался начать вооруженные действия немедленно. Обращаясь к местным жителям с призывом о поддержке, он старался привлечь их обещаниями, что крестьянам «будет возвращено то, что отнято у них шляхтою в прошедшие столетия». Так записал в своих тюремных воспоминаниях К. Машковский, также придерживавшийся взгляда о необходимости вовлечения в национальное движение крестьянства: «Мысль великая, единственная, которая одна может спасти край». Однако он считал, что и народные массы, и шляхта в то время еще не созрели для активной борьбы. Итогом его раздумий стал следующий вывод: «<...> прежде надобно было народ этот приготовить к тому, чтоб он объявил требования о возвращении принадлежащих ему прав, и приготовить

шляхту, чтобы <она> не только не противилась отречению от своих привилегий, но еще по отречении и после отдачи крестьянам того, на что они имеют неоспоримые права, вместе, общими силами, ударили на врага. Все это не могло сделаться в одну весну»¹⁸.

Результат неправильного понимания ситуации на польских землях деятелями эмиграции, завышенная ими оценка внутреннего потенциала патриотических сил в «крае» сказались немедленно. Отряд Дзевецкого сразу же после вторжения был захвачен казаками, сам он был отправлен в Варшаву для предания суду, но по дороге успел принять яд. Действия других отрядов также не имели успеха: чтобы избежать полного разгрома, они делились на отдельные группы, поляки-волонтеры скитались по лесам, голодали, от крайней нужды их спасала лишь небольшая помощь сочувствовавших им помещиков и ксендзов¹⁹.

В конце апреля 1833 г. из Герцогства Познанского прибыла группа, состоявшая из бывших варшавских студентов и различных воинских чинов бывшей польской армии, вскоре она присоединилась к отряду Сулимерского. Однако уже в середине мая отряд был разбит правительственными войсками. Попавших в плен участников столкновения отправили в Варшаву, остальные разбежались. В Литве действовал Михал Воллович, у него там имелось поместье и осталось много друзей. Волловичу удалось создать вооруженную группу из своих крестьян. Он довольно долго скрывался в лесах и по хуторам, но, выданный «чужими мужиками» властям, был схвачен²⁰. Последним, в конце апреля, также из Герцогства Познанского, вступил в пределы Королевства отряд Завиши, насчитывавший всего 6 человек. Позднее к нему примкнули остававшиеся в Королевстве члены других отрядов.

Российские власти в целях скорейшего устранения очередной угрозы общественному порядку принимали срочные меры, стремясь предупредить развертывание более широких боевых действий. Помимо чисто военных операций против вторгшихся в пределы Королевства Польского эмигрантских отрядов были предприняты и другие шаги, обращенные к различным слоям населения: за поимку эмиссаров полагалась награда в 500 злотых, а за оказание им помощи грозил приговор военного суда²¹. В течение двух-трех месяцев эмигрантские группировки были разбиты, а уцелевшие участники экспедиции бежали за границу. В апреле 1833 г. в Королевстве Польском было введено военное положение, которое стало почти постоянным. В условиях военного времени дела о политических преступниках передавались на рассмотрение военных судов.

Захваченные с оружием в руках участники партизанских действий признавались государственными преступниками первого разряда и в соответствии с законом приговаривались к смертной казни. Несколько человек были расстреляны. М. Воллович был повешен 14 июля 1833 г. (по ст. ст.) в Гродно. Особое впечатление произвела казнь А. Завиши, состоявшаяся в

Варшаве 15 ноября (ст. ст.). Завиша держался в высшей степени мужественно, его предсмертные слова, сказанные на эшафоте, стали легендарными для польских патриотов: «Когда бы у меня было сто жизней, все бы их я отдал отчизне!» Некоторые из участников неудавшейся экспедиции по решению суда были прогнаны сквозь строй с наказанием шпицрутенами, другие сосланы на каторгу или отправлены рядовыми в армию²².

Уцелевшие Заливский и Дмуховский вернулись в Галицию и объявили об отсрочке восстания, уверенные, что летом оно «непременно возобновится». Неудачу предпринятой попытки они объясняли тем, что возникли «роковые и непредвиденные обстоятельства». В начале июня 1833 г. Заливский выпустил «Воззвание к галицийцам»²³. Само обращение («Граждане Галиции!») уже носило демократическую окраску. В воззвании Заливский проводил четкую грань между позициями двух главных течений эмиграции – «аристократическим» и «демократическим»: «Перед вами два пути: *дипломатия* и *борьба*. Во главе первой («партии». – *Г.М.*) стоит Чарторьский, желающий конгрессовой Польши, т. е. возврата назад, к тому рабству, из которого высвободила нас Ноябрьская революция». Чарторьский, писал автор воззвания, «вымаливает у разных дворов, чтобы предстательствовали перед Николаем об амнистии». Он «думает, что народ сам по себе не сумеет освободиться». Выдвигавшийся сторонниками Чарторьского план возрождения независимой Польши Заливский называл «княжеским», а план демократического лагеря – «солдатским». Позиции, которую занимала «аристократическая партия», Заливский противопоставлял свою: «Заливский только в собственных силах народа видит спасение». Хотя обращение не было анонимным и под ним стояла подпись «ваш преданный брат Юзеф Заливский», о себе автор писал в третьем лице, стремясь совершенно ясно показать, кому какая точка зрения принадлежит, о чьих именно планах идет речь. Заливский заявлял, что он «хочет продолжения борьбы <...>, хочет, чтобы не шестьдесят каких-нибудь тысяч шляхты, а двадцать с лишком миллионов народу (*ludu*) добивалось, с оружием в руках, свободы, гражданства и права собственности». В обращении провозглашались демократические лозунги, лозунги гражданского общества. Вероятно, на текст документа в определенной степени наложило отпечаток чувство «социальной неполноценности», испытываемое автором, что было вообще характерно для представителей не «высших» слоев сословного общества, которые в силу сложившихся обстоятельств оказывались у руководства патриотическим движением. «Есть люди, которые одобряют план Заливского, но жалеют лишь о том, что этот план вышел не от князя Чарторьского, а от простого солдата, – писал автор воззвания. – <...> На это отвечаю, что в Северной и Южной Америке, в Испании и Швейцарии, а также и во Франции не князья, не маркизы и не бароны, а дети ремесленников и крестьян составили планы освобождения отечества и привели их

в исполнение». Этот мотив будет проходить на протяжении всего этапа между восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг.: руководители патриотических обществ нередко будут выступать с объяснениями, что решились возглавить их, не имея на то права первенства «по рождению», по социально-сословной принадлежности или образованности. Приводимые Заливским в поддержку своей позиции ссылки на другие страны свидетельствовали о том, что полякам-эмигрантам было известно о событиях, происходивших в европейских странах и Америке, а также о том, как эти события воздействовали на мировоззрение и умонастроения участников польского движения. Заливский заявлял, что оценивать человека следует не по сословной принадлежности, а по его делам. «Очень многие говорят, – отмечалось в обращении, – Заливский хочет быть диктатором, а человек он суровый, потачки давать не любит, не разбирая сословий. Хлоп у него может быть министром, лишь бы оказался способным и добросовестным, а князь, граф, вообще дворянин, пожалуй, вечно останется простым солдатом, не то канцеляристом, если не имеет никаких других достоинств, кроме титула. В случае нарушения порядка хлоп и дворянин караются у него одинаково. На это не могу ничего возразить, ибо все это правда: я действительно таков»²⁴.

Относительно своего республиканизма Заливский разъяснял оппонентам, что он действительно является республиканцем, но отнюдь не фанатичным «безумцем», и в подтверждение своего демократизма ссылался на слова «партизанского устава»: «народ сам утверждает себе правительство и законы». О направлении будущего развития Польши Заливский писал, что если ее не удастся сделать республикой, то «по крайней мере, <мы> все-таки станем на той дороге, по которой идут немцы, французы, англичане и другие, которые не знают личного произвола правителей, имеют законы, промышленность, просвещение и что ни день идут к большему и большему процветанию, к лучшим порядкам». В воззвании отразились и социальные взгляды Заливского: «Многие твердят, что Заливский хочет ограбить шляхту и все отдать хлопам – построить на погибели одних счастье и благоденствие других». Он обвинял своих оппонентов в том, что они «сжились с невольничеством»: по их понятиям, «непреренно кто-нибудь сидит наверху и давит другого: либо шляхта хлопам, либо хлопы шляхту». Они не могут себе представить иного, справедливого устройства общества, то есть «среднее пропорциональное положение, где ни один другого не давит, а всем хорошо и удобно». Являясь сторонником частной собственности, Заливский определял ее следующим образом: «собственность – есть только то, что приобретено трудом и промыслом, а взятое и отнятое силой есть грабеж и воровство». Он подчеркивал, что отобран может быть исключительно «излишек», и что «край» (имелось в виду государство. – Г.М.), который «берет собственность у одних, чтобы дать другим, должен заплатить за это по са-

мой добросовестной оценке». Так, по его мнению, можно будет «уравнять интересы и сделать всех гражданами одной и той же земли, дать всем соответственные права <...>, народ будет таким образом гарантирован от взаимной ненависти сословий»²⁵. Планы были очерчены довольно расплывчато, скорее они представляли собой желаемое, чем действительно возможное. Воззвание было не столько призывом, обращенным к галицийским полякам, сколько представившейся Заливскому возможностью поделиться собственными соображениями по стратегии ведения борьбы за независимое польское государство и не всегда отчетливо выраженными представлениями о его будущем устройстве.

Вскоре Заливский был арестован в Галиции, вынесенный ему приговор о смертной казни был смягчен и заменен заключением в австрийскую тюрьму Куфштейн сроком на 20 лет. В 1848 г. освобожденный по амнистии Заливский выехал во Францию, но, потеряв уже здоровье, участия в политической жизни польской эмиграции не принимал.

Отношение к экспедиции Заливского еще во время ее организации в среде польской эмиграции было различным. Если демократические круги поддерживали этот план, то «Отель Ламбер» полагал, что подобные методы к успеху не привести не могут. Аристократический лагерь предпринимал практические шаги, стремясь не допустить полного устранения своего влияния на Польшу. Чарторыский направил из Франции во Львов своего представителя Юзефа Свирского, поставив перед ним цель «сделать недействительными замыслы Заливского и его товарищей» и убедить галицийских дворян-патриотов, что «только князь, дипломатика, кабинетные действия способны воскресить край»²⁶. Позже, оценивая значение экспедиции Заливского, один из будущих руководителей восстания 1863 г., принадлежавший к демократическому направлению, Оскар Авейде, свою точку зрения о ней изложил следующим образом: отдавая дань уважения самопожертвованию участников похода, их все же нельзя считать идеалом, образцом для будущих поколений, только «отчаяние и молодость» могли «задумать такое несбыточное, сумасшедшее дело»²⁷. Он считал, что эти действия эмиграции привели к еще большему числу жертв и к большему ужесточению режима в Королевстве Польском. Однако, по мнению польского историка Я. Бергхаузена, даже негативный опыт окончившегося неудачей похода Заливского имел все-таки позитивное значение: эта попытка наглядно продемонстрировала, что есть еще силы, способные на продолжение борьбы за независимость. Героическая смерть участников экспедиции оживила патриотические чувства жителей Королевства. Кроме того, эта акция стала стимулом для развертывания дискуссии о взаимодействии «края» и эмиграции²⁸.

В отчете III Отделения с. е. и. в. канцелярии за 1833 год («Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1833 году»), представленном императору, содержалась оценка действий

«польских выходцев». Относительно экспедиции Заливского в нем утверждалось, что «эmissары их, в начале года в Царстве Польском появившиеся, мало встретили единомышленников, скоро были схвачены и немедленно понесли <...> должное по делам своим наказание». Составители отчета отмечали, что скорый суд над ними и последовавшие карательные меры имели даже «весьма выгодное влияние» и в итоге «сие дело <...> принесло пользу, ибо послужило хорошим уроком для жителей»²⁹.

Попытки поляков возобновить борьбу за национальное освобождение немедленно вызвали реакцию на международной арене, в первую очередь держав, в состав которых вошли земли бывшей Речи Посполитой. Еще в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском Австрия и Пруссия, весьма озабоченные собственными интересами, опасаясь распространения повстанческих настроений на своих «польских землях», оказывали помощь России в восстановлении «законного порядка». Австрийские власти выдавали политических преступников и стремились сохранить общественный порядок в Галиции и в «вольном городе» Кракове. Однако и после подавления восстания Краков продолжал оставаться местом сосредоточения польских патриотических деятелей. Опытный российский дипломат Д.П. Татищев, занимавший пост посла в Вене с 1822 г., вскоре после Ноябрьского восстания выдвинул мысль о необходимости сотрудничества трех держав в целях предотвращения возможных выступлений поляков. Он предложил заключить «особенное соглашение» для оказания помощи друг другу «против бунтовщиков польского происхождения». К. Меттерних, австрийский министр иностранных дел, поддержал этот замысел и обратился с просьбой изложить его подробнее. И.Ф. Паскевич также принял участие в подготовке будущей конвенции: он собственноручно определил ее основные положения. Его планом предусматривалась взаимная военная помощь в случае бунта поляков – предоставление 20-тысячного войска, выдача преступников, оказавшихся на территориях соседнего государства. За поляками, имевшими земельные владения в пределах разных государств, должен был учреждаться особый надзор. Предлагалось ведение строгого наблюдения за деятельностью тайных обществ. Краков следовало бы занять войсками трех держав, «без чего невозможно, – отмечал в своей записке от 18 февраля 1832 г. Паскевич, – ожидать спокойствия в Польше»³⁰. С учетом мнения наместника Татищев составил проект конвенции. В специальном меморандуме российского правительства подчеркивалось, что «в основании конвенции должна лежать солидарность интересов трех держав в сохранении спокойствия в своих польских владениях <...>, державы должны действовать против всякой революционной попытки в этих областях, выдавать преступников, обвиняемых в посягательствах на верховные права монархов и существующий порядок»³¹. В декабре 1832 г. вопрос о заключении конвенции был отложен, поскольку Меттерних посчитал,

что обстоятельства изменились и он перестал быть актуальным. Однако оживление польского патриотического движения в Европе – в среде эмиграции – и попытка возобновления вооруженной борьбы на территории Королевства Польского (экспедиция Заливского), а также возросшая активность поляков на других бывших польских землях вновь поставили на повестку дня вопрос о сотрудничестве трех держав. И осенью 1833 г. удалось достичь положительного решения этой затянувшейся проблемы. На встрече российского и австрийского императоров и прусского наследного принца в Мюнхенгреце, состоявшейся в связи с ближневосточными делами («насчет распада Османской империи»), 7 (19) сентября 1833 г. была подписана отдельная конвенция между Россией и Австрией. Она устанавливала взаимную гарантию их польских владений и выдачу политических преступников. Обе стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь при подавлении польских восстаний³². С Мюнхенгрецкой конвенцией тесным образом была связана и другая конвенция – Берлинская, подписанная 15 октября 1833 г. тремя государствами и известная под названием «соглашение трех монархов»³³. В соответствии с ней каждый из императоров (России, Пруссии и Австрии) мог получить помощь от других участников договора в случае «внутренних смут» или «внешней опасности». Обе конвенции начинались одинаково: «Во имя пресвятой и нераздельной Троицы», то есть так, как было написано в договоре о «Священном союзе» (1815 г.). В преамбулах конвенций объяснялась необходимость их заключения: три монарха ввиду «опасностей, которые продолжают угрожать порядку в Европе <...>, убежденные, что обоюдная поддержка правительств между собою необходима для сохранения независимости государств и прав, отсюда вытекающих в интересах общеевропейского мира», решили составить соответствующий «формальный акт». В статье 1-й декларировалось, что каждый независимый государь – австрийский, прусский и российский – «имеют право призывать к себе на помощь, во время смут внутренних, а также при внешней для страны его опасности, каждого другого независимого государя». Конвенция объявлялась секретной. Таким образом, польские патриотические выступления побуждали страны, принимавшие участие в разделах Речи Посполитой, укреплять сотрудничество в целях сохранения существующего положения вещей.

В отчете российского министра иностранных дел К.В. Нессельроде за 1833 год отмечалось, что в числе основных внешнеполитических целей России было создание «на Западе оборонительной системы против революционных агитаций, направленных к низвержению всего социального порядка, основанного на положительном законе (*de tout ordre social et légal*)»³⁴. Озабоченность Австрии вызывала ситуация, сложившаяся в связи с вольным городом Краковом, который продолжал «служить пристанищем для всякого рода политических деятелей, преследуемых австрийским

и русским правительствами». В результате переговоров между Австрией и Россией было решено «положить конец существованию Краковской республики». К этому решению присоединилась и Пруссия. 2 (14) октября 1835 г. представители трех держав подписали секретный договор о присоединении Краковской республики к Австрии. Претворен в жизнь он был только в 1846 г.

2. Шимон Конарский и его деятельность по расширению сети Содружества польского народа

После суда над участниками экспедиции Заливского, вынесшего суровые приговоры, в Королевстве Польском на некоторое время наступило затишье. Основной носитель национального самосознания – мелкая и средняя шляхта, понесшая особенно большие потери как в ходе восстания, так и после него, была напугана и растеряна. Казнь Завиши и других руководителей экспедиции, ссылка на каторгу ее участников, заключение в тюрьмы, отправка солдатами в армию и др. – все это действовало угнетающе на общественную атмосферу. Опасаясь наказаний и рекрутчины, многие бежали за границу. В Королевстве Польском для поддержания спокойствия и порядка были сосредоточены значительные военные силы русской армии.

Несмотря на безуспешность попытки возобновления партизанских действий в Королевстве Польском, эмигрантские круги не отказались от практики засылки эмигрантов, но теперь они направлялись преимущественно в другие бывшие польские земли. В среде польских эмигрантов возникла новая группировка левого направления «Молодая Польша», связанная с международным карбонарским движением. Возглавлявший ее Иоахим Лелевель, анализируя тщетность предпринимавшихся ранее действий, пришел к выводу, что поляки в крае не готовы к проведению восстания и потому необходимо засылать туда эмигрантов с целью ведения ими пропагандистской и организационной работы³⁵. Они должны были распространять демократические идеи о равенстве сословий, об освобождении крестьян от феодальных повинностей и замене монархического правления на республиканское. В начале 1835 г. в Краков приехал представлявший «Молодую Польшу» Тадеуш Жабицкий, он был родственником Лелевеля. Но уже в июне его арестовали и передали российским властям в Королевство Польское. В своих показаниях, сделанных в Варшавской следственной комиссии 24 ноября 1835 г., Жабицкий сообщил, что также в июне в Краков приехал Адольф Залеский, а позднее, в июле, Шимон Конарский (1808–1839). Он рассказал, что Конарский побывал в Польше еще раньше – вместе с отрядом Заливского, однако тогда ему удалось избежать ареста. Выехав в Эльблонг, а затем в Швейцарию, Конарский прибыл в Париж,

где приступил к изданию газеты «Пулноц» («Север»). Он присоединился к «Молодой Польше» и в начале 1835 г. через Кале и Лондон отправился в Брюссель к Лелевелю. После нескольких бесед с Лелевелем, Константым Залеским и другими деятелями, связанными с «Молодой Польшей», он получил поручение действовать в интересах этой организации. При содействии ганноверского посла в Париже Конарскому оформили паспорт для выезда из Франции. Валентый Зверковский снабдил его деньгами, и вместе с Леоном Залеским они направились в Краков. Далее путь Залеского лежал в Галицию, а Конарский остался в Кракове, ожидая поступления финансовой помощи от представителя демократического крыла эмиграции Северына Гощиньского³⁶.

Под руководством Гощиньского и при участии Конарского было создано тайное общество «Содружество польского народа» («Stowarzyszenie Ludu Polskiego») и написан его устав, основанный на идеологии «Молодой Польши»³⁷. Под словом «люд» («простой народ», крестьяне), как специально подчеркивалось в тексте устава, имелись в виду «все люди, составляющие народ-нацию (naród)»³⁸. Устав создававшегося объединения включал идейные и организационные принципы, на которых основывался союз. Текст устава начинался лозунгами-девизами, отчетливо отражавшими демократические взгляды его организаторов, их цели и тактику. Главный девиз союза звучал так: «С помощью народа – для народа» («Przez Lud – dla Ludu») ³⁹. Исходя из текста и общего смысла устава, возможно истолкование девиза как «с помощью народа, крестьян – для народа». Имелось в виду, что необходимы объединенные действия всего народа-нации, направленные на достижение общих интересов, на пользу всего народа. Другой лозунг – «Свобода, Равенство, Братство» – повторял демократические общественно-политические идеи Французской революции конца XVIII в. В уставе давалось определение союза и излагались цели его деятельности: «“Содружество польского народа” есть собрание (zbiór) моральных и физических сил на всем пространстве независимой Польши. Началом его есть вера в будущее и прогресс, основанием – извечные права человечества, средствами – безграничная ему преданность, целью – утверждение безусловного равенства и благоденствия всех членов общества». С идеями свободы, равенства и братства сочетался принцип «общественной гармонии», «классового солидаризма», единения всего народа, снятия социально-сословных различий и противоречий: «Личная свобода и независимость как основа общих прав и необходимое условие сохранения народного единства, свобода вероисповедания, неограниченная свобода печати, свобода обучения, свобода союзов, свобода торговли и промышленности вообще, сопротивление притеснениям и т. п. – все это вытекает из общих принципов свободы». Все социальные группы общества, отмечалось в уставе, должны иметь равные гражданские права. В отношении государственного устройства будущей Польши

предусматривалось установление республики с однопалатным законодательным собранием, поскольку народ составляет единое целое, а существование двух палат ведет к его разъединению. В национальном плане высказывалась мысль, что «люди всех стран являются братьями между собой» и они «должны взаимно уважать друг друга, оказывать взаимную помощь в восстановлении и защите свободы». Возрождение Польши, естественно, мыслилось в границах 1772 г. В целом устав тайного общества был выдержан в духе идеологии Польского демократического общества. В заключительной записке Киевской следственной комиссии по делу Конарского от 15 октября 1838 г. были указаны следующие основные цели, которые эmissар преследовал в своей деятельности: «образование (т. е. просвещение. – Г.М.) простого народа в таком духе и направлении, чтобы он в неразрывном соединении с польским дворянством и местною шляхтою при новом возмущении мог представить собою большую массу мятежников, а не отдельные, как до сего времени, действия одного польского дворянства и шляхты, почему и предписывалось как возможно более действовать на крестьян ласковым обращением, поощрением промышленности, торговли, легчайшим распределением работ, предоставлением крестьянам собственности и проч.»; «соединение поляков общую идею освобождения со всеми народами Западной Европы, исповедующими одинаковую политическую систему»; «распространение между народом понятий о свободе, равенстве и братстве, сколько словами, столько же сочинениями и книгами, в таком духе писанными», а также «преобразование народного духа и нравов <...> к учреждению демократических форм правления». В вину Конарскому и его соратникам ставились также их действия по подготовке восстания, сбор оружия и денежных средств и т. д.⁴⁰ Особо интересовал Следственную комиссию вопрос, удалось ли Конарскому установить отношения с крестьянами. В одном из своих показаний Конарский сказал: «Это правда, что я разговаривал иногда с крестьянами в корчмах, но где, о чем, когда, поистине трудно мне пояснить, не помню, чтобы крестьяне точно понимали меня. Я из того заключаю, что каждый человек понимает то, что ему лучше быть вольным, нежели ходить на барщину, быть наказываемым плетью и испытывать то, что крестьяне претерпевают»⁴¹.

Вскоре после уже состоявшегося прибытия Конарского в западные российские губернии летом 1835 г. И.Ф. Паскевич получил из Франции известия о засылке в Россию польских эmissаров. Сообщались их имена и фамилии, а также приметы. В числе эmissаров был назван и Конарский⁴². 5 (17) сентября 1835 г. Паскевич отдал приказ генерал-полицеймейстеру о розыске Конарского, однако эmissар, действовавший в основном на территории Украины и Литвы, непрестанно менявший место жительства и псевдонимы, долго оставался на свободе. В течение своего длительного пребывания на территории западных губерний России – на литовских,

украинских, белорусских землях — Конарский энергично действовал, стремясь вовлечь в патриотическое движение новых участников и тем самым расширить сеть отделений тайного общества⁴³. Обладая даром убеждения, он легко находил общий язык со слушателями и старался привлечь к сотрудничеству местную шляхту. О том, какое впечатление производил Конарский на собеседников, писал в своих показаниях шляхтич Гродненской губернии Томаш Булгак: «В жизни своей я не слышал человека с таким дарованием убеждать кого-либо красноречием, с жаром произнесенными словами, на истину весьма похожими, с какими тогда Конарский старался убедить меня»⁴⁴. Однако в шляхетской среде существовали различные общественные взгляды и настроения, и многие из тех, кто в доверительном разговоре с Конарским давал согласие на сотрудничество, после его отъезда, как правило, никакой активности не проявляли. По замечанию Каспера Машковского, одного из руководителей польского движения на Правобережной Украине, сделанному в письме Северыне Бопре, «Конарский был демократом и хотел их (демократического и аристократического лагерей эмиграции. — Г.М.) борьбу перенести на нашу почву, разделить нас на аристократов и демократов, а нам это было совершенно не нужно. Мы были поляками, и этого достаточно»⁴⁵. Таким образом, для местных польских дворян-помещиков важны были исключительно цели национальные, несомненно связанные с их экономическими интересами. Потребности и нужды местного украинского и белорусского крестьянства они не принимали во внимание и никаких надежд на поддержку с его стороны польского патриотического движения не возлагали.

В записке Киевской следственной комиссии детально описывалась деятельность Конарского на Правобережной Украине. Эмиссар смог наладить контакты с существовавшими в Подольской, Волынской и Киевской губерниях тайными обществами, преследуя цель присоединения их к Содружеству польского народа. Местные власти быстро отреагировали на деятельность заговорщиков. В Волынской губернии было арестовано 33 человека, из них 30 сознались в причастности к антиправительственным заговорам. Было раскрыто тайное общество и в Подольской губернии. Причем, как отмечалось следственной комиссией, если в Волынской губернии в общество вступали «люди без образования и состояния или с весьма малым», то в Подольской губернии это были «лица состояния достаточного, а некоторые довольно богатые» и принадлежавшие «к сословию дворян образованных». Но цель везде «оставалась неизменною» — «восстановление Польши в виде независимой демократической республики»⁴⁶.

Продолжительное время Конарский находился в доме семейства Михальских в Вербке Мурованной в Подольской губернии, где у него сложились романтические отношения с Эмилией Михальской. Перебравшись в Кременец, Конарский получил помощь и поддержку от Эвы Фелиньской (1793–1859). Фелиньская была мелкопоместной дворянкой, матерью

шестерых детей. Овдовев, она приехала в Кременец, известный среди поляков своей знаменитой гимназией, с целью дать детям хорошее образование. Будучи родственницей поэта Алоизыя Фелиньского (секретарем Тадеуша Костюшко еще в период до разделов Польши), она общалась с Юльюшем Словацким и другими польскими поэтами, придерживавшимися патриотических воззрений⁴⁷. Разделяя их взгляды, Фелиньская вступила в общество Конарского. Ей удалось создать отдельное женское тайное объединение, в которое вошли, в частности, ближайшие родственницы и знакомые деятелей патриотического движения (так, в общество вступили мать Ю. Словацкого, Э. Михальская и др.), всего их было более 10 человек. Возраст участниц был различен – от 18 до 58 лет⁴⁸. Фелиньская написала устав («правила») общества⁴⁹. Его текст не имел стандартной структуры, присущей такого рода документам. Местами он был по-женски эмоционален: например, своеобразной преамбулой послужило лирическое эссе Фелиньской о понимании, что такое счастье, к которому, по ее мнению, стремится каждый человек («от колыбели до гроба человек бежит за счастьем»), о путях, ведущих к его достижению. Она считала, что стремление к счастью свойственно представителям всех социальных слоев общества. «Вот самый многочисленный класс, – писала она о крестьянстве, – он находится в таком угнетенном положении, что не может распоряжаться даже своими чувствами. Скованный во всех своих действиях, он влачит жалкую жизнь, пребывая в угнетении и недостатках». Весьма негативная оценка давалась дворянству: оно обвинялось в том, что присвоило себе «все социально-политические права, богатство и положение», но за этим «мнимым блеском» скрывается «пустота, скука, утрата вкуса к жизни». «Мы убеждены, – отмечалось в документе, – что истоки счастья заключены в сердце человека, а средства его достижения под рукой у каждого». Не надо строить новых теорий, вести философские исследования, полагала Фелиньская, – уже все открыто в христианских началах. Далее следовал призыв: «Будем же христианами не на словах, а на деле». Пример Христа показал, писала Фелиньская в уставе, что труд есть предназначение человека: будучи плотником, Христос слился с народом и среди него нашел себе друзей и приверженцев, он сделал это с целью показать людям, что «разницы сословий не существует в очах Бога». Для улучшения состояния общества, по мнению руководительницы женского общества, нужно использовать простые человеческие отношения, то есть «помогать бедным, лечить больных, обучать несведущих». Устав обязывал членов общества работать над своим моральным духом: «проявлять интерес к труду, искоренять пороки, происходящие от различия происхождения», «подняться духовно настолько, чтобы жертвовать собой, если это нужно для блага других». Таким образом, в уставе женского тайного общества акцентировалось значение христианских догматов для совершенствования общественного устройства. Фелиньская стала также автором «Торго-

вого устава». Легальное занятие торговлей, помимо чисто коммерческих целей, давало участникам патриотического движения возможность беспрепятственно передвигаться по стране и за ее пределами, что в значительной степени облегчало задачу установления и поддержания контактов с единомышленниками. Члены общества занимались сбором денег для нелегальной работы, оказывали помощь в поддержании переписки. Под руководством Фелиньской в Кременце была организована женская школа («школа для бедных девиц»). Условия принятия в нее девочек были несложными — «бедность и христианское вероисповедание». Тайное общество, созданное Э. Фелиньской, было первым организационно оформленным женским обществом в польском патриотическом движении.

Конарский установил контакты со многими патриотическими обществами, существовавшими не только на Украине⁵⁰, но и в Белоруссии и в Литве (например, с обществом студентов виленской Медико-хирургической академии, возглавлявшимся Францем Савичем), а также со студенческой организацией Дерптского университета, руководителем которой был Кароль Гильдебрандт.

Когда российским властям стало известно о возникшем в западных губерниях империи антиправительственном заговоре, они приняли энергичные меры по розыску его участников, и в первую очередь его руководителя. Было составлено «описание примет Симона Конарского», в котором указывалось, что ему «лет около 30-ти; роста среднего; худощав; глаза голубовато-серые; лицо овальное, цвет лица красноватый, несколько в веснушках; нос продолговатый, с малым горбом; волосы подкрашенные, а настоящий цвет волос светло-рыжий, бакенбарды и усы одного цвету с волосами». Отмечалось также его владение языками: «говорит по-польски, по-немецки, по-французски, немного по-итальянски и по-английски»⁵¹. Конарский был арестован в конце мая 1838 г. во время переезда из Вильно в Минск. Затем последовала целая серия арестов. На Правобережной Украине сначала подверглись задержанию около 250 человек, но половина из них была освобождена за недостатком улик⁵². На протяжении нескольких месяцев допросы велись следственными комиссиями в Киеве и Вильно. Белорусский историк С.А. Луговцева отмечает, что действия полицейских чиновников были «хорошо организованы»: «если становой пристав получал распоряжение земского исправника о допросе некоего лица или обыске в его доме, то это распоряжение выполнялось незамедлительно. Обыск производился тщательно». Совсем иное впечатление оставляя, по ее словам, «лагерь заговорщиков-патриотов». «Больше всего, — пишет Луговцева, — удивляет некая наивность в их действиях и показаниях. В ходе обысков у членов тайного общества были найдены устав “Содружества польского народа” и так называемая “Организация”. Такие находки легко объяснимы: каждое общество имело свои организационные документы». Заговорщики хранили письма с

легко поддающимися расшифровке двусмысленными фразами, носили в карманах одежды «возмутительные стихи», и попытки обвиняемых запутать следователей были «шиты белыми нитками». «Создается впечатление, – делится своим мнением исследовательница, – что участники “Содружества” не имели понятия о конспирации, не понимали той опасности, которой подвергали себя». Но правила конспирации, замечает она, «теоретически были хорошо разработаны», и к тому же «на глазах именно этого поколения прокатился вал репрессий» после восстания 1830–1831 гг. и военных экспедиций 1833 г. Было ясно, что членов любых антироссийских организаций ожидали самые суровые меры наказания⁵³. По возрасту ближайшие сподвижники Конарского были уже далеко не молодыми людьми: Игнацию Родзевичу было 40 лет, Антонию Ожешко – 38, Яну Былевскому – 38, Ежи Брынку – 37, Наполеону Новицкому – 38 лет, однако и они не имели соответствующих навыков, необходимых для действий в условиях конспирации.

Арестованные по делу Конарского участники польского патриотического движения в результате проведенных следственными комиссиями расследований были поделены – по степени их виновности и полагающейся соответственно мере наказания – на 5 категорий (разрядов). К первому разряду отнесены были 4 наиболее активных участника движения («главные зачинщики предполагаемого мятежа»): Каспер Машковский, Фридерик Михальский, Юзеф Бопре и Петр Боровский. Они приговаривались к смертной казни. Но Николай I принял иное решение – неординарное и впечатляющее, рассчитанное на сильное эмоциональное воздействие и на тех, кто подлежал казни, и на тех, кто присутствовал при ней. Официальная мотивировка его решения представляется несколько лицемерной: «В чувствах постоянного милосердия и человеколюбия государь император всемилостивейше избавляет их (преступников. – Г.М.) от смертной казни, с тем, однако, чтобы в страх другим весь обряд ее был над ними совершен», – писал военный министр А.И. Чернышев киевскому военному, подольскому и волыньскому генерал-губернатору Д.Г. Бибикову⁵⁴. Итак, Машковский, Бопре, Боровский и Михальский были доставлены к месту казни и «поставлены близ виселицы». Им зачитали приговор военного суда, по которому они подвергались смертной казни через повешение. Под непрерывавшийся бой барабанов приговоренных одели в белые саваны, возвели на помост виселицы с надетыми на головы колпаками – и в этот момент было объявлено о помиловании. Смертная казнь заменялась ссылкой в Сибирь в каторжные работы сроком на 20 лет, с лишением всех прав дворянского состояния. Остальные участники заговора также были приговорены к различным срокам каторги, ссылке в Сибирь, отправлены рядовыми в армию, все лишались прав дворянства, а священники – своего сана. Лица, отнесенные к третьей и четвертой категориям виновности, наказывались ссылкой во внутренние города России, наложением секвестра на имущества,

отправкой в армию. Причисленные к пятому разряду после полугодового тюремного заключения получили разрешение вернуться на прежнее место жительства с учреждением за ними полицейского надзора⁵⁵. Конарский после девяти месяцев ареста, проведенных в здании бывшего базилианского монастыря в Вильно, 27 февраля 1839 г. был расстрелян.

На участниц тайного женского общества был составлен отдельный список (датирован 11 февраля 1839 г.), в котором названо было 9 человек: Эва Фелинская, Паулина Вильчепольская, Юзефа Жонжевская, Францишка Пининьская, Роксолана Зелиньская, Элеонора Комаровская, Юлия Старорыпиньская, Эмилия Михальская, Марьяна Олеша. Все они принадлежали к дворянскому сословию. На полях документа генерал-губернатор Бибииков собственноручно написал резолюцию о полагавшихся женщинам наказаниях. Фелинская, по лишении всех прав состояния, отправлялась в ссылку на поселение в Сибирь, а ее имение было «оставлено детям» под надзором местного начальства. Вильчепольская и Жонжевская также ссылались «на жительство в дальние сибирские города». Комаровская («по старости лет») и Старорыпиньская («поскольку она недостаточно повинна») через три месяца заключения, проведенные в тюрьме, могли быть «отпущены на свободу» с установлением за ними полицейского надзора. Остальным предусматривалось наказание в виде разных сроков пребывания в монастырях (в частности, Михальская получила пять лет)⁵⁶.

В связи с делом Конарского перед российским правительством встала еще одна проблема: какие меры следовало принять в отношении семей ссыльных и детей, оставшихся без родителей или в семьях, оказавшихся материально несостоятельными. Эти вопросы обсуждались на заседании Комитета западных губерний, специально «учрежденного для рассмотрения разных предположений по губерниям, возвращенным от Польши». Киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибииков считал, что преступников следует высылать на место жительства в отдаленные губернии «вместе с семействами, не лишая их при том права владения именьями». Он обосновывал необходимость отправлять вместе с приговоренными к высылке и их семейства тем, что если они останутся на месте, то «будут служить постоянным предметом сострадания и воспоминания происшествия» для их окружения, а сами семейства будут испытывать все усиливающуюся ненависть к России и, по всей вероятности, могут стать «новым зародышем злых умыслов». В качестве примера он приводил детей «некоего Пининьского», который принадлежал к открытому в 1825 г. заговору и был сослан в Вологду, а его «дети, оставшись на месте, обнаружили теперь участниками в новом умысле», в частности, упоминалась Францишка Пининьская, которая обвинялась в знакомстве с Шимоном Конарским, произошедшим в доме ее брата Эдварда. Пининьская была приговорена к заключению «в женский монастырь греко-российского исповедания бессрочно» и по решению Синода отправлена в Старовознесенский монастырь

в Псков. Виленский генерал-губернатор Н.А. Долгоруков придерживался иного мнения по вопросу об отправке семей виновных: они должны оставаться на прежнем месте и при сохранении своих имений, часть доходов с которых будет отчисляться на содержание сосланных родственников, а оставшиеся средства пойдут на нужды семейств. Предлагавшиеся членами Комитета западных губерний меры были направлены на то, чтобы «избавить Западный край от людей вредных, без опасения последствий их ожесточения в местах нового жительства». Особое внимание Комитет обратил на вопрос о детях наказанных участников патриотического движения. Эта проблема имела принципиальный характер, она должна была не только решаться применительно к детям участников данного заговора, но и определить общую линию на годы вперед. По мнению членов комитета, было необходимо, чтобы подрастающее поколение по возможности воспитывалось не в той среде, где сильны польские патриотические настроения, а в иной, лучше всего в российских официальных учебно-воспитательных учреждениях, находившихся под пристальным контролем властей. Журнал заседания комитета был представлен Николаю I, и 16 июня 1839 г. последовала собственноручная резолюция монарха: «Родителей спросить, не желают ли поместить детей в казенные заведения на казенный счет?» Это предложение российских властей в целом с удовлетворением было воспринято женами сосланных. Те, кто не мог сразу отправить своих детей на учебу ввиду их малолетнего возраста, постарались зарезервировать такую возможность на будущее. Первые казеннокоштные воспитанники были зачислены в 1840 г.: девочки определены по «гражданской» линии – в дворянские заведения, в частности, в институты благородных девиц, а мальчики – в основном по военной части. Последние просьбы о зачислении детей «конарщиков» на казенное обучение относятся к 1847 г., то есть уже ко времени кануна революционных событий 1848 года⁵⁷.

Российское правительство крайне беспокоила ситуация на западных окраинах империи. В отчете III Отделения с. е. и. в. канцелярии Николаю I за 1838 год в специальном разделе «О расположении умов в западных губерниях» значительное место уделялось деятельности Конарского и его сообщников. При этом отмечалось, что нет необходимости детально излагать «обстоятельства сего дела, известного государю в малейших его подробностях». Однако, подчеркивалось далее, оно совершенно точно свидетельствует о неблагонадежности поляков: это доказывает тот факт, что Конарский на протяжении двух лет имел возможность «тайно жить, разъезжать и злоумышлять в границах наших». Следствие выявило большое число лиц, видевших его, общавшихся или сотрудничавших с ним, но «не нашелся из них ни один предатель, ни один, который бы по чувству верности к государю решился открыть пред правительством присутствие злоумышленника». В связи с делом Конарского III Отделение провело негласное расследование о состоянии умонастроений поляков в

Петербурге с целью выяснить их отношение к антиправительственным действиям заговорщиков. Его результаты не оставляли надежды на лояльность поляков: «осторожные молчат», другие же в откровенных беседах «говорят, что в настоящее время глупо составлять общества», что полякам надо сохранять патриотизм «в своем сердце», а действовать сообща тогда, «когда явятся обстоятельства, им благоприятствующие, как, например, европейская война». Они считают, что «составление обществ лишь вредит общему делу поляков», ибо, «будучи неминуемо открываемы, они возбуждают только противодействия правительства». Итоги наблюдений за расположением духа петербургских поляков докладывались Николаю I: «Изыскания наши не встретили никого из здешних поляков, который бы винил членов обнаруженных обществ в измене своему государю, находил бы действие их преступным или даже предосудительным. Все виновные признаются ими не иначе как жертвами необдуманного патриотизма, достойными сожаления». Враждебные чувства поляков, объяснялось в отчете, поддерживаются эмигрантами, «безумные мечты которых» о самостоятельности Польши не ослабевают⁵⁸.

III Отделение не оставляло без внимания и общественно-политическую обстановку в Королевстве Польском. В разделе отчета за 1838 г. «О духе жителей Царства Польского» отмечалось, что ведомство не располагает заслуживающими доверия сведениями «о духе тамошних жителей и расположении их к правительству». Если верить данным, поступающим от «варшавского начальства», с холодной иронией подчеркивалось в документе, то можно сделать вывод, что настроение жителей Королевства Польского и отношение их к российским властям постепенно улучшается. Но, замечалось в отчете, из Королевства поступали и другие сообщения, содержавшие сведения о том, что различные европейские события оказывают сильное влияние на настроения поляков, которые «возобновляют мечты о возможности достигнуть независимости». III Отделение не ограничивалось исключительно официальными донесениями, поступавшими от государственных чиновников, оно пользовалось также информацией собственных агентов, из которой складывалась совершенно безрадостная картина. «Некоторые частным образом полученные сведения, — констатировалось в отчете, — представляют совсем иное: говорят, что жители Царства никогда не были так худо расположены к правительству, так недовольны, как в настоящее время». Николая I ставили в известность, что «злоупотребления, существующие в разных частях тамошнего управления, возбуждают общий ропот». Недовольство населения Королевства Польского вызывается, в частности, действиями Паскевича: «Жалуются, что наместник царства, мало сам вникая в дела гражданские, вверился людям совершенно недостойным, что несправедливости встречаются на каждом шагу и что важнейшие дела решаются и должности раздаются не иначе как за деньги». Отмечалось, что об этом императору

докладывалось и в предыдущих отчетах, но с тех пор злоупотребления «не только не уменьшились, но еще более вкоренились и распространили в Царстве повсеместный дух недовольства против русского правительства»⁵⁹. Таким образом, петербургские власти признавали, что вина за беспокойную ситуацию в Королевстве Польском частично ложилась и на российскую администрацию.

3. ВАРШАВСКОЕ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО «СВЕНТОКШИЖЦЕВ»

В результате неудачных попыток польской эмиграции после восстания 1830–1831 гг. выслать эмиссаров для организации восстания на польских землях, прежде входивших в состав Речи Посполитой, стало понятно, что подобные планы не могут быть реализованы без основательной предварительной подготовки, что одних призывов и воззваний недостаточно – необходима кропотливая систематическая работа на самих польских территориях, создание сети конспиративных обществ национально-патриотической направленности. На их членов стала возлагаться задача ведения активной пропагандистской работы в целях расширения социальной базы движения, вовлечения в него «простого» народа, в первую очередь крестьянства. В 1836–1841 гг. в Королевстве Польском действовало конспиративное общество, вошедшее в историю под названием «свентокшижцы». Наименование общества произошло от места, где собирались заговорщики, – дома, расположенного рядом с собором Святого креста в Варшаве (*świątę* – «святой», *krzyż* – «крест»). Возникновение и деятельность общества были тесно связаны с краковским центром «Содружества польского народа», оно являлось своего рода его филиалом⁶⁰.

Варшавское общество возглавлял Густав Эренберг (1818–1895). Его происхождение всегда было предметом повышенного интереса со стороны историков. Общепринятой является точка зрения, что Эренберг был внебрачным сыном Александра I⁶¹. В своем показании, данном в Варшавской следственной комиссии в июле 1838 г., Эренберг заявил, что он родился в Варшаве, а на заданный ему стандартный вопрос о родителях относительно отца уклончиво ответил, что «с младенчества лишенный отца, я не могу назвать его происхождения», а «мать моя – Хелена из Держановских». Об Эренбергах (семействе варшавского пекаря), формально усыновивших его и официально считавшихся его родителями, он не упоминал. Воспитывался Эренберг в доме барона П.О. Моренгейма, директора канцелярии при великом князе Константине Павловиче, позднее ставшего секретарем Правительственной комиссии внутренних дел. После его смерти забота об Эренберге была поручена Винцентью Козловскому, директору Отдела просвещения Правительственной комиссии духовных дел и общественного просвещения в Королевстве Польском.

С его помощью Эренберг получил заграничный паспорт и разрешение выехать в Краков для продолжения образования в Краковском университете. Два года он проучился на философском факультете, а затем стал вольнослушателем юридического. В 1836 г. он вернулся в Варшаву.

Во время своего пребывания в Кракове Г. Эренберг вошел в студенческий кружок, по его словам, «не имевший ни названия, ни определенной цели», который должен был поддерживать и укреплять «патриотические чувства среди студентов». В нем активно действовали Станислав Малиновский, Ян Щепановский, Юзеф Гжимальский – «они были душой того товарищества». Они, а также Стефан Мулковский и Казимеж Ратульд уже тогда являлись членами Содружества польского народа. В кружке читали книги, издававшиеся эмиграцией. Щепановский рассказал Эренбергу, что несколько поляков-эмигрантов, находившихся в Швейцарии, создали там тайное общество «Молодая Польша», центральное руководство которым осуществлял И. Лелевель. Прибыв в Галицию, они основали союз под названием «Содружество польского народа». Щепановский прочитал Эренбергу устав Содружества и принял его в члены организации. В своих показаниях в Варшавской следственной комиссии Эренберг привел фрагменты устава: «“Содружество польского народа” является демократическим орденом (zakonem), предназначение которого состоит во все большем увеличении числа приверженцев своей веры – до такого уровня, чтобы охватить ею весь народ». Тогда бы общество не зависело ни от каких перемен в крае и могло бы распуститься, «поскольку все поляки были бы членами Содружества, и оно перестало бы быть тайным». Как утверждал Эренберг, призывов к восстанию, к вооруженной борьбе за национальное освобождение Польши в уставе не было, следовало действовать исключительно путем духовного воспитания всего народа. Так же как и в других конспиративных обществах, предполагалось при встречах заговорщиков использовать тайные ритуалы и «знаки» для опознания «своих». Он рассказал, как должно было происходить рукопожатие, каким должен был быть «ответ» – поглаживание бороды особым образом, затем поочередное произнесение букв «S», «L», «P» («Stowarzyszenie Ludu Polskiego»). Кроме устава, организационного статута, текста клятвы вступающего, существовали еще «Пункты веры». Они состояли из 30 статей, содержавших демократические принципы, их обязан был знать и распространять каждый член содружества. Возвратившись осенью 1836 г. в Королевство Польское, Эренберг не прекратил связи с галицийским руководством союза. Переписка велась с использованием тайнописи (слова вносились между строк, например стихов, крахмалом, разведенным в воде, а для их проявления применялся спиртовой раствор йода)⁶².

Обстановка в Королевстве продолжала оставаться напряженной, требовалось соблюдать строгие правила конспирации. Паскевич держал под пристальным наблюдением общественную ситуацию, выполняя указания

Николая I, опасавшегося появления новых антиправительственных «заговоров». 6 (18) октября 1836 г. император писал наместнику: «Желал бы верить тебе, что дух в Польше поправляется; но признаюсь, что я все еще Фома неверующий [sic!]». В письме от 24 октября (5 ноября) 1836 г. Николай I советовал Паскевичу не слишком доверять полякам: «Аттестат твой духу поляков столь одинаков с моим мнением на их счет, что не нужно о сем более распространяться, но необходимо за ними бдительно следить»⁶³.

В своих показаниях о варшавском обществе, данных в следственной комиссии, Эренберг поделил его существование на три периода: первый – с сентября 1836 г. по март 1837 г., от его приезда в Варшаву до первого ареста (он был арестован по подозрению в принадлежности к краковскому тайному обществу), когда он сам вел демократическую пропаганду; второй – с марта до декабря 1837 г., в этот период организацией пропаганды занимался аппликant варшавской прокуратуры Станислав Морозевич; третий – до раскрытия общества властями в мае – июне 1838 г., когда всей деятельностью общества полностью руководил Александр Венжик⁶⁴. На всем протяжении существования варшавского общества в него принимались новые члены, преимущественно это были учащиеся, студенты, мелкие служащие, аппликанты. Особая заслуга в увеличении состава общества принадлежала Морозевичу, имевшему обширные знакомства среди молодежи. В ходе следствия Морозевич рассказал, что в октябре 1835 г. по окончании учебы в гимназии в Люблине отец привез его в Варшаву, чтобы устроить аппликантом в генеральную прокуратуру, где он мог бы усовершенствовать свои познания в области права. В Варшаве Морозевич встретил Михала Грушецкого, с которым раньше учился в люблинской гимназии. Через него он познакомился со многими будущими заговорщиками, в частности с Михалом Ольшевским и Александром Краевским. Собираясь вместе, молодые люди вели разговоры на самые разные темы, совсем не политические, – главным образом они беседовали о поэзии и литературе. В сентябре 1836 г. Морозевич у общего знакомого впервые встретил Эренберга, приехавшего из Кракова, и, по его свидетельству, был поражен словами Эренберга о популярности в Европе идеи, что «женщины должны иметь полностью равные с мужчинами права». В одном из разговоров Эренберг спросил Морозевича, считает ли он демократическое правление наилучшей формой государственного устройства, и, получив утвердительный ответ, стал разъяснять ему, что для того чтобы такое правление было установлено в Польше, необходимо распространять эту мысль, и что с этой целью в Варшаве действует тайное общество, в которое он и предложил ему вступить. Аналогичным образом вовлекались в обсуждение и пропаганду демократических идей его друзья и знакомые. Это были мелкие служащие, студенты, многие из которых знали друг друга еще со школьных времен. Они приехали в Варшаву из других городов в поисках лучшей жизни, большинство их были выходцами из бедной шляхты. Они снимали недорогое

жилье, часто совместно, и имели в общем одинаковые проблемы. В итоге поддерживающая приятельские отношения молодежь объединилась в неформальное общество — «товарищество», как назвал его Эренберг. В декабре 1836 г. из Галиции в Варшаву прибыл Эугениуш Жмиевский и передал Эренбергу письмо от одного из руководителей Содружества польского народа Станислава Малиновского (1812–1890). Он привез рукописную брошюру на французском языке, которую Эренберг перевел на польский. Она называлась «О правах и обязанностях республиканца» и состояла из трех небольших разделов, озаглавленных «Свобода», «Равенство», «Братство». Также у Жмиевского были с собой фрагменты из «Истории французской революции» А. Лапоннере. Из Кракова доставлялись и другие печатные материалы, преимущественно издания польской эмиграции, в их числе были «Краткий политический катехизис» Яна Непомуцена Яновского, одного из основателей Польского демократического общества, манифесты громад «Умань» и «Грудзёнж». Они, однако, не вызывали большого энтузиазма у тех немногих членов общества, которых с ними ознакомили, и практически не получили никакого распространения⁶⁵.

В ноябре 1837 г. в Варшаву из Кракова прибыл Александер Венжик (1819–1853), обучавшийся там в университете. Выполняя поручение Малиновского, он сообщил Эренбергу и Морозевичу, что вместо Содружества польского народа создана новая тайная организация — Всеобщая конфедерация польского народа, целью которой провозглашалось освобождение Польши из-под власти России, Австрии и Пруссии. Ее первое заседание состоялось 15 августа 1837 г.⁶⁶ Венжик заявил, что он уполномочен принять варшавских заговорщиков в эту конфедерацию. Он привез с собой ее устав и манифест, объявлявший полную свободу крестьянам. Устав конфедерации существенно отличался от устава Содружества: если там вопрос об изменении образа правления в Польше откладывался на неопределенное будущее, на время, когда весь народ проникнется демократическими принципами, когда полностью и окончательно восторжествует эта «вера», и не допускалась мысль о каком-либо общественном брожении, нарушении внутреннего спокойствия, то в новом документе было заявлено, что целью конфедерации является приближение скорейшего возрождения Польши, причем достижение этой цели предполагалось отнюдь не мирным постепенным путем. Члены конфедерации обязаны были запастись оружием, уметь им пользоваться, создавать оружейные склады. В этих словах, по мнению Эренберга, содержалось стремление взбудоражить народ, выдвигалось требование не заниматься собственными делами, собственным развитием, а прежде всего возбуждать волнения в обществе. Подобных условий, заявили Эренберг и Морозевич, они принять не могут, поскольку вступали в общество, признающее демократические принципы и их постепенное распространение, но они отнюдь не являются приверженцами «безрассудных действий».

Таким образом, здесь отчетливо обнаружилось расхождение взглядов «местных» деятелей и деятелей эмиграции. Помимо идеологических разногласий, выявилось различие в организационных и тактических подходах, проявилось даже некоторое недовольство позицией эмиграции ввиду ее непонимания реального положения дел в крае, сложной внутриполитической ситуации, в частности, в Королевстве Польском. Эренберг и Морозевич в раздражении высказали мнение, что конфедерацию образовали те, кому надоело быть скитальцем и кто в таком начинании видит возможность поправить свою судьбу⁶⁷.

Взгляды Эренберга были близки тем идеям, которые содержались в документе, озаглавленном «Замечания о нравственной войне народа с деспотизмом, или каково наше положение и что в настоящее время предстоит делать людям благомыслящим»⁶⁸. Этот документ, в целом патриотический по своей направленности, был пронизан морально-религиозными и просветительскими идеалами, которые неразрывно связывались с идеями национального освобождения. «Теперь, если бы кто считал главным средством к достижению наших намерений (освобождения Польши. – Г.М.) припасение лошадей, оружия, пороха, пуль, собирание складок, тот не знал бы <...> настоящего нашего положения», – отмечалось в «Замечаниях». Такое заявление явно противостояло расчетам эмиграции. Автор документа полагал, что когда действительно дело дойдет до военных действий, то «материальные средства» для них могут быть доставлены извне, но «нравственные должны находиться в нас самих», поскольку «в борьбе народов нравственная сила берет всегда верх над физической», и потому «умножение нравственной силы должно составлять главнейшую нашу цель». Обвиняя иноземного правителя в «деспотизме», автор раскрывал его «главные цели»: стремление «уничтожить народность», «погасить просвещение», «испортить нравы, или нас развратить». Подчеркивалось, что с целью «уничтожения народности», т. е. национальной идентичности поляков, первый удар был направлен на религию: «наш тиран <...> упразднил многие костелы, упразднил ксендзов, ибо он знает, что религия отцов наших есть драгоценнейшая часть нашей народности». В «Замечаниях» значительное внимание уделялось проблеме нравственности, содержались призывы к искоренению различного рода пороков. Для того чтобы противостоять «деспотизму», утверждал их автор, необходимо вести «нравственную войну». «Общий план» ее заключался в следующем: «поддерживать и укреплять дух народности», «просвещаться и просвещать», «избегать порчи нравов, исправляться от пороков, пребывать в добродетели». «Религия и свобода!» – таков лозунг сохранения народности. Другим «народным сокровищем», отмечалось в документе, является польский язык, и несмотря на то, что враги пытаются «изгнать его», «он усиливается <...> и имеет великих сочинителей и великих поэтов, каких давно уже не было». Необходимо также, при-

звал автор документа, сохранять в национальной исторической памяти «народные доблести, а отцы наши добродетелью превзошли многие народы». Весьма интересны соображения автора «Замечаний» о просвещении, о понимании его места и роли в общественной жизни. Он отмечал, что «главную целью деспотов» является уничтожение просвещения, так как «они хорошо знают, что непросвещенным человеком можно управлять, как скотиною», и потому с просвещением они «принуждены вести упорнейшую борьбу». «Желая искоренить науки (они. — Г.М.), забирают у нас книги, разгоняют училища, преследуют ученых», поэтому «в домах своих следует нам, — подчеркивалось в «Замечаниях», — тщательно собирать все учебные сокровища, не пропускать ни одного случая к просвещению себя и других. У нас уничтожают училища, мы детей бедных родителей и детей крестьян будем содержать по домам, будем их наставниками и станем лелеять в них будущих врагов нашего общего тирана». Заканчивался фрагмент о просвещении словами: «просвещение поколебало уже престолы, просвещение их и разрушит». Сформулированные в «Замечаниях» мысли были полностью созвучны с идеями, выдвигавшимися в это время французским христианским социалистом-утопистом Ф. Р. де Ламеннэ. Его книга «Слова верующего» («Paroles d'un croyant») вышла в Париже в 1834 г., и в том же году была переведена на польский («Słowa Wieszcze»). Она пользовалась большой популярностью в эмигрантской среде, и значительное количество ее экземпляров переправлялось заговорщикам в Королевство Польское⁶⁹.

Поняв и оценив позицию Эренберга и Морозевича, не пожелавших согласиться с установками Всеобщей конфедерации польского народа, Венжик огорчился и высказал искреннее сожаление, что открыл варшавянам тайну существования конфедерации и что они с Малиновским в них ошиблись. После долгих разговоров, убедившись в твердом намерении Эренберга и Морозевича продолжать патриотическую деятельность, Венжик все же доверил им еще одну тайну. Она заключалась в том, что внутри самой конфедерации существовало тщательно законспирированное ядро, о котором не знали даже ее члены: его составляли так называемые «стражи народного (национального) прогресса». В их обязанности входило следить за точностью толкования демократических принципов вообще и их пропагандой в частности. Эренберг и Морозевич согласились стать такими «стражами прогресса», при условии, что сами они будут придерживаться устава Содружества польского народа. До конца года общество «свентокшижцев» пополнилось еще несколькими членами, в частности, в него были приняты Александер Амброжевич, Михал Грушецкий, Михал Ольшевский, Александер Краевский⁷⁰. Венжика поддержали приехавшие из Кракова два члена конфедерации, «стражи прогресса» Константій Савичевский и Кароль Подлевский. Они, как это было и в предыдущий приезд краковских представителей, привезли с собой книги и журналы,

присланные из эмиграции (манифест Польского демократического общества, газету «Новая Польша», издания громад «Умань» и «Грудзёнж», а также «Слово верующего» Ф. Ламеннэ, книгу «Демократия в Америке» А. Токвилля и др.), которые начали раздавать молодежи. В декабре 1837 г. был расширен состав объединения «стражей народного прогресса». В него вошли семь человек: Эренберг, Венжик, Подлевский, Савичевский, Морозевич, Грушецкий и Ольшевский. Собравшись на квартире у Венжика, они приняли его предложение о том, что «стражи прогресса» будут действовать параллельно с варшавским обществом Содружества польского народа, но для остальных его членов эта глубоко законспирированная группа останется в тайне. Заговорщики планировали поделить территорию Королевства Польского на 9 округов (включавших 8 губерний* и округ Варшавский), окружными руководителями («секретарями») которых становились «стражи прогресса». Кроме них, Августовский округ должен был возглавить Жмиевский, и еще одного кандидата требовалось подыскать. Руководители собирались раз в месяц, отчитывались о результатах работы, но на практике она велась только в одном Варшавском округе. В основном деятельность общества сводилась к принятию новых членов, регулярному сбору денежных средств («складок»), которые расходовались на покупку нужных для ведения пропаганды книг или на поездки по делам общества. После того как в феврале 1838 г. утвердилась структура общества, один раз в две недели проходили обычные собрания, на которых зачитывались и обсуждались написанные конспираторами пропагандистские документы. Проводились также ежемесячные «главные» заседания, всего их состоялось четыре или пять. Без ведома руководства Ольшевский написал прокламацию «К израэлитам» (май 1838 г.), призывавшую «польских израэлитов <...> объединить усилия со всем польским народом для общего освобождения». В свободной Польше, провозглашалось в тексте документа, «не будет разницы между поляком-христианином и поляком-иудеем»⁷¹.

«Свентокшижцы» пытались наладить контакты с патриотически настроенной молодежью за пределами Королевства Польского. Взаимоотношения и договоренности в молодежной среде устанавливались довольно легко, поскольку патриотические и демократические идеи были широко распространены. На следствии Эренберг сообщил, что он знал о связях Венжика с литовскими деятелями, в частности с Валерианом Коссаковским, который обещал прислать в Варшаву книги. С начала 1838 г. сам Эренберг стал отстраняться от деятельности тайного общества и намеревался вообще выйти из него – он все больше погружался в религию⁷². Тем временем Морозевич продолжал вести активную работу по поиску новых членов общества. Познакомившись с прибывшим из Литвы Владыславом Рабцевичем, Морозевич узнал от него, что тот также состоит в Содруже-

* В 1837 г. воеводства Королевства Польского были преобразованы в губернии.

стве польского народа и был принят в него Янушем Немравой (псевдоним Конарского). Предпринимались также отдельные попытки поддерживать контакты с поляками-студентами, обучавшимися в российских университетах. Так, выяснив, что останавливавшийся у него в конце июля 1837 г. проездом в Петербург Северын Голембёвский, знакомый ему еще по Люблину, придерживается демократических взглядов, Морозевич поручил ему разузнать, есть ли в Петербургском университете студенты-поляки, имеющие подобные воззрения. О полученных результатах он должен был сообщить Морозевичу в письме: в положительном случае написать, что «погода хорошая», а в отрицательном – что «холодно и морозно». В присланном Голембёвским письме содержались строки, что «никаких морозов не было, напротив – совершенно прекрасная погода»⁷³. В августе 1837 г. в Варшаве Морозевич познакомился с Каролом Гильдебрандом, как сообщил он в ходе следствия, «студентом Дерптского университета». В действительности же Гильдебранд был не просто студентом, а руководителем польского студенческого кружка и имел связи с Савичем и Конарским. Морозевич поинтересовался у него, каковы настроения в среде дерптского студенчества, но из осторожности никаких разговоров о демократии не вел. Продолжения эти контакты не имели, утверждал Морозевич.

А. Венжик, возглавлявший на последнем этапе ее существования варшавскую организацию, в показаниях, данных во время следствия (август – сентябрь 1838 г.), откровенно рассказал о своей деятельности в Содружестве польского народа и Всеобщей конфедерации польского народа. На момент ареста ему было 19 лет. Родился он в Кракове, там же и учился. С ранних лет, по его словам, он проявлял романтический интерес ко всему поэтическому. Однажды услышав слова «свобода, равенство и братство», он почувствовал их притягательную силу и решил, что демократические идеи – это тот «философский камень, который сможет избавить от боли весь род человеческий». Он пытался объяснить это всем знакомым и удивлялся, что они не воспринимают демократические принципы так, как он. На третьем курсе университета Венжик познакомился с К. Подлевским и его друзьями. Они обсуждали разные научные проблемы, а затем перешли к беседам политическим, в частности о демократии. К тому времени освобожденный из-под ареста Фортунат Стадницкий в разговоре с Венжиком на «демократические темы» рассказал, что существует тайное общество «Содружество польского народа», деятельность которого охватывает более широкую территорию, чем прежние польские земли, что его целью является распространение демократических принципов путем пропаганды. Результатом таких действий должно стать установление демократических порядков взамен существующих. Венжик признался, что в конце мая 1837 г. он был принят в Содружество. Спустя почти два месяца (в середине июля 1837 г.) Стадницкий рассказал ему об изменениях, произошедших в тайном обществе: оно стало называться

«Конфедерацией» (так в своих показаниях Венжик привел краткое название «Всеобщей конфедерации польского народа»). Венжик подробно изложил содержание манифеста конфедерации. Первую часть его составляла «Политическая вера» (кредо), вторая включала описание структуры организации, третьей частью был «Кодекс о наказаниях». В «Политической вере» заявлялось, что все люди рождаются одинаково свободными и равными, и из этого следует, что Европа должна быть преобразована на основах равенства, свободы и братства, необходимо также осуществить равноправие женщин, включая предоставление им политических прав, провести освобождение крестьян, отменить барщину, должна быть обеспечена интеллектуальная свобода, т. е. свобода выражения мыслей, в том числе в печати, а также гарантировано равенство вероисповеданий. Венжик так же, как Эренберг, сознался в применении заговорщиками «тайных знаков», которыми следовало пользоваться для подтверждения принадлежности к конспиративному обществу неизвестного ранее лица (например, при встрече и знакомстве с ним дотрагиваться до усов или бороды, затем по слогам произнести слово «брат-ство»), он рассказал и об употреблении тайнописи в нелегальной корреспонденции. «Кодекс о наказаниях» предусматривал различные меры воздействия за «преступления» – нарушение правил тайного общества, за предательство, невыполнение обязанностей, легкомыслие и другие проступки, которые должны были строго караться – от вынесения выговора до смертной казни. Конфедерация, как заявил Венжик, отличалась от Содружества польского народа более действенным характером: ее члены могли не иметь «научных представлений о демократии», но обязательно должны были являться приверженцами демократических принципов и прилагать все возможные усилия для воплощения их в жизнь. Более точно определялись организационная структура новой организации и система подчинения ее членов друг другу. Венжик вошел в состав ядра Конфедерации – «стражей народного прогресса». Затем он по требованию родителей, рассчитывавших на получение им должности в Польском банке, выехал в Варшаву. Стадницкий передал ему, что руководством конфедерации он назначен окружным начальником в Королевстве Польском⁷⁴. Но действия варшавских заговорщиков, как утверждал Венжик на следствии, направленные на расширение социального диапазона пропаганды демократических идей, и в первую очередь попытка связаться в этих целях с ремесленниками, никаких результатов не принесли⁷⁵.

Первые аресты членов варшавской организации Содружества польского народа прошли в мае – июне 1838 г. 22 октября (3 ноября) 1838 г. наместник Королевства Польского И.Ф. Паскевич направил рапорт военному министру А.И. Чернышеву, в котором информировал его о завершении расследования по делу тайного общества⁷⁶. Следствие, отмечалось в нем, проводилось совместно с виленским и киевским военными губернато-

рами. К рапорту был приложен список лиц, принадлежавших к тайному обществу «Союз польского народа», в котором содержались краткие сведения о каждом из них. Заговорщики были поделены на категории по степени виновности. К первой категории были отнесены двое: Густав Эренберг, 20 лет, о нем сообщалось, что он «родился в Царстве Польском», в 1833 г. выехал «по эмиграционному паспорту» в Краков, по окончании учебы в университете в сентябре 1836 г. вернулся в Варшаву, и Александер Венжик, 19 лет, родился в Кракове, учился в университете, где был принят в тайное общество, в декабре 1837 г. приехал в Варшаву, «отец его имеет недвижимое имение в округе Кракова, в Галиции и Краковской губ.». Во вторую категорию («члены действовавшие») вошли 11 человек, в их числе были: Кароль Подлевский (24 года), родился в Кракове, после учебы в университете прибыл в Варшаву; Кароль Богдашевский (22 года), также краковский уроженец, окончив университет, в январе 1838 г. приехал в Королевство Польское «для приискания гражданской службы»; Константин Савичевский (18 лет), аппликant Комиссии финансов, краковский уроженец, после университета приехал в декабре 1837 г. в Варшаву, «родителей не имеет»; Станислав Морозевич (20 лет), обучался в Люблине и Варшаве, аппликant Генеральной прокуратуры, родился в Люблинской губернии, отец его — председатель Люблинского кредитного общества, имеет недвижимое имение; Михал Ольшевский (20 лет), аппликant при писаре Варшавского уголовного суда, родился в Подляской губернии, «обучался в варшавской гимназии», у его отца «дом в Варшаве и имение в Мазовецкой губернии»; Михал Грушецкий (23 года), из Подляской губернии, аппликant Варшавского уголовного суда; Александер Краевский (19 лет), канцелярист Варшавского почтамта, родился в Варшаве; Эугениуш Жмиевский (21 год), канцелярист Августовского губернского правления, родился в Плоцкой губернии, в общество принят в Галиции; Марцелий Брохоцкий (29 лет), по возрасту самый старший в этой категории, аппликant Варшавского гражданского трибунала, родился в Плоцкой губернии, «родителей не имеет»; Владыслав Рабцевич (25 лет), переводчик в Управлении варшавского коменданта, принят в общество в Литве, и Антоний Валецкий (22 года), уроженец Подляской губернии, обучался в Люблине, с 1836 г. — в Виленской медико-хирургической академии, «действовал в Вильне». К третьей категории («принятые в общество, но не действовавшие») были отнесены 12 человек, в возрасте от 17 до 20 лет. Половина из них служили аппликантами, то есть чиновниками низшего звена, в различных варшавских учреждениях. В числе остальных были один лекарь, один ученик гимназии, два учителя и два рахмистра (старшему из которых исполнилось 40 лет). В четвертую категорию были включены шесть человек — «приготовленные к принятию в общество», возраст которых составлял от 17 до 22 лет. Все они были аппликантами, за исключением одного «приватного учителя» 17 лет.

Из приведенных выше данных видно, что по возрасту члены варшавского тайного общества, по сравнению с их предшественниками, участвовавшими в патриотическом движении, были значительно моложе. Это было уже не то поколение, представители которого сами были участниками восстания 1830–1831 гг., или, по меньшей мере, их современниками, а следующее, выросшее и воспитанное на идеях повстанцев. Варшавское тайное общество составляли в основном очень молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, некоторым из «причастных» было только 17. Многие из них были уроженцами Кракова или окончили Краковский университет, где по сути и зародилось варшавское общество. Получив профессиональное, преимущественно юридическое, образование, они состояли на гражданской службе, занимая низшие чиновничьи должности. По социальному происхождению все они принадлежали к дворянскому сословию, к небогатым или даже бедным семьям. Однородность состава конспиративного общества естественным образом благоприятно сказывалась как на легкости установления свободного общения между собой его членов, так и на усвоении ими общих идей. Хотя, кроме чтения запрещенных книг и пропаганды демократических принципов, никаких практических шагов они не предпринимали. Власти хотели «на корню», при первых же известиях о возникновении антиправительственных заговоров, а тем более связанных с эмиграцией, пресечь подобную деятельность. Сам факт приверженности демократическим идеям и призыва к ликвидации законного монархического правления, к пропаганде замены установленного порядка демократическим государственным устройством был достаточным, чтобы вызвать в высшей степени жесткую реакцию со стороны властей.

В рапорте, направленном И.Ф. Паскевичем императору 21 мая (3 июня) 1839 г.⁷⁷, наместник сообщал, что в результате расследования деятельности «открытого в Варшаве злонамеренного общества под названием Союз польского народа, целью которого было посредством распространения демократических правил в целом народе достигнуть уничтожения монархического правления», военному суду были преданы 28 человек. Из них 25 заговорщиков, отнесенных к 1–3 категориям преступников, комиссия военного суда приговорила к смертной казни, их имена («какое у кого окажется») передавались в казну. Трое членов общества за чтение запрещенных книг и рассуждения о демократических правилах подлежали наказанию плетью и заключению в каземат на 2 года. Полевой аудиторiat смягчил приговор комиссии, распределив участников заговора по 5 категориям. Эренберг и Венжик, по лишению всех прав дворянского состояния, приговаривались к каторжным работам в Сибири. Осужденные по второй категории также отправлялись в Сибирь – на поселение. В третью категорию были выделены Онуфрий Сверчевский, Грациан Люборацкий и Люциан Шанявский, которые хотя и никого в общество не вовлекли, «но по летам их могли быть совершенно утверждены в правилах демократизма».

Двое последних к тому же принимали участие в Ноябрьском восстании, затем они скрывались в Пруссии, откуда возвратились «по всемилостивейшему прощению», как отмечалось в рапорте, но «впали в новое преступление», и потому должны были, по лишении прав состояния, быть отданы в солдаты в отдельный Кавказский корпус без выслуги. Осужденные по 4-й категории также определялись в солдаты в тот же корпус, но с правом выслуги и без лишения прав состояния. Из отнесенных к 5-й категории двоих должны были отправить солдатами в Кавказский корпус без выслуги, лишив прав состояния. Учитывая возраст Яна Кшивицкого, вступившего в общество в 15 лет, постановлено было выдержать его еще год в каземате и выслать на место жительства под строгий полицейский надзор. Даже смягченные меры наказания оказались весьма суровыми. Эренберг отбыл 15-летнюю каторгу, затем провел 5 лет на поселении в Сибири и в 1858 г. по амнистии вернулся в Королевство Польское. Венжик, посланный на бессрочную каторгу в Нерчинск, в 1851 г. ввиду плохого состояния здоровья был переведен на поселение и в 1853 г. скончался. Морозевич получил два года каторжных работ, с января 1840 г. он находился в Нерчинске, после этого на поселении в Восточной Сибири, в 1855 г. он «впал в безумие» и в связи с болезнью был переведен в Казань, в 1857 г. по амнистии он смог вернуться в Королевство Польское.

В отношении «свентокшижцев» были применены чрезмерно суровые меры наказания, несмотря на то, что их участие в конспиративном обществе сводилось в основном лишь к обсуждению и пропаганде демократических и национальных идей среди довольно узкого круга знакомых. Отвергая вооруженный способ борьбы, они выступали с весьма неопределенным призывом к ведению «нравственной войны», которая способствовала бы развитию общества в направлении нового демократического и национально независимого устройства, подобного тому, какое существовало в других европейских странах. Излишне суровый приговор был вызван складывавшейся напряженной общественно-политической ситуацией, стремлением правительства избежать еще большего ее осложнения. Практически параллельно с деятельностью «свентокшижцев» действовал и Ш. Конарский, в некоторой степени, особенно в Виленской губернии, их действия пересекались (например, контакты с Францем Савичем). Казнь Конарского состоялась в том же году, незадолго до суда над варшавскими заговорщиками. Отчет III Отделения за 1839 год (он стал называться «нравственно-политическим») начинался тревожными словами: «Никогда правительство не было в столь строгой необходимости напрягать все свое внимание на распространившееся в Европе желание к перемене вещей, которое <...> проникает отчасти и в Россию». «Высшая полиция», то есть политическая, отмечалось в документе, вынуждена была «прибегнуть ко всем возможным средствам», чтобы предупредить «ряд замыслов, доселе небывалых». Это удалось сделать благодаря тому, что о них шли предупреждения и от

российских дипломатов, находившихся в европейских столицах, а также от высокопоставленных правительственных чиновников других государств, включая Меттерниха. В Петербург поступали «предостерегательные известия о намеревающихся проникнуть в пределы государства польских выходцах и разных эмиссарах революционной пропаганды, имевших поручение учредить тайные общества, распространить возмутительные сочинения, приготовить народ к всеобщему восстанию, и даже с другими, еще преступнейшими намерениями» (имелось в виду покушение на жизнь императора. – Г.М.)⁷⁸.

Накаленность общественной атмосферы в Королевстве Польском вела к тому, что власти незамедлительно принимали решительные меры по пресечению деятельности любой, даже совсем небольшой, группы, которая была замечена в антиправительственных намерениях. Показательным примером может служить история с раскрытием общества ломжинских гимназистов. Варшавская следственная комиссия сообщила наместнику И.Ф. Паскевичу о расследовании, проведенном по делу «ломжинского кружка». Рапорт комиссии начинался словами: «В мае месяце сего 1839 г. открыто было в г. Ломже злонамеренное тайное политическое общество, составленное бывшим учеником Ломжинской гимназии Рафаилом Блонским, к которому присоединилось после несколько молодых людей, большею частью из учеников той же гимназии». В числе главных заговорщиков указывались трое: Рафал Блоньский, Александер Дзвонковский и Ян Мוצарский, всего было названо семь человек. Далее в рапорте шел фрагмент, свидетельствующий о бдительности и оперативности властей: «Означенные молодые люди составили тайное общество в г. Ломже в четверг 27 IV / 9 V 1839, а в понедельник, т. е. 1 / 13 V – все были арестованы местным начальством». После расследования, проведенного в Ломже, члены кружка были доставлены в следственную комиссию в Варшаву, с тем чтобы она «занялась рассмотрением этого дела и соображением с другими, имеющимися в виду ее фактами об образовании в Царстве иных подобных обществ». В результате тщательного расследования было выяснено, что ломжинский кружок возник на волне общественного подъема в Королевстве Польском, на общем фоне широко распространенных слухов об открытых или еще продолжавших свое существование крупных политических заговорах. Понятно, что «деятельность» ломжинского кружка, продлившаяся с «четвертка до понедельника», дальше разговоров пойти не могла⁷⁹. Следственная комиссия пришла к заключению, что «составившие общество <...> молодые люди из студентов ломжинской гимназии <...> не принадлежали ни к какому другому тайному обществу, и из всех их действий при составлении между собою заговора не видно, чтобы им кем-либо внушаемы были демократические правила и чтобы они действовали в духе демократической пропаганды, или чтобы сообщество их было какою-либо отраслью тайных обществ, открытых в Варшаве, Вильне и Киеве». Однако

наказание им последовало тяжелое. Паскевич вынес следующее решение в отношении шести человек, признанных наиболее виновными: Блоньскому предстояла отправка в Сибирь на каторжные работы на 2 года, затем там же поселение; Дзвонковский и Моцарский также ссылались в Сибирь, на поселение; из троих остальных одного ссылали в Вятку, другого определяли солдатом в Кавказский корпус, а третьему предстояло тюремное заключение в крепости в Замостье⁸⁰.

4. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ В КОНЦЕ 1830-х – НАЧАЛЕ 1840-х гг.

В 30–40-е годы XIX в. в Королевстве Польском происходили постепенные изменения в экономической и социальной сферах. Многие крупные собственники-землевладельцы стали управлять имениями, руководствуясь собственными новыми экономическими взглядами. На казенных землях, в некоторых крупных поместьях, а также в имениях, владельцы которых внедряли передовые способы хозяйствования, барщина заменялась «чиншем» (оброком), у крестьян отбирали надельные участки и запрещали пользоваться лесами. Складывавшаяся ситуация становилась источником социального недовольства и волнений: крестьяне, обязанные работать на барщине, хотели перевода на «чинш», а «очиншеванные», в свою очередь, – уменьшения «чинша», те же, у кого были урезаны надельные участки, – возвращения их прежних размеров. Ежегодно в той или иной местности доходило до отказа крестьян выполнять положенные им обязанности. Общественный потенциал крестьянства, считали деятели демократического направления, мог быть использован в национальном движении. Однако демократы недостаточно ориентировались в том, как обстоят дела в реальности: одни из них приехали в Королевство из-за границы, другие проживали в городах и были оторваны от сельской местности. Они знали о существовавшем антагонизме между помещиками и крестьянами, и это удерживало их от ведения пропаганды среди крестьян, которая могла бы спровоцировать их на открытые антишляхетские выступления, но все же они надеялись, что «этот антагонизм удастся преодолеть, если только шляхта – во имя блага Отчизны – изменит свое отношение к крестьянам». Важным экономическим фактором этого периода, взаимосвязанным с социальными изменениями, была начинавшаяся промышленная революция, которая вела к замене индивидуального труда разрозненных ремесленников машинным производством, основанным на паровых двигателях, и возникновению рабочих коллективов. При поддержке министра финансов Королевства Польского Ф.К. Любецкого наиболее успешно шло индустриальное развитие Лодзинского текстильного округа. Попытки правительства привлечь банки в сферу промышленности оказались несостоятельными, наиболее

успешной оказалась деятельность частных предпринимателей. Выдающийся польский историк Стефан Кеневич, синхронизировав различные события, происходившие в Королевстве Польском в 1840-е годы в экономической, политической, социальной, культурной сферах и соединив их в общем контексте, создал широкий исторический срез этой эпохи. Он привел ряд конкретных примеров временного совпадения событий общественного и экономического плана: существование заговора «свентокшижцев» и основание текстильной фабрики Людвика Гейера в Лодзи, разгром этой тайной организации и выдвижение инициативы по строительству первой на польской территории железной дороги, соединившей Варшаву и Вену, и др. Это не просто случайно взятые примеры. Они демонстрируют методологический подход ученого, позволяющий охватить целостное, объемное и вместе с тем конкретно-реальное состояние общества того времени. А это делает возможным яснее понять взаимосвязь, взаимодействие, взаимообусловленность разных событий, происходящих в отдельный исторический период. Так, появление железных дорог, ставших новым способом коммуникации, расширило возможности контактов польской эмиграции с краем, в частности в снабжении польских конспираторов нелегальной патриотической литературой. Как отмечал Кеневич, только зарождавшиеся тогда, еще малочисленные, социальные классы и группы нового капиталистического общества (рабочих насчитывалось около 50 тыс.) не могли играть заметной роли в общественной жизни, в общественном движении Королевства Польского. Заговорщики 30–40-х годов XIX в., пытаясь найти поддержку низших слоев городского населения, продолжали мыслить еще в категориях времен восстания Тадеуша Костюшко или восстания 1830–1831 гг.: в своих представлениях о «ремесленниках», например, они не видели их социальной дифференциации, не делили их на хозяев и работников мастерских.

Происходили изменения также и в шляхетском сословии. После разделов Речи Посполитой наличие фамильного герба, означавшего принадлежность к высшему слою, почти утратило свой практический смысл, герб оставался лишь традиционным знаком отличия, элитарности, владение им поддерживалось или снобизмом, или сентиментальностью его обладателей. Объединяло всех «гербовых» дворян, как настоящих, так и лишь считавшихся таковыми, чувство превосходства над другими условиями, наличие герба давало также ощущение своей древней родовой связи с историческими традициями Речи Посполитой. В деклассировавшейся шляхте все заметнее становились имущественно-профессиональные различия, увеличивалось число обедневших владельцев фольварков, сельских «официалистов» (управляющих), мелких чиновников, представителей творческой интеллигенции и даже пролетариата шляхетского происхождения. Вплоть до середины XIX в. «гербовые» одерживали в обществе верх и задавали тон, причем не только среди помещиков-зем-

левладельцев, но и среди большей части интеллигенции⁸¹. Однако принадлежность к дворянскому сословию имела существенное значение при вынесении судебных приговоров и определении меры наказания: шляхтичи-дворяне не могли подвергаться телесным наказаниям.

Реакция на инонациональное господство в польском обществе проявлялась по-разному, не все думали о сопротивлении, в том числе и в дворянской среде: эгоистические интересы одних ее представителей вели к сотрудничеству с властями, другие проявляли сервильность и соглашательство, третьи руководствовались прагматическими соображениями, то есть так или иначе приспосабливались к новым реально сложившимся условиям.

Характеризуя основные группы социальной структуры польского общества этого времени, Кеневич акцентировал внимание на их общественном потенциале, на возможности их включения в национально-освободительное движение. Крестьянство, составлявшее основную массу населения, еще не имело достаточно развитого национального самосознания и почти не принимало участия в патриотическом движении. Ключевой проблемой этого периода, по мнению польского историка, являлся вопрос об интеллигенции. Именно она, точнее те, кто не был занят непосредственно в секторе материального производства, составляла основу «заговоров». Случаи участия в них социально стоявших выше нее помещиков-землевладельцев – единичны, крестьяне, ремесленники, «шляхта загонова» входили в состав тайных обществ только в качестве рядовых. «Кадры инициаторов и активистов патриотического конспиративного движения в тех польских условиях могли быть и должны были быть интеллигентскими, исключительно интеллигентскими», – утверждал Кеневич. Очевидно, что в странах с запаздывающим капиталистическим развитием возникает особый социальный слой – интеллигенция, которая в идейном и организационном отношении принимает на себя решение задач общественной модернизации. В этих странах не сформировалась достаточно сильная буржуазия, способная вобрать в себя и подчинить себе растущую группу работников умственного труда (интеллектуалов). Именно эта шляхетско-интеллигентская социальная группа была в состоянии разработать программу национальной и социальной революции – благодаря своей образованности, а также негативному отношению к чужеземной власти. «Только в шляхетской среде мог найтись достаточно многочисленный круг людей, готовых пойти на смертельный риск», – писал Кеневич, имея в виду устойчиво сохранявшиеся нравственно-патриотические воззрения у лиц шляхетского происхождения. Период между восстаниями 1830–1831 и 1863–1864 гг. – это первая фаза формирования польской интеллигенции. В независимой свободной Польше она имела бы лучшие шансы для самореализации. Кеневич привел примерную численность интеллигенции в Королевстве Польском по профессиональному признаку в 1830-е годы:

3500 – правительственных чиновников,
1400 – частных служащих,
2300 – духовных лиц,
1000 – учителей,
550 – врачей и аптекарей,
500 – управляющих и администраторов,
350 – художников и артистов,
и только едва 200 представителей технической интеллигенции.

В основном это были недавно выделившиеся из своего социального слоя «маргиналы», обосновавшиеся в городах, в то время как их родственные связи и знакомства оставались прежними, главным образом мелкошляхетскими. «Среди чиновников, – отмечал Кеневич, – преобладали выходцы из неимущей шляхты, среди юристов наиболее высоким был процент выходцев из легитимизированной (подтвердившей свое законное право на принадлежность к дворянскому сословию) землевладельческой шляхты. Врачи и аптекари преимущественно происходили из городского сословия, в группе технических специалистов – поровну из шляхетских и городских слоев». По его мнению, значительная численность чиновников, которые действовали в конспиративных организациях, несмотря на дававшуюся ими подписку не участвовать в тайных обществах, объясняется тем, что им плохо платили, что у них не было почти никаких шансов на продвижение по службе, они остро чувствовали свою зависимость от иноземного начальства. Историк особо подчеркивал важный социально-психологический момент: им надо было оправдаться в том, что они служат властям, доказать себе и обществу, что они вынуждены пойти на это, «чтобы прокормиться, а не по убеждению».

С конца 1830-х гг. до «Весны народов» – революционных событий 1848–1849 гг. – в Королевстве Польском, в котором действовал строгий полицейский режим, процесс идейного и организационного развития патриотического движения продолжался. Возникали (существовавшие, как правило, недолго) конспиративные кружки, состоявшие в основном из молодежи⁸². Более оживленной становилась общественная и литературная жизнь. Начали выходить журналы, появились литературные салоны, где обсуждались общественные, философские, литературные проблемы. Романтическая поэзия приобретала все большую популярность в тайных обществах 1840-х годов по сравнению с предшествующим периодом. Патриотически настроенная молодежь стремилась воздействовать на общественно-политические убеждения различных социальных групп в Королевстве, которым, как и полякам в целом, угрожала, по их мнению, «нравственная опасность» – ослабление или утрата национального самосознания. Постоянно шел поиск методов воздействия на умонастроения польского общества с целью расширения социального поля сторонников борьбы за национальное возрождение Польши. Одним из таких способов молодым патриотам

представлялись стихи и песни, которые могли оказывать сильное эмоциональное воздействие, в том числе и на широкие слои народа, пробуждая его национально-патриотическое сознание. Они считали, что песенно-поэтическое влияние окажется более мощным, чем влияние «научных трудов и познаний». Важная роль в снабжении польских земель печатными изданиями патриотического содержания принадлежала эмиграции. В начале 1840-х гг. эмигрантская литература нередко проникала в Королевство Польское с помощью студентов-поляков, обучавшихся в Берлинском или Кенигсбергском университетах. Это были «Нова Польска», Манифест Польского демократического общества, «Слова верующего» Ф. Ламеннэ, поэтический цикл «Песни Януша» В. Поля и многие другие. Особой популярностью пользовались «Дзяды» А. Мицкевича. «Неудивительно, — писала польский литературовед М. Янион, — что романтическая поэзия играла решающую роль в сплочении участников тайных групп и кружков», которые нередко на начальной стадии представляли собой неформальные объединения «по интересам». Они читали и обсуждали книги, декламировали стихи, пели запрещенные песни⁸³.

Возникавшие в Королевстве Польском в 1840-е гг. конспиративные общества не только были связаны с предшествующими организациями в идейном отношении, но являлись их прямыми преемниками. Некоторые из их членов участвовали в патриотическом движении еще раньше, они входили в тайные организации, раскрытые властями, но им удалось избежать ареста, другие же просто имели знакомства среди прежних заговорщиков и еще тогда были готовы к ним присоединиться. Молодежное конспиративное движение в Варшаве зарождалось в форме возникновения отдельных групп и кружков, объединявших учеников школ и гимназий, студентов, апPLICАНТОВ, начинающих чиновников, которые часто не только учились вместе, но и совместно проживали, снимали комнаты в домах, расположенных поблизости, нередко их связывали родственные или «земляческие» отношения. Они живо интересовались общественными и политическими вопросами. В Варшаве одним из наиболее крупных был кружок, сложившийся вокруг Гервазия Гзовского (1812–1888). В 1841–1842 гг. энергичные действия Г. Гзовского и А. Гросса привели к объединению существовавших в Варшаве разрозненных молодежных групп. Новое общество самоназвания не имело. Следственное дело о нем было озаглавлено «О вредных намерениях Гервазия Гзовского, Адама Гросса, Александра Денкера и других, действовавших против правительства и общественного порядка». В исторической литературе оно обычно именуется варшавско-люблинским кружком Г. Гзовского, А. Гросса и А. Карпиньского. Главными «действующими лицами» этого общества были: писарь Ленчицкого суда исправительной полиции Гервазий Гзовский, адвокат при гражданском трибунале Люблинской губернии Адам Гросс, «депендент», то есть «занимающийся при адвокате», Александер

Денкер, патрон при гражданском трибунале Мазовецкой губернии Владыслав Венцковский, патрон при гражданском трибунале Люблинской губернии Александр Карпинский и помещик Мазовецкой губернии Эдвард Дембовский⁸⁴.

Гзовский еще в 1830-е годы принимал участие в конспиративной работе, входя в варшавский филиал Содружества польского народа, но тогда вина его доказана не была и ему удалось остаться на свободе. Он общался с М. Ольшевским, дружеские отношения между ними возникли в гимназические годы, позднее он получал от него нелегальную литературу. Другой руководитель кружка, Адам Гросс (1818–1878), также был знаком со «свентокшижцами» и вместе с Гзовским в 1837 г. присутствовал на собраниях членов общества, проходивших у М. Ольшевского, где читали запрещенные книги и вели «громадные дискуссии» о политике, философии и литературе. Соответствующей «эмигрантской» литературой, которая в той или иной степени могла бы дать ответы на волновавшие их острые вопросы, снабжал участников кружков апликант Владыслав Венцковский (1821–1867). Конspirаторы вели интенсивный обмен запрещенными произведениями, в отдельных случаях они переписывали их от руки, занимались сбором денег на закупку книг демократического содержания. Посещавший собрания в доме Венцковского Александр Денкер в своих показаниях перечислил более 10 наименований таких книг и брошюр, которые он сам видел, в том числе «Историю восстания» М. Мохнацкого, книжку с 10 портретами Ш. Конарского, стихи о Я. Килиньском, издания Польского демократического общества (например, сатирический журнал «Пшонка» и литературно-политический календарь «Новорочник демократычный»), «О партизанской войне» В. Хшановского, «Могут ли поляки добиться независимости?» Ю. Павликовского, «О польской революции» И. Лелевеля, а также другие, заглавия которых, по его словам, он не помнил⁸⁵. О том, насколько деятелен был Венцковский в установлении и поддержании контактов среди патриотически настроенной молодежи, свидетельствует, в частности, такой факт: в данных им во время следствия откровенных показаниях он назвал фамилии 31 человека, которые в той или иной степени были связаны с деятельностью общества⁸⁶.

Патриотические кружки появлялись также не только в Варшаве, но и в других городах Королевства Польского, например в Люблине, имевшем традиционные связи с краковским центром национального движения. Точной даты возникновения кружков в Люблине установить практически невозможно, поскольку организационно они не оформлялись и первоначально их участников связывал лишь интерес к событиям общественной жизни, политическим вопросам, проблемам государственного устройства, литературе и т. д. Один из люблинских кружков образовался в гимназии, вероятно, им руководил учитель Винцентый Давид (1816–1897). Люблинские кружки удалось объединить Александру Карпинь-

скому, знакомому с демократической идеологией эмиграции и разделявшему идейные установки Польского демократического общества.

В идейном отношении варшавско-люблинский кружок находился под влиянием видного польского философа, экономиста и публициста Генрика Каменьского. Вопрос о национально-освободительном восстании он тесно связывал с решением аграрного вопроса. Сам Каменьский в тайное общество не входил, он вообще являлся противником заговорщической тактики, но играл роль его идейного вдохновителя. Каменьский считал, что «никакое тайное общество не может мечтать о восстании, не беря за основу освобождение (крестьян. — Г.М.), что является условием *sine qua non*, способным всколыхнуть крестьянские массы». Вначале молодые конспираторы разделяли его философско-политические взгляды, однако со временем все более стали склоняться к мысли о необходимости скорейшего вооруженного выступления, они обсуждали также и вопрос о покушении на жизнь царя⁸⁷. Каменьский пытался охладить пыл заговорщиков, однако его усилия были напрасны. А. Карпиньский, на первых порах поддерживавший позицию философа, постепенно становился сторонником все более радикальных мер. В целях достижения согласованности совместных действий он стремился установить контакты с другими патриотическими обществами. По-видимому, при посредничестве Каменьского Карпиньский в январе 1843 г. в Варшаве встретился с Э. Дембовским, с которым они сразу же нашли общий язык. Дембовский считал, что необходимо ускорить подготовку восстания, чему противодействовало правое шляхетское крыло патриотического движения. Дембовский и его сторонники осуждали позицию шляхты, сопротивлявшейся проведению крестьянской реформы, без которой невозможно было привлечь крестьянство к освободительной борьбе. Но пропагандой среди крестьянства члены общества не занимались, полагая, что достаточно будет провозглашения революционного декрета об освобождении крестьян, который автоматически приведет их к участию в восстании⁸⁸.

В делах Варшавской следственной комиссии содержатся сведения, что при аресте участников варшавско-люблинского кружка были изъяты программные документы и материалы пропагандистско-агитационного характера, но среди сохранившихся архивных материалов они не обнаружены⁸⁹. Однако откровенные показания, сделанные некоторыми членами тайного общества в Варшавской следственной комиссии, дают возможность составить довольно ясное представление об их идейных воззрениях, планах и действиях. Программные установки тайного общества в отношении крестьянства были изложены одним из его участников: «Вельможи и шляхта всегда изменяли нам и доводили нас до пагубы; но теперь мы уже знаем их. Должно нам подумать самим о себе, снести с ремесленниками и крестьянами, а когда возьмемся дружно, исподволь и осторожно свергнем с себя это иго. Надобно сказать крестьянам, что

земля, которую они теперь обрабатывают, будет их собственной, что помещиков не будет, что имения их разделены будут между крестьянами в награду за столь долговременную их неволю и труды <...>, что установлено будет народное правление, или республиканское, что каждый будет солдатом в случае надобности, что потому никто платить податей не будет»⁹⁰. Хотя упоминания, весьма неопределенные, в показаниях членов тайного общества о контактах с ремесленниками подтверждения не нашли, но значителен сам факт, что и власти, и заговорщики осознавали, что их социальная активность будет возрастать в ближайшем будущем. В рапорте Следственной комиссии военному министру отмечалось, что относительно существования тайного общества среди ремесленников «не видно еще ничего ясного». Интересно, что само раскрытие существования варшавско-люблинского общества состоялось в результате доноса, автором которого был ремесленник – «токарь» (никакие подробности о нем и его фамилия в следственных делах не проходили). «Один токарь известил тайную полицию, что некто Денкер имел с ним возмутительные разговоры и делал предложение войти в тайное общество», – сообщал наместник в рапорте, направленном 31 июля (12 августа) 1843 г. военному министру⁹¹. Далеко не простым был также вопрос о вооружении и военной подготовке достаточного числа людей для проведения восстания. Члены варшавского общества пытались привлечь к своей деятельности военнослужащих, но все ограничивалось безрезультатными беседами с отдельными лицами. Тайное общество Гзовского стремилось расширить территорию своего влияния, установить контакты с патриотическими кружками, существовавшими не только на территории Королевства Польского, но и в Литве, и координировать с ними свою деятельность. Но уже в июле 1843 г. прошли первые аресты членов общества, следствие было закончено весной 1844 г., о чем И.Ф. Паскевич информировал председателя военного суда Н.А. Реада⁹². На этот раз обвиняемые разделялись на 8 разрядов. К первому отнесены были Гзовский, Гросс, Венцковский, Карпиньский, Денкер и «бежавший в Пруссию» Дембовский – «главные виновники», «зачинщики замысла к приготовлению мятежа и ревностные последователи их, принимавшие полное участие в заговоре и распространявшие между знакомыми демократические правила». Во второй разряд включены были те, кто знал о замыслах подготовки восстания и «принимал в этом некоторое участие». Первым в этом разряде значился «помещик Люблинской губернии Александр Белинский, 24 лет», с пометой, что он «возвращен из Сибири, куда был сослан за принадлежность к тайному обществу». Он был членом общества «свентокшижцев», в которое его принял Морозевич. В списке указанных лиц значились мелкие банковские чиновники, юристы-апликанты, писарь суда, часовой мастер и др., всего 14 человек. Отмечалось, что пятеро из них отсутствовали: «судовой апликант Феликс Венгерский, не возвратившийся по просроч-

ке отпуска из Галиции», «апликант управления кредитного общества Михайло Тхуржевский, бежавший в Пруссию», «варшавский живописец Людвиг Островский, бежавший за границу», «апликант Феликс Розмовский, бежавший в Галицию» и «Зморский, бежавший в Герцогство Познанское». В третий разряд вошли два человека – те, кто знал о замыслах заговорщиков и не донес об этом властям, в частности назван варшавский сапожник Михал Скульский, 28 лет. К разрядам четвертому (3 человека) и пятому (6 человек) отнесены были те, кто вел «демократические разговоры», читал недозволенные книги и давал на их приобретение деньги. Несколько подробнее, чем другие, характеризовался «учитель Люблинской гимназии Викентий Давид» (28 лет): еще будучи студентом Петербургского университета, он читал запрещенные книги, делал из них выписки, «писал сам возмутительные стихи», а позже, когда был учителем сначала в Сувалках, а затем в Люблине, «входил в неподозрительные разговоры с разными лицами».

Включенным в шестой разряд (6 человек) вменялся тот же состав преступления, но так как обвинения были основаны на свидетельствах только одного лица, а обвиняемые своей вины не признавали, то их вина осталась недоказанной. В этом разряде были названы чиновники, апликанты и один купец – «варшавский купец Матвей Котецкий, 29 лет». В список обвиняемых по седьмому разряду вошли лица (9 человек), которые упоминались в показаниях арестованных участников, но еще не были найдены и соответственно не подвергались допросам. И последний, восьмой, разряд включал лиц, находившихся на свободе, «коих прикосновенность к делу не заключает в себе существенной вины». Большинство из них составляли учителя гимназий в Люблине и других городах, указаны были продавец книг в Люблине, чиновники и апликанты, всего около 30 человек.

Из приведенных выше данных об участниках и «причастных» к деятельности тайного общества видно, что по социальному составу и социальному происхождению они были близки к обществу «свентокшижцев», хотя заметны и отдельные «вкрапления» из представителей других социальных слоев. Возраст заговорщиков, так же как их предшественников, преимущественно составлял 20–25 лет.

В соответствии с приговором «главные преступники» лишались всех прав состояния и отправлялись в Сибирь на каторжные работы. Приговорены были к каторжным работам Цельс Левицкий и Александр Белиньский. Денкер, давший подробные показания, подлежал ссылке в Сибирь, без лишения прав состояния. Признанные менее виновными были отданы в солдаты – в отдельный Сибирский корпус (5 человек) и отдельный Кавказский (2 человека). «Часовой мастер мещанин Себастиан Барицкий» подлежал зачислению в арестантские роты в крепость Замостье Люблинской губернии на 4 года. Варшавскому сапожнику мещанину Михалу Скульскому полагалось наказание розгами. В. Давид определялся рядовым в

отдельный Кавказский корпус, без лишения прав состояния. Из остальных членов тайного общества или причастных к его деятельности некоторые были также отданы в солдаты, получили разные сроки тюремного заключения или были «отречены» от занимаемых должностей. По отбытии сроков наказания за всеми устанавливался полицейский надзор.

В связи с раскрытием конспиративных патриотических организаций в Королевстве Польском и вынесением их участникам различных мер наказания наместник И.Ф. Паскевич 24 мая 1844 г. обратился к Николаю I с «всеподданнейшей запиской». В ней он объяснял свое понимание причин активного участия польской молодежи в антиправительственных заговорах: «Беспрестанно открываемые поползновения молодых людей здесь к вредным действиям против правительства происходят между прочим и оттого, что, боясь общего мнения, они не идут в военную службу и не хотят служить по гражданской части в Империи; а поелику в Царстве Польском гораздо более людей, нежели мест для кончивших науки в гимназиях, и приобретший познания выше состояния своего не имеет средств к приличному содержанию себя, ибо чтобы попасть на какое-нибудь штатное место, хотя в 1200 золотых или 180 р<ублей> серебром годового оклада, он должен пробыть несколько лет бесплатным апликантом, – то наука демократов всего скорее наполняет его воображение и представляет виды достижения чего-нибудь лучшего в политических переменах». Далее Паскевич представлял императору свои соображения о принимаемых им решениях в отношении заговорщиков: «<...> дабы уменьшить в крае подобных мечтателей, – я определяю таковых, ежели по формальному следствию и по собственноручному сознанию они оказываются виновными в каком-нибудь легком политическом преступлении, – в военную службу, в зачет рекрутского набора». Такой подход, считал он, представляет «две выгоды»: «избегавший службы, по ложному направлению, имеющий притом способности к оной и получивший достаточное образование, найдет себе дорогу к заслуге; а спокойный житель, коему следовало бы служить по конскрипции и вместо коего поступил человек, вредный мирному простому сословию, видит в этом справедливость и благословляет правительство». По прочтении письма Паскевича император собственноручно написал: «Прекрасно»⁹³.

С начала 1840-х годов находившие широкое распространение по всему Королевству Польскому национально-демократические идеи приводили к возникновению кружков, особенно в молодежной среде. Так, в июле 1840 г. властям стало известно, что с марта группа учеников луковской гимназии, которыми руководил Кароль Левиту (ок. 1819 – 1841), поддерживала нелегальные контакты с выпускниками гимназии, поехавшими в Варшаву для продолжения образования или поступления на службу. Сам Левиту окончил эту же гимназию в 1838 г. Демократические убеждения он воспринял от преподавателя Леопольда Оксиньского и у него же

познакомился с Люцианом Шанявским, членом общества «Содружество польского народа» в Варшаве, который стал снабжать его запрещенной литературой демократического и патриотического содержания. А Левиту, в свою очередь, давал читать эти сочинения некоторым учащимся луковской гимназии. Все общение ограничивалось только личным знакомством, не было создано никакого формального объединения. Сразу же после того, как власти узнали о существовании этой группы, прошла серия арестов. В сводном документе Варшавской следственной комиссии по варшавско-луковскому делу, вместе с причастными к нему, называлось около 40 фамилий. Учащихся могли обвинить только в «намерениях»: «Целью оных было приготавливать умы к восстанию, распространяя чтение возмутительных сочинений и научая правилам свободы и равенства». 13 человек, обучавшихся в луковской гимназии и на «дополнительных курсах» (юридических и педагогических) в Варшаве, были исключены из учебных заведений и отданы под полицейский надзор. Признанные наиболее виновными лишались права поступления на гражданскую службу. Надзор устанавливался за всеми: за поведением одних должна была следить полиция, а других – местное училищное начальство. От всех виновных были «взяты подписки, что впредь они будут вести себя спокойно и что ни в какие политические дела вмешиваться и ни к каким тайным связям принадлежать не будут», сообщал И.Ф. Паскевич министру народного просвещения С.С. Уварову. В конце своего послания он выражал огорчение, прямо касавшееся компетенции ведомства: «<...> весьма прискорбно, что большая часть сих молодых людей – из воспитанников высших учебных заведений в Царстве, каковы Луковская гимназия и варшавские дополнительные курсы, и что воспитывающееся юношество не перестает питать вредные идеи»⁹⁴. Несмотря на то, что история с луковской гимназией не была слишком серьезной, она получила громкий общественный резонанс, который был вызван самоубийством К. Левиту в июле 1841 г. в варшавской цитадели. Незадолго до этого Варшавская следственная комиссия приняла решение о ссылке его в Сибирь, однако наместник ее решения не утвердил, и Левиту остался под арестом. Вероятно, это было связано с планировавшимся дальнейшим расследованием дела, для чего могли бы потребоваться дополнительные показания Левиту. Существует и другая версия самоубийства, более романтическая: Левиту не хотел выдать своих товарищей. Но, скорее всего, это мифологизированный вариант: самоубийство произошло уже после суда, когда всем участникам были вынесены приговоры. Несколько польских поэтов, в их числе Ц. Норвид, В. Сырокомля, Р. Зморский, посвятили Левиту свои произведения, пользовавшиеся признанием и популярностью в патриотических кругах.

Национально-демократические настроения учащихся луковской гимназии нашли свое продолжение и в дальнейших событиях. В июне 1844 г.

в Варшаве сложилась группа молодых людей во главе с 19-летним писарем Управления путей сообщения Генриком Вокульским (бывшим учеником луковской гимназии), в которую входили учащийся варшавской реальной гимназии Владыслав Люце, также в свое время учившийся в Лукове, и Казан Пшевлотский, обучавшийся на юридических курсах. Они планировали произвести покушение на Николая I во время его предстоящего приезда в Королевство Польское. Как позднее докладывалось императору в очередном отчете III Отделения, заговорщики намеревались собрать человек 20 и, скрывшись где-нибудь на пути следования царского экипажа, напасть на него, захватить императора и потребовать восстановления Польши. В результате доноса заговорщики были арестованы и преданы военному суду. Несмотря на их молодость и нереальность осуществления задуманных планов, все трое были приговорены к суровым мерам наказания – к каторжным работам в Сибири на длительные сроки. В 1857 г., воспользовавшись амнистией, они вернулись в Королевство Польское.

Российские власти постоянно внимательно следили за событиями в Королевстве Польском, которые могли бы привести к нарушению там общественного порядка. В отчете III Отделения Николаю I за 1844 г. раздел о ситуации в Королевстве начинался в миноре: «Наблюдение за духом жителей Царства Польского представляет мало утешительного». Подчеркивалось, что сохраняющееся там спокойствие обеспечивается только бдительностью наместника и находящимися там «главными силами русской армии», что, несмотря на «милости и льготы, <...> даруемые полякам, <...> этот народ, конечно, при первой возможности отделится от нашей Империи или станет на сторону врагов ее». «Более благоразумные из жителей Царства», сообщалось императору, ведут себя осторожно, не вступают ни в какие заговоры, «но смотрят как бы с надеждою на действия польских эмигрантов за границу и на выходы соотечественников своих, менее осторожных и менее рассудительных». «Простой народ, занятый работами, естественно, не питает политических замыслов, – утверждалось в отчете, – но, как всякая чернь, легко может увлекаться неблагонадежными руководителями». В их числе назывались «молодые дворяне, экономай, подсудки и прочие низшего класса люди, которые или еще не умеют ценить выгод спокойной жизни, или столь мало имеют собственного состояния, что в случае беспорядков скорее могут что-либо приобрести, нежели потерять». Отмечалась и роль духовенства: «Ксендзы, под предлогом защиты будто бы потрясаемой католической веры, поддерживают в поляках прежний национальный дух, тем сильнее, что действуют именем религии, к которой католики привержены до энтузиазма». Подчеркивалось, какое влияние имеют польские женщины в сохранении и развитии национально-патриотических настроений в обществе, особенно среди молодежи: «Женщины, наиболее увлекаемые внушениями духовенства и с своей стороны неограниченно владеющие юношеством, связывают

разнородные слои общества». В отчете также сообщалось, что «в Царстве Польском, как и в прежние годы, были открываемы у разных лиц книги и рукописи возмутительного содержания, которые тайными путями, неуловимыми для самого зоркого правительства, непрерывно ввозятся из-за границы». Назначенный в 1844 г. начальником III Отделения и шефом жандармов А.Ф. Орлов был лицом, достаточно близким к императору: с 1837 г. он сопровождал его во всех поездках и путешествиях. Он мог позволить себе представить Николаю I свои безрадостные соображения в отношении поляков: «Впрочем, невозможно и требовать, чтобы характер, мысли и, так сказать, природа поляков изменилась в течение десятков лет: для слияния столь разноречащих элементов, каковы поляки и русские, необходимо продолжительнейшее время – и то успеха можно ожидать в таком только случае, если поляки будут видеть справедливость к ним нашего правительства, дружелюбие со стороны самого русского народа и выгоды находиться под властью Империи»⁹⁵. Затем следовал общий вывод: «Наконец, природное легкомыслие поляков, склонность их к занятиям политикою и память о прежней вольнице, а всего более продолжающаяся несколько веков, как бы врожденная, неприязнь к русским – все это делает Польшу более вредящим, нежели полезным достоянием, и если Россия не должна отказаться от поляков, то потому только, что представилось бы еще более невыгод, когда бы эти враги наши составили самобытное государство»⁹⁶. Стремление поляков к независимому, хотя бы в рамках полноценной автономии, существованию в рамках империи было напрасным. Николай I в одной из своих резолюций в том же 1844 г. (правда, не по поводу Королевства Польского) ясно и четко представил свою принципиальную позицию относительно государственного устройства всей России: «В царстве другого царства быть не может»⁹⁷.

* * *

Характерной чертой развития конспиративного патриотического движения на территории Королевства Польского в конце 1830-х – середине 1840-х годов являлась преемственность. Многие из его участников принадлежали к одному и тому же кругу общения, это были юристы, мелкие чиновники, аппликанты-стажеры, начинающие литераторы. Социальный состав участников оставался примерно однородным, преимущественно они были выходцами из мелкошляхетской среды. Они имели одинаковое социальное положение и происхождение, жили в отрыве от семей, нередко вместе проживали в съемном жилье и т. д. По возрасту они также были сходны – в основном это были молодые люди 20–25 лет. Некоторые из них обладали литературными дарованиями, имели склонность писать стихи. Общие интересы способствовали их тесному сближению. Они постоянно вели разговоры на политические темы, приводившие к размышлениям о справедливом общественном устройстве. Преемственность

прослеживается и в идеологическом отношении. Кружки, возникавшие в Королевстве Польском, придерживались идеологии, близкой к программе Польского демократического общества. Воздействие эмиграции в идейном плане не сводилось только к личным контактам с ее деятелями, но в значительной степени было результатом знакомства с получаемой из-за границы запрещенной литературой, чтение и обсуждение которой оказывало влияние на умонастроения патриотически настроенной молодежи. Участники патриотического движения в Королевстве Польском разделяли позицию ПДО относительно расширения социальной базы движения, включения в него крестьянства. Кроме того, патриотические деятели начали обращать внимание на еще один слой «простого» народа – ремесленников, хотя практических шагов в этом плане не наблюдалось. Анализ причин поражения восстания 1830–1831 гг. и первых попыток возобновления вооруженной борьбы привел к более глубокому пониманию необходимости тем или иным способом ликвидировать феодальные пережитки, и вопрос о месте и роли крестьянства в национальном движении приобретал все большую значимость и актуальность. Усиливалась радикализация в постановке целей и задач патриотического движения: не просто ведение пропаганды демократических идей во имя справедливо устроенного будущего, но переход к деятельности по подготовке вооруженного восстания.

5. Ксендз ПЕТР СЦЕГЕННЫЙ И ЕГО КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ

Созданный ксендзом Петром Сцегенным (1801–1890) Крестьянский союз занимает особое место в истории польского национально-освободительного движения 1840-х годов. Он характеризуется целым рядом взаимосвязанных факторов: прежде всего социальным составом организации и соответствующими программными установками, а также своеобразной личностью его организатора и руководителя. И сам Сцегенный, и его организация вызывали большой интерес целого ряда историков. Значительный вклад в изучение этой темы внес в 1970-е годы российский историк В.А. Дьяков. Его исследования основаны на огромном комплексе архивных материалов, нередко впервые вводившихся в научный оборот⁹⁸. В архиве сохранились рукописные копии сочинений, автором которых считается Сцегенный: «Золотая книжечка, или История рода человеческого», «Послание папы Григория XVI к землепашцам и мещанам», «Краткое и правдивое изложение учения Иисуса Христа», «Афоризмы об устройстве человеческого общества», «Нужно только желать» и «Мысли, облегчающие понимание учения Иисуса Христа». На следствии Сцегенный признал свое авторство только двух произведений: «Краткого и правдивого изложения учения Иисуса Христа» и «Мыслей, облегчающих понимание учения Иисуса Христа».

В конспиративных обществах, ранее существовавших в Королевстве Польском, крестьяне представлены не были. Их организаторы и участники были далеки от крестьянского сословия, хотя и начинали понимать, что крестьянство должно играть важную роль в национально-патриотическом движении. Привлечение крестьян в состав организации несомненно было собственной заслугой Сцегенного – он сам происходил из этой среды. Родился Сцегенный в январе 1801 г. в д. Бильча недалеко от города Кельце. Его отец был лесником, а позднее солтысом (старостой) деревни. Родители хотели дать ему, старшему сыну, хорошее образование, чтобы он мог выйти из крестьянского сословия и иметь более широкие жизненные перспективы. Получив начальное образование, Сцегенный продолжил обучение в воеводском училище в Кельце. Находясь в сложных материальных обстоятельствах, он, по его словам, «содержал себя как человек бедный». Имея склонность к «духовному знанию», он не мог поступить в семинарию в связи с отсутствием денежных средств и стал сельским учителем в Бильче. Прослужив год в деревне, Сцегенный занялся частным преподаванием, сменив несколько семейств, затем устроился апликантом в канцелярию Келецкой воеводской комиссии. Хорошо знавший жизнь крестьянства, здесь он познакомился и с бытом городских низов. Постигавшие его жизненные неудачи обостряли у Сцегенного чувство собственной социальной ущербности. «С детских лет, – отмечал он в своих показаниях, – родившись в крестьянском звании, я беспрерывно подвергался самому неблагоприятствующему жребии. В училище мною пренебрегали, потому что я родился мужиком: мне не на что было купить книжки. <...> Я не раз плакал, что родился мужиком, что не мог обеспечить себе содержание». Не видя в Кельце возможности продвигаться по службе, Сцегенный поехал в Варшаву, где был принят «клериком» (семинаристом) в коллегию ордена пиаров. По мнению В.А. Дьякова, на решение Сцегенного перейти в духовное сословие повлияли не только соображения морально-этического характера, но и расчеты материального порядка, связанные со стремлением добиться лучших жизненных условий. Переход из крестьянского сословия в духовное означал существенное продвижение по общественной лестнице. К тому же орден пиаров имел определенные заслуги в области просвещения, пиары обеспечивали преподавателями треть шестиклассных воеводских училищ Королевства Польского. Сцегенный получил назначение в пиарскую школу в г. Ополе Люблинской губернии. Размышляя о восстании 1830–1831 гг., он задумался над вопросом, «за что люди убивают друг друга». Эта мысль, по признанию Сцегенного, «никогда его не оставляла». На следствии он признавался, что под влиянием «разных сочинений» произошла «перемена образа его мыслей», что «перемогли новые правила, из чего родилось во мне желание осчастливить род человеческий». Находя несправедливым, что богатые исключительно «владеют достатками», а другие умирают от голода, и «видя ужасные последствия войны», Сцегенный считал,

что «введение равенства (или демократия) уменьшат необходимость вести такую». Получив в 1832 г. сан священника, он был назначен викарием в д. Вильколаз Люблинской губернии. Сцегенный еще раз соприкоснулся с крестьянской жизнью. В это время он активно читал не только духовную литературу, но и запрещенные «демократические сочинения»⁹⁹.

Важнейшим стимулом для активизации деятельности Сцегенного оказалась его встреча с Цельсом Левицким, состоявшаяся в 1838 или 1839 г. Левицкий прибыл в Вильколаз как представитель варшавских конспираторов, с которыми начал сотрудничать Сцегенный. Левицкий привез ксендзу запрещенные книги. Полагая, что содержание изданий, исходивших от Польского демократического общества, не могло быть полностью доступно для простого народа, Сцегенный постарался изложить демократические идеи более ясным языком и в доходчивой, привычной для крестьян форме. В своих показаниях Сцегенный сообщил, что такого рода сочинения, в частности «Послание папы Григория к землепашцам и мещанам» и «Золотая книжечка, или История рода человеческого», были переданы ему приехавшим из Варшавы молодым человеком по фамилии Фалиньский, который назвался автором этих книг. Он попросил переписать их, а привезенные экземпляры сжечь. По мнению В.А. Дьякова, не все рассказанное Сцегенным об этой встрече соответствовало действительности, но во всяком случае ксендз разделял заключавшиеся в этих произведениях идеи, а проделанная им при переработке текстов работа была «настолько значительной, что Сцегенный вполне может считаться автором известных нам вариантов “Золотой книжечки”, “Послания папы” и “Афоризмов”»¹⁰⁰.

Летом 1842 г. Сцегенный совершил поездку по окрестностям Кельце, в ходе которой распространял переписанные тексты этих пропагандистских произведений, стараясь отыскивать грамотных крестьян. Так, в д. Крайна ему указали на Бальцера Суло, вместе с которым он, соблюдая осторожность, отправился в поле, где рассказал ему о Демократическом обществе, о его целях по «освобождению крестьян и уравниванию их с дворянами» в правах и вручил ему «Послание папы Григория к землепашцам и мещанам». Он порекомендовал ему давать послание для чтения грамотным крестьянам, а неграмотным читать вслух и «толковать им, чтобы увеличивать число сообщников, могущих быть употребленными к общему делу»¹⁰¹.

С середины 1842 г. связи Сцегенного с варшавской организацией стали более регулярными. В мае 1843 г. он поехал в Варшаву, чтобы уточнить, как обстоят дела у варшавских единомышленников. На обратном пути Сцегенный заехал в Радом к Игнацию Пюро, от которого узнал, что и там действуют конспираторы, распространяющие «демократические правила». Руководителем их являлся Леон Мазуркевич. Ко времени намечавшегося Сцегенным на 1843 г. восстания его организация превратилась в довольно многочисленное конспиративное объединение. Кроме крестьян, составлявших основную часть организации, в нее входила

шляхетская молодежь, мелкие чиновники, установились связи и среди духовенства. Сцегенный рассчитывал не на стихийное выступление крестьян, а на их относительно сознательное участие в готовившемся восстании¹⁰². Начавшиеся аресты в Варшаве на некоторое время сняли вопрос о сроках восстания. Но связи с радомскими конспираторами продолжали сохраняться, происходили отдельные встречи и с деятелями из Кракова. В итоге Сцегенный снова вернулся к планам подготовки восстания. Свои мысли по этому поводу он изложил в рукописи «Нужно только желать». Она представляла собой публицистическую статью, рассчитанную на активных деятелей конспирации. Только народ, опирающийся на демократические принципы, на любовь к богу и ближнему, утверждал Сцегенный, может привести к всеобщему счастью. По его замыслу центром восстания должен был стать г. Кельце, в окрестностях которого предполагалось поднять крестьян. Создавалось повстанческое правительство, которое сразу же должно было объявить, что всему населению гарантируется «без различия сословия и вероисповедания свобода, равенство и братство», заявить об уничтожении барщины, оброка и других повинностей, отменить плату духовенству за церковные обряды. Называться правительство будет «Верховным советом Всевластия славян», поскольку счастье должно быть завоевано для всего славянского рода. Намечалось проведение мобилизации в ряды борцов за свободу отчизны. Еще один вариант программы будущего восстания («Устав») был разработан Мазуркевичем. Основные положения этого документа, восстановленные по фрагментам, сохранившимся в памяти дававших показания участников заговора, совпадали с идеями рукописи «Нужно только желать». Главными также были мысли о необходимости ликвидации феодальных повинностей, о безвозмездном наделении крестьян землей, о проведении в жизнь лозунга «свободы, равенства и братства».

Однако подготовка к восстанию закончилась безрезультатно. 13 (25) октября 1844 г. вследствие доноса крестьянина Валентья Яница Сцегенный был арестован. Яниц назвал фамилии более десяти крестьян, с которыми ксендз проводил беседы о восстании¹⁰³. Одновременно поступил и другой донос — Августа Рихтера, служащего в имении графа Яна Замойского. Рихтер сообщил, что познакомился с ксендзом Сцегенным и с Александром Лисовским три года тому назад, когда он «возвратился в Царство Польское по амнистии». «Все их разговоры, — доносил он, — были в демократическом духе, и <они> утверждали, что, только действуя в демократическом духе, можно восстановить прежнюю Польшу». Дней за пять до его обращения к властям под семейным предлогом Рихтер был вызван в д. Бильча, где его ожидал Сцегенный и «куда уже отправилось много молодых людей с целью произвести восстание поселян для вырезания всех дворян». Восстание, утверждал Рихтер, должно было произойти в разных городах: в Кельце, Радоме, Седльце и Плоцке, предполагалось, что тогда же начнется

и восстание в Познани. Подробнее о повстанческих планах можно узнать от Михала Левицкого, уведомлял Рихтер¹⁰⁴.

На основании полученных сведений были произведены аресты членов заговорщической организации. Следствие по этому делу продолжалось около девяти месяцев. Сегенный давал показания на протяжении почти полугода: с 18 (30) декабря 1844 г. до 15 (27) мая 1845 г.¹⁰⁵ 22 июля (3 августа) 1845 г. И.Ф. Паскевич направил коменданту Александровской цитадели предписание о предании военному суду участников заговора. В нем он кратко охарактеризовал суть деятельности этой организации: «Заговор Петра Сегенного имел целью распространить между крестьянами и другими людьми среднего класса демократические правила, дабы тем возбудить народ к всеобщему в здешнем крае возмущению для низпровержения настоящего порядка вещей, уничтожения помещиков, чиновников и даже духовных, которые сопротивлялись бы бунту». В заговоре, «сколько следствием обнаружено», принимали участие 26 человек, а знали о нем или читали демократические книги 18 человек¹⁰⁶.

Подсчеты социального состава организации Сегенного, сделанные польским историком З. Млынарским на основании сведений, содержащихся в списках лиц, составленных Варшавской следственной комиссией («алфавитах»), показали, что в заговоре принимали участие 152 человека, в их числе 45 крестьян, 40 чиновников, 17 ксендзов, 11 помещиков и арендаторов имений, 5 учителей, 2 землемера, 1 студент, 2 инженера, 1 аптекарь, 1 лесничий, 1 «французский подданный», род занятий остальных неизвестен. В «алфавиты» были внесены не только участники заговора, но также «причастные» к деятельности организации и подозреваемые, чья вина впоследствии доказана не была. Крестьяне составляли примерно половину заговорщиков. Организация Сегенного явилась первой в Королевстве Польском конспиративной организацией, с которой было связано значительное число представителей католического духовенства, преимущественно низшего и среднего звена. Используя уточненные данные, В.А. Дьяков пришел к выводу, что к расследованию дела об организации Сегенного было привлечено 28 ксендзов. Среди остальных преобладали аппиканты, мелкие чиновники, учителя. В «алфавитах» приводились также сведения о месте рождения членов организации: Кельце – 5 человек, Келецкая губерния – 53, Люблин – 17, Люблинская губерния – 25, Варшава – 12, Варшавская губерния – 1, Радом – 14, у остальных место рождения указано не было¹⁰⁷.

Приговор участникам заговора Сегенного был вынесен после долгой судебной процедуры. В соответствии с ним руководители организации и наиболее активные ее члены, вошедшие в первую категорию виновных, – Петр Сегенный, его братья Кароль и Доминик, Михал Левицкий, Фелициан Карпиньский, Генрык Скужевский, Ксаверый Стобницкий, Александр Родкевич и др., – приговаривались к пожизненным каторжным работам в Сибири. Имевшие дворянство лишались всех прав состояния.

Несколько человек, отнесенные к этой же категории, бежали. Крестьяне (7 человек), в их числе Бальцер Сусло, Ян Космаля, Якуб Адамчик и др., а также Ян Новаковский, Александр Лисовский, Кароль и Доминик Сцегенные, Алоизый Тарковский, Адам Зажицкий и Теофиль Стойковский, «как не имеющие особых прав состояния, по коим бы освобождались от телесного наказания», должны были быть прогнаны сквозь строй через тысячу человек шесть раз каждый. Рассмотрение вопроса о мере наказания для П. Сцегенного, имевшего сан священника, потребовало длительного времени. Началась переписка с духовными властями. Материалы по заговору поступили для утверждения в Полевой аудиториат еще до постановления церковного суда о Сцегенном. Аудиториат смягчил меры наказания, к которым заговорщики были приговорены военным судом. Сроки каторги были сокращены до 15 и 10 лет в зависимости от степени виновности участников заговора. Наказание розгами также было уменьшено. Относительно самого Сцегенного предписывалось: после того, как «получено будет от духовного начальства извещение о снятии с него духовного сана», лишить его «всех прав состояния, поставить в городе Кельце под виселицу и потом сослать в Сибирь, в каторжную работу». 5 (17) апреля 1846 г. Паскевич дал распоряжение о приведении приговора в исполнение, не дожидаясь решения церковного суда (оно было принято 15 (27) апреля 1846 г.) В предписании Паскевича особое место отводилось наказаниям крестьян и проведению в отношении них дальнейших действий. Специальным пунктом предусматривалось, что телесные наказания должны быть проведены в Кельце — для устрашения населения, публичная экзекуция состоялась 6–7 (18–19) мая 1846 г.¹⁰⁸ Несомненно, что и нервозность Паскевича по поводу медленного ведения следствия, и последовавшая затем спешность в исполнении приговора, и выбор места публичного наказания были в определенной степени связаны с краковско-галицийскими событиями 1846 г. Заговор Сцегенного с участием крестьян, а также неожиданные активные действия крестьянства, произошедшие в районе Кельце, в окрестностях Седльце, в Меховском уезде и особенно в Галиции, вызывали серьезную обеспокоенность как российских, так и австрийских властей.

6. «Организация 1848 года» в Королевстве Польском и революционное движение «Весна народов» в европейских странах

Эмигрантские круги, и прежде всего Польское демократическое общество, не отказывались от своих планов подготовки общепольского национального восстания. Осенью 1845 г. было принято решение поднять восстание в первые месяцы следующего года. В состав Централизации

(руководящего органа Польского демократического общества) был введен Людвик Мерославский, принимавший еще в юном возрасте участие в восстании 1830–1831 гг. Он написал ряд трудов по военной истории восстания и был признан выдающимся стратегом. Мерославскому поручили разработать план предстоявшего восстания. В итоге был утвержден предложенный им вариант, в соответствии с которым на бывших землях Речи Посполитой, граничивших с Королевством Польским, намечалось создание вооруженных отрядов, которые в назначенный срок должны были вступить на территорию Королевства, становившегося центральным и основным полем национальной борьбы с главным противником – Россией. Однако провести общепольское восстание не удалось. В середине февраля 1846 г. в австрийской Западной Галиции крестьяне выступили против польских помещиков-шляхты, прошли жестокие антишляхетские погромы, получившие название «галицийской резни». В ночь с 20 на 21 февраля 1846 г. началось восстание в Кракове. Созданное Национальное правительство выпустило манифест, объявлявший отмену феодальных повинностей, наделение крестьян землей, в том числе и безземельных. Манифест провозглашал равенство всех сословий, а также другие демократические права. Прибывший в Краков Эдвард Дембовский (1822–1846) опубликовал воззвание «Ко всем полякам, умеющим читать». Во главе небольшого отряда он организовал мирную процессию, рассчитывая путем пропаганды привлечь крестьян на свою сторону. При столкновении с австрийскими войсками, двинувшимися против повстанцев, Дембовский погиб. 3 марта восстание было подавлено, и спустя несколько месяцев Краков вошел в состав Австрийской империи.

Российские власти соответствующим образом отреагировали на возникшую в соседнем государстве ситуацию, которая, как они полагали, могла стать угрожающей для спокойствия в Королевстве Польском и западных губерниях империи. 21 февраля 1846 г. (ст. ст.) Николай I издал указ «об объявлении Царства Польского и губерний Волынской и Подольской в военном положении» в связи с «обнаружившимся в вольном городе Кракове и в некоторых местах Галиции покушении злоумышленников к ниспровержению законных властей»¹⁰⁹. Эти территории вошли в подчинение главнокомандующего действующей армией И.Ф. Паскевича. Тогда же был издан указ, предписывавший военному министру провести «призыв на действительную службу нижних чинов, находящихся в бессрочном и годовом отпусках» в Виленской, Ковенской, Гродненской, Волынской, Подольской, Киевской губерниях и в Царстве Польском. Усиление армии, в частности «старослужащими нижними чинами», было необходимо, чтобы предотвратить возможные последствия краковско-галицийских событий: «дабы дух сей, толико вредный состоянию народов, не сообщился и соседним областям». Армия должна быть готова, подчеркивалось в указе, «подавить всякое покушение к распространению сего

зла»¹¹⁰. В апреле 1846 г. Паскевич разослал местным властям циркуляр, который обязывал их вести неослабное наблюдение за настроениями крестьян и, если потребуется, срочно вызывать войска. Имперские власти стремились нейтрализовать крестьян, воздействовать на их настроения и предупредить возможные выступления. Эти цели преследовались данным в Варшаве 26 мая (7 июня) 1846 г. указом, которым делалась попытка облегчить положение крестьян в имениях частных землевладельцев, в частности, запрещалось выселять крестьян с занимаемых ими участков и присоединять их к дворовым землям, рекомендовалось проводить очиншевание, отменить принудительные наймы и «даремщины» и др.¹¹¹

В Королевстве Польском после раскрытия конспиративных патриотических организаций в первой половине 1840-х годов, арестов и ссылок их участников внешне воцарилась общественная тишина. Наиболее активная часть молодежи была выслана вглубь империи на каторжные работы в Сибирь или на поселение, кто-то находился в тюрьме, избежавшие наказания участники движения постарались покинуть пределы Королевства. Однако полностью общественная жизнь в Королевстве Польском не прекращалась. Демократически настроенные представители варшавской интеллигенции группировались вокруг редакции журнала «Пшеглэнд науковий» (его полное название «Научное обозрение, посвященное литературе, знанию и умению»), который на протяжении 1842–1848 гг. редактировал Хиполит Скимборович (1815–1880), в первые годы совместно с Эдвардом Дембовским¹¹². В доме Хиполита и Анны Скимборовичей собирался кружок так называемых «энтузиастов и энтузиасток», который возглавляла писательница Нарцыза Жмиховская. Кроме нее, в кружок входили Зофья Каминьская, Анна Скимборович, Анеля Дембовская, Роман Зморский, Теофиль Ленартович, Ян Майоркевич, Кароль Балиньский, Юлиуш Бартошевич и другие¹¹³.

В 1840-е годы на общественной арене все заметнее становилась такая социальная группа, как коммерсанты-торговцы («купцы»). Они также объединялись по своим профессиональным и общественным интересам. Центральное место принадлежало «Ресурсе купецкой» – клубу, в который входили влиятельные представители не только формировавшейся торгово-финансовой буржуазии, но и других деловых, военных, чиновничьих кругов. В этой связи польский историк А. Краусхар писал, что в эпоху Паскевича «Ресурса купецка» стала «для горстки интеллигентов из купеческого мира, мира промышленников, представителей науки и артистических кругов единственной пристанью, где можно было тихо, “по углам”, вести доверительные беседы о важнейших вопросах, наслаждаться атмосферой относительной свободы, поддерживать надежду на лучшее для всех жителей будущее»¹¹⁴.

Польская эмиграция продолжала придерживаться политической линии, направленной на подготовку общепольского национального

восстания. В очередной раз Польское демократическое общество приняло попытку восстановить деятельность конспиративных организаций на польских территориях в границах 1772 г. Конкретно вопрос о создании нового тайного общества в Королевстве Польском встал осенью 1847 г., когда Эдвард Домашевский, чиновник Правительственной комиссии юстиции, получил письмо из Княжества Познанского, подписанное именем «Гжегож» (псевдоним члена ПДО Юзефа Высоцкого). Автор послания писал, что в то время как «на западе Европы готовятся важные происшествия, могущие изменить политический ее вид», «Конгрессовое королевство, ослабленное ужасными потрясениями 1846 года, лежит без движения», и потому он призывал Домашевского возобновить активную деятельность: «Зная твой патриотизм <...>, мы обращаемся к тебе с просьбой, чтобы ты занялся образованием в Царстве общества». То, что письмо было направлено именно Домашевскому, не являлось случайностью: он был известен как участник патриотического движения, к тому же имел обширные знакомства среди образованной молодежи Варшавы. Одних он знал еще по совместному обучению на юридических курсах, а других по своей должности куратора – он руководил отправкой поляков на учебу в российские университеты. Кроме того, Домашевский был частым гостем литературного салона Анны Скимборович. Жена Домашевского Анна, урожденная Левицкая, доводилась двоюродной сестрой Михалу и Цельсу Левицким, участникам заговора Сцегенного. О полученном письме Домашевский рассказал двум своим знакомым – Генрыку Краевскому (1824–1897) и Ромуальду Свежбеньскому (1820 – ок. 1900), юристам, выпускникам Московского университета, недавно вернувшимся в Варшаву. Он знал их достаточно хорошо, со времени, когда они учились на юридических курсах в Варшаве, по окончании которых Домашевский сам направил их на учебу в Москву. Кроме того, более тесному сближению и установлению доверительных отношений способствовал тот факт, что Краевский привез его жене Анне письмо от Михала Левицкого, с которым он виделся в Москве во время проезда через нее участников заговора Сцегенного в сибирскую ссылку. Собравшись втроем, Домашевский, Краевский и Свежбеньский решили, что следует написать «правила», содержащие идейные основы создававшегося общества, и «организационные начала», определявшие его структуру и методы действия, то есть подготовить программу и устав. Относительно названия общества вопрос не возникал, в делах же Следственной комиссии оно именовалось «Организацией 1848 года» (по времени первых арестов ее членов), под которым оно и вошло в историческую литературу. «Правила» было поручено написать Краевскому, а «Организационные начала» – Свежбеньскому, что вскоре и было ими выполнено. Краевский представил программу, которую озаглавил «Символ веры» («Wyznanie») ¹¹⁵. Главная мысль документа заключалась в утверждении о необходимости возрождения единого не-

зависимого польского государства. Перечисляя имена предшественников, боровшихся за осуществление этой идеи (назывались Т. Костюшко, А. Завиша, Ю. Заливский, Г. Эренберг, Ш. Конарский и др.), Краевский не упомянул ни П. Сцегенного, ни Э. Дембовского, для которых важнейшим был вопрос о крестьянстве. Вероятно, это являлось следствием влияния галицийских событий 1846 г., в результате которых боязнь крестьянских выступлений усилилась не только у властей, но и у шляхты, в том числе шляхетских патриотов. При обсуждении проекта программного документа Краевский высказал мнение, что основной целью создаваемой организации должно стать «проведение самостоятельного национального восстания», «стремление к установлению республики польского народа, а не только одного сословия». Домашевский сослался на позицию Польского демократического общества, считавшего, что успех восстание может иметь лишь при поддержке европейского движения. Оригинальный текст «Символа веры» не сохранился, но в ходе следствия его воспроизвел Свежбеньский, обладавший великолепной памятью. Однако в представленном им варианте «Символа веры» вопрос о восстании вообще не затрагивался. Провозглашались демократические принципы «свободы, равенства, справедливости и братства», а также принцип веротерпимости: «Наше государство не будет ни католическим, ни протестантским», потому что в противном случае нарушался бы «принцип равенства». Относительно крестьянского вопроса «Символ веры» ограничивался только утверждением о «равенстве крестьянина и шляхтича». Основное место в документе уделялось обоснованию права польского народа на самостоятельное национальное существование, которое обосновывалось в подробном историко-философском очерке.

В 1840-е годы философия оказалась одним из фокусов сосредоточения внимания интеллектуальной элиты польского общества, в среде которой были популярны произведения польских писателей и мыслителей А. Мицкевича, Б. Трентовского, А. Цешковского, А. Товяньского и др. Студенты-поляки, обучавшиеся в Московском университете, также проявляли интерес к философским проблемам, особенно связанным с вопросом национального возрождения Польши. Они читали запрещенные цензурой польские книги, которые, по их свидетельству, в Москве достать было легче, чем в Варшаве. В 1843 г. студенты университета создали польскую библиотеку, одна часть которой состояла из разрешенной цензурой литературы, а другая – из запрещенной. Студентам были доступны произведения А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского, периодические издания эмиграции. Они были знакомы и с лекциями Мицкевича о славянских литературах, которые он читал в Коллеж де Франс. Особой популярностью пользовалось сочинение Б. Трентовского «Воспитание, или система национальной педагогики», вышедшее в Париже в 1842 г. Профессора Московского университета знакомили студентов с историко-

философскими концепциями западноевропейских ученых, в частности Гердера, Гегеля и Канта. Впоследствии знания, приобретенные Краевским и Свежбеньским в Москве, сказались на содержании «Символа веры». В частности, в нем нашли отражение гегелевские идеи о месте и роли отдельных народов на определенных стадиях развития человечества. Особо в документе выделялась мысль о судьбе польского государства, развитие которого по воле Провидения было пресечено внешней силой. Но, возможно, такая роль и предназначалась Польше: передавать от просвещенной Западной Европы «собратиям своим, находящимся под властью России, <...> семена просвещения и гражданственности», которые «обширным потоком разливаются по всей славянщине». В программный документ «Организации 1848 года» были включены также и широко распространенные тогда мессианские идеи о будущей роли Польши в истории: после всех перенесенных страданий ей предстоит великая миссия возглавить следующий этап развития всего человечества.

Годы учебы в Московском университете оказали влияние и на взгляды студентов-поляков о характере взаимоотношений поляков и русских. «Дружба и сочувствие к нам русских, с которыми мы слушали лекции на юридическом и словесном отделениях, уничтожили оставшийся в нас зародыш исторической ненависти. Мы видели в них соотечественников, с которыми стоило и можно было жить вместе, не теряя нашей народности», – заявил на следствии Свежбеньский¹¹⁶. В «Символе веры» высказывалось соображение, что среди представителей просвещенной части русского народа найдется «живое сочувствие и братское сердце», повернутое к польскому народу. В программном документе «Организации 1848 года» вообще отсутствовало проявление национальной враждебности, в нем проводилось четкое разграничение между народами и правителями стран, разделивших Польшу: «Не пруссак, австриец или русский являются нашим врагом, но те, кто в слепоте разума и злобе сердца смеет отказывать нам в святейшем праве – национальной жизни и политическом существовании». Большое место занимали в «Символе веры» рассуждения о будущем свободном польском государстве, точнее о том, каким оно не должно быть. Отвергалось и монархическое, и республиканское устройство как нарушающие права отдельной личности. Критике подвергалось также и устройство коммунистическое, поскольку оно «убивает частное и индивидуальное» в пользу общего: «Пожертвовать общему началу индивидуальным, столь дорого приобретенным, было бы действием самым безрассудным». Однако конкретных соображений об общественно-политической структуре независимой Польши предложено не было. Воззрения руководителей «Организации 1848 года» были вполне созвучны словам А. Мицкевича: «Не слишком вдавайтесь в рассуждения о форме будущего управления в Польше <...>, прежде всего – быть, и уже потом – как быть». Однако из многочисленных показа-

ний, данных членами тайного общества во время следствия, следует, что будущая Польша представлялась им независимой и республиканской. Так, в рапорте Варшавской следственной комиссии наместнику Паскевичу отмечалось, что целью тайного общества являлось «восстановление независимости Польши и учреждение республиканского правления»¹¹⁷. Участниками движения за национальное возрождение Польши, считали руководители «Организации 1848 года», должны стать самые разные общественные силы, объединенные духом патриотизма, вне зависимости от того, принадлежат ли они к дворянскому или крестьянскому сословию. Это соответствовало приобретаемому все большую популярность после «галицийской резни» 1846 г. принципу «классового солидаризма» – социальной гармонии, общественного сотрудничества. В своих показаниях Г. Краевский утверждал, что «цель союза состояла в том <...>, чтобы примирить сословия». Один из членов организации в ходе следствия пояснил, какие задачи ставило перед ним руководство общества: «Согласно данной мне инструкции, мы обязаны примирять ненависть между сословиями, приохочивать к образованию и политике, к труду и нравственной жизни». В показаниях другого члена общества говорилось, что каждый из них должен был распространять демократические принципы, а также «приготовлять, по возможности, сельских обывателей, чтобы они хорошо обходились с крестьянами, очиншевывали их, дарили бы им поля с тем, чтобы только приобрести их любовь». Однако, как заявил на следствии входивший в организацию Леон Жечнёвский, пропаганда подобных идей успеха не имела: «Вообще дворянство худо принимает сообщаемые членами общества правила, потому что помещики и слышать не хотят о том, чтобы чиншевать крестьян, а тем более раздавать им в собственность земли»¹¹⁸. Некоторые члены «Организации 1848 года» понимали нереальность осуществления идеи «классового солидаризма» на практике. В их числе был и ксендз Феликс Трощиньский, дядя Краевского со стороны матери. Краевский жил у ксендза в годы своей учебы в Грубешовской гимназии. Трощиньский был приходским священником в Грубешовском уезде Люблинской губернии. По его мнению, выдвигавшийся руководством тайного общества идейный призыв «примирять крестьян с помещиками» был невыполним, так как «крестьяне питают к помещикам непреодолимую ненависть»¹¹⁹.

Патриотически настроенная часть католического духовенства Королевства Польского являлась важным социальным элементом в борьбе за национальные интересы, в частности религиозно-конфессиональные. Местные рядовые ксендзы происходили в основном из разорившейся безземельной шляхты и даже из крестьян. В силу своего положения духовенство было хорошо осведомлено о настроениях населения. Оно представляло собой особое звено польского общества, которое объединяло и связывало все его слои, имело широкие и разнообразные контакты,

пользовалось доверием и авторитетом у большинства жителей. Руководство «Организации 1848 года» понимало, какую роль могли бы играть священники в распространении демократических идей и патриотических настроений. Предпринимались попытки привлечь представителей духовенства в ряды тайного общества. Произносимые ксендзами проповеди, при соответствующей трактовке отдельных фрагментов из библейских текстов, позволяли почти открыто пропагандировать демократические и национальные идеи. В Варшаве широкой известностью пользовался ксендз Бенвенуто Маньковский, на проповеди которого собиралось множество народа. На одной из них, когда ксендз говорил о событиях в Галиции, присутствовало около тысячи человек. Он утверждал, что «само дворянство было там причиной этого бесчестного поступка, угнетая народ тяжелой работой и обходясь с ним, как с зверями». «Одним словом, – характеризовал Свежбеньский в своих следственных показаниях наставление Маньковского, – вся проповедь была направлена к демократизму, который был прикрыт здесь только формой проповеди». Свежбеньский несколько раз беседовал с Маньковским, и ксендз выражал согласие стать членом тайного общества. «Я был рад представившемуся случаю ввести в общество человека с таким обширным влиянием», – заявил Свежбеньский на следствии. Однако этому воспротивился Краевский, исходя из соображений строгого соблюдения правил конспирации. Он подчеркнул, что «ksenдз Бенвенуто, как проповедник неосторожный и смелый, легко может быть арестован и выдать общество»¹²⁰. Всего по делу «Организации 1848 года» проходило 15 человек «духовного звания» (это были ксендзы и учащиеся духовных заведений). В беседах с ними и в направлявшихся им письменных «инструкциях» руководители тайного общества ставили перед ними четко определенные задачи: стараться «примирять крестьян с помещиками и вообще все сословия между собою, несмотря на разные вероисповедания», «поддерживать польскую народность», «вооружать умы против настоящего правительства и заохочивать к республиканизму» и «те же самые начала внушать и на исповеди»¹²¹.

В отношении эмиграции в «Символе веры» выражалось неприятие и даже осуждение ее позиции, содержалось обвинение ее в отрыве от польских реалий, в незнании действительного положения вещей на польских землях, в частности в Королевстве Польском: «Эмигранты наши, зараженные современными идеями Запада, из дворянско-феодалной аристократии попали в демократию и коммунизм» – они восприняли идеи, «чуждые нашей народности». По свидетельству Свежбеньского, в одной из бесед Домашевский подчеркнул определенную идейную самостоятельность «Организации 1848 года»: «Хотя союз основан Демократическим обществом и находится под его влиянием, это не обязывает его слепо идти за их политическим верованием. Наша эмиграция, находясь во Франции среди революционного движения Западной Европы

и под тамошним влиянием, не может достаточно оценить нужд нашего края». Деятели эмиграции как в письмах, так и через приезжавших от нее эмиссаров постоянно и настойчиво требовали от руководства вновь созданного конспиративного общества в Королевстве Польском усилить деятельность по расширению конспиративной сети, привлечению в его ряды ремесленников и крестьян. Решение этих задач в условиях Королевства наталкивалось на непреодолимые трудности, и запросы эмиграции вызывали у Домашевского большое раздражение.

Программный документ организации «Символ веры» на практике оказался неприемлемым для агитационной работы. Естественно, что, перенасыщенный философскими идеями, он был труден для понимания рядовыми участниками заговора. Так, когда при вступлении в тайное общество с ним ознакомили учителя равской школы Л. Жечнёвского, кстати, также имевшего университетское образование, содержание документа оказалось для него совершенно неясным. На следствии Жечнёвский заявил, что данное ему сочинение «было написано каким-то немецким философом», оно было «столь сильно пересыпано софизмами, что разум мой не мог понять мудрости, в нем заключенной»¹²². При вербовке новых членов, кроме зачитывания им «Символа веры», Краевский и Свежбеньский вели длительные разъяснительные беседы о целях общества, обязанностях его членов и т. д. Прежде всего говорилось о необходимости строго соблюдать правила конспирации. Создаваемая организация строилась на конспиративных принципах. Во главе ее стояли варшавские руководители, в уездах создавались кружки, под их руководством, в свою очередь, должно было находиться еще по 30 нижестоящих кружков, состоявших из 30 человек каждый, члены которых готовы были взяться за оружие. Кружки были образованы в Равском, Луковском, Радомском, Липновском, Ленчицком, Грубешовском и Плоцком уездах, в Бжезинском и Шадковском округах. Переписка между заговорщиками должна была вестись с помощью индивидуальных шифров.

Вначале рост числа членов «Организации 1848 года» шел очень медленно. К весне 1848 г., когда в европейских странах начался революционный подъем, в ее рядах было всего около десятка человек. Неожиданная смерть в марте 1848 г. возглавлявшего организацию Э. Домашевского явилась огромным ударом для общества. Оставшиеся без опытного заговорщика Краевский и Свежбеньский оказались в растерянности, не вполне представляя себе, что же им следует делать в сложившихся обстоятельствах: они не были готовы взять на себя руководство обществом. Однако быстро менявшаяся под влиянием европейских событий общественно-политическая ситуация в Королевстве Польском не оставляла им времени на раздумья — надо было действовать. Революционные волны «Весны народов» во Франции, германских государствах, события в Вене и Берлине способствовали усилению общественной активности

различных социальных слоев и в Королевстве Польском. В сельской местности в начале 1848 г. в основном сохранялось спокойствие, но и там происходили отдельные «беспорядки», о которых жандармы докладывали своему начальству. Так, крестьяне одной из деревень Радомской губернии угрожали арендатору, что зарежут его и других землевладельцев, чтобы «воспользоваться их имением». В другом документе содержались известия о «неблагонадежном духе крестьян Люблинского и Замойского уездов, питающих надежды на облегчение их участи», о чем они говорили «со злобою и усмешкою». Из Кутновского уезда сообщалось, что «между чернью ходят толки о скором прибытии вооруженных поляков под предводительством эмиссаров с намерением вытеснить отсель русских» и за участие в «освобождении сего края от русских» крестьяне получают «впоследствии много благополучия и равный раздел между народом частных и государственных имуществ»¹²³.

Российские власти, опасаясь политической активности крестьян в Королевстве Польском, принимали меры с целью ограждения их от революционной пропаганды и привлечения к сотрудничеству. Циркулярным распоряжением наместника И.Ф. Паскевича от 11 (23) марта 1848 г. местным властям предписывалось внушать крестьянам, чтобы они всякого, «кто явился бы к ним для подговора», немедленно сдавали военным властям¹²⁴.

На рост общественных волнений и восстаний в европейских странах, несших угрозу спокойствию России, Николай I отреагировал изданием манифеста 14 марта 1848 г., в котором заявил: «Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе с Святою нашею Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших»¹²⁵.

Разнесшиеся в Королевстве слухи о рекрутском наборе заставили молодых людей бежать за границу. Многие направлялись в Герцогство Познанское, чтобы влиться в формировавшуюся там польскую повстанческую армию Л. Мерославского. В Королевстве Польском все более возрастало всеобщее возбуждение и беспокойство. В Варшаве жители читали газеты, узнавали друг у друга последние заграничные новости. В конце марта – начале апреля 1848 г. была арестована группа ремесленников-портных во главе с Яном Маршандом «за намерение присоединиться к предполагававшемуся в Варшаве мятежу». Один из ее участников на следствии сообщил, что, оставшись без работы, поскольку из-за напряженной обстановки в Варшаве новых заказов к ним не поступало, портные много времени проводили за чтением газет и обсуждением революционных событий в Европе. В беседе кто-то из них произнес, что если бы в Варшаве «вспыхнула революция, то лучше и безопаснее соединиться с народом», и остальные с ним согласились¹²⁶. Вообще ремесленники стали привлекать внимание деятелей национального движения как слой, который можно было бы привлечь к участию в патриотическом движении.

Значительный интерес к ремесленникам проявляли «энтузиастки». Нарцыза Жмиховская, позднее сама вошедшая в «Организацию 1848 года», пыталась вести просветительскую деятельность в этой среде, читала им «Вечера под Липой» А. Семеньского, а также собственные литературные произведения¹²⁷. В планах руководства организации также определенное место отводилось привлечению ремесленников. Это подтверждается словами члена общества Вильгельма Клопфлейша (он был сыном варшавского пивовара), который на следствии заявил, что «ему было поручено узнать об образе мыслей варшавских ремесленников». Другой член общества показал, что у Клопфлейша бывали братья Освальды, «оба подмастерья», один столяр, другой – мясник. Они вели «политические разговоры, читали патриотические стихи». В беседах Освальды утверждали, что в отношении восстания «между ремесленниками господствует хороший дух». Члену «Организации 1848 года» Юзефу Галецкому ее руководством было предписано «войти в политические сношения с работниками на казенном заводе в Иголми», но его попытка осталась безрезультатной. Относительный успех в ведении пропагандистской работы среди ремесленников сопутствовал члену организации Винцентью Михаловскому. По его поручению литограф Дионизый Пашковский «занимался подготовкой варшавских ремесленников и других его знакомых для бунта, предположенного было пред праздниками Светлого Христова воскресенья в целях восстановления Польши». Контакты, установленные организацией с этой группой ремесленников-типографщиков, были непродолжительны: отсутствие навыков конспиративной работы и их наивная доверчивость очень скоро привели к провалу «заговора Пашковского». 8 (20) апреля 1848 г. прошли первые аресты, по этому делу были допрошены 20 человек. Был арестован и Михаловский¹²⁸.

Общественный подъем в Королевстве Польском, вызванный европейской «Весной народов», способствовал интенсивному росту численности «Организации 1848 года». Быстрое пополнение рядов организации летом 1848 г. шло в основном за счет представителей той же социальной среды, к которой принадлежали ее руководители. В составе действительных членов или «причастных» к деятельности тайного общества оказалось более десятка бывших студентов Московского университета (Генрык Краевский, братья Ромуальд и Марек Свежбеньские, Леон Жечнёвский, Томаш Сужицкий, Войцех Гроховский, Михал Александрович, Станислав Кросницкий и др.). Готовность молодого поколения вступить в патриотическое движение питалась как общей политической атмосферой этого времени, так и семейным воспитанием, семейными традициями, участием родственников в освободительной борьбе. Состоявший в организации Игнаций Грудзиньский на следствии рассказал о том, что повлияло на его решение присоединиться к патриотическому движению. Еще в детстве и юношестве, слушая «разговоры родителей, старших

братьев, соседей о том, что такое “польское”», он «проникся чувством любви к родной земле». Их рассказы о «светлых деяниях предков моих в давних исторических событиях и недавние войны за независимость, и религия, традиции, обычаи», сказал Грудзинский, «западали в душу». Став взрослым, «когда начал понимать и чувствовать свои обязанности как гражданина», он пришел к убеждению, что должен «оберегать и уважать то, что собственное, родное, старое, польское»¹²⁹.

Поражение Познанского восстания, первые аресты членов организации летом 1848 г. послужили причиной разочарований в конспиративной патриотической деятельности многих ее участников, привели к утрате ими оптимистических надежд и в итоге способствовали полному от нее отстранению. В большей степени это затронуло тех, кто поспешил вступить в организацию, поддавшись эмоциональному патриотическому подъему, вызванному сложившейся общественной ситуацией. Их членство было весьма непродолжительным, и по существу они себя никак не проявили. Известия о вооруженной борьбе венгерского народа за независимость несколько замедлили процесс спада общественных настроений в Королевстве Польском. Польские патриоты рассчитывали, что именно оттуда начнется поход за национальное освобождение Польши. Возглавлявший венгерское национальное движение Л. Кошут, считавший, что создание польских вооруженных легионов в Венгрии может вызвать недовольство России и привести к ее вооруженному выступлению против венгров, все же принял решение о формировании в составе венгерской армии польских легионов. Патриотически настроенная молодежь бежала из Королевства Польского в австрийскую Галицию с намерением вступить в ряды польских легионеров, к тому же это избавляло от угрозы насильно быть забранным в русскую армию. Хотя руководители «Организации 1848 года» не располагали достоверной информацией о положении дел в Венгрии и сами не верили в благополучный исход венгерского движения, однако они обратились к членам общества на местах с призывом готовиться к восстанию на случай, если венгерские и польские вооруженные силы вступят на территорию Королевства. Ответы на их призыв поступали неутешительные, в них сообщалось, что в уездах «нет никаких средств к мятежу» и что «дворянство не подготовлено к этому». Поражение венгерского восстания было воспринято патриотическими силами Королевства Польского как крушение последних надежд. Деятельность «Организации 1848 года» почти совсем прекратилась.

Повальные аресты членов тайного общества начались с января 1850 г., после того как Нарцыз Тхужевский дал, в конце концов, признательные показания. Варшавская следственная комиссия в своем рапорте, направленном 12 (24) июля 1851 г. И.Ф. Паскевичу, сообщала о численности «Организации 1848 года»: ее «членов открыто доселе комиссиею 77 человек»¹³⁰. Главные участники «Организации 1848 года» по указанию заместителя

от 26 марта (7 апреля) 1852 г. были преданы военному суду. В их числе были: «адъюнкт Варшавского губернского правления» Генрык Краевский, «помещики Радомской губернии» Игнаций Грудзиньский и Михал Модзелевский, «апликант при Люблинском гражданском трибунале» Юзеф Галецкий, «апликант Варшавских судебных мест» Войцех Гроховский, «уроженец Княжества Познанского дворянин» Францышек Кохановский, «бывший учитель равского уездного училища» Леон Жечнёвский, «отставной полковник бывшей польской гвардии» Анджей Киверский, «рахмистр Плоцкого губернского правления» Никодем Марцинковский, «подписарь мирового суда в г. Плоцке» Станислав Кросницкий и «дворянин Радомской губернии» Нарцыз Тхужевский. Тхужевский за свои откровенные показания получил прощение, но он «раскаивался в своем сознании» и «на оказанное ему помилование смотрел равнодушно», и тогда решено было отправить его на жительство в Пермь. Судьба остальных членов «Организации 1848 года» определялась наместником¹³¹.

В мае 1853 г. военный суд вынес приговор, в соответствии с которым признанные главными заговорщиками Краевский, Грудзиньский, Галецкий, Гроховский, Кохановский, Киверский и Жечнёвский лишались всех прав дворянского состояния, а Киверский — и полковничьего чина, и сослались в Сибирь на каторгу, имения их подлежали конфискации. Марцинковскому и Кросницкому после отбытия годового тюремного заключения разрешено было возвратиться на место жительства под полицейский надзор¹³².

Нескольким членам «Организации 1848 года» удалось найти прибежище за границей и хотя бы временно избежать ареста. В их числе был Вильгельм Клопфлейш, с помощью которого тайное общество поддерживало контакты с эмиграцией: он доставлял запрещенную литературу. Решение об аресте Клопфлейша было принято Следственной комиссией в июле 1851 г. В следующем году он был выдан прусскими властями и возвращен в Королевство Польское. После заключения в Александровской цитадели и военного суда над ним по вынесенному приговору в 1854 г. Клопфлейш был отправлен в Нерчинск на каторжные работы, где вскоре скончался от туберкулеза. Власти продолжали длительное время следить за участниками патриотического движения, не подвергшимися наказанию. Показательным примером может служить случай Кароля Балиньского (1817–1864), который принимал участие в движении еще с 1838 г., входя в Содружество польского народа. Тогда он был арестован и сослан в Сибирь. Вернувшись в 1841 г. в Королевство, Балиньский не оставил своей патриотической деятельности и, вновь оказавшись под угрозой ареста, в 1848 г. бежал за границу: сначала в Галицию, затем в Пруссию, а в 1851 г. он перебрался во Францию. Спустя семь лет, 31 марта (12 апреля) 1855 г., Административный совет (Совет управления) Королевства Польского принял постановление, что «бывший владелец части Ярославецкой

колонии в Люблинской губернии Карл Балинский, который, бежав в 1848 году за границу, присоединился там к обществу польской эмиграции, признается изгнанником, с подвержением имущества его как секвестрованного, так и впредь могущего быть обнаруженным, конфискации. <...> Право собственности на недвижимые имущества, капиталы и ипотечные обязательства, принадлежащие Карлу Балинскому, силою настоящего постановления в подлежащих крепостных книгах должно быть переписано на имя казны». Это был стандартный документ, множество подобных которому было принято Административным советом Королевства Польского и опубликовано в «Дневнике законов»¹³³.

Всего через Варшавскую следственную комиссию по делу об «Организации 1848 года» прошли почти 200 человек. Было выявлено, что в организации состояли примерно 80 человек и еще около 100 были «причастны» к ее деятельности. Социальный состав участников тайного общества был довольно однородным, приблизительно 40% составляли низшие чиновники, аппликанты, 13% – близкие к ним по социальному положению учителя, врачи, фармацевты; ремесленники и рабочие составляли 19%, помещики и арендаторы – примерно 12%, около 8% приходилось на представителей духовенства, 5% – на учащуюся молодежь, торговцы и мелкие предприниматели были представлены только 2%, крестьяне в деятельности организации участия не принимали¹³⁴. В основном члены организации были людьми достаточно образованными – это подтверждается, в частности, перечнем литературы, которую они читали. В следственных документах неоднократно упоминаются найденные при обыске у заговорщиков исторические труды И. Лелевеля, сочинения А. Мицкевича, «Исторические песни» Ю. Немцевича, патриотические стихи Т. Ленартовича и К. Балинского, «Воспитание» Б. Трентовского, «Вечера под Липой» Л. Семеньского, «Демократический катехизис» Г. Каменьского, «Слово божие к польскому народу» В. Гельмана, «Слово верующего» Ф. Ламеннэ, «Отче наш» А. Цешковского, «Критический разбор кампании 1831 года» и «Военный регламент» А. Мерославского, «Полевая фортификация» и «Партизанская война» К. Б. Штольцмана, «После рукопашной» (описание в стихотворной форме столкновений в Кракове с австрийцами), различные познанские, краковские, львовские, силезские периодические издания и публикации Польского демократического общества.

* * *

«Организация 1848 года» была последним из нелегальных обществ, существовавших в Королевстве Польском в 1830–1840-е годы. Ее разгром привел к очередным потерям патриотических сил и надолго прервал конспиративное движение в Королевстве. Это было завершением определенного периода развития патриотического движения в Королевстве Польском после поражения восстания 1830–1831 гг. Он начался попытками

возобновления вооруженных действий, инициаторами и организаторами которых были деятели польской эмиграции. На «польские земли» специально посылались эмиссары, перед которыми ставилась задача найти и объединить патриотические силы, еще сохранившиеся в «крае». В основном их действия охватывали территорию Королевства Польского и российские западные губернии (бывшие польские земли).

Дальнейшее развитие патриотического движения в Королевстве Польском характеризовалось возникновением отдельных конспиративных обществ («заговоров»): «свентокшижцы», кружки Гзовского и Гросса и др., в идеологических установках которых усиливалась демократическая направленность. Все большее внимание уделялось крестьянскому вопросу. Возникла даже отдельная крестьянская организация, возглавлявшаяся ксендзом П. Сцеженным.

Эмигрантские демократические круги прилагали чрезвычайно настойчивые усилия по подготовке единого общепольского восстания, планировавшегося первоначально еще на 1844 г., а позднее — на 1846 г. Их стремления были направлены на идейное и организационное объединение патриотических сил на всех территориях бывшей Польши.

В Королевстве Польском, с использованием предшествующего опыта, стало развиваться и совершенствоваться организационно-структурное устройство тайных организаций. Была предпринята попытка планомерного создания, постепенного выстраивания широкой конспиративной сети, охватывавшей не только российскую часть бывшей Речи Посполитой, но и другие польские земли.

Значительное воздействие на характер и динамику процессов в польском патриотическом движении, в частности в Королевстве Польском, оказывали как международные события, так и события на других бывших польских землях (Краковское восстание, «галицийская резня» 1846 г., «Весна народов» в европейских странах, Познанское восстание 1848 г. — в прусской части Польши, революционные события в Венгрии 1848–1849 гг.). Их влияние находило отражение и в его идейном развитии, в частности, в усилении идей «классового солидаризма» после «галицийской резни», и в практических действиях, например, в попытке организовать помощь венграм, которая предпринималась участниками «Организации 1848 года».

За два с небольшим десятилетия после восстания 1830–1831 гг. через Варшавскую следственную комиссию, по подсчетам польского историка Я. Бергхаузена, прошло 1620 человек, обвинявшихся в участии в патриотическом движении или прикосновенных к деятельности конспиративных организаций. Дальнейшие исследования польских и российских историков показали, что число участников и приверженцев патриотического движения в Королевстве Польском может быть увеличено до 3300 человек. Их фамилии включены в биографический словарь, в котором о них

приводятся довольно подробные сведения¹³⁵. Основными участниками движения были представители формировавшейся интеллигенции, главным образом это были занимавшие низшие должности чиновники, выходцы из мелкошляхетских слоев, а также учащаяся молодежь. Представителей других социальных групп было намного меньше. Относительно значительную часть составляли священнослужители¹³⁶. Причем в первое десятилетие после восстания 1830–1831 гг. их патриотическая активность была невысока, но со временем она увеличивалась. Список связанных с духовным ведомством лиц, участвовавших в освободительном движении или проявивших враждебное отношение к властям в 1832–1855 годах, составленный В.А. Дьяковым, включает 243 фамилии¹³⁷.

Тайные общества, возникавшие на территории Королевства Польского, были тесно связаны с польской эмиграцией, главным образом с Польским демократическим обществом, как в идейном плане, так и организационно. Оценка патриотического движения этих лет сводилась в основном к двум точкам зрения, которые первоначально были выдвинуты современниками событий, а позднее утвердились и в историографии. Одни исходили из того, что в условиях, сложившихся тогда в Королевстве Польском, вовлечение в конспиративные организации молодежи – а именно она составляла их основу – вело к напрасным жертвам, что молодое образованное поколение, которое могло бы принести пользу обществу, оказалось исключенным из социальной жизни на долгие годы. Это соответствовало понятиям зарождавшейся тогда теории «органического труда». Сторонники второй позиции считали, что заговорщики межповстанческого периода сохраняли и продолжали традиции своих предшественников: готовые к жертвенности, они исполняли волю Провидения во имя назначенной им высокой миссионерской роли. Эти жертвы не были напрасными, они воздействовали на умонастроения последующих поколений, что позволяло вести дальнейшую борьбу за возрождение польского государства¹³⁸.

7. КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ПОЗИЦИЯ АЛЕКСАНДРА II В ОТНОШЕНИИ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО

После очередного разгрома действовавших в Королевстве Польском патриотических сил – раскрытия «Организации 1848 года» – наступил длительный период затишья, отмеченный усилением жесткого полицейского режима. Процесс дальнейшего развития патриотического движения в Королевстве Польском во многом определялся изменением внутриполитической ситуации в империи, и в частности в Королевстве, вызванным начавшейся Крымской войной. 11 (23) сентября 1853 г. наместник

И.Ф. Паскевич направил в Петербург в III Отделение с. е. и. в. канцелярии записку «О духе жителей, о католическом духовенстве и о дворянах, поступивших в военную службу», и она была передана императору Николаю I. Паскевич сообщал, что «по случаю Восточного вопроса, который произвел столь сильное впечатление на Западе, жители Царства Польского оказали свое обыкновенное легкомыслие». Явно, отмечал он, ничего не проявлялось, но «нелепым слухам не было конца». Под «нелепыми слухами» подразумевались надежды поляков на поражение России в войне и соответственно на становившееся в таком случае возможным возрождение Польши. «Влияние происшествий в Европе, всегда столь сильное на Польшу, в текущем году особенно заметно было на католическом духовенстве», – писал наместник. С удовлетворением Паскевич докладывал о результатах действий правительства, направленных на принятие польской молодежи в российскую армию: «Высочайшее повеление о приглашении на службу дворян Царства Польского <...> имело самое благоприятное последствие». «Молодые люди, которые поступили на службу, (в противном случае. – Г.М.) утопали бы в праздности и от недостатка занятий вмешались бы наконец, как обыкновенно, в какие-либо замыслы и тайные общества», – писал он. «Ныне же <...> они все служат усердно, некоторые даже отлично». Наместник подчеркнул удачную «прозорливость» властей в принятии данного решения, учитывавшего общественные настроения поляков: «Сами родители, которые без сей побудительной меры, из глупой оппозиции или боясь так называемого общественного мнения, не решились бы отдать детей своих на службу, ныне готовы благословить сие распоряжение, будучи уверены, что дети их не пойдут на виселицу»¹³⁹.

В ежегодных отчетах, представлявшихся III Отделением императору, в 1850-е годы особое место стал занимать раздел, характеризовавший общественно-политическую ситуацию в стране, отслеживались также и настроения в Королевстве Польском. В отчете за 1853 г. отмечалось, что начавшаяся Крымская война по-разному воздействовала на различные слои населения Российской империи. Русские, утверждалось в документе, приветствовали политику правительства, они увидели в военных действиях России «доказательства неутомимых забот и попечений (правительства. – Г.М.) о поддержании православия». Одновременно подчеркивалось, что иначе обстояло дело «в Царстве Польском и Литовских губерниях», где «многие из местных уроженцев, по обыкновению, предаются беспокойным и несбыточным мечтам». «Заметны тайные надежды, что турецкая война вовлечет Россию в войну европейскую», и, как полагал подписавший отчет начальник III Отделения А.Ф. Орлов, это обстоятельство непременно следует учитывать и потому внимательно следить, «дабы не проникла к нам зараза из-за границы»¹⁴⁰. 21 февраля 1854 г. Королевство Польское было объявлено на военном положении (наряду с Курляндской,

Ковенской, Виленской, Гродненской, Волынской и Подольской губерниями)¹⁴¹. В отчете III Отделения за 1854 г. сообщалось, что вступление в войну против России Франции и Англии способствовало активизации деятельности польской эмиграции, всегда рассчитывавшей на помощь этих государств в противоборстве с Россией, и она снова стала направлять своих эмиссаров на польские земли, «преимущественно в Царство Польское». «К сожалению, – отмечалось в документе, – <...> в жителей Царства Польского война возбудила преступные чувства и мечты: они считали, что Россия не выдержит борьбы с европейскими державами, и Польша будет восстановлена как независимое государство. Однако, ут-верждалось в отчете, «спокойствие там не нарушено»¹⁴².

Поражение России в Крымской войне, на протяжении нескольких десятилетий ведшей только победоносные войны, породило в русском обществе настроения национального фиаско, вызвало чувство унижения, но в то же время оно стало стимулом к размышлениям о причинах столь огорчительных итогов и в конечном счете способствовало усилению интереса к социально-политическим проблемам. Послевоенный период продемонстрировал невиданный ранее накал общественных споров и противостояний, в центре которых стоял вопрос о выборе будущего пути развития России. К тому же середина 1850-х годов оказалась также крайне насыщена изменениями субъективного плана, отразившимися, в частности, и на характере польско-российских взаимоотношений. Произошла смена «личностей», находившихся во власти, значимость влияния которых в этой сфере была чрезвычайно весома. Прежде всего это была смерть российского императора Николая I (18 февраля 1855 г.), на протяжении тридцатилетия определявшего курс внутренней и внешней политики России. Почти год спустя, 20 января 1856 г., скончался и наместник императора в Царстве Польском князь Варшавский И.Ф. Паскевич-Эриванский – человек, «который без малого двадцать пять лет держал Польшу в руках (курсив Берга. – Г.М.)» и, по мнению Н.В. Берга, добился того, что «в значительной массе поляков» начало вырабатываться убеждение, что «мы и они (русские и поляки. – Г.М.) должны слиться, жить в каком ни на есть согласии». «Паскевич оставил Польшу совершенно спокойною», – такими словами Берг подвел итог длительному правлению «хозяина Царства Польского»¹⁴³. После Паскевича более пяти лет, с января 1856 г. по май 1861 г., пост наместника занимал генерал-адъютант, генерал от артиллерии Михаил Дмитриевич Горчаков. Это был человек совершенно иного склада, чем его предшественник, он отнюдь не обладал жестким и решительным характером, но этого, казалось, и не требовалось, поскольку ко времени его вступления в должность в крае все было «совершенно спокойно».

Тяжелые для России результаты Крымской войны, повлиявшие на изменение баланса европейских политических сил, усилили надежды

польской эмиграции на возобновление борьбы за возрождение Польши. Рассчитывая на ослабление России, эмигранты, в частности Польское демократическое общество, попытались активизировать свою деятельность на бывших польских землях, в том числе и на территории Королевства Польского. Это настораживало российские власти. В этой связи в отчете III Отделения за 1858 год появился новый специальный раздел «О революционной пропаганде», который содержал сведения о деятельности поляков за границей. «Польская эмиграция, — этими словами начинался текст раздела, — утратив постепенно политическое значение в Европе и убедившись в последнее время, что западные державы не помышляют о восстановлении Польши», лишилась своего прежнего влияния в польских землях, чему способствовал «переворот умов жителей Царства Польского и западных губерний», произошедший «вследствие попечительных забот правительства о благосостоянии их края»¹⁴⁴. Однако в действительности все было не столь радужно. Опасность роста патриотических настроений среди поляков оставалась, и правительства стран, участвовавших в разделах Польши, стремясь этому противодействовать, продолжали придерживаться политики объединения своих усилий, в частности, информируя друг друга о событиях, связанных с активизацией национального движения. Так, сообщалось в отчете, «наместник Царства Польского получил от прусских властей известие, что польское революционное общество в Лондоне по соглашению с польскими аристократами в Париже замышляют поднять новое восстание». Далее приводились конкретные сведения: из Лондона шла рассылка многочисленных брошюр и прокламаций, содержащих призывы вооружаться и готовить восстание. Два таких воззвания распространялись в Познанском округе. Прусским властям удалось их обнаружить, и они были немедленно уничтожены. В числе эмигрантских изданий, которые помещали материалы о планировавшемся восстании, назывались выходящие в Париже «Пшеглёнд жечи польских» («Обозрение польских дел»), и «Вядомости польске»¹⁴⁵. Подчеркивалось, что планы эмиграции относительно подготовки восстания стали более масштабными: предполагалось «произвести мятеж одновременно во всех пунктах славянского мира» с целью создания «Славянских соединенных штатов», при этом каждое славянское племя сохраняло бы свою независимость. Отмечалось также, что возрастает авторитет Дж. Мадзини, который выдвигает идею об объединении всех демократов в единую партию действия, призывая «к установлению повсеместной свободы и равенства людей». На него все больше ориентировались польские эмигранты-демократы. В связи с усилением деятельности эмиграции российские власти сделали соответствующие распоряжения по Королевству Польскому и западным губерниям об усилении надзора как за появлением там «возмутительных воззваний», так и за «подозрительными сношениями наших поляков с заграничными»¹⁴⁶.

В декабре 1858 г. познанская полиция передала наместнику Королевства Польского М.Д. Горчакову сведения, что эмиссары эмиграции, прибывшие в Пруссию и Австрию, получили из Лондона циркуляры, содержавшие указания о ведении пропаганды с целью склонять помещиков к уступке «части их земель тем из поляков, служащих в польской и австрийской армиях, которые примут участие в борьбе за свободу». По мнению начальника III Отделения В.А. Долгорукова, со времени либерализации политического курса прусского правительства «Познанское герцогство сделалось главным пунктом политических интриг польских возмутителей». Французские власти извещали власти российские, что контактов Польского демократического общества с Королевством Польским не замечено. Долгоруков считал, что «пока в Европе нет революции, не затронут польский вопрос, до тех пор едва ли можно опасаться в Польше важных беспорядков». Тем не менее наместник Горчаков предложил все же усилить контроль за перепиской жителей Королевства Польского с заграничными корреспондентами. В целом внутреннее состояние империи на конец 1858 г. характеризовалось в отчете как спокойное, однако при этом утверждалось: «Нет сомнения, что в Царстве Польском аристократы и духовенство продолжают питать надежды на восстановление когда-либо прежней независимости, <...> но влияние их на народ значительно ослабело». Затем следовал утешительный вывод: крестьяне («земледельческий класс, составляющий массу польского населения») «придерживаются существующего порядка вещей»¹⁴⁷.

Пропагандистская и организационная деятельность польских эмигрантов чрезвычайно заботила российские власти. Они понимали, что эмиграция может воздействовать на подъем патриотических настроений и формирование повстанческих сил в Королевстве Польском. Отчет III Отделения за 1859 год начинался разделом, заглавие которого звучало весьма эмоционально: «О заграничных возмутителях и происках польских выходцев»¹⁴⁸. События в Италии, отмечалось в нем, оказывали революционизирующее воздействие на национальные движения других народов, способствуя их оживлению, и в первую очередь это касалось поляков и венгров, в частности польской эмиграции. По данным, приведенным в отчете, «польская эмиграция несравненно многочисленнее во Франции, нежели в Англии»: во Франции ее численность достигала примерно 4 тыс. человек, а в Англии – не более 700, однако «гражданские учреждения в Англии и соединение в Лондоне злейших демократов из всех стран Европы дают сравнительно небольшому числу там поляков более возможности к революционным проискам». Констатировалось все большее расхождение между аристократическим и демократическим течениями эмиграции и соответственно возникавшие в их планах различия по восстановлению польского государства. Четко фиксировались эгоистические интересы сторонников А. Чарторьского: «Аристократы не

теряют <...> из вида и личные свои выгоды, которым сильно угрожают идеи социализма противной партии». В отчете отмечалось, что Чарторыйский «совершенно потерял прежний вес, расстроив свое состояние на политические интриги, на пособия выходцам и на учреждение разных воспитательных заведений в Париже для польского юношества»¹⁴⁹. Ослаблению эмиграции способствовали и обстоятельства личностного плана — ее прежде молодые и активные лидеры, полные энергии и надежд, с течением времени утрачивали эти качества, их влияние уменьшалось и в самих эмигрантских кругах. Старшее поколение руководителей постепенно уходило из жизни: в частности, в феврале 1857 г. в Лондоне скончался идеолог левого крыла эмиграции Станислав Ворцелль. На международной арене польский вопрос отступал на второй план, переставая играть стимулирующую роль как предлог для оказания давления на Россию. Слабели также и контакты с польскими землями, пополнение рядов эмиграции новыми силами было немногочисленным.

В связи с окончанием Крымской войны во всей империи 29 марта 1856 г. было отменено военное положение. Вступивший на престол новый российский император Александр II начал проводить в стране весьма либеральную политику, которая затрагивала все сферы общественной жизни. Изменение политического курса распространялось также и на Королевство Польское, где либерализация проходила весьма умеренно. Ожидания поляков, что российский император приедет в Варшаву и коронуется там польским королем, а это соответствовало бы Конституции 1815 г., не оправдались. Органическим статутом 1832 г. такого порядка не предусматривалось. Коронация Александра II российским императором в Москве считалась достаточной для легитимизации его власти на территории всей империи в целом.

10 (22) мая 1856 г. Александр II прибыл в Варшаву. Представители аристократических кругов надеялись получить его согласие на выдвигаемые ими «пункты», которые, по их мнению, должны были способствовать улучшению социально-политической ситуации в Королевстве Польском: амнистию «выходцам»-эмигрантам, возвращение сосланных в Сибирь поляков, участие помещиков в местном управлении и восстановление Варшавского университета. Однако надежды поляков были охлаждены речью императора, произнесенной им перед представителями дворянства и духовенства, и ставшей по существу программным политическим заявлением. «Я должен сказать вам, — довел до присутствующих свое мнение Александр II, — что наши отношения друг к другу должны уясниться как можно лучше». Далее он отчеканил знаменитую фразу, вызвавшую глубокое разочарование в польском обществе и определившую политический вектор русско-польских отношений на годы вперед: «Я желаю, чтобы порядок, установленный моим отцом, не был изменен нисколько. А потому, господа, отбросьте всякие мечтания». Последние

слова император повторил дважды. Вслед за ними последовала открытая, весьма недипломатичная по форме, угроза: «Я сумею остановить порывы тех, кто бы вздумал увлечься этими мечтами. Я сумею распорядиться так, что эти мечты не перейдут за черту воображения мечтателей». «Счастье Польши, – подытожил император, – заключается в полном слитии ее с народами моей Империи». С отдельной речью Александр II обратился к высокопоставленным представителям католического духовенства: «А вы, господа архипастыри, не теряйте из виду, что основанием всякой доброй нравственности есть религия. Ваша прямая обязанность – внушать постоянно полякам, что их счастье заключается единственно в полном слитии с Россией»¹⁵⁰. Таким образом, оживившимся в польском обществе надеждам на восстановление автономии был положен конец. Уже во время визита Александра II в Варшаву маркиз Александер Велёпольский подготовил проект обращения от имени польского дворянства, предназначенный для вручения императору в Лазенковском дворце. В документе никаких политических вопросов не поднималось, выражалось только желание «улучшения внутреннего устройства»: «дворянство ходатайствует о расширении средств и умножении учреждений народного воспитания». Но официально он подан не был¹⁵¹.

Спустя пять дней, адресуясь к полякам, Александр II снова повторил сказанное раньше: «Все, что отец мой сделал, хорошо сделано. Мое царствование будет продолжением его царствования». Затем он все же «подсластил пилюлю»: «Я только что подписал амнистию: я позволяю вернуться в Польшу всем эмигрантам, кто этого пожелает. Они могут быть уверены, что их оставят в покое. Гражданские права будут им возвращены, и их не потребуют ни к какому ответу перед судом». Если они будут вести себя правильно, заметил император, то через три года получают право поступить на государственную службу. «Мне приятнее, конечно, иметь возможность скорее награждать, чем наказывать. <...> Но знайте также и помните постоянно, что если бы пришлось, я сумею укротить и наказать, даже наказать строго»¹⁵², – таково было предупреждение императора.

Объявление амнистии польским эмигрантам было не просто жестом «доброй воли» по отношению к провинившимся подданным, но, скорее всего, открытой демонстрацией либерализма нового правителя России, причем рассчитанной не столько на поляков, сколько на постоянных внешнеполитических соперников империи – Англию и Францию. Этот акт мог дать двойной результат: показать великодушие императора в отношении эмиграции и одновременно ослабить, хотя бы в некоторой степени, звучание антироссийской ноты в политике недавних врагов, в первую очередь Англии и Франции, а именно в этих странах сосредоточены были наиболее многочисленные сообщества поляков-эмигрантов.

Польские эмигрантские круги восприняли амнистию без энтузиазма. В Париже от имени группы эмигрантов, разделявших философско-рели-

гиозные воззрения А. Товяньского, была выпущена брошюра, включавшая текст их обращения к российскому императору. В ней излагались причины, по которым они не могут принять амнистию. Отмечалось, что поляки, живущие на чужбине, ценят то добро, которое им даровал царь, – «возможность вдыхать воздух отчизны». Но «в теперешнем их положении» воспользоваться этим не могут. «Мы имеем дозволение от правительства, но не имеем дозволения от Бога, – заявляли они в своем обращении. – <Мы> должны исполнить волю Божию – служить Польше, чтобы вывести ее из неволи». Текст подписал Кароль Ружицкий, «бывший полковник польских войск». 12 (24) января 1857 г. поляки-эмигранты представили обращение в российское посольство в Париже. Кроме Ружицкого при этом присутствовали Владыслав Дзвонковский, Северын Гошинский и Людвик Набеляк¹⁵³.

В связи с торжественным актом коронации Александра II 26 августа 1856 г. был опубликован манифест «О всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронования его императорского величества», им объявлялась амнистия декабристам, петрашевцам, а также участникам польского восстания 1830–1831 гг. и на 3 года приостанавливались рекрутские наборы¹⁵⁴. В ст. 15 манифеста, касавшейся политических преступников, указывались меры, которые «дозволялось» принять для облегчения участи осужденных с учетом степени их виновности и поведения в годы наказания. Диапазон их был весьма широк: от небольших улучшений жизненных условий ссыльных и освобождения из-под полицейского надзора «прикосновенных» – до восстановления в правах дворянского состояния и позволения вернуться на прежнее место жительства. Разрешение охватывало и подвергшихся наказаниям жителей Царства Польского, которым также «дозволялось жить, где пожелают, в пределах нашей Империи, за исключением С.-Петербурга и Москвы». Получавшим прощение бывшим участникам восстания 1830–1831 гг. возвращались права дворянства, «только без права на прежнее имущество». При этом каждый случай подлежал отдельному рассмотрению. В тот же день, на этот раз с указанием двойной даты – 26 августа (7 сентября) 1856 г., Александр II подписал еще один манифест: «О милостях и облегчениях, всемилостивейше дарованных верноподданным его императорского величества Царства Польского»¹⁵⁵. Его содержание полностью соответствовало общеимперскому, при этом подчеркивалось, что «признается равномерно за благо распространить на подданных нашего Царства Польского <...> милости, подобные дарованным в Империи манифестом, изданным сего числа». «Повторяя при священном короновании обет, – заявлялось в «польском» манифесте, – произнесенный нами в самый час вступления нашего на прародительский престол, иметь постоянною, единою целью трудов и попечений наших утверждение и возвышение сего благоденствия («благоденствия народов». – Г.М.) в настоящем

и будущем времени, Мы не могли, с тем вместе, не обратиться и к воспоминанию о событиях недавно минувших лет. <...> В память оных Мы жалуем каждому семейству дворянства Царства Польского, в лице главы его, ту же медаль, которая ныне даруется дворянству Империи». Медаль «В память войны 1853–1856 гг.» польским дворянам полагалось носить на ленте ордена св. Владимира. Ст. 6 повторяла содержание ст. 15 общеимперского манифеста: «Подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и донныне не получившим еще прощения, но по изъявляемому ими раскаянию и безукоризненному после произнесенного над ними приговора поведению заслуживающим помилования даровать <...> одним облегчения более или менее значительные в самом месте их ссылки, другим же освобождение от одной, с правом жительства в одной из указанных им внутренних Великороссийских губерний, а некоторым и позволение жить, где пожелают, в пределах нашей Империи и Царства Польского, за исключением С.-Петербурга и Москвы». В «польской» версии манифеста подтверждалось право на возвращение принадлежности к потомственному дворянству. Также повторялось положение, что в течение трех лет в Королевстве Польском не будут проводиться рекрутские наборы, объявлялись многочисленные облегчения финансового характера (после слов «сложить со счетов следующие казенные недоимки» шел длинный перечень устанавливавшихся конкретных льгот).

Амнистией воспользовались многие ссыльные поляки, находившиеся во внутренних губерниях Российской империи. Их возвращение в Королевство Польское способствовало восстановлению патриотических кадров – как идейному, так и численному. К середине 1857 г. из Сибири, с Кавказа, из внутренних губерний империи, а также из-за границы в Королевство Польское прибыло «множество воспитанников прежних и новых революционных теорий, истинных *артистов* (курсив Берга. – Г.М.) революционного дела»¹⁵⁶. С 1856 по 1861 гг. амнистией с правом вернуться на прежнее место жительства воспользовались около 9 тыс. человек – бывших участников восстания 1830–1831 гг. и существовавших в 1830–1840-е годы конспиративных организаций¹⁵⁷. Возрождавшееся патриотическое общественное движение получило мощный организационный стимул, подкреплявшийся опытом участников прежних тайных обществ. Вернувшиеся из сибирской ссылки поляки организовали в Варшаве свой центр «сибиряков», в который вошли Агатон Гиллер, Кароль Рупрехт, Гервазый Гзовский, Генрык Краевский и др.¹⁵⁸

Либерализация политического курса в Королевстве Польском затронула, в частности, и сферу образования. В Варшаве были открыты высшие учебные заведения, в которых сразу же стали возникать кружки студенческой молодежи. В основанной в июне 1857 г. Медико-хирургической академии сложилось одно из наиболее значительных студенческих объединений (1858 г.). Оно создавалось как кружок для самообразования,

и вначале его участники выдвигали только задачи материальной и учебной взаимопомощи. Но, как отмечал С. Кеневич, это было «внешнее прикрытие», на самом деле его скрытой целью была подготовка к будущему восстанию. Кружок поддерживал контакты с находившимся в эмиграции Людвиком Мерославским. По его рекомендации студенты должны были организовать демонстрацию, чтобы выяснить, насколько сильны патриотические настроения среди населения. Руководившие кружком Ян Кужина (1835–1865) и Владыслав Ясневский решили провести панихиду «за упокой душ Юлия, Адама и Сигизмунда», то есть по Словацкому, Мицкевичу и Красиньскому – авторам пользовавшихся широкой популярностью патриотических произведений. Планы студентов стали известны варшавской полиции. Но, несмотря на принятые ею предупредительные меры, все же у собора Св. Яна в Варшаве собралось довольно много народа. Весной 1859 г. с целью поскорее избавиться от нежелательных студентов и тем самым предотвратить подобного рода попытки в будущем начальство академии внесло изменения в расписание экзаменов, перенеся их на более ранние сроки. В ответ Кужина и Ясневский организовали студенческую демонстрацию, и студенты подали прошение о сохранении прежних экзаменационных сроков. Эти события власти расценили как заговор, и в результате Кужина и Ясневский подверглись аресту и были высланы из Варшавы под надзор полиции. Вскоре оба они бежали за границу. Кужина выехал в Париж, где стал секретарем Мерославского¹⁵⁹. Студентов-«академиков» возглавил Кароль Маевский. В 1859 г. возник кружок Нарцыза Янковского (1827–1910), в состав которого входили представители городских сословий: купцы, литераторы, чиновники, ксендзы и несколько помещиков. Янковский считал необходимым привлечь к участию в предстоящем восстании ремесленников и крестьян¹⁶⁰. В ноябре 1859 г. группировки Янковского и Маевского объединились, и на конспиративной основе был создан комитет «Варшавская капитула», действия которого были направлены на подготовку восстания. В его состав кроме Янковского и Маевского вошли чиновник Болеслав Денель, литератор Станислав Кшеминьский, банковский служащий Юлиан Верещиньский. В новом объединении участвовали братья Ян, Станислав и Леон Франковские, Кароль Новаковский, Рафал Краевский, поэт Адам Асник, Станислав Годлевский и др. Их действия были направлены на скорейшее проведение восстания, поскольку они считали, что «надо воспользоваться пробуждающимся в целой Европе духом свободы». Они также связывали успех предстоящего восстания с вовлечением в патриотическое движение низших социальных слоев – ремесленников и крестьян. Членам капитулы удалось установить контакты со студентами Киевского, Краковского и других университетов. Они занимались распространением запрещенных книг и журналов патриотического содержания, пытались наладить военное обучение молодежи¹⁶¹. Варшавская

капитула поддерживала связи с демократическим крылом эмиграции, в первую очередь с Мерославским и Кужиной. Вообще, по замечанию Берга, «Мерославский, можно сказать, правил тогда всем, что только было красного на пространстве Польши 1772 года». Летом 1860 г. Янковский ездил в Париж, на обратном пути он был арестован австрийцами, которые передали его русским властям. Суд приговорил Янковского к ссылке в Сибирь. Капитула прекратила свое существование, Маевский стал действовать обособленно. Но осенью из Парижа приехал Францишек Годлевский и при поддержке братьев Франковских, а также других бывших участников комитет был восстановлен¹⁶².

8. РАЗМЕЖЕВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ СИЛ В НАЧАЛЕ 1860-х гг.

Спонтанно зарождавшиеся в начале 1860-х годов в Королевстве Польском кружки и группировки, объединявшие своих участников главным образом сходными национально-патриотическими настроениями, постепенно стали все более четко определяться и разделяться по социальным параметрам, что во многом повлияло на формирование целей и выработку предлагавшихся способов действия складывавшихся направлений. В конце марта 1861 г. у Адама Гольца впервые собрался комитет («дирекция») так называемых «белых», которых насчитывалось тогда 30–40 человек. В состав комитета вошли Кароль Маевский, Эдвард Юргенс, Леопольд Кроненберг, Александер Курц, Адам Гольц и Тадеуш Дзялтович. Позднее его состав менялся.

В итоге размежевания патриотических сил в Королевстве Польском сложились два основных течения – «красных» и «белых». По одной из трактовок красный и белый цвета имеют древнюю связь с польской историей: белый цвет означает мир и нравственность, а красный цвет – выносливость, силу и храбрость. Оба направления ставили целью восстановление независимого польского государства в границах 1772 г., но способы достижения этого были различными. Представители «красных» выступали за революционный путь – подготовку восстания и проведение его в сравнительно обозримое время (относительно конкретных сроков также существовали различные точки зрения), наиболее радикальные деятели считали необходимым привлечение к национальному движению основной массы населения – крестьянства. А сторонники второго направления придерживались линии постепенного «органического» развития, которое привело бы к вызреванию в крае экономического и культурного потенциала, необходимого для возрождения самостоятельного польского государства, в условиях, когда сложатся также благоприятные внешнеполитические обстоятельства. Примерно в то

же время возникла «партия умеренного направления», объединявшая горожан: «не то чтобы красная, но и не белая, а скорее», по определению Берга, «среднепропорциональная»¹⁶³. Ею руководил чиновник Правительственной комиссии внутренних дел Эдвард Юргенс (1824–1863). Родился он в Плоцке, отец его, выходец из Голштинии, занимался плотничьим ремеслом. В 1834–1843 гг. Юргенс учился в плоцкой гимназии. Уже в Варшаве, через Яна Майоркевича (1820–1847), талантливого литератора, с которым он был знаком еще с гимназических времен, вошел в окружение журнала «Пшеглэнд науковий», а также установил контакты с членами «Организации 1848 года». За чтение и распространение запрещенной литературы Юргенс по распоряжению заместителя оказался под надзором полиции (1848 г.). В 1848–1852 гг. он учился в Дерптском университете. Затем вернулся в Плоцк, некоторое время спустя переехал в Варшаву, где устроился на службу в Правительственную комиссию внутренних дел. Образовавшийся вокруг него кружок состоял из чиновников и интеллигентов свободных профессий, в число его друзей входила также известная писательница-«энтузиастка» Нарцыза Жмиховская. Юргенс поддерживал контакты и с представителями буржуазных кругов, с Земледельческим обществом и везде пользовался большим авторитетом. Он все более определялся как сторонник программы «органического труда», считая, что проведение в жизнь идеи «органического труда» может способствовать развитию края в экономическом и культурном отношении. Свои убеждения Юргенс стремился распространять среди патриотически настроенных поляков. Весной 1859 г. Мерославский попытался вовлечь Юргенса в тайный заговор, но это оказалось безуспешным. Находясь в Познани, Юргенс встречался с представителем эмиграции С. Эльжановским, в разговоре с которым заявил, что является противником навязывания Парижем своих планов «краю», что он не считает правильным развертывание конспиративной сети и ориентацию на подготовку к скорейшему проведению восстания. В связи с такой позицией сторонники Юргенса получили ироничное прозвище «милленеров» – на «тысячу лет» откладывавших возрождение Польши. В последующие годы Юргенс вместе с Каролом Маевским принимал участие в организации антиправительственных манифестаций. Он участвовал в составлении проекта обращения к императору (февраль 1861 г.), в котором выдвигались требования освобождения крестьян от феодальных повинностей с наделением земель, введения самоуправления, развития школьного образования, равноправия евреев. Позднее эти лозунги выдвигались сторонниками лагеря «белых». Летом 1861 г. как член Комиссии внутренних дел он согласился на публикацию в сельской местности постановления Земледельческого общества о замене барщины денежным чиншем. В конце 1861 г. Юргенсу удалось достичь желаемой цели – объединить в единый лагерь «органичников»

представителей как буржуазных, так и помещичьих кругов. В качестве члена Дирекции «белых» он ездил в Краков, где встречался с видными деятелями эмиграции А. Гуттри, Ф. Земляковским, Ю. Высоцким. Возглавляемый им кружок («партия белых») просуществовал с октября 1857 г. по сентябрь 1861 г. В декабре 1862 г. Юргенс отказался от членства в составе Дирекции и вообще отошел от лагеря «белых», которые тогда стали склоняться к «угоде» – соглашательству, сотрудничеству с российскими властями. В феврале 1863 г. он был арестован и в августе скончался в цитадели. Казалось бы, по своему социальному происхождению он должен был принадлежать скорее к лагерю «красных», но возраст, точнее, жизненный опыт, по-видимому, со временем охладил его пыл и сделал приверженцем «органического труда»¹⁶⁴.

В аристократических и близких к ним шляхетских кругах в начале 1860-х годов особой популярностью и симпатией своих сторонников пользовался граф Анджей Замойский (1800–1874), сын Станислава Костки Замойского и Зофьи Чарторыской, сестры Адама Чарторыского. Он принимал участие в восстании 1830–1831 гг., был министром внутренних дел в повстанческом правительстве, но затем, после пребывания в Австрии, вернулся в Королевство Польское и, отойдя от политических дел, занялся хозяйственной деятельностью: земледелием и промышленностью, улучшением пород скота, совершенствованием судоходства по Висле и т. д. Замойский собирал у себя в поместье агрономов, проводил с ними образовательные беседы на сельскохозяйственные темы. В 1842 г. он основал периодическое издание «Ежегодники хозяйства страны» («Roczniki gospodarstwa krajowego»). Он специально занимался перешедшим к нему «по наследству» вопросом о переводе крестьян на «чинш». Еще его дед канцлер Анджей Замойский, выступавший с проектом закона о защите крестьян, в 1760 г. начал переводить своих крестьян на оброк. Старший брат Анджея Константы Замойский, владелец обширной «ординации» (майората), перевел на «чинш» 15 тыс. крестьян. Сам Анджей Замойский также принялся за очиншевание своих крестьян и пошел дальше своих предшественников: он не ограничился заменой барщины на денежный оброк, но ввел целую систему долгосрочных аренд. Однако тогда он был решительным противником идеи наделения крестьян землей, считая, что это было бы нарушением существующего законного права на собственность¹⁶⁵.

Вторым влиятельным лицом в этой «аристократической партии», но уступавшим Анджею Замойскому в популярности, был граф Томаш Потоцкий. К этому же направлению относились графы Август и Маурыций Потоцкие, лояльно настроенные к российским властям. Вокруг А. Замойского группировались как крупные землевладельцы с княжескими и графскими титулами (Красиньские, Браницкие, Островские, Любомирские и др.), так и менее зажиточные дворяне-помещики. Они

также были приверженцами программы «органического труда». Не разделяя идеи проведения восстания с целью возрождения независимого польского государства, они стремились способствовать экономическому развитию Королевства Польского. «Органичники» считали, что наиболее рациональным будет не противиться предлагаемым властями реформам, а использовать их в интересах роста внутреннего потенциала края¹⁶⁶. В ноябре 1857 г. по инициативе А. Замойского, получившего на то позволение правительства, в Варшаве было открыто Земледельческое общество — для обсуждения и решения различных вопросов, связанных с ведением сельского хозяйства. 16 января 1858 г. состоялось первое заседание общества, и Замойский единогласно был избран его председателем. Первоначально общество занималось вопросами различных усовершенствований и введением новшеств в аграрной сфере. Оно быстро набирало популярность, и численность его постоянно возрастала. Вскоре оно стало приобретать политическую окраску. Поскольку в Королевстве не было возможности открыто обсуждать общественные вопросы, Земледельческое общество «превратилось мало-помалу в общественное мнение страны»¹⁶⁷. В эти годы в империи все активнее шла работа по подготовке крестьянской реформы. В апреле 1858 г. Александр II утвердил «программу занятий губернских дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян», которая была разослана по губерниям. В тот же день (21 апреля 1858 г.) Главный комитет по крестьянскому делу принял решение, «с высочайшего утверждения», о рассылке губернским комитетам «составленную в Статс-секретариате Царства Польского записку об отношении крестьян к помещикам в Царстве Польском»¹⁶⁸. 16 (28) декабря 1858 г. император утвердил постановление Административного совета Королевства Польского о добровольном очиншевании крестьян помещиками, без надления их землей. Деятели Земледельческого общества обратились к правительству с просьбой, чтобы им было разрешено обсуждать аграрную проблему на своих заседаниях и публиковать в печати свои взгляды и суждения по решению крестьянского вопроса. Указом от 31 октября 1859 г. на это дано было согласие, но с условием, что проекты общества не выйдут за границы очиншевания крестьян на установленных правительством началах.

Общественные настроения в Королевстве Польском в отчете III Отделения за 1859 г. характеризовались следующим образом: «В Царстве Польском в течение года все было тихо». Позитивная оценка ситуации дополнялась наблюдением: «Судя по направлению действий наших поляков, должно думать, что они более внемлют наставлениям аристократической партии насчет приготовления будущей их независимости увеличением внутреннего благосостояния и оживления национального чувства, чем возмутительным воззваниям заграничных демократов».

В этой связи упоминалось и создание в Королевстве Польском Земледельческого общества. «При строгом наблюдении начальства» за его деятельностью, утверждалось в отчете, оно не смогло приобрести политического значения, хотя нельзя ручаться, что при его создании такой цели не имелось¹⁶⁹. Эти соображения властей вскоре начали находить подтверждение.

Основная деятельность поляков в Королевстве, по мнению составителей отчета III Отделения за следующий 1860 год, была направлена «на развитие внутренних народных сил – улучшение нравственности низшего класса чрез воздержание его от пьянства, побуждение чаще посещать церкви». Эти меры носили «нравственный характер». Но социально активная часть польского общества занималась также и экономическими проблемами: «учреждением земских банков для освобождения своей промышленности от разорительного влияния на оную евреев и особенно усовершенствованием земледелия как главного в Польше источника богатства». Деятельность Земледельческого общества, которое «приняло огромные размеры», описывалась отдельно. Отмечалось, что оно поддерживало связи с аналогичными обществами в Пруссии и Галиции и что уже в начале 1860 г. «стало проявлять стремление к вредному для правительства политическому значению в Царстве, особенно в деле улучшения быта крестьян». Действительно, политическая ориентация Земледельческого общества стала проявляться все более определенно. В феврале 1860 г. в Варшаву на общее собрание Земледельческого общества съехалось около 1000 его членов, что привлекло к нему внимание всех патриотических кругов. На собрании общества был поднят крестьянский вопрос, предлагалось не ограничиваться переводом крестьян на «чинш», а передать им земельные наделы – за выкуп. Съезд принял сбалансированную резолюцию – не ухудшать положения крестьян и не ущемлять прав помещиков. А. Замойский открыто принял на себя роль «защитника народа». Стараясь расширить свою популярность, он щедро устраивал обильные угощения для приехавших в Варшаву крестьян и «бртался с городскими просторабочими». Столь внушительное сосредоточение патриотически настроенных сил вызывало серьезные опасения имперских властей. Возраставшее общественное и политическое значение Земледельческого общества становилось для них все более нежелательным. Следовало принять меры, чтобы Земледельческое общество не выступило в роли представительства народа и в крестьянском вопросе не пошло дальше предписаний правительства. Общество не получило разрешения ни на публикацию протоколов обсуждений, ни на оглашение принятых им решений. Указом 24 мая 1860 г. деятельность общества ограничивалась: были закрыты его провинциальные отделения, но главное собрание в Варшаве, где легче было осуществлять за ним контроль, сохранялось¹⁷⁰.

9. МАНИФЕСТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД. НАРАСТАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ ПЕРЕД ВОССТАНИЕМ 1863 г.

С начала 1860-х годов в польское общественное движение включались приобретающие все большее экономическое и политическое значение новые социальные слои, присущие развивавшемуся индустриальному обществу: крупная и мелкая буржуазия, чиновники-поляки, а также вообще численно растущее городское население, активизировалось и католическое духовенство. В значительной степени оживление общественной жизни было вызвано международной ситуацией, в частности, борьбой за независимость в Италии и Венгрии, а дополнительным стимулом в 1860 г. в Королевстве Польском послужило и собственное внутреннее чрезвычайно важное общественно-политическое обстоятельство — годовщина восстания 1830–1831 гг.¹⁷¹

Если в предшествующие десятилетия патриотическое движение в основном ограничивалось созданием кружков, литературных салонов, конспиративных организаций, охватывавших относительно небольшой круг участников, то теперь возникла и стала утверждаться новая форма проявления общественного движения — открытые массовые демонстрации (манифестации). Обычно в них активное участие принимало католическое духовенство. Панихиды по различным драматическим событиям прошлого, собиравшие много народа, перерастали в уличные демонстрации, звучали религиозные и патриотические гимны, участники шествий одевались в национальные одежды и т. д. Подобного рода манифестация состоялась еще в 1830 г., когда была проведена панихида по пяти повешенным декабристам. Началом манифестационного периода в Королевстве Польском в период перед восстанием 1863 г. послужили состоявшиеся в июне 1860 г. в Варшаве похороны Катажины Совиньской, вдовы Юзефа Совиньского, полковника бывших польских войск, погибшего в ходе восстания 1830–1831 гг. В ответ на произнесенные священником слова, что Совиньская была вдовой полковника, раздались возбужденные возгласы участников процессии: «Генерала! Генерала!» (генеральский чин был присвоен Совиньскому повстанческим правительством). Этим возгласом участвовавшие в панихиде хотели подчеркнуть свое уважение к повстанцу 1830 г.¹⁷²

В связи с годовщиной восстания 1830–1831 гг. появились печатные воззвания, призывавшие к проведению богослужения по случаю национальной памятной даты. 17 (29) ноября 1860 г. «в годовщину польской революции» на площади перед собором кармелитов прошло торжественное «набожество». «Беспорядков не было, однако ж, никаких», что было «предупреждено полицией», — с долей ведомственной гордости докладывалось в отчете императору. Но все же несколько человек, участвовавших в панихиде, были арестованы¹⁷³. Мелкие инциденты в городе

происходили непрерывно: бросали камни в окна лояльных властям поляков, рвали и обливали кислотой одежду тех, кто оставался в стороне от активных антиправительственных выступлений, и т. п.

В октябре 1860 г. в Варшаве состоялась встреча российского и австрийского императоров и прусского принца-регента. Еще раньше, когда известия о предстоящей встрече достигли Парижа, А. Чарторыйский выступил с речью, в которой высказал соображение, что это событие может вызвать в польской столице протестные манифестации. По его указанию полякам в Королевство Польское были высланы наставления, содержавшие настойчивые рекомендации не предпринимать никаких действий «до устройства судьбы крестьян, так как в настоящем положении вещей сии последние обратились бы против мятежных дворян и граждан (городских жителей. – Г.М.), но что должно стараться внушить крестьянам, будто польское дворянство испросило у царя льготы в их пользу». Таким образом, в политических установках эмиграции, в том числе и ее правого крыла, учитывались настроения основной массы населения – крестьянства – и выражалось стремление не допустить их конфронтации с дворянством, а напротив, использовать возможные облегчения в положении крестьян, объявляя, что это заслуга польского дворянства, вытребовавшего их у императора. Однако предостережения Чарторыйского не оказали должного воздействия, и манифестация против съехавшихся в Варшаву монархов состоялась¹⁷⁴.

Российские власти были обеспокоены ситуацией, складывавшейся в Королевстве Польском в результате все возрастающей активности его жителей, особенно в городах, и прежде всего в Варшаве. Отчет III Отделения за 1860 год представлял императору не общую характеристику общественных настроений в Королевстве Польском, как это практиковалось в предыдущих отчетах, а намного более детализированную картину с указанием месяцев, когда происходили те или иные события¹⁷⁵. В документе отмечалось, что особую озабоченность наместника, видевшего нарастание напряженности в Королевстве, вызывало распространение общественного движения в социальном отношении: оно охватывало все новые группы населения, ранее остававшиеся в стороне. Это расценивалось им как «действительная опасность», состоявшая «в замеченном в Галиции и Царстве сближении революционных деятелей <...> с низшим классом, ремесленниками и поселянами, коих они привязывают к себе посредством раздачи пособия, не посвящая их до времени в тайны своих предначертаний». В отчет включено было соображение, содержащее тревожный прогноз: «Будущие события покрыты мраком, но могут быть крайне горестны, если меры к восстановлению порядка в Царстве будут приняты несвоевременно или несоответственно обстоятельствам. Каждый день для сего чрезвычайно драгоценен»¹⁷⁶.

Следующий 1861 год не принес успокоения, манифестации продолжались. В связи с отменой крепостного права в России в обществен-

ном мнении Королевства Польского все более острый интерес стал вызывать крестьянский вопрос. На заседании Земледельческого общества 8 (20) февраля 1861 г. «с большою торжественностью» был принят проект графа А. Замойского, в котором предлагалось заменить существовавшую барщину денежным оброком («чиншем») и предоставить крестьянам право выкупать свои земельные наделы. По окончании заседания была организована уличная демонстрация в ознаменование «братского союза» между поместной шляхтой и крестьянами, которую возглавил сам А. Замойский. В феврале 1861 г. манифестации проходили в Варшаве одна за другой. 13 (25) февраля состоялась демонстрация в годовщину Гроховской битвы. Манифестация, состоявшаяся 15 (27) февраля 1861 г., закончилась трагически: по собравшимся демонстрантам русские войска открыли стрельбу, в результате которой были убиты 5 человек: Рутковский (помещик 23 лет), Брендель (технолог), Корчевский (помещик), Адашкевич (плотник) и Арцихевич (гимназист). Описывавший эти события очевидец замечал, что портреты жертв «потом продавались в Варшаве на всех перекрестках, а могилы их женщины усыпали цветами»¹⁷⁷.

В феврале 1861 г. наместнику Горчакову был представлен адрес, подписанный 153 «почетными лицами», для передачи его императору, в котором «испрашивалось восстановление Конституции конгрессового царства». Однако Горчаков отказался принять этот адрес, и тогда решено было направить из Варшавы в Петербург делегацию.

Российское правительство, стремясь добиться установления общественного порядка в Королевстве Польском, предприняло попытку провести некоторые преобразования в либеральном направлении. Еще накануне официального опубликования императорского указа от 14 (26) марта 1861 г.¹⁷⁸ наместнику срочно по телеграфу был сообщен его текст для оглашения в Варшаве. В соответствии с этим указом в Королевстве восстанавливался упраздненный в 1841 г. Государственный совет как законодательный орган и создавались местные органы самоуправления (губернские и уездные советы). В Варшаве и других «значительнейших городах Царства Польского» организовывались городские советы. Предусматривались также изменения в сфере образования: учреждалась Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения, председателем которой был назначен маркиз (маркграф) Александер Велёпольский (1803–1877). Он был известным польским патриотом и значительную популярность приобрел еще в середине 1840-х годов, когда в связи с галицийскими событиями выступил с «Письмом польского дворянина князю Меттерниху» («Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich»). Оно было издано отдельной брошюрой в 1846 г. в Брюсселе, а в 1847 г. в Париже и стало широко известно в эмигрантских кругах. Уже тогда Велёпольский придерживался мнения, что «польскому дворянству выгоднее стать вместе с русскими во главе новой, сильной и имеющей

великую будущность славянской цивилизации, нежели тащиться за Вашею (обращено к Меттерниху. – Г.М.) цивилизациею». Он видел преимущества, вытекавшие из ориентации Польши и всего славянства на Россию: «Вследствие нашего (то есть польского. – Г.М.) содействия силы Империи получили бы громадное приращение. Она бы внутренне окрепла, освободившись от лихорадки, причиняемой ей нашими сопротивлениями. Она обогатилась бы всеми умственными и нравственными способностями нашего племени. <...> Наше общее славянство вышло бы лучше и богаче, чем каждая из привходящих народностей»¹⁷⁹. Велёпольский не был настроен антироссийски, и его политическая позиция вполне устраивала имперское правительство. Велёпольский выступал с планом реформ, которые, по его мнению, необходимо было провести в Королевстве Польском. Его проектами предусматривалось расширение автономии края, восстановление конституции 1815 г., а также осуществление реформы в сфере просвещения. Велёпольский был убежден, что Польша уже никогда не вернется к своему прошлому устройству, в частности к своим прежним границам, она сможет воссоздаться как отдельное государство только при поддержке России: «Легче это сделать под сенью русского орла и на почве общеславянского единения». Но объединение Польши с Россией, считал он, должно носить исключительно политический характер, а «национальная раздельность» будет сохранена.

Однако линия относительной либерализации, попытку которой предприняло российское правительство, оказалась весьма ограниченной. В первую очередь ужесточение мер коснулось Земледельческого общества. Опираясь на свое возрастающее влияние в общественных и политических кругах Королевства Польского, оно открыто проявляло все большую независимость в своих действиях. Земледельческое общество, представлявшее «почти полный состав дворянства», после манифестационных событий 13 (25) и 15 (27) февраля 1861 г., как охарактеризовали его действия российские власти, заняло антиправительственную позицию («выказало политическое значение, совершенно противное правительству»). 25 марта (6 апреля) 1861 г. вышло постановление Административного совета Королевства Польского о роспуске общества. Его закрытие объяснялось тем, что поскольку Земледельческое общество, «учрежденное в Царстве Польском единственно для оживления земледелия, по принятому в последнее время, вопреки своему уставу, направлению, не соответствует нынешним обстоятельствам», и потому оно упраздняется¹⁸⁰. Возможно, определенную роль в этом сыграло и соперничество между собой двух наиболее влиятельных персон на общественной арене Королевства – А. Замойского и А. Велёпольского: маркиз, имевший поддержку имперского правительства, хотел устранения конкурента. Закрытие Земледельческого общества вызвало очередной общественный подъем и послужило поводом к проведению манифестации в Варшаве,

которая, по замечанию в отчете III Отделения, подтвердила «его вредное влияние на народ»¹⁸¹. Утром 26 марта (7 апреля) из Бернардинского и Капуцинского костелов двинулись две процессии с крестом, который, как утверждали «агитаторы», был сломан еще во время трагической манифестации 15 (27) февраля 1861 г. Уличное шествие, организованное в виде похоронной процессии, проходило под несколько насмешливой фразой-лозунгом, отражавшей отношение ее участников и к действиям властей, и к деятельности Замойского: «поминки по умершему Земледельческому обществу и поднесение председателю оною графу Андрею Замойскому, столько в нем подвизавшемуся на пользу общественную, колоссального венка бессмертия». Демонстранты двинулись сначала на кладбище Повонзки к могилам пяти февральских жертв. Затем участники манифестации, число которых постоянно возрастало и достигло более 20 тысяч, переместились на центральные улицы Варшавы. На здании Кредитного общества российского орла завесили черным крепом, рядом установили польский белый и икону Ченстоховской Божьей матери, пели гимны, в том числе «Еще Польша не погибла». Представители властей и сам наместник Горчаков, прибыв непосредственно на место событий, обратились к участникам манифестации с призывом разойтись, но это не имело результата¹⁸². Ночью Административный совет подготовил постановление, первый пункт которого был следующим: «Всякие скопища или какие бы то ни было правительством не дозволенные собрания, на улицах или общественных дорогах, воспрещаются». Затем объяснялся порядок действий со стороны властей, которые будут приниматься для прекращения уличных беспорядков. На место происшествия прибудет гражданский или военный представитель властей, о чем будет извещено барабанным боем. Он обратится к собравшимся, призывая их разойтись. Те, кто останется на месте, будут арестованы и отданы под суд. После троекратного предупреждения будет «употреблена военная сила», а в случае необходимости ее применение возможно и после первого обращения. Далее в постановлении подробно указывалось, какие сроки тюремного заключения полагаются не подчинившимся приказанию разойтись после первого обращения, после второго и т. д.¹⁸³ Утром 27 марта (8 апреля) напечатанный текст постановления Административного совета был развешен по городу, его экземпляры раздавались и прямо в руки участникам манифестаций. Но уличные выступления не прекращались, в итоге произошли столкновения с жандармами и регулярными войсками. Генерал С.А. Хрулев, согласовав свои действия с наместником, приказал стрелять по демонстрантам. Было убито около двухсот человек. Улицы города заполнились правительственными войсками. Подписавший постановление Административного совета о разгоне манифестации главный директор Правительственной комиссии юстиции Я. Воловский, которому совместно с директором Правительственной комиссии внутренних дел

было поручено его исполнение, подал в отставку. Его место занял Велёпольский, сохранив за собой должность председателя Комиссии духовных дел и народного просвещения¹⁸⁴. В отчете III Отделения лишь кратко упоминалось о событиях, произошедших в апреле 1861 г. в Варшаве, что в определенной степени свидетельствовало о недостаточном понимании имперскими властями всей сложности ситуации, складывавшейся в Королевстве Польском, которая несомненно заслуживала большего внимания, более детального анализа и срочного принятия соответствующих политических мер для ее урегулирования. Назначение в Варшаву сева-стопольского героя боевого генерала Хрулева, способного на решительные действия, оправдывавшие себя в ходе войны, но неправомерные в применении их против мирного населения, вряд ли можно считать хорошо продуманным шагом.

4 (16) мая 1861 г. в целях снижения уровня общественной напряженности в Королевстве Польском император издал указ об отмене барщины, однако его объявление решено было отсрочить до осени, чтобы не вводить изменения немедленно в период интенсивных сельскохозяйственных работ. Таким образом, принятие указа не стало эффективной умиротворяющей мерой. В мае 1861 г. начались изменения в административной сфере Королевства: 17 (29) мая 1861 г. скончался долго болевший наместник М.Д. Горчаков. Последовала целая череда правителей Королевства Польского, занимавших, как правило, очень недолго этот пост. Все они были представителями российского генералитета: до 1 августа 1861 г. – генерал от артиллерии Николай Онуфриевич Сухозанет («исправляющий временно должность»), затем с августа по 9 октября того же года наместником был генерал-адъютант, генерал от кавалерии Карл Карлович Ламберт, в октябре временно исполнял эту должность снова Сухозанет, 27 октября (8 ноября) 1861 г. в Варшаву прибыл генерал от инфантерии Александр Николаевич Лидерс, занимавший этот пост немногим более полугода. И наконец с конца мая 1862 г. до 19 октября 1863 г. наместником был генерал-адъютант, генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, брат императора. Субъективные факторы, выразившиеся в частой смене наместников, весьма мешали налаживанию соответствующего обстоятельствам управления Королевством. Не все назначавшиеся были способны и готовы к исполнению нелегкой должности наместника императора, к тому же требовалось и просто время, чтобы войти в курс дела. Отзывы о деятельности и Горчакова, и Сухозанета, и Ламберта, причем исходившие от русских, находившихся в то время в Королевстве, были далеко не лестными. Так, вызванный в конце мая 1861 г. в Варшаву наместником Горчаковым для составления корреспонденций о событиях в Царстве Польском для русских и заграничных газет И.А. Арсеньев уже не застал его в живых и поступил в распоряжение Н.О. Сухозанета. О своем новом начальнике он писал: «Сухозанета многие обвиняли в том,

что он не сумел быть на высоте своего призвания и не знал [sic!] вовремя совладать с видимо подготовлявшимся восстанием. <...> Я все-таки нахожу справедливым указать на преклонные лета Сухозанета, на его болезненное состояние в то время, когда его назначили исполняющим должность наместника Царства Польского, а с этим вместе – и на то неотрадное наследство», которое оставил ему Горчаков¹⁸⁵. Первой мерой, принятой Сухозанетом по прибытии в Варшаву, было распоряжение, чтобы все встречные снимали перед ним шляпу, иронизировал в своих записках Арсеньев. По его свидетельству, наместник оказался под полным влиянием сторонников Велёпольского. Русская администрация была совершенно бессильна: обращения наместника к жителям Варшавы срывались со стен домов и на их место наклеивались революционные прокламации – так писал очевидец событий. Аналогичные оценки содержались и в воспоминаниях чиновника III Отделения по особым поручениям Н.Д. Горемыкина, который занимался реформированием полиции в Королевстве. «Слабость бывшего наместника Царства Польского князя Горчакова в управлении Привислянским краем, естественно, привела к полной распушенности края», – таково было его мнение о сложившейся ситуации. «Сухозанет, мало знакомый с краем <...>, – отмечал Горемыкин, – оказался тоже не на высоте своего призвания, и эта распушенность привела к анархии всего края». Горемыкин отрицательно отзывался и о Ламберте: «Всецело подпавший под влияние ксендзов и польской революционной интеллигенции, к тому же разболевшийся, граф Ламберт больше всего заботился о своей личности, чем о лежавшем на нем долге»¹⁸⁶. Вся эта внутренняя административная сумятица в определенной степени воздействовала на ход и характер развития отношений между поляками и российскими имперскими властями в чрезвычайно напряженный период общественного развития Королевства Польского¹⁸⁷.

Патриотическое движение в Королевстве Польском, особенно действия с отчетливо выраженными религиозными установками, находило поддержку в западных губерниях Российской империи. Исключительно многолюдными стали процессии-манifestации, посвященные предстоявшему 300-летию государственного союза Польши и Литвы, оформленному Люблинской унией 1569 г. Они начались 31 июля (11 августа) 1861 г., когда из Ковно, Белостока, Россиен и из приграничных селений манифестанты направились в ближайшие местечки Королевства Польского. Процессия, вышедшая из Ковно, насчитывавшая 6 тыс. человек, прорвавшись через сотню казаков, перешла реку и встретилась со столь же многочисленной манифестацией жителей Королевства. Возглавляли манифестации католические священники – и в западных губерниях, и в Королевстве Польском. Хотя манифестации носили характер религиозно-костельный, но служили они и национальным целям¹⁸⁸. Однако сведения, которыми располагали имперские власти относительно настроений крестьян, в отличие от других

соев Королевства Польского, были все же успокаивающими. Кроме «крестьянского сословия, <...> преданного в ожидании личных выгод Российскому правительству и не доверяющего дворянству несмотря на все его обещания и ласки, – отмечалось в отчете III Отделения за 1861 год, – прочее население Царства неприязненно России и проникнуто надеждою на скорое восстановление самобытности Польши»¹⁸⁹. В отчете сообщалось, что крестьяне «не только в юго-западных, но и в литовских губерниях хорошо расположены к правительству и устраняются от политических беспорядков». Их позиция расценивалась как результат целенаправленной правительственной политики по улучшению положения крестьянства: «<...> ныне, с освобождением помещичьих крестьян, дворянство не может, как было в 1831 году, рассчитывать на их содействие»¹⁹⁰. Но все же, по мнению Б. Лимановского, мощные общественные события оказывали на крестьян значительное влияние: «Манифестационный дух распространялся и на деревню, способствовал сближению шляхты с крестьянством, что выражалось в расширении начального образования, открывались школы и читальни», в этом процессе активно участвовали женщины¹⁹¹. 29 сентября (10 октября) 1861 г. состоялись еще две многочисленные демонстрации. Одна из них прошла в Городле, где в 1413 г. польский король Владислав II Ягелло подписал грамоту, ставшую основой будущей Люблинской унии, об уравнивании в правах литовских бояр, принявших католичество, с польской шляхтой.

В связи с усиливавшимся ростом манифестационного движения, его территориальным расширением, охватывавшим уже западные губернии России, 2 (14) октября 1861 г. в Варшаве было объявлено военное положение. Манифестации расценивались как нарушение порядка, и их участники подлежали военному суду. Жителям запрещалось «сходиться на улицах и разговаривать в числе более трех человек». Если же будут собираться в костелах, петь патриотические гимны, то по окончании службы все находившиеся там мужчины подвергнутся аресту. Однако на следующий день, вопреки запрету, начались торжества в память Тадеуша Костюшко: службы проходили в соборах Св. Яна, Св. Креста и в Бернардинском костеле. Костелы были окружены войсками, и в один из них вошли невооруженные солдаты. Арестовано было от 2 до 3 тыс. человек. В ответ духовенство распорядилось закрыть все костелы в Варшаве под предлогом защиты алтарей от осквернения. Возникшая сложная ситуация с закрытием костелов заставила наместника Ламберта пойти на уступки и согласиться отпустить арестованных и взять обязательство впредь не допускать вторжения войск в костелы. Его решение вызвало сильнейшее недовольство варшавского генерал-губернатора А.Д. Герштенцвейга, с которым оно не было согласовано. Герштенцвейг обвинил наместника в содействии полякам, назвав его изменником. В результате состоявшейся между ними «американской дуэли» жребий покончить с собой выпал генерал-губернатору. Ламберт

попытался отговорить его от самоубийства, но на следующее утро Герштенцвейг выстрелил в себя, причем дважды, получив смертельное ранение, после тяжелых мучений спустя 19 дней он умер. Ламберт немедленно подал прошение об отставке, которую вскоре и получил.

В те же дни в Варшаве было организовано еще одно внушительное шествие в связи с похоронами варшавского архиепископа-митрополита Антония Мельхиора Фиалковского, скончавшегося 5 (17) октября 1861 г. По существу, оно стало открытым проявлением протеста против действий властей. Перед катафалком несли штандарты и атрибуты монаршей власти¹⁹².

В отчете III Отделения за 1861 год в следующих словах описывалось внутривластное состояние Королевства Польского: это была «грустная картина возмутительных замыслов, враждебных манифестаций и борьбы правительства с революционными стихиями, между которыми религиозно-политические занимают главное место». Духовенство в нем обвинялось в забвении своего призвания: оно «возбуждало прочие сословия к непокорности и измене, допустив в храмах божьих пение возмутительных патриотических гимнов». Отчет констатировал, что русские власти не пользовались поддержкой общественно значимых слоев населения: «Правительство, для восстановления законного порядка, не могло полагаться ни на чиновников, ни на ксендзов, ни на дворян»¹⁹³. До начала восстания оставался год. Представители имперских властей ясно понимали, насколько сильное влияние на состояние общественных настроений в Царстве Польском оказывало католическое духовенство. Назначение в Варшаву нового архиепископа-митрополита Зыгмунта Щенсны (Феликса)¹⁹⁴ Фелиньского (1822–1895), «человека достойного и благоразумного, понимающего истинную пользу поляков», как полагали составители отчета, должно было способствовать установлению спокойствия в крае¹⁹⁵. Жизненный путь Фелиньского был не совсем обычным для католического священнослужителя. Его родители принимали участие в польском национальном движении: отец, Герард Фелиньский, волынский помещик среднего достатка, по одной из существующих версий, в начале 1830-х годов за революционную пропаганду был сослан в Сибирь, где и скончался, а мать, Эва Фелиньская, активно участвовавшая в заговоре Шимона Конарского, была отправлена в ссылку в Березов Тобольской губернии. Дядя Зыгмунта Алоизый Фелиньский, драматург, поэт, был автором популярного в манифестационные годы патриотического гимна «*Boże, coś Polskę*», начинавшегося словами «Боже, Ты Польшу опекал веками». Ставший покровителем Фелиньского помещик Бжозовский отправил его учиться в Москву на математический факультет университета, который Зыгмунт окончил в 1844 г. В 1847 г. Фелиньский поехал во Францию, где в Сорбонне и Коллеж де Франс изучал французскую литературу. В Париже он познакомился со многими поляками-эмигрантами, в том числе

с А. Мицкевичем, и особенно сблизился с Ю. Словацким. Спустя год вместе с семейством Бжозовского как наставник его детей Фелиньский снова отправился в Париж. Это был 1848 год. По дороге, в Княжестве Познанском, им встретился отряд Мерославского, и Фелиньский совершенно неожиданно покинул своих спутников и присоединился к повстанцам. В сражении с прусскими войсками под Милославом он получил ранение в голову. Поправившись, он поехал в Париж к Бжозовским. Затем в судьбе Фелиньского произошел резкий поворот. Вернувшись из Парижа, он поступил в епархиальную семинарию в Житомире. Позднее, в 1852 г., также на средства Бжозовского, поехал в Петербург учиться в Римско-католической духовной академии. Окончив ее в 1855 г., спустя несколько лет он стал ее профессором и духовным отцом. Влиятельный тогда в Петербурге маркиз Велёпольский счел Фелиньского подходящей кандидатурой на пост варшавского архиепископа. 14 (26) января 1862 г. в костеле Святого Яна состоялось посвящение Фелиньского в архиепископы-митрополиты. В феврале в своей речи в Свентоянском соборе он обратился к собравшимся с увещанием, сказав им: «Между молитвами вашими вкрались гимны, не освященные костелом, гимны, от пения которых следует уклоняться всем истинным католикам». Теперь, убеждал Фелиньский, гимны уже не нужны: «власть услышала желания ваши». Прихожане, не хотевшие слушать его проправительственные наставления, постепенно покидали костел. И когда в конце своей речи Фелиньский обратился к оставшимся, пусть те, кто с ним согласен, опустятся на колени и он благословит их своим пастырским крестом, – таких оказалось очень немного. Вскоре архиепископ на свое «слово к народу» получил ответное послание, озаглавленное «Слово от народа». В нем заявлялось: «Когда Вы говорили нам речь, в храме не было ни одного человека, кто бы разделял Ваши взгляды». В вину Фелиньскому ставилось то, что он заблуждается, если «верит царю и Велёпольскому». Таким образом, расчет правительства на то, что новый архиепископ сможет оказать существенное влияние на успокоение общественной жизни в Королевстве Польском, не оправдывался. Кроме того, приобретению Фелиньским авторитета как главы варшавской архидиоцезии не способствовал и его слишком молодой для занятия такого поста возраст¹⁹⁶.

С объявлением в Королевстве Польском военного положения манифестационный период закончился. Патриотические кружки могли действовать только нелегально¹⁹⁷. Осенью 1861 г. в Варшаве возник Городской комитет, позднее получивший название Центрального национального комитета. Он объединил и возглавил разрозненные кружки радикального направления, составившие конспиративную повстанческую организацию «красных». В состав Центрального национального комитета вошли Зыгмунт Сераковский, Зыгмунт Падлевский, Станислав Бобровский и Валерый Врублевский. В программе «красных» выдвигалась цель вос-

становления независимости Польши в границах до ее первого раздела 1772 г. и впоследствии предоставления права на самоопределение литовскому, белорусскому и украинскому населению, а также провозглашались демократические требования, в частности отмена сословных привилегий и передача крестьянам в собственность земельных наделов, которые они обрабатывали. Руководители Центрального национального комитета, так же как и деятели революционно настроенной эмиграции, опасались, что российские власти опередят их в решении вопроса о наделении крестьян землей и тем самым привлекут их на свою сторону. В вышедшем 1 июля 1862 г. первом номере журнала «Бачность» («Бдительность»), находившегося под влиянием Мерославского, была помещена программная статья, в которой заявлялось, что «Польша – прежде всего деревня, сила ее не в горожанах Варшавы, Кракова, Вильно, Львова, Познани, не в меньших еще численно землевладельцах, а в многомиллионном народе (*lud*), не имеющем ни личной свободы, ни собственности, которым пренебрегли во всех наших восстаниях, от Барской конфедерации до 1831 г. Власть нового восстания не совершит прежних ошибок». Ее первым манифестом будет «наделение землей крестьян и уравнивание их в правах»¹⁹⁸.

Одним из первоочередных вопросов, стоявших перед Центральным национальным комитетом, был вопрос о сроках проведения восстания. С приездом в Варшаву из Петербурга в начале 1862 г. Ярослава Домбровского, который вошел в ЦНК и развернул активную деятельность, вопрос о подготовке к восстанию приобрел особенную остроту. В марте 1862 г. Домбровский заявил о намерении назначить восстание на 26 июня. На этот день планировалась передислокация российских военных формирований, некоторые из них выводились из Варшавы, и тогда Домбровский терял установленную ранее связь с офицерской организацией в русской армии. Но ЦНК не поддержал требование Домбровского. Однако в любом случае его расчеты на помощь офицерской организации оказались бы тщетными, поскольку ко времени, когда предполагалось начать восстание, она уже была раскрыта царскими властями и ее участники арестованы. Подвергся аресту и сам Домбровский. Была создана специальная следственная комиссия. По результатам следствия стало известно об изданном 12 (24) июля 1862 г. Центральным национальным комитетом приказе, содержащем программу «красных». Был создан новый ЦНК, членами которого стали Марчевский, Даниловский, Маевский, Пашкевич, Гиллер, Косковский, Окенцкий. Они считали, что о подготовке национального восстания необходимо договариваться с Мерославским и согласовывать с ним планы и сроки совместных выступлений¹⁹⁹.

Летом 1862 г. в польском национальном движении появилась еще одна форма борьбы – терроризм. Было совершено несколько покушений на жизнь представителей российских властей. 15 (27) июня 1862 г. в Саксонском саду выстрелом в шею был ранен наместник А.Н. Лидерс, который по

состоянию здоровья срочно покинул свой пост. Это событие ускорило приезд в Варшаву сменившего его великого князя Константина Николаевича.

Вопрос о назначении нового наместника в Королевство Польское стоял уже довольно давно. После многих бесед и размышлений, рассмотрев не одну кандидатуру на этот пост, Александр II остановил свой выбор на великом князе Константине Николаевиче²⁰⁰. Определенную роль в этом назначении сыграл находившийся уже значительное время в Петербурге маркиз Велёпольский. Он считал, что наместником непременно должен стать представитель царствующей фамилии. Маркиз заявил императору, что его брату он готов подчиняться, но «быть под командой обыкновенного русского генерала никак не может»²⁰¹. Велёпольский неоднократно беседовал с Константином Николаевичем, колебавшимся, следует ли ему принять предложение императора. После долгих размышлений он дал свое согласие. И 27 мая (8 июня) 1862 г. Александр II издал указ о назначении великого князя Константина Николаевича наместником²⁰². В указе была четко изложена его позиция в отношении административного устройства Королевства Польского. Статья 1 гласила: «Наместнику, в качестве представителя Нашего в Царстве Польском, вверяется высшая власть по всем частям управления». Учреждались должности помощников наместника, при содействии которых он будет выполнять свои функции («через подчиненных ему начальника гражданского управления и командующего войсками Царства»). Руководство гражданскими делами было возложено на Александра Велёпольского, а военными – на генерала Эдуарда Андреевича Рамзая, который участвовал еще в подавлении восстания 1830–1831 гг. Таким образом, было учтено мнение Велёпольского, считавшего, что гражданское управление должны осуществлять поляки, а военное – русские. В указе еще раз подчеркивалось, что наместник «есть главный начальник всех властей в Царстве, а также расположенных в нем войск». Наместник назначался председателем Государственного совета и главой Административного совета Королевства Польского.

В конфиденциальной инструкции Константину Николаевичу, составленной 18 (30) июня 1862 г., Александр II сформулировал основные задачи, которые великому князю предстояло решать на новом поприще: «Главную целью твоего управления Царством Польским должно быть восстановление повсюду законного порядка и упрочение оного на основании учреждений, мною ему дарованных». Он предупреждал, что труд этот будет нелегким и отнюдь не найдет поддержки всех жителей Королевства: «Грустное убеждение, что все наши старания для блага Царства не удовлетворят никогда несбыточным стремлениям и желаниям крайней патриотической, т. е. революционной, партии, не должно нас останавливать на сем пути». Наместник должен постоянно руководствоваться мыслью, наставляя император, что служит России, «не забывая никогда, что Царство Польское в теперешних его границах должно навсегда оставить-

ся достоянием России». Заботясь об интересах Польши, великий князь обязан «никогда не забывать, что она не должна быть обузой для России, а приносить ей пользу, которую она может ей принести своим мирным развитием и передовым своим положением, служа ей связью с остальной Европой». Справедливо замечая, что «ошибки прежнего времени должны нам служить уроком для будущего», Александр II с некоторой долей оптимизма писал, что «назначение твое принято благомыслящими как залог примирения». Но в то же время, предупреждал великого князя император, «оно возбудило почти всеобщее ожидание каких-то новых льгот и уступок». «Об них и речи быть не может, а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии. Ни того, ни другого я ни под каким видом не допущу», — эти слова твердо свидетельствовали об отказе Александра II от политического курса дальнейшей либерализации в Королевстве Польском. Относительно военного положения в Королевстве император указывал, что именно благодаря введению военного положения был восстановлен нарушенный порядок и что оно «должно быть сохраняемо, во всей его строгости». Он строго внушал брату: «Не забывай, что, будучи моим наместником, ты вместе есть начальник вверенных тебе войск, и что мы им обязаны восстановлением и сохранением нашей власти в Польше». В заключительной части инструкции император обращал внимание великого князя на действия католического духовенства: «Тебе известно, сколько оно показало себя враждебным, употребляя личину религии для покровительства всем возможным политическим демонстрациям»²⁰³.

Приехав в Варшаву, Константин Николаевич писал императору, что поляки приветствовали его возгласами «Да здравствует король!». Такое приветствие демонстрирует, замечал он, что они хотят видеть «во мне не твоего наместника, а их собственного короля»²⁰⁴.

4 (16) июля 1862 г., на следующий день после прибытия великого князя Константина Николаевича в Варшаву, на него было совершено покушение. Исполнителем был 19-летний ремесленник-портной Людвик Ярошинский. Великий князь получил легкое ранение. Были также две попытки расправиться с Велёпольским, в обоих случаях действовали литографы — в первом случае на маркиза напал с пистолетом Людвик Рыль, а во втором — Ян Жонца, нанеший ему удар кинжалом, когда он ехал в коляске, однако кинжал соскользнул, и Велёпольский успел достать пистолет. Жонца бросился бежать, но был пойман. Покушавшиеся на жизнь наместника и его помощника Ярошинский, Рыль и Жонца в целях устрашения были публично повешены 21 и 26 августа 1862 г. Вообще летом 1862 г. прошла целая серия карательных мер: 26 июня в Новогеоргиевской крепости были расстреляны офицеры 6-го стрелкового батальона И.Н. Арнольд (20-ти лет) и П.М. Сливицкий (19-ти лет), которые вели пропагандистскую работу среди солдат. В обвинение им вменялось то, что они читали им

различные «заграничные газеты», «Колокол» Герцена, альманах «Полярная звезда», повесть А.С. Пушкина «Дубровский»²⁰⁵.

Новый наместник попытался наладить позитивные отношения с польскими влиятельными представителями землевладельческого дворянства и буржуазии. Отдельную аудиенцию у Константина Николаевича получил влиятельный крупный банкир Леопольд Кроненберг. Это свидетельствовало о некоторой переориентации российского правительства, направленной на поиск политической поддержки среди структурно менявшихся элитных слоев польского общества. Но в целом принципиально различные интересы той и другой стороны были главным препятствием в установлении между ними сотрудничества: основная политическая сила Королевства – польские землевладельцы – претендовали на включение в состав Польши литовских, белорусских и украинских земель, входивших в состав бывшей Речи Посполитой, а Александр II не мог согласиться с такими требованиями. В итоге указом от 20 сентября 1862 г. он восстановил упраздненный в 1848 г. Комитет западных губерний, тем самым подчеркнув, что эти земли неразрывно связаны с Россией.

Российское правительство стало заниматься и столь важным для Королевства Польского еврейским вопросом, где евреи являлись не просто отдельной этнорелигиозной группой, но сильным экономически и весьма значимым политически социальным слоем, и с этим обстоятельством необходимо было считаться. В Варшаве евреи составляли четвертую часть населения города. Указ от 24 мая (5 июня) 1862 г. о предоставлении им частичного равноправия почти совпал по времени с назначением наместником великого князя. В преамбуле указа содержались отсылки на принятые еще в 1808 г. в Герцогстве Варшавском декреты, ограничивавшие евреев в гражданских и политических правах. Эти законы не были отменены, и под их действие попадали «жители нынешнего Царства Польского». Однако, подчеркивалось в указе, «все таковые распоряжения не соответствуют ни общим основаниям действующего в нашем Царстве законодательства, ни же духу указа нашего от 24 мая (5 июня) 1861 года о выборах в уездные, городские и губернские советы, который допускает всех подданных, без различия состояния и исповедания, умеющих писать и читать по-польски, к участию в выборах в члены означенных советов». Статьей 1-й указа отменялось запрещение евреям приобретать земельное имущество, поскольку упразднена была одна из причин такого ограничения – «издельная повинность» (барщина). Введенный в свое время запрет объяснялся тем, «чтобы евреи не приобретали помещичьей власти над христианами». В указе оговаривалось условие, что в течение 10 лет со дня его опубликования приобретшие имения не имеют права исполнять обязанности войта гмины, войтом может быть только лицо христианского вероисповедания. Выдвигалось требование относительно пользования евреями своим языком, причем обосновывалось оно следу-

ющим образом: «Евреи, по распространению на них благодеяний общих законов края, должны в гражданской жизни покинуть употребление особого языка и письма». Указ отменял ограничения в правах евреев на местожительство. Предусматривалось расширение их гражданских прав и в судебных разбирательствах: «Отныне в делах уголовных не будет делано никакого различия между показаниями христиан и показаниями евреев». Облегчение положения еврейского населения не должно было ограничиваться только мерами, названными в указе. Административному совету Королевства Польского поручалось сделать соответствующие распоряжения по пересмотру постановлений, продолжающих действовать «как в отношении свободы заниматься ремеслами, торговлею и промышленностью, так и в отношении особых податей, взимаемых отдельно с этой части населения»²⁰⁶. Таким образом, имперское правительство все же продолжало политику некоторой либерализации, хотя и с определенными ограничениями.

По предложению Велёпольского были назначены новые гражданские губернаторы – поляки, которые заменили трех оставшихся российских. Другие административные назначения также проводились с учетом интересов поляков. Великий князь Константин Николаевич пытался использовать различные приемы социально-психологического воздействия на польское население, направленные на успокоение общественных настроений и сникание если не благожелательного, то терпимого отношения к властям. Так, после открытия революционного заговора среди российских офицеров в Варшаве русские войска были выведены из города и заменены другими, одетыми в мундиры, напомилавшие мундиры польского гвардейского полка до восстания 1830–1831 гг. Константин Николаевич активно учил польский язык и на открытии 1 октября 1862 г. заседания Государственного Совета выступил с речью, произнесенной по-польски. Великий князь научился танцевать мазурку, отметил Новый год по новому стилю, пригласив польскую знать в свой дворец. Но все эти в общем политкорректные и этикетные мелочи не влияли на уровень общественного напряжения, антиправительственные действия продолжались, постоянно шли аресты, Варшавская следственная комиссия была перегружена работой. Политические процессы решено было проводить открыто, но целью такого подхода ставилась не «гласность» как проявление демократических свобод, а демонстрация силы властей для устрашения населения и устранения оппозиции.

Российские власти все внимательнее наблюдали за деятельностью польской эмиграции. Особенно они были обеспокоены действиями Л. Мерославского, активно выступавшего за скорейшее проведение восстания. Отчет III Отделения за 1862 год включал сведения о прибывавших из-за границы в Королевство Польское и в западные губернии империи эмигрантов, которых преимущественно направлял Мерославский,

«с письмами и с поручением личного приготовления умов к возмущению». Имена эмиссаров становились известными из донесения агентов и сообщались наместнику и генерал-губернаторам²⁰⁷.

В отчете детально перечислялись меры российского правительства в Царстве Польском, которые были там приняты с целью снижения общественной напряженности. Проводились «коренные для пользы края преобразования в духе желаемого поляками самоуправления», в их числе указывались: учреждение Государственного совета, городских и уездных советов; «пересмотр некоторых стеснительных для католического духовенства законов, в том числе о смешанных браках и восстановлении сношений с Римом на правилах, существовавших до 1845 года»; преобразование начальных школ, учреждение Варшавской главной школы на правах университета, Технологического и Института сельского хозяйства и лесоводства, «без всякого в оных стеснения национального развития польского юношества»; очиншевание и «усобственение» (то есть наделение крестьян земельными участками, превращение их в собственников, слово подчеркнуто читавшим документ императором и на полях поставлен восклицательный знак) крестьян; установление равноправия еврейского населения; неоднократные помилования политических преступников. Однако, отмечалось в отчете, эти доброжелательные шаги российского правительства не были оценены поляками, которые продолжали свою нарушающую общественный порядок деятельность²⁰⁸.

Фрагмент отчета о варшавском Центральном национальном комитете (названном в нем «революционным ареопагом») привлек особое внимание Александра II. В документе подробно описывалась деятельность ЦНК, состоявшая в том, что он организовал «обширный заговор», участники которого были поделены на десятки, сотни, округа, подчиненные городским отделам и провинциальным комитетам, что он охватил всю территорию Царства Польского и что его уполномоченные собирали с жителей «на дело вольности и независимости Польши народную подать». В отчете с тревогой утверждалось: «Сила центрального комитета возросла до невероятных пределов и, по имеющимся сведениям, опирается на 7000 лицах ремесленного, фабричного и вообще городского простого класса, обязанных присягою по первому знаку восстать с оружием в руках против русского правительства и русских войск». Эта фраза вызвала сильное раздражение императора, и на полях он сделал резкое замечание: «Оригинально! Все это знали, и ничего не делали!» Как самые «развращенные в политическом отношении» указывались Люблинская, Радомская и Плоцкая губернии. В отчете отмечалось также, что католическое духовенство в Королевстве, с самого начала беспорядков в 1861 г. руководившее народными демонстрациями, действовало заодно с Центральным национальным комитетом. Составители отчета писали, что мелкая беспоместная шляхта занимала «сочувственную революционной власти позицию», однако помещики, «более

независимые по их положению», «исполняли требования комитета насчет наружных знаков траура и взноса денег, но вообще старались держаться от мятежного движения в стороне, преследуя свои собственные виды».

Провоцирующим моментом к общественному взрыву в Королевстве Польском послужила имевшая превентивные цели инициатива А. Велёпольского по проведению рекрутского набора. Учитывая, насколько высок накал общественного напряжения в Королевстве, Велёпольский решил использовать набор в армию как средство изоляции революционно настроенной молодежи, тем самым устранив ее из общественной жизни. После Крымской войны и заключения Парижского мира в Королевстве Польском рекрутских наборов не проводилось, но в июне 1862 г. вышло распоряжение, что такой набор пройдет в конце года. Велёпольский считал целесообразным распространить воинскую повинность исключительно на городское население. 24 сентября (6 октября) 1862 г. было опубликовано официальное постановление, по которому от набора освобождались «вследствие введения в действие закона об обязательном очиншевании и необходимости урегулирования аграрных отношений землевладельцы и крестьяне-земледельцы». Было также принято решение отказаться от жеребьевки и провести набор по заранее составленным администрацией именованным спискам. В списки было включено более 10 тыс. человек, в них вошли те, кто принимал участие в уличных манифестациях, состоял в конспиративных организациях и т. д. Однако сохранить в тайне имена подлежащих определению в армию не удалось, так как в число сторонников «красных» входили многие низшие чиновники правительственного аппарата. Подлежавшие рекрутскому набору скрывались, меняя место жительства, бежали за границу, при этом материальную поддержку им оказывал Центральный национальный комитет – из средств, собранных на закупку оружия. В ночь со 2 (14) на 3 (15) января 1863 г. в Варшаве был произведен срочный набор в солдаты – прошла внезапная облава по домам, одних захваченных отправляли в ратушу, других – в цитадель. ЦНК, считая, что остановить общественный взрыв уже невозможно, направил уездным комитетам указание начать вооруженное выступление²⁰⁹. В итоге результат действий властей, направленных на урегулирование общественной ситуации в Королевстве Польском, оказался противоположным ожидавшемуся – вместо успокоения вспыхнуло восстание.

Вывод отчета III Отделения за 1862 год по польским делам был совершенно неутешительным: «Изложенный краткий очерк внутреннего состояния Царства Польского представляет плачевную картину болезненного политического тела, которое мечется под разрушительным действием революционной отравы, не сознавая благодетельных мер, изливаемых на него щедрою рукою правительства»²¹⁰. На документе есть помета: «Государь император изволил читать». Она датирована 10 марта 1863 г.²¹¹, когда восстание в Королевстве Польском уже стремительно развивалось.

Таким образом, политика, которую проводило российское правительство в отношении Королевства Польского в 1830-х – начале 1860-х годов, менявшаяся временами с «кнута» на «пряник», а в отдельные периоды в различных сферах общественной жизни использовавшая одновременно и режим политического ужесточения, и методы либерализации, не давала желаемых для имперского центра результатов: во всех случаях происходил рост национального самосознания, усиливалась оппозиция существующему порядку, возрастало сопротивление инациональным властям. Польские политические и общественные деятели не могли отказаться от стремления восстановить бывшее польское государство, причем в территориальных границах Речи Посполитой до ее разделов конца XVIII в. Идея о прежних границах Польши была «национальной» исключительно в шляхетском понимании, по сути это были постимперские притязания, распространявшиеся не только на этнически польские земли. Как отмечают, в частности, некоторые из белорусских историков, «все польские восстания (1794 г., 1830–1831 гг., 1863–1864 гг.) преследовали в отношении белорусских и малороссийских земель захватнические цели. Это была агрессия польской шляхты, от которой Белоруссия и Малороссия были ограждены Россией. Российское государство, ликвидируя эти мятежи, обеспечивало будущее белорусскому народу. Без побед над польскими мятежниками Белоруссии бы просто не существовало, а вместо нее на карте была бы еще одна польская провинция»²¹².

Несмотря на жесткие репрессивные меры, принимавшиеся в Королевстве Польском российскими властями в отношении участников патриотических организаций на всем протяжении межповстанческого периода, польское национальное движение не прекращалось. Ведущую роль в нем играла малоимущая и деклассированная шляхта, особенно представители ее молодых, достаточно образованных категорий (мелкие чиновники, аппликанты, студенты и т. п.), понимавшие и остро чувствовавшие отсутствие национальной независимости. С течением времени одно поколение сменяло другое, сохраняя идейную, а иногда и организационную преемственность. Это были силы, способные мобилизовать поляков, преимущественно из своей среды, на участие в патриотическом движении. Преследуя цели национального освобождения, они готовы были идти на любые лишения и жертвы. Бесчисленные аресты, ссылки, вынужденные побеги за границу вели к снижению числа возможных участников патриотического движения в Королевстве Польском. Однако при этом самопожертвование патриотов играло значительную роль в идейно-нравственном отношении, серьезно влияло на умонастроения следующего молодого поколения, побуждало молодежь, вдохновлявшуюся примером предшественников, к продолжению борьбы за воссоздание польского государства. В течение всего тридцатилетнего периода национально-патриотические тенденции в общественном движении Королевства Польского поддерживались и сти-

мулировались польской политической эмиграцией и в идейном, и в организационном плане. Но ни деятели эмиграции, ни патриоты-заговорщики в Королевстве не имели ясного представления о будущем устройстве возрожденного польского государства в условиях его самостоятельного существования. Их основные усилия были направлены на единственную первоочередную цель — добиться независимости Польши, а вопрос, что делать дальше, когда эта цель будет достигнута, откладывался на неопределенную перспективу. В самом общем виде предполагались ликвидация монархии и учреждение демократического конституционного правления. Перед глазами идеологов-эмигрантов стоял западноевропейский, преимущественно французский, вариант социальных преобразований и общественного устройства. Утопические стремления патриотов установить демократические порядки в аграрной стране, при отсутствии соответствующей социальной структуры, оставались программой-лозунгом, далекой от возможности ее реализации на деле. Постепенно в патриотическое движение, тесно связанное в определенных аспектах с социальным, вовлекались ремесленники и рабочие, хотя общее число их было все же невелико. Крестьянство, за исключением организации ксендза Петра Сцегенного, участия в конспиративных обществах практически не принимало. Со временем все более активно в национальном движении стало заявлять о себе католическое духовенство.

Попытки российских властей установить позитивные контакты с польским дворянством, преимущественно с деятелями, принадлежавшими к польской аристократии (имевшими нередко политические и даже родственные связи с высшими кругами империи), сохранение социального положения которого во многом зависело от имперского центра, а также с представителями формировавшейся в Королевстве Польском буржуазии, несмотря на ее заинтересованность в экономических отношениях со всей империей, ожидаемых результатов не давали. Надежды, что эти силы смогут оказать значительное влияние на успокоение политической и общественной ситуации в Королевстве Польском, способствовать мирному сосуществованию, взаимовыгодному сотрудничеству, не оправдывались. Устойчивой доминантой общественных настроений в Королевстве Польском, передававшейся из поколения в поколение, оставалось осознание утраты национальной независимости, и в этой связи выдвижение требований воссоздания самостоятельного Польского государства, лозунгов возрождения и сохранения национальных традиций, прочно закрепившихся в национальном сознании. Делавшиеся российским правительством уступки, его так называемая «примирительная политика», осуществлявшаяся им в годы после Крымской войны, поляков не удовлетворяли, и ситуация продолжала осложняться. При этом ни одна из сторон не имела достаточно ясного понимания реального положения вещей. На характер польско-российских отношений, кроме событий

конкретного исторического момента, оказывало воздействие множество различных по продолжительности времени действия факторов: это история отношений между народами в прошлом, их оценка, отложившаяся в исторической национальной памяти, отнюдь не одинаковая у каждого из них, культурные и конфессиональные различия, разница в менталитете образованных слоев, в их социально-психологическом восприятии ситуационных явлений и т. д. В сложившихся условиях, когда взаимопонимание участников процесса оказалось невозможным, неизбежно усиливалось отчуждение, негативное восприятие друг друга, обострялась враждебность и, в конце концов, нарастала угроза открытого конфликта. Итогом всех сложно переплетавшихся политических, социальных, экономических, культурных процессов внутреннего развития Российской империи и Королевства Польского, а также взаимодействия их политических сил стало вооруженное выступление поляков, в январе 1863 г. поднявшихся на восстание против российских властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О жизни и деятельности И. Лелевеля см.: *Кеневич С.* Лелевель. М., 1970.
- ² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее: ПСЗ). Т. 9. Отделение 2. СПб., 1835. № 7383. С. 6–18.
- ³ Исследования по истории польского освободительного движения середины XIX в. насчитывают множество работ. Их краткий, но в высшей степени квалифицированный обзор написан крупнейшим отечественным специалистом по этой проблематике В.А. Дьяковым в его монографии о П. Сцегенном (см.: *Дьяков В.А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890 гг.). М.: «Наука», 1972 (далее: *Дьяков.* Сцегенный). С. 5–18).
- ⁴ Всего за первые пять лет после восстания «польская демократическая эмиграция отправила» в Польшу, Литву, Белоруссию и на Украину 124 эмиссара. – См: *Марахов Г.И.* Деятельность «Содружества польского народа» на Правобережной Украине в 1835–1839 гг. (по материалам киевского архива) // *Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX в.* М., 1968. С. 169.
- ⁵ Подробнее см.: *Djakow W.A., Nagajew A.S.* Partyzantka Zaliwskiego i jej rozwój (1832–1835). Warszawa, 1979.
- ⁶ *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях (1831–1862). М., 1873 (далее: *Берг.* Записки). С. 10 (они были переизданы в 2008 г.). Первоначально «Записки» публиковались в «Русском архиве». Издатель журнала П.И. Бартенева сопровождал публикацию примечанием: «Статья эта написана на основании не одних печатных источников, но и подлинных бумаг, сообщенных автору высшими властями, дозволившими и напечатание этой статьи. Она составляет род введения к большому труду об истории послед-

него польского мятежа и конечно обратит на себя внимание как первый в русском языке опыт рассказа о событиях, коих истинный ход так запутан, а поводы и посторонние влияния так еще мало исследованы. — П. Б.» (Русский архив, 1870. Кн. 1. Стлб. 68).

⁷ *Берг*. Записки. С. 19, 20, 21.

⁸ Там же. С. 22, 23.

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 24–26.

¹¹ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1894. Т. 4. Приложение (пагинация отдельная). С. 89–91. В начале тома помещен герб Паскевича — «князя Варшавского» и его описание.

¹² См.: *Król S. Cytadela warszawska*. Warszawa, 1969.

¹³ ПСЗ. Т. 7. № 5192. С. 109.

¹⁴ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1896. Т. 5. С. 180; *Рейнке Н.И.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881). СПб., 1902. С. 73.

¹⁵ *Берг*. Записки. С. 30.

¹⁶ *Berghauzen J.* Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim. 1833–1850. Warszawa, 1974. S. 7.

¹⁷ *Ibid.* S. 38.

¹⁸ [*Машковский К.*] Рукопись в тюрьме. Сочинение дворянина Волынской губернии Каспера Мошковского (далее: [*Машковский К.*] Рукопись в тюрьме) // Русский архив. 1909. Кн. 1. С. 484.

¹⁹ *Берг Н.В.* Записки. С. 33.

²⁰ Там же. С. 35; *Дьяков В.А.* Карательная политика царизма по отношению к католическому духовенству (1832–1855) // *Katolicyzm w Rosji i prawosławie w Polsce (XI–XX w.) / Католицизм в России и православие в Польше (XI–XX вв.)* Warszawa: Oświata «UN-O», 1997. Интернет-ресурс.

²¹ *Berghauzen J.* *Op. cit.* S. 39.

²² *Берг*. Записки. С. 35, 36, 37.

²³ Там же. С. 38; Приложение. С. 16–21.

²⁴ Там же. С. 38; Приложение. С. 19.

²⁵ Там же. С. 38; Приложение. С. 19, 20.

²⁶ [*Машковский К.*] Рукопись в тюрьме. С. 484–485.

²⁷ *Авейде О.* Показания и записки о Польском восстании 1863 года. М.; Wrocław, 1961. С. 237.

²⁸ *Berghauzen J.* *Op. cit.* S. 42.

²⁹ Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827–1869. М., 2006 (далее: Россия под надзором). С. 103, 104.

³⁰ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. По поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс, профессор С.-Петербургского университета. СПб., 1878. Т. IV, ч. 1. Трактаты с Австриею. 1815–1849. С. 450.

- 31 Там же. С. 451.
- 32 Там же. С. 449.
- 33 Там же. С. 460–462.
- 34 Там же. С. 463.
- 35 *Berghauzen J.* Op. cit. S. 48; *Кеневич С.* Указ. соч. С. 124, 125.
- 36 Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w gubernii Kijowskiej. Szymon Konarski / Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский. Warszawa, 2009 (далее: «Зеленая серия»). Конарский). С. 151, 152.
- 37 В русскоязычной историографии утвердилось название «Содружество польского народа», а в следственных документах по делу Ш. Конарского это тайное общество именовалось «Союзом польского народа».
- 38 Текст устава СПН опубликован в: Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy» / «Содружество польского народа» в Королевстве Польском. Густав Эренберг и «свентокшижцы». Włocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978 (далее: «Зеленая серия». Эренберг). С. 161–169.
- 39 Существуют различные переводы этого девиза: например, «С народом – для народа» (*Марахов Г.И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967. С. 177), «Все для народа и через народ» (*Миско М.В.* Польское восстание 1863 года. М., 1962. С. 14). «Зеленая серия». Конарский. С. 338–339.
- 40 Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Революционные связи народов России и Польши в 30–40-е гг. XIX века. М., 1962. С. 379–380.
- 41 *Берг.* Записки. С. 48.
- 42 Все перемещения Конарского подробно описаны в записке Киевской следственной комиссии от 15 октября 1838 г. – см.: «Зеленая серия». Конарский. С. 335–338.
- 43 Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Революционные кружки и организации в Белоруссии и Литве в 30-х гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 209.
- 44 Цит. по: *Марахов Г.И.* Указ. соч. С. 175.
- 45 «Зеленая серия». Конарский. С. 341, 343.
- 46 Там же. С. 159 (показания Э. Фелиньской от 12 августа 1838 г.).
- 47 *Марахов Г.И.* Указ. соч. С. 173.
- 48 Текст устава опубликован: «Зеленая серия». Конарский. С. 143–148. Перевод приводится по: *Марахов Г.И.* Указ. соч. С. 173.
- 49 О взаимоотношениях Конарского с польскими патриотами на Украине подробнее см.: *Марахов Г.И.* Указ. соч. С. 182–189.
- 50 Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 278. Д. 31. Л. 4.
- 51 *Марахов Г.И.* Указ. соч. С. 190.
- 52 *Луговцева С.А.* «Заговор Конарского» и его организатор на страницах следственного дела 1838–1839 гг. (по материалам Литовского государственного

исторического архива в г. Вильнюсе) // Электронная версия белорусского научного исторического журнала «Российские и славянские исследования», 2010, вып. 5.

54 «Зеленая серия». Конарский. С. 367.

55 Там же. С. 357, 370–371, 359–361, 363–364.

56 Там же. С. 353–356.

57 Подробнее см.: *Макарова Г.В.* Политические меры российского правительства в отношении семей участников заговора Шимона Конарского (по архивным материалам) // «Зеленая серия». Конарский. С. 51–65.

58 Россия под надзором. С. 183–184.

59 Там же. С. 185.

60 Подробнее см.: *Śliwowska W.* Dlaczego «świętokrzyżcu»? // «Зеленая серия». Эренберг. С. 72–78.

61 *Аскидов Ф.* «За вашу и нашу свободу!» Хроника борьбы за независимость [Польши] // Родина [исторический журнал]. 1994. № 12. С. 75. Свидетельством высокого происхождения Эренберга является переписка его матери Елены Раутенштраух (жены генерала Иосифа Генриха Раутенштрауха) с царем. В декабре 1835 г. указом императора генерал-лейтенанту Раутенштрауху была назначена пожизненная пенсия в размере 20 тыс. золотых ежегодно.

62 Показания Г. Эренберга см.: «Зеленая серия». Эренберг. С. 227–242.

63 *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. По неизданным источникам составил Генерального штаба генерал-лейтенант князь Щербатов. Приложения к тому пятому. 1832–1847 гг. СПб., 1896. С. 311, 313.

64 «Зеленая серия». Эренберг. С. 231.

65 Там же. С. 232, 233.

66 Там же. С. 410.

67 Там же. С. 239, 235, 236.

68 Там же. С. 213–214. Опубликован делопроизводственный перевод того времени. В комментарии к документу отмечается, что он распространялся в Виленском кружке Ф. Савича, который установил контакт с Ш. Конарским и вступил в СПН. Документ датирован условно по соседствующим с ним документам – «ранее апреля 1838 г.». Автор «Замечаний» также неизвестен, по мнению А.Ф. Смирнова, им мог быть Савич (*Смирнов А.Ф.* Революционные связи народов России и Польши... С. 376).

69 *Дьяков В.А.* Эмигрантские издания и «потаенная» литература в деятельности конспираторов Царства Польского (30–40-е годы XIX в.) // Федоровские чтения [1975]. М., 1977; *Djakow W.* Literackie zainteresowania konspiratorów polskich z lat trzydziestych i czterdziestych XIX wieku // *Polonistyka radziecka: Literaturoznawstwo.* Warszawa, 1985.

70 «Зеленая серия». Эренберг. С. 236, 237.

71 Там же. С. 207–209, 241.

- 72 Там же. С. 240.
- 73 Там же. С. 253.
- 74 Там же. С. 332–335.
- 75 Там же. С. 340.
- 76 Там же. С. 412–415.
- 77 Там же. С. 415–416.
- 78 Россия под надзором. С. 194.
- 79 «Зеленая серия». Эренберг. С. 418, 419.
- 80 Там же. С. 424–426.
- 81 *Kieniewicz S. Przedmowa* // «Зеленая серия». Эренберг. С. 3–10.
- 82 Общий обзор существовавших в этот период в Королевстве Польском тайных патриотических организаций см.: *Djakow W. Konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1839–1845* // *Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim 1840–1845*. Edward Dębowski / Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг. Эдвард Дембовский. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981 (далее: «Зеленая серия». Дембовский). С. 3–59.
- 83 *Janion M. Warszawska «Lewica romantyczna»* // «Зеленая серия». Дембовский. С. 89.
- 84 «Зеленая серия». Дембовский. С. 390. Приведенные в скобках «должности» участников общества так были обозначены в рапорте Следственной комиссии. Там же. С. 212.
- 85 Там же. С. 346–359.
- 86 *Berghauzen J.* Op. cit. S. 115–117.
- 87 *Ibid.* S. 118–120.
- 89 «Зеленая серия». Дембовский, Введение к документальному разделу. С. 169.
- 90 Цит. по: *Дьяков В.А.* Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. М., 1979. С. 163–164.
- 91 «Зеленая серия». Дембовский. С. 173.
- 92 Там же. С. 390–394.
- 93 Русская старина. 1884. Т. XLI. С. 153–154.
- 94 «Зеленая серия». Дембовский. С. 398–400.
- 95 Россия под надзором. С. 354.
- 96 Там же. С. 352–353.
- 97 *Трепавлов В.В.* «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 4.
- 98 Детальному источниковедческому описанию этого документального комплекса посвящен специальный раздел «Судебно-следственное дело П. Сцегенного как исторический источник» (см.: *Дьяков. Сцегенный*. С. 18–31).
- 99 Там же. С. 33–44.
- 100 Там же. С. 88, 72.
- 101 Там же. С. 76.
- 102 Там же. С. 79, 89.

- 103 «Зеленая серия». Дембовский. С. 561, 562, 128.
- 104 Там же. С. 498–499.
- 105 Там же. С. 574–583.
- 106 Там же. С. 763.
- 107 Дьяков. Сцегенный. С. 191, 192; *Он же*. Карательная политика царизма...
- 108 *Он же*. Сцегенный. С. 134–139; «Зеленая серия». Дембовский. С. 710–711.
- 109 ПСЗ. Т. 21. Отделение 1. СПб., 1847. № 19748. С. 269.
- 110 Там же. № 19749. С. 269.
- 111 Дневник законов / *Dziennik praw*. Warszawa, [1846]. Т. 38. S. 4–17.
- 112 Подробнее о его жизненном пути и взглядах см.: *Нарский И.С.* Мироззрение Э. Дембовского. Из истории польской философии XIX в. М., 1954.
- 113 *Minkowska A.* Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskim. Warszawa, 1923. S. 23.
- 114 *Krauschar A.* Resursa kupiecka w Warszawie. Warszawa, 1923. S. 84–85 (цит. по: «Зеленая серия». Дембовский. С. 204).
- 115 *Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku / «Весна народов» в Королевстве Польском. «Организация 1848 года».* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1994 (далее: «Зеленая серия». Организация 1848 года). С. 445–454.
- 116 Там же. С. 226.
- 117 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 4. Л. 375.
- 118 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 2. Л. 629; Д. 70. Ч. 3. Л. 322–323 об.
- 119 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 4. Л. 224.
- 120 «Зеленая серия». Организация 1848 года. С. 269–272.
- 121 Там же. С. 265.
- 122 Там же. С. 315.
- 123 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция, 1848 г. Д. 216 («О наблюдении в Царстве Польском по случаю политических переворотов в Европе»).
- 124 Цит. по: *Попруженко И.Г.* Из истории «безумного» года. Варшава, 1907. С. 62.
- 125 ПСЗ. Т. 23. Отделение 1. СПб., 1849. № 22087. С. 181–182.
- 126 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 10. Л. 131. См. также: *Макарова Г.В.* Варшавские ремесленники в 1848 году (к вопросу об общественных настроениях в Королевстве Польском в период «Весны народов») // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Вып. 8. Брянск, 2006. С. 125–133.
- 127 *Żmichowska N.* Listy. Wrocław, 1960. Т. II. S. 53–53.
- 128 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 57. Л. 386, 81–82 об.; ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция, 1848 г. Д. 28. Л. 20 об., 21 об.
- 129 «Зеленая серия». Организация 1848 года. С. 399.
- 130 РГВИА. Ф. 1873. Оп. 1. Д. 44. Ч. 4. Л. 377.
- 131 «Зеленая серия». Организация 1848 года. С. 476–479.
- 132 Там же. С. 491.
- 133 Дневник законов / *Dziennik praw*. Warszawa, 1855. Т. 49. S. 32, 34.
- 134 Дьяков В.А. Освободительное движение в России. С. 162.

- 135 *Djakow W., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.* Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855 (Królestwo Polskie). Przewodnik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990.
- 136 *Berghauzen J.* Op. cit. S. 310, 311.
- 137 *Дьяков В.А.* Карательная политика царизма...
- 138 *Berghauzen J.* Op. cit. S. 311–312.
- 139 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция, 1853 г. Д. 262. Л. 4–4об.
- 140 Россия под надзором. С. 436, 437.
- 141 ПСЗ. Т. 29. Отделение 1. СПб., 1855. № 27946. С. 192.
- 142 Россия под надзором. С. 438, 439.
- 143 *Берг.* Записки. С. 132, 135; *Борисёнок Ю.* Хозяин мятежного края: штрихи к образу фельдмаршала Паскевича // Родина. 1994. № 12.
- 144 Россия под надзором. С. 466.
- 145 Там же.
- 146 Там же. С. 467, 468.
- 147 Там же. С. 469, 470, 471.
- 148 Там же. С. 482.
- 149 Там же. С. 484, 486.
- 150 *Берг.* Записки. С. 145, 146.
- 151 *Спасович В.Д.* Жизнь и политика маркиза Велёпольского. Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882. С. 72.
- 152 *Берг.* Записки. С. 148, 149.
- 153 Powody dla których amnestja przyjeta być nie może przedstawione przez część emigracji polskiej. Paryż, 1857.
- 154 ПСЗ. Т. 31. Отделение 2. СПб., 1857. № 30877. С. 785–798.
- 155 Там же. № 30878. С. 798–802.
- 156 *Берг.* Записки. С. 149.
- 157 О.Р. Айрапетов приводит точное число – 8 693 чел. (см.: *Айрапетов О.Р.* Царство Польское в политике империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник. М., 2013. Вып. 15. С. 13).
- 158 *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej w epoce porozbiorowej. Cz. II. Warszawa, 1946. S. 312.
- 159 *Берг.* Записки. С. 157–158; *Kieniewicz S.* Kurzyna-Pelszewski Jan // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971. Т. XVI. S. 29.
- 160 *Limanowski B.* Op. cit. S. 312.
- 161 Ibid.
- 162 *Берг.* Записки. С. 159; *Limanowski B.* Op. cit. S. 312.
- 163 *Берг.* Записки. С. 160. С.Н. Драницын относит возникшее объединение к «партии белых» (см.: *Драницын С.Н.* Польское восстание 1863 года и его классовая сущность. Л., 1937).
- 164 *Kieniewicz S.* Jurgens Edward // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. Т. XI. S. 335–336.
- 165 *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 86–88.

- 166 *Берг*. Записки. С. 137, 139–140.
- 167 *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 75.
- 168 ПСЗ. Т. 36, отделение 3. СПб., 1863. С. 11–17 (№№ 33041а, 33041б). Эти документы были опубликованы только спустя пять лет после утверждения их Николаем I. (При императоре существовала особая должность статс-секретаря по делам Царства Польского, который докладывал ему о ситуации на основе сообщений, поступавших от наместника.)
- 169 Россия под надзором. С. 488–489.
- 170 Там же. С. 515, 516; *Limanowski В.* Op. cit. S. 295, 303.
- 171 Россия под надзором. С. 518.
- 172 Это и другие манифестационные события, проходившие в Варшаве и свидетельствовавшие о возрастании патриотических настроений, подробно описаны Н.В. Бергом. – См.: *Берг*. Записки. С. 167–211.
- 173 Там же. С. 175.
- 174 Россия под надзором. С. 508.
- 175 Там же. С. 517, 518.
- 176 Там же. С. 517.
- 177 *Берг*. Записки. С. 198; *Арсеньев И.А.* Варшава в 1861 году (из памятной книжки) // Исторический вестник. 1886. Т. 26. С. 526.
- 178 Дневник законов / *Dziennik Praw*. Warszawa, [1861]. Т. 57. С. 332–340.
- 179 Цит. по: *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 43–45.
- 180 Дневник законов / *Dziennik Praw*. Т. 57. С. 342.
- 181 Россия под надзором. С. 541, 542.
- 182 *Берг*. Записки. С. 281, 282, 289.
- 183 Дневник законов / *Dziennik Praw*. Т. 57. С. 346–350.
- 184 *Берг*. Записки. С. 301–302.
- 185 *Арсеньев И.А.* Варшава в 1861 году... С. 513–536.
- 186 *Горемыкин Н.Д.* Варшава в 1861 году // Исторический вестник. 1899. Т. 75. С. 440–456.
- 187 *Берг*. Записки. С. 307; *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 236.
- 188 *Limanowski В.* Op. cit. S. 307.
- 189 Россия под надзором. С. 542, 543.
- 190 Там же. С. 544, 545, 546, 547.
- 191 *Limanowski В.* Op. cit. S. 308.
- 192 *Берг*. Записки. С. 352–366.
- 193 Россия под надзором. С. 541, 542.
- 194 При рождении Фелиньскому дали два имени – Зыгмунт и Феликс; первое – «родовое», а второе в честь святого в соответствии с его днем рождения. В семье его звали по второму имени – Филя или Щенсный («Felix» в переводе с латыни значит «счастливый», так же как и польское «Szczęsny»). А именем Зыгмунт Фелиньский стал подписываться только после назначения его архиепископом Варшавы.
- 195 Россия под надзором. С. 544. Б. Лимановский писал, что «петербургское правительство выхлопотало, получило у папы назначение Фелиньского

- архиепископом, которого патриоты уважали в память его матери» Эвы Фелиньской, организатора женского общества в движении эмиссара Шимона Конарского, а также за его участие в событиях 1846 г. (*Limanowski B.* Op. cit. S. 318).
- ¹⁹⁶ *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. Глава VIII // Русский архив. 1873. Кн. 2. Стлб. 1230–1233, 1244–1260. Эта глава в отдельное издание книги Берга 1873 г. включена не была, так же как и в издание 2008 г.
- ¹⁹⁷ *Limanowski B.* Op. cit. S. 307.
- ¹⁹⁸ Ibid. S. 319, 320.
- ¹⁹⁹ Ibid. S. 314, 316, 322, 323.
- ²⁰⁰ О назначении на пост наместника великого князя Константина Николаевича и событиях кануна восстания в Королевстве Польском подробнее см.: *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008. С. 59–187.
- ²⁰¹ Русский архив. 1873. Кн. 2. Стлб. 1281.
- ²⁰² Дневник законов / *Dziennik Praw.* Warszawa, 1862. Т. 60. С. 6, 8.
- ²⁰³ Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем за время пребывания его в должности наместника Царства Польского в 1862–1863 гг., подготовлено А.А. Сиверсом // Дела и дни. СПб., 1920. Кн. 1. С. 122–123.
- ²⁰⁴ Красный архив. 1925. Т. 3. С. 229; Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 126.
- ²⁰⁵ Русский архив. 1873. Кн. 2. Стлб. 1285–1286, 1292, 1297, 1298, 1312, 1317.
- ²⁰⁶ Дневник законов / *Dziennik Praw.* Т. 60. С. 18–26. См. также: *Koberdowa I.* Wielki książ Konstanty w Warszawie. 1862–1863. Warszawa, 1962. S. 98.
- ²⁰⁷ Россия под надзором. С. 578.
- ²⁰⁸ Там же. С. 578–579.
- ²⁰⁹ *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 304–308.
- ²¹⁰ Россия под надзором. С. 579–580.
- ²¹¹ Там же. С. 566.
- ²¹² *Сергеев Н.* Польские восстания XVIII, XIX вв. и исторический путь Беларуси // Интернет-ресурс: rumol.org

ГЛАВА 5

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ 1830-х – начала 1860-х гг.

1. Восстание 1830–1831 гг. и позиция великих держав

Польский вопрос играл важную роль в европейской политике XIX в. Он вновь остро встал на международной арене после начавшегося 17 (29) ноября 1830 г. восстания в Королевстве Польском. Сначала польское правительство пыталось достичь компромисса с Николаем I. В Петербург была послана делегация в составе министра финансов Ф.К. Друцкого-Любецкого и графа Я. Езерского, которая просила о соблюдении конституции и присоединении к Королевству бывших восточных территорий Речи Посполитой – западных губерний Российской империи. Но император требовал безусловного подчинения. Возможность присоединения западных губерний к Королевству он отвергал в принципе. Польское национальное правительство и его глава А.Е. Чарторыский пытались заручиться поддержкой европейских государств в конфликте с Россией. Польские агенты были посланы ко дворам ведущих европейских держав – в Париж, Лондон, Вену и Берлин, однако представители внешнеполитических ведомств и члены правительств принимали их лишь в неофициальной обстановке. Польская дипломатия оправдывала восстание перед Европой, ссылаясь на нарушения конституции, данной Королевству Польскому в соответствии с решениями Венского конгресса 1815 г.¹ Непосредственной целью восставших, мечтавших о возрождении польского государства в границах 1772 г., было добиться независимости Королевства Польского. Английские и французские кабинеты реагировали на эти представления довольно сдержанно. Австрия и Пруссия, участвовавшие вместе с Россией в разделах Речи Посполитой, которых польское правительство наивно рассматривало в качестве возможных посредников при решении польского вопроса, отказались вести с повстанцами какие-либо переговоры.

Получив известие о начале восстания, прусский король Фридрих Вильгельм III приказал генералу К.В. фон Грольману вступить с шеститысячным корпусом в Познань и распорядился о мобилизации четырех корпусов под общим командованием генерал-фельдмаршала графа А.В. фон Гнейзенау. Прусский кабинет отказался вести переговоры с эмиссарами Польского национального правительства К. Князевичем и Т. Мостовским. Пруссия пошла навстречу просьбам российского правительства, стремившегося изолировать Королевство Польское. По распоряжению Фридриха Вильгельма III было запрещено переводить в Польский банк в Варшаве деньги для помощи повстанцам, а желающие посетить Королевство должны были визировать свои паспорта в российской миссии в Берлине. В Россию также стали направлять перлюстрированные письма, касавшиеся событий в Польше. Пруссия не пропускала оружие, купленное на Западе для восставших, останавливала все транспорты, направлявшиеся в Польшу, задерживала курьеров, эмиссаров, дипломатов².

Между тем население германских государств, особенно в Юго-Западной Германии, питало симпатии к польскому восстанию. Это объяснялось, с одной стороны, влиянием французской революционной идеологии, с другой стороны – отрицательным отношением к Пруссии, Австрии и России, противодействовавшим проведению либеральных реформ в германских государствах, которые стало возможно осуществить только после Июльской революции во Франции. Либеральные немецкие круги не понимали в то время, что восстановление польского государства прямо противно интересам Германии, и, наоборот, считали, что ее объединение возможно лишь в случае победы восстания. Такие мысли даже разделялись представителями прусской буржуазии и интеллигенции. В ряде немецких городов возникли союзы, которые оказывали финансовую помощь полякам путем добровольных пожертвований и посылали в Польшу врачей и оборудование для госпиталей³.

Прусский кабинет хотел, чтобы восстание было как можно скорее подавлено, но, принимая во внимание общественное мнение в стране, германских государствах и странах Западной Европы, старался не афишировать свою помощь России. В апреле 1831 г. генерал И.И. Дибич просил разрешения прусского короля использовать находившийся на прусской территории Торуньский мост для переправы российских войск через Вислу. К этой просьбе присоединился Николай I, который желал также закупить в Пруссии провиант для армии. Фридрих Вильгельм III предписал государственным чиновникам оказать содействие России в закупке хлеба, но был против использования Торуньского моста и разрешил только возвести вместо него понтонную переправу, в сооружении которой помогли прусские военные инженеры⁴.

Австрия не в меньшей степени была заинтересована в том, чтобы восстание не распространилось на принадлежавшую ей Галицию, но

еще больше старалась не скомпрометировать себя, пытаясь завуалировать солидарность с Россией. Благодаря политике заигрывания с поляками, приверженцами которой были австрийский конференц-министр граф Ф.А. Коловрат и его шурин – губернатор Галиции князь А. Лобковиц, определенная часть польского населения Галиции связывала с Габсбургами свои надежды на возрождение независимого польского государства. Во время восстания такие надежды стали разделять в высших кругах Королевства Польского – в среде политиков, чиновников и магнатов, которые имели владения в Австрийской империи. Как сообщал вице-канцлеру К.В. Нессельроде российский посол при венском дворе Д.П. Татищев, князь Чарторынский старался «заручиться сочувствием и расположением Австрии, прекрасно понимая, что любая материальная помощь может поступить в Польшу лишь от венского двора и что симпатии либералов всех других стран останутся бесплодными, если Австрия не поддержит дело поляков». Австрийский канцлер князь К. Меттерних был рад российско-польской войне, поскольку она, по его мнению, ослабила бы позиции России в Европе и поставила бы крест на конституции Королевства, так как в связи с ее существованием на соседней польской территории австрийскому правительству постоянно приходилось следить за настроениями поляков в Галиции. По просьбе Татищева Меттерних приказал закрыть границу между Австрией и Королевством Польским и угрожал репрессиями полякам, выезжающим из Галиции в Королевство. Польская корреспонденция также перлюстрировалась и пересылалась в российское посольство. Венский кабинет выразил согласие на закупку в Галиции провианта для армии И.И. Дибича. Меттерних запретил продажу оружия для повстанцев, однако Лобковиц смотрел сквозь пальцы на частые переезды поляков через границу и переброску оружия⁵.

«Посольства» польского повстанческого правительства в Вену ни к чему не привели, и о ходе «переговоров» подробно сообщалось Татищеву. Стараниями российского дипломата прибывшие в начале 1831 г. в Австрию президент Польского банка граф А. Ельский и полковник А. Боянович не были допущены в Вену, но посол способствовал их встрече с доверенным лицом князя К. Меттерниха. Он узнал, что посланцы намеревались предложить польский престол Габсбургам, а также предлагали иной вариант: они говорили о готовности Королевства Польского подчиниться России, но на определенных условиях, гарантированных Австрией. От имени австрийского императора Франца I представителям повстанческих властей был дан совет безоговорочно подчиниться Николаю I. В конце августа Меттерних известил Татищева и о результате другой польской миссии – миссии А. Замойского, который прибыл в Вену с письмом от А.Е. Чарторыского. Глава польского правительства заявлял, что поляки согласятся остаться под скипетром России, если Австрия поддержит идею созыва конгресса трех держав, принимавших участие в разделах Речи Посполитой,

и гарантирует сохранение конституции Королевства Польского и выполнение постановлений Венского конгресса, касавшихся территорий, ранее входивших в состав Речи Посполитой. В ответ на это предложение канцлер повторил совет «немедленно изъявить покорность и полностью положиться на великодушие» Николая I⁶.

Однако у России возникли разногласия с Австрией в связи с тем, что некоторые польские воинские части перешли австрийскую границу. В апреле 1831 г. преследуемый генералом Ф.В. Ридигером корпус польского генерала Ю. Дверницкого вступил на территорию Галиции. Он был обезоружен и интернирован, офицеров разместили в лагере в Линце, а Дверницкого – в находившемся неподалеку горном городке Штайер. В корпусе Дверницкого находились и австрийские подданные – дезертировавшие из австрийской армии польские офицеры и представители галицийской шляхты. Население Галиции было недовольно разоружением корпуса. Князь А. Лобковиц не предпринимал никаких мер против лиц, помогавших повстанцам, опасаясь вызвать волнения в провинции. Меттерних заверил российского посла, добивавшегося отставки Лобковица, что на пост гражданского и военного губернатора Галиции будет назначен отличавшийся твердым характером эрцгерцог Фердинанд, но это назначение состоялось лишь в конце 1832 г.⁷ Когда К.В. Нессельроде вручил в Петербурге ноту австрийскому послу с требованием выдачи личного состава корпуса Дверницкого, Австрия вернула военную амуницию и снаряжение корпуса, но отказалась выдать солдат, офицеров и самого главнокомандующего, так как, согласившись на это, она нарушила бы свой нейтралитет. Российский кабинет вынужден был уступить, хотя, как считал Нессельроде, выдача бунтовщиков «произвела бы благотворное впечатление на их соотечественников и продемонстрировала бы им, что Россия и Австрия тесно связаны между собой и одинаково заинтересованы в подавлении преступных смут»⁸.

Бывшие польские повстанцы оказались и на территории Пруссии. Это были остатки разбитых соединений А. Гелгуда, Д. Хлаповского и Ф. Роланда. Они были интернированы в районе Грауденца. Прусским властям удалось их разоружить только при условии невыдачи их России. Летом 1831 г. российский дипломат барон Ф.П. Мальтиц потребовал передать России оружие, денежные средства и самих участников восстания. Последнее требование Пруссия отвергла, ссылаясь на свои обязательства перед поляками. Мальтиц полагал, что причиной отказа было опасение вызвать недовольство в либеральных кругах Пруссии и других европейских государств. Тогда он просил прусский кабинет учредить строгий надзор за польскими военными и не выпускать их из Пруссии без паспортов, выданных российским правительством или российским посольством в Берлине⁹.

Несмотря на надежды поляков на помощь Франции, правительство Луи-Филиппа очень сдержанно отнеслось к известию о восстании. Фран-

цузский консул в Варшаве Р. Дюран первоначально не хотел входить в контакт с повстанческими властями и в частных разговорах с поляками отвергал возможность какой-либо поддержки со стороны Франции, за что удостоился похвалы от министра иностранных дел О.-Ф. Себастиани. В Париже с Себастиани встречались члены польской делегации (из числа поляков, находившихся в то время во французской столице), в которую вошли Л. Ходзько, А. Сапега, М. Подчашинский, Ю. Чапский, Т. Моравский. По просьбе Ходзько, бывшего адъютанта маркиза М.-Ж. де Лафайета, командовавшего Национальной гвардией во время Французской революции, тот выступил в защиту Польши в Палате представителей 30 ноября (12 декабря) 1830 г., но Себастиани уклонился от ответа, сославшись на то, что о польском восстании не известно еще ничего определенного. Французские газеты с энтузиазмом писали о восстании, в обществе высказывались за помощь Польше. Приехавший в Париж 15 (27) декабря 1830 г. К. Волицкий способствовал созданию Польского комитета во главе с Лафайетом¹⁰.

В первой половине января 1831 г. в Палате представителей прошли дискуссии, посвященные польскому вопросу. В поддержку польского восстания среди прочих высказался А.-П. Биньон, бывший французский резидент в Княжестве Варшавском. Однако председатель Палаты К. Перье и Ф.-П. Гизо убеждали собравшихся, что правительство должно соблюдать принцип невмешательства, повторив слова Наполеона о том, что Франция не может быть Дон Кихотом революции. Министр иностранных дел Себастиани опроверг слухи о мобилизации Николаем I армии с целью интервенции против Франции. Он подчеркнул, что оказание помощи Королевству означает ведение войны не только с Россией, но и с Австрией и Пруссией. Хотя ни Себастиани, ни назначенный в Россию послом герцог К.-А. де Мортемар не скрывали от поляков иллюзорности надежд на помощь Франции, тем не менее эта вера упорно сохранялась¹¹.

В феврале 1831 г. в Париже новые посланцы польского повстанческого правительства К. Князевич и его помощник А. Платер просили о присылке оружия и высших офицеров, особенно артиллеристов. Наследник престола принц Фердинанд-Филипп Орлеанский обещал, что военным, желающим ехать в Польшу, не будут чинить преград, однако на практике дело обстояло иначе. В это время французская дипломатия испытывала большие трудности в связи с революционными выступлениями в Италии и возможностью австрийской интервенции на Апеннинском полуострове, а также в связи с обсуждением бельгийского вопроса на Лондонской конференции. Немногие официальные лица выступали в поддержку восстания. Премьер-министр Ж. Лаффит считал, что Франция должна поддержать европейские революции, но он не имел влияния на внешнюю политику. Посол в Лондоне Ш.-М. Талейран также полагал, что нужно действовать в пользу поляков, поскольку подавление восстания

чрезмерно усилит Россию. После битвы под Гроховым 13 (25) февраля 1831 г., которая едва не привела к взятию российской армией Варшавы, в Европе думали, что дни восстания сочтены. В Париже толпа совершила нападение на здание российского посольства и выбила в здании стекла. Французское правительство официально выразило свое осуждение и приняло меры для его охраны. В марте 1831 г. Себастиани поручил послу Мортемару просить Петербург о сохранении особого статуса Королевства Польского. Меттерних решительно отказался поддержать данный демарш, заявив французскому послу в Вене, что акты Венского конгресса не гарантировали внутреннего устройства Королевства. После того как 1 (13) марта французский кабинет возглавил К. Перье, прекратились даже осторожные обещания о содействии европейскому революционному движению. Себастиани объяснял французским депутатам в лице Лафайета невозможность поддержки поляков со стороны Франции тем, что Польша окружена Россией, Австрией и Пруссией и не имеет выхода к морю. Премьер-министр утверждал, что Франция бессильна помочь полякам даже дипломатическим путем, потому что Россия имеет полное право подавлять волнения в Королевстве Польском. Просьба Князевича и Платера об аудиенции у Луи-Филиппа также не была удовлетворена: исполнить ее означало признать Королевство воюющей стороной¹².

Надежды поляков на вмешательство в польский вопрос Англии также не оправдались. Английское правительство и общество мало интересовались польскими делами. Статс-секретарь по иностранным делам лорд Г. Дж. Пальмерстон не хотел ослабления России, поскольку оно повлекло бы за собой рост влияния Франции. На позицию премьер-министра Ч. Грея по польскому вопросу в значительной степени оказали влияние суждения супруги российского посла и его давней приятельницы княгини Д.Х. Ливен. Пальмерстон говорил польскому агенту в Лондоне А. Велёпольскому, что, несмотря на детронизацию Николая I, Королевство Польское по-прежнему соединено с Россией в силу Венского трактата. Новый польский агент в Лондоне, внебрачный сын Наполеона I юный А. Валевский, пытался организовать покупку оружия в Англии, кроме того, инспирировал, начиная с 27 июля (8 августа), несколько дискуссий по польскому вопросу в Палате общин. Отвечая на вопросы депутатов, Пальмерстон сказал, что английское правительство следит за ходом военных действий, но в юридическом отношении не имеет предлога для вмешательства¹³.

Себастиани и Перье не переставали внушать полякам мысль о необходимости достижения компромисса с Николаем I. И лишь в июне, в разговоре с членами польской миссии в Париже, Себастиани уже не исключил возможности предпринять какие-нибудь дипломатические действия в пользу поляков, если восстание продлится по крайней мере еще 2 месяца. Изменение позиции французского правительства было связано с предстоявшими 23 июня (5 июля) выборами во Франции. Желая за-

воевать популярность накануне собрания новой Палаты представителей, сам К. Перье поднял вопрос о дипломатическом вмешательстве в русско-польский конфликт, французские газеты всех оттенков с энтузиазмом писали о поляках. Французский кабинет хотел организовать коллективный демарш послов великих держав в Петербурге, но Англия, так же как Австрия и Пруссия, отказалась принять в нем участие. Правительству Луи-Филиппа было заявлено, что Англия начнет переговоры с Россией по польскому вопросу только в том случае, если восстанием будут охвачены все бывшие польские земли, а Россия не сможет его подавить. Тогда Себастиани поручил послу Мортемару действовать самостоятельно и предложить России посредничество Франции в «усмирении» польского восстания при условии всеобщей амнистии для его участников и сохранения политического существования Польши, которое гарантировал Венский трактат¹⁴. В Петербурге эта инициатива была принята холодно. Нессельроде заверил Мортемара, что Россия не нарушит постановлений Венского договора, но решительно отбросил возможность любого посредничества. Вице-канцлер инспирировал совместные выступления российского, австрийского и прусского послов в Париже с целью показать Франции недопустимость давления на Россию и единство трех континентальных держав. Ф. Генц, доверенное лицо Меттерниха, составил в августе 1831 г. записку, в которой доказывал, что Венский конгресс не гарантировал конституции для Польши и своим нынешним политическим устройством Королевство было обязано Александру I. Эта мысль прозвучала в выступлениях российского и австрийского послов в Париже, к ним присоединились и прусские дипломаты¹⁵.

В августе 1831 г. Луи-Филипп, открыв сессию французского парламента, произнес тронную речь, в которой обратил внимание на старания Франции добиться общего выступления европейских держав в польском вопросе, остановить кровопролитие и обеспечить сохранение национальности «героической Польше». Речь короля разочаровала поляков и депутатов от оппозиции. Л.-П. Биньон предложил французскому правительству в адресе, направленном королю, выразить уверенность том, что Польша получит независимость. Лафайет требовал от Палаты представителей принятия решения о признании суверенитета Королевства Польского де-факто и де-юре, но Палата отклонила это предложение. Речь Луи-Филиппа также вызвала негодование Петербурга. По мнению царя, она отличалась «наглостью, фальшью и глупостью». Взятие Варшавы русскими войсками спровоцировало антиправительственные манифестации в Париже, опасались нового нападения толпы на здание российского посольства, но на этот раз все обошлось благополучно, поскольку французским правительством были заранее предприняты меры предосторожности. В парламенте французскому кабинету еще некоторое время пришлось бороться с оппозицией Лафайета. Отказ от помощи полякам

министр иностранных дел Себастиани объяснял удаленностью Франции от Польши. Поддержавший его член Палаты представителей Л.-А. Тьер подчеркивал, что польское государство не сумел восстановить даже Наполеон. По распоряжению К.В. Нессельроде российский посол в Париже граф К.О. Поццо ди Борго уверил Себастиани в намерении Николая I неукоснительно соблюдать Венский трактат, однако отметил, что только царь вправе решать, в какой степени может быть сохранена конституция Королевства Польского¹⁶.

В конце сентября 1831 г. сменивший Мортемара французский посол в Петербурге барон П. де Бургоэн вручил Нессельроде копию с депеши О.-Ф. Себастиани от 12 (24) сентября 1831 г., в ней говорилось о необходимости поддержания европейского мира и сохранения «польской национальности», существование которой гарантировано всей Европой и зафиксировано в международных трактатах. На этом документе царь написал: «Вся эта депеша отличается таким нахальством, что не заслуживает никакого ответа, ибо, если б нужно было ответить, я должен был бы сказать слишком сильные вещи, которые могли бы вызвать неприятные осложнения»¹⁷. 6 (18) октября в Петербурге по случаю окончания восстания состоялись торжественный молебен и парад, на которые были приглашены все члены дипломатического корпуса. Французский посол Бургоэн объявил Нессельроде, что не может присутствовать ни на том, ни на другом мероприятии ввиду симпатий французского общества к полякам. Вице-канцлер поручил Поццо ди Борго передать французскому двору, чтобы «французское министерство предписало раз навсегда своим дипломатическим представителям в России больше уважать своим языком и поступками национальные чувства, которые не могут быть оскорбляемы без серьезных последствий»¹⁸. В Англии известие о взятии Варшавы встретили более сдержанно. Правда, оно способствовало появлению в английских газетах ряда статей, критиковавших российскую политику в польском вопросе, некоторые из них прямо обвиняли царя, что вызвало протест российского посла князя Х.А. Ливена. Английский посол в Петербурге поздравил Нессельроде со взятием польской столицы и при случае упомянул о необходимости соблюдения Венского трактата. В соответствии с инструкцией сент-джеймского кабинета от 9 (21) сентября, он и в дальнейшем возвращался к этому вопросу и просил об амнистии для повстанцев¹⁹.

2. Польский вопрос в европейской политике 1830-х – 1840-х гг.

После подавления восстания Россия вела переговоры с Австрией и Пруссией в связи с пребыванием на их территории польских корпусов. Необходимо было согласовать сумму расходов на их содержание и до-

говориться о возвращении на родину солдат и унтер-офицеров. В отношении офицеров Николай I должен был принять решение по каждому из них отдельно. Венский кабинет считал, что полякам, находившимся в Австрийской империи, нужно предоставить выбор: просить Николая I позволения вернуться на родину либо выехать дальше на Запад. 20 октября (1 ноября) 1831 г. был опубликован манифест российского императора, объявивший амнистию участникам польского восстания, кроме особых лиц. В список таких лиц попали офицеры интернированных в Австрии и Пруссии корпусов, а также крупные политические и военные деятели, например князь А. Чарторыский и главнокомандующий польскими повстанческими войсками генерал Я. Сквишинецкий. Некоторые офицеры из корпуса Дверницкого и находившегося в Пруссии гвардейского егерского полка выразили готовность подписать акт об изъявлении покорности царю. Из этих прошений Николай I удовлетворил только те, которые были составлены по форме, обязательной для интернированных лиц. Австрийское правительство полагало, что амнистия должна распространяться на всех, и пыталось добиться помилования для генерала Дверницкого. Вена отказалась выдать Сквишинецкого, который являлся уроженцем Галиции, то есть австрийским подданным, и Чарторыского, также имевшего владения в Галиции, утверждая, что он выехал в Саксонию²⁰.

Многие поляки не хотели подчиниться российскому императору и рассчитывали продолжить борьбу, сформировав новые военные силы на Западе, где они находили сочувствие и поддержку. Организованный во Франции Польский комитет во главе с М.-Ж. де Лафайетом стремился получить от правительства разрешение на формирование польского легиона. Нессельроде полагал, что в легион будут вербовать бежавших в Галицию поляков. Российский посол в Париже К.О. Поццо ди Борго утверждал, что французское министерство не согласилось на предложения Лафайета. Поляки, будучи иностранцами, не имели права создавать какие-либо военные организации и могли получить только статус эмигрантов. Премьер-министр Франции К. Перье заявил Поццо ди Борго, что французские дипломаты за границей не выдают выходцам из Польши паспортов без специальных разрешений и отправляют желающих въехать во Францию не в Париж, а в Авиньон, где они получают лишь небольшие пособия²¹.

Прусские власти, так же как и австрийские, стремились как можно скорее избавиться от находившихся на их территории польских офицеров и солдат. Офицеры, не захотевшие воспользоваться амнистией или не получившие ее, должны были выехать из страны и продолжить путь на Запад. В отношении солдат применялась иная тактика: не желавших возвращаться в Польшу обманом доставляли на границу, где их забирали российские отряды. Беспрепятственно на Запад пропускали лишь тех солдат, которые перешли на территорию Пруссии в составе частей, отказавшихся сдать после капитуляции Варшавы, и на которых общая амнистия не

распространялась. Попытки прусских властей насильно заставить поляков вернуться в пределы Российской империи встречали сопротивление последних и приводили к человеческим жертвам. Так, 15 (27) января 1832 г. в Фишау, недалеко от Эльбинга, при столкновении с прусскими войсками погибло 9 и было ранено 12 польских солдат. Тем не менее российский кабинет был недоволен «медлительностью» прусского правительства, поскольку в Пруссии все еще находились польские офицеры, кроме того, он требовал выдачи унтер-офицеров. Об этом сообщал Нессельроде в депеше от 27 февраля (10 марта) 1832 г. российскому поверенному в делах в Берлине барону Ф.П. Мальтицу. В Пруссии оставалось около 4000 нижних чинов, и в июне 1832 г. новый российский посол в Берлине А.И. Рибопьер предложил королю включить их в прусскую армию, но получил категорический отказ. Полякам же 13 (25) мая было объявлено, что если они не выедут из Пруссии, то будут употреблены на общественные работы или заключены в крепость. Позднее прусские власти побуждали польских солдат покинуть страну, угрожая тем, что выдадут их России на основании русско-прусской конвенции о дезертирах, заключенной в 1830 г.²²

1830–1850-е гг. характеризовались значительной активностью польской политической эмиграции на международной арене, что было исключительным феноменом в условиях отсутствия независимых польских политических центров. Политики, идеологи, публицисты, учащая молодежь, генералы, офицеры и простые солдаты, покинувшие Королевство Польское после поражения Ноябрьского восстания и отправившиеся на Запад в конце 1831 – начале 1832 гг., в большинстве своем воспринимали эмиграцию не столько как бегство, сколько как возможность продолжения борьбы с Россией. Теплый прием, который они встретили по дороге во Францию – в германских государствах, Бельгии и других странах, – еще более усилил это впечатление. Особенно хорошо принимали поляков на территории Юго-Западной Германии, в Саксонии. В Дрездене в разное время останавливалось много поляков, среди них бывший министр повстанческого правительства Г. Малаховский; главнокомандующие польских войск Г. Дембинский и М. Рыбинский; участники восстания – генерал Ю. Бем, С.Ф. Гарчинский, И. Домейко; известные поэты А. Мицкевич и А.Э. Одынец; К. Потоцкая. Был образован Польский комитет для помощи эмигрантам. Деятельность поляков в Саксонии вызвала многочисленные протесты со стороны российского посланника А.А. Шрёдера, и летом 1832 г. все они вынуждены были покинуть Дрезден²³. Большинство эмигрантов поселилось во Франции, остальные нашли пристанище в Англии, Бельгии, Швейцарии, Италии, германских государствах, а также на территории Османской империи и даже в США.

Главные старания по представлению интересов Польши на международной арене взял на себя князь А.Е. Чарторыйский и сформировавшаяся вокруг него партия, позже получившая название «Отеля Ламбер» от имени

дворца на острове св. Людовика в Париже, где проходили ее заседания. Чарторьский, опытный дипломат и выдающийся политический деятель, возглавлял консервативное крыло эмиграции. Его партия считала себя единственным законным представителем польского народа перед иностранными правительствами. С одной стороны, налаженные князем связи с правящими структурами западных стран усиливали его позицию и авторитет, особенно на польских землях, с другой — вызывали многочисленные и резкие протесты со стороны демократических сил эмиграции, которые, однако, не хотели сами предпринимать такого рода деятельность вследствие своих идеологических принципов и отсутствия каких-либо контактов с иностранными правительствами. В течение первых нескольких месяцев после подавления восстания деятельность Чарторьского, использовавшего созданный во время восстания дипломатический аппарат, его контакты и отношения, рассматривалась западными державами как продолжение внешней политики Польского национального правительства. Сторонники Чарторьского ставили перед собой конечную цель добиться восстановления независимости Польши в границах 1772 г. Однако они понимали, что в сложившихся условиях это невозможно, поэтому при переговорах с представителями правительственных сфер Англии и Франции лишь требовали выполнения постановлений Венского конгресса, гарантиями которых выступали европейские государства. Это вызывало резкую критику демократических деятелей польской эмиграции, которые не хотели считаться с реалиями конъюнктурной большой политики²⁴.

Первые месяцы эмиграции А.Е. Чарторьский провел в Лондоне, рассчитывая на возможность вовлечения в конфликт с Россией Великобритании, недовольной ее политикой в Центральной Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке. По мнению поляков, эта политика нарушала европейское равновесие. Английские политические деятели проявляли симпатию к Чарторьскому, принимали его в официальной и частной обстановке, выражали сочувствие польскому народу и высказывались за соблюдение конституции 1815 г. Однако английское правительство не было заинтересовано в защите прав поляков перед российским кабинетом, особенно потому, что от согласия России зависело скорейшее урегулирование актуального в это время бельгийского вопроса²⁵. Чарторьский, рассчитывая на возможность нового политического конфликта, способствовал появлению пропольских публикаций в ведущих английских газетах — «The Times» («Времена»), «The Morning Herald» («Утренний вестник») и «The Morning Chronicle» («Утренняя хроника»). 13 (25) февраля 1832 г. в Лондоне было основано Литературное общество друзей Польши, которое стало важным центром пропольской пропаганды и органом опеки над эмигрантами, особенно с июня 1834 г., когда в его распоряжение поступили значительные фонды на эту цель²⁶. Другим средством воздействия на английское правительство и общественное мнение, позднее неоднократно применявшимся

Чарторьским и его сторонниками, являлась организация пропольских выступлений известных депутатов английского парламента. По мысли Чарторьского, эти выступления должны были, в частности, подать пример французским парламентариям, речи которых могли бы также произвести некоторое впечатление на Петербург. Инспирированный поляками депутат от Шотландии, прекрасный оратор Р. Фергюссон, после предварительных совещаний с Пальмерстоном, 5 (17) апреля 1832 г. произнес в парламенте полуторачасовую речь. Он подробно рассказал о нарушении гражданских прав в Королевстве Польском, остановился и на изданном в феврале этого года Органическом статуте, подчеркнув, что, изменяя административное устройство Королевства, Россия нарушает постановления Венского конгресса. Во время дискуссии Фергюссона поддержали еще 13 депутатов разной политической ориентации. Поскольку Пальмерстон не присутствовал на заседании, от имени правительства парламенту отвечал министр финансов, объясняя, что оно не может высказывать соображения об Органическом статуте, поскольку не имеет официальной информации. Речь Фергюссона имела большое пропагандистское значение, способствовала утверждению симпатий по отношению к полякам в английском обществе и осуждению им политики царской России. Находившийся в это время в Лондоне специальный посланник Николая I граф А.Ф. Орлов был очень недоволен данным инцидентом. Фергюссон, остававшийся под сильным влиянием эмигрантов, выступал в парламенте еще дважды. 16 (28) июня 1832 г. он просил ознакомить депутатов с текстом Органического статута и с донесением по этому поводу английского посла в Петербурге, а 27 июня (9 июля) 1833 г. представлял петицию с 20000 подписей жителей «русской» Польши и призывал правительство не признавать нормальным настоящее положение вещей в Королевстве Польском²⁷.

Николай I был убежден, что английский король Вильгельм IV не мог не порицать «оскорбительных нападков», которым подвергалась в парламенте политика России в отношении Королевства Польского. Еще большее негодование царя вызывал тот факт, что английские министры, в частности, лорд Пальмерстон, не только не останавливали парламентариев, но и сами критиковали его политику. 6 (18) июля 1832 г. российскому послу в Лондоне князю Х.А. Ливену было поручено передать английскому правительству, что возводимая на Николая Павловича «клевета» может вызвать сильное негодование в России, где царь олицетворяет нацию. Следующая депеша Нессельроде Ливену от 25 января (6 февраля) 1833 г. предназначалась для прочтения Пальмерстону. В ней вице-канцлер подчеркивал, что Россия желает «поддержания порядка, уважения трактатов», и упрекал английский кабинет за его позицию в польском вопросе во время и после восстания 1830–1831 гг.²⁸

Старания Чарторьского и его помощников – его племянника В. Замойского и Ю.У. Немцевича – не принесли никаких непосредственных ре-

зультатов в области дипломатии. Пальмерстон постоянно повторял, что Великобритания не будет вмешиваться в российско-польские отношения. Лишь под влиянием турецко-египетского конфликта летом 1833 г. и заключения Ункиар-Искелесийского договора между Россией и Турцией он подверг критике российскую политику в Королевстве. Неудачи в Англии и во Франции убедили Чарторыского и его сотрудников, что их старания восстановить автономию Королевства Польского при поддержке государств-гарантов не имеют никакого шанса на успех. Они поняли, что польский вопрос может заинтересовать западные державы лишь в случае какого-нибудь принципиального столкновения интересов с Россией как средство ее ослабления. Следовательно, целью польской политики должна была стать поддержка всякого рода международных конфликтов, которые могли вызвать конфронтацию западных держав с Россией²⁹.

В отличие от лагеря Чарторыского, представители польской демократической эмиграции в первое время своей деятельности за границей рассчитывали на республиканскую революцию в Европе. В случае победы она принесла бы свободу и польскому народу, но для этого необходимо было не только участие польских эмигрантов в европейской революции, но и проведение в Польше широких социальных реформ, прежде всего освобождения крестьян от феодальной зависимости и вовлечение их в революционную борьбу. Среди многочисленных воззваний Польского национального комитета (ПНК) под руководством И. Лелевеля к представителям различных народов было и написанное в декабре 1832 г. при участии А. Мицкевича обращение «К братьям-русским», призывавшее их перестать быть инструментом политики самодержавия и тем самым обрести свободу. В связи с появлением этой прокламации российское посольство в Париже обратилось к французскому правительству с требованием распустить Комитет Лелевеля. В противном случае Поццо ди Борго угрожал выехать из Франции. Кабинет Н.-Ж. Сульта распорядился закрыть Польский национальный комитет. В правительственной газете «*Journal des débats politiques et littéraires*» («Газета политических и литературных дебатов») 19 (31) марта 1833 г. была опубликована статья, в которой оправдывалась высылка Лелевеля из Франции. В ней говорилось, что Франция не хочет и не может вести войну из-за Польши и не имеет перед ней никаких обязательств³⁰. Чтобы улучшить отношения с Россией, во Франции 28 марта (9 апреля) 1832 г. был принят закон об ограничении свободы передвижения эмигрантов (так называемый «закон Орлова»). Этот закон вызвал возмущение в эмигрантской среде. Ее демократическое крыло даже призывало поляков покинуть «негостеприимную» Францию³¹. Правительство Луи-Филиппа опасалось больших центров сосредоточения польской эмиграции, многие деятели которой были связаны с французскими тайными обществами. С мая 1833 г. и до конца осени того же года часть из них была переведена в другие департаменты, подальше от восточной границы. Таким образом,

Франция стремилась, с одной стороны, наладить отношения с державами Священного союза, с другой – сократить расходы на содержание эмигрантов и создать возможность для их адаптации³².

Большое недовольство российского кабинета вызывали и пропольские публикации в прусской либеральной печати. В депеше от 24 июня (5 июля) 1832 г. российский посол в Берлине А.И. Рибопьер жаловался на прусские либеральные газеты, которые с сочувствием писали о Польше. Он решил воздействовать на прусское общественное мнение прежде всего с помощью немецкой прессы. Рибопьер стал сотрудничать с редактором газеты «Berliner politisches Wochenblatt» («Берлинский политический еженедельник») профессором К.Э. Ярке, который согласился печатать материалы, присылаемые российским послом. Уже 7 (19) июля в этой газете появилась «корреспонденция из Варшавы», опровергавшая сообщения о жестокостях казаков в Польше³³.

Россия, Австрия и Пруссия обращали пристальное внимание на положение в Краковской республике, где весной 1831 г. к власти пришло новое демократическое правительство. В случае проникновения повстанцев из Королевства Польского в Краков в поисках убежища или с целью организации военных действий Николай I планировал совместную оккупацию республики войсками России, Австрии и Пруссии. Если бы возникли затруднения с присылкой частей, Австрия и Пруссия могли направить своих офицеров или комиссаров, чтобы вступление российских войск носило «характер меры, обговоренной с двумя другими дворами или осуществляемой с их единодушного согласия». После подавления восстания остатки разгромленной польской армии предполагали вступить в Краков и оттуда через территорию немецких государств двинуться во Францию и Бельгию. В этой связи Петербург готов был изменить план, ранее одобренный Австрией и Пруссией, и предусматривал занятие Кракова австрийскими войсками и лишь присылку российского комиссара. Но Австрия настаивала на участии в оккупации республики войск трех союзных держав. Берлин отказался от направления в Краков военных частей, взвесив все трудности и неудобства, его примеру последовал и венский кабинет. Согласно подписанному протоколу, Краков должны были занять российские войска, а Австрия и Пруссия ограничивались посылкой комиссаров. Позднее Пруссия воздержалась и от этого, поскольку присутствие военного комиссара «было бы равноценно присутствию военного отряда». Государственный секретарь Ф. Ансильон пояснил, что, по мнению прусского короля, оккупация Кракова является делом, касающимся только России. Отправка в республику прусских и австрийских комиссаров, а тем более воинских частей «была бы <...> мерой, мало соответствующей требованиям времени», «неуместной или бесполезной, а может быть, даже опасной», так как она «могла бы <...> оказать неблагоприятное воздействие на общественное мнение»: «казалось бы, что эти две державы безосновательно вмешиваются в чужое дело»³⁴.

В представлении берлинского двора вопрос об оккупации (кратковременной акции чисто военного характера с целью изгнания из города бывших польских повстанцев) должен был быть отделен от вопроса о дальнейшей судьбе Краковской республики, рассмотрение которого планировалось уже после выхода из Кракова российских войск. Австрийский канцлер К. Меттерних предлагал провести его обсуждение на особой дипломатической конференции трех дворов, призванной решить более широкий спектр актуальных проблем и «достичь совершенного согласия между тремя дворами по всем вопросам, которые могут возникнуть в связи с будущей судьбой Польши». Россия и Пруссия дали на это согласие, последняя под условием конфиденциальности секретного совещания. После вывода российских войск из Кракова 25 ноября (7 декабря) 1831 г. в Вене состоялась конференция представителей трех держав. Инициатива ее проведения исходила от Австрии. Ввиду того, что «порядок» в городе еще не восстановился, и отсутствия в нем военного гарнизона Меттерних советовал направить в Краков чрезвычайных комиссаров, дабы ускорить работу по реорганизации краковского правительства и внесению необходимых изменений в конституцию республики. Резидентам России, Австрии и Пруссии, находившимся в Кракове, вменялось в обязанность, чтобы они «следили за поддержанием порядка и спокойствия в этом государстве и совместными демаршами перед сенатом добивались принятия всех мер», соответствующих «интересам трех дворов и безопасности их пограничных владений». В случае безрезультатности этих демаршей каждая из держав должна была срочно разместить на границах республики пехотный батальон. Эти войска передавались в распоряжение резидентов, а затем конференции чрезвычайных комиссаров и должны были действовать в соответствии с их указаниями³⁵.

Поскольку в Кракове продолжали находиться польские эмигранты, российский посол в Вене Д.П. Татищев составил проект особого соглашения между Россией, Австрией и Пруссией. В нем предусматривались взаимная гарантия владений, надзор за подозрительными лицами, борьба с тайными обществами, вооруженная помощь друг другу в случае бунта (для этого предназначались вспомогательные части, которые обязаны были выступить по просьбе командующих приграничными войсками соседних государств), право преследования бунтовщиков на соседней территории, занятие Кракова войсками союзников и выдача политических преступников. Татищев доносил 27 июля (8 августа) 1832 г., что Австрия выказала «некоторое нежелание согласиться на особенное постановление относительно выдачи политических преступников, которая была бы противна практике, принятой великими державами и почти получившей силу закона в международном праве». В конце того же года Меттерних объявил российскому послу, что в связи со спокойной обстановкой в Краковской республике нет надобности в заключении конвенции. Австрийским правительством также

не было принято предлагавшееся петербургским кабинетом соглашение о «смешанных подданных», владевших имениями в России и Австрии³⁶.

Но во время свидания российского и австрийского императоров в Мюнхенгреце (Чехия) все же удалось договориться по основным пунктам. 7 (19) сентября 1833 г. между Россией и Австрией была заключена конвенция по польскому вопросу. Стороны взаимно гарантировали границы польских владений и обязывались оказывать друг другу вооруженное содействие в случае возникновения в них беспорядков. Для оказания такого содействия достаточно было обращения местной власти к соседнему правительству. Допускался проход войск одной стороны через территорию другой, было обещано выдавать друг другу государственных преступников, учреждался строгий надзор за участниками польского восстания 1830 г. и вообще подозрительными личностями. «Ни одно из лиц, оказавшихся виновным во владениях одной из договаривающихся держав в государственной измене, оскорблении Величества, восстании с оружием в руках, или же из лиц, участвовавших в заговоре против безопасности престола и законного правительства, не может находить покровительства или убежища во владениях другой державы. Обе державы обязываются, напротив, принимать самые действительные меры к тому, чтобы лицо, обвиняемое в вышеуказанных преступлениях, не могло укрыться от действия закона, или даже распорядиться его выдачею, если бы оно было потребовано правительством, которому оно принадлежит». Предусматривалась возможность занятия Кракова войсками трех либо одной из держав в случае несоблюдения его властями политики нейтралитета и возникновения ситуации, при которой создавалась угроза спокойствию сопредельных государств. «Если бы правительство вольного города на указания и жалобы, ему адресованные, не обнаружило бы готовности к подавлению сих происков <...>, или не имело бы средств к преследованию виновных, то высокие договаривающиеся державы предоставляют себе (право. – *О.К.*) приступить немедленно к военному занятию вольного города и его территории. Занятие это выполнено будет, смотря по обстоятельствам, или соединенными войсками трех держав, или же достаточным для сего отрядом одной из них, но, во всяком случае, от имени трех держав-покровительниц»³⁷.

Мюнхенгрецкая конвенция не была опубликована, за исключением статьи о выдаче политических преступников, которую обнародовали в Вене и Петербурге. В России указ об этом последовал 6 (18) февраля 1834 г. Аналогичной Мюнхенгрецкой была и Берлинская конвенция между Россией и Пруссией от 4 (16) октября 1833 г., также предполагавшая обнародование лишь статьи о выдаче политических преступников³⁸. Тогда же, 3 (15) октября 1833 г., в Берлине представители России, Австрии и Пруссии подписали конвенцию, утверждавшую право трех держав на взаимопомощь в борьбе с революционными потрясениями³⁹. Соглашение

было направлено против провозглашенного Францией принципа невмешательства в дела соседних государств, и вице-канцлеру К.В. Нессельроде стоило немалых трудов уговорить прусское правительство, которое опасалось испортить отношения с Францией, подписать его. «Дворы: Австрийский, Прусский и Российский, – говорилось в конвенции, – признают, что каждый независимый государь имеет право призывать к себе на помощь, во время смут внутренних, а также при внешней для его страны опасности, каждого другого независимого государя <...> Они также признают, что в случае подобного содействия никакая держава <...> не имеет права вмешательства или для воспрепятствования потребованному и изъявленному содействию, или же для противодействия». «В случае, если бы было потребовано материальное содействие одного из трех дворов <...>, и если бы какая держава пожелала сему воспротивиться силою оружия, то сии три двора считали бы каждое неприязненное действие, предпринятое с этой целью, как бы направленным против каждого из них. В таком случае ими приняты будут самые быстрые и самые действительные меры к отпору такого нападения»⁴⁰.

Толчком к подписанию Берлинской конвенции явилась и деятельность польской демократической эмиграции в Швейцарии в 1833 г. Готовясь принять участие в планировавшемся восстании во Франкфурте-на-Майне, около 500 эмигрантов направились туда через Швейцарию. Однако восстание не разразилось, о чем эмигранты узнали, уже находясь в Швейцарии. Мотивируя свое решение остаться там, они использовали в качестве предлога принятый во Франции закон об ограничении свободы передвижения эмигрантов. Некоторые из них старались вести в Швейцарии политическую деятельность, выступая на стороне либеральных кругов, что дало повод России, Австрии и Пруссии настаивать перед Берном на их удалении из страны. У швейцарской границы, в окрестностях, где проживали поляки, появились австрийские войска и вооруженные силы государств Южной Германии. Уступая нажиму, правительство Швейцарии добилось согласия французских властей на возвращение поляков во Францию, в результате чего в конце 1833 – начале 1834 гг. они покинули Швейцарию⁴¹.

После подписания Мюнхенгрецкой и Берлинских конвенций К.В. Нессельроде предписал российскому послу во Франции графу К.О. Поццо ди Борго вместе с послами Австрии и Пруссии требовать от французского правительства прекращения деятельности тайных польских, итальянских и немецких обществ, находившихся на территории Франции. По мнению вице-канцлера, существование обществ, имевших своей целью подорвать государственный строй трех союзных держав, противоречило дружественным и доверительным отношениям, которые они хотели бы поддерживать с Францией, а также принципам публичного права, так как «ни одно государство, какая бы ни была его форма правления, не имеет права навязывать другим государствам господствующие у него

начала или позволять образование у себя обществ, враждебных им». Французский министр иностранных дел герцог В. де Брольи встретил послов России, Австрии и Пруссии очень холодно и заявил, что каждое государство имеет право поступать в соответствии с собственными интересами⁴². Тем не менее в феврале 1834 г. правительством Луи-Филиппа были осуществлены меры по ограничению деятельности французских тайных республиканских организаций и связанного с ними Польского демократического общества (ПДО). Они нашли отражение в принятом Палатой представителей 11 (23) марта того же года законе о запрещении тайных организаций. Французские власти потребовали от секций Общества полного списка его членов, и те под угрозой высылки из Франции должны были подписать декларацию, что они не принадлежат и не будут принадлежать к польским тайным демократическим союзам. Многие поляки отказались от подписания декларации, французскому министру внутренних дел было заявлено, что Общество имеет явный и чисто национальный характер. Рассматривалась возможность перенесения его деятельности на территорию Англии или даже Америки, но эти планы были лишь мимолетными, к тому же французские власти больше не выдвигали никаких требований в отношении членов Общества⁴³. Большое беспокойство эмигрантов вызвал приезд в Париж 2 (14) июля 1834 г. бывшего министра финансов Королевства Польского князя Ф.К. Друцкого-Любецкого, который был послан Николаем I для получения от Франции займа. Деятели эмиграции опасались, что он привез предложение об амнистии, которым охотно воспользуется французское правительство в качестве предлога для удаления их из страны⁴⁴.

Поляки пытались участвовать в событиях мировой политики, особенно когда рисовалась возможность назревания конфликта между западными державами и Россией, Австрией и Пруссией, или старались хотя бы использовать обстоятельства, которые косвенным путем могли повредить одной из этих трех держав. При попытках участия в различных политических и военных конфликтах они предпринимали старания для создания добровольческих польских частей, которые в соответствии с традицией часто назывались легионами, либо пытались обеспечить польским офицерам важные, а порой руководящие посты в иностранных армиях.

Одним из направлений деятельности дипломатии Чарторыского была попытка использовать бельгийско-голландский конфликт. Вследствие дипломатического, а частично и вооруженного вмешательства Англии и Франции король Нидерландов Вильгельм I не мог восстановить свою власть над восставшей в 1830 г. Бельгией, однако упорно не хотел подписывать договор о бельгийско-голландской границе. В течение почти 10 лет поляки предусматривали возможность более серьезного конфликта между Англией и Францией, с одной стороны, и поддерживавшими нидерландского короля Россией и Пруссией, с другой. В апреле 1832 г. король Бель-

гии Леопольд I обратился через своего посла в Лондоне к князю А. Чарторьскому с просьбой предоставить 600 артиллеристов и 2000 кавалеристов для присоединения к различным частям бельгийской армии. Предложение Бельгии не было одобрено французским правительством, не желавшим по этой причине оказаться в состоянии войны с Пруссией или Россией. В течение 1832 г. на бельгийскую службу добровольно поступили 34 польских офицера, которые особенно содействовали формированию кавалерийских частей. В их числе был и племянник Чарторьского В. Замойский, вместе с другими сторонниками Чарторьского он в конце года еще раз предпринял попытку сформировать польский легион. Но решительная позиция западных держав, а также конфликты между польскими генералами не способствовали успеху данных планов⁴⁵.

В конце 1830-х гг. Бельгия вновь выступила с предложением о принятии на службу очередной группы польских офицеров. Сильный отголосок в европейской дипломатии имело назначение начальником бельгийской дивизии генерала Я. Скшинецкого, бывшего главнокомандующего польской армией во время восстания 1830–1831 гг. Сам Скшинецкий выступил с подобной инициативой в 1838 г., и Бельгия согласилась на его предложение, рассчитывая шокировать таким назначением покровителей Нидерландов Австрию и Пруссию. Теперь уже она не желала подписывать не совсем учитывавший ее интересы договор о бельгийско-голландской границе. Австрия и Пруссия протестовали против назначения Скшинецкого и разорвали с Бельгией дипломатические отношения. Замойский провел ряд бесед с членами бельгийского правительства, уговаривая их не допустить отставки польского генерала, а также обращался в связи с этим к французскому министру иностранных дел графу Л. де Моле и английскому премьер-министру лорду У. Мельбурну. По тому же вопросу Чарторьский встречался с Пальмерстоном, но все было напрасно. Бельгия уступила дипломатическому натиску и в апреле 1839 г. подписала договор с Голландией. Дипломатические отношения с Австрией и Пруссией нормализовались, а Скшинецкий, который отказался подать в отставку, до 1848 г. считался бельгийским генералом, находившимся в бессрочном отпуске⁴⁶. Николай I не простил Леопольду I привлечения поляков на бельгийскую службу и вплоть до 1853 г., пока они находились в Бельгии, Россия отказывалась установить с Брюсселем дипломатические отношения.

Поляки принимали участие в гражданских войнах в Испании и Португалии, где борьбу за власть вели конституционная и апостолическая партии. Франция и Англия поддерживали законных монархов, на стороне которых воевали и поляки, Австрия, Пруссия и Россия – представителей апостолической партии, ратовавших за возвращение старых порядков⁴⁷. Образованный в составе французского иностранного легиона IV польский батальон, после нескольких лет войны в Алжире, был направлен на

службу испанской королевы Марии-Христины, против которой выступали сторонники дона Карлоса. Поляки сражались в Испании до 1837 г., в мае этого года остатки батальона (около 120 из бывших ранее 600 человек) перешли французскую границу⁴⁸.

Летом 1832 г. посланцы португальской королевы Марии II, развернувшей борьбу с реакционными силами, во главе которых стоял захвативший престол ее дядя дон Мигель (Мигель I), завязали контакты со сторонниками Чарторыского. Сначала переговоры о формировании польского легиона в составе португальской армии вел в Лондоне В. Замойский, получивший на словах одобрение Пальмерстона, поскольку Англия поддерживала Португалию. Затем дело создания легиона взял в свои руки генерал Ю. Бем, который 7 (19) мая 1833 г. заключил в Опорто договор с португальским министром иностранных дел маркизом Н.Ж. Луле. Будущий легион должен был быть сформирован до 19 (31) июля и насчитывать 1700–3200 человек, сражаться в польских мундирах и во главе с офицерами-поляками. Бем вернулся во Францию, однако не мог собрать достаточного числа добровольцев как из-за сопротивления польских демократов, так и по причине отсутствия обещанных португальцами денег, а также дипломатической и материальной поддержки французского правительства. В связи с тем, что гражданская война в Португалии подходила к концу, португальцы 19 (31) августа 1833 г. разорвали соглашение. Польский генерал, отправившийся в Португалию, в марте 1834 г. был там арестован, поскольку слишком настойчиво требовал возвращения денег, потраченных на легион им и князем Чарторыским. Дело кончилось участием в португальской войне нескольких десятков польских кавалеристов и высылкой Бема в Гибралтар⁴⁹.

Также не имели успеха попытки привлечения поляков на службу в египетскую армию. Паша Египта Мухаммед-Али, формально являвшийся подданным турецкого султана, пользуясь поддержкой Франции, проводил независимую политику на Ближнем Востоке и даже пытался вооруженным путем захватить принадлежавшую Османской империи Сирию. В конфликт вмешался Николай I, который послал российские войска на помощь Турции. События на Ближнем Востоке возбудили большой интерес среди польских эмигрантов, особенно потому, что Египет оказался в конфронтации с Россией. По поручению Чарторыского в Александрию поехал генерал Г. Дембинский, который был радушно принят пашой и назначен генералом-инструктором. Мухаммед-Али выразил желание принять в египетскую армию 400 польских офицеров, однако дальнейший ход политических событий перечеркнул эти планы. Западные державы, обеспокоенные российским вмешательством, вынудили турецкого султана на уступки в отношении Египта. Николай I вывел из турецких владений свои войска, но перед этим заключил с Портой 26 июня (8 июля) 1833 г. Ункиар-Искелесийский договор, вызвавший недовольство Англии

и Франции. Секретная статья русско-турецкого оборонительного союза предусматривала во время ведения военных действий закрытие Дарданелл для кораблей всех стран, кроме России⁵⁰. После подписания договора российский консул в Египте потребовал высылки из страны польских офицеров. Паша уступил, однако хотел оставить Дембиньского, но тот решил вернуться в Европу вместе с товарищами⁵¹.

В 1830-е годы в своих дипломатических начинаниях А. Чарторьский делал ставку прежде всего на Великобританию, предвидя в будущем столкновение ее интересов с интересами России. Главным агентом Чарторьского в Великобритании был В. Замойский, который приезжал туда в 1832–1846 гг. 13 раз, т. е. почти ежегодно, и завязал широкие связи в английском обществе. Русско-английские отношения ненадолго улучшились, когда в Англии на смену вигам пришло к власти торийское министерство, возглавляемое герцогом А. Веллингтоном и Р. Пилем. 22 января (3 февраля) 1835 г. временный поверенный России в делах в Лондоне граф П.И. Медем доносил вице-канцлеру К.В. Нессельроде о разговоре с Веллингтоном. Герцог, доброжелательно относившийся к России, считал, что политика, проводившаяся Николаем I в Королевстве Польском после восстания, не противоречит никаким дипломатическим актам⁵².

Представители партии Чарторьского старались также развернуть активные действия на Кавказе и в Персии. В русской армии, которая вела борьбу с горскими племенами на Северном Кавказе, служили сосланные в Кавказский корпус бывшие участники восстания 1830 г., многие из них дезертировали, в том числе в Персию. Возможное вовлечение поляков в подходящий момент в события, разыгрывавшиеся на Северном Кавказе или в Закавказье, где российская политика вступала в конфликт с интересами Великобритании, могло вызвать, по мнению польских эмигрантов, серьезное обострение русско-английских отношений.

На фоне событий на Кавказе началось сотрудничество молодого и способного английского публициста и менее удачливого дипломата, секретаря английского посольства в Константинополе Д. Уркарта с В. Замойским. В результате стали выходить периодические сборники документов «Портфолио», направленные преимущественно против русского двора, их целью было доказать экспансионистский характер планов России в отношении Турции и защитить право кавказских народов на независимость. В «Портфолио» были опубликованы копии документов из дипломатической канцелярии великого князя Константина Павловича, захваченные во время польского восстания: переписка между вице-канцлером К.В. Нессельроде и российскими послами в Париже и Вене К.О. Поццо ди Борго и Д.П. Татищевым, касавшаяся враждебной России политики Австрии во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Меттерних опасался, что обнародование этих материалов может повредить русско-австрийским отношениям. 18 февраля (1 марта) 1836 г. он отправил

австрийскому послу в Петербурге пространную депешу с приложением копий 28 документов, большей частью своих же депеш 1828–1829 гг., которые должны были оправдать его тогдашние действия. Публикации в «Портфолио» не испортили отношений между Петербургом и Веной. Николай I и до публикации был в курсе интриг Меттерниха накануне и во время русско-турецкой войны, к тому же он нуждался в Австрии как в союзнике не только для благоприятного разрешения восточного вопроса, но и для борьбы с революционными волнениями в Европе, в частности с возможными выступлениями поляков⁵³.

В связи с тем, что Великобритания не признавала законной морскую блокаду, предпринятую Россией в отношении западного побережья Кавказа, Д. Уркарт и В. Замойский решились на более смелую и провокационную акцию. В результате их стараний в октябре 1836 г. из Константинополя вышел английский корабль «Виксен», с грузом пороха и военных припасов на борту он плыл на северо-восток. Как и предполагали организаторы акции, он был задержан бригам российского военного флота «Аякс» в гавани Суджук-Кале. Согласно 4-й статье Адрианопольского трактата 1829 г., все побережье Кавказа от устья Кубани до порта св. Николая принадлежало России и лишь два порта – Анапа и Редут-Кале – были открыты для международной торговли. Поскольку «Виксен» умышленно нарушил эту статью, судно вместе с грузом было конфисковано. В депешах к российскому послу в Лондоне графу К.О. Поццо ди Борго от 4 (16) января и 22 февраля (6 марта) 1837 г. К.В. Нессельроде писал, что Россия никогда не допустит, чтобы ее территориальные права, основанные на трактатах, заключенных с Турцией, были оспариваемы третьей державой, в них не участвовавшей, и «что государь император не отступит ни пред какими последствиями», которые это может вызвать. Пальмерстон же доказывал Поццо ди Борго, что Россия не имеет власти над всем кавказским побережьем и что Турция не могла уступить ей таких прав владения, которыми сама не обладала. Уркарт и Замойский рассчитывали, что английские военные суда вступят в Черное море для защиты торгового флота, а это повлекло бы дальнейшую конфронтацию между Англией и Россией. Несмотря на резкие выступления в английском парламенте и печати, Великобритания не дала втянуть себя в конфликт. В течение нескольких месяцев продолжались препирательства, но в мае 1837 г. Англия, наконец, признала законность решения русского суда о конфискации судна «Виксен». Уступчивость со стороны английского кабинета была вызвана также и изменением в 1836 г., еще до происшествия с «Виксеном», российского торгового тарифа в сторону большего благоприятствования интересам Англии⁵⁴.

В 1837 г. на Северный Кавказ прибыли в качестве эмиссаров Уркарта и Замойского Дж. Белл и Дж. Лонгворт. В переговорах с представителями кавказских горцев они обещали поддержать их борьбу против царской

армии путем создания польского легиона при условии более гуманного обращения с пленниками-поляками, однако из этого ничего не вышло. В 1841–1843 гг. А. Верещинский планировал вооруженное выступление против России в Грузии и на Северном Кавказе, но его внезапная смерть прервала реализацию данного проекта. В 1846 г. «Отель Ламбер» начал новые приготовления к кавказскому походу, но разногласия среди турецких чиновников помешали полякам и на этот раз. Агенты польской эмиграции приезжали на Кавказ постоянно: в 1844 г. — Л. Зверковский, спасшийся от российской тюрьмы благодаря помощи Шамиля, в 1846 г. — К. Гордон, который вскоре был убит. Деятельность «Отеля Ламбер» на Кавказе свидетельствовала о размахе польских военно-дипломатических предприятий и служила пропагандистским целям, подчеркивая польское присутствие в международной политике⁵⁵.

В конце 1830-х гг. напряжение в отношениях между Россией и Великобританией сохранялось. 24 марта (5 апреля) 1839 г. Поццо ди Борго советовал Нессельроде отложить поездку цесаревича Александра Николаевича в Англию, поскольку из-за антироссийских настроений в английском обществе можно было ожидать враждебных демонстраций против наследника, особенно со стороны поляков, проживавших в Лондоне. Тем не менее запланированная поездка состоялась, и в течение мая 1839 г., когда великий князь находился в Англии, британская пресса воздерживалась от всяких обвинений в адрес России⁵⁶. По случаю приезда Александра Николаевича польская эмиграция все же проявила некоторую активность. Она инициировала проведение митинга Литературным обществом друзей Польши, но тон речей был очень умерен. Кроме того, после отъезда цесаревича Общество выделило деньги художнику А. Молинару для литографии карикатур, сделанных им на Александра Николаевича. Однако эти действия не получили большого резонанса⁵⁷.

Осенью того же года Николай I предпринял попытку начать переговоры с Англией по восточному вопросу. С этой целью в Лондон был послан барон Ф.И. Бруннов, который в феврале 1840 г. стал новым российском послом при сент-джеймском дворе. Английское правительство хотело воспользоваться его визитом, чтобы решить и другой вопрос: побудить Россию заключить дипломатические отношения с Бельгией, которой Англия особо покровительствовала, так как бельгийский король Леопольд I приходился дядей английской королеве Виктории. Но поскольку в бельгийской армии продолжали служить поляки, ответ российского императора был отрицательным. На донесении Бруннова К.В. Нессельроде от 1 (13) октября 1839 г., извещавшем о желании королевы Виктории установить «доброе согласие» между Россией и Бельгией, Николай I поставил следующую резолюцию: «Пока хотя один поляк останется на службе Леопольда, ни один русский не перейдет порог его дома»⁵⁸. По прошествии времени английское правительство вновь

вернулось к данному вопросу, и в январе 1843 г. Бруннову сообщили, что «последний» из находившихся на бельгийской службе поляков Я. Скшинецкий якобы удален из бельгийской армии. Но Николай I хотел официального подтверждения со стороны бельгийского кабинета, которое так и не было получено⁵⁹.

В 1840–1841 гг. русско-английские отношения начали нормализовываться. Этому способствовал новый турецко-египетский конфликт, в ходе которого все великие европейские державы поддержали Турцию, и лишь Франция выступила на стороне Египта. 3 (15) июля 1840 г. в Лондоне между Англией, Австрией, Пруссией и Россией втайне от Франции было заключено соглашение в пользу султана, направленное против египетского паши. Кризис в англо-французских отношениях вызвал необоснованные надежды Николая I на то, что в будущем ему удастся договориться с Англией по восточному вопросу, и ради этого царь решил отказаться от пролонгации Ункиар-Искелесийского договора с Турцией. 1 (13) июля 1841 г. в Лондоне между Турцией, с одной стороны, и Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией – с другой, был подписан договор о проливах, согласно которому в мирное время Босфор и Дарданеллы вновь становились закрытыми для военных судов всех стран⁶⁰.

В 1840-е годы, несмотря на улучшение отношений Англии с Россией, В. Замойский старался утверждать в политических беседах, в публицистике и через своих британских друзей в парламенте право польского народа по крайней мере на государственную автономию. Замойский инспирировал выступление в защиту этого права в Палате общин депутата Г. Найта 18 (30) июня 1842 г. Дебаты прошли в спокойной обстановке, в печати почти не было откликов. Но упоминание английским премьер-министром Р. Пилем о «системе обрусения», проводившейся Николаем I в Королевстве Польском, не понравилось Петербургу. В связи с этим барон Бруннов заявил протест как самому Пиллю, так и министру иностранных дел лорду Дж. Г. Абердину⁶¹.

Визит Николая I в Лондон мог не только способствовать налаживанию контактов с сент-джеймским двором, но и оказать сдерживающее влияние на польскую эмиграцию. Российский посол в Лондоне барон Бруннов доносил вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде в феврале 1844 г. о словах, сказанных по этому поводу английским министром иностранных дел Абердином: «Вы увидите, что одного этого присутствия будет достаточно, чтобы провалить все польские затеи»⁶². 14 (26) апреля того же года посол Бруннов сообщил Нессельроде о разговоре с британским министром внутренних дел Дж. Грахамом, который заявил ему, что в связи с проживанием в Лондоне большого числа политических эмигрантов, в особенности поляков, необходимо принять меры безопасности на время визита царя. Николай Павлович согласился, но выразил желание, чтобы эти меры не слишком бросались в глаза⁶³.

Запланированной цели — добиться соглашения по восточному вопросу — император так и не достиг, удалось договориться лишь по менее важному, среднеазиатскому вопросу. В свою очередь, английское правительство вновь попыталось склонить Николая I к установлению дипломатических отношений с Бельгией, но эта попытка также закончилась неудачей. В беседе с Абердином 23 мая (4 июня) 1844 г. царь заметил: «Итак, вы говорите, что королева желала бы видеть меня на дружеской ноге с Леопольдом. Я сам искренно желаю того же, я всегда любил и уважал дядю королевы и был бы от души рад возвратиться к прежней нашей дружбе; но пока польские офицеры останутся на службе короля — это совершенно невозможно <...>. Поляки были и остаются мятежниками <...>. Леопольд взял мятежников под свое покровительство <...>. Скажите вашей королеве, что в тот самый день, когда Ее величество даст мне знать, что поляки оставили службу короля бельгийцев, министр мой получит приказание как можно скорее отправиться в Брюссель»⁶⁴. Император пробыл в Лондоне неделю и уехал 28 мая (9 июня), вероятно, потому, что на следующий день должен был состояться бал в пользу находившихся в бедственном положении польских эмигрантов, живших в Лондоне. Тем не менее он предписал Бруннову пожертвовать от его имени деньги устроительнице мероприятия герцогине Сомерсетской. В сопроводительном письме герцогине посол обращал внимание на то, что Николай I рассматривает предстоящий бал как благотворительную акцию, а не как политическую демонстрацию⁶⁵. Во время визита царя в Лондон сторонники Чарторьского вели себя сдержанно и избегали слишком резкой критики в его адрес. Демократическое же крыло польской эмиграции и английские радикалы использовали этот визит для выступлений против политики России и компромиссной позиции британского кабинета⁶⁶.

Непросто складывались в 1830–1840-е годы русско-французские отношения. Это было связано с общим неприятием Николаем I Июльской монархии, и компромиссный политический курс Луи-Филиппа, его готовность идти навстречу желаниям России, в частности и по вопросу о польских эмигрантах, практически не брались в расчет. Петербургский кабинет не оставлял без внимания любые сочувственные речи в адрес поляков, звучавшие в парламенте, со стороны как депутатов, так и членов правительства. В январе 1836 г. французский министр иностранных дел герцог В. де Брольи произнес в Палате представителей речь, в которой, говоря о положении дел в Королевстве Польском, назвал победу русской армии над польскими повстанцами в 1831 г. «плачевной» («*déplorable*»). Новый российский посол в Париже граф П.П. Пален в разговоре с Луи-Филиппом заявил о недопустимости подобных выражений из уст первого министра, подчеркнув: «Подобный язык, проповедующий косвенным образом бунт, не должен ли, напротив, оскорблять все законные правительства и делать их все более и более недоверчивыми в отношении склонностей и намерений

кабинета, председательствуемого человеком, дух революционного пропагандизма которого отныне не может составлять секрета?» Король согласился с тем, что выражение «плачевная победа» в данном смысле было неуместным. В феврале 1836 г. (из-за парламентского скандала, спровоцированного Луи-Филиппом, который был недоволен министром) Брольи подал в отставку, главой правительства и министром иностранных дел стал Л.-А. Тьер. В августе того же года, вопреки приказаниям Луи-Филиппа, он разрешил формирование во Франции польского легиона для включения его в армию испанской королевы Марии-Христины. Неудовольствие, выраженное по этому поводу Австрией и Россией, грозившей разорвать дипломатические отношения, привело к отставке Тьера⁶⁷.

Российский посол Пален был доволен новым французским кабинетом, в состав которого вошли граф Л. де Моле, получивший пост премьера и министра иностранных дел, и Ф.-П. Гизо в качестве министра народного просвещения. Через несколько месяцев, в январе 1837 г., на сессии парламента О. Барро и другие французские депутаты говорили о «древней польской национальности». По приказанию своего правительства Пален протестовал и заявил французским министрам, что эта «национальность» исчезла благодаря последнему польскому восстанию и теперь есть только Королевство Польское в пределах, определенных Венским трактатом⁶⁸.

В 40-е годы XIX в. «Отель Ламбер» в своей политике стал больше ориентироваться на Францию, что было вызвано последствиями второго турецко-египетского кризиса. Франция оказалась в июле 1840 г. в дипломатической изоляции, поскольку готовила тайное соглашение в пользу паши Египта. Среди французских политиков и военных росло недовольство. Еще в январе 1840 г., выступая в парламенте, маршал Н.-Ж. Сульт прямо намекал на возможность перемены обстоятельств, когда Франция перестанет ограничиваться в польском вопросе лишь молчаливым сочувствием. В связи с этой речью граф Пален выразил официальный протест⁶⁹. Король Луи-Филипп не хотел войны, опасаясь, что ее могут использовать в своих целях радикальные силы. В октябре 1840 г. поддерживавший Мухаммеда-Али кабинет Л.-А. Тьера был отправлен в отставку. Более консервативно настроенное правительство Сульта согласилось с решениями Лондонской конференции и в следующем году признало их официально. Военные настроения во Франции произвели сильное впечатление на польских эмигрантов, которые сравнивали создавшуюся ситуацию с событиями Великой французской революции и желали сражаться в рядах французской армии против остальной Европы. В то время как некоторые либеральные лидеры, например генерал Ю. Дверницкий, заявили о готовности польской эмиграции сформировать легионы, В. Замойский выступил посредником в переговорах между Тьером и Пальмерстоном, однако начал более ориентироваться на Францию⁷⁰.

В начале 40-х годов «Отель Ламбер» делал попытки завязать дипломатические отношения с Пруссией. Вступление на престол в 1840 г. Фридриха Вильгельма IV, который первоначально проводил либеральную политику, давало полякам надежду на возможность переговоров о предоставлении автономии Княжеству Познанскому. С этой целью в Берлин был послан в начале 1842 г. А. Орпишевский, но ему не удалось ничего достичь⁷¹.

Либеральные взгляды нового прусского короля — шурина Николая I — и связанная с этим возможность послаблений в отношении поляков вызывали опасения русского двора. В связи с воцарением на прусском престоле Фридриха Вильгельма и принесением ему присяги земскими чинами Восточной Пруссии Николай I отправил в Кенигсберг для приветствия короля виленского генерал-губернатора Ф.Я. Мирковича с собственноручным письмом от 15 (27) августа, в котором, в частности, настаивал на необходимости строгих, взаимно согласованных мер против «происков» поляков как в Королевстве Польском, так и в Познани. В 1841 г. большое беспокойство российского императора вызвало расширение автономии прусских областей. Депутаты познанского сейма на первых же заседаниях в марте 1841 г. провозгласили право польской нации на независимость. Польский депутат Э. Рачиньский в своей речи говорил о надеждах, которые поляки связывали с будущим. Российский посол П.К. Мейендорф еще до получения инструкций заявил прусскому министерству, что «прусское правительство пошло в своей терпимости слишком далеко и что вообще оно не могло, не нарушая слова, данного в Мюнхенгреце, и даже естественной справедливости, допустить в Познани стремления, направленные к объединению желаний и интересов всех польских подданных трех держав». В Петербурге полностью одобрили действия посла и поручили ему напомнить Берлину, что всякие дальнейшие уступки прусского правительства полякам несовместимы с его союзными обязательствами в отношении России⁷².

Польский вопрос занимал важное место и в дипломатических переговорах с Ватиканом. Благодаря стараниям российского посла в Риме князя Г.И. Гагарина папа Григорий XVI во время восстания 1830 г. издал бреве «*Impensa charitas*», осуждавшее его. В нем говорилось, что священники не должны вмешиваться в светские споры, а бунт чужд духу церкви, призванной показать народу необходимость послушания власти. Но это бреве не было разослано католическим епископам. Папа открыто выразил свою позицию позже, уже после подавления восстания. 28 мая (9 июня) 1832 г. Григорий XVI опубликовал энциклику «*Cum primum*», в которой негативно оценивал восстание 1830 г. и предлагал подчиниться «законным» российским властям. Энциклика появилась в результате усилий Петербурга, на который оказала влияние позиция наместника Королевства Польского фельдмаршала И.Ф. Паскевича и австрийского канцлера К. Меттерниха, боявшегося влияния на польское духовенство

идеологии «католического социализма» Ф.-Р. Ламеннэ. Папа, со своей стороны, опасался революционного движения в Европе, которое могло привести к падению его власти, а кроме того, надеялся получить какие-то выгоды от России в конфессиональном плане, используя посредничество Меттерниха. Его расчеты были ошибочны, российские власти продолжали чинить препятствия деятельности католических епископов, а в 1839 г. ликвидировали униатскую церковь на территории западных губерний Российской империи⁷³.

Папская энциклика с возмущением была встречена многими поляками, особенно представителями демократического лагеря. Ее отмена и изменение политики Римской курии в отношении поляков стали предметом особой заботы деятелей ультрамонтанского крыла консервативной партии Чарторьского, поскольку привязанность этих людей к религии и церкви оказалась в противоречии с их чувством патриотизма и смыслом пребывания и деятельности в эмиграции⁷⁴. Они пытались разъяснить в эмигрантской печати отрицательные последствия энциклики и вместе с тем вести антироссийскую дипломатическую игру в самом Риме. Однако эти планы были заранее обречены на провал. В целях сохранения власти Папство должно было поддерживать политику государств, стоявших на страже порядка, существовавшего в Европе, а не народов, желавших его изменить.

В марте 1842 г. в Рим прибыл Замойский, который инспирировал публикацию на немецком и французском языках труда отца А. Тейнера о положении католической церкви на польских землях и в России. Публикация имела большое пропагандистское значение и была благосклонно принята в Риме. 10 (22) июля 1842 г. появилась папская алокуция «*Haerentem diu*», к тексту которой было приложено 90 документов и обзор положения католической церкви в Российской империи. Хотя в алокуции порицались гонения на католическую церковь в России, она не означала изменения негативного отношения Рима к польскому национально-освободительному движению: характерно, что наряду с другими материалами в приложении к алокуции был напечатан и текст папской энциклики от 28 мая (9 июня) 1832 г.⁷⁵ В 1844–1848 гг. в качестве агента «Отеля Ламбер» в Ватикане находился Л. Орпишевский, который старался заинтересовать папскую курию вопросом защиты униатов на польских землях, а также перспективой сближения с Турцией и принятия балканскими славянами католицизма. Деятельность Орпишевского не имела успеха. Правда, визит Николая I в декабре 1845 г. в Рим не вполне удался, однако сам факт визита и заключения конкордата с Россией 22 июля (3 августа) 1847 г., уже при новом папе Пии IX, свидетельствовали, что курия, несмотря на те или иные маневры, признает власть России над польскими землями и видит в ней гаранта сохранения существующего порядка в Европе. Это подтвердило папское бреве от 15 (27) февраля 1846 г., где резко осуждалась попытка восстания

в Галиции. По требованию Меттерниха в нем присутствовала также критика в адрес французских епископов, выражавших симпатию польскому национально-освободительному движению⁷⁶.

Концентрация усилий дипломатии Чарторьского вокруг Ватикана тормозила до середины 1840-х годов развитие отношений с итальянскими государствами, выступавшими против власти папы, который осуждал борьбу за национальное объединение Италии. Поэтому политика партии Чарторьского и вызывала неприятие у деятелей итальянского радикального движения. Однако «Отель Ламбер» в своей политической программе выступал за объединение Италии, а для борьбы за ее освобождение из-под власти Австрии предусматривал союз итальянских государств с поляками, южными славянами и Османской империей⁷⁷. Активизация политики «Отеля Ламбер» в Балканском регионе, имевшей целью противодействие влиянию России, пришлось на начало 40-х годов. Чарторьский выдвинул идею создания федерации южных славян в рамках Османской империи, ядром которой должно было стать Сербское княжество. Его агенты убеждали турецкие власти в необходимости нормализации отношений с христианскими подданными империи и видели в политике реформ способ ослабления привлекательности для православных народов Балкан идеи союза с Россией. Нежелание или неспособность правительственных кругов Османской империи идти на уступки мешали реализации польских планов. В июне 1842 г. в Белград приехал Л. Зверковский (Ленуар), который вошел в контакт с местными либералами. В сентябре того же года либеральная конституционная партия Сербии способствовала свержению династии Обреновичей и возведению на престол Александра Карагеоргиевича. Турция молчаливо поддерживала конституционалистов, но великие державы отрицательно отнеслись к подобной перемене. Под нажимом России, поддержанной Австрией, а затем и западных держав Турция и сербское правительство уступили, согласившись на новые выборы. Зверковский не принимал участия в перевороте 1842 г. и только в связи с ним начал более активную деятельность. После некоторых колебаний «Отель Ламбер» решил поддержать Сербию, тогда же была выработана концепция постепенного объединения вокруг нее южных славян. Дипломатическая деятельность сторонников Чарторьского в защиту сербов в апреле 1843 г. лишь в известной степени повлияла на позицию Англии и Франции. Произошли новые выборы сербского князя. Приехавший в Белград из Константинополя руководитель агентуры «Отеля Ламбер» на Востоке М. Чайковский указывал представителям либеральной партии на необходимость повторного избрания князя Александра Карагеоргиевича, что было реализовано в июне 1843 г. Венский двор настоял на оставлении князя Александра, известного своей приверженностью к Австрии, у власти и уговорил Россию не требовать его удаления. В 1844 г. представители «Отеля Ламбер» способствовали

возвращению в Сербию изгнанных по требованию России сербских министров Т. Вучича и А. Петрониевича. Но в результате дипломатического вмешательства Австрии и России влияние польских эмигрантов в Сербии с 1845 г. стало ослабевать⁷⁸.

Неудачи дипломатии «Отеля Ламбер» на Балканах способствовали переориентации его политики и установлению более тесных контактов с турецким правительством. Взамен поляки надеялись на благожелательное отношение Турции к польскому национально-освободительному движению и возможность вести на территории Порты подготовку к будущему восстанию на польских землях. Старания об увеличении сети польских агентов в Турции и получении денег на их содержание предпринял В. Замойский во время своего приезда в Константинополь в 1847 г. В связи с этим Турции было предложено посредничество «Отеля Ламбер» в попытках завязать дипломатические отношения между Османской империей и Ватиканом. Российский посол в Константинополе В.П. Титов несколько раз требовал от турецкого правительства высылки из страны Замойского и главного польского агента на Востоке М. Чайковского. Великий визирь и министр иностранных дел Турции уверяли Титова, что они не могут удалить польских эмиссаров из опасения вызвать недовольство Англии и Франции, послы которых оказывали полякам покровительство⁷⁹.

В сфере внимания России, Австрии и Пруссии, с одной стороны, и польской эмиграции, с другой, были события в Краковской республике. В 1833–1835 гг. между Австрией и Россией происходили постоянные переговоры о положении дел в вольном городе Кракове. Большой резонанс имело дело епископа К. Скурковского, сочувствовавшего восстанию 1830 г. и укrywшего в сентябре 1831 г. у себя во дворце генерала Я. Скушинецкого. Российское правительство лишило его за это возможности управлять частью Краковского епископства, находившегося на территории Королевства Польского. С целью полного отстранения Скурковского от заведывания епархией Нессельроде вел длительные переговоры с Австрией и Ватиканом. В 1835 г. Римская курия предписала Скурковскому не только покинуть свой пост, но и оставить Краков. В том же году российское правительство отказало краковскому сенату в просьбе об аккредитации в Петербурге постоянного дипломатического агента. По предварительному соглашению с Австрией российский резидент в Кракове объявил сенату, что тот должен отклонить инициативу Англии и Франции о назначении в республику генеральных консулов этих стран и, в соответствии с трактатами 1815 г., поддерживать постоянные дипломатические отношения лишь с державами-покровительницами. Чтобы поляки больше не могли скрываться от российского и австрийского правосудия в Кракове, на встрече Фердинанда I и Николая I в Теплице в сентябре 1835 г. было принято решение о ликвидации независимости вольного города Кракова⁸⁰. 2 (14) октября 1835 г. в Берлине

представители России, Австрии и Пруссии подписали протокол о будущем присоединении Краковской республики к монархии Габсбургов. В протоколе говорилось: «После того как опыт доказал, что существование Краковской республики столько же противоречит материальным интересам ее жителей и вообще благоденствию страны, сколько и безопасности соседних государств, кабинеты российский, австрийский и прусский признали, что единственным средством к прекращению неудобств, представляемых таким порядком вещей в том и другом отношении, было бы включение города Кракова и его территории к владениям одной из трех держав». Австрия, Россия и Пруссия условились «заняться средствами для приведения в исполнение этой меры и для осуществления ее таким способом, чтобы из сего не могли последовать тяжкие политические осложнения, и чтобы, в особенности, прочие державы, подписавшие акт Венского конгресса, не нашли в этом законного основания к противодействию»⁸¹. В качестве подготовительных мер предполагалось: 1) путем поощрения торговли заставить Краков просить австрийское правительство о включении его в австрийскую торговую систему, это привело бы к созданию австрийских таможен на границах республики, позволив наблюдать за въезжающими и выезжающими из Кракова лицами и препятствовать распространению «возмутительных сочинений»; 2) помешать реализации проекта учреждения Краковского банка, так как его средства могли бы использоваться мятежниками; 3) запретить Кракову посылать новых дипломатических агентов за границу и увеличить в республике число представителей иностранных государств⁸².

После подписания Берлинского протокола между Австрией, Россией и Пруссией сразу обнаружились разногласия в выборе средств для осуществления плана присоединения Краковской республики. Россия и Пруссия полагали, что нужно принять ограничительные меры против торговли Кракова и убедить власти вольного города в несовместимости его материальных интересов с политической независимостью. Австрия же, напротив, в качестве переходной меры планировала включить республику в австрийскую таможенную систему. Это наводило российское правительство на мысль, что Австрия боится реализации Берлинского протокола и пытается отсрочить его исполнение. В начале 1836 г. в Кракове вновь произошли волнения, и войска союзников под началом австрийского генерала заняли город. Меры, предпринятые военным командованием, имели целью придать краковскому правительству характер муниципальной власти и лишить его атрибутов политической независимости. Но из-за протеста Франции и неодобрения Пруссии Австрия была вынуждена вывести из Кракова свои войска. В 1838 г. республика опять навлекла неудовольствие держав-покровительниц в связи с наблюдавшейся там активностью польских эмигрантов. 29 августа (10 сентября) 1838 г. в Милане уполномоченные России, Австрии и Пруссии подписали

протокол об учреждении комиссии из представителей трех держав для надзора за краковским судом и проверки его решений по делам о государственных преступлениях⁸³.

В 1842 г. Австрия вновь выступила с инициативой включить Краковскую республику в австрийскую таможенную систему. Венский кабинет мотивировал это решение необходимостью в условиях активизации польской пропаганды в Восточной Пруссии нейтрализовать Краков как главный польский агитационный центр. Вместе с тем эта мера носила чисто административный характер и, по мнению Вены, не могла вызвать протеста со стороны других государств. Россия сочувствовала планам австрийского правительства, и, несмотря на враждебную позицию Пруссии, втайне не желавшей присоединения к Габсбургской монархии вольного города, они были реализованы. В феврале 1846 г. в Кракове произошло восстание. Россия, Австрия и Пруссия договорились о занятии города русскими и австрийскими войсками и введении военного управления. Представители трех держав составили временный исполнительный комитет под руководством генерала, командовавшего австрийскими войсками, но прусское правительство было еще не готово признать необходимость включения территории республики в состав Австрийской монархии. Чтобы убедить Фридриха Вильгельма IV подписать конвенцию, Николай I отправил в Берлин генерал-адъютанта графа Ф.Ф. Берга, а австрийский император Фердинанд – графа К.Л. Фикельмона. Берг должен был напомнить прусскому правительству о Теплицком соглашении 1835 г. и о том, что с 1842 г. Краковская область уже включена в австрийскую таможенную систему⁸⁴. 3 (15) апреля 1846 г. в Берлине уполномоченными России, Австрии и Пруссии был подписан акт о ликвидации независимости вольного города Кракова и присоединении его к Австрии⁸⁵. «После того, как вольный город Краков сделался очагом нового и значительного заговора, разветвления которого обхватывают все бывшие прежде польские провинции, а самый Краков ниспроверг свое собственное правительство, чтобы предаться вооруженному восстанию и провозгласить революционное правление, <...> Три державы объявляют, что государство Краковское не может быть восстановлено; что они согласны в том, что его присоединение к владениям Е[го] и [мператорского] и к[атолического] апостолического величества есть наилучшее средство и самый удобный способ для выполнения сей необходимой перемены», – говорилось в Берлинской конвенции⁸⁶. Однако венский кабинет не решался осуществить это постановление, опасаясь противодействия Англии и Франции и тайного недоброжелательства Пруссии. Тогда Николай I заявил, что в случае бездействия Австрии он готов взять на себя всю ответственность за положение, которое оказалось не по силам его союзнику, и присоединить Краков к Российской империи, хотя это и не отвечает его видам и намерениям. Угроза подействовала: австрийские войска заняли Краков. В Берлине подозревали, что российский двор дей-

ствовал по тайному сговору с Австрией, чтобы окончательно сломить сопротивление Пруссии⁸⁷.

Англия и Франция заявили протест против присоединения к Австрийской империи Краковской республики. 11 (23) ноября 1846 г. Г. Дж. Пальмерстон отправил депеши британским представителям в Петербурге, Вене и Берлине. По мнению английского министерства, ликвидация независимости Кракова не была вызвана необходимостью и являлась прямым нарушением актов Венского конгресса. Аналогичными по содержанию были и депеши Ф.-П. Гизо от 21 ноября (3 декабря) французским представителям при российском, австрийском и прусском дворах. Но они были составлены в таком миролюбивом тоне, что российский поверенный в делах в Париже Н.Д. Киселев от имени своего правительства поблагодарил Гизо. Поведение французского кабинета объяснялось ссорой с Англией из-за «испанских браков» (благодаря интригам Франции 28 сентября (10 октября) 1846 г. королева Изабелла и ее сестра Луиза-Фернанда вышли замуж за представителей Бурбонского и Орлеанского домов) и нежеланием войти в конфликт с другими великими державами⁸⁸.

Вследствие ухудшения отношений с Великобританией и эволюцией в сторону консерватизма король Луи-Филипп стремился сблизить Францию с Россией и Австрией. Эти две державы решили воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы ограничить активность польских эмигрантов во Франции и ликвидировать, или хотя бы сократить, их печатные органы. Сначала Россия и Австрия пытались воздействовать на французское правительство, призывая его строже контролировать действия эмигрантов. Однако это не дало результатов вследствие симпатии к полякам, существовавшей во французском обществе. Тогда Н.Д. Киселев, ссылаясь на французский закон о печати, требовавший высокого залога от издателей газет и журналов и не выполнявшийся эмигрантами из-за отсутствия средств и при попустительстве французских властей, несколько раз, начиная с марта 1846 г., выступил перед французским правительством, настаивая на закрытии польских изданий. Министр иностранных дел Ф.-П. Гизо, имевший большое влияние на политику французского кабинета, пошел навстречу требованиям России. В конце ноября начался судебный процесс против издателей-эмигрантов, но вскоре он был прекращен в результате выступлений оппозиции, справедливо связывавшей его не с юридическими, а с политическими обстоятельствами⁸⁹.

3. «ВЕСНА НАРОДОВ» И ПЛАНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬШИ

Краковское восстание в феврале 1846 г. открыло серию революционных событий, происходивших в Европе в 1846–1849 гг., которые вошли в историю под названием «Весны народов». Их апогеем стала Февральская

революция 1848 г. во Франции. Революционные круги Европы и представители всех слоев польской эмиграции возлагали на нее большие надежды. Франция, по их мнению, могла использовать международную ситуацию для пересмотра порядков, установленных на Венском конгрессе. Однако ни А. де Ламартин, ни сменивший его на посту министра иностранных дел Ж. Бастид, несмотря на заинтересованность в усилении престижа II Республики на международной арене и пересмотре постановлений Венского конгресса, не думали не только о «революционной» войне, но даже о какой-либо активной поддержке национально-освободительных движений, так как она спровоцировала бы конфликт Франции с Россией, Австрией и, возможно, Великобританией, обеспокоенной нарушением равновесия сил в Европе. Кроме того, сама Франция не слишком симпатизировала национальным движениям в Европе, особенно в немецких государствах, видя в будущем объединении Германии угрозу своей безопасности. Эта позиция правительства II Республики облегчила России и Великобритании урегулирование международных отношений в Европе в период «Весны народов». Поддержка Россией консервативных сил различных государств предотвратила распад Габсбургской империи и помешала реализации проектов объединения Германии. Великобритания, в соответствии с собственными интересами, видела свою цель в сохранении равновесия в Европе, поэтому во многих вопросах поддерживала инициативы России⁹⁰.

Как и прежде, в данных обстоятельствах наиболее активные усилия в области дипломатии предпринял «Отель Ламбер». В феврале 1848 г. А.Е. Чарторьский пытался наладить личные отношения с Ламартином. 13 (25) февраля он писал французскому министру иностранных дел о плане организации польского легиона как центра будущей польской армии, а 24 февраля (7 марта) повторил это предложение при личной встрече. Из этого ничего не вышло, так же как и в случае, когда с подобной инициативой выступил и Комитет польской эмиграции, и группа военных эмигрантов во главе с М. Рыбинским. Но из разговора с Ламартином Чарторьский вынес ошибочное впечатление, будто Франция настроена против России и Австрии и хочет нейтрализовать Пруссию с помощью Англии⁹¹.

Николай I был очень обеспокоен Февральской революцией во Франции. В конце марта 1848 г. российский поверенный в делах в Париже Н.Д. Киселев в первый раз побывал у французского министра иностранных дел А. Ламартина. Министр заверил Киселева, что Франция не способствовала революциям в Германии, Австрии и Италии и уж тем более не собирается оказывать материальную поддержку полякам. Далее Ламартин заявил, «что в его дипломатической карьере ему часто приходилось думать и признавать, что самый естественный союз для Франции был бы союз с Россией, и если б польский вопрос не овладел легковесными симпатиями в этой стране, давшими пищу враждебным отношениям обоих пра-

вительств, то этот союз осуществился бы к пользе обоих народов, между которыми, может быть, больше естественного сродства, нежели с какой-либо другой нацией. Все тут зависит от времени и благоприятных обстоятельств, и он с великим доверием полагается на мудрость и могущество государя»⁹². Французские власти отказались снабжать оружием польских эмигрантов, желавших принять участие в национально-освободительном движении на бывших землях Речи Посполитой, принадлежавших Австрии и Пруссии. Об этом было заявлено 13 (25) марта в ходе встречи членов французского Временного правительства с генералом Ю. Дверницким и сочувствовавшим полякам депутатом А. Вавеном, а также на следующий день, во время приема правительством делегации «умеренных демократов» во главе с бывшим депутатом сейма К. Годабским⁹³.

6 (18) апреля 1848 г. канцлер К.В. Нессельроде писал Н.Д. Киселеву, что после вызванных европейскими революциями политических изменений, которые могли привести к враждебному отношению немецких государств к России и спровоцировать новое польское восстание, Николай I считал необходимым напрасно не раздражать Францию, но пока официально не признавать нового режима. В день открытия Национального собрания поляки устроили антироссийскую демонстрацию, но Ламартин остановил демонстрантов. В Национальном собрании на запрос в пользу поляков он отвечал в очень миролюбивом духе. В результате, как доносил Киселев 4 (16) мая 1848 г., ни один из выступавших ни словом не обмолвился о России⁹⁴.

Помимо переговоров с французским правительством, А. Чарторыйский пытался заручиться поддержкой Англии и беседовал с британским послом в Париже Дж. Норманби. В самой Великобритании переговоры со статс-секретарем по иностранным делам лордом Г. Дж. Пальмерстоном и премьер-министром Дж. Расселом проводил сочувствовавший полякам вице-председатель Литературного общества друзей Польши лорд Д. Стюарт. Рассел заявил, что Англия не может вмешиваться в отношения России с ее польскими подданными, впрочем, это не означает, что она должна гарантировать России обладание польскими землями. Премьер-министр также отверг предложение Чарторыйского о посылке английских военных кораблей в Балтийское море, но не исключал возможности отправки одного судна для защиты интересов английской торговли. Пальмерстон дал понять, что изменение политики Великобритании в польском вопросе будет зависеть от успеха восстаний поляков в Великой Польше, Кракове и Галиции и особенно от того, какие территории войдут в будущее польское государство. Он предлагал включить в его состав Великую Польшу и Галицию и возвести на польский престол при поддержке России одного из немецких князей. Этот проект понравился Стюарту, который считал, что при таком раскладе полякам было бы легче в будущем добиться полного освобождения отчизны⁹⁵.

Ход событий в Центральной Европе казался еще благоприятным для польских интересов, не исключалась возможность войны России с Пруссией в связи со вспыхнувшей там революцией в марте 1848 г. Революционные настроения охватили Великое княжество Познанское. 28 марта (9 апреля) в Лондон прибыл в качестве посланника познанского Национального комитета хорошо известный в кругах английского общества С. Козьян. По просьбе Стюарта Пальмерстон согласился принять Козьяна, но не как официального представителя Национального комитета, и во время встречи 30 марта (11 апреля) отклонил все его предложения. Британским послам за границей было предписано противодействовать польским проектам. Также не удалось попытки лорда Стюарта взять в английских банках займы, предназначенные для партии Чарторыского. Правительство Великобритании было слишком заинтересовано в сохранении политического равновесия в Центральной Европе, а быстрое изменение ситуации в Великой Польше не в пользу поляков еще больше утвердило его в своем решении⁹⁶.

Известия о революциях в Вене и Берлине, а также возможность российско-прусского конфликта побудили Чарторыского выехать в Познань. Перед этим, в конце марта 1848 г., он заехал в Берлин, чтобы обсудить с прусскими властями условия сотрудничества в польском вопросе. Миссия князя не удалась, ничего не добившись, он отказался от намерения следовать в Великую Польшу и вернулся в Париж⁹⁷.

Революция в Берлине не только перечеркнула вынашивавшиеся Николаем I планы организации антифранцузского союза, но и могла привести к вооруженному конфликту между Пруссией и Россией. Эта ситуация создавала возможность франко-прусского сближения. В начале марта Ламартин назначил послом в Берлин своего друга А. де Сиркура. Консервативно настроенный и враждебный польским интересам Сиркур, который был женат на представительнице российских аристократических кругов А.С. Хлюстиной, сделал немало в стремлении помешать польским планам. Сиркур и Чарторыский чаще всего беседовали с прусским министром иностранных дел, бывшим послом во Франции и либеральным политиком Г.А. фон Арним-Зуковым. Наиболее благоприятная для поляков ситуация сложилась после 17 (29) марта, когда сторонник союза с Россией канцлер граф А.Г. фон Арним-Бойценбург подал в отставку и кресло премьера занял Л. Камфаузен, который пригласил в кабинет некоторых либеральных политиков. Несмотря на сопротивление короля Фридриха Вильгельма IV и военных кругов, Арним-Зуков серьезно относился к возможности войны с Россией, особенно когда в середине марта Николай I высказал мысль о введении российских войск на территорию не только Великого княжества Познанского, но и Восточной Пруссии. Арним с преувеличенным оптимизмом рассчитывал на помощь Австрии, Франции и даже Великобритании в возможном конфликте с Россией и

противостоянии с Данией. Прусский посол в Вене должен был убедить австрийское правительство в необходимости предоставления широкой автономии Галиции, по примеру той, которую планировали реализовать в Великом княжестве Познанском. Представитель Пруссии в Лондоне барон Х.К. фон Бунзен должен был выяснить позицию Англии в случае польско-российских военных столкновений на границе с Пруссией. С тем же вопросом Арним через Сиркура обратился к французскому правительству, ожидая сотрудничества в польском вопросе, выражением чего могла бы стать посылка французских военных кораблей в Балтийское море. Таким образом, либеральный прусский министр гораздо серьезнее, чем его коллеги в других странах, отнесся к польским планам национального возрождения. Это нашло отражение и в инструкции, данной генералу В. Виллизену, симпатизировавшему полякам, который в конце марта 1848 г. отправился в Познань для переговоров с польскими повстанческими властями⁹⁸.

Антироссийские планы Арнима встретились не только с оппозицией европейских правительств, но и с противодействием со стороны короля и прусских консервативных политиков. Фридрих Вильгельм IV привлек также на свою сторону чрезвычайного английского посла лорда Ч. Стратфорда-Каннинга, который путешествовал по Европе с целью сохранения мира на континенте. Великобритания не верила в возможность русско-прусской войны, зато не исключала назревания франко-прусского конфликта. 29 марта (10 апреля) 1848 г. английский посол в Берлине лорд Дж. Вестморленд передал Арниму мнение своего правительства. Пальмерстон советовал не предпринимать в Великом княжестве Познанском действий, которые могли быть расценены Россией как недружественные. Еще ранее Бунзену было заявлено, что Великобритания не пошлет свой флот в Балтийское море. Пруссия не получила поддержки Англии также и по вопросу Шлезвига и Голштинии. Не поддержали прусские планы и другие великие державы. 22 марта (3 апреля) глава австрийского кабинета и министр иностранных дел граф К.Л. Фикельмон заявил прусскому послу, что положение в Галиции отличается от ситуации в Великом княжестве Познанском и не требует проведения реформ. Ламартин в депеше Сиркуру от 23 марта (4 апреля) обещал поддержать Пруссию лишь в случае вступления российских войск на территорию Великого Княжества Познанского⁹⁹.

Русский посол в Берлине барон П.К. Мейендорф в разговоре с новым министром иностранных дел графом Арнимом в апреле 1848 г. предупредил, что своими действиями Пруссия спровоцирует войну с Россией: «Берегитесь утвердить каким-либо официальным актом такое положение вещей в Познани, не компрометируйте ваше правительство перед моим, которое не пожелает долго оставаться равнодушным зрителем всех этих возбуждений к бунту, исходящих из Познанской провинции. Если у вас нет силы препятствовать тому, чтоб там утвердился очаг революции, вы

можете это сказать, и тогда мы увидим, что нам делать. Но если вы берете его под ваше покровительство, вы делаете из этого предмет обсуждения и, может быть, войны между Россией и Пруссией»¹⁰⁰. Уверенный в благожелательной позиции Великобритании, петербургский кабинет после апрельских событий в Великом Княжестве Познанском перешел к активной дипломатической деятельности в отношении Берлина и стал предлагать свое посредничество в решении конфликта с Данией, которое со временем приобрело форму угроз в адрес Пруссии¹⁰¹.

Во время дипломатической игры европейских держав в польском вопросе продолжали развиваться события в Великом княжестве Познанском. После известий о революции в Берлине познанские политики сформировали Национальный комитет, в котором со временем усилились представители умеренной ориентации. 11 (23) марта 1848 г. в Берлин прибыла депутация из Познани во главе с архиепископом Л. Пшилуским, которая подала королю адрес с просьбой о придании польского характера местной администрации и формировании познанских войсковых частей. 14 (26) марта министр внутренних дел А. фон Ауэрсвальд выразил согласие на польские требования. Уступчивость прусских властей объяснялась желанием привлечь на свою сторону поляков в условиях возможного конфликта с Россией. В этом стремлении прусское правительство поддерживали в Познани консервативные шляхетские круги и некоторые склонные к компромиссу патриотические деятели. Однако жители Великого Княжества Познанского в целом видели своего главного врага не в России, а в Пруссии, тем более что большая часть проживавшего в Познани немецкого населения враждебно относилась к полякам. Деятели национального движения в Княжестве были организованы польские вооруженные силы, состоявшие из добровольцев, резервистов, крестьян. Для разоружения повстанческих частей командующий 5-м корпусом прусской армии генерал Ф. Коломб с одобрения короля стягивал в Познань дополнительные силы. Той же цели, но мирными средствами, добивалось прусское либеральное правительство, по поручению которого в Княжество прибыл генерал В. Виллизен. 30 марта (11 апреля) он подписал с представителями повстанческих властей Ярославецкую конвенцию, предусматривавшую сокращение численности польских военных отрядов на две трети. Взамен поляки должны были получить руководящие позиции в судопроизводстве и администрации края, а также право формирования польской дивизии. Прусское правительство утвердило конвенцию, но Фридрих Вильгельм IV отложил вопрос организации дивизии и одновременно заявил о разделе Познанского княжества на польскую и немецкую части, что фактически перечеркнуло достигнутые соглашения. Генерал Коломб получил приказ окончательно разоружить повстанческие силы, которые капитулировали в Бардо 27 апреля (9 мая) 1848 г.¹⁰²

В июне 1848 г. Фридрих Вильгельм IV направил в Петербург генерала Э. Пфуля с собственноручным письмом Николаю I от 9 (21) июня, в котором он оправдывал образ действий прусских властей в Познани. Генерал должен был сделать императору подробный доклад и убедить его, что прусское правительство не потворствует стремлениям поляков к независимости и только желает преобразовать управление Познанского княжества с целью связать его более тесным образом с Пруссией¹⁰³. Николай I в письме Фридриху Вильгельму IV от 3 (15) июля 1848 г. недвусмысленно заявил о готовности России «защитить» установленный Венским трактатом порядок вещей. В пограничных с Пруссией губерниях были собраны 420 тысяч человек, кроме того, еще 100 тысяч составляли резервы. «Назначение этой армии, — писал император, — охранять неприкосновенность наших границ и парализовать замыслы злодеев или сумасшедших, мечтающих о возможности восстановить другую Польшу, кроме той, которую русское оружие со славою приобрело и закрепило за империею»¹⁰⁴.

Как и в Познани, в период «Весны народов» представители национального движения в Галиции действовали в легальных рамках и не выступали с требованием отделения от Австрии. Этому в немалой степени способствовало то, что они не могли привлечь на свою сторону низшие слои населения в условиях проведения австрийским правительством аграрной реформы, санкционировавшей отмену барщины и передачу крестьянам в собственность земельных наделов в мае 1848 г. В связи с начавшимся в Галиции национальным движением Россия не исключала возможности ее оккупации и в марте 1848 г. представила такое предложение Австрии. Венский двор делал все, чтобы успокоить Петербург, и тянул время при переговорах с львовской делегацией. Эта делегация в составе 44 человек во главе с князем Е. Любомирским обратилась к австрийскому императору Фердинанду с адресом, где содержалась просьба о предоставлении Галиции автономии, полонизации галицийской администрации и создании там польских воинских частей. Принимая 28 марта (9 апреля) членов делегации, император заверил, что благосклонно рассмотрит пожелания поляков, однако в действительности не намеревался идти ни на какие уступки и уклонялся от дальнейших встреч с львовскими представителями. Отвечая 17 (29) мая на их адрес, министр внутренних дел, а затем глава венского кабинета Ф. фон Пиллерсдорф утверждал, что конституция от 13 (25) апреля 1848 г. осуществила большую часть пожеланий поляков, и не соглашался на создание национальной администрации и воинских частей¹⁰⁵.

Движение поляков на российской границе — в Кракове и Галиции — очень беспокоило Николая I. Он требовал от австрийских властей принятия мер для предупреждения возможного польского восстания и настаивал на соблюдении Мюнхенгребской конвенции. Австрия отказалась

выдать России уроженцев Королевства Польского – членов тайных организаций и дезертировавших из армии лиц, искавших убежища в Галиции. В сентябре 1848 г. канцлер К.В. Нессельроде пригрозил разрывом дипломатических отношений и вводом российских войск на территорию Кракова. Впрочем, слабый венский кабинет и сам рассчитывал в случае необходимости на помощь российских корпусов, о чем в октябре министр иностранных дел князь Ф. Шварценберг уведомил российского посла П.И. Медема¹⁰⁶.

Положение в Познани и Галиции, неудачи в отношениях с немецкими государствами и западноевропейскими кабинетами способствовали тому, что эмигранты как демократического, так и консервативного лагеря стали делать главную ставку на сотрудничество с руководителями национально-освободительных движений, направленных против государств – участников разделов Речи Посполитой, в том числе с итальянскими и венгерскими политиками.

Еще перед началом революционных событий в Европе «Отель Ламбер» предпринимал попытки организации польского легиона на службе Ватикана в условиях обострения отношений Римской курии с Австрийской империей и деятельности партии «альбертистов». Представители этого либерально-монархического течения, сторонники короля Сардинии Карла Альберта, выступали за объединение Италии под эгидой правившей в Сардинии Савойской династии и освобождение Ломбардии и Венеции из-под власти Габсбургов. Чарторыйский планировал создать легион во главе с В. Хшановским и польскими офицерами, в который также могли войти пленные польские солдаты из австрийской армии. Однако вследствие улучшения отношений Папского престола с Австрией это предложение было отклонено. После Февральской революции во Франции и нарастания напряженности в Риме и во всей Италии, а также в связи с угрозой вооруженного вмешательства Австрии, Римская курия возобновила переговоры с В. Замоиским и Л. Орпишевским, и в марте 1848 г. договор о создании польского легиона под эгидой Ватикана был заключен¹⁰⁷.

В середине марта 1848 г. А. Мицкевич и группа его единомышленников также организовали легион, который поступил в распоряжение сардинского правительства. По соглашению с ним легион, составленный на базе батальона пехоты и эскадрона кавалерии, насчитывал 600 чел. Мицкевич способствовал переходу части легионеров на службу Великого герцогства Тосканского, где они соединились с прибывшими в сентябре из Франции несколькими десятками эмигрантов во главе с М. Ходзько. По новому договору легион увеличивался до 800 чел., однако в документе не говорилось, что он будет использоваться против Австрии, а не против других итальянских государств, и это вызывало недовольство поляков. После переворота во Флоренции в апреле 1849 г. польский легион отказался подчиняться новым властям и поспешил на помощь образованной в январе Римской ре-

спублике, которой с севера угрожали австрийцы, с юга — неаполитанцы, а французский корпус под командованием генерала Н. Удино должен был предотвратить занятие Рима австрийскими войсками. Республикой управлял триумvirат, в составе которого находился известный революционер и почитатель таланта Мицкевича — Дж. Мадзини. Поляков встретили с энтузиазмом, они сражались в рядах войск Римской республики вплоть до ее падения 21 июня (3 июля) 1849 г.¹⁰⁸

Что касается деятельности «Отеля Ламбер», то, несмотря на заключение в апреле 1848 г. договора с Ватиканом о создании польского легиона, известие о революции в Берлине способствовало отказу от этих планов и изменению направления политики Чарторьского ввиду ожидавшейся им войны против России и предусматривавшейся возможности сближения с новым австрийским кабинетом. После неудачи в Берлине Замойский снова, но безуспешно, пытался наладить военное сотрудничество с Ватиканом, а с июля 1848 г. проводил переговоры с сардинским правительством об организации наряду с легионом Ходзько другого польского легиона. Увеличению польских вооруженных частей препятствовала враждебная позиция великих держав. В середине сентября 1848 г. послы Франции и Англии в Сардинии Ш. Буа-Лекомт и Р. Аберкромби высказали сардинскому министру иностранных дел Э. Перроне недовольство в связи с наличием польского легиона. Франция опасалась реакции России, Англия же рассматривала создание легиона как препятствие в британско-французской посреднической миссии между Сардинией и Австрией. В феврале 1849 г. к протестам против существования этого воинского формирования присоединились российские и прусские дипломаты. Несмотря на это, благодаря реорганизации сардинской армии после неудачной летней кампании против австрийцев, 10 (22) октября 1848 г. Замойскому удалось добиться назначения на пост начальника Главного штаба генерала В. Хшановского, который 3 (15) февраля 1849 г. стал фактическим главнокомандующим. Хотя целью Замойского было увеличение польских вооруженных сил, однако большую роль играло соперничество с демократическим лагерем эмиграции. Поэтому он способствовал в ноябре 1848 г. роспуску легиона Мицкевича. В марте 1849 г., когда возобновились военные действия против Австрии, слабые сардинские войска были разбиты, а насчитывавший 250 чел. польский легион не успел даже принять участия в сражениях и после их прекращения распался¹⁰⁹.

Еще большее место, чем Италия, в польских военных планах занимала Венгрия, где революция началась в марте 1848 г. На венгерской территории благодаря ее близости к Галиции легче было сформировать польские вооруженные отряды, которые затем могли бы перейти туда. В Венгерском королевстве, объединявшем различные народы, революция обострила национальный вопрос. «Отель Ламбер» видел свою задачу в достижении соглашения венгров с южными славянами и создании

федеративного государства, которое противодействовало бы Австрии и находилось в хороших отношениях с Турцией. Что касается демократического крыла польской эмиграции, то оно и радикально настроенная молодежь на «польских землях» приветствовали венгерскую революцию. Правительство Л. Баттяни относилось к польским инициативам с осторожностью и прежде всего боялось, чтобы военное сотрудничество с поляками не привело к вооруженному вмешательству России. Кроме того, консервативно и националистически настроенная часть венгерских политиков опасалась, что под влиянием поляков как южные славяне, так и венгерское правительство могут перейти на радикальные позиции. Отношение венгерского правительства к польским предложениям менялось в зависимости от военной ситуации: в случае ухудшения положения оно готово было идти на компромиссы¹¹⁰.

Осенью 1848 г., укрепив свои позиции в Италии, австрийский император Фердинанд I издал указ о роспуске венгерского Государственного собрания и объявил участников революции государственными преступниками. 20 ноября (2 декабря) 1848 г. он отрекся от престола в пользу своего 18-летнего племянника Франца Иосифа, не связанного обещаниями восставшей Венгрии. Польско-венгерские контакты, до этого заканчивавшиеся безрезультатно, оживились, когда взяли верх более радикальные элементы во главе с Л. Кошутом и начались военные действия против Австрии. Вследствие соглашения Кошута с львовской Национальной радой в октябре 1848 г. венгерские власти в Пеште вступили в переговоры с делегацией львовского провенгерского комитета под руководством Ю. Дунецкого. 8 (20) октября было подписано соглашение о формировании в Восточной Словакии польского легиона, который должен был насчитывать 1200 чел. и функционировать лишь во время военных действий¹¹¹.

В Венгрию стекалось много добровольцев-поляков, которые вступали как в формирующийся легион, так и просто в ряды венгерской армии. Легион во главе с Ю. Высоцким в декабре 1848 г. участвовал в осаде крепости Арад. С конца февраля 1849 г. польские части под командованием Высоцкого концентрировались в Юго-Восточной Венгрии, а позднее охраняли проход из Галиции в Венгрию и вели бои вплоть до подавления революции в империи Габсбургов. Польский генерал Ю. Бем, который участвовал в обороне Вены во время восстания, в ноябре 1848 г. был назначен главнокомандующим немногочисленных венгерских сил в Трансильвании, где одержал ряд блестящих побед. Он организовал польский легион и размышлял о возможности наступательных действий в направлении Галиции. Бем проявил себя также как хороший политик, содействуя налаживанию венгерско-румынских отношений. Другим высшим польским офицером, служившим в венгерской армии, был генерал Г. Дембиньский, как и Бем, связанный с «Отелем Ламбер». Ставший во главе северной армии, действовавшей главным образом в Восточной Словакии,

Дембинский вынашивал идею вступления в Галицию. После поражения венгерских войск и сдачи Пешта 24 декабря 1848 (5 января 1849) г. Дембинский непродолжительное время был главнокомандующим венгерской армией вместо смещенного А. Гёргея. Венгерские офицеры выражали недовольство этим назначением. Повстанцы потерпели новое поражение под Каполной 14–15 (26–27) февраля от армий А.К. Виндишгреца – Ф.Й. Шлика. На проходившем 19 февраля (3 марта) совещании венгерского командного состава, на котором присутствовал и Кошут, Дембинского обвинили в том, что он «позволил» Шлику выйти из окружения; в отсутствии должного руководства; плохой распорядительности в деле снабжения армии. В результате Дембинский получил отставку с поста главнокомандующего и вернулся к северной армии. 18 (30) марта во главе венгерских войск вновь стал Гёргей¹¹².

Революция в Венгрии приняла в начале 1849 г. опасный для власти Габсбургов характер. 2 (14) апреля Государственное собрание приняло закон о лишении этой династии венгерского престола и провозгласило независимость Венгрии. Во главе государства стал правитель-президент Л. Кошут. Теперь Венгрия располагала значительными вооруженными силами, и австрийское правительство было не в состоянии самостоятельно подавить революцию. В марте 1849 г. Шварценберг просил русский двор сосредоточить войска на границах Буковины, Трансильвании и Галиции для возможных совместных действий с австрийской армией. Российский император был заинтересован в скорейшем подавлении венгерской революции, которая грозила новыми потрясениями в Европе. Кроме того, поскольку в войне между Австрией и Венгрией на стороне последней активно участвовали поляки, он опасался за безопасность собственных границ. Николай I согласился ввести войска в Трансильванию при условии достаточной численности русского вспомогательного корпуса и самостоятельности его военных операций. Для переговоров с австрийским правительством в Вену был послан граф Ф.Ф. Берг¹¹³. 9 (21) мая 1849 г. во время свидания в Варшаве между Николаем I и Францем Иосифом был заключен договор об оказании Австрии военной помощи. Количество российских войск было определено в 140 тыс. чел., они должны были действовать самостоятельно. Значительные вооруженные силы направлялись в Галицию и Дунайские княжества в качестве резервов. Австрия обязывалась безвозмездно обеспечить союзника продовольствием и фуражом. В качестве дополнения к договору 29 мая (10 июня) в Варшаве между Россией и Австрией была подписана конвенция о предоставлении венскому правительству военной помощи и об условиях содержания российских войск. В ней присутствовала статья о взаимной выдаче «бунтовщиков» – венгров и поляков: «Если в числе мятежников, взятых в плен, окажутся подданные обеих держав, заключающих сию конвенцию, то таковые будут выдаваемы по принадлежности. Мера эта

распространяется и на военных дезертиров»¹¹⁴. Европейские державы не противодействовали российской «интервенции». Правительство Великобритании разделяло мысль о необходимости «спасения» Австрии, но опасалось, что последняя может попасть благодаря помощи России в полную зависимость от нее. Франция также решила не вмешиваться, поскольку Николай I фактически предоставил ей свободу действий в Италии, а накануне ввода российских войск в Венгрию официально признал французскую Республику¹¹⁵.

9 (21) июня 1849 г. на территорию восточных комитатов Венгрии вступил русский корпус под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Параллельно с ним двигались австрийские войска во главе с генералом Ю. Гайнау. Главнокомандующий венгерскими войсками генерал А. Гёргей был вынужден отступать на юг, в то же время армия Бема в Трансильвании была в нескольких сражениях полностью разбита русскими войсками. 28 июля (9 августа), в битве под Темешваром потерпел поражение корпус Дембиньского, а через 4 дня Гёргей подписал капитуляцию под Вилагошем и сдался на милость русским войскам. Накануне этого, 29–30 июля (10–11 августа), правительство Кошута ушло в отставку, и находившийся при венгерской армии В. Замойский занялся спасением польского легиона. Многие венгры также решили отправиться в эмиграцию, опасаясь российского плена и преследований со стороны Австрии. Польский легион во главе с Высоцким и Замойским и другие участники венгерской революции дошли до болгарского Видина, где под надзором турецких войск для поляков и венгров был организован переходный лагерь¹¹⁶.

Пребывание этих лиц на севере Османской империи вызвало протесты со стороны России и Австрии. 12 (24) августа 1849 г. в Константинополь прибыл специальный посланник Николая I – его адъютант князь Л. Радзивилл с требованием экстрадиции поляков на основании 2-й статьи Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. Аналогичные требования в отношении венгров выдвинула Австрия. В этот инцидент вмешались Англия, а затем и Франция. Не последнюю роль сыграл здесь и М. Чайковский, который имел большие связи при турецком дворе. По прошествии 10 дней султан Абдул-Меджид по совету английского посла Ч. Стратфорда-Каннинга отказался исполнить требования России и Австрии. Ч. Стратфорд-Каннинг и Ж. Опик, послы Англии и Франции в Константинополе, обещали поддержать Турцию и заявляли, что якобы в договор 1774 г. не было включено право взаимной экстрадиции. Пальмерстон доказывал русскому послу Бруннову, что Турция вправе отказаться от исполнения статьи Кючук-Кайнарджийского договора о выдаче бунтовщиков, а лорд Рассел прямо сказал ему: «Потому что турки слабы и потому что они турки – требуете ли вы, чтоб я им дал совет исполнить то, что я сам считаю позором для всякого независимого государства? Я этого

не могу. Я признаю себя неспособным решиться на это». 5 (17) сентября российский посол при турецком дворе В.П. Титов и его австрийский коллега Б. Штюмер объявили о разрыве отношений с Турцией и выехали из Константинополя. В последнюю минуту, вопреки советам Стратфорда-Каннинга, султан отправил в Петербург Фуада-эфенди со специальной миссией – уладить отношения с Россией. Пока Россия и Турция не пришли к согласию, по распоряжению Пальмерстона английская эскадра, находившаяся в Средиземном море, приблизилась к Дарданеллам, а затем вошла в пролив, готовая в любой момент подойти к Константинополю. Николай I больше не выдвигал требования экстрадиции поляков, однако российская дипломатия искала способы впредь их обезвредить¹¹⁷.

Вследствие недостатка в Турции профессиональных офицеров турецкие власти были заинтересованы в том, чтобы оставить польских и венгерских эмигрантов на территории своего государства и привлечь их на военную службу. Султан согласился с идеей военного министра Мехмета-Али предложить эмигрантам принять ислам и перейти в турецкое подданство, что и было сделано 5 (17) сентября. Замойский резко осуждал данную инициативу. Перейти в ислам согласились часть венгерских изгнанников, а также Ю. Бем и несколько десятков поляков, надеявшихся на скорое начало русско-турецкой войны, в которой они могли бы принять участие. Когда эти надежды польских эмигрантов не оправдались, турецкие власти, чтобы не дразнить российское посольство, отправили Бема и его бывших подчиненных служить на Ближний Восток. В результате переговоров в феврале 1850 г. Замойский и большая часть интернированных поляков и венгров покинули пределы Османской империи. Чайковский вследствие постоянного давления на турецкое правительство российской дипломатии, требовавшей его удаления из Турции, в декабре 1850 г. перешел в ислам, получив имя Мехмед-Садык. Он по-прежнему старался сотрудничать с «Отелем Ламбер», но связи постепенно ослабевали, и Чарторьский утрачивал свое влияние на турецкие дела¹¹⁸.

4. Польский вопрос в международных отношениях в 1850-х – начале 1860-х гг.

После подавления революций и национально-освободительных движений 1848–1849 гг. в Европе сложились менее благоприятные условия для постановки польского вопроса на международной арене. Снова, как и после поражения восстания 1830 г., задача защиты польских интересов легла исключительно на эмиграцию. Численность эмигрантов в 1850 г. заметно увеличилась по сравнению с 1832 г., однако действовать ей стало труднее, прежде всего в связи с изменением политической обстановки во Франции. Аристократическое правительство президента Луи Наполеона Бонапарта

(позднее императора Наполеона III) опиралось на союз с консервативной буржуазией, которая недоброжелательно относилась к полякам и видела в них потенциальных союзников революции. Французские радикальные организации были распущены, Польское демократическое общество не могло продолжать свою деятельность на французской территории, серьезные трудности также испытывали другие эмигрантские организации. Теперь польские эмигранты, особенно демократической ориентации, могли свободно действовать лишь в Великобритании. Тем не менее на фоне назревавшего конфликта между западными державами и Россией политическая активность польских патриотов вновь возросла¹¹⁹.

Политика России, которая благодаря дипломатическому и вооруженному вмешательству стала ко второй половине XIX в. арбитром в Центральной и Южной Европе, нарушала, по мнению Великобритании, равновесие сил на континенте и тем самым вызывала ее недовольство. Стремясь ослабить позиции России, Англия нашла союзника во Франции, которая также рассчитывала извлечь из этого союза какие-то выгоды. Николай I, привыкший к англо-французским противоречиям, не предвидел возможности сближения этих держав и, будучи убежден в военном могуществе России, решил еще больше усилить российское влияние на ближневосточные дела. При этом Россия рассчитывала на Австрию, поскольку недавно оказала ей помощь в подавлении восстания в Венгрии. Поводом к очередному нажиму России на Турцию стал спор между католическим и православным духовенством об опеке над святыми местами в Палестине. Прибывший в начале 1853 г. в Константинополь князь А.С. Меншиков сначала настаивал перед турецким правительством на заключении конвенции, признающей протекторат России над православными подданными Османской империи, а затем, 1 (13) мая, в ультимативной форме потребовал подписания договора о дружбе, который на практике поставил бы Порту в известную зависимость от России. Заручившись поддержкой Англии и Франции, султан Абдул-Меджид отклонил эти требования, что привело к началу международного конфликта. В июне 1853 г. русские войска вошли в Дунайские княжества, а в октябре Турция объявила войну России. Вскоре к ней присоединились Англия и Франция. В лагере антироссийской коалиции находились также Королевство Сардиния (которое искало союзников в деле объединения Италии) и Австрия, обеспокоенная возможностью прочного овладения Россией устьем Дуная.

Начало Крымской войны оживило деятельность всех центров польской эмиграции. Их отношение к текущим событиям было различным и зависело как от идейных принципов, так и от амбициозных начинаний некоторых лиц. Летом 1853 г. в Париже возник род политического клуба, объединявший представителей различных течений польской демократии (Парижское коло), в том числе членов Польского демократического

общества, которым удалось избежать полицейских преследований при Луи Наполеоне Бонапарте. Во главе Коло стал Т. Янушевич, активную роль в нем играли ранее входившие в состав версальской Централизации ПДО генералы Л. Мерославский и Ю. Высоцкий. На собраниях клуба бывал А. Мицкевич, а финансировал начинания организации польский аристократ К. Браницкий. Деятели Парижского коло рассчитывали, что в новой политической ситуации старания поляков получить независимость будет поддерживать Франция. Не последнюю роль в этих расчетах играла фигура королевского кузена принца Жерома Наполеона Бонапарта, сына бывшего короля Вестфалии. Он охотно принимал поляков, в числе его знакомых были Ю. Ордена, С. Галензовский, К. Браницкий, Л. Мерославский. После начала Крымской войны под влиянием польских эмигрантов принц Наполеон высказывался за перенесение военных действий на польские земли и не исключал возможности занять престол в возрожденной Польше, а в феврале 1855 г. сами эмигранты предлагали ему польскую корону. Однако они явно переоценивали возможности французского принца влиять на политику своего царственного кузена. Со своей стороны Жером Наполеон склонял представителей Парижского коло к сотрудничеству с «Отелем Ламбер» в деле организации польских военных формирований¹²⁰.

Польские демократы в Турции весной 1854 г. предпринимали попытки создания не только польского, но также венгерского и валашского легионов. Эти явные антиавстрийские акции в какой-то степени облегчили западным державам дипломатическое давление на Вену с целью добиться от нее выступления на стороне коалиции. 19 апреля (1 мая) 1854 г. в Константинополь прибыл принц Наполеон, который был торжественно принят султаном и начал энергично поддерживать при турецком дворе планы Ю. Высоцкого по созданию легионов, но это не помогло. Осторожная позиция Лондона в отношении польских демократов, отрицательное мнение главнокомандующего французскими войсками в Крыму маршала Ж. Сен-Арно о польском проекте и, главным образом, давление со стороны Австрии, заключившей в июне 1854 г. договор с Турцией, не оставляли шанса на успех акции Высоцкого¹²¹.

Наиболее активную роль в период Крымской войны как в области дипломатии, так и в области организационных усилий по созданию польских легионов сыграл «Отель Ламбер». А.Е. Чарторыский, который в 1848–1852 гг. вынужден был соблюдать дистанцию в отношениях с Луи Наполеоном Бонапартом, в начале 1853 г. на фоне разворачивавшегося ближневосточного конфликта вошел в непосредственный политический контакт с императором. 12 (24) января 1853 г. он беседовал с Наполеоном III о положении в Европе и передал ему записку. В ней князь подчеркивал, что поддержание национально-освободительного движения угнетенных народов находится в интересах Франции, указывая при этом

на необходимость сближения с Англией для результативного противодействия России в ее стремлении утвердиться на Средиземном море. Все эти мысли были развиты в меморандуме, предложенном Чарторыским французскому министру иностранных дел Э. Друэну де Люису 29 января (10 февраля) 1853 г. С этого момента князь и его ближайшие сотрудники часто встречались с министром иностранных дел и пытались на него влиять также через П. Сентра́ или бывшего драгомана французского посольства в Константинополе Кора. В Лондоне дипломатические старания в пользу поляков предпринимал английский друг «Отеля Ламбер» лорд Д. Стюарт¹²².

В июне 1853 г. А.Е. Чарторыский поехал в Лондон, чтобы использовать в целях пропаганды польского дела циркулировавшие слухи о якобы существующих намерениях Петербурга добиться окончательного отделения Дунайских княжеств от Османской империи и превращения их в сателлитное государство, зависимое от России. Он имел с собой подготовленный А. Зверковским проект возрождения независимого польского государства путем возвращения бывших польских земель державами, принимавшими участие в разделах Речи Посполитой. Таким образом, в данном документе Чарторыский отошел от провозглашавшейся в предыдущих проектах идеи восстановления политической самостоятельности только лишь Королевства Польского образца 1815 г. Он находился в Лондоне до середины июля 1853 г., беседовал с видными английскими политическими деятелями, а также членами правительства, наряду с обсуждением международных проблем затрагивая и вопрос о создании польского легиона в Турции. Однако эти переговоры, как и попытки лорда Д. Стюарта организовать в парламенте выступления в пользу более решительной политики Англии в отношении России, ничего не дали¹²³.

Агент «Отеля Ламбер» М. Чайковский постепенно сформировал свою собственную воинскую часть в составе 600 человек, которая получила название 1-го полка султанских казаков. В нем служило несколько десятков польских офицеров, было также много болгар и русинов. В 1854 г. полк принимал участие в сражениях на Балканах, в захвате Бухареста. Английский посол в Константинополе Стратфорд-Каннинг, не желавший образования чисто национального польского военного соединения, вел разговоры одновременно с Замойским и с Высоцким и оттягивал решение. «Отелю Ламбер» не удалось привлечь на свою сторону главнокомандующего французским экспедиционным корпусом маршала Сен-Арно, который опасался, что в случае создания польских легионов в Турции Австрия не поддержит антирусскую коалицию. Неудача в вопросе формирования легиона заставила Замойского обратиться к идее об увеличении контингента и полонизации полка султанских казаков, поддерживавшейся также князем Чарторыским¹²⁴.

Замойский не сумел добиться согласия сераскера (военного министра Турции) на увеличение численности формирований султанских казаков и создание в Константинополе польского вербовочного бюро, которое должно было привлекать на службу польских пленных из российской армии. 23 июня (5 июля) 1854 г. он выехал с группой польских офицеров в Болгарию, где находился Чайковский. В это время политика лавирования австрийских властей в Галиции, а также заявления австрийского посла в Париже, связанные со слухами об уступках России в отношении ее польских подданных, вызвали необоснованные надежды «Отеля Ламбер» на изменение позиции Австрии в польском вопросе. Проавстрийски настроенный Замойский установил во время своего пребывания на Балканах контакты с некоторыми австрийскими политиками и через генерала И. Коронини отправил в Вену проект восстановления польского государства. Проект предусматривал присоединение княжеств Молдавии и Валахии к Габсбургской монархии взамен на предоставление независимости Галиции. Кроме того, Австрия должна была оказать содействие в освобождении других польских земель, а член Габсбургской династии занял бы трон в возрожденной Польше. В ответ на это предложение венский кабинет обратился к турецкому правительству, настаивая на отъезде Замойского и Чайковского из Бухареста, где последний после успешного взятия города был назначен губернатором¹²⁵.

Осенью 1854 г. в Болгарию прибыло несколько десятков польских добровольцев. Их присутствие вблизи театра военных действий помогло Замойскому в его стараниях о создании второго полка султанских казаков. 26 октября (7 ноября) главнокомандующий турецкими войсками Омар-паша получил указ султана, разрешавший это формирование. Полк Замойского, состоявший из поляков, не должен был приближаться к австрийским владениям и сталкиваться с австрийскими войсками. Общее командование осуществлял командир султанских казаков Чайковский (Садык-паша). В марте 1855 г. Замойский получил согласие английского военного министра лорда Ф. Панмура на то, чтобы вербовать добровольцев для полка среди пленников и дезертиров российской армии. Постепенное изменение позиции англичан в вопросе формирования польских полков объяснялось все более ощущавшейся нехваткой сухопутных сил из-за затянувшихся военных действий в Крыму¹²⁶.

В конце февраля 1854 г., когда международное напряжение достигло предела, генерал В. Хшановский при посредничестве лорда Д. Стюарта получил поручение от английского военного министра разработать план войны с Россией. Согласованный с Чарторыским план предусматривал проведение наступательных действий против России в различных направлениях, в том числе на Балтийском побережье. 1 (13) апреля, через две недели после объявления войны России Англией и Францией, А.Е. Чарторыский имел аудиенцию у Наполеона III. Император заверил

его в своем желании восстановить Польшу, хотя первоначально только в границах Королевства Польского. Он подчеркнул, что поднять этот вопрос можно будет только тогда, когда к коалиции присоединится Австрия. На необходимость привлечения Австрии на сторону западных держав указывали и английские политики. Обеспокоенный этим Чарторьский после очередных встреч с Наполеоном III представил императору в середине июля 1854 г. записку о месте и роли будущей возрожденной Польши в Европе, доказывая (применительно к существовавшим на тот момент обстоятельствам), что воссоздание Польши находится в интересах Габсбургской монархии, поскольку будущее польское государство будет защищать Австрию с северо-востока. «Отель Ламбер» сотрудничал с некоторыми проавстрийски настроенными политиками из Галиции и различными путями старался выяснить возможности польско-австрийского сотрудничества в деле восстановления Польши. Тем временем Австрия заняла Валахию, последовательно уничтожая следы польского влияния на Балканах. В ходе Венской конференции, завершившейся подписанием 20 ноября (2 декабря) 1854 г. тройственного союза между Англией, Францией и Австрией, западные державы обошли молчанием вопрос о Польше, чтобы не дразнить Австрию и Пруссию¹²⁷.

Первые месяцы 1855 г., казалось бы, предвещали дипломатии «Отеля Ламбер» увеличение шансов на успех. В январе этого года пост английского премьер-министра занял более решительный, по сравнению с Дж. Г. Абердином, политик – лорд Г. Дж. Пальмерстон. Продолжавшиеся военные действия в Крыму побудили британских политических и военных деятелей рассмотреть вопрос об увеличении числа польских добровольческих отрядов, а также задуматься о выгодах, которые могло бы принести восстание на Украине – в тылу сражавшихся российских войск. Двучленная позиция Австрии, которая так и не вступила в войну на стороне западных держав, вызывала недовольство Франции. Все это вселяло оптимизм в сторонников партии Чарторьского, не желавших замечать, что правительства западных держав используют сотрудничество с поляками лишь как инструмент дипломатической борьбы и средство увеличения антироссийских вооруженных сил. 14 (26) января 1855 г. А.Е. Чарторьский беседовал с министром иностранных дел Франции Друэнном де Люисом, обсуждая способы восстановления Польши и ее будущее территориальное устройство, а также вопрос о польских легионах. 31 января (12 февраля) князь был благосклонно принят Наполеоном III. Не последнюю роль при этом сыграл факт приближавшейся свадьбы его сына Владыслава с дочерью испанской королевы Марии-Христины графиней Виста-Алегре Марией Ампаро, близкой родственницей французской императрицы Евгении. Император вновь подчеркнул, что не находит возможным решение польского вопроса без участия Австрии¹²⁸. Одно из средств давления на нее Наполеон III видел в частых аудиенциях, уде-

яввшихся Чарторыскому французским монархом, и «официальном» принятии польской делегации в составе А.Е. Чарторыского, Т. Моравского, С. Бажиковского, А. Мицкевича и генералов В. Хшановского и А. Скаржиньского в мае 1855 г. На встрече с Чарторыским 30 мая (11 июня) император прямо заявил, что Франция жаждет мира, и польский вопрос в рамках восстановления политического существования Королевства Польского может быть поднят лишь во время мирных переговоров. Англия также согласилась с подобной точкой зрения¹²⁹.

В середине июля 1855 г. прибывший из Турции В. Замойский начал в Лондоне переговоры о создании в Турции польских военных формирований. В этом ему помогал зять покойного Д. Стюарта – лорд Д. Хэруби, вошедший в кабинет Пальмерстона. Англичане планировали включить уже сформированные полки султанских казаков в состав турецкого корпуса под командованием генерала Р. Вивиана. Возможность хотя бы частичной реализации проекта увеличения польских вооруженных сил вызвала большую обеспокоенность Петербурга, Вены и Берлина. Уступая просьбам российского и прусского правительств, тесть Замойского Т. Дзялыньский согласился отправиться в Париж, чтобы склонить представителей «Отеля Ламбер» к отказу от переговоров с англичанами. Вена же путем дипломатического давления на Константинополь пыталась добиться перевода обоих полков султанских казаков в азиатские провинции Османской империи¹³⁰. 12 (24) сентября 1855 г., уже после захвата союзниками Севастополя (что увеличивало их шансы на заключение мирного договора с Россией и делало ненужными сформированные специально на время войны войсковые соединения), Замойский получил официальное уведомление о согласии Англии на создание под его командованием дивизии султанских казаков, подчиненной генералу Вивиану. Ее базой должен был стать второй полк султанских казаков, состоявший из 1000 кавалеристов и 3000 пехотинцев. Ни по внешнему виду, ни формально дивизия не могла носить видимости польского войска, хотя в действительности имела национальный характер. Поскольку после начала мирных переговоров западных держав с Россией дивизия стала уже не нужна Англии, Замойский пытался включить ее в состав турецких войск, но ему было заявлено, что Порты не хочет принимать в ряды армии иностранные части¹³¹.

Попытки Франции сделать вопрос о восстановлении конституции Королевства Польского одним из главных пунктов будущих переговоров с Россией наталкивались на неизменное противодействие английского кабинета. 26 марта (7 апреля) 1855 г. министр иностранных дел Франции Э. Друэн де Люис отправил французскому послу в Лондоне А. Валевскому пространную депешу о положении Королевства Польского. Друэн де Люис предлагал английскому правительству заставить Россию соблюдать в отношении Польши Венские трактаты, для чего предусматривалось

созвать мирную конференцию в Вене. По словам министра, сопротивления со стороны Австрии и Пруссии не стоит опасаться, так как они также чувствуют угрозу, исходящую от России. Однако Пальмерстон считал эту инициативу «политически неразумной и несвоевременной в данный момент»¹³².

После падения Севастополя Друэн де Люис в письме к Пальмерстону снова заявил о желании Франции восстановить политическое существование Польши и просил о поддержке, на что премьер-министр ответил категорическим отказом¹³³. 15 (27) сентября 1855 г. эти же предложения вновь были повторены британскому кабинету сменившим Друэна де Люиса на посту министра иностранных дел А. Велевским, который доказывал, что нарушение российским императором статей Венского договора не может быть оправдано. «Ни восстание Польши, ни триумф русской армии над восставшими не могли <...> освободить Россию от ее обязательств <...> настала минута сделать из восстановления Королевства Польского в том виде, в каком предусмотрено Венским конгрессом, один из существеннейших предметов в переговорах о мире, как только они станут возможными, равно как и одно из важнейших оснований означенного мира»¹³⁴. Уклончивый ответ английского министерства был равносителен отказу. После этого Наполеон III направил свои усилия на скорейшее окончание войны и переход к мирным переговорам, поскольку овладение Севастополем вполне удовлетворило тщеславие французского императора¹³⁵.

Наполеон III стремился к налаживанию отношений с Россией и понимал, что основное препятствие к этому кроется в различных подходах к решению польского вопроса. Он продолжал делать в этом направлении осторожные попытки, побуждаемый давлением польской эмиграции и общественным мнением Франции, традиционно благожелательно относившейся к полякам. Еще до начала Парижского конгресса в беседе с первым уполномоченным России графом А.Ф. Орловым 9 (21) февраля 1856 г. император спросил, можно ли ожидать прекращения гонений на католическую церковь в Польше и амнистии для политических преступников. Орлов отвечал, что поляки лишены лишь политических прав, а не свободы вероисповедания, и выразил надежду, что в связи с предстоящей коронацией Александра II виновные поляки будут прощены¹³⁶.

18 (30) марта 1856 г. был подписан Парижский мир, по условиям которого провозглашалась амнистия тем из подданных воюющих стран, которые действовали в пользу неприятеля, при этом подразумевались и поляки, сражавшиеся против России. Ни Англия, ни Франция не решились, не желая усложнять свои задачи, ввести польский вопрос в официальную программу заседаний Парижского конгресса даже во время второй части его работы, уже после подписания мирного договора с Россией. Тем не менее это не означало, что правительства западных держав намеревались полностью отказаться от польской «карты», поскольку она была удобным

инструментом нажима на Петербург, кроме того, они должны были считаться с общественными настроениями в своих государствах. В неофициальных разговорах союзников с российскими дипломатами польская тема несколько раз поднималась с целью склонить российскую сторону взять на себя определенные обязательства в польском вопросе. В конце марта Наполеон III предложил графу Орлову сказать на заседаниях слова «милосердия и великодушия» в отношении Польши. Орлов решительно отклонил это предложение, заявив, что такой вопрос не подлежит компетенции конгресса и зависит лишь от воли Александра II. 7 (19) апреля 1856 г. он писал канцлеру К.В. Нессельроде о попытках французского и английского министров иностранных дел А. Валевского и Дж. Кларендона склонить его «сказать на конференциях от имени государя императора несколько слов, благоприятных Польше». Орлов сообщил им о своем разговоре с Наполеоном III, подчеркнув, что он уже отклонил эти требования. «Я вполне доволен тем, — заключал граф, — что мне не пришлось слышать имя Польши произнесенным на заседаниях, в присутствии представителей великих держав Европы»¹³⁷.

По случаю окончания Крымской войны и ожидавшейся коронации Александр II обнародовал указы о помиловании уроженцев Королевства Польского, участвовавших в антиправительственной деятельности, но первоначально они коснулись лишь очень узкого круга лиц. Амнистия, оглашенная 15 (27) мая и 21 июня (3 июля) 1856 г., была унижительной для эмигрантов и не предусматривала возвращения конфискованных имуществ. Поэтому до конца марта 1857 г. ею воспользовались лишь 108 человек. 26 августа (7 сентября) 1856 г., в день коронации императора, была объявлена новая амнистия для подданных Королевства Польского, сосланных по политическим мотивам в Сибирь, на Кавказ и вглубь европейской России. Благодаря ей на родину вернулось около 10000 человек¹³⁸.

Намечавшееся сближение российского и французского дворов имело целью добиться отмены невыгодных им трактатов: для России — Парижского договора 1856 г., провозгласившего нейтрализацию Черного моря, для Франции — постановлений Венского конгресса, унижавших ее национальное достоинство. Встреча двух императоров в Штутгарте в сентябре 1857 г. проходила в довольно дружественной обстановке, пока Наполеон III не спросил о возможности всеобщей амнистии для поляков и улучшения положения польских подданных Российской империи. «Что касается до отношений России к Франции, — заметил Наполеон, — то я вижу только один вопрос, который может стать щекотливым. Это вопрос польский, если он должен подняться снова и занять собою европейскую дипломатию. Я имею обязательства, от которых не могу отречься, и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше. Об этом обязательстве я должен откровенно предупредить Ваше величество, чтобы не пришлось прервать наши добрые отношения,

которыми я так дорожу». Александр II ответил, что он желает Польше спокойствия и процветания, но иностранное вмешательство лишь возбудит в поляках несбыточные надежды. Царь пояснил, что он амнистировал «всех тех, кто выразил свою покорность», но не может помиловать участников восстания 1830 г., которые продолжают свою «подрывную» деятельность в эмиграции. Как только Наполеон вышел от Александра, тот громко сказал одному из лиц своей свиты: «Со мною посмели заговорить о Польше!» Не исключено, что французский император слышал эти слова или узнал о них позже¹³⁹. Впоследствии он рассказывал российскому послу в Париже барону А.Ф. Будбергу о впечатлении от разговора с Александром II: «Император немного обиделся на меня за мою откровенность и <...> он нашел, что я вмешиваюсь в дело, которое меня не касается»¹⁴⁰. Тем не менее формальный союз между Россией и Францией был заключен. Достигнутые договоренности обеспечили Наполеону нейтралитет России во время войны за объединение Италии.

Русско-французский союз вызвал разочарование польской эмиграции, которая до 1860 г., времени начала массовых политических манифестаций в Королевстве Польском, не предпринимала активных шагов на международной арене. В связи с плохим состоянием здоровья престарелого князя А. Чарторьского, пользовавшегося большим влиянием, дипломатическая служба «Отеля Ламбер» была реорганизована и установлены тесные связи с Королевством Польским. Во главе созданного 14 (26) сентября 1860 г. в Париже «Бюро польских дел» встал младший сын А. Чарторьского – Владыслав. Деятельность «Отеля Ламбер» финансировали представители консервативной партии «белых», проживавшие на территории Королевства Польского, Галиции и Великого княжества Познанского. Часть фондов поступала от Чарторьского и членов Бюро. Так как «белые» не смогли выработать четкой внешнеполитической программы, «Отель Ламбер» продолжал сохранять монопольные позиции в польской международной деятельности. Несмотря на попытки созданной в Варшаве в декабре 1861 г. Дирекции «белых» контролировать его деятельность, он сумел отстоять свою независимость в вопросах внешней политики¹⁴¹.

После войны 1859 г. между Францией и Австрией и подписания ими мира в Виллафранке 30 июня (12 июля) 1859 г. Вл. Чарторьский вызвался быть посредником во франко-австрийских переговорах. А. Чарторьский не верил в возможность сближения между Францией и Австрией, но не мешал сыну. 25 и 27 июля (6 и 8 августа) 1860 г. Вл. Чарторьский беседовал с австрийским министром внутренних дел А. Голуховским, предлагая Австрии соглашение с Венгрией и союз с Францией при условии отказа от Венеции и Галиции взамен на вознаграждения на Балканах. Голуховский обратил внимание на то, что заключению этого союза препятствует позиция Наполеона III в итальянском вопросе. Отказ от Италии и

соглашение с Венгрией были противны интересам Австрии, однако, по словам министра, Франц Иосиф был не против возрождения польского государства во главе с представителем династии Габсбургов в обмен на помощь Франции в приобретении Боснии, Герцеговины, Сербии и Дунайских княжеств и сохранение раздробленной Италии, благодаря чему Франция может перенести границы за Рейн. Переговоры не имели результата, поскольку дальнейшие успехи Дж. Гарибальди сделали бесполезным польское посредничество. Но, продолжая делать ставку на франко-австрийское сближение, «Отель Ламбер» вел диалог с французским послом в Вене А. Грамоном и австрийским послом в Париже Р. Меттернихом о возможности автономии для Галиции¹⁴².

Накануне ожидавшегося съезда монархов России, Пруссии и Австрии в Варшаве в октябре 1860 г. «Отель Ламбер» решил вынести польский вопрос на обсуждение европейской дипломатии. Сначала А. Чарторыйский полагал, что это удастся сделать во время конгресса, который должен будет урегулировать итальянский вопрос. Чарторыйский и его сотрудники встречались с Пальмерстоном, Расселом, Велевским и Наполеоном III. Аудиенция Чарторыйского у французского императора 11 (23) января 1860 г. окончательно развеяла надежды польской дипломатии. Несмотря на русско-австрийские разногласия и недавнее соперничество во время Крымской войны, встреча Александра II, принца Вильгельма Прусского и Франца Иосифа в Варшаве 8–14 (20–26) октября 1860 г. продемонстрировала полную солидарность трех монархов в борьбе с польским национальным движением. Предложение австрийского министра иностранных дел И.Б. Рехберга, который выступил за создание австро-пруско-российской комиссии, чтобы следить за действиями поляков, было отвергнуто из-за опасения осложнить отношения с Францией. В конце 1860 – начале 1861 г. «Отель Ламбер» поддержал проект обращения шляхты Королевства Польского к царю с адресом, содержащим просьбу о восстановлении автономии Королевства, но рассчитывал, что в дальнейшем Наполеон III сможет добиться от России бóльших уступок, хотя с середины февраля 1861 г. эмиграция уже отдавала себе отчет в том, что шансы склонить Париж к вмешательству невелики¹⁴³.

Чтобы угодить России, Наполеон III был готов пожертвовать своей популярностью среди польской эмиграции. В разговоре с князем А. Чарторыйским в конце 1860 г. по случаю начавшихся в Королевстве Польском волнений французский император заявил, что «не может взяться за польский вопрос, что необходимость сохранения хороших отношений с Россией принуждает его к крайней осторожности»¹⁴⁴. Между тем российский кабинет требовал решительной декларации французского правительства по поводу национального движения в Королевстве Польском и хотел, чтобы Пале-Рояль, резиденция принца Наполеона, перестал быть очагом польских интриг. Александр II выразил это желание французскому послу

в Петербурге герцогу А.-Н. де Монтебелло 21 декабря 1860 г. (2 января 1861 г.) Одновременно российский посол в Париже граф П.Д. Киселев получил предписание «предъявить императорскому правительству, что в Париже под негласным покровительством принца Наполеона образовалось скопище польских эмигрантов», которые активно пропагандируют идеи воссоздания бывшей Речи Посполитой. На аудиенции у французского императора Киселев сообщил о беспокойствах российского кабинета. В результате 10 (22) января 1861 г. посла посетил принц Наполеон с оправданиями по поводу дошедших до российского правительства сведений¹⁴⁵. Французский министр иностранных дел Э.-А. Тувенель пригласил к себе А. Чарторыского и потребовал прекращения политических интриг, подрывающих союз Франции и России.

В связи с манифестацией в Варшаве 27 марта (8 апреля) 1861 г. Киселев просил Тувенеля «объявить, что никаких надежд на содействие Франции поляки иметь не должны». 29 марта (10 апреля) Тувенель привез российскому послу на согласование текст правительственного сообщения по польскому вопросу для официальной газеты «Moniteur» («Монитор»). Киселев одобрил его, и на следующий день оно было напечатано. В сообщении заявлялось, что общественное мнение и периодическая печать Франции не должны питать надежд на то, что правительство поддержит поляков, реализовать чаяния которых не в его власти. В заключение говорилось: «Великодушный образ мыслей царя служит верным ручательством того, что он желает осуществить на деле преобразования, возможные в настоящем положении Польши, и надо желать, чтобы этому не послужили помехой манифестации, которые способны раздражить его»¹⁴⁶.

8 (20) апреля 1861 г. Наполеон III писал Александру II: «Мне нет необходимости говорить Вашему Величеству, насколько слухи бывают абсурдны <...> Что касается последних волнений в Варшаве <...> их развитие все больше касается моих интересов. Первым их результатом стало сближение России с Австрией и Пруссией и отдаление от Франции, поскольку в этих странах почти не отделяют движения в Венгрии и Италии от польского движения; с другой стороны, я не могу скрывать, что польский вопрос, возникнув, разбудил во Франции старые симпатии, которые ставят меня между общественным мнением в моей стране и моими чувствами к государю, который на протяжении последних пяти лет был моим самым верным и близким другом»¹⁴⁷. Письмо Наполеона произвело очень хорошее впечатление на императора Александра. Но в ответе он подчеркивал, что общественное мнение и периодическую печать можно контролировать, и заканчивал послание весьма недвусмысленно: «У меня есть шанс полагать, что Вы не остановитесь на полпути в этом направлении, что Вы не ограничитесь конфиденциальными объяснениями, ценными для меня, не производя эффекта на публику, которой это совершенно безразлично»¹⁴⁸.

Французский император продолжал действовать в отношении России крайне доброжелательно. Так, по первой же просьбе нового российского посла в Париже барона Будберга из Варшавы был отозван французский генеральный консул П. Сегюр, подозревавшийся в тайных сношениях с польскими заговорщиками. Наполеон лишь позволил себе намекнуть Будбергу на одной из первых аудиенций, что «европейский конгресс составляет, по мнению его, самое действительное средство мирного разрешения многих затруднительных вопросов, в том числе и польского»¹⁴⁹.

В беседах с Вл. Чарторьским в октябре и ноябре 1861 г. Наполеон III, принц Наполеон и А. Валевский подчеркивали, что Франция не будет вмешиваться в польский вопрос, это вмешательство лишь вызвало бы недоверие Петербурга и привело к разрыву дипломатических отношений. Они советовали полякам не рассчитывать на Австрию, а ждать, пока ситуация изменится, и сохранять спокойствие. Эти доводы не убедили главу «Отеля Ламбер». Поляки инспирировали французскую печать, передавая в редакции периодических изданий необходимую информацию и готовые статьи. Пресса старалась доказать, что для разрешения политического кризиса в Королевстве Польском необходимы дипломатическое вмешательство западных держав и иная программа, более широкая, чем простое восстановление конституции 1815 г. «Отель Ламбер» также пытался заручиться поддержкой французской церкви. При этом закрытие костелов в Польше 5 (17) октября 1861 г., явившееся выражением протеста против введения военного положения и ввода российских войск в Королевство Польское, эмигранты представляли как гонения со стороны России. Некоторые французские церковные деятели использовали польские события для критики итальянской политики Наполеона. Император сопротивлялся обсуждению польских дел в парламенте, но не мог явно осуждать поляков из-за давления французского общественного мнения¹⁵⁰.

Аналогичные старания с целью защиты польских интересов «Отель Ламбер» предпринял в Лондоне. В конце февраля — начале марта 1861 г. столицу Великобритании посетили Вл. Чарторьский и В. Замойский. Они беседовали с премьер-министром Г. Дж. Пальмерстоном и статс-секретарем по иностранным делам Дж. Расселом. Последний отрицательно относился к обсуждению событий в Польше, считая, что польский вопрос — игрушка в руках Наполеона III. Рассел заявил Замойскому, что ему нравится либеральная политика царя, и высказал уверенность в мирном решении конфликта путем восстановления польской автономии и введения представительных институтов в Королевстве Польском. Однако, в соответствии с инструкциями из Королевства, «Отель Ламбер» выступал уже за полную независимость Польши, хотя А. Чарторьский полагал, что при переговорах с западными державами нужно ссылаться на Венский трактат. Замойский в марте 1861 г. способствовал проведению дебатов по польской проблеме в Палате общин. Отвечая парламентариям от имени правительства,

Рассел выразил надежду, что Россия согласится на уступки для поляков, но решительно отрицал возможность какого-либо вмешательства со стороны Англии. Это заявление, к удивлению Рассела, вызвало недовольство не только поляков, но и Петербурга. В мае 1861 г. в результате усилий Замайского депутаты английского парламента, остававшиеся под впечатлением событий 27 марта (8 апреля) в Королевстве Польском, когда власти расстреляли безоружных участников варшавской манифестации, снова начали требовать дипломатического вмешательства Великобритании. На этот раз Рассел более решительно дал понять, что, независимо от симпатии, не может кормить поляков обещаниями помощи со стороны Англии: вмешательство бесцельно, оно может вызвать войну, а воевать за Польшу Англия не намерена. Во время парламентских дебатов по польскому вопросу в июне 1861 г. статс-секретарь опять повторил, что время независимой Польши пока не пришло. Премьер-министр Пальмерстон подчеркнул, что Англия не будет вести войну, и высказал уверенность, что поляки не удовольствуются уступками со стороны России¹⁵¹.

На политику английского кабинета также оказала влияние позиция британского посла при русском дворе Ф. Непира. Посол был противником независимой Польши и полагал, что она может возникнуть только в результате крушения существующего порядка. Англия не хотела независимости Польши еще и потому, что это означало усиление Франции. 13 и 23 марта (25 марта и 4 апреля) 1862 г. в английском парламенте вновь прошли дебаты, спровоцированные Чарторьским и Замайским. Рассел и Пальмерстон в очередной раз декларировали, что не видят причин для вмешательства и одобряют программу преобразований, предложенную маркизом А. Велёпольским, главой гражданской администрации Королевства Польского. Кроме того, по мнению Пальмерстона, английское вмешательство способствовало бы активизации польского национального движения¹⁵².

Наряду с попытками воздействия на французский и английский кабинеты «Отель Ламбер» предпринимал различные акции с целью ослабить позиции России на Кавказе, Балканах, в Италии и Швеции. Несмотря на неудачную экспедицию Т. Лапильского на Кавказ в 1857–1860 гг., в мае 1861 г. предводители кавказских горцев уполномочили А. Чарторьского представлять их интересы в западных столицах. В августе 1862 г. Вл. Чарторьский принял в своей резиденции их посланца Исмаила-пашу и содействовал его стараниям получить помощь Англии и Франции в борьбе с Россией, однако потерпел неудачу. В Константинополе постоянные контакты с черкесами и дагестанцами поддерживал новый агент «Отеля Ламбер» на Востоке В. Йордан. Он планировал очередную экспедицию на Кавказ и организацию там польского легиона. С попыткой поддержки войны на Кавказе были косвенно связаны проекты Йордана использовать живших в Добрудже староверов и казаков атамана Гонча-

рова; предполагалось также возбудить волнения среди донских казаков. Йордан рассчитывал на революцию в России и полагал, что царизм будет побежден ударами с Дона и Кавказа. Он сотрудничал с русским эмигрантом В.И. Кельсиевым, присланным к нему в помощь А.И. Герценом и М.А. Бакуниным для переправки в Россию революционной литературы, но это не принесло серьезных результатов¹⁵³.

На Балканах усилия «Отеля Ламбер» сосредоточились вокруг заключения Болгарией церковной унии с Римом. Поляки организовали пропагандистские акции в поддержку идеи унии на Западе. Йордан вошел в контакт с деятелями болгарского национального движения, особенно с Д. Цанковым, основателем и издателем газеты «Болгария», которые считали, что турецкое правительство не признает болгарскую автофекальную церковь, но согласится на заключение унии. 18 (30) декабря 1860 г. группа константинопольских болгар от имени всего народа провозгласила унию с Римом. Туда был направлен игумен Грабовского монастыря, архимандрит Иосиф Сокольский, которого Пий IX в апреле 1861 г. возвел в сан епископа и назначил главой болгарской униатской церкви. Вскоре Йордан сумел получить в Константинополе фирман – документ, означавший признание этого акта. Заключение болгарской церковью унии с Римом грозило России ослаблением влияния среди болгар. В июне 1861 г. российский консул в Пловдиве Н. Геров договорился с болгарским поэтом и журналистом П. Славейковым, хорошо знавшим нового главу униатской церкви епископа И. Сокольского, о помощи в целях устранения его от власти. Славейков заманил епископа со всеми его дипломами и регалиями на российский пароход, который сначала доставил его в Одессу, а затем в Киев (где епископ вынужден был оставаться до самой смерти). После этого вопрос об унии был снят с повестки дня, так как Франция, Англия и Турция сдержанно отнеслись к данной идее, а болгары боялись, чтобы их национальные стремления не были использованы исключительно в угоду польским политическим интересам¹⁵⁴. Не удалось привлечь польских эмигрантов и на службу в румынскую армию. Переговоры об этом генерала Ф. Бреаньского с князем Александру Ионом Кузой в 1862 г. были сорваны благодаря вмешательству российского и австрийского послов в Бухаресте¹⁵⁵.

Важное место в планах эмиграции по-прежнему играл такой фактор, как война за объединение Италии. Осенью 1860 г. диалог с итальянскими политическими деятелями о создании польских воинских частей вели как представители «Отеля Ламбер», так и демократы. Первоначально успех сопутствовал А. Мерославскому, который в соответствии с намерениями Дж. Гарибальди должен был принять командование над иностранным легионом. Но под влиянием Наполеона III и ввиду того, что опасность интервенции со стороны Австрии миновала, премьер-министр Италии К. Кавур отказался от мысли о легионах. Тем не менее он согласился на

организацию и финансирование польской военной школы в Италии под руководством Мерославского. Из-за смерти Кавура в мае 1861 г. дело приостановилось, только в сентябре 1861 г. премьер-министр У. Ратацци разрешил открыть школу в Генуе. Через полгода, в мае 1862 г., ее перенесли в Кунео, а в середине июня решили закрыть – этого потребовала Россия в качестве условия признания Итальянского королевства¹⁵⁶.

Политика «Отеля Ламбер» в связи с ситуацией в Италии была двойственной. Несмотря на старания завязать отношения с правительством Кавура, консервативные круги эмиграции, особенно В. Замойский, В. Калинка и Ю. Клячко, не стремились ограничивать контакты с Римской курией, чем вызывали большое недовольство среди представителей партии «белых» в Королевстве Польском. Ни к чему не привела миссия К. Чарторьского в Ватикане, связанная с закрытием костелов в Королевстве 5 (17) октября 1861 г. Пий IX не поддержал поляков, считая польское национальное движение революционным, и советовал им изъять покорность России и самим открыть костелы. В июне 1862 г. в Рим прибыл В. Замойский. Он должен был просить папу не соглашаться на назначение епископов, проявлявших излишнюю лояльность по отношению к российским властям, и поддержать архиепископа З. Фелиньского, а также требовать от России полного соблюдения конкордата, назначения епископов на пустующие кафедры, выступить в защиту униатов и семинарского обучения. Папа обратил внимание на разницу во мнениях между курией и царским правительством в отношении власти нунциев. Он хотел негласно, путем закулисных переговоров, получить уступки от России, а не афишировать свою помощь полякам. Уезжая, Замойский обещал опубликовать польскую декларацию, признающую светскую власть папы. Это вызвало решительный протест в руководстве «Отеля Ламбер», которое отдавало себе отчет в том, что в случае выполнения обещания, данного Замойским, консервативное крыло эмиграции окажется в изоляции. Возник острый кризис в рядах консерваторов: солидарен с Замойским был только Калинка¹⁵⁷.

В поиске союзников на случай возможного восстания в Королевстве Польском «Отель Ламбер» решил прозондировать обстановку в Швеции. В феврале 1862 г. в Стокгольм приехал З. Йордан. Российский и прусский послы требовали от премьер-министра Л. Мандерстрёма удалить польского агента, но он остался благодаря вмешательству короля Карла XV, питавшего симпатии к полякам. Во время состоявшейся 13 (25) февраля аудиенции король выразил сомнения в прочности русско-французского союза и полагал, что в случае конфликта Англия поддержит Францию. Он заявил о готовности вооруженного сотрудничества с Данией против Пруссии. Карл не верил в вероятность восстания в Финляндии и не думал о нападении на Россию, а рассчитывал на общеевропейскую войну, которую вызвало бы восстание в Польше. Только тогда Швеция могла бы

выступить против России. Однако через 2 месяца король изменил свое мнение, так как сторонники Чарторьского инспирировали ряд публикаций о Финляндии во французской печати. На встрече 20 апреля (2 мая) 1862 г. Карл XV предложил Йордану побуждать финнов к восстанию против России, обещая вооруженную помощь Швеции. Мандерстрём был более осторожен в своих высказываниях. Йордан сблизился со шведскими политиками разных направлений и журналистами. Он способствовал организации 27 июня (9 июля) 1862 г. памятных мероприятий по случаю Полтавской битвы, которые приобрели характер антироссийской манифестации с большим международным резонансом, и был инициатором возведения в Стокгольме памятника Карлу XII⁵⁸.

5. Восстание 1863–1864 гг. и дипломатические акции европейских кабинетов

Предпринимавшиеся «Отелем Ламбер» шаги на международной арене были связаны с тем, что консервативное крыло эмиграции считало восстание в Королевстве Польском преждевременным и верило в возможность решить польский вопрос путем вмешательства западных держав. Но события в стране стремительно развивались, и непосредственным толчком к выступлению стал объявленный в январе 1863 г. рекрутский набор.

Разразившееся в Королевстве Польском 10 (22) января 1863 г. восстание повергло французского императора в уныние, поскольку он должен был сделать выбор между дружбой с российским монархом и симпатиями населения Франции, настроенного в пользу поляков. В первые месяцы восстания Наполеон III надеялся на быстрое его подавление и не стремился разорвать союз с Россией. Французский кабинет заверил российское правительство, что отношения между империями не изменились: «Мы будем свято держаться нашего обычного образа действий, добросовестно выполним обязанности, возлагаемые на нас дружеским характером наших отношений с петербургским кабинетом, наконец, не перестанем советовать умеренность и порицать все, имеющее сходство с анархическими и революционными стремлениями»⁵⁹. Министр иностранных дел Друэн де Люис заявил английскому послу лорду Г. Коули: «Какие бы естественные симпатии император ни питал к польскому делу, Его величество все же решил ничем не ободрять инсургентов и не делать ни одного шага, который можно было бы истолковать как недружественный акт в отношении России»⁶⁰.

Однако общественное мнение Франции было единодушно в выражении сочувствия к восставшим полякам. В этом смысле на Наполеона III оказывало влияние его окружение – ревностная католичка императрица Евгения и принц Жером Наполеон, известный своими демократическими

взглядами. По прошествии определенного времени Друэн де Люис также стал высказываться в пользу активного вмешательства в польский вопрос, мотивируя это возможностью сблизиться с Австрией на почве защиты католицизма. Лишь принцесса Матильда, убежденная сторонница франко-русского сближения, выступала против поддержки поляков. К вмешательству в польский вопрос Наполеона подтолкнули деятельность английской дипломатии и заключение русско-прусской конвенции. Во Франции приближались всеобщие выборы, и поддержка польских интересов становилась для французского императора средством увеличить свою популярность, а отказ в оказании помощи полякам мог сильно ему навредить. В этих условиях Наполеон больше не колебался¹⁶¹.

Другие ведущие европейские державы в начальный период восстания в Королевстве Польском также вели себя сдержанно, ожидая его скорого подавления. Лишь Пруссия сразу же предложила России помощь в ликвидации мятежа. Поведение министра-президента О. Бисмарка было обусловлено двумя причинами: во-первых, желанием укрепить союз России и Пруссии, а во-вторых, убеждением, что быстрое подавление восстания в интересах Пруссии. Выступая в прусской Палате депутатов 6 (18) февраля 1863 г., Бисмарк говорил: «Во всем этом деле речь идет вовсе не о русской политике и не о наших отношениях к России, а единственно об отношениях Пруссии к польскому восстанию и о защите прусских подданных от вреда, который может произойти для них от этого восстания <...> будет ли независимая Польша, в случае, если бы ей удалось утвердиться в Варшаве на месте России, вести прусскую политику? Будет ли она страстной союзницей Пруссии против иностранных держав? Озаботится ли о том, чтобы Познань и Данциг остались в прусских руках? Все это я предоставляю вам взвешивать и соображать самим»¹⁶².

Прусский кабинет предпринял ряд мер, направленных против восставших. Вдоль прусско-русской границы были размещены 4 полка с целью помешать проникновению в Пруссию отрядов повстанцев. В опубликованном воззвании к населению Познани говорилось, что польские подданные Вильгельма I в случае их участия в мятеже будут считаться государственными преступниками. Генерал-адъютант короля Г. Альвенслебен и флигель-адъютант Раух были направлены в Варшаву, а затем в Петербург, чтобы собрать сведения о ходе восстания и согласовать с российским правительством меры для его подавления. Наместник Королевства Польского великий князь Константин Николаевич и его окружение были очень удивлены подобной предупредительностью со стороны Вильгельма I и особенно предложением заключить конвенцию с целью совместных действий против повстанцев, поскольку положение русской администрации в Королевстве не было безнадежным. Но в Петербурге решили пойти навстречу желаниям Пруссии. 27 января (8 февраля) 1863 г. министр иностранных дел князь А.М. Горчаков и генерал Альвенслебен

подписали конвенцию, в силу которой русские и прусские войска могли в случае необходимости переходить границы соседнего государства и преследовать повстанцев на чужой территории¹⁶³.

Подписание российско-прусской конвенции вызвало недовольство других великих держав. Наполеон III предложил английскому и австрийскому правительствам «сообща протестовать в Берлине против международного акта, которым частный польский вопрос обращен в общеевропейский, подлежащий обсуждению всех держав». Австрия и Англия дали уклончивый ответ, причем британский статс-секретарь по иностранным делам лорд Дж. Рассел заметил, что основной упрек нужно адресовать главному действующему лицу — России. 7 (19) февраля 1863 г. Рассел предписал английскому послу в Петербурге лорду Ф. Непиру требовать от России предоставления амнистии полякам и восстановления конституции 1815 г., гарантированной Венским конгрессом. Депеша Рассела была вручена английским послом Горчакову через неделю. В устном ответе Непиру вице-канцлер подчеркнул, что повстанцы выдвинули своей целью не восстановление конституции, а воссоздание Речи Посполитой в границах 1772 г. Кроме того, дарование конституции было личной инициативой императора Александра I, поэтому его преемник имел полное право ее отменить. Введенные в Королевстве Польском при Александре II институты обеспечили Польше административную автономию и народное представительство; что же касается амнистии, российский император планировал ее даровать сразу после подавления восстания. Наполеон III в дружеском письме к российскому императору советовал ему добровольно дать полякам такие учреждения, которые удовлетворили бы их и предотвратили бы планируемое Англией коллективное вмешательство в польский вопрос европейских государств, на что также последовал вежливый отказ¹⁶⁴.

5 (17) апреля 1863 г. английский, французский и австрийский послы в Петербурге выступили с требованиями прекратить войну в Польше и восстановить мир. Англия вновь апеллировала к Венским трактатам, пытаясь доказать, что Королевство Польское было присоединено к России на условиях, прописанных в договоре 1815 г., и потому нельзя поступать с ним как с завоеванной страной. Помимо этого, британский кабинет обращал внимание на то, что положение, существующее в Польше, опасно для спокойствия Европы, поскольку оно возбуждает общественное мнение в других странах. Данное обстоятельство вызывало также тревогу у Франции и Австрии, причем последняя ссылалась на возбуждение умов в Галиции. Вице-канцлер ответил на английскую депешу в духе своих устных объяснений, представленных лорду Непиру. По его мнению, возбуждение умов в Европе, в свою очередь, привело к взрывоопасной обстановке в Королевстве Польском, и чтобы достичь общей цели ее умиротворения, державы должны принять меры «против нравственного и

материального брожения», царящего в Европе, «так, чтобы иссякнул этот постоянный источник смут». Те же аргументы были приведены в ответах главам внешнеполитических ведомств Франции и Австрии. Горчаков прибавлял, что принятие строгих мер в Галиции в отношении польских повстанцев будет способствовать скорейшему подавлению мятежа в Королевстве Польском¹⁶⁵.

Одновременно с собственным обращением лондонский и парижский дворы пригласили все европейские державы и Соединенные штаты Северной Америки присоединиться к дипломатическому демаршу с целью заставить Россию пойти на уступки полякам. В таком демарше отказались участвовать Пруссия и второстепенные немецкие государства, а также Бельгия и Швейцария под предлогом нейтралитета. США, помня о благожелательной позиции России во время такой же акции против единства республики в период Гражданской войны, отклонили это предложение, сославшись на непреложное правило своей политики – невмешательство в дела Старого Света. Зато ноты в адрес российского правительства отправили Испания, Италия, Португалия, Нидерланды, Швеция, Дания и даже Турция. На эти представления вице-канцлер Горчаков отвечал одинаково: речь об амнистии может идти лишь после подавления восстания. Попытку воздействовать на Россию и добиться укрепления своих позиций в Королевстве Польском предпринял и Ватикан. Папа Пий IX в личном письме к Александру II от 10 (22) апреля жаловался на притеснения католической церкви в Королевстве, настаивал на праве непосредственного сношения с местными епископами и указывал на необходимость восстановления влияния духовенства на образование. Император в ответном письме обвинял представителей духовенства в участии в национальном движении. «Этот союз пастырей церкви с виновниками беспорядков, угрожающих обществу, – одно из возмутительнейших явлений нашего времени. Ваше святейшество должны не менее меня желать его прекращения», – писал Александр. Он выражал надежду, что прямое соглашение Петербурга с Ватиканом на основе ранее заключенного конкордата рассеет «недоразумения, порожденные ошибочными или злонамеренными донесениями, и преуспеет дело политического порядка и религиозных интересов, нераздельных в такое время, когда и тому, и другим приходится обороняться от нападений революции»¹⁶⁶.

Не удовлетворившись ответом российского двора, лондонский, парижский и венский кабинеты 5 (17) июня 1863 г. подали Горчакову новые ноты, в которых предлагали установить перемирие с восставшими и передать польский вопрос на обсуждение восьми держав, подписавших заключительный акт Венского конгресса, то есть помимо России, Австрии, Англии и Франции имелись в виду также Пруссия, Швеция, Италия и Португалия. В качестве основы соглашения выдвигались 6 пунктов: 1) всеобщая амнистия для восставших; 2) введение народного представительства

наподобие зафиксированного в конституции Королевства Польского 1815 г.; 3) назначение поляков на публичные должности с целью создания национальной администрации; 4) отмена стеснений, наложенных на католическое вероисповедание; 5) употребление польского языка в качестве официального в администрации, суде и сфере образования; 6) установление правильной и законной системы рекрутского набора. В депешах от 1 (13) июля на имя российских представителей в Лондоне, Париже и Вене вице-канцлер категорически отверг предложение о перемирии и созыве международной конференции. Характеризуя 6 пунктов, Горчаков заявлял, что многие из предполагаемых мер либо уже были введены, либо планировались императором, впрочем, они не удовлетворили бы «мятежников», и их осуществление возможно только после усмирения восстания. «Если меры, о которых идет речь, — утверждал князь, — достаточны для умиротворения страны, то конференция не имела бы цели. Если же меры эти должны были бы сделаться предметом дальнейших суждений, то это повело бы к прямому вмешательству иностранных держав в самые, так сказать, домашние подробности администрации, ко вмешательству, которого не могла бы допустить ни одна великая держава». Единственным, на что соглашался Горчаков, и то лишь по завершении восстания, было частное соглашение России с Австрией и Пруссией о внутреннем устройстве принадлежавших им польских областей. В заключение он указывал, что восстановление порядка в Королевстве Польском «много зависит от решимости великих держав не потворствовать расчетам виновников восстания, находящих основание для себя или почерпающих свой кредит в надежде на деятельное вмешательство в пользу их преувеличенных желаний. Ясное и категорическое заявление со стороны этих держав способствовало бы к рассеянию заблуждений и к падению этих расчетов, которые делят беспорядок и поддерживают волнение умов»¹⁶⁷.

Еще до получения ответной депеши российского вице-канцлера французский министр иностранных дел Друэн де Люис предложил английскому и австрийскому министрам в случае отказа России удовлетворить требования трех держав либо при неблагоприятном исходе замышлявшейся конференции подписать протокол или конвенцию с целью проведения согласованной политики в польском вопросе и определения путей воздействия на Россию, если бы она не подчинилась словесным убеждениям. Англия отклонила это предложение. Лондонский, парижский и венский дворы ограничились предъявлением очередных нот российскому правительству, врученных их представителями в Петербурге во второй половине августа. В них они опровергали доводы Горчакова, настаивали на своем праве вмешательства в польские дела в качестве гарантов Венского договора и возлагали на Россию «ответственность за важные последствия, которые продолжение смут может повлечь за собою». Ответ вице-канцлера от 26 августа (7 сентября) положил конец дальнейшим

препирательствам. Горчаков заявлял, что лишь нарушение основных начал международного права влечет за собой ответственность, Россия же всегда соблюдала эти начала во внешней политике и вправе требовать того же от других государств¹⁶⁸.

Задуманный Наполеоном III демарш против России не удался. Чтобы сгладить впечатление от своего поражения, он в середине октября 1863 г. обратился ко всем европейским монархам с предложением созвать международный конгресс в Париже для обсуждения политической ситуации в Европе. Под предлогом дискуссии по польской проблеме французский император стремился пересмотреть статьи Венского договора. Александр II не возражал против этого при условии согласия других государств на проведение конгресса и точного определения вопросов для взаимного обсуждения. Однако конгресс не состоялся из-за отказа Англии участвовать в его заседаниях¹⁶⁹.

С конца 1863 г. события в Королевстве Польском для европейских держав стали неактуальными, так как было очевидно, что Россия в скором времени полностью подавит восстание. Кроме того, возник немецко-датский конфликт. Об изменении позиции французского правительства свидетельствовали воспоминания Д.А. Милютина, который писал: «В заседании 16/28 января французского Законодательного собрания завязанные защитники Польши воспользовались прениями об ответном адресе на тронную речь императора, чтобы поднять опять все прежние оскорбительные нападки на Россию и лично на русского Государя <...> Однако ж неприличные эти выходы вызвали со стороны правительственных ораторов дельные и сочувственные к России возражения; <...> все предложения в пользу Польши были отвергнуты даже без голосования. Очевидно было, что правительство Наполеона III, сознав ошибочность прошлогодней своей дипломатической кампании и считая дело польского восстания поконченным, не находило уже расчета снова возбуждать какие-либо политические осложнения и даже показывало желание поправить свои натянутые отношения к России»¹⁷⁰. 1 (13) мая 1864 г. посол России во Франции барон Будберг доносил князю Горчакову об аудиенции, данной Вл. Чарторьскому Наполеоном, и ее последствиях. «Аудиенция, которую он столь настойчиво просил у императора Наполеона и наконец добился, повергла эмиграцию в полное смятение. Чарторьский спросил императора Наполеона, каковы будут его действия в пользу Польши. Ответ был настолько малоудовлетворителен, что Чарторьский сразу после этой встречи выпустил публикацию, в которой заявил, что в дальнейшем не следует рассчитывать на иностранное вмешательство»¹⁷¹. Таким образом, для французского императора польская проблема была фактически исчерпана, попытки эмиграции воздействовать на него не принесли результата.

Польский вопрос, в том числе и деятельность эмиграции, в 1830–1860-е годы не слишком часто попадал в поле зрения европейской дипломатии.

Еще реже, лишь в периоды социальных потрясений и острых конфликтов, предпринимались официальные переговоры западных держав с польской стороной. Их дипломатические, военные и полицейские власти иногда использовали эти неофициальные и непродолжительные контакты с польской эмиграцией как средство нажима на государства, принимавшие участие в разделах Речи Посполитой, — Россию, Австрию и Пруссию.

Основными направлениями деятельности эмигрантской дипломатии являлись: 1) формирование европейского общественного мнения путем агитации и установления политических контактов; 2) организация протестов против уничтожения Россией, Австрией и Пруссией польских национальных институтов и нарушения гражданских прав на подвластных им территориях; 3) попытки связать польские национальные интересы с европейскими революционными движениями и поддерживать контакты с их руководящими центрами; 4) старания включить вопрос о Польше в международную дипломатическую игру; 5) попытки использовать или даже спровоцировать политические катаклизмы, которые бы угрожали равновесию сил в Европе и, следовательно, могли бы вызвать конфликт между западными державами и государствами, принимавшими участие в разделах Польши.

Происходившая в 1830-х — начале 1860-х годов в эмиграции политическая и идеологическая борьба, которая велась прежде всего между демократическими и консервативными кругами, привела к тому, что никогда не существовало единых действий «Великой эмиграции» в международной политике как чего-то целого. Нередко доходило до взаимного соперничества и даже сознательного нанесения сопернику вреда в его дипломатических начинаниях. Однако в совокупности акции консервативного и демократического лагеря эмиграции, связанные с различными социально-политическими силами Запада, взаимно дополняли друг друга и в той или иной мере позволяли использовать создавшуюся в Европе международную обстановку.

Дипломатическая деятельность консервативного крыла польской эмиграции в первую очередь была направлена против России. При этом ее политические расчеты нередко шли вразрез с национальными стремлениями других народов. Так, «Отель Ламбер» выступал за сохранение балканских народов под властью «потенциального союзника» Польши — Османской империи, которой предполагалось передать и часть Кавказа, лишь бы не допустить в этих регионах распространения влияния России. Действия польских эмигрантов не ускользали от пристального внимания царской дипломатии. Российские послы выражали протесты в связи с пропольскими выступлениями в английском и французском парламентах, пытались влиять в благоприятном для России духе на западноевропейскую печать, прилагали старания к высылке из того или иного государства наиболее активных деятелей эмиграции. Наибольшие протесты со стороны России,

Австрии и Пруссии вызывало создание польских легионов. Это даже привело к разрыву дипломатических отношений России с Бельгией. Болезненная реакция российского правительства на малейший польский след в международных событиях зачастую не была оправданной. Западноевропейские державы, а также Австрия и Пруссия должны были считаться с общественным мнением в своих странах. И самый значимый результат деятельности польской эмиграции выразился именно в формировании негативного образа России на Западе. Старания поляков ложились на хорошо подготовленную почву, поскольку в Европе всегда с подозрением смотрели на Россию, опасаясь ее территориального расширения и роста ее могущества. Тем не менее во французском и английском обществе мало интересовались польскими делами и плохо разбирались в них. Польский вопрос главным образом использовался в политической борьбе различных партий, и русофобия автоматически подразумевала благожелательное отношение к полякам. Выступления в парламенте и подготовку статей по польскому вопросу инспирировали сами поляки, которые часто являлись анонимными авторами этих работ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Заключительный акт Венского конгресса от 28 мая (9 июня) 1815 г., см.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание I (далее – ПСЗ (I)). СПб., 1830. Т. XXXIII. № 25.863. С. 146.
- ² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (далее – *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций). СПб., 1888. Т. VIII. Трактаты с Германиею. 1825–1888. С. 172; Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел (далее – ВПР). Т. 17. Август 1830 г. – январь 1832 г. / Под ред. Г.Н. Севостьянова (отв. ред.), Г.Л. Арша, В.Н. Виноградова и др. М., 2005. С. 230–232, 246–248, 447; *Пичета В.И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. // Ученые записки Института славяноведения. Т. III / Отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1951. С. 138–149, 161–165; *Kocój H.* Niemcy a powstanie listopadowe: Sprawy powstania listopadowego w niemieckiej opinii publicznej i w polityce pruskiej 1830–1831. Zagadnienia wybrane. Warszawa, 1970. S. 12, 17–18, 42–48, 51–52, 62–64, 67–74; *Фалькович С.М.* Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре / Отв. ред. Б.Н. Флоря, сост. Б.В. Носов. М., 2009. С. 304–306.
- ³ *Owsińska A.* Sprawa polska i liberalne Niemcy w latach 1832–1833. Poznań, 1956 (Nabitka z «Przeglądu Zachodniego». 1956. № 11/12). S. 230–231, 233–240, 246; *Kocój H.* Op. cit. S. 84–88.

- ⁴ ВПР. Т. 17. С. 332–335; *Пичета В.И.* Указ. соч. С. 149–151, 166–173; *Kocój H.* Op. cit. S. 11–14, 16, 27–28, 32–34, 52–56, 58–60, 62–63, 74–76, 78–81, 117; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 306–307.
- ⁵ ВПР. Т. 17. С. 455–456; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. 1795–1918 / Pod red. L. Bazyłowa. Warszawa, 1982. S. 168–169; *Пичета В.И.* Австрия и польское восстание 1830–1831 гг. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1978. С. 29–31, 33–35; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 307–308, 310.
- ⁶ ВПР. Т. 17. С. 277, 454–457; *Пичета В.И.* Австрия и польское восстание... С. 31–33; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 308–309. Благожелательную позицию по отношению к полякам занимал австрийский генеральный консул в Варшаве барон Экснер, который считал, что Австрия должна присоединиться к предполагаемому посредничеству европейских стран в защиту Польши. См.: *Tokarz W.* Relacje konsula generalnego austriackiego w Warszawie barona v. Oechsnera o powstaniu listopadowym // *Tokarz W.* Rozprawy i szkice. Warszawa, 1959. Т. 1. S. 418, 426–427.
- ⁷ ВПР. Т. 17. С. 315–316, 328–332; *Миллер И.С.* Труд В.И. Пичеты «Австрия и польское восстание 1830–1831 гг.» // Славяне в эпоху феодализма... С. 28; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 311–314.
- ⁸ ВПР. Т. 17. С. 352–356; *Пичета В.И.* Австрия и польское восстание... С. 35–37, 39–41; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 315–318.
- ⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 173–174; ВПР. Т. 17. С. 445, 489–492; *Пичета В.И.* Россия и Пруссия... С. 152–154; *Kocój H.* Op. cit. S. 136–151; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 314–315.
- ¹⁰ *Dutkiewicz J.* Francja a Polska w 1831 r. Łódź, 1950. S. 39–40, 50–55, 57–59; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 173–174.
- ¹¹ *Dutkiewicz J.* Op. cit. S. 59–63, 73–74; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 174–175.
- ¹² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1895. Т. XI. Трактаты с Англиею. 1801–1831. С. 448; ВПР. Т. 17. С. 282, 284, 300–301; *Dutkiewicz J.* Op. cit. S. 65–83, 86–91; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 175–179; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 310–311.
- ¹³ *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 177–179, 200–201, 203.
- ¹⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1909. Т. XV. Трактаты с Франциею. С. 133–134, 138; *Пичета В.И.* Австрия и польское восстание... С. 45–47; *Dutkiewicz J.* Op. cit. S. 97–98, 102, 105–107, 109–113; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 192–194, 201–202.
- ¹⁵ ВПР. Т. 17. С. 610–611; *Пичета В.И.* Россия и Пруссия... С. 174; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 319–320.
- ¹⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 138–139; *Dutkiewicz J.* Op. cit. S. 117–118, 128–129, 135–139, 141; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 194, 197–199.
- ¹⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 140–141.
- ¹⁸ Там же. С. 139–140; *Dutkiewicz J.* Op. cit. S. 144.

- ¹⁹ Historia dyplomacji polskiej. T. III. S. 203–204.
- ²⁰ Международные трактаты и законодательные акты, касающиеся вопроса о государственно-правовом отношении Царства Польского и Российской империи. [СПб.,] 1906. С. 55–56; ВПР. Т. 17. С. 448–449, 534–535, 537, 585–586, 595–597, 647–648; *Gadon L.* Emigracja polska. Pierwsze lata po upadku powstania listopadowego. Kraków, 1901. Т. 1. С. 179, 180, 182; *Пичета В.И.* Австрия и польское восстание... С. 48–51; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 318–321.
- ²¹ ВПР. Т. 17. С. 541–542, 593–595, 641–642; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 321–322.
- ²² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 123–145, 174–175; *Gadon L.* Op. cit. Т. 1. С. 26–27, 31–36; *Owsińska A.* Op. cit. С. 236; *Kocój H.* Op. cit. С. 153.
- ²³ *Gadon L.* Op. cit. Т. 1. С. 42–43, 71–95; *Owsińska A.* Op. cit. С. 240–252; *Kocój H.* Op. cit. С. 92–95, 97–103.
- ²⁴ *Kalembka S.* Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862. Warszawa, 1971. С. 134–136.
- ²⁵ *Gadon L.* Op. cit. Т. 1. С. 186–187, 195–204, 213, 217; *Kukiel M.* Czartoryski and European Unity 1770–1861. New-Jersey, 1955. P. 193–198.
- ²⁶ О деятельности Литературного общества друзей Польши см., например: *Stummer W.* Rola Literackiego Towarzystwa Przyjaciół Polski w kształtowaniu brytyjskiej opinii publicznej w sprawie polskiej (1832–1856) // *Wielka emigracja i sprawa polska a Europa (1832–1864)* / Pod red. S. Kalembki. Toruń, 1980. С. 43–64.
- ²⁷ *Gadon L.* Op. cit. Т. 1. С. 203–204, 212, 214–223; *Kukiel M.* Op. cit. P. 199–201.
- ²⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1898. Т. XII. Трактаты с Англиею. 1832–1895. С. 24–26.
- ²⁹ *Kukiel M.* Op. cit. P. 202–208.
- ³⁰ Postępowa publicystyka emigracyjna 1831–1846. Wybór źródeł / Oprac. W. Łukaszewicz i W. Lewandowski. Wrocław, 1961. С. 50–55; *Kalembka S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie w latach 1832–1846 (Rocznik Towarzystwa Naukowego w Toruniu. Т. 71. Z. 3). Toruń, 1966. С. 32; *Idem.* Wielka emigracja a społeczeństwa i rządy europejskie. Uwagi wstępne // *Wielka emigracja i sprawa polska...* S. 12; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 144.
- ³¹ Postępowa publicystyka emigracyjna... С. 22–23; *Kalembka S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie w latach 1832–1846. С. 18.
- ³² *Kalembka S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie... С. 50–51.
- ³³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 185, 228.
- ³⁴ ВПР. Т. 17. С. 284–286, 450–452, 486–488, 513, 516, 518, 520–521, 537–538; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 323–326.
- ³⁵ ВПР. Т. 17. С. 493–494, 520–521, 537–538, 555–557, 591–593; *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 326–329.
- ³⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1878. Т. IV. Ч. I. Трактаты с Австриею. 1815–1849. С. 450–453.
- ³⁷ Там же. С. 454–460; *Татищев С.С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 74–75.

- ³⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 187–193.
- ³⁹ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 460–462.
- ⁴⁰ Там же. С. 461–462.
- ⁴¹ *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. С. 264–266.
- ⁴² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 151–154.
- ⁴³ *Kalembka S.* Towarzystwo Demokratyczne Polskie... С. 40–41.
- ⁴⁴ *Ibid.* С. 53.
- ⁴⁵ *Bender R.* Polacy w armii belgijskiej w latach 1830–1853 // *Polska w Europie. Studia historyczne.* Lublin, 1968. С. 223–230; *Konarska B.* W kręgu Hotelu Lambert. Władysław Zamoyski w latach 1832–1847. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. С. 63–65.
- ⁴⁶ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1896. Т. 5. С. 203; *Лозинский С.Г.* История Бельгии и Голландии в Новое время. СПб. [б. г.] С. 142–143; *Bender R.* *Op. cit.* С. 231–239; *Konarska B.* *Op. cit.* С. 66–67.
- ⁴⁷ Об этом см., например: *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). Т. 1. Священный союз / Перевод с фр.; вступ. статья А.А. Нарочницкого. М., 1947. С. 351–358; *История Испании.* Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XIX века / Редакт. коллег. изд. А.О. Чубарьян, С.П. Пожарская и др. Отв. редакторы тома: О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. М., 2014. С. 290–291, 416–417.
- ⁴⁸ *Konarska B.* *Op. cit.* С. 75–80; *Wróblewska E.* Emigranci polistopadowi w Hiszpanii // *Rozprawy z dziejów XIX i XX wieku.* Toruń, 1978. С. 89–104.
- ⁴⁹ *Frejlich J.* Legion jenerała Józefa Bema w walce o sukcesję portugalską // *Przeгляд Historyczny.* 1912. Т. XIV. С. 93–124, 237–259, 338–364; Т. XV. С. 70–88, 171–187; *Konarska B.* *Op. cit.* С. 67–71; *Rostocki W.* Jeszcze o próbach stworzenia legionu polskiego w Portugalii // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska.* Lublin – Polonia. Sectio F. 1982. Vol. XXXVII, 14. С. 257–278.
- ⁵⁰ Договоры России с Востоком, политические и торговые / Собр. и изд. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 89–92.
- ⁵¹ *Une mission militaire polonaise en Égypte / Éd. par A.G. Benis.* Le Caire, 1938. Vol. 1–2; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. С. 272–273.
- ⁵² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 56–57.
- ⁵³ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 93–95; *Widerszal L.* Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa, 1934. С. 45–48; *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М., 2009. С. 63–65. О враждебной политике Австрии во время русско-турецкой войны см. также донесения Константина Павловича Николаю I и переписку великого князя с Д.П. Татишевым: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1492; Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 1. Д. 9342, 9343, 9349, 9351.
- ⁵⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 62–66; *Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837) / Ввод. статья С.К. Бушуева,*

- подг. Е.В. Александровой // Красный архив. 1940. № 5 (102). С. 189–238; *Дезо-ев В.В.* Указ. соч. С. 69–102. Ср.: *Bolsover G.N.* David Urquhart and the Eastern Question 1833–1837. A Study in Publicity and Diplomacy // The Journal of Modern History. Vol. 8. 1936. P. 444–467; *Webster Ch.* Urquhart, Ponsonby and Palmerstone // The English Historical Review. Vol. 62. 1947. P. 227–251; *Widerszal L.* Op. cit. S. 53–61. В «Истории польской дипломатии» ошибочно написано, что Россия вернула корабль Великобритании и возместила понесенный ею ущерб (вероятно, имелось в виду задержанное ранее судно «Лорд Ч. Спенсер»). См.: *Historia dyplomacji polskiej*. Т. III. S. 291–292.
- 55 [Zamoyski W.] *Jenerał Zamoyski 1803–1868*. Poznań, 1922. Т. V. 1847–1852. S. 1–2, 7–15, 19–22, 24–32; Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен» (1836–1837). С. 226, 229–233, 235–236; *Widerszal L.* Op. cit. S. 73–82, 88–90, 92–110; *Дезо-ев В.В.* Указ. соч. С. 104–113, 142–145.
- 56 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 106–108.
- 57 *Stummer W.* Op. cit. S. 49, 60.
- 58 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 118.
- 59 Там же. С. 206–207.
- 60 Там же. С. 130–159; Договоры России с Востоком... С. 93–103; *Кинятина Н.С.* Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 139–141.
- 61 *Stummer W.* Op. cit. S. 47–48; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 204.
- 62 Цит. по: *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 13; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 233.
- 63 *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 16–18.
- 64 Там же. С. 34–35.
- 65 Там же. С. 25–27. Ср.: *Konarska B.* Op. cit. S. 101.
- 66 [Zamoyski W.] *Jenerał Zamoyski 1803–1868*. Poznań, 1918. Т. IV. S. 49–71; *Konarska B.* Op. cit. S. 100–101.
- 67 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 163–165, 167–168; ср.: *Дебидур А.* Указ. соч. Т. 1. С. 369, 374–376.
- 68 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 168.
- 69 Там же. С. 174–175.
- 70 *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Warszawa, 1949. Т. 2. S. 85–88; *Kalembka S.* Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne... S. 250–251.
- 71 *Kukiel M.* Op. cit. P. 249–250.
- 72 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 274–275; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 264–265.
- 73 *Piowski K.* Kuria rzymska a polski ruch narodowo-wyzwoleńczy 1794–1863. Warszawa, 1955. S. 33–35, 41–47, 58–62; *Papiestwo wobec sprawy polskiej w latach 1772–1864*. Wybór źródeł / Oprac. O. Beiersdorf, wstępem poprzedził K. Piowski. Wrocław, 1960. S. 89–91, 105–113; *Historia dyplomacji polskiej*. Т. III. S. 188–190.
- 74 *Piowski K.* Op. cit. S. 47–49, 53–58, 62–64.

- ⁷⁵ *Konarska B.* Op. cit. S. 133–145; *Piwariski K.* Op. cit. S. 65–67; *Papiestwo wobec sprawę polskiej...* S. 129–136.
- ⁷⁶ *Piwariski K.* Op. cit. S. 67–69, 72–77; *Papiestwo wobec sprawę polskiej...* S. 136–161; *Kalemka S.* Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne... S. 252–253.
- ⁷⁷ *Historia dyplomacji polskiej.* T. III. S. 282.
- ⁷⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 536–537; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 102; *Historia dyplomacji polskiej.* T. III. S. 284; *Гросул В.Я.* Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 – начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т. 2. С. 38–46; *Skowronek J.* Obóz Czartoryskiego a Słowianie bałkańscy w czterdziestych – pięćdziesiątych latach XIX w. // *Kwartalnik Historyczny.* 1975. R. 82. № 2. S. 267–271; *Cetnarowicz A.* Obóz Czartoryskiego a sprawa serbska w latach 1842–1843 w dawnej i nowszej historiografii // *Wielka emigracja i sprawa polska...* S. 131, 132, 147–151. Об ослаблении польского влияния на Балканах см., например, «Некоторые политические замечания»: Российский государственный исторический архив. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 511. Л. 1–6 об.
- ⁷⁹ [*Zamoyski W.*] *Jenerał Zamoyski 1803–1868.* T. V. S. 1–2, 7–15, 19–22, 24–32; *Skowronek J.* Op. cit. S. 273; *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 154; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 222.
- ⁸⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 471.
- ⁸¹ Там же. С. 472; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 91–92.
- ⁸² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 473–474.
- ⁸³ Там же. С. 525–527; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 96–97.
- ⁸⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 528–531; Т. VIII. С. 368–369; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 106–107.
- ⁸⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 533–536.
- ⁸⁶ Там же. С. 533, 535.
- ⁸⁷ Там же. С. 531; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 107–108.
- ⁸⁸ *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 214–215; *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 221–222; *Дебидур А.* Указ. соч. Т. 1. С. 435–439, 447–452; *История Испании.* Т. 2. С. 418.
- ⁸⁹ *Hahn H.H.* Guizot, Kisielw i polska emigracja. Zakusy dyplomacji carskiej na polską prasę emigracyjną we Francji w 1846 r. // *Przegląd Historyczny.* 1974. T. 65. Z. 4. S. 697–724.
- ⁹⁰ *Documents d'histoire contemporaine.* T. I. 1776–1850 / O. Voilliard, G. Cabourdin, F.- G. Dreyfus, R. Marx. Paris, 1964. P. 233–235; *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. London, 1971. P. 3–5; *Renouvin P.* Histoires des relations internationales. Paris, 1967. Vol. V. P. 193; *Ревякин А.В., Федосова Е.И.* Французские либералы и демократы о нациях и национальностях накануне и во время революции 1848 г. // *Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* М., 2001. С. 29–31, 34–36, 38, 39.
- ⁹¹ [*Zamoyski W.*] *Jenerał Zamoyski 1803–1868.* T. V. S. 76, 80–81, 84, 95; *Handelstam M.* Op. cit. T. 2. S. 210, 235–239. См. также: *Henry P.* Le gouvernement

- provisoire et la question polonaise en 1848 // *Revue historique*. 1936. Vol. 178. P. 198–240; *Tersen E.* Le gouvernement provisoire et l'Europe (25 février – 12 mai 1848). Paris, 1948.
- ⁹² *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 229–230.
- ⁹³ *Lamartine A. de.* Histoire de la Révolution de 1848. Bruxelles, 1849. Vol. II. P. 197; *Grajewski H.* Komitet Emigracji Polskiej z 1848 roku (nieznana karta z dziejów Wielkiej Emigracji). Łódź, 1960. S. 26–27.
- ⁹⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XV. С. 232–233.
- ⁹⁵ *Handelsman M.* Op. cit. T. 2. S. 242–245; *Jagodziński Z.* Rząd brytyjski wobec powstania poznańskiego 1848 roku // *Teki Historyczne*. 1964–1965. T. 13. S. 59–91.
- ⁹⁶ *Jagodziński Z.* Op. cit. S. 92–102.
- ⁹⁷ [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski 1803–1868. T. V. S. 86–87; *Handelsman M.* Op. cit. T. 2. S. 248–252, 262–263.
- ⁹⁸ [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski 1803–1868. T. V. S. 86; *Knapowska W.* La France, la Prusse et la question polonaise en 1848 // *La Pologne au VI Congrès International des sciences historiques*. Oslo, 1928. Varsovie; Lwów, 1930. P. 147–158; *Feldman J.* Sprawa polska w roku 1848. Kraków, 1933. S. 98–114, 123–130, 154–160, 174–178, 199–203.
- ⁹⁹ *Knapowska W.* Op. cit. P. 159–166; *Feldman J.* Op. cit. S. 116, 117, 143, 144.
- ¹⁰⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 371. О позиции Мейендорфа в связи с событиями в Познани см.: *Feldman J.* Op. cit. S. 131–132, 141, 143, 162.
- ¹⁰¹ *Historia dyplomacji polskiej*. Т. III. S. 315–316.
- ¹⁰² *Kieniewicz S.* Społeczeństwo polskie w powstaniu poznańskim 1848 roku. Warszawa, 1960. S. 144–315, 332–392; *Frankiewicz C.* Działania wojenne w Wielkopolsce w roku 1848. Warszawa, 1926. Cz. 1–2; *Paprocki F.* W latach rewolucyjnego wrzenia i powstań narodowych (1831–1848) // *Paprocki F.* Karol Libelt 1807–1879. Warszawa; Poznań, 1976. S. 60–72; *Макарова Г.В., Фалькович С.М.* Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // *Европейские революции 1848 года...* С. 191–198.
- ¹⁰³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 373. О миссии Пфуля ср.: *Feldman J.* Op. cit. S. 182, 186, 188.
- ¹⁰⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 374.
- ¹⁰⁵ *Kieniewicz S.* Galicja w r. 1848 // *Pamiętnik VII Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948*. Т. I. Referaty. Warszawa, 1948. S. 273–277; *Idem.* Pomiedzy Stadionem a Goslarem. Sprawa wlościańska w Galicji w 1848 r. Wrocław, 1980; *Koberdowa I.* Polska Wiosna Ludów. Warszawa, 1967. S. 123.
- ¹⁰⁶ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 582–583; *Соловьев С.М.* Россия, Австрия и Англия во время движений 1848–1849 гг. // *Русская старина*. 1877. Т. XX. № 11. С. 423; *Татищев С.С.* Указ. соч. С. 108; *Авербух Р.А.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849 гг. М., 1935. С. 54–55, 273–274.

- ¹⁰⁷ [Zamoyski W.] Jenerał Zamoyski 1803–1868. T. V. S. 39, 44, 46–48, 50–51, 54–55, 61, 63–64, 66, 69, 82, 85, 90, 97–100; *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza 1848–1849. Warszawa, 1955. S. 46–47, 71–72, 100.
- ¹⁰⁸ *Mickiewicz W.* Legion Mickiewicza, Rok 1848. Kraków, 1921; *Morawski K.* Polacy i sprawa polska w dziejach Italii. Warszawa, 1937. S. 80; *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza... S. 60–73, 129–138, 141–148, 150–165; *Witkowska A.* Mickiewicz. Słowo i czyn. Warszawa, 1975. S. 260–275.
- ¹⁰⁹ [Zamoyski W.] Jenerał Zamoyski. T. V. S. 136–223; *Handelsman M.* Rok 1848 we Włoszech i polityka Adama Czartoryskiego. Kraków, 1936; *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza... S. 83–85, 100–101, 108–111, 117–119, 120–128, 138–141, 149–150.
- ¹¹⁰ См.: *Grabiański A.* Z zagadnień polityki Europy wschodniej. Sprawa węgierska. Studium historyczno-polityczne. Warszawa, 1928; *Russjan L.* Polacy i sprawa polska na Węgrzech w roku 1848–1849. Warszawa, 1934.
- ¹¹¹ *Grabiański A.* Op. cit. S. 28–30; *Russjan L.* Op. cit. S. 17.
- ¹¹² *Авербух Р.А.* Указ. соч. С. 86–91; *Она же.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848–1849. М., 1965. С. 252–257; *Kozłowski E.* General Józef Bem. Warszawa, 1958. S. 283–570; *Kovács E.* Działalność gen. Józefa Bema podczas walk w Siedmiogrodzie zimą 1848/9 // *Studia i materiały do historii sztuki wojennej.* 1956. T. 3. S. 119–146; *Федосова Т.Ф.* Юзеф Бем в Венгерской революции 1848–1849 гг. // *Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.).* М., 1991. С. 106–116.
- ¹¹³ Граф Карл Нессельроде. Защита политики России и положения, принятого ею в Европе. 1854 г. // *Русская старина.* 1873. Т. VIII. № 11. С. 803; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 425–426; *Авербух Р.А.* Царская интервенция... С. 109–116.
- ¹¹⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 600; *Авербух Р.А.* Царская интервенция... С. 116–117.
- ¹¹⁵ *Авербух Р.А.* Царская интервенция... С. 201–220.
- ¹¹⁶ *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 2. S. 330, 340; *Skowronek J.* Polityka bałkańska Hotelu Lambert (1833–1856). Warszawa, 1976. S. 155, 171–172, 175–176; [Zamoyski W.] Jenerał Zamoyski. T. V. S. 250–272; *Авербух Р.А.* Царская интервенция... С. 118–180, 224.
- ¹¹⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. XII. С. 255–259; [Zamoyski W.] Jenerał Zamoyski. T. V. S. 272–275; *Авербух Р.А.* Царская интервенция... С. 225–265; *Skowronek J.* Polityka bałkańska... S. 177–179.
- ¹¹⁸ [Zamoyski W.] Jenerał Zamoyski. T. V. S. 275–300; *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 2. S. 347–348.
- ¹¹⁹ *Kalembka S.* Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862. S. 361.
- ¹²⁰ *Mierosławski L.* Pamiętnik (1831–1863) / Wyd. J. Frejlich. Warszawa, 1924. S. 41–44; *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Warszawa, 1950. T. 3. Cz. 1. S. 185; *Żychowski M.* Ludwik Mierosławski (1814–1878). Warszawa, 1963. S. 435–438; *Kalembka S.* Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne... S.

388–389.

- ¹²¹ Dziennik misji gen. Wysockiego do Turcji 1853–1855 // Przegląd Historyczny. 1932–1933. T. 30. Z. 2. S. 454–522; *Lewak A.* Dzieje emigracji polskiej w Turcji (1831–1878). Warszawa, 1935. S. 99–116.
- ¹²² *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 3. Cz. 1. S. 234; *Bóbr-Tylingo S.* Napoléon III et le problem polonais 1830–1859 // Revue Internationale d'Histoire Politique et Constitutionnelle. 1956. № 2. P. 259–280.
- ¹²³ Historia dyplomacji polskiej. T. III. S. 406–407; *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 3. Cz. 1. S. 237.
- ¹²⁴ *Lewak A.* Op. cit. S. 99–100; [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski. Poznań, 1930. T. VI. S. 202–238.
- ¹²⁵ [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski. T. VI. S. 239–242; *Rawita-Gawroński F.* Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza), jego życie, działalność wojskowa i literacka: zarys biograficzny. Petersburg, 1901. S. 52–55.
- ¹²⁶ [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski. T. VI. S. 243–252; *Rawita-Gawroński F.* Op. cit. S. 55–56.
- ¹²⁷ *Kukiel M.* Op. cit. P. 283–291. Российский поверенный в делах при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне Д.Г. Глинка доносил канцлеру К.В. Нессельроде 27 июля (8 августа) 1854 г. о разговоре с прусским посланником О. фон Бисмарком, обеспокоенным слухами о возможности присоединения к Австрии Дунайских княжеств при условии ее отказа от Галиции, которая была бы присоединена к восстановленной Польше. В случае возникновения такой ситуации, по словам Бисмарка, Пруссия пересмотрела бы вопрос о своем нейтралитете. См.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций. Т. VIII. С. 443–444.
- ¹²⁸ *Handelsman M.* Adam Czartoryski. T. 3. Cz. 1. S. 346; Cz. 2. S. 387.
- ¹²⁹ Historia dyplomacji polskiej. T. III. S. 416.
- ¹³⁰ [*Zamoyski W.*] Jenerał Zamoyski. T. VI. S. 252–260.
- ¹³¹ Ibid. S. 261–265.
- ¹³² Documents diplomatiques sur les affaires de Pologne («Livre jaune»). 1855–1862. Paris, 1863. P. 5–7.
- ¹³³ Étude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856). St.-Petersbourg, 1878. Vol. 2. P. 368–369; *Henderson G.* The Crimean War Diplomacy. Glasgow, 1947. P. 107.
- ¹³⁴ Documents diplomatiques... P. 8.
- ¹³⁵ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1843–1856 / Под ред. д. и. н., проф. А.Г. Захаровой. М., 2000. С. 400; *Татищев С.С.* Русская дипломатия в польском вопросе (1853–1863). М., 1888. С. 152.
- ¹³⁶ *Петров А.Н.* Парижский конгресс // Исторический вестник. 1891. № 1–3. С. 388; *Татищев С.С.* Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 189–190.
- ¹³⁷ *Татищев С.С.* Александр II... Т. 1. С. 198, 203.
- ¹³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1857. Т. XXXI. Отделение 1. 1856 г. № 30626. С. 364–365, № 30878. С. 798–802; *Ка-*

- lembka S. Wielka emigracja. Polskie wychodźstwo polityczne...* S. 405–406.
- 139 *Заблюцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. СПб., 1882. Т. 3. С. 36–40. Ср.: *Charles-Roux Fr. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III.* Paris, 1913. P. 221.
- 140 *Пухова Л.А.* Между мечтами и реальностью: польская эмиграция и французское правительство (середина 1850-х – конец 1860-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. М., 2010. С. 14.
- 141 *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 434–440.
- 142 *Ibid.* S. 441–442.
- 143 *Ibid.* S. 443–445.
- 144 Цит. по: *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 81.
- 145 *Заблюцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 215–218; *Татищев С.С.* Русская дипломатия... С. 28; *Он же.* Александр II... Т. 1. С. 409.
- 146 *Заблюцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. Т. 3. С. 226–227.
- 147 Цит. по: *Пухова Л.А.* Указ. соч. С. 16–17. См. также: *Martel R.* La France et la Pologne. Paris, 1931. P. 43–44.
- 148 «Европа пережила беспокойные времена»: Переписка императоров Александра II и Наполеона III. 1856–1867 гг. / Подгот. Л.А. Пухова // Исторический архив. 2007. № 6. С. 167, 170.
- 149 *Татищев С.С.* Русская дипломатия... С. 34; *Он же.* Александр II... Т. 1. С. 409, 413–414.
- 150 *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 451–455.
- 151 *Ibid.* S. 446–451.
- 152 *Ibid.* S. 455–456.
- 153 *Widerszal L.* Op. cit. S. 220; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 461–462; *Дегоев В.В.* Указ. соч. С. 411–412, 414–418, 420, 422–423.
- 154 *Widerszal L.* Bułgarski ruch narodowy 1856–1872 (Rozprawy historyczne Towarzystwa naukowego warszawskiego. Т. XVIII. Zesz. 2). Warszawa, 1937. S. 94–149.
- 155 *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 459–461.
- 156 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века. М., 1966. С. 99, 101, 195–196, 198–232. О позиции России в вопросе признания объединенной Италии см.: *Серова О.В.* Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997. С. 289–339.
- 157 *Historia dyplomacji polskiej.* Т. III. S. 466–468.
- 158 *Ibid.* S. 469–470.
- 159 Цит. по: *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 147.
- 160 Confidential Correspondence of the British Government respecting the Insurrection in Poland. Paris, 1863. P. 53–54.
- 161 *Милотин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. д. и. н., проф. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 135–136; *Тома А.* Вторая империя (1852–1870). СПб., 1908.

- С. 136; *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 149; *Пухова Л.А.* Указ. соч. С. 21–22.
- ¹⁶² *Татищев С.С.* Александр II... Т. 1. С. 477–478.
- ¹⁶³ Там же. С. 479.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 479–482.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 482–485.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 485–487. О позиции Ватикана в период восстания 1863–1864 гг. см.: *Piwariski K.* Op. cit. S. 94–100. Текст письма Пия IX Александру II от 10 (22) апреля 1863 г. и ответного послания императора от 10 (22) мая см.: *Rapierstwo wobec sprawy polskiej...* S. 213–222.
- ¹⁶⁷ *Татищев С.С.* Александр II... Т. 1. С. 487–494.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 495–497.
- ¹⁶⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 316–321; *Татищев С.С.* Александр II... Т. 1. С. 497–498; *Панченкова М.Т.* Россия, Франция и Турция в 1863 г. // Новая и новейшая история. 1970. № 6. С. 113; *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004. С. 313; *Пухова Л.А.* Указ. соч. С. 23–24.
- ¹⁷⁰ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. С. 400–401.
- ¹⁷¹ Цит. по: *Пухова Л.А.* Указ. соч. С. 25.

ГЛАВА 6

ПОЛЬСКАЯ «ВЕЛИКАЯ ЭМИГРАЦИЯ» 1831 – НАЧАЛА 1860-х гг.

1. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ БОРЬБА РАЗЛИЧНЫХ ТЕЧЕНИЙ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1830–1831 гг.

Поражение восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском вызвало массовый исход польских патриотов с родины. Эта политическая эмиграция получила название «Великой» как по той роли, какую она сыграла в истории Польши, так и по своей численности, которая, по разным оценкам, достигала 8–10 тыс. человек. Ареалом распространения поляков стали Европа и Северная Америка, но преимущественно они концентрировались во Франции, где осело 6–7 тыс. человек, остальные селились главным образом в Англии, Бельгии, Швейцарии, Германии и США. Среди эмигрировавших участников восстания превалировала шляхта, одну четверть составляли представители крестьянства и мещанства. Социальный состав во многом определял политические позиции различных групп эмигрантов, за границу были перенесены противоречия, проявившиеся во время восстания, которые еще более обострились в связи с разной оценкой причин его поражения и расхождениями при определении актуальных национальных задач¹.

Аристократическую партию в эмиграции возглавлял князь Адам Чарторыйский. Он не сразу покинул Польшу, так как еще надеялся на урегулирование отношений с Петербургом при помощи западной дипломатии. От его имени Ю.У. Немцевич в Лондоне вел переговоры, и в конце 1831 г. князь отправился туда через Францию, а по пути встречался с представителями парижской легации партии Чарторыйских Л. Плятером и К. Князевичем. Контакт с ними он поддерживал и находясь в Лондоне, где непосредственно пытался воздействовать на британское руководство, представив ему памятные записки «Цель и основания вмешательства в

пользу Польши» и «О Венском конгрессе». Князь Адам доказывал, что в Вене поляки не добились полной справедливости, так как конституцию и все провозглашенные там права они уже имели в Речи Посполитой; он подчеркивал, что Венский трактат нарушили все три разделившие Польшу державы, и резко критиковал Органический статут, которым Николай I заменил Конституцию Королевства Польского. Чарторьский добивался, чтобы западные державы, прежде всего Англия, потребовали от России восстановить статус Польского государства, провозглашенный на Венском конгрессе, и выступили его гарантами. Идею дипломатической интервенции он пытался проводить и во Франции, куда переехал в августе 1832 г. В Париже он подавал меморандумы министру иностранных дел князю де Брольи, который заверял его в симпатии к полякам, но последствий эти заверения не имели, и сам Чарторьский признавался в письме к Вл. Замойскому: «Мне уже очень тяжело быть всегдашним просителем и стучать туда, где не отворяют». Тем не менее он считал, что отступить нельзя, и старался использовать все возможности, в том числе привлечь к теме Польши европейское общественное мнение, западную прессу. Еще будучи в Англии, он установил связи с общественностью, с филантропическими организациями, способными оказать помощь бедствующим польским эмигрантам, наладил контакт с органами печати, публиковавшими материалы в поддержку Польши. После его отъезда все эти связи оказались в ведении Вл. Замойского, а затем Ю.У. Немцевича и И. Собаньского. Во Франции соратники князя вели подобную работу. Парижская резиденция Чарторьских Отель Лямбер, давшая впоследствии имя этому течению польской эмиграции, стала штабом аристократической партии, центром, который выступал посредником в отношениях поляков с правительственными организациями, занимался вопросами материальной помощи эмигрантам и облегчения доступа польской молодежи во французские учебные заведения. В декабре 1832 г. в Париже было создано Польское историческое общество, и А. Чарторьский стал его президентом. Под эгидой Отеля Лямбер действовало и находившееся в Лондоне Литературное общество друзей Польши².

Аристократическая партия претендовала на руководство эмиграцией, и Отель Лямбер занимался организацией местных польских групп в различных центрах Франции. Здесь его сторонники сталкивались с сопротивлением либерально-демократического течения, выступавшего их оппонентами в восстании. Это крыло эмиграции также стремилось помочь бывшим повстанцам и организовать их. Инициативу проявили «калишане» – умеренные шляхетские либералы: 6 ноября 1831 г. в Париже на собрании 26 эмигрантов был создан Временный комитет эмиграции под руководством Б. Немоёвского, в него вошли также Т. Моравский, К. Тымовский, Ф. Воловский и И. Лелевель. Однако так называемые «варшавские клубисты» во главе с М. Мохнацким и Р. Солтыком, представлявшие

левое течение в бывшем Патриотическом обществе, добились создания новой организации: 8 декабря 1831 г. на общем собрании 87 парижских эмигрантов Немоёвский подвергся острой критике М. Мохнацкого, А. Гуровского, Я. Чиньского, Т. Кремповецкого и др.; Временный комитет распустили и выбрали новую власть. В созданный 15 декабря 1831 г. Польский национальный комитет (ПНК) были избраны В. Зверковский, Л. Ходзько, Р. Солтык, Т. Кремповецкий, А. Глушневич, А. Гуровский, А. Пшецишевский, К. Крайтсир. Председателем ПНК стал Иоахим Лелевель, которого Мохнацкий, сам не прошедший в члены Комитета, назвал «размножителем и патроном революционных убеждений»³.

По социальному составу лелевелисты представляли среднюю шляхту демократическо-республиканского толка и прогрессивную часть шляхетской и мещанской интеллигенции, они стремились повести массы на политическую революцию. Лелевель видел цель в создании нового польского государства, опирающегося на преобразованную социально-экономическую структуру: капиталистическая перестройка шляхетского и крестьянского хозяйства должна была совершиться путем парламентских реформ, без аграрной революции, с сохранением социальной и политической роли шляхты. Для достижения национальных целей Комитет намечал путь вооруженной борьбы, поэтому в манифесте 25 декабря 1831 г. он заявил об отказе бывших повстанцев от царской амнистии и обратился к народам за поддержкой в борьбе против власти монархов. Резкий протест ПНК прозвучал и против попыток Отеля Лямбер формировать из эмигрантов легионы на службе западных держав для защиты их династических и колониальных интересов в Португалии, Алжире, на Мадагаскаре. Подобные попытки предпринимали А. Чарторыский, А. Плятер, генералы К. Князевич и Ю. Бем. Последний выступил с отповедью Комитету от имени военных, которые, по его словам, не желали общаться с теми, кто не сражался, а лишь привык шлаться по варшавским и парижским тротуарам и использует героизм народа и славу его оружия в личных интересах. Бем считал Комитет самозванным, не избранным всем эмигрантским сообществом, обвинял его в «якобинстве», которое вредит отношениям эмиграции с французскими властями. В результате между бемистами и лелевелистами возникали ссоры, имели место дуэли⁴.

Французское правительство действительно беспокоило «якобинство» лелевелистов, так как они были связаны с французскими радикалами – масонами и карбонариями. Через французов Сен-Жюльена и Лафайета, немцев Шумахера и Вольфуна и поляка Л. Ходзько Лелевель находился в контакте с масонами; С. Ворцелль, Я. Чиньский, Ш. Пулацкий, Р. Вещицкий, Т. Кремповецкий исполняли важные функции в масонской Ложе Неделимой Троицы, руководимой Ф. Буонарроти. Ее членами были также Я.Н. Яновский, М. Ходзько, Каспер и Северын Дзевички, К. Круликовский, М. Воллович, А. Завиша, К. Густович, В. Матушевич.

Под руководством парижского Верховного всеобщего шатра масонов находилось Общество бесплатного обучения народа, затем преобразованное в Свободное общество народного воспитания. Эта организация, где сильны были позиции адептов идей Бабёфа, пользовалась большой популярностью у польских эмигрантов. Через Ходзько, являвшегося членом Франко-польского комитета, созданного для помощи полякам, ПНК поддерживал связь с его руководителем Лафайетом. Члены обоих комитетов вращались в кругу польских и французских проблем, в атмосфере дискуссионных встреч и собраний. При этом имел значение героический ореол, окружавший польских эмигрантов. Устные и печатные выступления активных деятелей демократического крыла эмиграции усиливали это впечатление. Большое уважение вызывали, в частности, заявления Лелевеля о негибимой воле поляков бороться за свободу и независимость: «Каждая нация в своем существовании, – утверждал он в речи 29 ноября 1832 г., – развивает собственный характер, свои идеи и свои средства действия <...> нации не умирают». Такие высказывания воспринимались как выражение духа самого польского народа, и не случайно Сент-Бёв отмечал: «Польша кажется нам столь же философичной, разумной, ученой, какой ее столь почтенно представляет Лелевель». Эту близость польскому духу, обусловленную историософскими взглядами и романтическим мессианизмом Лелевеля, отмечали впоследствии и его брюссельские друзья, называвшие его «польским Диогеном».

Комитет Лелевеля стал центром демократическо-республиканской пропаганды, он направлял адреса и манифесты парламентам Франции, Англии, а также обращался к американскому народу, к итальянцам, венграм, немцам, евреям с призывом к союзу с поляками, которые в этом союзе будут играть роль «оплота свободы». Обращался он также к русскому народу; Лелевель высоко ценил русскую литературу, в частности поэзию Пушкина, восхищался русскими революционерами. Говоря о декабристах на собрании в январе 1834 г., он противопоставил «московскому деспотизму» славянский дух, роднящий поляков и русских⁵.

Стремясь мобилизовать эмигрантские массы, взять под свое руководство все эмигрантское сообщество (Огул), Польский национальный комитет занялся организацией эмиграции на местах: создавались местные огулы, выбиравшие советы (рады) для решения общих дел. Французские власти их строго контролировали, стараясь ограничить передвижение поляков по стране. Отстаивая интересы эмигрантов, ПНК выступал с протестами против нарушения их прав, сокращения материальных выплат. В результате возник конфликт во французском парламенте, так как оппозиция во главе с Лафайетом поддержала польский протест.

Наряду с трудностями, связанными с мерами французских властей и конфронтацией с Отелем Лямбер, который конкурировал с демократами по части доминирования среди эмиграции и инспирировал нападки

консервативных военных, Польский национальный комитет испытывал и серьезные внутренние трудности, вытекавшие из разнородности социального состава шедшей за ним эмиграции. Его радикальное крыло во главе с Кремповецким и Гуровским выступало против политики Лелевеля и его идей, касающихся будущего социально-политического облика Польши. Его обвиняли в политических пристрастиях, в принятии единоличных решений. Споры происходили в «Таране» — постоянном месте встреч эмигрантов, и далеко не все посетители этого дискуссионного клуба поддерживали Кремповецкого и Гуровского: предлагали даже их исключить, поскольку своим радикализмом они не только компрометировали Комитет перед властями, но и отпугивали эмигрантов. Однако предложение капитана Скавроньского об исключении не прошло на собрании Огула, так как на защиту радикалов выступили как Я. Чиньский, И.Р. Плужаньский, Мейзнер, так и сам Лелевель, который ценил их за активность. Он подчеркивал, что ПНК — «это треснувший горшок, который, тем не менее, заслуживает быть слепленным и оплетенным, потому что его ненавидят враги нашего дела». Но раскол все же состоялся. Созданная в «Таране» депутация оппозиционеров подала рапорт с характеристикой деятельности Комитета, а затем изложила свои претензии на собрании 3 марта 1832 г.: Комитет упрекали за нерешительность, считали его недостойным представлять «святое национальное дело» во внешних сношениях. Достойными же оппозиция считала тех, кто не только ставил цель независимости Польши, но стремился также бороться за права народа — крестьян, которые увеличат и укрепят ряды борцов за европейский прогресс. Требовали признать лозунги уравнивания крестьян и наделения их землей в собственность, а во внешней политике наладить тесные связи и заключить соглашения с немецкими, венгерскими, итальянскими революционерами, прогрессивными партиями Англии и США, а также с российскими евреями, Персией и Турцией, которым угрожает царизм. Кроме того, критики призывали ПНК более решительно защищать права эмигрантов перед французским правительством, и если французская парламентская оппозиция их в этом не поддержит, нужно обличить ее в глазах прогрессивной общественности⁶.

Собрание Огула согласилось с требованиями радикалов, но Лелевель отказывался выполнять это постановление, доказывая, что оно спровоцирует власти и вызовет репрессии. В результате оно было отменено решением большинства, но оппозиция продолжила борьбу: И.Р. Плужаньский от ее имени объявил о роспуске Комитета и Огула в связи с отсутствием у ПНК социально-политической программы, а также и отсутствием доверия к его членам в среде как консерваторов, так и демократов. Поскольку большинство с этим не согласилось, Кремповецкий и Гуровский вышли из состава ПНК, а Плужаньский, Яновский и А.К. Пулаский — из Огула. 17 марта 1832 г. эта пятерка провозгласила создание Польского

демократического общества (ПДО), к ним присоединились еще 17 радикалов из «Тарана», в том числе Зенон и Александер Свентославские, Рох Рупневский, Адам Пищатовский и другие.

Большинство инициаторов создания ПДО являлись в прошлом лидерами варшавского Патриотического общества, а по социальному составу эта организация была одной из наиболее сплоченных: три четверти ее членов принадлежали к мелкой шляхте и одну четверть составляла радикальная интеллигенция, происходившая из мелкого мещанства и крестьян. В этой среде, тесно связанной с карбонарской «левицей» из Верховного всеобщего шатра, ощущалось влияние идей Бабёфа и Буонарроти – лозунгов утопического аграрного коммунизма, социальной и политической революции в опоре на трудящихся и на народы, борющиеся с деспотизмом. Все это нашло отражение в Акте создания ПДО. Основным автором этого манифеста был Т. Кремповецкий, непосредственно связанный с Буонарроти. Активное участие в его написании принимали также Я.Н. Яновский и В. Гельтман. В манифесте говорилось о том, что Польша погибла по вине шляхты, не желавшей «превратить национальное польское дело в дело крестьянского люда». В «мелком крестьянине и ремесленнике» авторы манифеста видели демократический идеал. Провозглашался лозунг «Все для Люда и через Люд!». В качестве конкретной задачи и необходимого условия борьбы за Польшу выдвигались идеи ликвидации сословий, отмены барщины, но «без убийств и поджогов». Шляхта должна была в собственных интересах отдать народу то, что у него отнято. Основатели Общества заявляли, что «будут стараться объединить интересы Польши с интересами человечества», которое не должно быть разделено: нужно сплотиться под лозунгом общей свободы и общего добра, ибо «один только народ Европы не сможет сохранить обретенную свободу, если будет окружен грозными соседями, деспотизмом и темнотой». В манифесте было подчеркнуто, что «будущее Польши зависит от будущего других европейских народов», и «это их обязанность поднять ее и гарантировать ее существование». Однако руководители Польского демократического общества понимали, что Польша может рассчитывать на помощь лишь в том случае, если сама станет демократической и обеспечит счастье большинства жителей. Отсюда вытекала идея «обобществления земли и ее плодов», но она отражала взгляды лишь левых элементов в ПДО, большинство же стояло на позиции социального компромисса, украшенной антишляхетской риторикой⁷.

Тем не менее социальные лозунги обеспечивали ПДО наибольшую близость к карбонаризму, который во Франции начала 1830-х гг. приходил на смену революционному масонству. Масонские ложи преобразовывались в карбонарские шатры, в тех и других активно участвовали и польские эмигранты демократического и республиканского толка. Создавались и польские ложи, в том числе в провинции: например, Ложа

Св. Яна под титулом Орла и Погони в Авиньоне, Ложа польских детей Хирама в Ле Пюи и другие, ставшие затем польскими шатрами. В масонском и карбонарском движении активное участие принимали как члены ПДО, так и лелевелисты. В 1831–1832 гг. основными очагами польского карбонаризма были Безансон, где преобладали лелевелисты, и Париж – центр сторонников ПДО. Число польских карбонариев росло: так, в Безансоне весной 1832 г. сосредоточилось более 900 поляков – бывших военных, руководство над ними осуществлял Кароль Штольцман, но главным авторитетом являлся полковник Людвик Оборский. Активную роль играли также Ф. Гордашевский, Ф. Новосельский и полковник Д. Антонини, выступавший посредником в связях с итальянцами. В 1833 г. польские национальные центры возникли также в Авиньоне, Дижоне, Страсбурге, Метце, Пуатье, Туре, Шатору и Монпелье. В это время во Франции происходила реорганизация карбонарского движения на основе стремления к большей централизации руководства европейским карбонаризмом, и Кремповецкий разделял эти стремления, прежде всего имея в виду укрепление польско-французских связей. Так, в начале 1833 г. в Париже создали отдельный Польский национальный шатер. Главой его стал Кремповецкий, ему помогали Ю. Выслоух и Э. Корабевич, а в первое время в работе участвовали также А.К. Пулаский и А. Гуровский. Сложилась внутренняя организация польского карбонаризма – деление на участки (территории) и капитулы (районы); существовали три степени посвящения, карбонарии давали присягу о соблюдении тайны и повиновении и были обязаны осуществлять сбор оружия и амуниции. Наряду с польскими, существовали и польско-французские шатры; сотрудничество польских и французских либералов и демократов становилось все более тесным и разветвленным. Национальный польский комитет Лелевеля контактировал с правым крылом французских карбонариев, но в условиях подъема революционных настроений во Франции в 1832 г. завязал сношения с организацией «Друзья народа», руководители которой Распаль и Кавеньяк создали специальный комитет по иностранным делам, занимавшийся исключительно делом Польши. Членами организации стали Лелевель, Зверковский, Петкевич, Водзицкий и Чиньский, а от ПДО в ее работе участвовали Гуровский и Кремповецкий. Характерно, что поляки даже заимствовали у «Друзей народа» организационную форму – деление на секции. И «демократы», и лелевелисты на заседаниях «Друзей народа» обсуждали вопросы создания единого фронта борьбы в связи с планом революционных выступлений, которые подготавливала эта организация. Поляки пользовались поддержкой французской радикальной прессы, публиковали свои материалы в газете «Ля Трибюн». В фонд французской печати в секциях ПДО собирали взносы, которые шли на покрытие штрафов цензуры. Кремповецкий имел также связь с Обществом поддержки свободы печати, охватывавшим ряд европейских стран⁸.

Таким образом, в вопросе укрепления союза с демократическими и революционными силами Европы Польский национальный комитет и Польское демократическое общество выступали заодно. Также вместе они боролись против Отеля Лямбер и так называемых «пульсрудковцев» (сторонников полумер), которых возглавил генерал Юзеф Дверницкий. Тем не менее идейно-политические противоречия, различия программ и тактики двух демократических организаций продолжали существовать, и это находило яркие проявления. Так, в 1832 г. ПНК собрал 1622 подписи под адресом, от имени польских эмигрантов во Франции направленным Палате общин Великобритании и Ирландии. В противовес Отелю Лямбер, который добился выступления в английском парламенте Р. Фергюссона, обвинившего Николая I в нарушении Венских трактатов, левеллисты обвиняли всех трех захватчиков, разделивших Речь Посполитую в 1795 г., и требовали восстановления независимой Польши в ее прежних границах. ПДО поддержало Комитет Лелевеля, но его собственный «Протест против трактатов, разрывавших Польшу с 1772 по 1815 годы» был более сильным документом, так как обращение направлялось не кабинетам, а непосредственно народам. Авторы обращения подчеркивали, что восстание 1830 г. не стало реакцией на нарушение постановлений Венского конгресса 1815 г., а родилось из духа независимости: «Мы имели право восстать, – говорилось в документе, – и сегодня имеем право требовать от Европы возвращения нам давних границ <...> Мы взываем к справедливости, к интересу народов! Они ощущают потребность более крепкого сплочения между собой, укрепления своих сил, распространения господства свободы»⁹.

Текст этого обращения был использован Д. О'Коннелом во время выступления в британском парламенте, однако, опубликовала его лишь газета «Морнинг Геральд» («Утренний вестник»), поддерживавшая польских «левых»; остальные английские газеты отказались от публикации под давлением Литературного общества друзей Польши, находившегося в сфере влияния Чарторыских. Также не был оглашен в британском парламенте адрес Польского национального комитета, но Лелевель использовал факт многочисленных подписей под адресом как доказательство массовой поддержки своей позиции в эмиграции. В действительности же положение ПНК не было прочным, его ослаблял конфликт между двумя крупнейшими секциями – авиньонской и безансонской, которые спорили о будущей власти и пытались выработать ее устав. Это усиливало стремление большинства эмигрантов покончить с разладом внутри эмигрантского сообщества путем создания центральной власти. Такие попытки делались в начале 1832 г., когда речь шла о созыве бывших послов и сенаторов сейма Королевства Польского, находившихся во Франции. Их было немало, но не все политические течения поддерживали план воссоздания сейма, да и задачи его понимали по-разному. Так, например,

А. Мицкевич хотел придать ему характер законодательного собрания народов Европы, а ПДО вообще не признавало сейм репрезентацией народа, видя в нем лишь представителей интересов шляхты. Обращаясь к недавнему опыту восстания 1830 г., «демократы» ставили в упрек сейму то, что он «искал единственного спасения для дела Родины только в правительственных кабинетах и в гарантиях Венских соглашений», нарушение этих соглашений назвал причиной восстания и «провозгласил конституционную монархию, чтобы не испугать европейских королей». Как утверждалось в воззвании ПДО в январе 1833 г., «сейм выкопал могилу польскому восстанию», и имена его членов должны быть отданы на суд истории. Что касалось лелевелистов, то они поддержали идею созыва сейма, так как рассчитывали получить в нем большинство, но необходим был кворум в 33 человека, а Р. Солтык собрал в Париже в январе 1832 г. лишь 19 человек. Тогда Лелевель предпринял попытку вызвать бывших парламентариев из провинции. Рассчитывали также на приезд подкрепления из Дрездена, Брюсселя, Лондона и даже из Галиции, но когда в начале 1833 г. собрали кворум, сторонники Чарторьских ушли, сорвав все планы. Однако стремление к объединению и централизации власти осталось, тем более что, помимо плана созыва сейма, обсуждались и иные проекты, за некоторыми из которых стоял Отель Лямбер. Так, предлагалось создать Центральную раду из представителей секций либо выбрать Делегацию, был даже проект создания специальной дипломатической Рады генералов во главе с Князевичем для установления баланса в отношениях с французским правительством, недовольным связью польских радикалов с европейским революционным движением¹⁰.

Все эти разнородные проекты М. Мохнацкий в письме И. Лелевелю иронично характеризовал как поиски «клея, чтобы слепить польские головы в единое партийное целое». В мае 1832 г. попытку «склеивания» сделал популярный в офицерских кругах генерал Ю. Дверницкий. Он проводил заседания, где обсуждались форма и устав будущей власти, направление ее деятельности. В результате 18 сентября делегаты от различных групп эмиграции собрались на конференцию в Бурже и избрали Комитет из 15 человек (Антоний Островский, Юлиан Серавский, генерал Людвик Пац, Иоахим Лелевель, Валентый Зверковский, Ян Ледуховский, Михал Губе, Станислав Ворцелль, Эзехий Станевич, Александер Еловицкий, Тадеуш Моравский, генерал Ян Уминьский, Францишек Воловский, Анджей Плихта) во главе с Ю. Дверницким. Национальный комитет польской эмиграции провозгласил своей целью «блюсти интересы» эмигрантов, в том числе заниматься административными и политическими проблемами эмиграции. Комитет Дверницкого, как видно из самого состава его членов, объединил разнородные элементы — от радикалов до «пульсрудковцев» и сторонников Отеля Лямбер. Но часть приверженцев Дверницкого под предводительством Мохнацкого и Уминьского выделилась в особую

парижскую группу с собственной радой под названием «Вобан». Польский национальный комитет Лелевеля боролся против создания нового Комитета, и хотя Лелевель и был избран его членом, он не желал его признавать, считая выборы недемократичными. К тому же лелевелистов и «демократов» возмутил тот факт, что на конференции в Бурже была объявлена благодарность А. Чарторыскому за дипломатическую работу¹¹.

Лелевель, Зверковский и ряд других лелевелистов, выйдя из Комитета Дверницкого, отказались распустить Польский национальный комитет и продолжили борьбу с «пульсрудковцами». В этом их поддержали «демократы», прежде всего их активная часть, заседавшая в «Таране» под руководством Кремповецкого, который особенно яростно обличал «военную клику» – основу влияния Дверницкого. Так называемый Парижский (Центральный) комплет ПДО издал воззвание «К гражданам солдатам!», где говорилось о равенстве, о том, что в огулах и радах не должно быть засилья власти высших офицеров. Относительно решений, которые принимались на заседаниях, организованных Дверницким, ПДО заявляло, что не намерено подчиняться резолюциям, противоречащим его собственным программным принципам, и будет сотрудничать с другими эмигрантскими течениями и организациями лишь в вопросах материальной помощи. ПДО вело против Комитета Дверницкого агитацию в провинции, организуя там так называемые конференции и обсуждения; дискуссии касались, в частности, идей французских энциклопедистов и Сен-Симона, а также были связаны с лекциями бабувиста Лапоннере о Великой французской революции, которые пользовались у поляков большим успехом. Левое крыло ПДО пыталось усилить революционное звучание программы Общества. Входившие в комиссию, вырабатывавшую дополнения к его уставу, Кремповецкий, Завиша, Плужаньский выступили с требованием подчеркнуть революционные цели борьбы и в соответствии с ними сформулировать программу в крестьянском вопросе: провозглашалось право собственности крестьян на землю, на просвещение, на участие в политической жизни и выработке законов – таких, «какие подходят крестьянам», которые не должны «позволять панам и дальше их угнетать». Правда, эти идеи вызвали раскол в Парижском комплете, Пулаский выступил против Плужаньского, и на собрании парижской секции ПДО тот был исключен, что привело к волнениям «демократов» в Париже и провинции (в Бурже, Авиньоне и др.). Но одновременно там шла организационная работа, направленная на создание новых секций ПДО (например, в Люне, Селене). Общество ставило задачу роста, так как оставалось не столь многочисленным. Поэтому оно было заинтересовано в союзе с лелевелистами, чтобы эффективно бороться со сторонниками Чарторыских и Дверницкого, в частности с радой «Вобан», которая активно выступала против лелевелистов и «демократов». Борьба сопровождалась громкими скандалами – публичными ссорами, драками, поединками¹².

Со скандалом было связано и выступление Кремповецкого 29 ноября 1832 г. на торжестве в память Ноябрьского восстания 1830–1831 гг., организованном в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре Национальным комитетом польской эмиграции совместно с Франко-польским комитетом. В зале, украшенном флагами Франции, Польши и США, присутствовал Лафайет в мундире гренадера варшавской национальной гвардии. Вели торжественное собрание граф де Ластейри (от Франко-польского комитета), Дверницкий и воевода Антоний Островский. Пулаский и Чиньский выступили с речами на польском языке, а после них Кремповецкий произнес по-французски речь, вызвавшую большой резонанс в эмиграции и среди европейской общественности. Говоря о восстании 1830 г., он указал, что здравый смысл подсказывал его шляхетскому руководству необходимость «провозгласить права человека и гражданина», выдвинуть лозунг борьбы «во имя свободы и равенства», сделать крестьян собственниками, и тогда бы «народная война» принесла победу. В гибели восстания Кремповецкий обвинил шляхту, он проклинал «тех, кто, злоупотребив доверием народа, захватил в свои руки, предательские и слабые, верховную власть и национальное правительство». «Тяжесть их постыдного поведения, — заявил он, — не должна лечь на нацию в целом; пусть они сами переваривают свой позор». Обрисовав ужасное положение крестьянства, Кремповецкий подчеркнул, что «любовь к свободе еще теплится в этих массах, среди которых безнаказанно орудуют бич пана и царская секира». Он возложил вину и на католическое духовенство, которое в X веке «принесло в Польшу принципы рабства и закон крепостничества». Напомнив о борьбе украинского крестьянства времен Хмельницкого, Наливайко и Гонты, о недавней коливщине и кровавом выступлении крестьян в Умани, Кремповецкий восславил крестьянский бунт как выражение исторической справедливости и выдвинул лозунг сочетания политической и аграрной революции. Характерно, что в том же выступлении он вспомнил и о русских революционерах, назвав имя Рылеева, «одного из первых мучеников свободы в России». Кремповецкий подчеркнул, что не считает врагами простых русских людей: в солдатах, подавивших польское восстание, он видел таких же, как и поляки, жертв царского деспотизма¹³.

То, что именно Кремповецкий выступил с подобной речью, было не случайно. Он выделялся радикализмом, и Лелевель доверял ему работу по переводу польских брошюр на европейские языки для основанного в эмиграции в 1831 г. Научного общества, а также поручил заняться «историей последней революции». Анализ этой революции и лег в основу того, что Кремповецкий сказал через два года после ее взрыва. Впоследствии, на похоронах Кремповецкого в 1847 г., об этом очень убедительно напомнил Ворцелль: «Прошло два года с 29 ноября 1830 г. Революция, перенесенная на чужую землю, разбиралась в элементах своей стихии, прослеживала причины своего падения, в тишине пересчитывала своих

верных сыновей и врагов, но не огласила приговора, словно пораженная страшной картиной. Все ее боли вновь возникли в день торжественной печальной годовщины, все они отозвались в любящем сердце ее сына, и он стал ее выражением, издал стон перед своими и чужими, заклеил чело погубителей отчизны, которые завывали от бешенства и с того времени неустанно лили потоки желчи, но не стерли пятна со своего чела. По нему их узнала эмиграция, узнала их Родина»¹⁴.

Речь Кремповецкого, которую С. Островский назвал «трагической частью праздника», знаменовала шаг к революционному демократизму, она поставила под сомнение традиционный взгляд на роль шляхты в истории Польши, развеяла миф о национальном единстве и солидарности, показав остроту классового антагонизма. Поэтому реакция на нее была бурной. Наиболее яркими противниками Кремповецкого выступили сторонники аристократии и «пулсърудковцы». А. Островский организовал бывших послов сейма, и вместе с Отелем Лямбер они подготовили ораторов для публичных выступлений протеста. По инициативе А. Плятера было составлено письмо председателю Франко-польского комитета Лафайету от имени сейма и эмигрантской общественности, которое подписали 22 члена парламента Королевства Польского и 60 эмигрантов. Ряд парламентариев (Лелевель, Глушкевич, Пшецишевский, Карвовский, Замбжицкий, Пац) отказались подписывать письмо, зато среди подписавших оказались почти все генералы во главе с Г. Дембиньским, а также С. Ворцелль, А. Мицкевич, Ю. Словацкий, Б. Залеский и другие эмигранты, принадлежавшие к демократическому течению. В письме опровергалась данная Кремповецким характеристика шляхты и ее отношения к крестьянству. «В Королевстве, – утверждали авторы письма, – не было рабства с 1815 г. Зато есть рабство, которое поддерживает московское правительство, привлекая к суду помещиков, намеревающихся освободить своих крестьян, препятствуя начальному образованию, используя все средства, какие только имеет в своем распоряжении самоуправная власть». В письме подчеркивалось, что революция 1830 г. «была национальной во всех отношениях, <...> целью ее являлось сбросить чуждое ярмо, московское господство, и ее поддерживали все классы общества. Духовенство, шляхта, мещанство и крестьянство соперничали друг с другом в активном стремлении приложить усилия к великому делу освобождения Польши». Авторы письма просили Лафайета воспрепятствовать распространению текста речи Кремповецкого, чтобы она не оказала давления на французское общественное мнение, а эмигранты в Салене даже пошли дальше, предложив ввести цензуру на все речи и публикации поляков за границей. Поскольку Лафайет заявил, что не вправе вмешиваться в чужие дела и судить об истории другого народа, речь Кремповецкого в сокращении поместила газета «Ля Трибюн», а Общество друзей народа дало деньги на издание ее полного текста с примечанием автора¹⁵.

Таким образом, содержание речи стало известно широкой польской, французской и европейской общественности, вызвав отклик как во французской провинции, так и за пределами Франции. Немцевич, находившийся в Англии, возмущался Кремповецким, Лелевелем, Чиньским и всеми теми, кто срамил шляхту, оскорблял армию: «И такие-то головы хотят быть представителями, хотят решать судьбу польской нации. Самая помойка бешеных поджигателей собралась в Париже <...> чего же можно от них ждать?» Воззвание Комитета Дверницкого содержало предостережение эмигрантам: «не доверять маскирующимся врагам», и проявление недоверия вылилось в резолюцию симпатизирующего Дверницкому и Отелю Лямбер авиньонского отделения, которое 350 голосами против 154 постановило исключить Кремповецкого из Огула эмиграции как «недостойного имени поляка». Те, кто голосовал против, получили наименование «анархистов-разрушителей», они выделились в особую группу и были переведены французской полицией в Бержерак. Несомненно, это было связано со сложившейся обстановкой конфронтации. Она проявлялась в росте числа поединков в среде эмиграции. Так, капитан Воронич, секретарь авиньонской рады, особенно яро выступавший против Кремповецкого, получил пять вызовов на дуэль. Это говорило о том, что не вся польская эмиграция разделяла позицию авторов письма Лафайету. Еще до публикации речи Кремповецкого при обсуждении ее в Объединении Литвы и Руси (т. е. украинских земель) едва не произошел раскол. Члены Объединения, принадлежавшие к лагерю Чарторьских, требовали поддержать протест, лелевелисты советовали воздержаться. Цезарый Плятер, председатель Объединения, считал, что если речь будет опубликована, то нужно дать свой комментарий и критику, но лишь в той части, которая относится к литовским и украинским землям. По предложению И. Домейко создали специальную комиссию (Домейко, Ворцелль, Мицкевич, а также Лелевель и Шемёт в качестве заместителей), но и она, хотя и взялась за сбор материала, не смогла принять решение. Мицкевич заявил, что трудно решать без знакомства с текстом речи, Ворцелль и Янушкевич советовали ждать публикации, по мнению же Волловича, выступать будет вовсе не нужно, если окажется, что в речи Кремповецкого содержится правда. Против осуждения Кремповецкого выступали многие провинциальные огулы и гмины (в Тулузе, Ангулеме, Пуатье и др.), считая нападки на человека, «хорошо послужившего родине», «оскорблением человечности и справедливости», а его противников называя «фракционерными и клеветниками»¹⁶.

Голоса в защиту Кремповецкого продолжали звучать, так как продолжалась идейная борьба. Сторонники Чарторьских и Дверницкого выступали в печати: Теодор Моравский опровергал Кремповецкого в брошюре «Несколько слов о положении крестьян в Польше», а генерал Дембинский — в листовке «Несколько слов о последних событиях в Польше».

На это Кремповецкий ответил также публикацией в «Ля Трибюн» статьи «О польской аристократии и положении крестьян в Польше». Он показал, что ни одна из польских конституций не предоставляла крестьянам политических прав, права и собственность имела только шляхта, что же касается Конституции Королевства Польского, то она была написана в «аристократическом духе» и предусматривала огромные различия в сфере собственности, закрепляя тяготы и обременения крестьян, произвол и насилие. Кремповецкий разоблачил эгоизм политики аристократии в восстании. Он противопоставил и связал два термина – «инсurreкция» и «революция» и, обращаясь к аристократии, заявил: «Чтобы ваша инсurreкция удалась, окажитесь хоть раз в жизни в состоянии революции». «Если революция не усилится новыми институтами, если не улучшится социально-экономическое положение масс, вы падете», – предупреждал Кремповецкий шляхту. Он подчеркивал: «Все революции, которые осуществляла польская шляхта, служили только тому, что отдавали нас под еще более ненавистное ярмо. Так пообещаем теперь, что поднимем революцию вместе с крестьянством и добьемся, что отчизна воскреснет. Не будем делать из крестьян шляхтичей, но будем сами благородны, как они»¹⁷.

2. Попытки эмиграции организовать революционные выступления в Польше и участие в европейских революционных событиях первой половины 1830-х гг.

Борьбу против аристократии и шляхты, погубивших восстание, Кремповецкий продолжал, уже не будучи членом ПДО. Поскольку он неоднократно требовал от ЦК ПДО публикации своей речи на польском языке и активно нападал на его руководство, на собрании Центральной секции 16 января 1832 г. его исключили из Общества по предложению Я.Н. Яновского и А. Завиши. Однако он оставался главой польского карбонарского шатра, активно интересовался европейским революционным движением, поддерживал с ним связь и участвовал в разработке общих планов революционной борьбы. Они обсуждались весной 1832 г. в Обществе друзей народа при участии А. Гуровского от ПДО, а также И. Лелевеля и его сторонников. 27 мая 1832 г. в Париже под патронатом Лафайета был устроен международный банкет, чтобы укрепить «святой союз народов против лиги королей». Наряду с французскими демократами присутствовали революционно настроенные эмигранты из Италии, Германии, Испании. Польшу представляли демократы из ПНК и ПДО. Собравшиеся считали лето 1832 г. наиболее подходящим временем для создания общего фронта в целях начала революции в европейских странах. Им представлялось, что первым станет выступление Германии, «с него начнется общее освобождение». Обсуждался вопрос о необходимости формиро-

вания Временного общенемецкого правительства либо Национальной конвенции для руководства революционным движением. Разделявшие эту позицию поляки опубликовали воззвание «К немецким народам!», они энергично выступили в защиту прав свободной печати в Бадене и приняли участие в манифестации, которая тогда же, в мае, состоялась в Кастенбурге под Гамбахом. Делегатом от ПДО был Кремповецкий, от лелевелистов — Чиньский. Оба посланца выступали в польских национальных мундирах, и Чиньский от имени Польского национального комитета выразил немцам благодарность и пожелал «политического единства, которое должно осуществиться путем соединения в одно целое братских племен одного народа»¹⁸.

Очень скоро польским эмигрантам во Франции представилась возможность принять непосредственное участие в революционных событиях. 5 июня 1832 г. в Париже состоялись похороны генерала Ламарка, который был неизменным другом Польши и польского дела. Поляки во главе с генералом Серавским участвовали в торжественной церемонии похорон: было поднято знамя Польши, за ним шли Лелевель и Одиллон Барро, толпа их приветствовала, генерал Ян Уминьский произнес слова прощания. Революционеры сочли этот момент благоприятным для выступления, в Париже началось восстание, были сооружены баррикады, состоялись стычки с войсками. Ряд радикально настроенных польских эмигрантов присоединились к восставшим, один из них был ранен, четверо попали в плен. Поляки сражались в национальных мундирах, и французы кричали им: «Да здравствует Польша!» Власти же, подавив Июньское восстание, усилили полицейский надзор за эмигрантами, временно был закрыт «Таран». Ужесточение репрессий против революционных течений во Франции привело также к запрещению Общества друзей народа. Карбонарии, в том числе и польские, перешли в находившееся под руководством Кавеньяка общество «Права человека и гражданина», которое тайно готовило новое революционное выступление. Революционные планы охватывали Францию, Германию, Италию и Польшу, расчет был также на рабочее движение в Англии и швейцарских демократов. Первым очагом революции должна была стать Германия, и чтобы не дать России ее подавить, предполагалось устроить диверсию в Королевстве Польском. Во главе намеченного к высылке в Польшу вооруженного отряда Лелевель видел Ю. Заливского, популярного среди молодежи. Его противопоставляли Ю. Бему, и в 1832 г. ему как герою вручили от имени эмиграции золотую саблю, включили его в состав ПНК. С представителем немецких карбонариев Вольфруном договорились о помощи в переброске польских эмиссаров через германские земли, этим делом занимались лелевелисты Чиньский в Метце, Новосельский в Страсбурге, Шилинг во Франкфурте-на-Майне, Нейман в Бадене и Баварии. Наладили также переброску пропагандистской литературы через Легнице,

Вроцлав, Краков в Королевство Польское, через Галицию на Украину и через Бродницу, Голуб, Торунь, Линдзбарк в Литву. В Кракове помогал Людвик Зелиньский, организатор тайных антиавстрийских кружков, но главная ставка делалась на заложенную в 1831–1832 гг. в Галиции тайную повстанческую организацию. Ее создатели Леон Залеский, Станислав Ворцелль, Болеслав Гуровский, Юзефат Болеслав Островский находились в эмиграции, а руководство на месте осуществлял эмиссар Лелевеля Валериан Петкевич, занимавшийся подготовкой оружия и вербовкой добровольцев. Предусматривалось создание малых отрядов для действия в польских землях под властью России на всем пространстве вплоть до Днепра. Проведение диверсий должно было сочетаться с агитацией за всеобщее восстание. Основными положениями программы были возрождение Польши «от моря до моря», установление всевластия «люда», передача крестьянам земли в собственность, провозглашение лозунгов свободы и гражданского равенства. Предполагалось обращаться к крестьянам при посредстве помещиков. В экспедиции должны были участвовать эмигранты, которых собирал в Познани эмиссар Лелевеля майор Антоний Краковский. Дополнительную поддержку были призваны оказать также Поморье и Восточная Пруссия¹⁹.

Лелевель рассматривал намеченную экспедицию Заливского как начало борьбы за восстановление Польши в границах 1772 г. По существу это было попыткой придать карбонаризму национальный польский характер и одновременно означало раскол международного карбонаризма, потому что верховное карбонарское руководство не одобряло планов лелевелистов. Оно учло опыт французской неудачи и опасалось, что Германия еще не готова к революционному выступлению. Но Лелевель и его сторонники считали, что провозглашение в Польше лозунгов гражданской свободы и равенства, ликвидации барщины и передачи земли в собственность крестьян поднимет последних на борьбу. К тому же они рассчитывали, что Россия вмешается в турко-египетский конфликт, а ее активность на Балканах придется не по вкусу Австрии и Пруссии, которые в результате займут позицию нейтралитета по отношению к диверсии польских партизан в Королевстве Польском. В связи с ее подготовкой Лелевель издал ряд воззваний, в том числе «К израэлитскому народу!» и «К братьям русским!». Его обращения к народам с призывом к революционному сотрудничеству вызвали дипломатический демарш России, и в результате Польский национальный комитет был распущен французским правительством, а Лелевель оказался высланным из Парижа. Тогда подготовкой экспедиции занялась тайная организация «Месть народа» под руководством Заливского. В ее исполнительный комитет, осуществлявший связь с Польшей, вошли Лелевель, Зверковский, Ворцелль, Глушневич, Ходзько и Островский. Законодательный комитет организации, имевший, по существу, тот же состав, разрабатывал основы конституции будущей Польши в границах

между Черным и Балтийским морями, Одрой, Дунаем и Днепром; за образец была взята конституция США, в числе демократических прав провозглашались неограниченная свобода печати, вероисповедания, право на обучение. В подписанном Заливским и Ворцеллем протоколе организационного собрания «Мести народа» от 28 декабря 1832 г. говорилось о предоставлении всем политических прав, признании самостоятельности крестьян и передаче им земли в собственность, провозглашалось «всевластие народа – все по воле люда и для его добра». В проекте конституции прослеживалось влияние идей Лелевеля о федеративной славянской республике: «Федеративная конституция с одними и теми же гражданскими и уголовными законами, – утверждали авторы проекта, – свяжет все провинции освобожденной Польши», и каждая из них, соблюдая унию, будет обладать в то же время «всемогуществом, правом организовать свои местные отношения так, чтобы конституции отдельных государственных образований не нарушали федеративной конституции, общих гражданского и уголовного права»²⁰.

Агитация и вербовка эмигрантов в экспедицию происходили открыто, о них знала и французская полиция, и российское посольство. В Авиньоне вербовкой занимался член ПДО Леон Залеский, в Безансоне – лелевелисты Людвик Оборский и майор Свенцицкий. При этом говорили о «сильных контактах» с Германией, которая начнет революцию одновременно с выступлением поляков, намекали также, что это станет для Англии и Франции предлогом, чтобы поставить вопрос о Польше на международной арене. Что касается самой военной операции, то предусматривалось, что она будет проходить в 22 округах: 8 из них относились к Королевству Польскому, 4 – к Литве, 2 – к Белоруссии, 2 – к Инфлянтам; выделялись также Волынский, Подольский, Киевский и Смоленский округа. Каждый округ делился на подокруга и обводы, их руководители, завербованные из числа добровольцев, нередко не имевших военной выучки, должны были приносить присягу, и только они имели право знать представителей «Мести народа». Добровольцы самостоятельно добирались до сборных пунктов в австрийских и прусских владениях через Швейцарию, Вюртемберг, Баварию, Саксонию в Краковскую республику, Галицию, Познанщину, Восточную Пруссию. На переломе 1831–1832 гг. в переброске партизан помогали агенты Лелевеля в Дрездене В. Петкевич и капитан Микуловский, а также карбонарии других национальностей. Присяга, которую приносили добровольцы на основе 13 пунктов устава, была также похожа на карбонарскую. Устав предусматривал всеобщее равенство независимо от происхождения, вероисповедания, утверждались моральные принципы, определялись военная иерархия и тактика борьбы.

План Заливского предполагал вторжение в Королевство Польское из Галиции. В начале 1833 г. он и граф Винцентый Тышкевич создали там опорный пункт с центром в Тарнове и отделами в Тарнополе, Чорткове,

Злочеве и Львове. Это был тайный союз, куда входили представители разных социальных слоев – помещики, купцы, ремесленники, крестьяне. Каждые пять членов Союза составляли роты под командой ротных, которые подчинялись начальникам округов, их задачей было готовить людей и оружие. Главной квартирой эмисаров стало имение Лешки под Львовом, принадлежавшее Эугенюшу и Текле Улятовским. Помощь оказывали и другие помещики (Теофиль и Гуго Висьнёвские, Онуфрий Городыньский, Генрык Янко), в том числе аристократы (графы Казимеж Дзедушицкий, Марцин Замойский, Ежи Тышкевич), а также поэт Северын Гоциньский, ксёндз Поплавский, каменщики Роек и Хмелевский, слесарь Чеховский и др. Подготовка не была достаточно надежной, но Заливский решился выступить уже 19 марта 1833 г. Он рассчитывал довести отряд до Люблина, но в течение двух недель был вынужден маневрировать и скрываться, а затем отступил обратно в Галицию, решив разработать новый план. Не удалось вылазки партизанских отрядов Артура Завиши, Каспера Дзевицкого, Стефана Геколда и Эдварда Шпека, Бялковского, Лубеньского, Сперчиньского и Дуньского, действовавших в Плоцке, а также проникшего в Гродзеньск отряда под руководством Михала Волловича. 70 эмигрантов, прибывших из Франции, не смогли связаться с Заливским, действовали на собственный страх и риск и так же неудачно: их разогнали казаки, а часть из них (26 человек) погибла, другие оказались в плену. Впоследствии пленных партизан крестьянского происхождения били кнутом и послали на каторгу, шляхтичей Эдварда Шпека, Стефана Геколда, Сильвестра Ченцкого, Юзефа Домбковского расстреляли, Адам Пищатовский, Артур Завиша и Михал Воллович были повешены²¹.

Неудача преследовала и тех польских эмигрантов, которые должны были по сигналу из Франкфурта-на-Майне непосредственно присоединиться к общенародной немецкой революции и возглавить отряды повстанцев. Контакт с немцами установили еще тогда, когда шли через Баварию, Баден и Вюртемберг, и затем его продолжили. Более близкие связи с немецкими революционерами имела секция в Безансоне и соседних округах. Хотя поручик Станислав Пониньский, по заданию карбонарского руководства проверявший во Франкфурте-на-Майне степень подготовки восстания, пришел к заключению о нереальности намеченного плана, но Лелевель прислушался к просьбе приехавшего из Германии Францишка Гордашевского поддержать немцев морально и финансово. Несмотря на то, что Кремповецкий от имени Польского национального шатра запретил отправку партизан в Германию, Штольцман, руководитель безансонского центра, где находились преимущественно польские офицеры, направил во Франкфурт майора Юзефа Михаловского, капитанов Августа Шульца и Юзефа Новосельского для военного командования. Эти эмисары вернулись сразу, как только узнали, что «немец-

кая революция», вылившаяся в выступление студентов 3 апреля 1833 г., потерпела поражение. Однако основной безансонский отряд в 400 чел., бóльшую часть которых составляли офицеры-карбонарии, а также солдаты и унтер-офицеры, переведенные французскими властями в Бержерак, не знал о падении Франкфуртского восстания и пересек французско-швейцарскую границу. За ним последовала сотня поляков-эмигрантов из других центров Франции — Дижона, Салена, Люксениля и др. Поскольку французское правительство закрыло границу, вернуться они уже не смогли и оказались в Швейцарии в бедственном положении. В связи с этим эмигрантское руководство в Париже направило протест французским парламентариям и обратилось за помощью к парламенту Швейцарии. Либерально настроенная администрация Берна пошла навстречу полякам, разместила их в деревнях кантона и давала им содержание. В одной из деревень польские эмигранты создали военную организацию. Легион, или Святой отряд, представлял собой солдатскую коммуну из двух батальонов и восьми рот, где царили полная выборность и равенство солдат и офицеров. Комендант («солдат-начальник») Л. Оборский, начальник штаба К. Штольцман, командиры батальонов полковники Д. Антонини и К. Пашкович, квартирмейстер полковник Я. Лелевель, а также Гордашевский, Новосельский, Стефаньский составляли Хозяйственный совет (раду), переизбиравшийся каждые три месяца и занимавшийся управлением, представительством и политикой; ему подчинялись ротные советы. Все члены Совета были лелевелистами, так же как его секретарь Константин Залеский и кассир Эмерик Станевич. Касса являлась общей, средства собирали польско-швейцарские комитеты в селах и городах, для помощи Легиону оппозиционная французская пресса объявила подписку, взносы шли главным образом от масонов и карбонариев. В Англии сбором средств занимался специальный комитет помощи, куда входили и тори, и виги, и радикалы; деньги поступали также из Бельгии и Германии, от иностранных эмигрантов во Франции. Всего до конца 1833 г. в пользу Легиона было собрано 45480 франков, но при этом швейцарские карбонарии отказывали ему в помощи, считая нарушителем указаний высшего руководства карбонарской организации. Из ее состава члены Легиона были исключены. Лишь в результате переговоров, которые в Париже и Лионе вел К. Залеский, удалось добиться примирения: «легионеры» стали частью Швейцарского карбонарского шатра и получили право на материальную помощь карбонарской организации²².

Среди тех, кто осуждал «самодеятельность» безансонцев, было и руководство Польского демократического общества, что же касалось лелевелистов из «Мести народа», то они рассчитывали, что Легион может задействовать в новой экспедиции Заливского, которую тот наметил на 1 февраля 1834 г. Заливский издал воззвание, направленное против дипломатических планов и расчетов Чарторыского: обращаясь к жителям

Галиции, он заявлял о намерении в борьбе «за свободу, гражданство и земельную собственность» освободить Польшу силами самого польского народа. Выступление предполагали направить только против России, в отношении Австрии и Пруссии сохранялись лояльность и нейтралитет. Такую позицию Заливский занимал с самого начала, хотя он рассчитывал на поддержку российских военных конспираторов, но не одобрял ни воззвания Лелевеля «К братьям русским!», ни его лозунга борьбы против трех угнетателей польского народа в сочетании с революцией в других европейских странах. Карбонарские инструкции, которые лелевелисты направляли своим агентам в Польшу, отличались от распоряжений Заливского, что вносило дополнительные помехи в подготовку экспедиции. Еще в конце 1832 г. направленный из Безансона в Галицию Ежи Булгарин основал там карбонарский союз, объявивший своей целью проведение всеобщей революции и установление республиканского строя; его членами стали Юзеф Залеский, Игнаций Кульчинский, Кароль Качковский, ксендз Кулиговский, граф Доминик Рей. Позже, в марте 1833 г., эмиссары Лелевеля Кароль Борковский, Михал Ходзько, Генрык Дмуховский, Францишек Бобиньский, Леон Залеский, Станислав Мацеевич в Древянах, имени графа М. Замойского, обсуждали планы создания карбонарской организации в трех частях Польши, разрабатывали принципы будущего Союза польских угольщиков. Кремовецкий вместе с Буонарроти хотели объединить польскую конспирацию с европейским карбонаризмом, и эту задачу Борковский и Ходзько пытались осуществить при составлении устава Союза друзей народа, отражавшего «демократические принципы и стремления». Были созданы и два вспомогательных союза – мужской и женский: их функция заключалась в сборе денег, подготовке оружия, а кроме того, они были призваны «ширить чувство любви к родине». Как подчеркивалось в уставе организации, который представлял собой упрощенный вариант устава французских карбонариев, ее принципы основывались на естественном праве человека, что обеспечивало ее силу. В. Мигурский, в декабре 1832 г. вступивший в масонскую ложу, впоследствии в своих показаниях Следственной комиссии изложил эти принципы: все члены Союза друзей народа должны были считаться братьями, равными между собой, и помогать друг другу, а всех правящих клеймить как тиранов и деспотов, бороться с ними, чтобы их уничтожить; каждый член Союза клялся слепо ему верить и подчиняться его приказам, хранить тайну, соблюдая осторожность, а в безвыходной ситуации прибегать к самоубийству; члены Союза узнавали друг друга по особым знакам и по приветствию «Смерть тиранам!»²³.

Неудачное выступление Заливского способствовало тому, что руководство галицийской организацией перешло к карбонариям. А после того как 19 августа 1833 г. Заливский был арестован австрийскими властями, Борковский и Ходзько, готовясь поддержать планировавшуюся

венгерскую революцию, активизировали работу вместе с венгерскими карбонариями. В ноябре 1833 г. в имении Германа Жепнёве собрался съезд карбонариев из трех частей Польши, видимо, тогда и было заложено основание будущего содружества люда польского. В числе основателей были В. Мигурский, Францишек Бобиньский, Леон Залеский, Михал Ходзько, Генрык Дмуховский, Игнаций Кульчиньский, Станислав Мацевич, Юзеф Гляйних, Наполеон Новицкий, Северын Гощиньский, граф Казимеж Дзедушицкий, Михал Остророг и Тверницкий. Залеский поддерживал работу эмигрантов в Познани – Гротовского, представителя авиньонских карбонариев, и Леона Зенковича от безансонской группы. На Воьлини действовали Дмуховский и Кульчиньский, в Галиции и Кракове – Бобиньский, Дзедушицкий, Гощиньский, Новицкий. Последний создал ложу во Львове, где шла активная агитация среди чиновников, представителей интеллигенции, мелкого мещанства, низшего духовенства. В Кракове этим занимались Ежи Булгарин и доктор Кароль Качковский. Наряду с обсуждением деталей практического сотрудничества с венграми рассматривался план создания карбонарских центров в австрийской армии. Было решено обратиться с призывом к борьбе против венского правительства, выдвинув либеральную социальную программу улучшения положения крестьян и батраков. Текст воззвания обсуждался на следующем съезде в Жепнёве 24 ноября 1833 г., но оно не было издано: конспираторам пришлось разъехаться, так как австрийские власти ужесточили полицейский надзор. Залеский, Ходзько, Новицкий отправились в Краков, а затем в Познань, Дмуховский в Чорткове следил за революционной подготовкой на Руси, а в Черновцах Мигурский, Дуцкий, Лоневский и Скорытовский занялись той же работой на Подолии при помощи местного шляхтича Стажиньского²⁴.

Весной 1834 г. в Галиции прошли массовые аресты, испугавшие шляхту, ряд лиц арестовали на основании показаний Заливского, хотя свою причастность к карбонарской организации и связь с французскими революционерами он скрыл. По решению суда Заливский был заключен в крепость Куфштейн сроком на 20 лет, по 15 лет заключения получили Винцентый Жабоклицкий, Кароль Борковский, Леопольд Бялковский, на разные сроки осудили Адольфа Ролиньского (10 лет), Константыя Слотвиньского (8 лет), Александра Комарницкого (6 лет), Генрыка Дмуховского (5 лет), Фердынанда Белявского (3 года). В обстановке репрессий о планах революционного выступления приходилось на время забыть. От имени комитета «Мести народа» Петкевич передавал в Галицию указание умерить социальный радикализм и переключиться на продолжительную чисто национальную пропагандистскую деятельность. Между тем попытки революционных выступлений в Европе и участие в них поляков отразились и на положении польских эмигрантов во Франции. Там прошли торжественные траурные церемонии в честь погибших партизан

Заливского. Так, уже 3 июля 1833 г. в Париже на торжественном заседании карбонарско-масонской Ложи Неделимой Троицы международное сообщество почтило память члена ложи Каспера Дзевицкого; присутствовали и произносили речи Кавеньяк, Лакомб и другие французы, от немцев выступал Вольфрун, от поляков – Ворцелль, Пулаский, Кремповецкий. В речах «братьев-каменщиков» выражалась уверенность, что дело свободы победит, а после молебна за погибших, состоявшегося у гроба Яна Казимежа в Сен-Жермен-де-Пре, был оглашен акт осуждения Отеля Лямбер за попытки организации польских легионов для поддержки португальской реакции. Этот документ был принят в «Таране» 30 радикалами из ПНК и ПДО по инициативе Кремповецкого, Чиньского и Ворцелля. Воззвание Отеля Лямбер, призывавшее эмигрантов в легион, сожгли, а Чарторыского Ворцелль назвал «предателем польского дела». Траурные церемонии состоялись также в Шатору и Леруа, там тоже звучали подобные речи, но всех ораторов власти арестовали как карбонариев, а крупные карбонарские группы разбросали по 200 адресам. Ворцелль и Пулаский попали в тюрьму Сен-Пелажи и 14 июля 1834 г. оттуда обратились с воззванием к эмиграции. В нем говорилось, что правительство Луи-Филиппа преследует поляков по наводке Священного союза, цель которого – «подавить революционные порывы, свидетельствующие о связи нашего дела с делом народов, единственных истинных наших союзников». Авторы воззвания утверждали, что «дело Польши в высшей степени революционное», и потому так ненавидят его Священный союз и другие реакционные силы. «Польша, – писали они, – это краеугольный камень будущего здания братского союза народов, ибо является объединением и тождеством наших стремлений, нашего призвания и наших интересов с интересами, призванием и стремлениями республиканцев всех стран»²⁵.

Французское правительство, действительно испытывавшее давление со стороны Священного союза, и само также стремилось избавиться от революционного польского элемента. Еще в первые месяцы 1833 г. 300 наиболее «неспокойных» польских радикалов были высланы из Авиньона и Безансона в Бержерак возле Бордо, туда же вскоре прибыли более ста бывших военных из Бурже – пункта влияния партии Чарторыских, что провоцировало конфликты и скандалы. Радикалы под руководством подполковника Росьяковского и Марцелия Помаского создали объединение (400 чел.) под лозунгом «всевластия люда» и дали клятву работать для родины и человечества. Они протестовали против репрессий правительства в воззвании, обращенном к французскому народу, а также на страницах «Ля Трибюн». Попытка выслать Росьяковского из Франции в мае 1833 г. привела к стычке властей с эмигрантами, вследствие чего 200 человек перевели в департамент Ланд. Там возник огул с резиденцией его центральной комиссии в Мон де Марсане, где стал выходить орган комиссии «Час», издававшийся ее секретарем Помаским. Огул не призна-

вал «аристократическо-дармоедского» комитета Дверницкого. Его представителями в Париже и корреспондентами стали Кремповецкий и Пулаский. Оставшиеся в Бержераке 200 сторонников Росляковского и те, кто прибыл из Бурже, имели постоянный контакт с огулом, а их руководитель майор Шелеховский был доверенным лицом Кремповецкого, который отправлял из Парижа послания, где наряду с осуждением французского правительства звучал и «призыв к царубийству». Попытка французских властей назначить комендантом в Бержераке консерватора полковника Подчаского вновь вызвала конфликт, приведший к переводу в Манс, Анжер и Ниор 120 офицеров и унтер-офицеров. Ответом стало воззвание огула в Ланде 5 октября 1833 г., обвинявшее Подчаского, «недостойного имени поляка», в «нарушении прав человека, эмиграции, законов братства и родства». В результате власти ликвидировали центральную комиссию и закрыли «Час», а 120 «крайних демократов» в очередной раз перевели в местечки Гренад и Сан-Север. Что касается Ворцелля и Пулаского, их подвергли высылке из страны, они выехали в Брюссель, как и Эустахий Янушкевич, Ян Чиньский, Юлиан Закшевский, Юлиан Гружевский. Кремповецкого, Кайсевича, Ретеля и других выслали в провинцию, а Лелевель, высланный как «руководитель и инспиратор новых подстрекательств в Польше», а также вождь республиканской подрывной («беспокойной») партии, летом 1833 г. демонстративно пошел в Тур пешком, в рабочей одежде, с котомкой за плечами. По пути его приветствовали толпы республиканцев, а осенью, будучи уже в Аррасе, он опубликовал на французском языке протест против преследования поляков и описал, какие меры французские власти предпринимали в отношении его в течение 20 месяцев. Когда Ходзько выслали из Тура, он 31 августа 1833 г. также выступил с протестом. Но репрессии против республиканцев и карбонариев не прекращались, им подверглись и немецкие эмигранты: вместе с Лелевелем шли Шумахер и Вольфрун²⁶.

Немалое значение в активизации репрессий имела позиция правого лагеря в польской эмиграции — партии Чарторыских и Комитета Дверницкого. Генерал постоянно маневрировал: сначала он благословил Заливского на партизанское выступление, но затем выслали в Королевство Польское своих эмиссаров Доминика Булевского, Аполинария Нико, Людвика Ташеньского, Романа Чарномского для агитации среди шляхты — ее пугали тем, что члены экспедиции Заливского поднимут крестьян на борьбу против помещиков. После неудачи экспедиции Дверницкий обратился к эмиграции с циркуляром, где, призывая ее к единству, предостерегал от подобных «залившине» преждевременных выступлений, влекущих за собой репрессии и лишь мешающих делу Польши и Европы. Этот циркуляр вызвал протест даже у ряда членов Комитета Дверницкого, в том числе у Ворцелля, который был одним из организаторов экспедиции Заливского и считал ее «посевом свободы». С осуждением циркуляра в прессе выступил

Пулаский. И хотя А. Мицкевич был против вовлечения французской общности во внутренние польские дела, Лелевель опубликовал протест в радикальной французской газете «Ля Трибюн». Дверницкий пытался оправдаться: в письме Лелевелю он подтвердил мнение о преждевременности экспедиции, но отдал честь ее погибшим участникам. Впоследствии он стремился реабилитировать себя, хлопотал о помощи Святому отряду в Швейцарии, призвав польских эмигрантов во Франции десятую часть своего содержания отдавать в пользу «легионеров». Адьютант генерала Анастазый Дунин был одним из организаторов лондонского комитета помощи, которая в Англии также была весьма востребована: Дж. Мадзини писал матери, что бывшие польские офицеры дробят камень на английских дорогах, работают на прокладке железных дорог, но умирают с голоду. И не случайно находившаяся под эгидой Комитета Дверницкого Комиссия эмигрантских фондов действовала под лозунгом: «От тех братьев, у кого мало, для тех, у кого нет ничего»²⁷.

Отвечая на письмо Дверницкого, Лелевель воздал должное молодым эмигрантам, которые верят во всеобщую революцию и идут на борьбу, а вину за искажение событий и представление партизан в ложном свете возложил на аристократическую эмиграцию. Сторонники Чарторьских еще в январе 1833 г. создали зародыш консервативной партии – Союз национального единства. Это была тайная организация, имевшая в своей структуре пять степеней доверия, ее руководство не избиралось, а назначалось сверху. Союз получил поддержку ряда деятелей эмиграции, которые, как, например, М. Мохнацкий, хотели объединения вокруг А. Чарторьского, считая эту фигуру наиболее подходящей для роли вождя будущего восстания. Разработанная Союзом программа восстановления независимой Польши как конституционной монархии, опирающейся на имущественный принцип, предполагала создание сильного правительства, установление равенства граждан перед законом, обеспечение свободы личности, свободы слова и вероисповедания, гарантии «святой и неприкосновенной» собственности, а также «предоставление крестьянам собственности при обеспечении приобретенных прав». Средство для достижения этой цели создатели Союза видели в усилиях получить дипломатическую поддержку европейских правительств, опираясь на сочувствие английского и французского народов, и были решительно против пути карбонарских революций. Чтобы воспрепятствовать распространению карбонарского духа в Польше, консерваторы старались засылать туда своих эмиссаров. Один из них, Юзеф Свирский, бывший во время восстания 1830–1831 гг. министром иностранных дел в правительстве Чарторьского, в январе 1833 г., сразу после создания Союза национального единства, прибыл в Галицию, но столкнулся там с крепкими позициями лелевелистов и не сумел наладить сотрудничество с галицийской аристократией: граф Ксаверый Красицкий и князь Леон Сапега не были склонны возглавить Союз, предпочитая путь созда-

ния местной независимой организации. Свирский вынужден был уехать из Галиции, а позже распался Союз национального единства, ставший как бы прообразом будущего Отеля Лямбер. Его сторонники злобно комментировали провал карбонарских планов. Ю. Бем характеризовал Заливского как «царского провокатора», который лучших польских патриотов повел из Франции в Польшу на уничтожение. Генерал К. Князевич и Л. Плятер обвиняли его в «позорном намерении убивать монархов» и формировании «банд» в Польше. Обращаясь к Чарторыскому, они высказывали опасение, «чтобы это не навредило сильно нашему делу»²⁸.

Сторонники Чарторыских хотели вернуть во Францию поляков, рассеянных французскими властями, и прежде всего скопившихся в Швейцарии. Они рассчитывали взять их под свое влияние и направить их энергию в других целях. Существовал план сформировать из членов швейцарского Легиона легион под началом Ю. Бема, чтобы оказать поддержку бывшему португальскому монарху дону Педро. Хотя план португальской экспедиции рекламировался как борьба против Священного союза, он вызвал возмущение демократической эмиграции: воззвания Бема сжигались. Швейцарские «легионеры» отвергли план с негодованием, заявив, что возьмут оружие в руки для того, чтобы вернуться в Польшу в момент европейской революции, в которой они рассчитывали сыграть важную роль. Их поддерживали демократические швейцарские организации — Гельвеция, Шютценферайн, Зофингенферайн, а также власти ряда кантонов. Но были кантоны, находившиеся под влиянием консервативно-клерикального руководства Сарненбунда, которое в Базельском кантоне попыталось взять под контроль его демократическую сельскую часть с городом Льесталь. На помощь либералам и демократам пришли поляки. Совет Легиона предложил военную поддержку швейцарскому парламенту и направил два вооруженных отряда в Льесталь, где уже действовали польские эмигранты: капитан Кароль Кросс возглавил народную милицию города, командирами полицейских плутонов стали Вернезобрый и Пониньский, а подпоручик Новицкий занимался подготовкой орудий и обучением офицеров. 3 августа 1833 г. консерваторы были разбиты под Гуфтеншанцем, а их командир полковник Вишер взят в плен. Цюрихский парламент благодарил поляков за помощь, но под давлением Священного союза и травли со стороны реакционных сил внутри страны швейцарские власти были вынуждены ужесточить меры против поляков. Было объявлено о прекращении материальной помощи эмигрантам с 1 января 1834 г. После того как французский посол в Берне добился для поляков права вернуться во Францию, 200 человек выехали в Орлеан, Тур, Шалон, Лаваль, где получили содержание, другие отправились в Бельгию, Англию, США. Но Совет Святого отряда хотел сохранить позиции в Швейцарии: 200 польских карбонариев остались в Бернском кантоне, готовые к грядущей войне за свободу²⁹.

В ноябре 1833 г. Общество прав человека и гражданина выступило с экспозе, где выдвинуло лозунг «равенства социальных условий». В руководстве Общества в это время произошел раскол: левое крыло карбонариев, назвавшее себя Обществом действия и требовавшее скорейшего проведения революции, вышло из-под власти Руководящего комитета и Верховного всеобщего шатра. Шеф Польского шатра Кремповецкий поддерживал «левых» и стремился, чтобы швейцарский Легион вступил в Общество прав человека и гражданина. В результате в декабре 1833 г. большой отряд «легионеров» в Бьен создал гмину Общества под названием «Молодая Польша», а затем возникли гмины «Благие намерения» в Сент-Имье, «Костюшко» в Солуре, «Сарматы» в Дельмонте, «Славянина» в Поррантре. Гмины состояли из секций, каждая из которых объединяла несколько человек. Они принимали за основу главные постулаты программы Общества: уважение прав человека, «справедливо и морально обусловленная собственность», равенство и братство людей и народов. Секция в Бьен даже выдвигала требование изгнать религию из общественной и частной жизни как противоречащую прогрессу и просвещению, заменив ее моралью, основанной на рационализме. В результате проходивших в секциях дискуссий на тему будущего социально-политического строя в Польше польские карбонарии в Швейцарии формулировали цели и средства борьбы: «Для свержения тирании и интриг народы должны воспользоваться своим всемогуществом, граждане должны объединиться и знать свои права. Объединение и пропаганда – вот две великие гарантии, которые надлежит задействовать, чтобы подготовить день освобождения. Уничтожить использование человека человеком, ликвидировать возмутительные привилегии небольшого числа бездельников, которые кормятся избытком богатств, отнятых у многочисленного класса бедных работников, призвать всех людей к их достоинству, к равенству политических прав, а прежде всего к справедливому разделению общественной выгоды и бремени – вот цель Общества»³⁰.

Название «Молодая Польша» одна из гмин получила не случайно. В 1833 г. в Швейцарии оказалось много итальянцев, бежавших после раскрытия военного заговора в Пьемонте. Польские «легионеры» общались с швейцарской группой «Молодой Италии» и испытывали влияние идей создателя этой организации Джузеппе Мадзини, который также находился в Женеве в это время. Мадзини выдвигал лозунги, отличавшиеся от лозунгов карбонариев, он противопоставлял им идею национально-религиозной миссии каждого народа: «Бог наверху, народ у основ и идеи прогресса между ними». Врагом итальянского народа была Австрийская монархия, и Мадзини хотел атаковать ее одновременно в Италии, Венгрии, Польше, в германских странах и на Балканах, а для этого рассчитывал на союз с другими народами. О планах общего выступления он писал Лелевелю, который поддерживал идею создания единого революцион-

ного фронта, так как стремился к борьбе против Священного союза, и в первую очередь против России, в которой видел главного врага поляков. В Швейцарии Мадзини вошел в контакт с Каролом Штольцманом, Феликсом Новосельским, Францишком Гордашевским, Константином Залеским, Шилингом, Леоном Пшецишевским и другими польскими карбонариями. Речь шла об организации экспедиции в Савойю, но у Верховного шатра были другие планы, и потому переговоры с ним длились около полугода. Часть поляков, желавшая выехать из Швейцарии во Францию, разделяла позицию карбонарского руководства, но другие поддержали действия «Молодой Италии» и участвовали в работе Специального исполнительного комитета, готовившего экспедицию. 27 ноября 1833 г. был подписан договор, определивший план атаки на столицу Савойи Шамбери со стороны Швейцарии и Франции. Было закуплено оружие, военные силы, состоявшие из итальянцев, французов, немцев, швейцарцев, поляков, сконцентрировались над Женевским озером, в самой Женеве, в Веве, Ролле, Нионе. Оттуда они должны были двинуться на Каруж, Сен-Жюльен и далее. Когда в ночь с 31 января на 1 февраля польские эмигранты стали собираться, чтобы выступить, их приветствовали местные жители, но власти попытались разоружить и интернировать поляков и других эмигрантов. Колонну под командой Грабского арестовали и пытались реквизировать оружие у второй колонны, но его удалось отбить при помощи населения. В результате 52 польских эмигранта под командой Малиша и Гордашевского составили ударную силу военного отряда. Однако возглавлявший экспедицию генерал Дж. Раморино счел, что сил недостаточно, а главное, выступление отряда не вызвало революционного порыва. Поэтому решено было вернуться в Женевский кантон, где эмигрантов арестовала милиция. Поляков выслали в Бернский кантон, высланы были и другие эмигранты. Швейцарское правительство предприняло эти меры под давлением Священного союза, хотя демократические власти Базельского и Бернского кантонов выступали против этого³¹.

В конце апреля 1834 г. находившиеся в Берне представители отделов Легиона приняли решение о его роспуске, большинство «легионеров» (190 чел.) уехали в Бельгию и Англию, кое-кто отправился во Францию. В Швейцарии остались те, кто был связан с Мадзини, в том числе К. Штольцман, Ф. Гордашевский, А. Дыбовский. Руководство Общества прав человека и гражданина не хотело, чтобы поляки покидали Швейцарию, старалось противиться высылке. К. Залеский установил контакт с французскими карбонариями, вел тайные переговоры в Арбуазе, Безансоне и Дижоне. Во Франции назревали революционные события, и поляки активно сотрудничали с конспираторами на местах, тем более что многие из польских эмигрантов оказались высланными во французскую провинцию. Так, Гавроньский выполнял функции связного между заговорщической ячейкой в Нанси и польской военной секцией Общества

прав человека и гражданина, находившейся в Люневиле; в Метце Леон Зенкович занимался повышением военной квалификации стажеров, Словацкий вел повстанческую агитацию в Страсбурге. Поляки участвовали во вспыхнувшем в апреле 1834 г. восстании лионских рабочих, в Лионе тогда находились Матушевич, Мальчевский, Рачиньский, Шилинг, туда же из Швейцарии приехал Гордашевский. Революционные выступления имели место также в Париже и ряде провинциальных центров Франции, и всюду отмечалась активная роль поляков. 24 марта 1834 г. перед шеститысячной толпой парижских рабочих было зачитано воззвание Кремповецкого, где главным лозунгом являлось уничтожение тронов и капиталистических монополий. Французские власти отмечали, что призыв к восстанию звучал там, где было сосредоточение поляков, – в Лионе, Безансоне, Гренобле, Дижоне, Эпинале, Сент-Армане, Саене, Рошане и др. Они требовали от Польского демократического общества письменного обязательства не иметь дела с французской конспирацией, но ПДО в ответ заявило протест. Польская демократическая эмиграция во Франции протестовала против закона об объединениях. Она помещала свои протесты во французских изданиях, где сотрудничали поляки. Так, в «Ля Трибюн» работал А. Круликовский, в «Ля Карикатур» – Куровский и Сарнецкий, в «Ле Популер» (органе Кабе) – Кремповецкий. Протесты публиковала и польская эмигрантская печать, в частности «Нова Польска», которую с 1833 г. издавал Ю.Б. Островский³².

3. Деятельность Польского национального комитета и «Молодая Польша». Рождение Великого манифеста Польского демократического общества

Неудача революционных выступлений в Европе и экспедиций в Польшу, а также последовавшее ужесточение политики французского правительства ослабили позиции карбонарского Всеобщего шатра, ПДО и ПНК. Лидеры этих организаций оказались вне Парижа и даже за пределами Франции. Польский национальный комитет был замещен тайным комитетом в составе В. Зверковского, Богдана Яньского, Одыньца, Яновского и Кремповецкого, но последний в феврале 1834 г. был выслан в провинцию и сразу выехал в Брюссель, где связался с Пуласким и Ворцеллем. В Брюсселе оказалось много поляков, в том числе Ян Чиньский, Эустахий Янушкевич, Юлиан Гружевский, Леонард Реттель, а также связанные с экспедицией Заливского граф Винцентый Тышкевич, Шимон Конарский, Каликст Божевский. Польские эмигранты в Бельгии жили, кроме Брюсселя, в Ипре, Ньепорте, Остенде, Уи. Некоторые из них служили в бельгийской армии, часто эмигранты работали в качестве граверов, наборщиков, корректоров (наборщиком и корректором был, в частности, Ворцелль), а

часть исполняла грязную и тяжелую физическую работу. Но большинство эмигрантов не работали и жили на небольшое правительственное пособие, которое, однако, платили не всем. Поэтому в Брюсселе существовали комитеты помощи, созданные графом Мероде и Адольфом Бартельсом и поддерживавшиеся либеральной оппозицией, однако у комитета Бартельса уже в 1833 г. кончились средства.

Прибывшие в Бельгию польские демократы старались развернуть активную деятельность: в январе 1834 г. Пулаский добился создания Огула в Брюсселе. Его Совет (Рада) в составе Ястшембского, Гружевского, Кошутского, Мрозовского, Стрыйковского, Розе и приехавшего позже Кремповецкого собирался два раза в неделю в масонской ложе «Друзья истины» и в ресторане «Рим». Рада претендовала на то, чтобы представлять всех поляков в Бельгии, и вела борьбу против сторонников Чарторьских. Провели национальную манифестацию в республиканско-демократическом духе: на похоронах Сильвестра Чекерского выступали Ворцелль и представители других народов, а в годовщину Ноябрьского восстания 29 ноября 1833 г. польско-бельгийский комитет организовал торжественное празднование, на котором имела успех речь Лелевеля. Когда Пулаский стал соредактором родившейся в феврале 1834 г. бельгийской газеты «Вау дю пёплъ» («Голос народа»), Лелевель рассчитывал, что она «станет нашим органом нашего польского дела», а вскоре лидер либеральной оппозиции в бельгийском парламенте Жандебьен передал Пуласкому свои акции в издательской компании, и поляки получили большинство в редакции. Ее члены Лелевель, Пулаский, Ворцелль, ксендз Новицкий разработали новый проспект издания, направленный на превращение его в «ежедневную газету демократической пропаганды и польских интересов». И уже в декабре 1833 г. «Вау дю пёплъ» опубликовала 16 статей о польских делах. Их авторами были главным образом Пулаский и Ворцелль, причем последний не только выступал против царизма, но и с позиций «люда» и демократии атаковал шляхту и феодальный аграрный строй, так как видел «спасение» польского дела «только в люде и радикальной революции». Лелевель пропагандировал газету среди своих приверженцев во Франции, но весной 1834 г. клерикалы, пришедшие к власти в Бельгии, стали проводить жесткий курс и в ответ на опубликованную в газете острую антиправительственную статью закрыли издание, арестовали ее редактора Жобера, выслали Ворцелля, Пулаского и Лелевеля. Несколько задержавшийся в Бельгии Лелевель писал 3 мая 1834 г.: «Тут взялись уничтожить нашу эмиграцию, настроить против нас общественное мнение. Это идет более резво, чем во Франции». Позже он подробнее описывал обстановку: «Бельгийские симпатии исчезли, вместо них везде распространяется клевета, что поляки-эмигранты — бузотеры, беспокойные, опасные, лодыри, считающие работу бесчестьем, что мы не хотим ничего делать: ни стену оштукатурить, ни быть плотниками <...> Тут нечего делать, надо убежать»³³.

После отъезда в Англию главной «тройки» демократов брюссельским Огулом руководил Кремповецкий, помогал эмигрантам выехать из Бельгии, ведал сбором средств для помощи польским солдатам, вырвавшимся из прусских тюрем. Но в середине 1834 г. он также выехал в Лондон. В Англии в это время находилось до 500 польских эмигрантов, в том числе 100 в Лондоне и 212 в Портсмуте. Последние как раз и составляли группу бывших прусских заключенных – солдат крестьянского происхождения. В Англии находились также участники экспедиции Заливского, франкфуртской и савойской экспедиций. Была и немногочисленная, но влиятельная группа сторонников Чарторьского; агентами Отеля Лямбер были Крыстын Лех Ширма и Юлиан Урсын Немцевич. Аристократическая эмиграция имела поддержку в английском парламенте, в руках ее английских покровителей находилось Литературное общество друзей Польши, которое распределяло материальную помощь полякам: 488 эмигрантов получали в год 10 тыс. фунтов стерлингов. С приездом в Лондон карбонарской «тройки» началась борьба против сторонников Отеля Лямбер. Пулаский и Ворцелль вошли в Исполнительную комиссию лондонского Огула вместе с генералом Романом Солтыком, Вильчевским, Закшевским, Зелёновичем. Установился контакт с Корреспондентской комиссией ПДО в Пуатье. Пулаский и Ворцелль создали Общество взаимного просвещения, а для связи с английскими радикалами – Клуб прогресса как ответвление масонских лож с карбонарским уклоном. Их усилия были направлены на завоевание лондонского Огула, реорганизацию его в революционном духе. Но карбонарии не имели в Огуле большинства, и это проявилось на выборах его Исполнительной комиссии в августе 1834 г. Выборы проводились несколько раз, сопровождались скандалами и ссорами. В итоге карбонарии проиграли и вышли из Огула во главе с «тройкой». 6 сентября они объявили в воззвании о создании собственной гмины, подчеркнув, что «не цифровое, а мыслительное количество составляет большинство». Они заявили также, что не считают Комиссию представительством эмиграции, тем более что она выслуживается перед аристократией. В свою очередь, члены Исполнительной комиссии, сформированной в результате новых выборов, также обратившись к эмиграции с воззванием, объявили, что выступают с республиканских позиций за «неограниченное всевластие люда» и социальное равенство, «не знающее господина наряду с пролетарием»³⁴.

Карбонариям в Англии противостояла не только аристократическая эмиграция. Их соперниками, добившимися перевыборов, стали «молодополяки» – члены организации, начало которой дала бьеннская группа Общества прав человека и гражданина, получившая название «Молодая Польша». Ее активную часть составляли бывшие «легионеры», тесно общавшиеся с Мадзини и находившимися в Швейцарии членами «Молодой Италии». Общение завершилось организационным объединени-

ем: 15 апреля 1834 г. в Берне был подписан акт о создании «Молодой Европы» в составе «Молодой Италии», «Молодой Германии» и «Молодой Польши»; независимые и равные республиканские народы, получив «естественное право решать свою судьбу», «ныне и навеки» объединялись в братский союз под лозунгом прогресса человечества «на основе свободы и гармонии всех народов». В Акте основания этой первой международной революционной «наступательной и оборонительной» организации, в которую вскоре вступили также «Молодая Швейцария», «Молодая Франция» и «Молодая Испания», говорилось о принадлежащем каждому человеку и народу «всеобщем моральном праве на свободное и гармоничное развитие своей власти и реализацию своего призвания ради всего мира». Идеология «Молодой Европы» основывалась на принципах Мадзини, утверждавшего, что «национальность – это святое, у каждого народа есть своя миссия, исполнение которой будет способствовать исполнению миссии всего человечества», данной Богом, достижению свободы и равенства каждого народа и человека. Тогда, говорилось в документе, начнется новая эра – эра Бога и Человечества, исчезнут привилегии, произвол и самодержавие: «Мы не хотим над нами ни короля-человека, ни короля-народа. В соответствии с таким принципом в ЦК «Молодой Европы» должны были на равных войти представители от каждой национальной части этого международного союза³⁵.

Идеи «Молодой Европы» получили развитие в воззвании, с которым 12 мая 1834 г. к эмиграции обратился ее Временный комитет. В состав его от Польши вошли Кароль Штольцман, Юзеф Новосельский, Феликс Францишек Гордашевский, Константый Залеский, Юзеф Дыбовский; они возглавили группу, насчитывавшую около 200 чел. – участников савойской экспедиции. Воззвание Временного комитета не раскрывало программы социальных реформ, в нем провозглашался лозунг равенства народов, связанных братством (в том числе равенства в конспирации), утверждалась вера в историческую миссию каждого народа, «обязанного стремиться к освобождению собственными силами». На месте «старой Европы королей» должна была возникнуть «молодая Европа народов (людов)» – многонациональная федеративная республика с автономией каждого народа. Предполагалось, что общие вопросы будет решать «европейское собрание», а рассмотрение национальных проблем окажется в компетенции «национальных собраний». В свете этих положений «Молодая Европа» выступила против французских карбонариев-республиканцев. В воззвании содержалась критика централизаторской тенденции и властных амбиций Верховного всеобщего шатра, осуждался тайный характер его деятельности, который не позволяет национальным организациям «создать ясное и твердое представление о положении в Европе и обязанностях свободных людей», мешает контактам национальных организаций, подрывает их проекты, что уже привело к провалу революционных

выступлений 1833–1834 гг. во Франкфурте, Лионе и Париже. Осуждалась и враждебность, проявленная руководством Шатра в отношении Легиона. Предлагалось порвать с карбонаризмом и создавать гмины «Молодой Польши», которые затем выберут ЦК. Во главе ЦК хотели поставить Лелевея, об этом с ним вели переговоры Валериан Петкевич и Валентый Зверковский, которые, так же как Кароль Ружицкий и Богдан Залеский, были завербованы Шимоном Конарским, еще на переломе 1833 и 1834 гг. посланным гминой «Молодая Польша» в Париж для установления контактов и агитации во Франции. Поскольку Кремповецкий, являвшийся лидером в Польском национальном шатре, был выслан из Франции, Зверковский в его отсутствие пытался склонить большинство членов Шатра к объединению с «Молодой Польшей». Он же стремился приобщить Ворцелля к строительству новой организации в Брюсселе. Одновременно делались попытки присоединить к «Молодой Польше» Польское демократическое общество, в котором фактическая власть перешла от ослабевшей Центральной секции в Париже к секции Пуатье. План «Молодой Польши» предусматривал реорганизацию ПДО, при которой оно ведало бы эмиграцией, а вся внутripольская деятельность была передана «младополякам». Зверковский вел переговоры с руководителем секции Пуатье В. Ципрысиньским, но тот, так же как и Валерый Бреаньский, хотел, чтобы, наоборот, «Молодая Польша» присоединилась к ПДО. Этот вариант поддерживали К. Ружицкий и Б. Залеский, в связи с чем в руководстве «Молодой Польши» возникли трения³⁶.

Хотя переговоры с ПДО не дали результата, «младополяки» продолжали активные действия по осуществлению своих планов. В Туре они создали корреспондентскую комиссию, вели успешную агитацию за присоединение гмины ПДО к «Молодой Польше». Комитет «Молодой Польши» заявлял, что организация будет «действовать только в интересах родины» и полностью самостоятельно: «от нас <...> зависит выбор руководства, исповедание веры, создание чего-либо национального». Для укрепления своего авторитета «младополяки» были заинтересованы в привлечении Лелевея, и тот в конце 1834 г. вступил в «Молодую Польшу», так как, в свою очередь, хотел использовать ее для организации революционных экспедиций в Польшу. Чтобы создать условия для переброски туда агентов Лелевея и обеспечить корреспондентскую сеть, Зверковский старался договориться с «Молодой Германией». Мадзини поддержал Зверковского в его сношениях с Лелевелем, потому что серьезно рассматривал роль, какую могли бы сыграть в европейских событиях славяне, и прежде всего в борьбе против Австрии. Он особо выделял Польшу, считая ее центром политического и культурного влияния в Северной Европе. После подписания акта о создании «Молодой Европы» он писал Лелевею: «С этих пор ничто не сможет разрушить узы, завязанные нами между Польшей и Италией: та, которая первой поднимется,

придет на помощь другой, и тогда из нашего союза объявленных вне закона родится союз Севера с Югом». Призывая Лелевеля к сотрудничеству с «Молодой Европой», он предлагал выступить в ее прессе, в частности в газете «Ля Жён Сюис» («Молодая Швейцария»), со статьями о славянах и Германии. Однако Лелевелю не нравился акцент Мадзини и «Молодой Польши» на союзе поляков с Италией и Германией, в качестве главного союзника Польши он видел Францию. Не нравился ему и социальный радикализм «Молодой Польши», он считал ее воззвания неподходящими для Польши и критиковал статьи газеты «Пулноц» («Север»), которую в Париже издавали Чиньский и Конарский. Последний выступал за то, чтобы отбирать землю у помещиков, отказавшихся участвовать в будущем восстании, и, возможно, такой радикализм был Лелевелю не по душе. Как бы то ни было, «младополяки» приняли критику и предложили Лелевелю самому выступить на страницах газеты. Подобно Мадзини, они считали очень важной роль Лелевеля в разработке социальной и политической мысли эмиграции³⁷.

Усилия «младополяков» принесли плоды, и уже в 1835 г. в эмиграции насчитывалось 39 гмин «Молодой Польши» (142 члена), каждая из которых ежегодно избирала организатора для связи с Центром. Гмины были тайными, назывались по имени польских городов: например, «Люблин» в Брюсселе, «Андрушов» в Англии, «Бжесьть» в Безансоне. Члены организации узнавали друг друга по тайным знакам, которые ежегодно устанавливал ЦК «Молодой Польши» в согласии с ЦК «Молодой Европы», куда входили его представители. Каждый член имел свой номер и военное имя: И. Лелевель — «Лешек из Люблина», Л. Мерославский — «Шуя», К. Штольцман — «Богумир», Ш. Конарский — «Рембек», В. Петкевич — «Энрык» и др. ЦК «Молодой Польши» был высшим органом, избиравшимся всеобщим голосованием, ему подчинялись Коллегиально-корреспондентский Комитет, трехчленные департаментские комитеты и организаторы гмин. Гмины «Молодой Польши» были основаны и в Польше, куда направились Шимон Конарский и Тадеуш Жабицкий. В каждой польской провинции создавались земские комитеты, во главе гмин стояли организаторы, которые ведали всем на местах и общались с соответствующим земским комитетом. Земские комитеты меняли тайные знаки каждые три месяца, организаторы были незнакомы между собой, и каждый из них знал лишь одно лицо в земском комитете. Задачей комитетов являлись революционная пропаганда и подготовка к выступлению — военное обучение и концентрация оружия³⁸.

В декабре 1835 г. был избран постоянный ЦК «Молодой Польши». Его председателем стал Лелевель, членами — Валентый Зверковский, Валериан Петкевич, Винцентый Нешокоч, Кароль Штольцман, Анжей Гавроньский, Кароль Круликовский. Странники Лелевеля получили большинство в руководстве. К тому же Лелевель опирался на созданную

им в Брюсселе 23 февраля 1835 г. новую организацию – Союз детей Люда Польского, которая стала наследницей «Мести народа», организовавшей в 1832 г. экспедицию Заливского. Союз детей Люда Польского ставил те же цели – возбудить восстание в Польше, они получили выражение в его документах – Акте его создания, Декларации и Уставе. Основатели Союза провозглашали объединение усилий эмиграции независимо от партийной принадлежности, но выделяли «тех, кто исповедует наши демократическо-национальные принципы». Главной задачей объявлялось установление связи с Польшей, посылка туда эмиссаров. В документах Союза утверждалось, что Польша не умерла, «эмиграция, унаследованная от неудач, спасла надежды и мысли народа, возвысила возрождающий Польшу дух и веру в собственные силы. А потому Польша и дело народа победят». Подчеркивалось: «Политическое существование и независимость Польши так связаны с интересами люда, что война за независимость и социальная реформа должны идти вместе, и чтобы успешно их осуществить, их нельзя и невозможно разделять»; их союз – это общая цель и одновременно средство ее достижения. Лидеры Союза детей Люда Польского определяли три основных направления борьбы: за «освобождение всей Польши, гражданские и политические свободы и наделение Польского Люда землей в собственность». В политической сфере планировалось создание однопалатного парламента, избранного путем всеобщего голосования. В постановлении Союза ставилась задача «в целях отмены всяких привилегий и осуществления <...> великой миссии человека, основанной на свободе, равенстве и братстве, организовать и подготовить национальное движение, готовя и используя все моральные и материальные средства, обеспечивающие как можно более скорое осуществление наших желаний». Установление «самовластного» Верховного управления оговаривалось необходимостью не допустить ослабления демократических принципов со стороны «каких-либо властей прежнего нашего восстания», «чтобы больше головы поднять не могли» оставшиеся с того времени представители сейма и сеймовых фракций, функционеры и лица, занимавшие посты, а также аристократическая эмиграция со своими интригами и планами.

Внутренняя структура Союза детей Люда Польского была четкой. Пятеро членов Верховной власти были строго законспирированы и связаны коллективной ответственностью, их контакт с массами осуществлялся через «Братьев стражи» – посредников, которых назначала, определяя их численность, Верховная власть и которых знали в лицо лишь некоторые члены Союза. Группой членов Союза в несколько человек руководил «начальник», имевший доступ к Верховной власти через определенного посредника; решения принимались большинством голосов. Все члены Союза приносили присягу, каждый имел номер и кличку, в частности, Лелевель шел под номером 333 и назывался «Богун»³⁹.

Союз детей Люда Польского был заинтересован в укреплении своих связей в эмиграции. Через вступившего в Союз К. Ружицкого (№ 76, кличка «Богдан»), который являлся председателем Братского общества граждан-солдат, был налажен контакт с радикальной военной молодежью. Он же вел работу в секциях Батиньоль и Фонтенбло Польского демократического общества, рассчитывая присоединить их к Союзу, и в результате был исключен из ПДО. Через Винцентья Тышкевича (№ 43, «Ежи») старались склонить к сотрудничеству группу демократов, близких к Отелю Лямбер, а через Зверковского (№ 88, «Лютый») — часть карбонариев. Что же касается «Молодой Польши», там, наряду с Зверковским и Петкевичем, прочные позиции занимали также Антоний Глушневич (№ 3, «Марек»), Константий Залеский (№ 22, «Павел»). Члены Союза Петр Копчинский (№ 7, «Коп»), Северын Пилиховский (№ 35, «Михал»), Винцентый Будзыньский (№ 111, «Вацлав»), Михал Будзыньский (№ 26, «Игнаций») вели работу в Галиции. Летом 1835 г. Лелевель направил в Польшу члена «Молодой Польши» Ш. Конарского с целью объединить тайные кружки всей страны. Объединение поляков для борьбы должно было стать примером для других славянских народов, так же как и польская социально-политическая программа. Поднять народ на революцию планировали при помощи духовенства и шляхты. Предполагалось, что во время борьбы помещики будут платить специальные налоги, и потому требовалось провести учет всех имений и доходов их владельцев. Ставилась также задача подготовки оружия.

Основываясь на этих постулатах, Конарский, Жабицкий и братья Залеские договорились с Северыном Гощиньским и Леславом Лукашевичем — руководителями созданного еще в 1833 г. в Галиции Союза друзей народа — о формировании Содружества польского народа. В налаживании его работы большую роль сыграл Конарский, он гасил конфликты членов объединения, принадлежавших к разным идейным направлениям, вместе с Залеским помогал Гощиньскому в вопросах организации. Он также активно участвовал в разработке устава Содружества, положив в его основу устав «Молодой Польши» и опираясь на опыт конспираций, существовавших в последние годы. Главный акцент в программе организации был сделан на перестройку социальных отношений и сближение всех частей Польши. Говорилось о специальной миссии народов, о «всевластии люда», причем, как и у Лелевеля и «Молодой Польши», отождествлялись понятия «народ» (нация) и «люди» (крестьянство). Содружество ставило целью «не только освобождение Польши из-под чужого ярма, но полное омоложение нации», в его документах акцентировались принципы свободы и гражданского равенства, всеобщего голосования на выборах в сейм, звучал социальный мотив — уничтожение барщины и передача крестьянам в собственность их наделов. Характерно, что в руководстве организацией были не только представители интересов

крестьян, но и сами крестьяне. В Содружестве боролись два течения – либеральное, ставившее целью пропаганду среди шляхты и выступление на повстанческую борьбу в будущем, и демократическое, выступавшее за непосредственную агитацию среди народа, создание революционных кружков ремесленников, гуралей и пр. В частности, эти идеи находили отклик у галицийских радикалов. Северыну Гощиньскому и Люциану Семеньскому удалось присоединить к Содружеству и львовских карбонариев, создав, наряду с Главным собранием в Кракове, Земское собрание во Львове. Конарский отправился также в Литву и на Украину, Жихлинский – в Познань, Венжик – в Королевство Польское (в Варшаву). Однако соединить все эти пункты эмиссарам не удалось⁴⁰.

Это были годы наибольшей активности «Молодой Польши» в союзе с лелевелистами, в том числе не прекращались их попытки объединить под своим началом эмиграцию, распадавшуюся на 200 маленьких огулов, которые вели между собой борьбу. Лелевель планировал возродить сейм и пытался при помощи Ледуховского и Тщиньского созвать бывших послов в Брюсселе. Так называемая Корреспондентская комиссия, взявшая на себя объединительные функции после роспуска в мае 1834 г. руководимого Дверницким Национального комитета польской эмиграции, пыталась разработать новый устав в духе установок ПДО. В июле 1834 г. она выступила против Отеля Лямбер, опубликовав акт, в котором князь Адам был объявлен «врагом эмиграции» и вредителем дела Польши. Вокруг этой позиции за восемь месяцев объединились 2840 эмигрантов, подписавших акт осуждения Чарторьского. В то же время Отель Лямбер получил поддержку: от имени группы военных 17 октября 1834 г. Мохнацкий обратился к Дверницкому с открытым письмом, где оправдывал действия князя Адама, но в то же время призывал эмигрантов не ожидать от Европы освобождения Польши, а действовать собственными силами: «Ничьей помощи мы не отвергаем, – писал он, – но ни в чью помощь не верим». Подчеркивая необходимость создания «центральной повстанческой власти», он утверждал: «Для нескольких десятков миллионов поляков, если они хотят одного и того же, нет ничего невозможного»⁴¹.

Поскольку объединительная акция Корреспондентской комиссии не удалась, группа эмигрантов в Ажане создала новую Объединительную комиссию и провела выборы в Комитет, куда вошли Дверницкий (как председатель), В. Зверковский, Я. Ледуховский, К. Ружицкий, Л. Ходзько, Б. Залеский и издатель газеты «Нова Польска» Ю.Б. Островский. Против участия последнего выступили члены Комитета – лелевелисты, и в сентябре 1835 г. Комитет распался. К этому времени обозначился успех другого объединительного центра: наиболее сильная секция ПДО в Пуатье при поддержке других секций взяла на себя функции проведения программного и организационного объединения – создания четкой исполнительной власти и опубликования манифеста, содержащего новые идеи. Секция вы-

играла выборы в конце 1834 г. и стала Центральной, в июне 1835 г. Огул эмиграции принял выработанный ею новый Устав. Целью борьбы эмиграции объявлялась независимость Польши, а средством ее достижения — демократия. Сохранялась структура ПДО — деление на секции, по большей части пятичленные. Путем тайных выборов формировалась исполнительная власть — Централизация из 9 членов (позже их стало 5). Первые выборы состоялись 5 июля 1835 г., но работа Централизации началась позже, уже в начале 1836 г. В ее состав вошли Ян Непомуцен Яновский, Томаш Малиновский, Александер Мольсдорф, Виктор Гельтман, Генрык Якубовский, Роберт Хмелевский, Люциан Зачиньский, Адольф Хрыстовский и Винцентый Ципрысиньский (он вскоре умер). Большинство членов были «умеренными» демократами, не хотели ни революционно-демократических, ни либеральных «крайностей». В. Гельтман, например, выступал против лозунга общественной земельной собственности, против акцентирования интернационального характера борьбы поляков, критиковал программу ПДО, принятую в 1832 г., как чересчур либеральную и считал нужным ее изменить. Противниками «крайностей» были также Я.Н. Яновский, И.Р. Плужаньский и другие деятели ПДО. На этой платформе осуществлялась и «чистка» состава Общества⁴².

Подготовленный новый проект Манифеста обсуждался в секциях в течение года. В это время соперники ПДО продолжали попытки объединить различные группы эмигрантов. В 1836 г. Дверницкий, Ледуховский, Стемповский и другие основали Конфедерацию польского народа, объединявшую 600 эмигрантов и включавшую в программу борьбы за освобождение Польши лозунг безвозмездного наделения крестьян землей в собственность после победы восстания как проявления доброй воли помещиков. В мае 1836 г. «Молодая Польша» объединилась с Конфедерацией, что помогло присоединить также лондонский Огул, а затем соглашение с Дверницким подписал и Мадзини от имени «Молодой Европы». Восстание в Польше и Италии должно было произойти одновременно; предусматривались взаимопомощь в подготовке революций (людьми, оружием, деньгами), отправка эмиссаров, пропаганда и агитация в войсках стран-угнетателей. Однако сотрудничества добиться не удалось. Так как Мадзини считал Дверницкого «нулем в политике», «Молодая Польша» рассчитывала на преимущественное влияние среди эмигрантов, к тому же имелись расхождения программного характера: Конфедерация выступала за немедленное «освобождение и наделение землей» крестьян, а «младополяки» боялись утратить поддержку шляхты в Польше и откладывали этот акт «на потом». В результате уже в августе 1836 г. Конфедерация приостановила работу. Но сторонники Дверницкого продолжали разрабатывать планы сплочения эмиграции и летом 1837 г. создали Лондонский комитет, а «младополяки» пропагандировали в лондонском Огуле объединительные идеи Лелевеля. С начала 1837 г. А.Н. Дыбовский

стал издавать в Лондоне журнал «Републиканин», с которым сотрудничали Штольцман, Гляйних, Калуссовский – «младополяки», тесно связанные с Лелевелем и Мадзини.

4 декабря 1836 г. появился Великий (Пуатьерский) манифест, одобренный голосами 1135 членов ПДО. Он определял цель борьбы за Польшу собственными силами во имя установления демократического республиканского строя. Постулатами Манифеста были «свобода», «равенство», «братство», провозглашался принцип выборности и предоставления всем равных политических прав, объявлялось, что в первый же день восстания произойдет безвозмездная передача крестьянам в собственность их наделов независимо от позиции шляхты и даже вопреки ей. Но ничего не говорилось ни о безземельных, ни о помещичьих фольварках, так как сохранение собственности шляхты должно было обеспечить национальное единство в борьбе. Таким образом, сохранявшийся в новом Манифесте старый лозунг «Все для люда – все через люда» подразумевал не крестьянство (люда), а весь польский народ (нацию) без социальных различий⁴³.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТЕЧЕНИЯ; ГРОМАДА ЛЮДА ПОЛЬСКОГО

Однако в эмиграции зрели и другие представления о соотношении национальных и социальных задач польского народа. Об этом свидетельствовала уже речь Кремповецкого в 1832 г. В 1834 г., уезжая из Брюсселя в Лондон, он отдал в редакцию парижской газеты «Постемп» (Прогресс) статью, озаглавленную «Национальность (Централизация)», где высказался за полную ликвидацию феодальной земельной собственности, за последовательную демократическую революцию, в которой решающую роль должны сыграть крестьянство, в том числе безземельное, и городской плебс. Он утверждал, что существующий социальный порядок, признанный «законным» и «святым», в действительности имеет причиной «темноту одних и хитрость других», подлинный же социальный порядок является гармонией между целым и его отдельными частями. «Народ, – писал он, – все части которого не связаны, не централизованы общим интересом, всегда легко завоевать», а Польша была страной, где не было централизации, ее сердце перестало биться из-за отравы, какой стали «шляхта, помещики, олигархи, эгоисты». Кремповецкий подчеркивал разницу в трактовке понятия «национальность»: по мнению панов, это «религия, которая приказывает кланяться власти, несмотря на то, какая это власть», это установка, «не позволяющая не-шляхте владеть собственностью», это «право иметь в собственности людей». Именно такое понимание «национальности», утверждал он, и убило Польшу, потому что это «отрицание национальности». Автор статьи резко оценивал социальные отношения в польском обществе: «При-

вилегии, – писал он, – это преступление, совершенное в пользу отдельных людей и с ущербом для общества. Собственностью являются только наши силы. Собственность не проистекает из природы, а возникает из социальных договоров <...> Собственность можно подвергнуть изменению и даже отнять, если она вредит обществу и если такова его воля». Возвращаясь к мыслям, уже высказанным им в речи 29 ноября 1832 г., Кремповецкий вновь указывал на эгоизм шляхты, который «убил Польшу, ибо уничтожил ее силы, ибо сделал несколько десятков миллионов крестьян равнодушными, лишил их патриотического чувства, потому что не хотел, чтобы крестьянство это чувство имело». В результате «крестьянин, доведенный до состояния скота, не мог осознать родину, так как ее не имел». Как и в речи 1832 г., Кремповецкий обосновывал неизбежность крестьянской революции: «Когда чаша страданий переполняется, когда крик о справедливости называют бунтом, бунт становится для угнетенных обязанностью. Так произошло на Руси [то есть на Украине. – С.Ф.], где тирания дошла до высочайшей степени». В статье содержалось предупреждение о характере бунта, зреющего в Польше: «Крестьянству нужно благосостояние и просвещение», а поскольку оно этого лишено, то «измученное страданиями и темное, оно слепо ударит по всему тому, что им не является». Кремповецкий подчеркивал, что решение социального крестьянского вопроса необходимо для решения вопроса национального, и упрекал шляхту за то, что она нарушила «Централизацию» – единение народа, что ее эгоизм и старые, реакционные понятия делают ее «союзником Николая». «Пав из-за отсутствия Централизации, – заявлял он, – Польша лишь через Централизацию может подняться. Эта Централизация наступит во имя интеллектуального, морального и материального освобождения польского крестьянства, во имя идеи всеобщего братства». Он указывал на основные нормы этого будущего состояния крестьян: «Человек не может быть собственностью», «не должен отдавать от своих трудов никому, кроме части на потребности общества», «законом является лишь сама воля крестьянства». Показательно, что для Кремповецкого крестьянство являлось решающей силой нации, и в этом его, видимо, убеждали впечатления, вынесенные из жизни европейских стран. «Не в городском сословии, – утверждал он, – заключена сила народа <...> горе стране, где оно получит перевес <...> У него Централизация находится в банке, родина – в доме, слава – в шкатулке. В нынешнем состоянии Европы городская каста отличается от шляхетской тем, что одна заставляет людей работать на себя на земле, а другая – за станком». Резюмируя все сказанное, автор статьи подводил итог: «Централизация польского люда заключена в одной идее – *всевластии народа*. Следствия этой идеи таковы: нет неволи, каждый имеет право на комфортное независимое существование, основанное на труде; каждый является частью носителя всевластия». Чтобы достичь Централизации, заключал Кремповецкий, «Польше требуется диктатура мысли»⁴⁴.

Развивать свои идеи он продолжал в Англии, где развернулась острая борьба за руководство лондонским Огулом, а ряд последовательных выборов сопровождался драками и дуэлями, в которых, в частности, принимали участие Кремповецкий и Ворцелль. После исключения из Огула Ворцелль, Кремповецкий и Пулаский создали свою гмину, но вскоре переехали на остров Джерси. Они стянули туда около 30 своих сторонников и вместе с находившимся там Зеноном Болеславом Свентославским создали в Сент-Элье центр народно-революционной пропаганды. В то же время в Портсмуте была организована школа, где солдат – неграмотных польских крестьян обучали грамоте и внушали им социально-утопические идеи. В основу был положен Акт основания ПДО от 17 марта 1832 г., содержащий лозунги братства народов («людов»), общности земли и ее плодов. Возникшая в Портсмуте секция ПДО под названием «Грудзёнж» сотрудничала с секцией, руководимой С. Ворцеллем и А. Гронковским в Сент-Элье на Джерси. Во время дискуссии, которая развернулась в Польском демократическом обществе в ходе подготовки его Манифеста, портсмутская секция, крестьянская по своему социальному составу, выступила с критикой проявившегося у руководства ПДО стремления пересмотреть основополагающий лозунг обобществления земли. Дело касалось письма, с которым руководители Общества обратились к министру внутренних дел Франции, когда в середине 1835 г. французское правительство предприняло полицейские акции против ПДО, подозревая его в связях с французскими карбонариями. Авторы письма, подчеркивая национальный характер действий польской эмиграции, открещивались от всяких сношений с европейским революционным движением, мотивируя это тем, что поляки убедились в безосновательности, химеричности надежд на «чужую помощь». Что касается программы ПДО, отмечалось, что его целью является мирное осуществление социальных реформ – освобождение крестьян, которое откроет путь к восстановлению Польши в старых границах. Реакцией на это письмо стал принятый портсмутской секцией «Акт обвинения так называемого Польского демократического общества». Национализм, говорилось в нем, не служит Польше, он отражает взгляды определенного класса, который «сосет народ»; руководство ПДО закрывает путь развития польского народа, отделяя его дело от «непрерывного похода всех европейских народов за равенство» и тем самым лишая Польшу «выгоды, какую может ей принести просвещение, опыт и оружие народов Европы». Как утверждалось в документе, причина этого в том, что ПДО «выступает исключительно в защиту интересов шляхты, социального класса, по неумолимому приговору истории обреченного на уничтожение» и пытающегося удержать существующее положение. По мнению авторов Акта, ПДО «пренебрегает польскими крестьянскими массами, стремится отрицать их патриотизм», в то время как именно «польский люд всегда боролся за польское дело», «шляхта же беспрестанно его предавала»; «польский

люди сражались, а шляхта складывала оружие». В Акте перечислялись все измены шляхты и содержалось извинение перед общественным мнением революционной Европы за «самовольное», не поддержанное массами выступление шляхты. В целом содержание документа явилось формулировкой революционного пути крестьянских и плебейских масс Польши к социальному и национальному освобождению при опоре на международную солидарность революционных сил, стремящихся построить новый строй на обломках старого⁴⁵.

Этот документ появился в то время, когда в эмиграции развернулась дискуссия вокруг проекта нового Манифеста ПДО, разработанного его лидерами. 25 мая 1835 г. 123 члена портсмутской секции опубликовали письмо, текст которого был составлен Ворцеллем и Кремповецким. В нем подтверждались основные мысли статьи Кремповецкого о том, что собственность не является «законом природы»: «Право собственности, освященное вековым грабежом и убийством, противоречит праву на жизнь, вытекающему из самой природы. Оно убивает право на жизнь, поэтому мы должны его свергнуть, уничтожить, если не хотим идти против природы. Признавая равное право всех на жизнь, мы уже тем самым отвергаем чудовищное право частной собственности». «Как право на жизнь, так и право собственности, — говорилось в письме, — есть общее благо. Это неоспоримые, нерушимые истины, с которыми нельзя вступать ни в какие компромиссы»⁴⁶.

Центральная секция ПДО осудила такую позицию портсмутцев и провела опрос среди других секций. Как следовало из ее циркуляра от 12 сентября 1835 г., 11 секций высказались против обобществления земельной собственности. В результате большинство членов портсмутской секции Портсмут порвало с ПДО: 30 октября 1835 г. 138 эмигрантов (в значительной части с чисто крестьянскими фамилиями) объявили о создании Громады Люда Польского «Грудзёнж» (по названию местности, где польские солдаты сидели в прусской тюрьме). 6 ноября в нее вступили Станислав Ворцелль, Тадеуш Кремповецкий, Северын Дзевецкий, Александр Гронковский и другие революционные демократы. Каждый из членов подписывал декларацию, заявляя, что отрекается от социальных выгод, «не опирающихся на права, служащие всему польскому люду», будет работать над возвращением этих прав, пользование которыми означает «всевластие люда», и бороться против того, что мешает уравниванию социальных условий, против «существующего общества эксплуатации человека человеком»⁴⁷.

30 октября Громада обратилась к эмиграции с воззванием, которое по существу явилось ее манифестом. Члены Громады объясняли ее создание, указывая на резкое отличие эмигрантов-крестьян от шляхетской массы эмигрантов: страдания люда и шляхты разные, заявляли они, разные и противоположные их интересы, по-разному борются они за Польшу, у них

разный путь к ее освобождению. «Поэтому, – говорилось в воззвании, – не только положением, но и нашей мукой, интересом, чувством мы были оторваны от остальной польской эмиграции. Мы несли на себе посланническую миссию польского крестьянства и всеми своими поступками, нынешними и будущими, мы сумеем утвердить ту истину, что Польша поднимется не через шляхту, а через люд». Поскольку ПДО отдало предпочтение шляхте, отказавшись от провозглашенного в Манифесте 1832 г. уравнивания социальных условий, авторы воззвания клеймили руководство Общества за «вашингтонизм» и «лафайетизм», за то, что ПДО «закрепляет и санкционирует страдания крестьянства, обещая кинуть ему кусок земли, как кость голодному псу». Они объявляли все будущие действия ПДО «недействительными и злонамеренными по отношению к польскому люду, так как они продиктованы реакционной доктриной»⁴⁸.

В воззвании характеризовались три направления в польской эмиграции: сторонники сейма, виновного в гибели Польши; лелевелисты, стремящиеся воскресить Польшу силами крестьянства и шляхты; Польское демократическое общество, которое вместо шляхты видит союзника народа в буржуазии, в промышленных и торговых слоях и хочет сменить шляхетскую Польшу на купеческую. Тем самым, утверждали члены Громады, меняется имя тиранов, но остается тирания, и народ идет на восстание против такой власти, убивающей Польшу. От имени люда они заявляли, что выдвигают лозунг «восстания мысли», которая «вооружает руку», так как «там, где мысль уничтожена и раздавлена, там легко разбить и материальную силу». «Новые понятия заняли место старых, изношенных, – говорилось в воззвании. – Люд не хочет быть унижающимся нищим, ждатель от истощенного червем меньшинства своих прав как жалкой подачки, люд все равняет по себе, не стараясь подтянуться, потому что является наивысшей, последней ступенью земной мощи». Отдавая дань христианским воззрениям, члены Громады писали: «Сегодня над народом витает дух Божий, а идея всеобщего равенства, мысль о достижении всеобщего счастья не насытится частичным обещанием ваших милостей, которое вы с трудом и болью выдавили из себя. <...> Если вы сами добьетесь *вашей* родины, сами в нее и возвращайтесь, потому что мы представляем другую, противоположную вам отчизну. Отчизна *наша* – то есть польского крестьянства – всегда была отделена от родины шляхты <...> Море крови в целом мире разделяет шляхту от люда. Только будущее – исправление, жертвенное посвящение и любовь – могут преодолеть эту границу. Уже настало время покаяния и раскаяния. После его окончания кровь, бурлящая мстостью и злодеяниями, падет на голову неисправимых жестокосердных грешников, которые, как отдельная нация, как банда преступников, настаивают на своей исключительности. Уже пришло время <...> образовать единое целое. Люд является единым целым. И вам, помещики, приходит пора присоединиться к нам». Но

братство людей Громада считала лишь первым этапом прогресса, следующим шагом должно было стать «уравнение социальных условий», иначе возникла бы тирания тех или других. «Рабство или безусловное равенство; Николай или полное возвращение прав люду» – такой выбор Громада предлагала шляхте⁴⁹.

Таким образом, воззвание 30 октября 1835 г., провозгласив лозунг отделения Польши «шляхетской» от Польши «людовой», обозначило разграничение интересов крестьянских масс и шляхты, выдвинуло утопическое требование всеобщего социального равенства. Программа утопического социализма была развернута в следующем документе Громады «Грудзёнж» – воззвании, направленном 10 декабря 1835 г. членам секции ПДО в Вимонтьер. В нем получил дальнейшее развитие вопрос о собственности. Авторы воззвания заявляли, что признают «первой, самой святой, основанной на законе природы, а скорее на Божьем праве, и единственно неприкосновенной собственностью человека его собственные силы, право употребить их на избранный род занятий, а затем и на результат этого труда». Если заработанная собственность признавалась законной или незаконной, в зависимости от законности самого заработка, то наследственная собственность объявлялась «незаконной и требующей скорейшей ликвидации», в ней усматривались «черты анархичного, противного всякому единству, безнравственного индивидуализма», а ее источник видели в привилегии рождения, которая становилась «правом более святым, чем само всевластие» народа, делала независимым от него отдельных людей, «создавала у них интересы, обособленные от интересов общества». Наследственная собственность, подчеркивалось в воззвании, предоставляла одним средства для жизни, а других ставя в зависимость от первых, устанавливала «настоящее неравенство, основанное на угнетении и господстве и все возрастающее в следующих поколениях». Члены Громады выступали против как помещичьей, так и крестьянской наследственной собственности, так как в целом были против индивидуального землевладения. Считая право на землю принадлежащим всему народу, они не желали «неограниченно множить число мелких земельных собственников», указывая на «естественные последствия» этого – «упадок индустрии, торговли, искусства и ремесел, а более всего просвещения и общественной силы». «Мы не хотим, – писали они, – распространения индивидуализма вместо его уничтожения» и создания условий для роста числа собственников, обладающих «исключительной привилегией», что привело бы к «многократному увеличению силы господствующей касты, тирания которой над неимущими <...> была бы таким образом увековечена»⁵⁰.

Идеалом Громады была общественная собственность «как социальная форма обращения внешнего мира на пользу человека, как гарантия его существования, данная обществом, как союз, связующий в единое сообщество его отдельных членов». Но для этого «собственность должна

была принадлежать не им, а всему их сообществу», которое, исполняя соответствующие этому закону обязанности, предоставляло бы каждому человеку средства его существования, прежде всего обеспечив его воспитание и обучение, а затем «снабжая орудиями труда, каковыми являются для одних земля, для других мастерские, конторы и т. п.». Вопрос о выделении средств производства во временное (пожизненное) пользование должны были решать исполнительная власть или собрания на местах; каждому выделялся бы «некоторый капитал, одинаковый для всех, ибо он должен был соответствовать работе, которую каждый себе выбирал»; тех, кто работать не мог, предлагалось содержать на общественный счет. Характерно, что Громада отдавала предпочтение коллективной форме труда как более прогрессивной. «Мы хотим, – писали ее члены, – чтобы место нынешних монополистических частных банков, владельцев фабрик и т. д. заняли распространенные по всей стране правительственные [государственные. – С.Ф.] заведения под названием национальных банков, ссудных касс помощи и других, которые, исполняя свое настоящее предназначение, предоставляли бы средства тем, кто нуждался в них для осуществления крупных предприятий, непосильных для отдельных людей. Кроме того, мы хотим, чтобы свобода объединения производственных, торговых и прочих корпораций соединяла между собой людей во все более расширяющуюся общность, основанную на общности труда и его плодов». Программа Громады предусматривала, что «искусство, наука, производство, обращенные к своим социальным целям, должны приносить стране пользу в том же объеме, но более высокого нравственного качества», и что все эти институты должны направить свои усилия на «социальное и умственное воспитание общественного организма под верховным влиянием контролируемой народом, но действенной, сильной и единой центральной администрации»⁵¹.

В воззвании Громады выражалась уверенность, что предлагаемая программа обеспечит всем людям подлинную свободу, так как «никто не станет зависеть от другого под угрозой голода и никто не должен будет на 25–30 лет закабалить себя душой и телом на фабрике или на лакейской службе». Что же касается проведения программы в жизнь, то авторы документа подчеркивали, что это будут делать отнюдь не помещики, а сам народ-люди; выражалась уверенность, что «экспроприация собственников при выплате им дотации, полагающейся каждому члену Люда, вызовет меньше сопротивления, чем частичная экспроприация одних в пользу других», так как если заберут только часть собственности, «у одних останется достаточно для сопротивления и борьбы, а у других недостаточно для жизни»⁵².

Идеи, выдвинутые Громадой Люда Польского «Грудзёнж», были по-разному поняты и восприняты польской эмиграцией. Руководившая ПДО и разрабатывавшая его новый устав секция Пуатье выступила против них, но они нашли отклик в Сент-Элье на Джерси, где восемь ре-

волюционных демократов во главе со Свентославским присоединились к Люду Польскому и образовали Громаду «Умань». Название не было случайным: как и Кремповецкий в речи 29 ноября 1832 г., создатели Громады «Умань» напоминали о событиях на Украине со «вздохом покаяния за вины отцов». Смысл названия разъяснялся в письме, которое 14 марта 1836 г. члены «Умани» направили Громаде «Грудзёнж»: «Нам следовало взять имя Умани, — писали они, — чтобы заключить с народом Украины <...> союз возрождения, союз будущего, чтобы <...> стереть обоюдные страдания, чтобы за преследования народа Украины, за вызванную страшнейшую реакцию смыть этим названием обоюдную ненависть, стереть кровавые воспоминания». Авторы письма Громады «Умань» поддержали основные положения портсмутской программы. Они видели главную причину унижения народных масс в «господстве королей, шляхты и денежного класса». Люд, заявляли они, хочет быть свободным, но не ожидает освобождения от «немошной Централизации» ПДО, а добьется всего своими силами и сокрушит на пути все, что противостоит его благу. Подчеркивалось, что неумелое руководство, непонимание ситуации, отступление перед пролитием «грязной крови» — все это может лишь привести к провалу преждевременного выступления. И звучало предупреждение: «Пусть же меч поможет обратить тех, кто остался глух к чистому голосу пропаганды»⁵³.

Революционные демократы из Сент-Элье, присоединившиеся к Люду Польскому и создавшие «Умань», начали сотрудничать с Громадой «Грудзёнж». А позже в Лондоне возникла Громада «Прага», названная в память о другом историческом событии — жестоком штурме предместья Варшавы войсками Суворова в 1794 г. Лондонская Громада также вошла в Люд Польский, Громада же «Грудзёнж» стала Центральной. Революционные демократы старались вести социально-политическую пропаганду, разъяснять свою программу в воззваниях, письмах, на страницах печати. Так, в августе 1836 г. появилась статья Ворцелля «О собственности», где развивалась мысль о том, что собственность является категорией исторической и в будущем должна отмереть. Эта статья стала попыткой научного формулирования идей утопического социализма, аграрного коммунизма в ответ на новый Манифест Польского демократического общества. Люд Польский подверг его критике, в частности, в связи с появлением в английской прессе хвалебной статьи, посвященной этому документу ПДО. Как подчеркивали Дзевицкий и Кремповецкий, автор статьи англичанин Оуэн не понял смысл Манифеста и приветствовал якобы имеющееся в его тексте «освящение принципа уничтожения частной собственности». Критическую статью Люда Польского не удалось поместить в органе чартистов «Ланден Меркьюри» («Лондонский Меркурий»), так как там также появился адресованный Польскому демократическому обществу приветственный адрес Объединения Восточного

Лондона. Поскольку деятели Люда Польского считали важнейшей задачей разъяснять европейской общественности подлинное положение дел в польской эмиграции и пропагандировать свои взгляды как в польской среде, так и в иностранной печати, они выпускали воззвания, писал и редактировал которые преимущественно Кремповецкий. Так, воззвания 1836–1837 гг. и обращение «К польскому люду на родной земле» несли на себе отпечаток той самой речи его 29 ноября 1832 г.: в них повторялись обвинения шляхты. В том, что шляхта составляет подавляющее большинство в составе ПДО, Кремповецкий видел причину национализма Централизации и руководства Центральной секции Общества, отказа их от революционного интернационализма. Деятели же Громад, напротив, подчеркивали мотив интернациональной революционной борьбы и в публичных выступлениях, и в печатных обращениях. Так, в воззвании Громады «Грудзёнж» «К народам» 3 декабря 1835 г. говорилось, что Польша «свободная, независимая, равная станет храмом равенства, братства и всеобщего счастья»⁵⁴.

Для подготовки воззваний, писем и обращений была создана Подготовительная корреспондентская комиссия, ее руководителем стал Кремповецкий, а секретарем – Ворцелль. Комиссия также помогала Хозяйственному совету Громад в расчетах, адвокат Вонтрубка оказывал юридическую поддержку в спорах Люда Польского с Литературным обществом друзей Польши по вопросам материальной помощи. Члены Громад жили в большой нужде, и под предлогом оказания им помощи идейные противники Люда Польского пытались рассеять «громадян», в качестве ремесленников разослать их группами в Ирландию и Шотландию либо завербовать в легион, формировавшийся для борьбы за династические интересы в Португалии. Однако эти попытки не удалось, члены Громады «Грудзёнж» остались в казармах, где они жили. Для них была организована школа, там неграмотных крестьян и солдат учили читать и писать, давали им уроки истории, проводили лекции на темы Евангелия. Большие усилия прилагались для налаживания связей с английской прогрессивной общественностью. Комиссия организовывала манифестации и торжественные заседания в годовщину Ноябрьского восстания 1830 г. Так, 29 ноября 1835 г. в Портсмуте на торжестве председательствовал английский радикал Гарднер, еще трое англичан произнесли приветственные речи, затем с речами на французском языке выступили Ворцелль и Кремповецкий, а после ряд членов Громады выступали по-польски. Свои воззвания Комиссия печатала в английском радикальном органе «Тру сан» («Истинное солнце»). Руководство Люда Польского старалось завоевать поддержку английских радикалов, в частности Билса, а также установить контакт с чартистами Бронтерром О’Брайеном, О’Коннором, Винсентом. Последнего Громада благодарила «за сильные людовые акценты» в речи 29 ноября 1836 г. Одновременно она вела полемику с теми

английскими деятелями, которые, как, например, Бомонт, благожелательно высказывались о политике царского правительства, считая, что оно ослабило гнет польского крестьянства. Деятели Громады разъясняли, что речь идет не об уступках и подачках, а о последовательных революционных изменениях в сфере земельной собственности: «Земля – собственность всей нации, поэтому нация должна каждого из своих сыновей в достаточной мере наделить орудиями труда». Критика направлялась не только против феодальной земельной собственности, но и против всей системы европейского (в том числе и английского) буржуазного общества: «С помощью многовекового опыта истории и исторического прогресса, определивших, что права человека предшествуют обязанностям, которые общество накладывает на всех своих членов, – писали деятели Люда Польского, – мы добьемся социального блага, минуя те преобразования угнетения и эксплуатации, столь несчастный пример которых демонстрирует Запад. <...> Речь идет о том, чтобы раз и навсегда положить конец эксплуатации человека человеком»⁵⁵.

В основе всех документов Люда Польского лежали идеи утопического социализма с христианским оттенком. Они отражали влияние теорий французских утопистов Бабёфа, Сен-Симона, Бюше. Громада «Грудзёнж» испытывала также влияние идей Мадзини, чья книга «Вера в будущее», появившаяся в 1835 г., вызвала у демократической эмиграции большой интерес, так как в ней давался анализ польского национально-освободительного движения. Рассматривая события восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском, Мадзини выступал с критикой повстанческого руководства, упрекал его за крен в сторону дипломатии, медлительность в военных действиях, опасение перед привлечением к борьбе народных масс. Все это совпадало с позицией членов Громады, интернационализм Мадзини, его призыв к революционному союзу народов отвечал их собственным стремлениям. Поэтому было решено установить с ним связь, и по поручению Подготовительной комиссии Кремповецкий подготовил рекомендательное письмо, с которым Дзевицкий отправился в Лондон. В письме было подчеркнуто огромное значение книги Мадзини для членов Громады, которые надеялись, что итальянский революционер поддержит их, разделив их взгляды. Однако Дзевицкого и посланного ему на помощь Кремповецкого ждало разочарование, и переговоры с Мадзини не дали результатов. Но в Лондоне посланцы Громады имели и другую миссию: речь шла об объединении с лондонским Огулом, и нужно было уточнить его детали. Переговоры велись и с англичанином О'Брайеном, выезжавшим во Францию, так как через него Громада надеялась завязать контакт с французскими республиканцами. Правда, упрочить свои позиции во Франции ей не удалось, и лишь несколько эмигрантов, прибывших на юг Франции после 1836 г., вступили в родственную Громаде группу Людвика Милковского. Также неизвестны результаты попыток

Громады связаться с Польшей, куда через Адольфа Залеского и Эразма Жиховского были переправлены ее документы.

Что же касается переговоров с лондонским Огулом об объединении, то они стали для Люда Польского причиной внутренних конфликтов, а затем и раскола. Кремповецкий и Дзевицкий вместе с представителями Огула «младополяками» Юзефом Дыбовским, Каролем Штольцманом и другими выработали условия его объединения с Громадой, которые не удовлетворили руководство обеих организаций. В результате Дыбовский вышел из Огула, а Дзевицкого и Кремповецкого единогласно (112 голосами) исключили из Люда Польского, выдвинув против них обвинение из 11 пунктов. В обвинении говорилось, что они превысили полномочия в интересах «привилегированных», то есть шляхты, предали идею «исключительного действия через люд и в пользу люда», так как пошли на объединение со шляхетскими массами, не добиваясь от них никаких обязательств, и скрыли, что в новом объединении «все будет новое, и Громада, утратив свою независимость и имя, окажется в меньшинстве». Указывалось также на пренебрежение переговорщиков Громады одним из главных «принципов людовой веры», поскольку они «полностью отсекали религиозную позицию, являющуюся основой принципов Громады». Об исключении «предателей представительства люда» было объявлено в воззвании Люда Польского «К польской эмиграции» 3 июля 1837 г. Кроме того, оповестили Бюше и Шарля Ру, что Кремповецкий больше не является уполномоченным в сношениях с ними. Но внутренняя борьба в Громаде «Грудзёнж» на этом не закончилась, так как сторонники исключенных обвиняли Ворцелля во враждебности Кремповецкому и предпринимали попытки изгнать его из Портсмута. Представился случай предъявить ему те же претензии, что и исключенным из Люда Польского. Ворцелль, Вонтрубка и Михал Гельтман поддержали проект создания в Лондоне Административной комиссии моральных и материальных интересов польской эмиграции – организации, имеющей целью следить за моральным обликом эмигрантов и помогать тем, кто не получал материальной поддержки от властей. В ответ на это последовало обвинение «тройки» как «агентов» Огула, стремящихся объединить с ним Громаду. 30 августа 1837 г. на совместном заседании Подготовительной комиссии и Хозяйственного совета произошел скандал, едва не перешедший в драку, и спустя несколько дней «тройка» уехала на Джерси в Громаду «Умань», объявив в «Заявлении», что остается «на людовой позиции» и будет работать «на благо Люда Польского и с Людом»⁵⁶.

И действительно, Ворцелль активно включился в деятельность «Умани» и уже 4 октября, когда Громада вместе с французскими эмигрантами торжественно отметила память недавно умершего Буонарроти, выступил от имени Люда Польского. Поскольку противники «тройки» в Громаде «Грудзёнж» продолжали выступать с обвинениями против нее и в конце

1837 г. настаивали на их явке в суд, Ворцелль и Вонтрубка потребовали беспристрастного рассмотрения дела в суде и оправдания. Но спустя месяц суд в Портсмуте состоялся заочно, и «тройка» была исключена из Громады как «утратившая доверие». Одновременно объявили недействительным исключение Кремповецкого и Дзевицкого и обо всех решениях суда оповестили эмиграцию. Поскольку за эти решения проголосовало меньше половины членов Громады, 31 января 1838 г. 58 сторонников Ворцелля заявили протест, который был поддержан Громадой «Умань». Внутренняя борьба внутри Громады «Грудзёнж» обострилась: проводились сепаратные заседания, вспыхивали ссоры из-за архива. Все это вело к сворачиванию идеологической работы и 2 апреля 1838 г. завершилось расколом: 55 членов Громады – сторонников Кремповецкого и Дзевицкого, к которым примкнул один член Громады «Умань», объявили о создании Общества приверженцев социальных обязательств. В их воззвании к эмиграции принцип «уравнения социальных условий» ставился под сомнение, так же как и путь революции. Это было движением вправо, ближе к позициям левелелистов – сторонников «умеренной» демократии, но популярности среди эмиграции и контакту с каким-либо течением или группой оно не способствовало. Общество приверженцев социальных обязательств оставалось малочисленным, его состав до 1842 г. увеличился всего на 11 членов и равнялся 70 чел. (40 в Портсмуте, 26 в Лондоне, 3 в США и 1 на Джерси). Со стороны Громады «Умань» воззвание Общества вызвало резкую критику, написанную Ворцеллем, но не опубликованную. В то же время активный деятель Общества и верный сторонник Кремповецкого Велльман продолжал враждебные действия против Ворцелля, распространяя слух, будто тот был царским агентом. На защиту Ворцелля встала Громада «Умань», обратив к нему слова уважения и признательности. В октябре 1838 г. он переехал в Лондон, где продолжал выступать как уполномоченный обеих Громод, но одновременно активно включился в общие проблемы жизни польской эмиграции, среди которых на первое место вновь выступил вопрос об объединении целей и усилий⁵⁷.

5. БОРЬБА ВОКРУГ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА С ПОЛЬШЕЙ (КОНЕЦ 1830-х – НАЧАЛО 1840-х гг.)

29 августа часть лондонского Огула утвердила новый организационный устав и выбрала эмигрантский Комитет под председательством Дверницкого, в него вошли Станислав Козьян, Адам Сперчиньский, Анастазый Дунин, Францишек Киркор, Юзеф Жаба, Ян Хащичкий. Поскольку обращение Комитета к эмиграции 19 сентября не дало результата, его переизбрали, но Дверницкий остался председателем. Возникший в 1837 г. новый

Комитет и новый проект устава также успеха не имели даже среди лондонских поляков. Окончились неудачей и последующие многочисленные попытки. Вернувшийся в Париж Дверницкий и лелевелисты видели причину такого положения в сектантстве Централизации ПДО, которая не поддержала неоднократные предложения об объединении с остальной эмиграцией, делавшиеся секцией Пантеон в 1836–1837 гг. Централизация считала такие предложения попыткой диверсии со стороны врагов идейных и организационных принципов демократии. Выступавших за эти предложения членов секций Пантеон, Фонтенбло, Тур, Бордо, Пуатье, Гренель она исключила из ПДО и вела против них борьбу в прессе, анализируя социальные и политические проблемы и защищая принципы и политику демократии на страницах своих печатных органов «Письмо Товарищества» («Журнал Общества») и «Демократа польский». Между тем попытки объединения эмиграции продолжались. С этой целью 7 июня 1837 г. в Лионе была создана Корреспондентская комиссия, представившая на обсуждение проект устава Объединения польской эмиграции. В ее поддержку брюссельский Огул в июне-июле издал воззвания, где объявлял целью Объединения «национальное дело» и призывал эмигрантов «не отрекаться от имени поляка ради космополитизма». Подчеркивался принцип выборности власти в Объединении и необходимость ее присутствия именно во Франции – центре сосредоточения эмигрантов. Поскольку авторов воззвания вскоре разоблачили как демагогов, прикрывающихся демократической фразеологией, лионская Комиссия распустилась, и ее место заняла гмина Пуатье, большинство в которой составляли члены ПДО, исключенные Централизацией. Новая Корреспондентская комиссия в качестве временной власти разработала новый устав, и он был принят 29 ноября 1838 г. Провозглашалась цель достижения независимости Польши в границах 1772 г. путем революции и «ликвидации привилегий»; «власть и весь социальный порядок» должны были «опираться на демократические принципы, то есть на Всевластие Люда, Братство, Равенство и Свободу». Авторы устава признавали, что народ имеет силы для свершения революции, но важна и роль эмиграции, которая к революции побуждает и ее олицетворяет: «Пока польский народ не будет освобожден, законным и единственным его представительством является Эмиграция как свободная часть народа, продолжающая Ноябрьскую революцию». Объединение эмиграции необходимо, говорилось в уставе, и нужно избрать «учреждение, которое осуществляло бы высшую национальную власть до момента освобождения родины». Таким учреждением должен был стать Польский национальный комитет Объединения польской эмиграции, причем признавалась его власть и над Польшей, пока не окажутся свободными две трети ее территории. Комитету вручалась почти диктаторская власть: предусматривалось, что он назначит руководителя вооруженных сил восстания, организует управление, суд, армию, школу, будет вестать финансами⁵⁸.

Активистами объединения во Франции и Бельгии были лелевелисты, в Англии — «младополяки». В 1837 г. они надеялись на военный конфликт в связи с обострением ситуации в Бельгии и восточного вопроса и стремились выступить перед Западом как единственные представители всей эмиграции, оттеснив ПДО и Отель Лямбер. Их поддержал и Комитет эмиграции под руководством Дверницкого, и эмигрантская пресса, которая в это время была представлена многочисленными журналами и газетами, как правило, имевшими краткий срок жизни и отличавшимися идейным разнообразием. Среди наиболее значительных выделялись парижские «Поляк» и издававшаяся Островским «Нова Польска», издававшийся Ф. Гордашевским брюссельский журнал «Справы эмиграции» («Проблемы эмиграции»), в 1838 г. переименованный в «Поляци на тулацтве» («Поляки в эмиграции»), и лондонский «Републиканин», выходивший под редакцией А.Н. Дыбовского. В Лондоне существовала самая большая гмина Объединения польской эмиграции, с ней сблизился Ворцелль, вступивший в контакт с «младополяками» Дыбовским, Штольцманом, Гляйнихом и Калуссовским.

Платформой сближения стала международная обстановка 1839–1840 гг. и реакция на нее в среде эмиграции. Отель Лямбер, желая использовать шанс в случае войны из-за Бельгии, создавал тайную организацию «Монархическо-повстанческое общество» под лозунгом Конституции 3 мая. Князь Адам Чарторыский должен был стать королем «де-факто», согласно идее, которую выдвинул Януш Воронич в появившейся в июне 1839 г. брошюре «Вопрос о Монархии и Династии в Польше». Аристократическая партия имела сильные позиции в Литературном обществе друзей Польши и в лондонском Огуле; с декабря 1839 г. начал выходить ее печатный орган «3-е Мая». Чарторыский призвал генерала Скшинецкого и добивался, чтобы он стал главнокомандующим бельгийской армией в случае войны, а агенты Отеля Лямбер распространяли слухи о готовящемся выступить на войну польском легионе. Ответом на все эти приготовления явился протест, подготовленный Островским и Юзефом Гляйнихом от имени лондонской группы Объединения польской эмиграции, Громады «Грудзёнж», Общества приверженцев социальных обязательств и ряда членов «Молодой Польши». Резко выступив против генерала, они заявили, что как раньше, так и теперь польская эмиграция «отвергает намерение создать польский Легион, пусть даже под национальными знаками»; «она в высшей степени дружески поддерживает целостность Бельгии, и если бы ее призвали в ее национальном характере, она бы не отказалась посвятить себя [борьбе], когда война в Бельгии получит общеевропейское направление, а ее условия будут включать независимость Польши»⁵⁹.

Протест поддержали 770 эмигрантов, но ни «умеренные» демократы, ни Лелевель и Централизация к нему не присоединились, хотя и подозревали Отель Лямбер в тайных кознях. Лондонские же «младополяки»

продолжили борьбу и создали комиссию, куда вошли Дыбовский, Гляйних, Оборский, Новосельский, Островский и Ворцелль. Последний старался привлечь к этой борьбе Громады, однако лидеры «Умани» Рупневский и Свентославский были против. В результате Ворцелль вышел из Громады «Умань» и вступил в Объединение польской эмиграции, так как видел там больше возможностей «для работы в пользу Польши и Человечества». На упреки в «измене» он публично отвечал в официальном печатном органе Объединения, подчеркнув, что хотя форма Громад служила принципу «Для Люда через Люд», со временем она «стала слишком тесной для собирания вокруг людовых принципов большинства эмиграции». Поэтому, писал он, «когда Объединение дало достаточно доказательств демократических стремлений, а мои усилия включить Громады в эмигрантское единство оказались напрасными, я оставил форму и пошел за мыслью, вступил в Объединение, не отрекшись ни от одного из моих убеждений, ни на минуту не перестав утверждать в качестве основы возрождения Польши социальные преобразования, опирающиеся на принцип всевластия Люда, подчиняющегося предписанным Богом обязанностям»⁶⁰.

Поддержав Объединение польской эмиграции, Ворцелль вступил в контакт не только с «младополяками», игравшими в формирующейся организации активную роль, но и с самим Лелевелем, который, опираясь на «Молодую Польшу» и Союз детей Люда Польского, стремился занять в Объединении лидирующие позиции. Он был также причастен к созданию в 1839 г. в Париже на основе республиканских принципов тайного Общества братьев-поляков, которое предполагалось перевести в Брюссель и сделать эмигрантским центром, осуществляющим связь с Польшей. Членами Общества стали Лелевель, Зверковский, Тышкевич, А. Глушневич, но Лелевель вскоре отказался от членства, так как не хотел связывать себя накануне выборов в Комитет Объединения польской эмиграции. Возможно, по той же причине он не принял предложения Мадзини о сотрудничестве в возрождении «Молодой Европы». К этому времени часть «младополяков» вошла в Объединение польской эмиграции, часть – в Конфедерацию польского народа, часть поддерживала Централизацию. В результате «Молодая Польша» заметно ослабела, ослабли также и ее связи с Польшей. Мадзини, вступивший при посредстве Ворцелля и Штольцмана в переписку с Лелевелем, писал ему 22 января 1839 г. о разложении прежней организации «Молодой Европы» и необходимости возродить «Молодую Италию» и «Молодую Польшу». Последнюю должен был возродить Лелевель, используя свой авторитет. Поскольку, писал Мадзини, в Европе наступает новое время, готовится великий социально-политический переворот, он считал нужным укрепить «священный союз народов против священного союза тиранов» и был уверен, что Лелевель сможет связать польский вопрос с революционной Европой. По его мнению, только возрождение «Молодой Польши» способно было

вдохнуть в польскую эмиграцию новый дух, так как другим партиям недостает моральной и материальной силы: круг деятельности Отеля Лямбер ограничен в социальном отношении, его идеалы остались в прошлом, а сама партия Чарторыского «несет в себе зародыш смерти»; признаками разложения отмечено и ПДО, так как у него нет творческих идей, а Конфедерация польского народа под руководством Дверницкого вообще не имеет идейного знамени. Мадзини советовал Лелевелю создать Временный комитет «Молодой Польши», развить пропаганду в печати, а затем провести выборы Постоянного комитета. Главным, подчеркивал он, должна стать забота о чистоте идейных принципов и революционных лозунгов, среди которых важнейшим является лозунг союза народов и особенно польско-итальянского союза, направленного против общего врага — Австрийской империи⁶¹.

Мадзини считал, что обновленная «Молодая Польша» «исполняла бы посланническую миссию в отношении заграницы, в эмиграции и на родине». А в качестве ее рупора он хотел использовать английский еженедельник «Юэропеан» («Европеец») и предлагал Лелевелю представить на его страницах славянские проблемы, противопоставив свои взгляды пропаганде Отеля Лямбер, распространявшейся в Англии. Он надеялся, что Комитет Объединения польской эмиграции также будет находиться в Лондоне и в него войдут Лелевель и Зверковский. Для переговоров обо всем этом Мадзини послал доверенных лиц в Брюссель к Лелевелю, и тот согласился на сотрудничество этих делегатов ЦК «Молодой Европы» с Объединением польской эмиграции. Мадзини ожидал формирования Комитета «Молодой Польши», чтобы она вместе с «Молодой Италией» обратилась к народам с согласованным манифестом. В проекте манифеста, предложенном Мадзини от имени «Молодой Европы», определялась цель союза, оговаривались обязанности его членов, излагались общие идейные принципы. Обосновывалась также необходимость объединения, организации демократических течений: нужно было дать знак жизни на европейской сцене, заполнить идейную пустоту, выдвинуть программу, которая отражала бы всеобщие чаяния. Предполагалось, что будущий европейский союз будет вести как явную пропагандистскую, так и тайную революционную деятельность. Первое брала на себя европейская ассоциация, национальные же ассоциации были призваны решать конспиративные и повстанческие задачи⁶².

Поддерживая связь с Мадзини, способствуя «Молодой Италии» в пересылке революционной литературы через польские земли, Лелевель в то же время не торопился с решением вопроса о «Молодой Польше». Кроме того, он учитывал ослабление влияния Мадзини в Италии, а возможно, играл роль его контакт с более близким ему по духу умеренным итальянским либералом Джоверти, противником Мадзини. К тому же Лелевель сосредоточился на подготовке к выборам Комитета Объединения

польской эмиграции, которые проводила Корреспондентская комиссия, переизбиравшаяся каждые три месяца. Лелевель оказывал влияние на работу Корреспондентской комиссии в Пуатье, где действовали его люди (Станислав Малиновский, Юзеф Дыбовский, Антоний Островский и др.), и на пропаганду, осуществлявшуюся печатным органом Объединения «Ожел бялый» («Белый орел»), выходявшим в Брюсселе. Это издание первоначально было рупором лелевелевского Союза детей Люда Польского, и не случайно в его первом номере, вышедшем 15 ноября 1839 г., почти дословно излагалась Декларация этого Союза от 1835 г.: причиной гибели восстания 1830–1831 гг. объявлялся эгоизм «привилегированной касты», которая не заинтересовала крестьян и не подняла их на защиту родины. Шляхта, говорилось во вступительной статье первого номера газеты, захватила в свои руки «нечаянно выкинутую на улицу революцию» и «так ее повернула, как того желали самые завзятые ее враги». Редакция газеты писала: «Польша целая, свободная и независимая только собственными силами единственно может подняться <...> ее политическое существование связано с интересами люда <...> война за независимость и социальная реформа должны идти вместе, чтобы быть благоприятно завершенными, они не должны и не могут быть разделены <...> только в этом направлении можно работать ради будущего чисто демократической Польской республики»⁶³.

По уставу выборы в Комитет Объединения польской эмиграции считались состоявшимися, если в голосовании участвовали две трети всех членов шеститысячной армии эмиграции, а для избрания пятичленного Комитета требовалось две трети голосов участников голосования. В 1838 г. эти условия не удалось соблюсти, не дала законных результатов работа Корреспондентской комиссии по избранию Комитета и на новых выборах 7 июня 1840 г. Они были проведены вопреки протестам ряда гмин в Гавре, Париже и Лондоне, которые обвиняли Комиссию в том, что она подменила собою гмины, «лишила их жизненной силы». Они утверждали, что Акт создания Объединения польской эмиграции и его уставы «не проистекают ни из национального духа, ни из демократических принципов, они являются продуктом не общественным, а индивидуальным, односторонним <...> и не могут служить основой Объединения». 1 июня 1840 г. парижские гмины, поддержанные гминой Пуатье, потребовали отложить выборы, чтобы выяснить все о кандидатах, которых «котерия» хочет навязать эмиграции. В Лондоне же 200 эмигрантов заявили, что откажут в повиновении избранному Комитету, если не будут изменены Акт основания Объединения и его уставы. Выборы все же были проведены, но оказались избранными лишь двое – Лелевель и Зверковский, поэтому временная власть осталась у Корреспондентской комиссии⁶⁴.

В такой обстановке вновь возродились планы созыва сейма. В известной степени это было связано с тайными инсинуациями француз-

ского правительства, продиктованными напряженностью отношений между Францией и Четверным Союзом и возможностью возникновения войны. В этом случае Тьер хотел бы использовать польский легион, а его руководителем, назначенным сеймом, предпочитал видеть генерала Я. Сксинецкого или Ю. Дверницкого, прибывшего в Париж из Лондона. Развивать идею созыва сейма взялись Алоизый Бернацкий и воевода Антоний Островский. На «семейной» беседе их с группой бывших послов варшавского сейма 1830 г. было решено назначить его созыв в Париже на 10 ноября 1840 г. Рассчитывали на приезд 36 парламентариев, но некоторых из них, как например Ворцелля и Лелевеля, отказывались впустить выславшие их французские власти, не желавшие поддерживать идею созыва сейма открыто. Однако эта идея потерпела поражение не по внешним, а по внутренним причинам: из-за партийной борьбы «семейное» собрание послов не смогло конституироваться в качестве сейма. Значительная часть эмиграции в целом отрицательно отнеслась к идее созыва сейма в его прежнем составе и выдвинула проект создания эмиграционного сейма, который был бы избран на местных сеймиках, объединяющих от 80 до 120 эмигрантов. Брюссельская гмина провела такой сеймик и избрала Лелевеля своим представителем в сейме. Лелевель и Зверковский как раз и поддерживали новый проект, так как рассчитывали овладеть будущим сеймом, влияя на голосование местных сеймиков через своих членов в Союзе детей Люда Польского, «Молодой Польше», Объединении польской эмиграции. Но в целом этот проект также остался неосуществленным и вызвал лишь критику со стороны Польского демократического общества. Поскольку Лелевель, выступая на торжествах 29 ноября 1840 г., организованных Объединением польской эмиграции, говорил об этом проекте, орган Централизации ПДО «Демократа польский» писал: «Лелевель хочет объединения всех – аристократии, шляхты и демократии и потому бросает мысль об эмигрантском сейме. Сейм должен дискутировать сначала о том, какой обязана быть политическая вера эмиграции, а затем и Польши. Согласно Лелевелю, эта вера была бы демократической, по нашему же мнению, это было бы мешаниной хорошего и плохого, что-то такое, что держалось бы середины между аристократией и демократией, чему нельзя дать никакого названия, но что в высшей степени сближалось бы с прежними и нынешними представлениями либеральной шляхты»⁶⁵.

Обращая внимание на тайные замыслы лелевелистов, связанные с идеей созыва эмигрантского сейма, Централизация в то же время разоблачала планы «чарторыщины», направленные на создание легионов. Демократическая польская эмиграция рассматривала напряженную международную обстановку в связи с возможностью революционных выступлений в Польше, и прежде всего в Познани, Королевстве Польском и Галиции, где наиболее активно развивалась конспирация, организованная при

помощи эмигрантов. После оккупации Кракова австрийскими войсками в 1836 г. центральная власть в Содружестве люда польского перешла к Львову, где перевес получили либералы. В результате раскола в 1837 г. 12 членов Содружества под руководством эмиссаров братьев Залеских создали Всеобщую конфедерацию польского народа, в которую вступил и варшавский филиал Содружества люда польского, организованный Г. Эренбергом, а волынским ответвлением Содружества руководил Конарский, установивший связи с русскими офицерами – противниками самодержавия. Контакт поддерживался также с чешскими и словацкими демократами как союзниками в борьбе против Австрийской империи. Авторы манифеста Всеобщей конфедерации звали к восстанию силами народных масс и грозили конфискацией имений тем помещикам, кто не вступит в организацию. Они вели агитацию среди крестьян, братались с ними; звучали революционные песни, в которых слышались антишляхетские ноты. Конспираторы подвергались арестам, а в 1838 г. организация в русской части Польши была раскрыта, ее члены репрессированы. В тюрьму и ссылку пошли и русские офицеры, пытавшиеся освободить арестованного Конарского, в 1839 г. он был казнен в Вильно, а в начале 1840-х гг. оказалось разгромленным и варшавское Содружество люда польского под руководством Густава Эренберга и Генрыка Каменьского. Однако демократическая эмиграция продолжала строить планы, связанные с революционной деятельностью патриотов в Польше, в частности с действовавшим в Познани с 1842 г. Союзом плебеев под руководством В. Стефаньского, Ю. Эссмана и Липиньского⁶⁶.

ПДО видело необходимость подготовки вооруженных сил для борьбы. Было принято решение обучать эмигрантов во французских военных школах. Чтобы лучше отслеживать политическую ситуацию, «демократы» перевели свой центр (в который вошли Виктор Гельтман, Томаш Малиновский, Войцех Дараш, Юзеф Словицкий, Ян Альциато) из Пуатье в Версаль, а трое членов Централизации были направлены непосредственно в Париж. В апреле 1841 г. в Париж из Пуатье переехала и редакция газеты «Демократа польский», причем прежний ее шеф Казимеж Томкевич порвал с Централизацией и стал издавать в Пуатье газету «Демократа», которая пропагандировала объединительные идеи в согласии с Корреспондентской комиссией Объединения польской эмиграции. Готовилась очередная попытка выборов Комитета Объединения, и Централизация стремилась подорвать авторитет этой организации, которую называла «круглым нулем», союзом, не имеющим ясной политической цели и созданным лишь для противопоставления организации с подлинно демократическими принципами. Для развенчания роли Объединения и его лидеров «Демократа польский» представил развернутый анализ деятельности Лелевеля. В газете утверждалось, что в 1830–1831 гг. Лелевель, занимая руководящие посты в повстан-

ческом правительстве и Патриотическом обществе, имея широкие возможности для политической деятельности, не проявил «политического разума, душевной силы и постоянства в действиях», он «с самого начала не понял революции», не знал, «какими средствами можно спасти Польшу», хотя был осведомлен о подготовке восстания и поддержал его планы от имени сейма. «Демократа польский» обвинял Лелевеля в том, что он отпустил великого князя Константина в Литву и «требовал, чтобы тот ходатайствовал перед Николаем о его милости». «Это был, — писала газета, — первый губительный шаг, шаг контрреволюционный; последствием стали дальнейшие действия диктатуры, а позже проведение соглашений с врагом». По мнению органа Централизации, Лелевель несет ответственность за политику повстанческого правительства, которое приказало не нарушать социальных основ, не использовало внутренние силы народа для защиты революции; он санкционировал «преступные акции» этого правительства. За Лелевелем, указывал «Демократа польский», «были люд и вся молодежь, а при такой мощи можно всего добиться, можно было не раз и не десять раз спасти революцию <...> Как член правительства Лелевель действовал во вред вместе с Чарторьским и компанией, как член Патриотического общества он не сумел выступить против этих действий <...> Лелевель со всем соглашался, со всем считался, забывал только о революции, о национальном деле». Централизация видела в такой позиции результат зашоренности Лелевеля, как историка, на прошлом: отсюда, считала она, «отсутствие смелости в действиях и силы духа» — черта, которая «знаменует характер Лелевеля». «Когда эмигранты начали анализировать прошлое, — писал «Демократа польский», — понимание Лелевеля не могло угнаться за эмиграцией. Вопрос о принципах порой сталкивался с его равнодушием, но чаще с сопротивлением, потому что это выходило за границы его воображения, за предел основных пунктов Конституции 3 мая, а прогресс у Лелевеля не простирался далее. Прошлое нашей истории Лелевель осмыслил лишь на основе Конституции 3 мая», поэтому в его «истории восстания» нет анализа ошибок и сделанных из этого опыта выводов, которые могли бы дать надежду⁶⁷.

Любопытно, что для характеристики Лелевеля орган Централизации использовал и то, что писали об этом политике газеты другого лагеря. Так, «Демократа польский» был невысокого мнения о печатном органе Объединения польской эмиграции «Ожел бялый», считая, что это «инструмент объединительной группировки, шляхетский орган, который по самой своей природе не может иметь под собой почвы <...> не способен выдержать серьезных размышлений». Тем не менее он охотно приводил мнение этой газеты о Лелевеле: «Лелевель <...> не пойдет дальше <...> он не отвечает требованиям времени, не дает гарантии для тех, кто стремится к действию». Хотя «Ожел бялый» отмечал наличие у Лелевеля

«ресурсов и разума», но утверждал, что он «не в состоянии умело воспользоваться этими ресурсами, по своему обыкновению ограничится общими фразами, самые спасительные советы облечет в сомнительные выражения <...> все приправит трудностями без конца, а часто и без всякого смысла и, наконец, надуется». При этом, как отмечал «Демократа польский», «Ожел бялый» выставлял Лелевеля основой Объединения польской эмиграции, которая, поставив его во главе своего Комитета, якобы «доказала, что понимает свою миссию, понимает интерес нации». Эти слова, резюмировал орган Централизации, можно понимать лишь «как горькую иронию, безжалостную издевку»⁶⁸.

Не менее острую критику демократы направляли в адрес Зверковского, соратника Лелевеля во всех его начинаниях. Они признавали, что во время восстания 1830 г. он находился в оппозиции его руководству, но ставили в укор этой оппозиции то, что она «не указала новую линию поведения, не нашла новых средств для просвещения общественного мнения, не умела при необходимости к нему обратиться и потребовать поддержки ради спасения дела». Зверковский и другие оппозиционеры, писал «Демократа польский», боялись «ослабить веру в правительство, нарушить гармонию и согласие». Характеризуя поведение Зверковского в эмиграции, газета отмечала, что он «был всюду и со всеми <...> на минуту становился сторонником всех принципов, а в действительности не имел никаких», то есть представлял собой «флюгер». Подводя итог анализу личности и позиции Лелевеля и Зверковского, «Демократа польский» подчеркивал, что ни тот, ни другой не является человеком дела, ни того, ни другого не отличают ум и энергия, ни тот, ни другой не имеют никаких заслуг, и избрание (в Комитет. – *С.Ф.*) ни того, ни другого не оправдано ни их прошлым, ни потребностями сегодняшнего дня»⁶⁹.

Эти выступления прессы ПДО имели целью повлиять на очередную попытку избрать Комитет Объединения польской эмиграции. Активность проявляли и другие органы печати, возникшие в это время. С 20 декабря 1840 г. стала выходить «Народовость» («Национальность») под редакцией Анджея Словачиньского, 25 апреля 1841 г. появилось «Зъєдночене» («Объединение») – склонявшийся к христианскому мистицизму «журнал, посвященный сплочению всех, всеми и для всех». Его издавала в Париже гмина Гавр – противница Корреспондентской комиссии, а редакторами были Скужевский и Прушиньский. Идеиные принципы гмины Гавр, проповедовавшиеся ее печатным органом, привлекли Общество приверженцев социальных обязательств, руководимое Кремповецким и Дзевецким. 14 мая 1841 г. они вошли в Объединение польской эмиграции, создав автономную гмину, и 6 июня выступили с объяснением своего шага. Они отмечали, что «в эмиграции проявились стремления исправить ложные представления о польской национальности», что «уже печатные издания начинают препятствовать продвижению материализма»,

что «активное влияние гмины Гавр на эмиграцию обещает возможность ныне встать на единственно центростремительную позицию». «Приверженцы социальных обязательств» обещали отдать свои силы «на достижение столь благословенной цели»⁷⁰.

Третьи по счету выборы в Комитет Объединения польской эмиграции были признаны состоявшимися по числу участников, но числа голосов, необходимых для избрания Комитета, не получил ни один из 73 кандидатов в его члены. Следующее голосование длилось четыре месяца и сопровождалось скандалами: большая часть членов гмины Пуатье отказалась признавать Корреспондентскую комиссию и выбрала новый ее состав, однако большинство эмигрантов вернуло власть прежней Комиссии, и в результате 10 октября 1841 г. в Комитет были избраны Антоний Одынецкий и Юзефат Болеслав Островский. Вместе с избранными ранее Лелевелем и Зверковским они составляли неполный комплект членов: нужен был пятый член, но ближайший кандидат Ворцелль недобрал 18 голосов. К тому же Лелевель, Зверковский и Одынецкий отказались работать вместе с Островским, а еще раньше Одынецкий, Кароль Ружицкий, Юзеф Дверницкий и Фердынанд Рогиньский обратились к эмиграции с воззванием, прося не голосовать за них, так как они не хотят находиться рядом с «пасквильантом». Речь шла об Островском и его газете «Нова Польска», которая не имела определенного направления и служила разным партиям, пропагандировала разные, подчас прямо противоположные взгляды. В 1841 г. Ворцелль и «младополяки» Новосельский, Штольцман, Гляйних издали в Брюсселе портрет «двуликого Януса» – брошюру «Юзефат Болеслав Островский и его убеждения», где сопоставили высказанные издателем газеты в разное время суждения об одних и тех же предметах. Недовольство деятельностью Островского разделяло большинство эмигрантов, и его избрание в Комитет едва не привело к расколу Объединения польской эмиграции, так как часть Корреспондентской комиссии его поддерживала и через своих эмиссаров Бялковского и Дембского вела соответствующую агитацию в гминах⁷¹.

Все эти конфликты привели к тому, что процесс выборов Комитета затянулся. Лелевель это остро переживал и вместе со Зверковским пытался добиться, чтобы Огул эмиграции допустил возможность избрания трехчленного Комитета. Однако Одынецкий не поддержал это предложение, и раздосадованный Лелевель весьма язвительно и неприязненно отозвался о своих коллегах по Комитету: 22 марта 1842 г. он писал брату о приезде «впавшего в детство Зверковского и болезненной мумии Одынецкого»; первый «только болтал» и был озабочен едой, второй молча сосал таблетки. «Я, – жаловался брату Лелевель, – за них думал и писал, был одновременно их коллегой, советчиком, гидом, председателем, докладчиком, референдарием, конторщиком, канцеляристом, экспедитором, копиистом, и счастье, что не нужно было быть еще и кассиром»⁷².

Между тем отказ «тройки» сотрудничать с Островским, вновь подтвержденный Лелевелем, вызвал против нее атаку части членов Объединения польской эмиграции, поддерживавших Островского. Последний также повел борьбу против Лелевеля, Зверковского, Ворцелля и других на страницах своей газеты, делались попытки поссорить Лелевеля с Ворцеллем и Кремповецким. Объектом атак были лондонские «младополяки» и те, кто их поддерживал, в том числе Мадзини, которого Островский обвинял в интригах, приведших к разброду в польской эмиграции. В кампанию против «Молодой Польши» включились гмины Объединения в Клермон-Ферране, Лилле и Монпелье, подозревавшие «младополяков» в заговоре, а направляли кампанию агенты Островского и ряд членов Корреспондентской комиссии. Ей противостояли выступления в прессе и на собраниях эмигрантов Ворцелля, Оборского, Гляйниха, Ю. Дыбовского и других, отстаивавших доброе имя «Молодой Польши», подчеркивавших ее заслуги. Так, в статье, опубликованной в газете «Ожел бялый» 31 августа 1842 г., «младополяков» называли «апостолами, мучениками, достойными вечного восхищения», а о патриотическом вкладе «Молодой Польши» говорилось: «Зерно ее понятий, брошенное в эмиграцию, разрослось в полезную науку. Ее голос, отличающийся терпимостью и объединяющий, смягчал заносившиеся в Польшу претензии и недоразумения». Опровергая слух о «заговоре», газета подчеркивала, что идейное наследие «Молодой Польши», как и ее заслуги, присвоило себе Польское демократическое общество. В том же номере газеты в защиту «Молодой Польши» выступил и Мадзини. Он назвал «младополяков» активом Объединения польской эмиграции, его «храбрыми и лояльными солдатами». «Не может развиваться ни одна организация, – утверждал Мадзини, – программа которой не содержит двух слов: отчизна и человечество, потому что та организация, которая зачеркнула бы первое слово, поставила бы цель без средства, а та, что убрала бы второе слово, получила бы средство без цели». Мадзини указывал, что в программе польских, немецких и итальянских эмигрантов главной целью должны быть человек и человечество, а средством – национальная конспирация. В его словах звучал призыв к возобновлению союза поляков с «Молодой Европой». Поскольку формирование структуры Объединения польской эмиграции шло трудно и медленно, о возрождении «Молодой Польши» думал и Ворцелль. В апреле 1843 г. он поддержал проект манифеста «Молодой Польши», который Дыбовский послал Лелевелю, но тот, так же как Константин Залеский, Тышка и Зверковский, был против создания новой «Молодой Польши». Лелевель считал, что подобная организация уже есть в Польше (имея в виду Содружество люда польского) и Объединение польской эмиграции должно с ней связаться⁷³.

Новый манифест «Молодой Польши» не нашел поддержки в эмиграции. Что же касается Ворцелля, он в этот период, сблизившись с

Лелевелем и Мадзини, испытал влияние их идей и по-новому расставил приоритеты борьбы, признав цель достижения национальной независимости более важной, чем «преобразование форм собственности». 31 мая 1842 г. на страницах газеты «Ожел бялый» он сформулировал свое кредо: «Польша живет своей миссией. Эмиграция представляет ее вовне. Мы живем эмиграцией, как эмиграция Польшей, как Польша человечеством, как человечество прогрессом — то есть своим развитием согласно закону Божию — то есть Богом. Преображение формы собственности является одним из шагов по пути прогресса человечества к исполнению поставленных целей, является средством к равенству и справедливости; но существуют более спешные средства, более высокие и святые цели, в том числе народ и его независимость, свободная деятельность, основанная на законе Божиим, на принципе равенства и всевластия». Разделял Ворцелль и скептический взгляд Лелевеля на Централизацию ПДО, о чем сообщал в адресованном ему письме 25 марта 1845 г.: «Твоей милости обязана моя польская демократия. Вот бы такой же стала и демократия (Польского демократического. — С.Ф.) Общества, которая если останется тем, чем есть ныне, такой же чуждой приставкой, какой была наша аристократия, дай Бог, чтобы не привела к таким же результатам!»⁷⁴

Однако Ворцелль и Лелевель расходились в оценке «Молодой Польши». Лелевель не признавал за ней особых заслуг, тогда как Ворцелль напоминал об организации «младополяками» савойской экспедиции, о мученической смерти эмиссара «Молодой Польши» Шимона Конарского, расстрелянного в 1839 г. Эту позицию разделял и Мадзини. 27 февраля 1843 г. в Лондоне состоялось торжественное заседание в память Конарского, подчеркнувшее революционную традицию, связанную с «Молодой Польшей». Кремповецкий (председатель собрания), Б. Бенёвский, Ворцелль и Мадзини выступили с речами на французском языке, а Козёлл, Штольцман, Амброзевич и Оборский говорили по-польски. Были также выступления англичан, итальянцев, немца и гаитянина. Главная мысль Мадзини, как и прежде, заключалась в призыве к объединению. Он повторил его спустя пять месяцев, 27 июля 1843 г., в Лондоне: торжественное заседание, посвященное памяти декабристов, где председателем был Мадзини, а секретарями Оборский и Ворцелль, приняло резолюцию, содержащую осуждение царского панславизма и призыв к славянским народам объединиться против деспотизма. Прозвучал лозунг восстания 1830–1831 гг. «За нашу и вашу свободу!», а Мадзини напомнил полякам, что, борясь против царизма, они не должны бороться с русским народом, и призывал их вести агитацию среди русского крестьянства. Знаменательно, что ровно через два года, когда в Лондоне вновь торжественно отмечали память декабристов, Кремповецкий в своей речи повторил главные мысли Мадзини и призвал выступить с обращением к русскому народу⁷⁵.

Тема союза с русским народом обсуждалась в эмигрантской прессе. Так, в конце мая 1843 г. сообщали о репрессиях царского правительства в связи с раскрытием люблинской и варшавской частей тайной Содружества люда польского. Около 200 человек, в том числе и русские военные, связанные с польскими конспираторами, были заключены в Варшавскую цитадель, и эмигрантские органы печати много писали об издевательствах над ними и выражали сочувствие. Против политики царизма были направлены акции протеста, состоялись митинги против пребывания в Лондоне Николая I в июне 1844 г. А еще раньше, в 1843 г., получила резонанс статья Мадзини в итальянской газете «Апостолато пополяре» («Народное апостольство»), связывавшая политику царизма с деятельностью польской аристократической эмиграции. Мадзини проводил сравнение между политикой России в Королевстве Польском и Австрии в Италии: Россия пугает Габсбургов возможностью своей поддержки претензии на итальянский престол герцога Лейхтенберга, зятя царя, австрийским же пугалом для России является поддержка Веной князя Адама Чарторыского как польского короля «де-факто». Реакцией Отеля Лямбер на эту статью стала анонимная статья в газете «Тшечий май» (3-е мая), обвинявшая Мадзини в желании использовать польскую молодежь, организовав военную экспедицию в Италию, чтобы поддержать там попытку провозглашения Лейхтенберга итальянским королем. Это обвинение подхватили противники Лелевеля и других лидеров Объединения польской эмиграции: Островский в своей газете писал, что Лелевель, Зверковский вкупе с Мадзини готовы были попасть на удочку российской провокации. В ответ на это Мадзини направил протест, и его опубликовал «Ожел бялый» 24 сентября 1844 г. Польский национальный комитет протестовал против действий французской полиции, которая вскрывала письма Мадзини, а также корреспонденцию Ворцелля, Штольцмана и др.⁷⁶

Мадзини действительно готовил в 1844–1845 гг. революционное выступление в Италии и рассчитывал, что поляки одновременно выступят, прежде всего в Галиции против Австрии. Поскольку в австрийской армии было немало славян, он считал необходимым вести среди них, так же как и в Галиции, агитацию. Мадзини получал информацию от Польского национального комитета и, возможно, согласовывал с ним революционные планы, так как в это время Комитет выслал в Галицию эмиссаров – А. Залеского и Е. Пенёнжека. И хотя тайная организация в Галиции, Кракове и Познани была связана с ПДО, тем не менее у Объединения польской эмиграции было известное влияние на конспирацию в Королевстве Польском⁷⁷.

В середине 1843 г. гмины Объединения дали, наконец, согласие на работу трехчленного Комитета, и 11 июля он конституировался в Брюсселе. Поскольку Одынецкий не слишком охотно контактировал с Лелевелем и Зверковским, последние по существу осуществляли власть вдвоем при помощи секретаря Виктора Тышки, что на первых порах вызывало

недовольство эмигрантов. 31 июля без визы Одынецкого вышло воззвание Польского национального комитета, где эмиграцию призывали к согласию и сплоченной работе на базе принципов, выдвинутых в Акте объединения 27 ноября 1838 г.: провозглашалась цель «политического и морального преобразования польского общества» путем признания самостоятельности крестьян, передачи земельных наделов им в собственность без всяких условий, гарантировались свобода вероисповедания и осуществление свободного всеобщего национального обучения и воспитания. В конце звучал оптимистический лозунг: «Будущее возрождение и победа на поле боя!»⁷⁸.

Исполнительным органом Польского национального комитета стала Вспомогательная комиссия, сменившая Корреспондентскую. Ее членами, действовавшими в Париже, были Наполеон Шуневич, Чеслав Пенёнжек и радикал Адольф Залеский, участник экспедиций Заливского и Конарского, член конспиративной организации в Польше «Содружество люда польского». С октября 1844 г. Вспомогательная комиссия издавала официальный орган Объединения польской эмиграции «Резюме дискуссий и публичные акты польской эмиграции», где публиковались официальные постановления Комитета, а также проекты различных документов, объявления, обращения и возвания гмин, полемика с другими изданиями. В ведении Комиссии находился также печатный орган «Зъєдночене», переведенный из Гавра. Гмины, которые должны были регулярно проводить собрания, присылали Комиссии ежемесячные отчеты о работе. Они также были обязаны собирать членские взносы, за счет которых оплачивалась работа членов Комитета и Комиссии, а кроме того, делать взносы в фонд материальной помощи эмигрантам. Поскольку Комитет заседал в Брюсселе, а деятельность Комиссии концентрировалась в Париже, возникла необходимость создания также центра для эмигрантов, находившихся в Англии. Весной 1844 г. там начала работу Делегация Польского национального комитета во главе с секретарем Ворцеллем. Делегация обладала «явными и тайными прерогативами особой важности»⁷⁹.

Уже в воззвании 31 июля 1843 г. Комиссия обращалась к членам ПДО, прося их ради блага национального дела не отделяться от объединенной эмиграции во имя своей «монастырской дисциплины». 26 июня 1844 г. Польский национальный комитет в полном составе обратился к Централизации ПДО, призывая объединиться, чтобы лучше служить делу революции. Если Централизация откажется, заявляли члены Комитета, они обратятся непосредственно к Огулу ПДО. Централизация действительно отказалась от переговоров с «частичной властью, вносящей разброд в среду эмиграции». Она заявила, что «подлинная демократия», то есть Польское демократическое общество, останется на посту: ПДО не может встать под знамена Объединения или даже, наоборот, включить его в свой состав на условиях союза, так как не может «вместе с личностями

получить и его духовное наследие». Указывая на шестилетнюю эпопею с выборами Польского национального комитета, Централизация констатировала факт развала Объединения польской эмиграции. Она приходила к выводу, что целью его лидеров была не выработка программы, а обеспечение себе места в этом «хаосе». Такая цель достигнута, говорилось в письме Централизации, но руководить Комитету некем и нечем, так как эмигранты в Объединении польской эмиграции разочарованы, а Польша «самим своим молчанием осудила ваш нелепый вздор»⁸⁰.

Вспомогательная комиссия пыталась опровергнуть эти упреки и представила список членов Объединения польской эмиграции, включив туда и покойников. Зверковский и его агенты действовали в гминах, заверяя их членов, будто из Польши пришли письменные указания Централизации провести акцию объединения. На страницах газеты «Демократа польский» разоблачались эти выдумки, так же как фальсификация с подсчетом числа членов Объединения. Централизация призвала свои секции на совместных с ними собраниях разяснять истинное положение дел. 4 августа 1844 г. такое собрание с участием 30 членов Объединения провела парижская секция ПДО. На нем ярко выступил Людвик Мерославский, опрокинув все попытки достичь договоренности с «гостями», так как, по его словам, они хотят называться демократами, не исполняя обязанности демократов. Объединение польской эмиграции Мерославский назвал «общим прудом, из которого все партии имеют право брать себе на потребу», оно устраняется от принципиального вопроса – социального, замазывает классовые противоречия и в результате замедляет процесс демократизации польского народа, ослабляет его революционные силы. Национальный интерес, заявил Мерославский, требует от эмиграции привести в движение максимум общественных сил, придать им повстанческий дух, а для этого нужны пропаганда и объединенные усилия, но Объединение польской эмиграции на это неспособно, считал он, и призывал «всех, кто искренне хочет работать для Народа», вступать в ПДО. Разоблачая фальшивый список членов, предъявленный Объединением, он еще раз подчеркнул его аморфность и бессмысленность: «Это хаос без границ, без меры, без цвета и без запаха, без языка, без чувства, без образа, который заполняет пространство между Демократией и Аристократией, между будущим и прошлым Польши лишь затем, чтобы задержать развитие национальной истории, и который, сам будучи ничем, пытается помешать другим стать чем-то». Мерославский внушал членам Объединения, что их организация – «это пропасть, куда летит всякая слабость, всякая боязнь <...> это урна без дна». «В эту бочку Данаид, – заявлял он, – вы напрасно бросаете ваши голоса, ваши надежды, ваше терпение <...> Не оскорбляйте долее демократической теории, прилагая ее к ничему <...> Не связывайте труп с живым человеком; первого отдайте гробу, а второго солнцу». Резюмируя, что «не существует договора с хао-

сом, потому что хаос ни на что не годится», он предложил Объединению польской эмиграции провести размежевание между демократической и аристократической частями, с тем чтобы первая вступила в ПДО, через которое «лежит путь на родину»⁸¹.

Для рассмотрения кандидатур на прием в ПДО Централизация создала комиссию в составе Эдмунда Корабевича, Войцеха Дараша и Мерославского. Вспомогательная комиссия пыталась с ними договориться об объединении эмиграции на основе главных принципов — «независимости Польши и демократическо-республиканской формы правления». Однако это предложение было отвергнуто, членов Объединения призвали отзываться свои имена из списка Польского национального комитета. Не способствовали объединению и совместные заседания секций ПДО и гмин Объединения: в частности, безуспешно окончилась подобная встреча в Лондоне 25 августа 1844 г., причем руководители лондонской Делегации в ней не приняли участия. Тем не менее Централизация продолжала вести наступательную политику, а ее пресса развернула широкую кампанию по дискредитации Объединения польской эмиграции. «Демократа польский» опровергал утверждение, будто Объединение помогает нивелировать влияние Отеля Лямбер. Он утверждал, что, напротив, оно мешает изоляции аристократической партии, так как разбивает демократическую часть эмиграции. Проводя линию различия между Польским демократическим обществом и Объединением, газета писала: «Общество признало необходимость социальной революции, предваряющей восстание, и занялось развитием своей мысли <...> оно сочло миссией эмиграции в отношении родины помочь ей создать действительное единство, сплочение под национальной идеей. В понятии Объединения социальная революция не занимала места, позиция эмиграции понималась только как некое представительство, напоминающее и поддерживающее симпатии к ней <...> Если дать окончательное определение Обществу и Объединению, нельзя назвать их иначе, как только первое действующей демократией, а второе партией, оппозиционной демократии»⁸².

Печать ПДО занималась критикой не только Объединения польской эмиграции в целом, но и специально его руководства. Благоприятную обстановку для этого создавали и новые выборы в Польский национальный комитет, проходившие с 17 ноября 1844 г. по 17 июня 1845 г. Лелевель хотел отойти от работы в Комитете, ссылаясь на возраст, и заявил об этом еще в 1843 г., когда отмечали очередную годовщину Ноябрьского восстания. Но «Демократа польский» замечал, что Лелевель «одряхлел не физически, а политически», что он «не старый, а усталый, пресыщенный, разочарованный». Писали о его политической смерти и припоминали грехи, связанные с «Молодой Польшей». Считали, что именно его влияние обусловило появление в Акте основания Объединения польской эмиграции свойственной «младополякам» формулировки, определявшей

решение о наделении крестьян землей в собственность как дело второстепенное, требующее оглядки на позицию шляхты. Эти обвинения произвели впечатление, и гмина Объединения в Лилле осудила Лелевеля, а Станислав Малиновский, бывший член Корреспондентской комиссии, сделал по этому поводу специальное заявление и перешел в ПДО. Процесс разложения в Объединении польской эмиграции усиливался, и после ряда собраний секций ПДО с участием гмин Объединения оказалось, что перешли в ПДО многие из 31 гмины, существовавшей во Франции. Переходили также к монархистам и к религиозной секте Товяньского, а часто просто выходили из Объединения без объяснения причин. В отчете Польского национального комитета от 10 сентября 1845 г. говорилось, что из 2450 членов Объединения осталось лишь 1893, причем лишь 705 человек принимали участие в выборах и платили взносы, а остальные «прикрылись бездействием». Из-за неуплаты членских взносов в течение 10 месяцев между доходами и расходами Объединения образовался большой дефицит, и его покрыли Зверковский и Лелевель. Последний констатировал, что в Объединении наступили «тишина и удивительное молчание». Не нашлось желающих работать во Вспомогательной комиссии. Деятельность Польского национального комитета в 1844 г. сводилась единственно к изданию воззваний в адрес эмиграции и Мадзини, в новых же выборах Комитета участвовало всего 713 человек, то есть одна седьмая часть всех членов Объединения. Поэтому из пятерых вновь избранных членов Комитета (ими были Ворцелль, Лелевель, Зверковский, Штольцман и Винцентый Тышкевич) в Брюсселе заседали только четверо: Тышкевич отказался участвовать в работе, так как счел выборы несостоявшимися⁸³.

6. УЧАСТИЕ ПОЛЬСКИХ ЭМИГРАНТОВ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ 1846 и 1848–1849 гг. в Польше и Европе

Между тем Польский национальный комитет ощущал, что надвигаются революционные события. В воззвании от 1 октября 1845 г. его члены заявляли, что не претендуют на представительство всего народа, и подчеркивали задачу эмиграции – свидетельствовать о том, что польский народ жив, заключить революционный союз с народами, защищать славян от царизма. Последнее показывало, что слух об общих с Мадзини планах борьбы не был беспочвен, тем более что европейская обстановка накалялась. Авторы воззвания предупреждали: «Глеет взрыв! Мы чувствуем приближение минуты боя и победы, ибо ничто не подвигнет Польшу, ничто не добудет ей победы, как только оружие и бой. Народ и люд польский осознали свою силу и самостоятельность и подали к этому сигнал <...> День и час покрыты тайной, они совсем неожиданно блеснут омертвелому миру. Наблюдайте, прислушивайтесь, вставайте на свои

сторожевые посты, беритесь за руки, чтобы быть вместе». Подобные воззвания были направлены Огулу и ПДО. Обвиняя Централизацию в идейном догматизме и организационном сектантстве, осуществлении диктатуры в отношении членов ПДО и очернении политических противников, Комитет звал эмигрантов к объединению⁸⁴.

О приближении взрыва думала и Централизация. Празднование ею годовщины Ноябрьского восстания 29 ноября 1845 г. проходило в Париже в особенно приподнятой обстановке: наряду с Мерославским, от имени ПДО выступали Винцентый Мазуркевич, Леон Зенкович. Менее масштабный характер имели парижское празднование, организованное Объединением польской эмиграции под председательством французского депутата Вавена, и подобное торжество в Брюсселе, на котором председательствовал Ворцелль и в котором участвовали многие бельгийцы и эмигранты разных национальностей. В Лондоне празднование проходило под председательством Генри Росса и было наиболее многолюдным: присутствовали как члены Объединения польской эмиграции и английские радикалы, так и французские, немецкие, датские, венгерские, турецкие эмигранты. Была принята резолюция с осуждением политики Николая I⁸⁵.

Готовясь к восстанию, Централизация планировала действовать в трех частях Польши, но собиралась направить главный удар против России, так как рассчитывала на нейтралитет Австрии и Пруссии. 8 января 1846 г. ПДО организовало в Кракове съезд своих делегатов от всех частей Польши, которые избрали Национальное правительство. На 21–22 февраля 1846 г. был назначен срок выступления и намечен план действий. О нем давала представление «Повстанческая инструкция», с которой выступил Мерославский, назначенный верховным вождем будущего восстания. Если Штольцман или Г. Каменьский видели в восстании народную стихию, выливающуюся в партизанскую войну (такую тактику пропагандировал Мадзини), то Мерославский имел в виду военные действия регулярной повстанческой армии, сформированной на основе повстанческих отрядов и находящейся под единым руководством. Руководящим органом должно было стать сильное правительство с диктаторскими полномочиями, что обеспечило бы восстание как от угрозы контрреволюции, так и от опасности стихийного выступления масс. Силы народа предполагалось подчинить шляхетскому командованию на основе общих указаний эмиграции, которая разослала на места своих инструкторов. После захвата власти на местах планировалось провозгласить акт наделения крестьян землей и объявить призыв в повстанческую армию. Первые сформированные полки имели целью выступить против России, а затем формирования в Галиции и Познани должны были направить удар против австрийских и прусских войск.

Этот план общепольского восстания являлся малореальным, поскольку в разных частях Польши повстанческая организация была в разной

степени подготовлена к выступлению; агитация среди крестьянских масс велась шляхтой с большой дозой осторожности из-за страха взрыва социальной борьбы; более того, этот страх толкал часть помещиков на предательство национальных интересов: они выдавали властям планы повстанцев. В результате Мерославский, отправившийся в Познань, в феврале 1846 г. был арестован вместе с местными конспираторами и посажен в крепость. Позже суд вынес им смертный приговор, который, однако, не был приведен в исполнение. Аресты прошли и во Львове, а в вольном городе Кракове среди организаторов восстания имели место разброд и несогласованные действия. Австрийские власти вели умелую пропаганду среди крестьян Галиции, и в результате те воспрепятствовали планам шляхетских конспираторов, а затем разгорелась направленная против помещиков крестьянская война под руководством Якуба Шели. Наряду с антифеодальным выступлением крестьян, получившим в кругах шляхты название «галицийской резни», 20–21 февраля вспыхнуло восстание в Кракове, основные силы которого составили городская беднота, горняки и рабочие соляных копей, а также крестьяне подкраковских сел. Туда потянулись остатки конспиративной повстанческой сети из Познани и Королевства Польского. Душой Краковского восстания стал Эдвард Дембовский, который вместе с Генрыком Каменьским после разгрома властями организации Союза люда польского в Королевстве Польском эмигрировал в Познань и был там связан с Союзом плебеев.

Дембовский стоял на диалектических позициях исторического развития линии прогресса человечества на пути к бесклассовому обществу. Его социалистические убеждения сочетались с горячим патриотизмом и интернационализмом. «Люд, народы, человечество, – считал Дембовский, – имеют один общий интерес, одну общую жизнь». По его мнению, «только там может быть свобода, где нет собственности». «Придет время, – утверждал он, – когда народ не будет страдать и не будет ни панов, ни крестьян, а только люди, и все будут любить друг друга». Эти убеждения Дембовского отразились в Манифесте к польскому народу, с которым 22 февраля 1846 г. выступило созданное в Кракове Национальное правительство Польской республики. Манифест обещал свободу, «какой доселе не было на земле»: уничтожались все привилегии и классовые различия, было обещано пользование благами земли «в соответствии с заслугами и способностями» и оказание социальной помощи беднякам; крестьяне получали в собственность свои наделы, отменялись барщина и другие повинности, а безземельным участникам восстания после его победы предоставлялась земельная собственность за счет государственных земель. В своих постулатах Краковский манифест шел дальше, чем Пуатьерский манифест ПДО. Дембовский, ставший секретарем Яна Тыссовского, диктатора Краковского восстания, стремился еще более углубить социальные тенденции Манифеста. В подготовленных им воззваниях и декретах повстанческого правитель-

ства провозглашались равноправие евреев, немедленная отмена барщины, снижение податей и бесплатная раздача соли, а на будущее было обещано создание народных мастерских для ремесленников и увеличение вдвое их заработной платы. Говорилось также о немедленной отмене титулов «пан» и «вельможный», звучал призыв к каждому гражданину Польши: «Помни, что ты обязан защищать свои права, как их будет защищать каждый поляк, и против императорской Австрии, пруссаков и москалей, и против всякого, кто хотел бы эти права отнять у нас — у народа, у нас — у крестьян, у нас — у поляков». Дембовский боролся против тех, кто пытался повести народ по иному пути, но вскоре он попал в засаду австрийских войск и был застрелен. После его гибели восстание, продлившееся всего 9 дней, было подавлено. Оно не соединилось с антифеодальной борьбой галицийского крестьянства, и та, в свою очередь, потерпела поражение. Австрийские войска «усмирили» Галицию и аннексировали Краков — «вольный город» перестал существовать⁸⁶.

Весть о восстании в Кракове пришла 4 марта в Париж, а на следующий день в Брюссель. Первая реакция была восторженной, эмиграция всецело поддержала создание Национального правительства в Кракове. 7 марта Национальный польский комитет Объединения польской эмиграции издал воззвание к эмиграции, где от ее имени отдавал себя под власть революционного правительства и призывал к этому всех эмигрантов. Он звал к единству действий «под национальным знаменем, в согласии с направлением революционного правительства». Власть повстанческого правительства признала также Громада Люда Польского в Портсмуте, организация была распущена, а ее члены решили пробираться в Краков. Краковский манифест получил поддержку и у эмигрантской группы «Союз польской демократии XIX в.», руководимой Ю. Орденгой и Т. Янушевичем. Они находились под влиянием христианского социализма Бюше и в программе Краковской революции увидели выражение своих социально-политических взглядов. В Лондоне в поддержку повстанцев устраивались митинги, этим занимались Ворцелль и Штольдман; они же при участии Мадзини и француза Гинара руководили сбором средств для Кракова. Собирались создать специальный комитет помощи, но осуществлению этого плана помешала контр-акция Литературно-го общества друзей Польши, связанного с Отелем Лямбер⁸⁷.

Аристократическая эмиграция на первых порах влилась в общий поток патриотического энтузиазма. «Дзенник народовый» («Национальная ежедневная газета»), издание, отражавшее умеренно-консервативные взгляды, 31 марта писал о дружной позиции эмиграции: «Прочитав Манифест, мы все без исключения не говорим, что его признали, а говорим, что немедленно отдались под его приказы и распоряжения, не обращая внимания ни на его форму, ни на происхождение, ни на принципы; на каждую Польшу — монархическую, республиканскую, даже коммунистическую <...> все соглашались, лишь бы только на Польшу свободную

и независимую! Таков был всеобщий голос, по крайней мере такая общая публичная манифестация». Это мнение газеты правдиво отражало ситуацию, возникшую в эмиграции при первом известии о восстании в Польше. 6 марта, то есть тогда, когда восстание уже потерпело поражение, Общество 3 Мая, организация партии Чарторьских, объявило о своем подчинении уже не существовавшему Краковскому правительству, а печатный орган Отеля Лямбер «3-е Мая» писал: «Слава им <...> Дай, Боже, им удачи!» Зато спустя месяц, узнав о поражении восстания, та же газета называла повстанцев «недоумками и подозрительными фигурами». Отель Лямбер увидел в Краковском манифесте дело коммунистов. Он же возлагал на Польское демократическое общество ответственность за «галицийскую резню» и вместе с тем одобрял действия австрийских властей в Галиции. В. Замойский, племянник А. Чарторьского, на торжественном обеде в Лондоне 16 мая 1846 г. оправдывал правительство Меттерниха в глазах английской общественности, разъясняя, что подавление Веной крестьянского движения в Галиции было необходимым шагом для защиты родовых имений польской шляхты от «резни»⁸⁸.

Окружение Чарторьских осуждало крестьянское движение, которое «показывает польский народ самым отвратительным образом». Так утверждал Б. Трентовский, называвший крестьянского вождя Я. Шелю «пресловутым главарем шайки разбойников», а пошедший за ним народ считал продажным. Если шляхту вырежут, подчеркивал он, погибнет вся польская нация: «в стране останется огромное стадо польских скотов, хозяином и пастухом которых будет враг». Другой приверженец Чарторьских, Ф. Моравский, был более оптимистичен в своих прогнозах: он надеялся, что крестьяне сумеют разглядеть в австрийском правительстве своего врага, а со шляхтой сблизятся в результате перевода их с барщины на чинш. Аристократическая эмиграция единодушно возлагала вину за «галицийскую резню» на ПДО. Поэт З. Красиньский, также принадлежавший к аристократическому лагерю, в письме Дельфине Потоцкой 3 ноября 1846 г. утверждал, что во всем виноваты демократы, которые «вместо того, чтобы давать шляхте демократические советы, начали демократизировать крестьянство, вместо того, чтобы поднимать люд при посредстве шляхты, стали толкать его к убийству шляхты». Спустя год он же писал С. Малаховскому: «Что касается 1846 года, то я глубоко убежден, что Меттерних пожал посеянное эмиссарами, а с другой стороны, в том, что раньше посеяли австрийские бюрократы, эмиссары не раз находили опору». И те, и другие, считал он, – «враги человечества», «один из которых лжет, когда орет “порядок”, а другой – когда вопит “свобода”, но оба стремятся лишь к тирании и удовлетворению звериной похоти»⁸⁹.

«Галицийская резня» напугала польских помещиков, и не все из них верили, как Замойский, в защиту со стороны власти Габсбургов. Часть шляхты искала более сильного покровителя и защитника. Летом 1846 г.

маркиз А. Велёпольский в анонимном «Письме шляхтича» обвинял Меттерниха в подстрекательстве крестьян к нападению на помещиков, в пролитии польской крови и одновременно как бы предупреждал австрийского канцлера о возможной внешней переориентации польской имущей верхушки. Он обращался к царю, заявляя, что поляки готовы отдаться в его власть, но «с одной просьбой»: «Не оставь преступления без кары <...> Не забудь о славянской крови, вопиющей о мщении». Это письмо было встречено с возмущением даже в кругах аристократической эмиграции. Ф. Моравский писал, что маркиз «отдает весь свой народ царю, словно какое-то стадо, без малейшей оговорки, без условий», не считая просьбы о «мести за пролитую кровь». Странники Чарторьских не доверяли российскому императору. Трентовский утверждал: «Так же и Царь, а именно Паскевич, являются подстрекателями нашего крестьянства к резне»⁹⁰.

Возмущение и протесты «Письмо шляхтича» вызвало и у демократов. Они не верили в возможность соглашения с монархиями, угнетавшими Польшу, и готовились к новой борьбе, а для этого нужно было объединить эмиграцию на демократической и республиканской основе. Такую задачу ставили перед собой лондонские эмигранты – Ворцелль, Лелевель, Штольцман, Зверковский. Последнего, вместе с В. Тышкевичем и Ю. Дыбовским, Польский национальный комитет направил на переговоры с Централизацией, а также и с аристократическим Обществом 3 Мая, намекавшим на желание сотрудничества. 15 марта ПНК призвал поляков за границей подписывать «Заявление польской эмиграции». Оно было издано на пяти языках, и его экземпляры с многочисленными подписями намеревались разослать в парламенты Англии, Франции, Бельгии, а также влиятельным политикам и журналистам. В «Заявлении» выражалась солидарность с краковскими повстанцами, им отдавалась честь и провозглашалась хвала. Документ напоминал о правах польского народа, выражал веру в его победу и освобождение из-под ярма Священного союза. Авторы «Заявления» предостерегали Запад перед опасностью, грозившей всему человечеству со стороны деспотических государств, в случае если бы они продолжали угнетать Польшу. «Горе ему, – говорилось в документе, – если бы от бессилия и сомнения оно проявило склонность побрататься с одним из деспотов: возникшее в результате этого использование славянского племени как слуги стало бы ярмом рабства для Старого света». Это предупреждение, направленное европейской общественности, основывалось на убеждении эмиграции в действительно решающем значении Польши и ее дела для судеб Европы. «Польский вопрос, – писал в марте 1846 г. «Дзенник польский» («Польская ежедневная газета»), – несет в себе нечто таинственное, чего никто не умеет понять в полной мере, словно волшебная дудочка, он может в мгновение ока привести в движение столько стран и народов; он вошел в совесть Европы и беспокоит ее из поколения в поколение, пока не будет восстановлена справедливость»⁹¹.

Продолжая попытки объединения эмиграции, Польский национальный комитет 22 марта 1846 г. вновь обратился к ней с призывом отбросить разногласия и создать общий лагерь на основе программы Краковского манифеста. Повторялись главные его идеи: создание общества социального равенства, где не будет привилегий и каждый сможет пользоваться землей «в соответствии с заслугами и способностями», обеспечив себя и свою семью, а недееспособные получают помощь общества. «Земля, – говорилось в воззвании, – которой крестьяне ныне владеют лишь условно, станет их безусловной собственностью, будут бесплатно ликвидированы чинши, барщины и всякие подобные обязательства, а за защиту национального дела с оружием в руках вознаградят землей из национального фонда». Однако не все эмигранты приняли такую программу. Объединение польской эмиграции раскололось на демократическо-республиканскую и аристократическую части. Активными деятелями последней были Тышкевич, Дыбовский и редактор газеты «Ожел польский» Млодецкий, которые настаивали на объединении с Обществом 3 Мая и вели переговоры с Замойским. А лондонский Огул по инициативе сторонников монархии Крыстына Ляха Ширмы и Леона Яблоньского провозгласил Акт признания А. Чарторыского «начальником нации и эмиграции». В свою очередь, Централизация активизировала контакты с Зверковским, который, так же как Ворцелль, Лелевель, Штольцман, был сторонником объединения с Польским демократическим обществом на основе принципов Краковского манифеста. Было предложено облегчить вступление членов Объединения польской эмиграции в ПДО, а затем провести в объединенном Обществе новые выборы Централизации. 4 марта 1846 г. в Париж из Лондона прибыл Ворцелль, и соглашение было подписано⁹².

Достижению соглашения способствовало осознание необходимости воспрепятствовать интригам Тышкевича и К°, которые попытались совершить переворот в Объединении польской эмиграции: 23 апреля 1846 г. на собрании брюссельской гмины они объявили о роспуске Польского национального комитета как недееспособного и избрании нового состава его членов. При этом Тышкевич провозгласил себя уполномоченным Объединенной эмиграции, а Тышку – секретарем этого нового объединения. В ответ на это 26 апреля ПНК издал воззвание «К объединенной эмиграции», где объявил, что Объединение польской эмиграции вступает в ПДО на идейной платформе Краковского манифеста. Соглашение, условия которого были опубликованы в газете «Демократа польский» 10 мая, обсуждалось в секциях и гминах в течение полутора месяцев и было принято большинством голосов. Члены Объединения должны были вступать в Польское демократическое общество, декларируя свое согласие с его принципами, основанными на программе Краковского манифеста. Такие декларации сделали гмины в Туре, Ангулеме, Ажане, Пуатье, а члены ряда других гмин вступали индивидуально. В ПДО вошли чле-

ны распущенной лондонской гмины, а из гмины Общества приверженцев социальных обязательств – Кремповецкий. Попытки Тышкевича и Млодецкого помешать этому процессу оказались тщетными, и 11 июля 1846 г. Объединение польской эмиграции было объявлено распущенным. Польша узнала о создании единой эмигрантской организации, аккумулирующей социальные и национальные цели⁹³.

Позицию эмигрантов в вопросе объединения определяли осмысление и оценка как Краковского манифеста, так и факта «галицийской резни». Так, Францишек Ксаверый Завадзкий, утверждавший: «Мы никогда не перестанем служить принципу всевластия люда», ранее вышел из Польского демократического общества, но теперь решил вернуться, вдохновленный Краковским манифестом. 5 июля 1846 г. он заявил: «Мы начнем новую эру польской демократии <...> воздвигнем прекрасное здание судеб люда». Утверждение прежнего лозунга громад «Для люда и через люда» видел в объединенном ПДО Ворцелль, выступивший полгода спустя на похоронах Кремповецкого. Эти взгляды разделяли и руководители вступившего в ПДО Союза польской демократии XIX века, последователи христианского социализма Бюше. Но другое христианское течение – приверженцев Товяньского – Краковское восстание раскололо: если А. Мицкевич, например, поддерживал идею борьбы за национальное освобождение, то сам основатель движения был против всяких патриотических действий, считая, что поляки могут получить свою родину «не какой бы то ни было земной силой, но только лишь одной силой христианской», для чего нужны не патриотизм, основанный на ненависти к врагу и потому противный «истинному христианству», и не революционная борьба, а подчинение и уважение власти захватчиков, посланной за грехи народа, – уважение, которое «подобает оказывать мысли Божией, почиющей на всякой власти»⁹⁴.

Такие взгляды приверженцев Товяньского сближали их с другим религиозным течением, действовавшим в эти годы в эмиграции, – с «воскресенцами» («змартвыхвстаньцами»). Общество воскресения Господня, возникшее в 1842 г. в Париже на основе существовавшего в 1830-е годы Кружка монастырской жизни, казалось бы, кардинально отличалось от группы последователей Товяньского: оно являлось католическим орденом с жестким уставом, слугой и солдатом Ватикана, чуждым каким бы то ни было интересам, кроме папских. Польский вопрос и задачи возрождения Польши не заботили «воскресенцев», они были противниками всякой революционной борьбы и революционной идеологии. Последнее объединяло с ними Отель Лямбер и прежде всего его крайне клерикальное ультрамонтанское крыло, представленное Владыславом Замойским, Павлом Попелем, Леоном и Розалией Жевускими и др. По существу как «воскресенцы», так и «товяньчики» были одинаково чужды национальным и социальным проблемам Польши, и разница между ними заключалась

лишь в том, что первые хотели всю Польшу подчинить власти папы, а вторые – власти новой церкви⁹⁵.

Если клерикальные круги эмиграции и связанный с ними Отель Лямбер отвергали Краковский манифест, то большая часть эмигрантов готова была взять его за основу. Так, например, уже в апреле 1846 г. на базе Манифеста пытался создать свою организацию либерально-демократически настроенный сторонник полумер (пульсрудковец) Дверницкий. Что касается демократов, то факты неприятия кем-то из членов ПДО Краковского манифеста (как, например, в случае Альциато) были редкими, и это способствовало внутреннему разграничению и укреплению демократического большинства. Факт «галицийской резни» демократическая эмиграция переживала болезненно. Видные деятели ПДО – Я.К. Подолецкий, Ф. Шнайде, Михал Дембиньский, – характеризуя крестьянское движение, говорили в своих речах о «неслыханном преступлении, убийствах и поджогах», но подчеркивали, что крестьян провоцировали посланные австрийской властью «банды преступников». Таким образом, осуждение крестьянского движения сопровождалось оправдательным комментарием в отношении крестьян и обвинением в адрес Вены. Как писал «Демократа польский», часть крестьян «стала игрушкой, несчастной жертвой их (австрийских угнетателей. – С.Ф.) адской политики». Подчеркивалось, что крестьяне не мстили, «не убивали, исходя из собственных взглядов, их поджигали и направляли преступники, которых правительство для этого выпустило на свободу». В то же время демократы понимали, что все зависит «от собственника». Об этом писала пресса, это, в частности, подчеркнул В. Мазуркевич, выступая 29 ноября 1847 г. на праздновании годовщины Ноябрьского восстания. И не случайно в ходе дискуссий, происходивших в секциях, шляхту обвиняли в злоупотреблениях. Члены ПДО опасались, что шляхта, устрешенная «галицийской резней», может пойти навстречу власти в случае крестьянской революции. Поэтому Централизация так определяла тактику польской демократии: она «смягчает ненависть крестьянства к шляхте <...> связывает детей одной матери доверием и братской любовью». Осуществить эту задачу предполагалось на базе постулатов Краковского манифеста. Но вместе с тем возникала мысль о том, что крестьянство захочет большего, чем только отмена барщины, и будет бороться против шляхты, пока не добьется всех своих прав. В этой связи звучали голоса, говорившие о необходимости удовлетворения нужд безземельных: на заседании парижской секции ПДО потребовали отразить это в программе Объединенной эмиграции. Учитывая все эти соображения, вновь избранная Централизация расширенного Польского демократического общества (в составе Ворцелля, Мазуркевича, Гельтмана, Дараша и генерала Фр. Шнайде) издала в 1847 г. прокламацию «Божье слово к польскому люду». Ее авторы Гельтман и Зенкович критиковали социальное устройство, обрекающее крестьян на

нужду и голод, и звали их к участию в будущей борьбе за общество «без панов и графов» – такое, где «всевластие <...> опирается на весь народ». Ссылаясь на Краковский манифест, они обещали ликвидацию феодальных повинностей, передачу земли крестьянам в собственность, наделение землей парубков и коморников. В прокламации осуждалась «резня» помещиков – «невиданная на Божьем свете» – и указывалось на обман крестьян австрийской властью, которая обещала им землю, а на самом деле организовала их усмирение⁹⁶.

Реорганизация ПДО и возникновение новой Централизации совпало с кануном революционных потрясений в Европе, выдвинувших на первое место национальный вопрос. В 1848–1849 гг. происходила так называемая «Весна народов», которые выступили на борьбу за свои национальные права, в том числе за право создания своих национальных государств. В преддверии этой борьбы поляки также готовились к выступлению за независимую Польшу, и это выступление мыслилось как единовременное на всех польских землях. Еще в начале 1847 г. ПДО предприняло попытку организационного объединения существовавших там патриотических сил, выслав эмиссара А. Бабиньского в Познань, но он был казнен прусскими властями. Другим эмиссаром Централизации стал генерал Юзеф Высоцкий, которому удалось восстановить контакты между конспиративными организациями в Польше. Позже демократы связались с находившимся в Варшаве Э. Домашевским, бывшим участником конспирации, «известным, – как говорилось в письме ПДО, – по своему патриотизму и самопожертвованию». Домашевского просили помочь в создании тайной организации в Королевстве Польском, и он привлек к этой работе Г. Краевского и Р. Свежбеньского. К началу развернувшихся в Европе событий идейные и организационные принципы тайного общества, возникшего в Королевстве и получившего в истории название «Организация 1848 г.», были разработаны. Мерославский требовал от этой организации активных действий, но, слабая и малочисленная, она не могла поднять массы на борьбу; по мере спада европейского революционного движения ее деятельность заглохла, а аресты окончательно ее разгромили⁹⁷.

Королевство Польское находилось в центре внимания польской эмиграции, потому что они видели главного врага Польши в царской России. Но планы одновременного выступления на всех польских землях включали также подготовку к борьбе Познанщины и Галиции, через территорию которых предполагалось перебросить силы повстанцев в Королевство. Именно туда направились в 1848 г. тысячи эмигрантов, в том числе члены Централизации ПДО (Гельтман, Дараш, Мазуркевич, Шнайде) с целью придать борьбе демократическо-республиканское направление. Эмиграция очень рассчитывала на начавшуюся в Германии революцию, одним из первых актов которой было освобождение Мерославского и Либельта из берлинской тюрьмы Моабит. Еще ранее, выступая на судебном

процессе, Мерославский заявил, что Централизация, готовя восстание, ставила не социальные, а национальные цели, и борьба поляков была направлена не против немецкого народа, а против России. Теперь, на митинге, стихийно возникшем после освобождения заключенных из тюрьмы, и он, и Либельт говорили о польско-немецком союзе, направленном против России, о конституционных свободах и гражданских правах, о братании народов. Мерославский и Либельт содействовали созданию в Берлине революционного комитета и организации польского легиона, который направился в Великое княжество Познанское. Туда же, а также в Гданьское Поморье Мерославский высылал эмиссаров. На волне энтузиазма и провозглашения лозунгов братания в совместной борьбе против России в Познани возник польский Центральный национальный комитет, объявивший призыв во всеобщее ополчение и наладивший контакт с другими польскими землями, в частности, с «Организацией 1848 г.» в Королевстве Польском. В воззвании Комитета 25 марта 1848 г. говорилось о ликвидации сословий, равенстве и свободе всех «сыновей Матери-Польшы», о том, что после завоевания независимости крестьянство всей Польши получит в собственность землю, а всем вступившим в борьбу за родину были обещаны льготы. Комитет в лице Либельта пытался установить связь с правительствами Англии и Франции и заручиться их поддержкой. Но в дальнейшем ЦНК принял план «национальной реорганизации» Великого княжества Познанского, предусматривавший его включение в состав будущей объединенной Германии, и сосредоточился на подготовке к войне с Россией. Мерославский во главе военного отдела Комитета пытался сформировать национальную регулярную армию, и в этой связи были созданы военные лагеря, где обучали легионеров и формировали отряды. Рассчитывали, что военная сила сможет также оказать впечатление на прусские власти для действительного установления национальной администрации Познанщины, но под давлением этих властей и в результате соглашательства «правых» в ЦНК, подписавших с ними так называемую Ярославецкую конвенцию, произошло обратное – а именно, сокращение польских военных частей. Когда все надежды на сохранение национального характера польских земель в Пруссии оказались обмануты и прусские власти предприняли их «пацификацию», в ЦНК произошел раскол. Из него вышел Либельт, выступивший с покаянием за участие в Ярославецком соглашении, которое «вместо обещанных и гарантированных там свобод навлекло на польское население позорное рабство». Деятели левого крыла сформировали Временное революционное правительство, назначившее Мерославского главнокомандующим польскими военными частями, и решили «скорее перейти к борьбе». Но сокращенных военных сил поляков было недостаточно, чтобы сопротивляться прусской армии. Они потерпели поражение в сражениях при Милославе и Соколове, и 9 мая 1848 г. был подписан акт их капитуляции.

Это событие, а также разгром партизанского движения означали поражение Познанского восстания и национальных выступлений на других польских землях под властью Пруссии. Польским демократам оставалось надеяться на демократов Германии, их внимание было приковано к работе Национального собрания во Франкфурте, и туда направился ряд польских эмигрантов. Однако решения Франкфуртского собрания, подтвердившего включение Великого княжества Познанского в состав Германии и разделение его на немецкую (большую) и польскую (меньшую) части, вызвали многочисленные протесты, в том числе и со стороны польской эмиграции. Либельт, являвшийся депутатом Франкфуртского парламента, демонстративно вышел из его состава⁹⁸.

Разочарование в немцах способствовало смене ориентации и обращению взора ряда польских демократов на славянские народы. Задачу сближения со славянами поставил, в частности, Либельт. Славянский вопрос обсуждался еще в мае 1848 г. на общепольском съезде во Вроцлаве, и там по инициативе Либельта и других участников съезда было принято обращение к славянам с призывом собрать свой съезд. Несмотря на отказ Централизации прислать на Славянский съезд в Праге своих представителей, ряд демократических эмигрантов, так же как и агенты Отея Лямбер, на съезде присутствовали. Активную роль на Пражском съезде играл тесно связанный с демократической эмиграцией Либельт: он выступил против программы австрославизма, противопоставив ей лозунг создания славянской республиканской конфедерации (без участия России), которая возникнет в результате победы революции в Европе. В Манифесте съезда, обращенном к Европе и славянам и разработанном при активном участии Либельта, утверждались принципы национальной суверенности, политической и религиозной свободы, социального равенства, братства народов; говорилось о «всевластии народа», провозглашалась отмена смертной казни и конфискации имущества. Относительно Польши Либельт заявил, что она «хочет стать частью вольной славянской, объединившейся на федеративных началах». Мысль об объединении славян поддержал и Лелевель, приславший 30 мая 1848 г. письмо из Брюсселя на адрес съезда. Эту мысль, и в частности саму идею славянского съезда, приветствовали и находившиеся в Париже бывшие депутаты Варшавского сейма, большинство которых принадлежало к окружению Чарторыского⁹⁹.

Разгон Пражского съезда и подавление Пражского восстания в июне 1848 г., в котором поляки также участвовали, развеяли расчеты польской демократии на объединенный фронт славянской революции. Эти события знаменовали наступление реакционных сил, что отразилось также на ходе борьбы в целом в Австрийской империи, и в частности на территории ее польских владений. В начале революции в Галиции, в марте 1848 г., возникли Национальный комитет в Кракове и Национальная

рада (совет) во Львове. Большую роль на этом этапе играли демократы, в том числе многочисленные представители демократической эмиграции, прибывшие в Галицию. Так, в Краков прибыла группа деятелей ПДО во главе с В. Гельтманом, А. Зенковичем, Ю. Высоцким. Гельтман и Я.К. Подолецкий издавали в Станиславове ежедневную газету, а в Кракове выходил «Пшеглэнд» («Обозрение») под редакцией А. Зенковича. Они вели пропагандистскую деятельность, призывали к борьбе в союзе с другими революционными народами. Агитацией и пропагандой занимались также Национальный комитет и Национальная рада в своих воззваниях. Были провозглашены лозунги ликвидации сословий, национального и религиозного равенства. Национальный комитет и Рада призвали шляхту «даровать» крестьянам барщину, но правительство Габсбургов опередило панов, а затем расправилось с восставшим Краковом. Стремившиеся в Краков эмигранты были задержаны на границе. Национальный комитет, где влияние демократических эмигрантов было более значительным, перестал существовать. В. Гельтману, Т. Янушевичу, Я.К. Подолецкому и ряду других демократов удалось перенести свою деятельность во Львов, продолжал выходить «Дзенник Станиславовский» («Станиславовская ежедневная газета»). Он призывал к вооруженной борьбе, провозглашал социальные лозунги, требуя от помещиков отказаться от компенсации за отмену барщины, выдвигая идею создания «социальных мастерских» для рабочих. Но контакта с массами демократы установить не сумели, в львовской Раде перевес получила либеральная шляхта. Она была настроена на компромисс с Веной, которая на первых порах допускала национальные проявления в Галиции. Хотя в адресе, представленном поляками австрийскому императору, выдвигался лозунг независимости Польши, он сочетался с просьбой о поддержке Веной «национальной реорганизации Галиции». Правда, Центральная национальная рада во Львове (она стала так называться в связи с появлением рад на местах) протестовала против игнорирования австрийской властью своих пожеланий и требований, но на радикальные действия не решалась, что в значительной мере объяснялось опасением социальных потрясений и повторения «резни». Это определило конечный результат. Когда в октябре 1848 г. революционные элементы галицийского общества выступили против австрийских войск и во Львове произошли вооруженные столкновения и баррикадная борьба, власти прибегли к бомбардировке города, и после его капитуляции 1 ноября во всей Галиции наступила реакция: были распущены Национальная гвардия и все общественные организации, закрыты газеты, эмигранты оказались высланными из страны¹⁰⁰.

Последнее было не случайным: власти задерживали эмигрантов на границе и высылали их, потому что понимали их активную революционизирующую роль. Направлением эмигрантов в польские земли для поддержки революции, организацией ее военной силы занималась Испол-

нительная комиссия ПДО, временно заменявшая Централизацию, большинство членов которой отправилось в Польшу, чтобы непосредственно участвовать в борьбе и руководить ею. Исполнительная комиссия находилась в постоянном контакте с европейским общественным мнением, прежде всего с демократической общественностью Франции, которая поддерживала борьбу поляков. После поражения Познанского восстания парижские массы устроили антиправительственную демонстрацию, требуя помощи Польше. Под лозунгом «Да здравствует Польша!» стотысячная толпа 15 мая 1848 г. митинговала перед зданием Национального собрания, а Л. Бланки провозгласил лозунг свержения правительства. Но польские демократы не хотели вмешиваться во внутренние дела Франции. Они с энтузиазмом восприняли свержение Бурбонов и создание республиканского Временного правительства во главе с Ламартином. Централизация была уверена, что вскоре начнется война «старой Европы» с революционной Францией, которая приведет к независимости Польши. Поэтому своей задачей они считали информировать французское правительство и общественность о том, что происходит в Польше, и разъяснять, какое значение борьба польского народа имеет для Европы. С той же целью в ноябре 1848 г. в Париже по инициативе Ворцелля было создано Общество друзей демократической Польши. Но лучшим разъяснением и доказательством смысла и значения революционного движения поляков являлось их непосредственное участие в вооруженной борьбе за свободу и независимость других народов¹⁰¹.

Стремление польских патриотов к революционному союзу народов проявилось уже на Славянском съезде в Праге. При этом поляки подчеркивали противопоставление демократического славянского единства царскому панславизму. Как считал «Демократа польский», именно в «подчеркивании общечеловеческой демократической и прогрессивной идеологии польская политическая мысль занимает свои достойные внимания позиции, в том числе и на фоне 1848 года». Славяне, так же как венгры, румыны и итальянцы, были естественными союзниками поляков, так как все они находились под игом Габсбургов. Поэтому Польское демократическое общество в воззвании к славянам 29 декабря 1848 г. предупреждало, что «их свободы падут под косою, которой победивший абсолютизм пройдет по жниву всеобщей вольности». Польская демократическая эмиграция призывала славян к совместной со всеми угнетенными народами борьбе. Вскоре после начала революции во Франции в Париже возникла газета «Трибюн дес пёплъ» («Трибуна народов»), ее редактировал Адам Мицкевич вместе с французскими революционерами и представителями демократии революционных народов — немцами, итальянцами, испанцами, русскими. Газета звала к единению под лозунгами свободы, равенства, братства для борьбы против Австрийской монархии и создания на пространстве между Адриатикой, Балтикой и Черным морем «федерации свободных обществ,

живущих по принципам подлинной демократии». На страницах газеты выступали венгры, чехи, румыны, югославы, русские. Мицкевич сотрудничал с югославом Пугичем, чехом Мензингером, итальянцем Томмазо. Он выступил в защиту Мадзини в статье «Мадзини и мадзинисты», приветствовал возобновление издания в Риме газеты «Италия дель пополо» («Народная Италия»). Вместе с Мадзини Мицкевич, который еще в 1833 г. в издании «Пелгжим польский» («Польский пилигрим») выдвигал принцип непрерывности борьбы за независимость, разработал план создания в Пьемонте польского легиона в поддержку борьбы итальянского народа. Он представил этот план папе и королю Сардинии Карлу Альберту, рекомендовал ему Мадзини, который, в свою очередь, в качестве триумвира Римской республики поддержал соглашение о создании польского легиона на ее службе. В соглашении от 29 марта 1848 г. говорилось, что Польша – сестра Италии, эмигранты-легионеры – представители будущей независимой Польши. Легион получал от Республики жалованье и право на национальную атрибутику; специально оговаривалось, что легионеры освобождаются от соглашения в случае, если начнется борьба в Польше. Напутствуя легион, который уже 1 мая 1848 г. вступил в Милан, Мицкевич подчеркнул: сам факт его создания стал свидетельством того, что «две нации, вычеркнутые тиранией из книги жизни», «взялись за руки и поклялись в возрождении народов». Призывая поляков «самоотверженно отстаивать итальянскую независимость», он разъяснял, что тем самым они станут «действительно полезными будущим <...> интересам» Польши. «Служа Италии, – писал он, – поляки содействуют приближению освобождения Польши; способствуя распаду Австрийской империи, они помогают освободить 5 млн. поляков – ее подданных. Они предоставляют также возможность примыкающим к Италии славянским провинциям <...> проявить на деле свои национальные устремления». В этой связи Мицкевич призывал славян сформировать собственный легион и предлагал Франции ввести войска в Далмацию, что способствовало бы славянскому восстанию. Что же касается польских легионеров, то они сражались во всех частях Италии – в Пьемонте, Ломбардии, Тоскане, Венеции, Генуе. В апреле 1849 г. 200 легионеров обороняли Римскую республику, и в том же году поляки участвовали в борьбе против неаполитанского короля на Сицилии, где во главе сицилийских войск встал Мерославский. В Пьемонте были известны также имена Миколая Каменьского и генерала Войцеха Хшановского, командующего легионом¹⁰².

Поляки-эмигранты активно участвовали также в венгерской революции, сначала в качестве добровольцев венгерской революционной армии, а затем и в сформированном польском легионе. Принадлежавший к аристократической партии генерал Генрык Дембиньский командовал венгерскими войсками, а во главе обороны Семиграда стоял генерал Юзеф Бем, отошедший в это время от Отея Лямбер и выразивший де-

мократические убеждения. Он проводил в Венгрии «политику примирения враждующих национальностей». Когда был сформирован польский легион численностью в 3000 человек, его возглавил демократ генерал Юзеф Высоцкий. Участие поляков в венгерской революции было столь масштабным и в такой степени воспринималось ими как борьба за будущее своей родины, что получило название «польской войны»¹⁰³.

«Польская война» происходила не только в Венгрии, но и во всех северных точках Европы: туда, где народы шли на борьбу за свободу, устремлялись польские патриоты. Многие польские эмигранты шли по следам революционных событий, переходя из страны в страну. Так, Л. Мерославский после сражений на Сицилии возглавил 13-тысячную армию повстанцев в Бадене, где также действовал польский легион (около 300 человек). У руководства восстанием в соседнем Палатинате находился член Централизации ПДО Ф. Шнайде, а после поражения восстания поляки перешли в Швейцарию. Они участвовали также в Дрезденской революции: посланцы Централизации Виктор Гельтман и Александр Кшижановский принимали участие в заседаниях Временного революционного правительства и в обороне города. Централизация поддерживала тесный контакт с немецкими радикалами. В обращенных к ним воззваниях она заверяла «храбрых и великодушных немцев» в поддержке польского народа, который в свою очередь рассчитывает на помощь Германии. Восстановить Польшу в границах 1772 г. призывало и обращение парижского Польского национального комитета, которое его эмиссар Ю. Рейзенхайм представил Франкфуртскому национальному собранию. Правда, в эмиграции были сомнения насчет отношения к революции в Германии: мицкевичевская «Трибюн дес пёпль» хотя и симпатизировала Баденской революции, но критиковала непоследовательность немецких республиканцев и считала вредным участие поляков во внутренних разборках. Сам Мицкевич видел возможность объединения Германии в качестве «народной империи», то есть на демократическо-республиканской основе и революционным путем, с такой Германией он связывал надежды на восстановление независимой Польши. Однако решения Франкфуртского парламента по вопросу Познанщины знаменовали крах этих надежд, вызвали протест польской демократической эмиграции. 9 августа 1848 г. Ф. Шнайде, С. Ворцелль и В. Дараш от имени Централизации направили обращение к немецкому народу, где осуждался «новый отвратительный раздел Польши». Напоминая об обещаниях, данных полякам революционной Германией, и выражая признательность тем немецким демократам, кто остался им верен, члены Централизации призывали немецкий народ их выполнить. Воззвание напоминало также о миллионах славян, готовых, откликнувшись на голос, зовущий их к независимости, выступить против немцев, и указывало на Польшу, единственно способную отвести удар и направить народы «под знаменем свободы на штурм

царской деспотии», стать «связующим звеном в цепи братства, которое должно объединить Восток и Запад Европы в общем прогрессе». Авторы воззвания подчеркивали, что они не угрожают, а лишь предупреждают немцев, напоминая, что «после войны государств идет война национальных племен. С чела людей исчезает святая печать человечности, ее стирают враждебные имена тевтонов и славян», и последние могут послушаться «своего племенного инстинкта». Заканчивая свое послание словами «Привет и братство!», польские демократы еще надеялись на союз с революционной Германией и победу в ней демократических сил. Летом 1849 г. «Демократа польский» в статье «Единство Германии» писал, что «единство Германии <...> является делом всеобщей революции <...> а значит, делом Польши». В статье говорилось: «Германия монархическая, Германия федеративная, Германия в когтях у Пруссии – это огромное и удобное орудие царизма, это меч палача на нашу шею <...> Освобожденная же Германия, Германия единая в политическом и социальном плане, Германия республиканская – это естественный враг царского москвитизма <...> это народ, мирно и честно соседствующий с нами»¹⁰⁴.

Антирусский акцент трактовки союза с Германией вполне отвечал взглядам Отеля Лямбер. Собственно, и в целом лозунг союза Польши с народами аристократический лагерь рассматривал как призыв к выступлению европейских держав против России и восстановлению Польши. Поэтому А. Чарторьский даже публично отказался от титула польского «короля де-факто» в виде реверанса республиканской Франции, а в начале революции делегация Отеля Лямбер (Адам Чарторьский, Владыслав Замоиский, Войцех Хшановский и др.) отправилась в Германию и вела там переговоры с министром иностранных дел. В воззваниях Отеля Лямбер выражались надежды не только на «старую союзницу Польши» Францию, но и на «немецкие народы, освобожденные от оков». От поляков требовали быть достойными «братской дружбы» «благородной германской нации», «искренний нерушимый союз» с которой на пользу национальному делу Польши. На первых порах А. Чарторьский рассчитывал на скорый распад Австрийской империи, что подогревало интерес консерваторов к борьбе угнетенных ею народов. Они одобряли те уступки итальянцам, на которые Вена готова была пойти, но опасались, что это опрокинет расчеты на желательную для польских интересов европейскую войну. Агент Отеля Лямбер Л. Зверковский (Ленуар) внимательно следил за перипетиями борьбы итальянского народа и регулярно сообщал в Париж свои соображения. Агентура Чарторьских представляла собой широкую сеть, созданную еще в 1830–1840-е годы. Агент Ф. Зах с 1843 г. был негласным советником князя Сербии Александра и автором сербской внешнеполитической программы «Начертание». Славяне являлись объектом внимания Отеля Лямбер, опасавшегося влияния на них идей панславизма и России. Главный агент «чарторьщины» на Востоке

Михал Чайковский писал: «Со славянщиной мы можем иметь большие выгоды, <...> на этом поле мы играем с Москвой». В то же время поскольку значительное большинство славянских народов находилось в составе Австрийской империи – другого врага и поработителя поляков, Отель Лямбер заявлял, что «Польша всегда будет вместе со своими братьями-славянами там, где речь идет о славизме свободном и независимом от всех иностранных влияний». Но сама консервативная эмиграция старалась оказывать влияние на политику славянских государств и народов. Так, ею было организовано при сербском дворе постоянное польское представительство, и действовавшие в Белграде Зах, а затем Ленуар и Ю. Корсак пытались примирить и объединить славян с венграми в восстании против Австрии, убеждали их выступить против российской интервенции в Венгрию. Против России были направлены как старания отвлечь от нее болгар, так и попытки сблизить славянский и румынский интересы, причем в этих проектах важная роль отводилась Турции как противнице России. Партия Чарторыских готова была согласиться с установлением верховной власти Порты над объединенной славянщиной. Наряду с этим она не отрицала возможности отдать ее и под власть Габсбургов, только бы отвлечь от «московского панславизма». Об этом свидетельствовали планы создания «федерации наддунайских народов», так и австро-славистские проекты. В письме Чайковскому из Парижа 17 ноября 1848 г. говорилось как о несомненном: «Австрийское государство должно рано или поздно преобразоваться в славянскую федерацию». При этом Отель Лямбер имел в виду «главенство» Польши среди славян. Чайковский доказывал европейским политикам, что «славянщина без Польши, имеющей в ее лоне большинство, является прирожденным врагом Запада». Самых же славян он поручал Корсаку убедить «в том, что их существование и будущность лишь тогда утвердятся, когда наша Родина добьется своей независимости». Исходя из этой гегемонистской позиции, Чайковский ставил задачу «полонизировать» славянское движение: «Если не охватим и не ополячим славянщину, – писал он, – нам будет плохо»¹⁰⁵.

Осуществление «полонизации» предполагало не только пропаганду, но и конкретные действия – вступление польских военных в славянские формирования. Отель Лямбер направлял польских офицеров и в ряды венгерской армии. Он пробовал также повлиять на славянскую политику венгерских революционеров, и в результате их агент в Париже А. Телеки даже подписал протокол о признании национальной автономии Сербии, Хорватии и Румынии и о правах словаков на свой национальный язык, но этот протокол аннулировал Кошут. Партия Чарторыских пыталась также формировать польские легионы в Италии, что было результатом соперничества с демократической эмиграцией. Так, например, при регулярной армии Пьемонта создали легион, противопоставив свою инициативу организационным усилиям А. Мицкевича. Шли также переговоры

с папой Пием IX о посылке в Рим польских офицеров и генерала. Они окончились неудачей, но в Пьемонт действительно был послан генерал В. Хшановский. Однако главным направлением деятельности аристократической эмиграции были агитационные и дипломатические усилия. Так, когда разрабатывались планы направленных против России диверсий на Кавказе, в Молдо-Валахии и на Украине, предполагавшие инспирацию антирусских движений среди чеченцев, дунайских и донских казаков, малорусской «козацкой вольницы», важной формой работы агентов «чарторыщины» стали посылка эмиссаров, распространение печатных изданий и проч. Но, как и прежде, основной расчет Отеля Лямбер делался на дипломатические и военные комбинации европейских держав, на сотрудничество не с революционными силами, а с легальной властью. Революционное движение в целом было противно консервативной партии, и ее «правая» часть, в частности З. Красиньский, выступала против сотрудничества с революционной Венгрией, с опаской относилась к «левому» крылу познанского Национального комитета. Б.Ф. Трентовский критиковал эмигрантов-демократов за их «отвратительное обезьянничание», бездумное копирование французов, Красиньский же подверг критике уже само руководство аристократической партии, утверждая, что Отель Лямбер стал «больным, одеревеневшим, безмолвным», и чтобы покончить с его «бессилием», необходима реорганизация. При этом аристократическая эмиграция желала утвердиться в глазах Европы в качестве единственной представительницы Польши за границей. А. Чарторыцкий выступил перед французским правительством с просьбой официально признать бывших послов сейма, находившихся во Франции, законным правительством Польши. Он также просил разрешения на формирование польского легиона на территории Франции, что создало бы прецедент признания французским правительством факта существования Польши. Однако все эти шаги, рассчитанные на внешний эффект, в глазах польской общественности не имели того обаяния, какое имела самоотверженная борьба польских патриотов в огне революции. «Весна народов» способствовала тому, что эти характерные особенности двух разных групп польской эмиграции закрепились и получили развитие в будущем¹⁰⁶.

7. Осмысление уроков революционных событий 1840-х гг.
различными течениями польской эмиграции.
Раскол ПДО после Крымской войны. Возникновение
Революционной Громады Лондон

Для польских демократов во Франции поражение революции повлекло за собой репрессии: уже в июне 1849 г. прошли обыски у членов Централизации, спустя месяц Ворцелль и Дараш были высланы, прекра-

тилось издание газеты «Демократа польский». Была запрещена также «Трибюн дес пёпл», так как она критиковала правительство Луи-Наполеона Бонапарта и его самого, а затем поддержала антиправительственные манифестации парижской «левицы». Поскольку Централизация оказалась разбитой и обескровленной, Ворцелль и Ян Кантый Подолецкий создали в Лондоне временный руководящий орган ПДО – так называемую «малую Централизацию» из трех членов. З. Милковский писал, что в этой «тройке» Дараш олицетворял «немногословную, суровую и негибаемую» власть, Подолецкий представлял ее «привлекательную сторону, окрашенную поэзией», а Ворцелль «выступал представителем ее разума». Новая Централизация столкнулась с организационными трудностями, не было средств на создание своей прессы. Правда, в начале 1851 г. благодаря усилиям Ворцелля в Брюсселе стал опять выходить «Демократа польский» под редакцией Дараша, но через год газета вновь закрылась из-за гонений, и Централизации ПДО пришлось выпускать небольшие брошюры. В них, так же как и на страницах газеты «Демократа польский», издание которой возобновилось в конце 1852 г., анализировался ход революции и осмыслялись ее итоги¹⁰⁷.

Уже в 1849 г. появилась анонимная брошюра «Что такое революция и какова ее позиция». Ее настоящий автор Подолецкий писал: «Революция <...> опрокинула все, что представляет собой мировой порядок». Он резко осуждал компромиссы «революционных иезуитов» и утверждал необходимость «беспощадного, безусловного слома всякого существующего в мире бесправия». Подолецкий подчеркивал, что нельзя утвердить новой веры, не свергнув старых идолов, и потому всякое «творческое строительство» предполагает сочетание с «необходимым уничтожением». Однако такой подход он считал возможным применить к революциям на Западе, но не в Польше. Характерно, что подобный взгляд в отношении революции разделял Мерославский, занимавший гораздо более «правые» позиции. Он гордился тем, что в 1848 г. спас Познанщину от революции, приложил все силы, чтобы «остеречь познанскую шляхту от нависшей над ней галициады» и «в зародыше придушил шелизм, который уже сверкал в хищных взглядах многих». «Нужно было, – писал он в 1852 г., – сразу и смело сделать выбор между бешеной, безжалостной гражданской войной и упорным отказом», «не допускать к себе богини мести Немезиды». Мерославский считал, что крестьяне еще не готовы осознавать нужды революции, она должна опираться на средние слои, и ей нельзя придавать антипомещичий характер. Он писал о своих усилиях повернуть на этот путь Познанское восстание: «Но какой же упорный и осмотрительный спор потребовался, чтобы без галициады (ибо такова была задача) выстроить эту новую стихию в восстании рядом со шляхетизмом, не желающим уступить ей место». Согласно мнению Мерославского, высказанному им позже, в 1859 г., на торжестве, посвященном

памяти Ноябрьского восстания, крестьянство должно было идти за шляхтой, а их противопоставление являлось «аномалией» и могло привести лишь к «общему бессилию народов»¹⁰⁸.

Однако позиции руководства Польского демократического общества и Мерославского не были полностью идентичны. В брошюре «Революция и Польша», изданной Централизацией в 1850 г., анализ революции во Франции также приводил автора к констатации того факта, что всех удовлетворить революция не может, но дальнейшее рассуждение вело к вопросу: «Чьи нужды нужно удовлетворить – люда или богатых <...> кто должен пойти на жертвы – зажиточные или люд?» Ответ на это был недвусмысленным: «Прежде всего стараться об удовлетворении масс, а не сильных мира сего». О том же писал «Демократа польский» в статье «Польское демократическое общество и социальные вопросы»: «Всякая революция, которая не ставила бы цель улучшения судьбы масс, была бы лишь преступлением, заменившим иное преступление». Будущая революция, считал автор статьи, должна уничтожить социальную несправедливость и обеспечить счастье народа, то есть всех и каждого, причем произойдет это не путем «насилия, скандала, разорения, конфискации и тиранства». Определенная в статье цель раскрывалась в брошюре «Революция и Польша» в виде вопроса и ответа на него: «Какие же препятствия должен преодолеть каждый народ? Это собственное правительство и реакция»¹⁰⁹.

В 50-е годы XIX в. Централизация быстро и заметно шла влево. Уже в 1850 г. Ворцелль издал брошюру «О социализме», где доказывал, что социализм является «не фантазией, не проявлением жадности, не детальной системой той или иной организации, не отрицанием всего, что было и есть, но несомненным результатом нужд человечества, плодом прогресса, необходимым завтрашним днем, имеющим свои Вчера и Послезавтра, общим стремлением, прогрессивным, а тем самым нравственным, <...> является отчетливо выраженным ныне стремлением, бросающейся в глаза приметой нашего времени». «Приметы времени» требовали внесения изменений в программу ПДО, уточнения ее социальных лозунгов. Если еще в 1851 г. «Демократа польский» утверждал, что передача крестьянам в собственность их наделов разрешит главный вопрос и «почти ликвидирует пролетариат», то в 1852 г. на его страницах говорилось: «Передача крестьянам земли в собственность рассматривалась как средство политическое, революционное, преходящее, а не как органичное, окончательное <...> Это должно было стать лишь залогом той справедливости, какую будущая Польша обязана проявить в отношении всех своих детей, а не самой справедливостью, завершением социальной реформы, окончательной организацией сельского люда». Подчеркивалось, что дело не в том, чтобы дать собственность части сельского населения и создать новую касту крестьян-собственников: нужно «радикальное изменение

всех социальных отношений». В частности, Централизация призывала не забывать о справедливости для «очень значительной части населения» — коморников, заградников, промысловиков и др. Но эмигранты-демократы до конца не осознавали остроты социальных отношений, противоположности интересов крестьянства и помещиков. Об этом свидетельствовали публикации ПДО, где постоянно повторялось утверждение о том, что социальные противоречия в польской деревне разжигают правительства держав, разделивших Польшу. Так, в воззвании Централизации к польскому народу от 29 сентября 1852 г., опубликованном в печатном органе ПДО, об этих правительствах-«поджигателях» говорилось: «Они подбивают крестьян против шляхты, даже проливают ее братскую кровь руками своих подкупленных палачей и прислужников под прикрытием имени крестьян». Этот тезис неизменно присутствовал в документах эмиграции, призванных разъяснить Западу польские события. В меморандуме по польскому вопросу, направленном президенту США в 1854 г., автором «галицийской резни», отдавшим приказ, назывался Меттерних, а непосредственным исполнителем — крестьянский вождь Я. Шеля. Ворцелль на митинге в Бирмингеме 18 мая 1854 г. также говорил об «убийстве в 1846 г. шляхты Галиции по приказу»¹⁰.

Проблема взаимоотношений крестьянства и шляхты возникла в связи с вопросом о национальном восстании. Любопытные мысли были высказаны в большой статье «Характер польского восстания», опубликованной в августе 1851 г. в газете «Демократа польский». «Наше восстание, — говорилось в статье, — должно быть осуществлено не шляхтой, не крестьянами, освобожденными и наделенными землей в собственность, и не искусственной комбинацией шляхты и крестьянства, но <...> путем слияния, сплава, соединения шляхетского элемента с крестьянским, иначе говоря, через братство. Поскольку же шляхта представляет собой разум, поэтому инициатива принадлежит ей». Если же, предупреждал автор статьи, шляхта не захочет взять на себя инициативу или окажется неумелой, инициативу могут взять крестьяне, и тогда «люди <...> сметет все, что будет препятствовать его движению, и может посчитать врагами этих братьев, которые, отказавшись от братства, скрывали от него правду, которые обманывали его, жирели на его труде». «Страшная, кровавая картина предстает перед нашими глазами, — восклицал автор статьи. — Мы охотно бы набросили на нее завесу, если бы интерес самой шляхты не требовал поведать чистую, голую правду». Размышляя о дальнейшем ходе событий, он писал: «В конце концов люди нашли бы в себе моральную силу, но после скольких тяжелых испытаний <...> сколько бы Хмельницких, сколько Гонт, сколько Шелей не использовали бы его на службе своих личных извращенных страстей. А той новой силой была бы ты сама, шляхта, но обновленная, выкупанная в кровавой купели». В статье выражалась уверенность, что до этого не дойдет, что шляхта сможет быть инициатором конспирации и

силой в восстании. Со страниц газеты звучал призыв: «Польская шляхта, твое дело действовать и предотвращать зло. Ты долго была народом, нацией и ныне еще можешь быть главным отрядом национальной интеллигенции (национального разума. – С.Ф.)». В воззвании Централизации к польскому народу от 29 сентября 1852 г. шляхту убеждали: «Ты очистишься от нелепых страшилок социализма, от ужасных упырей коммунизма, которыми враги и обманщики давят на твою совесть и тревожат твой сон <...> И не думай о том, что этот новый мир тебя оттолкнет, что не ответит взаимностью на твою любовь и братские чувства»¹¹.

В это время находившиеся в Лондоне члены Централизации тесно сотрудничали с Мадзини и созданным им 12 июля 1850 г. Центральным комитетом европейской демократии. «Демократа польский» перепечатывал обращения и другие документы Центрального Комитета, он сравнивал Мадзини с польскими героями и выступил в его защиту, когда после неудачи восстания в Милане в кругах польской демократической эмиграции возникли сомнения в целесообразности сотрудничества с мадзинистами. Орган Централизации опубликовал статью «Советы Мадзини людям действия» и в комментариях от редакции воздал автору статьи честь и хвалу за его вклад в революционную борьбу, за твердость и самоотверженность, за тот пример, какой он подавал всем патриотам, за провозглашенные им идеи. Ворцелль подчеркивал, что мысли Мадзини, обращенные к итальянцам, могут понять именно поляки. Сам же Мадзини на страницах газеты «Ль Ом» («Человек») выражал горячую симпатию к Польше, а на праздновании годовщины Ноябрьского восстания в 1850 г., говоря об идее «Бога, долга, свободы, жертвенности и бессмертного прогрессивного человечества», завершил выступление словами: «Польша и Италия – сестры теперь и всегда, сестры в страданиях, в цели и в борьбе». Поляки активно участвовали в работе ЦК Европейской демократии: первым представителем Польши в нем был Дараш, а после его смерти членом ЦК стал Ворцелль и затем Людвик Булевский. Ворцелль выступал в печатном органе ЦК «Вау дю проскри» («Голос изгнанника»), он же возглавил новый состав Централизации, куда вошли также Л. Зенкович и А. Жабицкий. Последний интересовался идеями научного коммунизма, поддерживал связь с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Централизация все более проявляла свои радикальные устремления и симпатии к социализму. В ее циркуляре от 28 августа 1852 г. утверждалось, что в ПДО нет ни одного человека, кто бы «не ощущал себя демократично и социально <...> кто бы не знал и не понимал, что если демократия дает человеку право на существование и жизнь, то социализм это его право развивает и дополняет, иначе говоря, накладывает на общество обязательство, чтобы каждый его член имел не только право на существование и жизнь и не только право на труд и просвещение, но имел бы предоставленные ему работу и просвещение и использовал бы их счастливо, честно, разумно на пользу себе и обществу»¹².

В действительности вовсе не все члены Польского демократического общества, в том числе и в Лондоне, разделяли подобные взгляды. На страницах газеты «Демократа польский» звучали обвинения социалистов в космополитизме, в стремлении «растворить» Польшу в человечестве, предать ее национальные интересы. Авторы статей доказывали, что не человек и не класс, а народ (нация) является единицей человечества. В ответ на упреки в том, что Централизация пытается национальную и демократическую программу ПДО подменить социалистической, Ворцелль, ссылаясь на Краковский манифест, заявлял, что социальные, а не только политические цели выдвигались всегда. Говоря так, он не учитывал, что Пуатьерский манифест 1836 г. затушевывал социальные цели во имя «классового мира и единения» в национальной борьбе. Но именно этот документ ПДО отвечал взглядам «умеренного» крыла демократической эмиграции. Его сторонники составляли значительную группу во главе с авторитетными фигурами, такими как Мерославский, Высоцкий, Эльжановский, Ордена и др. В то время как Централизация в Лондоне была отрезана от основной массы эмигрантов, они развивали активную деятельность во Франции, и прежде всего среди парижских поляков. Им еще ранее не нравилась позиция Централизации по отношению к новому французскому правительству и самому Луи Наполеону Бонапарту, в 1852 г. объявившему себя императором Франции Наполеоном III, они критиковали ее обособленность от европейской общественности и ее сектантскую политику¹³.

Эти противоречия особенно обострились во время Крымской войны, оживившей надежды на решение польского вопроса: ожидалось, что воюющие против России союзные державы поставят его перед царизмом. Активизировалась деятельность Отеля Лямбер, агенты которого пользовались влиянием в Турции. Партия Чарторыхских добилась того, что союзники признали князя Адама представителем интересов польского народа. Она стремилась сформировать польский легион в Турции для участия в войне. Те же цели ставил перед собой Парижский кружок демократов, который во время войны оформился в самостоятельную организацию – Демократическое польское коло. Особые надежды Коло возлагало на Наполеона III, Высоцкий даже был не против отдать под его начало возрожденную Польшу. Такой «практицизм» не являлся чем-то исключительным: часть итальянских, венгерских и французских патриотов, как, например, А. Барб, А. Галланци, Д. Манин и даже Л. Кошут, готовы были ради национального дела пойти на сотрудничество с антидемократическими силами. Централизация не разделяла этих взглядов, она не доверяла державам, прежде всего бонапартистской Франции, и считала, что решить польский вопрос может лишь собственная борьба польского народа. Ее правоту подтвердили итоги Крымской войны. На мирной конференции в Париже вопрос о Польше даже не был поставлен

победившими союзниками. Наполеон III ограничился лишь конфиденциальными переговорами с русскими дипломатами о смягчении режима в Королевстве Польском¹¹⁴.

После войны расхождения внутри Польского демократического общества и его раскол уже явно обозначились. Парижское коло полностью обособилось и вышло из-под контроля Централизации, создав собственный Комитет в составе Мерославского, Высоцкого, Эльжановского и Орденги. Неудачей закончилась попытка Милковского восстановить единство. Став членом Централизации, он вел переговоры в Париже с Мерославским, Эльжановским, Орденгой, Мазуркевичем, Борковским, Ледуховским, Станевичем, Зенковичем, а в Лондоне – с Жабицким и Булевским и даже выяснял позицию гмин ПДО в английской провинции, но в итоге был вынужден покинуть Лондон ни с чем: требования партии «умеренной демократии» (как стали называть Коло) признать ее Комитет и передать ему функции связи с Польшей Централизация отвергла. Не принимала она и социальных взглядов Коло, так как внутри нее все более активно возникали группы, приближавшиеся к социальным позициям Громад Люда Польского¹¹⁵.

«Левое», радикальное крыло ПДО было представлено организацией «Збур братний» («Братское объединение») под руководством Францишка Завадзкого. В сентябре 1852 г. он анонимно опубликовал брошюру «Что теперь делать?», где обосновал главную идею исторического процесса – борьбу равенства против привилегий, прогресса против реакции, революции против консерватизма и реакции. Завадзкий был против компромиссов, против попыток объединить революцию и консерватизм путем «полумер, соглашательства и согласительства». Он считал, что народ готов начать и осуществить революцию как наиболее в ней заинтересованный. В революции он видел два последовательных этапа: «искоренение существующего зла» путем вооруженного восстания народных масс, а затем «создание добра», то есть нового социального строя. «Польский люд, – писал Завадзкий, – возьмется за осуществление только такой и никакой другой революции и либо не помыслит о восстании, либо восстанет ради завоевания таким образом определенной и обоснованной своей независимости! Иного восстания, как только через люд и для люда, представить невозможно». «Римско-языческой» цивилизации он противопоставлял цивилизацию «христианско-славянскую» – «гминовладность на основе братского кооперирования, равенства <...> или соотносительности потребностей и обязанностей с силами и способностями». Он требовал предоставить каждому «права жить своим трудом», а для этого передать гминам недвижимую собственность. Программа создания независимой Польши предусматривала также отмену привилегий, обеспечение свободы вероисповедания, печати, собраний, выборность общественных должностей и всенародное утверждение законов, создание народной ми-

лиции. Всего этого, по мнению Завадзкого, можно было добиться лишь революционным путем – свержением существующего строя в результате восстания. Он считал очень важным интернациональное объединение революционных народов в борьбе и в этой связи особое значение придавал революционному союзу с русскими, так как мечтал о создании Славянских соединенных штатов на принципе равенства и братства славянских народов. Этот христианский социализм со славянским оттенком был утопией, тем более что программа Завадзкого содержала внутреннее противоречие: делая акцент на «люди», на крестьянские массы, отвергая компромиссы, признавая непримиримость реакции и революции, Завадзкий тем не менее не исключал шляхты из патриотической борьбы. Он хотел проведения земельной реформы мирно и полюбовно, надеясь на ослабление классовых антагонизмов и сближение крестьянства и шляхты в национальной борьбе. Выступал он и против партийной борьбы в эмиграции и в этой связи обрушивался на Коло «умеренных демократов» как на «бледную, бесцветную, шляхетскую, национально-католическую Демократию». В отличие от них, он отказывался опираться на положения Манифеста ПДО 1836 г., считая их устаревшими, требующими пересмотра. Призывая «поднять чистое и незапятнанное знамя правильно понятой и сформулированной Социальной Демократии», Завадзкий подчеркивал, что только такая реформа программы Польского демократического общества обеспечит сохранение роли ПДО в качестве «главного фактора польского крестьянского вопроса»¹¹⁶.

Для Централизации позиции Завадзкого были чересчур радикальны, она атаковала «Збур братний». Организация окончила свое существование после смерти Завадзкого в феврале 1859 г., но ее социальная программа, как буржуазно-демократические постулаты, так и элементы уравнительного социализма, находила отклик в ПДО и за его пределами. Л. Савашкевич, Я. Крыньский и ряд других членов лондонской секции ПДО стремились к возрождению организации Люда Польского. Их поддерживали бывшие участники распущенных громад «Умань» и «Грудзёнж». По инициативе Крыньского возникло Общество гминовластно-социальных принципов. На митинге 29 ноября 1855 г. сторонники этих принципов выступили с требованием изменить характер Крымской войны путем осуществления социальной революции в России, Польше и других славянских странах. Они создали в 1856 г. организацию «Люд Польский. Революционная громада Лондон», которая, возможно, имела и другие территориальные ячейки, так как находилась под руководством высшего исполнительного органа – Главного правления (Революционного комитета в составе ежегодно сменяемых семи членов). В разное время в Комитет входили З. Свентославский, Л. Оборский, Я. Крыньский, Г. Абиخت, Б. Бенёвский, К. Фиевский, А. Барашкевич, М. Козёлл и др. Ряд из них являлись влиятельными в эмиграции личностями, известными своими

радикальными убеждениями и последовательной демократической позицией, связями с европейскими революционерами. Так, в частности, Оборский, бывший член Люда Польского, поддерживал контакт с немецкими демократами – К. Марксом, Ф. Энгельсом, К. Шаппером. Майор Бенёвский был близок с английскими радикалами, существовали связи и с чартистами. Уважение эмигрантской массы вызывала жизненная позиция руководителей Комитета: они зарабатывали себе на хлеб собственным трудом, работая как врачами и переводчиками, так и сапожниками, плотниками, наборщиками, печатниками и т.п. В свою очередь, это способствовало укреплению их демократических убеждений и революционности. Недаром многие из них выступали с «грозными речами» против Отея Лямбер, как, например, Крыньский, или, как Абихт, заявляли о своей ненависти к шляхте¹¹⁷.

27 февраля 1855 г. Я. Крыньский, М. Зелиньский, К. Домбровский, В. Черепиньский и А. Кордецкий выступили с открытым письмом к польской политической эмиграции. Они заклеямили «индивидуальный капитализм», влекущий за собой «алчность, эксплуатацию и обман», «грабеж и нищету», «раболепство и братоубийство», «коррупцию и безнравственность», и провозгласили исключительное право трудящихся на общность продуктов труда. Они потребовали установить «разделение труда в соответствии с физической силой и умственными способностями», а также обеспечить трудовому народу общественное просвещение и участие в общественных институтах. Авторы письма видели в Громаде «возвращение патриархальной жизни славян», которую они идеализировали, и форму, «отвечающую желаниям народа», и потому принимали ее за «образец для будущей социальной реформы». Они призывали к созданию «Польской социальной и демократической республики», а также «Соединенных штатов Европы, опирающихся на демократические и социальные институты». Для достижения этих целей социалисты объединялись в «*Революционную громаду, то есть в громаду Действия, в громаду Восстания*»¹¹⁸.

Одним из главных идеологов формировавшейся социалистической организации был бывший основатель громады «Умань» Зенон Свентославский, поддерживавший отношения с Завадзким и его группой. Еще в 1854 г. на острове Джерси он издал книгу «Люд Польский в эмиграции», где наметил для Польши единственный путь – путь революции, призванной установить власть «люда», на защиту которой встанет армия. Свентославский подчеркивал разницу между буржуазно-демократическими идеологами – «людьми полумер» и сторонниками гминовладства, выступавшими за социальное равенство. Он явился автором воззвания, ставшего, по сути, учредительным манифестом новой организации, хотя ее полное официальное название «Люд Польский. Революционная громада Лондон» еще не было обозначено. В воззвании от 24 июня 1856 г. Революционная громада Лондон выдвинула проект создания тайных

революционных громад для пропаганды «людовой» идеологии среди эмигрантов. Эта идеология, воспринятая консервативной эмиграцией как «литературное чудовище», нашла разъяснение в следующих воззваниях и обращениях Громады Лондон, направленных как к эмиграции, так и к «польскому люду на родной земле». В них было много моментов, сближавших программу Революционной громады Лондон с программой польских социалистов 1830–1840-х гг. Провозглашалась цель ликвидации социального гнета, утверждения общественной собственности, отмены смертной казни во всем мире после победы всеобщей революции (при этом оговаривалось использование этой меры как средства борьбы с контрреволюцией). Все это должно было свершиться в недалеком будущем: в воззваниях 25 сентября 1856 г. и 23 мая 1858 г. говорилось о скором народном восстании, которое уничтожит угнетение на всей земле. Разъяснялась программа восстания: «Городской и сельский люд, восстав, берет власть в свои руки, уничтожает господство человека над человеком, провозглашает города, села, хозяйства, землю, дома, промышленные предприятия, мастерские, магазины, инвентарь и всякую движимую и недвижимую собственность, находящуюся ныне в руках отдельных людей, общей собственностью всего народа, а в дальнейшем <...> общечеловеческой собственностью»¹⁹.

Лозунги, касавшиеся общечеловеческих целей, естественно вели Громаду Лондон к широкому объединению представителей народов. Таким объединением стало Международное общество, создание которого было провозглашено в феврале 1855 г. на интернациональном митинге в Лондоне и которое в известном смысле явилось конкурентом мадзиниевского ЦК Европейской демократии, сотрудничавшего с Централизацией ПДО. Представители Громады Лондон вошли в Международное общество и заняли там руководящие позиции: Оборский, Свентославский, Крыньский, Абихт были членами его Центрального комитета, а Барашкевич — казначеем. Все документы Международного общества печатались в типографии Свентославского, в том числе и его «Статуты», подписанные польскими членами ЦК, а также А. Буховским и М. Козёллом. «Статуты» требовали «установления всеобщей демократической и социальной республики», «равенства как единственной истинной основы справедливости и счастья». Достичь этого предполагалось путем «всеобщей революции», объединения национальностей и провозглашения «истинного права собственности». Авторы «Статутов» заявляли о поддержке всех революционных движений, направленных на свержение существующих правительств²⁰.

В 1859 г. Международное общество распалось в результате борьбы, которую внутри него развязали анархисты, но налаженные Революционной громадой Лондон тесные контакты с международной революционной и социально ориентированной общественностью продолжали существовать: представители интернационального сообщества присутствовали на

собраниях и торжественных заседаниях Громады, выступления звучали на шести языках – польском, русском, немецком, французском, итальянском и английском. Однако основное направление своих усилий руководство Громады Лондон видело в работе среди поляков – эмигрантов и населения польских земель. Выступая перед ними как «Громада действия», «Громада восстания», выдвигая цель «освободить польский и любой другой народ от политического, социального и религиозного рабства», «уничтожить господство над народом», Громада призывала к борьбе за осуществление социалистических идеалов на всей земле, «пока весь род людской не станет единой семьей, организованной на основе подлинной свободы, равенства и братства». Что же касается конкретно Польши, то там народная революция была призвана уничтожить как социальное, так и национальное угнетение. Поскольку это предполагало активное участие в борьбе «простого народа», Громада Лондон требовала привлечь крестьян, передав им земли помещиков. Она мечтала о создании тайной революционной сети на всем пространстве бывшей Речи Посполитой, в том числе в Вильно и Киеве, так как украинские, белорусские и литовские земли считала неотъемлемой частью Польши. Будущую освобожденную страну она видела в образе «широкой федерации» с «местной автономией каждой провинции». Вместе с тем соединение социальных и национальных целей в программе Громады обусловило известную непоследовательность и внутреннюю противоречивость ее позиции: обличая эгоизм шляхты и ее непатриотичное поведение, она в то же время стремилась сделать ее одним из главных факторов борьбы за освобождение Польши. Поэтому, укоряя в апатии помещиков, «по происхождению, по традиции, по положению, по необходимости обязанных стать лозунгом высочайшего общественного совершенства, знаменем всеобщего освобождения», Громада в воззвании 23 мая 1858 г. призывала «дорогих братьев» «поддержать славу» своего имени, не дать царизму опередить себя «в деле прогресса», имея в виду передачу земли крестьянам в собственность¹²¹.

Авторы воззвания предостерегали от надежд на помощь западной дипломатии, в том числе от веры в поддержку Франции. Заявляя о близком моменте восстания, они подчеркивали необходимость сплочения всех сил, как в Польше, так и в эмиграции, разбитой на борющиеся между собой группки. И это обращение Революционной громады Лондон было услышано: его одобрил «Демократа польский». Голос Громады доходил и до Польши: ее прокламация от 23 апреля 1859 г. распространялась в Белостоцком уезде Королевства Польского, а воззвание от 23 мая 1858 г. получило распространение на Познанщине, которая стала основным адресом ее агитации. Через Оборского с Познанью была установлена постоянная связь, туда направлялись призывы к одновременному восстанию всех польских земель в союзе с революционными народами Европы, прежде всего с итальянцами, а также с русскими и немцами. Последнее было

не случайным, так как Громада считала «люди» государств — захватчиков Польши одним из ее главных союзников. Поэтому, видя в итальянцах, венграх, чехах и других народах, находившихся под игом Габсбургов, безусловных союзников, она в то же время рассчитывала на революционное сотрудничество с братским русским народом, угнетенным царизмом. В то же время, выступая против России, Австрии и Пруссии за объединение славян, Революционная громада подчеркивала, что эти стремления не направлены против германских народов, а, напротив, ведут к их освобождению. Задача польских повстанцев, говорилось в прокламациях Громады, состоит в том, чтобы «опрокинуть троны», замышляющие заговор против Польши, а «после изгнания врага из своей страны» «отправиться на край света, чтобы сбросить всех монархов <...> и утвердить свободу на месте прежнего рабства». Подчеркивая значение союза Польши с другими народами для успеха восстания, Громада предостерегала от ошибок 1848 г., когда поляки «действовали только под влиянием исключительно национального чувства, презирая другие народы»¹²².

Такова была программа, развернутая перед патриотами в Познани, но первая прокламация, посланная туда, не имела антишляхетской направленности, ограничивалась критикой шляхты и адресованным ей требованием исполнить свой долг, добровольно пойдя на уступки «людю». Крестьян же убеждали забыть старые обиды, воспользоваться опытом шляхты и действовать в согласии с ней. Апрельская программа 1859 г., содержащая уже социальные акценты, и в частности требование отмены частной собственности, намечала план организации заговора, а затем проведения восстания с целью провозглашения Польской республики. Предусматривалось создание совещательных органов — местных советов, на базе которых Центральное Национальное правительство (им должны были стать семь членов, назначенных руководством восстания) формировало бы местную власть. Объявлялось о смещении всех «бывших» — чиновников, священников, судей, адвокатов, нотариусов и т. п., эти должности становились выборными, либо назначение на них осуществлялось местными органами. Революционная громада рассчитывала реализовать этот план в Польше, которая становилась бы первопроходцем, так как в дальнейшем предполагалось создание «Славянской республики, составленной из воеводств литовских, польских, русских (то есть украинских. — С.Ф.), московских (то есть русских. — С.Ф.), чешских, богемских, краковских и так далее». Конечной же целью должно было стать «освобождение всего человечества» и образование всеобщей республики с выборным правительством из людей разной национальности и польским языком в качестве языка общения¹²³.

Радикализм программы Революционной громады Лондон, прежде всего социальный, не способствовал развитию ее контактов с влиятельными политическими деятелями Познанщины, которые к тому же

считали ее планы нереальными. В результате связь с Громадой перехватил президент познанской полиции Э. Береншпрунг, и в дальнейшем вся переписка Громады шла уже с мифическим «Познанским комитетом» под полным контролем полиции. Береншпрунг сообщал о якобы существующих повстанческих настроениях и планах познанских «заговорщиков», о благоприятных условиях для восстания и, в свою очередь, интересовался планами и деятельностью как самой Громады, так и всей польской эмиграции, ее связями с европейскими державами, настроениями европейской общественности. В ответ на расспросы Береншпрунга Громада сообщала свои идеи о движущих силах будущей борьбы и излагала план восстания, разработанный полковником Л. Оборским. Предлагалось «поднять всю Польшу сразу», организовав вооруженные выступления в главных центрах страны, разоружить гарнизоны, а затем вести партизанскую войну силами ста-двухсот тысяч человек. Имелись в виду поляки, служащие в армиях государств – захватчиков Польши, а также члены заговора, обученные военному делу, и «посполитое рушение», предполагавшее участие в партизанской борьбе крестьянства. Оружие собирались добыть, захватив арсеналы, а также отбив его у врага; кроме того, хотели использовать для борьбы пики и косы, рассчитывая применить их в конном бою. Восстание должно было осуществляться при посредстве революционной диктатуры: предусматривалось создание революционного правительства, наподобие французского Конвента, все предатели и саботажники подлежали суровой каре¹²⁴.

В переписке с Береншпрунгом Громада развивала и свои идеи о собственности, но задача привлечения шляхты и осознание необходимости классового согласия для борьбы заставляли ее приглушать социальные моменты в своей пропаганде. К тому же сказывалось влияние Мадзини, с которым Громада поддерживала контакт и который предупреждал: «Никакой войны класса против класса <...> взаимные уступки, чтобы движение не раскололось». Поэтому мысль о том, что шляхта должна отказаться от своих «устаревших привилегий» и «соединиться с народом», звучала в документах Громады Лондон постоянно. В воззвании от 1 октября 1858 г. говорилось о том, чтобы «склонить» помещиков Познани и Галиции «к уступке известной части их земель тем из поляков, служащих в прусской и австрийской армиях, которые примут участие в борьбе за свободу». Громада надеялась добиться от шляхты согласия на это, скрепленного подписью каждого помещика, а затем оповестить военнотружущих о готовящемся «благодеении». Правда, в воззвании присутствовало предупреждение о том, что может наступить момент, когда подписей «благодетелей» не потребуется, но в целом пафос прокламаций был в большей мере направлен на агитирование крестьян. Их убеждали не «прельщаться лживыми обещаниями» царского правительства «подарить» им их же собственный надел. Обращаясь к крестьянину, авторы

манифеста Революционной громады Лондон писали: «Вся деревня тебе принадлежит, и ты, кроме обязанности в отношении отечества, ничего никому за нее не должен: все плоды и богатства составляют твою принадлежность <...> Отвергни же с презрением обещанный дар, возьми то, что тебе принадлежит, и так устройся, так раздели свою работу, чтобы никто не был обижен и чтобы ты никогда не видел бедного без куса хлеба». Завуалированно здесь звучала мысль об общественной собственности на землю и ее плоды, однако тут же был призыв к классовому миру, предостережение перед внутринациональной междоусобицей, напоминание о социальном конфликте в Умани и Тарнове, которым воспользовались угнетатели Польши¹²⁵.

При всей противоречивости и непоследовательности своей программы Революционная громада Лондон выступала с позиций, наиболее далеко продвинутых в революционном и социальном плане. Но эта крайне «левая» эмигрантская организация являлась немногочисленной и слабой, не имела прочной поддержки в эмиграции, была оторвана от Польши, не ориентировалась в сложившейся там ситуации. Такая сектантская позиция обусловила как наивность ее планов, так и сам факт превращения ее в жертву провокации. Береншпрунг стремился заманить эмигрантов в Познань, неоднократно предлагал прислать туда эмиссаров Громады. В результате в Познань был направлен Якуб Маевский, и его арест ознаменовал и конец полицейской интриги, и крах Революционной громады Лондон. В 1860 г. представитель польских политиков в прусском сейме Владыслав Неголевский огласил подробности провокации Береншпрунга, в результате чего Громада стала объектом осуждения всей эмиграции. О ее «легкомысленной легковёрности» писала пресса партии Чарторыских, презрительно трактовавшая членов Громады как «чернь». Их «преступное легковёрие» осудил и печатный орган Польского коло «Пшеглэнд жечи польских» («Обзор польских дел»), Централизация же заклеяла «позорную и унижительную роль» лондонских социалистов и поспешила отмежеваться от них и их идей¹²⁶.

8. Позиции революционно-демократического,
либерального и консервативного лагерей
польской эмиграции в преддверии восстания
в Королевстве Польском (конец 1850-х – начало 1860-х гг.)

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. сама Централизация Польского демократического общества находилась не в лучшей форме: ее связи с Польшей были слабыми, а для эмиграции она больше не являлась центральной руководящей силой. ПДО было разбито на множество группок, и Централизация имела с ними связь постольку, поскольку пыталась

собрать с них отчеты и взносы. Численность Общества падала и к началу 1860 г. не превышала 300 человек. Об «отчаянном положении» демократов в Англии и Франции (в последней секции ПДО были запрещены) сообщали и агентурные донесения. Руководство Общества избегало дискуссий по острым вопросам польской действительности, чтобы не обнаружить отсутствия внутреннего единства в ПДО, и в этой связи больше внимания уделяло внешним международным контактам, в частности, поддерживало связь с Дж. Мадзини, а также с А.И. Герценом и его «Колоколом». Отрыв от жизни страны и незнание произошедших там перемен обусловили ту особенность, что Централизация выступала с неизменными лозунгами: «Путь наш определен, – говорилось в ее циркуляре от 15 октября 1858 г., – целью его является независимость Польши, путеводной звездой – демократические принципы, средством – добрая воля <...> нужно укрепить наши силы и расширить деятельность, проводя ее всеми средствами: словом, пером, делом – в стране и за границей и доводя ее двоянным боевым шагом до решительного вооруженного разговора о Польше»¹²⁷.

Путь восстания демократы противопоставляли надеждам на восстановление Польши при помощи западных держав. Изгнанные из Франции Наполеоном III, они на страницах своей печати сурово осуждали факт обращения генерала Рыбиньского в 1859 г. с адресом к французскому императору, а Людвик Булевский в речи 29 ноября 1859 г. призвал поляков надеяться не на троны Европы, а только на себя. Централизация заявила о решимости «собрать, сконцентрировать и нацелить свои силы, чтобы помочь народу уверовать в возможность самостоятельного участия в развитии европейских событий». Себя она считала единственно возможной руководительницей народа на пути к восстанию: «Одно лишь Демократическое общество, – говорилось в циркуляре от 28 июня 1858 г., – веря, что Бог только тому помогает, кто сам себе помогает, и веря, что исторические события всегда были и будут плодом человеческих усилий и никогда не рождались сами, видит необходимость и обязанность заполнения исторической пустоты развитием собственных сил и жертв». Демократическое общество должно было «заранее так организовать, чтобы при наступлении исторической минуты его голос, указывающий самое правильное направление <...> не остался бы гласом вопиющего в пустыне, но был бы слышен на всех народных собраниях, и умы, разгоряченные революционным толчком, подхватил и направил бы на единственно спасительный путь вооруженного восстания». Для этого Централизация призывала всех «сплотиться», действовать совместно, «простив друг другу взаимные обиды», «в едином демократическом центре сосредоточить все достоинства и таланты, обращая их на пользу польскому делу»¹²⁸.

Но Польское демократическое общество не имело связей с родиной, и Централизация не могла опереться там на революционные силы, поэтому

ее призывы были обращены в пространство. Собственно, агитационная и пропагандистская роль только и была возможна для нее, практической же работой эта агитация не подкреплялась. Уклон в теорию науки о восстании обнаруживали публикации в газете «Демократа польский». Так, один из теоретиков и идеологов ПДО В. Гельтман выступил со специальной статьей, посвященной вопросу о значении конспирации. Он утверждал, что «там, где только есть угнетение и нет общественной трибуны» и гражданских свобод, «там тайные заговоры так же необходимы, хотя бы нация и не была бы еще готова к вооруженному восстанию»; «святой обязанностью людей, пользующихся каким-либо влиянием на массы, является взять на себя организацию революционных элементов и дать им соответствующее направление». Нужно, подчеркивал Гельтман, готовить их к действию, «а когда все созреет, когда вся нация почувствует в себе силу или появятся какие-либо благоприятные обстоятельства, внезапно распространить заговор, предназначенный теперь уже не для подготовки, а для того, чтобы вызвать само движение». Полемизируя с органом Чарторыхских, обсуждавшим сравнительное значение агитации и конспирации, «Демократа польский» утверждал, что необходимы оба эти пути борьбы: агитация должна подготовить организацию для борьбы, а значит, подготовить необходимую для этого конспирацию. Газета приходила к выводу: «Каждый, кто любит Польшу, конспирирует. Кто не конспирирует, тот плохой поляк». Она подчеркивала, что «чарторыхщина» потому и ненавидит эпоху конспирации, что отметила ее своими предательскими деяниями. «Демократа польский» клеймил позором тех эмигрантов, кто принял царскую амнистию. Он заявлял, что «полякам надлежит говорить с царем лишь на поле боя», и уступки царизма демократы рассматривали лишь как средство, облегчающее подготовку к восстанию¹²⁹.

Вопрос о восстании и возрождении Польши был связан с вопросом о будущем характере этого возрожденного государства. «Демократа польский» считал, что «всякое воскресение не может быть ничем иным, как только изменением, возрождением, преобразованием». Централизация видела будущую Польшу идеалом демократии: «Нашей целью, — заявлял «Демократа польский», — не является и не может быть ни господство горстки шляхты над огромным большинством нации, ни господство меньшинства католиков над большинством иноверцев <...> Все будут равны в политическом, гражданском и религиозном отношениях». Руководители ПДО доказывали, что форма выборной и ответственной власти всегда была характерна для Польши в прошлом. Апеллируя к прошлому, они указывали и на то, что вмешательство католической церкви в дела государства, политика иезуитов были «одной из главных причин упадка Польши». Поэтому, считая «всякую религию, оживленную духом любви и справедливости, <...> не только согласной со своими принципами, но

и весьма полезной для их осуществления», они в то же время выступали против светской власти папы, лишаящей религию ее духовного характера, и призывали к борьбе против ультрамонтанства, которое активно распространяла группа сторонников Отеля Лямбер¹³⁰.

Одну из главных причин неудачи борьбы за независимость Польши демократы видели в неразрешенности крестьянского вопроса, связывая с разрешением этой «наиболее жизненной проблемы» «основную надежду на восстановление Польши из упадка». Анализируя польскую историю, демократы ее идеализировали: Гельтман вслед за Лелевелем доказывал, что феодализм в Польше представлял собой «наносное явление», привнесенное с Запада. «Еще века назад, – говорил он в речи на похоронах Лелевеля в 1861 г., – мнимая христианская цивилизация Западной Европы отравила ядом эгоизма наше общество <...> дети одной матери порвали соединявшие их узы гражданского братства, разделились на классы». По его утверждению, «этот несчастный разрыв, вызванный чуждым духом, перенесенный из края, где рабство существовало вечно, в страну, где его никогда не было, явился главным источником слабости» Польского государства и привел его к гибели. «Демократа польский» отмечал, что зависимость крестьян составляет «основу раздвоения польского общества», и требовал ее уничтожения. Как и прежде, Польское демократическое общество выдвигало программу освобождения крестьян и наделения их землей в собственность, однако праволиберальное крыло ПДО рассчитывало осуществить это не революционным путем, в момент национального восстания, а после его победы, в виде акта «благоденствия» со стороны помещиков. Лелевель предусматривал даже передачу земли не безвозмездно, а в форме выкупа или очиншевания. Гельтман же рассчитывал на «сознательность» шляхты, которая должна «пробудить в себе глубокое убеждение, что <...> нет никакого различия между ней и крестьянином <...> что всем жителям страны <...> принадлежат в равной мере все блага общественной жизни, что угнетение народа представляет собой смертельный грех ее предков», повлекший за собой кару – «политическое рабство». Демократы опасались, что царское правительство, занявшееся в конце 1850-х гг. разработкой крестьянских реформ, может опередить шляхту, и это создаст еще более глубокий разрыв между классами польского общества: «Если адский замысел разъединения нас на две части будет приведен в исполнение, если наш народ будет видеть в царе своего благодетеля, а в шляхте врага, – писал Гельтман, – то никакое восстание, даже поддержанное иностранной помощью, не вернет нам родины». Обострение отношений могло вызвать революционное выступление крестьян против панов, и это страшило Централизацию. Поэтому она приветствовала все действия помещичьего Земледельческого общества в Королевстве Польском, направленные на сближение с крестьянством. «Демократа польский» растроганно описывал организованные

Земледельческим обществом сельские праздники, сцены «братания» с народом, «единения шляхты с крестьянством», называя «согласие деревни с фольварком» «якорем спасения родины». Он приветствовал также поведение украинских крестьян, когда те во время бунта 1855 г. «протягивали шляхте братскую руку»¹³¹.

Себя Польское демократическое общество считало «посредником и арбитром», которому могут поверить и крестьяне, и шляхта, и объявляло свое знамя «знаком сбора всех отрядов». Его печатный орган пытался образумить шляхту, и особенно сильным аргументом было напоминание о крестьянской революции. «Демократа польский» подчеркивал, что шляхте предоставляется «последняя историческая возможность» спасти родину и себя, а если она «останется глухой к настоящему призыву родины», то может «утратить собственную жизнь под ножом гайдамака». Пытаясь завоевать доверие шляхты, ПДО утверждало, что давно отбросило социалистические и коммунистические «доктрины»: хотя каждая революция имеет целью улучшение жизни народа, то есть социализм, заявлял «Демократа польский», но социализм в Польше «должен быть польским, соответствующим нуждам нации и требованиям духа времени». Иными словами, соотношение социального и национального вопросов в программе партии было таково: первостепенными признавались задачи национального освобождения, а демократические реформы в политической и социальной сфере выступали как побочный продукт завоевания независимости¹³².

Этот сдвиг вправо ощутили русские революционные демократы, с начала 1850-х гг. тесно сотрудничавшие с Централизацией в Лондоне. Возобновление издания газеты «Демократа польский» в 1853 г. в Авиньоне было осуществлено на средства, собранные демократической общественностью, в том числе деньги предоставил и А.И. Герцен, основавший тогда в Лондоне Вольную русскую типографию. С Герценом непосредственно общался Г. Абихт, работавший наборщиком и переводчиком как в Вольной русской типографии, так и в созданной З. Свентославским Всеобщей типографии, которая печатала тексты на польском, русском, английском, французском и итальянском языках. В типографии Свентославского были, в частности, напечатаны брошюры Герцена и предпринято издание собрания его сочинений. Ворцелль, поддерживавший близкие отношения с Герценом, не мог сдержать волнения, когда появилась первая русская корректура; он заявил: «Мы должны идти вместе <...> наша дорога и наше дело одни и те же». О большом значении союза поляков с русской революцией писал Герцену в 1855 г. и Лелевель, в конце 1850-х гг. сблизившийся с Централизацией и поддерживавший батинольскую секцию ПДО. В письме Герцену он напоминал, что «поляки неоднократно призывали русских к свободе и братскому единению», и несмотря на «непреодолимые преграды с обеих сторон <...> чувство братства привилось в сердцах обоих народов». Лелевель

подчеркивал, что «Польша не может подняться только благодаря самой себе <...> Только одни революции могут создать удобный момент для этого. Тогда вашей обязанностью, братья русские, будет объединиться с нами в общем деле, так же как нашей обязанностью – восстать вместе с вами, когда вы поднимете знамя свободы»¹³³.

Наряду с Ворцеллем и Лелевелем, горячим сторонником русско-польского революционного союза в лагере польской демократической эмиграции был также Генрык Каменьский, в 1857 г. опубликовавший книгу «Россия и Европа. Польша». Он позитивно оценивал революционную борьбу народных масс в России, в частности, подчеркивал большое значение восстания Пугачева. Каменьский отмечал различие между явлениями, сопровождающими революцию, – такими как «возмущения, конвульсии, местные конфликты», – и самой революцией, представляющей собой «полное преобразование, которое в каждом случае находит выражение в совершенно новых отношениях, новой жизни, а иногда и в уничтожении внешних общественных форм с целью замены их новыми». Задачу демократии он видел в том, чтобы удерживать накал страстей, не разжигать внутренней борьбы. Отмечая прогресс в решении крестьянского вопроса в России, Каменьский считал это «огромной революцией, совершенной у кормила власти», но, тем не менее, утверждал, что будущее России может гарантировать только революция в духе идей Герцена¹³⁴.

Знаменательно, что Герцен, как и Каменьский, поддавшись либеральным иллюзиям, поверил в возможность проведения социальных реформ сверху, по воле царя. За это он подвергся критике со стороны Людвика Булевского, получившей отражение в опубликованной газетой «Демократа польский» статье «Взгляд русских на крестьянский вопрос». Газета утверждала: «Для введения прогресса в России в какой-либо форме, хотя бы в форме освобождения крестьян, необходимо свергнуть царизм и избавиться от Польши», «без свержения царизма нет спасения для России». «Демократа польский» следил за положением в России, публиковал информацию о крестьянских бунтах, печатал стихи русских революционных поэтов в защиту свободы Польши, приветствовал русских революционеров, в частности М.А. Бакунина в связи с его побегом из сибирской ссылки. Но «снисходительность» Герцена к Александру II неприятно поразила польских демократов, и они предупреждали «Колокол», что его политическое кредо делает русско-польский революционный союз невозможным: «Наши пути теперь разны», – констатировал «Демократа польский». Тем не менее он полагал, что «Польша может пойти своим путем, а Россия своим и развиваться рядом друг с другом, как подруги и сестры». Он не отрицал и готовности поляков к революционному сотрудничеству с русскими: «Наследникам Пестеля, – заявлял «Демократа польский» 14 февраля 1859 г., – мы всегда готовы подать братскую руку и заключить с ними союз у алтаря общей свободы»¹³⁵.

Однако на правом фланге польской демократической эмиграции существовал иной взгляд на польско-русский революционный союз. Орган Польского коло «Пшеглэнд жечи польских» указывал, что такой союз был бы «политическим обманом», так как считал революционное движение в России незрелым. Польское коло и его яркий представитель Мерославский выдвигали идею восстания силами польского общества и в этой связи звали шляхту к борьбе, но не в качестве ее руководителя. Руководство они оставляли себе, заявляя, что на него не имеют права «ни графы, что мыслят выиграть в лотерее конгрессов», то есть «чарторыщина», ни организации помещиков в Польше, такие как Кредитное общество или сельскохозяйственные комитеты. Мерославский в речах на праздновании годовщины Ноябрьского восстания в 1858 и 1859 гг. критиковал помещичьи проекты проведения крестьянской реформы в согласии с царским правительством «без нарушения панских доходов» и панского права пропинации. Шляхта, считал он, несмотря на роль, которую она должна сыграть в восстании, не сможет руководить им из-за своей привязанности к барщине и надежд на помощь Запада, а главное, из-за боязни революции. В то же время сторонники Мерославского разделяли позицию помещиков, считавших крестьянские волнения результатом происков иноземной власти, а их руководителей — ее пособниками. Он утверждал, что «коливищины и галициады» были не «ультрареволуцией, а ультраварварством, уничтожением всякого революционизма и созданием страховки против него во мраке царизма». «Больше, чем польскую шляхту, — писал он, — спаси, Боже, польский революционизм от таких революционеров». Обрушиваясь на «геростратов», которые «на братском жнивье молотят урожай для чужой саранчи», «Пшеглэнд жечи польских» заверял шляхту, что среди сторонников генерала «нет бешеных демагогов, кровавых якобинцев». Обращаясь к событиям польских восстаний, Мерославский «из исторического и философского размышления о бесплодном обмане крестьянского терроризма в таком обществе, как польское», делал вывод, что «якобинские или шелевские фантазии» представляли собой «самоубийственное намерение искоренения <...> собственного рода». В этой связи «Пшеглэнд жечи польских» осуждал безземельных в Познани, чья борьба за землю шла в русле интересов прусского правительства. Что касается крестьянского движения на Украине в 1855 г., то хотя «правое» крыло демократической эмиграции приветствовало тот факт, что крестьяне уже «не против польской шляхты», как это было в прежних восстаниях в Галиции и на Украине, тем не менее, «правые» демократы не забывали об опасности, грозящей «распадом польского общества на два враждебных лагеря» и «страшной мстью» крестьян «за давнее угнетение». Однако, это, по мнению органа Польского коло, не оправдывало обращение польской шляхты Украины к царю за защитой, тем более что газета продолжала считать польскую шляхту главным проводником своей

политики, утверждая: «Демократия только в шляхте и через шляхту работала на пользу люда»¹³⁶.

Таким образом, демократическая эмиграция, как та ее часть, что шла за Централизацией, так и сторонники «умеренной демократии», по-прежнему выступала за революционный путь достижения независимости родины посредством вооруженного восстания, хотя при этом существовали различия в социальной программе, во взглядах на помощь Запада, в отношении к русско-польскому революционному сотрудничеству. Демократический лагерь резко противостоял лагерю консервативной эмиграции, стоявшей на позициях отказа от революционного пути освобождения Польши. Причины этого вскрывали демократы: «Революция для них – это как бы какая-то смертельная мера, – писал «Демократа польский» в 1851 г. – Может, они и согласились бы на восстание, которым могли бы руководить, но революция, низвергающая монархизм, но освобождение люда, но республика – скорее уж чрезвычайное положение, скорее уж ярмо захватчиков, скорее уж вечная смерть отчизны». Газета констатировала, что «польский консерватизм – это продолжение мучений, это консерватизм национальной смерти, это то же самое, что измена родине»¹³⁷.

Эта характеристика, данная консерваторам, нашла особенно яркое подтверждение на заключительном, предповстанческом этапе польского национально-освободительного движения. В конце 1850-х гг. аристократическая партия развернула активную пропаганду, осуждая методы конспирации и революции и противопоставляя им в качестве средства построения фундамента будущего освобождения Польши «мирную» легальную деятельность – «органический труд», «работу у основ». Когда в начале 1860-х гг. в Королевстве Польском поднялась волна манифестаций, появились первые жертвы кровавых царских репрессий, деятели Отеля Лямбер испугались перерастания манифестаций в революцию и в своем кругу резко осуждали «это безумие». Но так как Земледельческое общество постаралось взять движение под свой контроль, Отель Лямбер изменил позицию и заговорил о «чуде», о «прекрасной моральной революции». В феврале 1862 г. он заключил договор с тайной Дирекцией партии «белых», предусматривавший предоставление аристократической эмиграции полномочий для деятельности вне Польши. В самом Королевстве Польском Дирекция пыталась взять в свои руки все движение, в том числе и его демократические силы. От Отеля Лямбер она требовала также объединить эмиграцию под своим контролем. Партия Чарторьских и сама уже пыталась установить свою власть в эмиграции. Подходящим поводом для объединения стали в 1861 г. похороны Адама Чарторьского, оставившего политическое завещание, согласно которому власть в эмиграции должен был унаследовать его сын Владыслав в качестве потомка королевской династии. Претензии «чарторьщины» вызвали возмущение и отпор со стороны демократической эмиграции. Также не удались и но-

вые попытки Дирекции и Отеля Лямбер объединить эмиграцию в 1862 г. Поскольку консерваторам не нравилось, что в партии «белых» получило влияние ее либеральное крыло, выступавшее за сотрудничество с «умеренной демократией» в Королевстве Польском и эмиграции, они весной 1862 г. отказались от нового договора с Дирекцией, тем более что он значительно ограничивал их полномочия¹³⁸.

Осуществляя свои внешнеполитические функции, Отель Лямбер развил агитационную и информационную деятельность в странах Запада, широко используя иностранную прессу и сеть агентов, а также устанавливал контакты на Востоке — с горцами Кавказа, с Турцией. Его агенты вели работу в славянских странах, в Румынии. Они пытались заниматься и подготовкой военных отрядов на случай военной поддержки державами разрешения польского вопроса в будущем. Отель Лямбер также был не прочь использовать поддержку русского революционного движения, и хотя питал «отвращение к союзникам такого рода», но в 1861 г. вступил в переговоры с Герценом и Бакуниным, надеясь извлечь хотя бы косвенную выгоду для борьбы «против общего врага» — царизма. В январе 1862 г. после долгих колебаний консерваторы «заключили сделку» с «монгольскими демократами», касающуюся взаимопомощи в пересылке агитационной литературы в Польшу и Россию, но начисто отказались от каких-либо близких отношений в будущем, предложив после победы над самодержавием попрощаться и «идти каждому в свою сторону». Их «сотрудничество» с русскими революционерами имело целью расколоть революционный союз, заключенный между организацией «Земля и Воля» и Центральным Национальным комитетом (ЦНК), готовившим восстание в Королевстве Польском, а с другой стороны, постараться при помощи русских революционных демократов убедить польских конспираторов отложить восстание. Герцен и Бакунин, действительно, указывали полякам на необходимость отсрочить взрыв польского восстания до момента, когда революционные массы России будут готовы к борьбе, однако эти мотивы отсрочки выступления были прямо противоположны мотивам аристократической партии, стремившейся не допустить революции и восстания. Свидетельством отсутствия какой-либо идейной близости между «Колоколом» и Отелем Лямбер являлся тот факт, что ни одна, ни другая сторона не опубликовала в своей печати никаких документов, излагающих идеи «союзника»¹³⁹.

В конце 1862 г., когда стало ясно, что в Королевстве Польском дело неуклонно идет к восстанию, аристократическая эмиграция, страшившаяся перерастания его в крестьянскую революцию, особенно в «забранных провинциях», клеймила «нетерпеливых и незрелых», которые «не хотят идти по лестнице, а советуют выскочить в окно, потому что это более прямая дорога». Отель Лямбер все еще надеялся «идти по лестнице», он одобрил подачу царю Земледельческим обществом адреса с

обещанием служить ему верой и правдой при условии возвращения Королевству Польскому автономного статуса. Их надежды подогрело назначение великого князя Константина Николаевича наместником Королевства Польского, что соответствовало пожеланиям, высказанным в адресе. Поэтому они назвали «подлостью и позором» покушения на великого князя и на маркиза Велёпольского и пытались организовать в эмиграции акцию протеста. Даже после смертных приговоров участникам покушений и высылки из Королевства Польского главы Земледельческого общества А. Замойского они все еще рассчитывали на сговор с царизмом. А когда эти расчеты рухнули окончательно, Отель Лямбер не перестал бороться против революции, усилив помощь и поддержку Дирекции «белых». На то, чтобы отвлечь польское общество от революционного пути, были также направлены его продолжавшиеся контакты с Кавказом и Турцией. В Дунайских княжествах агенты партии Чарторьских занимались трудоустройством молодых эмигрантов, а также их военным обучением, чтобы направить энергию польской молодежи на борьбу за освобождение славянских народов от Османского ига¹⁴⁰.

Контрреволюционные усилия консерваторов встречали сопротивление демократической части эмиграции. Ее крайне «левое», социалистическое крыло было скомпрометировано в результате провокации Береншпрунга против Революционной громады Лондон и сильно ослабело. Громада в ряде воззваний с одобрением откликнулась на подъем национально-освободительного движения в Королевстве Польском. Она по-прежнему рассчитывала лишь на собственные силы польского народа и на поддержку революционных народов, но никаких конкретных действий была не в состоянии предпринять. Лишь Абихт, посланный в Польшу, сумел связаться с революционерами, готовившими в Королевстве вооруженное выступление, встал на службу Центрального Национального комитета, а впоследствии участвовал в подготовке восстания и был казнен царскими властями¹⁴¹.

К началу 1860-х гг. ослабела и Централизация Польского демократического общества, она не имела прочных связей с родиной, за границей за ней шла лишь часть демократической эмиграции. Однако, воодушевленная событиями в Королевстве Польском, она активизировалась, и 18 августа 1861 г. связанная с ней Представительная лондонская секция обратилась ко всем членам ПДО с призывом крепить связи. Многие секции во Франции и Англии откликнулись на призыв и обещали поддержку. Централизация и ее печатный орган «Демократа польский», как и прежде, считали восстание единственным путем к освобождению Польши, и 2 ноября 1861 г. газета выдвинула лозунг восстания, напечатав воззвание «Народ! Бдительность!». В новой обстановке Централизация особенно настойчиво выдвигала требование немедленного разрешения крестьянского вопроса, но видела в нем средство примирения классовых

противоречий. «Демократа польский» приветствовал все факты «сближения» шляхты с народом в манифестациях и продолжал призывать ее к «жертвам» во имя спасения Польши¹⁴².

Активизация деятельности Централизации выразилась в ее попытках объединить все демократические силы эмиграции на поддержку движения, развернувшегося на родине. В начале ноября 1861 г. она обратилась к Корреспондентской комиссии с воззванием, где предлагала создать Объединение эмиграции, признающей демократические основы. Такими основами должны были стать принципы, провозглашенные Краковским манифестом 1846 г. и манифестационным движением в Королевстве Польском. В результате в конце 1861 г. возник Временный комитет польской эмиграции, признающей демократические основы, под председательством Я. Ледуховского. В его манифесте от 12 января 1862 г. говорилось о якобы свершившемся «единении» Польши. «Есть только одна отчизна, один лагерь, одно знамя», — утверждали вошедшие в Комитет сторонники единства и требовали от эмиграции следовать примеру родины. Манифест объявил о подготовке к выборам Постоянного комитета Объединения и роспуску в связи с этим Централизации. В марте 1862 г. было проведено голосование, засвидетельствовавшее, что идею объединения поддерживают более 700 человек. Но Временному комитету пришлось соперничать с другим центром объединения эмиграции — Комиссией объединяющейся эмиграции, выступавшей за объединение без всяких условий. За ней стояла «умеренно-демократическая» часть эмиграции, которая разделяла идеи компромисса с консерваторами, была противницей радикально-демократических принципов. Сторонники беспринципного объединения находились и в самом Временном комитете. Они настояли на переговорах с Комиссией, а в феврале-марте 1862 г. толкали его на то, чтобы поддержать инициативу объединения эмиграции, выдвинутую Дирекцией «белых». Поэтому результаты выборов в Постоянный комитет были объявлены лишь в мае 1862 г. За границей появилась организация, объявившая своей целью «поддержку внутри-польского развития и служение делу эффективного и сильного восстания на всех путях, которые имеют вне Польши вспомогательное значение по отношению к ее воскрешению собственными силами и собственными стараниями»¹⁴³.

Однако выполнить взятую на себя миссию Постоянному комитету помешало слияние с Комитетом, избранным Комиссией объединяющейся эмиграции. Создание 28 июля на этой основе Главного комитета польской эмиграции означало роспуск Польского демократического общества; газету «Демократа польский» заменил новый орган «Глос вольный». Этот «независимый орган общественного мнения Польши и эмиграции», имеющий «исключительный характер служения делу освобождения Польши из-под иностранной агрессии и угнетения», стал выходить

с 1 января 1863 г. Слияние двух разных организмов, являвшееся «как бы соединением всяких оттенков крайней и демократической эмиграции», определило двойственный характер идеологии и политики Главного комитета: он неуклонно выступал за курс восстания, за демократические свободы как в Польше, так и в Европе, но в провозглашенной им социальной программе проступала склонность к солидаризму, к тому, чтобы не обострять классовые отношения в Королевстве Польском, представляя их уже урегулированными. Стремление сохранить «согласие» и «единство», обусловленное перевесом «умеренных», стало препятствием для признания Главным комитетом возглавившего конспирацию в Королевстве Польском варшавского Центрального Национального комитета, хотя по настоянию Я.Н. Яновского и других радикальных демократов переговоры об этом велись, и Комитет «готов был войти с ним в сношения». «Глос вольный» печатал статьи по вопросам практической помощи со стороны эмиграции – подготовки и организации вооруженной борьбы, разработки военных планов, создания arsenалов за границей, обучения молодежи военному делу и формирования военных отрядов. Но в официальных документах Комитета – его воззваниях – больше говорилось о «духовной связи» эмиграции с Польшей, о «распространении путем письменной пропаганды принципов, являющихся основой и необходимым условием эффективности» борьбы на родине, о «концентрации материальных средств, необходимых для завоевания независимости». В воззвании от 20 октября 1862 г. прозвучали и ноты национализма: подчеркивалось «единство всех земель бывшей Речи Посполитой», то есть утверждалось обязательное включение в будущую свободную Польшу украинских, белорусских и литовских земель. Непоследовательная, противоречивая позиция Главного комитета польской эмиграции обусловила его слабость и неустойчивость, он не смог реально послужить интересам польского народа, оказавшись в стороне от их главных направлений. И хотя перед началом Январского восстания 1863 г. численность организации быстро росла, достигнув 1400, а затем и 2000 человек, возникли ее филиалы в Англии и Северной Америке, а новые выборы в январе 1863 г. прошли с успехом, тем не менее положение ее оказалось непрочным. Не признав ЦНК, Главный комитет также не был им признан, что не могло не отразиться на его авторитете, и летом 1863 г., уже при первом натиске реакции, он прекратил свое существование¹⁴⁴.

Но его активная «левица», состоявшая главным образом из лидеров левого крыла Централизации, продолжила свои усилия помочь революционной борьбе в Польше, причем сотрудничали с ней в этом русские революционные демократы. Их сотрудничество сложилось еще на переломе 50–60-х гг. XIX в. Призыв «Колокола» к революционному союзу в 1861 г. не остался без ответа: о закономерности и необходимости объединения сил русского и польского народов говорилось в адресе, врученном

поляками Герцену 4 июля 1861 г. Тот факт, что благо Польши требует такого союза, доказывал Я. Чиньский в своей речи, встреченной аплодисментами. «Демократа польский» постоянно публиковал материалы о России и русском революционном движении, перепечатывал статьи «Колокола», анализировались печатные выступления русских. В мае-июне 1862 г. газета поместила цикл статей М. Акелевича под заголовком «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией», где подчеркивалось его общеевропейское значение. Польская «левица» осуществляла практическое сотрудничество с российскими революционерами, налаживая пути транспортировки революционной литературы в Россию и Польшу. Их усилия были направлены на помощь ЦНК и создание подчиненной ему эмигрантской организации. Л. Булевский напечатал в типографии «Колокола» «Воззвание к эмиграции», М.А. Бакунин стал секретарем созданного совместно с поляками в Лондоне в конце ноября 1862 г. революционного общества, которое должно было «управлять парижской эмиграцией и действовать заодно во время революции». Воззвание общества признавало ЦНК «за единую власть в Польше». Не исключено, что варшавский Комитет, со своей стороны, признал это общество и одобрил его программу, так как среди его организаторов, наряду с представителями «левого» крыла Централизации Л. Булевским и Л. Зенковичем, в агентурных донесениях упоминались и «члены Варшавского ЦК»¹⁴⁵.

Булевский, ставший редактором бюллетеня общества, писал о необходимости «войти в сношения» с французской оппозицией «и работать над достижением всеобщего восстания», готовить его собирались «сообща с итальянскими и другими друзьями», так как подчеркивали, что «польское дело тесно связано с делом Италии, Венгрии и немецкого единства». Булевский еще летом 1861 г. связал эмиссаров варшавской конспирации с Мадзини, а в январе 1862 г. он выступал посредником в переговорах ЦНК с Мадзини и Ледрю-Ролленом. От Главного комитета польской эмиграции Булевский требовал немедленного признания ЦНК и подчинения ему, провозглашения аграрного манифеста в канун восстания, осуществления союза с русской революцией. Критикуя непоследовательность и «умеренность» Комитета, он в знак протеста отказался признать факт объединения эмиграции и заявил о дальнейшем существовании Польского демократического общества и его печатного органа «Демократа польский». 20 января 1863 г. в последнем номере газеты Булевский опубликовал статью «Восстание и наделение землей – вопрос, жизненный для Польши в настоящее время», которая представляла собой текст мемориала, направленного им ЦНК 5 января. Не исключено, что его мысли нашли отражение в аграрном манифесте, опубликованном ЦНК 22 января, в преддверии восстания¹⁴⁶.

Неудача попытки «левицы» демократической эмиграции организовать поляков за границей на помощь грядущему восстанию была связана

с сильным противостоянием ей «правого», «умеренного» крыла демократов. Именно они создали Комиссию объединяющейся эмиграции, а затем Главный комитет, призвав «следовать за родиной, побрататься, как она, и, как она, слить все силы воедино». Инициатива исходила от батиньольской группы партии «умеренной демократии», объединявшейся вокруг Парижского коло и его печатного органа «Пшеглэнд жечи польских». «Умеренные» поддерживали идею восстания, но опасались перерастания его в крестьянскую революцию, и потому их печать изображала «братское согласие» и «прекрасное единодушие» уже достигнутыми в Польше. «Стерлись различия вероисповеданий и классов, – утверждал «Пшеглэнд жечи польских», – усилия оказать справедливость сельскому люду стали повсеместными; никто не допускает, чтобы рождение было привилегией, дающей право руководить национальным делом». В связи с этим журнал считал борьбу за принципы «излишней»: «Когда братство и равенство становятся истиной для всех исповеданий и классов, тогда нечего думать о перевесе магнатов, привилегиях шляхты или триумфе иезуитизма». Стараясь выдать желаемое за действительное, либералы все же отдавали себе отчет в том, что это «желаемое» нужно обеспечить. Поэтому они настойчиво подчеркивали необходимость срочно разрешить аграрный вопрос, сняв тем самым угрозу социальной революции и одновременно завоевав крестьянство для восстания как основную его силу. Таким образом, социальные проблемы отодвигались на второй план: «Политический вопрос как вопрос жизни, – заявлял «Пшеглэнд жечи польских», – подчиняет себе все другие вопросы. Даже социальная организация занимает лишь вспомогательное место»¹⁴⁷.

Выступая за восстание собственными силами народа, то есть крестьянских масс, партия «умеренной демократии» в то же время рассчитывала и на помощь европейских держав, прежде всего бонапартистской Франции: в январе 1862 г. она активно участвовала в кампании подачи адресов на имя Наполеона III. Но, ища союза с Западом, она решительно отказывалась от союза с революционной Россией, так как боялась «революционной заразы», которую усматривала в социальной программе русских революционных демократов. «Революционная Россия дарует ему свободу и собственность, рай без панов и землевладельцев, – писал «Пшеглэнд жечи польских» о русском крестьянине, которому приписывал «полудикие желания свободы». – Разве может он противиться притягательной силе?» Именно этой «притягательной силы» русского примера страшались «умеренные» и потому соглашались на сотрудничество с русской революцией лишь «в общем деле разрушения». «Сегодня, – заявлял русским «Пшеглэнд жечи польских», – ничто нас не связывает. Даже цепи, которые мы влачим, разные. У нас скована национальность, у вас человечность». Журнал с пренебрежением писал о крестьянских бунтах в России в начале 1860-х гг. как о «первом проблеске развития русского

общества <...> немногим отличающемся от ночи». В этой связи он одобрил отказ польской молодежи в русских университетах поддержать политические выступления русских коллег: «Наша молодежь знала, что ей не годится погружаться в эту предрассветную тьму»¹⁴⁸.

Одной из причин враждебного отношения к русским революционерам была акцентировка «правыми» демократами национального вопроса и их националистическая позиция. Они выступали за восстановление Польши в границах 1772 г., то есть за включение в нее украинских, белорусских и литовских земель, мечтали о «единой и неделимой Польше от Днепра до Одры, от Балтики до Черного моря». Они полемизировали в прессе с брошюрами Н.П. Огарева и М.А. Бакунина, выдвигавшими идею славянской федерации, обвиняя русских за то, что они требуют «не России свободной и народной, не Польши свободной и независимой, а какой-то славянщины, хорошо откормленной и содержащейся в достатке под опекой России». «Пшеглэнд жечи польских» видел здесь сходство с позицией российского самодержца, «совпадение двух крайностей» — «русского революционизма» и «русского деспотизма». Ставя вопрос о том, «не кроется ли на заднем плане русской революции такое же, как и в кабинете Зимнего дворца, уничтожение Польши», журнал призывал к «осторожности» и «недоверию»¹⁴⁹.

Национализм, служивший цели отвлечения масс крестьянства от классовой борьбы, сближал «умеренных демократов» со сторонниками аристократии. Не случайно, что и те, и другие стремились к «широкому» беспринципному объединению эмиграции: часть «умеренных» участвовала в кампании объединения, развернутой Отелем Лямбер с подачи Дирекции «белых», а затем те же лозунги «единства» выдвигали Комиссия объединяющейся эмиграции и ее Комитет. Они доказывали, что «идейные различия не должны быть препятствием для объединения», и звали «под чисто национальное знамя». Эмиграции предлагалось встать «на вспомогательную позицию», не вмешиваться во внутренние дела Польши, вести работу по завоеванию европейского общественного мнения, набираться знаний и опыта для «будущего развития национальной жизни и институтов» в свободной Польше. Подтверждая свою «беспристрастность», Комиссия объявляла о готовности подчиниться любому политическому курсу, который примет страна, то есть выражала согласие и на ее консервативный облик. О близости с консерваторами свидетельствовало сотрудничество с агентом Отеля Лямбер Н.Ф. Жабой: созданный им в Лондоне комитет стал как бы филиалом Комиссии, призывая эмигрантов примкнуть к ней. Вместе они вели борьбу против Временного комитета эмиграции, признающей демократические основы. Попытки примирить Временный комитет и Комиссию разбивались о неприятие последней термина «демократия»: для нее он был равен понятию «коммунизм»¹⁵⁰.

Батиньольская Комиссия развернула активную деятельность: в Париже и других центрах Франции создавались организации ее сторонников, в Лондоне действовали два комитета, связь была установлена с Генуей и даже с Востоком. Поскольку с конца 1850-х гг. партия «умеренной демократии» неизменно стояла на позициях борьбы собственными силами и вооруженного выступления, она привлекла к себе значительную часть эмиграции. Кроме того, стремясь завоевать популярность, Комиссия создавала институты, направленные на помощь эмигрантам. Заявленная «умеренными» программа ограничивалась целью заботы о внутренней жизни эмигрантов и не ставила задачу конкретного участия в борьбе Польши за свободу. Правда, поддерживая связь с Варшавой, партия «умеренной демократии», в отличие от партии Чарторьских, выступала за продолжение манифестаций и отказ от соглашения с властями. Ее эмиссары готовили в Молдавии военные силы, но их использование предполагалось лишь тогда, когда в Королевстве Польском возникнет обстановка, не грозящая перерастанием восстания в крестьянскую революцию. И не случайно именно к «умеренным» осенью 1861 г. был направлен посланец Земледельческого общества с просьбой помочь предотвратить «гибельное» восстание. Хотя Ю. Высоцкий, к которому обратились, считал невозможным избежать взрыва, сам факт обращения «белых» к партии «умеренной демократии» подтверждал близость их взглядов, свидетельствовал об «ограниченной» революционности партии¹⁵¹.

Среди деятелей Польского коло выделялась фигура Людвика Мерославского, члена парижского Эмигрантского комитета – неофициального руководящего органа «умеренных». Активное участие генерала в польских и европейских революционных событиях 1846–1849 гг. сделало его имя широко известным и популярным как за границей, так и в самой Польше. В национальном плане «красный генерал» провозглашал лозунг «единой и неделимой демократической Польши», а в социальном видел идеал в гминовладстве – строе общинного землепользования, существовавшем в Польше на раннем этапе истории. Формой же власти, присущей национальному польскому характеру, он считал «коммунальную демократию» в условиях мира и военную диктатуру в моменты кризиса. Он мечтал о свободной конфедерации славянских наций «с Польшей в качестве народа-Архимеда»: как вождь славянства она должна была стать мостом между восточным варварством и западной цивилизацией. Стоя на позициях национализма, Мерославский не считал украинцев, белорусов и литовцев самостоятельными национальностями и безоговорочно выступал за включение их национальных территорий в состав будущей Польши. Что касается русского народа, то он отождествлял его с царизмом, заявляя: «Угнетенный народ вырывается из пут благодаря фанатичной ненависти к врагам <...> Правительство, которое его угнетает, он не отделяет от народа». Считая русских «массой рабов», он писал о «мо-

ральном и интеллектуальном расстоянии» между ними и поляками, о том, что в будущем Россия должна морально и культурно «ополячиться», и лишь тогда с Польшей и благодаря Польше она сможет войти в «органический бином славянщины», возглавив восточных славян¹⁵².

Отказ от революционного союза с русскими свидетельствовал об отсутствии подлинного интернационализма во взглядах Мерославского. Да и в отношении революционного союза с европейскими народами он стоял на позиции использования их борьбы в интересах дела освобождения Польши. Единственным средством к ее возрождению он считал вооруженное восстание и в конце 1850-х гг. выдвинул лозунг: «Вся Польша путем социальной революции и восстания!» Он осознавал связь этих двух форм борьбы, заявляя: «Нельзя освободить государство от внешнего ярма, не опрокинув одновременно привилегированных сословий, которые, давя на низшие слои общества, <...> вступают в союз <...> с захватчиком». Среди социальных проблем Мерославский выделял вопрос бесплатного наделения землей в собственность крестьянства как «фундамента восстания», причем наделение землей должно было происходить в одно время с началом восстания. Шляхте он сулил после восстания вознаграждение за ущерб, понесенный от аграрной реформы. Наделение землей крестьянства рассматривалось как необходимое условие успеха восстания, поэтому генералу было важно, чтобы царизм не опередил шляхту Королевства Польского в проведении реформы, и потому он обрушивался на деятелей Земледельческого общества, стремившихся отделаться мелкими подачками крестьянам. Для давления на шляхту он напоминал о «резне» 1846 г., грозя, что крестьяне «с голодной и озорной тоски» возьмут панов «на вилы». На этот случай Мерославский советовал помещикам привлечь к себе безземельных и противопоставить их революционным массам. Характерно, что социальную революцию он называл «ультраварварством», «геростратической резней», в отличие от революции «истинной», подразумевая под этим определением «единовременное, быстрое, но абсолютно легальное <...> проведение такого социального переворота, какого требуют справедливость, <...> цивилизация, разумные демократические понятия и внутренние, вытекающие из национального характера нужды»¹⁵³.

Это была попытка направить революционные силы крестьянства в русло чисто национальной борьбы, избежать появления «гибельных геростратических или даже гайдамацких элементов», которые Мерославский именовал «польским герценизмом», добавляя: «Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенную внутренность царизма». Боязнь «геростратизма» обуславливала отстранение «серой» массы крестьянства от подготовки восстания и руководства борьбой. Руководить должна была шляхта «при условии рыцарского подчинения ее правилам воинствующей демократии». Мерославский предполагал, что

различные социальные категории участников восстания будут распределены по роду оружия. Характерно, что шляхта должна была служить в кавалерии, а крестьяне вооружались пиками и косами, то есть становились ударной силой под надзором шляхетских офицеров. Все это свидетельствовало о том, что распространявшиеся в эмиграции и в самой Польше слухи о ненависти генерала к шляхте были необоснованными, и сам он усердно их опровергал¹⁵⁴.

Слухи были результатом революционной демагогии, направленной прежде всего на привлечение крестьянства и давление на шляхту, а также на завоевание поддержки польских патриотов и симпатий европейской прогрессивной общественности. Одновременно Мерославский рассчитывал на поддержку польского дела и европейскими державами, в первую очередь правительством Франции: он был близок с принцем Наполеоном и выполнял его поручения. За поддержкой он обращался также к английским влиятельным кругам и к правительству Турции. Расчет генерала на западную помощь вел к тому, что момент восстания в Польше должен был определяться не столько готовностью ее внутренних сил, сколько благоприятной внешней конъюнктурой – «самым сильным рычагом» польского дела. При этом эмиграция должна была естественно осуществлять руководство страной, и эту руководящую роль играла бы партия Мерославского, которая с конца 1861 г. стала все четче оформляться, более и более обособляясь от Польского коло. Мерославский представлял как центральная фигура на всех эмигрантских мероприятиях, его выступления становились событием и вызывали энтузиазм, особенно среди молодежи. Огромный резонанс имела его речь «К молодому поколению» 29 ноября 1858 г. на торжественной годовщине Ноябрьского восстания: он громил «предателей, аристократов, сторонников полумер» и звал молодых «орлят» «воскресить родину-мать». Возмущенный Отель Лямбер устами журналиста Ю. Клячко назвал эту речь «демагогической», «нерыцарским», «гайдамацким, разбойничьим, богохульным катехизисом», направленным на «резню шляхты». Мерославский ответил на это статьей в журнале «Пшеглёнд жечи польских», завязалась полемика, которая взбудоражила не только всю эмиграцию, но и Польшу. В частности, это нашло отражение в сатирическом четверостишии А. Горецкого:

«В аду не жарят уж, к нам вести поступают,
Изобрели для душ там новое мученье:
С утра до вечера читать их заставляют
Речь Мерославского и Клячки возраженья».

В течение долгого времени эта словесная борьба не прекращалась. Против партии консерваторов было направлено выступление Мерославского на торжествах 29 ноября 1859 г.: в своей речи, начинавшейся призывом

«Пробудись, народ!», генерал высмеивал теорию «постепенности» освобождения Польши, которую обосновывала аристократическая партия. Спустя год он вновь обрушился на «миллинёров», откладывающих освобождение Польши на неопределенное время¹⁵⁵.

Призывая к восстанию, Мерославский занимался и конкретной деятельностью по его подготовке. По его инициативе и при участии Высоцкого в конце 1860 г. в Париже открылась Школа инструкторов, готовившая офицерские кадры. В ней обучались многие молодые люди, бежавшие из Польши, в том числе из русской ее части. В школе генерал читал лекции молодежи. Одновременно он вел переговоры с европейскими революционерами о совместных выступлениях против Австрии, встречался с венграми Л. Кошутом, Д. Клапкой, Ф.А. Пульским. Он поддерживал контакт с Гарибальди, в центре переговоров с которым был вопрос о создании в Италии польского легиона как «зародыша национальной военной силы»; предполагалось, что его командующим станет Мерославский. Письмо Гарибальди, где говорилось о его «неограниченном доверии» генералу, широко распространялось в целях поднятия престижа и авторитета Мерославского. Этому способствовали и публикации в органе Польского коло «Пшеглэнд жечи польских». Но отношения генерала с Коло и Эмигрантским комитетом становились все более напряженными, происходили столкновения и по финансовым вопросам, тем более что Мерославский активно собирал средства на формирование легиона. С этой целью он развил широкую агитационную деятельность, хотя на словах именовал агитацию «пустой тратой времени». Он распространял экземпляры своих речей, воззвания, проникнутые энергией, пафосом. Одно из воззваний в августе 1860 г. завершалось словами: «Да здравствует Польша — победа или смерть!»¹⁵⁶

Свои воззвания Мерославский направлял в Галицию и Познанщину. Во Львове в 1859–1860 гг. сложился кружок его сторонников во главе с Яном Чарнецким, а в 1861 г. под его влиянием там возникло так называемое Национальное правительство Яна Добжаньского. Эмиссары Мерославского действовали также и в Познани, но, по-видимому, не добились особых результатов. Что касается Королевства Польского, то оно являлось объектом первоочередного интереса генерала. К 1859 г. относились его первые попытки установить контакт с Королевством. Члены кружка Нарциза Янковского собирали для него деньги, занимались военным делом, готовясь к восстанию согласно инструкциям генерала. Такую же работу вел в Варшаве кружок Яна Кужины, который вскоре стал правой рукой Мерославского за границей. Оба кружка объединились в Капитулу, во главе которой встал Кароль Маевский. Тайный противник восстания, тяготевший к «белым», он сумел вызвать у генерала доверие. Маевский добивался, чтобы эмиграция ограничилась вспомогательной ролью и предоставила стране самой выбрать свой путь, тем более что планы

Мерославского были авантюрными, как, в частности, его план, предусматривавший перерастание манифестации 25 февраля 1861 г. в вооруженное выступление, захват варшавского замка и цитадели, вывод из города русского гарнизона. Выдвижение такого плана являлось подтверждением того, что главной целью Мерославского было создать в Польше партию своих сторонников, а о конкретной подготовке восстания внутренними силами страны он заботился гораздо меньше. Хотя авантюрный план генерала не был приведен в исполнение Маевским, добившимся того, что молодежь пошла в феврале за Земледельческим обществом и манифестация не переросла в вооруженное выступление, сам Мерославский придавал февральским событиям большое значение и разрабатывал новые планы одновременного нападения на русские гарнизоны и создания в уездных городах крестьянских отрядов под руководством шляхты. Они должны были затем слиться в воеводский лагерь, где намечалось вести дальнейшее обучение повстанцев для подготовки атаки на губернский центр. Освобождение определенной территории предполагало создание плацдарма для формирования регулярной повстанческой армии. Осуществление этого плана откладывалось до «счастливого момента стечения благоприятных обстоятельств внутри и вне края». Приготовления к нему предусматривали создание в Польше запасов пороха, огнестрельного оружия, подготовку лошадей и упряжи¹⁵⁷.

Вместе с тем Мерославский не переставал настаивать на скорейшем решении крестьянского вопроса и в связи с этим приветствовал постановление Земледельческого общества от 25 февраля 1861 г. как выполнение шляхтой своего патриотического долга. Он требовал широкого распространения этого документа для ознакомления с ним крестьян, «не ожидая, сохрани Господи, подобных распоряжений из Петербурга». Особенное значение генерал придавал тому, чтобы шляхта «забранных провинций» присоединила свой голос к требованиям, выдвинутым в Королевстве Польском. Другим постоянным пунктом агитации Мерославского было создание новых военных кадров для восстания. Он обратился с воззванием к полякам на русской, австрийской и прусской военной службе, где изложил кодекс будущей национальной армии. В 1861 г. усилилась его агитация за формирование за границей польского легиона, который он называл «школой, кадром и резервом», «единственной гарантией успеха» восстания¹⁵⁸.

В 1861–1862 гг. сношения Мерославского с Королевством Польским активизировались, и партия «белых» сделала попытку использовать его авторитет для «успокоения» патриотов. Посланцы А. Замойского просили генерала направить в Польшу воззвание, подтвердив отказ от «намерения экспроприации и уничтожения польской шляхты». Хотя такого воззвания Мерославский не послал, но он был не прочь «примириться» с помещиками, особенно учитывая их финансовые возможности. В своих

посланиях к родине генерал подчеркивал, что «эмиграция не трогает никаких общественных вопросов и ничем не угрожает в этом предмете». Он хвалил патриотизм «сельской шляхты» и ее усилия отвратить молодежь от «пропасти геростратизма» и в 1862 г. с подачи Маевского поддержал идею объединения Городской организации «красных» конспираторов с Сельской организацией «белых», созданной вместо распущенного Земледельческого общества. Правда, требование «белых», чтобы эмиграция подчинилась их верховному руководству, выдвинутое в сентябре 1861 г. на съезде в Гомбурге, встретило отказ. Это осложнило отношения «белых» с партией Мерославского, тем не менее они продолжались, и полный разрыв наступил лишь в середине 1862 г. В дальнейшем генерал опирался на вновь возникшие в Варшаве кружки патриотической молодежи, членов которых агенты III Отделения именовали «красными мерославчиками». Генералу симпатизировали и члены тайных обществ в Литве, он продолжал поддерживать отношения с Галицией, неустанно посылал эмиссаров в Познань. Его целью было создать в Польше подчиненную себе организацию, обеспечить материальные ресурсы для восстания и использовать подходящий для него момент. Оценивая все с этой позиции, он прагматически подходил и к революционному сотрудничеству с другими народами. Это ярко проявилось в его отношениях с русскими революционными эмигрантами. Несмотря на неприязнь к русскому народу и отказ от русско-польского революционного союза, он был заинтересован в использовании борьбы русских революционеров против самодержавия как вспомогательного средства, которое может облегчить полякам достижение их национальных целей. Впрочем, генерал не верил в революционность России, которая, по его мнению, «срослась с царизмом и без царизма не может существовать». Поэтому ожидание русской революции как сигнала для начала польского восстания он называл «непростительным легкомыслием и смертным грехом на совести нации»¹⁵⁹.

9. УЧАСТИЕ ПОЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 Г. И РАСКОЛЬНИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ МЕРОСЛАВСКОГО

Между тем в отношениях Мерославского с Польским коло назревал конфликт. Обстановка накалилась в связи с организацией и деятельностью польской военной школы в Италии. Мерославский планировал открыть ряд школ в разных странах Европы, но удалось сделать это лишь в Генуе, куда потянулась молодежь из Польши. К концу 1861 г. новая молодая эмиграция насчитывала до 1500 чел., а в 1862 г. ее число уже достигло 3 тысяч, в то время как старых эмигрантов было 5 тысяч человек. Наиболее радикальная часть новой эмиграции создала в Париже во второй

половине 1861 г. Общество польской молодежи. Его члены избирались всеобщим голосованием, платили членские взносы и давали клятву подчиняться выборному комитету из трех человек. В июле 1862 г. Общество объединяло 200 эмигрантов в Париже, Льеже, Женеве, Кунео, оно регулярно проводило заседания, имело свой печатный орган «Глос з Парыжа и Генуи». Вся молодежь, прибывшая из Польши, независимо от социальной принадлежности, была проникнута патриотическим чувством и рвалась в бой. Поэтому, направляясь в Молдавию и Италию, она рассчитывала на формирование польского легиона. Молодые эмигранты вошли в контакт с партией Гарибальди, и при его содействии был создан Комитет помощи полякам под руководством Оккипинти. Финансовая поддержка Комитета обеспечила устройство в Генуе военной школы для подготовки кадров будущего восстания. Вступившая в нее молодежь клялась «во что бы то ни стало не позже, чем через год, встретиться с оружием в руках в родной стране». Число учеников школы быстро росло от 49 человек в октябре до 70 в ноябре и 120 в декабре 1861 г., в дальнейшем же оно колебалось от 100 до 150–160 человек. Как среди учеников, так и среди преподавателей было немало будущих видных деятелей восстания 1863–1864 гг. Читал лекции ученикам и директор школы Мерославский, составивший ее устав. Он доверил надзор за школой Кужине, так как сам занимался подготовкой материальных ресурсов восстания и польских военных сил для совместного с венграми и итальянцами выступления против Австрии. Генерал вел переговоры с Клапкой, Никотера и греческими революционерами, высылал эмиссаров в турецкие владения и, согласно общему плану действий, намечал подготовительные действия в Румынии¹⁶⁰.

Масштабная деятельность генерала должна была укреплять его престиж, в частности в глазах школьной молодежи, которая на первых порах относилась к нему восторженно. Но очень скоро его авторитет пошатнулся, когда в школе возник крайне неблагоприятный, конфликтный климат. Одним из первых стал конфликт Мерославского с Оккипинти, которого он пытался отстранить от влияния на школу. И хотя Гарибальди пошел в этом на уступку генералу, многие ученики были возмущены претензиями Мерославского на диктаторскую власть как в школе, так и в Польше. Они отказались подписать от имени Польши полномочия, признающие за генералом исключительное право представлять польскую нацию и ею руководить. На это Мерославский ответил преследованием оппозиционеров, создал для расправы над ними «суды чести» и добился исключения из школы многих из них. Была установлена цензура, следившая за перепиской учеников, возникла атмосфера наушничества, слухов и сплетен. Введенная генералом практика политических дискуссий провоцировала ссоры, взаимные оскорбления, дуэли¹⁶¹.

Все это вызвало в эмиграции возмущение и осуждение. Пресса Централизации и Польского коло обвиняла Мерославского в превращении ге-

нуэзской школы в «школу личной доктрины». И хотя он выиграл процесс, возбужденный против него Комитетом Оккипинти, но это лишь усилило негативную реакцию общества и изменило отношение Гарибальди к Мерославскому, в связи с чем генерал стал связывать революционные планы в большей степени с Венгрией, Дунайскими княжествами и южными славянами. В школе его противостояние с учениками продолжалось, пришлось уйти инструктору Лянгевичу, а затем школу покинула большая группа молодежи, направившаяся в Молдавию, где рассчитывала дожидаться начала восстания. Оставшийся контингент учеников не превышал 30 человек, и это был явственный признак пошатнувшихся позиций Мерославского. С критикой его «шарлатанской» политики выступили печатные издания и в самой Польше, например, «Дзенник Познаньский». Пресса же демократической эмиграции, сожалея об обманутой молодежи, ставила под сомнение саму цель создания легионов, так как считала, что силы молодежи больше понадобятся на родине. Печатались многочисленные брошюры, листовки, направленные против Мерославского, где доказывалась его несостоятельность как руководителя. Самым острым было опубликованное в газете «Демократа польский» «Открытое письмо генерала Рыбиньского к Гарибальди», призывавшее народного героя Италии не прикрывать своим авторитетом человека, виновного в преступлениях перед Польшей и недостойного быть вождем польского народа¹⁶².

Хотя ряд приверженцев Мерославского протестовали против этого письма, но большинство эмиграции поддержало Рыбиньского и направило такие же письма Гарибальди. Адрес к Гарибальди аналогичного содержания подписали 400 эмигрантов, и это заставило итальянского революционера выступить с ответом 21 ноября 1861 г. Он обещал поставить во главе школы вместо Мерославского того, кого выберет сама польская эмиграция. Генерал пытался бороться, но положение его было безнадежным, так как ему не на кого было опереться: с Польским коло он разошелся давно, а в начале 1862 г. между ними разразился скандал на почве финансового вопроса, и в результате произошел полный разрыв. Потерял Мерославский и поддержку Общества польской молодежи. Борьбу против генерала возглавил избранный председателем Общества вместо Кужины З. Падлевский, тесно связанный с польскими и русскими революционными кругами. Была избрана комиссия, следившая за действиями и расходами Мерославского, в Геную был послан Варылкевич, который в качестве представителя власти вел проверку, разрешал конфликты. В итоге встал вопрос о замене Мерославского генералом Ю. Высоцким на посту директора школы. Кужина, пытавшийся сеять интриги в Обществе, был из него исключен¹⁶³.

Борясь с Обществом польской молодежи, Мерославский бросал «молочкосам» обвинения в авантюризме, в «готовности поджечь Польшу ради минутной славы», в «страшнейшем биче нынешней молодежи» —

«геростратизме». Этот термин означал у него стремление к социальной революции. Но программа Общества польской молодежи не имела ярко выраженной социальной направленности, хотя выступления представителей его «левого» крыла отличались радикализмом. Основным стремлением молодежи, заявленным ею на страницах своего органа «Глос з Парыжа и Генуи», было стремление к восстанию ради освобождения родины. Она клеймила польскую реакцию – партию «белых» в самой Польше и «чарторыщину» за границей, требовала восстановления Польши на республиканской демократической основе. Сходство с программой Мерославского просматривалось в нотках классового солидаризма, когда речь шла о «единстве нации», о необходимости предотвратить угрозу «гайдамацких ножей» путем обещания дать крестьянам землю в собственность после восстания. Влияние Мерославского ощущалось и в постановке национального вопроса – в требовании включения в Польшу «забранных провинций». Как и генерал, «Глос з Парыжа и Генуи» настаивал на немедленном восстании, видя в промедлении, в «фабиевском выжидании» «приговор смерти <...> на целое поколение». Молодежь не ставила задачи тщательной подготовки выступления, противопоставляя «хладнокровному и осторожному расчету» революционную стихию – «фанатичнейшее и бессознательное настроение масс». Она считала, что народ готов к борьбе, и нужен лишь «толчок», а потому требовала выступления весной 1862 г.¹⁶⁴

Такая постановка вопроса о восстании, являвшаяся, несомненно, авантюрной, в то же время была по его противникам, готовым «довольствоваться обрывком конституции для еще меньшего кусочка страны». Их клеймили как «миллинёров, отступников народного дела», виновников гибели Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Чтобы избежать такого же поражения в будущем восстании, молодежь требовала в печати устранить реакцию от руководства движением. И здесь звучал уже лозунг сочетания национальной и социальной борьбы – против внешнего и внутреннего врага. В программе молодой эмиграции был также очень важный новый момент, резко отличавший ее позицию от позиции Мерославского: она считала, что «эмиграция должна остерегаться <...> всякого не требуемого внутривосточной революционной партией вмешательства во внутренние работы». Эмигранты могли служить лишь кадрами восстания, но основные силы должны были находиться внутри страны, и потому молодежь призывала эмигрировать только в крайнем случае¹⁶⁵.

Все это свидетельствовало о том, что взгляды Общества польской молодежи были более революционными, чем взгляды других эмигрантских партий и течений. Но в Обществе существовало еще и левое крыло – З. Падлевский, З. Варылкевич, С. Бобровский, З. Хмельский, Я. Амборский, М. Акелевич и другие. «Левица» более отчетливо понимала необходимость серьезно готовить восстание, как в плане подготовки оружия

и кадров, так и в плане разрешения социальных вопросов. «Идем к крестьянину, вернем ему его собственность и призовем к борьбе с агрессором», — говорил Падлевский, намечая тем самым программу сочетания национального восстания с аграрной революцией. «Левое» крыло молодой эмиграции выступало также за предоставление национальной автономии народам Украины, Белоруссии и Литвы. Оно выдвигало лозунг русско-польского революционного союза, заявляя, что «умеет отличать русский народ от русского правительства и его приверженцев». В одном из воззваний польской молодежи летом 1862 г. говорилось: «Врагом нашим <...> является не бедный угнетенный русский народ, а царь и его палачи». Ряд молодых поляков в Генуе хотели пробраться в Королевство Польское, чтобы работать в революционной организации «красных», сотрудничая с русскими революционными демократами. Я. Амборский вел переписку с Герценом и Бакуниным, а при встрече обсуждал конкретные вопросы совместной борьбы. М. Акелевич был автором опубликованной на страницах газеты «Демократа польский» серии статей о значении русско-польского революционного союза и выступал на собраниях эмиграции с рефератами по этому вопросу. Стремясь к сотрудничеству с русской революцией, радикальное крыло Общества польской молодежи старалось также укрепить контакт с революционерами Запада и создать международную революционную организацию¹⁶⁶.

Революционная позиция молодых радикалов стала основой их инициативы выступления против Мерославского; в этой борьбе «умеренные демократы» являлись их союзниками, но такое сотрудничество объяснялось тактическими соображениями. Было решено выдвинуть Высоцкого на пост директора военной школы, и эту кандидатуру поддержали ученики. Однако Мерославский предпринял контратаку: используя верную ему молодежь и преподавателей, он организовал кампанию подачи адресов, выступлений протеста, пытался сформировать в Париже в феврале 1862 г. Комиссию содействия военной школе из своих сторонников и влиятельных лиц. Стремясь изолировать молодых эмигрантов от влияния парижского Комитета, он призывал их ехать непосредственно в Геную и там воздерживаться «от всяких сношений и переписки с какой-либо политической партией». Свою партию он представлял законным «заграничным филиалом национального заговора». Когда генералу пришлось все-таки отказаться от руководства школой, он изобразил дело так, будто уходит, чтобы не создавать трудности итальянскому правительству, на которое давили Россия и Пруссия, требуя закрытия школы. Управление школой Мерославский предложил своему другу князю М. Любомирскому, возглавлявшему Комитет польской эмиграции в Турине. Но при этом генерал заявил о намерении и впредь вмешиваться в дела школы, к руководству которой рассчитывал вернуться. Все это волновало эмиграцию, она требовала назначить директором школы Высоцкого и после яростной

борьбы в конце марта 1862 г. добилась своей цели. Попытки Мерославского изменить ситуацию, используя влияние принца Наполеона, оказались тщетными¹⁶⁷.

Большинство учеников встретило приход Высоцкого с радостью. В школу возвращались те, кто ушел из-за диктатуры Мерославского, появлялись новые ученики. К концу июля в школе оказалось уже 109 учащихся, вместо 20, остававшихся там в марте. Число школьных мест было ограничено, что сдерживало наплыв желающих учиться. И это был дополнительный аргумент для демократической прессы, призывавшей молодежь не покидать Польшу и служить национальному делу на родине. Школа была переведена в Кунео и там обустроена при поддержке итальянских властей. Высоцкий привлек много новых инструкторов, инспектором школы стал Падлевский. Появился новый устав, ограничивший компетенцию Комитета Любомирского. Устав требовал строгой дисциплины, но в то же время вводил демократические нормы жизни коллектива. После трех месяцев учебы молодой человек мог получить свидетельство о присвоенном ему ранге, который зависел от успеваемости. Чтобы стать офицером, нужно было проучиться полгода. Но школьная молодежь не замыкалась в рамках учебного процесса. Стремясь к политической деятельности, она наладила контакт с Польшей и даже с поляками, учившимися в российских университетах. В то же время она интересовалась общественной жизнью Италии. Падлевский представлял школу в сношениях с итальянской общественностью, выступая от имени польского народа и польской эмиграции. Он и Лянгевич поддерживали связь с итальянскими революционерами, в частности с Гарибальди¹⁶⁸.

Однако благополучное существование школы в Кунео было недолгим. Часть молодежи была недовольна строгим уставом. С другой стороны, возможность проводить политические дискуссии, которую давал устав, по-прежнему вела к противостоянию, к спорам и ссорам. Вновь возникли скандалы и дуэли, из школы стали вновь уходить ученики. Всем этим воспользовались сторонники Мерославского, чтобы обострить отношения. В такой ситуации итальянское правительство, испытывавшее сильное давление России и Пруссии, решило пожертвовать школой в интересах дипломатии. 24 июня, после девятимесячного существования, школа была закрыта, но итальянское правительство заключило с польской молодежью тайное соглашение о помощи в переводе школы в другую страну и выплате ей крупной суммы денег. Узнавший об этом Мерославский выступил с «Нотой по поводу роспуска польской военной школы в Италии», где, подчеркивая свои заслуги, доказывал, что школа является его «сугубо личным делом», и называл соглашение «спекуляцией», продажей итальянскими властями не только школы, но и самого права поляков на убежище в Италии. Большинство польских эмигрантов осудило «Ноту» Мерославского, так как ее опубликование вынудило скомпрометирован-

ное итальянское правительство аннулировать соглашение с поляками. Тем не менее удалось договориться о возможности для молодых эмигрантов остаться в Кунео в качестве учебного коллектива, им назначалось пособие. Финансовая поддержка была предоставлена и тем, кто покидал Италию, однако большинство учеников осталось, ожидая намечавшегося перевода в Англию. Когда же эти планы рухнули, возникла надежда на участие польской молодежи в походе Гарибальди на Рим, о чем вел переговоры Падлевский. Часть учеников выехала в Париж, рассчитывая, что будет сформирован отряд для экспедиции в Литву. Многие отправились в Турцию и Молдавию, надеясь затем проникнуть в Польшу, чтобы участвовать в назревавшей борьбе¹⁶⁹.

Польская военная школа в Италии выпустила около 100 инструкторов, обучила военному делу около 300–400 человек. Все ученики школы приняли участие в восстании, вспыхнувшем в январе 1863 г. в Королевстве Польском. Многие из них, как, например, Ф. Выслоух, Б. Кольшко, Ю. Оксиньский, П. Сузин и другие, особенно отличились мужеством и самоотверженностью, а ряд эмигрантов, связанных со школой, встали у руководства борьбой. Молодежь, прошедшая школу в Париже и Генуе, несла в Польшу передовые демократические идеи, стремилась вести восстание по пути народной революции, противостояла проискам реакции. Объединив лучшие силы польской эмиграции и подготовив их к активной борьбе за свободу родины, Общество польской молодежи и созданная им военная школа внесли значительный вклад в дело восстания¹⁷⁰.

Конкретная работа Общества польской молодежи на службе готовящемуся восстанию началась еще в 1862 г. Уже в марте оно послало Миловича и Василевского в Королевство Польское, и в апреле они вместе с агентом варшавских «красных» Нажимским провели переговоры с Гарибальди, об итогах которых доложили в Варшаву. В июне 1862 г. Общество признало Центральный Национальный комитет, и вскоре в состав последнего вошли Падлевский и Бобровский, а Милович, Амборский и Ст. Шаховский стали агентами ЦНК для связи с эмиграцией, так же, как сотрудничавшие с ними Нажимский и Цверцякевич. Определяя 5 (17) сентября 1862 г. на страницах своего тайного печатного органа «Рух» («Движение») задачи эмиграции, ЦНК заявил, что «будет стараться доставить ей возможность в данное время служить делу независимости в самом крае». В результате Р. Рогиньский, Ю. Оксиньский, В. Бехоньский и многие другие члены Общества польской молодежи направились в Королевство Польское и взялись за подготовку восстания на местах. За границей же Общество по поручению ЦНК выступало от его имени. В частности, 12 августа 1862 г. оно обратилось с воззванием «К братьям-полякам, находящимся в австрийских рядах». В начале января 1863 г. ЦНК через Василевского сообщил Высоцкому о принятом решении восстать в случае проведения объявленного властями рекрутского набора. ЦНК рассчитывал использовать в восстании военный

опыт генерала, который, как и партия «умеренной демократии» в целом, поддерживал варшавских конспираторов, выступал вместе с Обществом польской молодежи. Правда, «умеренные» не были столь же решительными сторонниками восстания и надеялись избежать взрыва, так же как партия «белых», связей с которой они не порывали, получая от нее финансовую поддержку. Но главным их союзником в Королевстве Польском было «правое» крыло «красных»¹⁷¹.

Перед эмиграцией, сотрудничавшей с ЦНК, стояла задача поддерживать контакт с европейским революционным движением, воздействовать на общественное мнение Запада. Главным образом через «умеренных» Высоцкого, Орденгу, Вл. Мицкевича, а также через Миловича, Цверцякевича и Падлевского осуществлялась связь с демократическими и либеральными кругами Франции, Англии, Италии, с руководителями революционных народов Европы Гарибальди, Кошутом, Клапкой, Мадзини. Летом 1862 г. в Лондоне поляки участвовали в совещании, посвященном плану объединения революционных усилий Польши, Венгрии, Италии, Греко-Славянской и Дунайской федераций. Они агитировали греков и сербов за заключение союза против Турции, а в октябре 1862 г. польские эмигранты в Париже приветствовали греческую революцию, предложив помощь польского легиона в случае всеобщего греко-славянского восстания. По-видимому, эта идея встретила одобрение ЦНК, в ноябре 1862 г. уполномочившего Цверцякевича вступить в сношения со славянами¹⁷².

На эмиграцию возлагалась и важнейшая задача заключения революционного союза с русскими. «Умеренные демократы» установили контакт с Герценом еще в 1861 г., а год спустя они участвовали в написании адреса к русским революционерам, опубликованного «Колоколом». Но ближе издателям «Колокола» были польские революционные демократы, как например Падлевский, которого Бакунин характеризовал как «умного», «симпатичного» и «думающего по-русски» молодого поляка. Именно его издатели «Колокола» уполномочили вести пропаганду среди русских офицеров, вместе с ним они разработали инструкции для Ожеховского, польского офицера русской армии, служившего в Киевской губернии. Падлевский и Милович приняли участие в переговорах представителей ЦНК с Герценом и Огаревым, происходивших в Лондоне. Эти переговоры уже с руководством «Земли и Воли» были продолжены в Петербурге. В контактах, имевших место в Лондоне, Париже и Бельгии, участвовали молодые эмигранты Я. Амборский и И. Хмельнский, а также Высоцкий, обратившийся к Бакунину с просьбой выслать эмиссара для агитации среди русских офицеров варшавской цитадели¹⁷³.

В инструкциях Цверцякевичу в ноябре 1862 г. ЦНК требовал способствовать пересылке в Королевство Польское русских книг, этим занимался эмигрант Сахновский и член Общества польской молодежи Я. Ду-

чевский, которому Бакунин обещал прислать брошюры и песни, «прямо вызывающие солдат стоять заодно с поляками и с русским народом против начальства и царя-лиходея». Польская и русская революционная эмиграция сообща изыскивала средства в фонд совместной борьбы и сотрудничала в деле приобретения вооружения. Все стороны подготовки восстания обсуждались в переписке Бакунина с агентом ЦНК Ю. Пшевлоцким. Наряду с этим русские революционные демократы стремились способствовать «потеплению» отношений между русским и польским обществом, хотели помочь в объединении всех «левых» сил польской эмиграции. Бакунин подчеркивал необходимость для «лучшей», «истинно патриотической» части польской эмиграции «сплотиться» вокруг ЦНК во имя победы над царизмом. Такая позиция свидетельствовала, что русские революционеры серьезно смотрели на союз с Польшей и стремились к ее освобождению, в отличие от «умеренной» части польской эмиграции, иначе подходившей к русско-польскому сотрудничеству: из заключения союза двух народов они надеялись «извлечь пользу». «Пшеглэнд жечи польских», смотревший на его заключение как на сделку, был недоволен переговорами с союзником, так как не соглашался на постановку национального вопроса «Колоколом», выдвинувшим лозунг права на самоопределение национальных меньшинств бывшей Речи Посполитой. Он требовал от ЦНК «более решительного тона» в споре с русскими. В его интерпретации русско-польское революционное сотрудничество сводилось к «непротивлению со стороны русской армии национальному польскому движению», а более широкое его истолкование зависело от признания русскими границ 1772 г. Спор о «забранных провинциях» журнал связывал с борьбой за приоритет в славянском мире. «Россия необходимо хочет обладать Польшей и славянщиной, — писал он, — царская Россия путем насилия, либеральная Россия — путем федерации, во главе которой стоял бы царь». Подчеркивая момент разделения и разграничения «взаимных политических позиций России и Польши», «Пшеглэнд жечи польских» призывал больше рассчитывать на европейский фактор, указывая на «слабость русского революционного элемента, основывающего свои надежды на крестьянах, верящих в царя». Именно надежда русских революционеров на крестьянство, выдвижение ими программы аграрной революции больше всего беспокоили партию «умеренной демократии» в силу классово- и национальной ограниченности ее позиции. Поэтому конкретное русско-польское сотрудничество в период подготовки восстания взяла на себя «левица» польской эмиграции¹⁷⁴.

Одним из основных направлений работы эмигрантов была поставка в Королевство Польское оружия и боеприпасов. В Заграничную комиссию вооружений, созданную Центральным Национальным комитетом в октябре — ноябре 1862 г., входили Высоцкий, Милович и Цверцякевич, а агентами по закупке оружия были М. Лянгевич, Ф. Годлевский,

И. Хмельнский. Комиссия занималась также вербовкой офицеров-эмигрантов. Была создана сеть агентов и явок, но мешала нехватка средств. Кроме того, вследствие арестов эмигрантов, произведенных французской полицией, российское посольство получило возможность ознакомиться с обнаруженными у них документами, раскрывающими планы и связи конспирации. Эмигранты приостановили отправку оружия и поспешили предупредить ЦНК, которому пришлось устанавливать новые связи с эмиграцией через посредство Василевского и Лянговича. ЦНК хотел использовать военный опыт эмигрантов для разработки планов восстания, тактики борьбы, методов военных действий. Ряд эмигрантов был опрошен на тему сроков начала восстания, и почти все они заявили, что определить срок должна внутренняя организация, а они готовы поддержать ее решение. Но были высказаны и другие мнения: так, например, Ордена требовал начать восстание немедленно, Высоцкий же настаивал на его отсрочке, что подтверждало общую позицию «умеренной демократии». Чтобы окончательно утвердить план восстания и распределить командные посты, в декабре 1862 г. ЦНК созвал в Варшаве съезд военных руководителей. Были приглашены и эмигранты, в частности Мерославский и Высоцкий, ответившие отказом, а также Милковский, Ружицкий, Чапский и другие. Присутствовали и поляки, откликнувшиеся на призыв ЦНК к офицерам-эмигрантам ехать на родину для участия в борьбе. Ряд офицеров из старой эмиграции выявил за границей Цверцякевич по поручению ЦНК. А многие из эмигрантов уже тайно занимались военной подготовкой на местах. Так, например, Лянгович стал военным начальником Сандомирского воеводства, Левандовский был назначен командующим военными силами на правом берегу Вислы¹⁷⁵.

На съезде определилось еще одно направление военной подготовки — создание за границей военных отрядов для немедленного выступления после начала восстания. Такие отряды пытался формировать Милковский в Дунайских княжествах, где собралось много польских эмигрантов из Италии, Турции, Франции, а особенно из Королевства Польского и Галиции. Летом 1862 г. в Молдавии их было 500–600 человек. Они переписывались с сербскими и черногорскими эмигрантами, планировавшими поддержать борьбу Сербии против Османской империи. Но главным объектом их интересов была Польша, в состав которой они включали соседние с Молдавией украинские земли. Такой позиции придерживался Милковский, стремившийся к восстановлению единого польского государства, включающего в том числе Русь (Украину) и Галицию. Он рассчитывал, что восстание в Королевстве Польском «вызовет движение в Австрии, а именно в Венгрии, Чехии, в Ломбардии», освободит Галицию и создаст «основу для регулярной борьбы с Россией». В Молдавии Милковский видел плацдарм для атаки на Галицию и вторжения на Украину. Он считал, что вооруженные действия одинакового характера и на-

правления должны начаться одновременно на всем пространстве бывшей Речи Посполитой. Эмиссары Милковского в 1861–1862 гг. пробирались на Волынь и в Подолию, была налажена переписка, устроены пункты для переброски через границу как литературы, так и людей. В начале 1862 г. завязались сношения с варшавской организацией «красных», они окрепли весной, а в августе 1862 г. Милковский был официально назначен агентом ЦНК на Востоке и на Руси и в ноябре 1862 г. участвовал в варшавском съезде военных руководителей. Милковский представил ЦНК общий проект восстания, предложив сделать Варшаву и еще ряд других пунктов Королевства Польского центрами одновременного выступления вооруженных отрядов, а затем на их основе создать более крупные соединения общей численностью 10000 человек. Они должны были очистить определенную территорию – плацдарм для формирования национальной армии. Поскольку Милковский требовал одновременного выступления на Украине, готовился к доставке туда оружия из Турции и организации двухтысячного отряда эмигрантов, ЦНК назначил его начальником вооруженных сил на Руси и на Востоке, поручив военную организацию Украины, Волыни, Подолии и Восточной Галиции. В связи с этим Милковский установил сношения с львовской Лавой, присылавшей ему средства и регулярные донесения. В работу включилась молодежь, приехавшая в Молдавию с Украины. В Стамбуле шла подготовка польского легиона, однако, сформированный уже во время восстания, в июне 1863 г., он был задержан на румынской границе. По требованию России румынское правительство выслало наиболее «вредных» эмигрантов, вынужден был уехать и сам Милковский¹⁷⁶.

Таким образом, подготовительная работа польских эмигрантов, вставших на службу будущему восстанию, была не слишком успешной, встречая много препятствий на своем пути. Это были не только препятствия внешнего характера, сама внутренняя обстановка в Королевстве Польском создавала немало трудностей, заставляла революционеров спешить с выступлением, не дожидаясь завершения подготовки к восстанию. Сложной была и ситуация внутри патриотического движения: помимо сопротивления, которое оно испытывало со стороны «белых» противников восстания, в нем самом не было единства, и вина за это лежала в том числе на эмиграции. Конкретным виновником был Мерославский, позиции которого после скандала с военной школой сильно пошатнулись. Уменьшился его авторитет в европейских революционных кругах, он потерял, в частности, доверие Гарибальди. В среде польской эмиграции его врагами стали не только консерваторы, но и бывшие соратники – партия «умеренной демократии» и Общество польской молодежи. Правда, часть молодежи, как в эмиграции, так и в самой Польше, все еще шла за генералом, в том числе он имел сторонников в варшавской организации «красных», они остались «мерославчиками» и после создания ЦНК.

По-прежнему стремясь утвердиться в роли вождя Польши и эмиграции, Мерославский старался широко рекламировать свои устные и печатные выступления, хлопотал о создании своего печатного органа, и в июле 1862 г. ему удалось выпустить первый номер журнала «Бачность» («Бдительность»). Журнал просуществовал лишь полгода, но за это время сумел сыграть значительную роль в пропаганде идей Мерославского и его особы. «Бачность» выступала под революционным лозунгом «народного» восстания, опирающегося на «энтузиазм крестьянства». Сторонник генерала В. Мазуркевич расшифровывал это как уравнивание всех граждан Польши, «уничтожение всяких привилегий <...> освобождение сельского люда от подчинения и от всяких позорящих человеческое достоинство присвоений». Возможность такой «социальной революции» «Бачность» видела в постановлении Земледельческого общества 25 февраля 1861 г., которое «ломало царский устав», и сожалела, что был упущен момент, когда такой акт мог бы поднять крестьянство на национальную борьбу. Иными словами, лозунг «социальной революции» был призван служить привлечению масс в восстание и как главный козырь успеха борьбы должен был прозвучать только в самый момент ее взрыва. Он никоим образом не означал революционной классовой непримиримости: «Бачность» утверждала, что далеко не вся шляхта плоха, и соглашение ее с крестьянством возможно, но преобразование социального строя будет происходить уже в свободной Польше при соблюдении предосторожности перед возможностью перерастания этого процесса в гражданскую войну¹⁷⁷.

В 1862 г. генерал считал, что момент восстания приблизился, и нации «пора дать оружие, организовать в повстанческие ряды и вести на врага». Он издал повстанческую инструкцию, где подробно изложил план восстания, рассчитывая, что на борьбу поднимется миллион жителей Польши и 300 тысяч поляков, находящихся на военной службе России, Австрии и Пруссии. Он рассчитывал на численный перевес, внезапность удара, связанные с этим растерянность и неорганизованность противника, а также и на помощь Запада. Инструкция Мерославского требовала проведения подготовительной работы и намечала организацию борьбы в масштабах гмины, повята, воеводства и всей страны. Предусматривались баррикадные бои, захват русских заложников, взятие штаб-квартиры врага и цитадели. Гмины должны были объединять вооруженные силы для захвата повятового центра, следующей ступенью становился захват воеводского города силами всех повятов численностью не менее 12000 человек¹⁷⁸.

По мнению Мерославского, «массово-народное восстание» отличалось от «шляхетской партизантки». «Народный» характер подразумевал создание крестьянских косинёрских отрядов; на деревню возлагалась как подготовка кадров косинёров, стрелков, кавалеристов, так и проведение административно-хозяйственной работы, причем и военные, и «мирные» действия крестьянства возглавлялись и контролировались представите-

лями шляхты и духовенства. Таким образом, план военно-шляхетской диктатуры, разработанный генералом, позволял использовать народные массы для борьбы за национальное освобождение, не нарушая социальных устоев. Идея диктатуры лежала в основе этого плана, так как Мерославский именно себе отводил руководящую роль и диктаторскую власть в восстании. Он требовал, чтобы страна и эмиграция признали его единственным представителем и руководителем польской нации. О том, что вне его партии ни в Польше, ни в эмиграции нет ничего серьезного, генерал заявил Бакунину. Он боролся против соперников в эмиграции, причем объектом его нападков была не только «чарторыщина», но и бывшие соратники — «умеренные демократы», особенно Высоцкий, в котором он видел конкурента. Мерославский старался перехватить связи «умеренных», разрушить сеть их агентов в Польше. Он мешал деятельности Милковского в Молдавии, а позже попытался переманить его и заставить работать на себя¹⁷⁹.

Свои воззвания, речи и портреты генерал рассылал по всей Польше. В Познани он пробовал наладить связь с бывшими соратниками по Познанскому восстанию 1848 г., обещал выслать оружие. Особое его внимание было приковано к Королевству Польскому, он был ознакомлен с программой варшавского комитета «красных», среди которых оставалось немало его сторонников. Они вошли и в состав окончательно сформированного ЦНК, который поэтому решил договориться с Мерославским о сотрудничестве. Но прибывший в Варшаву в июле 1862 г. Кужина, опираясь на «мерославчиков», потребовал признать генерала председателем ЦНК с диктаторскими полномочиями. Переговоры затянулись, и в августе сторонники Мерославского устроили диверсию: они провозгласили создание новой конспиративной организации во главе с генералом — Революционного союза. Его законодательным и исполнительным органом стал так называемый Революционный комитет, который повел борьбу против ЦНК. Комитет получил устав из Парижа и начал официальную деятельность. Целью ее была объявлена подготовка восстания во имя возрождения Польши на демократических основах. За границей этим занимался Мерославский, а в Королевстве Польском — Революционный комитет, куда вошли бывший активист варшавских «красных» Вл. Косковский и группа молодежи из кругов варшавской буржуазии и интеллигенции. Они руководили деятельностью Союза через полномочных комиссаров, которые назначали начальников повятовых союзов, складывавшихся из революционных кружков — «пятерок». На подобной основе происходило дальнейшее разветвление организации. Было установлено строгое соблюдение тайны, беспрекословное исполнение приказов вышестоящего начальства. Революционный комитет ежемесячно отчитывался перед Мерославским, каждый из его членов отвечал за определенное направление работы, касающееся вопросов администрации, финансов,

коммуникаций, сообщения с провинциальными союзами и с заграницей. Создал Комитет и свой печатный орган «Слово», но вышел лишь один его номер 8 января 1863 г.¹⁸⁰

Мерославский сносился с Комитетом через агентов, большинство которых пробирались в Королевство Польское через Галицию, где существовала преданная генералу организация Чарнецкого. Укрепить ее помог Кужина, который в августе – сентябре 1862 г. приезжал также в Королевство и Литву. В Национальном комитете Галиции, как стала называться организация Чарнецкого, и варшавском Революционном комитете Мерославский видел элементы своей будущей всепольской повстанческой организации. Стремясь утвердиться в Королевстве Польском и вырвать власть у ЦНК, генерал яростно нападал на него, изображая его склоняющимся к «белым» и не намеренным противодействовать рекрутскому набору, утверждая, что ЦНК – это «пустая фикция». Особенные нападки Мерославского вызывало присутствие в программе ЦНК пункта о самоопределении национальных меньшинств в будущей свободной Польше. Обливая грязью ЦНК, генерал призывал молодежь в свои ряды, и на его сторону переходили первичные ячейки организации ЦНК – так называемые «десятки». Сторонники Мерославского требовали переговоров с Революционным комитетом и попытались устроить переворот в ЦНК¹⁸¹.

Хотя все попытки Мерославского «свергнуть» ЦНК окончились неудачей, и в результате на переломе 1862 и 1863 гг. его «детище» – Революционный комитет вынужден был самораспуститься, тем не менее его деятельность не осталась без последствий. Молодежь сбивало с толку само существование двух революционных комитетов, в чем-то сходных по структуре и провозглашавших общие лозунги. Особую роль сыграли постоянно выдвигавшиеся Мерославским обвинения в затягивании выступления, а воззвание Революционного комитета, обещавшее начать восстание, чтобы спасти молодежь от рекрутского набора, носило прямо провокационный характер. ЦНК не выступил против этого воззвания, так как не хотел обнаружить раскол в революционном лагере по вопросу сроков восстания, но в дальнейшем ему пришлось, чтобы не нарушить якобы данного им обещания, начать восстание в момент рекрутского набора, хотя подготовка к выступлению еще не была завершена. Учитывая, что Мерославский еще сохранил популярность у молодежи, ЦНК шел навстречу ее желанию договориться с генералом. Более того, на страницах журнала «Пшеглэнд жечи польских» он выступил с опровержением опубликованного в правительственной газете «Дзенник повшехный» («Всеобщая ежедневная газета») сообщения о деятельности Революционного комитета, утверждая, что не верит в его существование, так как не верит в стремление Мерославского, осведомленного «о направлении и значительности работ местного заговора» (то есть ЦНК), «создать еще одну <...> особую заговорщическую организацию». Высказывалось пред-

положение, что генерал стал жертвой интригана, который «компрометирует и выставляет на смех его уважаемое имя» и, пользуясь им, «сбивает с толку <...> людей доброй воли, отвлекая их от правильного пути»¹⁸².

Мерославский не оценил деликатности и миролюбия ЦНК и продолжал борьбу против него. Особенную ярость вызвало у него заключение Центральным Национальным комитетом русско-польского революционного союза, и не только потому, что он ненавидел русский народ. Для укрепления своих позиций он в этот момент сам искал сближения с русскими революционерами и пытался убедить Бакунина, что именно он выступает от лица всей революционной Польши. Одновременно он рассчитывал добиться согласия русских революционных демократов на признание границ 1772 г. для будущей Польши. Он сообщал русским о Верховном комитете, якобы стоящем во главе пяти провинций Польской республики — Галиции, Познани, Варшавы, Литвы и Руси, а себя выдавал за его «единственного представителя и ответственного уполномоченного», требуя, чтобы «Колокол» поддерживал контакт только с ним. Таким образом он пытался устранить и опередить ЦНК. Когда же 1 октября 1862 г. Бакунин сообщил Мерославскому, что революционная Россия уже сделала свой выбор, заключив союз с Центральным Национальным комитетом, генерал не желал принять этот «ужасный результат», с удвоенной яростью клеймя ЦНК как «чистую фикцию» и «эфмерное объединение». Особенно возмущала его идея о праве наций на самоопределение, которую ЦНК принял за основу русско-польского революционного союза. Он писал о «претензиях» русских «на дюжину воеводств польской республики» и принятии «Колоколом» их в дар от «нескольких интриганов», оскорбивших тем самым «национальные чувства» поляков и совершивших «предательство, худшее, чем Тарговица». Орган Мерославского «Бачность» ставил под сомнение в целом ценность союза польской нации, «давно уже созревшей в революционном отношении», с Россией, где «до сих пор глухо, понуро». Он считал самоубийством откладывать восстание до момента «пробуждения Москвы, еще дремлющей в хаотическом беспорядке». Сторонники Мерославского утверждали, будто русские революционеры обманули поляков, навязав им «столь скользкий и подозрительный союз», и намекали даже на их связь с царизмом. Все это свидетельствовало о том, что Мерославскому была ненавистна сама мысль о союзе с революционной Россией, и его переговоры с «Колоколом» имели целью лишь помешать ЦНК заключить такой союз. Но отказ от идеи русско-польского революционного сотрудничества означал бы лишение польского народа мощной поддержки, ослабление его революционных сил, уменьшение шансов на победу восстания¹⁸³.

Все это ясно показало русским революционным демократам истинное лицо Мерославского, они призывали ЦНК противодействовать попыткам

генерала «захватить власть в свои руки» и сами выступили на борьбу. Бакунин опубликовал брошюру «Варшавский Центральный комитет и русский военный комитет», где опроверг клевету на «Колокол» и ЦНК, подчеркнув, что вокруг последнего «группируются сегодня все патриотические надежды Польши». Правда, Бакунин выражал все-таки надежду, что Мерославский откажется от своих «странных» позиций и как патриот примет участие в восстании. ЦНК до последнего момента предлагал ему пост главнокомандующего в вооруженной борьбе, указывая, что возглавить восставший народ должно только национальное правительство, но генерал по-прежнему требовал установления своей диктатуры¹⁸⁴.

Терпимость, какую ЦНК проявлял в отношении Мерославского, несмотря на возмущение его поведением со стороны части революционной организации и демократической эмиграции, способствовала формированию общей мягкотелой позиции руководителей конспирации, определяла ее нерешительность и колебания. Все это не могло не отразиться на подготовке вооруженной борьбы, а в дальнейшем и на ее проведении, когда была провозглашена диктатура Мерославского в восстании. Таким образом, в той борьбе, которая в этот период происходила внутри эмиграции, сходились крайности: если консервативная партия Чарторыских выступала против восстания и всячески поддерживала усилия «белых» в Королевстве Польском, старавшихся его предотвратить, то «революционер» Мерославский своими демагогическими выступлениями, авантюристической политикой, подрывными действиями вносил раскол в революционную организацию, ослаблял ее силы и дезориентировал патриотов, тем самым нанося серьезный урон делу восстания и освобождения Польши.

Позиция, занятая накануне восстания 1863 г. различными течениями польской эмиграции, была итогом тридцатилетнего периода ее идейного и политического развития, отражала особенности пройденного ею пути. На этом пути выдвигались различные национальные программы, провозглашались лозунги социальных преобразований, базировавшиеся на классовых позициях отдельных эмигрантских групп и партий. В ходе борьбы прогресса и реакции, под влиянием происходивших в Польше и Европе событий и развивавшегося там революционного движения складывались взгляды польских эмигрантов на способы решения основного национального вопроса – восстановления польской государственности, на факторы, связанные с осуществлением этой цели. Результат этого идейно-политического процесса имел большое значение, так как должен был дать родине сформулированную программу и разработанный план борьбы за свободу. Эмиграция пыталась нести в Польшу идеи, которые выкристаллизовались на Западе и адаптировались в ее среде, она также выступала как инициатор создания на родине революционной конспирации, вдохновляла поляков на революционные выступления, пыталась непосредственно ими руководить. Отсутствие идейного, политического

и организационного единства, внутренняя борьба ослабляли польскую эмиграцию, были причиной непоследовательности и нерешительности ее «левого» крыла, что наносило ущерб и национальному движению в самой Польше. Тем не менее вклад радикальной и революционно-демократически настроенной части эмиграции в дело свободы Польши был очень ценен, так как являлся залогом будущего развития освободительного движения польского народа. Именно этим, а не только большим числом поляков-эмигрантов, определялось вошедшее в историю название — Великая эмиграция. Польская политическая эмиграция действительно представляла собой выдающийся феномен на фоне европейской действительности XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Łukaszewicz W.* Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów. Warszawa, 1951. S. 170.
- ² *Bieliński J.* Żywot księcia Adama Czartoryskiego. Kraków, 1905. T. II. S. 104–107, 112.
- ³ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki — żołnierz-rewolucjonista. 1798–1847. Warszawa, 1954. S. 35–36.
- ⁴ *Gadon L.* Emigracja polska. Kraków, 1902. T. I. S. 139–140; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 209.
- ⁵ Discours de M. Lelevel. Paris, 1832; «Premiers lundi 1833». Paris, 1874. P. 231, 234; *Serejski M.H.* Joachim Lelewel. 1786–1861. Sa vie et son œuvre. Wrocław. 1961. P.52, 54, 57–58.
- ⁶ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 39.
- ⁷ Ibid. S. 42–43; *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa, 1951. S. 29; *Młynarski Z.* U źródeł polskiej demokracji. Kraków, 1950. S. 77–79.
- ⁸ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 214.
- ⁹ Ibid. S. 223; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 50–51; *Janowski J.N.* O początkach demokracji polskiej krótka wiadomość. Paryż, 1862. S. 33–37.
- ¹⁰ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 227–228; *Gadon L.* Op. cit. T.II. S. 214–215; *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. T. II. Warszawa, 1969. S. 135.
- ¹¹ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 212.
- ¹² *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 58–59.
- ¹³ Discours de Thadeé Krempowiecki prononcé à Paris le 29 novembre 1832, anniversaire de la révolution polonais. Paris, 1833.
- ¹⁴ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 37; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 31; «Demokrata Polski». Paryż. 27.II.1847.
- ¹⁵ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 60, 65–66, 148, 150–152; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 30–31.

- ¹⁶ *Niemcewicz J.U.* Pamiętniki 1831–1841. Poznań, 1876. T. I. S. 561; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 65–66.
- ¹⁷ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 66–68.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 49–50; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 216–217; Całoroczne trudy Komitetu Narodowego Polskiego. Paryż, 1831–1833. S. 183.
- ¹⁹ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 219–220; *Idem.* Tadeusz Krępowiecki... S. 52–53; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 149.
- ²⁰ *Lewak A.* Od związków węglarskich do Młodej Polski. Warszawa, 1920. S. 125; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 232.
- ²¹ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 234–236.
- ²² *Ibid.* S. 254–256.
- ²³ *Ibid.* S. 238–239.
- ²⁴ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 149–150.
- ²⁵ *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 36; *Idem.* Wpływ... S. 248–249; *Limanowski B.* Stanisław Worcell. Kraków, 1911. S. 95.
- ²⁶ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 77–79.
- ²⁷ *Ibid.* S. 73; *Idem.* Wpływ... S. 300–301; *Lewak A.* Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa, 1934. S. 9.
- ²⁸ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 250; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 136; *Gadon L.* Op. cit. T. II. S. 264–270; *Borkowski K.* Pamiętnik historyczny o wyprawie partyzantkiej do Polski w roku 1833. Lipsk, 1862. S. 147–167; *Берг Н.В.* Записки о польских заговорах и восстаниях. Познань, 1893. Т. I. С. 24; «Kronika emigracji polskiej». Paryż. 15.IV 1834.
- ²⁹ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 257–258.
- ³⁰ *Ibid.* S. 259–260.
- ³¹ *Ibid.* S. 261.
- ³² *Ibid.* S. 262–263.
- ³³ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 88–90; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 33.
- ³⁴ *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 38; *Idem.* Tadeusz Krępowiecki... S. 93, 96.
- ³⁵ *Lewak A.* Ideologia... S. 4; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 290.
- ³⁶ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 94; *Idem.* Wpływ... S. 292–293.
- ³⁷ *Idem.* Wpływ... S. 294–295; *Lewak A.* Ideologia... S. 7.
- ³⁸ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 296–297.
- ³⁹ *Ibid.* S. 302; *Lewak A.* Insurekcje. Warszawa, S. a. S. 239–245; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 150.
- ⁴⁰ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 300–301, 305–310; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 150–151.
- ⁴¹ *Mochnacki M.* Pisma rozmaite, oddział porewolucyjny. Paryż, 1836. S. 451, 462.
- ⁴² *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 140.
- ⁴³ *Ibid.*; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 310, 315.
- ⁴⁴ «Postęp». № 1. Paryż, 29.VII.1834; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 164–167, 170–172.

- 45 *Młynarski Z.* Op. cit. S. 100–102.
- 46 Lud Polski w emigracji. 1835–1846. Jersej, 1854. S. 3–6; *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 100; *Idem.* Wpływ... S. 278.
- 47 *Młynarski Z.* Op. cit. S. 91–92.
- 48 *Ibid.* S. 83–86.
- 49 *Ibid.* S. 86–89; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 279–280.
- 50 *Szpołański S.* Lud Polski (z dziejów polskiej myśli socjalistycznej). Lwów, 1907. S. 17–27; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 280.
- 51 *Szpołański S.* Op. cit. S. 17–23; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 280–281.
- 52 *Szpołański S.* Op. cit. S. 23–27; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 281.
- 53 *Młynarski Z.* Op. cit. S. 93–98; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 143.
- 54 *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki... S. 112, 116.
- 55 *Ibid.* S. 110–112.
- 56 *Ibid.* S. 116–118.
- 57 *Ibid.* S. 121, 123; Lud Polski... S. 139–143.
- 58 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 318–319.
- 59 *Ibid.* S. 324–325.
- 60 *Ibid.* S. 324–326; Lud Polski... S. 203. Komisja przygotowawcza Gromady Grudziąż do Gromady Umań z dnia 19.V.1840.
- 61 *Budzyński M.* Wspomnienia z mojego życia. Poznań, 1880. T. I. S. 261–262; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 326–327, 333.
- 62 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 327–330.
- 63 *Ibid.* S. 331–332; «Orzeł biały». Bruksela. 15.XI. 1839.
- 64 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 334–335.
- 65 *Ibid.* S. 335–336; «Demokrata Polski». 14.XI.1840. S. 180; 10.I.1841. S. 219–221.
- 66 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 151–155; *Młynarski Z.* Op. cit. S. 110–111, 115–117, 156–157.
- 67 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 337–338; «Demokrata Polski». 21.I.1841. S. 233–237.
- 68 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 338–339; «Demokrata Polski». 20.II.1840. S. 9–10; 21.I.1841. S. 233–237.
- 69 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 338–339; «Demokrata Polski». 31.III.1841. S. 259.
- 70 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 340–341.
- 71 *Ibid.* S. 340–342; «Dziennik Narodowy». № 43. 22.I.1842. S. 172.
- 72 Listy Joachima Lelewela. Oddział Pierwszy – Listy do rodzicielstwa pisane. T. II. Poznań, 1879. S. 168–169; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 343.
- 73 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 343–347; «Orzeł biały». № 20. 31.VIII.1842.
- 74 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 348.
- 75 *Ibid.* S. 347, 349–350; «Orzeł biały». № 10. 31.III.1843. S. 42–44; № 19. 26.VIII.1843. S. 78–79; № 13. 18.VIII.1845. S. 52.
- 76 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 252–253, 355–357; «Orzeł biały». № 17. 24.IX.1844. S. 357.
- 77 *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 356.

- ⁷⁸ Ibid. S. 351–352; *Lelewel J.* Polska, jej dzieje i rzeczy jej. Poznań, 1864. T. XX. S. 387–397; «Orzeł biały». № 17. 20.VII.1843. S. 72.
- ⁷⁹ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 352.
- ⁸⁰ Ibid. S. 351–352, 357–358.
- ⁸¹ Ibid. S. 358–360; «Demokrata Polski». 13, 24, 31.VIII.1844; 14.IX.1844.
- ⁸² *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 359–361; «Demokrata Polski». 24, 31. VIII; 14.IX.1844.
- ⁸³ «Demokrata Polski». 4.I.1845. S. 87; «Dziennik narodowy». № 147. 20.I.1844. S. 589–590; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 361–362.
- ⁸⁴ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 362–363.
- ⁸⁵ Ibid. S. 363–364.
- ⁸⁶ *Młynarski Z.* Op. cit. S. 121–122, 127, 153; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 164.
- ⁸⁷ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 365–367.
- ⁸⁸ Ibid. S. 364–365; «Dziennik narodowy». 31.III.1846.
- ⁸⁹ *Groniowski K.* Problem rewolucji agrarnej w ideologii obozów politycznych w latach 1846–1870. Warszawa, 1957. S. 31–33; [*Trentowski B.*] Ojczyźniak. Wizerunki duszy narodowej. Paryż, 1847. S. 35; *Morawski F.* Odpowiedź na list szlachcica polskiego do Metternicha. Paryż, 1847. S. 18; *Krasiński Z.* Listy do Delfiny Potockiej. Poznań, 1938. S. 148; Listy Z. Krasińskiego do Stanisława Małachowskiego. Kraków, 1885. S. 154–156, 159–160.
- ⁹⁰ *Morawski F.* Op. cit. S. 18; [*Trentowski B.*] Op. cit. S. 35; *Groniowski K.* Op. cit. S. 30; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 173.
- ⁹¹ *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 367.
- ⁹² Ibid. S. 367–369.
- ⁹³ Ibid. S. 368–370; *Groniowski K.* Op. cit. S. 37.
- ⁹⁴ *Groniowski K.* Op. cit. S. 40; *Łukaszewicz W.* Wpływ... S. 368–369; *Towiański A.* Pisma. Turin, 1882. T. 1. P. 295, T. 3. P. 65, 73; *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50–60-е гг. XIX в. // *Studia Polonica.* К 70-летию В.А. Хорева. М., 2002. С. 53–59.
- ⁹⁵ *Фалькович С.М.* Указ. соч. С. 49–53.
- ⁹⁶ *Groniowski K.* Op. cit. S. 36–39; «Demokrata Polski». 28.V, 7.XI, 5.XII.1846; 9.XII.1847.
- ⁹⁷ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 174; Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001. С.287.
- ⁹⁸ Европейские революции 1848 года... С. 193, 198; *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 43; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 174.
- ⁹⁹ Европейские революции 1848 года... С.209–210, 256; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 199.
- ¹⁰⁰ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 191; Европейские революции 1848 года... С. 262.
- ¹⁰¹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 176, 196.
- ¹⁰² Ibid. S. 197–198, 201; *Batowski H.* Stosunki wzajemne Polaków i innych Słowian w dobie Wiosny Ludów // Pamiętnik VII Powszechnego zjazdu historyków polskich we Wrocławiu 19–22 września 1948. Warszawa, 1948. T. 1. S. 308–310,

- 317; *Lewak A.* Ideologia... S. 11; *Mazzini J.* Scritti. Milano, 1864. P. 52–53; Европейские революции 1848 года... С. 262–263; Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849. М., 1980. С.498–499.
- ¹⁰³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 14. С. 137; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 200.
- ¹⁰⁴ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 200–201, 264; Die Polen «Debatte» in der Frankfurter Paulskirche. Frankfurt / Main, 1995. S. 32–34; «Demokrata Polski». 9.VI.1849; Европейские революции 1848 года... С. 263–265.
- ¹⁰⁵ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 196; *Młynarski Z.* Op. cit. S. 162; Европейские революции 1848 года... С. 265–266, 268–270, 371, 383–384. См. также: Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. 5387 III. K. 7.
- ¹⁰⁶ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 197, 203; *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 44; *Trentowski B.F.* Przedburza polityczna. Frejburg, 1848. S. 37; *Krasiński Z.* Listy do Delfiny Potockiej. S. 28–29. List z 7.VII.1848; *Groniowski K.* Op. cit. S. 32; Европейские революции 1848 года... С. 266, 279.
- ¹⁰⁷ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 202; *Miłkowski Z.* Sylwety emigracyjne. Lwów, 1904. S. 9.
- ¹⁰⁸ *Podolecki J.* Co to jest rewolucja i jakie jest jej stanowisko. Paryż, 1849. S. 7, 9–10; *Mierosławski L.* Powstanie Poznańskie w r. 1845. Paryż, 1852. S. 78, 82, 154–155; *Groniowski K.* Op. cit. S. 40, 59–60, 63–64.
- ¹⁰⁹ Rewolucja i Polska. Paryż, 1850. S. 19, 25; «Demokrata Polski». 3.XI.1852; *Groniowski K.* Op. cit. S. 68–69.
- ¹¹⁰ *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 44–45; *Groniowski K.* Op. cit. S. 66–67, 69; «Demokrata Polski». 13.X, 7.XII, 29.XII.1852; 15.V, 15.VI. 1854; Okólnik Centralizacji TDP 28.I.1853.
- ¹¹¹ «Demokrata Polski». 16.III, 11.V, 25.V, 24.VIII, 31.VIII.1851; 13.X.1852; *Groniowski K.* Op. cit. S. 67–68.
- ¹¹² *Lewak A.* Ideologia... S. 12; *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 45–46; «Demokrata Polski». 16.III 1853; «L'Homme». 6.VI 1855; *Фалькович С.М.* Антигабсбургские планы польских, итальянских и венгерских революционеров в контексте национальных движений народов Австрийской империи в 50–60-е годы XIX в. // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты. М., 1991. С.184–185.
- ¹¹³ *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 47; «Demokrata Polski». 29.VI.1851.
- ¹¹⁴ *Фалькович С.М.* Антигабсбургские планы... С.185.
- ¹¹⁵ *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века. М., 1966. С.56–57.
- ¹¹⁶ Там же. С. 108–109; [*Zawadzki F.*] Co teraz robić? czyli przelotny pogląd na terażniejszość i przyszłość Polski przez jednego z nieśpiących braci. Londyn. [1856]. S. 4–5, 7–14; *Groniowski K.* Op. cit. S. 75. См. также: *Фалькович С.М.* Левые течения в польской эмиграции накануне восстания 1863 г. // Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. М., 1962. С. 73–77.

- 117 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 110–111; *Groniowski K.* Op. cit. S. 77.
- 118 *Brock P.* Z dziejów Wielkiej emigracji w Anglii. Warszawa, 1958. S. 99–100; *Miller I.S.* Dokoła genezy Gromady Rewolucyjnej Londyn // «Przegląd historyczny». Warszawa, 1959. Z. 4. S. 829–830; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 113–114.
- 119 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 116–117; *Lud Polski w emigracji.* S. 396–398; «Wiadomości Polskie». Paryż. 8.VIII.1857; *Groniowski K.* Op. cit. S. 76.
- 120 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 112.
- 121 Там же. С. 112, 114–115; *Miller I.S.* Op. cit. S. 829–830; *Brock P.* Op. cit. S. 100; «Demokrata Polski». 31.XII.1860. S. 829–830.
- 122 «Demokrata Polski». 30.IX.1858; *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 123; *Она же.* Левые течения... С. 88.
- 123 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 116–118; *Она же.* Левые течения... С.90.
- 124 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 118–119; *Brock P.* Op. cit. S. 170; *Wojtkowski A.* Plany powstańcze komunistów polskich w roku 1859 // «Przegląd narodowy». 1921. № 5. S. 572–577; *Кnapowska W.* Gromada rewolucyjna Londyn // «Kwartalnik historyczny». Warszawa, 1955. № 2. S. 85–86, 88–89.
- 125 *Фалькович С.М.* Идеино-политическая борьба... С. 120–122; *Она же.* Левые течения... С.88.
- 126 *Кельсиев В.И.* Эмигрант Абиخت // «Русский вестник». 1869. Т. 79. С. 234; «Wiadomości polskie». 26.V.1860. S. 73–80; 23.VI.1860. S. 96; «Przegląd rzeczy polskich». Paryż. 15.VI.1860. S. 32; «Demokrata Polski». 24.V.1860. S. 245–246, 250–251.
- 127 *Heltman W.* Emigracja polska od 1831 do 1863. Lipsk, 1865. S. 78; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 50–51.
- 128 «Demokrata Polski». 30.IX, 15.XII.1859; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 54–55.
- 129 *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 56–57; *Heltman W.* Demokracja polska na emigracji. Lipsk, 1866. S. 42; «Demokrata Polski». 30.IX.1860. S. 14; 9.XI.1861. S. 50–51.
- 130 «Demokrata Polski». 29.II.1860. S. 233–234; 31.III.1860. S. 238; 31.VIII.1860. S. 10; 12.X.1861. S. 38; *Heltman W.* Demokracja polska... S. 119, 202, 207
- 131 *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 60; *Heltman W.* Demokracja polska... S. 119, 202, 207; «Demokrata Polski». 28.II, 15.X.1858; 24.VI.1860. S. 249.
- 132 *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 65; «Demokrata Polski». 24.VI.1860. S. 250–251.
- 133 *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 46–47; Listy emigracyjne Joachima Lelewela. Wrocław, 1954. Т. IV. S. 159; Wrocław, 1956. Т. V. S. 227; *Lelewel J.* Polska, jej dzieje i rzeczy jej. Poznań, 1859. Т. 7. S. 625–626.

- ¹³⁴ [Kamieński H.] XYZ. Rosja i Europa. Polska // Wybór pism. Warszawa, 1953. S. 350; Groniowski K. Op. cit. S. 73.
- ¹³⁵ «Demokrata Polski». 15.II, 31.V, 31.VIII. 1858; 14.II.1859; Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем. Пг.; Л., 1915–1925. Т. IX. С. 471–472.
- ¹³⁶ «Przegląd rzeczy polskich». 1857. № 1. S. 11–12; 1.XII.1857. S. 26–27; 3.I.1858; 9.III.1859. S. 58; 14.XII.1859; Mierosławski L. Powstanie Poznańskie... S. 123, 127–128, 130.
- ¹³⁷ «Demokrata Polski». 18.V, 25.V.1851.
- ¹³⁸ Listy Andrzeja Edwarda Koźmiana (1829–1864). Lwów, 1896. Т. IV. S. 244, 246, 248.
- ¹³⁹ Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С. 146–148.
- ¹⁴⁰ Там же. С.303–304, 309–313; Jenerał Zamojski. (1803–1868). Poznań, 1930. Т. VI. S. 401; Listy Andrzeja Edwarda Koźmiana... S. 554, 577.
- ¹⁴¹ Фалькович С.М. Левые течения... С. 102–103; Она же. Идейно-политическая борьба... С. 256–257.
- ¹⁴² «Demokrata Polski». 28.IX.1861. S. 34–35; 2.XI.1861. S. 45–46; 9.XI.1861. S. 51; 12.X.1861. S. 37; 4.I.1862. S. 80.
- ¹⁴³ Mazurkiewicz W. Emigracja polska w 1862 roku. Paryż, 1862. S. 53; «Demokrata Polski». 8.II.1862. S. 90; 26.IV.1862. S. 123; Janowski J.K. Pamiętniki o powstaniu styczniowym. Lwów; Warszawa, 1931. Т. III. S. 377–378; Фалькович С.М. Левые течения... С. 106–108, 110.
- ¹⁴⁴ «Głos wolny». London. 1.I.1863. S. 1–3; 10.I.1863. S. 6–7; 30.IV.1863. S. 44; 10.VIII.1863. S. 72; «Przegląd rzeczy polskich». 7.I.1863. S. 27–30; Koźmian S. Rok 1863. Т. II. Warszawa, 1903. S. 111; Limanowski B. Historia ruchu narodowego od 1861 do 1864. Lwów, 1982. Т. I. S. 147; Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С. 264, 271.
- ¹⁴⁵ «Demokrata Polski». 28.XII.1861; 25.I.1862. S. 87–88; 8.III.1862. S. 101; 15.III.1862. S. 105–106; 3.V.1862. S. 125; 30.V.1862; 14.VI.1862; Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С. 159–160.
- ¹⁴⁶ Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С.160–161, 261–262; Ślisz A. Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych // Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku. Wrocław, 1956. S. 32–35; «Demokrata Polski». 20.I.1863; «Wytrwałość». Bruksela. 29.I.1865, 5.II.1865.
- ¹⁴⁷ «Demokrata Polski». 29.X.1861. S. 42; «Przegląd rzeczy polskich». 20.XI.1861; 27.I.1862. S. 8; 21.II.1862. S. 32; Mickiewicz L. Note sur l'état des choses en Pologne. Paris, 1862. P. 6; Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С. 167, 172.
- ¹⁴⁸ «Przegląd rzeczy polskich». 22.III.1862; 10.X.1861; Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С. 168, 173.
- ¹⁴⁹ «Demokrata Polski». 21.XII.1861. S. 71; «Przegląd rzeczy polskich». 24.III.1862. S. 15–17, 19–20, 25; 31.V.1862. S. 5.
- ¹⁵⁰ «Przegląd rzeczy polskich». 27.I.1862. S. 3–6; Mazurkiewicz W. Op. cit. S. 51; Фалькович С.М. Идейно-политическая борьба... С. 172–173, 175.

- ¹⁵¹ Listy Andrzeja Edwarda Koźmiana... T. IV. S. 500; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С.176–178.
- ¹⁵² «Waczość». Paryż. 1862. Z. 4. S. 4; Z.5. S. 12–19; Z.6. S. 85; *Mierosławski L.* De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen. Paris, 1862. P. 21, 42, 47, 50–52, 56, 66, 234, 379, 382, 393, 398, 401, 403–404, 408, 416, 449 ; *Idem.* Pamiętniki (1861–1863). Warszawa, 1924. S. 30, 78, 175; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 82–83; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 29. С. 61.
- ¹⁵³ «Waczość». 1862. Z.1. S. 6–9; 1862. Z. 2. S. 4, 5, 19, 22, 33–34; «Przegląd rzeczy polskich». 18.VI.1859; 19.III.1859. S. 38; *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 93–94, 101; *Idem.* De la nationalité... P. 359, 407–408; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 86–89.
- ¹⁵⁴ *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 13, 77, 112; «Московские ведомости». 13.XI.1863.
- ¹⁵⁵ «Московские ведомости», 13.XI.1863; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 94–98, 190–191; «Waczość». 1862. Z. 1. S. 5–6; *Miłkowski Z.* Od kołębki przez życie. Kraków, 1936–1937. Т. II. S. 250–251.
- ¹⁵⁶ «Przegląd rzeczy polskich». 25.VI.1860. S. 2–3; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 99–103.
- ¹⁵⁷ *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 8–11; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 106–107, 179–181.
- ¹⁵⁸ *Белецкий А.* Сборник документов Музея гр. М.Н. Муравьева. Вильна, 1906. С. 125, 128; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 182–183.
- ¹⁵⁹ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 184–188; «Waczość». 1862. Z. 4. S. 8, 27; *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 64–65.
- ¹⁶⁰ *Janowski J.K.* Op. cit. S. 359–360; Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863–1864. Lwów, 1888–1894. Т. IV. Z. 1. S. 46; «Głos». Paryż. 20.IV.1862. S. 5; ГА РФ. Ф.109и. 1 экспедиция. 1861 г. Д.154. Л.450; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 196–197, 200, 202.
- ¹⁶¹ *Mickiewicz W.* Pamiętniki. Warszawa; Kraków, 1926–1927. Т. II. S. 203–204; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 203.
- ¹⁶² «Demokrata Polski». 28.IX.1861. S. 35; 12.X.1861. S. 40; 9.XI.1861. S. 50; 16.XI.1861. S. 55; 23.XI.1861. S. 59; 14.XI.1861. S. 68; 19.IV.1862. S. 118; «Przegląd rzeczy polskich». Berlin. Poznań. 27.I.1862. S. 15–16; 16.V.1862. S. 5; 15.VI.1862. S. 2; «Prawda». 1861. № 3. S. 113–115; «Dziennik Poznański». 11.I.1862.
- ¹⁶³ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 207–210.
- ¹⁶⁴ *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 64; *Mazurkiewicz W.* Op. cit. S. 9, 12, 62–63; «Głos z Paryża i Genui». Paryż. XI.1861. S. 1–11, 16; «Głos». 3.V.1862. S. 5–6, 8–10; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 210.
- ¹⁶⁵ «Głos z Paryża i Genui». XI.1861. S. 4, 7, 10, 13; «Głos». 3.V.1862. S. 3–8, 12–14.
- ¹⁶⁶ «Waczość». 1862. Z. 3. S. 52–55; Русско-польские революционные связи. Т. I. М., 1963. С. 44, 48–49; Летописи марксизма. Книга IV. М., 1927. С.85–86; ГА РФ. Ф. 109и. I экспедиция. 1861 г. Д. 154. Л. 477–478; 1862 г. Д. 437. Л. 2; 1863 г. Д. 23. Ч. 1. Л. 158; Ф. 722и. Оп. 1. Д. 369. Л. 3–4; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 215–216.

- ¹⁶⁷ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 218–222.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 222–225; «Przegląd rzeczy polskich». 16.V.1862. S. 3–5; 15.VI.1862. S. 2; «Głos». 1.V.1862. S. 3–4.
- ¹⁶⁹ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 225–229.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 230.
- ¹⁷¹ Там же. С. 236–239; Российская Национальная библиотека. Материалы для истории польского восстания 1863–1864 гг. Т. 14. Л. 18; *Przyborowski W.* Historia sześciu miesięcy. Warszawa, 1904. S. 198–199.
- ¹⁷² *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 240–241.
- ¹⁷³ Там же; *Фалькович С.М.* Левые течения... С. 151–164; *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. XV. С. 365; Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 524–525.
- ¹⁷⁴ *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. XV. С. 601; Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 64; *Белявская И.М.* Польское национально-освободительное движение и Герцен // Литературное наследство. М., 1958. Т. 64. С. 771–772; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 243–244; «Przegląd rzeczy polskich». 30.IX.1862. S. 11; 15.X.1862. S. 1–8.
- ¹⁷⁵ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 248–251; *Гескет С.Д.* Военные действия в Царстве Польском в 1863 г. Варшава, 1894. С. 11; *Mickiewicz W.* Emigracja polska (1860–1890). Kraków, 1908. S. 25; *Langiewicz M.* Relacje o kampanii własnej w roku 1863 // «Kwartalnik historyczny». 1965. № 2. S. 249–251.
- ¹⁷⁶ *Miłkowski Z.* W Galicji i na Wschodzie. Poznań, 1880. S. 5–10, 12–15, 22–23; *Idem.* Od kołębki... Т. II. S. 424; Т. III. S. 6; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 252–255.
- ¹⁷⁷ «Baczność». 1863. Z. 1. S. 2; Z.3. S. 11, 24–25, 30; Z. 5. S. 30–31, 33–34; Z.6. S. 53, 90–93; *Mazurkiewicz W.* Op. cit. S. 38; *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 101–102. См. также: *Фалькович С.М.* Крестьянский вопрос в программе консервативного и умеренного течений польской эмиграции накануне восстания 1863 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. №3. С.131–139.
- ¹⁷⁸ «Baczność». 1862. Z. 1. S. 1, 10–11; Z. 3. S. 59; Z. 6. S. 4–9; *Mickiewicz W.* Emigracja... S. 148–150; Instrukcja powstańcza. Paryż, 1862; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С.277–278.
- ¹⁷⁹ *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 12; *Idem.* De la nationalité... P. 385; *Miłkowski Z.* Od kołębki... Т. III. S. 290, 318, 375–376; *Żychowski M.* Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1963. S. 504; *Ратч В.Ф.* Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 гг. Вильна, 1866. С. 374.
- ¹⁸⁰ *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 281–284.
- ¹⁸¹ Там же. С. 285–286; Русско-польские революционные связи. Т. I. С. 545; *Mierosławski L.* Pamiętniki... S. 64–65, 68, 87–88.
- ¹⁸² «Przegląd rzeczy polskich». 12.XII.1862. S. 68–69; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 287–288.
- ¹⁸³ *Bakounine M.* Le Comité Central de Varsovie et Comité militaire Russe. Réponse au Général Mieroslawski. London, 1862. P. 5–8, 15–16; *Mierosławski L.* Pamięt-

niki... S. 27–28, 69–71,78; «Wacžność». 1862. Z. 5. S. 1–3, 8–11, 20, 43; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 288–292.

¹⁸⁴ *Vakoupine M.* Op. cit. P.3, 4, 24; *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба... С. 293, 298–301.

ГЛАВА 7

РАЗВИТИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 30-х – НАЧАЛЕ 60-х гг. XIX в.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, РАЗВИТИЕ НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

После поражения Ноябрьского восстания сложились менее благоприятные условия для развития просвещения и культуры, чем в предшествующий период. Функционировавшие в Королевстве Польском и западных губерниях Российской империи высшие и даже некоторые средние учебные заведения были закрыты, прекратили свою деятельность многие научные общества, число периодических изданий сократилось, усилился контроль над ними со стороны правительства.

Правительственные круги как в Польше, так и в России считали одной из причин «революции» просчеты в организации системы просвещения и его содержании, пагубным образом сказавшиеся на воспитании молодежи, которая приняла активное участие в восстании. В устранении этих просчетов власти видели средство умиротворения умов и залог сохранения спокойствия в крае в будущем¹. В середине сентября 1831 г. Комитет западных губерний, куда входил и ректор Виленского университета В. Пеликан, под руководством председателя Комитета министров В.П. Кочубея разработал проект превращения Виленского университета в закрытое учреждение (интернат) со строгим контролем. В то же время члены Комитета полагали, что Кременецкий лицей нужно ликвидировать, чтобы создать вместо него русскоязычный Киевский университет. Однако в конце 1831 г. Николай I решил упразднить Виленский университет, а на его базе организовать Медицинскую и Духовную академии, что было объявлено указом от 19 апреля (1 мая) 1832 г. В силу того же указа Виленский учебный округ ликвидировался, а школы, подчиненные ему, перешли в ведение Белорусского и Киевского учебных округов. Помимо коллекций Кременецкого лицея, Киевский университет получил также большую

часть книжных собраний Виленского университета, а на его кафедрах стали преподавать профессора из Кременецкого лицея².

С осени 1832 г. в Вильно начали функционировать два высших учебных заведения – Медико-хирургическая академия и Римско-католическая духовная академия. В Медико-хирургической академии польский язык был оставлен лишь на лекциях для ветеринаров и акушеров; такие предметы, как химия и минералогия, читались на русском; большинство же предметов преподавалось на латыни. Подавляющую часть профессоров и студентов в Академии составляли поляки. Благодаря созданию Академии в течение почти 10 лет продолжалась научная и педагогическая деятельность самого сильного факультета Виленского университета – медицинского (на котором преподавали известнейшие врачи Е. Снядецкий, М. Мянковский, А. Абихт и др.) – и частично физико-математического факультета: в состав Академии вошли те его кафедры (физики, химии, зоологии, минералогии, ботаники), которые были необходимы для обучения врачей. В Академии работали и другие бывшие профессора Виленского университета, например, профессор классической филологии Я. Грыневич, профессор русской литературы И. Лобойко. Первоначально обязанности президента Академии исполнял профессор М. Мянковский, а с осени 1833 г. – Т. Кучковский, бывший главный военный врач при польском главнокомандующем великом князе Константине Павловиче. Он старался ввести в Академии военные порядки и был всеми ненавидим. Медико-хирургическая академия обладала некоторым самоуправлением в форме так наз. конференции, в которую входили ординарные профессора и «академики» – ими становились ординарные профессора после 10 лет работы в Академии. Конференция утверждала программы лекций и выбирала кандидатов на вакантные кафедры, осуществляла собственную цензуру над публикациями преподавателей и диссертациями. Научные произведения, выписывавшиеся Академией либо отдельными профессорами из-за границы, не подлежали цензуре и таможенной оплате. Совместно с виленским Медицинским обществом Академия планировала выпускать профессиональное издание на латыни и русском языке, однако в 1838 г. был издан только 1 том под названием «*Collectanea Medico-Chirurgica*» («Медико-хирургический сборник»)³.

В Римско-католическую духовную академию перешли профессора теологического факультета Виленского университета. А. Боровский, бывший профессор поэзии и риторики на факультете литературы Виленского университета, стал преподавателем гомиетики (правил церковного красноречия), Я. Грыневич учил древним языкам. Таким образом, в какой-то степени Духовная академия заменила факультет литературы, на лекции в нее ходило много светских слушателей, но в 1842 г. она была переведена в Санкт-Петербург. Это, в частности, было связано с расследованием по делу Ш. Конарского, в заговоре которого участвовали и студенты Меди-

ко-хирургической академии. В отношении ее последовали репрессии: в 1840 г. закрылись первые 3 класса Академии, а 20 июля (1 августа) 1842 г. ее упразднили окончательно. Вместо нее в Киевском университете был создан Медицинский факультет. Из Вильно были вывезены библиотека, насчитывавшая более 20000 томов, унаследованная от университета и увеличенная во время деятельности Академии; зоологический (более 25000 экземпляров) и зоотомический кабинеты; кабинет физиологии и патологической анатомии; минералогический кабинет; огромное собрание гербариев, семян и оранжерейных растений из Ботанического сада; химический, фармакологический и физический кабинеты и оборудование клиник. Все это было передано разным российским университетам, главным образом Киевскому⁴.

Одновременно с ликвидацией системы высшего образования в западных губерниях Российской империи происходили «реформы» в области просвещения и в самом Королевстве Польском. Руководивший Отделением духовных дел и общественного просвещения генерал Ю. Раутенштраух в ноябре 1831 г. сделал доклад Временному правительству Королевства Польского о выполнении распоряжения Николая I, касавшегося закрытия Варшавского университета, учреждений высшей школы и приостановления деятельности научных обществ. Однако генерал пошел еще дальше указаний императора, причислив к высшей школе воеводские полные средние школы, деятельность которых также была прервана. На месте воеводских, или «выдзяловых», школ правительство решило временно создать неполные средние школы — «подвыдзяловые», чтобы не оставлять молодежь без образования. Также на 50% было сокращено количество начальных школ⁵.

В дальнейшем вопросами, связанными с реорганизацией системы образования в Королевстве Польском, призван был заниматься Особый комитет в Петербурге, который начал свои заседания в феврале 1832 г. В составе Комитета находились министр внутренних дел Д.Н. Блудов, действительный тайный советник Н.Н. Новосильцев и два поляка — министр статс-секретарь Королевства Польского С. Грабовский и генерал-адъютант В. Красиньский. Император желал как можно больше приблизить систему образования Королевства Польского к общероссийской, поэтому за основу были взяты российский университетский устав 1828 г. и устав для школ Виленского учебного округа. Члены Комитета опирались также на присланный из Варшавы план реорганизации системы обучения в Королевстве, разработанный Ю. Раутенштраухом и генеральным директором общественного образования С.Б. Линде. После рассмотрения проекта в Петербурге он был послан на доработку в Административный совет Королевства в июне 1832 г. и обсуждался Комитетом под руководством генерального директора духовных дел Ю.К. Шанявского. В Комитет вошли С.Б. Линде, прелат Т. Лубеньский, генерал-майор П. Данненберг, бывший ректор Варшавского университета В. Швейковский,

генеральный директор «образовательных фондов» И. Бадени, бывший член Следственной комиссии в Варшаве А. Хлебович. Обсуждение затягивалось, и 1 (13) октября 1832 г. царь согласился с предложением наместника И.Ф. Паскевича временно приостановить деятельность школ в Королевстве до «высочайшего утверждения» проекта нового устава⁶.

Согласно уставу 1833 г. вводилось новое административное деление школ, приближенное к российскому. Первую ступень составили начальные, или приходские, школы, вторую ступень – окружные школы (бывшие «подвыдзяловые»), наконец, третью ступень – гимназии (бывшие «выдзяловые», или воеводские, школы). Об университетах в уставе не упоминалось, поскольку намерения императора в отношении высшей школы не были ясно определены.

Возраст воспитанников был увеличен с 6 до 7 лет при приеме в начальную школу (в России – с 8 лет) и с 8 до 9 лет при приеме в окружные школы (в России – с 10 лет). Образование в начальных школах оставалось бесплатным, а в окружных школах и гимназиях плата за обучение повышалась в несколько раз, с 12 до 50 злотых в год в окружных школах и с 18 до 200 злотых в гимназиях.

Правительство приняло решение сократить число гимназий (их было 15), с тем чтобы на каждое воеводство, за исключением Варшавы, приходилась только одна гимназия. Одновременно увеличивалось число окружных школ, которые должны были возникнуть на месте ликвидированных гимназий. Количество начальных школ в городах и деревнях также должно было уменьшиться. Созданные на обязательной основе школьные общества, дававшие деньги на содержание таких школ и оплату труда учителей, уничтожались. Начальные школы должны были создаваться во всех городах, в которых 2/3 издержек могли быть покрыты из городских фондов, в деревнях же – только в том случае, если сами жители выразили бы на это желание и добровольными пожертвованиями покрыли средства, необходимые для содержания школы.

В программы обучения в окружных школах и гимназиях вводилось обязательное изучение русского языка. Административный совет постановил, что требование знания русского языка при приеме чиновников на работу должно быть введено в действие через 3 года с момента введения русского языка в польских школах. В большей степени изменения коснулись программы обучения в гимназиях, в которых начиная с 6 класса вводилось разделение на филологическое и реальное отделения. На филологическом отделении учились те, кто в дальнейшем планировал продолжить учебу в университете, на реальном – молодежь, которая желала овладеть практическими навыками технических специальностей.

Поскольку, по мнению польских государственных деятелей, разделять учебную и контролирующую власть было нецелесообразно, руководить воспитанием молодежи был призван Совет общественного образования,

созданный на месте упраздненной Генеральной куратории – органа, осуществлявшего в 1823–1831 гг. надзор за учебными заведениями в Королевстве. В состав Совета входили член Комиссии внутренних и духовных дел и общественного просвещения, руководитель Отделения духовных дел и общественного просвещения, 2 представителя духовенства, 2 государственных советника и 2 почетных члена. Его компетенцией являлось создание новых и закрытие уже существующих учебных заведений, издание распоряжений по школам, назначение учителей и других чиновников, утверждение программ обучения, ознакомление с рапортами директоров школ, разработка бюджета на их содержание⁷.

Многие непопулярные меры, нашедшие отражение в уставе 1833 г., были подсказаны польскими государственными деятелями в Петербурге или приняты по настоянию наместника И.Ф. Паскевича в Варшаве. Так, В. Красиньский способствовал тому, что устав для польских школ носил ясно выраженный сословный характер. Идеи о высокой оплате за обучение в окружных школах и гимназиях и необходимости знания русского языка при приеме на работу исходили от Паскевича и варшавских чиновников⁸. Новый учебный устав, несмотря на то, что был утвержден на 1 год, действовал в Королевстве Польском в течение 7 лет. В 1840 г., после небольших изменений, связанных в основном с реорганизацией системы управления образованием и перестройкой структуры средней школы, он получил силу постоянного закона и просуществовал в таком качестве до 1862 г.⁹

В 1840 г., в соответствии с указом Николая I от 20 ноября (2 декабря) 1839 г., был учрежден Варшавский учебный округ, в ведении которого находились все польские учебные заведения, кроме специальных – медицинских и духовных. Его куратор подчинялся непосредственно Министерству народного просвещения в Петербурге, но обладал определенной автономией, поскольку распоряжения министра по округу должны были согласовываться с наместником И.Ф. Паскевичем. Создание Варшавского учебного округа имело целью связать среднюю школу Королевства с высшими образовательными заведениями Российской империи и облегчить польской молодежи возможность поступления в российские университеты¹⁰.

Представители высшей власти в Королевстве Польском (поляки) считали закрытие Варшавского университета переходным этапом в деле реорганизации высшего образования в стране и думали, что на его месте возникнут специальные высшие школы – Юридическая и Медицинская. В крайнем случае, по их мнению, высшее образование могло постепенно возродиться путем расширения программы и увеличения числа классов в гимназиях. В 1833–1835 гг. власти Королевства разработали проект создания Педагогического института. Он должен был стать учреждением закрытого типа – интернатом, в котором жило бы 90 человек, обучавшихся за счет казны, на последнем 5-м курсе ученики проходили бы педагогическую практику. Однако этот проект не был реализован¹¹. Также не был осуществлен план

организации в Варшаве в 1833–1834 гг. Медико-хирургической академии по примеру аналогичной в Вильно. Инициатива в данном вопросе исходила от императора Николая I, поскольку российское правительство было заинтересовано в увеличении числа врачей, необходимых в первую очередь для нужд армии. Но император посчитал планируемый бюджет Академии завышенным и, несмотря на его последующую корректировку, отказался от реализации идеи. Не был поддержан царем, не желавшим возрождать высшее образование в Польше, и проект создания высшего юридического учебного заведения, несмотря на одобрение польского проекта со стороны И.Ф. Паскевича и Комитета по уложению новых законов для Царства Польского, возглавлявшегося М.М. Сперанским в Петербурге¹².

В Королевстве продолжали существовать 12 духовных семинарий, институт для учителей в Ловиче, несколько специальных и профессиональных школ: институт и школа акушеров (до 1831 г.), фельдшерская (с 1836 г.), фармацевтическая, низшая ветеринарная школы (с 1840 г.)¹³.

В 1836 г. в Варшаве начали функционировать Дополнительные курсы, которые готовили учителей для окружных школ и первых четырех классов гимназий. В качестве вольных слушателей принимались и те, кто хотел получить свидетельство об окончании, чтобы преподавать в частных школах или в качестве домашних учителей. Курсы делились на филологическую и техническую секции. Обучение на них длилось 2 года. Среди преподавателей были бывшие профессора Варшавского университета и Подготовительного факультета Политехнического института, а также талантливые гимназические учителя. Некоторые из них старались приблизить занятия к университетскому уровню, однако большая часть лекций соответствовала лишь уровню средней школы. Курсы пользовались популярностью среди молодежи. В 1841–1842 учебном году их посещало 190 человек, 177 из которых являлись вольными слушателями. В 1840 г. выпускникам Дополнительных курсов было разрешено поступать после экзаменов сразу на 2-й курс российских университетов. Однако министр просвещения России С.С. Уваров посчитал, что программа курсов слишком разносторонняя. В 1842 г. он сократил обучение до 1 года, упразднил техническую секцию и ликвидировал институт вольных слушателей. Курсы существовали до 1847–1848 учебного года, но численность слушателей значительно упала, составляя от полутора десятков (12–16 чел.) до нескольких человек¹⁴.

По инициативе Комиссии юстиции в 1840 г. при Варшавской губернской гимназии были созданы двухлетние юридические курсы, готовившие кандидатов для занятия судебных должностей среднего звена. В числе преподавателей находились талантливые юристы, занимавшиеся исследовательской деятельностью: В. Дуткевич, В.А. Мацеевский и его племянник Ф. Мацеевский. В 1843–1844 учебном году курсы посещало 160 слушателей. Но уже на следующий год запись на 1-й курс прекратилась, а летом 1846 г. по указу наместника курсы были полностью закрыты¹⁵.

Всего один, 1837–1838, учебный год действовали курсы при Строительном совете Королевства Польского для лиц, желавших получить профессии инженеров и архитекторов. Занятия на них вели бывшие преподаватели Подготовительного факультета Политехнического института и Варшавского университета А. Бернгардт, Ю. Бэлза, А. Голоньский, а также выдающиеся инженеры и архитекторы Ф. Панцер, А. Корацци, Э. Маркони. В связи с закрытием курсов их роль частично приняла на себя техническая секция Дополнительных курсов. После 1840 г. неофициальную учебную деятельность в области инженерного дела вели в Бюро управления коммуникациями Ф. Панцер и бывший директор Инженерной школы Варшавского университета Т. Урбаньский¹⁶.

Не были реализованы исходившие от правительства Королевства Польского проекты организации Горных курсов в Варшаве (такие курсы открылись в 1849 г. в Домброве), а также вечерних теоретических курсов для стажеров инженерного дела, строительства и землемерия; не был осуществлен разработанный Польским банком план создания Торговой школы. Задачи обучения профессионалов в области технических и коммерческих наук возлагались на созданные в 1840-е гг. низшие и средние реальные школы. На высшем уровне среди них находилась образованная в 1841 г. Варшавская реальная гимназия. В разработке ее программы принимали участие бывшие профессора Подготовительного факультета Политехнического института, которые впоследствии в гимназии и преподавали. Гимназия пользовалась особой опекой властей, имела хорошее техническое оснащение и получала профессиональную западноевропейскую литературу¹⁷.

В 1844 г. при Варшавской реальной гимназии была создана Школа изобразительных искусств. Ее отделение строительства обладало известными элементами высшей технической школы. Туда, в отличие от двух остальных отделений – живописи и скульптуры, принимали только выпускников гимназий. Обучение продолжалось 3 года. В первые годы существования школы область обучения была слишком узкой, и Совет строительства Королевства отказывался выдавать выпускникам отделения патенты архитекторов. В результате посещаемость на отделении резко упала. В конце 1851 г. Школу изобразительных искусств отделили от Варшавской реальной гимназии и реформировали ее программу, связав ее с петербургской Академией художеств и подчинив ее непосредственно куратору Варшавского учебного округа. На отделении строительства был добавлен еще один год обучения и расширена область преподавания технических и точных предметов, введена обязательная двухлетняя практика. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в связи с реорганизацией и восстановлением системы высшего образования в Королевстве Польском власти планировали дальнейшие преобразования в Школе изобразительных искусств. Согласно им школа превращалась в высшее учебное заведение, и ее программа становилась частично связанной с программой

Варшавской главной школы. Однако эти проекты так и остались на бумаге. В июне 1861 г. в обстановке массовых манифестаций в Варшаве Школа изобразительных искусств, как и другие учебные заведения, была временно закрыта на «профилактику», но так и не открылась вновь. Ее помещение передали Варшавской главной школе, кроме того, власти боялись новых политических выступлений¹⁸.

Весной 1836 г. был вновь открыт Институт сельского хозяйства в Маримонте. Его директором стал бывший профессор Виленского университета М. Очаповский (в 1853 г. его сменил Ю.С. Здзитовецкий). В 1840 г. в Институте открылось отделение лесничества. Среди преподавателей были бывшие адъюнкты Варшавского университета В. Ястжембовский и Ю. Бэлза, бывшие преподаватели Подготовительного факультета Политехнического института П. Качиньский и А. Бернгардт и др. Обучение на отделениях сельского хозяйства и лесничества длилось 2 года, причем при поступлении не требовался аттестат зрелости. Институт имел характер скорее средней, а не высшей школы, хотя обучение велось на значительно более высоком уровне, чем перед восстанием 1830 г. Условием получения диплома была по меньшей мере годичная практика и написание на ее основе работы. Институт сельского хозяйства пользовался популярностью среди молодежи. В 1841–1858 гг. его окончили 1200 человек, 700 из которых получили дипломы¹⁹.

Таким образом, формально единственной высшей школой на территории Королевства оставалась открытая в 1835 г. в Варшаве Римско-католическая духовная академия, которая была создана на базе Главной римско-католической семинарии. Чтобы получить высшее образование, молодежи приходилось искать возможность выехать на учебу за пределы страны. После подавления Ноябрьского восстания, когда гражданам Королевства было запрещено учиться в Краковском университете, немало молодых людей поступило в виленскую Медико-хирургическую академию. Часть молодежи старалась получить образование в России. В европейских университетах учились немногие польские юноши, поскольку обучение стоило дорого, кроме того, ради него нужно было отказаться от возможности государственной службы. Молодежь в основном стремилась приобрести в заграничных университетах врачебную специальность, так как польские власти разрешали выпускникам медицинских факультетов частную практику²⁰.

К планам реорганизации системы высшего образования в Королевстве Польском и воссоздания Варшавского университета стало возможно вернуться лишь в царствование Александра II, когда в империи начались либеральные реформы. Еще в мае 1855 г. Александр поручил наместнику Паскевичу разработать проект открытия в Варшаве высшей медицинской школы. После окончания работы наместника над проектом (1 августа) он еще год обсуждался в Петербурге. Устав Медико-хирургической академии в Варшаве был утвержден императором 4 (16) июня 1857 г., и она открылась

19 сентября (1 октября) того же года. Варшавская Медико-хирургическая академия по своим программе и статусу была приравнена к Медико-хирургической академии в Петербурге. Высшим органом Академии являлась так наз. конференция, состоявшая из всех ординарных профессоров, которая присуждала научные степени, выписывала книги и научные пособия из-за границы без ограничений и таможенной оплаты, издавала собственные труды и не подчинялась обычной цензуре. Лекции должны были читаться на польском языке и латыни, русский язык не был предусмотрен в программе. Срок обучения в Медико-хирургической академии составлял 5 лет, на Отделении фармацевтики, созданном на базе бывшей Фармацевтической школы, — 2 года. Президентом Академии стал профессор Киевского университета Ф.С. Цыцурич, который первоначально получил широкие полномочия, поскольку конференция еще не была создана. Цыцурич проявил большую доброжелательность по отношению к полякам и решил пригласить в качестве профессоров выдающихся польских специалистов. Со временем в Академии стали преподавать известные варшавские врачи Т. Халубиньский, В.Ф. Шокальский и А. Лебрен, а также будущие знаменитости Г. Гойер, В. Бродовский, Ю. Косиньский. За 5 лет своего существования Академия значительно расширила первоначальную программу обучения, число кафедр также было увеличено. В этот период Академия насчитывала 413 слушателей Медицинского факультета и 184 студента на Отделении фармацевтики. В общей сложности окончили академию 29 врачей, 10 получили звание доктора²¹.

Одновременно с планом создания Медико-хирургической академии в Варшаве рассматривался вопрос об образовании в столице Королевства Польского высшей юридической школы. На необходимости ее создания настаивал в 1855 г. главный директор в Комиссии юстиции Королевства Польского Ф. Скарбек, а в 1857 г. — находившийся в Петербурге председатель Кодификационной комиссии Королевства Р. Губе. Несмотря на поддержку плана Губе со стороны декана юридического факультета Петербургского университета А. Чайковского, наместник Королевства Польского князь М.Д. Горчаков сумел убедить Александра II отказаться от его реализации и принять контрпроект попечителя Варшавского учебного округа и главного директора в Комиссии внутренних дел Королевства П.А. Муханова. Проект Муханова о дополнительных юридических классах в филологических гимназиях и увеличении числа стипендий для польских студентов-юристов в российских университетах (с 20 до 40 чел.) вступил в силу 19 ноября (1 декабря) 1857 г.²²

В декабре 1857 г. был принят новый устав Института сельского хозяйства в Маримонте. Срок обучения увеличивался на год и составлял теперь 3 года, требования к абитуриентам стали более строгими (отныне при поступлении необходимо было представить аттестат зрелости или сдать вступительный экзамен). Увеличились дотации на учебные пособия, и

некоторым преподавателям были предоставлены стипендии для научных командировок в Западную Европу. В то же время правительство Королевства Польского начало давать заграничные стипендии лучшим выпускникам польских средних школ, а Министерство просвещения в Петербурге стало предоставлять заграничные стипендии польским профессорам²³.

В марте 1861 г. вследствие нараставшего возбуждения умов в Королевстве Польском Александр II пошел на некоторые уступки. Варшавский учебный округ был ликвидирован, а руководство системой образования приняла на себя возрожденная Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения. Ее директором стал маркиз А. Велёпольский. Проект будущей реформы, состоявший из четырех основных пунктов, был напечатан 16 (28) октября 1861 года и вызвал острый конфликт между Велёпольским и исполнявшим обязанности наместника генерал-адъютантом графом Н.О. Сухозанетом. В результате в декабре того же года на посту директора Комиссии Велёпольского сменил Р. Губе. Александр II утвердил Устав об общественном воспитании в Царстве Польском только 8 (20) мая 1862 г., причем внес некоторые изменения (отказался от обязательного начального образования). Согласно уставу в Варшаве был восстановлен университет, который стал называться Варшавской главной школой. Осенью 1861 г. в Варшаве были открыты годичные подготовительные курсы для будущих студентов, на которые поступило 350 человек. Университет состоял из четырех факультетов – медицинского, администрации и права, физико-математического и историко-филологического. В 1862 г. в университет был принят 721 студент, половина из них поступила на факультет администрации и права. Высшим органом управления университетом являлся Общий совет, в который входили избираемые ректор, деканы и по два представителя от каждого факультета. Общий совет и Совет факультетов утверждали программы лекций, выдвигали кандидатов на должности профессоров, присуждали научные степени. Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения осуществляла только высший надзор. Первые четыре года студентов принимали после вступительных экзаменов, затем при поступлении стал обязательен аттестат зрелости. Обучение в университете составляло 4 года, на медицинском факультете – 5 лет²⁴.

Главная школа в Варшаве значительно уступала ведущим европейским университетам. Ее слабыми сторонами были отсутствие больших материальных фондов и недостаточная подготовка поступающей в нее молодежи²⁵. При образовании Варшавской главной школы резко встал кадровый вопрос. Так как в связи с напряженной политической обстановкой в Королевстве Польском профессора из других польских университетов (за границами Королевства) считали ее создание временным и отказались преподавать в ней, решено было пригласить в качестве профессоров поляков, находившихся в России. Это могло дать положительные результаты, если бы не разразившееся в Королевстве Польском в январе 1863 г. вос-

стание. В Варшаву согласился приехать крупнейший польский востоковед, профессор Казанского университета Ю. Ковалевский, который возглавил кафедру всемирной истории. Собирался в Варшаву и знаменитый ботаник и протозоолог А. Ценьковский, но помешало восстание. В результате на кафедру зоологии был назначен адъюнкт Б. Дыбовский. Труднее всего было набрать профессоров на гуманитарные, особенно филологические кафедры. Наиболее ценным приобретением для Главной школы оказались историк Ю.К. Плебаньский, директор университетской библиотеки и преподаватель польского языка Ю. Пшиборовский и специализировавшийся в области античной филологии З. Венцлевский, жившие и преподававшие в Великом Княжестве Познанском²⁶. Не были заняты кафедры польской литературы и польской истории. Последнюю согласился принять Г. Шмидт, однако ему также помешало восстание. Библиотекарем и адъюнктом, преподававшим библиографию, стал приглашенный из Кракова К. Эстрайхер, уже известный в то время как автор работ по польской библиографии XIX в. Но большинство должностей, особенно на факультетах администрации и права и физико-математическом, заняли профессора из Королевства. На факультете права оказались выдающиеся юристы, занимавшие высокие посты в судебной иерархии: представители старшего поколения — первый декан факультета Я.К. Воловский, Я. Шимановский, В. Дуткевич, Ф. Мацевский и их младший коллега выпускник Петербургского университета В. Голевиньский. На физико-математическом факультете работали бывший профессор Варшавского университета А. Фрончеквич — первый декан факультета и профессор математики, выпускник того же университета Я. Барановский, преподававший космографию и астрономию, а также учителя варшавских гимназий, окончившие Петербургский университет. Одним из самых выдающихся ученых на факультете был выпускник Дерптского университета Я. Натансон, который возглавил кафедру химии. Для подготовки кандидатов на посты заведующих кафедрами, а также для повышения квалификации преподавательского состава Комиссия вероисповеданий и общественного просвещения предоставила заграничные стипендии. Ректором Главной школы стал Ю. Мянковский — бывший профессор Виленской Медико-хирургической академии, преподававший затем в Петербурге.

Одновременно с организацией Главной школы разрабатывался проект создания Политехнического института. Несмотря на критику со стороны польского общества и даже членов правительства (в частности, Р. Губе), А. Велёпольский, желая защитить молодежь от «пагубного» влияния столицы, настоял на том, чтобы учебное заведение находилось вдали от Варшавы. Институт политехнический, сельского и лесного хозяйства был открыт в Пулавах в 1862 г. Он объединил 5 факультетов — механики, гражданских инженеров, горной химии, сельского хозяйства, лесничества. Два последних факультета создавались на базе реорганизованного Института

сельского хозяйства. Первые 4 года абитуриентов принимали по результатам вступительных экзаменов, затем – на основании аттестата зрелости. На технических факультетах учеба продолжалась 3 года, затем студентов ожидала годичная практика и экзамен на степень инженера. Студенты факультетов сельского хозяйства и лесничества обучались 2 года, затем проходили двухлетнюю практику и сдавали экзамен на степень агронома. В Политехническом институте читали лекции бывшие преподаватели Института сельского хозяйства, Ветеринарной школы и упраздненной Варшавской реальной гимназии. Вследствие отсутствия специалистов многие кафедры пустовали. Ценным приобретением для Института был профессор сельского хозяйства Т. Вербуш-Ковальский, выпускник Гогенгеймского университета, ставший впоследствии одним из выдающихся польских агрономов. В 1862 г. в Политехнический институт было принято 356 абитуриентов: 134 на факультет гражданских инженеров, 53 на факультет механики, 14 на факультет горной химии, 108 на факультет сельского хозяйства и 47 на факультет лесничества. Январское восстание 1863–1864 гг., в котором студенты Политехнического института принимали активное участие, положило конец его существованию²⁷.

Наряду с деятельностью образовательных институтов в Королевстве Польском в этот период развивалась научная жизнь, деятельность научных и просветительских обществ. После 1831 г. продолжило свою работу лишь Варшавское медицинское общество, в известной степени власти даже поддерживали его деятельность. Общество имело многочисленных членов-корреспондентов, поляков и иностранцев, на территории Королевства Польского и западных губерний, а также за границей. Оно обладало собственной библиотекой, выписывало иностранную медицинскую периодику, с 1837 г. издавало журнал «Pamiętnik towarzystwa lekarskiego warszawskiego» («Дневник Варшавского медицинского общества»). На проводившихся 2 раза в месяц заседаниях Общества обсуждались случаи из текущей медицинской практики, а также работы его членов, которые затем публиковались в «Дневнике», а иногда и в немецких периодических изданиях. С 1840 г. ежегодно проходили торжественные заседания, на них присутствовали представители властей²⁸.

В Вильно также сохранилось Медицинское общество, которое состояло из виленских врачей и членов-корреспондентов, проживавших на территории западных губерний, в Петербурге, Москве, Харькове и других городах России, в Королевстве Польском, Кракове, Познани и за границей. Долгие годы председателем общества был А.Ф. Адамович. Оно выпускало неперіодические сборники под названием «Praktyczne najnowsze postrzenia lekarzy» («Практические новейшие врачебные наблюдения»). В 1846–1862 гг. было издано 5 томов²⁹.

Во второй половине 1850-х гг. на волне либерализации возникли и другие научные общества. Так, в 1857 г. в Варшаве было образовано Зем-

ледельческое общество, а в 1858 г. – Общество научной помощи. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. медицинские общества были созданы в Житомире (1859 г.) и Каменце-Подольском (1861 г.). Последнее общество издавало печатный орган «Rozmaitości lekarskie» («Медицинские разности»), а также организовало ботанический и минералогический музей³⁰.

Большой популярностью в эти годы пользовались частные научные салоны и литературные собрания в качестве территории, свободной от полицейско-бюрократического контроля, дававшей возможность обмена мнениями и завязывания контактов. Самым известным в Варшаве был салон Н. Луцевской, собирались также у А. Пшездзецкого и Л. Лубеньского. Более скромный характер носили литературные и научные собрания в домах интеллигенции – Вуйцицких, Мацевевских, Скимборовичей, Вильконьских. Представители старшего поколения ученых, занимавшихся точными науками, собирались у бывшего профессора Варшавского университета математика А. Фрончевича и астронома Я. Барановского. Молодежь Варшавы организовала род дискуссионного клуба в кафе Семадени. С 1845 г. по инициативе К. Байера в Варшаве проходили «нумизматические четверги», на которых присутствовали К. Стрончиньский, Э. Раствецкий и К. Бандтке³¹.

Научные и культурные проблемы обсуждались в виленских салонах и на литературных собраниях у Р. Тышкевича и маршалка Э. Мостовского. Значительную роль продолжало играть аристократическое меценатство. Ученый-аристократ Э. Тышкевич, автор ценных работ по археологии, в 1845 г. создал в своем виленском дворце частный музей естественной истории. С 1851 г. Тышкевич предпринимал попытки превратить его в публичный музей древностей и расширить его фонды за счет пожертвований частных лиц и архивов упраздненных монастырей. При музее должна была возникнуть Археологическая комиссия. Проект Тышкевича получил одобрение Николая I, но был реализован только в 1855 г., когда виленским генерал-губернатором стал В.И. Назимов. Виленская археологическая комиссия издала в 1858 г. «Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года)», а в 1860–1862 гг. – подготовленную И. Даниловичем двухтомную «Сокровищницу папских, императорских, королевских, княжеских актов» по истории Литвы и соседних с ней земель. Археологическая комиссия сотрудничала как с российскими, так и с иностранными учеными. Наряду с российскими историками и археологами, членами Комиссии стали в 1857 г. П.Й. Шафарик, В. Ганка, а позднее двое других чешских литераторов и ученых – К.В. Заппа и Л. Риттерсбург. Хранителем музея был журналист и археолог А.Г. Киркор. Кроме археологических памятников музей обладал собранием рукописей и кабинетами живописи, графики, нумизматики, сфрагистики, орнитологии и минералогии³².

На конец 1850-х – начало 1860-х гг. пришла активная издательская деятельность А.Г. Киркора. В 1857–1858 гг. он выпускал коллективный литературно-научный сборник «TeKa Wileńska» («Виленская папка»), затем, после ее запрещения, опубликовал в 1859 и 1862 гг. 2 тома «Pism zbiorowych wileńskich» («Виленских коллективных сочинений»). Наконец, в 1860 г. Киркор стал издателем и редактором «Kuriera Wileńskiego» («Виленского вестника») – официальной и единственной в Вильно газеты, выходившей на русском и польском языках, в которой он сумел развить не только информационную, но и научно-литературную часть. Благодаря этому «Вестник» начал пользоваться большой популярностью, а его тираж в 1861 г. возрос в 8 раз – с 400 до 3200 экземпляров. Киркор являлся главным организатором акционерного общества, имевшего целью издавать многотиражную дешевую просветительскую литературу, а также научные и художественные произведения. В это время в Вильно увидели свет исторические публикации М. Балиньского и двухтомный «Словарь польского языка», деньги на издание которого дал С. Оргельбранд³³.

Относительная либерализация в общественно-политической жизни Королевства Польского в конце 1850-х – начале 1860-х гг. способствовала разработке проектов создания центров, призванных координировать польскую науку. Так, в 1862 г. из среды, связанной с ежемесячником «Biblioteka Warszawska» («Варшавская библиотека»), выдвигался план воссоздания Общества друзей наук, однако он был отвергнут Велёпольским. Маркиз также не поддержал проект организации польской Академии наук под председательством Р. Губе (1861 г.), вероятно, исходивший из кругов высшей бюрократии Королевства Польского.

В 1862 г. маршалок Виленской губернии А. Домейко выступил с инициативой восстановления Виленского университета, его поддержал генерал-губернатор В.И. Назимов. Однако проект так и остался на бумаге. После отмены запрещения принимать в Киевский университет молодежь из Королевства Польского большинство его студентов оказалось поляками, в то время как единственным польским преподавателем был прозектор И. Коперницкий. Молодежь отвергла предложение украинского деятеля В. Антоновича о создании кафедры польского и украинского языка и литературы. В 1860–1861 учебном году польские студенты хотели подать адрес Александру II с просьбой сделать польский язык языком преподавания в Киевском университете, но этот замысел остался нереализованным³⁴.

2. Философская мысль. Литературная жизнь и драматургия

В 1830-е гг. в польской периодической печати наблюдался застой, поскольку после поражения Ноябрьского восстания многие газеты и журналы были закрыты. Продолжали выходить политико-информаци-

онные издания: «Gazeta Warszawska» («Варшавская газета»), «Dziennik Powszechny» («Всеобщий дневник», до 1837 г.), «Kurier Warszawski» («Варшавский вестник»), «Korespondent Warszawski» («Варшавский корреспондент», до 1841 г.), «Gazeta codzienna» («Ежедневная газета»). Кроме официальных новостей, содержание этих газет составляли в основном переводы материалов из иностранной печати. Наиболее любопытной из них являлся сохранявший собственное лицо «Варшавский вестник», который пользовался популярностью у публики. Немалое влияние на духовную жизнь западных губерний, а частично и Королевства, оказал выходивший в 1830–1858 гг. «Tygodnik Petersburski» («Петербургский еженедельник»), ставший с 1832 г. «правительственной газетой Королевства Польского». Несмотря на то, что он представлял лояльное властям реакционное направление, «Еженедельник» был прежде всего литературной газетой и содействовал созданию института рецензий, который был слабо развит до 1830 г. В газете печатали статьи члены так называемой «петербургской котерии» – Г. Жевуский, М. Грабовский, И. Головинский, Л. Штырмер, Ю.Э. Пшецлавский и др. В 1836–1846 гг. с «Еженедельником» сотрудничал один из крупнейших польских писателей Ю.И. Крашевский. Его статьи отличались большей свободой мысли, что нередко вызывало его конфликты с редакцией³⁵. Единственным специализированным изданием, оставшимся после 1831 г. на территории Королевства, был посвященный лесничеству журнал «Silwan» («Сильван»). Оживление периодики в Королевстве Польском наступило около 1840 г., когда на литературное поприще вступило новое поколение писателей. С 1840 г. начал выходить «Przegląd warszawski literatury, historii, statystyki i rozmaitości» («Варшавский обзор литературы, истории, статистики и разностей»), который редактировали Я. Будзилович и Х. Скимборович. В первый год в журнале было много научных статей, затем стала доминировать художественная литература, особенно поэзия. С 1840 г. стал также издаваться «Nadwiślanin» («Надвислянин») – орган молодых литераторов, названных впоследствии «варшавской богемой»³⁶.

Большую роль в литературной и научной жизни Королевства Польского сыграл ежемесячник «Варшавская библиотека», который начал выходить с 1841 г. Журнал охватывал широкую проблематику – научную, социально-экономическую, литературную, художественную – и издавался на высоком профессиональном уровне. Инициатива его создания (1840 г.) исходила от трех человек, работавших в Комиссии внутренних дел – известного историка М. Балиньского, который был зятем Е. Снядецкого; поэта Л. Потоцкого и одного из ведущих варшавских литературных критиков А. Тышиньского. Редактором журнала стал А. Шабраньский, соредакторами и совладельцами – Л. Лубеньский, Александер и Адольф Курцы, Ф. Зелиньский, В. Маевский и К.В. Вуйцицкий (в 1844–1845 и 1850–1870 гг. главный редактор журнала). Отличительной чертой издания было большое

внимание к научной, социально-экономической и технической проблематике, хотя в нем печатались также художественные произведения, рецензии на литературное, художественное, музыкальное творчество. Среди наук преобладающее место занимала история, в журнале был организован специальный исторический отдел. В основном сугубо профессиональным уровнем отличались юридические статьи (что явилось продолжением традиции первого профессионального юридического журнала в Польше – «Польской Фемиды»). Работы по другим наукам, особенно естественным, носили преимущественно общеинформационный и популяризаторский характер. С 1845 г. «Варшавская библиотека» вела постоянную рубрику «Известия о путях прогресса естественных наук», в которой помещались статьи сотрудников журнала – естествоведа А. Ваги, химика Ю. Бэлзы, физика С. Пшистаньского, астронома Я. Барановского. Большое значение придавалось практическому применению завоеваний науки – гражданской инженерии, горному делу, металлургии, химическим технологиям, а также экономическим и техническим проблемам. Среди авторов статей были в основном жители Королевства, но иногда и представители других польских центров и эмигранты, писавшие анонимно³⁷.

Новый этап в развитии польской журналистики наступил в начале 1850-х годов. Существенное значение в деле модернизации варшавской печати, выведения ее на европейский уровень в плане содержания и технического оформления имело основание Г. Жевуским в 1851 г. новой газеты «Dziennik Warszawski» («Варшавский дневник»). Жевуский увеличил формат своей газеты, больше внимания стал уделять польским, а не иностранным событиям, особенно подробно рассматривал достижения польской литературы, истории и археологии. В состав редакции, кроме Жевуского, вошли прозаик и сатирик А. Вильконский, известный литературный критик Г.Ф. Левестам, историк Ю. Бартошевич, публицист и литератор В. Шимановский, журналист В. Закшевский, экономист Я. Вагнер. Также в газете сотрудничали Ф. Бесекерский, Э. Жеменцкая, Э. Ивановский, В. Врублевский, М. Грабовский, П. Вильконьская, Ф. Скарбек и др. Газета вызвала большой интерес у публики. Однако из-за появления в ней публицистических работ Жевуского «Цивилизация и религия» (1851 г.) (в которой доказывалась их несовместимость, и соответственно вред «цивилизации») и «Писем из Варшавы» (в них признавались неотвратимость падения Речи Посполитой и возможность развития духовной жизни народа при отсутствии собственной государственности, говорилось о вредном влиянии литературного воображения на общественную жизнь, необходимости серьезной научной критики для успешного развития литературы, звучали слова осуждения в адрес журналистов за желание понравиться толпе и т.д.) популярность газеты среди читателей уменьшилась. После отъезда Жевуского из Варшавы в январе 1854 г. «Варшавский дневник», издаваемый теперь Ю. Бартошевичем, приобрел

сугубо историческое направление. Уровень газеты постепенно снижался, менялись ее название, издатели и редакторы³⁸.

Под влиянием усовершенствований, введенных Жевуским в «Варшавском дневнике», на путь модернизации вступили и другие варшавские периодические издания. Первой последовала его примеру старейшая среди них «Варшавская газета» (основанная в 1774 г.), редактором которой был А. Лешновский. Там печатались повести Ю. Коженёвского, З. Качковского, Ю.И. Крашевского, И. Ходзько, позднее — З. Милковского, стихотворные произведения В. Сырокомли и Т. Ленартовича, работы Ю.И. Крашевского, Г. Шмидта, Ю. Бартошевича, К. Яроховского, М. Балиньского, Ю. Кремера и др. «Варшавская газета» увеличила свой формат и через 2 года обогнала «Варшавский дневник» по числу подписчиков, доведя их до 7 тыс.³⁹

Современным требованиям начала отвечать и издаваемая в Варшаве «Ежедневная газета». Ее дальнейшее преобразование было связано с приобретением газеты 4 (16) мая 1859 г. крупным польским банкиром Л. Кроненбергом, который вложил более четверти миллиона руб. в ее усовершенствование. «Ежедневная газета» стала изданием европейского уровня и по числу подписчиков обогнала «Варшавскую газету». Во многом это было достигнуто благодаря усилиям главного редактора Ю.И. Крашевского. С 28 октября (9 ноября) 1859 г. газета в 2 раза увеличила формат (доведя его до 54 × 37 см), такой размер был новшеством для Королевства Польского. 22 марта (3 апреля) 1861 г. Крашевский вернул газете прежнее название — «Польская газета», которое она носила с момента своего основания в 1826 г. К. Брониковским и М. Мохнацким до поражения Ноябрьского восстания в 1831 г., когда по цензурным соображениям от него пришлось отказаться. В 1860 г. ее тираж составил 5 тыс. экземпляров, в 1861 г. — 7 тыс., в 1862 г. — свыше 8 тыс.⁴⁰

С конца 1850-х гг. в Королевстве Польском получили развитие профессиональные технические журналы. В 1860–1863 гг. в Варшаве выходил пользовавшийся популярностью специальный научный журнал «Dziennik politechniczny» («Политехнический дневник»), с 1861 г. имевший тираж в 1 тыс. экземпляров⁴¹.

В Вильно в 30-е — 50-е гг. XIX в. единственным научным периодическим изданием были «Wizerunki i roztrząsania naukowe» («Научные наброски и обсуждения»), печатавшиеся в типографии Ю. Завадзкого. Журнал не отличался высоким уровнем, его редактировали бывший член литературно-просветительского общества шубравцов И. Шидловский и бывший секретарь Виленского университета Л. Рогальский (до 1835 г.). Хотя в издании публиковались работы профессоров виленских Медико-хирургической и Духовной академий, основное содержание составляли переводы заграничных сочинений. В западных губерниях научная периодика была представлена прежде всего выходившим в 1841–1851 гг. под редакцией

Ю.И. Крашевского журналом «Athenaeum» («Атенеум»), хотя формально он журналом не назывался, поскольку на издание периодической литературы трудно было получить разрешение. Основное содержание журнала составляла научная (история, археология, народоведение, история искусства и т. д.), литературная и художественная проблематика. Большинство авторов являлись давними профессорами Виленского университета. Всего было издано 66 томов. Журнал был закрыт вследствие финансовых трудностей, вызванных падением числа подписчиков из-за его нерегулярного выхода. Пользовался популярностью печатвшийся в 1849–1850 гг. в Вильно «Dziennik naukowo-literacki» («Научно-литературный дневник»), выступавший против консервативных тенденций «Петербургского еженедельника». По характеру к «Атенеуму» приближались издававшийся в 1842–1849 гг. витебским помещиком К. Буйницким «Rubon» («Рубон») и выпускавшаяся в 1844–1846 гг. в Друскининкае врачом К. Вольфгангом «Ondyna druskienickich wód» («Русалка друскининкайских вод»), а также «Pamiętniki umysłowe» («Ученые записки»), которые в 1845–1846 гг. издавал в Гродно судебный чиновник А. Данелецкий. В этих журналах преобладала литературная и научно-популярная тематика (региональная история, археология, фольклорные исследования)⁴².

В период 1831–1863 гг., особенно в 1837–1848 гг., философия впервые оказалась в самом центре польской интеллектуальной жизни. Никогда ни до, ни после этого польские мыслители не были так убеждены в важности философии, в возможности и целесообразности ее применения не только в отдельных областях науки и культуры, но и во всей общественной практике. Рассматривая немецкий идеализм, и прежде всего гегельянство как высшее достижение западноевропейской философии, и стремясь превзойти его, польские мыслители-максималисты видели неотъемлемую черту истинной философии в создании собственной системы. Наиболее плодотворный философ этой эпохи Б. Трентовский считал себя первым польским философом, поскольку являлся основателем польской системы максимализма. Одним из главных пунктов его программы было создание национальной философии – задачи, которая еще перед Ноябрьским восстанием постулировалась польскими мыслителями, особенно Ю. Голуховским и М. Мохнацким. Однако только после восстания возникла идея о том, что польская философия должна иметь универсальное значение. Таким образом, программа национальной философии соединялась с общечеловеческой задачей⁴³.

В философской мысли этого периода можно выделить три направления. Правое крыло польских философов, объединявшееся вокруг «Петербургского еженедельника» и журнала «Пилигрим», издававшегося Э. Жеменцкой, а также клерикальные критики Ф. Козловский и М. Якубович призывали к борьбе с чужеземщиной, выступали за подчинение философии национальной католической традиции, трактуемой в консервативном духе. Представители либерального (А. Цешковский, Б. Трентовский)

и демократического (К. Либельт, Э. Дембовский) крыла верили в то, что поляки призваны подняться на новый, высший этап в истории человеческой мысли, создав философию действия, философию творчества, философию практики, способную изменить мир в желаемом направлении, внести вклад в возрождение гуманности и тем самым содействовать возрождению Польши. В этой связи польские философы обвиняли немецкий идеализм в созерцательности. Впервые с такими обвинениями выступил Мохнацкий в статье «О революции в Германии» (1833 г.), он призывал к отказу от философии во имя действия. Польские мыслители 1840-х гг. говорили уже о философии действия, считая, что необходимой основой последней является знание об абсолюте. Трентовский критически относился и к народомании, и к мицкевичевскому мессианизму. Либельт, в отличие от своего учителя Трентовского, выводил философскую мысль из мировоззрения славянского народа и называл ее «умництвом», или философией воображения. Польские философы видели также свою задачу в интеллектуальном примирении Германии и Франции, поскольку, по их мнению, общественная мысль последней представляла в истории зачаток действия, политики, социальности. Делались попытки соединения философии с религией путем философского объяснения смысла христианских откровений (Цешковский, Трентовский, Либельт)⁴⁴.

Размышления о прошлом страны и перспективах ее будущего развития, характеризовавшие особенности формирования польского национального мышления, нашли отражение в литературе этого периода. В Королевстве Польском, как и в западных губерниях Российской империи, в 30-е годы XIX в. литературная жизнь практически замерла. Центром общественно-политической и литературной жизни в это время стала эмиграция: здесь оказались выдающиеся польские поэты романтического направления – А. Мицкевич, Ю. Словацкий, З. Красиньский. Еще до восстания 1830 г. романтики рассматривали литературу как воплощение национального духа. Теперь же, по их мнению, она «должна была стать представительницей польского народа перед миром: она должна была призывать к продолжению борьбы, духовно организовывать соотечественников, прибавлять в них надежду, объяснять случившееся, показывать перспективы национального развития и место Польши в истории, современном мире, в общественном движении человеческого общества»⁴⁵. Ведущим направлением в эмигрантской литературе стала поэзия, «поэт, сознающий свое призвание, наделялся теперь ролью духовного вождя». В 1830-е годы происходила смена главных романтических жанров. На первый план вышел жанр романтической драмы, очищенный от элементов условности, таинственности, ложного пафоса и т. д., причудливо сочетавший иногда отдельные реалистические детали в изображении действительности. Проблема противопоставления личности и общества трансформировалась в проблему «личность – нация»⁴⁶.

В эти годы практически все представители демократического, либерального и консервативного лагеря сходились в том, что литература должна стать «национальной», однако видели решение этой задачи по-разному. Демократическое крыло эмиграции считало, что национальная литература должна служить делу подготовки демократической революции (С. Гощинский). Консервативные круги утверждали, что национальное начало нужно искать в старопольском феодальном укладе, это в свою очередь приводило к апологии феодального прошлого. Эмиграцией было сделано немало в области формирования «национального польского мировоззрения», что в конечном итоге вылилось в увлечение мессианскими концепциями (А. Мицкевич, Ю. Словацкий и др.).

В становлении национальной литературы величайшая заслуга принадлежала А. Мицкевичу. В написанной в 1832 г. в Дрездене III части драматической поэмы «Дзяды» он призывал соотечественников продолжать борьбу с царизмом, противопоставляя соглашательской политике верхов героизм польских патриотов. В примыкавшем к поэме «Отрывке» Мицкевич обличал самодержавие, но выражал солидарность с прогрессивно мыслящей частью русского общества. В III части «Дзядов» поэт впервые высказал идеи польского мессианизма. По мысли Мицкевича, страдания Польши связаны с особой исторической ролью польского народа-мученика – «Христа народов». Эти идеи были развиты в вышедшем в 1832 г. художественно-публицистическом произведении «Книги польского народа и польского пилигримства». Поэт доказывал, что поляки должны участвовать во всеобщей войне за независимость народов, которая приведет к воскрешению Польши. В 1832–1834 гг. Мицкевич работал над эпической поэмой «Пан Тадеуш». В ней прослеживаются реалистические тенденции, с тонким юмором и в красочных образах Мицкевич показал быт и нравы старопольского общества. После 1834 г. поэтом не было создано каких-либо значительных произведений. Он занимался педагогической практикой: в 1841–1845 гг. читал лекции по истории славянских литератур в «Коллежде Франс», но был отстранен от преподавания вследствие увлечения мистическими идеями А. Товяньского. Мицкевич обратился к публицистической деятельности, редактировал газеты «Pielgrzym polski» («Польский пилигрим») в 1832–1833 гг. и «La tribune des peuples» («Народная трибуна») в 1848 г., поддерживал политические начинания польской эмиграции: в период «Весны народов» он был одним из инициаторов организации польского легиона на территории Италии, а во время Крымской войны стремился к созданию легиона в Османской империи⁴⁷.

Еще сильнее, чем у Мицкевича, элементы политического и социального протеста отражены в творчестве Ю. Словацкого. В поэмах «Ламбро» (1833 г.), «Ангелли» (1838 г.), драмах и трагедиях «Кордиан» (1834 г.), «Горштынський» (напеч. в 1835 г.) он критически оценивал роль шляхты в польском национально-освободительном движении. В политической

лирике Словацкий выступил против клерикальных концепций решения социальных вопросов («Ответ на “Псалмы будущего”» З. Красиньского, 1845–1848 гг.). Драммы Словацкого («Балладина», 1834 г.; «Лилла Венеда», 1840 г.) носят сказочно-фантастический характер. В своих произведениях поэт проповедовал непротивление злу насилием – пассивный героизм, доказывая, что карать за грехи может лишь бог. Реалистические тенденции присутствуют в драме «Фантазии» (1841 г.). К одним из лучших произведений польской лирики относится опубликованная в 1839 г. поэма «В Швейцарии». Вершиной творческих исканий стала неоконченная поэма «Бенёвский», опубликованная в 1841 г. Так же как и Мицкевич, но в течение более короткого периода, Словацкий находился под влиянием идей Тoviaньского. Однако в поздних драмах не исчезли ни патриотические («Ксёндз Марек», 1843 г.), ни социальные аспекты («Серебряный сон Саломеи», нап. в 1843 г., изд. в 1844 г.). Философско-исторические концепции Словацкого нашли воплощение в неоконченной поэме «Король-Дух» (1845–1849 гг.)⁴⁸.

Противоречивые тенденции, обусловленные социальным происхождением, общественным положением, необходимостью считаться с мнением ближайших родственников, с одной стороны, и чувством патриотизма и долга перед родиной, с другой, характерны для творчества последнего из трех «великих романтиков» – З. Красиньского. Поэт был сыном польского генерала В. Красиньского, известного своей лояльностью к российским властям и тесным сотрудничеством с цесаревичем Константином Павловичем, а затем императором Николаем I. Произведениям Красиньского свойственны анализ социальных проблем Польши того времени и попытка возвести их на высоту общечеловеческих проблем. В 1833 г. он написал изданную анонимно «Небожественную комедию», посвященную борьбе двух миров – мира шляхетского и мира черни. Драма «Иридион» (1833–1836 гг.), возникшая под влиянием «Конрада Валленрода» А. Мицкевича, содержала политические аллюзии: герой поэмы, грек Иридион, мстит захватившим его родину римлянам, действуя под маской друга. В 1840-е годы Красиньский перешел на консервативные позиции и увлекся мессианскими идеями. В этот период им были написаны поэма-видение «Перед рассветом» (1843 г.) и «Псалмы будущего» (1845–1848 гг.). Красиньский также известен как автор любовной и философской лирики⁴⁹.

В 1830-е годы продолжил свою литературную деятельность живший в Галиции знаменитый польский комедиограф А. Фредро, который не примкнул к романтическому направлению. Развивая традиции Просвещения, он внес в жанр комедии новое социально-бытовое содержание и приблизил сценический язык к разговорному. Лучшими из его комедий были те, в которых критиковались шляхетские обычаи и предрассудки. Здесь Фредро проявил себя как мастер психологического портрета. В 1830-е годы им были написаны комедии «Девичьи обеты, или Магнетизм сердца» (1827–1832 гг., опубл. в 1834 г.), «Пан Йовяльский» (1832 г.,

опубл. в 1835 г.), «Тетушка» (1834 г., опубл. в 1858 г.), «Мечь» (1834 г., опубл. в 1845 г.), «Пожизненная рента» (1835 г., опубл. в 1845 г.). В результате необоснованной и резкой критики со стороны польских демократов С. Гощиньского и Л. Дунина-Борковского Фредро на 18 лет оставил литературную деятельность. Он вернулся к ней лишь в 1854 г., но писал «в стол», не предназначая свои произведения для печати и театральных постановок. Комедии Фредро внесли существенный вклад в развитие польского реалистического театра⁵⁰.

С начала 1840-х годов постепенно происходило оживление общественной мысли и литературной жизни в Королевстве Польском. В 1842–1846 гг. выходил журнал «Przegląd naukowy» («Научное обозрение»), в основании и редактировании которого принимал участие один из видных демократических мыслителей того времени Э. Дембовский. С журналом сотрудничала группа молодых варшавских литераторов – «энтузиастов и энтузиасток». Крупнейшим талантом среди них была Н. Жмиховская, писавшая под псевдонимом «Габриэля» (сборник «Свободные минуты Габриэли» вышел в 1845 г.) и обращавшаяся преимущественно к интимной и философской лирике, фольклорно-фантастическим мотивам и т.д. С группой «энтузиастов и энтузиасток» был связан К. Балиньский, чьи ранние произведения характеризовались радикально-демократическими взглядами («Сочинения», 1849 г.)⁵¹. В 40-е годы XIX в. в столице образовался также кружок молодых писателей и поэтов, известный под названием «варшавской богемы». Рано умерший С. Филлеборн, который редактировал журнал «варшавской богемы» «Надвислянин», отразил в стихах гнетущую и давящую обстановку своего времени, вызывавшую чувство горечи и одиночества, неприязнь к светским салонам и обывательскому существованию (сборник «Поэзия», 1847 г.). Тема осуждения окружающего мира еще сильнее звучала в творчестве другого поэта, входившего в кружок «варшавской богемы», Р. Зморского. «Романтический бунт» соседствовал у Зморского с фольклорными и славяноведческими интересами. Поэт много путешествовал по Польше, был автором работ в области фольклористики и этнографии. Лучшие произведения Зморского относились к «малым» жанрам и создавались в ранний период творчества (сборник стихов «Поэзия», 1843 г.). Появившиеся позднее поэмы «Леслав» (1847 г.) и «Башня семи вождей» (1850 г.), написанная в духе подражания славянскому эпосу, были гораздо слабее. Демократические тенденции присутствовали в ранней поэзии еще одного представителя «варшавской богемы» – В. Вольского. Он обратился к популярному в 1820-е годы и практически не использовавшемуся позже жанру «поэтической повести» («Отец Гилярый», 1843 г.), в которой «воскресил» старого романтического героя – бунтаря, мстителя, порывающего с миром, при том что действие разворачивалось на фоне действительного социального конфликта между паном и его крепостным. Вольский живо

интересовался музыкой. Одни из лучших его стихотворений посвящены Ф. Листу и Ф. Шопену. В 1846 г. он сочинил либретто всемирно известной оперы С. Монюшко «Галька» об обольщенной паничем крестьянской девушке. Подчеркивание Вольским морального превосходства людей из народа над господами определило демократическое звучание оперы, которое еще более было усилено музыкой Монюшко⁵².

В драматургии 1840-х годов бурного развития не наблюдалось, не в последнюю очередь потому, что театр, не имевший условий свободного развития, не мог стать тем полем, где проявило бы себя основное литературное направление тех лет – романтизм. В результате репертуар театров в Королевстве Польском главным образом составляли произведения авторов, не примкнувших к романтическому направлению.

Так, Ю. Коженёвский, начавший писать еще в 1820-е годы, в 40-е годы опубликовал лучшие свои драмы и комедии. Коженёвский был профессором Киевского университета (1834–1838 гг.), а также директором Харьковской гимназии (до 1846 г.) и придерживался либеральных воззрений. Он развивал художественные принципы «мещанской драмы», используя при этом отдельные романтические приемы. Воспроизведение действительных житейских ситуаций способствовало наличию в его пьесах реалистических тенденций. В драме «Карпатские горы» (написанной в 1840 г. и опубликованной в 1843 г.) автор обратился к простонародной теме: он идеализировал гуцульское свободолюбие и благородство на фоне действий австрийских властей, незаконно забравших главного героя в рекруты, что в итоге привело к его гибели. Сатирой на современную ему шляхту стала комедия Коженёвского «Евреи» (поставлена в 1845 г.), в которой показано, что ее представители гораздо жаднее и хитрее еврейских банкиров⁵³.

Неизмеримо меньшим, чем в поэзии и отчасти в драматургии, было влияние романтизма в прозе. Это было обусловлено как спецификой таланта крупнейших романтиков и пониманием ими своей поэтической миссии, так и особенностями развития эмигрантской литературы, не имевшей постоянной связи с читающей публикой. Польская проза не только использовала романтические образцы, но и обращалась к традициям сентиментального романа и повести, совершала первые шаги на пути к критическому реализму. Усилившийся интерес общества к национальному прошлому обусловил развитие в прозе исторических жанров. В духе консервативно-романтической концепции, идеализировавшей старшляхетский уклад, были написаны произведения Г. Жевуского, посвященные жизни шляхты в XVIII в., – «Воспоминания пана Северына Соплицы, чесника парнавского» (1839 г.), «Ноябрь» (1845–1846 гг.). Демократическое направление в исторической прозе проявило себя в объективном изображении феодальной старины (Ю. Словацкий, Л. Семеньский – 1830-е годы) и обращении к легендарному предфеодалному периоду польской истории («Богунка на Гопле»

Р. Бервиньского, 1840 г.). Польская проза обращалась и к современности, затрагивая широкий спектр старых и новых проблем – крестьянский вопрос, проблему расшатывания общественных и семейных связей и «капитализации» отношений, городскую проблематику. Это способствовало появлению реалистических тенденций и разработке соответствующих им жанров рассказа и повести, хотя реализм еще переплетался с романтическими и сентиментальными образцами⁵⁴.

Поражение революционных выступлений 1846–1848 гг. знаменовало начало нового этапа в развитии польской литературы, который продолжался до восстания 1863–1864 гг. События 1846–1848 гг., особенно «галицийская резня», усилили настроения лояльности среди польской шляхты. В творчестве ряда демократически настроенных писателей произошел перелом, некоторые из них перешли на позиции либерализма (В. Вольский, Р. Бервиньский, Ю. Дзержковский) и консерватизма (В. Польш). Наступившая после подавления революции реакция привела к сокращению числа периодических изданий и распаду творческих объединений. Прекратил свою деятельность прогрессивный печатный орган «Научное обозрение», распались демократические литературные кружки – «энтузиасты и энтузиастки», «варшавская богема». В различных частях бывшей Речи Посполитой (в том числе на территории, подвластной России) получила распространение идея «органического труда» на благо общества, которая противопоставлялась нелегальной революционной борьбе. Пропагандировавшаяся либеральными шляхетскими и буржуазными кругами, эта программа подготовила новую идеологию – идеологию позитивизма⁵⁵.

События 1846–1848 гг. стали рубежом в развитии романтической поэзии. Начался кризис романтического направления, выражавшийся в «упрощении» взгляда на роль литературы в обществе, в обращении авторов к «малым» жанрам – поэтической новелле, рассказу, поэтической зарисовке. В прозе очерковый жанр («сценка из жизни», «бытовая картинка») в 50-е годы XIX в. постепенно становился пройденным этапом, однако в поэзии он утверждался именно в это время.

В. Сырокомля (литературный псевдоним Л. Кондратовича) обновил жанр «беседы» и наполнил его новым содержанием. В отличие от своих предшественников, он критически относился к феодальному прошлому, и в его «беседах» о шляхте присутствовали черты демократизма. Эстетическим образцом для Сырокомли служил фольклор, прежде всего народные песни, которые немало способствовали мелодичности и задушевности его стихов. Несмотря на увлечение романтическими образцами, во многих своих произведениях он достоверно показывал действительность и тем самым способствовал развитию реалистического направления в литературе⁵⁶.

Фольклорные традиции использовал в своем творчестве варшавский поэт Т. Ленартович, который провел большую часть жизни в эмиграции.

Польская деревня, быт и нравы крестьян занимали центральное место в его поэзии. Народность поэзии Ленартовича не ограничивалась формой и стилем его произведений, но распространялась и на их содержание. Многим его стихотворениям присущи ноты тоски по родине («Как на Мазовше», «Думка изгнанника», «Из изгнания») и глубокий патриотизм («К Висле», «Да здравствует Польша») ⁵⁷.

После смерти Словацкого и Мицкевича эмиграция перестала играть прежнюю выдающуюся роль в польской литературной жизни. Однако именно на эти годы приходится расцвет творчества одного из крупнейших польских поэтов, живших в эмиграции, Ц.К. Норвида, не оцененного и не понятого современниками. Норвид во многом опередил свое время, его искусство не вмещалось ни в одну из линий развития современной ему поэзии и общественной мысли, хотя несомненна его связь с традициями великих романтиков. Норвид реагировал на все злободневные вопросы эпохи: в его творчестве нашли отражение патриотическая проблематика («Импровизация...», 1861 г.; «Польские евреи», 1861 г.; «Фортепиано Шопена», 1863 г. и др.), тема национально-освободительной борьбы («Памяти Бема траурная рапсодия»; «Гражданину Джону Брауну»; «Джон Браун» и т.д.), критика капиталистического общества («Призрак»; «Столица»); аллегорическо-философские размышления («Черные цветы», 1856 г.; «Белые цветы», 1857 г.). Норвид выступил новатором в области поэтического языка: он считал, что многие слова потеряли выразительность и первоначальный смысл, и придумывал неологизмы, не всегда доступные пониманию. Это новаторство, во многом затруднявшее восприятие современниками его произведений, сыграло не последнюю роль в том, что он не оказал непосредственного влияния на развитие поэзии XIX в. и приобрел популярность лишь в XX столетии ⁵⁸.

Наметившийся в 1840-е годы интерес литературы к проблемам социальных отношений в последующий период продолжал расти. Этому способствовал рост популярности прозаических жанров, особенно повести и романа. Проза начинала играть все бóльшую роль, постепенно оттесняя поэзию на второй план. Развитие литературы показало недостаточность свойственного романтизму условно-абстрактного, субъективного изображения новых социально-психологических типов и явлений, необходимость их всестороннего анализа и исследования реальных условий, их порождающих. Достаточно широкий круг проблем, заострение социального анализа, формирование новой концепции героя, судьба которого отражает типичную судьбу человека своей эпохи, утверждение новых жанров – все это позволило характеризовать прозу 40-х – 50-х годов XIX в. как литературу периода становления реализма. Правда, в ряде случаев нередко давала себя знать прежняя романтическая поэтика, но именно в сосуществовании романтического и реалистического начал заключалась одна из специфических черт данного периода ⁵⁹.

В среде варшавских писателей видная роль, как и ранее, принадлежала Н. Жмиховской. В ее творчестве критика аристократических салонов по-прежнему занимала важное место («Книга воспоминаний», 1847 г.; «Белая роза», 1858 г.). Демонстрация пагубного влияния атмосферы салона на психику отдельных его посетителей соседствовала с рассмотрением социальных вопросов, с противопоставлением жизни светской гостиной жизни варшавских ремесленников и показом невозможности сосуществования двух этих миров. Миру варшавских ремесленников было посвящено немало внимания в прозе В. Вольского («Домик на улице Глубокой», 1859 г.). Он одним из первых в польской литературе обратился к подробному изображению Варшавы, ее домов и улиц. Вольский ввел в прозу новые, свойственные городской атмосфере типы и расширил тематику, связанную с развитием новых общественных отношений в городе⁶⁰.

Важный этап в развитии реализма связан с творчеством Ю. Коженёвского и Ю.И. Крашевского. В середине 40-х годов XIX в. Ю. Коженёвский перешел от поэзии и драматургии к прозе, считая, что со временем повесть и роман вытеснят все остальные жанры. В своих произведениях он показал процесс проникновения капиталистических отношений в жизнь общества и положение в нем различных социальных групп. Повесть Коженёвского «Спекулянт» (1846 г.) посвящена изображению неуклонно растущей власти денег в современном ему мире. В повести «Коллокация» (1847 г.) раскрывались противоречия между претензиями аристократии и шляхты и их реальным положением в обществе. Роман «Родственники» повествует о судьбе разорившихся шляхтичей, вынужденных, несмотря на сословные предрассудки, приобретать профессию и искать свое место в жизни⁶².

В 1850-е годы другой зачинатель реализма, Крашевский пишет и издает «крестьянские» повести – «Арина», «Хата за деревней», «Ермола», «История колышка в плетне», которые пополнили литературу новыми образами и представлениями о новых социальных взаимоотношениях. В созданных в это же время повестях «Последний из Секежинских» (1851 г.), «Золотое яблоко» (1853 г.) и др. писатель подверг критике аристократию и шляхту и выдвинул программу, опередившую идеи позитивистов. Он верно отразил суть процесса преобразования феодального общества в буржуазное, где деньги стали играть решающую роль. В своих произведениях Крашевский выступал с реалистическими обобщениями, содействовал утверждению принципа социальной типизации⁶¹.

В 40–50-е годы XIX в. драматургия развивалась менее интенсивно, поскольку было трудно сочетать требования сценического искусства с задачей представления в драматических произведениях прозаических, обыденных явлений. Традиции романтизма в драматургии продолжил А. Коженёвский, поэт, переводчик, политический деятель. Герой его «Комедии» (1855 г.), написанной в подражание А.С. Грибоедову, конспиратор

Генрык после преодоления многочисленных препятствий на пути к жеманности отказывается от брака, поскольку не хочет владеть крепостными. Тот же Генрык является главным действующим лицом пьесы «Ради наживы» (опубликована в 1859 г.), в которой Коженёвский вывел целую галерею типов из шляхетской среды⁶³.

3. ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО И МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

В непосредственной связи с литературой развивался польский театр. После Ноябрьского восстания наряду с другими областями науки и культуры он был поставлен под контроль правительства. Как и прежде, театр находился в ведении Театральной дирекции, состоявшей из двух директоров и председателя, которая подчинялась Комиссии внутренних дел. Хотя номинально председатель Дирекции был почти абсолютным хозяином в театре, разрешение всех важных вопросов зависело непосредственно от наместника. В 1832–1842 гг. председателем Театральной дирекции был член Административного совета генерал Ю. Раутенштраух, обладавший несомненным организаторским талантом и огромной работоспособностью. При нем было закончено затянувшееся строительство Большого театра, поскольку Раутенштраух убедил Совет по строительству отказаться от излишних расходов и внести существенные изменения в первоначальный план проекта. В результате огромный зрительный зал, рассчитанный на 3000 мест, был уменьшен за счет расширения сцены. Большой театр открылся 12 (24) февраля 1833 г. постановкой «Севильского цирюльника». В том же году в маскарадном зале Большого театра была организована сцена для нового театра «Розмаитости» («Всякая всячина»), который до этого временно располагался в здании Благотворительного общества. Этот театр вмещал до 600 человек, а в случае необходимости использования зала для маскарада сцена и зрительские места могли быть убраны в течение 24 часов. Однако помещение было слишком тесное и неудобное, поэтому в конце 1835 г. спектакли прекратились и началась перестройка под театральное здание служебных помещений Большого театра. Через полтора года театр «Розмаитости», теперь уже рассчитанный на 800 мест, вновь стал функционировать. По инициативе Раутенштрауха в 1839–1840 гг. были проведены реставрационные работы на двух театральных сценах, существовавших в Лазенках, – в закрытом с 1828 г. театре в Оранжеее и в театре, располагавшемся в Амфитеатре у воды. Также началось строительство театра в Калише.

Раутенштраух проявлял заботу и о подготовке профессиональных кадров для варшавских театров. На месте закрытой в 1832 г. Драматической школы в 1836 г. возникла новая школа, состоявшая из двух классов, с более скромным планом обучения и приоритетом практических занятий.

Школой руководили талантливые педагоги – в 1836–1842 гг. Б. Кудлич, в 1843–1851 гг. Я.Т. Ясиньский. Отсутствие теоретических предметов частично заменяли в 1836–1838 гг. лекции Л. Дмушевского, в которых он не ограничивался областью литературы, но постоянно анализировал игру актеров, особенно дебютантов⁶⁴.

При Раутенштраухе и сменившем его на посту председателя Театральной дирекции генерале И. Абрамовиче (1842–1861 гг.) в варшавские театры было принято немало актеров и актрис, впоследствии ставших знаменитыми. В бытность Раутенштрауха в театре играли А. Жулковский, Ю. Коморовский, А. Штольпе, Я. Хомановский, Э. Деринг, М. Зенопольский, Б. Дависон (в течение краткого периода до отъезда в Вильно); из женской части труппы – Т. Дамсе, А. Каминьская-Ашпергер, Ю. Радзыньская, Ю. Дашкевич, Э. Веровская, Ю. Модженьская-Курцьюш. При Абрамовиче на варшавскую сцену вступили Ю. Погожьельская-Мазуровская, Э. Цемская, Я. Хенциньский, С. Палиньская, В. Шимановская-Бакалович, В. Лапиньская-Невяровская, А. Островский, А. Ладновская-Ракевич, А. Гофман, а также прибывшие из Кракова актеры Ю. Рихтер, М. Хоминьский, Я. Круликовский, Г. Гофман-Майерановская. В опере блистали Ю. Добрский, Л. Рывацкая, сестры Л. и П. Риволи, В. Трошель. В балете, как и в более ранние годы, ведущее место занимал М. Грековский, затем его потеснили Р. Турчинович, приехавшая из Вены Х. Шлянцовская (которая позднее вышла замуж за Грековского), К. Дамсе, братья Александер и Антоний Тарновские⁶⁵.

Блестящему актерскому составу явно не соответствовал театральный репертуар, который, как и в 1820-е годы, оставался самой слабой стороной варшавских театров. Основным «поставщиком» театральных произведений – как оригиналов, так и подражаний и переводов – являлся один из театральных директоров, Л. Дмушевский, его преемником на этом посту стал Я.Т. Ясиньский, «плодовитый» автор 255 пьес. Кроме того, ставились комедии А. Фредро «Девичьи обеты» (1834 г.), «Пан Йовяльский» (1835 г.). Также в репертуар входили произведения С. Богуславского, Ю. Коженёвского и Ф. Скарбека. Из иностранных авторов главенствующее положение занимал Э. Скриб. Такая же картина наблюдалась и в опере. В течение первых 10 лет было сыграно лишь несколько произведений зарубежных композиторов («Роберт-Дьявол» Дж. Мейербера в 1837 г., «Сомнамбула» В. Беллини в 1839 г.) и только одна комическая польская опера («Граф Веселиньский» Ю. Бжовского). По мнению польского историка М. Руликовского, тому, что руководство театра не могло надлежащим образом использовать актерский состав, способствовали такие факторы, как малое количество и низкий уровень польских театральных произведений, цензура, плохой вкус публики и почти полное отсутствие театральной критики в 1831–1840 гг.⁶⁶

Положение несколько улучшилось при Абрамовиче и Ясиньском, искренне преданных театру. Для поддержания контактов с литературными

и театральными кругами в Европе Абрамович почти каждый год отправлял Ясиньского в Париж, реже балетмейстера Р. Турчиновича в Италию и Францию. Председатель Театральной дирекции совершил беспрецедентный шаг: он обратился через периодическую печать к драматургам, прося присылать оригинальные произведения и переводы, однако практического результата это не принесло. Тем не менее в 1845 г. были сыграны новые комедии Фредро «Пожизненная рента» и «Мечь», начали выставляться пьесы новых авторов – В. Сырокомли, Я. Хенциньского, В. Шимановского, А. Маленцкого. Большое оживление оперного репертуара в 1845–1846 гг. было связано с именами директоров польской и итальянской опер – ученика Ю. Эльснера Т. Ницецкого и Дж. Катрини. В это время было поставлено 14 новых опер, в том числе первое поставленное на варшавской сцене произведение С. Монюшко «Лотерея» (1846 г.). 20 декабря 1857 г. (1 января 1858 г.) состоялась премьера оперы «Галька», а 20 июля (1 августа) 1858 г. Монюшко был назначен оперным директором и дирижером Большого театра. К 1840 г. достиг своего расцвета балет, последовательно руководимый отличными танцорами и педагогами – Л. Тьерри (до 1834 г.), М. Пионом, Ф. Тальони и Р. Турчиновичем⁶⁷.

Развитие польского музыкального искусства в 1830–1850-е гг. в Королевстве Польском и за его пределами столкнулось с определенными трудностями, что было вызвано ликвидацией в 1831 г. высшего музыкального учебного заведения – Главной школы музыки. Это привело к снижению общего музыкального уровня, поскольку далеко не вся музыкально одаренная молодежь могла позволить себе учебу за границей. После закрытия Варшавского университета с его факультетом изящных искусств главным центром, заинтересованным в воспитании кадров профессиональных музыкантов, стал варшавский Большой театр. В 1835–1841 гг. при нем существовала Школа пения. Ее учениками были известные артисты Л. и П. Риволи, Т. Дамсе, М. Гуровская, А. Штольпе, А. Гладыш, А. Коженёвский. В 1859 г. при театре возникла высшая музыкальная школа, названная Варшавским музыкальным институтом. Хотя проект его создания был одобрен правительством еще в 1854 г., институт был организован во многом благодаря инициативе и энергии скрипача А. Контского, ученика Н. Паганини, который на протяжении трех лет собирал средства на его открытие. Варшавский музыкальный институт распахнул свои двери студентам в октябре 1860 г. В нем преподавали известные польские музыканты А. Фрайер, Ю. Новаковский, К. Барановский, Ю. Шаблинский, А. Красиньский⁶⁸.

Развитие польской и европейской музыки в эти годы было неразрывно связано с именем выдающегося композитора и пианиста Ф. Шопена. Незадолго до начала Ноябрьского восстания уже довольно известный у себя на родине 20-летний юноша предпринял поездку в Европу с целью усовершенствования своего искусства, а после известия о поражении восстания решил

обосноваться во Франции, где и оставался до конца жизни. Он существенным образом развил и обогатил польское музыкальное искусство: во всех его произведениях, написанных за границей, ощущается связь с польской народной музыкой, в основу почти всех их легли польские сюжеты.

В 1830–1840-е годы Шопен продолжал совершенствовать жанр мазурки, стремясь расширить его границы. Помимо собственно мазура в его фортепианных пьесах вводились комбинации других польских танцев – кувяка и оберека. Вслед за М.К. Огиньским и другими своими предшественниками композитор развивал форму полонеза, насыщая его лирико-драматическими элементами, придав ему черты поэмы и баллады. Помимо чисто польских Шопен обращался и ко многим другим музыкальным жанрам, в частности к этюду и скерцо. Последний этюд из серии «Двенадцати больших этюдов» навеян размышлениями о родине, о судьбе Польши после поражения восстания. Шопен стал фактически основоположником таких музыкальных форм, как прелюдия и ноктюрн. Он явился также создателем жанра баллады, восходящего к традициям древней славянской думы. По крайней мере первые две баллады Шопена тематически связаны с образами поэзии А. Мицкевича. В основу первой (1835 г.) лег сюжет III части «Дзядов», вторая (конец 1838 или начало 1839 г.) написана под влиянием баллады «Свитезянка». Шопеновские фортепианные сонаты по характеру приближаются к балладам и «Фантазии». Во Второй сонате (1839 г.) воплотились размышления и переживания композитора о трагической судьбе родного народа, завершает сонату знаменитый «Похоронный марш». Последняя виолончельная соната Шопена (опубл. в 1847 г.) посвящена памяти жертв Краковского восстания 1846 г. Отличительной чертой искусства композитора является сочетание героического и лирического начал, которое присутствует в его балладах и сонатах и проникает даже в жанры ноктюрна, экспромта и скерцо. Шопен обращался и к вокальному творчеству. Им было написано несколько песен на слова поэтов А. Мицкевича («Моя баловница»), С. Витвицкого, Б. Залеского, З. Красиньского. В песнях на стихи Залеского «Нет того, что нужно» и «Двойная смерть» рассказывается о тоске по родине, в «Мелодии» Красиньского оплакиваются герои Краковского восстания⁶⁹.

В конце 1830-х гг. началась творческая деятельность другого знаменитого польского композитора, С. Монюшко. После обучения за границей он в 1840–1858 гг. жил в Вильно, был органистом в костеле св. Иоанна Крестителя, а с 1850 г. дирижировал виленской оперой. С 1858 г. Монюшко переехал в Варшаву, где стал дирижером Большого театра. Монюшко являлся одним из основателей польской вокальной музыки. Опираясь на песенный и танцевальный фольклор, он создал оригинальные мелодии, многие из которых прочно вошли в народный быт. Монюшко стремился упростить технику и сделать свои песни доступными для любительского исполнения и домашнего музицирования. В 1844–1859 гг. композитор из-

дал 6 томов своего «Домашнего песенника» (7–12 тома были опубликованы после его смерти Я. Карловичем). Монюшко привнес национальное начало и в церковную музыку, используя польские тексты и элементы народного костельного песнопения. Духовная музыка композитора близка к кантатному жанру, получившему значительное развитие в его творчестве. Монюшко заложил основы польской симфонической музыки (увертюра «Сказка», посвященная А.С. Даргомыжскому, 1848 г.; увертюра «Каин», 1856 г.). Главная его заслуга состояла в создании польской национальной оперы. Его первая опера «Галька» отражала социальный конфликт и отличалась демократической направленностью. Комические оперы вводили образы крестьян («Сплавщик леса», 1860 г.) и были сатирой на польскую аристократию («Графиня», 1860 г.; «Честное слово», 1861 г.). Уже после подавления Январского восстания, в 1863–1864 гг., Монюшко была написана лучшая его опера «Страшный двор» (или «Зачарованный замок»), в которой за комедийным сюжетом скрывалось патриотическое содержание⁷⁰.

4. НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В РАЗВИТИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ И АРХИТЕКТУРЫ

Стремлением к утверждению национальной самобытности, разработке новых жанров было отмечено развитие и других областей искусства, в том числе изобразительного. Для польской живописи 1830-х – 1850-х гг. характерной была такая ситуация, когда часть живописных полотен создавалась в самом Королевстве Польском и экспонировалась там на выставках, становясь тем самым известной польским зрителям. Но многие картины, в которых решались сложные проблемы и которые несли важные идеи, надолго оставались в мастерских художников или за границей. В результате зрители и исследователи увидели их лишь спустя несколько десятилетий.

Отрицательно сказалось на развитии польской живописи закрытие Варшавского и Виленского университетов с их факультетами изящных искусств и ограничение деятельности варшавских выставок, которые проводились лишь в 1836, 1838, 1841 и 1845 гг.⁷¹ Только Краков, хотя во все более ограниченной степени, оставался до 1846 г. официально признанным центром польской культурной и художественной жизни. В Вильно после ликвидации университета в 1831 г. высшие художественные школы в период 1830–1860-х гг. так и не открылись⁷². В более населенной Варшаве, острее нуждавшейся в удовлетворении эстетических потребностей, в 1844 г. возникла Школа изящных искусств. Официально она имела статус среднего учебного заведения, но со временем, в конце 1850-х – начале 1860-х гг., после усовершенствования учебной

программы, стала фактически высшим художественным институтом. До ее открытия в столице большую роль играло частное обучение. Небольшие художественные школы организовали А. Бланк, Ю. Рихтер, Г. Байер, А. Кокуляр (с 1835 г. совместно с Я.Ф. Пиварским). Кокуляр и Пиварский были и первыми учителями в Школе изящных искусств. В 1849 г. их сменили Р. Гадзевич, К. Каневский, Х. Бреслауер и М. Залеский. Деятельность Варшавской и Краковской школ изящных искусств (в Кракове преподавали В.К. Штатлер и Я.Н. Гловацкий) способствовала избавлению польского изобразительного искусства от засилья портретной живописи и развитию других жанров – ведуты и пейзажа, жанровой живописи. Постепенно на дальний план отходила миниатюра, возрастало значение масляной живописи. Еще сохранялись художники-любители среди шляхты и богатой буржуазии. Однако росло число профессиональных художников, основу заработка которых, как и прежде, составляло рисование портретов и картин на религиозные сюжеты⁷³.

Для живописи 1830–1850-х гг. было характерно сосуществование позднего классицизма, различных форм романтизма и «мещанского» реализма. 1830–1840-е годы были последним периодом интенсивного развития портретного жанра, который стал пользоваться меньшей популярностью благодаря распространению дагерротипа с 40-х гг. XIX в. В портретной живописи этого периода еще сохранялась дань традициям классицизма. Среди варшавских портретистов классицистического жанра придерживались К. Каневский, Р. Гадзевич, Ф. Пфангаузер, Б. Домбровский. Как и в 1820-е гг., в портретной живописи господствовал так наз. «мещанский» портрет, получивший свое название не из-за сословного характера изображаемых лиц, среди которых были и представители высшего класса общества, а благодаря более реалистическому способу передачи изображения. Картины Каневского, учившегося в Варшавском университете и петербургской Академии художеств, отличала свойственная классицизму монументализация форм (портрет супругов Мневских). Для работ Гадзевича, долго учившегося за границей, были характерны чувство цвета и достаточно свободная фактура – редкие качества в польской живописи того времени. Пфангаузер, несмотря на классицистическую форму, в некоторых портретах стал применять романтические световые эффекты (концентрация света на лице, груди, руках человека), примером чего являлся портрет Юлии Вейман. В работах Домбровского угадывались черты «мещанского» реализма. Его кисти принадлежит одно из наиболее выдающихся достижений «мещанского» портрета – изображение Пауло Пелицаро⁷⁴.

Синтез классицистических, реалистических и романтических начал, типичный для 1830–1840-х гг., был особенно характерен для виленской школы живописи. Все эти направления воплотились в творчестве виленских портретистов К. Русецкого (портрет жены, 1830-е гг.) и Я. Хруцкого

(портрет Миколая Малиновского, 1840-е гг.). С начала 1850-х гг. происходила дальнейшая эволюция портретного жанра. Исчезли его «парадный» характер и статическая композиция, на первый план все больше выступало желание художника усилить эффекты изображения с целью произвести впечатление на зрителя⁷⁵.

В 1830–1860-е гг. активно развивался жанр ведуты, или городского пейзажа. В этой области несомненные достижения, причем в масштабе не только польского, но и европейского искусства, имел М. Залеский. Он был единственным из известных художников Центральной Европы 30–50-х гг. XIX в., кто продолжал традиции венецианской ведуты, в частности Б. Белотто (Каналетто), плодотворно работавшего в Польше в 1760–1770-х гг. Залеский создал серию видов Варшавы, рисовал также краковские и виленские пейзажи. Одной из лучших варшавских зарисовок является «Площадь Красиньских с костелом пиаров в Варшаве». Проблема света и тени с течением времени все более интересовала художника, это нашло отражение в ведутах 1840–1850-х гг. и особенно в изображениях внутреннего убранства костелов и дворцов («Вид помещения Школы изящных искусств», являющийся одновременно групповым портретом ее учеников)⁷⁶.

Другим известным варшавским художником-ведутистом был В. Каспшицкий. Хотя в творчестве Каспшицкого встречаются примеры чистой ведуты («Банковская площадь в Варшаве», 1833 г.) и чистого пейзажа («У Вислы»), для его творчества была характерна связь архитектуры с пейзажем, причем с преобладанием последнего (7 видов Вилянова и его окрестностей, выполненных для А. Потоцкого в начале 1830-х гг.). Как и Залеский, Каспшицкий испытал на себе влияние искусства Каналетто, что, между прочим, выразилось в отображении им архитектуры с точным соблюдением перспективы. Художник использовал свет для получения романтического эффекта и для более тесного соединения построек с окружающей их природой (двор в Лазенках). Благодаря творчеству Залеского и Каспшицкого польская ведута получила новое развитие, возвратившись после периода господства акварели (ведуты З. Фогеля) к более монументальной масляной живописи⁷⁷.

В пейзажной живописи польские художники сохраняли гораздо меньше самобытности, чем в жанре ведуты. Влияние традиций голландской школы, развивавшихся в польской живописи со времени эпохи Просвещения (Ж.-П. Норблен), проявлялось и теперь, в частности в пейзажах художника-любителя К. Жвана. В средневропейской романтизированной и идеализированной форме, не лишенной, впрочем, реалистических аспектов, воссоздавался пейзаж в картинах Х. Бреслауера. Более сильными традициями пейзажа оставались в Вильно (К. Русецкий) и прежде всего в Кракове. Живший там Я.Н. Гловацкий, считавшийся лучшим польским пейзажистом 1830–1840-х гг., впервые ввел в польское искусство тему отечественного горного пейзажа, прежде всего Татр⁷⁸.

С начала 1830-х гг. польские художники все чаще стали обращаться к жанровой живописи. Особую роль в этом направлении играла Варшава. В столице традиции Норблена продолжал Я.Ф. Пиварский. В картинах художника «Корчма “Последний грош”», «Торг в Опатове» (1845 г.) проявилось характерное для жанровой живописи этого периода преобладание содержания над формой. Заслуга Пиварского как педагога состояла в том, что, воспитав поколение художников, занимавшихся сходной тематикой (И. Гепнер, Р. Хойнацкий, А. Мужинowski, Ю. Польковский), он подготовил почву для формирования и утверждения реализма в жанровой живописи. В ней также занимает видное место творчество глухонемого варшавского художника Ф. Пенчарского. В его картинах, представляющих мещан за ежедневными занятиями, а чаще всего проходимцев – шулеров и ростовщиков, присутствует едкая сатира. Она достигается благодаря игре света и гротескному изображению головы и жестикуляции рук, в чем ощущается связь с нидерландской и голландской живописью XV–XVII вв.⁷⁹

Внимание польских художников неизменно привлекала историческая тематика. Сохранялись берущие свое начало в эпохе Просвещения традиции исторической живописи, направленные на прославление мудрых монархов (картина Р. Гадзевича «Казимеж Великий, дарующий привилей крестьянам», 1834–1835 гг.). Получила развитие и историческая баталистика. Обратившийся к данному жанру Я. Суходольский не был профессиональным художником, в молодости он служил в армии и участвовал в Ноябрьском восстании. Однако полотна Суходольского были преимущественно посвящены наполеоновской эпохе и Речи Посполитой XVII в., и гораздо меньше работ оказалось связано с Ноябрьским восстанием. Художник испытал на себе влияние французского мастера О. Верне, у которого учился в Риме (это заметно в схеме построения боя), и в некоторой степени Ж.-П. Норблена и А. Орловского (в жанровых сценах из жизни солдат). Наряду с образом воина – красивого и идеализированного, другим главным элементом в картине является образ коня. Картины Суходольского нравились Николаю I и его окружению, и по заказу императора художник создал несколько десятков полотен, прославлявших победы русского оружия. Работы Суходольского, написанные в несколько наивной манере и отличающиеся излишней декоративностью, находились на грани профессионального и примитивного искусства. Его творчество было близко к «сарматской» живописи конца XVII – середины XVIII вв., которая в этот период уже окончательно исчезла из портретного жанра. В жанре исторической баталистики выступил и другой ученик Верне – рано умерший художник Т. Бродовский, сын знаменитого варшавского портретиста 1820-х – начала 1830-х гг. А. Бродовского, а также В. Смоковский⁸⁰.

Еще одним направлением в польской исторической живописи было течение, связанное с немецким романтизмом, особенно с так наз. «назарейцами». Немецкие художники – И.Ф. Овербек, П. Корнелиус, Ф.В.

фон Шадов, Ю. Шнорр фон Карольсфельд, Г.М. Гесс и другие, выступавшие под лозунгом «новонемецкого религиозно-патриотического искусства», — создали так наз. течение «возрождения» в немецкой живописи первой половины XIX в., обратившись к традициям искусства Рафаэля, П. Перуджино и А. Дюрера. Польские последователи «назарейцев» перефразировали их лозунг, сделав своим девизом «новопольское религиозно-патриотическое искусство». Это в полной мере относилось к учившемуся у «назарейцев» варшавскому художнику А. Лессёру, автору полотен, посвященных древней и средневековой истории Польши. Уже первая серьезная работа художника «Хшановская в обороне Трембовли», показанная на варшавской выставке 1841 г., произвела большое впечатление на критику и публику своей технической зрелостью и средствами выражения, более современными, чем в картинах Суходольского, нередко сохранявших «сарматский» оттенок⁸¹.

В Кракове с течением «назарейства» был связан пользовавшийся международной известностью художник и педагог В.К. Штатлер, в основном писавший картины на религиозные и библейские сюжеты. На парижской выставке 1842 г. Штатлер был удостоен золотой медали за свое главное произведение — картину «Маккавеи» (1830–1842 гг.), в которой под маской библейской темы скрывалось патриотическое содержание. Последователями «назарейцев» были и другие, менее известные, польские художники — варшавянин И. Гердзеевский и жившие за границей Р. Постемпский и Л. Новотный⁸².

В польской живописи 1830–1850-х гг. особое место принадлежит творчеству П. Михаловского (1800–1855 гг.). Не будучи профессиональным художником, он, тем не менее, стал фигурой не только польского, но и европейского масштаба. Михаловский, ярчайший представитель романтизма и предвестник реализма в польской живописи, своими новаторскими исканиями опередил развитие польского искусства на несколько десятилетий. Не нуждаясь в дополнительных средствах, художник не продавал своих картин и не выставлял их на публичных выставках, за исключением короткого парижского периода его творчества с ними был знаком очень ограниченный круг лиц. Именно пребывание во Франции в 1832–1835 гг. сыграло решающую роль в формировании творческого облика художника: здесь он избавился от дилетантизма и приобрел задатки выдающегося мастера, усовершенствовав свою технику в области рисунка, акварели и масляной живописи. В Париже Михаловский копировал картины знаменитых европейских художников и практиковался в рисовании с натуры различных животных, в основном лошадей. Его акварели, зачастую посвященные наполеоновской тематике, написанные свободными широкими мазками, пользовались большой популярностью в столице Франции, их стремились приобрести торговцы произведениями искусства, коллекционеры и просто любители⁸³.

В творчестве Михаловского можно выделить несколько направлений. Во-первых, батальный жанр. Картины художника в основном посвящены сражениям наполеоновской эпохи и участию в них поляков («Битва под Сомосьеррой»), реже – героическим страницам истории Ноябрьского восстания. Гораздо больше внимания Михаловский уделил статическим военным сценам – смотрам и парадом войск («Парад перед Наполеоном», 1837 г.), но преобладающим являлся у него мотив одинокого всадника. В этой роли выступали попеременно польские гетманы и рыцари XVII в., Наполеон, его солдаты, современные художнику военные разных стран, кракусы и т. д. Военная тематика была характерна для творчества Михаловского 1830-х гг. Позднее мотив всадника утратил для художника прежнее значение. Исчезли его батально-героические черты, и этот образ приобрел жанровый и портретный характер («Голубой мальчик», «Портрет Максимилиана Оборского») ⁸⁴.

С начала 1840-х гг. ведущим жанром в искусстве Михаловского становится портрет. В галерее портретов художника представлены «Автопортрет», изображения его детей, друзей и знакомых, крестьян и их детей, нищих. Таковы картины «Кардинал», «Портрет сыновей художника с собакой», «Портрет Максимилиана Оборского в феске», «Старик, сидящий на ступенях» (эскиз) и др. Самой большой заслугой Михаловского в области портрета было создание серии крестьянских портретов («Молодой горец», «Крестьянский мальчик», «Портрет Сенько»), что явилось первой подобной попыткой в польской живописи. Фактура полотен стала более реалистичной, однако характер движения кисти, свободная и естественная композиция еще удерживали портреты Михаловского в романтических рамках ⁸⁵.

В 1830–1860-е годы пользовалась популярностью техника литографии. Издательская конъюнктура способствовала интенсивному спросу на иллюстрации, отличающиеся большей экономичностью и быстротой исполнения. В 30–40-е гг. XIX в. литография стала почти безгранично господствовать на страницах книг и периодических изданий. Число литографических мастерских постоянно увеличивалось. Если в 1830 г. в Варшаве их существовало 16, то в 1838 г. было уже 19, а в 1854 г. – как минимум 21. Это были главным образом новые предприятия, открытые после Ноябрьского восстания, как государственные (литографии Муниципального управления, Управления сухопутных и водных сообщений, Польского банка), так и частные (литографии А.Ф. Дитриха, М. Сливиньского, М. Фаля, А. Бжозовского, К. Поля, Ю. Косьминьского, позднее – Ю.В. Флека, М. Фаянса, Ф. Шустера, Г. Гиршеля, Ю. Геркнера, А. Пека – А. Дзвонковского) ⁸⁶.

Уровень развития литографии в основном оставался слабым, а техника – односторонней (использовался уголь и контурный рисунок). Технические новшества ввел С. Олещиньский, который с 1833 г. стал руководить литографической мастерской Польского банка. Он начал применять технику

цинкографии (цветной литографии), изобретенную в 1822 г. Г. Эбергардом, но по собственной, упрощенной системе. На протяжении ряда лет литография Польского банка опережала другие мастерские как качеством, так и количеством своей продукции. Здесь работали известные художники и литографы Я.Ф. Пиварский, Б. Подчашинский, В. Смоковский, М. Залеский, А. Матушкевич, Ю. Цеглиньский, В. Гершон, А. Дитрих. В литографии Польского банка вышла первая нетонированная литография – титульный лист к первому тому «Исторических известий о изящных искусствах в древней Польше» Ф.М. Собежаньского (1847 г.)⁸⁷.

В иллюстративной литографической продукции, как и в 20-е гг. XIX в., популярной оставалась историко-патриотическая тематика. В конце 1850-х гг. Я.Ф. Пиварский вернулся к реализации своего неудавшегося замысла по изданию «Галереи польских королей» по рисункам М. Баччарелли. Однако, как и раньше, судьба этого начинания была неудачной. До смерти художника в 1859 г. были литографированы лишь 6 портретов (Болеслава Храброго, Казимежа Великого, Людвика Венгерского, королевы Ядвиги, Стефана Батория, Яна Казимежа). Одновременно с изданием Пиварского, в 1857–1860 гг., в литографии А. Пека вышел пользовавшийся большой популярностью альбом «Польские короли», представлявший цикл из 44 портретов, выполненных В. Валькевичем и Г. Ашенбреном по рисункам А. Лессёра. В литографии Пека были также изданы серия портретов польских архиепископов и примасов (в 1858–1864 гг.) и портреты польских и литовских гетманов (в 1860–1862 гг.)⁸⁸.

В рамки патриотической тематики укладывалось обращение и к личностям известных современников, причем не только политиков или деятелей культуры, но и людей, достигших успехов в различных профессиях. Наиболее полным собранием польских представителей эпохи (56 портретов) стал выходивший в 1850–1861 гг. в литографии М. Фаянса альбом «Польские портреты». Из других изданий выделялись «Биографии знаменитых людей, прославившихся в разных профессиях» К.В. Вуйцицкого (1850–1851 гг.) с 72 литографиями и рисунками Ю.В. Флека, В. Герсона, С. Олещиньского, А. Рыцерского. Из-за технических трудностей не был реализован план В. Шимановского по изданию 300 портретов «Заслуженных в народе поляков и полек»⁸⁹.

Литографировались также виды различных польских городов и территорий давней Речи Посполитой. Наибольшее число таких альбомов с литографиями М. Фаянса и А. Пека – А. Дзвонковского было издано в 1850-е гг., среди них «Люблинский альбом», «Альбом Подлясья», «Живописный альбом Августовской губернии», «Памятник старой Малой Польши», «Альбом видов Киева». Среди польских городов наибольшим вниманием литографов, безусловно, пользовалась Варшава: панорама Варшавы со стороны Вислы была литографирована в мастерской Ф. Шустера в 1839 г., альбом, посвященный варшавским фонтанам, литографирован

в мастерской Фаянса в 1856 г., «варшавский альбом» А. Пека – А. Дзвонковского издан в 1859 г.⁹⁰

В литографической продукции все большую роль начинала приобретать жанровая тематика, наиболее полно представленная в изданиях Я.Ф. Пиварского. Незавершенный по техническим причинам «Цинкографический альбом» (1841 г.) изображал людей, типичных для варшавских улиц, – торговцев и разносчиков. «Живописный ларёк» (1855–1859 гг.) был посвящен сельским и городским типам и видам.

Значительная часть литографической продукции, пользовавшаяся большим спросом, была посвящена религиозной тематике (изображения святых, церковных праздников, костелов, представление библейских и аллегорических сюжетов, копии религиозных произведений европейской живописи). Литографировалась также музыкальная и театральная продукция (ноты, театральные программы). Литография находила все более широкое применение: ее услугами пользовались при изготовлении игр, карт, учебников, визиток и пригласительных билетов, поздравлений и некрологов, банковских и лотерейных билетов, векселей, а также при оформлении тканей и одежды⁹¹.

Несмотря на рост числа литографических мастерских и увеличение количества выпускаемой продукции, в развитии художественной литографии в 1830–1860-е гг., по сравнению с предшествующим периодом, наблюдались определенные регрессивные тенденции. Техническая база литографических предприятий в Варшаве была гораздо ниже, чем в Западной Европе. Дистанция с течением времени все увеличивалась, что было одной из главных причин постоянного снижения уровня варшавской литографической продукции. Это приводило к тому, что в середине XIX в. для солидных и рассчитанных на широкий сбыт изданий обычной практикой было заказывать печатание литографий за границей⁹².

Определенные регрессивные тенденции прослеживались и в развитии польской архитектуры. На развитие городского строительства в Варшаве в 30–50-е годы XIX в. существенным образом повлияло возведение цитадели, имевшей целью предотвратить в будущем новые восстания. Крепость начали возводить в 1832 г. на левом берегу Вислы около построенных там пехотных гвардейских казарм, откуда артиллерийский огонь мог достигать центра города – Старого и Нового мяста. К началу 1860-х гг. цитадель достигала улиц Конвикторской, Бонифратерской, Инфлянцкой и Покорной и в ее пределах находились жилые районы – Повонзки, Бураков, Маримонт и Млоцины. Строительство крепости, продолжавшееся 40 лет, тормозило развитие города в северном направлении, поскольку потребовало сноса многих домов, и на этой территории запрещалось возводить какие бы то ни было постройки. В результате центр Варшавы переместился на юг, в район будущего железнодорожного вокзала. Строительство первой железной дороги в Королевстве Польском

началось в 1840 г. и продолжалось 8 лет. 300-километровый участок дороги соединил Варшаву с австрийской границей и уже существовавшей железной дорогой Краков – Вена. В середине 1844 г. началось возведение железнодорожного вокзала рядом с улицей Маршалковской. В 1862 г. Варшава соединилась с Быдгощем (от Скерневиц – общая трасса с Варшавско-Венской линией)⁹³.

В 1830–1860-е гг. в Варшаве продолжалось активное градостроительство. Им руководили созданный еще в 1817 г. Совет по строительству и основанный в 1856 г. Комитет для составления плана урегулирования г. Варшавы. Во второй половине 1850-х гг. возникло много улиц в центре города и в районе Праги, вошедшей в 1832 г. в городскую черту. Были урегулированы Саксонская и Зеленая (ныне Домбровского) площади, замощена улица Новая (в настоящее время Кредитовая), расширены улицы Маршалковская, Згода, Новогродзкая, Журавя, Вспульная, Хожая, Пружная. В 1859–1864 гг. в столице по проекту С. Кербедзя был построен постоянный мост через Вислу из стальных решеток с каменными опорами (так наз. «Александровский»). Еще ранее, в 1844–1846 гг., по проекту Ф. Панцера соорудили каменный виадук через Вислу, ведущий от Запсковой площади к улице Беднарской. В 1855 г. в Варшаве был проведен первый водопровод, а со следующего года на некоторых улицах появились газовые фонари⁹⁴.

Архитектура 1830–1850-х гг. характеризовалась переплетением различных стилей – классицизма, неоренессанса и так наз. неоготического стиля. В это время продолжали свою деятельность архитекторы, работавшие в период автономии Королевства Польского, Х.П. Айгнер и А. Кораци, завершивший в 1833 г. строительство Большого театра в Варшаве. Более молодое поколение было представлено родившимися на рубеже XVIII и XIX вв. итальянскими и польскими архитекторами – Э. Маркони, Ф.М. Ланци, А. Идзьковским, А. Голоньским, Я.Я. Гайем, А. Кропивницким и Ю. Лесселем.

Самым плодовитым и разносторонним архитектором этого периода являлся итальянец Э. Маркони. В основном его работы были выполнены в стиле неоренессанса. К ним относились здания вокзала Варшавско-Венской железной дороги, отеля «Европейский», Дирекции Кредитного земельного общества (1854–1858 гг.). Маркони спроектировал собственный дом в Иерусалимских аллеях, рядом с железнодорожным вокзалом, а также дом Ю. Гродзицкого на Краковском предместье и несколько других каменных зданий подобного типа. Одной из первых попыток в области «пролетарского» строительства было возведение им домов для рабочих на улицах Черняковской, Розбрат, Солец и Паньской (1862 г.). К числу «представительных» построек относились дворцы А. Замойского и Коссаковских (последний был перестроен). В 1841–1849 гг. Маркони возвел костел Св. Карло Борromeо на улице Хлодной, спроектировал один из самых больших костелов Варшавы – костел Всех святых на Гжибовской

площади и начал перестройку костела Св. Анны в Вилянове (две последние работы были закончены уже после смерти автора). К «нетрадиционному» типу построек относились здания тюрьмы «Павяк» и Института умственно отсталых детей (1856 г.). По проекту Маркони в Варшаве был построен водопровод, а в Саксонском саду сооружен водный резервуар и здание Управления минеральных вод⁹⁵.

Другим работавшим в Варшаве архитектором-итальянцем являлся Ф.М. Ланци, который сочетал в своем творчестве неоготический и неоренессансный стили. Он был в Польше одним из пионеров в применении при строительстве чугунных и железных конструкций. В 1847 г. Ланци перестроил каменный дом на Краковском предместье, 17, поместив чугунные колонны в опорах первого этажа. Им также был возведен дом Ю.И. Крашевского на Мокотовской улице, 48. В 1846 г. Ланци построил здание рынка в Северынове (между улицами Коперника, Тамка и Обозной), состоявшего из арочных помещений, в которых располагались магазины и мастерские. В Служеве он перестроил костел Св. Катажины, соединив в его фасаде неоренессансные и готические формы, и спроектировал здание корчмы. Более классический характер имел построенный по проекту Ланци Уяздовский дворец. В Вилянове архитектор расширил северное крыльцо дворца, возвел спроектированную совместно с Маркони часовню-пантеон в честь Яна Собеского, неоготическую капеллу рядом с бывшей купальней княгини Любомирской, перестроил колодец и конюшни, поставил манеж и домики для сторожа и садовника⁹⁶.

Варшавский архитектор А. Идзьковский в этот период в основном выполнял перестройку различных сооружений. В 1838–1842 гг. он принимал участие в реконструкции Саксонского дворца. В неоготическом стиле им был перестроен собор Св. Иоанна Крестителя, где Идзьковский укрепил фундаменты колонн решетками из металлических брусьев и толстыми железными обручами. Кроме того, архитектор превратил в православную церковь костел Св. Лаврентия (Вавжинца) на Воле и осуществил перестройку в неоготическом стиле виллы доктора Джона на Повонзковской улице⁹⁷.

Перестройкой костелов и проектированием православных церквей занимался и А. Голоньский. Он переделал в церковь костел на улице Длугой и возвел православные храмы в цитадели и Лазенках. Архитектор построил дворец Бадени на площади Красиньских (1838 г.) и резиденцию Урусских на Краковском предместье (1844–1847 гг.). В этой резиденции имелось центральное отопление в виде «горячих труб», помещенных в стенах. Идзьковский спроектировал много жилых домов, в том числе и свой собственный на улице Граничной. Он перестроил Больницу младенца Иисуса на улице Варецкой, возвел здания еврейского приюта на Воле и фабрики на Праге. Там же, на Праге, в 1840 г. Ю.Г. Лесселем была воздвигнута синагога, которая имела форму классической ротонды⁹⁸.

К классицистическому направлению в архитектуре принадлежал Я.Я. Гай, который наряду с Ланци являлся новатором в области применения железа в строительстве. В 1841 г. он построил при участии А. Кропивницкого торговый павильон на площади Железных ворот, называвшийся Гостиным двором. Этот павильон был целиком сделан из литого железа. Находившаяся внутри арочная галерея, которая опиралась на чугунные колонны, вмещала 168 магазинов и прилавков, располагавшихся также на внутреннем дворе. Гай спроектировал жилые дома на Крулевской и Пшеходной улицах и собственный дом на улице Гжибовской, в котором поставил железные ступени. На улице Беднарской архитектор возвел здание Варшавского общества благотворительности⁹⁹.

Среди варшавских «классицистов» выделялся также А. Кропивницкий. Он построил здание водной таможни на улице Беднарской (1832 г.). В спроектированном им помещении табачной фабрики Л. Кроненберга (1860 г.) в конструкции больших залов были использованы чугунные колонны. В 1850–1860-е гг. архитектор возвел много жилых домов, в том числе собственный доходный дом на улице Маршалковской. Кропивницкий активно участвовал в работах по реставрации и сохранению памятников: реставрировал дворцы наместника и графов Ходкевичей, костел Св. Карло Борromeо в Повонзках, костел пиаров на улице Свентоаяньской и костел непорочной Девы Марии на Новом мясте¹⁰⁰.

В непосредственной связи с архитектурой развивалась скульптура. Официальных заказов в 1830–1850-е гг. было уже немного, в качестве заказчиков выступали аристократия, богатое мещанство и церковь. В это время возникло много надгробных памятников на кладбище в Повонзках и на евангелическо-лютеранском кладбище, а также памятников и эпитафий, находившихся в варшавских костелах. Возводились жилые дома, строились или перестраивались дворцы и костелы, что приводило к тесному сотрудничеству архитекторов со скульпторами, которые участвовали в украшении фасадов и внутреннего убранства проектируемых сооружений. В эти годы в Варшаве в основном работали четыре скульптора – П. Малиньский, бывший профессор скульптуры Варшавского университета, А. Кауфман, а также ученики Малиньского, продолжившие свое обучение в Риме, Я. Татаркевич и К. Гегель¹⁰¹.

Как и в предшествующий период, Малиньский оставался верен стилю классицизма. Он выполнил барельефы для церкви Св. Троицы (1835–1837 гг.), фасадов дворца А. Замойского на Новом святе (1846–1850 гг.) и дома А. Кропивницкого на улице Жабей; изготовил скульптурные украшения для дворца Бадени на площади Красиньских (1838 г.), Варшавской реальной гимназии (1841 г.), Второй варшавской гимназии в районе Лешно (1841 г.), бывшего Монетного двора на улице Беяньской (1841 г.), костела Св. Карло Борromeо на улице Хлодной (1849–1851 г.). В этом костеле он поставил фигуры святых в нишах, по обеим сторонам фасада, а также при

входе. Малиньским были отлиты различные статуи для светских учреждений – фигуры Сократа и Анакреона для Варшавской реальной гимназии и здания Варшавско-Венской железной дороги (1845 г.), статуи четырех муз для дворца Коссаковских на Новом мясте (1851 г.), восемь статуй для дворца наместника (1852–1853 гг.). Он изваял также двух каменных львов при входе на новый Монетный двор, фигуру, представляющую аллегория времен года, для дома Л. Мальома на улице Крулевской (1851–1852 г.). Малиньский являлся автором нескольких надгробных памятников, в том числе музыканту А. Яницкому в Повонзках (1850 г.) и Ю. Орсетти в часовне на кладбище в Жихлине (1853 г.)¹⁰².

Приверженцем классицизма был и Л. Кауфман, который испытал сильное влияние своего учителя А. Кановы. Кауфман занимался как художественным творчеством, так и чисто ремесленной работой – от изготовления каменных и мраморных фигурных композиций до украшений каминов и ванн. Чаще всего он сотрудничал с Маркони: в 1830-е гг. в Натолине он поставил памятник дочери графа А. Потоцкого Н. Сангушко (1834 г.) и скульптурную композицию на фасаде дворца; в Вилянове реставрировал некоторые статуи, а также отлил новые (группу «сражающихся геркулесов»), которые были установлены в саду и перед въездными воротами (статуи грифов). Для интерьера виляновского дворца Кауфманом были изготовлены мраморные каминные и скульптуры, в том числе бюсты И. и А. Потоцких. В 1838–1843 гг. он работал в кафедральном соборе Св. Иоанна Крестителя, для которого отлил гипсовые статуи отцов церкви и евангелистов, создал различные барельефы и мраморную эпитафию епископу С. Хороманьскому (по проекту А. Идзьковского), в 1841–1849 гг. изваял статуи святых для костела Св. Карло Борromeо. В 1841–1845 гг. Кауфман создал в бывшем дворце Тышкевичей, который Маркони перестраивал для А. Потоцкого, ряд барельефов и гипсовых фигур, установил мраморные каминные. Он вел реставрационные работы в костеле визиток (1847 г.) и в Саксонском саду (1842 г.), где отреставрировал старые статуи и поставил четыре новых – Гиппократ, Гигиены, Химии и Природы, а также изготовил бюсты врачей А. Вольфа, Ф. Брандта, Ю. Чекерского и аптекаря Ю. Целиньского, которые украсили здание Института минеральных вод. Скульптор участвовал в 1847 г. в отделке дома Ю. Гродзицкого на Краковском предместье и получил заказ на создание на воротах этого дома барельефных фигур, изображавших торговлю и изобилие, а также построил мраморную лестницу, ставшую одной из самых великолепных в Варшаве. Резцу Кауфмана принадлежит символическое изображение рек Вислы и Тибра в виде двух каменных лежащих статуй огромной величины, которые были установлены перед дворцом в Лазенках в 1855 г., через несколько месяцев после его смерти. Известными являются созданные Кауфманом надгробные памятники М. Яблоновскому в Гродеке (1847 г.) и семье Яблоновских в Остроге

Волынской губернии (1852 г.), а также эпитафия Ю.К. Шанявскому (по проекту Б. Подчашиньского) в костеле кармелитов в Варшаве (1854 г.)¹⁰³.

Наиболее известным и плодовитым скульптором данного периода был Я. Татаркевич, который специализировался в основном в области скульптурного портрета. Он создал бюсты своих современников — как своего сына и жены, так и генерала Ю. Раутенштрауха, писательницы К. Гофман (урожденной Таньской), доктора С. Маркевича, ксендза Я. Фальковского, банкира М. Розена, каштеляна Ф. Накваского, Я. Луцевской (Деотимы), а также знаменитых личностей — Наполеона I, Т. Костюшко, А. Мицкевича. Очень популярен был его цикл портретов польских ученых, писателей, художников и музыкантов XVIII–XIX вв. в виде бюстов, отлитых в бронзе или цинке в 1848–1854 гг. Среди них находились изображения А. Нарушевича, И. Красицкого, Я. и Е. Снядецких, С. Трембецкого, А. и Ю. Залуских, С. Сташица, Ф. Шопена и др. Портреты работы Татаркевича отличались большой долей реализма, что нашло отражение в том числе при изготовлении им надгробных памятников и эпитафий. Лучшими его работами считаются надгробный памятник С.К. и А. Потоцким в Вилянове по проекту Э. Маркони (1834–1836 гг.) и пристенное надгробие сенатора А. Вычеховского в варшавском костеле капуцинов (1846 г.). Татаркевич выполнил много надгробных памятников на кладбище в Повонзках — Ю. Петровской (1836 г.), Я.В. и Ю. Островским (1845 г.), президенту Варшавы С. Венгжецкому (1846 г.), Ц. Крысиньской (1848 г.), П. Бжезиньской (1848 г.), генералу М. Влодеку (1849 г.), Я. Омециньскому (1851 г.) и др. и на евангелическом кладбище — С.Б. Линде и доктору В. Мальчу, а также за пределами Варшавы, на кладбище в Цеханове — ксендзу К. Ключу (1844–1848 гг.). В варшавских костелах он поставил мраморную гробовую плиту семье Русевичей (в соборе сакраменток, 1840 г.), гипсовые бюсты ксендзов С. Конарского и О. Копчиньского в костеле пиаров (1851 г.)¹⁰⁴.

Широкая область заказов и разнородность исполняемых работ отличала другого ученика Малиньского — К. Гегеля, который в зависимости от архитектурного проекта использовал не только классические, но и неоготические и необарочные формы. Он принимал участие в создании памятника польским генералам, пытавшимся остановить восстание 17 (29) ноября 1830 г. (по проекту А. Корацци), установленного в 1841 г. на Саксонской площади Варшавы, работал над иконостасами в соборе Св. Троицы (проект А. Голоньского) и в церкви на Воле (проект А. Идзьковского). В варшавском костеле Св. Иоанна Крестителя (по проекту Идзьковского) Гегель сделал три каменных неоготических алтаря с шестью статуями святых. Фигуры святого Феликса и Девы Марии были отлиты им для костела Капуцинов на Медовой улице (1855 г.). Статуи Девы Марии его работы были установлены в придорожной часовне в Стердыни и Пенцице — имениях, принадлежавших Л. Поплавскому (1856 г.), и в Ружанке — владении А. Замойского (1858 г.). Во время перестройки дворца

Тышкевичей в Варшаве Гегель вел там камнетесные работы и изготовил каменный камин. В 1855 г. им были созданы две разные скульптуры, изображавшие сирен, одна из которых украсила фонтан на рынке Старого мяста, а другая – ворота на Краковском предместье, ведущие на улицу Каровую. Гегель являлся автором ряда надгробных памятников в Варшаве – Б. Мазуркевич, В. Бонсевич, Л. Ивашкевичу (на кладбище в Повонзках), С. Нейману (на евангелическом кладбище), участвовал в оформлении надгробия С.К. и А. Потоцких в Вилянове. Он изготовил также несколько гипсовых бюстов, изображавших варшавских ученых – ботаника М. Шуберта, астронома Ф. Арминьского, зоолога Ф. Яроцкого. Эти работы носили явные черты реализма¹⁰⁵.

Ведя большую педагогическую деятельность, Гегель возглавил кафедру скульптуры в открывшейся в 1844 г. Школе изящных искусств и, кроме того, обучал учеников в своей собственной мастерской. Нередко он поручал ученикам изготавливать барельефы и статуи по сделанным им моделям (например, при отделке дома Гродзицкого). Школу изящных искусств окончили и получили дипломы скульпторы Л. Мышковский, Л. Молятыньский, К. Осиньский, Д. Залеский, Ю. Манцель, Ю. Гурницкий, Л. Кухажевский. Л. Молятыньский и Ю. Манцель были направлены в качестве правительственных стипендиатов в Санкт-петербургскую академию художеств¹⁰⁶.

Новые тенденции прослеживались в творчестве одного из первых выпускников Школы изящных искусств В. Швенцкого, который стремился отобразить в скульптуре жанровые сцены из жизни народа. Главным образом он представлял быт живших под Краковом крестьян, с которым познакомился во время своих путешествий по Польше с группой художников. Его работы «Краковская корчма», «Краковская свадьба», «Галицийский лирник», «Скрипач» были родственны живописи Ф. Костшевского и Г. Пиллати, черпавших вдохновение в творчестве Я.Ф. Пиварского, и свидетельствовали о стремлении Швенцкого использовать живописное начало в скульптуре. Это проявилось и в его более монументальных работах, таких, например, как памятник музыканту И. Коморовскому на кладбище в Повонзках (1858–1859 гг.). Швенцкий являлся автором выпускавшейся с 1853 г. серии бронзовых портретных медальонов, отлитых на фабрике К. Минтера и изображавших современных ему деятелей науки, культуры и искусства. Среди них были изображения пианиста А. Контского, композиторов К. Любомирского, К. Крашевского, С. Монюшко, писателей К.В. Вуйцицкого, Ю.И. Крашевского, Ю. Коженёвского, З. Качковского, С. Яховича, А.Э. Одынца, А. Загурского и краковских ученых А. Грабовского, Ю. Кремера, Л. Семеньского. На фабрике Минтера были отлиты модели скульптора, представлявшие польских королей и выдающихся исторических личностей – Стефана Батория, Яна Собеского, М. Коперника, С. Жулкевского, С. Чарнецкого, Я. Кохановского, князя Ю. Понятовского, Ф. Карпиньского. Еще одной серией, выпущенной

Швенцким, стали маленькие гипсовые бюстики знаменитых в прошлом и настоящем поляков. Он также изготовил статую и бронзовую статуэтку А. Мицкевича. Кроме того, скульптор, как и другие его коллеги, выполнял декоративно-монументальные работы для светских и церковных учреждений и создал несколько надгробных памятников в Повонзках – композитору Ю. Эльснеру (1855 г.), писателю и редактору П. Лесьневскому (1856 г.), литератору А. Загурскому (1860 г.)¹⁰⁷.

В конце 1850-х – начале 1860-х гг. в Варшаве работал известнейший польский скульптор и медальер В. Олещиньский, который после Ноябрьского восстания 25 лет провел в эмиграции во Франции. В Париже он был известен прежде всего как автор изображений деятелей польской эмиграции, которых представлял на медальонах, бюстах, статуэтках, посмертных памятниках. В Варшаве Олещиньский создал несколько надгробных памятников на кладбище в Повонзках – педагогу и поэту С. Яховичу (1860 г.), Л. Лубеньскому (1863 г.), отлил статую А. Нарушевича для надгробия костела в Янове, статую К. Бродзиньского, установленную в костеле визиток (1863 г.). Им были выполнены также мраморные памятники генералу Я. Сквишинецкому для костела доминиканцев (1863 г.) и Л. Снядецкой для Вильно. Олещиньскому принадлежит и серия портретных медальонов, в основном отлитых в бронзе на фабрике К. Минтера, изображавших представителей варшавской интеллигенции – пианистку З. Мальюм, Деотиму, Ю. Венявского, поэта А. Грозу, Ю.И. Крашевского, А. Контского, Ф. Венжика, Т. Лесиньского. Наряду с этим он создавал мраморные или бронзовые бюсты (геолога Х. Лабендзкого, врача Г. Левиту). В 1858 г. появился второй медальон его работы с портретом А. Мицкевича (первый был изготовлен им еще в 1842 г. в Париже). Олещиньский являлся ярчайшим представителем романтизма в польской скульптуре. Он сохранял классическую простоту композиции, классическое благородство в одежде, жестах, позах изображаемых им особ, но придавал им более естественные и живые, менее патетические черты. Примером чисто романтического памятника может служить надгробие Ю. Словацкого в Париже¹⁰⁸.

Проблемы искусства находили отражение в художественной критике и эстетической мысли. В центре внимания польских идеологов культуры в 1830–1850-х гг. были немецкая философия и вытекавшие из нее размышления над смыслом искусства. С 1840-х гг. решающее влияние на польскую эстетическую мысль оказывала эстетика Гегеля, но правое крыло польских философов – М. Грабовский, Г. Жевуский и др., считало гегелизм опасным пантеистическим течением, которое несло угрозу заражения социализмом. Они придерживались фидеистических концепций, восходивших к Ж. де Местру и Л. де Бональду. По мнению же большинства польских философов, искусство играло активную, диалектически-революционную роль в общественной жизни. Их левое крыло во главе с Э. Дембовским выдвинуло постулат революци-

онного искусства для народа и во имя народа. А. Мицкевич считал, что искусство и действие, наполненные подлинным христианским духом, способны освободить как польский, так и другие угнетенные народы. Все польские философы-эстетики полагали, что искусство должно быть национальным, уходить корнями в истоки славянской культуры, что его миссия – распространение патриотического самосознания и инспирация освободительного движения, однако смысл этих понятий интерпретировали не одинаково¹⁰⁹.

Ю. Кремер и К. Либельт видели основную задачу искусства в том, чтобы стать искусством жизни, перейти в саму жизнь, украсить ее и сделать идейной. Искусство должно было стать активным и изменять моральные позиции людей. Кремер считал главной категорией искусства – чувство, Либельт – воображение. Дембовский же утверждал, что главное в искусстве – единство мысли и чувства, которое он называл изобретенным им термином «умництво». По его мнению, истории должна отвечать не религия, а стихия чувства, философии – стихия мысли, искусству же, синтезировавшему два вышеназванных проявления абсолютного духа, отвечает наивысшая и самая полная стихия – творчество. В «Мыслях о науке умництва и творчестве в жизни общества» Дембовский выдвинул новую концепцию «умництва»: теперь он видел в нем единство мысли и действия, объект которого – общественные отношения, а задача – пробуждение любви к народу и гуманности; позиция творчества, отмечал Дембовский, – это позиция свободы¹¹⁰.

В 1840–1850-е гг. среди польских философов развернулись споры о том, способны ли поляки создать национальное художественное искусство. Ю. Кремер и В.К. Штатлер критически оценивали достижения современного польского искусства, в чем, по их мнению, немалую роль играла утрата независимости страны. Штатлер в «Размышлениях о развитии изящных искусств в крае» (1849 г.) говорил о том, что в Польше не было национального искусства, за исключением творчества Ф. Смуглевича. Также и Мицкевич в годы, когда он находился под влиянием учения Товяньского, отрицал развитие художественного творчества в Польше. В лекциях по истории «Славянских литератур» он заявил о том, что поляки чужды искусству. 1857–1858 гг. были отмечены получившей широкую огласку дискуссией между критиком и литератором Ю. Клячко и поэтом Ц.К. Норвидом. Клячко утверждал, что, не имея «света и солнца», поляки не способны передать игры света и тени и создают квазиискусство. Польская литература оригинальна, заявлял он, искусство же – лишь подражание творцам французской и немецкой школы. В отличие от него Норвид, признавая слабость развития изящных искусств в Польше, считал, что польское национальное искусство все же существует, оно происходит из трудовой деятельности народа и его нужно только показать обществу. Эту теорию происхождения искусства высказал ранее, чем Норвид, еще в 1845 г., Кра-

шевский, рассматривавший народное ремесло как основу национального искусства. Но именно Норвид разработал широкую концепцию происхождения национального искусства. В своих работах «Прометидион» (1847 г.) и «Об искусстве для поляков» (1858 г.) он сформулировал главные идеи: народ – стихийный, но несомненно способный творец; одиночество художника исчезнет тогда, когда он создаст произведения, понятные народу¹¹¹.

Анализ развития просвещения и культуры в 1830–1850-е гг. свидетельствует, что, несмотря на ряд репрессивных мер в области образования в начале этого периода, правительство постепенно шло на уступки в деле возрождения высших и средних специальных учебных заведений. Эти уступки диктовались необходимостью в профессионально подготовленных кадрах.

Отсутствие правительственного и общественного мецената и слабое развитие центров научной жизни привело к упадку точных наук и техники, создавало неблагоприятные условия для развития изобразительного искусства, в частности живописи. Плодотворно развивались отрасли науки и искусства, не нуждавшиеся в инвестициях, оборудовании и коллективных начинаниях, – философия, история, художественная литература и музыка.

30–50-е годы XIX в. были периодом блестящего развития польской философии. А. Цешковский, К. Либельт, Б. Трентовский, Э. Дембовский, творчески интерпретируя положения идеалистической философии Гегеля, создали оригинальные теории исторического развития Польши. Наблюдался расцвет эмигрантской литературы, доминирующим жанром которой стала романтическая драма, получившая яркое выражение в произведениях А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красиньского. В литературе, создававшейся на «польских» территориях, в 1830-е годы нашли отражение реальные социальные процессы и явления, перемены в жизни польского общества; лучшими образцами такой литературы стали комедии А. Фредро. В последующие годы поэзия уступала место прозе, развивались жанры повести и романа (Ю. Коженёвский, Ю.И. Крашевский), которые способствовали утверждению в литературе критического реализма. К фольклорно-поэтическим мотивам обращались выдающиеся польские композиторы и музыканты – Ф. Шопен и С. Монюшко. Шопен наполнил романтическим содержанием классическую схему сонаты, разрабатывал различные формы баллады, ноктюрна, прелюдии. Монюшко выступил популяризатором польской вокальной музыки, но главная его заслуга состояла в создании национальной оперы. В 30–50-е годы XIX в. на варшавскую сцену вышла целая плеяда талантливых актеров. Особенное место занимал варшавский балет, который получил европейскую известность.

В 1830–1840-е гг. в живописи и архитектуре сохранялись традиции классицизма. Романтическая трактовка действительности прослеживалась

в творчестве самого выдающегося художника этого периода П. Михаловского, в его жанровых и батальных сценах. Обозначившиеся к середине XIX в. реалистические тенденции нашли отражение в исторической, пейзажной и жанровой живописи. Развитие скульптуры и архитектуры характеризовалось постепенным отходом от классицизма и использованием неоготического и неоренессансного стилей при перестройке фасадов домов, дворцов и костелов, строительстве вокзалов, возведении памятников.

Происходила дальнейшая общая демократизация культурной жизни, рос общественный спрос на произведения искусства. В живописи по-прежнему пользовался популярностью портретный жанр (особенно портретная миниатюра). В скульптуре эта тенденция проявилась в создании гипсовых бюстов различных политических, общественных и культурных деятелей. Новым явлением стали многочисленные заказы на изготовление надгробных памятников. К середине XIX в. процесс превращения феодального общества в буржуазное начал все больше затрагивать различные области культурной жизни. Это выражалось, в частности, в превращении издательств периодической печати (например, журнала «Научное обозрение») в капиталистические предприятия, что влекло за собой увеличение числа подписчиков и как следствие выплату авторам постоянных гонораров. «Капиталистические» отношения проникли и в столичный театр, руководство которого установило фиксированную оплату литераторам за оригинальные произведения и переводы.

Таким образом, если на ранней стадии периода 1830-х – начала 1860-х гг. в Польше наблюдался некоторый спад в развитии просвещения и культуры, то заключительный его этап характеризовался возрождением академических центров научной, музыкальной и художественной жизни, возникновением ряда научных и художественных организаций, усилением общественного интереса к вопросам культуры и искусства, дальнейшим развитием творчества и созданием выдающихся образцов в этой сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1894. Т. IV. С. 180; *Kucharzewski J.* Epoka paskiewiczowska. Losy oświaty. Warszawa; Krakow, 1914. S. 3, 48–55, 82–84, 620–623 i in.
- ² *Historia nauki polskiej / Pod red. B. Suchodolskiego.* Warszawa, 1977. Т. III. 1795–1862. S. 163, 177.
- ³ *Ibid.* S. 174–176; *Zasztowt L.* Kresy 1832–1864. Szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1997. S. 107–116, 119–121.
- ⁴ *Historia nauki polskiej.* Т. III. S. 176, 178; *Zasztowt L.* Op. cit. S. 116–119, 121–128.
- ⁵ *Poznański K.* Sprawa przebudowy oświaty i wychowania w Królestwie Polskim po upadku Powstania Listopadowego // *Rozprawy z dziejów oświaty / Pod red. J. Mięso.*

- Wrocław; Warszawa; Kraków, etc., 1980. T. XXIII/80. S. 66; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915* / Pod red. S. Kieniewicz. Warszawa, 1981. S. 207.
- 6 *Poznański K.* Op. cit. S. 69–95.
- 7 Ibid. S. 74–78, 80–86, 92–96.
- 8 Ibid. S. 80, 92–94.
- 9 Ibid. S. 97.
- 10 *Дневник законов / Dziennik praw Królestwa Polskiego.* Warszawa, 1840. T. 24. S. 232–253; *Manteuffel T.* Centralne władze oświatowe na terenie b. Królestwa Kongresowego (1807–1915) / *Rozprawy historyczne Towarzystwa naukowego Warszawskiego.* Warszawa, 1929. T. VI. Zesz. 2. S. 32.
- 11 *Poznański K.* *Kursy Dodatkowe Pedagogiczne w Warszawie 1836–1848* // *Rozprawy z dziejów oświaty.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978. T. XXI. S. 15–17; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 214.
- 12 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 166–167; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 214; *Kucharzewski J.* Op. cit. S. 381–384; *Sobociński W.* *Studia z dziejów wydziału prawa Uniwersytetu Warszawskiego.* Warszawa, 1963. S. 108.
- 13 *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 214, 216–218; *Miąso J.* *Szkolnictwo zawodowe w Królestwie Polskim w latach 1815–1915.* Wrocław, 1966. S. 66–67.
- 14 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 167–168; *Poznański K.* *Kursy Dodatkowe Pedagogiczne...* S. 15–50; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 215.
- 15 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 168.
- 16 *Miąso J.* Op. cit. S. 67–68.
- 17 Ibid. S. 70–78.
- 18 *Jakimowicz I., Ryszkiewicz A.* *Szkoła Sztuk Pięknych w Warszawie 1844–1866* // *Rocznik Warszawski.* 1963. T. IV. S. 56–113; *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 219–221.
- 19 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 169–170; *Miąso J.* Op. cit. S. 64–66.
- 20 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 170.
- 21 Ibid. S. 206–207; *Dzieje nauczania medycyny i farmacji w Warszawie (1789–1950)* / *Dzieło zbiorowe pod red. M. Łyskanowskiego, A. Stapińskiego i A. Śródki.* Warszawa, 1990. S. 190–221.
- 22 *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego...* S. 222.
- 23 Ibid. S. 223.
- 24 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 213–215, 221–222.
- 25 Ibid. S. 39–42.
- 26 Ibid. S. 221–226.
- 27 *Miąso J.* Op. cit. S. 104–105.
- 28 *Dzieje nauczania medycyny i farmacji w Warszawie...* S. 176–184.
- 29 *Bieliński J.* *Towarzystwo lekarskie wileńskie, jego prace i wydawnictwa (1805–1864).* Warszawa, 1890. S. 13–119.
- 30 *Historia nauki polskiej.* T. III. S. 185–186, 228, 232.
- 31 *Kraushar A.* *Salony i zebrania literackie warszawskie na schyłku wieku XVIII-go i w ubiegłym stuleciu.* Warszawa, 1916. S. 25; *Kamionkova J.* *Życie literackie w*

- Polsce w pierwszej połowie XIX w. Studia. Warszawa, 1970. S. 69–80; *Giełżyński W.* Prasa warszawska 1661–1914. Warszawa, 1962. S. 232–233.
- 32 Historia nauki polskiej. T. III. S. 203, 204, 229, 230.
- 33 *Stolzman M.* Czasopisma wileńskie Adama Honorego Kirkora / Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Warszawa; Kraków, 1973. T. CCCXXI. Prace historyczno-literackie. Zesz. 26. S. 10–140.
- 34 Historia nauki polskiej. T. III. S. 231–233.
- 35 *Giełżyński W.* Op. cit. S. 252, 306.
- 36 Ibid. S. 228–231, 234–235, 241.
- 37 Ibid. S. 245–246; *Łojek J., Myśliński J., Władyka W.* Dzieje prasy polskiej. Warszawa, 1988. S. 38–39.
- 38 *Giełżyński W.* Op. cit. S. 251–268, 280–283, 285–286, 289, 291–292.
- 39 Ibid. S. 268–274, 295.
- 40 Ibid. S. 274–280, 303, 307–315.
- 41 *Czeranowski F.* Informacja o polskiej prasie technicznej (komunikat) // Rocznik Historii Czołopiśniennictwa Polskiego. 1967. 6/1. S. 192.
- 42 *Cybulski R.* Józef Zawadzki – księgarz, drukarz, wydawca. Wrocław, 1972; *Giełżyński W.* Op. cit. S. 306.
- 43 Historia nauki polskiej. T. III. S. 371–373.
- 44 Ibid. S. 374–377.
- 45 История польской литературы. М., 1968. Т. 1. С. 271.
- 46 Там же. С. 272.
- 47 См.: *Мицкевич А.* Собрание сочинений. М., 1948–1954. Т. 1–5; *Горский И.К. А.* Мицкевич. М., 1955; *Живов М.С. А.* Мицкевич. М., 1956; *Рыльский М.Ф.* Поэзия А. Мицкевича. М., 1956; *Kronika życia i twórczości Mickiewicza.* Warszawa, 1966.
- 48 См.: *Словацкий Ю.* Избранные сочинения в двух томах. М., 1960; *Словацкий Ю.* Лирика. М., 1966; *Kleiner J.* Słowacki. Dzieje twórczości. Lwów; Warszawa; Kraków, 1924–1928. Т. 1–4; Ю. Словацкий. Библиографический указатель. М., 1959; *Kalendarz życia i twórczości J. Słowackiego.* Wrocław, 1960; *Słowacki Juliusz* // *Mały słownik pisarzy polskich.* Warszawa, 1966. Т. I. S. 156–158; Юлиуш Словацкий и Россия. Сборник статей / Под ред. В.А. Хорева и Н.М. Филатовой. М., 2011.
- 49 См.: *Macios K.* Posłowie // Zygmunt Krasiński. Nie-Boska komedia. Kraków, 2006. S. 81; *Witkowska A., Przybylski R.* Romantyzm. Warszawa, 1997. S. 372–403.
- 50 См.: *Pigoń S.* Spuścizna literacka A. Fredry. Warszawa, 1954; *Idem.* W pracowni A. Fredry. Warszawa, 1956; *Wyka K. А.* Fredro. Warszawa, 1968; *Фредро А.* Комедии / Вступ. статья К.Н. Державина. М., 1956.
- 51 *Giełżyński W.* Op. cit. S. 246–247.
- 52 Historia literatury polskiej w zarysie / Pod red. M. Stępnia i A. Wilkonja. Warszawa, 1978. S. 251–252, 256.
- 53 Ibid. S. 258; *Raszewski Z.* Krótka historia teatru polskiego. Warszawa, 1977. S. 104, 113–114; *Kawyn S.* Korzeniowski Józef (1797–1863) // *Polski słownik biograficzny* (далее – PSB). Wrocław, 1968–1969. Т. XIV. S. 169–172.
- 54 История польской литературы. Т. 1. С. 301.

- 55 Там же. С. 302–303.
- 56 *Witkowska A., Przybylski R.* Op. cit. S. 462, 489–492, 674.
- 57 *Nowakowski J.* Lenartowicz Teofil Aleksander (1822–1893) // PSB. Wrocław, 1972. S. 39–43; *Historia literatury polskiej w zarysie.* S. 296.
- 58 *Historia literatury polskiej w zarysie.* S. 241–246.
- 59 *История польской литературы.* Т. 1. С. 305.
- 60 Там же. С. 306–308.
- 61 *Historia literatury polskiej w zarysie.* S. 258–261.
- 62 *Ibid.* S. 258.
- 63 *Taborski R.* Korzeniowski Apollo (1820–1869) // PSB. Т. XIV. S. 167–169.
- 64 *Rulikowski M.* Teatr warszawski od czasów Osieńskiego 1825–1915. Lwów [1939]. S. 20–22.
- 65 *Ibid.* S. 24, 25, 29.
- 66 *Ibid.* S. 24–25. Ср.: *Raszewski Z.* Op. cit. S. 113–118.
- 67 *Rulikowski M.* S. 26–31.
- 68 *Prosnak J.* Karol Kurpiński jako teoretyk // *Kwartalnik Muzyczny.* 1949. № 25. S. 138–139; *Wroński W.* Szkolnictwo muzyczne w Polsce w wieku XIX // *Muzyka.* 1951. № 5–6. S. 63–65.
- 69 *Пасхалов В.В.* Шопен и польская народная музыка. М., 1949. С. 35–100; *Бэла И.Ф.* Шопен. М., 1968. С. 171–353.
- 70 См.: Станислав Монюшко / Сборник статей под ред. И. БЭЛЫ. М.; Л., 1952.
- 71 Об этом см.: *Warszawskie wystawy sztuk pięknych w latach 1819–1845 / Oprac.* S. Kozakiewicz. Wrocław, 1952.
- 72 *Свирида И.И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве. XVIII – середина XIX вв. Очерки. М., 1999. С. 246–247.
- 73 *Kurier Warszawski* (далее – KW). 6.X.1835. S. 1357; 24.V.1844. S. 653; 29.VII.1844. S. 954; 3.V.1846. S. 549–550; *Sienkiewicz J.* Malarstwo warszawskie I-jej połowy XIX wieku // *Arkady.* 1936. № 9. S. 487; *Kozakiewicz S.* Malarstwo polskie. Oświecenie. Klasycyzm. Romantyzm. Warszawa, 1976. S. 63–66; *Добровольский Т.* История польской живописи. Вроцлав, 1975. С. 53–54.
- 74 *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 64–65; *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 66–68.
- 75 *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 56–58.
- 76 *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 62; *Ryszkiewicz A.* Polski portret zbiorowy. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. S. 141–142.
- 77 *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 62; *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 71–74.
- 78 *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 74–76; *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 61–63.
- 79 *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 61, 65; *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 77–78.
- 80 *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 78–80.
- 81 KW. 18.IV.1842. S. 754; *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 81–82.
- 82 KW. 20.IX.1844. S. 1195; *Kozakiewicz S.* Op. cit. S. 82–84; *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 54–55.
- 83 *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 57–58. См. также: *Sienkiewicz J.* Piotr Michałowski. Warszawa, 1964; *Czapska-Michalik M.* Piotr Michałowski 1800–1855. Warszawa, 2007.
- 84 *Добровольский Т.* Указ. соч. С. 58–59.

- 85 Там же. С. 59.
- 86 KW. 9.I.1841. S. 37; *Lewenstam L.* Litografie warszawskie // *Grafika*. 1931. Zesz. 3. S. 12, 14; *Tessaro-Kosimowa I.* Historia litografii warszawskiej. Warszawa, 1973. S. 18, 21, 22.
- 87 *Lewenstam L.* Op. cit. S. 12–14.
- 88 Jan Feliks Piwarski: 1794–1859. Rysunki – grafika. Katalog wystawy / Oprac. T. Sulerzyska i E. Budzińska. Warszawa, 1961. S. 57–58; *Chyczewska A.* Dzieła Bacciarellego w grafice. Katalog rycin // *Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej*. Wrocław, 1963. S. 345–346; *Tessaro-Kosimowa I.* Op. cit. S. 107–110.
- 89 *Tessaro-Kosimowa I.* Op. cit. S. 113.
- 90 Ibid. S. 118–122.
- 91 Ibid. S. 126–156.
- 92 Ibid. S. 40, 194.
- 93 *Szwankowski E.* Warszawa. Rozwój urbanistyczny i architektoniczny. Warszawa, 1952. S. 180–181, 184–185.
- 94 Ibid. S. 184–191, 197–198.
- 95 *Olszewski A.* Architektura w latach 1830–1890 // *Sztuka Warszawy*. Warszawa, 1986. S. 299–305.
- 96 KW. 31.V.1850. S. 738–739; *Łoza S.* Architekci i budowniczowie w Polsce. Warszawa, 1954. S. 167–168.
- 97 *Łoza S.* Op. cit. S. 125; *Olszewski A.* Op. cit. S. 307–309.
- 98 *Łoza S.* Op. cit. S. 97–98, 173–174; *Olszewski A.* Op. cit. S. 309–312.
- 99 KW. 4.VI.1841. S. 697; 5.X.1849. S. 1403–1404; *Łoza S.* Op. cit. S. 89–90.
- 100 *Olszewski A.* Op. cit. S. 311.
- 101 *Kwiatkowska M.I.* Malarstwo i rzeźba w latach 1830–1890 // *Sztuka Warszawy*. 1986. S. 347.
- 102 KW. 18.X.1838. S. 1333; *Kaczmarzyk D.* Maliński Paweł // *PSB*. Wrocław, 1974. T. XIX. S. 370–372.
- 103 KW. 24.VII.1842. S. 917; 14.XI.1843. S. 1437; 3.III.1847. S. 281; *Kaczmarzyk D.* Kaufman Ludwik // *PSB*. Wrocław, 1966–1967. T. XII. S. 228–230.
- 104 KW. 25.IX.1842. S. 1205; 12.I.1845. S. 50; 20.XII.1846. S. 1605; Rzeźba polska od XVI do początku XX wieku. Katalog zbiorów / Oprac. D. Kaczmarzyk. Warszawa, 1973. S. 133–139; *Kwiatkowska M.I.* Malarstwo i rzeźba w latach 1830–1890 // *Sztuka Warszawy*. S. 348–349.
- 105 *Kwiatkowska M.I.* Op. cit. S. 351–353.
- 106 Ibid. S. 356–357.
- 107 Ibid. S. 361–363.
- 108 Rzeźba polska od XVI do początku XX wieku... S. 112–113; *Kwiatkowska M.I.* Op. cit. S. 357–359.
- 109 Historia nauki polskiej. T. III. S. 688–690.
- 110 Ibid. S. 691–692.
- 111 *Тананаева Л.И.* Основные тенденции развития польского изобразительного искусства в период складывания буржуазного общества // *Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVIII – 60-е гг. XIX в.* / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1984. С. 163–164.

ГЛАВА 8

НАКАНУНЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ (1856–1862 гг.)

1. Кризис крепостничества в Российской империи 1840–1850-х гг.

Центральной проблемой общественно-политического развития Королевства Польского XIX в. был крестьянский вопрос. Формальное освобождение крестьян в Княжестве Варшавском в 1807 г. не устранило по существу крепостнических отношений в польской деревне. Фундаментальное значение крестьянского вопроса в Королевстве Польском в той или иной степени признано всеми исследователями. В этом смысле существовавшее до эпохи реформ 1860-х гг. социально-политическое и сословное устройство Королевства было практически идентичным системе, существовавшей в Российской империи, где крестьянский вопрос и ликвидация крепостничества заключали в себе основное противоречие эпохи. Таким образом, консервация крепостнических отношений составляла основу союза господствующих сословий и правящих кругов России и Королевства Польского в первой половине XIX в. Правда, в политическом отношении, особенно после подавления восстания 1830–1831 гг., несмотря ни на общую социальную природу господствующих классов, ни на единство сословных интересов российского дворянства и польской землевладельческой шляхты, царское правительство не доверяло польскому дворянству, а также связанным с ним городским верхам и разночинной интеллигенции. Царизм не допускал поляков даже к минимальному участию в управлении страной, хотя в то же время проводил политику охраны сословных привилегий и имущественных интересов землевладельческих и буржуазных верхов. На это указывал, в частности, С. Кеневич – наиболее видный исследователь социально-политической истории Польши XIX в.¹ Главный среди его трудов – монография «Январское восстание» – вышел в свет в 1972 г.² Незадолго до смерти польский историк

вернулся к центральной теме своего научного творчества в коллективной работе, в очерке под тем же названием³, в котором следующим образом охарактеризовал свою книгу 1972 г.: «Январское восстание было явлением сложным, которое надлежит рассматривать в самых различных аспектах. Когда в 1972 г. мною была издана известная книга, как и нынешняя книга, под заглавием “Январское восстание”, внимание было сосредоточено на истории тайной организации, которая подготовила вспыхнувшее восстание и руководила им как Центральный Национальный комитет, в дальнейшем как Национальное правительство. Все другие проблемы, как то социально-экономические или охватившая страну борьба классов, политика царских властей, дипломатическое противоборство, партизанские действия и т. д., были рассмотрены более в виде очерков, как и события восстания на местах»⁴. Тем не менее исследование Кеневичем в первой части монографии общественно-политических процессов в Королевстве Польском 1856–1862 гг. имеет особое научное значение. Поэтому, обращаясь к социально-политическим вопросам кануна Январского восстания, мы полагаем необходимым в дальнейшем сопоставлять предлагаемые читателю наблюдения и выводы с суждениями, высказанными польским историком.

Говоря о времени наместничества И.Ф. Паскевича, С. Кеневич придерживался мнения, что установленный царскими властями после подавления восстания 1830–1831 гг. политический режим «основывался на устранении общества от какого бы то ни было участия во власти. Имущим классам он обеспечивал личную безопасность и свободу эксплуатации трудящихся масс, немногочисленному слою высших чиновников и финансистов – широкое поле для извлечения доходов, законных и незаконных. Склонную к бунту Варшаву он держал в страхе со стен цитадели, а для вольнодумцев из интеллигенции в той же цитадели в его распоряжении был Десятый павильон, а для усмирения крестьянства он имел в резерве казацкие нагайки»⁵. Эти особенности политической жизни Королевства Польского в 1830–1850 гг. дали основание польской историографии, вслед за оппозиционной и эмигрантской публицистикой утверждать, что никакой социальной опоры, за исключением крайне узкой прослойки высшего чиновничества, у царских властей Королевства Польского не было.

Под влиянием эпохи «Весны народов» и европейского освободительного движения 1850-х годов, развивавшегося под национальными лозунгами в духе «права народов», польское освободительное движение также восприняло «национальную идеологию», за которой для большинства польских дворянских революционеров скрывалась «народность» в ее традиционном еще со времен Речи Посполитой шляхетском понимании. Выдвигая национальные лозунги, они надеялись поднять на борьбу во имя восстановления шляхетской государственности крестьянство и демократические слои горожан. Вместе с тем польские дворянские революционеры в своей

программе польской независимости ограничивались главным образом политическими требованиями, характерными для дворянской революционности, оставаясь в рамках сословных интересов.

Шляхетское землевладельческое сословие, рассматривая себя как «вольный народ», стремилось освободиться от оков царской власти и восстановить шляхетское государство в форме полной независимости или «отделенности» от Российской империи в виде династической унии с Романовыми в духе Конституции 1815 г. О том, что требования независимости носили шляхетский характер, свидетельствовало нежелание революционного лагеря поступиться шляхетскими правами и привилегиями, а также лозунг восстановления Польско-литовского государства в границах 1772 г., то есть шляхетской Речи Посполитой до ее первого раздела.

Начиная с 1815 г., с Конституционной хартии Королевства Польского, господство России на польских землях было обусловлено союзом землевладельческой шляхты и российского дворянства, скрепленного общими сословными интересами, основанными на охране помещичьей собственности и крепостнических отношений в деревне. Даже подавление восстания 1830–1831 гг. не повлияло на характер и прочность этого союза. С этого времени и вплоть до второй половины 1850-х гг. ни серьезных политических выступлений польской шляхты на территории Российской империи, ни значительных проявлений оппозиционных настроений не наблюдалось. Разумеется, в известной мере это объяснялось состоянием потенциала сопротивления, подорванного вследствие подавления восстания, военных потерь 1831 г., репрессий в отношении повстанцев, массовой эмиграции наиболее политически активных представителей шляхты. Однако это не отменяет того факта, что землевладельческая шляхта Королевства Польского и других польских земель составляла социальную опору правительства, как петербургских верхов, так и администрации Паскевича. Это обстоятельство только подчеркивают бунтарские настроения, бытовавшие в среде мелких шляхтичей, которые в ходе подтверждения («легитимации») дворянства в 1830-е годы утратили шляхетские привилегии вслед за потерянными ранее именами.

В связи с этим возникает вопрос, почему относительная политическая стабильность времен наместничества И.Ф. Паскевича сменилась кризисом конца 1850-х гг. Ответ на него указывает на еще одну весьма существенную параллель в развитии России и Королевства Польского. Казалось бы, несокрушимый в течение тридцатилетия 1825–1855 гг. политический режим Российской империи николаевского царствования, выдержавший натиск революционных бурь, налетавших с европейского запада, хотя и пораженный страхом «новой пугачевщины», однако державший в оковах крестьянские массы, сумевший разгромить революционные организации и подавить всякое оппозиционное движение внутри страны и практически повсеместно внедрить в общественное сознание

России идеологию официальной народности и панславизма, оказался в конце 1850-х годов в состоянии политического кризиса, выход из которого русское правительство и российское дворянство стали искать на пути глубоких социально-политических реформ, в первую очередь посредством отмены крепостного права.

Катализатором обострения всех противоречий в Российской империи стало поражение царизма в Крымской войне 1853–1856 гг. и даже не сами по себе неутешительные итоги крымской кампании и падение героически оборонявшегося Севастополя или же появление вблизи Кронштадта эскадры вражеских кораблей, а также изоляция России в Европе. Сугубо военные потери были хотя и значительны, но отнюдь не столь угрожающи. Территориальные утраты можно было даже не принимать в расчет. Международная изоляция была быстро преодолена, а урон от нее вполне компенсирован в виду таких европейских проблем, как объединение Германии и Италии. Решающую роль в разворачивании потрясшего империю кризиса сыграло то, что ранее было невозможно представить, а именно – осознание господствующим сословием и правящими кругами, что российская армия и в целом военная машина страны, составлявшая фундамент военно-политической мощи царизма, не в состоянии выполнить возложенные на нее задачи охраны стабильности крепостнической социально-политической системы Российской империи.

Социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в Королевстве Польском и в России в период от окончания Крымской войны 1853–1856 гг. и до Январского восстания 1863 г. была обусловлена общими причинами, вызванными кризисом крепостнической системы, осознанием верхами дворянской бюрократии необходимости освобождения крестьянства и приспособления государственного устройства империи и ее провинций к ситуации, когда подавляющее большинство населения страны выйдет из крепостной зависимости и непосредственного подчинения помещицкому сословию.

Вместе с тем военно-политическое поражение царизма не могло не придать нового импульса польскому освободительному движению, не породить в польском обществе надежд на то, что ослабление царских властей и перспектива политической, а возможно, и военной помощи со стороны стран Западной Европы, в первую очередь – Франции, позволят завоевать независимость или хотя бы восстановить в Королевстве Польском конституционное правление. В роли союзника польского освободительного движения воспринимали в польских оппозиционных кругах и в значительной мере революционное по своей природе движение за объединение Италии. Надежды польских противников царизма на открывающиеся возможности для освободительной борьбы поляков были порождены также и общим подъемом общественного движения в России и сложившейся в империи революционной ситуацией 1859–1861 гг.

Господствовавшее в Королевстве Польском экономически и социально шляхетское землевладельческое сословие, политически представленное состоявшей как из русских, так и из польских чиновников царской администрацией, в ситуации социально-политического кризиса конца 1850-х гг. оказалось перед необходимостью разрешения крестьянского вопроса в условиях нарастания освободительного движения и кризиса политики властей как в Петербурге, так и в Варшаве, не имевших определенной программы действий и деморализованных военным поражением. Все эти три составляющих кризиса наличествовали и в Российской империи в целом, что свидетельствует о прочности социальных связей, сформировавшихся к этому времени между Россией и Польшей.

Общественный подъем конца 1850-х годов в Королевстве Польском наступил практически в то же самое время, что и в России. Его предвестниками весной 1855 г. стали известия о кончине Николая I, и в сентябре – о падении Севастополя. Ввиду смертельной болезни наместника должность его исполнял в то время Винценты Красиньский, а после смерти Паскевича наместником был назначен генерал-адъютант, командовавший армией в Крыму в конце войны, М.Д. Горчаков. Эти перемены в верхах сопровождались подспудным общественным брожением, ощущавшимся и властями Королевства.

2. Весна 1856 г. Александр II в Варшаве

Вскоре после заключения Парижского мира и объявления о предстоящей 26 августа (7 сентября) 1856 г. коронации в Москве, Александр II 22 мая 1856 г. первый раз приехал в Варшаву. Прибытию царя в Польшу предшествовала отмена в Королевстве Польском и в Литве военного положения, а в конце мая 1856 г. была объявлена амнистия для польских эмигрантов, которая, правда, сопровождалась значительным числом ограничений и условий. Посещение императором польской столицы имело еще одно символическое значение. Хотя его коронации как польского короля и не предусматривалось, однако приезд Александра в Варшаву за полгода до коронационных торжеств в Москве призван был продемонстрировать, что корона Царства Польского имела для императора немаловажное значение, даже в сопоставлении с венцом всероссийского самодержца, и что русское правительство не отвергало планов возродить если не букву, то хотя бы в некоторой степени дух Конституции 1815 года.

Определенные предвестники политических перемен проявились в Королевстве Польском еще при жизни императора Николая I. Вынужденный в годы Крымской войны практически в международной изоляции вести борьбу с Англией и Францией, царь попытался заручиться поддержкой польского дворянства и дал согласие на проведение в губерниях Королевства

выборов маршалов шляхты, которые должны были возглавить делегации, также избранные местным дворянством. Таким образом, власти продемонстрировали готовность созвать в Королевстве Польском предусмотренные Органическим статутом 1832 г. (ст. 43–44) сословные органы польского дворянства, аналогичные дворянским собраниям в российских губерниях. Эта мера Николая I была с одобрением встречена польской шляхтой, видевшей в ней своего рода возрождение прежнего шляхетского «народного представительства». Однако проведение этого решения в жизнь натолкнулось на возражения администрации Паскевича, подчеркивавшей, что реализация этого замысла привела бы только к чрезмерному отягощению бюджета⁶. Тем не менее наметившееся смягчение польской политики Петербурга породило среди польской аристократии надежды на восстановление в целом норм Органического статута 1832 г. Не отмененный формально, он, однако, не действовал вследствие введенного в Королевстве Польском военного положения. С отменой последнего в мае 1856 г. вопрос об Органическом статуте вновь приобрел известную политическую актуальность.

Когда 22 мая 1856 г. Александр II прибыл в Польшу, во встречах с царем принимали участие только высшие чиновники и избранные лица из числа аристократии. В варшавских верхах высказывались пожелания установления гражданских свобод, введения предусмотренных Органическим статутом сословных учреждений на местах как суррогата некоего народного представительства, восстановления прописанных в статуте конституционных норм. За несколько недель до прибытия Александра II в Варшаву ряд видных дворян, во главе с маршалком шляхты Люблинской губернии Я. Езерским – известным сторонником лояльности властям и Органического статута, обратились к барону Ф.И. Фирксу с предложением составить мемориал (адрес) с изложением нужд страны. В нем властям предлагались следующие меры: амнистия для эмигрантов, возвращение ссыльных, восстановление Государственного совета, университета и польского языка в сфере государственного управления, а также дворянских представительных органов в провинции.

Другой проект адреса царю инициировал А. Велёпольский. Он, наряду со своим политическим оппонентом – А. Замойским, был наиболее яркой личностью в кругу польской аристократии и польской политики из числа магнатов, остававшихся в Королевстве Польском и не отправившихся в эмиграцию. Однако в отличие от «пана Анджея», значимость которого в большей степени определялась окружением советников, среди которых был Т. Потоцкий, маркиз зарекомендовал себя как талантливый публицист и представитель общественной мысли. Велёпольский приехал в Варшаву за два дня до царского визита и уже поэтому не мог участвовать в подготовке адреса Езерского, поскольку к тому времени тот уже был составлен. Появление магната в польской столице и написанный им еще один адрес свидетельствовали о его намерениях включиться в политическую борьбу.

После событий в Галиции 1846 г., откликом на которые стало опубликованное Велёпольским знаменитое «Письмо польского шляхтича...», и посещения им Славянского съезда в Праге в 1848 г. маркиз жил в Кракове и во Вроцлаве, бывал в европейских столицах. По словам Г. Лисицкого, близко знавшего А. Велёпольского, встречавшегося с ним в Дрездене уже после подавления восстания 1863 г., работавшего с личным архивом маркиза и написавшего его биографию, Велёпольский был в курсе европейской политики и положения дел как на польских землях, так и в среде эмиграции. Однако, по словам биографа, маркиз тогда «политикой не занимался, оставаясь наблюдателем политических событий»⁷. Написанная Лисицким по просьбе сына маркиза Зигмунта биография А. Велёпольского характеризуется исследователями как сочинение апологетического характера, однако весьма ценное по помещенным как в тексте, так и в приложениях историческим источникам. Она имеет еще и то значение, что в ней нашли отражение мысли и суждения самого Велёпольского, правда, уже послеповстанческого периода, когда маркиз общался со своим будущим биографом – человеком, близким ему по убеждениям и политическим позициям.

По свидетельству Лисицкого, сам маркиз, хотя и получил известность как автор антигабсбургского памфлета, не был настроен против Австрии. Он осуждал прежде всего германизаторскую политику австрийских властей⁸. Развивая мысль о сближении поляков с Россией, Велёпольский продолжал ту политическую линию, которую в конституционный период проводили А.Е. Чарторьский, Т. Мостовский, С. Сташиц в «Предостережении Польше...». Маркиз многое заимствовал у Сташица, в частности, утверждая, что «Польша оказалась жертвой, растоптанной Западом, давшим согласие на раздел страны. Объединение с Россией, – полагал Велёпольский, – даст Польше силу, а Польша даст России просвещение»⁹. К ситуации в европейских делах в 1850-е гг. Велёпольский относился критически. Наученный горьким опытом польского восстания 1830 г. и революции 1848–1849 гг., он не надеялся на иностранную помощь и считал, что «народ должен сам обрести силы для установления справедливых условий собственного существования»¹⁰. В этом тезисе Велёпольского вполне естественно находила отражение концепция «органической работы», однако не раскрывалось, каково было, с точки зрения самого магната, ее конкретное содержание.

Гораздо больше внимания Велёпольский уделил международному положению Польши. За полгода до высадки союзных англо-французских войск в Крыму маркиз писал З. Хельцелю (17 февраля 1854 г.): «События развиваются удивительным образом, поскольку только теперь Англия и Франция поднялись против России, не воспользовавшись ранее многими основательными и благородными поводами. Не выступили они против нее ни за польскую, ни за венгерскую свободу. Сегодня же Россия

выступает в интересах христианства против мусульманского варварства за освобождение народов греческого и славянских из-под его тяжелейшего ярма. Нанеся совместно с Россией смертельный удар Турции под Наварином, Англия и Франция оживляют теперь набальзамированный труп, погребенный с большой торжественностью под давно обветшалыми покрывалами европейского равновесия. Условия, в которых находится Россия, напоминают положение Елизаветы Английской с точки зрения Филиппа II. Казалось бы, против протестантской Елизаветы выступал католицизм во всей мощи реакции и инквизиции; сознавал, к чему стремился, ведя за собой сонм священнослужителей. Здесь же только Николай сознает свою цель, выступая как глава Восточной церкви. Ему же противостоит дипломатическая смесь из отвергнутых французских любовных домогательств, реакции английской торговли и турецкой дряхлости. В этом столкновении намерений посмотрим, что готовят штормы и ветры новой непобедимой армаде. Австрия и Пруссия останутся якобы нейтральными и по своему положению, и вследствие оцепенения»¹¹. Таким образом, в начале Крымской войны симпатии Велёпольского были, очевидно, на стороне России. Предвидел маркиз и падение политического значения Австрии и Пруссии, вынужденных следовать в своей политике курсом западных держав, а из этого естественно вытекала мысль об ослаблении блока разделивших Польшу держав-захватчиков.

По словам Лисицкого, «восточный вопрос Велёпольский всегда рассматривал в связи с польским вопросом в том смысле, что его разрешение в пользу России в духе правды и справедливости повлечет за собой и поворот во внутренней политике, выгодный для Польши»¹². Иными словами, Велёпольский надеялся, что победа России в Крымской войне откроет путь к проведению реформ и в Польше, и в России. Это высказывание имело весьма существенное значение, поскольку указывало на общность, по мнению маркиза, процессов общественно-политического развития в обеих странах, что принципиально отличало Велёпольского от подавляющего большинства представителей польской общественной мысли.

Другой внешней силой, способной содействовать преобразованиям в Королевстве Польском, в представлении Велёпольского была Франция Наполеона III, поклонником которого неизменно оставался маркиз. Тот, по его словам, «возвратил Франции внутренний покой и могущество, но не уделил ни минуты, чтобы что-либо сделать для Польши, помимо введения принципа национальности во французскую политику». Велёпольский надеялся, что политика Наполеона «позволит разорвать союз держав, разделивших Польшу, чтобы оторвать Россию от Австрии и Пруссии, в равной мере сопротивлявшихся изменению системы, установленной российским правительством в польских землях, и противившихся соглашению поляков с Россией». Точно таким же образом, как отмечал Лисицкий, оценил Велёпольский значение Варшавского съезда 1861 г.

(задуманной встречи французского и российского императоров в Варшаве весной 1861 г.)¹³. В этом маркиз усматривал «новый успех западного владыки, который превзошел в этом Юлия Цезаря, так как, можешь себе представить, – писал он 3. Хельцелю 10 ноября 1860 г., – *non veni, non vidi, vici*» (не пришел, не увидел, но победил)¹⁴.

Таким образом, ко времени приезда Велёпольского в Варшаву в мае 1856 г. он не высказывал еще более или менее определенно сформулированных политических концепций и обращенных к властям требований, помимо тезисов о естественном союзе с Россией, о значении для этого союза французской политики, в частности для ослабления влияния в польских делах Австрии и Пруссии. Не говорил маркиз и о повороте во внутренней политике, о проведении реформ в направлении предоставления Польше особых институтов управления в духе традиционной концепции «отделенности» Королевства Польского от России. Однако, по свидетельству Лисицкого, Велёпольский был убежден, что в стране уже зреют условия, могущие послужить «обретению народом силы для установления справедливых условий собственного существования». Этим, возможно, объясняется, что в адресе, написанном Велёпольским, обращенные к императору пожелания были сформулированы в самом общем виде. Такая расплывчатость формулировок была вызвана еще и тем, что маркиз не знал детально настроений ни в правящих кругах Петербурга, ни среди властей в Варшаве, ни в салонах польской столицы. Составляя свой проект, Велёпольский, очевидно, хотел сплотить вокруг себя как можно больше сторонников в верхах польского общества. В адресе речь шла о неотложных мерах в области образования и просвещения, а также о восстановлении участия общества в представительстве и самоуправлении с намеком на дух Конституции 1815 г.¹⁵ По мнению польских историков¹⁶, ни адрес, составленный Езерским, ни адрес Велёпольского так и не попали в руки царя, затерявшись в чиновничьем окружении Александра II¹⁷. Правда, как указывал Лисицкий, адрес Велёпольского наместник М.Д. Горчаков с сопроводительным письмом направил царю через своего двоюродного брата и министра иностранных дел А.М. Горчакова. Такой путь, несомненно, указывал, что содержание адреса было доложено Александру, но официально он не был принят. Основанием для отклонения якобы послужили упоминания в адресе «о народном представительстве и об отдельности поляков» в составе Российской империи¹⁸.

На следующий день по приезде в Варшаву, 23 мая, царь принял маршалков шляхты губерний Королевства и строгим тоном заявил о «неизменности установлений его отца для Царства Польского» и о «слиянии» последнего с Россией. Тогда представители польского дворянства и услышали от Александра II знаменитую фразу: «*Messieurs, point de rêveries!*» («И не мечтайте, господа!»)¹⁹. В дальнейшем, 27 мая, встречаясь с более широким кругом представителей шляхты, царь говорил уже в более

мягких выражениях, но по сути то же самое. Спустя несколько лет и в иной политической обстановке Александр в письме брату Константину 22 сентября (4 октября) 1862 г. писал, что тогда, в 1856 г., «отвергая беспочвенные мечтания» поляков, он имел в виду проекты присоединения Литвы к Королевству Польскому²⁰.

Вслед за апрельской отменой военного положения и приуроченной к царскому посещению Варшавы амнистией в отношении польских эмигрантов было объявлено в сентябре 1856 г. о помиловании польских ссыльных, осужденных в предшествовавшее царствование за участие в тайных обществах. В следующем году в Варшаве была открыта Медико-хирургическая академия вместо закрытого Варшавского университета. Поэтому суровый тон царя в обращении с высшими кругами польского дворянства сопровождался демонстрацией намерения смягчить политический курс в отношении Королевства Польского. По мнению С. Кеневича, «все это было только осуществлением обязательств, которые после Крымской войны на мирном конгрессе в Париже принял российский уполномоченный князь Орлов по требованию Наполеона III и лорда Кларендона»²¹. А.Ф. Орлов добился важного для России решения, чтобы польский вопрос не был рассмотрен на конгрессе официально. Взамен он пообещал доверительно, что Александр II по собственной воле даст полякам амнистию, отдельную администрацию во главе с вел. князем Константином Николаевичем, польский язык во всех сферах общественной жизни и свободу католической церкви. Осуществление этих обещаний должно было растянуться на годы, утверждал Кеневич, и было бы остановлено на полдороге, если бы события в Польше не подтолкнули к этому императора. Вероятно, именно отмеченное обстоятельство сыграло роль в пробуждении надежд польских дворянских кругов на поддержку со стороны Второй империи во Франции.

3. КОНСЕРВАТОРЫ И ЛИБЕРАЛЫ В ПЕТЕРБУРГЕ И В ВАРШАВЕ

Смягчение польской политики России едва ли правомерно приписывать только давлению со стороны Франции или же влиянию недолгого сближения Парижа и Петербурга. Поворот к либеральному курсу нашел выражение по всей стране, а не только в пределах Королевства, проявившись как в высших правительственных сферах, так и в русском обществе. Требования амнистии осужденным по политическим делам, либерализации цензуры, академических свобод, модернизации судебной системы и, наконец, разрешения крестьянского вопроса раздавались из русского революционного лагеря (А.И. Герцен – в Лондоне и Н.Г. Чернышевский – в Петербурге). Они звучали и от имени либерально настроенной интеллигенции, в кругах которой распространились многочислен-

ные рукописные записки, где высказывались идеи в пользу отмены путем реформы крепостного права, ограничения чиновничьего, полицейского и цензурного произвола. Некоторые из них публиковались в издававшихся с июля 1856 г. А.И. Герценом в Лондоне «Голосах из России»²². Со стороны ряда дворянских обществ подобные направленные правительству пожелания нашли отражение в адресной кампании в связи с восшествием на престол Александра II. С этой точки зрения поданные в Варшаве адреса Езерского и Велёпольского не были исключительным явлением и стали выражением общероссийской тенденции.

На грядущие перемены в империи, хотя и туманно, указывал сам царь, провозгласивший в манифесте с объявлением о заключении Парижского мира 1856 г., говоря о России, «да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных»²³. В царских словах о справедливом судеустройстве читался намек на судебную реформу, о развитии просвещения – на модернизацию системы народного образования, о равенстве сословий перед законом – на реформу всей сословной системы страны, и прежде всего положения крестьянства – самого многочисленного и наиболее угнетенного сословия империи.

Сразу вслед за этим слухи об отмене крепостного права стали распространяться по стране и вызвали беспокойство дворянства. Московский генерал-губернатор А.А. Закревский обратился к государю с просьбой выступить во время пребывания в Москве в Дворянском собрании и успокоить российских помещиков. Однако произнесенная двусмысленная речь царя произвела скорее обратное действие. «Слухи носятся, – говорил 30 марта (ст. ст.) 1856 г. Александр II, – что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо – и вы можете сказать всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует; и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мной, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»²⁴.

Правительство рассчитывало, что дворянство откликнется на призыв царя и выступит с инициативой отмены крепостного права, однако этого не произошло. Помещики в подавляющей массе не желали уничтожения крепостничества и противились изменениям в положении крестьянства. Ни на коронационных торжествах в августе 1856 г., ни в дальнейшем как предводители дворянства губерний, так и дворянские общественные деятели не высказались в поддержку крестьянской реформы, со страхом ожидая объявления конкретных намерений правительства. Это подтвердил

в своих воспоминаниях тогдашний товарищ министра внутренних дел А.И. Левшин, который встречался с представителями дворянских обществ, прибывших на коронацию, и уговаривал их ходатайствовать перед правительством о реформе положения крестьян²⁵.

От польского дворянства правительство также ожидало отклика на реформаторские идеи, высказанные царем в манифесте о заключении мира и в речи перед представителями дворянства в Москве. Ответ последовал негативный. В представленных адресах Езерского и Велёпольского ни слова не было сказано ни о крестьянском вопросе, ни о расширении прав других сословий. Единственный отклик на царские пропозиции о развитии народного просвещения прозвучал в польских адресах в связи с пожеланиями о восстановлении университета в Варшаве. Главным же в содержании адресов, да и в настроениях верхов польского общества, было требование восстановления провозглашенной в Конституции 1815 г. «отделенности» Королевства Польского от Российской империи. Именно на это и последовало предостережение Александра II: «Messieurs, point de rêveries!»

«Политическая ошибка царя», отмечал С. Кеневич, состояла не в том, что он дал аргумент польской эмигрантской печати «против политического торга с захватчиком, а в том, что он таким образом отверг возможность торга с польскими имущими классами», которые «первое время были готовы к соглашательству, то есть отказаться от независимости в обмен на допущение их к участию во власти»²⁶. Это высказывание не лишено оснований. Однако остается неясным, в чем, с точки зрения польского историка, состоял предмет упомянутого политического торга. Для польских дворянских верхов доступ в ряды бюрократии Королевства Польского, да и России в целом, был отнюдь не закрыт. Иного пути «участия во власти» в самодержавной империи и быть не могло. Поэтому торг был возможен только во-первых, по крестьянскому вопросу и реформе сословного строя монархии и, во-вторых, о восстановлении в некоторой минимальной степени «отделенности» Королевства Польского от Российской империи, хотя бы и под скипетром Романовых.

Крупнейший специалист по истории эпохи «великих реформ» и российского самодержавия второй половины XIX в. П.А. Зайончковский, характеризуя Александра II, писал, что тот «отличался еще большим консерватизмом, нежели его отец. Даже те ничтожные мероприятия, которые были проведены в отношении крепостных крестьян при Николае I, встречали всегда сопротивление наследника престола. Однако сложившееся в стране положение заставило Александра II действовать вопреки своим стремлениям. Александр II не обладал сильной волей, подобно своему отцу. Точнее, он был человеком слабовольным, но вместе с тем упрямым. В тех случаях, когда он приходил к твердому убеждению, что та или иная мера жизненно необходима его империи, он шел напролом, не считаясь с мнением своих сановников и царедворцев»²⁷. Правда, в слу-

чае с крестьянским вопросом значительная часть приближенной к царю бюрократии (та часть, которая придерживалась либеральных взглядов) поддерживала его политику, сознавая, что безотлагательная ликвидация крепостничества необходима стране. Поэтому, несмотря на глухое сопротивление крестьянской реформе со стороны как российского, так и польского дворянства, Александр II продолжил курс на отмену крепостного права. Правда, в течение 1856 г. никаких других шагов, помимо названных, предпринято не было. Правительство надеялось разъяснить дворянству свою позицию и склонить его на сторону властей, убежденных, что они действуют всецело в интересах господствующего сословия.

Новое движение крестьянский вопрос получил в правительственных сферах в январе 1857 г., когда был создан последний в XIX в. секретный комитет по крестьянскому делу, преобразованный в дальнейшем в Приуготовительный комитет, а саму разработку проекта реформы царь возложил на Министерство внутренних дел во главе с С.С. Ланским. Именно в этот период, с лета 1857 г., на короткое время польская шляхта оказывается в центре правительственных усилий по подготовке реформы. Как и двумя десятилетиями ранее, правительство в Петербурге полагало, что наиболее целесообразно было бы начать отмену крепостного права с западных губерний, где польское дворянство Литвы, недовольное существовавшей там, как и в Королевстве Польском, системой инвентарей, скорее согласится на это.

В надежде на одобрение правительственных планов со стороны польской шляхты и в ожидании, что польские дворяне сами выступят с предложениями по освобождению крестьян, генерал-губернатором Западного края В.И. Назимовым летом 1857 г. были образованы губернские дворянские комитеты, состоявшие из уездных предводителей дворянства (маршалков поветов) и «почетных» помещиков (комиссаров), для пересмотра инвентарей, введенных в имениях польской шляхты. При этом Назимов рекомендовал дворянам, «не стесняясь прежними постановлениями, изложить откровенно мнение свое о прочном устройстве помещичьих крестьян, при необходимых для того пожертвованиях со стороны их владельцев»²⁸. Однако обсуждение крестьянского вопроса в этих комитетах никак не оправдало ожиданий властей. Польское дворянство в Литве не желало идти на «пожертвования», а напротив, если там и говорили о реформе, то только на основе экспроприации крестьянства. Так, члены дворянского комитета Гродненской губернии высказались за «дозволение <...> предоставить своим крестьянам лично без земли свободу из крепостного состояния на правилах Положения о крестьянах Курляндской губернии». Аналогичный комитет Виленской губернии заявил, что «он не вправе сделать предположения, не отобрав согласия от всех владельцев», т. е. постановил обсудить этот вопрос на очередных дворянских выборах, что не было ему разрешено. Комитет же Ковенской губернии также не пришел ни к какому определенному решению²⁹.

Если весной 1856 г. дворянство Королевства Польского никак не откликнулось на царскую декларацию об отмене крепостного права, которое фактически сохранялось и на территории Королевства, то литовская шляхта недвусмысленно продемонстрировала, что она против намерений правительства разрешить крестьянский вопрос путем реформы «сверху». Разумеется, о позиции литовских помещиков были хорошо информированы их собратья и на землях Королевства. Все это ставило вопрос о ликвидации крепостничества в равной мере как в России, так и в Польше, что в свою очередь свидетельствовало о высокой степени взаимной социальной и сословной интеграции России и Королевства Польского, а пути и формы разрешения крестьянского вопроса, будучи общими для обеих стран в рамках империи, должны были способствовать достижению нового уровня этой интеграции, которая послужила бы фундаментом и для сближения их общественно-политической структуры.

После проведения в западных губерниях собраний дворянских комитетов Назимов в конце октября 1857 г. прибыл в Петербург для доклада царю о принятых литовской шляхтой решениях. К этому времени в Министерстве внутренних дел уже были разработаны контуры будущей реформы, изложенные в Записке министра внутренних дел С.С. Ланского от 8 ноября (ст. ст.) «Общие начала для устройства быта крестьян». «Начала» устанавливали: а) вся земля остается в собственности помещиков; б) ликвидация личной зависимости крестьянина от помещика, включая и обязательные повинности крестьян, должна происходить постепенно, в течение 8–12 лет; в) «в видах предотвращения вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении увольнение крестьян из личной крепостной зависимости должно быть сопряжено с обращением в собственность их усадеб, находящихся в их пользовании, с небольшими участками огородной и выгонной земли всего от полудесятины – до десятины на каждый двор». Погашение стоимости усадьбы предполагалось за 8–12 лет³⁰.

На трех заседаниях (2, 9 и 16 ноября ст. ст.) Секретный комитет, рассматривая высказанные литовским дворянством мнения, подготовил ответ, который прямо противоречил выраженным шляхтой пожеланиям. 20 ноября (2 декабря) 1857 г. Александром II был подписан «высочайший» рескрипт виленскому генерал-губернатору Назимову, в котором дворянству этих губерний формально разрешалось, а по существу предписывалось приступить к составлению проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». В каждой губернии предлагалось открыть губернский комитет под председательством губернского предводителя дворянства (маршалка шляхты). В его состав избирался представитель дворянства от каждого уезда и, кроме того, два помещика от губернии по назначению губернатора. С одной стороны, подготовка реформы отдавалась целиком в руки дворянства³¹, с другой – составление проектов должно было осуществиться на основе предписанных правительством положений,

которые в известной мере не соответствовали неоднократно ранее высказанным помещиками как Польши, так и Литвы требованиям: «1) Помещикам сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользование крестьян надлежащее, по местным удобствам, для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком, количество земли, за которое они или платят оброк, или отбывают работу помещику. 2) Крестьяне должны быть распределены на сельские общества, помещикам же предоставляется вотчинная полиция. 3) При устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов»³².

Предписания правительства по программе крестьянской реформы прямо противоречили взглядам на нее польской шляхты, как, собственно, и российских помещиков, в двух вопросах. Во-первых, по вопросу о крестьянском наделе. Передача надельной земли во владение крестьянам означала для правительства гарантию от массовых крестьянских выступлений, сохранение крестьянства как податного сословия и его защиту от пауперизации, а также гарантию исполнения крестьянских обязательств по «выкупу повинностей». Помещики же, напротив, требовали сохранения за собой земельной собственности в полном объеме. Во-вторых, правительство предполагало сохранить крестьянские повинности в пользу помещиков на период в 8–12 лет, программа же очиншевания предполагала бессрочное сохранение крестьянских повинностей за помещиками, устанавливая только отмену барщины. В результате компромисс между правительством и российскими помещиками в интересах господствующего сословия и за счет крестьянства был найден, что и нашло выражение в провозглашенном 19 февраля 1861 г. освобождении крестьян из крепостной зависимости. На землях прежнего Великого княжества Литовского и Королевства Польского положение сложилось по-иному.

В период между 1856 и 1860 гг. как в Польше, так и в России не приходилось еще говорить ни о политических лагерях, ни тем более о политических группировках и партиях. Можно выделить три основных направления общественного движения (революционное, либеральное и консервативное или охранительное). При этом только революционное направление имело свои организационные центры, правда, находившиеся за границей (Вольная русская типография в Лондоне и центры польской Великой эмиграции во Франции). Применительно к Королевству Польскому можно указать условно только на три политические тенденции, сформировавшиеся в зависимости от интересов, с одной стороны, привилегированных сословий землевладельческой шляхты и буржуазии, а с другой – радикальной разночинной интеллигенции³³.

4. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Землевладельческая шляхта с января 1858 г. имела свою организацию – Земледельческое общество (Towarzystwo Rolnicze). Создано оно было по инициативе землевладельцев, однако при настойчивом содействии правительства в русле принятых властями мер, направленных на реализацию планов по формированию дворянских комитетов по крестьянскому делу во исполнение декабрьского царского рескрипта Назимову 1857 г.³⁴ Организаторами Земледельческого общества выступили шляхтичи-землевладельцы, объединившиеся еще в 1840-е гг. вокруг издававшихся в то время «Ежегодников отечественного хозяйства» («Roczników Gospodarstwa Krajowego»). Вождем группы был А. Замойский, в имении которого Клеменсово собирались его единомышленники – братья Людвик и Константы Гурские, Александр и Адольф Курцы, А. Гольц, Ф. Венгленский, Т. Потоцкий, Э. Ставиский. В обиходе их звали «клеменсовчиками» – по имени поместья «пана Анджея» Клеменсово. По словам С. Кеневича, «все они были люди богатые, хорошие хозяева, убежденные сторонники ликвидации панщины» (барщины)³⁵. К этой характеристике можно только добавить, что, пропагандируя передовые сельскохозяйственные технологии, они выступали за рационализацию помещичьего хозяйства, однако, в рамках крепостнических отношений, поддерживая только принцип очиншевания, при сохранении крестьянских повинностей и помещичьей собственности на землю, в том числе и на крестьянские надель. Замойский и Потоцкий принадлежали к старинным аристократическим фамилиям и крупнейшим домам магнатской олигархии прежней Речи Посполитой и правящей элиты конституционного Королевства Польского. Так, Т. Потоцкий (псевдоним Адам Крыжтопор)³⁶, родившийся 3 мая 1809 г. в Варшаве, был внуком А. Потоцкого – министра полиции Княжества Варшавского – и председателя Сената Т. Островского. Т. Потоцкий, будучи поручиком Войска Польского, участвовал в восстании 1830–1831 гг. Владелец имений в поветах Велуньском и Радомщаньском, он среди Потоцких-магнатов был относительно небогат, что побуждало его быть рачительным хозяином и стремиться к приумножению состояния собственными силами. Разными способами он увеличил свои владения, в которых старался рационализировать хозяйство, в частности путем развития сахароварения, посылая специалистов в этой области для обучения в Саксонию. Т. Потоцкий принадлежал к группе либеральных землевладельцев, участвовал в клеменсовских собраниях в 1843, 1844, 1845 и 1847 гг. Поражение революции 1848–1849 гг. склонило его к отказу от идеи независимости Польши в пользу политики реформ в духе очиншевания. В брошюре «О упорядочении аграрных отношений в Польше», опубликованной двумя изданиями в 1851 и 1859 гг.³⁷, он призывал собственников к разрешению крестьянского вопроса на индиви-

дуальной основе в духе наделения крестьян собственностью, что должно было бы, по его мнению, изменить отношения не только экономические, но и общественные. Это в свою очередь позволило бы избежать появления пролетариата, а следовательно – и социализма. Наивысшим пунктом в концепции Т. Потоцкого стала программа особого пути аграрного развития славянских стран, которые якобы могли бы избежать опасности капиталистического развития, как в Западной Европе, путем привлечения крестьян в ряды защитников собственности. Предоставление собственности крестьянам он рассматривал как добровольный акт землевладельцев – без вмешательства государства и ущемления владельцев, то есть в рамках принципов сотрудничества («porządku towarzyskiego»).

Прочие «кременсовчики» также входили в потомственную шляхетскую элиту Речи Посполитой XVIII в. Разумеется, положение дворянского сословия Королевства Польского середины XIX в. существенно отличалось от предшествовавшей эпохи сословного господства шляхты, однако и в XIX в. она не утратила своего доминирующего положения. Вместе с тем создатели Земледельческого общества не стремились афишировать его сословного и землевладельческого характера, назвав созданное общество «земледельческим», причислив к «земледельцам» и его членов.

По свидетельству А. Велёпольского, видную роль в образовании Земледельческого общества сыграл П.А. Муханов – в то время директор Правительственной комиссии внутренних дел и куратор Варшавского учебного округа. В польской историографии он характеризуется как один из наиболее одиозных и ненавистных для поляков деятелей администрации Паскевича. Создание Общества Муханов поддерживал с большим энтузиазмом, считал это своим делом и полагал, что стране, в условиях абсолютной власти правительства, необходима сильная и объемлющая весь край независимая от властей организация поместного дворянства. Уже после подавления восстания 1863 г. Велёпольский оценил создание Земледельческого общества как свидетельство «отсутствия логики и понимания ситуации, повсюду и безраздельно господствовавшего в правящих кругах Варшавы»³⁸.

При основании Общество объединяло 1500 членов, а по истечении трехлетия работы их число достигло 3500. Присоединившиеся к Обществу помещики платили членские взносы и получали право участвовать в ежегодных собраниях, которые проводились в феврале, накануне начала сельскохозяйственных работ. Обычно присутствовали на таких собраниях до тысячи человек. Возглавлял общество комитет из нескольких десятков членов, главную роль в котором играли А. Замойский со своими ближайшими сторонниками из числа «кременсовчиков». С. Кеневич подчеркивал, что «они успешно руководили целым слоем землевладельцев, создавая высокий авторитет и популярность презеса Замойского. Что же касается самого “пана Анджея”, то он мог бы послужить примером

деловитости, обязательности, гражданского сознания. В то же время ему недоставало силы воли, быстроты мысли, политической дальновидности – необходимых государственному деятелю. Благодаря своим советникам, которые умело его направляли, он был подлинным лидером землевладельцев – до той минуты, когда последние оказались перед необходимостью принятия окончательного политического решения»³⁹.

5. ВАРШАВСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

К середине XIX в. буржуазия Королевства Польского не представляла собой даже относительно единой социальной силы*. В отличие от шляхты, она не обладала сословным единством. Городское сословие, будучи разделено на корпорации отдельных городов (со своим статусом и органами представительства), не достигло еще достаточного уровня социальной общности, не сформировавшись как класс польского общества. В буржуазной среде выражено выделялись два основных социальных слоя: массовая буржуазная демократия городов (ремесленники, торговцы и т. п.) и крупная городская (преимущественно варшавская) группировка коммерсантов, финансистов и промышленников. И в том, и в другом слое выделялись специфические группы польского, еврейского и немецкого происхождения, причем к двум последним относились наиболее видные капиталисты. О степени влияния крупной буржуазии в обществе могут свидетельствовать данные о занятости населения на крупных предприятиях. В 1860 г. в секторе частной промышленности Королевства Польского было занято около 75 тыс. работников: 37 тыс. – в ткацкой промышленности, 17 тыс. – в горнодобывающей и металлургической, 11 тыс. – в сахародельной⁴⁰. Разумеется, для отдельных торговых и промышленных центров, как Лодзь, Згерж или Варшава, концентрация промышленных рабочих имела немаловажное значение. Крупные предприятия в экономическом и социальном смысле выступали своего рода «локомотивами», ведущими за собой мелкобуржуазные общественные слои. Однако для страны в целом, где экономика целого ряда городов-местечек носила аграрный характер или же не выходила за рамки придатка сельской округи, они едва ли могли сыграть существенную роль. Поэтому если и

* В историографии восстания 1863 г. и общественного движения в Королевстве Польском 1856–1862 гг. значительное внимание уделено позиции и участию буржуазных кругов. Правда, связанная с этим проблематика почти исключительно рассматривается исследователями на примере Варшавы. При этом следует заметить, что демократические слои населения польской столицы сыграли важнейшую роль тремя десятилетиями ранее – в ходе восстания 1830–1831 гг.

обращаться к вопросу об общественно-политическом значении буржуазных кругов в стране в целом, то речь может идти только о Варшаве.

В конце 1850-х гг. варшавская буржуазия не располагала организацией, подобной Земледельческому обществу, или какими-либо иными сословными либо общественными объединениями, если не считать традиционные корпорации еврейского населения, что, скорее, ограничивало влияние еврейской буржуазии на общественную жизнь в целом. Наибольшим весом в столице, да и в стране (вследствие приближенности к властям), обладали финансисты А.Э. Френкель, Н. Эпштейн, А. Кроненберг, М. Розен. Так, банкирский дом Кроненберга финансировал крупные промышленные предприятия, однако основной сферой его деятельности были табачная торговля и кредитование железнодорожного строительства, что и составило фундамент его финансового могущества. Подакцизная торговля и участие в казенном железнодорожном строительстве обусловили теснейшие связи Кроненберга с правительством Королевства Польского, особые отношения были у дома Кроненбергов и в правящих кругах Петербурга. К тому же он как землевладелец был членом Земледельческого общества. Розен был активным участником еврейской общины в Варшаве, в 1856 г. он обратился к Александру II с просьбой об отмене кошерного сбора. Варшавские банкиры и крупные коммерсанты зависели от властей, от которых получали заказы, подряды, концессии на строительство железных дорог и т. п. Вкладывая значительные средства в городскую и сельскую недвижимость, они руководствовались не только интересами создания предпринимательской инфраструктуры или желанием нажиться на земельных спекуляциях. Обладание земельной собственностью было связано для них со стремлением приблизить свой социальный статус к уровню дворянского землевладельческого сословия. От политики буржуазные верхи Варшавы демонстративно сторонились, хотя и вносили пожертвования на общественные нужды, укрепляя этим кредит доверия в обществе. На политическую арену они вышли в 1859 г., когда А. Кроненберг, опасаясь усиления антисемитских настроений, приобрел «Ежедневную газету» («Gazeta Codzienna»), чтобы воздействовать на польское столичное общественное мнение в духе либерализма, прогресса и толерантности. Ее редактором стал известный общественный деятель и талантливый публицист Ю.И. Крашевский.

Воззрения либерального толка представляли в обществе группы интеллигенции из «средних слоев». Здесь заметны были «сибиряки» – участники освободительного движения 1840-х гг., отбывшие заключение и ссылку в России и вернувшиеся на родину, в частности по амнистии 1856 г. В большинстве своем они не принадлежали к землевладельцам. Например, один из наиболее видных членов группы Г. Краевский, возвратившийся в Польшу из ссылки в 1860 г., происходил из семьи арендаторов шляхетского имения, не получивших подтверждения дворянства.

Не обладая земельной собственностью, большинство «сибиряков», будучи осуждены по политическим делам, были лишены права вернуться в ряды чиновничества. Поэтому они, нуждаясь в трудоустройстве, поступали на работу в частные предприятия и организации (на железной дороге, в промышленности, банках, коммерческих и юридических фирмах, учреждениях культуры и у частных лиц, в канцеляриях магнатских имений). Так и Краевский начал работать юрисконсультom в канцелярии Ординации Замойских и в Земском кредитном обществе. Материальное положение многих сибиряков, видимо, не было достаточно прочным по сравнению с представителями «имущих классов», поэтому они использовали применявшуюся еще в ссылке форму страхования и товарищеской поддержки – имели собственную кассу взаимопомощи, которой заведовал Ю. Точиский. По своему общественному положению, образованию и мировоззрению «сибиряки» примыкали к интеллектуалам из шляхетской и буржуазной среды. Объединение сформировалось не столько в силу общей общественно-политической позиции, сколько вследствие своего рода «земляческих» отношений людей, побывавших в сибирской ссылке. По субботам «сибиряки» проводили в частных домах собрания, называемые «шабаши». В подавляющем большинстве они отклоняли идею революционной борьбы и высказывались в пользу «органической работы», воздействуя в этом духе на молодежь⁴¹.

В общественной жизни Варшавы второй половины 1850-х гг. заметное место принадлежало кружку, сложившемуся вокруг Э. Юргенса. В 1856 г. ему было немногим более 30 лет. Получив юридическое образование в Дерпте, Юргенс в чине титулярного советника состоял на службе в Правительственной комиссии внутренних дел. Несмотря на невысокий чин, в самом низу чиновничьей иерархии, он был близок к Кроненбергу и Розену, видимо, оказывая последним какие-то услуги юридического характера. Близкие отношения с крупнейшими банкирами обусловили его общественное влияние. Однако, как подчеркивал С. Кеневич, Юргенс поддерживал связи со студенческими кружками и организациями ремесленников, в частности, в окружении его организации упоминаются портной С. Гишпаньский, котельщик М. Бореловский, лакеровавший Л. Люблинский⁴². Правда, свидетельства об этих связях относятся к более позднему времени – рубежа 1850–1860-х гг. Во всяком случае, эти контакты не распространялись далее, нежели отношения с простолюдинами в духе концепции народности И. Лелевеля. В целом же группа Юргенса стояла на позициях деятельности в русле программы «органической работы». С его именем также связано идейное политическое течение – так называемые «миллениумцы». Основу воззрений «миллениумцев» также составляла «программа органической работы», дополненная, однако, концепцией «всестороннего развития страны», включавшей также требования ряда социальных преобразований, в том числе и передачи

крестьянам права собственности на землю и уравниения евреев в правах с другими сословиями. «Миллениумцы» в принципе не отвергали освободительной революционной борьбы, однако считали, что условия для этого созреют только в отдаленном будущем, может быть, через «тысячу лет», откуда и произошло присвоенное им ироническое наименование. В 1857–1858 гг. к «миллениумцам» присоединились некоторые возвратившиеся из ссылки «сибиряки»⁴³.

6. Первые проявления политической активности

В течение 1856–1857 гг. основной сферой политической деятельности в Королевстве Польском оставалось так называемое «просвещенное варшавское общество» с присоединившимися к нему представителями чиновничества и провинциальных шляхетских верхов. Однако нарастание общественного движения в стране уже ощущалось. Свидетельством этому могло бы послужить намерение включиться в политическую жизнь Королевства общественных деятелей из аристократического лагеря, представлявших и другие польские земли, даже за пределами Королевства Польского. В первую очередь речь идет об А. Замойском и А. Велёпольском. Вместе с тем программа этой политической деятельности ограничивалась изложенными в адресах Александру II пожеланиями восстановления, хотя бы и частично, в духе Органического статута 1832 г., «отделенности» Королевства Польского под скипетром Романовых от Российской империи. В целом общественные силы стояли на позициях «органической работы» и не поднимали вопроса о реформах, за исключением весьма скромных пожеланий о восстановлении Варшавского университета, о воссоздании на местах органов шляхетского сословного представительства или некотором смягчении законодательства и налогового гнета в отношении еврейского населения. О крестьянском вопросе польское дворянство не хотело и слышать, ограничившись концепцией очиншевания, которая обсуждалась еще с прошлого века. В целом в верхах общества Королевства Польского в 1856–1857 гг. господствовали консервативные силы. Условия для формирования в этой среде либерального и охранительного направлений еще не сложились, а сами эти направления не конституировались. Движение дворянской революционности было представлено в это время зарубежными эмигрантскими центрами, в первую очередь «Отелем Ламберт». На первом месте в общественном сознании была концепция «органической работы», хотя ее содержание трактовалось по-разному: от идеи сотрудничества с властями в надежде на смягчение политического режима – до представления, что «органическая работа» подготовит почву для революционного социального обновления и возрождения Польши в весьма исторически

отдаленной перспективе («миллениумцы»). Общественная и революционная активность, подспудно нараставшая в молодежной среде, в первую очередь среди студенчества, еще не получила выхода.

Осложнение политической ситуации в стране нашло отражение в деятельности Земледельческого общества. Общество и возглавлявший его Комитет под председательством А. Замойского первоначально демонстративно отклоняли любые начинания, которые могли бы быть истолкованы как проявления политического свойства, не говоря уж о каком бы то ни было вмешательстве в политику. Общество занималось сугубо хозяйственными вопросами содействия развитию аграрного производства (передовых методов агротехники и т.п.), сосредоточив усилия на формировании своей организационной структуры. Комитет поддерживал связи с «корреспондентами» в провинции, где их было свыше 80. В 1858 г. состав корреспондентов сформировался на основе личных связей членов комитета в провинции. Большинство из них разделяли воззрения «клеменсовчиков» и «пана Анджея». Начиная с 1859 г. корреспондентов избирали на собраниях в округах (поветах), утверждая таким образом кандидатуры, выдвинутые комитетом. Формально «корреспонденты» должны были информировать Комитет об урожаях, ценах и других хозяйственных вопросах. В действительности они передавали на места инструкции комитета. Распространялась также практика местных съездов землевладельцев, на которых обсуждались отнюдь не только проблемы земледелия. Таким образом, по своей организационной структуре, в основе которой лежали Комитет и Съезд общества, а на местах – в поветах – дворянские съезды и избираемые на них «корреспонденты», Земледельческое общество все больше походило на сейм шляхетской республики.

В публичной деятельности Земледельческое общество избегало каких-либо действий политического характера, однако «пан Анджей» среди близкого окружения твердо настаивал на статусе Общества именно как политической организации, хотя и выступал против революционных методов борьбы, объявляя себя противником революционного движения и последовательным сторонником «органической работы». Ему приписывается высказывание, что «набравшись собственных сил, Польша, как созревший плод, сама отпадет от российского дерева». Однако и в сложившейся ситуации, и в ближайшем будущем Замойский не имел ничего против династической унии с Россией, если бы только царь гарантировал шляхте власть в Королевстве «и на захваченных землях»⁴⁴, то есть в границах 1772 г. Он возлагал определенные надежды на Париж и на Тюильри, стремясь установить связи с П. Сегюром – французским консулом в Варшаве. Разумеется, Замойский не рассчитывал на военную интервенцию Второй империи, поскольку это было время франко-российского сближения, но полагал, что Наполеон III мог бы подтолкнуть царя по пути дальнейших уступок полякам.

Возобновил Замоиский и связи с «Отелем Ламберт», прежде всего с братом – генералом Владыславом. Деятели из окружения А.Е. Чарторьского и его советники из эмигрантского лагеря стремились привлечь крупных землевладельцев на польских землях, в том числе и в Королевстве Польском, к «органической работе», рассуждали о возможности уступок в крестьянском вопросе, рассчитывая привлечь и крестьянство на свою сторону. Чарторьский, провозглашенный эмигрантами «королем де-факто», и его окружение противодействовали открытому соглашательству землевладельческого сословия с властями держав, разделивших Польшу, рассчитывая, что в подходящий момент аристократия, действуя легальными средствами, возглавит под национальным знаменем народное движение. В этой идейной установке Великой эмиграции и «Отеля Ламберт» ярко проявилась их дворянская революционность. Однако землевладельцы «Конгресувки», подчеркивал Кеневич, и не помышляли следовать этим рекомендациям. «От царских властей зависели важнейшие для них решения в крестьянском вопросе. Это положение вещей, – по его словам, – делало для польской шляхты невозможным выступление с какими бы то ни было политическими инициативами»⁴⁵. То, что решения в крестьянском вопросе подготавливаются и будут приняты не только в отношении крепостных крестьян в России, где с марта 1859 – по октябрь 1860 гг. работали Редакционные комиссии, но и для Королевства Польского, шляхте Королевства стало очевидно на рубеже 1858–1859 гг.

7. ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

В правительстве Королевства подготовкой крестьянской реформы ведал П.А. Муханов как шеф Комиссии внутренних дел. Оценка его деятельности на этом поприще современниками и в историографии достаточно противоречива. В кругах, близких к властям, о нем говорили как о человеке, искренне сочувствующем крестьянскому делу. В этой оценке проявилось характерное для царских властей того времени добросовестное заблуждение, что в духе «официальной народности» государство якобы выступает защитником и покровителем крестьянства, а последнее является его социальной опорой. В кругах патриотической польской оппозиции, напротив, подчеркивали, что Муханов хотел лицемерно выступить в роли посредника между помещиками и крестьянами, запугав шляхту угрозой мужицкого бунта и сформировав в крестьянской среде верноподданнические настроения. Однако подготовленный им проект не затронул «священного права» помещичьей собственности. В его основу был положен уже неоднократно провозглашенный принцип «добровольного соглашения» крестьян с помещиками, чего, собственно, и требовала польская шляхта

по меньшей мере с 1840-х гг. Проект Муханова был утвержден постановлением Административного совета в конце декабря 1858 г.

Правительство рассчитывало, что утвержденные Административным советом принципы «очиншевания» побудят Земледельческое общество и шляхту Королевства проявить инициативу в разрешении крестьянского вопроса. Однако власти ошиблись. Комитет Земледельческого общества ограничился выяснением настроения «шляхетских собратьев» к предстоящей реформе. Осенью 1859 г. власти потребовали от Комитета определить позицию помещиков Королевства по вопросу о ликвидации крепостничества в Королевстве Польском, причем требование это прозвучало формально в завуалированном виде согласия правительства на обсуждение в Земледельческом обществе дела «очиншевания». С этого времени само Общество, с точки зрения властей, было не только по существу, но и формально приравнено к российским губернским дворянским комитетам. При этом правительство исходило из окончательности решения о том, что реформа не ограничится очиншеванием, а будет проведена на основе «выкупа повинностей» и наделения крестьян землей⁴⁶, то есть что отмена барщины и других повинностей польских крестьян будет проведена на тех же принципах, что и в России. При этом «выкуп повинностей» и «выкупная операция», как они были приняты в России, означали бы, что крестьяне в действительности вынуждены бы были заплатить как за выкуп надела, так и за личное освобождение. Властями на усмотрение Комитета Земледельческого общества были оставлены только детали. Однако Земледельческое общество не пошло на сотрудничество с правительством в крестьянском вопросе, отстаивая прежнюю дворянскую программу. Подготовленные Комитетом «Указания для составления контрактов вечного пользования наделом» («Wskazówki dla układających kontrakty o wieczystą dzierżawę») в некоторых несущественных пунктах шли на уступки крестьянам, но в принципиальных вопросах о наделах, повинностях и сервитутах последовательно отстаивали продворянскую позицию, неприемлемую для крестьянства и недопустимую для правительства. В частности, в вопросе о сервитутах помещики ни при каких условиях не соглашались на совместное с крестьянами пользование угодьями⁴⁷.

Все высказанные в Земледельческом обществе предложения по разрешению крестьянского вопроса не предполагали желаемого правительством наделения крестьян землей за выкуп и сводились к уже многократно звучавшим в помещичьей среде концепциям. Одни шляхетские публицисты предлагали перевести крестьян на срочный чинш (временную аренду – Анджей Замойский), другие – ввести систему вечного чинша, третьи – передать крестьянам наделы в собственность за выкуп при сохранении фиксированных повинностей (Т. Потоцкий, С. Урусский). Как и прежде, помещики возражали против отмены барщины законодательным путем и против вмешательства властей в отношения между землев-

ладельцами и крестьянами⁴⁸. Главная же причина протестов польского дворянства против правительственной программы реформ сводилась к тому, что шляхта не принимала никакого внешнего вмешательства и считала, что только она сама вправе решать судьбу польского крестьянства, и непременно без участия российских властей.

Высказанное в российской историографии мнение, что шляхетское сословие Королевства Польского не интересовалось программой реформ в России (суда, печати и народного просвещения), нуждается в уточнении. Тема эта не обсуждалась широко, так как в правом лагере господствовала концепция «отделенности» Королевства Польского от России. Однако, как показали дальнейшие дискуссии, правые силы Королевства Польского были весьма обеспокоены, что готовившиеся в России реформы будут распространены и на земли, которые, как считали в правом лагере, принадлежат Речи Посполитой. Противоречия между шляхтой и правительством по крестьянскому вопросу сопровождалось развернувшимся в то же время под эгидой Земледельческого общества обсуждением политических проблем, в частности вопроса о «реальной унии» Королевства с Россией, то есть об «отделенности» Польши под скипетром Романовых от Российской империи и о восстановлении конституционного строя в духе Конституционной хартии 1815 г., или о присоединении к Королевству Польскому Литвы и других утраченных земель в границах шляхетской Речи Посполитой 1772 г.⁴⁹

Критический момент в разрешении крестьянского вопроса приближался, что и стало главным поводом и катализатором в размежевании в лагере консервативных сил польского общества. В 1870-е годы, излагая по этому поводу рассуждения А. Велёпольского, Г. Лисицкий писал, что «отмена крепостного права в России означала окончание и панщины в Польше. Правительство пока еще предоставляло доброй воле собственников перейти к отношениям чиншевым. Однако когда Земледельческое общество по указанию властей приступило к рассмотрению крестьянского вопроса, он приобрел черты и размеры великой общественной и политической реформы. Общее дело страны и общее дело членов Общества требовало от Земледельческого общества соответствия высоким задачам, требовало от шляхты жертвенности, принесения собственного эгоизма на алтарь Отечества, подчинения собственного интереса общественной пользе. <...> О предоставлении крестьянам обывательства (гражданских прав. – *Б.Н.*) говорили демократы, об уничтожении привилегий (шляхты. – *Б.Н.*) и расширении равноправия – революционеры». Землевладельцы же не хотели видеть, что увлажнение (наделение крестьян землей и передача ее им в собственность. – *Б.Н.*) есть кратчайший и неотложный по времени путь⁵⁰. И далее биограф маркиза продолжал: «Во времена спокойные и нормальные такое развитие (т. е. “увлажнение” крестьян, усвоение ими норм и повседневных условий обладания и распоряжения

собственностью, восстановление на этой основе их социальной связи с крупными землевладельцами, которые также должны были перестроить свои имения на новых условиях хозяйствования. — *Б.Н.*) могло бы иметь успешное завершение. Правительство готово было санкционировать соответствующие постановления Земледельческого общества. Царь поблагодарил польское дворянство за готовность поступиться своими правами и интересами в деле реформы. Упорство нашей шляхты, не допускавшей отмены крепостничества, отличало ее от российского дворянства. Отмене подданства “противостоял заговор”. Уличные беспорядки оказывали наихудшую услугу реформам и органической работе, ибо спокойствие и согласие есть условие здорового развития»⁵¹.

Аналогичного мнения, однако спустя столетие, придерживался и С. Кеневич. По его словам, «землевладельческая шляхта хотела такой реформы, которая бы гарантировала ей выгодные стартовые условия в новой капиталистической эпохе, стремилась и после реформы сохранить в зависимости от помещичьего двора возможно большее число мало-земельных и безземельных крестьян в качестве дешевой рабочей силы. Было два пункта, по которым землевладельцы оказывали особое давление: отмена царского указа 1846 г., который ограничивал права помещиков в отношении крестьянских наделов, а также ликвидация принадлежавших крестьянам лесных и пастбищных сервитутов»⁵². И далее, излагая позицию Земледельческого общества в 1859 г., когда Общество официально приступило к рассмотрению крестьянского вопроса, он писал: «Аграрная реформа, основанная или на очиншевании, или на наделении крестьян землей, оставалась для землевладельцев вещью в себе. Однако она имела и более далеко идущие политические последствия, когда бы послужила средством урегулирования отношений в деревне и тем самым усилила позиции землевладельцев в отношении власти и в собственном обществе»⁵³. В то время как шляхта в Земледельческом обществе и на своих локальных съездах в провинции обсуждала крестьянский вопрос, политическое движение в среде студенческой молодежи привело к созданию первых антиправительственных организаций. Их объединяющим лозунгом стало национальное освобождение и завоевание независимости. Одним из существенных стимулов к их возникновению стало международное положение в Европе.

8. ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ И АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Окончание Крымской войны и заключение Парижского мира не привели к разрешению противоречий между великими державами. В повестке дня европейской политики второй половины 1850-х и в 1860-е годы

оставались проблемы объединения Германии и Италии, противоречия между Англией и Францией в Северной Африке и на Ближнем Востоке, сохраняли свою остроту отнюдь не разрешенные вопросы Балканского полуострова. Стремясь воспользоваться противоречиями между странами – гарантами Крымской системы, Россия взяла курс на сотрудничество с Францией. В 1856 г. вступивший на престол Александр II восстановил дипломатические отношения со Второй империей, доброжелательно приняв в Петербурге и на коронационных торжествах в Москве французского посла Ш. Морни – одного из наиболее видных французских политиков того времени. Следующим шагом стала поездка в Париж вел. князя Константина Николаевича и, наконец, встреча Александра II и Наполеона III в Штутгарте в сентябре 1857 г. Хотя никаких заключенных соглашений тогда не последовало, но оба императора договорились о предварительном согласовании своих позиций по всем международным вопросам. В частности Россия и Франция выступили совместно на Парижской конференции 1858 г. по вопросу о статусе Дунайских княжеств.

В конце сентября 1858 г. Александр II снова приехал в Варшаву. На этот раз целью царского визита было свидание с Наполеоном III для обсуждения итальянского вопроса. Однако французский император заговорил на встрече об «эмансипации» Польши, что было встречено Александром II с нескрываемым раздражением. Итоги этой встречи показали, что стороны были не в силах разрешить взаимные противоречия и не планировали заключения союза, однако готовы были каждая в собственных интересах взаимодействовать по отдельным международным проблемам. Так, рассчитывая ослабить Австрию, Россия готова была дать согласие на объединение Италии. В итоге 19 февраля (3 марта) 1859 г. в Париже был подписан секретный франко-русский договор о доброжелательном нейтралитете России в войне Франции с Австрией⁵⁴.

В январе 1860 г. по инициативе возвратившегося к власти в Турине К. Кавура Сардинское королевство аннексировало некоторые папские владения, а в апреле вспыхнуло восстание на Сицилии, в Палермо. Для поддержки восстания на юге Италии 11 мая тысяча гарибальдийцев высадилась на острове. Экспедиция Гарибальди в Сицилию и угроза войны Австрии с Францией, а также страх европейских монархов перед лицом опасности нового подъема революции в Европе с участием венгров и поляков заставили австрийского императора Франца Иосифа просить о встрече государей Австрии, Пруссии и России, которая была намечена на осень 1860 г. в Варшаве. Однако свидание трех монархов завершилось безрезультатно. 26 октября Александр II демонстративно сократил пребывание в Польше и уехал в Петербург.

Объединение Италии, особенно борьба Гарибальди, носили в значительной мере революционный, освободительный характер, что не могло не сказаться на усилении революционных тенденций в Европе в

целом. Наряду с этим в Польше и в «Отеле Ламберт» разлад между Россией и Австрией воспринимался, во-первых, как свидетельство кризиса в отношениях между тремя державами, разделившими некогда Польшу. Во-вторых, одной из держав-захватчиков грозила война с французской Второй империей, а в Королевстве Польском не забыли, что аналогичная война привела к созданию в 1807 г. Княжества (Герцогства) Варшавского. В-третьих, революционное объединение Италии и героическая экспедиция тысячи гарибальдийцев, в которой участвовали и польские революционеры, вдохновляли и польскую молодежь. Все это содействовало распространению патриотических настроений и надежд как в самой Польше, так и в среде польской Великой эмиграции.

Еще во время сентябрьского (1858 г.) свидания монархов России и Франции жители польской столицы встречали с едва ли не большим ликованием, чем русского царя, французского императора – Луи Наполеона. По воспоминаниям Александра Краусхара, участвовавшего в демонстрации, молодежь встретила француза на Венском вокзале возгласами «Vive Napoleon». «Полиция разогнала нас, – вспоминал А. Краусхар, – но накричались мы досыта». Самими участниками и властями эта акция расценивалась как патриотическая и антиправительственная⁵⁵. В феврале 1859 г. в Париже скончался выдающийся польский поэт З. Красиньский. В Польше об этом не было опубликовано ни некролога, ни иного извещения, однако по неформальным информационным каналам скорбное известие достигло Варшавы, и 27 февраля перед Венским вокзалом собралось несколько сот людей, главным образом интеллигенции, чтобы почтить память поэта. Молодежные кружки постановили продолжать манифестации⁵⁶. В октябре 1860 г., когда в польской столице встречались государи Австрии, Пруссии и России в Королевстве распространились слухи, что в польскую столицу приедет и Наполеон III, что также свидетельствовало об убежденности польской общественности в готовности Франции оказать помощь польскому освободительному движению.

События весны и лета 1860 г. в Италии нашли отклик не только в Варшаве, но и в польской провинции. Осенью А. Замойский говорил П. Сегюру, что в провинции повседневные дела отступают на второй план, уступая место «национальному чувству»⁵⁷. Тогда же один из «клеменсовчиков» в окружении «пана Анджея» и член Комитета Земледельческого общества А. Курц высказался по поводу деятельности Общества, что «страна ожидала от нас иного», нежели разговоров о сельском хозяйстве⁵⁸. Свидетельства Замойского о настроениях в провинции Королевства Польского и заявление А. Курца об общественных ожиданиях, связанных с Земледельческим обществом, указывали на нарастание патриотических настроений, которые стали питательной средой для движения дворянской революционности и были с ним неразрывно связаны. Важную роль в этом процессе сы-

грал и внешний фактор, направлявший представителей господствующего дворянского сословия по пути борьбы с тем самым политическим режимом, который выражал волю этого сословия в целом.

Влияние, как казалось, нарастающей революционной волны в Западной Европе, надежды на помощь в борьбе за обретение независимости со стороны Второй империи во Франции, подъем патриотических настроений в стране, очевидно оппозиционное и антиправительственное направление, которое приобретала деятельность Земледельческого общества, колебания властей, не решавшихся прибегнуть к широким репрессиям, – все это привело к образованию в Варшаве первых нелегальных организаций, возникших в конце 1850-х годов: кружки Э. Юргенса, Н. Янковского и Я. Кужины. В 1859 г. после ряда организационных перестановок они были объединены в Комитет, во главе которого стали Янковский, Юргенс и Кароль Маевский. С самого начала деятельности Комитета основным обсуждаемым в нем вопросом стала дилемма: «реформа» или «восстание». Умеренные деятели движения – Юргенс и разделявшие его взгляды возвратившиеся из ссылки «сибиряки» А. Гиллер и К. Рупрехт – тщетно отговаривали молодежь от повстанческой «горячки». По словам Н.В. Берга, Комитет Н. Янковского был предтечей будущего Центрального комитета⁵⁹, однако он оказался недолговечен и распался через несколько месяцев. Среди участников комитета был и Р. Краевский, входивший в кружок Юргенса и игравший в Комитете роль наблюдателя⁶⁰. Таким образом, именно «Товарищество» Юргенса в первое время, в 1859–1860 гг., наряду с Земледельческим обществом стало организационным и кадровым центром руководства общественным движением. Однако ни по масштабам своей деятельности, ни по влиянию, особенно в провинции, объединение Юргенса не могло сравниться с Земледельческим обществом. В 1859–1861 гг. встал вопрос о превращении группы Юргенса в легальную организацию, однако против этого выступили как власти в лице П.А. Муханова, так и представители помещиков, считавшие ее слишком радикальной. «Сибиряки», напротив, позитивно отнеслись к такому преобразованию и высказались за сотрудничество с «Товариществом» Юргенса⁶¹. По свидетельству И. Барановского, в середине 1859 г. Л. Мерославский через своего эmissара З. Сарнецкого обратился к Юргенсу с предложением принять участие в заговорщической деятельности, обещая поддержку Наполеона III. Было это во время решающих побед французов и итальянцев над австрийцами в Ломбардии. На предложение Юргенс ответил, что якобы «не время мыслить о революции», так как для этого нет сил, наиважнейшая потребность сейчас – «внутренняя работа»⁶². Очевидно, что Юргенс имел в виду сформированную в польском обществе и широко понимаемую концепцию «органической работы», однако в нашем распоряжении нет свидетельств, какую конкретную программу политических действий связывал с ней Юргенс. Вероятно, такой программы в сложившемся вокруг него объединении выработано еще не было.

Весна 1860 г. принесла с собой рост общественной активности, в которой пока не были еще определены ни политические направления, ни даже акценты политической деятельности. Тем не менее, предвидя опасность нарастания оппозиционной активности, петербургские власти и варшавская администрация Королевства Польского начали предпринимать предупредительные меры. В частности, царским рескриптом от 5 мая 1860 г. в Земледельческом обществе была запрещена деятельность любых делегаций и комитетов на местах, а также присуждение Обществом всяких наград и медалей. Среди его членов стали раздаваться призывы к протесту, который, как те надеялись, найдет отклик во Франции и в Англии. Муханов уговаривал их не раздражать власти, так как в противном случае это могло бы повлечь за собой исключение протестующих из Общества, и в то же время убеждал, что в правительстве нет планов препятствовать работе Земледельческого общества⁶³. Переговоры членов Общества с шефом Правительственной комиссии внутренних дел проходили в течение недели с 5 по 12 июня 1860 г. и совпали с манифестацией на похоронах К. Совиньской 11 июня, демонстрации, положившей начало массовым политическим акциям в Королевстве Польском. Ко времени ее кончины мало кто помнил вдову генерала-инвалида, участника обороны Варшавы в 1831 г., руководившего сражением с войсками Паскевича на главном направлении штурма в столичном предместье Воля. Считается, что манифестация была инспирирована членами кружка Яновского, хотя он сам утверждал, что та возникла стихийно. По словам С. Кеневича, достоверных сведений о ее организаторах не имеется. А. Гиллер указывал на своего приятеля М. Гралевского. Возможно, активную роль в этом сыграли «сибиряки», поскольку вдова при жизни участвовала в организации материальной помощи ссыльным и заключенным⁶⁴. Полиция и тайные агенты, находившиеся на месте событий, записывали имена участников. Однако наместник М.Д. Горчаков распорядился не придавать демонстрации значения, дабы не привлекать к этому событию внимания Петербурга и не навлечь на себя недовольства начальства⁶⁵.

Подъем общественной активности в столице совпал с нарастанием весной и летом 1860 г. крестьянского движения. В преддверии крестьянской реформы Муханов, в ведении которого непосредственно находился крестьянский вопрос в Польше, пытался выяснить и позицию крестьянства. Ведомство внутренних дел было заинтересовано в первую очередь в предотвращении крестьянских выступлений и в определении грани возможного компромисса между крестьянами и помещиками и вместе с тем демонстрировало, что разрешение крестьянского вопроса будет осуществлено по воле правительства. На намерения властей в этой области указывало и то, что наместник М.Д. Горчаков дважды принимал в своей резиденции в Бельведерском дворце крестьянские депутации, о чем доносил во Францию консул Сегюр⁶⁶.

Робкие притеснения в отношении членов Земледельческого общества и спорадические и нерешительные акции в стиле крестьянского цезаризма со стороны властей вызывали в правом лагере все возрастающее недовольство и вместе с тем ощущение нестабильности политического режима, колебаний и нерешительности, проявляемых администрацией. Польское дворянство в очередной раз продемонстрировало, что для него неприемлемы проводимые российскими властями реформы. М.Д. Горчаков в донесениях убеждал Петербург, что контролирует ситуацию, доказывал, что замена наместника может спровоцировать волнения, однако признавал, что, если в следующем году, весной 1861 г., произойдут выступления в Венгрии и в Галиции, то положение в стране может осложниться⁶⁷. Правда, в Королевском замке в Варшаве, ставшем со времен Паскевича центром и символом российской власти в Королевстве Польском, и подумать не могли, что революция может вспыхнуть в польской столице. Начавшееся в Польше брожение в российских правящих кругах приписывали проискам наполеоновской клиентеллы.

9. ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕМОНСТРАЦИИ И ОППОЗИЦИОННЫЕ ДЕКЛАРАЦИИ

Неустойчивость политической ситуации только подчеркнула первая открытая политическая демонстрация 29 ноября 1860 г., в годовщину Ноябрьского восстания. Ее инициаторами были студенческие кружки, в первую очередь Школы изящных искусств, а также Медицинской академии, Института сельского хозяйства в Маримонте, а также Товарищество Юргенса⁶⁸. Различного рода патриотические антиправительственные манифестации продолжались и в декабре, охватив не только Варшаву, но и провинцию. По свидетельствам современников, акции в других городах Польши были инспирированы инструкциями из столичного революционного центра. Так, в Радоме состоялась месса в монастыре Бернардинов, на которую были приглашены ветераны 1831 г. где и присутствовал некий делегат из Варшавы⁶⁹. События конца 1860 г. не вызвали со стороны властей каких-либо решительных мер, хотя демонстрации в ознаменование 30-летия восстания 1830 г. стали предвестником острого политического кризиса в Королевстве Польском 1861–1862 гг.

19 февраля (3 марта) 1861 г. царь подписал манифест об освобождении крестьян. Его опубликование было отложено на две недели, в течение которых правительство приняло чрезвычайные меры на случай крестьянского восстания, вплоть до разработки на такой случай секретного плана бегства царской семьи за границу. Все это свидетельствовало о крайне напряженной политической обстановке в империи в целом. 21 февраля 1861 г. в Варшаве начались заседания годовичного собрания

Земледельческого общества, что совпало с тридцатилетием битвы под Гроховым 25 февраля 1831 г. Годовщина послужила поводом для новой патриотической манифестации. 27 февраля молодежь попыталась оказать давление на Земледельческое общество и организовать с этой целью демонстрацию. В ответ, опасаясь нарастания уличной активности варшавских низов, Анджей Замоийский попросил наместника М.Д. Горчакова направить войска для охраны здания Общества. Участники собрания Земледельческого общества, как и другие его члены, уже были информированы о подготовленной в России крестьянской реформе. В дискуссии на собрании Общества звучала мысль, что если не провести «наделения» крестьян землей сейчас, то оно может произойти «от нас независимо» (т. е. руками царского правительства). В принятой резолюции по крестьянскому вопросу говорилось, однако, только о «желательности» отмены барщины и перевода крестьян на чинш. О «возможности» же передачи им земли в собственность упоминалось только применительно к отдаленному будущему⁷⁰. Таким образом, позиция помещиков по крестьянскому вопросу не изменилась. «Желательность» очиншевания означала по прежнему частное соглашение помещиков с крестьянами, а упоминание об «отдаленном будущем» указывало, что шляхта ни при каких условиях не намерена передавать землю крестьянам.

Подъем патриотических настроений и пропаганда идей борьбы за независимость сопровождалась адресованным Земледельческому обществу требованием выступить в политической роли, а февральские демонстрации имели целью вынудить Земледельческое общество как орган представительства шляхетского сословия преступить границы легальности. По мнению Г. Лисицкого, Земледельческое общество вследствие одобрения крестьянской реформы «оказалось бы перед альтернативой – либо обратиться к приземленным повседневным делам, что означало бы отречение от принятой на себя роли, либо превратиться в конфедерацию или учредительное собрание»⁷¹.

Многие дворяне – члены Земледельческого общества высказались за подачу царю адреса с изложением политических требований. Это свидетельствовало о постепенном переходе Общества от первоначально заявленной политики сотрудничества с властями на основе правительственной программы реформ – к попыткам перехватить власть и превратиться в ее самостоятельный центр. В Земледельческом обществе обсуждались два проекта адреса царю. Один из них был предложен А. Велёпольским, который якобы в ответ на уговоры сторонников 17 февраля 1861 г. отправился в Варшаву. Политическая программа, с которой он прибыл в столицу, была сформулирована им в собственноручно написанном проекте адреса царю, датированном 11 февраля⁷². В нем впервые в политических верхах польского общества была дана позитивная оценка правительственных мер начиная с 1856 г.: возвра-

щению на родину ссыльных; формированию нового правительства (после кончины И.Ф. Паскевича); назначению новых католических епископов на вакантные кафедры; восстановлению Медицинской академии и Земского кредитного общества. Позитивно оценил маркиз и основание Земледельческого общества⁷³.

Говоря об общественных ожиданиях, Велёпольский указал: а) на потребность отмены системы чрезвычайного положения и восстановления в стране легального органа законодательной власти; б) на то, что введение должностей маршалов шляхты не соответствует нуждам страны, так как те, во-первых, не избираются, а во-вторых, представляют только одно из сословий («один из классов общества»)⁷⁴; в) предлагал восстановить конституционную систему в духе Конституционной хартии 1815 г.⁷⁵ «Ваше Величество! – говорилось в проекте Велёпольского. – Конституционный устав 1815 г. не отменен. Манифест и Органический статут 1832 г. не содержат по этому поводу явно выраженного распоряжения <...> Что же касается центрального и местного управления, то, как гласит Статут, Королевство Польское будет иметь особое правительство, соответствующее местным потребностям, и административные ведомства, отдельные от других частей государства»⁷⁶.

В проекте адреса также говорилось о надежде, что царь положит конец проволочкам в создании основополагающей системы законодательства, восстановит институции, дарованные его предшественниками, позволит народным представителям выработать решения, относящиеся к народному достоянию. В адресе содержались просьбы о понимании и содействии религиозным чувствам народа и католической церкви, о содействии развитию народного просвещения, о содействии законотворчеству и очиншеванию крестьян, об установлении гражданского равноправия евреев, о справедливом установлении и распределении налогов и повинностей, о совершенствовании администрации, о «свободе мысли» и свободе печати⁷⁷. Таким образом, адрес содержал предложения о восстановлении выборных дворянских органов, о проведении очиншевания, о нерушимости гражданского кодекса 1808 г. В нем также декларировались открытие университета, реформа народного просвещения, смягчение цензуры, равноправие евреев и в итоге, в будущем – восстановление Конституции 1815 г. Адрес этот, по мысли автора проекта, должен был быть подписан наместником и подан императору, даже если ради этого, говорил Велёпольский, «пришлось бы переночевать в Цитадели»⁷⁸, что указывало на демонстративное осознание остроты момента и, главное, того, что адрес должен носить характер правительственной программы. Подготовленный Велёпольским проект адреса имел принципиальное значение в двух пунктах. Во-первых, это согласие польских верхов с правительством в крестьянском вопросе на основе концепции очиншевания и, во-вторых, это согласованная с ними правительственная программа политических реформ.

Не будучи членом Земледельческого общества, Велёпольский не игнорировал его работы и его вождей, как не намеревался противопоставлять один политический лагерь другому. Напротив, он старался привлечь их на свою сторону. В резиденции маркиза в «Английском отеле» непрерывно проходили совещания, в которых участвовали и представители Комитета Земледельческого общества, правда, не самые важные лица и в небольшом числе. А. Замойский в них не участвовал. Причиной тому был приватный характер таких бесед и нежелание Замойского предпринимать какие-либо политические действия на основе принципа «легальности», то есть путем сотрудничества с правительством.

Многие из тех, с кем Велёпольский в то время встречался, готовы были разделить его убеждения и воззрения, однако в сложившейся ситуации не решились открыто высказаться за сотрудничество с властями. Достаточного числа подписей, чтобы адрес был признан за выражение надежд и чаяний шляхты, собрать было невозможно. Странники адреса не осмеливались выступить против мнения большинства. Люди, близкие к Замойскому, не хотели никакого адреса. Иные считали пожелания проекта Велёпольского недостаточными. Лидеры польского дворянства, с одной стороны, не решились пойти на сотрудничество с властями в крестьянском вопросе, а с другой – считали предложенную программу политических реформ не соответствовавшей их собственным властным устремлениям. Программа Велёпольского, согласно оценке Кеневича, «соответствовала национальным потребностям в той мере, в какой они отвечали интересам имущих классов <...> приемлемы ли они были для царизма – вопрос остается без ответа. Однако царизм пошел на гораздо более значительные уступки, когда пролилась кровь»⁷⁹.

10. От дня 27 ФЕВРАЛЯ до 2 МАРТА 1861 г.

Настал день 27 февраля, на который была назначена заранее объявленная демонстрация в ознаменование годовщины победоносного (согласно польской традиции) Гроховского сражения. Земледельческое общество в этот день заседало во дворце наместника с твердым намерением не участвовать в манифестации. На вопрос присутствовавших на собрании Общества делегаций, что правительство может сделать для страны, А. Замойский заносчиво отвечал – «покинуть ее!»⁸⁰.

Дело с адресом, составленным Велёпольским, однако, не было доведено до конца, так как этому воспрепятствовали А. Замойский и его ближайшие советники и сторонники. Один из «клеменсовчиков», К. Гурский, в письме в «Отель Ламберт» обосновывал полезность адреса двумя аргументами: 1) «в империи, как говорят, вынашиваются планы реформ в администрации и создания представительных органов, и как бы и нас не подверстали

под это законодательство»; 2) в Королевстве Польском распространяется агитация Мерославского, которой надо бы противопоставить легальное выступление, не исходящее непосредственно от Земледельческого общества, важно, чтобы оно было поддержано Наполеоном III⁸¹.

Концепция адреса землевладельцев, изложенная Гурским, отличалась от воззрений Велёпольского только в двух, но принципиальных пунктах. Во-первых, она предполагала поддержку Наполеона, то есть в той или иной форме «интервенцию» Франции и французские гарантии. Во-вторых, допуская очиншевание, Гурский рассматривал его как акт со стороны дворянства и Земледельческого общества без участия правительства. Оба эти пункта означали восстановление в той или иной мере суверенитета Королевства Польского во главе с Земледельческим обществом, хотя бы в наиболее важном, крестьянском, вопросе и в ограниченном виде «отделенности» Королевства от империи. Однако именно в этом варианте концепция Гурского не была одобрена Замойским. Последний считал, что Земледельческое общество должно провозгласить отмену барщины, и категорически выступал против политического содержания адресной кампании. Группа Юргенса, в большей степени представлявшая воззрения варшавской буржуазии, поддержала идею адреса, однако подчеркивала, что сам адрес должен выражать требования общества, а не предложение об оппортунистической готовности пойти на соглашение с властями⁸².

События 27 февраля 1861 г. и гибель пяти манифестантов привели к дальнейшему обострению политической ситуации, которая после кровопролития, очевидно, обрела новое качество, что повлекло за собой дальнейшее определение позиции политических сил и соответственно их размежевание. Правые совещались в доме А. Замойского. В дискуссиях здесь принимали участие дворяне-землевладельцы из Земледельческого общества и наиболее видные представители варшавских буржуазных верхов. Комитет Земледельческого общества, чтобы подтвердить свой статус и соответствовать требованиям момента, предпринял меры к собранию доверенных лиц из воеводств и конституировался как так наз. «Белый», по мнению Велёпольского, он приобрел облик сената прежней шляхетской Речи Посполитой⁸³. Предостаточно было речей и разных предложений. В частности, обсуждался и новый адрес⁸⁴, в котором, утверждал Велёпольский, «не требовалось ничего и в то же время требовалось всё». Маркиз не мог присоединиться к подобному акту, ибо не мог согласовать свои убеждения с движением улицы. Однако в итоге он, как и все участники собрания, его подписал. Открывался адрес обращением «N. Panie!» («Государь»). Никаких конкретных пожеланий или требований в адресе сформулировано не было. Однако в нем говорилось о неких целях и условиях жизни в семье европейских народов, которых лишен единственный народ – польский. Адрес звучал скорее вызывающе, нежели примирительно. Правда, в конце текста, содержались все

необходимые в формуляре упоминания о «Вашем императорском и королевском величестве»⁸⁵. Деятели Земледельческого общества были уже убеждены, что направление адреса царю более не актуально. Велёпольский при посредничестве своего родственника Т. Потоцкого представил собственную концепцию торга с царем, которая была отклонена без обсуждения. Сказалась в этом, помимо принципиальных политических разногласий по вопросу об условиях и целесообразности сотрудничества с правительством, и взаимная неприязнь маркиза и «пана Анджея».

Другое варшавское собрание состоялось в Купеческом клубе на Сенаторской улице. Уже само место его проведения свидетельствовало о его буржуазном характере⁸⁶. Однако принятые на собрании решения свидетельствовали, что отношение участников к ситуации определялось не столько их социальным положением, сколько сословным статусом как членов Варшавской столичной корпорации. Здесь присутствовали около пятидесяти человек, среди них и люди, близкие к кружку Юргенса, хотя они и не выступали на первых ролях. Собрание было обеспокоено в первую очередь опасностью волнений в столице и, как следствие, применения войск и нового кровопролития. В итоге присутствовавшие высказались за образование комитета, который был составлен из 13 человек, получив название Городской делегации. 8 делегатов отправились к наместнику, чтобы уговорить его дать согласие на публичные похороны жертв расстрела 27 февраля и не прибегать к репрессиям.

Из написанных довольно поздно воспоминаний Барановского известно о третьем собрании, состоявшемся во дворце Лубеньских, где в то время располагалось кафе «Тиволи». О нем уже после подавления восстания 1863 г. во время следствия на допросе говорил К. Маевский. По его показаниям, в марте 1861 г. в кафе собиралась молодежь – сторонники Мерославского, преимущественно студенты Школы изящных искусств. Возможно, что упомянутое собрание могло там состояться именно в ночь на 28 февраля. По мнению С. Кеневича, оно стало средоточием настроений радикальной молодежи⁸⁷. Ситуацию февраля 1861 г. в Варшаве современники сравнивали то ли с моральным подъемом и общественным возбуждением 1830 г., то ли с Парижем 1848 г. Спустя две недели умеренный демократ К. Либельт писал, что Варшава «одержала неслыханную победу» над противником⁸⁸.

28 февраля в 10 часов утра в апартаментах А. Замойского собрались деятели Земледельческого общества и Делегации Варшавы, присутствовал также архиепископ Фиалковский, который первым подписал составленный накануне и предназначенный для вручения царю адрес. Всего подписи поставили 142 человека. В адресе содержалось требование предоставления «различных прав». В концепте адреса вместо этих слов стояло «местного правления»⁸⁹. Наместник Горчаков принял адрес, но в ответ Александр II направил телеграмму с отказом от каких-либо

уступок. Однако власти не решились применить силу и дали согласие на публичную траурную церемонию. Делегация Варшавы назначила похороны погибших на 2 марта.

К этому времени город оказался практически в руках народа. Порядок на улицах Варшавы поддерживали люди, назначенные Делегацией, которые носили специальные шарфы*, а также студенческие дружины. Делегация постановила избегать каких-либо вооруженных действий, а тех, кто будет встречен с оружием, рассматривать как шпионов и провокаторов. Наместник распорядился подтянуть к городу дополнительные войска и ожидал подкреплений из провинции; согласно донесению Горчакова царю, к 1 марта варшавский гарнизон был усилен 24 ротами пехоты, кавалерийским полком, семью казачьими сотнями и 22 орудиями⁹⁰. Собранные силы свидетельствовали, что правительство опасалось всеобщего восстания и готовилось к его подавлению. Траурную манифестацию С. Кеневич описал следующими словами: «В атмосфере братания всех сословий и исповеданий прошел день 2 марта, день проводов в последний путь на Повонзковское кладбище пяти жертв расстрела. Гробы ремесленников несла на плечах шляхта, гробы землевладельцев – ремесленники. Епископов, ксендзов и католических монахов сопровождали пасторы и раввины. Среди десятков тысяч собравшихся людей были также словаки и венгры»⁹¹. Эта картина призвана была подчеркнуть патриотическое единение польского общества, однако она же свидетельствовала о разделявших его сословных границах. За рамками патриотического единения оставалось крестьянство, составлявшее подавляющее большинство подданных Королевства Польского. Совместные действия аристократии, землевладельческой шляхты и верхов варшавской буржуазии отнюдь не означали, что помещики были бы согласны поступиться своими привилегиями в пользу городского сословия, не говоря уже о буржуазной демократии города или о многомиллионном польском крестьянстве.

11. Новый правительственный блок

События конца февраля – начала марта 1861 г. подтолкнули власти Королевства Польского к новым усилиям, направленным на поиск общественной поддержки. В первую очередь обрести ее можно было в среде господствующего дворянского сословия и городских верхов. Однако связанные с именем Муханова расчеты на Земледельческое общество не оправдались. Землевладельцы во главе с «паном Анджеем» заявили себя противниками правительства. Делегация Варшавы также не внушала

* В дальнейшем такая милиция получила название констеблей.

доверия, да и влияние ее не выходило за пределы столицы. В этих условиях ставка была сделана на «просвещенную бюрократию». Для того чтобы успокоить варшавян, продемонстрировать польским верхам готовность к взаимопониманию и представить себя перед царем умелым администратором, контролирующим ситуацию в стране, Горчаков приблизил к себе польских чиновников, переместив на второй план начальника штаба 1-й армии П.Е. Коцебу, олицетворявшего в Польше российскую военщину, а также Муханова. Польских чиновников в варшавских верхах насчитывалось более сотни, хотя они и не занимали ведущих должностей. Большинство из них были люди пожилые, как Ф. Скарбек или Л. Дембовский, и принадлежали они к временам Паскевича. Однако были среди них и карьерные бюрократы, надеявшиеся на волне нового курса обойти русских конкурентов. К таковым относился генеральный прокурор Ю. Енох⁹², политический деятель и публицист, сын известного врача Я. Еноха, происходивший из еврейской семьи. С одобрения родителей и крестных Юлиуш принял христианство и порвал с еврейским окружением. Он окончил гимназию в Варшаве и поступил учиться в Инженерный корпус в Петербурге. Там он проявил способности к юриспруденции и был замечен обер-прокурором Сената Тисом, который принял его к себе на службу в качестве секретаря. В 1852 г. он сочетал практическую работу референта с преподаванием на юридических курсах в Варшаве. Как член Герольдии Королевства Польского Енох дослужился до чина, дававшего личное дворянство. В период после смерти Николая I он уже статский советник и генеральный прокурор Королевства Польского. Енох обладал обширными связями в Варшаве в чиновничьих и в буржуазных кругах, был близко знаком со многими видными деятелями из аристократического лагеря. Это положение создавало ему немалый авторитет у преемников Паскевича, видевших в нем умного и опытного советника. Февральские события 1861 г. стали периодом наивысшего влияния Еноха. Велёпольский называл его своим другом и после прихода к власти выхлопотал для него, в соответствии с польской традицией XVIII в., почетное звание секретаря императора Александра II и орден св. Станислава.

27 февраля М.Д. Горчаков поручил Еноху составить доклад о происшедших событиях. Уже 2 марта Енох представил наместнику мемориал⁹³, в котором изложил план умиротворения столицы и страны. Он утверждал, что одной только силы недостаточно для управления Королевством, что власти нужно найти опору внутри Польши, сформировать «партию, которая хотя и была бы немногочисленна, но влиятельна в силу своей социальной позиции, своего успеха и достижений, вследствие своей высокой культуры, – партию землевладельцев, чиновников и в целом состоятельных классов населения». По словам Еноха, «эти классы можно было бы посредством мудрых реформ оторвать от союза с движением экзальтированных. Эти реформы не должны быть слишком далеко иду-

щими, но должны достигнуть своей цели». Цель же эта, с точки зрения Еноха, состояла в том, чтобы установить «интеллектуальный порядок в высшем образовании и материальный порядок, составляющие вместе надежное основание в управлении страной». Конкретно же он предлагал: восстановить Государственный совет, ввести городское самоуправление, в том числе и в Варшаве, и во главе ведомства народного просвещения поставить поляка. Последнее означало удаление Муханова. Я. Карницкий полагал, что упомянутый мемориал Енох составил в конце марта 1861 г., чтобы приписать себе проекты реформ, которые к тому времени уже были проведены. По этому поводу в историографии возникла дискуссия⁹⁴. Однако, независимо от времени написания мемориала, содержащиеся в нем мысли были высказаны Горчаковым уже 2 марта, сам же мемориал в Петербург направлен не был.

Также как и Енох, претендовавший на ведущие роли во властных верхах Королевства Польского Ян Карницкий – государственный секретарь Административного совета, сенатор варшавских департаментов Сената, тайный советник – входил в круг высших чиновников из числа поляков⁹⁵. Родился он в Польских Инфлянтах (в Лифляндии) и принадлежал к старому шляхетскому роду. По знатности он кардинально отличался от разночинца по происхождению – Ю. Еноха. Карницкий изучал юриспруденцию в Виленском университете и в середине 1830-х гг. начал чиновничью карьеру в Комиссии ревизии уложения законов, в дальнейшем в качестве члена Правительственной комиссии юстиции. В 1840 г. он был удостоен официального «высочайшего одобрения» Николая I. С 1854 г. Карницкий поочередно помощник обер-прокуроров X и IX (варшавских) департаментов Сената. В марте 1857 г. он получил назначение на должность государственного секретаря Административного совета и становится главным редактором «Правительственной газеты» («Gazety Rządowej»). С этого времени он один из близких сотрудников наместника М.Д. Горчакова.

Убежденный консерватор, Карницкий негативно относился даже к самым «умеренным» реформам. По этой причине, а также из-за личного соперничества с Енохом, у него установились неприязненные отношения с А. Велёпольским и окружением маркиза. Вскоре, после смены политического курса властей, Карницкий утратил влияние, был удален с важнейших постов и большей частью пребывал за границей. В должности государственного секретаря его сменил Ю. Енох.

После манифестации в день похорон «пяти погибших», в ночь со 2 на 3 марта, наместник М.Д. Горчаков направил Я. Карницкого в Петербург с докладом о положении в Варшаве. Карницкий вез письмо императору, в котором Горчаков развивал мысль Еноха, что большинство подданных «из высших и средних классов» в Королевстве Польском обеспокоены развитием событий, что в секретариате Административного совета «уже

давно разрабатываются проекты усовершенствования различных отраслей администрации⁹⁶. Далее наместник называл имена А. Замойского, Л. Кроненберга и А. Велёпольского, имя которого возникает в правительственной корреспонденции впервые и, вероятно, по рекомендации Еноха⁹⁷. Приглашал к себе Горчаков и Замойского, однако их беседа 3 марта ни к чему не привела, кроме обещания «пана Анджея» поспособствовать успокоению столицы. В первые мартовские дни все представители правого лагеря были привлечены для переговоров с Горчаковым: Ю. Енох и Я. Карницкий представляли верхи польской бюрократии, Велёпольский и его единомышленники, в том числе среди членов Земледельческого общества (например, Т. Потоцкий), выражали мнение сторонников реформ на основе сотрудничества с властями. Участвовали в них А. Замойский и Комитет Земледельческого общества, требовавшие по существу передачи власти в руки Общества, претендовавшего на роль шляхетского сейма Королевства. Вел переговоры с наместником и Л. Кроненберг как представитель варшавской буржуазии и Делегации Варшавы, в руках которой в этот момент оказалась власть на улицах столицы. Таким образом, правый лагерь Королевства Польского, с одной стороны, и царские власти, с другой, оказались перед решающим выбором.

7 марта 1861 г., то есть практически накануне официального опубликования в Российской империи Манифеста 19 февраля, при зачитании которого в России с церковных амвонов Синод предписывал священникам «отвращать крестьян от возмущения», то есть в момент крайней неуверенности и страха в правящих кругах, Карницкий приехал в Петербург. И, несмотря на напряженность политического положения, в тот же день он был принят царем. По поручению М.Д. Горчакова Карницкий убеждал Александра II, что в Польше нельзя управлять только штыками, что необходимо «сменить систему», что иначе «никто не сможет остаться на службе в Королевстве». На следующий день царь совещался с приближенными, ведавшими в правительстве вопросами польской политики, среди них был и министр иностранных дел. Это свидетельствовало о том, что правительство не только сознавало особую роль великих держав в польском вопросе, но и вынуждено было принимать в расчет их позицию. На совещании А.М. Горчаков, Н.О. Сухозанет – командующий 1-армией – и шеф III Отделения В.А. Долгоруков высказались за смену системы управления в Королевстве Польском, к этой точке зрения присоединился и В.П. Платонов – заместитель министра – государственного секретаря, обычно не склонный поддерживать поляков⁹⁸. В итоге царь очень неохотно согласился ответить на варшавский адрес от 28 февраля 1861 г. Соответствующий рескрипт наместнику составил министр иностранных дел А.М. Горчаков.

Тогда же Александр II направил телеграмму наместнику М.Д. Горчакову, что не желает принимать польскую депутацию, а в письме выго-

варивал ему за публичное дезавуирование действий 27 февраля варшавского полицмейстера Ф.Ф. Трепова и дежурного генерала штаба 1-й армии В.И. Заболоцкого, на которых Горчаков возложил ответственность за кровопролитие. В письме царь подчеркивал, что адреса «и в руки брать не следовало» и что теперь он, император, вынужден на него отвечать, дабы не компрометировать наместника. Правда, тон царя далее смягчался. Он писал, что не возражает против некоторых изменений в управлении Королевством Польским в духе Органического статута 1832 г., однако сначала надо усилить войска в столице, восстановить порядок в Варшаве и в провинции, арестовать вожаков движения, не исключая и членов Земледельческого общества, не колебаться с открытием огня, если дойдет до новых беспорядков, а в крайнем случае объявить в Варшаве осадное положение и военное положение в стране⁹⁹. Таким образом, вопреки мнению приближенных, Александр II настаивал на приоритете военно-полицейских мер подавления польской оппозиции перед мерами сугубо политическими, что было вполне в его духе. Согласие же царя на некоторые преобразования звучало настолько невнятно, что А.М. Горчаков был даже вынужден написать своему двоюродному брату и польскому наместнику письмо, в котором отважился на комментарии к им же самим составленному императорскому рескрипту. Разъясняя повеления государя, канцлер рекомендовал М.Д. Горчакову склонить авторов адреса к соглашению с правительством, и, что было бы хорошо, доверительно дать понять, независимо от рескрипта, что в ближайшее время в Королевстве Польском будет проведена реформа администрации и школьного образования, восстановлен Государственный совет и введено городское самоуправление. Это, по словам министра, будет на пользу добронамеренным подданным и ослабит недоброжелателей и злодеев¹⁰⁰. В самом же рескрипте адрес был назван петицией известного числа людей, которые «самовольно присвоили себе право порицания всех действий правительства». Далее в общих выражениях содержались туманные обещания неких предстоящих реформ, которые соответствовали бы «духу времени и нуждам моего государства». В заключение же звучала недвусмысленная угроза, что впредь царь не намерен «потакать беспорядкам».

Рескрипт был опубликован в польских газетах 14 марта, а накануне, 13 марта, Горчаков зачитал его в Замке тем самым 5 особам, которые двумя неделями ранее передали ему адрес: архиепископу Фиялковскому, А. Замойскому, В. Малаховскому, Л. Кроненбергу и К. Шленкеру. Горчаков также сообщил о задуманных реформах. В ответ Замойский выразил надежду, что намерения правительства общественность встретит с одобрением. Вместе с тем он подчеркнул, что оглашение рескрипта, в котором реформы не были упомянуты, может вызвать брожение в народе. В целом аудиенция у наместника завершилась в позитивном настроении¹⁰¹. Но о состоявшейся 13 марта аудиенции есть и иное свидетельство. Согласно

«Историческому очерку восстания 1863 г., составленному в Варшавской цитадели»¹⁰², уже в ходе следствия после подавления восстания на основании материалов расследования было установлено, что наместник Горчаков «потребовал к себе членов Делегации Шленкера* и Кроненберга» и других поименованных лиц. Наряду с ними назван В. Малаховский**. Состав участников встречи с наместником указывал на то, что главную роль в ней играла Делегация Варшавы. Со ссылкой на протокол аудиенции в «Истории...» говорится, что «первым условием удержания порядка» Делегация считала «вручение управления города, администрации доходов и податей, людям, избранным посредством свободных выборов всех жителей без различия состояний и вероисповеданий»¹⁰³. Иными словами Делегация потребовала передать ей власть в столице и провести в Варшаве равные выборы без учета сословных различий. Разумеется, власти ни при каких условиях не могли пойти на удовлетворение подобных ультимативных требований, а само их выдвижение указывало на то, что позиция Делегации Варшавы эволюционировала в сторону революционного лагеря, что тон в ней задавали не Кроненберг и Розен, а деятели наподобие Шленкера и Малаховского.

В течение второй половины марта 1861 г. вопрос о новой форме правительства Королевства Польского был решен. Подробности закулисных переговоров по этому вопросу почти неизвестны, так как Горчаков не доносил о них в Петербург, а Велёпольский не оставил каких-либо записей. Никаких важных свидетельств не приводит и Г. Лисицкий. Однако в итоге окончательное соглашение между маркизом и наместником, заключенное 14 марта, предполагало проведение реформ. Определенная этим соглашением новая политическая система получила название «правительственного консенсуса». Заключение этого соглашения косвенно свидетельствовало также о том, что власти в Петербурге остановили свой выбор на либеральной концепции, которая была изложена в мемориале Еноха, и не вняли до-

* Францишек Ксаверий Шленкер (1814–1871) – варшавский купец, владелец магазина на Сенаторской улице, член Городской делегации 1861 г. и Городского совета, в период восстания организатор сбора «национального налога» в Варшаве, после подавления восстания 1863 г. – в эмиграции.

** Владыслав Малаховский, князь (?) (ок. 1830 – ок. 1900) – сын землевладельца из Гродненской губернии, выпускник Института путей сообщения в Петербурге, работал в Вильно на Петербургско-Варшавской железной дороге. В период восстания – помощник повстанческого начальника города Вильно, член повстанческого правительства Литовской провинции, подписал смертный приговор «за измену» маршалу шляхты Виленской губернии Александру Домейко. После подавления восстания бежал за границу и жил в Англии. В «Историческом очерке восстания...» назван князем, хотя среди Малаховцев герба Nałęcz исследователями не упомянут.

водам консерватора Карницкого. При этом либеральный курс правительства Александра II означал отнюдь не только те или иные, большей частью декоративные, преобразования в администрации Королевства Польского, а прежде всего либеральный подход к разрешению крестьянского вопроса, то есть проведение крестьянской реформы сверху от имени государственной власти, а не польского дворянства. Задача состояла теперь в том, чтобы убедить польскую шляхту согласиться с подходом правительства. Препятствием на этом пути, очевидно, было Земледельческое общество.

12. ПРОГРАММА РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА ВЕЛЁПОЛЬСКОГО

Согласованная с А. Велёпольским программа предполагала в качестве первоочередных реформы двоякого рода. Одни из них, сугубо административные, предусматривали отмену чрезвычайных мер военного управления времени диктатуры Паскевича и были направлены на сближение системы государственного управления Королевства Польского и России. Шла речь о восстановлении Правительственной комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения (отдельно от Комиссии внутренних дел), о воссоздании Государственного совета как высшей судебной инстанции, об установлении административного деления страны на 8 воеводств. При этом как уступка национальным чувствам поляков предполагалось введение «национальных мундиров» и собственной гербовой печати Королевства (с польским орлом). Однако восстановление в Королевстве системы органов государственного управления, аналогичных российским, не означало курса на ликвидацию его «отделенности» от империи. В этом в гораздо большей степени, нежели в вопросе о мундирах, состояла уступка властей.

Вторая группа реформ касалась новых установлений, которые согласовывались бы, с одной стороны, с традициями польского шляхетского парламентаризма, а с другой – с условиями российского самодержавия. Над соответствующим проектом работал А. Велёпольский. Предполагалось создать Сенатский совет в составе 8 епископов, 8 воевод, 39 каштелянов (исключительно землевладельцев), в который было бы допущено небольшое число лиц из промышленников, купцов и лиц свободных профессий. Этот Совет принимал бы жалобы на нарушения прав и на злоупотребления со стороны чиновников. В каждом воеводстве намечалось образовать Гражданский совет (*Rada obywatelska*), в который бы от каждого из поватов избирались по два представителя от шляхты и по одному – от гмин. Примечательно, что здесь речь шла только о дворянах, не скрывая шляхту за термином «землевладельцы», чтобы случайно в Совет не попали бы земельные собственники нешляхетского происхождения. Гражданские советы занимались бы исключительно местными

вопросами. Раз в два года Сенатский совет собирался бы в расширенном составе (как *Rada Walna*) с участием председателей Гражданских советов воеводств, председателя Городского совета Варшавы и ряда «достоинных лиц» («*wirylistów*»). Эта «Вальна Рада» могла бы рассматривать проекты законов, направленных правительством. Таким образом, были бы признаны титулы и функции шляхетского большинства и буржуазного меньшинства, без их влияния на общественные дела¹⁰⁴. Все эти условия Велёпольский оговорил, принимая должность директора в Комиссии внутренних дел. Им было получено согласие царского правительства и наместника на два других важных предложения. Первое – восстановление Варшавского университета, второе – роспуск Земледельческого общества и замена его земледельческими комиссиями. «Такова была цена, – писал С. Кеневич, – которую вынуждены были заплатить имущие классы за участие в местном управлении и за допуск их представителей в правительство, то есть ликвидация единственной собственной независимой организации». При этом польский историк отмечал, что «политическая цель Велёпольского соответствовала его частным устремлениям, то есть устранить политический домен своего конкурента» – А. Замойского¹⁰⁵.

15 марта 1861 г. М.Д. Горчаков доносил в Петербург, что в течение двух дней придет в столицу проект Велёпольского со своими замечаниями. Одновременно в российской столице под руководством В.П. Платонова разрабатывался проект реформ на иных основаниях. Речь шла о введении в жизнь некоторых положений Органического статута 1832 г., в частности местного самоуправления. Замыслы эти вынашивались в Петербурге и в польских верхах в течение пяти предшествующих лет, а препятствовали им М.Д. Горчаков и П.А. Муханов¹⁰⁶. Варшавские события сдвинули петербургский замысел с мертвой точки. В результате царь решил лично рассмотреть проекты Платонова и Велёпольского. Проект маркиза был доставлен Александру II 21 марта¹⁰⁷.

Ситуация в Петербурге в это время была весьма напряженной. Царь и его окружение ожидали реакции крестьянства на отмену крепостного права, которая должна была в полной мере проявиться с началом сезона полевых работ. В правительственных кругах царило беспокойство, не станет ли крестьянская реформа в России причиной социальной революции. Варшавские волнения в такой ситуации были явно не ко времени¹⁰⁸. Вероятно, поэтому Александр II безотлагательно рассмотрел присланные из Варшавы проекты. 25 марта он собрал Совет министров с участием ряда приглашенных лиц, чтобы обсудить оба проекта. Проект А. Велёпольского был официально представлен от имени наместника. Проект В.П. Платонова – от имени министра – государственного секретаря Королевства Польского Ю. Тымовского. Дискуссия в Совете, по свидетельству министра внутренних дел П.А. Валуева, была долгой, беспорядочной, и никто не решался прямо высказать свою точку зрения. В

итоге царь, потеряв терпение, констатировал, что все склоняются к проекту государственных секретарей (к проекту Платонова). В программе преобразований Велёпольского основное недовольство было направлено против «Вальной Рады», так как она уж очень напоминала некое «народное представительство». Из варшавских предложений было утверждено только одно, но весьма важное – образовать в Административном совете отдельную Комиссию народного просвещения и вероисповеданий во главе с Велёпольским. Среди отклоненных предложений маркиза были не только задуманные им «рады», но и реформа судопроизводства, восстановление воеводств и новации в мундирах «национальных колоров». Отказано было и в университете. Император ограничился только Школой права. В конце совещания, по словам Валуева, он сам не понял, что же из предложенного было одобрено, а что – отклонено. Было постановлено образовать комиссию из 4-х человек во главе с А.М. Горчаковым для подготовки проекта царского указа¹⁰⁹. В нем достигнутое согласие нашло выражение в четырех пунктах: 1) создание Государственного совета с участием светских и духовных «нотаблей», о которых говорилось в предложениях Велёпольского; 2) в городах, в поветах и в губерниях надлежало избрать советы; 3) в Административном совете была воссоздана отдельно от Дирекции внутренних дел Комиссия духовных дел и народного просвещения во главе с А. Велёпольским; 4) в Королевстве Польском надлежало основать Высшую школу права¹¹⁰.

М.Д. Горчаков полагал, что настало «наиболее удобное время для создания лагеря умеренных, и его нельзя упустить». Наместник просил разрешить объявить как можно скорее о петербургских решениях и прислать в Варшаву оригинал царского указа. Александр II дал согласие, соответствующая короткая официальная информация была помещена в польской прессе уже 27 марта. Это известие стало доступно варшавской публике спустя ровно месяц после февральских событий. Сигналом о желательности для правительства достичь взаимопонимания с либералами стала отставка П.А. Муханова. Поводом для нее послужил циркуляр, разосланный директором Комиссии внутренних дел 18 марта провинциальным властям с требованием надзора за революционной агитацией. В нем, в частности, предписывалось, дабы крестьяне задерживали агитаторов и передавали тех властям. Это распоряжение возмутило польских чиновников. Люблинский гражданский губернатор С. Мацкевич утверждал, что такого рода провокация напоминает о галицийской резне. С протестом выступили Делегация Варшавы и А. Замойский¹¹¹. Горчаков 23 марта потребовал от Муханова подать в отставку. В этот же день тот покинул город, уехав в коляске, и только на станции Влохи сел в поезд, без остановок промчавшийся до границы. На вокзале в Варшаве в это время собралась толпа, чтобы устроить обструкцию ненавистному чиновнику¹¹². Об увольнении Муханова наместник уведомил императора постфактум.

Характеризуя политическую ситуацию в Королевстве Польском в конце марта 1861 г., С. Кеневич писал: «Те же самые ограниченные реформы (объявленные царским указом 25 марта. —*Б.Н.*), провозглашенные сразу после 27 февраля и украшенные несколькими добросердечными фразами, могли бы склонить имущие классы к решению о соглашательстве. Спустя же четыре недели ситуация пошла дальше в своем развитии, движение расширилось <...> в нем произошло размежевание, усилилось его левое крыло. Красные отвергли соглашение с захватчиком, а в конце марта к лагерю красных в Варшаве принадлежало гораздо больше людей, чем в конце февраля»¹¹³. Тезис С. Кеневича о «размежевании белых и красных» не вызывает возражений. Однако в этом случае речь идет о внутренней грани в том направлении общественного движения, которое развивалось под знаком дворянской революционности. За его пределами оставался правый лагерь и выделившиеся из него либеральные круги, символом которых стал Александр Велёпольский. В целом большинство участников общественного движения правого толка не помышляли о соглашении с царем. Даже умеренные оппозиционеры следовали линии М. Розена в духе приписываемой ему молвой максимы «*браć i nie kwitować*», то есть принимать уступки, но не признавать их достаточными и не идти на ответные встречные шаги. В этом духе А. Замойский писал лидеру краковских консерваторов А. Потоцкому: «Пусть император останется королем, а все поляки вплоть до Днепра получают правительство и законодательство в соответствии с нашими ожиданиями, чтобы Европа увидела, что вся Польша должна стать независимым государством, и вы вернетесь в страну»¹¹⁴. Из этого высказывания А. Замойского, как и из многих других его сентенций и заявлений его сторонников, видно, что вождь Земледельческого общества, для которого главным должен был бы стать крестьянский вопрос, и не помышлял о его разрешении, как и о других внутренних проблемах Королевства Польского. Независимость и собственное законодательство означали бы их передачу в ведение исключительно польской шляхты без какого-либо вмешательства со стороны российских властей. Российские реформы в их распространении на Королевство Польское для Замойского и польского дворянства казались неприемлемыми. Мало того, речь шла о восстановлении шляхетского государства вплоть до Днепра, то есть в границах 1772 г.

13. Велёпольский во главе правительства

Приход Велёпольского в правительство означал для царских властей определенное ослабление общественной напряженности. Вступая в должность директора Правительственной комиссии, маркиз сознавал, что не получил одобрения всем своим планам в полной мере, вместе с тем

по соглашению с правительством он принял на себя обязательство распустить Земледельческое общество, Делегацию города Варшавы и группы констеблей (руководимую Делегацией добровольческую милицию из числа горожан). Устраняя органы власти правого лагеря (а именно на власть претендовали Земледельческое общество и Делегация Варшавы) Велёпольский также намеревался разгромить и подпольные организации революционеров. Соответствующий план он изложил в записке «Меры, которые надлежит принять в связи с императорским указом от 25 марта 1861 г.» («Série des mesures à prendre par suite des résolutions impériales du 25 III 1861»). Маркиз предполагал закрыть легальные оппозиционные организации, арестовать членов тайных обществ, конфисковать их бумаги, распустить Земледельческое общество, а в случае необходимости и ввести военное положение¹⁵. Горчаков, хотя и не без колебаний, поддержал этот план под влиянием П.Е. Коцебу и А.В. Гечевича – преемника Муханова во главе Комиссии внутренних дел, – выражавших мнение армейского командования. Возражая против применения силы на Пасху для подавления беспорядков, наместник опасался жертв среди ни в чем не повинных подданных, поскольку в этот день весь город, включая женщин и духовенство, был бы на улицах¹⁶. План ареста предводителей «красных» также не мог быть исполнен, поскольку полиция не имела необходимой информации о варшавском подполье, да и само оно не было еще достаточно централизованным, чтобы его можно было бы обезглавить посредством арестов¹⁷.

Закрытие Земледельческого общества А. Велёпольский предлагал отложить на несколько дней, предварительно учредив, во-первых, специальную комиссию для рассмотрения предложений Общества о способе выкупа крестьянами повинностей, включив в ее состав только умеренных членов Общества и поставив во главе комиссии директора Комиссии внутренних дел А.В. Гечевича. Во-вторых, следовало провозгласить с амвонов, что правительство берет на себя решение крестьянского вопроса. В-третьих, надлежало опровергнуть в газетах некие замыслы Земледельческого общества о сближении польского и еврейского населения. Этими средствами власти хотели уменьшить влияние Земледельческого общества среди дворянства и посеять разногласия среди его членов, обвинив Общество якобы в согласии на предоставление равноправия евреям, и главное, распространить в шляхетской среде мнение о готовности Земледельческого общества согласиться с программой правительства по крестьянскому вопросу. Меры эти преследовали двоякую цель: с одной стороны, создать видимость поддержки правым лагерем правительственной крестьянской реформы, а с другой – расколоть и ослабить Земледельческое общество, оттолкнув от него те реакционные слои польской шляхты, для которых ликвидация крепостничества и наделение крестьян землей были неприемлемы ни при каких условиях. После того, как в течение нескольких дней

эти меры принесли бы свои плоды, Земледельческое общество подлежало бы роспуску, а из Варшавы были бы выдворены те его члены, которые не имели в столице постоянного места жительства¹¹⁸. О том, что изложенный замысел принадлежал Велёпольскому, свидетельствовал черновик письма наместника и сделанные в нем сокращения¹¹⁹.

28 марта маркиз посетил архиепископа Фиялковского, который его благословил, вызвав удовлетворение, что дело религии и народного просвещения отныне переходит в ведение католика¹²⁰. На следующий день были уволены двое высокопоставленных русских чиновников, так и не научившихся говорить по-польски за многие годы службы в Королевстве. 31 марта власти разослали циркуляр приходским священникам, чтобы они с амвонов призвали собственников приступить к очиншеванию. На следующий день был учрежден Гражданский комитет как консультативный орган правительства по крестьянскому вопросу. В него вошли члены Земледельческого общества, в числе которых были З. Велёпольский и Л. Кроненберг, но в нем не участвовал А. Замойский¹²¹.

Прислав в Варшаву подписанный указ от 25 марта 1861 г. о соглашении правительства с польскими верхами, Александр II писал М.Д. Горчакову, что это, по его мнению, последняя возможность умиротворить поляков и в противном случае остается только применение силы. Численность войск варшавского гарнизона к этому времени была доведена до 20 тыс. чел., соответственно были увеличены силы конницы и артиллерии. Войска концентрировались вокруг четырех ключевых пунктов столицы: у Королевского замка, у площади Красинских и в районе Саксонской и Александровской площадей¹²². В наступление власти перешли сразу же после празднования Пасхи. Пополудни 3 апреля, в среду после пасхального воскресенья, Горчаков телеграфировал царю, что распустил Гражданский отдел магистрата Варшавы и соответственно прекратил его деятельность в качестве полицейского органа. В написанном в тот же день письме Александру II он объяснял, что так называемые констебли с карточками на шляпах (отличительным знаком добровольческой милиции) демонстративно патрулировали улицы города. Объявленный 4 апреля роспуск констеблей и Гражданского отдела был встречен в польской столице спокойно. Горчаков разрешил 12 членам распущенной Делегации до выборов Городского совета заседать в ратуше под председательством президента Варшавы в качестве некоего Временного муниципального совета. Нечто подобное Велёпольский планировал учинить и с Земледельческим обществом. Ведущих его деятелей маркиз намеревался включить в Гражданский комитет, а в самом постановлении о роспуске Общества содержался проект создания в различных местностях Королевства Польского земледельческих собраний («комиссий»). В публикациях в прессе о роспуске организации говорилось, что образованные вместо Земледельческого общества «комиссии должны заниматься агрономией, а политические вопросы остаются в ведении гу-

бернских советов и в Государственном совете¹²³. Р. Потоцкий писал по этому поводу одному из своих корреспондентов, что большая часть членов распущенного Земледельческого общества «хотела подтолкнуть презеса (А. Замойского. – *Б.Н.*) и комитет, направив их на этот раз на путь нелегальных действий, к революции или к бунту, что было для них сомнительным и противоречило их собственным убеждениям <...> Новый грозный диктатор (А. Велёпольский. – *Б.Н.*) одним ударом освободил и презеса, и комитет от бремени ответственности перед страной»¹²⁴. Р. Потоцкий был прав, указав, что принятые меры правительства, Велёпольского и круга его сторонников могли бы подтолкнуть правые силы навстречу дворянскому революционному лагерю на основе общей сословной позиции. Вместе с тем эти меры, приведшие на недолгое время к «успокоению столицы», способствовали пробуждению провинции, где силы консервативного дворянства решительно преобладали, что в свою очередь означало укрепление правого лагеря по отношению к реформистским кругам. После февральских волнений в Варшаве городам и местечкам Королевства и прежде всего шляхетским усадьбам и фольваркам, а также находившимся под их контролем церковным приходам (плебаниям) потребовалось от двух до нескольких недель, чтобы отреагировать на варшавские события. Вслед за волнениями в Варшаве на Пасху, общественное брожение стало набирать силу и в провинции, где оно первоначально приняло форму протеста против действий местной администрации. Здесь стали возникать «комитеты безопасности» и «делегации городов» (в Калише, Млаве, в Кельце и в Шидловце). В Люблине – крупнейшем после Варшавы городе – такого рода комитеты возникли в период между 4 и 7 марта 1861 г.¹²⁵ Существенное влияние на развитие ситуации оказывало и крестьянское движение¹²⁶. Весной 1861 г., согласно статистике властей, волнения и отказы от барщинных работ охватили 176 деревень, 54 имения и 35 тыс. крестьян. В дальнейшем движение только нарастало, охватив 160 тыс. крестьян¹²⁷. Подъем крестьянского движения оказал на положение в стране двоякое действие. С одной стороны, под его влиянием произошло окончательное оформление трех политических течений и соответственно трех лагерей польского общества, с другой – оно побудило власти в духе общеимперского политического курса искать выхода из кризиса на пути либеральных реформ.

В условиях нарастания общественного движения, а также под воздействием ответных шагов царских властей и администрации Королевства Польского в стране сложились три политических лагеря, соответствовавших основным направлениям общественного движения. Правый лагерь объединял подавляющее большинство землевладельческой шляхты, отвергавшей правительственную программу реформ, в первую очередь по отношению к крестьянству, и недвусмысленно выдвинувшей требования передачи польскому дворянству во главе с Земледельческим обществом государственной власти и восстановления шляхетской Речи Посполитой

(по меньшей мере в составе Польши и Литвы) в границах 1772 г. Либеральный складывался из представителей либеральной бюрократии, небольшой части аристократии, крупных дворян-землевладельцев и ряда представителей варшавской крупной буржуазии. Его знаменем и лидером стал А. Велёпольский. Либералы выступали за соглашение с правительством на основе программы реформ, в первую очередь в крестьянском вопросе. Вокруг этой программы либералы намерены были объединить все правые силы, рассчитывая на основе реформы избежать революции. Они проводили в Королевстве Польском курс на создание либерально-консервативного дворянского блока, каковой в России послужил фундаментом так называемых Великих реформ Александра II, проводили, вероятно, не вполне осознанно (по крайней мере, в распоряжении исследователей нет прямых свидетельств заимствования российского опыта). Третий лагерь представлял дворянских революционеров. Поскольку объединяющим его лозунгом и программой было достижение национальной независимости, а состав участников был преимущественно шляхетский по происхождению, то по своей социальной природе и идеологии он был близок правым силам. Поэтому революционные организации последовательно придерживались тактики объединения с правыми ради совместной борьбы за освобождение Отчизны. Царская администрация Королевства Польского, разделив власть с либералами, оставила в запасе и возможность рискованного политического маневра в духе крестьянского цезаризма. Работавший в Петербурге над составлением для Королевства законов о Государственном совете и об органах местного управления В.П. Платонов писал наместнику Горчакову, что если бы таким образом, то есть в союзе с либералами, не удалось бы найти опору в имущих слоях населения, то оставалось бы только установить в стране военное правление «с опорой на крестьян и евреев. Крестьян следовало бы перевести на невысокий чинш (ценз) с правом выкупа надела, а евреям предоставить полное гражданское равноправие»¹²⁸.

14. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ РЕФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В мае 1861 г. умер наместник М.Д. Горчаков. По указу царя его временно заменил Н.О. Сухозанет – в прошлом участник подавления польского восстания 1830–1831 гг., один из генералов Крымской войны, военный министр в 1855–1861 гг. В мае 1861 г. он был назначен командующим 1-й армией с сохранением должности министра и во время болезни М.Д. Горчакова исполнял обязанности наместника. Сухозанет был уже преклонных лет, и его назначение в Польшу было только шагом к почетной отставке, которая и последовала в ноябре 1861 г. Он пробыл в стране недолго и не смог войти в курс дела в столь сложной политической об-

становке и поэтому полагался только на полицию, причем на русскую ее часть, которую стремился всячески усилить. Старый служака николаевского времени, Сухозанет был озабочен только буквальным исполнением приказов. Он не доверял Велёпольскому и пытался играть на противоречиях между маркизом и А. Замойским, относясь к последнему с показной благосклонностью¹²⁹.

18 июня 1861 г. в Варшаве были объявлены подписанные царем двумя неделями ранее четыре указа – о Государственном совете, о городских советах и о советах (радах) в губерниях и в поветах¹³⁰. Согласно им, Государственный совет был наделен правом разработки законопроектов, которые в дальнейшем поступали бы для рассмотрения и утверждения наместника и императора, а также правом подготовки проектов государственного бюджета. Таким образом, Совету передавались важнейшие прерогативы прежнего сейма по Конституции 1815 г., с той лишь существенной оговоркой, что сейм принимал законы и бюджет, а Государственный совет только составлял и одобрял их проекты. Однако разница была сугубо формальной, поскольку и в том и в другом случае решение по существу оставалось за императором. В ведении Государственного совета, согласно указу, находилось также рассмотрение отчетов правительственных комиссий, а также заявлений и жалоб по поводу действий чиновников. Постановления Государственного совета никоим образом не ограничивали верховной власти монарха и его наместника. Из ведения Государственного совета исключались также все вопросы, относящиеся к политической жизни Королевства. Состав Государственного совета формировался императором и оформлялся царскими указами. Пожизненно в него входили 12 высших чиновников из числа поляков и четверо дворян-землевладельцев. Помимо пожизненных членов, царь назначал сроком на один год трех епископов и 7 землевладельцев. Объявление состава Государственного совета было сделано в начале июля 1861 г. Так в царском указе получил воплощение замысел Велёпольского об образовании Сенатского совета. Как и планировал маркиз, новый орган был сугубо бюрократическим и аристократическим. Однако по царскому указу баланс в нем, по сравнению с проектом Велёпольского, решительно смещался в сторону бюрократии, а декоративное представительство буржуазии и разночинцев устранялось вовсе. Совет был существенно сокращен численно, что косвенно отражало узость социальной базы либерально-бюрократического блока. Предусмотренные указом городские советы были учреждены в 28 городах, а поветовые – в каждом из 39 поветов (уездов-обводов). Их формирование проходило на основе выборов, избирательное право ограничивалось достаточно высоким имущественным цензом. Право голоса получили 25 тыс. избирателей – в поветовые рады, в городские рады – 11 тыс. Право быть избранными имели соответственно 7299 и 1648 человек¹³¹. На выборах формально не устанавливалось ограничений по сословному или конфессиональному

признакам, хотя размер имущественного ценза давал безусловное преимущество дворянским верхам, даже в сравнении с богатыми буржуазными слоями. Компетенция городских и повтовых советов ограничивалась сугубо местными хозяйственными вопросами, а сами рады находились под административным и полицейским надзором властей. Все их постановления финансового характера подлежали утверждению правительства. Городские и повтовые советы делегировали своих членов в губернские советы. Проведение выборов требовало подготовки, поэтому срок их проведения был отложен.

Объявление царских указов в рамках «правительственного консенсуса» не устранило напряженности в правящих кругах. Об этом, в частности, свидетельствовали натянутые отношения Велёпольского и Сухозанета. Генерал даже докладывал царю о планах включения А. Замойского в правительство¹³². В ответ маркиз 26 июля демонстративно подал в отставку, заранее зная, что она не будет принята. Поводом к этому стали действия в Сувалках начальника Августовской губернии Л.П. Рудановского. Генерал, проводивший там расследование обстоятельств одной из манифестаций, действовал «по-паскевичевски», произведя аресты без достаточных оснований и санкции тамошнего гражданского суда¹³³.

Осенью подошло время назначенных на сентябрь 1861 г. выборов в местные и губернские (воеводские) советы. Выборы самоуправления были встречены общественностью с большой заинтересованностью, о чем свидетельствовали распространявшиеся листовки. Отношение к ним со стороны общественных сил не отличалось единодушием. Одни выступали за безоговорочное участие в выборах, другие хотели бы оговорить свое согласие участвовать некоторыми условиями, третьи отвергали выборы в принципе. За участие в выборах высказывались состоятельные слои населения и представлявшие их политические объединения, включая и «миллениумцев». В провинции выборами в советы повотов занимались корреспонденты распущенного Земледельческого общества. В Варшаве наиболее активными были представители буржуазных верхов, которых патронировал Кроненберг, а также организаторы констеблей во главе с купцом Ю. Квятковским. Против выборов агитировали деятели «красных», стремившихся использовать предвыборную агитацию для организации политических демонстраций. Консулы западных держав в Варшаве доносили своим правительствам о расколе в польском обществе. Саксонский представитель К. Ледерер писал 3 сентября 1861 г., что «агитация среди рабочего класса и пролетариата (городских низов. – *Б.Н.*) усиливается и приобретает коммунистическую окраску». Он же 6 сентября – «консерваторы усматривают в этом опасность не только для русского правительства, но также и их собственному политическому существованию и стремятся обратить движение вспять, отказавшись от своих усилий по его активизации в прошлом». Аналогичные донесения направляли и другие

дипломаты¹³⁴. 2 сентября в нескольких варшавских костелах при стечении народа было провозглашено приуроченное к выборам короткое воззвание с осуждением виновных в пролитии братской крови и с призывом к единению во имя единой Речи Посполитой¹³⁵. Выдвинутый лозунг, призванный объединить все оппозиционные силы, очевидно, принадлежал правому лагерю, как по содержанию, так и по форме провозглашения. В итоге выборов в столице А. Замойский был избран в Городской совет Варшавы и выразил согласие принять мандат советника. «Миллениумцы» провели в него только несколько своих представителей, в том числе Г. Краевского¹³⁶. Всего же в Варшаве были избраны 48 советников и их заместителей, среди них 33 католика, 10 протестантов и 5 евреев-«ассимиляторов», выступавших за полную интеграцию еврейских сообществ в польскую социокультурную среду. В провинции в поветовые советы было избрано 457 собственников недвижимости, 62 «держателя», 81 духовное лицо разных исповеданий, 7 чиновников, 6 купцов, два фабриканта и для декорации 7 крестьян¹³⁷. Царские власти в Варшаве были удовлетворены тем, что выборы прошли спокойно и завершились формированием поветовых и городских советов, несмотря на то, как писал военный губернатор Варшавы А.Д. Герштенцвейг Д.А. Милютину, что «повсюду выбраны особы, наиболее нам враждебные»¹³⁸. Это удовлетворение, по-видимому, разделяли и в Петербурге, о чем свидетельствовало назначение в сентябре 1861 г. нового наместника. «Солдафон» Сухозанет по состоянию здоровья покинул Варшаву, а в ноябре был уволен по болезни со всех должностей, получив в награду знак особого благоволения – портрет императора с автографом в драгоценном обрамлении.

15. Кризис власти в Варшаве. Колебания в Петербурге

Присланный новый наместник граф К.К. Ламберт, аристократ, отличавшийся хорошими манерами и доброжелательным обхождением, делал все возможное, чтобы привлечь на свою сторону высшие сферы польского общества. О намерении правительства заручиться их расположением свидетельствовало и то, что новый наместник был католиком. Успех его миссии зависел от успокоения столицы и от достижения соглашения правых с правительством. Соответствующие разговоры граф проводил на вечерних чаепитиях в Замке, на которые приглашались представители аристократии, купечества, интеллигенции и духовенства. Обсуждались, в частности, вопросы расширения применения польского языка в так называемых «Западных губерниях» и в Королевстве Польском, о возможной замене российских офицеров на польских чиновников в администрации. Главное же в недолгой миссии Ламберта заключалось в его попытке прийти к соглашению с высшим духовенством.

За все правление Паскевича в Королевстве Польском епископы сохраняли лояльность властям, однако в изменившейся политической ситуации их позиция вызывала в верхах сомнение. 20 сентября Ламберт пригласил к себе католических иерархов и говорил с ними о способах прекращения политических беспорядков в их епархиях. Однако их диалог с властями принял иной оборот. 5 октября 1861 г. после долгой болезни скончался архиепископ Фиялковский. С одной стороны, он выступал как участник и оратор «национальных манифестаций», а с другой – как политик, «благословивший» 28 марта приход в правительство Велёпольского. В церемонии похорон архиепископа участвовало много людей, в том числе несколько сот крестьян. Современники сравнивали эту церемонию с известной манифестацией на похоронах жертв февральского расстрела. Ее организовал специальный комитет из числа представителей высшей аристократии. Наместник дал согласие на проведение погребального шествия при условии, что оно не будет проходить под «революционными символами». Тем не менее участники процессии прошли с гербами Польши и Литвы и знаками королевской власти. Траурные мероприятия с массовым участием населения, включая и крестьян, состоялись и в провинции, а также в Литве и на Правобережной Украине¹³⁹. Таким образом, траурные церемонии прошли по всей стране, в том числе и «в границах 1772 г.», и с символами шляхетской Речи Посполитой, превратившись в убедительную демонстрацию правого лагеря, недвусмысленно заявившего о своей решительной оппозиции властям.

Помимо указания привлечь правых на сторону властей, Ламберт получил повеление ввести для успокоения политической ситуации в Королевстве Польском военное положение. В Петербурге полагали, что завершение выборов в поветовые и городские советы будет для этого наиболее удобным моментом. Получив донесение об их исходе, Александр II телеграфировал Ламберту 11 октября 1861 г., что следует, не мешкая, объявить военное положение¹⁴⁰. С утра 14 октября на улицах Варшавы и губернских городов были вывешены соответствующие указы наместника. Проведение каких-либо акций под страхом военного суда было запрещено. Все общественные места, где они могли бы состояться, были закрыты. В ответ на введение военного положения Велёпольский объявил наместнику, что останется в правительстве только с условием, что Государственный совет продолжит подготовку реформ народного просвещения, в крестьянском вопросе и по предоставлению гражданских прав евреям. Однако маркиз вынужден был считаться с колебаниями и среди своих немногочисленных сторонников, когда ряд членов Государственного совета, опасаясь непредсказуемого развития событий и не желая в этом случае компрометировать себя сотрудничеством с властями, вознамерились разъехаться по домам¹⁴¹, что угрожало утратой легитимности и самому Государственному совету. В условиях запрета публичных акций центра-

ми антиправительственных манифестаций стали костелы, где собравшиеся пели патриотические гимны и песни. Войска окружили три костела и получили приказ арестовать всех покидавших здание. В результате было арестовано 1678 мужчин, в то время как детей и женщин выпускали свободно. Антиправительственные агитаторы, по свидетельству О. Авейде, распространяли провокационные слухи, что арестованным якобы грозила рекрутчина или ссылка, старшим по возрасту – высылка на поселение. На следующий день с утра во дворце архиепископа собрались представители духовенства и светских жителей Варшавы. Все решительно осудили власти, применившие репрессии, и потребовали в знак протеста временно закрыть костелы, что и проследовало 17 октября. Такая акция католических иерархов продемонстрировала, что духовенство фактически примкнуло к антиправительственному лагерю. В среде священников присутствовали разные настроения: одни ожидали дальнейших уступок от властей, другие встали на путь открытого противоборства с правительством. Однако это не отменяло того, что католическая церковь Королевства как корпорация и общественная сила выступила против царской власти. Попытка Ламберта найти здесь опору оказалась тщетной.

Правительство вынуждено было отступить. Наместник распорядился отпустить из Цитадели несовершеннолетних и престарелых арестованных. Возглавлявший Следственную комиссию генерал Левшин в смятении освободил всех. Это дало повод для конфликта Ламберта и его заместителя Герштенцвейга, разрешившегося американской дуэлью и смертью последнего 17 октября 1861 г. В тот же день генерал Левшин перенес апоплексический удар, а сам Ламберт подал в отставку. Поздно вечером 24 октября Ламберт получил разрешение царя на отъезд по болезни за границу и покинул Варшаву. 22 октября в Варшаву в качестве исполняющего должность наместника на короткое время приехал Сухозанет. Встретившись вновь со своим недоброжелателем, Велёпольский подал в отставку. Власти были растеряны. Безуспешное лавирование между правыми и либералами, с одной стороны, и политика репрессий в условиях военного положения – с другой, дополненная фиаско в отношениях с католической церковью, – все это привело к выраженному кризису власти. Администрация Королевства Польского осенью 1861 г. не только не обрела общественной опоры, но и утратила всякие надежные средства управления страной. Шаткость положения властей только подчеркивалась вошедшей уже в привычку сменой наместников на вершине административной пирамиды Королевства Польского.

В октябре 1861 г. преемником Ламберта, правда, в качестве исполняющего должность наместника, царь назначил генерала А.Н. Лидерса, в прошлом главнокомандующего 2-й (крымской) армией в конце Крымской войны. По мнению многих русских современников, варшавская публика и польское провинциальное общество относились к нему с уважением.

Лидерс ходил по городу пешком без охраны, однажды, в конце июня 1862 г., во время прогулки в Саксонском саду был ранен в результате покушения. При увольнении с поста наместника он был возведен в графское достоинство. По свидетельству В.А. Докудовского, напротив, Лидерс не пользовался хорошей репутацией и дослуживал в ожидании отставки. Новый наместник был сторонником курса «твердой руки». Он высказывался за аресты активных участников траурной манифестации и членов распущенной Делегации Варшавы, которых Лидерс подозревал в организации демонстрации. Заподозренных в активной антиправительственной деятельности он распорядился отдавать в рекруты в счет рекрутского набора. Инициатора закрытия костелов – ксендза Бялобжеского – наместник предал военному суду, распорядившись содержать его в крепости Бобруйска¹⁴², подальше от католического населения столицы. На высшие должности в администрации Лидерс поставил Крыжановского (генерал-губернатором Варшавы) и Крузенштерна (во главе Комиссии внутренних дел). Столичной публикой это было трактовано как возвращение к временам Муханова, если не Паскевича. Режим военного положения соблюдался неукоснительно: войска патрулировали площади, после 9 часов вечера на улицу можно было выходить только с зажженным фонарем в руках, костелы оставались закрытыми. Многочисленные аресты привели к тому, что в провинции тюрьмы были переполнены, и властям приходилось оборудовать временные места заключения¹⁴³.

В обстановке военного положения царские власти взялись за проведение в жизнь крестьянской реформы в Королевстве Польском, провозглашенной царским указом 1 октября 1861 г. о выкупе крестьянами барщиной повинности и о переходе на чинш. Ее условия были для польской деревни чрезвычайно тяжелыми. На местах в случае споров крестьян с землевладельцами некоторые командиры воинских частей и подчиненные им офицеры вставали на сторону крестьян в одних случаях по расчету, в других – из сочувствия крестьянскому делу. Лидерс, однако, требовал не настраивать крестьян против помещиков и соответствующим образом направлял действия судебных властей¹⁴⁴. Оценивая действия администрации, С. Кеневич подчеркивал, что в споре между помещьем и деревней власти, за редкими исключениями, стояли на стороне землевладельцев¹⁴⁵. Однако главным в этой акции было не защита властями интересов помещиков, а то, что администрация кардинально отказала польскому дворянству в его принципиальном требовании – в проведении крестьянской реформы самим дворянством, без участия правительства и на основе «добровольного соглашения» землевладельцев с крестьянами.

Велёпольский понимал, что для правительства наступил критический момент. Он подчеркнуто отказался от контактов с Сухозанетом. В.П. Платонову же он сообщил, что согласен остаться в правительстве только при

условии передачи ему всей полноты власти в области гражданской администрации. В итоге Александр II приказал маркизу приехать в Петербург для объяснения¹⁴⁶. Таким образом, направление правительственной политики в Польше должно было определиться в Петербурге. Перед тем как отправиться на «объяснение» с царем, Велёпольский распорядился опубликовать в газете «Дзенник повсехный» («Dziennik Powszechny») подготовленные под его руководством проекты законов об очиншевании крестьян и о реформе народного просвещения. Тем самым он предлагал общественному мнению эти проекты до того, как они были бы отредактированы в Петербурге. Маркиз преследовал при этом двоякую цель: во-первых, продемонстрировать собственную позицию, представив ее как манифест либералов и «просвещенных бюрократов», и, во-вторых, воздействовать на петербургские верхи, поставив их перед фактом, в надежде, что те не решатся слишком перекраивать проекты, опубликованные 26–28 октября в официальном вестнике правительства.

Проект в области школьной реформы касался всех ступеней системы народного просвещения и был позитивно встречен общественностью. Напротив, проект по крестьянскому вопросу предполагал навязывание правительством крестьянству порядка очиншевания, составленного явно в пользу землевладельцев. В.П. Платонов, озадаченный действиями Велёпольского, написал царю: «Трудно было понять, в чем состояли его намерения: настроить крестьян против правительства или только приобрести себе популярность среди землевладельцев». По поводу школьной реформы он также задавался вопросом: «Можно ли согласиться на создание университета, особенно в Варшаве?» По поводу равноправия евреев Платонов указывал, что Велёпольский ставит своей целью ассимиляцию евреев в польском духе, в то время как целью правительства было бы противопоставить их полякам¹⁴⁷.

В первых числах декабря в Петербурге были приняты первые решения в итоге «объяснений» Велёпольского, представленных маркизом Александру II. Царь принял его отставку со всех постов, с оговоркой, что сделано это по просьбе самого маркиза и отнюдь не означает выражения немилости. При этом маркиз остался членом Государственного совета и сохранил право участвовать в рассмотрении инициированных им проектов законодательства. Царь также предложил ему остаться в Петербурге, что означало, по мнению С. Кеневича, нежелание Александра II порывать связи с польской аристократией¹⁴⁸. Содержание «объяснений» Велёпольского, данных им в Петербурге, осталось неизвестным, однако о них можно судить на основании Мемориала магната от 13 (25) сентября 1861 г., в котором он предлагал разделение военной и гражданской администрации Королевства Польского при равном их взаимном статусе. По существу, Велёпольский настаивал на предоставлении ему полномочий наместника в области гражданского управления¹⁴⁹.

Специально польские дела рассматривались на заседании Совета министров 18 (30) января 1862 г. Согласно решению царя, «ни польской армии, ни конституции, ни политической автономии не допускалось». Александр II согласился только на введение широкой административной автономии, на назначение поляков на должности в государственном управлении, но без предоставления им какого-либо особого статуса или квот по сравнению с русскими чиновниками, разумеется, без ущемления последних¹⁵⁰. Высказанные в Мемориале пропозиции Велёпольского были отвергнуты, однако определенные царем политические меры указывали на намерение властей опираться на блок либералов и просвещенной бюрократии, символом которого оставался маркиз. Об этом же свидетельствовали и маневры Петербурга в отношении католической церкви в Королевстве Польском. Первоочередной задачей было открытие костелов, призванное также продемонстрировать лояльность властям польских епископов. Условием для этого было поставление нового архиепископа, для чего требовалось формальное согласие римского папы. Пий IX готов был пойти навстречу правительству в политических делах в обмен на уступки в делах церковных. Вместе с А. Велёпольским хлопоты по назначению нового примаса взял на себя в Петербурге К. Лубеньский. Род Лубеньских за предыдущее столетие был, по сравнению с другими польскими аристократами, наиболее близок к высшему польскому духовенству. К. Лубеньский образование получил в Швейцарии, Франции и в Германии, а завершил его в 1846 г. в духовной семинарии в Кельцах. В течение нескольких лет он жил вместе с отцом в Курске, где тот отбывал ссылку. К общественной и церковной деятельности К. Лубеньский вернулся в 1852 г., став вскоре викарием при петербургском костеле Св. Екатерины. Здесь он завоевал известность и моральный авторитет среди русских католиков, в том числе и в высших сферах петербургского общества. Для решения вопроса о назначении нового примаса Велёпольский советовал направить Лубеньского в Рим, рекомендуя именно его для возведения в сан первого среди епископов Королевства. Однако Лубеньский отказался от этого предложения. Тогда маркиз согласовал с российскими властями кандидатуру З. Фелиньского – сына участницы заговора Конарского. Некоторое время Фелиньский жил в эмиграции, где дружил со Словацким, участвовал в Познаньском восстании 1848 г. В дальнейшем Фелиньский получил сан священника и стал профессором Духовной академии в Петербурге. В результате переговоров Лубеньского в Риме папа дал согласие на возведение Фелиньского в сан архиепископа и митрополита Варшавского. Новый примас прибыл в польскую столицу 9 февраля 1862 г., что послужило естественным основанием для открытия 13 февраля костелов (без ущерба для авторитета властей и епископата). В этот же день Фелиньский и выступил с проповедью, косвенно осуждая произвол властей и вместе с тем призывая не прибегать в дальнейшем к политиче-

ским демонстрациям в костелах (к пению запрещенных песен). Со своей стороны наместник Лидерс распорядился освободить из-под ареста некоторых ксендзов и обещал не применять репрессий к участникам прошлогодних беспорядков, а также вывести полицию из храмов, при условии, что архиепископ повлияет необходимым образом на духовенство. Однако военное положение отменено не было. Вместе с тем напряженность в отношениях между католической церковью и властями сохранялась, а костелы оставались местом протестов и антиправительственной агитации.

В середине февраля 1862 г. царь объявил Велёпольскому, что он согласен назначить в Польше особого начальника гражданского правительства, но при условии подчинения того верховной власти наместника. Наместником же, по заявлению Александра II, должен стать один из великих князей¹⁵¹. Маркиз был вынужден смириться с таким решением, но твердо настаивал на принятии предлагаемой им крестьянской реформы и реформы народного просвещения. Судьба этих преобразований оставалась неопределенной. Разработанный маркизом в октябре 1861 г. проект закона об очиншевании был направлен на рассмотрение в Комиссию внутренних дел. Оттуда он вернулся в Административный совет с многочисленными поправками, невыгодными для крупного землевладения. Рассмотрение проекта было продолжено в Государственном совете Королевства. Для участия в этих дебатах Велёпольский в первые дни апреля 1862 г. специально приехал из Петербурга на несколько дней в Варшаву. На обсуждении он буквально обрушился на своих оппонентов – шефа Комиссии внутренних дел Крузенштерна и Р. Губе из Комиссии народного просвещения, – вплоть до обвинения тех в заговоре с целью «возбудить народ против господ», и заставил их отказаться от внесенных ими поправок в пользу крестьянства¹⁵². Однако содержание этих споров имело значение только для правительственной бюрократии и не выходило за рамки администрации Королевства и ее либеральных союзников. Для польского дворянства проводимая государством крестьянская реформа была неприемлема в принципе и независимо от конкретных условий ее реализации.

Одновременно в правящих кругах Королевства Польского развернулась и дискуссия по реформе народного просвещения. В Административном совете с критикой проекта Велёпольского выступили те же чиновники, что возражали маркизу по крестьянскому вопросу (А.И. Крузенштерн среди прочих своих должностей был членом Совета общественного образования с 1837 г., Р. Губе – польский историк и директор Комиссии народного просвещения, В.П. Платонов – товарищ министра – государственного секретаря и др.). Они, как и прежде, требовали отделенности школ протестантских, униатских и еврейских, чтобы те не послужили средством полонизации, говорили о перегруженности программ в начальной и в средней школе (в школах элементарных и поветовых). Их возражения в вопросах начального и среднего образования свелись к

отстаиванию консервативных принципов сословности и утилитарности народного просвещения николаевского царствования. В отношении высшего образования они высказывались за перенесение высших учебных заведений из Варшавы в другие города Королевства, мотивируя это потребностью формирования новых центров культуры и просвещения, но имея прежде всего в виду план удалить из столицы склонную к антиправительственным выступлениям студенческую молодежь. Обсуждение планов реформы было продолжено в Государственном совете в ноябре 1861 г. и в разных петербургских комитетах с декабря 1861 по февраль 1862 гг. Велёпольский шел на определенные уступки своим оппонентам, соглашаясь на поэтапное проведение реформы, там, где уже существовали школы и имелись необходимые материальные ресурсы¹⁵³.

16. Наместничество великого князя Константина Николаевича и ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО БЛОКА ЛИБЕРАЛОВ И «ПРОСВЕЩЕННОЙ» БЮРОКРАТИИ

Судьба реформаторских планов зависела в итоге от политической системы, которая будет установлена в Королевстве Польском в результате преодоления кризиса власти конца 1861 – начала 1862 гг., и, главное, от обретенной властями социально-политической опоры, а также от того, кто будет стоять во главе администрации Королевства Польского. В марте и в апреле 1862 г. Александр II, подготавливая новую политическую конфигурацию властей Королевства Польского, намеривался назначить наместником младшего из братьев – вел. князя Михаила, а во главе гражданского правительства поставить Н.А. Милютину. По мнению Кеневича, обе кандидатуры не сулили полякам ничего хорошего. Михаил был сторонником жесткого курса в духе Паскевича, Милютин принадлежал к либеральной бюрократии, был известен как видный деятель крестьянской реформы, сочувствовавший крестьянам. На польской почве, указывал Кеневич, «курс Милютину не соответствовал реакционным взглядам Михаила, а его политика уступок крестьянам означала противопоставление последних национальному (дворянскому. – *Б.Н.*) движению»¹⁵⁴.

24 апреля (6 мая) 1862 г. у царя состоялось совещание по польским делам¹⁵⁵. А.М. Горчаков и министр внутренних дел П.А. Валуев предлагали поставить во главе гражданской администрации поляка, то есть Велёпольского. Возражали против этого военный министр Д.А. Милютин, В.П. Платонов и А.Н. Лидерс. Последний специально приехал в столицу из Варшавы для участия в совещании. Д.А. Милютин считал, что поляка следовало бы назначить в 1856 г. Сейчас же необходимо сначала подавить оппозиционное движение, устранив угрозу восстания, и только затем вернуться к вопросу об участии поляков в администрации. Так, ссылаясь на

надежный источник, излагал в письме к сыну позицию Милютина сам Велёпольский¹⁵⁶. Маркиз был настроен пессимистически и даже полагал уйти с политической арены. В течение последующих дней Александр II неоднократно обсуждал с братьями вопрос о наместничестве. В итоге после отказа Михаила царь принял решение назначить наместником Константина¹⁵⁷. В официальной инструкции великому князю¹⁵⁸ говорилось, что на своем посту наместник прежде всего служит России, а «Царство Польское является на вечные времена ее неотъемлемой частью». Царь предостерегал брата от опасности влияния Велёпольского, от увлечения панславизмом, от политиканства и интриг духовенства, от вмешательства в политику супруги наместника – великой княгини Александры. Вслед за назначением наместником вел. князя Константина, что создавало видимость установления системы монархического управления и повышало государственно-правовой статус Королевства Польского, Александр II подписал так называемые майские указы. Указ об образовании был одобрен царем 8 (20) мая 1862 г., однако его формальное подписание было отложено. Указ об очиншевании был утвержден 7 (19) мая узким составом Комитета по делам Царства Польского под председательством Константина. 4 дня спустя в том же порядке с небольшими изменениями был принят указ и об уравнении евреев в гражданских правах с прочими подданными Королевства. Два последних указа царь подписал 23 мая (4 июня) 1862 г. Велёпольский, объединивший вокруг себя узкий слой либеральной аристократии, готовой при условии проведения умеренных социально-политических реформ сотрудничать с правительством ради «предотвращения революции», и группировку «просвещенной» польской и русской бюрократии в администрации Королевства Польского, таким образом, достиг поставленных целей, однако отнюдь не в полной мере. Он желал бы стать наместником, подчиненным только царю-королю, и быть в иерархии властей на одном уровне с командующим российскими войсками. Император, однако, сохранил прежнюю систему, во главе которой стоял наместник, обладавший всей полнотой военной и гражданской власти. Правда, таким наместником стал брат императора, то есть фигура, стоявшая выше чиновничьей бюрократии и гарантировавшая стабильность сложившейся системы, поскольку уволить с должности царского брата было труднее, чем это бывало ранее с генералами. Реорганизованные учреждения подчинялись наместнику. Правда, последовала и реорганизация 1-й армии, располагавшейся в пределах отошедшей к России части бывшей Речи Посполитой, и наместник стал теперь начальником только Варшавского военного округа, ограниченного территорией только Королевства Польского в границах 1815 г. Непосредственным подчиненным наместника и первым его заместителем был варшавский генерал-губернатор, который фактически осуществлял руководство всеми военными и гражданскими учреждениями, включая Административный совет и его комиссии¹⁵⁹.

Прибытие Константина Николаевича в Польшу было позитивно встречено в столичных верхах. Присутствие великого князя в публичной и светской жизни варшавского общества вызвало заметное оживление. Аристократические, чиновничьи и буржуазные круги частью были польщены новым обликом наместнического двора, частью приободрены надеждами на дальнейшие позитивные, с их точки зрения, преобразования, частью воодушевились просто в силу традиции, а некоторые люди были даже склонны поверить петербургским сплетням о претензиях Константина на польскую корону. Свою лепту в общественные настроения внесло подготовленное революционерами покушение на наместника. План заговорщиков предусматривал убийство великого князя и Велёпольского, а возникновение этого замысла объяснялось, с одной стороны, опасением «красных», что либеральный правительственный блок может в новых условиях укрепить свои общественные позиции, а с другой – их желанием посредством радикальной и решительной акции обострить общественное противостояние и направить развитие ситуации по пути к революции. По плану двое заговорщиков, Л. Ярошинский и Э. Родович, должны были 2 июля 1862 г. убить великого князя на Петербургском вокзале. Тогда покушение не состоялось, а на следующий день, 3 июля, Ярошинский стрелял в наместника на выходе из Большого театра и был арестован на месте покушения¹⁶⁰. Константин Николаевич, получивший легкое ранение, заявил, что польский народ не может отвечать за преступление одиночки и что он как наместник в согласии с царем намерен объединить усилия с польским правым лагерем. В варшавских салонах покушение вызвало волнение. Архиепископ Фелиньский, А. Замойский (как председатель комитетов землевладельцев) и Городской совет Варшавы высказались за взаимодействие с правительством. «Клеменсовчики» во главе с Л. Гурским вынашивали идею поднесения адреса великому князю с осуждением покушения, чтобы тем самым отмежеваться от «красных» и от революционного лагеря. Однако позиция правых оставалась весьма двусмысленной. В их переписке с «Отелем Ламберт» выдвигались радикальные требования к правительству. Речь шла если не о восстановлении Конституции 1815 г., то об установлении свобод для Литвы и Руси (то есть о границах 1772 г.), о восстановлении польских гербов и мундиров, о всеобщей амнистии и об увольнении ненавистного Велёпольского, о замене последнего если не на Замойского, то на кого-либо из деятелей, «пользующихся доверием общества»¹⁶¹. В связи с этим возникает вопрос, на что рассчитывали люди из правого лагеря, выдвигая подобные условия. Их требования были очевидно неприемлемы для властей и поэтому могли соответствовать либо тактике нагнетания напряженности, либо стремлению польских правых подчеркнуть собственное значение и утвердиться во главе оппозиционного движения, отодвинув на второй план как зарубежные эмигрантские центры, так и подпольные организации «красных». И те, и другие расчеты оказались тщетными.

По своим каналам правые пытались выяснить намерения императора, обратившись к его тетке великой княгине Елене Павловне, отличавшейся либеральными воззрениями, надеясь на ее давнее благоволение к полякам. Александр II не считал возможным идти на вынужденные уступки. В Петербурге говорили только о допустимости мер, направленных на совершенствование администрации. Об этом свидетельствовал мемориал А. Пшездзецкого великой княгине и реакция на него царских властей, о которой вместе с мемориалом известие получил А. Замойский¹⁶². Варшавская буржуазия с удовлетворением встретила образование городских советов, но не хотела этим ограничиваться, настаивая на включении в управление городов своих представителей наряду с назначенными правительством чиновниками. Однако эта позиция столичных финансистов и крупных торговцев не вполне соответствовала устремлениям массовых городских буржуазно-демократических слоев населения в провинции, которые в силу имущественного ценза были устранены от участия в городском самоуправлении.

Законодательство об очиншевании¹⁶³ также не соответствовало чаяниям крестьянства, поскольку оно практически не предусматривало наделения земель, а только устанавливало фиксированные размеры крестьянских наделов и повинностей, реализовав таким образом старую правительственную программу времен Паскевича. Очиншевание было обусловлено многочисленными положениями, сохранявшими привилегии помещиков. В интересах последних была ликвидирована значительная часть сервитутов (то есть отменялись старые крестьянские права на пользование помещичьими угодьями – лесами, лугами, водопоями, выгонами и т. п.). В этом смысле реформа Велёпольского напоминала российский вариант отмены крепостного права. Сохранили помещики и свою старинную привилегию – исключительное право некоторых имений на производство вина и пива и торговлю ими в определенной местности или в городе, именуемую правом пропинации. Это обеспечивало для них весьма существенные питейные доходы за счет крестьянства и городских низов. Надзор за процедурой очиншевания и сборами чинша отдавался в руки местного дворянского самоуправления. Вышедшим на чинш крестьянам давалось иллюзорное право в будущем выкупить повинности за собственные деньги. По мнению Кеневича, «землевладельцы не желали жертвовать своими интересами, не допуская даже и минимальных уступок крестьянам. Это не дало им возможности использовать развернувшееся крестьянское движение, чтобы привлечь крестьянские массы на сторону борьбы за независимость. Это в равной мере относилось как к “белым”, так и к “красным”»¹⁶⁴.

Наиболее значительной по своему социально-политическому и культурному содержанию была проведенная Велёпольским реформа народного просвещения. Новый директор Комиссии религиозных исповеданий и общественного просвещения К. Кривицкий с энтузиазмом принялся за

дело, и в течение нескольких месяцев был сформирован профессорско-преподавательский состав двух новых высших учебных заведений – варшавской Главной школы (открыта в конце ноября 1862 г.), ставшей по сути дела возрожденным Варшавским университетом, и Политехнического института в Пулавах, к занятиям в котором в октябре приступили 168 студентов. В Главную школу было принято 552 студента. В средней школе были пересмотрены программы обучения, произошла кардинальная замена преподавательского состава¹⁶⁵. И то и другое, как надеялись реформаторы, должно было существенно повлиять на атмосферу в среде учащейся молодежи, создать у нее впечатление существенных и позитивных перемен в обществе. В гимназиях в новом учебном году, начавшемся осенью 1862 г., число учащихся возросло практически вдвое. В начальной школе рост проявился главным образом в сфере ремесленного и профессионального обучения¹⁶⁶. Согласно оценке Кеневича, «школьная реформа была позитивно встречена как молодежью и школьными учителями, так и школьной администрацией, что свидетельствовало о стремлении молодежи к учебе и о понимании важности просвещения. В то же время судьба реформы зависела от судьбы системы в целом, то, что создал маркиз в деле народного просвещения, не надолго пережило его падение»¹⁶⁷.

Проводимые либеральным правительственным блоком во главе с Велёпольским реформы не противоречили фундаментальным интересам польского дворянства и других имущих классов польского общества, поскольку провозглашенная правительством в 1862 г. крестьянская реформа в Королевстве Польском осуществлялась дворянским государством и на тех же принципах, что и в Российской империи в целом. Суть их состояла в медленном переходе от крепостнических форм социальных отношений к новому социальному укладу буржуазного типа при сохранении помещичьего землевладения и господства землевладельческой шляхты в деревне, а также при сохранении крестьянства как неполноправного и податного сословия. Такой характер реформы в Королевстве Польском обуславливал длительность ее реализации, все тяготы которой перекладывались на крестьянство. Тем не менее польское дворянство страшилось реформы, поскольку, с его точки зрения, проводимая враждебными царскими властями программа преобразований неизбежно должна была нанести вред польской шляхте, причем наиболее массовой и наименее защищенной от произвола администрации ее части. Это противоречие, с одной стороны, открывало возможность для либерального правительственного блока искать пути для привлечения на свою сторону правых, как это было в России, когда на почве крестьянской реформы реакционное дворянское большинство объединилось с либералами. С другой стороны, оно же стало причиной отказа польского дворянства от поддержки объединившихся вокруг Велёпольского польских либералов и «просвещенных» бюрократов.

В расчете привлечь шляхетских консерваторов к сотрудничеству с правительством Константин Николаевич 6 сентября 1862 г. пригласил к себе А. Замойского и предложил ему участие в правительстве или же, по меньшей мере, просил его об оказании моральной поддержки властям. Замойский до этого времени придерживался тактики не объявлять публично о своей позиции. На этот раз он, по совету сына и своего окружения, открыто заявил, что успокоить страну можно будет только путем присоединения к Королевству Польскому Литвы и Руси, то есть восстановив границы 1772 г. Демарш такого рода носил откровенно обструкционистский характер, на что Константин ответил недоброй улыбкой, а несколькими днями позже наместник нашел способ «отыграться» в этой пикировке с «самовольным магнатом»¹⁶⁸. Отношение консервативного дворянского большинства к либеральному правительственному блоку получило окончательное выражение на съезде землевладельцев 10–11 сентября 1862 г., на котором произошло столкновение мнений между «согласителями» («*ugodowcami*») и «миллениумцами». Первые выступили с идеей декларации в поддержку правительства и с составленной в общих выражениях просьбой о «национальном представительстве». «Миллениумцы» во главе с К. Рупрехтом хотели придать съезду характер патриотической манифестации. Рупрехт установил контакты с одним из лидеров революционных организаций, А. Гиллером, чтобы совместно не допустить взаимодействия «белых» с властями¹⁶⁹. Под руководством Рупрехта было составлено письмо А. Замойскому, в котором выражались формальная поддержка «пану Анджею» и требования формирования правительства народного доверия и свободных национальных институций. Завершался текст выражением недоверия Велёпольскому, требованием установления конституционного правления и обращенными к провинции призывами присоединиться к оппозиционному движению¹⁷⁰. Письмо было нелегально распространено в Польше и опубликовано за границей. Константин Николаевич 15 сентября вызвал к себе Замойского и приказал ему отправиться в Петербург «для объяснений»¹⁷¹.

Удаление из Польши формального лидера лагеря «белых», по мнению С. Кеневича, «означало фиаско попыток достичь соглашения царизма с имущими классами в Польше. Только немногие люди из среды крупных землевладельцев и буржуазии отваживались поддержать концепцию Велёпольского. В целом землевладельцы и буржуазная интеллигенция оставались в оппозиции, и не потому, что поддерживали борьбу за независимость, а потому, что не решались публично отказаться от лозунга независимости. Не могли они отважиться на это из-за опасения усиления лагеря красных, которые под лозунгом независимости повели за собой общество. Белые стремились избежать восстания и, главное, того, что было с ним связано, – радикальных социальных преобразований <...> Маневр, однако, оказался неудачным. На вторую половину 1862 г. выпало

значительное усиление влияния красных»¹⁷². Правда, в приведенной характеристике наряду с глубиной суждений присутствует и значительная доля необоснованной модернизации. Кеневич, разумеется, прав, утверждая, что в лагерь революционного движения правые силы пришли из страха перед «радикальными социальными преобразованиями». Вместе с тем, обозначая правые силы термином «имущие классы» и относя к ним «землевладельцев и буржуазную интеллигенцию», польский историк рассматривал социальную структуру Королевства Польского в категориях буржуазного общества, что представляется очевидной модернизацией. Основной силой правого лагеря выступало сословие землевладельческой шляхты, за которым следовали не игравшие еще собственной политической роли буржуазные слои города, прежде всего Варшавы. Именно переход большинства консервативной шляхты, ради сохранения шляхетского землевладения и своих сословных привилегий, прежде всего возможности полуфеодальной эксплуатации крестьянства, на позиции дворянской революционности обусловил как нарастание сил, так и формирование социально-политического облика польского революционного движения под национальными лозунгами накануне Январского восстания 1863 г.

17. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ. «ПОДПОЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Кризис власти в Королевстве Польском, наступивший в конце 1861 г., практически совпал по времени с революционной ситуацией в России 1859–1861 г. Однако это совпадение было не только хронологическим. Оно отражало общность социально-политических процессов в России и Королевстве Польском. В его основе, с одной стороны, лежал крестьянский вопрос, а с другой – борьба революционных сил обеих стран против самодержавия за политическое освобождение, которое для польских революционеров означало прежде всего восстановление польского государства. Начиная с середины 1850-х гг. шаг за шагом набирало силы польское революционное движение, множилось число подпольных организаций, ставивших своей целью решение патриотических задач революционным путем. Правительственный репрессивный аппарат в Королевстве Польском не ослаблял усилий по борьбе с конспиративным движением. Однако они не приносили ожидаемых результатов. Пока подпольное движение было недостаточно организованным, у полиции не было возможности его обезглавить, а разгром отдельных групп и аресты отдельных лиц становились пирровой победой, так как на их место приходили новые, численно умножившиеся борцы. Главным очагом нараставшего революционного движения была Варшава.

Установление либерального правительственного блока, роспуск Земледельческого общества и Делегации Варшавы привели к тому, что средоточие оппозиционного движения переместилось в подполье, где на основе революционных групп в обстановке кризиса власти на рубеже 1861–1862 гг. был образован общепольский революционный центр. В октябре 1861 г. в столице революционные кружки Медицинской академии сформировали Городской комитет. В день закрытия костелов 17 или 18 человек, представлявших различные подпольные объединения в Варшаве, собрались в квартире А. Коженевского и избрали комитет, названный Комитетом движения. В январе 1862 г. Городской комитет установил систематические связи с провинцией и, объединившись с Комитетом движения, вскоре конституировался как Центральный национальный комитет (ЦНК). Разрыв правого лагеря с политикой властей побудил консервативную дворянскую оппозицию царскому правительству присоединиться к революционному лагерю, шляхетские деятели правого толка вошли в состав революционных организаций либо включились в движение, представляя самостоятельные объединения. Так в составе революционного лагеря возникла многочисленная и политически весомая фракция «белых». Значительным влиянием она пользовалась и в ЦНК.

Объединение на общей идейной и политической платформе «белых» и «красных» нашло выражение в программе ЦНК. Авторство ее текста приписывал себе А. Гиллер, хотя сама программа была одобрена Комитетом и соответственно отредактирована. Она состояла из короткого вступления и 27 статей¹⁷³ и содержала основное требование восстановления Польши в границах 1772 г. Она также предусматривала установление гражданского равенства жителей страны независимо от сословной, национальной или религиозной принадлежности. Имелось в программе и положение о передаче надельной земли в собственность крестьян при возмещении помещикам стоимости земли и повинностей за счет государства. Таким образом, в общих принципах программа по крестьянскому вопросу повторяла основополагающие положения отмены крепостного права в России. В деталях же в этой области сохранялись прежние расхождения во взглядах от так называемых «добровольных соглашений» и «выкупов повинностей» (А. Гиллер) – до ликвидации шляхетского землевладения (Б. Шварце). Правда, позицию защитника крестьянской демократии Б. Шварце приписал себе значительно позже, в воспоминаниях, написанных под влиянием русского народничества 1870-х гг., где утверждал, что большинство членов Комитета боялись «крестьянского вопроса как огня»¹⁷⁴.

О деятельности ЦНК в августе 1862 г. дошло немного свидетельств. Главные усилия в это время были направлены на формирование так называемой «национальной полиции» в Варшаве. Ее создателем и начальником выступил Ф. Ковальский. В августе Ковальский был арестован и

на его место стал заместитель Т. Винницкий, бывший в то же время членом Центрального комитета. Особенностью «национальной полиции» была ее тесная связь с официальной польской полицией в Варшаве¹⁷⁵, в которой немалая часть служащих содействовала подпольщикам.

С осени 1862 г. в ЦНК верх стали брать сторонники умеренного курса, что нашло выражение в формировании провинциальных организаций*. Главная роль в этом принадлежала агентам прежнего Комитета движения и в дальнейшем агентам ЦНК Г. Василевскому, Ю. Верещиньскому, С. Шаховскому, Ю. Пиотровскому, братьям Яну, Леону и Станиславу Франковским. К октябрю на местах действовали только три начальника воеводств из 8 воеводств и 15 из 39 начальников в поветах. Во многих регионах Королевства к участию в заговоре было привлечено значительное число крестьян и мелкой шляхты (на Люблинщине, в Подлясье и в Августовской губернии)¹⁷⁶. Этот вывод С. Кеневич сделал на основании донесений заговорщиков «Отелю Ламберт», и воспоминаний участников движения. И те и другие свидетельства об участии крестьянства вызывают сомнения, так как их авторы стремились, очевидно, преувеличить как собственное влияние, так и близость движения к народу. Однако даже если эти сведения и соответствуют действительности, то они касаются только отдельных районов Королевства, где значительная часть крестьянского населения состояла из мелкой шляхты.

Вопрос о допущении землевладельческой шляхты к руководству движением обсуждался в ЦНК. В пользу этого высказывались «умеренный» заместитель члена Центрального комитета юрист О. Авейде, которого в этом поддержал другой «умеренный» заместитель – землевладелец Я. Богданович. Их главным аргументом была потребность в средствах для закупки оружия. А. Гиллер – один из идеологов, активных участников и первый историк Январского восстания 1863 г.¹⁷⁷ – писал, что «Организация народов», созданная красными в 1862 г., «преобразовалась в итоге в тайное польское государство, которое регулярно функционировало и принадлежит к наивысшим проявлениям национального движения». Создателем этого государства стал сформированный движением в середине 1862 г. Центральный национальный комитет, который преобразовался в национальное правительство Польши. Комитет, возглавивший Национальную организацию, не имел, согласно оценке Гиллера, «ничего подобного себе в мировой истории, ни по величине, ни по форме» и ставил перед национальным движением цель «завоевания независимости

* Термин «провинциальные организации» возник как отражение прежней государственно-политической и государственно-правовой структуры шляхетской Речи Посполитой, делившейся на провинции. В этом смысле подпольные революционные структуры 1862 г. рассматривали себя как преемников шляхетской государственности с организационной точки зрения.

Польши, единой, в которой сословия, языки и вероисповедания были бы равноправными, а крестьяне были бы наделены собственностью». Программа эта, сформулированная ясно и определенно в демократическом духе, давала Комитету «те силы и могущество в стране, каковые ему позволили осуществить организацию тайного польского государства» во главе с национальным правительством¹⁷⁸. Это положение Гиллера применительно к истории Январского восстания было развито в трудах С. Кеневича¹⁷⁹ и Ф. Рамотовской¹⁸⁰, а сама концепция «тайного» или «подпольного польского государства» приобрела в польской историографии универсальный характер.

Организационная структура революционного подполья была в значительной мере сформирована под влиянием О. Авейде и его сторонников, убеждавших членов ЦНК в необходимости четких организационных принципов, норм и структурного построения организации. Авейде подчеркивал, что Комитетом уделяется недостаточное внимание подготовке организаторов и других руководящих кадров восстания. Наконец, он выдвигал доводы, обосновывавшие материально-техническую и финансовую неподготовленность восстания¹⁸¹. Суть критики Авейде состояла в том, что она позволяла ему и его сторонникам добиваться проведения реформы организации, вытеснения из ее руководства «красных» и увеличения влияния в ней «умеренных» и, главное, была направлена на лишение ЦНК возможности воздействовать через посредство своих агентов на объединения на местах, следовавшие за ЦНК, но не подчиненные ему организационно¹⁸². За выдвинутыми Авейде аргументами скрывалось осознание, что без людских, материальных и организационных ресурсов шляхетских фольварков восстание не наберет силы. Из этого исходили инициаторы организационных реформ в движении, которые, по существу, и привели к созданию стройной структуры повстанческой организации. Она была оформлена в июльском Уставе и в дополнившей его Инструкции. Возглавлявшему организацию Центральному национальному комитету непосредственно были подчинены отделы: 1) Отдел зарубежных сношений и прессы; 2) Казначейство; 3) Отдел провинций; 4) Отдел Варшавы; 5) Отдел полиции 6) Отдел духовных дел и опеки над народом. Связи с провинциальными организациями осуществлялись главным образом через Секретариат ЦНК или же непосредственно его отделами в рамках их функций. К провинциальным организациям относились: а) Национальный комитет по связям с эмиграцией с относящимися к его ведению заграничными агентами (комитет находился в стадии организации); б) комиссары воеводств и воеводские комитеты в Королевстве Польском; в) провинциальные комитеты (в Литве, на Украине, в Галиции, в областях прусского захвата); г) Начальник Варшавы и организации в столице; д) Начальник национальной полиции в Варшаве и агенты полиции в других местах, связанные с повстанческой деятельностью (находились

преимущественно в ведении отдела полиции ЦНК); е) доверенные лица по духовным делам в епископствах¹⁸³. Наиболее важными структурными подразделениями организации были ее отделения в воеводствах и их комиссары. В Королевстве Польском им были подчинены соответственно начальники поветов и начальники округов. На этих постах оказались исключительно представители землевладельцев или их доверенные лица из числа местных чиновников или разночинной интеллигенции, избранные с согласия комиссара ЦНК собранием местной шляхты. Причем если в самом Королевстве Польском такие съезды не входили в формальную структуру организации, то на Волыни, в Подолии и в так наз. Киевском воеводстве они были узаконены и формально¹⁸⁴. В провинциях повстанческие организационные структуры имели свои существенные особенности и отличия при соблюдении в целом общей организационной схемы. Так, в Литве движение возглавлял подчиненный ЦНК провинциальный Литовский комитет, при котором также находился комиссар ЦНК. Литовскому комитету подчинялись последовательно начальники воеводств, начальники поветов, начальники округов, начальники парафий, начальники гмин, сотники, десятники и шеренговые. То есть в этой системе субординация доходила до уровня рядовых бойцов, которые также происходили из числа шляхты или непосредственного окружения помещиков, пользовавшегося их полным доверием на личной основе, так как в противном случае простолюдины не были бы допущены в число активных заговорщиков. Ключевую роль в этой системе играли начальники поветов, округов и сотники, поскольку они составляли ядро «тайной национальной полиции»¹⁸⁵. Подобная сословность повстанческих организаций сочеталась с патриотической пропагандой, с призывами к борьбе с захватчиками и обещаниями, что обретенная свобода принесет пользу всем людям и обернется во благо всему обществу и всем социальным слоям. Искренность такого рода утопических воззрений представляла одну из характерных черт дворянской революционности.

В ноябре 1862 г. была проведена реформа возглавляемых Центральным комитетом местных организаций. Ее главным автором был также О. Авейде. Уже после подавления восстания 1863 г. Авейде показал на следствии, что единственной целью этой реформы было перенесение срока восстания на весну, на май 1863 г., добавив при этом, что до того времени «надлежало вырвать дело заговорщиков из рук фанатиков и анархистов», конституировать его руководство, установить стройную систему организации и ее внутренних связей, а также распространить пропаганду в среде крестьянства. В частности, Авейде особенно возражал против организации «десяток», которые, по его мнению, следовало создать не ранее чем за две недели до выступления¹⁸⁶.

Польские историки Январского восстания практически единодушно подчеркивают, что повстанческая организация охватывала широкие кру-

ги общества, что в нее входили люди, принадлежавшие к различным общественным и социальным группам: ремесленники, рабочие, крестьяне, служащие (официалисты), мелкая шляхта и шляхтичи-землевладельцы, учителя, духовенство, чиновники. Руководители местных организаций рекрутировались из числа интеллигенции – чиновников, духовенства, учителей, а также землевладельцев. Особую роль играли в организации духовенство и чиновники, которые по своим патриотическим убеждениям и общественному положению имели большие возможности содействовать развитию движения¹⁸⁷. Вместе с тем руководящее ядро движения идеологически, политически и организационно оставалось дворянским. На это недвусмысленно указывает структура сформированного «тайного государства», в основу которого была заложена система шляхетских сословных органов воеводств и поветов с их воеводскими и повятовыми шляхетскими собраниями, исторически восходившими к шляхетским сеймикам прежней Речи Посполитой. Об этом же свидетельствует состав повстанческих групп и их предводителей, в подавляющем большинстве из числа шляхты. Наконец, об этом же говорит роль в подготовке восстания и в повстанческой борьбе шляхетского имения (фольварка), ставшего мобилизационным центром и базой обеспечения повстанческой борьбы. Разумеется, это не означало подлинного единодушия в помещичьей среде. Как отмечал Кеневич, «землевладельцы, напуганные катастрофой, надеялись отложить восстание или что оно, может быть, и не произойдет. И тем самым вожди белых успокаивали себя, что опасность не так близка. Правые надеялись, что красные выступят против захватчиков. Левые же надеялись увидеть еще одну попытку красных повстанческого обретения свободы»¹⁸⁸. Позиция католического духовенства накануне восстания напоминала позицию землевладельческой шляхты, при том что, может быть, она выглядела только более контрастной. Епископы выступили против движения, в то время как низшее духовенство присоединилось к нему. В декабре 1862 г. Константин Николаевич писал Александру II, что епископ Фелиньский держит своих подчиненных в ежовых рукавицах и только поэтому удалось прекратить манифестации в костелах. И в другом месте: «Мы должны его беречь, не компрометировать, дабы всегда казалось, что он человек независимый, а не клевет правительства»¹⁸⁹. Двумя месяцами ранее, в октябре 1862 г., на съезде духовенства Варшавской епархии архиепископ Фелиньский предостерегал от последствий столкновения с превосходящими силами правительства. Аналогичную позицию занимала и римская курия. Государственный секретарь кардинал Д. Антонелли в письме епископу В. Шиманьскому отговаривал того от покровительства одному из наиболее активных «красных агитаторов» – ксендзу М. Жутовскому, – настаивая на том, чтобы не допускать участия священников в тайных организациях. Среди низшего духовенства были ультрамонтанские группы, которые выступали против восстания по идеологическим

соображениям, были также ксендзы-карьеристы, стремившиеся с этих позиций сохранить лояльность правительству¹⁹⁰.

Вместе с тем о позиции духовенства, особенно в провинции и в сельской местности, известно немного. С. Кеневиц, говоря о ориентировавшихся на повстанцев священников, свидетельствует, что только немногие из них участвовали в конспирации, и называет главным образом К. Микошевского – викария костела св. Александра в Варшаве, редактора нелегального издания «Глос каплана польского» (*Głos Kapłana Polskiego*). Тот принадлежал к числу немногих в Польше сторонников радикальной церковной реформы (ликвидации монастырей, отмены celibата, создания национальной церкви, в которой папе принадлежало бы исключительно формальное почетное первенство)¹⁹¹. Очевидно, что подобная яркая фигура не была типичной для польского духовенства, особенно его нестоличной, провинциальной части, которая в большей степени ориентировалась не на варшавские элиты и политических мыслителей, а на свою паству и своих местных покровителей из числа шляхты. Церковнослужители патриотической ориентации еще со времени сентябрьских выборов самоуправления 1861 г. стояли на позициях «белых» и примыкали к их организациям. С тех пор как «красные» стали предпринимать усилия для расширения своего влияния в провинции, ксендзы приняли на себя роль посредников между ними и «белыми», некоторые из них переходили к «красным». Наиболее активным среди таковых был ксендз Каспер Котовский из Чмелева под Сандомиром. Он происходил из крестьянской семьи, участвовал в манифестациях начиная с 1861 г. В конце 1862 г. состоялись собрания священников ряда епархий. Решения, принятые на таких собраниях, были половинчатыми. В одних случаях участники высказывались за присоединение к движению, в других – занимали отрицательную позицию. Однако, помимо отношения духовенства к «белым» или «красным», абсолютно не исследованным остается вопрос о позиции низшего приходского духовенства к движению в целом.

18. Начало восстания

Уже осенью 1862 г. царские власти и администрация Королевства Польского начали подготовку к подавлению надвигавшегося восстания. К началу 1863 г. они располагали в стране 100-тысячной армией в составе 66 пехотных батальонов, 24 эскадронов, 60 казачьих сотен и 176 орудий, не считая гарнизонов крепостей, пограничной стражи, жандармерии, инвалидных команд и других вспомогательных формирований¹⁹². Русскую армию отличали боевой опыт, стойкость и дисциплина, выучка солдат и офицеров. Вместе с тем армия находилась в стадии реформы, отмена николаевских палочных методов не означала еще усвоение войсками новых

форм боевых действий и внутренней службы, только начато было перевооружение войск. Не было у них и опыта борьбы с партизанским движением.

В этих условиях, опираясь на военную мощь и отлаженный административный и полицейский аппарат, правительство отважилось нанести опережающий удар по революционному движению, объявив в стране рекрутский набор в расчете призвать в армию и удалить из страны неблагонадежную молодежь, лишив таким образом повстанческое движение боевых кадров. В случае же если рекрутский набор спровоцирует выступление революционного подполья, власти планировали подавить восстание в самом начале.

Действия царских властей, и в первую очередь объявленный рекрутский набор, подтолкнули ЦНК к решению о безотлагательном начале восстания, и 15 января 1863 г. Комитет поручил Я. Майковскому отредактировать повстанческий манифест. В нем в патетичных выражениях призывались к восстанию сыны отчизны, «без различия веры, происхождения, сословного положения свободные и равноправные граждане страны». 18 января ЦНК принял два декрета по крестьянскому вопросу, составленные О. Авейде. Согласно первому крестьянам передавались в исключительную и наследственную собственность находившиеся у них в держании наделы с принадлежавшими к последним приусадебными участками, жилыми и хозяйственными строениями и иными правами и привилегиями. Отменялись все крестьянские повинности в частных, государственных и церковных имениях. Собственникам имений стоимость отмененных повинностей в дальнейшем подлежала возмещению из государственных средств в форме государственного долга. Декрет сохранял за крестьянами сервитуты и распространялся также на «чиншовников» и лиц некрестьянского сословия. Вторым декретом устанавливалось, что халупники, задворники, паробцы и все жители, получавшие средства к существованию заработком и вступившие в повстанческие ряды с оружием в руках, будут наделяться после победы землей из государственных имуществ не менее чем по 3 морга. Правда, исполнение этих декретов откладывалось до лучших времен, после победы восстания. Осуществлены эти меры, за исключением отдельных случаев, повстанцами так никогда и не были.

18 января 1863 г. ЦНК провозгласил себя Временным национальным правительством. Приказы о начале восстания были разосланы по воеводствам в ночь с 22 на 23 января. В тот же день царские власти в Варшаве получили донесение о формировании в пригородных лесах «вооруженных банд». Для противодействия им по приказу вел. князя Константина на левом берегу Вислы были размещены войска, чтобы не допустить проникновения повстанческих отрядов в столицу. В ночь с 22 на 23 января 1863 г. и на следующий день, 24 января, восставшими были атакованы 17 гарнизонов, 7 нападений пришились на 24 и 25 января. Из этих 24 атак 7 были проведены в Подляском воеводстве, 5 – в Августовском, по 3 – в Люблинском,

Сандомирском и Мазовецком; 2 – в Плоцком и 1 – в Калишском. Наибольшее значение имели действия в трех регионах: в Плоцком, Подляском и Радомском¹⁹³. Боевая повстанческая организация в начале восстания насчитывала 20–25 тыс. чел., однако она располагала всего парой тысяч единиц огнестрельного оружия. Это означало, что для внезапной атаки можно было выбрать только отдельные ключевые пункты воеводств, где не было значительных русских гарнизонов. Из-за превентивных арестов и в силу разных случайных и не вполне выясненных обстоятельств не удалось организовать совместного участия в восстании польских и российских революционеров. Поэтому, подчеркивал С. Кеневич, «с самого начала восстание развернулось как польско-российская война»¹⁹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Носов Б.В.* Стефан Кеневич (1907–1992). К 100-летию со дня рождения // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008. С. 23–30.
- 2 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972.
- 3 *Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W.* Trzy powstania narodowe: kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / Pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1992.
- 4 *Ibidem.* S. 284.
- 5 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 11–12.
- 6 *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. Kraków, 1878. Т. 1. S. 99–100.
- 7 *Ibidem.* S. 97.
- 8 *Ibidem.* S. 66–67.
- 9 *Ibidem.* S. 68–69.
- 10 *Ibidem.*
- 11 *Ibidem.* S. 97–98.
- 12 *Ibidem.* S. 98.
- 13 *Ibidem.*
- 14 *Ibidem.* S. 98–99.
- 15 Проект адреса Александра Велёпольского от 25 мая 1856 г. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. Kraków, 1878. Т. 2. S. 19–21 (документ № 7).
- 16 *Kieniewicz S.* *Op. cit.* S. 15–16.
- 17 *Willaume J.* Wieś lubelska przed uwłaszczeniem. Lublin, 1963. S. 93 etc.
- 18 *Lisicki H.* *Op. cit.* Т. 1. S. 104–105.
- 19 Речь Александра II, обращенная к маршалкам шляхты Королевства Польского 23 мая 1856 г. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. Т. 2. S. 17 (документ № 4); *Kieniewicz S.* *Op. cit.* S. 15–16.
- 20 *Kraushar A.* Listy poufne cara Aleksandra II i w. ks. Konstantego // Tydzień Polski. 09.12.1922; *Kieniewicz S.* *Op. cit.* S. 16–17.
- 21 *Kieniewicz S.* *Op. cit.* S. 17–18. О польском вопросе на Парижском конгрессе 1856 г. см. также: *Handelsman M.* Adam Czartoryski. Warszawa, 1950. Т. 3. S. 614.

- 22 Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Факсимильное издание. М.: Наука, 1974–1976. Вып. 1–4.
- 23 См. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1993.
- 24 *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 66–67.
- 25 *Левшин А.И.* Достопамятные минуты моей жизни // Русский архив. 1885. Кн. 8. С. 489.
- 26 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 17.
- 27 *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 65–66.
- 28 ГАРФ. Ф. III отделения. IV экспедиция. Д. 199. Л. 1.
- 29 *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 83.
- 30 Там же. С. 84.
- 31 Там же.
- 32 Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещицких крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1860–1862. Т. 1 С. 140–141.
- 33 См., напр.: *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 29.
- 34 См.: *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego (1858–1862). Warszawa, 1904. Т. 1–2; *Czepulis-Rastenis R.* Myśl społeczna twórców Towarzystwa Rolniczego. Wrocław, 1964.
- 35 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 29.
- 36 *Potocki Tomasz (1809–1861)* // Polski słownik biograficzny. Wrocław etc., 1985. Т. 28/2. Zeszyt 117. S. 216–220.
- 37 *Krzyżtopór A.* [*Potocki T.*] O urządzeniu stosunków rolniczych w Polsce. Poznań, 1851.
- 38 *Lisicki H.* Op cit. Т. 1. S. 102.
- 39 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 30; *Idem.* Mędzy ugodą a rewolucją (Andrzej Zamoyski w latach 1861–62). Warszawa, 1962.
- 40 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. S. 22.
- 41 Ibidem. S. 32.
- 42 Ibidem. S. 33.
- 43 Historia Państwa i prawa Polski Tom III. Od Rozbiorów do uwłaszczenia / Pod red. Juljusza Bardacha i Moniki Senkowskiej-Gluck. Warszawa, 1981. S. 212.
- 44 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 31.
- 45 Ibidem. S. 31.
- 46 Ibidem. S. 30–31.
- 47 *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953. S. 107–109.
- 48 История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 97.
- 49 Там же. С. 99.
- 50 *Lisicki H.* Op. cit. Т. 1. S. 137.
- 51 Ibidem. S. 138.
- 52 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 21.
- 53 Ibidem. S. 31.

- ⁵⁴ См.: *Ревуненков В.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Ленинград, 1957.
- ⁵⁵ *Kraushar A.* Kartki z pamjётnika Alkara. Kraków, 1913. T. 2. S. 14.
- ⁵⁶ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 61.
- ⁵⁷ Донесение Пьера Сегюра от 12.10.1860 // *Raporty polityczne konsulów generalnych Francji w Warszawie 1860–1864.* Wrocław, 1965. S. 34.
- ⁵⁸ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 77.
- ⁵⁹ *Берг Н.В.* Сочинения. Познань, 1884–1885. Т. 1. С. 100.
- ⁶⁰ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 66–68.
- ⁶¹ *Baranowski I.* Pamiętniki. Poznań, 1923. S. 215.
- ⁶² Ibidem. S. 149.
- ⁶³ *Grabski W.* Op. cit. T. 2. S. 219 etc.
- ⁶⁴ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 74–75.
- ⁶⁵ *Берг Н.В.* Указ. соч. С. 104.
- ⁶⁶ См. донесение Пьера Сегюра от 12.07.1860 // *Raporty polityczne konsulów generalnych Francji w Warszawie 1860–1864.* Wrocław, 1965. S. 24; *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 84 etc. *Materiały do dziejów uwłaszczenia w Królestwie Polskim / Oprac. K. Śreniowska i S. Śreniowski.* Wrocław, 1961. S. 154–319.
- ⁶⁷ *Kieniewicz St.* Powstanie styczniowe. S. 91.
- ⁶⁸ Ibidem. S. 84.
- ⁶⁹ Ibidem. S. 86.
- ⁷⁰ История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 107.
- ⁷¹ *Lisicki H.* Op. cit. T. 1. S. 139.
- ⁷² *Wielopolski A.* Projekt Adresu z d. 11 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 24–37 (документ № 9). См. также: *Stankiewicz Z.* Dzieje wielkości i upadku A. Wielopolskiego. Warszawa, 1967. S. 118–121.
- ⁷³ *Wielopolski A.* Projekt Adresu z d. 11 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 24–25 (документ № 9).
- ⁷⁴ Ibidem. S. 25.
- ⁷⁵ Ibidem. S. 25–26.
- ⁷⁶ Ibidem. S. 25.
- ⁷⁷ Ibidem. S. 24–37.
- ⁷⁸ *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 1. S. 142.
- ⁷⁹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 92–93.
- ⁸⁰ Ibidem. S. 145.
- ⁸¹ K. Górski do W. Kalinki, 8. II. 1861. – Biblioteka Czartoryskich. Rkps. 5686. S. 46–49; *Wereszycki H.* Hotel Lambert i obóz białych przed wybuchem powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny.* 1959. Z. 3. S. 519.
- ⁸² *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 94.
- ⁸³ Ibidem. S. 147.
- ⁸⁴ Adres z d. 27 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 38–39 (документ № 9).

- ⁸⁵ Ibidem.
- ⁸⁶ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 110–111.
- ⁸⁷ Ibidem. S. 112.
- ⁸⁸ *Baranowski I.* Pamiętniki. S. 254.
- ⁸⁹ Adres z d. 27 lutego 1861 r. – *Lisicki H.* Aleksander Wielopolski. T. 2. S. 38–39 (документ № 9).
- ⁹⁰ М.Д. Горчаков – Александру II, 1 марта 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego w 1861 r. Wrocław, 1964. S. 14 etc.
- ⁹¹ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 117.
- ⁹² Enoch Juliusz Kazimierz Mamert (1822–1880) // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1948. T. 6. S. 278–279.
- ⁹³ Мемориал Ю. Еноха М.Д. Горчакову от 2 марта 1861 г. – *Skalkowski A.* Juliusz Enoch i jego pisma w sprawach polsko-rosyjskich. Kórnik, 1947. S. 22–29.
- ⁹⁴ См.: *Skalkowski A.* Aleksander Wielopolski w świetle archiwów rodzinnych. Poznań, 1947. T. 3. S. 14–16.
- ⁹⁵ Karnicki Jan (1813–1879) // Polski słownik biograficzny. T. 12. Wrocław etc., 1976. S. 67–68.
- ⁹⁶ М.Д. Горчаков – Александру II, 2 марта 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego w 1861 r. Wrocław, 1964. S. 17 etc.
- ⁹⁷ Ibidem. S. 18 etc.; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 94.
- ⁹⁸ *Валуев П.А.* Дневник П.А. Валуева. М., 1961. Т. 1. С. 75.
- ⁹⁹ Александр II – М.Д. Горчакову, 9 марта 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego. S. 27–30; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 132–133.
- ¹⁰⁰ А.М. Горчаков – М.Д. Горчакову, 10 марта 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego ... S. 31–33.
- ¹⁰¹ *Kieniewicz S.* Mędzy ugodą a rewolucją ... S. 112–114; *Idem.* Powstanie styczniowe. S. 133.
- ¹⁰² Исторический очерк восстания 1863 года, составленный в Варшавской цитадели // Восстание 1863 года. Материалы и документы / Под ред. С. Кеневича, Т. Копреевой, Л. Шилова. Wrocław etc., 1985.
- ¹⁰³ Там же. С. 79.
- ¹⁰⁴ *Przyborowski W.* Historia dwóch lat 1861/1862. Kraków, 1893. T. 2. S. 183–187; *Skalkowski A.* Aleksander Wielopolski T. 3. S. 18, 258–261.
- ¹⁰⁵ *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 134.
- ¹⁰⁶ Ibidem. S. 135.
- ¹⁰⁷ М.Д. Горчаков – Александру II, 15 марта 1861 г. и Александр II – М.Д. Горчакову, 21 марта 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego ... S. 46–62.
- ¹⁰⁸ *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 69–77.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 83–86.
- ¹¹⁰ А.М. Горчаков – М.Д. Горчакову, 25 марта 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego ... S. 72 etc.

- 111 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 135–136.
- 112 *Ibidem.* S. 135.
- 113 *Ibidem.* S. 137.
- 114 А. Замойский – Адаму Потоцкому, 17 марта 1861 г. – *Kieniewicz S.* Między ugodą a rewolucją... S. 117 etc.
- 115 *Skalkowski A.* Aleksander Wielopolski. Poznań, 1947. T. 3. S. 23, 265.
- 116 М.Д. Горчаков – Александру II, 3 апреля 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego... S. 92.
- 117 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 142.
- 118 М.Д. Горчаков – Александру II, 3 апреля 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego... S. 94.
- 119 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 142–143.
- 120 А. Велёпольский – матери, 28 марта 1861 г. – *Skalkowski A.* Aleksander Wielopolski. T. 3. S. 265.
- 121 *Grabski W.* Op. cit. T. 2. S. 384–386.
- 122 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 144.
- 123 *Grabski W.* Op. cit. T. 2. S. 368–372.
- 124 Родрыг Потоцкий – Генрыку Водзицкому, 8 апреля 1861 г. – Biblioteka Ossolińskich. Dz. Rękopisów. Rkps. 11759; *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 145.
- 125 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 151, 153–154.
- 126 *Śreniowski S.* Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Warszawa, 1955. См.: Раздел 5. Революционная ситуация 1861–1862 гг. S. 1–14 (раздельная пагинация).
- 127 *Ibidem.* S. 4.
- 128 В.П. Платонов – М.Д. Горчакову, 18 апреля 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego... S. 129.
- 129 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 183–184.
- 130 Dziennik Praw Królestwa Polskiego. T. 8.
- 131 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 183.
- 132 Н.О. Сухозанет – Александру II, 16 (28) июня, 18 (30) и 19 (31) июля 1861 г. – Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego ... S. 214, 247, 249; *Ramotowska F.* Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim. Wrocław, 1971. S. 106–175.
- 133 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 183.
- 134 *Ibidem.* S. 193.
- 135 *Ibidem.*
- 136 *Szpakowski T.* Zapiski warszawskie. Warszawa, 1968. S. 92–95.
- 137 *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 205.
- 138 *Ibidem.* S. 197.
- 139 *Ibidem.* S. 199–200.
- 140 Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego... S. 308.
- 141 *Skalkowski A.* Aleksander Wielopolski T. 3. S. 71–74.
- 142 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 204–205.
- 143 *Ibidem.*

- 144 *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 199–203; *Stankiewicz Z.* Reformy czynszowe dóbr skarbowych w Królestwie Polskim. Łódź 1968. S. 84.
- 145 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 205.
- 146 *Skalkowski A.* Aleksander Wielopolski T. 3. S. 77–82.
- 147 В.П. Платонов – Александру II, 15 (27) октября 1861 г. – *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska ... S. 206 etc.; *Eisenbach A.* Kwestia równouprawnienia Żydów w Królestwie Polskim. 1815–1862. Warszawa, 1972.
- 148 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 205.
- 149 *Skalkowski A.* Op. cit. T. 3. S. 294.
- 150 *Koberdowa I. W.* Ks. Konstany w Warszawie 1862–1863. Warszawa, 1962. S. 20.
- 151 *Skalkowski A.* Op. cit. T. 3. S. 106.
- 152 *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... C. 207–210; Śreniowski S. Studia nad prawem i stosunkami agrarnymi Królestwa Polskiego 1831–1864. Warszawa, 1963. S. 250–262.
- 153 *Poznański K.* Reforma szkolna w Królestwie Polskim w 1862 r. Wrocław, 1968.
- 154 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 230.
- 155 *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 162.
- 156 *Skalkowski A.* Na marginesie życiorysu A. Wielopolskiego // *Roczniki historyczne.* 1949. Z. 2. S. 12.
- 157 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 231–232.
- 158 См. текст: *Koberdowa I. W.* Ks. Konstany w Warszawie 1862–1863. S. 261–264.
- 159 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 232–234.
- 160 *Ibidem.* S. 250–251.
- 161 *Ibidem.* S. 252.
- 162 *Ibidem.*
- 163 *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* T. 60; *Kieniewicz S.* Sprawa włościańska... S. 212.
- 164 *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 254.
- 165 *Poznański K.* Op. cit. S. 245.
- 166 *Ibidem.* S. 275.
- 167 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 252.
- 168 *Ibidem.* S. 256.
- 169 *Giller A.* Karol Ruprecht. Lwów, 1875. S. 65 etc.
- 170 *Lisicki H.* Op. cit. T. 2. S. 426.
- 171 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 256.
- 172 *Ibidem.* S. 257.
- 173 Подробное изложение программы см.: *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 259–262.
- 174 См.: *Морозова О.П.* Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975. С. 60–72.
- 175 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 287.
- 176 *Ibidem.* S. 288.
- 177 См.: *Михальска-Браха Л., Цабан В.* Агатон Гиллер (1831–1887) – первый историк Январского восстания // *Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши.* М. 2014. С. 25–39.

- 178 *Giller A.* Historia powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. Wyd. 2. Paryż, 1867. T. 1. S. 64–67.
- 179 *Kieniewicz S.* Op. cit. Rozdział dziewiąty: Tajne Państwo Polskie. S. 287–320.
- 180 *Ramotowska F.* Narodziny tajemnego państwa polskiego 1859–1862. Warszawa, 1990.
- 181 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 287.
- 182 *Ramotowska F.* Op. cit. S. 301.
- 183 *Ibidem.* S. 288.
- 184 *Ibidem.*
- 185 *Ibidem.* S. 309.
- 186 *Ibidem.* S. 297–298.
- 187 *Ibidem.* S. 299.
- 188 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 313.
- 189 *Ibidem.* S. 314.
- 190 *Żywczyński M.* Kościół i duchowieństwo w powstaniu styczniowym // *Przegląd Historyczny.* 1938. T. 14. Z. 2. S. 524.
- 191 *Kieniewicz S.* Op. cit. 1972. S. 315.
- 192 *Гескет С.Д.* Военные действия в Царстве Польском в 1863 году. Варшава, 1894. С. 15 и далее.
- 193 Там же.
- 194 *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 369.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционная борьба поляков в 1830–1831 гг. закончилась поражением: царизм подавил восстание, за этим последовали репрессии. Столкнувшись с массовой эмиграцией участников восстания и сочувствовавших повстанцам представителей польской общественности, царские власти рассчитывали, что такого рода «изгнание» обезглавит польское освободительное движение и лишит его социального потенциала. Значительное число участников восстания и поддерживавших его представителей польского общества, не желая примириться с иностранным господством, покинули страну. В подавляющем большинстве они происходили из образованных слоев польского общества: из среды дворянства и интеллигенции. Так возникла массовая эмиграция поляков за границы Российской империи. Однако царским властям не удалось полностью подавить польское освободительное движение и задушить стремление поляков к свободе. Воля польских подпольных организаций к сопротивлению находила поддержку как во всех социальных слоях Королевства Польского, так и в солидарности со стороны революционных движений в России и в других европейских странах. На это царские власти в Петербурге и в Варшаве, не стесняясь уже в выборе средств, ответили жестокими репрессиями (смертными казнями, каторжными работами, арестантскими ротами и 25-летней солдатчиной).

После подавления Ноябрьского восстания 1830 г. с автономией Королевства Польского было практически покончено. Уничтожалась Конституция 1815 г., ее заменил Органический статут 1832 г., провозгласивший Королевство Польское неотъемлемой частью империи, хотя царизм, формально соблюдая постановления Венского конгресса 1815 г., и сохранил для Королевства отдельную администрацию и особый статус подданства для его населения.

На протяжении 1830–1850-х гг. политика царизма в отношении Польши несколько видоизменялась. В центре страны и на местах была введена новая административная структура, проведены реформы судебной системы и народного просвещения. Предприняли царские власти и попытку путем ряда паллиативных мер облегчить положение крестьянства, находившегося под гнетом землевладельческой шляхты. Эта политика царской администрации Королевства развивалась в русле общего политического курса царских властей в Российской империи 1830-х – начала 1860-х гг. Он имел целью, с одной стороны, решительное противодействие революционному движению и недопущение революции в России, а с другой – административную и сословную интеграцию Королевства Польского в состав Российской империи. Одним из важнейших средств такой интеграции было формирование в Королевстве Польском имперской бюрократии на основе объединения в единую корпорацию русского и польского чиновничества. Этому должна была также служить практика русско-польского двуязычия в административной системе Королевства.

Укрепление административного и полицейского аппарата Королевства Польского, опиравшегося на размещенную на территории страны 100-тысячную русскую армию, было направлено на подавление революционного освободительного движения и гражданских свобод и призвано искоренить патриотический дух и имманентно присущее полякам стремление к свободе и национальной самобытности. С большей или меньшей степенью последовательности эта линия проводилась неуклонно, причем в периоды подъема революционного движения за пределами России политика царизма ужесточалась, как это было во время «Весны народов» 1848–1849 гг. После вступления на престол Александра II политический и полицейский режим в Королевстве Польском в конце 1850-х гг. был несколько смягчен, а верхи польского общества получили возможность некоторого участия во власти под началом новой гражданской администрации. Однако именно национальный подъем в Королевстве Польском, вылившийся в патриотические манифестации конца 1850-х – начала 1860-х гг., вновь побудил царизм прибегнуть к репрессиям и сделать ставку на военно-полицейское подавление революционного и общественного движения. В обстановке кризиса верхов, выявившего их неспособность управлять страной старыми средствами, толчком к восстанию послужило объявление о рекрутском наборе, который, по замыслу властей, должен был обезглавить и ликвидировать революционную конспирацию. Результатом стало вспыхнувшее в январе 1863 г. польское национальное восстание. Оно не было спонтанным и неожиданным взрывом, хотя и началось преждевременно, его практическую подготовку революционные организации начали двумя годами ранее.

В историческом масштабе Январское восстание 1863 г. было подготовлено всем предшествовавшим тридцатилетием. Оно явилось результатом

работы революционных конспираторов и в целом освободительного движения в Королевстве Польском 1830–1850-х гг., которое в своем развитии прошло несколько стадий. В первое время после восстания 1830–1831 гг. польские патриоты пытались продолжать вооруженную борьбу, собирая оставшиеся военные силы в самом Королевстве и в западных губерниях России, они были связаны с эмиграцией и организованными ею партизанскими экспедициями. Следующий период революционного движения определялся созданием в Польше конспиративных организаций («заговоров»). В дальнейшем заговорщическое движение переросло в попытки создания конспиративной сети на территории всех бывших «польских» земель для подготовки в сотрудничестве с эмиграцией общепольского восстания. На территории Королевства Польского такая конспирация оформилась в виде тайного заговора, получившего впоследствии в историографии название «Организация 1848 года». Ее создание отражало наличие в польском обществе революционных национально-освободительных тенденций, наряду с тактикой патриотически настроенных представителей консервативного лагеря, выступавших за соби́рание и укрепление «национальных сил» на основе «органического труда» и «работы у основ» в ожидании решения польского вопроса при помощи европейских держав. Перевес в польском обществе революционного лагеря по сравнению с консерваторами и либералами определился уже в начале 1860-х гг., когда в Королевстве Польском в условиях общественного подъема и развертывания манифестационного движения возникла революционная ситуация. Она стала частью революционной ситуации, сложившейся в это время в России. Тогда сформировалось революционное руководство – Центральный национальный комитет, начавший подготовку к восстанию в союзе с русским революционным движением.

В польском национально-освободительном движении большую роль играла идейная борьба, связанная с осмыслением причин поражения восстания 1830 г. Их анализ выдвигал на первый план социальные проблемы: вставал вопрос о сочетании социальных и национальных задач, о том, необходимо ли для успеха национального восстания провозглашение аграрной реформы при самом его начале или же решение крестьянского вопроса должно увенчать победу вооруженной борьбы народа. Этот вопрос по-разному решался в польских революционных программах, создававшихся как в самой Польше, так и в эмиграции. Последняя, в силу своей оторванности от Польши, зачастую не могла адекватно отразить происходившие на родине процессы, зато она имела возможность впитывать, усваивать и перерабатывать прогрессивные идеи Запада, что накладывало отпечаток на ее социальные и политические программы и установки. Именно в эмиграции возникли организации, стоявшие на почве утопического социализма и выдвигавшие знамя крестьянской революции. Это было результатом воздействия европейских социальных

теорий, перенесенных на польскую почву. Такой постоянный «польский» угол зрения был не случайным: польская эмиграция, активно участвуя в жизни Запада, в том числе сражаясь в рядах революционных сил в ходе европейских революций, всюду несла мысль о Польше, о ее независимости, надеясь в борьбе за свободу других народов приблизить освобождение родины.

Политику и идеологию польского национально-освободительного движения в огромной степени определял его социальный состав. На протяжении всего периода от Ноябрьского восстания 1830 г. до Январского восстания 1863 г. основной силой движения оставалась шляхта, ей же принадлежало руководство борьбой. Но постепенно происходила демократизация движения, в нем все большую роль начинали играть разночинцы, выходцы из мелкой, деклассированной шляхты, представители городских слоев, батраки, а иногда и крестьяне. Это было связано с процессами, протекавшими в обществе, шло его расслоение, обусловленное переменами не только в собственно социальной сфере, но, в первую очередь, в сфере экономической. Развитие экономики Королевства Польского проходило в условиях производственных и торговых связей как с другими польскими землями, так и, в первую очередь, с Россией. В некоторых областях экономики Королевство занимало авангардные позиции, в ряде других отставало. Труднее процесс экономического развития протекал в сельском хозяйстве, что объяснялось тяготевшим над ним грузом феодальных пережитков: прогресс в хозяйствах земельных магнатов соседствовал с производственной отсталостью малоземельных крестьянских хозяйств, к тому же обремененных повинностями в пользу помещика. Однако в целом происходило оснащение сельского хозяйства улучшенными орудиями производства, сельскохозяйственными машинами, искусственными удобрениями; распространялись новые кормовые культуры, предназначенные для животноводства, которое наращивало производство крупного рогатого скота, лошадей, овец, свиней. Что касается промышленности, ее развитию способствовало наличие капиталов, достаточного количества рабочей силы и, что было особенно важно, обширного российского рынка, ставшего более доступным в 1850 г. в результате ликвидации таможенной границы между Королевством Польским и Россией. Положительную роль играла и деятельность Польского банка, который кредитовал промышленность Королевства, прежде всего его текстильную отрасль и добычу полезных ископаемых. Большое значение имело развитие сухопутного, водного и железнодорожного транспорта, строительство дорог и прокладка железнодорожных путей, чем в 40-е годы XIX века занялось правительство России. Правительственная политика в области финансов и страхования также благоприятствовала созданию и деятельности в Королевстве Польском кредитных и страховых учреждений – банков, ломбардов, сберегательных касс и т. п. Предпри-

нимались меры для подготовки кадров, необходимых для экономического прогресса: развивалось специальное и профессионально-техническое образование. Все это создавало условия для постепенного превращения Королевства Польского в один из наиболее развитых в промышленном отношении регионов Российской империи.

Если развитие экономики Королевства Польского происходило при поддержке российских властей, то в отношении развития польской национальной культуры и науки дело обстояло иначе. Сразу после подавления восстания 1830–1831 гг. правительство предприняло меры по уничтожению «рассадников крамолы»: были закрыты польские университеты – Варшавский и Виленский, а также Кременецкий лицей и Общество друзей науки. Для получения образования польскую молодежь направляли в специально учрежденный в 1834 г. русский университет в Киеве, либо она выезжала на учебу в российские университеты в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Харькове. Начальное и среднее образование поляков взяло под полный контроль российское Министерство просвещения: в 1839 г. был создан Варшавский учебный округ, вводилось обучение русскому языку. В 1840-е гг. появилась возможность обучаться юриспруденции на двухлетних курсах, а также в Варшаве была открыта Школа изящных искусств. И лишь в 1862 г. правительство попыталось снять общественное напряжение, вновь открыв университет в Варшаве.

Все это приводило к тому, что как польская молодежь, так и деятели науки, культуры и искусства искали возможность применения своих талантов вне Королевства Польского. До середины XIX в. основные интеллектуальные и творческие силы Польши были сосредоточены в эмиграции или других польских землях. Это относилось прежде всего к представителям гуманитарных наук – философии, истории, творцам романтической поэзии, музыки, живописи. Во второй половине века на смену романтизму в литературе пришел позитивизм и родились высокие образцы этого художественного литературного течения, правдиво и талантливо рисовавшего реальную жизнь поляков. Тогда же в изобразительном искусстве произошел поворот от классицизма и романтизма в сторону реализма, отображавшего события прошлого и настоящего польского народа.

Несмотря на разделявшие Польшу границы России, Австрии и Пруссии, достижения польской литературы и искусства становились общим национальным достоянием, и в Королевстве Польском их влияние было сильным. Этому способствовало, в частности, развитие периодической печати. За два с лишним десятилетия число научных и литературных изданий существенно возросло, увидели свет многие ежедневные и еженедельные издания, по мере превращения издательств в капиталистические предприятия увеличивались объем и тиражи печатной продукции, а сама она становилась доступной все более широкому кругу читателей во всех частях Польши.

Польская литература, музыка, театр, живопись становились достоянием и российской общественности. Это помогало лучшему узнаванию и сближению русских с поляками, так же как и поляки лучше узнавали русский народ, читая произведения русских писателей и слушая русскую музыку. Но основным фактором сближения был обоюдный протест против царской династии. Специфической формой польско-русского идейного и культурного взаимодействия стало сотрудничество русского и польского освободительных движений, нашедшее, в частности, выражение в лозунге «За нашу и вашу свободу!». Идеология польских революционеров имела преимущественно национальную окраску, русские же стремились к установлению демократического строя на месте царского, и это создавало почву для революционного союза. Такой союз был заключен в 1862 г. Однако вопрос о его практической реализации остается в историографии дискуссионной проблемой. Массы русского и польского народа еще не были готовы к заключению братского союза: слишком много негативных стереотипов и предрассудков, идущих из исторической памяти, их разделяло. Поэтому период 30–50-х годов XIX века не стал шагом к русско-польскому примирению и сближению, а Январское восстание еще усилило разобщение, взаимное недоверие и неприязнь. Предстояло преодолеть их на пути дальнейшей совместной борьбы за свободу и демократию, против национального и социального угнетения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Февраля 14* [1832 года] МАНИФЕСТ. – *О новом порядке управления и образования Царства Польского*

Манифестом Нашим от 25 января минувшего года, объявляя всем верным Нашим подданным о вступлении войск наших в Царство Польское, мгновенно отторгнутое мятежниками от власти законной, Мы возвестили им и о намерении Нашем устроить будущую судьбу сего края на основаниях прочных, сообразных с потребностями и благом всей Нашей Империи. Ныне, когда силою оружия положен конец волновавшим Царство Польское смятениям, и народ, злоумышленниками в преступление вовлеченный, возвращен к долгу и успокоен, Мы признали за благо привести сие намерение Наше в действие, дабы учреждением постоянного и твердого порядка оградить навсегда от новых вредных покушений сие спокойствие и неразрывное соединение двух народов, Небесным Провидением попечению Нашему вверенных.*

Царство Польское, победоносным оружием России покоренное еще в 1815 году, получило тогда от высокодушия Августейшего Нашего Предшественника, в Бозе почивающего Императора Александра, не только возвращение своей народной самобытности, но и особенные права, начертанные в Хартии Государственных установлений. Сии права и установления не могли удовлетворить закоренелых врагов всякого порядка и власти законной. Они, в своих преступных замыслах, продолжали мечтать о разделении подвластных Скипетру Нашему народов и дерзнули самые благодеяния Восстановителя отчизны их употребить во зло, обратив на разрушение Его великого дела и законы, им дарованные, и те преимущества, коими они были обязаны одной Его Державной воле. Кровавопролития были следствием сих замыслов; спокойствие и благоденствие, коими Царство Польское наслаждалось в высшей, дотоле неизвестной в сем крае степени, исчезло пред ужасами междоусобной брани и в повсеместном

* Распубликованы Сенатом 24 марта.

опустошении. Сии злосчастия миновались: Царство Польское, снова Нам подвластное, успокоится и процветет среди восстановленной в оном тишины, под сенью бдительного Правления. Но Мы, в отеческой заботливости Нашей о благе наших верных подданных, вменяем себе в священный долг, заранее, всеми зависящими от нас мерами, предупредить возвращение подобных в будущем бедствий, отняв у зломыслящих те средства, коими они, как ныне обнаружено, успели возмутить общественное спокойствие. Желая с тем вместе, чтобы подданные наши Царства Польского продолжали пользоваться всеми выгодами, кои нужны для счастья каждого из них и для общего благоденствия края, чтобы уважение к личной безопасности и собственности, свобода совести и все местные гражданские права и преимущества были ненарушимо охраняемы, чтобы Царство Польское, имея особое соответствующее потребностям его управление, не преставало быть нераздельною частью Империи Нашей, и чтоб отныне жители оного составляли с россиянами единый народ согласных братий, Мы на сих основаниях начертали и постановили в особой, в сей же день изданной Грамоте новый порядок управления и образования нашего Царства Польского.

Грамота. В постоянном попечении нашем о благе народов, Всевышним Промыслом Державе Нашей вверенных, Мы с особенным тщанием рассматривали основания будущего устройства Царства Польского, и, приняв в соображение истинные пользы и положение сего края, местные потребности оного, навыки жителей и необходимость утвердить их спокойствие и благосостояние теснейшим незыблемым соединением с Россией, начертали и даруем Царству Польскому следующие основные постановления:

I. — Положения общие.

Статья 1. Царство Польское, присоединенное навсегда к Державе Российской, есть нераздельная оной часть. Оно будет иметь особое, сообразное с местными потребностями его управление, свои также особенные Уложения: Гражданское и Уголовное, и все доселе существовавшие в городах и в сельских обществах дарованные им местные права и установления остаются на прежнем основании и в прежней силе.

Ст. 2. Корона Царства Польского есть наследственная в лице нашем и Потомков наших, Наследников и Преемников, по установленному для наследия Всероссийского Императорского Престола порядку.

Ст. 3. Коронование Императоров Всероссийских, Царей Польских, заключается в одном и том же священном обряде, который будет совершаем в Москве, в присутствии Депутатов Царства Польского, призываемых к участию в сем торжестве, вместе с Депутатами прочих частей Империи.

Ст. 4. Во всех случаях, в коих по существующим или впредь имеющим быть постановлениям в России долженствует быть учреждено Регентство, власть Правителя или Правительницы Государства распространяется и на Царство Польское.

Ст. 5. Свобода вероисповедания подтверждается в полной мере; всякое богослужение может быть отправляемо всеми без исключения, открыто и беспрепятственно, под защитою Правительства, и различия в учении разных Христианских вер не могут быть поводом ни к какому различию в правах, всем жителям Царства дарованных. Священнослужители всех исповеданий состоят в равной степени под покровительством и наблюдением установленных законом властей. Впрочем вера Римско-Католическая, как исповедуемая большей частью подданных Наших Царства Польского, будет всегда предметом особенных попечений Правительства.

Ст. 6. Фундушевые имения, принадлежащие Духовенству Римско-Католическому и Греко-Унитскому, признаются общею неотчуждаемою собственностью церковной Иерархии, каждого из сих вероисповеданий по принадлежности.

Ст. 7. Покровительство законов распространяется равным образом на всех жителей Царства, без всякого различия состояний или званий. Каждый своими личными заслугами и достоинствами может достигать всех в Государстве мест и почестей, по установленному для сего законами порядку.

Ст. 8. Личная свобода каждого подтверждается и охраняется, на основании существующих узаконений. Всякий не иначе может быть взят под стражу или подвергнут суду, как лишь в предписанных законом случаях и с соблюдением всего определенного на сие порядка. Каждому взятому под стражу доставляется письменное извещение о причинах его заключения.

Ст. 9. Всякий взятый под стражу не позднее как в течение первых за тем трех дней представляется надлежащему судебному месту для допроса или суда, по установленному порядку. Если при сем первом исследовании он будет признан невинным, то ему немедленно возвращается свобода; равным образом освобождается из-под стражи и тот, кто, в определяемых для сего законом случаях, представит за себя благонадежное поручительство.

Ст. 10. Порядок следствия и суда над первостепенными Чиновниками Царства и над лицами, обвиняемыми в Государственных преступлениях, будет определен особым законом, по правилам, согласным с существующими на сие узаконениями в прочих частях Империи Нашей.

Ст. 11. Право всякой, как на поверхности, так и в недрах земли находящейся, собственности частных лиц и обществ признается священным и ненарушимым, на основании существующих законов; каждый подданный Царства Польского имеет полную свободу переселяться и переносить свою собственность, куда он пожелает, с соблюдением токмо предписанных для сего правил.

Ст. 12. Наказание конфискациею имения определяется токмо за Государственные первой степени преступления, как сие будет с точностью означено особым постановлением.

Ст. 13. Обнародование мыслей посредством книгопечатания будет подвергаемо лишь тем ограничениям, кои необходимы для охранения должного уважения к вере, неприкосновенности Верховной Власти, чистоты нравов и личной чести. Для сего будут начертаны особые правила на тех же началах, кои служили основанием установлений, имеющих действие в прочих Областях Нашей Империи.

Ст. 14. Царство Польское будет в надлежащей соразмерности участвовать в общих на потребности Империи расходах. Следующая с оног на сие часть податей и прочих сборов будет с точнейшею уравниельностью определена особыми постановлениями.

Ст. 15. Все существовавшие в Царстве Польском до ноября 1830 года подати и прочие сборы будут взимаемы и впредь на том же основании, доколе род и количество сих податей и сборов не будут рассмотрены и установлены иным образом, для уравниения и облегчения, по мере возможности сих общих на потребности Государства повинностей.

Ст. 16. Финансы Царства Польского, так же как и прочие части Управления, заведываются отдельно от Управления других частей Империи.

Ст. 17. Государственный долг Царства Польского, признанный Нами, будет по-прежнему охраняем ручательством Правительства и уплачиваем из доходов Царства.

Ст. 18. Банк Царства Польского и существовавшие донине кредитные для недвижимых имений установления будут, как и прежде, под покровительством Правительства.

Ст. 19. Порядок торговых сношений между Российской Империею и Царством Польским будет всегда определяем сообразно взаимным отно-

шениям Областей, соединенных общими Государственными пользами, но имеющих особенные управления.

Ст. 20. Армия Наша в Империи и Царстве составляет одно целое, без различия войск Русских и Польских. Мы предоставляем Себе определить впоследствии особым положением, в какой мере и на каком основании Царство Польское будет участвовать в сем общем составе Нашей Армии. Число войск, долженствующих принадлежать к внутренней страже Царства, будет также определено особым положением.

Ст. 21. Те из подданных наших Российской Империи, кои, поселясь в Царстве Польском, приобрели или приобретут в оном недвижимую собственность, будут по сему пользоваться всеми правами коренных жителей, так же как и подданные наши Царства Польского, поселившиеся и имеющие недвижимую собственность в прочих Областях Империи. Мы предоставляем Себе жаловать, по усмотрению Нашему, право коренных жителей Царства Польского и другим, хотя еще не поселившимся в пределах оного лицам, как Русским, так и иностранным. Подданные наши Российской Империи, пребывающие временно в Царстве Польском, так же как и подданные наши сего Царства, имеющие пребывание в других частях Империи, равным образом подчиняются законам того края, в коем жительствуют.

II. – О главном и местном Управлении.

Ст. 22. Главное Управление Царства Польского поручается Совету, действующему Именем Нашим, под председательством Наместника Царства.

Ст. 23. Совет Управления составляется: из Наместника Царства, Главных Директоров, Председательствующих в Комиссиях, между коими разделяются дела Управления, Генерального Контролера, Председательствующего в Высшей Счетной Палате и других, особыми нашими повелениями назначаемых в оный Членов.

Ст. 24. Члены Совета Управления свободно изъявляют в оном свои мнения, и каждый имеет право требовать, чтоб сии мнения были записываемы в протокол заседания. Дела решаются по большинству голосов; в случае равенства, голос Наместника Царства имеет перевес.

Ст. 25. Когда большая часть Членов не согласна с мнением Наместника Царства, а он с своей стороны признает, что предлагаемая ими мера имела бы важные неудобства, он может остановить исполнение решения, немедленно представляя о том на усмотрение Наше и прилагая к делу список протокола рассуждений Совета.

Ст. 26. На основании положений особенного о сем Устава, Совет Управления избирает и представляет на усмотрение Наше, чрез Наместника Царства, Кандидатов на упраздняющиеся места Архиепископов, Епископов, Главных Директоров, Государственных Советников, Членов Высшего Суда и других назначаемых Нами, по частям Правительственной и Судебной, Чиновников. Сии списки Кандидатов принимаются в соображение с другими сведениями, при определении представляемых Нам Советом Управления, или же иных достойных Нашей доверенности подданных наших, как жителей Царства Польского, так и прочих Областей Империи, на открывающиеся места.

Ст. 27. В случае смерти, тяжкой болезни или отсутствия Наместника Царства, или же иной законной причины, препятствующей ему в исправлении должности, она временно поручается старшему из Членов Совета Управления, доколе дальнейшая Наша о том воля не будет известна.

Ст. 28. Для не подлежащих ведению Совета Управления, означенных в следующей 29 статье, дел учреждается в Царстве Польском Государственный Совет, состоящий также под председательством Наместника Царства. В сем Совете присутствуют:

1) Главные Директоры и Генеральный Контролер, как Члены оного по местам своим;

2) Чиновники, имеющие звание Государственных Советников и другие, постоянно или временно призываемые в заседания Совета, по усмотрению Нашему. В отсутствие Наместника в Государственном Совете председательствует один из Членов, особенно для исправления сей должности в таких случаях Нами предназначаемый.

Ст. 29. Ведению Государственного Совета Царства Польского подлежат:

1) Рассмотрение и составление проектов новых законов и уставов, относящихся к общему Управлению Царства. 2) Разрешение возникающих между Правительственными и Судебными местами и Начальствами споров о пределах ведомства их. 3) Рассмотрение представлений и просьб Областных чинов и Советов Воеводств о нуждах и пользах края и постановление заключений по сим представлениям и просьбам. 4) Рассмотрение годовой сметы доходов и расходов Царства, составляемой Советом Управления, и донесений Генерального Контролера о ревизии счетов разных частей Управления. 5) Рассмотрение отчетов Главнначальствующих разными частями Управления о их действиях по делам, ведению их вверенным. 6) Постановление заключений о предании суду тех из приличаемых в преступлении по должности Чиновников, кои определены Нами непосредственно или же Именем Нашим.

Ст. 30. Все выше сего в статьях 24 и 25 означенные постановления о порядке совещаний и исполнения решений Совета Управления распространяются в полной мере и на действия Государственного Совета Царства Польского.

Ст. 31. Дела законодательства и другие особенной важности предположения, о коих Мы признаем, что оные по свойству своему должны быть предварительно и тщательно соображены с существующими в других частях Империи постановлениями и общими оной пользами, а равно и годовая, представляемая Государственным Советом Царства на окончательное рассмотрение и утверждение Наше смета, будут вносимы в Российский Государственный Совет. Для сего учреждается в оном особый Департамент, с наименованием Департамента Дел Царства Польского; в сем Департаменте будут присутствовать по назначению Нашему Члены из подданных наших Империи и Царства.

Ст. 32. Находящийся при Особе Нашей Министр, Статс-Секретарь Царства Польского, докладывает Нам, по представляемым чрез Наместника на усмотрение Наше делам Совета Управления и Государственного Совета: он объявляет повеления наши Наместнику Царства.

Ст. 33. Все утверждаемые нами Законы, Повеления и Уставы, относящиеся к Царству Польскому, контрастируются нашим Министром Статс-Секретарем Царства и вносятся в Денник Законов (Dzennik Praw).

Ст. 34. Все Правительственные и Судебные в Царстве Польском дела производятся на языке Польском.

Ст. 35. Дела Управления поручаются ведению Правительственных Комиссий, кои будут состоять под председательством Главных Директоров. Сих Комиссий назначается три:

1. Комиссия Внутренних и Духовных Дел и Народного Просвещения.
2. Комиссия Юстиции.
3. Комиссия Финансов и Казначейства.

Ст. 36. Сверх сих Комиссий учреждается Высшая Счетная Палата, для общей ревизии счетов, доходов и расходов Царства; в оной председательствует Генеральный Контролер.

Ст. 37. Дела, коих решение превышает власть Главных Директоров и Комиссий, поступают в Совет Управления, а те, коих решение не зависит от власти, данной Совету и Наместнику Царства, представляются Нам чрез Министра Статс-Секретаря.

Ст. 38. Главные Директоры, Генеральный Контролер, Члены Совета Управления и Государственного Совета Царства и Правительственных Комиссий подвергаются ответственности за всякое нарушение Законов, Повелений наших или Уставов.

Как скоро вина их будет надлежащим образом обнаружена и признана Государственным Советом Царства, сей Совет немедленно представляет о сем на усмотрение Наше, испрашивая разрешения на предание виновных Суду.

Ст. 39. Нынешнее разделение Царства на Воеводства, Обводы, Поветы, Городские и Сельские Округи остается на прежнем основании, и каждая из сих частей в своих прежних границах, впредь до изменений, кои, для общих польз Царства, могут впоследствии быть признаны нужными.

Ст. 40. В каждом Воеводстве учреждается Комиссия Воеводства; она составляется из Председателя и Комиссаров, обязанных исполнять предписания Главных Правительственных Комиссий по определенному для сего особым Уставом порядку.

Ст. 41. В городах управление поручается избираемому Городским Обществом Начальству, а в Сельских Обществах (Гминах) Войтам. В городах Бургомистры, в сельских Гминах Войты наблюдают за исполнением предписаний Правительства.

III. – О Собраниях Дворянства, Собраниях Окружных и Советах Воеводств.

Ст. 42. Во всех Воеводствах будут на прежнем основании Собрания Дворянства, Собрания Городских и Сельских Обществ и Советы Воеводств.

Ст. 43. В каждом повете из Дворян, владеющих недвижимыми имениями, составляются Собрания, под председательством определяемого Наместником Царства Именем Нашим Маршала, для избрания двух Членов в Совет Воеводства и представления списка Кандидатов, который Правительством принимается в соображение при назначении к разным по управлению должностям.

Ст. 44. Собрания Дворянства составляются не иначе, как по созыву Наместника Царства, который назначает день съезда, предмет совещания и определенное для оных время.

Ст. 45. Никакой Дворянин не может быть допускаем к участию в совещаниях Собрания Дворянства, если он не вписан в Дворянскую того повета книгу, не пользуется гражданскими в Царстве Польском правами, не имеет по крайней мере 21 года от роду и не владеет какою-либо недвижимою собственностью.

Ст. 46. Дворянские книги каждого повета составляются Советом Воеводства и утверждаются Советом Управления.

Ст. 47. В каждом городском и сельском Округе имеет быть Окружное Собрание, также по созыву Наместника Царства и под председательством назначаемого им Маршала. Сие Собрание избирает одного Члена в Совет Воеводства и составляет список Кандидатов, который Правительством принимается в соображение при определении к разным по Управлению должностям.

Ст. 48. В совещаниях Окружных Собраний имеют право участвовать:

1. Всякий не принадлежащий к Дворянскому сословию, но имеющий недвижимою собственность гражданин, платящий какую-либо с сей собственности подать.

2. Всякий фабрикант и хозяин рукодельного заведения; всякий купец, имеющий лавку или магазин с собственным товаром, ценою не менее как на десять тысяч Польских золотых.

3. Все Священники, Настоятели и Викарии церквей.

4. Профессоры, Учители и другие занимающиеся воспитанием юношества в учебных заведениях, состоящих в ведении Правительства.

5. Всякий Художник, сделавшийся известным своими дарованиями и сведениями, или же принесенною им народной промышленности и торговле или художествам пользою.

Ст. 49. Никто не имеет права участвовать в Окружных Собраниях, если он не вписан в книгу того городского или сельского общества, не пользуется гражданскими в Царстве Польском правами и не достиг еще двадцати одного года от роду.

Ст. 50. Списки владеющих недвижимою собственностью и потому имеющих право присутствовать в Собраниях Дворянства и Собраниях Окружных составляются Советами Воеводств; а списки фабрикантов, хозяев рукодельных заведений, купцов и граждан, отличившихся своими дарованиями в художествах и принесенною ими пользою, и списки Священников, Настоятелей и Викариев церквей и лиц, занимающихся воспитанием юношества в общественных учебных заведениях, Комиссиею Внутренних и Духовных Дел и Народного Просвещения.

Ст. 51. В каждом Воеводстве учреждается Совет Воеводства, составляемый из Советников, избираемых Собраниями Дворянства и Собраниями Окружными, под председательством одного из Членов, который назначается в сию должность Наместником Царства, Именем Нашим.

Ст. 52. Главнейшие обязанности сего Совета суть: 1) Избирать Судей в места Судебные двух первых инстанций. 2) Участвовать в составлении и исправлении кандидатских списков, которые Правительство принимает в соображение при определении к разным по управлению должностям. 3) Иметь попечение об охранении польз Воеводства, обращаясь к Правительству, с надлежащими о сем представлениями и просьбами, чрез Комиссию Воеводства, и соображаясь во всем с положениями особенного о том Устава.

IV. — О Собраниях Областных Чинов.

Ст. 53. Для рассуждений о делах, относящихся к общим пользам всего Царства Польского, учреждаются Собрания Областных Чинов. Сии Собрания в делах, предоставляемых рассмотрению оных, будут иметь голос совещательный.

Ст. 54. Состав и порядок действия сих Собраний Областных Чинов будет определен особым положением.

V. — О порядке судебном.

Ст. 55. Всякая судебная власть в Царстве Польском даруется Нами, и действует Нашим именем. Право миловать и смягчать наказания принадлежит лишь Нам.

Ст. 56. Судебные места составляются из Судей, назначаемых Нами, и Судей избираемых, по определенному для сего особым Уставом порядку.

Ст. 57. Судьи, назначаемые Нами, пребывают в сем звании до увольнения, по усмотрению Нашему, отрешения по суду или же определения к другой должности.

Судьи избираемые определяются на означенное в Уставе срочное время.

Ст. 58. Судьи отрешаются за злоупотребление власти и за всякое другое установленным порядком доказанное преступление, не иначе как по приговору надлежащего Высшего Судебного места.

Ст. 59. Надзор за порядком в Судах 1 и 2 инстанции и разрешение могущих возникнуть между ними споров о пределах ведомства их представляются Высшей Палате Суда.

Ст. 60. Установление Мирных Судей, для жителей всех состояний, остается на прежнем основании; обязанность их при разбирательстве дел есть стараться о примирении спорящих.

Ст. 61. Никакое дело не может быть представлено в Гражданский Суд 1 инстанции, если оно не было первоначально рассмотрено надлежащим Мирным Судьею; из сего, однако ж, исключаются те дела, кои на основании законов не могут быть оканчиваемы мировым соглашением.

Ст. 62. Для дел, в коих иск не превышает суммы 500 Польских злотых, назначаются Гражданские и Полицейские Судьи, в каждом городе и сельском обществе (гмине).

Ст. 63. Для дел, в коих иск превышает сумму 500 злотых, назначают в каждом Воеводстве Суды Земские и Суды Съездовые.

Ст. 64. Учреждение особых Коммерческих Судов остается на прежнем основании.

Ст. 65. Для дел уголовных и Исправительной Полиции назначаются в каждом Воеводстве Гродские Суды.

Ст. 66. Для пересмотра дел, решенных Земскими, Съездовыми и Гродскими Судами и Судами Коммерческими, учреждаются Суды апелляционные.

Ст. 67. Сверх сего в Варшаве учреждается Высшая Палата Суда, коей состав и круг действия определяются особым Уставом.

Ст. 68. Постановления сей грамоты будут, по мере надобности, объясняемы и дополняемы особыми Уставами.

Ст. 69. Все противные постановлениям сей грамоты прежние законы и учреждения отменяются.

Грамоту сию Мы собственною Нашею рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрепить повелели.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 7. 1832. СПб., 1833. С. 83–90.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул-Меджид, турецкий султан 406, 426–429
- Абердин Джордж Гамильтон Гордон 406, 407, 432
- Аберкромби Ральф 423
- Абихт Адольф 604
- Абихт Генрык 551–553, 561, 566
- Абрамович Игнаций 630, 631
- Авейде Оскар 281, 709, 722–724, 727
- Адамович Адам Фердынанд 614
- Адамчик Якуб 325
- Адашкевич (Адамкевич) Филип 357
- Айгнер Христиан Петер 641
- Акелевич Миколай 569, 580, 581
- Александр Николаевич, великий князь – см. Александр II, российский император
- Александр I Карагеоргиевич, сербский князь 411, 422, 542
- Александр I, российский император 18, 133, 146, 171, 173, 276, 294, 389, 445
- Александр II, российский император 6, 7, 340, 345–347, 353, 366–368, 370, 405, 434–438, 443, 445, 446, 448, 562, 610–612, 616, 659, 660, 663–668, 673, 675, 681, 690, 692, 694, 695, 697–699, 702, 704, 708, 711, 713–715, 717, 725, 736
- Александра Иосифовна, великая княгиня 715
- Александрович Михал 335
- Александру Ион Куза (Александр Иоанн I), румынский князь 441
- Алопеус Давид Максимович 64, 70, 103
- Альвенслебен Густав, фон 444
- Альциато Ян 516, 534
- Амборский Я. (Ян Дарослав?) 580, 581, 583, 584
- Амброжевич Александер 299
- Амброзович (Виктор?) 521
- Анакреон, древнегреческий поэт 644
- Ансильон Фридрих (Жан-Пьер Фредерик) 396
- Антонелли Джакомо 725
- Антоний, митрополит 149
- Антонини Джакомо (Якуб) 467, 479
- Антонович Владимир 616
- Аракчеев Алексей Андреевич 151
- Арминьский Францишек 646
- Арнгольд Иван Николаевич 367
- Арним-Бойценбург Адольф Генрих, фон 418
- Арним-Зуков Генрих Александр, фон 418, 419
- Арнольд Карл Иванович 242, 245
- Арсеньев Илья Александрович 360, 361
- Архимед, древнегреческий математик 572
- Арцихевич Михал 357
- Аскенази Шимон* 113, 133
- Аснык Адам 349
- Ауэрсвальд Альфред, фон 420
- Ашенбренаер Генрык 639
- Бабёф Франсуа Ноэль 466, 507
- Бабиньский Антоний 535
- Бабский Наполеон 272
- Бадени Игнаций 156, 157, 606, 642, 643
- Бажиковский (Барзыковский) Станислав 28, 55, 272, 433
- Байер Генрыка 634
- Байер Кароль 615
- Бакуниин Михаил Александрович 441, 562, 565, 569, 571, 581, 584, 585, 589, 591, 592

- Балиньский Кароль 327, 337, 338, 624
 Балиньский Людвик 272
 Балиньский Михал 616, 617, 619
 Бандтке Казимеж 615
 Бандтке Ян Винцентый 159
 Барановский Игнаций 171, 690
 Барановский Казимеж 631
 Барановский Ян 613, 615, 618
 Барашкевич Адам 551, 553
 Барб Арман 549
Бардах Юлиуш 113
 Барицкий Себастиан 315
 Барро Одиллон 408, 475
 Бартельс Адольф 489
 Бартошевич Юлиуш 327, 618, 619
 Бастид Жюль 416
 Баттяни Лайош 424
 Бахрушин Василий Федорович 215
 Бахрушина Наталья Ивановна 215
 Баччарелли Марчелло 639
 Белиньский Александер 314, 315
 Белл Джеймс 404
 Беллини Винченцо 630
 Белотто Бернардо 635
 Белявский Фердынанд 481
 Бем Юзеф Захариаш 52, 78, 79, 392, 402, 424, 426, 427, 463, 475, 485, 540, 627
 Бенардаки Дмитрий Егорович 215
 Бенёвский Бартломей 521, 551, 552
 Бенёвский Мориц 623
 Бенкендорф Александр Христофорович 16, 17, 25, 26, 134
 Бервиньский Рышард Винцентый 626
Берг Николай Васильевич 274, 342, 348, 351, 683
 Берг Федор Федорович 80, 176, 414, 425
Бергхаузен Януш 281, 339
 Берд Чарльз (Карл Николаевич) 228
 Бердяев Михаил Николаевич 176
 Береншпрунг Эдмунд, фон 556, 557, 566
 Берналотти, генерал 92
 Бернацкий Алоизый 57, 272, 515
 Бернгардт Август Фрыдерык 609, 610
 Бесекерский Фердынанд 618
 Бесс Егор Осипович 214
 Бехоньский Войцех 583
 Бжезиньская Паулина 645
 Бжовский Юзеф 630
 Бжозовские 364
 Бжозовский Антоний 638
 Бжозовский Зенон Изидор Антоний 363, 364
 Бибииков Дмитрий Гаврилович 290, 291
 Билс Эдмонд 517
 Биньон Луи Пьер Эдуар 387, 389
 Бисмарк-Шёнгаузен Отто Эдуард Леопольд, фон 444
 Бланк Антоний 634
 Бланки Луи Огюст 539
 Блоньский Рафал 306, 307
 Блудов Дмитрий Николаевич 115, 141–143, 150, 156, 605
 Блумер Игнаций Александер 21
 Бобиньский Францишек 480, 481
 Бобровский Станислав 364
 Бобровский Стефан 580, 583
Бобровский Тадеуш 171
 Богданович Ян 722
 Богдашевский Кароль 303
 Богуславский Людвик 90
 Богуславский Станислав 630
 Божевский Каликст 277, 488
 Болеслав I Храбрый, польский князь и король 639
 Бомонт (Степалтон) Майлз Томас 507
 Бональд Луи-Габриэль-Амбруаз, де 647
 Бонапарт Жером Наполеон, французский принц 429, 437–439, 443, 444, 574, 582
 Бонапарт Луи-Наполеон – см. Наполеон III
 Бонапарт Матильда-Летиция Вильгельмина, французская принцесса 444
 Бонсевич Ванда 646
 Бонтам Пьер Шарль Франсуа 90

- Бопре Северына 287
Бопре Юзеф 290
Бореловский Марцин 674
Борковский Кароль 275, 480, 481, 550
Боровский Леон 604
Боровский Петр 290
Боянович Адам 385
Брандт Францишек 644
Браницкие, графский род 352
Браницкий Ксаверый 429
Браун Джон 627
Бреаньский Валерый 492
Бреаньский Феликс 441
Брендель Кароль 357
Бреслауер Христиан 634, 635
Бродзиньский Казимеж 647
Бродовский Антоний 636
Бродовский Владзимеж 611
Бродовский Тадеуш 636
Брольи (Бройль) Виктор, де 400, 407, 408, 462
Брониковский Ксаверый 28, 76, 619
Бронтерр – см. О'Брайен Джеймс
Брохоцкий Марцелий 303
Бруннов Филипп Иванович 405–407, 426
Брусницын Николай Мокеевич 215
Брынк Ежи 290
Брюхов Андрей Андреевич 215
Буа-Лекомт Шарль Жозеф Эдмон, де 423
Будберг Андрей Федорович 436, 439, 448
Будзилович Якуб 617
Будзыньский Винцентый 495
Будзыньский Михал 495
Буйницкий Казимеж 620
Буковский Людвик 73
Булгак Томаш 287
Булгарин Ежи 480, 481
Булевский Доминик 483
Булевский Людвик 548, 550, 558, 562, 569
Бунзен Христиан Карл Йозиас, фон 419
Буонарроти Филиппо Микеле 463, 466, 480, 508
Бурбоны, французская династия 539
Бургоэн Поль, де 390
Буховский Аполинарый 553
Былевский Ян 290
Бэлаз Юзеф 609, 610, 618
Бюше Филипп Жозеф Бенжамен 507, 508, 529, 533
Бялковский Альфонс Клеменс 519
Бялковский Леопольд 275, 277, 478, 481
Бялобжеский Антоний 710

Вавен Алексис 417, 527
Вага Антоний 618
Вагнер Ян 618
Валевский Александер – см. Колонна-Валевский Александер Флориан Юзеф
Валецкий Антоний 303
Валленрод Конрад 623
Валуев Петр Александрович 698, 714
Валькевич Владыслав 639
Варыкевич Зыгмунт 579, 580
Василевский Густав 583, 586, 722
Вейман Юлия 634
Вейссенгоф Ян 90
Велёпольский Александер Игнаций 8, 23, 72, 179, 188, 346, 357–361, 364, 366, 367, 369, 371, 388, 440, 531, 566, 612, 613, 616, 660–663, 665, 666, 671, 675, 679, 686–690, 692–694, 697–706, 708–719
Велёпольский Зигмунт 661, 702, 715
Веллингтон (Уэсли) Артур 403
Велльман Игнаций 509
Венгерский Феликс 314
Венгерский Эмилиан 73
Венгжецкий Станислав 645
Венгленьский Францишек 670
Венжик Александер 296, 297, 299–305, 496
Венжик Францишек 647

- Венцковский Владыслав 312, 314
Венцлевский Зыгмунт 613
Венявский Юзеф 647
Вербуш-Ковальский Тадеуш 614
Верещиньский Александер 405
Верещиньский Юлиан 349, 722
Верзилин Петр Семенович 47
Верне Орас 636
Вернезобрый, деятель эмиграции 485
Вернер, эмигрант 133
Веровская Эмилия 630
Вестморленд Джон 419
Вещицкий Рудольф 463
Вивиан Роберт 433, 444
Викинский Иван Михайлович 176
Виктория, английская королева 405, 407
Виллизен Вильгельм 419, 420
Вильгельм, прусский принц –
см. Вильгельм I, прусский король
Вильгельм I, нидерландский король 400
Вильгельм I, прусский король 437, 444
Вильгельм IV, английский король 394
Вильконьская Паулина 615, 618
Вильконьский Август 615, 618
Вильчевский (Матеуш?) 490
Вильчепольская Паулина 291
Виндишгрец Альфред Кандид Фердинанд 425
Винницкий Томаш 722
Винсент Генри 506
Виста-Алегре (Муньос) Мария Ампаро 432
Висьнёвский Гуго 478
Висьнёвский Теофиль 478
Витвицкий Стефан 632
Витгенштейн Петр Христианович 64
Витт Ян (Иван Осипович) 103, 117, 134
Вишер, полковник 485
Владислав II Ягелло, польский король 362
Влодек Михал (Михаил Федорович) 139, 140, 645
Водзицкий Генрык 467
Вокульский Генрык 318
Волицкий Константый 387
Волконский Владимир Петрович 214
Волконский Петр Михайлович 25
Воллович Михал 277, 278, 463, 473, 478
Воловский Францишек 462, 469
Воловский Ян Кантый 359, 613
Вольский Владзимеж 624–626, 628
Вольский Томаш 75
Вольф Август Фердынанд 644
Вольфганг Ксаверый 620
Вольфрун, карбонарий 463, 475, 422, 483
Вонтрубка Рецес 506, 508, 509
Воронич (Константый?) 473
Воронич Ян Павел 146
Воронич Януш 511
Вротновский Феликс 47
Ворцелль Станислав Габриэль 273, 345, 463, 469, 471–473, 476, 477, 482, 483, 488–490, 492, 500, 501, 505, 506, 508, 509, 511, 512, 515, 519–523, 526, 527, 529, 531–534, 539, 541, 544–549, 561, 562
Врублевский Валерый, автор статей 618
Врублевский Валерый Антоний, член ЦНК 364
Вуйцицкие 615
Вуйцицкий Казимеж Владыслав 617, 639, 646
Вучич-Перишич Тома 412
Вылежиньский Тадеуш 23, 28
Выслоух Феликс 594
Выслоух Юлиуш 477
Высоцкий Петр 21, 22, 79, 271
Высоцкий Юзеф 328, 352, 424, 426, 429–430, 535, 538, 541, 549, 550, 572, 579, 581–586, 589
Вычеховский Антоний 117, 141, 645
Вюртембергский Александр Фридрих, герцог 228

- Габсбурги, австрийская династия 48, 61, 385, 413, 422, 425, 437, 522, 530, 538, 539, 543, 555
- Гавронский Анджей 272, 487, 493
- Гагарин Григорий Иванович 409
- Гадзевич Рафал 634, 636
- Гай Ян Якуб 641, 643
- Гайнау Юлиус Якоб, фон 426
- Галензовский Северын 439
- Галецкий, сапер 75
- Галецкий Юзеф 335, 337
- Галланци А. 549
- Ганка Вацлав 615
- Гарднер, политик 506
- Гарелин Никон Мефодиевич 208
- Гарелин Петр Мефодиевич 208
- Гарибальди Джузеппе 437, 441, 575, 578–579, 582–584, 587, 681
- Гарчинский Стефан Флориан 392
- Гауке Маурыйц 21, 25
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих 330, 647, 649
- Гегель Константый 643, 645, 646
- Гедройц Юзеф 49
- Гейер Людвик 308
- Гейзмер Ян 205
- Гейсмар Федор Клементьевич 33, 176
- Гелгуд Антоний 48, 52, 386
- Гельтман Виктор 338, 466, 497, 516, 534, 535, 538, 541, 559, 560
- Гельтман Михал 508
- Генц Фридрих, фон 389
- Гепнер Игнаций 636
- Гёргей Артур 425, 426
- Гердер Иоганн Готфрид 330
- Гердзевский Игнаций 637
- Геркнер Юзеф 638
- Геров Найдён 441
- Герцен Александр Иванович 368, 441, 558, 561, 562, 565, 569, 581, 584, 664, 665
- Гершон Войцех 639
- Герштенцвейг Александр Данилович 362, 363, 371, 707, 709
- Гесс Генрих Мария, фон 637
- Гецолд (Геколд) Стефан 277, 478
- Гечевич (Гечан-Гечевич) Леон (Лев Викентьевич) 701
- Гжимальский Юзеф 295
- Гзовский Гервазы 311, 312, 314, 339, 348
- Гизо Франсуа Пьер Гийом 387, 408, 415, 426
- Гилленшмидт Яков Яковлевич 176
- Гиллер Агатон 348, 365, 683, 684, 719, 721–723
- Гильберт Эдвард 227
- Гильдебранд Кароль 289, 301
- Гильфердинг Федор Иванович 176
- Гинар Огюст Жозеф 529
- Гиппократ, древнегреческий врач 644
- Гиршель Генрык 638
- Гиршман Людвик 214
- Гиршфельд Федор 214
- Гишпанский Станислав 674
- Гладилин Петр Федорович 214
- Гладыш Аполлодор 631
- Глищинский Антоний 75
- Гловацкий Ян Непомуцен 634, 635
- Глушкевич, парламентарий 472
- Глушневич Антоний 463, 476, 495, 512
- Гляйних (Глейних) Юзеф 481, 498, 511, 512, 519, 520
- Гнейзенау Август Вильгельм, фон 67, 70, 384
- Гогенцоллерны, прусская династия 48, 61, 128
- Годебский Ксаверый 417
- Годлевский Станислав 349
- Годлевский Францишек 350, 585
- Гойер Генрык 611
- Голевинский Владыслав 613
- Голембёвский Северын 301
- Голицын Александр Сергеевич 190
- Голицын Андрей Михайлович 117
- Головин Евгений Александрович 71, 149–151, 162, 176

- Головинский Игнаций 617
Голоньский Анджей 609, 641, 642, 645
Голуховский Агенор Ромуальд Онуф-
рый 436, 437
Голуховский Юзеф 620
Гольц Адам 350, 670
Гонта Иван 471, 547
Гончаров (Ганчар) Осип Семенович 440
Гордашевский Феликс Францишек
467, 478, 479, 487, 488, 491, 511
Гордон Казимеж 405
Горемыкин Николай Дмитриевич 361
Горецкий Антоний 574
Городыньский Онуфрий 478
Горчаков Александр Михайлович
444–448, 663, 694, 695, 699, 714
Горчаков Михаил Дмитриевич 176,
342, 344, 357, 359, 360, 361, 611, 659,
663, 684–686, 690–695, 698, 699,
701, 702, 704
Гофман (урожд. Таньская) Клементына
645
Гофман Антония 630
Гофман-Майерановская Гонората 630
Гошиньский Северын 272, 285, 347,
478, 481, 495, 496, 622, 624
Грабовский Амброзы 646
Грабовский Михал 617, 618, 647
Грабовский Стефан 25, 95, 106, 112,
113, 138, 156, 172, 605
Грабский Владыслав Доминик 214, 249
Грабский, деятель эмиграции 487
Гралевский Матеуш 684
Грамон Антуан Аженор Альфред, де 437
Грахам (Грэм) Джордж 406
Грей Чарльз 388
Грековский Михал 630
Греч Николай Иванович 157
Гржимала Франц (Гжимала Франци-
шек) 272
Грибоедов Александр Сергеевич 628
Григорий XVI, папа Римский 66, 147,
320, 322, 409, 410
Гродецкий Цирил 74
Гродзицкий Юзеф 641, 644, 646
Гроза Александер Кароль 647
Грольман Карл Вильгельм Георг, фон
384
Гронковский Александер 500, 501
Гросс Михал 215
Гросс Адам 311, 312, 314, 339
Гротовский (Гротковский) Ян Кантый
481
Гроховский Войцех 335, 337
Грудзиньский Игнаций 335–337
Гружевский Юлиан 483, 488, 489
Грушецкий Михал 296, 299, 300, 303
Грынвасер Хиполит 185, 189
Грыневич Ян Станислав 604
Губе Михал 469
Губе Ромуальд 611–613, 616, 713
Гурницкий Юзеф 646, 657
Гуровская Марьяна 631
Гуровский Адам 132, 133, 272, 463,
465, 467, 474
Гуровский Болеслав 476
Гурский Константы 670, 688, 689
Гурский Людвик 670, 716
Гуртиг Ян 73
Гурьев Дмитрий Александрович 239
Густович Константый 463
Гуттри Александер 352
Давид Винцентый 312, 315
Дависон Богумил 630
Давыдов Денис Васильевич 38
Дамм Карл 209
Дамсе Констанция 630
Дамсе Тереса 630, 631
Данелецкий Альберт 620
Данилович Игнаций 615
Даниловский Владыслав 365
Данненберг (Даннеберг) Петр Андре-
евич 78, 79, 117, 156, 157, 605
Дараш Войцех 516, 525, 534, 535, 541,
544, 545, 548

- Даргомыжский Александр Сергеевич 633
 Дашкевич Юзефа 630
 Дверницкий Юзеф 33, 41–44, 386, 391, 408, 417, 468–471, 473, 483, 484, 496, 497, 509–511, 513, 515, 519, 534
 Дембиньский Генрык 48, 74, 79, 392, 402, 403, 424–426, 472, 473, 540
 Дембиньский Михал 534
 Дембовская Анеля 327
 Дембовский Леон 76, 692
 Дембовский Эдвард 312–314, 326, 327, 329, 528, 529, 621, 624, 647–649
 Дембский Францишек Ксаверый 519
 Ден Владимир Иванович 176
 Денель Болеслав 349
 Денкер Александер 311, 312, 314, 315
 Деотима – см. Луцевская Ядвига
 Деринг Эмиль 630
 Джоберти Винченцо 513
 Джон, доктор 642
 Дзвонковский Адам 638–640
 Дзвонковский Александр 306, 307
 Дзвонковский Владыслав 347
 Дзевицкий Каспер 275, 277, 278, 463, 478, 482
 Дзевицкий Северын 463, 501, 505, 507–509, 518
 Дзедушицкий Казимеж 478, 481
 Дзежковский Юзеф 626
 Дзеконьский Казимеж 90
 Держановская Хелена 294
 Дзялтович Тадеуш 350
 Дзялыньский Тытус Адам 433
 Дибич-Забалканский Иван Иванович 18, 19, 24, 26, 27, 29, 30, 34–40, 42, 43, 45, 50–52, 57, 63–67, 95, 134, 153, 384, 385
 Диоген, древнегреческий философ 464
 Дитрих Адольф Фрыдерык 638, 639
 Длучевский Ян 584–585
 Дмуховский Генрык 277, 279, 480, 481
 Дмушевский Людвик 630
 Добжаньский Ян 575
 Добрский Юлиан 630
 Докудовский Василий Абрамович 710
 Долгоруков Василий Андреевич 344, 694
 Долгоруков Николай Андреевич 292
 Домашевская (урожд. Левицкая) Анна 328
 Домашевский Эдвард 328, 329, 332, 333, 535
 Домбковский Юзеф 478
 Домбровский Бонавентура 634, 645
 Домбровский Конрад 552
 Домбровский Францишек Ксаверый 69, 103, 134
 Домбровский Ян Генрык 641
 Домбровский Ярослав 365
 Домейко Александр 616, 696
 Домейко Игнаций 392, 473
 Драгоньский Винцентый 75
 Друцкие-Любецкие 189
 Друцкий-Любецкий Францишек Ксаверый 21–23, 25, 28, 218, 247, 307, 400
 Друэн де Люис Эдуар 430, 432–434, 443, 447
 Дунецкий Юзеф 424
 Дунин Анастазый 484, 509
 Дунин-Борковский Лешек 624
 Дуньский Эдвард (Карский Марцелий) 478
 Дуткевич Валентый 608, 613
 Дуцкий (Альберт?) 481
 Дыбовский Александр (Наполеон?) 487, 497, 511
 Дыбовский Бенедыкт 613
 Дыбовский Юзеф 491, 508, 512, 514, 520, 531, 532
 Дьяков Владимир Анатольевич 320–322, 324, 340
 Дюран Раймон 387
 Дюрер Альбрехт 637
 Евгения, французская императрица 432, 443

- Едлицкий Ежи* 173
Езерский Ян 23, 25, 28, 132, 383, 660, 663, 665, 666
Екатерина II, российская императрица 63, 138, 238
Елена Павловна, великая княгиня 717
Елизавета I Тюдор, английская королева 662
Еловицкий Александер 469
Ельский Людвик 385
Енох Юлиуш 692–694, 696
Енох Якуб 692
- Жаба Наполеон Францишек 571
Жаба Юзеф 509
Жабицкий Антоний 548, 550
Жабицкий Тадеуш 284, 493, 495
Жабоклицкий Винцентый 481
Жандебьен Александр Жозеф Селестен 489
Жарский Антоний 272
Жван Казимеж 635
Жевуская Розалия 533
Жевуский Генрык (Ржевуский Генрих) 617–619, 625, 647
Жевуский Леон 533
Жеменцкая Элеонора 618, 620
Жечнёвский Леон 331, 333, 337
Жимирский Францишек 35, 36
Жихлинский Л. 496
Жиховский Эразм 508
Жмиевский Эугениуш 297, 300, 303
Жмиховская Нарцыза 327, 335, 351, 624, 628
Жобер, редактор 489
Жолтовский (Жултовский) Эдвард 90
Жонжевская Юзефа 291
Жонца Ян 367
Жуковский Ян Людвик 74
Жулковский Станислав 646
Жулковский Алоизый 630
Жултовский Михал 725
- Забах Фердинанд 214
Заболоцкий Василий Иванович 695
Завадзкий Францишек Ксаверый 533, 550–552
Завадзкий Юзеф 619
Завадский Валентый 90
Завиша (Чарный-Завиша) Артур 277–279, 284, 329, 463, 470, 474, 478
Загурский Аполинарый 646, 647
Зажицкий Адам 325
Зайончковский Петр Андреевич 666
Закревский Арсений Андреевич 26, 665
Закшевский Валентый 618
Закшевский Юлиан 483, 490
Закшевский Ян 213
Залеские, братья 495, 516
Залеский Адольф 284, 508, 522, 523
Залеский Даниель 646
Залеский Константый 285, 479, 487, 491, 495, 520
Залеский Леон 275, 285, 476, 477, 480, 481
Залеский Марцин 634, 635, 639
Залеский Юзеф 480
Залеский Юзеф Богдан 472, 492, 496, 632
Заливский Юзеф 6, 21, 22, 47, 49, 76, 119, 272–275, 277, 279–284, 329, 475–483, 485, 488, 494, 523
Залуский Анджей 645
Залуский Роман 179
Залуский Юзеф 645
Замбжицкий, деятель эмиграции 472
Замойские 674
Замойский Август 645
Замойский Анджей Артур 187, 352–354, 357–359, 566, 576, 641, 643, 660, 671, 675–678, 682, 686, 688–691, 694, 695, 698–700, 702, 703, 705, 707, 716, 717, 719
Замойский Анджей Хиероним Францишек 352
Замойский Владыслав, брат Анджея Артура 394, 401–406, 408, 410, 412, 422, 423, 426, 427, 430, 431, 433, 439, 440, 442, 462, 532, 533, 542

- Замойский Владыслав, сын Анджея
Артура 530, 677, 719
Замойский Константый 352
Замойский Марцин 478, 480
Замойский Станислав Костка 243, 352
Замойский Ян 323
Заппа (Зап) Карел Владислав 615
Зах Франтишек Александр 542, 543
Захерт Вильгельм 205
Зачиньский Люциан 497
Звезховский Леопольд 272
Зверковский Валентый (Валентин)
272, 285, 463, 467, 469, 470, 476, 488,
492, 493, 495, 496, 512–515, 518–520,
522, 524, 526, 531, 532
Зверковский Людвик (Ленуар) 272,
405, 411, 422, 430, 542, 543
Здзитовецкий Юзеф Северын 610
Зейдлиц Александр Андреевич 215
Зелёнович Винцентый 490
Зелинская Роксолана 291
Зелинский Людвик 476
Зелинский Максимилиан 552
Зелинский Феликс 617
Земляковский Флориан 352
Зенкович Леон 481, 488, 527, 534, 538,
548, 550, 569
Зенопольский Марцелий 630
Зморский Роман 317, 327, 624
- Ивановский Эустахий 618
Ивашкевич Людвик 646
Идзьковский Адам 641, 642, 644, 645
Изабелла II, королева Испании 415
Исмаил-паша, представитель горцев
440
Италинский Андрей Яковлевич 146
- Йордан Владыслав 440, 441
Йордан Зыгмунт 442, 443
- Кабе Этьен 488
Кавеньяк Годфруа 467, 475, 482
- Кавур Камилло Бенсо, ди 441, 442, 681
Казимеж III Великий, польский король
636, 639
Кайсевич Хиероним 483
Калинка Валериан 442
Калуссовский Генрык Михаал, философ
498, 511
Каменьский Генрык Игнаций, генерал 92
Каменьский Генрык 313, 338, 516, 527,
528, 562
Каменьский Миколай 540
Каминьская Зофья 327
Каминьская-Ашпергер Анеля 630
Камфаузен Людольф 418
Каналетто – см. Белотто Бернардо
Каневский Ксаверый Ян 634
Канкрин Егор Францевич 98, 128, 130,
214, 219, 225, 231, 236, 239, 242, 245
Канова Антонио 644
Кант Иммануил 330
Карвовский Францишек 472
Карл Альберт, король Сардинии 422, 540
Карл XII, шведский король 443
Карл XV, шведский король 442, 443
Карлович Ян Александер 643
Карлос-Мария-Исидоро, испанский
инфант 402
Карницкий Ян 693, 694, 697
Карпиньский Александер 311–314
Карпиньский Фелициан 324
Карпиньский Францишек 646
Карташевский Григорий Иванович 150
Каспшицкий Винцентый 635, 646
Катрини Джованни 631
Кауфман Людвик 643, 644
Качиньский Павел 610
Качковский Зыгмунт 619, 646
Качковский Кароль 480, 481
Кван Д. 209
Квятковский Юзеф 706
Кельсиев Василий Иванович 441
Кеневич Стефан 12, 113, 308–310, 349,
655, 656, 664, 666, 670, 671, 674, 677,

- 680, 684, 688, 690, 691, 698, 700, 710,
711, 714, 717–720, 722, 723, 725, 726, 728
- Кербедзь Станислав 641
- Киверский Анджей 337
- Киевский Ян 214
- Килиньский Ян 312
- Киркор Адам Гонорый 615, 616
- Киркор Францишек 509
- Киселев Николай Дмитриевич 415–417
- Киселев Павел Дмитриевич 180, 190, 438
- Киттары Модест Яковлевич 203
- Клапка Дьёрдь 575, 578, 584
- Кларендон Джордж Уильям 435, 664
- Клопфлейш Вильгельм 335, 337
- Клюк Кшиштоф 645
- Клячко Юлиан 442, 574, 648
- Кнот, владельцы фабрики 205
- Князевич (Княжевич) Кароль 384,
387, 388, 461, 463, 469, 485
- Ковалевский Юзеф 613
- Ковальский Феликс 721
- Коженёвский Александер 631
- Коженёвский Аполло (Аполлон) 628, 721
- Коженёвский Юзеф 619, 625, 628, 630,
646, 649
- Козёлл Миколай 521, 551, 553
- Козловский Винцентый 294
- Козловский Феликс 620
- Козловский Юзеф 74
- Козьмян Станислав 418, 509
- Кокуляр Александер 634
- Коловрат-Либштейнский Франц Ан-
тон, фон 385
- Коломб Фридрих Август Петер, фон 420
- Колонна-Валевский Александер Фло-
риан Юзеф, дипломат 388, 433–435,
437, 439
- Колонна-Валевский Александер, сенатор
139
- Кольшко Бенедикт 45, 49
- Кольшко Болеслав 583
- Комарницкий Александер 481
- Комаровская Элеонора 291
- Коморовский Игнаций 646
- Коморовский Юзеф 630
- Конарский Станислав 645
- Конарский Шимон 6, 284–292, 301,
305, 312, 329, 363, 488, 492, 493,
495, 496, 516, 521, 523, 604, 712
- Кондратович Людвик – см. Сырокомля
Владыслав
- Консальви (Консалви) Эрколе 146
- Константин Николаевич, великий
князь 360, 366–369, 444, 566, 664,
715, 716, 719, 725, 727
- Константин Павлович, великий князь
15, 16, 19–21, 23–27, 39, 60, 67, 91,
117, 134, 146, 154, 157, 271, 294, 403,
517, 604, 623
- Контский Аполинарый 631, 646, 647
- Коньяр Маурый (Мориц) 211
- Коперник Миколай 642, 646
- Коперницкий Изидор 616
- Копчиньский Онуфрый 645
- Копчиньский Петр 495
- Кор, драгоман 430
- Корабевич Эдмунд 467, 525
- Корацци Антонио 609, 641, 645
- Кордецкий Людвик 552
- Корзон Тадеуш* 81
- Корнелиус Петер 636
- Корнилов Александр Александрович* 113
- Коронини Иоганн 431
- Корсак Юлиуш 543
- Корчевский Юзеф 133
- Корчевский (Карчевский) Марцелий
Павел 357
- Косиньский Юлиан 611
- Косковский Владыслав 365, 589
- Космаля Ян 325
- Коссаковские 641, 644
- Коссаковский Валериан 300
- Коссаковский Станислав Иосифович 140
- Коссецкий Францишек Ксаверый 22,
96, 141, 172
- Костёловская Теофиля 75

- Костшевский Францишек 646
 Костошко Тадеуш 273, 288, 308, 329, 362, 645
 Косьминьский Юзеф 638
 Котецкий Матвей (Матеуш) 315
 Котовский Каспер 726
 Котовский Павел 148
 Коули (Веллесли) Генри Ричард 443
 Кохановский Михал 22
 Кохановский Францишек 337
 Кохановский Ян 646
 Коцебу Павел Евстафьевич 692, 701
 Кочубей Виктор Павлович 154, 603
 Кошут Лайош 336, 424–426, 543, 549, 575, 584
 Кошутский Ян 489
 Краевский Александр 296, 299, 303
 Краевский Генрык 328–333, 335, 337, 348, 535, 673, 674, 707
 Краевский Рафал 349, 683
 Крайтсир Кароль 463
 Краковский Антоний 476
 Красиньские, графский род 20, 361, 642, 643
 Красиньский Адам 631
 Красиньский Винцентый 104, 111, 117, 156, 605, 607, 623, 659
 Красиньский Зыгмунт 329, 349, 530, 544, 621, 623, 632, 649, 682
 Красиньский Изидор 90
 Красицкий Игнаций 645
 Красицкий Ксаверый 484
 Краусхар Александер 327, 682
 Крашевский Каэтан 646
 Крашевский Юзеф Игнаций 617, 619, 620, 628, 642, 646–649, 673
 Крейц Циприан Антонович 41, 64, 71
 Кремер Юзеф 619, 646, 648
 Кремповецкий Тадеуш 76, 463, 465–467, 470–475, 478, 480, 482, 483, 486, 488–490, 492, 498–501, 505–509, 518, 520, 521, 533
 Кривицкий Казимир (Кшивицкий Казимеж) 717
 Кроненберг Леопольд Станислав 350, 368, 619, 643, 673, 674, 695, 696, 706
 Кропивницкий Альфонс 641, 643
 Кросницкий Станислав 335, 337
 Кросс Кароль 485
 Круг В. 209
 Крузенштерн Александр Иванович 710, 713
 Круковецкий Ян 5, 35, 37, 75, 76, 78–81, 90, 92
 Круликовский Кароль 463, 493
 Круликовский Людвик 488
 Круликовский Ян 630
 Крыжановский Николай Андреевич 710
 Крыжтопор Адам – см. Потоцкий Томаш
 Крыньский Ян 551–553
 Крысиньская Цецилия 645
 Кудлич Бонавентура 630
 Кудревич, участник восстания 1830 г. 46
 Кужина Ян 349, 350, 575, 578, 579, 589, 590, 683
 Кулиговский (Куликовский) (Павел?) 480
 Кульчиньский Игнаций 480, 481
 Кунерт Иван 205
 Куприянов Иван Антонович 176
 Курнатовский Зыгмунт 139, 172
 Куровский (Аполинарый?) 488
 Курц Адольф 617, 670, 682
 Курц Александер 350, 617, 670
 Кухажевский Людвик 646
 Кучковский Томаш 604
 Кшеминьский Станислав 349
 Кшивицкий Ян 305
 Кшижановский Александер 541
 Лабендзкий (Лабенцкий) Хиероним Гилярый 647
 Ладновская-Ракевич Александра 630
 Лакомб, карбонарий 482
 Ламарк Жан Максимильен, де 475
 Ламартин Альфонс Мари Луи, де 416–419, 429, 430, 539
 Ламберт Карл Карлович 360–363, 707–709

- Ламеннэ Фелисите Робер, де 299, 300, 311, 338, 410
Ланской Сергей Степанович 667, 668
Ланци Франческо Мария 641–643
Лапиньская-Невяровская Валерия 630
Лапиньский Теофиль 440
Лапоннере А. (Альбер?) 297, 470
Ластейри (Шарль-Филибер?), де 471
Лафайет Мари Жозеф Поль, де 387–391, 463, 464, 471–474
Лаффит Жак 387
Лебрэн Александр 611
Левандовский Валентый 586
Левестам Генрык Фрыдерык 618
Левиньский Францишек 76
Левиту Генрык 647
Левиту Кароль 316, 317
Левицкий Михал 324, 328
Левицкий Цельс 315, 322, 328
Левшин Алексей Ираклиевич 666
Левшин Лев Ираклиевич 709
Ледерер Карл 706
Ледрю-Роллен Александр Огюст 569
Ледуховский (Ледоховский) Ян 72, 469, 496, 497, 550, 567
Лейхтенберг(ский) Максимилиан, герцог 532
Лелевель Иоахим 22, 28, 40, 41, 54–56, 72, 74, 76, 89, 119, 272, 274, 284, 285, 295, 312, 338, 395, 462–465, 467–478, 480, 483–484, 486, 489, 492–498, 511–522, 525, 526, 531, 532, 537, 560–562, 674
Лелевель Ян 479
Ленартович Теофиль 327, 338, 619, 626, 627
Леопольд I, бельгийский король 120, 401, 405, 407
Лепешкин Николай Васильевич 214
Лепковский Тадеуш 55, 81
Лесиньский Теофиль 647
Лессель Юзеф Гжегож Кароль 641, 642
Лессёр Александр 637, 639
Лесьневский Павел Эустахий 647
Лешновский Антоний 619
Либельт Кароль Фрыдерык 535–537, 621, 648, 649, 690
Ливен Дарья Христофоровна 388
Ливен Христофор Андреевич 388, 390, 394, 405
Лидерс Александр Николаевич 360, 365, 709, 710, 713, 714
Лимановский Болеслав 362
Линде Самуэль Богумил 157, 605, 645
Липиньский С. 516
Липранди Павел Петрович 176
Лисицкий Генрык 661–663, 679, 684, 696
Лисовский Александр 323, 325
Лист Ференц 625
Лобановский (Лабановский) Хиполит 46
Лобковиц Август-Лонгин 385, 386
Лобойко Иван Николаевич 604
Лонгворт Джон 404
Лоневский Леонард 481
Лубеньские 28, 690, 712
Лубеньский Генрык 148
Лубеньский Константый 712
Лубеньский Леон 615, 617, 647
Лубеньский Петр 181
Лубеньский Тадеуш 147, 148, 156, 157, 605
Лубеньский Томаш Анджей 37, 51, 52, 77, 81, 119, 179
Лубеньский Феликс 478
Луговцева Светлана Леонидовна 289
Луи Наполеон Бонапарт – см. Наполеон III
Луиза-Фернанда, испанская инфанта 415
Луи-Филипп I, французский король 386, 388, 389, 395, 400, 407–408, 415, 482
Лукашевич Леслав 495
Луле (ди Мендоса) Нуну Жозе 402
Луцевская Нина 615
Луцевская Ядвига 645, 647
Любецкий Францишек Ксаверый –

- см. Друцкий-Любецкий Францишек Ксаверый
Люблинский Людвик 674
Любомирская (урожд. Чарторыская) Изабела 642
Любомирские, княжеский род 352
Любомирский Ежи 421
Любомирский Казимеж 646
Любомирский Марцелий 581, 582
Люборацкий Грациан 304
Людвик Венгерский (Лайош I Великий), король Венгрии и Польши 639
Люце Владыслав 318
Лянгович Марьян 579, 582, 586
- Магницкий Михаил Леонтьевич 151
Мадзини Джузеппе 343, 423, 484, 486, 487, 490–493, 497, 498, 507, 512, 513, 520–522, 526, 527, 529, 540, 548, 556, 558, 569, 584
Маевский Винцентый 617
Маевский Кароль 349–351, 365, 575–577, 683, 690
Маевский Якуб 557
Мазуркевич Бенина 646
Мазуркевич Винцентый 527, 534, 535, 550, 588
Мазуркевич Леон 322, 323, 359
Майковский Ян 727
Майоркевич Ян 327, 351
Малаховские 696
Малаховский Владыслав 695, 696
Малаховский Густав 22, 55, 272, 392
Малаховский Казимеж 37, 78, 80, 81
Малаховский Станислав 530
Маленцкий Антоний 631
Малиновский Миколай 635
Малиновский Станислав 295, 297, 299, 514, 526
Малиновский Томаш 497, 516
Малиньский Павел 643–645
Малиш К. 487
Мальом Зофья 647
- Мальом Людвик 644
Мальгиц Франц Петрович 70, 386, 392
Мальч Вильгельм 645
Мальчевский (Адольф?) 488
Мальчевский Франц 271
Мандерстрём Людвиг 442, 443
Манин Даниэле 549
Манцель Юзеф 646
Маньковский Бенвенуто 332
Мария II, королева Португалии 402
Мария-Христина, королева Испании 402, 408, 432
Маркевич Станислав 645
Маркони Энрике 609, 641, 642, 644, 645
Маркс Карл 548, 552
Марцинковский Никодем 337
Марчевский Витольд 365
Маршанд Ян 334
Матий Фадей 215
Матушевич Винцентый 463, 488
Матушкевич Альфонс 639
Мацевич Станислав 480, 481
Мацевские (Мацеёвские) 615
Мацевский (Мацеёвский) Вацлав Александер 159, 168, 608, 613
Мацевский (Мацеёвский) Францишек 608
Мацкевич Станислав 699
Машковский Каспер 277, 287, 290
Медем Павел Иванович 403, 422
Мейендорф Петр Казимирович 409, 419
Мейербер Джакомо 630
Мейзнер (Ян?) 465
Мейснер Кароль Август 205
Мелжиньский Игнацы 61
Мельбурн Уильям 401
Мензингер Карел 540
Меншиков Александр Сергеевич 428
Мероде Филипп Феликс Балтазар, де 489
Мерославский Людвик Адам 7, 326, 334, 338, 349–351, 364, 365, 369, 429, 441, 442, 493, 524, 525, 527, 528, 535, 536, 540, 541, 545, 546, 549, 550, 563,

- 572–582, 586–592, 683, 689, 690
Местр Жозеф-Мари, де 647
Меттерних Клеменс Венцель Лотар,
фон 179, 282, 306, 357, 358, 385, 386,
388, 389, 397, 403, 404, 409–411,
530, 531, 547
Меттерних Рихард Клеменс Карл
Франц, фон 437
Мехмет-Али, турецкий министр 427
Мигель I, король Португалии 402
Мигурский Винцентый 480, 481
Микошевский Кароль 726
Микуловский, капитан 477
Милковский Зыгмунт 545, 550, 586,
587, 589, 619
Милковский Людвик 507
Миллер Иван Федорович 215
Миллер Карл Адамович 215
Милович Владзимеж Бенедыкт 583–585
Мильберг (Мюльберг) Генрих Отто 90
Мильде Карл Август 230
Милютин Дмитрий Алексеевич 448,
707, 714, 715
Милютин Николай Алексеевич 714
Минтер Кароль 646, 647
Миркович Федор Яковлевич 409
Мирский Теофиль 49
Михаил Николаевич, великий князь
714, 715
Михаил Павлович, великий князь 25,
50, 51, 80, 93, 94, 276
Михаловский Винцентый 335
Михаловский Петр 637, 638, 650
Михаловский Юзеф 478
Михальская Эмилия 287, 288, 291
Михальский Фрыдерык 290
Михеев Петр Петрович 215
Мицкевич Адам 311, 329, 330, 338,
349, 364, 392, 395, 422, 423, 429,
433, 467, 472, 473, 484, 533, 539–541,
543, 621–623, 627, 632, 645, 647–649
Мицкевич Владыслав Юзеф 584
Млодецкий Ян Непомуцен 532, 533
Млынарский Зыгмунт 324
Мневские 634
Модженьская-Курцьюш Юзефа 630
Модзелевский Михал 337
Моле Луи-Матье, де 401, 408
Молинари Алессандро (Луиджи?) 405
Мольер (Поклен) Жан-Батист 104
Мольсдорф Александер 497
Молятыньский Леон 646
Монтебелло (Ланн) Луи Наполеон
Огюст, де 438
Монюшко Станислав 625, 631–633,
646, 649
Моравский Тадеуш 462, 469
Моравский Теодор 75, 272, 387, 433, 473
Моравский Теофиль 28, 55, 272
Моравский Францишек 75, 90, 530, 531
Мордвинов Николай Семенович 239
Моренгейм Павел Осипович 294
Морзе Сэмюэл Финли Бриз 234
Морни Шарль Огюст Жозеф Луи, де 681
Морозевич Станислав 296–301, 303, 314
Мортемар (Рошешуар) Казимир Луи
Викторьен, де 387–390
Мостовский Тадеуш 384, 661
Мостовский Эдвард 615
Мохнацкий Маурыцьый (Маврикий)
22, 74, 103, 272, 312, 462, 463, 469,
484, 496, 619–621
Моцарский Ян 306, 307
Мрозовский Юлиуш 489
Мужиновский Антоний 636
Мулковский Стефан 295
Муравьев Михаил Николаевич 154
Мухаммед Али, египетский паша 402,
403, 406, 408
Муханов Павел Александрович 611,
671, 677, 678, 683, 684, 691–693, 698,
699, 701, 710
Мушвиц Герман 230
Мышковские 188
Мышковский Леон 646
Мюллер Ян 90

- Мьяновский Миколай 604
 Мьяновский Юзеф 613
 Набеляк Людвик 15, 76, 272, 347
 Нажимский Юзеф 583
 Назимов Владимир Иванович 615, 616, 667, 668
 Найт (Гелай) Генри 406
 Накваский Францишек 645
 Накрут, солдат 79
 Наливайко Северын 471
 Наполеон I, французский император 21, 67, 97, 141, 275, 387, 388, 390, 638, 645
 Наполеон III, французский император 427–429, 431–439, 441, 443–445, 448, 545, 549, 550, 558, 570, 662, 664, 676, 681–683, 689
 Нарушевич Адам 645, 647
 Натансон Якуб 613
 Невилль Губерт 205
 Неголевский Владыслав 557
 Нейгарт Павел Иванович 64
 Нейман Самуэль 646
 Нейман, деятель эмиграции 475
 Немоёвский (Немоевский) Бонавентура 72, 74, 75, 79, 80, 272, 462, 463
 Немоёвский (Немоевский) Винцентый 28, 55, 75, 271
 Немрава Януш – см. Конарский Шимон
 Немцевич Юлиан Урсын 21, 338, 394, 461, 462, 473, 490
 Непир (Нейпир) Фрэнсис 440, 445, 456
 Несиоловский Францишек Ксаверый 90
 Нессельроде Карл Васильевич 25, 65, 70, 283, 385, 386, 389–392, 394, 399, 403–406, 412, 417, 422, 435
 Нессельроде Федор Карлович 133, 134, 715
 Нешокоч Винцентый 493
 Нидецкий Томаш 631
 Нико Аполинарый 483
 Николай I, российский император 5, 13, 15–19, 21, 24–29, 38, 39, 41, 42, 53, 55, 63–67, 69, 89–91, 94, 95, 97, 100–102, 104–106, 111, 117, 120, 122, 132, 134, 137, 138, 141, 145–152, 158, 159, 161, 164, 166, 167, 171, 172, 175, 176, 180, 182, 185, 189, 225, 228, 230, 232, 239, 245, 271, 275, 276, 279, 290, 292, 293, 296, 316, 318, 319, 326, 334, 341, 342, 383–391, 394, 396, 400, 401–407, 409, 410, 412, 414, 416–418, 421, 425–428, 445, 462, 468, 499, 517, 522, 527, 603, 605–608, 615, 623, 636, 659, 660, 662, 666, 692, 693
 Никотера Джованни 578
 Новаковский Кароль 349
 Новаковский Юзеф 631
 Новаковский Ян 325
 Новицкий Наполеон 290, 481
 Новицкий Юзеф, генерал 21
 Новицкий Юзеф, подпоручик 485
 Новицкий, ксендз 489
 Новосельский Феликс 79, 467, 475, 479, 487
 Новосельский Юзеф 478, 491, 512, 519
 Новосильцев Николай Николаевич 151, 156, 605
 Новотный Леопольд 637
 Норблен Жан-Пьер 635, 636
 Норвид Циприан Камиль 317, 627, 648, 649
 Норманби Джордж 417
 Ностиц Григорий Иванович 176
 О’Брайен Джеймс 506, 507
 О’Коннелл Даниэль 468
 О’Коннор Фергюс Эдуард 506
 Оболенский Александр Петрович 139
 Оборский Людвик 467, 477, 479, 512, 520, 521, 551–554, 556
 Оборский Максимилиан 638
 Обреновичи, сербская династия 411
 Овербек Иоганн Фридрих 636
 Огарев Николай Платонович 571, 584
 Огиньский Михал Клеофас 632
 Одынец (Ордынец) Ян Казимеж 488

- Одынец Антоний Эдвард 392, 646
Одынецкий Антоний 519, 522, 523
Ожаровский Адам Петрович 139
Ожеховский, офицер 584
Ожешко Антоний 290
Окенцкий Адам 365
Оккипинти Игнацио 578, 579
Оксиньский Леопольд 316
Оксиньский Юзеф 583
Окунев Александр Гаврилович 163
Окунев Николай Александрович 138, 141, 163–165
Олеша Марьяна 291
Олещиньский Владыслав 647
Олещиньский Северын 638, 639
Ольшевский Михал 296, 299, 300, 303, 312
Омар-паша, главнокомандующий 431
Омециньский Якуб 645
Опик Жак 426
Оргельбранд Самуэль 616
Орденга Юзеф 429, 529, 549, 550, 584
Ордон Юлиан Константый 79
Орлов Алексей Федорович 319, 341, 394, 395, 434, 435, 664
Орловский Александер 636
Орпишевский Людвик 409, 410, 422
Орсетти Юстына 644
Освальды, подмастерья 335
Осиньский Кароль 646
Островская Юзефа 645
Островские, графский род 352
Островский Адольф 630
Островский Антоний Ян 29, 73, 272, 469, 471, 472, 514, 515
Островский Владыслав Томаш 22, 29, 53, 77, 272
Островский Людвик 315
Островский Станислав 472
Островский Томаш 670
Островский Юзефат Болеслав 28, 29, 476, 488, 496, 511, 512, 519, 520, 522
Островский Ян Винцентый 645
Остророг Михал 481
Очаповский Михал 170, 610
Очкин Петр Николаевич 140
Павликовский Юзеф 312
Павловский Игнаций Людвик 147
Паганини Никколо 631
Падлевский Зыгмунт 364, 579–584
Пален Петр Петрович 35, 407, 408
Пален Федор Петрович 96
Палиньская Соломея 630
Пальмерстон Генри Джон Темпл 388, 394, 395, 401, 402, 404, 408, 415, 417–419, 426, 427, 432–434, 437, 439, 440
Панкратьев Никита Петрович 176
Панмур (Моул) Фокс 431
Панцер Феликс 168, 609, 641
Панютин Федор Сергеевич 117, 176
Паскевич Иван Федорович 5, 6, 12, 13, 42, 63, 65–71, 74, 77–79, 89, 92–95, 98, 100, 102, 104–106, 113–124, 126, 128, 130, 132, 133–138, 140–146, 148–150, 153, 155–162, 165–169, 171–179, 182, 185, 189, 190, 219, 220, 275, 276, 282, 286, 293, 295, 296, 302, 304, 306, 307, 314, 316, 317, 324–327, 331, 334, 336, 341, 342, 409, 426, 531, 606–608, 610, 656, 657, 660, 684, 685, 687, 692, 697, 708, 710, 714, 717
Пасхалис Якубович 241
Пац Людвик Михал 21, 98, 141, 469, 472
Пашкевич Юлиан 365
Пашков Александр Васильевич 33
Пашкович Казимеж 479
Пашковский Дионизый 335
Педро IV, король Португалии в 1826–1828 гг. 485
Пек Адольф 638–640
Пеликан Вацлав 154, 603
Пелицаро Пауло 634
Пенёнжек Е. 522, 523
Пенёнжек Чеслав 523

- Пенчарский Феликс 636
Перроне ди Сан-Мартино Этторе 423
Перуджино Пьетро 637
Перье Казимир Пьер 387–389, 391
Пестель Павел Иванович 562
Петкевич Валериан 467, 476, 477, 481, 492, 493, 495
Петр I, российский император 145
Петровская Юлия 645
Петрониевич Авраам 412
Пиварский Ян Феликс 634, 636, 639, 640, 646
Пий VIII, папа Римский 146
Пий IX, папа Римский 410, 441, 442, 446, 544, 712
Пилиховский Северын 495
Пиллати Генрык 646
Пиллерсдорф Франц, фон 421
Пиль Роберт 403, 406
Пининьская Францишка 291
Пининьский (Пининский) Владыслав 291
Пининьский Эдвард 291
Пион Морис 631
Пиотровский Юзеф 722
Писарев Александр Александрович 139
Пищатовский Адам 466, 478
Платонов Валериан Платонович 694, 698, 704, 710, 713, 714
Плебаньский Юзеф Казимеж 613
Плихта Анжей 469
Паужаньский Игнаций Ромуальд 465, 470, 497
Плятер (Платер) Людвик 387, 388, 461, 463, 472, 485
Плятер Цезарый 473
Плятер Эдвард 272
Плятер (Платер) Эмилия 49
Погодин Василий Васильевич 176, 178
Погожельская-Мазуровская Юзефа 630
Подлевский Кароль 299–301, 303
Подолецкий Ян Кантый 534, 538, 545
Подчаский Владыслав 483
Подчашиньский Болеслав 639, 645
Подчашиньский Михал 387
Поль Винцентый 311, 626
Поль Кароль 638
Польковский Юзеф 636
Помаский Марцелий 482
Пониньский Станислав 478, 485
Понятовский Юзеф 141, 646
Попель Павел 533
Поплавский Леон 645
Поплавский, ксендз 478
Постемпский Роман 637
Потоцкая (урожд. Любомирская) Александра 645, 646
Потоцкая Дельфина 530
Потоцкая Клаудина 392
Потоцкие 189, 670
Потоцкий Август 352, 644
Потоцкий Адам 700
Потоцкий Александер, министр 670
Потоцкий Александер Станислав, сенатор-каштелян 635, 644
Потоцкий Антоний 117
Потоцкий Игнаций 644
Потоцкий Леопольд 275, 277, 617
Потоцкий Маурый 352
Потоцкий Панталеон 121
Потоцкий Родрыг 703
Потоцкий Станислав, генерал 21
Потоцкий Станислав Костка 154, 645, 646
Потоцкий Томаш 352, 660, 670, 671, 678, 690, 694
Потоцкий Францишек (Франциск) 117
Поццо ди Борго Карл Осипович 390, 391, 395, 399, 403–405
Пражмовский Адам Михал 154
Пришибыльский (Пшибыльский) Томаш 271
Прондзиньский Игнаций Панталеон 31, 36, 38, 41, 50, 51, 77, 79–81, 90
Прохоров Тимофей Васильевич 208, 241
Прушиньский А. 518

- Пугачев Емельян Иванович 562
Пугич 540
Пулаский Александр Казимеж 74, 465, 467, 470, 471, 482–484, 488–490, 500
Пулаский Шимон 463
Пульский Ференц Аурел 575
Пушет Антоний 49
Пушкин Александр Сергеевич 368, 464
Пушин Павел Сергеевич 176
Пфангаузер Францишек 634
Пфейфер Станислав 215
Пфуль Эрнст Генрих Адольф, фон 421
Пшевоцкий Каэтан 318
Пшевоцкий Юзеф 585
Пшездзецкий Александр 615, 717
Пшецишевский Антоний 463, 472
Пшецишевский Леон 487
Пшецлавский Юзеф Эмануэль 617
Пшиборовский Юзеф 613
Пшилуский Леон 420
Пшистаньский Станислав 618
Пюро Игнаций 322
- Рабцевич Владыслав 300, 303
Радзивилл Леон 426
Радзивилл Михал Гедеон 22, 28, 32, 37, 81, 90, 98
Радзыньская Юзефа 630
Рамзай Эдуард Андреевич 366
Раморино Джироламо (Иероним) 68, 77, 81, 92, 487
Рамотовская Францишка 723
Распайль Франсуа-Венсан 467
Рассел (Россель) Джон 417, 426, 437, 439, 440, 445
Раставецкий Эдвард 615
Ратацци Урбано 442
Ратульда Казимеж 295
Раутенштраух Юзеф (Иосиф Генрих) 22, 96, 98, 133, 135, 141, 142, 155, 164, 605, 629, 630, 645
Раух, флигель-адъютант 444
Рафаэль Санти 637
- Рачиньский, деятель эмиграции 488
Рачиньский Эдвард 409
Реад Николай Андреевич 314
Редель Якуб Антоний 90
Рей Доминик 480
Рейзенхайм Юзеф 541
Ренард Андрей (Андрей) 230
Реппан Бенъямин 205
Реппан Фрыдерык Август 205
Реттель Леонард 483, 488
Рехберг Иоганн Бернгард, фон 437
Рибопьер Александр Иванович 392, 396
Риволи Людвика 630, 631
Риволи Паулина 630, 631
Ридигер Федор Васильевич 44, 64, 68, 176, 386
Риего Рафаэль 44
Риттерсбург Людвиг 615
Рихтер Август 323
Рихтер Юзеф, артист 630
Рихтер Юзеф, художник 634
Рогальский Леон 619
Рогиньский Роман 583
Рогиньский Фердынанд 519
Родзевич Игнаций 290
Родкевич Александр 324
Родович Эдвард 716
Роек, каменщик 478
Розе, деятель эмиграции 489
Розен Григорий Владимирович 24, 35, 36, 40–42, 64, 92
Розен Матиас 645, 673, 674, 696, 700
Розмовский Феликс 315
Роланд Францишек 35, 70, 90, 386
Ролиньский Адольф Михал 481
Ролиньский Марцин 160
Романовы, царская династия в России 13, 27, 61, 666, 675
Росс Генри 527
Росляковский Антоний 482, 483
Рот Логгин Осипович 45
Ру Шарль 508
Рудановский Леонид Платонович 706

- Ружицкий Кароль 44, 347, 492, 495, 496, 519, 586
Ружицкий Самуэль 81, 92
Руликовский Мечислав 630
Румянцев Сергей Петрович 120
Рупневский Рох 466, 512
Рупрехт Кароль 348, 683, 719
Русевичи 645
Русецкий Канутый 634, 635
Рутковский Зазислав 357
Рыбинский Мацей 68, 81, 82, 92, 93, 392, 416, 558, 579
Рывацкая Людвика 630
Рылеев Кондратий Федорович 471
Рыль Людвик 367
Рыцерский Александр 639
- Савашкевич Лев 551
Савич Франц 289, 301, 305
Савичевский Константый 299, 300, 303
Сакен (Остен-Сакен) Дмитрий Ерофеевич 50
Салацкий Ян 73
Сангушко Наталья 644
Сапега Леон 387, 484
Сарнецкий Зыгмунт 488, 683
Сахновский Александр 584
Свежбеньский Марек 335
Свежбеньский Ромуальд 328–330, 332, 333, 335, 535
Свентославский Александр 466
Свентославский Зенон Болеслав 466, 500, 512, 551–553, 561
Свенцицкий Юзеф Габриэль Михал 477
Сверчевский Онуфрый 304
Свидзинский, депутат 72
Свирский Юзеф 272, 281, 484, 485
Себастиани де Ла Порта Орас Франсуа Бастьен 387–390
Сегюр дю Пейрон Пьер 439, 676, 682, 684
Семадени, владелец кофе 615
Семашко Иосиф 150
- Семеньский Люциан 335, 338, 496, 625, 646
Семянтковский (Сементковский) Томаш Ян 21
Сен-Арно Арман Жак Ашиль, де 429, 430
Сен-Жюльен, масон 463
Сенковская-Глюк Моника 113
Сен-Симон Клод Анри, де 470, 507
Сент-Бёв Шарль Огюстен 464
Сентра Пьер 430
Серавский Юлиан 469, 475
Серавский Ян 42
Сераковский Зыгмунт 364
Сикорский Станислав 75
Сиркур Адольф, де 418, 419
Скавроньский (Сковроньский) Винцентый 465
Скарбек Фрыдерык Флориан 241, 611, 618, 630, 692
Скаржиньский Александр 433
Скимборович Анна 327, 328
Скимборович Хиполит 327, 617
Скимборовичи 615
Скорытовский, эмиссар 481
Скриб Эжен 630
Скужевский Генрык 324, 518
Скульский Михал 315
Скурковский Кароль 412, 423
Скшинецкий Ян Зыгмунт 35–37, 41–43, 49–53, 56, 67, 68, 71–75, 77, 120, 272, 391, 401, 406, 412, 423, 511, 515, 647
Славейков Петко 441
Сливиньский Матеуш 638
Сливицкий Петр Михайлович 367
Словацкий Юлиуш 288, 329, 349, 364, 472, 488, 621–623, 625, 627, 647, 649, 712
Словачиньский Анджей 518
Словицкий Юзеф 516
Слотвиньский Константый 481
Смоковский Винцентый 636, 639

- Смуглевич Францишек 648
Снытко Трифон Галактионович 171
Снядецкая Людвика 647
Снядецкий Енджей 604, 617, 645
Снядецкий Ян 645
Собаньская Каролина 134
Собаньский Александер Удальрык 45
Собаньский Изидор 45, 462
Собещаньский Францишек Максимилиан 639
Соболев Михаил Иванович 121
Совиньская Катажина 355, 684
Совиньский Юзеф Лонгин 79, 355, 684
Сокольский Иосиф (Соколски Йосиф) 441
Сократ, древнегреческий философ 644
Солтык Роман 57, 272, 462, 463, 469, 490
Сомерсетская, герцогиня 407
Сперанский Михаил Михайлович 115, 160, 608
Сперчиньский Адам 478, 509
Ставицкий Эдмунд 670
Стадницкий Фортунат 301, 302
Стажиньский, шляхтич 481
Станевич Сильвестр 550
Станевич Эзехиель 469
Станевич Эмерик 479
Станислав Август (Понятовский), польский король 154, 157
Старокольский, чиновник 102
Старорыпиньская Юлия 291
Старынкевич Сократ Иванович 138
Сташиц Станислав 645, 661
Стемповский Леон 497
Стефан Баторий, польский король 639, 646
Стефаньский Валентый 479, 516
Стобницкий Ксаверый 324
Стойковский Теофиль 325
Стороженко Андрей Яковлевич 133, 176
Стратфорд-Каннинг Чарльз 419, 427, 430
Строганов Александр Григорьевич 69, 96, 155, 158
Строганов Сергей Григорьевич 242
Строганова Софья Владимировна 243
Стрончиньский Казимеж 615
Стрыеньский (Стрыиньский) Зыгмунт Кароль 81
Стрыйковский Ян 489
Стюарт (Коутс) Дадли 417, 418, 430, 431, 433
Суворов Александр Васильевич 42, 505
Сужицкий Томаш 335
Сузин Павел 583
Сулима (Сулема) Николай Семенович 117
Сулимерский Фаустын 275, 277, 278
Сульт Николая Жан 395, 408, 419
Сусло Бальцер 322, 325
Суходольский Януарый 636, 637
Сухозанет Николай Онуфриевич 176, 360, 361, 612, 694, 704–706, 709, 710
Сцегенный Доминик 324, 325
Сцегенный Кароль 324, 325
Сцегенный Петр 6, 185, 320–325, 328, 329, 339, 373
Сырокомля Владыслав 317, 619, 626, 631
Талейран-Перигор Шарль Морис, де 387
Тальони Филипп 631
Тарковский Алоизый 325
Тарновский Александер 630
Тарновский Антоний 630
Татаркевич (урожд. Бжезиньская) Антония 645
Татаркевич Францишек Ксаверый 645
Татаркевич Якуб 643, 645
Татишев Дмитрий Павлович 282, 385, 386, 397, 403, 414
Ташеньский Людвик 483
Тверницкий, деятель эмиграции 481
Тейнер Августин 410
Телеки Ласло 543

- Темлер Александер Фердынанд 215
Темлер Кароль Людвик 215
Тенгоборский Людвиг Валерианович 236
Тенишев Николай Иванович 142
Тизенгаузен Филипп Готгардт 26
Тильмс Петр 209
Тимофеев Василий Иванович 176
Тис Александер 692
Титов Владимир Павлович 412, 427
Товяньский Анджей 329, 347, 526, 533, 622, 623, 648
Токвилль Алексис, де 300
Толстой Алексей Петрович 140, 142
Толстой Петр Александрович 25, 63, 66
Толь Карл Федорович 64, 176, 231
Томицкий Ян 90
Томкевич Казимеж 516
Томмазео Никколо 540
Точиский Юзеф 674
Трембецкий Станислав 645
Трембицкий Станислав Адам 21
Трентовский Бронислав Фердынанд 329, 338, 530, 531, 544, 620, 621, 649
Трепов Федор Федорович 695
Трошель Вильгельм 630
Трощинский Феликс 331
Тувенель Эдуар Антуан 438
Туркул Игнаций (Игнатий Лаврентьевич) 115, 138
Турно Кароль 68
Турчинович Роман 630, 631
Тхужевский Михал 315
Тхужевский Нарцыз 336, 337
Тщинский Францишек 496
Тымовский Канторберый 462
Тымовский Юзеф (Осип Игнатьевич) 101, 140, 698
Тыссовский Ян 528
Тышиньский Александер 617
Тышка Виктор 520, 522, 532
Тышкевич Винцентый 277, 477, 488, 495, 512, 526, 531–533
Тышкевич Ежи 478
Тышкевич Рафал 615
Тышкевич Эустахий 615
Тышкевичи 644, 646
Тьер Луи Адольф 390, 408, 419, 515
Тьерри Луи 631
Уваров Сергей Семенович 124, 153, 155, 162, 163, 166, 167, 169, 317, 608
Удино Николя 423
Улятовская Текля 478
Улятовский Эугенюш 478
Уминьский Ян Непомуцен 37, 79, 469, 475
Урбаньский Петр 21
Урбаньский Теодор 168, 609
Уркарт Дэвид 403, 404
Урусские 642
Урусский Северын 678
Фалиньский 322
Фаль Михал 638
Фальковский Якуб 645
Фаянс Максимилиан 638–640
Фелиньская Эва 287–289, 291, 363, 712
Фелиньский Алоизый 288, 363
Фелиньский Герард 363
Фелиньский Зыгмунт Щенсный 363, 364, 442, 712, 716, 725
Фергюссон (Каттлар) Роберт 394, 468
Фердинанд Карл Иосиф (д'Эсте), эрцгерцог 386
Фердинанд I, австрийский император 412, 414, 421, 424
Фердинанд-Филипп, герцог Орлеанский 387
Фиалковский (Фиялковский) Антоний Мельхиор 148, 363, 690, 695, 702, 708
Фидлер Адольф 205
Фиевский Ксаверый 551
Фикельмон Карл Людвиг, фон (Шарль-Луи, де) 414, 419
Филипп II, испанский король 662

- Филлеборн Северын 624
 Фиркс Федор Иванович 660
 Флек Юлиуш Вольмар 638, 639
 Фогель Зыгмунт 635
 Фрайер Август 631
 Франковский Леон 349, 350, 722
 Франковский Станислав 349, 350, 722
 Франковский Ян 349, 350, 722
 Франц Иосиф, австрийский император 424, 425, 437, 681
 Франц I, австрийский император 385
 Фредро Александер 623, 624, 630, 631, 649
 Фредро Максимилиан 22
 Френкель Антоний Эдвард 222, 673
 Френкель Самуэль 222
 Фридрих Вильгельм III, прусский король 64, 70, 384, 392, 396
 Фридрих Вильгельм IV, прусский король 409, 414, 418–421
 Фридрихс Эдуард 205
 Фрончеквич Августын 613, 615
 Фуад-эфенди, посол 427
 Фурман Роман Федорович 96, 125, 126, 176
- Халубиньский Тытус 611
 Хацицкий Ян 509
 Хельцель Зыгмунт 661, 663
 Хенциньский Ян 630, 631
 Хилков Степан Александрович 47
 Хлаповский Дезыдерый 48, 70, 93, 386
 Хлебович Антоний Болеслав 146, 157, 606
 Хлопицкий Юзеф Гжегож 22, 23, 25, 27, 28, 31, 36, 37
 Хлюстина (в замужестве Сиркур) Анастасия Семеновна 418
 Хмелевский Роберт 497
 Хмелевский, каменщик 478
 Хмельеньский Зыгмунт 580
 Хмельеньский Игнаций 584, 586
 Хмельницкий Богдан Зиновий 471, 547
 Ходзько Игнаций 619
 Ходзько Леонард 387, 463, 464, 476, 496
- Ходзько Михал 422, 423, 463, 480, 481, 483
 Ходкевичи, графы 643
 Хойнацкий Ромуальд 636
 Хомановский Ян 630
 Хоминьский Михал 630
 Хороманьский Станислав 146, 644
 Храповицкий Матвей Евграфович 46
 Христиани Францишек Ксаверый 119
 Хрулев Степан Александрович 359, 360
 Хруцкий Ян 634
 Хрыстовский Адольф 497
 Хшановская Анна Дорота 637
 Хшановский (Хржановский) Войцех 42, 76, 77, 312, 422, 423, 431, 433, 540, 542, 544
 Хэроуби (Райдер) Дадали 433
- Цанков Драган 441
 Цверцякевич Юзеф 583–586
 Цеглиньский Юлиан 639
 Цезарь Гай Юлий 663
 Целиньский Юзеф Ян 644
 Цемская Эмилия 630
 Ценьковский Леон 613
 Цешковский Август 329, 338, 620, 621, 649
 Ципрысиньский Винцентый 492, 497
 Цыцурин Федор Степанович 611
- Чаадаев Петр Яковлевич 162
 Чайковский Антоний 611
 Чайковский Михал (Мехмед-Садык, Садык-паша) 411, 412, 426, 427, 430, 431, 543
 Чапский Юзеф Наполеон 387, 586
 Чарнецкий Антоний 272
 Чарнецкий Стефан 646
 Чарнецкий Феликс Юзеф 117
 Чарнецкий Юзеф 75
 Чарнецкий Ян 575, 590
 Чарновский Ксаверый 75
 Чарномский Роман 483

- Чарный-Завиша – см. Завиша Артур
 Чарторыская Зофья 352
 Чарторыская Изабела 243
 Чарторыские 461, 462, 468–470, 473, 482–485, 489, 530, 531, 542, 543, 549, 557, 559, 564, 566, 572, 592
 Чарторыский Адам Ежи 21, 22, 29, 41, 43, 49, 54–56, 66, 72, 73, 76, 77, 89, 98, 151, 156, 243, 272, 279, 281, 344, 345, 352, 356, 383, 385, 391–395, 400–403, 407, 410, 411, 416–418, 422, 423, 427, 429–433, 436–440, 461–463, 470, 479, 482, 484, 485, 490, 496, 511, 513, 517, 522, 530, 532, 537, 542, 544, 549, 564, 661, 677
 Чарторыский (Чарторыйский) Владыслав 432, 436, 439, 440, 443, 448, 564
 Чарторыский Константый Марьян 442
 Чацкие 44
 Чекерский Сильвестр 489
 Чекерский Юзеф 644
 Ченцкий Сильвестр 478
 Черепиньский Валентый 552
 Чернышев Александр Иванович 42, 95, 290, 302
 Чернышевский Николай Гаврилович 664
 Четвертынський Януш 272
 Чеховский, слесарь 478
 Чижевский Феликс Юзеф 35, 90
 Чижов Федор Васильевич 218
 Чиньский Ян 463, 465, 467, 471, 473, 475, 482, 483, 488, 493, 569
 Чмелевские 189
- Шаблинский Юзеф 631
 Шабраньский Антоний 617
 Шадов Фридрих Вильгельм, фон 637
 Шамиль, имам 405
 Шанецкая Э. 61
 Шанецкий Ян Ольрих 57, 59, 60, 272
 Шанявский Люциан 304, 317
 Шанявский Юзеф Каласантый 117, 156, 605, 645
- Шаппер Карл 552
 Шафарик Павел Йозеф 615
 Шаховский Станислав 583, 722
 Шаховской Иван Леонтьевич 34–37, 39, 52
 Шварце Бронислав 721
 Шварценберг Феликс 422, 425
 Шведе Людвик 215
 Швейковский Войцех Анзельм 157, 605
 Швенцкий Войцех 646, 647
 Шелеховский Францишек 483
 Шеля Якуб 528, 530, 547
 Шембек Петр 35, 37
 Шемёт Францишек 473
 Шидловский Игнаций 619
 Шилинг (Ян?) 475, 487, 488
Шильдер Николай Карлович 26, 82
 Шимановская-Бакалович Виктория 630
 Шимановский Вацлав 618, 631, 639
 Шимановский Ян 613
 Шиманьский Вениамин (Беньямин) 725
 Шинглярский Игнаций 74
 Шипов Сергей Павлович 168
 Ширма Крыстын Лех (Лях) 23, 490, 532
 Шишков Александр Семенович 151
 Шленкер Карл 215
 Шленкер Францишек Ксаверий 695, 696
 Шлик Франц Йозеф Генрих 425
 Шлянцовская Хелена 630
 Шмидт Генрык 613, 619
 Шнайде Францишек 534, 535, 541
 Шнорр фон Карольсфельд Юлиус 637
 Шокальский Виктор Феликс 611
 Шон Кароль 49
 Шопен Фредерик 625, 627, 631, 632, 645, 649
 Шпек Эдвард 277, 478
 Шрёдер Андрей Андреевич 392
 Штатлер Войцех Корнелий 634, 637, 648
 Штейнкеллер Петр 212, 213, 230
 Штиглиц Людвиг Иванович 239
 Штольпе Алоизый 630, 631

- Штольцман Кароль 338, 467, 478, 479, 487, 491, 493, 498, 508, 511, 512, 519, 521, 522, 526, 527, 529, 531, 532
- Штырмер Людвик 617
- Штюльпнагель, генерал 93
- Штюрмер Бартоломеус, фон 427
- Шуберт Михал Францишек 646
- Шувалов Иван Яковлевич 215
- Шувалов Петр Яковлевич 215
- Шульц Август 478
- Шумахер, карбонарий 463, 483
- Шуневич Наполеон 523
- Шустер Францишек 638, 639
- Щепановский Ян 295
- Щербатов Александр Петрович* 38, 64, 113
- Эбергард Генрих Вильгельм 639
- Эванс Анджей 213, 241
- Эванс Томаш 213, 241
- Элиашевич Петр 140
- Эльбинг Абрахам 209
- Эльжановский Северын 351, 549, 550
- Эльснер Юзеф 631, 647
- Энгель Федор Иванович 26, 69, 95, 96, 98, 104, 136, 155, 183
- Энгельке Александер 160
- Энгельс Фридрих 548, 552
- Эпштейн Герман 230
- Эпштейн Николай 673
- Эпштейн Юзеф (Осип) 222
- Эренберг Густав 294–300, 302–305, 329, 516
- Эссман Юзеф 516
- Эстрайхер Кароль Юзеф 613
- Юргенс Эдвард 350–352, 674, 683, 689, 690
- Яблоновские 644
- Яблоновский Максимилиан Антонович 117, 644
- Яблоньский Леон 532
- Ядвига, польская королева 639
- Якубович Максимилиан 620
- Якубовский Генрык 497
- Ян II Казимеж Ваза, польский король 639
- Ян III Собеский, польский король 642, 646
- Янжул Иван Иванович 217, 231, 237
- Янион Марья* 311
- Яниц Валентый 323
- Яницкий Александер 644
- Янко Генрык 478
- Янковский Антоний 68, 73, 74
- Янковский Нарцыз (Нарциз) 349, 350, 575, 683
- Яновский Ян Непомуцен 297, 463, 465, 466, 474, 488, 497, 568
- Янушевич Теофиль 429, 529, 538
- Янушкевич Эустахий 473, 483, 488
- Яньский Богдан 488
- Ярке Карл Эрнст 396
- Яроховский Казимеж 619
- Яроцкий Феликс Павел 646
- Ярошиньский Людвик 367, 716
- Ясиньский Ян Томаш 630, 631
- Ясневский Владыслав 349
- Ястжембовский Войцех 610
- Ястшембский Людвик 489
- Яхович Станислав 646, 647

Научное издание

МЕЖ ДВУХ ВОССТАНИЙ.
КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ И РОССИЯ
В 30—50-Е ГОДЫ XIX В.

Корректор М. Н. Толстая
Дизайн-макет А. С. Старчеус

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: market@indrik.ru

or by tel.: +7 495 938-01-00

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.

48,5 п. л. Тираж 800 экз.

Отпечатано с оригинал-макета

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

В подготовленном коллективном труде впервые в российской историографии рассматривается в целом комплекс проблем, оказавших существенное влияние на взаимоотношения России и Королевства Польского в 30–50-е гг. XIX в. в рамках Российской империи. Значение названного периода определяется польскими восстаниями 1830 и 1863 гг., ставшими его рубежами как по существу, так и хронологически. В центре внимания авторов – перемены в политическом строе Королевства Польского после поражения восстания 1830–1831 гг., польская политика царизма и реакция на нее польского общества, возникновение и развитие освободительного движения в Королевстве Польском и попытки национальных выступлений. Комплекс проблем, исследованных в монографии, включает в себя также вопросы социально-экономического развития Королевства Польского и национальной культуры польского народа. Исследование многогранных российско-польских политических, общественных и культурных связей позволило авторам создать картину внутренней жизни Королевства Польского и показать как роль «польского вопроса» в XIX в. на международной арене с учетом позиции европейских держав и общественного мнения Запада, так и общественно-политическое значение польской «великой эмиграции» и ее различных течений в борьбе за освобождение родины, а также роль польского эмигрантского сообщества в развитии политических и идейных связей с революционным движением в Европе и в России.

9 785916 743692